

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**

Философия и социальные науки в современном мире

**Материалы
международной научной конференции
к 30-летию факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета**

Минск, 26–27 сентября 2019 г.

**МИНСК
БГУ
2019**

УДК 1(06)+3(06)
ББК 87я431+60я431
Ф56

Редакционная коллегия:

В. Ф. Гигин (пред.), А. И. Авин, Т. И. Ачинович, Е. В. Беляева,
В. А. Дворецкая, Е. Н. Зуева, И. И. Калачева, О. В. Кобяк, Е. Е. Кучко,
И. И. Лещинская, В. Т. Новиков, А. С. Солодухо, О. В. Терещенко,
Г. А. Фофанова, Ю. Г. Фролова, Е. В. Хомич

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *И. А. Фурманов*;
кандидат философских наук, доцент *Д. Г. Доброродный*

Философия и социальные науки в современном мире : материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 775 с.

ISBN 978-985-566-807-8.

Представлены материалы международной научной конференции «Философия и социальные науки в современном мире». Рассматриваются проблемы современной философии и методологии науки, перспективы развития современной культуры, социологической науки и образования, психологического консультирования, социальной работы и проектирования, актуальные вопросы психосоциальной адаптации в трансформирующемся обществе и коммуникации в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании.

Адресуется широкому кругу читателей.

УДК 1(06)+3(06)
ББК 87я431+60я431

УДК 378

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Ф. Гигин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Gigin@bsu.by

Аннотация. Речь идет об истории развития социальных наук в ведущем вузе Беларуси. Обобщаются достижения ученых-гуманитариев БГУ. Приводится авторская периодизация истории гуманитарных наук в советский период. Обозначены перспективы научной и образовательной деятельности факультета философии и социальных наук.

Ключевые слова: *БГУ; факультет философии и социальных наук; философия; социология; психология; социальная коммуникация; социальная работа.*

SOCIAL SCIENCES AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: TRADITIONS AND PROSPECTS

V.F. Gigin

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The author is talking about the history of the development of social sciences in a leading university in Belarus. The achievements of BSU humanity scientists are summarized. The author periodizes the history of the humanities in the Soviet period. The prospects of scientific and educational activities of the Faculty of Philosophy and Social Sciences are outlined.

Keywords: *BSU; Faculty of Philosophy and Social Sciences; Philosophy; Sociology; Psychology; Social Communications; Social Work.*

Вопрос, какие именно научные дисциплины можно отнести к социальным и насколько данное определение коррелируется с другим – общественные науки – остается открытым. Учитывая, что данная конференция посвящена 30-летию ФФСН, будем считать, что к социальным мы относим те дисциплины, которые представлены на указанном факультете: философию, социологию, психологию, а также появившиеся относительно недавно социальную коммуникацию и исследования в области социальной работы.

Развитие социальных наук в БГУ отражает сразу несколько тенденций. Во-первых, отношение к гуманитариям в обществе в целом. Во-вторых, динамику общественно-политической ситуации, от которой напрямую зависели данные науки. А порой они и сами определяли или даже предопределяли разви-

тие общества.

Изучение и преподавание социальных дисциплин в ведущем вузе Беларуси в советский период можно разделить на несколько этапов. Главный критерий такой периодизации будет заключаться в отношении власти к наукам, изучающим общество.

Первому периоду можно дать определение пролетарского революционаризма. Фактически он отражал веру представителей и сторонников правящей партии в то, что вооружившись самым передовым социально-политическим и философским учением, можно осуществить коренные преобразования общества в невиданном ранее масштабе. При этом в научной и образовательной сфере поначалу наблюдался значительный плюрализм. Достаточно свободно конкурировали между собой такие течения, как социальный дарвинизм, фрейдизм, генетическая социология, социальный энергетизм. Но даже их адепты должны были выстраивать свои теории в соответствии с марксистским пониманием закономерностей развития общества. Правда, и сам марксизм преподавался творчески, допускалась определенная свобода в его трактовках и понимании. В первые годы советской власти для того, чтобы стать успешным большевиком, нужно было прослыть не только умелым организатором, но и проявить определенные знания марксистской теории, применять ее в дискуссиях и агитации.

Большевики, пришедшие к власти в 1917 г. и создававшие в 1921 г. БГУ, уделяли огромное внимание общественным наукам. Ключевую роль в этом сыграло то, что основой их идеологии являлся марксизм – учение, оказавшее значительное влияние не только на политические практики, но и на развитие философии, экономики, социологии, исторической науки. Один из основателей БГУ С.З. Каценбоген писал: «Марксизм представляет собою такое мировоззрение, которое, на основе диалектического метода, устанавливает единую всеобщую закономерность в природе и обществе» [1, с. 183]. Также он считал, что элементами марксизма, тесно связанными между собой, являются философия, социология, экономическое учение и научный коммунизм, или ленинизм.

Базой для развития социальных наук в БГУ стал факультет общественных наук. На нем первоначально готовили экономистов и юристов, но именно там были созданы первые кафедры социально-гуманитарного профиля. Практически сразу вышли в свет и первые публикации на данную тематику. В 20-е годы очень продуктивно трудился в БГУ известный российский философ В.Н. Ивановский, в прошлом ученый секретарь московского журнала «Вопросы философии и психологии», который оказывал значительное влияние на интеллектуальную жизнь России на рубеже XIX и XX вв. В Минске В.Н. Ивановский издал свои фундаментальные работы: «Логика истории как онтология единичного» и «Методологическое введение в науку и философию». Именно они стали отправной точкой развития социальных наук и в БГУ, и в современной Беларуси.

В 1922 г. в Минске была опубликована работа «Диалектический материализм» С.Я. Вольфсона. Она была принята в качестве учебника в советских ву-

зах и выдержала семь изданий [2, с. 328]. Кстати, С.Я. Вольфсона можно считать и одним из основоположников социологической науки в Беларуси, поскольку именно ему принадлежит авторство работы «Социология брака и семьи» (1929). Двумя годам ранее вышла коллективная монография «Рабочая молодежь в Беларуси». Она была подготовлена сотрудниками кафедры социальной гигиены БГУ во главе с Б.Я. Смулевичем. На стыке философии, социологии и психологии находилась весьма передовая для своего времени работа С.М. Василейского «Введение в теорию и технику психологических, педагогических и психолого-технических исследований» (1927 г.). Как видим, основоположников социальных наук в нашем университете волновали во многом те же научные проблемы, что и современных продолжателей их дела.

Постепенно в 30-е годы общественные науки в нашей стране вступили в новый период своего развития, который можно назвать сталинским догматизмом. Он характеризуется рядом основных черт. В научных исследованиях и преподаваемых дисциплинах господствовал исключительно менторский безапелляционный стиль. Резко уменьшилось количество публикуемых монографий, ограничивается и число журналов, в которых ученый мог издать свои статьи. Показательны и названия работ этого времени: «Фальсификация марксизма современным социал-фашизмом» (Р. Выдра), «Ленин в борьбе за пролетарский интернационализм» (И. Ильющин) и др.

Происходила абсолютизация и даже фетишизация социальных противоречий, постоянно подчеркивался классовый характер любого социально-философского учения. Удивительным образом философия, признававшаяся едва ли не матерью всех наук, была посажена под домашний арест партийно-бюрократических штампов и неосхоластических догматов.

В этот период заметно усиливается централизация даже в смысле развития теории марксизма. Отныне все ключевые идейные установки формулировались только в союзном центре и далее спускались в регионы, в том числе союзные республики. Никакой автономии в этом смысле не допускалось. Местное своеобразие можно проследить лишь на подборе тех персоналий, которые подвергались критике как представители «буржуазного национализма». В БССР наиболее пристрастному критическому разбору с обвинительным уклоном подверглись работы В.М. Игнатовского и М.В. Довнар-Запольского.

Дискуссия была возможна только в смысле оппонирования «буржуазным фальсификаторам». Апогеем сталинского догматизма стало первое послевоенное десятилетие. А его символом – философская дискуссия 1947 г. Непосредственно сама «дискуссия», проходившая в июне 1947 г. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, являлась финалом целой кампании, которую можно назвать «идейно-административной ревизией» всего развития советской философской школы. Сам организатор дискуссии дал такую оценку состоянию дел в советской философии: «Что же касается наших профессионалов-философов, заполняющих институты философии и философские кафедры учебных заведений, партийных школ, то никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказал ни одной новой

мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии» [3, с. 190]. Учитывая расширительное представление о философии того времени, эту оценку можно отнести и к социологии, и, в определенном смысле, к психологии.

Показательно и то, что именно в 1947 г. на историческом факультете БГУ открывается отделение философии. Хотя кафедра философии на факультете работала уже с марта 1941 г. Более 30 лет кафедре диалектического и исторического материализма возглавлял В.И. Степанов, в значительной степени определявший развитие социальных наук в БГУ. Уместно особо подчеркнуть, что сам исторический факультет был наиболее идеологизированным, поскольку готовил, в том числе кадры для партийных органов. В том же 1947 г. открылось отделение логики, психологии и русского языка, организационной основой для которой стала объединенная кафедра педагогики и психологии. Первое время логики и психологи, как видно из названия отделения, базировались на филологическом факультете. Показателем эффективности работы отделения говорит тот факт, что среди студентов его первого выпуска значился И.М. Розет, ставший затем известным психологом и педагогом.

Тогда же кафедры диалектического и исторического материализма открываются в ряде вузов республики. Было очевидно желание власти воспитать новое поколение гуманитариев, целиком преданных идеям правящей партии.

В середине 50-х годов XX в. вместе с «оттепелью» начинается и новый этап развития социальных наук в нашей стране. Его можно назвать «советским академизмом». Ученые и преподаватели оставались в рамках марксизма-ленинизма, но постепенно уменьшался догматизм предшествующей эпохи. Наряду с убежденностью в верности и непогрешимости марксистских канонov все большее значение приобретали сугубо научные методы. Резко интенсифицировалась публикационная деятельность отечественных ученых. В 1957 – 1967 гг. в БССР в свет вышло 50 монографий, свыше 120 брошюр, около 815 статей по социально-философским наукам [2, с. 333]. Ученые БГУ принимали активное участие во Всесоюзной конференции «Изменения социальной структуры советского общества», которая проходила в 1966 г. в Минске. Этот научный форум, на котором имела место живая и достаточно открытая дискуссия, стал этапным для развития социальных наук не только в БССР, но и Советском Союзе в целом. В этом же году после некоторого перерыва в полном объеме было восстановлено отделение философии на историческом факультете.

В 70-80-е годы одним из магистральных направлений исследования белорусских обществоведов стал научный атеизм. БГУ была уготована роль центра атеистического воспитания и пропаганды. Наиболее репрезентативно в этом плане выглядят работы Г.М. Лившица. Следует особо отметить, что оставаясь в жестких идеологических рамках, этот исследователь все же пытался разобраться в историко-религиозных перипетиях рассматриваемых проблем.

Весьма тернистым был путь развития социологической науки в СССР. Без преувеличения можно сказать, что на протяжении долгих десятилетий главным институтом изучения общественного мнения в стране являлись орга-

ны государственной безопасности. Регулярно (раз в одну-две недели) для высшего руководства республики они составляли обзор настроений среди различных категорий граждан. В таких отчетах содержались общие оценки общественных настроений и высказывания отдельных представителей той или иной социальной группы с конкретными персональными данными. Долгое время считалось, что этого вполне достаточно для понимания того, как граждане смотрят на происходившие в государстве и обществе социально-политические и экономические процессы.

Правда, еще в 20-е годы предпринимались попытки научного изучения общественного мнения, обобщения статистических данных. Однако важнейший шаг к институциональному оформлению социологии в республике был сделан в 1967 г., когда в БГУ создали Проблемную научно-исследовательскую лабораторию социологических исследований (ПНИЛСИ), которую возглавил член-корреспондент АН БССР И.Н. Лущицкий. Доктор философских наук, профессор Г.П. Давидюк, возглавлявший кафедру философии БГУ, открыл подготовку профессиональных социологов, написал первые учебники по социологии, создал сектор прикладной социологии. В своей работе ПНИЛСИ и сектор прикладной социологии учитывали новейшие тенденции развития мировой науки, зачастую опережая своих коллег не только коллег в других союзных республиках, но и в союзном центре. Так, в 1979 г. в лаборатории была создана группа по изучению массовой коммуникации.

Трудно переоценить вклад в развитие как философии, так и всех социальных наук в БГУ выдающегося отечественного мыслителя В.С. Степина. Не ставя сейчас целью провести подробный анализ его научного наследия, следует отметить все же некоторые существенные моменты. В минский период своего творчества ученый сосредоточился на разработке теории познания, философии и методологии науки. Смеем предположить, что это было вызвано не только личными эпистемологическими пристрастиями, но и желанием вырваться за пределы детально регламентированной марксистско-ленинской философии. В значительной степени ему это удалось. Настоящим глотком свежего воздуха стали организованные ученым методологические семинары. Степинская философия науки является, пожалуй, наиболее существенным отечественным вкладом в мировую философию в XX в.

Даже психология в советское время на определенном и достаточно продолжительном этапе рассматривалась как часть философской науки. В фундаментальной «Истории философии в СССР» откровенно говорилось: «История советской психологии – это первый опыт применения в психологической теории марксистских философских принципов и, вместе с тем, первый опыт развития психологической науки в условиях нового общественного строя» [4, с. 734]. Несмотря на значительные идеологические ограничения, университетской психологии удавалось продвигать актуальные исследования, расширять горизонты обучения студентов. Значительная научная и прикладная работа велась на образованной в 1976 г. самостоятельной кафедре психологии, которую семнадцать лет возглавлял Р.И. Водейко.

Как отмечал А.Н. Елсуков, совершенствование гуманитарного образования в БГУ в 70-е годы XX в. во многом было связано с именем ректора В.М. Сикорского, историка и «чистого гуманитария» [5, с. 239].

Перестройка, объявленная руководством страны в 1985 г., вызывает противоречивые оценки у исследователей. Однако трудно отрицать, что активизация социально-политических процессов в стране, гласность, способствовали росту интереса к актуальным исследованиям закономерностей и состояния общества. Постепенно, хотя и очень медленно, отступала монополия марксистско-ленинской методологии изучения социума. Эти изменения происходили не сразу. Стоит отметить, что преподавание различных дисциплин марксистско-ленинской философии продолжалось вплоть до распада СССР.

В определенном смысле переломным событием стало постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», которое вышло в 1988 г. Ученые нашего факультета спустя четверть века после появления этого документа справедливо отмечали: «Вновь правящей элите понадобилась наука революций, наука действия, наука управления массами, наука, изучающая настоящее и прогнозирующая будущее, наука об обществе реальном, в котором живет, мыслит, совершает поступки человек со своими проблемами и радостями» [6, с. 49]. В итоге принятия данного документа по всему СССР стали открываться социологические факультеты и отделения, создаваться соответствующие кафедры. Постепенно изучение общественного мнения становится одной из главных задач гуманитарной науки в стране. В июне 1989 г. в БГУ, учитывая мнение руководства исторического факультета, было принято решение создать новый философско-экономический факультет из трех отделений: философия, социология и политэкономия. Его возглавил известный ученый, доктор философских наук, профессор А.Н. Елсуков.

Распад СССР привел к кардинальным, в том числе мировоззренческим, переменам в развитии гуманитарных наук. Особенностью нового периода стала практически полная свобода в выборе тематики исследования, значительное увеличение (в два раза) количества преподаваемых гуманитарных дисциплин. Ставилась цель гуманизации всего высшего образования. В этих условиях вновь созданный факультет расширял сферу своей деятельности. В 1993 г. к нему была присоединена кафедра психологии. В 1999 г. создана кафедра социальной коммуникации и начата подготовка студентов по новой специальности «информация и коммуникация».

90-е годы характеризовались резкой активизацией контактов белорусских ученых со своими зарубежными, прежде всего, западными коллегами. Это оказывало существенное влияние и на мировоззрение преподавателей, методологию исследования, структуру преподаваемых курсов. Доступными стали многочисленные издания, либо вообще ранее не поступавшие в СССР, либо скрытые в спецхранах библиотек. Безусловно, подобные изменения должны были дать импульс к новым и разносторонним исследованиям. Но сейчас уместно задаться вопросом: сумели ли мы переварить весь этот объем информации? Более того,

удалось ли нам в полной мере использовать тот мощный креативный заряд? И это вопрошание отнюдь не риторическое. Для поиска ответа мы должны критически переосмыслить пройденный тридцатилетний период.

И все же сделано было немало. ФЭФ стал, без преувеличения, самым динамично развивающимся факультетом БГУ. Через десять лет после создания он включал семь отделений. Со всей очевидностью нарастала проблема управляемости такой большой и сложноорганизованной структурой. Обосновывая целесообразность разделения в 1999 г. ФЭФ на два самостоятельных факультета А.И. Зеленков отмечал: «Экономическое образование в университете должно было развиваться в дальнейшем в рамках относительно автономной и самостоятельной программы, учитывающей специфические особенности и технологии обучения в сфере экономики, финансов, бизнеса и т.д. И хотя конструктивный диалог философии и экономики всегда был на пользу делу, задачи интенсивного развития социально-гуманитарного образования в университете настоятельно потребовали пойти на эту структурную перестройку. Особенно остро это ощущалось в области тех наук и направлений профессиональной подготовки, которые всегда составляли основу философско-экономического факультета» [7, с. 2]. В этих словах – логика того решения, которое приняли и реализовали в марте 1999 г., когда ФЭФ был разделен на два факультета: экономический и философии и социальных наук.

Под руководством деканов А.И. Зеленкова и А.В. Рубанова была проведена огромная работа по организации взаимодействия между различными отделениями факультета, гуманизации всей системы преподавания в БГУ.

Чтобы завершить историю организационных преобразований, осталось добавить, что в 2018 г. в состав ФФСН были включены еще две кафедры: общей и клинической психологии, а также социальной работы и реабилитологии. На факультете, таким образом, оформились два научно-образовательных профиля: социально-гуманитарный (философия, социология, социальная коммуникация) и социально-психологический (психология и социальная работа).

В настоящее время перспективы развития социальных наук в БГУ определяются, с методологической точки зрения, теми актуальными вопросами, которые волнуют наших коллег-гуманитариев во всем мире. Вместе с тем, присутствует и национальная специфика. Она диктует необходимость дальнейшей разработки истории интеллектуальной мысли Беларуси, наших гуманитарных связей с другими странами и регионами мира. Уже сейчас мы наблюдаем рост востребованности социологических исследований, в том числе прикладных. В ближайшее время эта тенденция только усилится. Можно ожидать даже своеобразный ренессанс заводской социологии, появление своеобразной корпоративной социологии. Как никогда ранее, актуальны коммуникативные исследования. Проблема дальнейшей институционализации социальной коммуникации как особой научной дисциплины на стыке философии, социологии и психологии является одной из магистральных линий развития факультета. Большой накопленный опыт в психологических исследованиях можно смело распределить между двумя ключевыми направлениями: социальной и меди-

цинской психологией. Очевидно, необходимо более продуктивно разрабатывать психологические аспекты миграции, поведения человека в сети Интернет, различного рода новых зависимостей, которые появляются в этой связи. Отделение социальной работы, сохраняя свое высокое прикладное значение, имеет большой потенциал для развития научных изысканий в сфере обобщения опыта социального проектирования, анализа наиболее эффективных и современных способов социальной помощи и реабилитологии.

Уникальность факультета философии и социальных наук, которая заключается в его междисциплинарности, может дать серьезные преимущества всему Белорусскому государственному университету. В этой связи не лишним будет напомнить, что во «Всемирной Декларации о Высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», принятой в октябре 1998 года на Международной конференции по высшему образованию, которая проходила в Париже под эгидой ЮНЕСКО, рекомендовалось поощрять трансдисциплинарность программ учебного процесса и учить будущих специалистов использовать трансдисциплинарный подход для решения сложных проблем природы и общества» [8]. Ученые, которые работают на ФФСН, способны многие актуальные проблемы рассматривать именно с позиций междисциплинарного подхода. Правда, на этом пути мы делаем только первые шаги.

Нынешняя конференция посвящена 30-летию ФФСН, но совершенно очевидно, что история социальных наук в БГУ куда более долгая и тесно связана не только с развитием самого университета, но и всего общества. В этом и заключается миссия факультета: с одной стороны, объективно анализировать те процессы, которые происходят в нашем обществе, а с другой – воспитывать новые поколения белорусской интеллигенции.

Библиографические ссылки

1. Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / А.Г. Кохановский, О.А. Яновский, А.Н. Данилов [редкол.]. Минск : БГУ, 2019. 263 с.
2. История философии в СССР / АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова. М. : Наука, 1968 – 1988. Т. 5. Кн. 2 / В.Е. Евграфов, Л.А. Коган, В.С. Кружков и др. 1988. 575 с.
3. Косичев А.Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 383 с.
4. История философии в СССР / АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова. М. : Наука, 1968 – 1988. Т. 5. Кн. 1 / В.Е. Евграфов, Л.А. Коган, В.С. Кружков и др. 1985. 799 с.
5. Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения / А.Н. Данилов [отв. ред.]. Минск : БГУ, 2016. 279 с.
6. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания / А.Н. Данилов [отв.ред.]. Минск : БГУ, 2014. 230 с.
7. Факультет философии и социальных наук [Бел. гос. ун-та]. Б.м., 2002. 39 с.
8. UNESCO on the World Conference on Higher Education (1998). Higher Education in the Twenty-First Century: Vision and Action. Available [Electronic resource]. Mode of access: <http://perso.club-internet.fr/nicol/ciret/english/charten.htm>. Date of access: 14.06.2019

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

А.К. Мамедов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, 119991, Москва, Российская Федерация
akmnauka@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществляется проблемный поиск и конструирование объяснительной модели причин и тенденций развития социального неравенства в эпоху информационного общества. Автор последовательно доказывает, что неравный доступ к образованию становится основой новой формы социального неравенства. Обосновывается тезис, что уникальные навыки и образование являются решающим ключом к приобщению к творческим и креативным профессиям. Рассматриваются контуры социального механизма для формирования новых социальных страт из числа тех, кто создает специальные знания и владеет инновационными знаниями.

Ключевые слова: *социальное неравенство; информационное общество; социогенез; технократы; интеллектуальные работники; инновационные работники; креативные профессии.*

SOCIAL INEQUALITY: A NEW ONTOLOGY AND VARIABILITY IN THE INFORMATION EPOCH

A.K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Annotation. This publication carries out a critical search and construction of an explanatory model for the causes and trends of social inequality in the society of the information era. Author argues that unequal access to education acts as the basis for a new form of social inequality. The thesis that is being substantiated here is that unique skills and education are the decisive key to becoming involved in a creative and creative profession, and considers the image of the social mechanism for the formation of new social strata from among those who create special knowledge and possess innovative knowledge.

Key words: *social inequality; information society; sociogenesis; technocrats; intellectual workers; innovative workers; creative professions.*

Новый век обозначил иное прочтение культурного контекста, характеризующееся «переживанием» новых социальных трендов; каждая из сфер социальной реальности ощутила системное воздействие информационной революции. Происходит тотальная информатизация и сциентизация быта. Расширение доступа к информации становится стимулирующим фактором системного изменения уровня жизни, формирования новых социальных практик и нового социального устройства – «информационного». Как отмечал У. Мартин, «качество жизни, так же как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и ее использования. В таком обществе стандарты

жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [13, с.40], и поэтому информация начинает восприниматься как главный ресурс и вектор развития общества, детерминирующего фактора современного социогенеза. Но также информация и знание приобретают черты главных ресурсов и источников социального богатства в рамках динамики современного общества. В современной эпохе образование меняет системное предназначение, теряет, по сути, функции социального лифта, заменяя ее стигматизацией [6, с. 23]. Еще Д. Белл констатировал, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии» [1; с. 32]. С появлением упомянутого выше класса интеллектуалов с его базовыми свойствами, информация начинает восприниматься в качестве основы и критериев процесса образования новых социальных страт, т.к. основной принцип формирования подобных страт характеризуется: владением информацией и подключенностью к знанию. В итоге формируется кардинально новый критерий классового деления – доступ к качественному образованию. В современном обществе диплом престижного вуза становится не только (и не столько) маркером знаний, но и доминантным социальным лифтом.

С другой же стороны, – информация является наименее демократичной, в связи с тем, что доступ к ней отнюдь не означает автоматического владения ею. Происходит качественная метаморфоза в процессе собственнических отношений, вместе с которой меняется и социальная структура. Решающими факторами приобщения к этому ресурсу являются интеллект, креативность, яркость личностного начала. Информационное общество уникально, т.к. в нем основным критерием принадлежности к высшему классу является умение распоряжаться материальными благами. Кажущаяся доступность образования в новую эпоху не снижает те реальные барьеры, которыми новый класс «ограждает» себя.

Современные общества имеют собственный вариант объяснения социального неравенства - построения своей карьеры на основе демократичности современной культуры. На сегодняшний день в развитых странах уровнем образования определяется социальный статус человека и – соответственно – классовые различия в обществе. Неравный доступ к образованию становится основой новой формы социального неравенства (скрытого, неявного). В 1962 г. Ф. Махлуп институализирует проблему, вводя в оборот термин «работник интеллектуального труда» (knowledge worker) [11, с. 42], определяя его как человека, который: 1. ориентируется на оперирование информацией и знаниями; 2. стремится к той деятельности, которая открывает широкие возможности для самовыражения и самореализации в обществе; 3. обладает высокой мобильностью и является независимым от собственности на средства условия производства. В «новой волне» [12, с. 3] рычагами развития становятся: концентрация образованного населения, ее здоровье, открытость и креативность, концентрация коммуникативных ресурсов. Преимущественное развитие получают производственные отрасли, где работа напрямую связана с использованием знаний (так называемые knowledge industries) [13, с. 24].

Процесс и характер труда не требует постоянного присутствия: основной становится работа по телекоммуникационным сетям, возникают варианты «фрилансерства». В результате закрывается значительное количество традиционных рабочих мест на производстве и создается больше площадок для среднего класса. На месте бывших индустриальных городов формируются поля новых экономических практик (Ливерпуль). Все это повлекло за собой целый ряд значимых социальных последствий - наиболее серьезным стало формирование и институционализация новых форм классового неравенства. Так, по А. Турену, помимо достижения интеллектуального господства, класс технократов, в силу доминантного статуса, тотально подавляет остальные классы и социально. При этом образовавшийся низший класс – так называемый «underclass» - становится в ситуации социальной агнозии и апатии - не способен даже выступать как самостоятельный субъект социального процесса [16, с. 70]. Р. Дарендорф стал определять в качестве «правлящего класса посткапиталистического общества» топ-менеджеров компаний и государственных управленцев административного персонала [10, с. 160]. Эта новая социальная страта технократов включает в себя тех, кто создает специальные знания, применяет «талант и опыт в процесс группового принятия решений» [14, с. 86]. Эти процессы наметились и среди рабочих. Тех, кто продолжает продавать не знания и способность ими владеть, а только свою рабочую силу в ее преимущественно физическом смысле, «их более удачливые коллеги считают "неудачниками", "отсталыми", "ущербными", "гражданами второго сорта" и вообще "нижестоящими"» [11, с. 184]. Эти процессы зафиксировал А. Горц, который выделил социальную группу «некласса не-рабочих», или «неопролетариата». «Работники этих профессий почти не охвачены профсоюзами, лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу» [15, с. 32]. Это привело к обоснованию аннигиляции рабочего класса, к концу 1970-х годов. К. Реннер отметил, что рабочий класс, описанный в «Капитале», «более не существует» [14, с. 252]. Границы нового класса становятся гибкими, подвижными, адекватными новой социальной динамики. Возникает новый ряд системных противоречий. Появляются постмодернистские виды капитала – человеческий, интеллектуальный, структурный. Собственность в ее классической форме утрачивает доминантное значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь ограниченными и условными [8, с. 20]. Существенно возрастает роль личной собственности - власть переходит от капиталистического класса к технократам; как отмечает П. Друкер, «класс интеллектуалов, а не капиталисты, обладают властью и влиянием» в современном обществе [12, с. 99]. Следовательно, эксплуатации в устоявшейся форме модерна, более не существует, она приобретает иную онтологию неравенства, совершенно новые контуры и тренды; происходит слияние капитала и работника в противоположность классической классовой теории общества. Появление инновационных работников привело к возникновению принципиально иных методов управления ими, кардинально отличающихся от тех, что доминировали в индустриальном обществе. В связи с этим, в современной корпорации ни одна из сторон (ни работники, ни предприни-

матели) не является ни «зависимой», ни «независимой» – все они предстают как «взаимозависимые» [13;с.66].

Безусловно, информация и знание выступали как источник социального неравенства. Сама категория знания еще Ф. Бэконом воспринималась в качестве одноуровневой категории с властью (концепт «знание-сила»). Уже в рамках постструктуралистского направления мысли из этой идеи М. Фуко был дедуцирован вывод: борьба за знание характеризуется латентной борьбой за обладание властью в ее политическом смысле, где наука в целом как главный начинает использоваться в рамках принятия политических решений того или иного уровня [8]. В традиционном, а также в индустриальном, монополия на знание по «естеству» всегда принадлежала правящей элите, вершине социальной пирамиды. Независимо от того, что социальный диапазон монопольного ресурса этих обществ был весьма различным – персонификация этого ресурса всегда по статусному положению порождала и воспроизводила элиту, которая имела общий системный признак – стремление к присвоению материальных и символических благ, которые непосредственно связаны с особым рода информацией (знанием). Если в аграрном и индустриальном обществах основной социальный конфликт разворачивался вокруг средств производства и ресурсов, а основными участниками выступали большие и устоявшиеся социальные группы, то в информационном обществе противостояние возникает между людьми, обладающими определенными личностно-социальными характеристиками и уникальными навыками, и людьми, не имеющими таковых. В итоге классовое противостояние приобретает небывалую остроту такого уровня, какой не знало ни аграрное, ни индустриальное общество. Эти страты состоят из «допущенных» и «не допущенных» не столько к распоряжению социальными благами, сколько, к процессу их создания [7, с. 18].

В настоящее время подавляющая часть знаний в области новейших достижений науки, техники и развития технологий представляется на весьма ограниченном количестве языков передовых стран мирового сообщества. К ним относится английский язык, который в последние десятилетия становится наиболее популярным в мире языком представления и распространения научно-технической информации. В современной науке это явление было актуализировано в различных концепциях - сообщества «второй» (индустриалисты) и «третьей» (постиндустриалисты) волн (О. Тоффлер), в противостоянии которых он видел главный политический конфликт современности, раскалывающий общество на две большие группы людей: сторонников и противников индустриального прошлого [15, с. 25]. Весьма интересный исследователь Р. Инглхарт выделял кластеры «материалистов» и «постматериалистов», противостояние которых основывалось на различиях базового индивидуального опыта [2, с. 29]. Следует упомянуть также и сообщества индустриального и постиндустриального общества (Д. Белл), а также модернистского и постмодернистского этапов социального развития (С. Лэш, С. Крук). Более точно этот процесс фиксировали Дж. К. Гэлбрейт и П. Друкер. Становится весьма существенным сравнение реальных доходов интеллектуалов и работников физического труда. Резкое падение заработной платы привело к тому, что доход многих работников,

занятых полный рабочий день, не позволял им подняться выше черты бедности. Эта социальная прослойка в середине 1980-х гг. в США получила название «работающей бедноты». Аналогичные процессы происходят и в странах Восточной Европы, где семья из двух работающих зачастую лишена социальных перспектив. Становится очевидным тот факт, что уникальные навыки и образование являются решающим ключом к приобщению к творческим или же креативным профессиям, а, следовательно, к вхождению в высший класс общества.

Итак, информационное общество системно трансформирует всю социальную действительность. Следствием социогенеза является формирование такого типа общества, которое само уже по своему базисному предназначению создает новые социальные «тупики», социальные предпосылки для еще большего расслоения общества, но на основе знания и информации, снимая тем самым исторически отжившие формы классового расслоения, господствующие в прошлом, на новые, но не менее драматичные.

Библиографические ссылки

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. 944 с.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4. С.6-32.
3. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. №6. С.67-77
4. Мамедов А.К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства // Вестн. Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. №2. С.187-198.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального творчества. М.: АСТ. 2002. 526 с.
6. Михнева С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Журнал Инновации. 2003. №1. С.5-12.
7. Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty. Berkeley : Univ. of California Press, 1988. 219 p.
8. Drucker P.F. The New Realities: In Government and Politics, in Economics and Business. New York : Harper Business, 1989. 276 p.
9. Drucker P.F. Landmarks of Tomorrow. New York: Transaction Publishers, 1996. 204 p.
10. Drucker P.F. Post-Capitalist Society. New York: Butterworth-Heinemann, 1992. 2112 p.
11. Galbraith K. The New Industrial State. Princeton : Princeton University Press? 2007. 576 p.
12. Goldman M. Lost Opportunity. What Has Made Economic Reform in Russia So Difficult. New York : W.W.Norton and Company, 1996. 320 p.
13. Martin W.J. The Information Society. London : Aslib, 1988. 174 p.
14. Renner K. The Service Class / Austro-Marxism // Bottomore T.B., Goode P. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1978. P.249-252.
15. Toffler A. Toffler H. Creating a New Civilization. Atlanta : Gingrich Turner Publishing, 1995. 112 p.
16. Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. New York: Random House, 1971. 244 p.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

О.А. Романов

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь
oromanov@grsu.by

Аннотация. Эволюция проблемы социальных изменений протекала в русле общей логики развития теоретического знания, движущегося от простоты научной классики к сложности и многомерности концептуальных построений постнеклассической науки. Однако в отличие от естественных наук, где переход к новой «исследовательской программе» сопровождался диалектическим отрицанием старой, в социально-философском знании была реализована модель полипарадигмальности, т.е. сосуществования и взаимодействия на основе принципа дополнительности теорий, опирающихся на принципиально различные теоретико-методологические и мировоззренческие основания. Современная социальная философия базируется на принципе детерминизма в познании развития социальных объектов, но детерминация изменений в социальном пространстве задается не вещными свойствами объектов, но ценностями и смыслами человеческой деятельности. Ключевыми категориями современной социальной философии являются историческая случайность, порядок и хаос, нелинейность, открытость. Их теоретическая реализация обуславливает новый тип социального прогнозирования, базирующегося, во-первых, на презумпции самоотрицания современности, и, во-вторых, на понимании будущего как «иного» – отличного от привычного нам и подчиняющегося принципиально новым закономерностям.

Ключевые слова: *социальная динамика; научная парадигма; социальное предвидение; социальное познание; общественный прогресс.*

THE PARADIGM BASES FOR SOCIAL DYNAMICS CONCEPTIONS: THE EXPERIENCE OF THEORETICAL RECONSTRUCTION

O.A. Romanov

Yanka Kupala State University of Grodno
Ozheshko st., 22, 230023, Grodno, Republic of Belarus

Annotation. The evolution of the problem of social change was in line with the general logic of the development of theoretical knowledge, moving from the simplicity of scientific classics to the complexity and multidimensional conceptual structures of post-non-classical science. However, unlike in natural sciences, where the transition to a new "research programme" was accompanied by the dialectical denial of the old one, in a social-philosophical science a model of polyparadigmality, i.e. coexistence and interaction on the basis of the principle of the complementarity of theories based on fundamentally different theoretical-methodological and worldview foundations has been realized. Modern social philosophy is based on the principle of determinism in the knowledge of the development of social objects,

but the determination of changes in social space is set not by the material properties of objects, but by the values and meanings of human activity. The key categories of modern social philosophy are historical randomness, order and chaos, nonlinearity, openness. Their theoretical realization causes a new type of social foresight, based, firstly, on the presumption of self-denial of modernity, and, secondly, on the understanding of future as "different" – varied from the usual one and subject to fundamentally new patterns.

Key words: *social dynamics; scientific paradigm; social foresight; social cognition; social progress.*

Вопрос о социально-философском познании – о возможности социальной философии проникать в сущность социального, корректно описывать социальные процессы и прогнозировать их стоит необычайно остро. В эпохи крупных социокультурных трансформаций познание социальной реальности резко проблематизируется, так как скорость реальных изменений, как правило, превышает наши способности рационального постижения действительности и предвидения. В связи с этим возникает проблема определения надежных концептуальных оснований познания и практики, выработки методологических ориентиров построения социальной теории, адекватно воспроизводящей сложность и динамизм современного социума. По существу вопрос упирается в осмысление и критическую рефлекссию над парадигмальными основаниями социально-философского знания, установление степени их соответствия новейшим социальным реалиям.

Наиболее разработанной типологией парадигмальных оснований науки является выделение классической, неклассической и постнеклассической стадий в ее развитии, предложенное В.С. Степиным. Он тщательно продумал данную типологию, выявил механизмы смены научных картин мира, рассмотрел признаки каждой из них. Но использование полученных результатов в области социального познания сталкивается с существенными трудностями, так концепция В.С. Степина была создана на материале естественных наук, и не может быть непосредственно применена к анализу социокультурных объектов. Кроме того, в социальной философии сегодня очевидно наблюдается ситуация полипарадигмальности, когда сосуществуют и конкурируют теории, опирающиеся на принципиально различные теоретико-методологические и мировоззренческие основания, что противоречит идее этапности парадигмальных сдвигов.

Социально-философское знание на классическом этапе своего развития характеризовалось предельно четко выраженной ориентацией на идеал научности, предложенный в естествознании Галилея-Ньютона. Данная ориентация представляла в виде сциентистской абсолютизации (временами доходящей до прямого обожествления) той культурно-исторической формы, какую научное знание получило в Европе XVII–XVIII вв. Все, что не умещалось в границах этой формы, квалифицировалось как антинаучная мифология, метафизика, идеология и т.п., подлежащее «научной критике». Сущностным признаком классического естествознания, а вслед за ним и обществоведения, является идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Идеалом было построение абсолютно истинной картины мира.

Самоуподобление социальной философии естествознанию, безусловным центром которого в то время была механика, имело далеко идущие следствия. Механицизм стал методологией познания человека, общества и культуры, которые были отождествлены с простыми механическими объектами. Тем самым из социального познания была изгнана «смысловая парадигма» телеологического мышления и вместо ответа на вопрос «для чего?» наука поставила вопросы «почему?» и «как?». В утрированной, но весьма показательной форме эту гносеологическую позицию заняли представители вульгарного материализма XVIII века, рассуждавшие о человеке как «часовом механизме». Гораздо более сложную и менее однозначную концепцию общества предложил К. Маркс. Но и у него отчетливо прослеживается установка классического естествознания на формирование жестко детерминистской схемы.

Таким образом, классическая парадигма социального познания предполагает господство натурализма, бессубъектный подход к социальной реальности, уподобление социальных процессов процессам природы (вспомним энгельсовский параллелограмм сил). Далее, она предполагает и растворение индивида в группе и вещеподобное видение социальных связей. Как писал А.С. Панарин, «то, что в свое время выдавали за победу «научно-материалистического» подхода к обществу, было на самом деле результатом проецирования организационно-управленческой модели промышленной фабрики на социальную жизнь и человеческую историю в целом» [1, с. 155]. Социальная динамика мыслится в горизонте одномерной логики, где причинно-следственные связи носят сугубо внешний и принудительный характер.

Важным теоретическим следствием редукции социальных наук к естественным стало принятие идеи бесконечности мира и столь же бесконечной тиражируемости любых состояний в нем. В рамках классической науки эта идея имела статус центральной, ибо позволяла преодолеть тревогу за неповторимую гармонию мира. Коль скоро любые состояния и процессы могут быть воспроизведены, то степень нашей ответственности существенно понижается. Данный теоретический принцип породил мировоззренческую позицию нигилизма, который, несомненно, связан с убежденностью в заменимости любых явлений. В мире бесконечной воспроизводимости наша свобода бесконечна и дает нам «право на ошибку». Если что-то и погибнет в результате наших ошибок, то в свете постулата о бесконечной множественности и взаимозаменяемости явлений Вселенной, эта гибель не повлечет за собой невосполнимых потерь в порядке бытия.

Следующей основополагающей идеей, лежащей в фундаменте классической картины мира, стала идея прогресса. Ее суть состоит в том, что история имеет счастливый финал, возникающий не в форме чуда, а в форме неуклонного телеологического движения, согласно объективной программе. Причем прогресс проявляется не только в своей высшей точке, но и верифицируется как последовательное улучшение повседневной жизни.

Взаимодействие в пределах классической картины мира сциентистского культа естественных наук и прогрессизма как формы мирозерцания обусловило еще одну черту этого этапа развития социального знания. Данной чертой является

редукционизм – стремление обществоведов объяснять сложные и более развитые явления путем сведения их к менее сложным и неразвитым, зато представляющим в их глазах более фундаментальными. Как правило, операция редукции осуществлялась методом аналогии – гипотетическим утверждением сходства исследуемого социального феномена с явлением уже описанным в иной области научного знания. Поначалу сходство устанавливалось с механическими объектами, затем по мере развития биологии – с природными. Но поскольку общество и человек уже тогда понимались как высшая ступень эволюционного ряда, то сами классики обществоведения не могли не рассматривать данный теоретический прием как редукцию. Попытка снятия данного противоречия была предпринята на пути постулирования универсальных законов, единообразно действующих на всех ступенях эволюции, независимо от иерархии. Но тогда возникала проблема соотношения между прогрессистским принципом непрерывного развития от низшего к высшему, то есть изменения, с одной стороны, и универсалистским постулатом неизменности всеобщих законов – с другой. Тем самым противоречие не было снято, но лишь глубже загнано внутрь и в дальнейшем обусловило переход к новой парадигме социально-философского знания.

Очерченный круг принципов классической науки обусловил ее прогностические возможности. Классический детерминизм не столько открывал качественно иное будущее, сколько в будущем разглядывал черты настоящего (сложившиеся тенденции и стартовые условия как точка отсчета). Он отслеживал тенденции, экстраполировал их в будущее и полагал, что оно ему известно. Другими словами, в этой культурно-исторической форме науки действовал принцип определенности, альтернативный современному принципу неопределенности будущего. Философы полагали, что будущее прозрачно для рационального мышления и не таит никаких сюрпризов.

Кроме внутринаучных предпосылок на становление неклассической социальной философии мощно повлиял идейный процесс «переоценки ценностей» просветительского сознания, в ходе которого были существенно поколеблены метатеоретические устои классического обществоведения. В западной культуре, начиная со второй половины XIX века, рельефно обнаружило себя так называемое кризисное сознание, восходящее в своих истоках к древнегреческой софистике и кинизму, а также к руссоизму с их антикультурной и антицивилизационной направленностью. Его сущностным признаком является тезис о коренной несостоятельности западного типа общества и цивилизации вообще. У истоков кризисного сознания стоят композитор и мыслитель Р. Вагнер с идеей «гибели богов» индивидуалистической западной культуры и Ф. Ницше с идеей культурного «декаданса» Запада, выражавшегося, по его убеждению, во все дальше заходящей «рационализации» жизни (символом последней он считал «сократизм»). Свое развитие (и популяризацию) ницшеанская идея получила у О. Шпенглера, выдвинувшего концепцию «заката Европы». Ее же мы встречаем у М. Хайдеггера, превратившего идею Ницше в теорию «метафизического забвения бытия». С нею же сталкиваемся и во французском ницшеанствующем экзистенциализме (Камю и Сартр), пришедшем к выводу о «конце человека». Она же звучит в неомарксизме

(М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно), попытавшемся привить ницшеански-вагнеровский, а отчасти и экзистенциалистский комплекс идей к стволу «классического марксизма» с его выводами об «исторической исчерпанности» капиталистической формации. Здесь кризисное сознание нашло свое выражение в тезисе о «поражении» западной культуры и «неудаче» западной цивилизации, которая живет, якобы, уже «после заката Европы». Общим выводом, делаемым в рамках всех указанных философских направлений, является отрицание прогресса как универсального поступательного процесса, сопрягающего нравственное совершенствование индивидов и научно-техническое развитие общества.

Принципы неклассической рациональности вызревали не только в философии, но и в естественных науках, изобразительном искусстве, литературе. Можно указать на своеобразную переключку между принципами философского иррационализма, постулатами теории относительности А. Эйнштейна и концепциями «лингвистического авангарда» 70–80-х годов XIX века. Существовал явно выраженный резонанс между художественной концепцией мира в импрессионизме и постимпрессионизме и новыми для литературы последней трети XIX столетия способами описания и осмысления жизненных ситуаций. Как убедительно показал М.М. Бахтин, в творчестве Ф.М. Достоевского сознание автора не противопоставит духовным мирам его героев, как бы со стороны, из абсолютной системы координат описывая их, а сосуществуют с этими мирами и вступают с ними в равноправный диалог.

Именно идея о том, что разум не есть некий суверен, со стороны познающий мир, а духовная сила, погруженная в мир и действующая внутри него, стала ключевой для неклассической парадигмы социальной философии. В данной парадигме разум может постигать объекты в зависимости от того, каким образом исторически определенные состояния человеческого жизненного мира обеспечивают включение объектов в познавательную деятельность людей. В неклассическую эпоху утвердилась идея, что между разумом и познаваемыми объектами всегда существует особый посредник – человеческая деятельность, от развития средств и методов которой зависит характер выявленного и познанного человеком в окружающем мире.

В неклассической социальной философии культура, исторически открытая позже, чем природа, становится логически первой. Понимание общества как мира культуры не позволяет уподобить социальные предметы и процессы вещам. С позиции неклассики общественные явления не самотождественны, они всегда другие. Утверждается, что специфика социального и вообще «человеческого» в его принципиальной «не-вещности»; предмет социального познания видится в смысловых структурах. Социальная философия, понятая указанным образом, имеет собственную методологию. Неклассическая стратегия устанавливает концептуальные границы объяснения и вводит принцип понимания в качестве ведущего методологического средства. Она стремится охватить такие области действительности, где уникальные качества субъекта неэлиминируемы и представляют интерес не как среднетипичные, а как наиболее характерные, исключительные, способные дать ключ к познанию всеобщего.

Во второй половине XX века произошли кардинальные изменения как в системе научного знания, так и в глубинных структурах цивилизации, что обусловило переход к новым парадигмальным основаниям и формированию постнеклассической науки. Передний край науки вышел к исследованию сложных саморазвивающихся систем, при изучении которых инструментарий прежних парадигм оказывается недостаточным. Не менее важным фактором последней научной революции стал кризис мировой цивилизации, столкнувшейся с трудноразрешимыми глобальными проблемами. Актуализировавшийся вопрос о причинах системного кризиса современности требует пересмотра базовых ценностей цивилизации, ее познавательных и преобразовательных стратегий.

П. Штомпка выделяет два основоположения современного социального знания: во-первых, сосредоточение внимания на всепроникающих динамических качествах социальной реальности, т.е. на восприятии общества в движении («процессуальный образ»), и, во-вторых, стремление не рассматривать общество (группу, организацию) как объект, т.е. дематериализация социальной реальности («образ поля») [2, с. 26]. Для социальной философии это означало, что общество должно рассматриваться не как статичное стабильное состояние, а как процесс, не как жесткий квазиобъект, а как постоянно длящийся, бесконечный поток событий. Соответственно изменился и образ объекта, претерпевающего изменения. Общество стало рассматриваться не как жесткая система, а, скорее, как мягкое «поле» взаимоотношений.

Важным компонентом постнеклассической парадигмы стала идея хрупкости и уникальности существующего порядка. В культуре эта идея восходит к переживанию древних греков уязвимости Космоса перед лицом всепоглощающего Хаоса. Однако новоевропейская наука высмеяла эти страхи, обосновав идею обратимости мировых процессов и выдвинув идею множества миров, где все может быть повторено. Современная наука возвращается к мудрой осторожности древних, отстаивая, во-первых, принцип уникальности Вселенной (другой нет и быть не может), а, во-вторых, идею о крайней неустойчивости стабильных состояний в ней. Как пишет академик Моисеев, «незначительные изменения мировых постоянных (сотые доли процента) могут качественно изменить свойства суперсистемы «Вселенная» и характер всех процессов, в ней происходящих. Даже при таких ничтожных изменениях ее параметров в ней уже не могли бы возникнуть более или менее стабильные образования... Наша Вселенная «держится на острие». Ничтожное изменение ее параметров приведет к срыву, к ее полной перестройке».

В постнеклассической парадигме была развита и углублена критика идеи прогресса, начатая в рамках неклассической социальной философии. Свое концептуальное оформление она получила во многих идейных течениях, часть которых объединена в теоретическом дискурсе, получившем название «культура эндизма» или «культура конца». Но наиболее важной чертой постнеклассической социальной философии является введение в состав теоретического дискурса ценностей в качестве важнейшего и полноправного элемента. Работа «констатирующего рационального сознания» в постнеклассической науке представляет собой необходимое, но не достаточное условие для получения истинного знания. По-

стижение «человекоразмерной реальности» должно включать ценностные представления о человеке и обществе, о том, «какими они должны быть», а не просто воспроизводить в познавательной модели объективно существующее положение дел. Иначе говоря, в данном случае не срабатывает идеал так называемой «позитивной науки», полностью свободной от «метафизики» и ценностных суждений.

Сегодня эти идеи приобрели особую актуальность. Дело в том, что «закрывать» классическая рациональность на протяжении длительного времени служила способом стабилизации техногенной цивилизации, отвергающей этику воодушевления в пользу «несентиментальной прагматики». Однако тотальное распространение утилитарно-прагматических принципов во всех сферах жизни и культуры привело к снижению тонуса цивилизации: обратной стороной этого процесса стали апатия и утрата смысла жизни. Сегодня уже очевидно, что все существовавшие и существующие социальные системы питаются волей и энергией людей, верящих в их целесообразность. Поэтому постнеклассическая рациональность, предполагающая аксиологическую нагруженность наших познавательных и преобразовательных практик, значительно более полно соответствует требованиям времени.

Возрождение ценностно-мотивационной стороны культуры способно восполнить дефицит источников человеческой энергии, поднять тонус цивилизации, возродить инициативу, волю и стремление к новациям. Традиции русского нравственного максимализма, направленные на воскрешение идеалов Истины, Добра и Красоты, восстанавливают суверенитет нравственного сознания, способного убеждать и воодушевлять. Сегодня генерировать продуктивные концепции социального развития способна только наука, возобновившая союз с ценностными сферами культуры. Преобразуя мир, человек должен подчиняться ценностному императиву: иницируемые им практики должны быть соразмерными, сопричастными природе как целостности. Прогрессивным можно назвать «положительно-деятельностное» (термин Вл. Соловьева) отношение человека к природе, для которого характерно утверждение ее идеального состояния – того, чем она должна стать через человека.

Система принципов постнеклассической науки обусловила специфику социального прогнозирования. Его основными презумпциями являются: 1) неизбежное самоотрицание современности; 2) будущее представляет собой «иное» – отличное от привычного нам и подчиняющееся принципиально новым закономерностям. Наиболее полно постнеклассическая парадигма воплощена в нетерпимости к вечному «теперь», к механическому повторению уже известного и к прямым экстраполяциям.

Библиографические ссылки

1. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М. : МГУ, 1999. 288 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений М. : Аспект Пресс, 1996. 414 с.

ОНТОЛОГО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТА «КУЛЬТУРНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРДЕТЕРМИНИЗМ»

В. А. Янчук

ГУО «Академия последиplomного образования»
ул. Некрасова 20, 220040, Минск, Республика Беларусь,
yanchuk1954@gmail.com

Аннотация. Констатируется плюралистический характер современного социогуманитарного знания и связанных с ним проблем. Анализ детерминистского и индетерминистского направлений в его развитии показал исчерпанность возможностей первого и безжизненность второго. В качестве возможного решения обосновывается онтолого-эпистемологический и эвристический потенциал интердетерминистского направления. Аргументируется продуктивность рассмотрения социальной феноменологии с позиций синергетического подхода как гетерогенной нелинейной динамической системы. В соответствии с предложенным принципом культурно-диалогического интердетерминизма акценты смещаются на аспект совместного функционирования в процессе и посредством диалогического взаимодействия, приводящего к формированию нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей. Анализируются условия и механизмы обретения и поддержания нового качественного состояния системы в его пространственно-временной локализации. Обосновывается эвристический потенциал конструкта «культурно-диалогический интердетерминизм» и демонстрируются его возможности на примерах широкого спектра теоретических и прикладных задач.

Ключевые слова: гетерогенная нелинейная динамическая система; диалогизм; детерминизм; индетерминизм; интердетерминизм; культура; культурно-диалогический интердетерминизм; онтолого-эпистемологический потенциал; эвристический потенциал.

ONTOLOGICAL-EPISTEMOLOGICAL AND HEURISTICAL POTENTIAL OF THE CONSTRUCT «CULTURAL-DIALOGICAL INTERDETERMINISM»

V.A. Yanchuk

Academy of Postgraduate Education
Nekrasova str., 29, 220040, Minsk, Republic of Belarus

Annotation: articulates the pluralistic nature of modern socio-humanitarian knowledge and related problems. An analysis of the deterministic and indeterministic directions in its development has shown the exhaustion of the possibilities of the first and the lifelessness of the second. The ontological-epistemological and heuristic potential of the interdeterministic direction is substantiated as a possible solution. The productivity of social phenomenology consideration from the standpoint of a synergistic approach as a heterogeneous nonlinear dynamic system is argued. By the proposed principle of cultural-

dialogical interdeterminism, the emphasis is shifted to the aspect of joint functioning in the process and through dialogical interaction leading to the formation of a new quality that cannot be reduced to the simple sum of its parts. The conditions and mechanisms of acquiring and maintaining a new qualitative state of the system in its space-time localization are analyzed. The heuristic potential of the “cultural-dialogical interdeterminism” construct is substantiated, and its capabilities are demonstrated using examples of a wide range of theoretical and applied problems.

Keywords: *cultural-dialogical interdeterminism; culture; dialogism; determinism; indeterminism; interdeterminism; heterogeneous nonlinear dynamic system; heuristical potential; ontological-epistemological potential.*

Характеризуя современную ситуацию развития социально-гуманитарного знания, можно констатировать его плюралистичность. Плюрализм находит все больше сторонников и в психологическом знании [8; 9;12]. Целью плюрализма является создание возможностей для интеграции альтернативных теоретических перспектив с целью разработки более широкой перспективы в отношении интересующих феноменов, по сравнению с создаваемой в рамках какой-либо отдельной теории. Однако при внешней привлекательности этого тезиса значительно менее ясны его глубинные основания. Для определения таковых был предпринят анализ эволюции мировоззрения общества на протяжении истории человечества. Он был осуществлен при посредстве специально разработанного теоретического конструкта «культурно-научная традиция», позволившего проследить изменения, происходящие в мировоззрении в отношении мироустройства [3, с. 127].

В эпистемологическом аспекте сегодня вполне обоснованно можно говорить об очевидном противостоянии детерминизма и индетерминизма как его антитезы. Следует отметить вполне очевидное преимущество первого над вторым в позитивистски ориентированных эмпирических исследованиях. Тем не менее, столь же очевидная ограниченность эвристических возможностей эмпирицизма и его неспособность выступать в качестве основания для понимания природы комплексных психологических феноменов привела к росту популярности индетерминистского направления в психологическом познании [7]. Индетерминизм, прежде всего, ассоциируется с постмодернистской традицией, основывающейся на анти-универсализме и провозглашении многоголосия как механизма и ресурса преодоления ограниченности универсализма. Однако, многоголосие обладает весьма существенным недостатком – приводит к разноголосице и потере определенности в интерпретации изучаемой феноменологии, обусловленной отсутствием согласованных конвенциональных значений и принятого механизма их вырабатывания. У детерминистского же подхода такие механизмы очевидны и неизменны на протяжении всей истории его существования – операционализация и верификация. Таким образом, сильные и слабые стороны присутствуют у обоих направлений.

Решение традиционно находится по середине. В обсуждаемом контексте уместна аргументация одного из ведущих специалистов в проблемной области Р. van Geert, акцентирующего внимание на следующем: «детерминистский универсум мертв, т.к. у него крайне редуцируемая степень свободы: все предопределено и невозможно создание какой-либо новой информации, т.к. она уже содержится в

своем исходном состоянии (вне зависимости от того, чтобы это ни было). Индетерминистский универсум безжизненен, т.к. он содержит бесконечное число степеней свободы. Никакая информация не может быть сотворена, т.к. каждая имеет одинаковую вероятность. Но когда эти два принципа встречаются, информация и упорядоченность создаются в форме высоко редуцируемой степени свободы, в которой различия между событиями становятся значимыми и информативными, новое понятие упорядоченности, выводимое из самоорганизации. Для появления комплексного упорядочивания нужны и детерминизм, и индетерминизм [13].

В качестве авторской альтернативы, интегрирующей продуктивный потенциал обоих подходов, предложен конструкт «культурно-диалогический интердетерминизм» [5]. Соответственно, противостояние детерминизма и индетерминизма, трансформируясь в культурно-диалогический интердетерминизм, получает новое качество, интегрирующее их возможности и приводящее к взаимообогащению и взаиморазвитию, проявляющемуся в нахождении новых ресурсов углубления понимания социальной феноменологии. Исходно такого рода взаимодействие было предметом специального рассмотрения И. Г. Фихте в «Основах наукоучения» при анализе синтетического объединения противоположности, наличной между двумя установленными формами взаимоопределения (интердетерминации) [2]. В качестве альтернативы классической логике противопоставления или/или предлагается диалогическая логика интеграции возможностей и/и. Такого рода решение резонирует с выводом И.Т. Касавина о том, что «совокупный познавательный процесс включит в себя картину многообразия практик и типов познавательной деятельности, соотносенных с различными формами знания и сознания, и явится концептуальным выражением того расширения предмета теории познания, который оценивается как ее ведущая современная тенденция» [1, с. 69]. Приставка «интер» показывает направление, в котором мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на публичном, так и научном уровнях, приводя их к исходному состоянию. Такого рода метафора позволяет преодолеть противопоставление пространств внутреннего и внешнего постижения. Значение не находится ни «внутри», ни «вовне», оно находится «между» [10, с. 24-25].

Исходно идея интердетерминации была триггерирована подходом «исторической экологии», развиваемого С.Л. Crumley и соавторами, подчеркивающими зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды [6]. В рамках подхода утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но одновременно он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия.

Отношение интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера, приводящего к качественным изменениям составляющих интердетерминант. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразование в виде расширения (или сужения), переосмысления

и перепереживания обретенного опыта. В этом процессе имеют место своеобразные точки бифуркации, определяющие переход из одного качественного состояния в другое. Причем эти динамические процессы носят именно нелинейный, ступенчатый характер. Найденное состояние баланса функционирования обладает достаточным потенциалом инерции за счет имеющихся в распоряжении человека природных и психологических ресурсов. В своеобразной роли гравитационной интердетерминанты выступает культурный контекст.

Специфика культурно-диалогической интердетерминации заключается в безусловном принятии другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых=*multivoiced*) динамических систем, направленном на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного свойства), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостазиса (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, био-психо-социального баланса и т.п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и времени и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития).

Именно диалог может выступать в качестве механизма интердетерминации разнокачественных природ, сфер психического и детерминант поведения, обеспечивая нахождение сбалансированных результатов гомеостатического свойства. Соответственно психика может рассматриваться не как изолированный гомункулус, не как бестелесный дискурс, а, наоборот, как уникальный в своей темпоральности, активный агент, ориентированный скорее на взаимодействие, чем противодействие, снижение напряжения между индивидуальным и социальным, материальным и психологическим, множественным и унифицированным, стабильным и динамическим [11].

В рамках культурно-диалогической интердетерминистской мета-теории [4; 5; 14; 15] представлена авторская аргументация диалогической интердетерминированности как функционального состояния гетерогенной нелинейной динамической системы, достигаемого в определенной точке пространственно-временного континуума (стадии, периода и т.п.), которое достигается посредством нахождения состояния баланса взаимодействия взаимосвязанных внутренних и внешних систем, обеспечивающих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного (а теперь и техно- и кибер) окружения. Это подчеркивает взаимовлияющий и взаимообуславливающий характер взаимодействия между гетерогенными элементами, составляющими систему (полифония), которые находятся в процессе постоянного изменения.

Библиографические ссылки

1. Касавин И.О. дескриптивном понимании истины // Философские науки. 1990. № 8. С. 64-74.
2. Фихте И. Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.
3. Янчук В.А. Методолого-теоретические основания развития организационной психологии в традиции постмодерна // Актуальні проблеми психології. 2005. Т. 1(15). С. 126-132.

4. Янчук В.А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 124-154.
5. Янчук В.А. Эпистемологический потенциал конструкта «культурно-диалогический интердетерминизм» // История и философия науки в эпоху перемен: сб. науч. ст. М. : Русское общество истории и философии наук, 2018. С.70-73
6. Crumley, C. Historical ecology: cultural knowledge and changing landscapes. Santa Fe : School of American Research Press, 1994. 304 p.
7. Fogel A., Lyra C.D.P., Valsiner J. Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes. Psychology Press, 1997. 302 p.
8. Goertzen J. Dialectical pluralism: a theoretical conceptualization of pluralism in psychology // New Ideas in Psychology. 2010. Vol. 28(2). P. 201–209.
9. Healy P. Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // New Ideas in Psychology. 2012. Vol. 30. P. 271–280.
10. Mininni G. The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2010. Vol. 44(1). P. 23-29.
11. Salgado J., Clegg J.W. Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology // Culture & Psychology. 2011. Vol. 17(4). P. 421-440.
12. Teo T. Ontology and scientific explanation: Pluralism as an a priori condition of psychology // New Ideas in Psychology. 2010. Vol. 28. P. 235-243.
13. Geert, P van. Que Sera, Sera: Determinism and Nonlinear Dynamic Model Building in Development. // Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes. Psychology Press. 1997. P.13-38.
14. Yanchuk, V.A. Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration // International Journal of Psychology. 2016. Vol.51. P. 438-439.
15. Yanchuk V.A. The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge // Journal of Russian & East European Psychology. 2018. Vol. 55(2-3). P. 241-286.

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОСОФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 141.33

МІСТЫЧНЫ СІМВАЛ: ПАМІЖ ВОБРАЗАМ І ПАНЯЦЦЕМ

У.Л. Аляксандраў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
пр-т Незалежнасці, 4, 220030, Мінск, Рэспубліка Беларусь
alixandrau@tut.by

Анотацыя. Артыкул прысвечаны аналізу сімвала як сродка пазнання ў містыцызме. Асабліва ўвага нададзена параўнанню сімвала і паняцця. Падкрэсліваецца, што ў сімвале маецца не адваротна прапарцыйныя, а прама прапарцыйныя суадносіны паміж аб'ёмам і зместам, дзякуючы чаму сімвал мае больш магутныя экспрэсіўныя, камунікатыўныя і герменэўтычныя магчымасці.

Ключавыя словы: паняцце; прадмет; абстракцыя; сімвал; містыцызм.

MYSTICAL SYMBOL: BETWEEN IMAGES AND NOTIONS

U.L. Aleksandrov

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article analyzes the symbol as a means of mystical knowledge. Particular attention is paid to comparing symbols and notions. It is emphasized that the symbol has not inversely proportional, but directly proportional ratio of size and content, due to which the symbol has much greater expressive, communicative and hermeneutical possibilities.

Keywords: notion; object; abstraction; symbol; mysticism.

Лінгвістычны паварот першай паловы XX ст. (семіётыка Ф. Сасюра, гіпотэза Э. Сепіра-Б. Уорфа, аналітычная філасофія Л. Вітгенштэйна і інш.) засведчыў, што кожная форма пазнання – гэта перш за ўсё пэўная мова. Функцыі адлюстравання рэчаіснасці і яе канстытування ў мове непадзельна звязаныя. Вядома, што навуковае і філасофскае пазнанне маюць паняццёва-катэгарыяльны характар. Міф, рэлігія і мастацтва ёсць пазнанне ў першую чаргу вобразна-уяўленчае. Містыка ў гэтым шэрагу займае асаблівае месца, бо з'яўляецца спробай пэўнага сінтэзу абодвух моўных шэрагаў. З падручнікаў логікі вядома, што «паняцце – гэта думка аб агульных істотных прыкметах прадметаў» [1, с. 43]. Звернем увагу, што ў класічнай філасофскай думцы словы «агульныя» і «істотныя» дадзены не ў якасці кан'юнкцыі, г.зн. лагічнай і фактычнай сумы ўласцівасцяў, а як сінонімы, як па сутнасці ўзаемазамяняльныя словы.

Для класічнага мыслення пры фарміраванні паняцця дрэва, напрыклад, істотнае ў любых дрэвах – гэта тое, што іх аб'ядноўвае, а не адрознівае. Лагічныя працэдуры аналізу, сінтэзу, параўнання заканамерна скіраваныя менавіта на пошук і выяўленне агульнага ў аб'ектах, на абстрагаванне ад адрозненняў, на іх ігнараванне і далейшую элімінацыю з пазнавальнага працэсу. Гэтак пазнанне выходзіць на паняцце «дрэва наогул» (каменя, кветкі і г.д.). У выніку фармуецца карціна свету, у якой індывідуальнае, своеасаблівае, непаўторнае адкідаецца, як бы знікае гнэсалагічна, але фармальна застаючыся ў анталогіі. Рух абстрагуючай філасофскай і навуковай думкі ішоў ў двух супрацьлеглых, але ўзаемазвязаных кірунках: у бок гранічнай адзінкавай абстракцыі і ў бок гранічнай агульнай, збіральнай абстракцыі. Гранічнай адзінкавай абстракцыяй стала катэгорыя «прадмета» у анталагічным сэнсе («аб'екта» – у гнэсалагічным). Прадмет наогул – гэта ўспрынятае ў абмежаваным прасторава-часавым адрэзку-кантынууме, вычышчанае ад любой своеасаблівасці і канкрэтнасці «нешта», пра якое можна сказаць толькі тое, што яно ёсць (ці было).

Гранічнай агульнай абстракцыяй стала катэгорыя «прыроды». Прычым прырода стала трактавацца не ў сваім міфічна-магічным значэнні – як бясконцае мноства ўнікальных рэчаў (кожная рака – унікальная, бо ў яе ёсць свая, непаўторная душа). Прырода стала трактавацца менавіта ў філасофскім значэнні – як абагульненая сукупнасць прадметаў наогул, як іх незлічонае адзінства. Далей пры выхадзе думкі за межы пачуццёва ўспрынятага і ўяўляемага такі абстрагуючы рух і вёў да канструявання першапачаткаў, першапрычын быцця, г.зн. да метафізічнай карціны свету.

У XX стагоддзі была выказана здагадка (прычым як раз філосафамі -М. Хайдэгерам, М. Буберам, Н. Бярдызевым і іншымі), што менавіта абстрактнае, г.зн. перш за ўсё філасофскае (метафізічнае, спекулятыўнае, рацыяналістычнае) пазнанне апынулася ля вытокаў аб'ектываванага, суб'ект-аб'ектнага, адчужанага і адчужаючага стаўлення да свету, якое прывяло, з аднаго боку, да нябачанага навукова-тэхнічнага і прамысловага прагрэсу, а з другога боку (таго ж медаля), да глабальных праблем, крызісаў і катастроф як пабочных, але непазбежных наступстваў дадзенага вектара развіцця цывілізацыі.

Сапраўды, калі кожны асобны прадмет пазнаецца праз лагічны метада «ад абстрактнага да канкрэтнага», то ён першапачаткова ёсць толькі экзэмпліфікацыя ўсеагульнага ў адзінкавым, рэпрэзентант прадмета наогул. Такое пазнанне не можа быць, напрыклад, эмпатычным, экзістэнцыяльным, экалагічным, г.зн. хоць у нейкай ступені су-датычным прадмету. Да тых жа «адчужаючых» эфектаў і наступстваў прывяла і навукова-філасофская катэгорыя «прыроды» і яе інструментальна-тэхнічнае ўвасабленне спачатку ў пазнавальнай, а потым і ў практычнай дзейнасці. Але было б наіўнай перадузятасцю вінаваціць філасофію і навуку ва ўсіх бедах тэхнагеннай цывілізацыі, якая паставіла чалавецтва на мяжу самазнішчэння і нават магчымага знішчэння біясферы. Філасофія і пазней навука ўзніклі ў канкрэтных гістарычных і

сацыякультурных абставінах, адказваючы на глыбінныя патрэбнасці чалавека.

Можна вылучыць галоўны фактар, які ў рамках доўгага працэсу антрапасацыягенезу выступаў глыбіннай перадумовай узнікнення «абстрагуючых» формаў пазнання. Ён звязаны з развіццём аперацыйна-дзеійнасных адносін да свету. Вылучыўшая чалавека з жывёльнага свету здольнасць да працы па меры ўдасканалення ўзмацняла ўстаноўку на прадметнае стаўленне да рэчаіснасці. Рост працэдурных, рэцэптурных ведаў і ўменняў паступова развіваў пачуццё магутнасці і ўлады калі не над усёй прыродай, то над асобнымі яе прадметамі. Пазнавальная дыферэнцыяцыя ўласцівасцяў апрацаваных і выкарыстоўваемых рэчаў і дыферэнцыяцыя саміх рэчаў, усё ў большай колькасці і разнастайнасці трапляючых ў поле асваення чалавекам, як бы падштурхоўвалі да пошуку эканомных, сціснутых спосабаў іх «схоплівання» у мысленні і ў дзейнасці.

Рух думкі ў бок усё большай абстрактнасці («гэтыя» і «гэтыя» рэчы рэжуць, «гэтыя» і «гэтыя» – звязваюць і г.д.) быў заканамерным і ў цэлым прагрэсіўным. Але функцыянальная і практычная ўзаемазмяняльнасць рэчаў вяла да іх гнасеалагічнай неадрознасці і як вынік – аксіялагічнага зруху: да нівеліроўкі каштоўнасці асобнай рэчы прапарцыйна росту колькасці прадметаў усяго класа. Чым больш аднародных рэчаў, тым менш варта кожная з іх асобна. Выдаткі такога абстрактнага пазнання і функцыянальна-прагматычнага стаўлення доўгі час былі нябачныя ні ў самім жыцці, ні ў яго філасофскім асэнсаванні – пакуль не сталі выяўляцца з усё большай выразнасцю па меры ўзмацнення панавання індустрыяльнай цывілізацыі.

Але ці можа быць інакш? Гісторыка-культурны аналіз паказвае, што не толькі можа, але і рэальна ёсць. У кожнай эпосе, культуры, супольнасці можна выявіць людзей з двюма прынцыпова рознымі карцінамі свету адносна гэтага пытання. Для адных істотнасць прадмета перажываецца і ацэньваецца зыходзячы з самога прадмета. Для іншых істотнасць ёсць праекцыя на прадмет самога чалавека, яго ўласных патрэбаў, інтарэсаў, мэтаў, устаноў. Колькасць адных і іншых людзей вагаецца ад эпохі да эпохі, вар'іруецца ў розных краінах, народах, пакаленнях. Але калі разгледзець чалавецтва як умоўнае цэлае, то несумненным бачыцца павелічэнне колькасці людзей з другой устаноўкай і – адпаведна – іх памяншэнне з першай. Таксама несумненна, што ключавую ролю ў гэтым зруху адыгралі філасофія і навука.

Так ці інакш, з этычнага і экалагічнага пунктаў гледжання карціна свету, у якой сутнасць чаго-небудзь ацэньваецца зыходзячы з інтарэсаў і патрэбаў чалавека, ужо прывяла да крызісаў і катастроф, роўных якім не было ні ў адну з папярэдніх эпох. І гэта не дзіўна. Бо калі чалавек як суб'ект пазнання глядзіць на канкрэтнае дрэва толькі скрозь абагульнены вобраз ці паняцце дрэва, напрыклад, зыходзячы з яго складу як сродка паліва або будаўнічага матэрыялу, то гэта першая ступень доўгай лесвіцы, у канцы якой – такое ж стаўленне да прадметаў наогул, да прыроды як такой. З канкрэтных сутнасцяў-істот, як яны ўспрымаліся ў міфалагічнай карціне свету, яны становяцца абстрактнымі аб'ектамі, нейтральнымі альбо чужымі, небяспечнымі альбо

карыснымі. Рэч у сваёй адзінкавасці і непаўторнасці знікае.

Спатрэбіліся глабальныя сацыяльна-палітычныя, экалагічныя і тэхнагенныя катастрофы XX стагоддзя, каб людзі толькі пачалі ўсведамляць, як цывілізацыя, пабудаваная на прынцыпах рацыянальнасці, інструментальнасці, прагматызму, навуковасці і аб'ектыўнасці, дайшла да нябачаных у гісторыі масавых забойстваў і стварэння зброі знішчэння ўсяго жывога на Зямлі. Зрэшты, у еўрапейскай філасофіі заўсёды былі мысляры, у карціне свету якіх існае ёсць перш за ўсё сукупнасць істот, а значыць, сутнасць кожнай істоты такая ж унікальная, як сутнасць чалавека. З тых словаў, якія ёсць у мове для адлюстравання такога светаўяўлення, на наш погляд, найбольш прыдатным, хоць і з агаворкамі, выступае слова «сімвал». Найбагацейшы герменэўтычны патэнцыял сімвала агульнавядомы. Не выпадкова ў філасофіі і мастацтвазнаўстве сфармавалася магутная традыцыя, якая менавіта сімвал кладзе ў аснову і пэўнага тыпу пазнання, і нават жыцця ў цэлым. У культуры склаўся такі кірунак мастацтва, як сімвалізм. Яго прыхільнікі і адэпты паказваюць, што сімвал як сродак пазнання валодае значна большымі экспрэсіўнымі, тлумачальнымі, камунікатыўнымі магчымасцямі, чым паняцце – асноўны інструмент пазнання філасофскага.

Каб праілюстраваць розніцу паміж імі, зноў звернемся да вышэйзгаданага прыкладу з дрэвам. Паняцце элімінуе адметныя прыкметы і захоўвае толькі агульныя. Таму ў філасофскім або навуковым пазнанні нават канкрэтнага дрэва мы глядзім на яго «скрозь» паняцце, г.зн. спачатку заўважаем агульнае, потым, пры неабходнасці, відавое, спецыфічнае, а напрыканцы – індывідуальнае (апошняе для філасофіі і навукі часцей за ўсё не патрабуецца). Але з пункту гледжання сімвалізму (а ён найбольш блізкі містычнаму светаўспрыманню з кірункаў мастацтва) сімвал «дрэва» як раз і адрозніваецца ад аднайменнага паняцця сваёй унікальнай магчымасцю дыялектычна і гарманічна спалучаць адзінкавае і агульнае, а таксама канкрэтнае і абстрактнае.

Як і за кошт чаго гэта адбываецца? У сімвале не працуе лагічны закон зваротных суадносін аб'ёму і зместу, а наадварот, насуперак фармальнай логіцы, працуе закон іх прама прапарцыяльнай сувязі. Чым большы сімвал па аб'ёме, тым больш багатае, глыбокае і рознабаковае веданне аб аб'ектах свету ён уключае. У дачыненні да нашага прыкладу гэта азначае, што сімвалічнае ўспрыманне (уяўленне, перажыванне, разуменне, тлумачэнне, ацэньванне) дрэва ёсць дваадзіны акт пазнання. З аднаго боку, праз успрыманне канкрэтнага дрэва, напрыклад, дрэва ў мяне за вакном або дрэва, па-майстэрску выпісанага мастаком, пісьменнікам, я ў стане перайсці да перажывання і асэнсавання іншых дрэваў – але не ў іх агульных рысах, а наадварот, у іх своеасаблівасці і ўнікальнасці. Бо праз сімвал мне была паказана ўнікальнасць менавіта «гэтага дрэва» – і праз такое ўсведамленне я схопліваю ўнікальнасць іншых дрэваў (нават мне ў дадзеную хвіліну не дадзеных). З іншага боку, сімвалічнае ўяўленне «дрэва наогул» (як віду аб'ектаў) таксама не перашкаджае, а хутчэй, нават дапамагае перайсці ад агульнага да частковага і

ад абстрактнага да канкрэтнага. Калі я перажыў «архетып» дрэва, то гэта як нішто іншае наблізіць да разумення сутнасці таго дрэва, якое расце ў мяне за вакном. Чаму мы можам па-сапраўднаму плакаць над гібеллю героя ў кіно і пры гэтым абьякава праслухаць паведамленне ў навінах аб гібелі тысяч людзей у землятрэсе або на вайне? Таму што майстэрства стваральнікаў (сцэнарыста, рэжысёра, апэратара, актора, грымёра і інш.) вобраза-сімвала загінуўшага персанажа (то бок нават не існуючага ў рэчаіснасці чалавека) дапамагае нам хоць часткова перажыць «архетып» гібелі - сваёй і кожнага канкрэтнага чалавека. Зрэшты, наша абьякавасць праз 5 хвілін адносна рэальна загінуўшых сведчыць, што вопыт перажывання быў хоць і сапраўдны, але ўсё роўна вельмі павярхоўны і кароткачасовы, які не закрануў апошняй глыбіні душы і ва ўсялякім разе далёкі ад містычнага. Але нават ён дае нам больш, чым знаёмства ў тлумачальным слоўніку з вызначэннем паняцця «гібель», якое нібыта ў адным-двух радках выражае «сутнасць» гэтай з'явы.

Найважнейшым адрозненнем сімвала ад паняцця з'яўляецца здольнасць першага (і няздольнасць другога) выйсці за межы жорсткіх лагічных канструкцый: родавідавых адносін, класіфікацый, катэгарызацыі, вызначэнняў. Як вядома з архаічных культур, менавіта вобраз-архетып Сусветнага Дрэва выступае ў многіх міфалогіях адным з цэнтральных, сістэмаўтваральных сімвалаў, якія ахопліваюць жыццё і свет у самых розных сэнсах і праявах. Архетып Сусветнага Дрэва – гэта і вобраз сям'і, роду, племені; і вобраз, што злучае Неба, Зямлю і ніжні свет; і вобраз лёсу кожнага чалавека і многае іншае. Нездарма ў старажытных культурах было настойлівае імкненне стварыць такія знакі-вобразы, якія мелі б універсальную, комплексную апісальную і тлумачальную прыроду – але не паняццёвую, а менавіта сімвалічную, г.зн. адначасова і гранічна абстрактную, і гранічна канкрэтную (Мандалы, Гексаграмы, Руны, Задыяк і інш.). Пра-сімвал універсальны – і менавіта таму ён можа растлумачыць усё, аж да найдрабнейшых дэталей паўсядзённага жыцця. Аналагічнае па амбіцыях філасофскае паняцце «быццё» для звычайных людзей не можа растлумачыць нічога і нічым не можа дапамагчы ў жыцці, нягледзячы на тое, што пра гэта слова напісаны тысячы і тысячы найразумнейшых кніг. Вялікі знаўца сімвалаў псіхолаг К.-Г. Юнг як ніхто з навукоўцаў XX стагоддзя глыбока і падрабязна паказаў праз паняцце (парадокс!) «архетып», якую важную пазнавальную, камунікатыўную, сацыяльную ролю адыгрываюць менавіта сімвалы, а не паняцці, у жыцці людзей.

Арыгінальнай і плённай з'яўляецца прапанова беларускага логіка А. Шумана падзяліць усе філасофскія і наогул светапоглядныя сістэмы менавіта па гэтай фундаментальнай лагічнай прыкмеце: сцвярджаюць яны прамыя ці адваротныя суадносіны аб'ёму і зместу [2, с.12-19]. Да першых ён адносіць талмудысцкую, стаічную і гегелеўскую логіку і філасофію. Да другіх – класічную і матэматычную логіку. Зрэшты, на яго думку магчымыя і змешаныя варыянты, напрыклад, індуісцкая і буддыйская логікі.

Калі прааналізаваць шматлікія апісанні тых, хто меў містычны досвед, то можна пераканацца, што ён найбольш блізкі менавіта мастацкаму (і перш за ўсё

сімвалісцкаму) светаўспрымання. Можна знайсці мноства сведчанняў, сутнасць якіх у тым, што ў адным аб'екце (не заўсёды нават важна – фізічным, ўяўным альбо трансцэндэнтным) суб'ект перажывае з усёй глыбінёй і выразнасцю іншыя аб'екты, не заўсёды аднародныя з дадзеным і не заўсёды нават звязаныя з ім ланцугом эмпірычна агляднай даўжыні. Таму пры моцным містычным перажыванні нават гібель дрэва можа адчувацца як гібель усяго свету. Сапраўднае мастацтва здольна час ад часу наблізіць да такога пачуцця. Звычайны вопыт – вельмі рэдка: калі, напрыклад, «у якасці» загінуўшага дрэва выступае блізкі чалавек і суб'ектыўна «свет руйнуецца», губляе свой сэнс. Але навука і філасофія ад падобнага стану вельмі далёкія.

Каб падкрэсліць, да якой ступені ў нейкі момант разыходзяцца шляхі філасофіі і містыкі, яшчэ раз звернемся да філасофскай катэгорыі гранічнай адзінкавасці – «прадмет» і гранічнай абагульненасці – «прырода». Што ёсць «прадмет» як філасофскае паняцце? Яно пазначае любую рэч, з'яву, падзею, працэс, вычышчаныя ад сваёй фактычнасці, кантэкстуальнасці, сітуацыйнасці, канкрэтнасці, зразумеласці. «Прадмет наогул» нельга спазнаць, перажыць, ацаніць, уключыць у аб'ём свайго вопыту і свайго жыцця. Калі рэч спачатку – прадмет, то ў ёй няма для мяне нічога істотнага пры такой карціне свету. У прадмеце як «нешта» няма сваёй сутнасці, твару, непаўторнага аблічча.

У гэтым плане няма формаў пазнання больш антаганістычных, чым філасофія і містыка. Для філасофіі праз катэгорыі «прыроды» і «быцця» агульнае ў рэчах – толькі сам факт іх існавання. Для містычнага пазнання агульнае ў рэчах – факт іх унікальнасці. Перажыванне ўнікальнасці асобнай рэчы з'яўляецца перадумовай для ўсведамлення ўнікальнасці кожнай іншай рэчы і больш за тое – перадумовай неспасціжнага «схоплівання» усіх рэчаў у містычным акце адчування абсалютнага адзінства свету. Адпраўной кропкай такога схоплівання можа выступіць што заўгодна. Кожная рэч як сімвал і ўтрымлівае ў сабе архетып усіх іншых рэчаў у іх непаўторнасці, і сама з'яўляецца такім архетыпам. Для містыка патэнцыйна кожная пячынка (і літаральна, і ў пераносным сэнсе) – Ікона сусвету. Таму Лейбніц сцвярджаў, што кожная монада, нават не маючы вокнаў, здольная адлюстроўваць у сабе ўсе астатнія манады. Для містыка ўсё жывое, а не мёртвае, усё побач, а не далёка, усё бачнае, а не «мыслімае» або «уяўляемае». Для яго ўсё перажываемыя рэчы дадзены ў іх асяляльнай яскравасці «першага дня стварэння», ва ўсіх незлічоных і неўяўляльных сувязях і адносінах з іншымі рэчамі, у іх абсалютнай ўзаемазалежнасці і незаменнасці.

Такім чынам, містычны сімвал, дзякуючы сваім асаблівасцям, як сродак пазнання здольны спалучаць агульнае і адзінкавае, абстрактнае і канкрэтнае, істотнае і другаснае, суб'ектыўнае і аб'ектыўнае.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Малахіна Г.И. Логика. Учебник. Минск : Вышэйшая школа, 2013. 334 с.
2. Шуман А.Н. Современная логика: теория и практика. Минск : Эконом-пресс, 2004. 416 с.

РОЛЬ СИСТЕМ МОРАЛИ В ДИНАМИКЕ СИСТЕМ ПРАВСТВЕННОСТИ

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
bksisa@rambler.ru

Аннотация. Система нравственности – термин, обозначающий статическое состояние нормативно-ценностной структуры и способа регуляции. Система морали – термин, обозначающий состояние нормативно-ценностной структуры и способа регуляции системы нравственности в динамической переходной фазе ее развития. Субъекты морали выдвигают альтернативные господствующей системе нравственности нормы и ценности, а также реализуют иной способ регуляции, предъявляя к себе и другим индивидуально-универсальные требования. Идеалы системы морали никогда не воплощаются в реальность. После переходного периода нормативно-ценностная структура нравственности восстанавливается в стационарном состоянии, наполняется обновленным ценностным смыслом и воспроизводится индивидуальными и коллективными субъектами нравственности.

Ключевые слова: *мораль; нравственность; система морали; система нравственности; динамика нравственности.*

THE ROLE OF MORAL SYSTEMS IN THE DYNAMICS OF MORALITY SYSTEMS

E.V. Belyaeva

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The system of morality is a term for a static state of the norm-value structure and mode of regulation. The system of moral is a term denoting the state of the norm-value structure and the mode of regulating the system of morality in the dynamic transitional phase of its development. The subjects of moral put forward norms and values that are alternative to the dominant system of morality, and also implement a different mode of regulation, making individually and universal demands on themselves and others. The ideals of a moral system are never translated into reality. After the transition period, the norm-value structure of morality is restored in a stationary state, filled with updated value meaning and reproduced by individual and collective subjects of morality.

Keywords: *moral; morality; moral system; morality system; morality dynamics.*

Исследование изменений в обществе обладает неизменной практической актуальностью, так как наши представления о нравственной динамике лежат в основе, как личных поступков, так и решений в области социального управления. Одна из проблем в этой тематической области состоит в объяснении механизма, посредством которого одна исторически сложившаяся *система нравственности* сменяется другой. Для ее решения

предлагается ввести понятие *система морали*, обозначив им промежуточную фазу развития.

Различение морали и нравственности восходит к Гегелю и в целом присутствует в немецко- и русскоязычной этической традиции, в которых есть два термина для обозначения единого феномена. При этом характеристика содержания этих понятий и способы их соотношения чрезвычайно разнообразны. Различение понятий «мораль» и «нравственность» достаточно условно, чаще всего носит авторский характер и не является самоцелью. Гораздо чаще оно используется как инструмент для анализа и решения какой-то проблемы. В исследовании динамики нравственности разграничение сторон единого целостного феномена мораль/нравственность позволяет осмыслить процесс возникновения инноваций в структурах социальной регуляции и в нормативно-ценностных представлениях. При этом нравственность ассоциируется со стабильным упорядоченным человеческим общежитием, а мораль – с динамичным стремлением к совершенствованию, к общественному идеалу и к преобразованию самих идеалов.

Общекультурные механизмы, в разных терминах описанные М.М. Бахтиным [1], М.С. Каганом [2], Ю.В. Лотманом [3], В. Тэрнером [4], состоят в том, что развитие феноменов культуры предполагает временный их выход в некоторое промежуточное состояние. Это состояние характеризуется разрушением структуры, иерархии, внутренних связей системы; это состояние неопределенности, в котором, между тем, происходит обновление главных смыслов культуры и формирование новых способов их выражения. В результате культурная система восстанавливает свое устойчивое, структурированное положение. В рамках этико-философского подхода в динамике нравственности такие механизмы проявляются сообразно ее специфике и касаются субъектов, вовлеченных в способ регуляции, и конфигурации норм и ценностей.

Система морали – это термин, обозначающий состояние нормативно-ценностной структуры и способа регуляции системы *нравственности* в динамической переходной фазе ее развития. Это временное состояние характеризуется не только неустойчивостью, но и высокой содержательностью, переосмыслением нравственных представлений и практическими опытами по поиску инаковой «правильной жизни». Как писал В. Тэрнер, состояние коммунитас, в котором пребывают люди в промежуточной фазе ритуала, является «временем и местом отхода от нормальных способов социального функционирования, его можно рассматривать как потенциальный период тщательной проверки центральных ценностей и аксиом культуры, в которой она происходит» [4, с. 232]. Выпадая из обыденности, из косной нормативно-ценностной структуры, человек получает возможность мыслить с позиций вечности, заново обрести ценностную ориентацию и смысл жизни. Субъект не просто получает нормативную установку, она экзистенциально переживается им как «вновь выбранная», «счастливно обретенная», «подлинная».

Субъекты *морали* не только критикуют нормы и ценности господствующей системы *нравственности*, выдвигая альтернативные модели нравствен-

ных отношений, для такой критики они должны реализовать иной по отношению к системе способ регуляции, игнорировать санкции общественного мнения, предъявлять к себе и другим более сложные для исполнения требования. Поэтому любой переходный момент от системы к системе характеризуется относительной индивидуализацией нравственной жизни, ослаблением господствующего способа связи индивидуального и коллективного субъекта. В структуре норм и ценностей предлагаемой *системы морали* начинают преобладать не конкретно-исторические, а универсальные человеческие ценности. Отдельный человек оказывается способным осуществить моральное самоопределение в новой ситуации за счет индивидуально-универсальных инструментов моральной регуляции. Такими субъектами *морали* оказываются пророки и юродивые, напоминающие о Божьей правде и Божьем суде; таковы шуты у трона короля, которому позволено говорить правду в лицо государю и обращаться с ним непочтительно; таковы поэты и философы, способные формировать новые мировоззренческие и поведенческие программы. Именно субъекты *морали* становятся авторами «высших моральных достижений человечества», которые воспринимаются в качестве универсального морального ориентира. Субъектами *системы морали* могут выступать отдельные люди или специализированные социальные группы. В традиционном обществе это, например, монашеские общины, однако следует помнить, что церковь также представляет собой социальный институт. Роль тех, кто ищет и поддерживает живой смысл морали, могут выполнять философы-моралисты, писатели и другие представители интеллигенции. Хотя и для них профессия сама по себе еще не гарантирует морального призвания. Наличие образования и принадлежность к духовной элите не являются обязательными для способности к моральности, она доступна каждому индивиду хотя бы на определенных этапах его жизни.

Иногда общество в целом испытывает потребность в обновлении своей нравственной структуры, недовольство собственным нравственным уровнем начинает захватывать общественное сознание, происходит разрушение неких нравственных самоочевидностей и выдвижение новой нормативно-ценностной структуры *нравственности* через промежуточную стадию поиска *моральных* норм и ценностей. В качестве примера функционирования *системы морали* в масштабах общества, можно назвать духовные процессы в поздней Римской империи, в Московском царстве смутных времен, предшествовавших воцарению Алексея Михайловича или в СССР в период «перестройки». Другой вариант возникновения в обществе *системы морали* – это духовный подъем народа «в годину нелегких испытаний». Чаще всего это происходит перед лицом войны, однако не всякой, а такой, которая действительно грозит коллективному субъекту нравственности катастрофой. Здесь историческим примером может послужить небывалое прежде чувство единства, испытанные российским обществом в период наполеоновского нашествия, а также «ярость благородную», испытанную советским народом в Великую Отечественную войну. В этом случае не новые установки приходят на смену обвет-

шавшим, а старые принципы нравственной структуры (тот же патриотизм) обновляются, обретают подлинность и актуальность переживания.

Нормативно-ценностная структура *морали* содержит не столько отчетливые нормы, сколько идеалы, а также ориентируется на высшие моральные ценности (смысл жизни, свобода, счастье). Они постоянно возникают как попытки, проекты, прорывы, превосходящие не только определенный нравственный уровень, но иной раз человеческие возможности по существу.

Мораль охватывает всю тотальность человеческого бытия и предписывает ценностные ориентации, способные упорядочить жизнь в целом, перевести ее на новый духовный уровень. В *системе морали* люди предстают как равные, ибо пребывают в сфере духа по ту сторону всех исторических социальных статусов, отношений собственности и родства. Поскольку в переходном состоянии моральные пафосы еще не находят воплощения в устойчивой нормативно-ценностной структуре, система морали зачастую пренебрегает не только материальными и социальными благами, но и внешней стороной жизни в целом. Основным механизмом осуществления *морального* требования является по-преимуществу совесть. Определяя специфику совести, обычно указывают на ее универсальное содержание, превышающее всякую историческую конкретность. Совесть обращается к личности изнутри и в то же время выступает «гласом свыше», судящим деяния человека по внеисторической и даже сверхчеловеческой шкале, она выступает последней инстанцией в обосновании *морали*.

При всей возвышенности и чистоте *система морали* не охватывает всей полноты феномена мораль/нравственность. Жизнь *homo moralis* вовсе не оказалась бы гармоничной и совершенной. Люди, отвечающие самым высоким моральным требованиям, даже если они терпимы к несовершенству других людей, раздражают общественное мнение не только демонстрацией слишком сложных образцов поведения. Чисто *моральный* субъект заведомо обречен на неудачу в вопросе внедрения своих представлений в практику больших коллективных субъектов. При этом такой социальный аутсайдер претендует на то, чтобы его духовная позиция была критерием истины, высшей точкой зрения на реальность, образцом для подражания. Социум не может тиражировать подобный жизненный образец, а потому сохраняет *моральную* практику в специализированных культурных нишах. *Система нравственности* выполняет функцию перевода идеальных моральных чаяний в социальные императивы, без них мораль вырождается в бесплодный пафос морализаторства, не имеющий реализации ни в каких жизненных актах личности. Поэтому *нравственное* структурирование *моральной* жизни необходимо. *Система нравственности* – термин, обозначающий относительно статическое состояние нормативно-ценностной структуры и способа регуляции, хотя и подверженное постоянной внутренней динамике. Субъект *нравственности* выполняет разнообразные обязанности, структура которых определяется его социальными ролями. Наличие высокого статуса, собственности, гордость своим положением и забота о внешних его признаках расцениваются в социуме как свидетель-

ства нравственности. Социальные успехи, семейные узы (в том числе секс в браке и появление потомства) получают положительную нравственную санкцию. Поскольку общества организованы иерархически, то *система нравственности* закрепляет неравенство людей и указывает на различие их обязанностей. Здесь долг предъявляется субъекту постольку, поскольку он занимает определенный статус среди других людей. В зависимости от сферы его исполнения долг бывает дифференцирован на воинский, сыновний, патриотический, его значимость имеет исторические ограничения. *Нравственное* долженствование переживается субъектом в определенной степени как дискомфортное состояние, ибо оно выражает подчиненность индивида господствующему способу регуляции и нормативно-ценностной структуре. В этом плане именно *нравственность* (в отличие от универсалистски организованной *морали*) может включать в себя этосы различных социальных групп и приобретать классовый характер.

Важнейшим обстоятельством динамики нравственности является то, что идеалы *системы морали* никогда не воплощаются в реальность. Мир не становится лучше (как он не был хуже). Функционирование в режиме «система морали» позволяет системе нравственности перейти из одного стационарного состояния в другое, обновить связь индивидуальных и коллективных субъектов и установить конфигурацию нормативно-ценностной структуры, наполненной смыслом. После переходного периода нормативно-ценностная структура *нравственности* восстанавливается в стационарном состоянии, наполняется обновленным ценностным смыслом и воспроизводится индивидуальными и коллективными субъектами *нравственности*.

Морально-нравственный мир функционирует как единое целое, динамическое противоречие его аспектов позволяет этому феномену самообновляться и развиваться. Наличие *моральных* исканий не позволяет *нравственности* считаться абсолютной. *Моральные* идеалы выступают как аттракторы, помогающие обеспечить сообществам, обществам и личностям будущее. *Система морали* выполняет функцию указания конкретно-исторической *системе нравственности* на ее универсальные задачи и общечеловеческие перспективы. Таким образом, введение терминов *система нравственности* и *система морали* позволяет охарактеризовать механизм смены статического и динамического состояния нравственности как целостной системы, рассматривать его как общую закономерность ее динамики.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Каган М. С. Философия культуры. СПб. : 1996. 416 с.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб : Искусство–СПБ, 2000. С. 12–149.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.

КОГНИТИВНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ЛОГИКИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
cherbourg@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты экзистенциальные и феноменологические структуры когнитивных предпочтений логики в условиях неопределенности. Разграничены классический и неклассический образы определенности. Классический образ определенности обоснован во вневременном и непространственном контексте неизменных и статичных факторов логического двузначного порядка. Неклассический образ определенности обоснован в синкретичном контексте парадигмы открытого разума и немонотонных информационных процессов. Логические факторы неклассического образа определенности интерпретированы с учетом экзистенциальных и феноменологических структур рационального агента. Пространственно-временные свойства данных структур стали отправными точками в раскрытии когнитивных эвристик агента. В когнитивных эвристиках различимы время (метафорические аспекты эвристик) и способы репрезентации времени в пространстве (метонимические аспекты эвристик). Метафорическая диахрония отражает телесный первичный опыт, метонимическая синхрония – опыт установления отличий. Поэтому когнитивная двойственность метафорического холизма и метонимической дискретности выступает полем преодоления неопределенности. Метафорический холизм раскрыт в аспекте толерантности к неопределенности, метонимическая дискретность – в аспекте интервальности.

Ключевые слова: *образ определенности; время; пространство; метафора; метонимия; холизм.*

COGNITIVE PREFERENCES OF LOGIC IN THE CONDITIONS OF UNCERTAINTY

S.V. Vorobjova

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article reveals existential and phenomenological structures of cognitive preferences of logic under conditions of uncertainty. Classical and non-classical images of certainty demarcated. The classical image of certainty substantiated in the timeless and non-spatial context of constant and static factors of the logical two-digit order. The non-classical image of certainty substantiated in the syncretic context of the paradigm of open mind and non-monotonic information processes. Logical factors of non-classical image of certainty interpreted taking into account existential and phenomenological structures of rational agent. The spatiotemporal properties of these structures became the starting points in the disclosure of cognitive heuristics of the agent. In cognitive heuristics, time (metaphorical aspects of heuristics) and ways of representing time in space (metonymic aspects of heuristics) are distinguishable. Metaphorical diachrony reflects the bodily primary experience, metonymic synchrony – the experience of establishing differences. Therefore, the cognitive duality of metaphorical holism and metonymic

discreteness acts as a field of overcoming uncertainty. Metaphorical holism revealed in the aspect of tolerance to uncertainty, metonymic discreteness – in the aspect of interval.

Keywords: *image of certainty; time; space; metaphor; metonymy; holism.*

Образ логики в современном образовании существенно изменился, что стало закономерным ответом на вызовы времени. В когнитивных предпочтениях логики обнаруживаются два взаимосвязанных значения. В ракурсе первого – предпочтений – отражается само время, вызовы которого делают мир все более неопределенным, в ракурсе второго – преимуществ – отражается эпистемология, определяющая благоприятный режим, порядок и способы ответа на вызовы времени. Эпистемология в условиях неопределенности принимает форму каузальной связи личного выбора и результата, влияющих на конструктивные процессы мышления и рассуждений. Отсюда вытекают нетривиальные для логики вопросы когнитивных факторов такого влияния. Ключевой вопрос – раскрытие структуры и свойств когнитивных предпочтений логики в условиях неопределенности – ставится в качестве цели.

Когнитивный образ логики подразумевает двойственность, обратимость и альтернативность ее классического и неклассического образов. Предикторами классического вневременного образа определенности выступают двужначность и дедукция, исключающие любой релятивизм. Неклассический образ определенности, несмотря на его многоликость, имеет различимый существенный аспект, определяемый как парадигма открытого разума, сопряженного с разнообразием «способов получения знания и стилями мышления» [1, с. 11]. Классический образ логики и ее гносеологический субъект были лишены человеческой телесности и жизненного мира. Их возвращение потребовало модификации нормативного фундамента рациональности. Проблемное поле логики было дополнено задачами, связанными с определением условий разумной деятельности открытого внешнему миру рационального лица, или агента, и с обоснованием факторов, повышающих весомость результатов этой деятельности [2]. Определяющими условиями деятельности агента выступают рационализация и самосознание, ведущие к пониманию жизни как результата свободного и ответственного выбора [3]. Эквивалентом нерационального подхода и доминирования самоощущений оказывается отсутствие необходимых точек опоры во внешнем мире. Факторы деятельности агента сопряжены с ее существенным свойством – отсутствием толерантности к неопределенности. Иначе, ее наличие означает сдвиг в сторону рассудочной деятельности и сильной зависимости от собственной эмоциональной сферы, для которой неопределенность невыносима. Рассудок не может справиться с проблемами, выходящими за пределы своей повседневности [4] и привычек мышления [5]. Ограничителями рационального выбора выступают реактивность мышления и автоматизм мыслей, обусловленные их синкретизмом с чувственным восприятием.

В логических исследованиях неопределенность интерпретируется как antecedent риска и кризисов [6]. Так, стремление идентичности к виртуальному взаимодействию, в котором можно ощутить свою свободу и при этом избежать рационализации действия или ответственности за него, вытекает из толе-

рантности к неопределенности. Допустим, в поле виртуальной аргументации ее агенту с доминантой самоутверждения удобна роль тролля, особенно если контрагент не выступает с контрдоводами. Безответственная навигация в подобном поле сопряжена с чувством самоуверенности в чем-либо, не соотносящееся с чувствами других. В результате возрастает, например, риск самообмана, увеличивающий дистанцию от собственной сущности и существования.

Поиск определяющих условий и факторов деятельности агента обусловлен немонотонным приращением информации, свойственным открытым системам знаний. Немонотонные процессы приводят к потере силы и весомости решений, принятых ранее или в другом месте и при иных обстоятельствах. Это означает, что базовыми предикторами неклассического образа логики выступают пространство, время и язык, обуславливающие когнитивные характеристики агента рациональности [7; 8; 9].

В контексте когнитивных предпочтений логические характеристики становятся временными и пространственными, а формальный анализ языка смещается в пространственно-временной континуум моделирования реальности, в котором личное и историческое время переплетены с пространством языка сознания. Иллюстрирую данный синкретизм аргументами к авторитету М. Аврелия и М. Монтеня: «жизнь есть то, что человек думает о ней», «человек страдает не столько от того, что с ним происходит, сколько от того, как он оценивает то, что с ним происходит». Мышление и рассуждение имеют временные и пространственные координаты, так как могут быть отображены в языке, а то, что имеет такие координаты, может быть рассказано. Следовательно, рассказы свидетельствуют о различных и неразличимых сферах в восприятии мира, способах различимости, образуемых ортогональным пересечением обобщения/детализации и ассоциации/диссоциации. От длительности восприятия и от его качества, т. е. от принадлежности к одному из четырех квадрантов, зависят постоянство и изменчивость, а от них расстановка акцентов и когнитивные способы рубрикации [10]. В частности, когнитивные предпочтения современных концепций аргументации были предопределены разработанными в экзистенциализме и феноменологии когнитивными топологиями, которые дополнили сущность – существованием, деятельность – бытием, закрытость разума – свободой и ответственностью, объяснение – пониманием, причинно-следственные связи – связями телеологическими. В результате стали различимы два ракурса в установлении границ определенности – время и способы репрезентации времени в пространстве. Темпоральность как основа феноменологии сознания составляет когнитивные ресурсы моделирующей способности упорядочивать мир во времени, проявляемой «вовне» [11]. Но время – не только «способность к упорядочиванию», это и «угроза исчезновения и разрушения» [12, с. 173], например, в случае нарушения тематической когерентности прошлого, настоящего и будущего [13].

В качестве способов репрезентации времени в пространстве выступают метафора и метонимия, составляющие подмножество латентных схем перцепции – опыта, устанавливающего длительность как условие времени. По этой

причине логический анализ в условиях неопределенности позволяет различать диахронию и синхронию языка [14]. Метафорическая диахроническая репрезентация времени, отражающая телесный первичный опыт установления отличия объекта от самого себя, влияет на «способность создавать сходство между разными классами объектов» [15, с. 265]. Визуализация и визуальная информация становятся возможными на основании метафорического сходства – того, что «видно» как длящееся во времени различие объекта самого по себе [16].

Метафорический холизм, или диахрония понятийных представлений, преодолевается в контексте синтагматики – метонимических структур, посредством которых осуществляется рассредоточение объектов во времени и пространстве [17]. Синтагматика языка раскрывается посредством его логической формализации. С позиции логики различимы, например, содержание / форма, род / вид, часть / целое, причина / следствие. В когнитивном аспекте метонимическая синхроническая репрезентация пространства раскрывает опыт установления отличий объекта от другого объекта, предопределяющий способы трансляции значений посредством необходимых или узнаваемых аспектов – структуры, функции, роли, части целого и др. [15]. Формализация метонимических способов восприятия и репрезентации делает различимыми метафорические аспекты эпистемологии и в конечном результате когнитивные аспекты критического мышления в аргументации в целом [10].

Метафора свидетельствует о толерантности к неопределенности, поэтому нерелективные метонимические рекомбинации образных представлений малопродуктивны. Метонимия, с одной стороны, лежит в основе связующего мышления, которое объединяет идеи в одно целое в соответствии с доминирующими темами или образами, не учитывая организующие или интегрирующие элементы [18]. С другой стороны, метонимические связи понятийных представлений лежат в основе генерирования идей, формирования концептов и категорий [19], позволяющих «увидеть проблему или ситуацию по-новому». Это означает, что метонимия как когнитивная эвристика выступает условием соизмеримости интервалов абстракций в диалоге культур [20].

Интервалы абстракций, или пределы отвлечений, эквивалентны логическим формам мыслимых образов. В них границы определенности устанавливаются посредством замены метафорической целостности на метонимическую связь отличительных в каком-либо аспекте или контексте признаков. Подобное когнитивное моделирование как наложение на мир структуры языка всегда будет отличаться от подлинной структуры этого мира [21], так как ментальная активность исключает абсолютную иррациональность агента и не допускает его абсолютную рациональность [22]. Поэтому в когнитивных предпочтениях логики следует различать реалистическую и номиналистическую определенность как прототипы, соответственно, логического абсолютизма и логического релятивизма, фиксирующих инвариантную устойчивость (тождество) объектов, и их эмпирическую и культурную вариативность.

Таким образом, когнитивные предпочтения логики в условиях неопределенности обусловлены экзистенциальными и феноменологическими струк-

турами, которые возвращают агенту его бытие и сознание. Если классический образ определенности является вневременным и непространственным, то ее неклассический образ детерминирован пространственно-временными свойствами указанных структур. Данные свойства являются ключевыми в раскрытии когнитивных эвристик агента. В них различимы метафорические и метонимические аспекты – время, отражающее телесный первичный опыт, и способы репрезентации времени в пространстве, отражающие опыт установления отличий. Поэтому полем преодоления неопределенности служит когнитивная двойственность метафорического холизма и метонимической дискретности.

Библиографические ссылки

1. Шольц Р.В. Дорожная карта трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы : сб. науч. труд. М. : Навигатор, 2015. С.11-30.
2. Воробьева С.В. Критическое мышление как моделирование личностной эпистемологии // Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в условиях социально-экономической модернизации: мат. второй межд. науч. конф., Минск, 12-13 ноября 2015 / Ин-т философии НАН Беларуси. Минск, 2016. С. 117-120.
3. Lévinas E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité. Kluwer Academic, 1991. 343 p.
4. Воробьева С.В. Культура повседневного мышления и массмедиа // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. Мат. межд. науч.-практ. конференции. М. : АПК и ППРО, 2017. С. 21-25.
5. Ружиэйро В.Р. Мышление: пятнадцать уроков для начинающих авторов. М. : Флинта, 2006. 440 с.
6. Дрессер К. Обольстить логикой. Выводы на все случаи жизни. М. : Лаборатория знаний, 2017. 176 с.
7. Воробьева С.В. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов // Философия и социальные науки. 2015. № 1. С. 67-71.
8. Лисанюк Е. Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.6. 2013. №1. С. 13-21.
9. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.07 / Е. Н. Лисанюк. СПб., 2015. 297 с.
10. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2018. 231 с.
11. Lévinas E. Le Temps et l'Autre. Montpellier : Fata Morgana, 1979. 91 p.
12. Рикер, П. Кант и Гуссерль // Интенциональность и текстуальность: философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей, 1998. С. 162-194.
13. Зайцева Ю.Е. Время смысла: нарративный модус временной перспективы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 16-33.
14. Lévinas E. Diachronie et représentation: á la recherché du sens. Revue de l'Université d'Ottava, 1985. Vol.55. P. 85-98.
15. Воробьева С.В. Логико-когнитивные факторы системной модели научного творчества // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества: сб. науч. тр. VI Междунар. теор.-практ. конф. Улья-

новск : УлГТУ, 2018. С. 263-271.

16. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

17. Perelman Ch. De la temporalité comme caractèr de l'argumentation // Rhétoriques. Bruxelles, 1989. P. 437-466.

18. Солсо Р. Когнитивная психология. Спб. : Питер, 2002. 592 с.

19. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. М. : ЛКИ, 2011. 408 с.

20. Воробьева С.В. Диалог культур как способ конструктивного мышления в условиях неопределенности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. XIII Межд. науч.-практ. конференции. М.: Перо, 2019. № 13. Ч. 3. Актуальные пробл. философ. С. 32-36.

21. Воробьева С.В. Логика и коммуникация: пособие. Минск : БГУ, 2010. 327 с.

22. Вандервекен Д. Истина, пропозициональные установки и тождество пропозиций // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы X Общеросс. науч. конф. С.-Петербург, 26-28 июня 2008 г. СПб : СПбГУ, 2008. С. 31-40.

УДК 1+008

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Н. Гусейнова

Азербайджанский университет языков

ул. Р.Бейбутова, 134, Баку, Республика Азербайджан

huseynova_nigar@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются идеи толерантности в межкультурных отношениях с аксиологической точки зрения. Философская сущность идей культурной толерантности, ее место в диалоге культур и культурная толерантность как ценность в условиях глобальных трансформаций рассматриваются как фундаментальные аксиологические факторы современной эпохи. Влияние универсальных ценностей в ходе процессов получения выгоды, присвоения, обогащения во время взаимодействия культур, их открытость к диалогу стали предметом исследований. Толерантность, как уникальная и универсальная ценность, признает разнообразие культур и их смежное существование, отрицает взаимную ненависть, враждебность, интолерантность, устраняет ксенофобию, прививает народам, культурам чувство уважения. Идеи культурной толерантности отражает в себе демократические взгляды, стереотипы, систему ценностей, основанную на принятии принципов толерантности в межкультурных отношениях, а также психологическую готовность взаимодействовать с другими культурами на основе уважения, понимания, согласия и принятия других культурных ценностей и традиций.

Ключевые слова: *межкультурные отношения; толерантность; аксиология; ценность; диалог культур; уникальные ценности; универсальные ценности; глобальная трансформация; культурное разнообразие.*

AXIOLOGICAL ASPECTS OF TOLERANCE IDEAS IN INTERCULTURAL RELATIONS

N. Huseynova

Azerbaijan University of Languages

Rashid Behbudov str., 134, Baku, Republic of Azerbaijan

Annotation. The article discusses the ideas of tolerance in intercultural relations from an axiological point of view. The philosophical essence of ideas of cultural tolerance, its place in the dialogue of cultures and cultural tolerance as a value in the context of global transformations are considered as fundamental axiological factors of the modern era. The influence of universal values in the process of obtaining benefits, appropriation, enrichment during the interaction of cultures, their openness to dialogue have become the subject of research. Tolerance, as a unique and universal value, recognizes the diversity of cultures and their adjacent existence, denies mutual hatred, hostility, intolerance, eliminates xenophobia, instills a sense of respect among peoples and cultures. The ideas of cultural tolerance reflect democratic views, stereotypes, value systems based on the adoption of the principles of tolerance in intercultural relations, as well as psychological readiness to interact with other cultures based on respect, understanding, agreement and acceptance of other cultural values and traditions.

Keywords: *intercultural relations; tolerance; axiology; value; dialogue of cultures; unique values; universal values; global transformation; cultural diversity.*

В условиях современных глобальных трансформаций расширяются межкультурные отношения. Эти изменения устраняют культурные границы, вызывают взаимное обогащение, сохраняя своеобразие, универсальные ценности присваиваются народами. Культурная глобализация, являющаяся общемировым событием, обуславливает слияние уникальных национально-нравственных ценностей народов с универсальными культурными ценностями. Развитие разных культур возможно лишь в условиях толерантности. Потому что «взаимная ненависть, вражда и конфликты между разными народами и нациями не только принесли этим народам неисчислимые потери и страдания, но и отрицательно сказываются на развитии и стабильности во всем мире» [2, с. 205]. Эти аргументы доказывают, что в процессе взаимодействия между разными культурами помимо толерантности, появляются противоречия, противостояния, способствующие конфликту. Трансформации вызывают и переоценку существующих ценностей и формирование новых. С этой точки зрения аксиологический аспект идей толерантности в межкультурных отношениях привлекает внимание как актуальная социально-философская проблема. Тема также связана с тем, что аксиология является областью изучения духовных и культурных ценностей, которая исследует отношения между ценностями и социальными и культурными факторами.

Аксиология исследовала основы толерантности. Идея толерантности в межкультурных отношениях является одной из важнейших общечеловеческих ценностей. Их ценности характеризуются как важный элемент общественного сознания, а также концентрированное выражение значения культуры. Идея толерантности в межкультурных отношениях, которая является их составной частью, в соответствии со своей спецификой как ценность признает возможность мирного сосуществования разных культур. «Толерантность - это признание

разнообразия и различий, уважение и расположение к ним. Она является и нравственным императивом, признающим право других и поиск путей разрешения конфликтов и противоречий на основе различного мышления. Во многих случаях она понимается как уступка чужих недостатков, ради чего то вынужденно держать путь мира, принять существование другой идеи как объективный факт и др. «Толерантный стиль мышления является продуктом исторического развития общества, результатом сочетания разных культур и локальных человеческих объединений» [1, с. 166-167]. Термины «толерантность» и «мультикультурализм» близки по содержанию и тесно связаны друг с другом. «Толерантность» на постсоветском пространстве была впервые упомянута в «Большом энциклопедическом словаре» в 1991 г., и этот термин был интерпретирован с социальной точки зрения. Толерантность в «Словаре современной философской терминологии» определялась с точки зрения моральных качеств, характеризующих терпимость к другим расам, нациям, культурам, традициям, принадлежности к различным религиозным конфессиям. В «Краткой философской энциклопедии» толерантность представляется «как терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность есть отношение к другому как к равному себе, основанное на свободном выборе, невзирая на расхождения в мышлении и ценностях, образе жизни» [5, с. 457].

В подходе к идеям толерантности в межкультурных отношениях с аксиологического аспекта культура диалога выступает как важная ценность. Иногда толерантность также называют диалогом культур. Отношение диалога к другим культурам является ключевым элементом философско-этической проблемы толерантности. Поэтому в «Новой философской энциклопедии» диалог культур описан как аксиологический элемент толерантности: «В выработке новых смысложизненных ориентиров и в поиске новых стратегий цивилизационного развития важную роль может сыграть диалог культур, использование современной культурой достижений различных традиционных культур. Многообразие культур и их взаимодействие выступает условием их развития, потому что любое взаимодействие культур, как показывает историческая практика, является благотворным для развития. Унификация и уничтожение культурного многообразия может приводить к вырождению культур» [4, с. 347]. Говоря об аксиологических аспектах культурной толерантности, надо довести до сведения, что она как ценность противостоит насилию. Учитывая отрицание культурной исключительности, можно сказать, что она состоит из следующих ценностей: взаимопонимание; уважение прав и свобод; признание; культурный плюрализм; ненавязывание взглядов; обеспечение равноправного подхода; согласие; право отличаться друг от друга; открытый диалог; равенство в достоинстве; уважение самобытности [6, с. 19]. С аксиологического аспекта ценность как элемент культуры толерантности выступает как нормативный механизм. Толерантность - это не только необходимая часть современной культуры, но и универсальная ценность человечества. «В современной философии толерантность выступает как одна из фундаментальных ценностных установок современных людей. Без нее ни в одном социуме и государстве не может сложиться

целостная система ценностных ориентаций, а следовательно, не могут быть выработаны идеалы и цели общественного развития» [6, с. 16]. Толерантность как ценность отражает в себе правила: культурные ценности одного народа насильственно не принимаются другими; отказ от насилия; соблюдается отношения равенства. Эта идея понимается как существенная ценность в обществе, между людьми разных культур, наций, рас и религий. Против негативных последствий глобальных трансформаций могут стоять только взаимоотношения, идеи толерантности, единство культур, основанное на принципах равных прав культур разных народов.

Р. Асланова отмечает, что в условиях глобальных трансформаций во время межкультурных связей произошел процесс растворения локальной культуры в господствующей культуре, а также противостояние, диалог, связанные с судьбой национальных культур, и, в таком случае, «наиболее успешное стратегическое направление диалога и взаимопонимания культур, интеграция разных культур - успешный путь в мировое культурное пространство» [1, с. 10]. В такие моменты идеи толерантности, как аксиологический фактор, играют важную роль в развитии и взаимообогащении культур. Культура, содержащая в себе уникальные и универсальные ценности, обогащающая, обновляющая традиции и основанная на единстве современности, признана и принята во всем мире. Принятие общечеловеческих ценностей ведет к обогащению национальных культур.

Культурный диалог XXI века, завоевавший статус мировоззрения, проникая в систему ценностей тех или иных культур, выражая уважение к достижениям культуры каждой нации, составляет аксиологическую основу идей толерантности. С.Н. Гавров справедливо показал, что «режим диалога» сыграл значительную роль во взаимовлиянии культур, показывает его аксиологическую сущность: «взаимодействие культур имеет диалоговый режим. Диалог подразумевает равноправие партнеров и имеет ценностную природу» [4, с. 145]. В целом идеи толерантности в межкультурных отношениях являются многоаспектным феноменом. Исследование этих идей как ценности с аксиологического аспекта показывает, что это мощная движущая сила, которая усиливает культурные процессы. Как отметил академик Иса Хабиббейли, «в настоящее время представители разных народов азербайджанского общества живут и работают вместе как в одной семье, что является одним из главных духовных ресурсов нашей страны. Толерантная среда с сильными мультикультурными основаниями в Азербайджане является одним из основных показателей современного развития» [3, с. 10].

Таким образом, аксиологические аспекты идей толерантности в межкультурных отношениях можно рассматривать в следующих направлениях: 1) культурная толерантность выступает как одна из социальных ценностей современного общества и требует формирования ценностного отношения в разных культурах; 2) культурная толерантность создает условие для реализации потенциала терпимости в межкультурном общении с людьми, которые имеют схожие этнокультурные ценности, сотрудничество с разными культурами и взаимопониманиями, отличающиеся друг от друга внешностью, языком, убеж-

дениями, мировоззрением, традициями; 3) культурная толерантность в синтезной форме отражает в себе разнообразие культур, воображения о национальной и общечеловеческой системе ценностей; 4) культурная толерантность, как сложный многосферный феномен, в своем содержании носит аксиологический компонент как его индикатор. Этот компонент проявляется в осознании ценностей различных культур; 5) аксиологической основой культурной толерантности является принятие равенства различных культур посредством присвоения реальности.

Библиографические ссылки

1. Aslanova R. Qloballaşma və mədəni müxtəliflik. Bakı: Elm, 2004. 263 s.
2. Əhədova S.A. Müasir dünyada mədəniyyətlərarası münasibətlər. Bakı: Elm, 2014. 348 s.
3. Nəbibbəyli İ. Azərbaycan multikulturalizm yollarında. (Ön söz). // İdentlik, multikulturalizm, dialoq fəlsəfəsi. Bakı: Elm və təhsil, 2018. S. 5-15
4. Гавров С.Н. Многообразие культур как основа толерантности. Москва: АСТ, 2010. 212 с.
5. Краткая философская энциклопедия. Москва: Мысль. 620 с.
6. Матюшина В.В. Аксиологический аспект понятия «толерантность» // Вестник МГИМО. 2013, №3, С.12-29.

УДК 008:303.446.2

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПРИКЛАДНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.В. Донских

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь
sdanskikh@grsu.by

Аннотация. Раскрываются исторически сложившиеся особенности и взаимосвязи философской и научной познавательной деятельности. Подвергается критике модель трех этапов в развитии научного знания: философская дисциплина, фундаментальная наука, прикладная наука. Устанавливается, что развитие прикладного знания предшествовало становлению фундаментальной науки. Выявляется общая особенность философского и прикладного научного подхода – принцип «человекообразности». Раскрываются различия в понимании человека в философии и прикладных науках. В философии человек рассматривается с позиции должного и совершенного. В прикладных науках человек берется как данность – фактический, исторически и социально обусловленный человек. Делается вывод о необходимости философского обоснования принципа «человекообразности» для современных прикладных гуманитарных наук.

Ключевые слова: философия; наука; прикладные гуманитарные исследования; принцип человекообразности.

THE PROBLEM OF THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MODERN APPLIED HUMANITIES RESEARCH

S.U. Danskikh

Yanka Kupala State University of Grodno,
Ozheshko str., 22, 230023, Grodno, Republic of Belarus

Annotation. Historical features and interrelations of philosophical and scientific cognitive activity are revealed. The model of three stages in the development of scientific knowledge (philosophical discipline, basic science, applied science) is being criticized. It is established that the development of applied knowledge preceded the formation of basic science. The common feature of the philosophical and applied scientific approach is revealed – the principle of «human-essence accordance». The differences in the understanding of man in philosophy and applied sciences are revealed. In philosophy, a person is viewed from the position of due and perfect. In applied sciences, a person is taken as a given — an actual, historically and socially conditioned person. The conclusion is made about the need for a philosophical substantiation of the principle of “human-essence accordance” for modern applied humanities.

Keywords: *philosophy; the science; applied humanities research; the principle of human-essence accordance.*

В конце XX в. в отечественной интеллектуальной традиции сформировалась своеобразная универсальная модель становления и развития большинства научных дисциплин. Она включает в себя три этапа. 1) *Философский этап*, когда предметная область будущей науки осмысливается в контексте наиболее общих сущностных характеристик бытия и человека, принятых определенной философской школой. Даже эталонная «наука наук» – физика – много веков развивалась в рамках натурфилософии, прежде чем научная революция XVII в. сформировала ясную теоретико-методологическую парадигму классической физики, ставшую идеальной моделью для всех наук. 2) *Этап фундаментальной науки* или «чистой науки», которая отделилась от опеки философии, обрела свой институциональный статус и предмет изучения и стремится к познанию (открытию) основополагающих законов, определяющих сущность и существование базисных структур определенной сферы мироздания. Начало процесса отделения науки от философии принято датировать эпохой эллинизма (III–II вв. до н.э.), а его завершение, применительно к естественным наукам – ранним Новым временем (XVII–XVIII вв.). 3) *Этап прикладной науки*, когда фокус научно-познавательного интереса смещается на решение практических задач, на изобретения и технологические разработки, которые не имеют прямых аналогов в природе, но решают важные производственные и социальные проблемы. Истоки прикладных наук можно зафиксировать в древних цивилизациях Ближнего Востока (землемеры-геометры, агрономы-ботаники, оружейники-технологи), но как относительно самостоятельный тип научно-познавательной деятельности они стали бурно развиваться лишь с XIX в.

Предполагается, что каждой предметной области соответствуют две формы познавательной деятельности (философская и научная) и оба типа научно-познавательной деятельности (фундаментальная и прикладная наука), кото-

рые тесно взаимодействуют между собой. Если речь идет о психике, как свойстве высокоорганизованной материи, то связанные с ней проблемы будут изучаться на всех трех уровнях: философском (философская антропология, гносеология), фундаментальном научном (психология) и прикладном научном (практическая психология, психиатрия). Каждой науке должна соответствовать специальная философская дисциплина, призванная обосновать ее теоретико-методологические основания, определить статус в общенаучной картине мира и интегрировать результаты научного специализированного поиска в наличное историческое мировоззрение. Данная модель применима далеко не ко всем научным дисциплинам. Такая фундаментальная наука как история в своем развитии долгое время не знала влияния философии. Медицина как прикладная наука появилась задолго до того, как биология и химия смогли заложить достоверный фундамент медицинской практике. Экономическая наука почти сто лет развивалась в прямом диалоге с социальной философией, прежде чем социология и психология заявили о себе как о фундаментальных социальных науках. Как отметил В.С. Степин, со временем отдельные прикладные науки смогли выработать свой «слой фундаментальных знаний». В первую очередь это касается технических и экономических наук [1]. При этом большинство прикладных наук изначально являются междисциплинарными. Медицинские и сельскохозяйственные науки опираются на результаты научно-познавательной деятельности таких фундаментальных научных дисциплин, как физика, химия, биология и, применительно к медицине, психология. Практически все современные науки испытывают на себе влияние технических и экономических наук. Таким образом, традиционная модель генезиса и эволюции рациональной познавательной деятельности (философия → фундаментальная наука → прикладная наука) применима к ограниченному числу предметных областей. Чаще всего в истории западной цивилизации фиксируется ситуация длительного параллельного существования определенных философских дисциплин и предметного прикладного знания, практически не взаимодействующих между собой. В XVII–XVIII вв. начинается развитие фундаментальных наук, которые с XIX в. оказывают все возрастающее влияние на прикладные исследования. Поскольку традиционная модель в значительной степени отражает историческую эволюцию физики – «эталонной науки» Нового времени, то она была некритично применена к развитию всех других научных дисциплин.

Теоретическое размежевание философии и фундаментальной науки происходило в конкретных культурно-исторических условиях и было связано со становлением классической рациональности, которая стремилась максимально элиминировать субъекта из процесса познания [2]. Искомое адекватное отражение объекта в сознании субъекта предполагало беспощадную внутреннюю борьбу познающего субъекта со всеми «идолами», от ограниченности биологической природы человека до его культурно-исторической обусловленности. В классической рациональности человека надо было преодолеть посредством абстрагирования от всего человеческого, т.е. наносного, «субъективного».

Элиминирование человека стало одним из критериев размежевания философии и фундаментальной науки. Большинство определений философии подчеркивают ее человекообразность. В советской интеллектуальной традиции философия рассматривалась как «учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру» [3, с. 695]. Современные философы определяют сферу своей профессиональной деятельности как «особую форму познания мира [...], которая стремится рациональными средствами создать предельно обобщенную картину мира и места человека в нем» [4, с. 1142]. Априорная человекообразность присуща не только философии, но и всем прикладным наукам. С древних времен прикладное знание продуцировалось, сохранялось и транслировалось для человека и ради человека. Для фундаментальной физики абсолютно несущественна эргономичность (соразмерность человеку) объективных физических процессов и законов, а для технических наук – это крайне важный вопрос.

Одно из принципиальных отличий философии и прикладных наук заключается в том, что философия исходит из идеального человека (в широком понимании термина «идеальный»), из человека как должного. В каком-то смысле это «сверхчеловек», который преодолевает ограниченность своего повседневного, культурно-исторически ограниченного бытия. Для прикладных наук важно удовлетворить потребности именно «обычного человека». Они не стремятся сделать человека лучше, но удовлетворяют потребности и нужды человека как такового, а со временем начинают все больше потакать слабостям, комплексам и фантазиям рода человеческого. Политические технологии, навязчивая реклама, PR, вычурный дизайн, компьютерные игры и симуляторы реальности, пластическая хирургия, синтетические психотропы – вот далеко не полный перечень «даров» современных прикладных наук. С этой точки зрения все прикладные науки изначально являлись гуманитарными, поскольку имели своей главной целью удовлетворение потребностей и нужд человека. Благодаря прогрессу фундаментальных наук, прикладные науки получили мощный теоретико-методологический фундамент и невиданные ранее массивы предметных баз данных – объективных результатов фундаментальных научных исследований. Это позволило прикладным наукам добиться впечатляющих успехов и прочно институционализироваться в современных научных классификациях. Неизбежным результатом явилась классификация прикладных наук согласно сложившейся под влиянием позитивизма общей системы научного знания на естественные, социальные и гуманитарные науки. В отечественной традиции принято рассматривать в единстве социально-гуманитарные науки. В западной интеллектуальной традиции социальные и гуманитарные науки жестко противопоставляются. Гуманитарному знанию в принципе отказывают в праве считаться наукой (Social Sciences vs Humanities). Хотя тесное междисциплинарное взаимодействие социальных и гуманитарных наук – очевидный факт для современного научного знания [5].

Неудивительно, что практически все социально-гуманитарные прикладные науки стремятся позиционировать себя как науки социальные. Согласно

расхожему мнению, естественные прикладные исследования направлены на преобразование природы посредством техники, а социальные прикладные науки – на преобразование общества посредством политики. Для гуманитарных наук объект и средства научно-преобразовательной деятельности далеко не очевидны. В идеале их объектом является человек, однако говорить о полном и прямом преобразовании человека не приходится. Можно предположить, что объектом научно-преобразовательной деятельности гуманитарных наук являются «мировоззренческие универсалии» или «универсалии культуры». В. С. Степин рассматривал их как категории, «которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [4, с. 1142]. Таким образом, гуманитарные прикладные науки преобразуют человека косвенно, посредством легитимации, трансформации или демонтажа определенных мировоззренческих универсалий. Средством преобразования объекта в прикладных гуманитарных исследованиях выступает культура. Точнее определенная субкультура, которая не просто аккумулирует, но символизирует и транслирует в обществе новую систему мировоззренческих универсалий, а также интегрирует людей, разделяющих новые взгляды и ценности.

При этом все современные гуманитарные прикладные исследования являются междисциплинарными направлениями с определенными экспликациями в социальную сферу, как минимум на уровне идеологических течений. Например, гендерные исследования неразрывно связаны с феминизмом как субкультурой и политической идеологией. Постколониальная критика объективирована в целый веер этнических, региональных и гибридных субкультур и развивается в постоянном взаимодействии с социальными и политическими практиками мультикультурализма. Отечественная регионалистика переживает этап теоретико-методологического обоснования и размежевания с преднаучным краеведением, а также с авторитетными канонами региональных исследований, которые сложились в экономических науках и геополитике. В западных исследованиях регионалистика пытается преодолеть многолетние традиции «Area Studies», фундированных мощным дискурсом ориентализма (колониализма), посредством субъективации регионов, которые изначально были сконструированы и позиционированы как репрезентации чужих ментальных карт и культурных традиций.

Современные прикладные гуманитарные исследования имеют одну общую особенность. Все они выступают от имени аутсайдеров глобального мира: женщин, жителей бывших колоний или отстающих регионов, которые несправедливо ущемляются в правах и подвергаются разного рода дискриминации и эксплуатации. В их интересах гендерные исследования, постколониализм и регионалистика осуществляют жесткую ревизию исторически сложившихся мировоззренческих универсалий.

Однако без соответствующей взвешенной и глубокой философской рефлексии критический пафос современных прикладных гуманитарных наук гро-

зит мировоззренческой анархией и серьезными социально-политическими потрясениями. Созданный «старыми белыми мужчинами» современный мир далек от идеала, но с философской точки зрения это не является аргументом заведомого преимущества альтернативных картин мира. Прикладным гуманитарным наукам необходимо обосновать свою «человекообразность» исходя не только из социально ограниченного образа ущемленного человека, но также из философского идеала человека, взятого в его всеобщности и стремлении к совершенству.

Библиографические ссылки

1. Степин В. С. Философская антропология и философия культуры. М. : Академический проект, 2015. 542 с.
2. Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. СПб. : Миръ, 2009. 672 с.
3. Философский энциклопедический словарь / М. : Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
4. История философии: Энциклопедия / А. А. Грицанов. Минск : Интерпрессервис, 2002. 1376 с.
5. Антропологические традиции: стили, стереотипы. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 208 с.

УДК 1(091)(4/9); 1(091)

ТРАНСФЕР И КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИДЕЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ В БЕЛАРУСИ 1970-1980-х гг.

А.Ю. Дудчик

Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, Минск, Республика Беларусь
dudchik@philosophy.by

Аннотация. В работе представлен анализ основных вариантов трансфера и критического осмысления зарубежных идей в белорусской философской науке периода 1970-80-х гг. на материале защищённых в это время диссертационных работ. Выявлены особенности критического осмысления зарубежных идей посредством процедур критики буржуазной философии. Рассмотрены наиболее популярные темы, связанные с изучением зарубежной философии, в рамках специальностей «История философии», «Теория научного социализма и коммунизма», «Диалектический и исторический материализм». Установлено, что наиболее часто исследователи обращались к темам, связанным с социальной и политической проблематикой североамериканского и (в меньшей степени) западноевропейского обществ. Отдельно рассмотрен трансфер социологических идей и его влияние на становление социологии как дисциплины.

Ключевые слова: советская философия; белорусская философия 20 в.; критика буржуазной философии; североамериканская философия; европейская философия; диссертационные исследования по философии; трансфер идей.

TRANSFER AND CRITIQUE OF FOREIGN IDEAS IN PHILOSOPHY IN BELARUS IN 1970-1980-S

A.Y. Dudchik

Institute of Philosophy of National Academy of Science of Belarus
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Republic of Belarus,

Annotation. The research analyzes main variants of transfer and critique of foreign ideas in Belarusian philosophy in 1970-80-s in PhD papers. Main peculiarities of 'criticism of bourgeois philosophy' procedures are explicated. The most popular problems of foreign philosophy in History of philosophy, Theory of scientific socialism and communism, Dialectical and historical materialism are presented. The research shows that problems of social and political spheres of North American and European societies were the most popular for the Soviet researchers. Transfer of foreign ideas and its influence on the development of Belarusian sociology is presented.

Keywords: *Soviet philosophy; Belarusian philosophy of the XX century; criticism of bourgeois philosophy; American philosophy; European philosophy; PhD papers in philosophy; transfer of ideas.*

Исследование охватывает период с 1972 по 1991 гг., за который было защищено 655 диссертаций, который классифицировались в зависимости от научной специализации. Если ранее не указывается специальность, по которой защищалась диссертационная работа, то с 1972 г. установлена общая классификация специальностей. Анализ становления функционирования советской классификационной системы для философских наук представлен в работе М.Р. Дёмина [1, 492-493]. Трансфер зарубежных идей осуществляется в этот период более активно, включая преимущественно следующие научные направления: 09.00.03 История философии; 09.00.02 Теория научного социализма и коммунизма; 09.00.01 Диалектический и исторический материализм. Установлено, данные специальности были наиболее популярными с точки зрения общего количества защищённых работ (8,85 %, 32,3% и 39,7% соответственно).

Трансфер идей в рамках других специальностей (09.00.06 Научный атеизм, религия (история и современность); 09.00.04 Марксистско-ленинская эстетика; 09.00.05 Марксистско-ленинская этика; 09.00.07 Логика; 09.00.08 Философские вопросы естествознания и техники) осуществлялся значительно реже и ограничивался единичными работами. Так, в рамках специальности 09.00.03 «История философии» происходит обращение к следующим темам и направлениям: немецкая философия в целом (немецкие философы второй половины XVIII в., И. Кант, Г. Гегель, В. Дильтей, Э. Кассирер, Э. Гуссерль), античная философия (раннегреческая диалектика, логические идеи, Аристотель), североамериканская философия (Ч. Моррис, Дж. Сантаяна) и социология, британская философия (Дж. Э. Мур, К. Поппер), французская философия 17-18 вв. (Н. Мальбранш, движение просветителей), Х. Ортега-и-Гассет, А. Камю, феноменологическая социология, философия латиноамериканского католицизма. Несколько работ посвящены темам, связанным с философией стран социалистического лагеря: история философии Польши (4 работы),

марксизм в странах Ближнего Востока, Кубы.

Специальность 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» затрагивает следующие темы: современная буржуазная футурология, неоколониализм, неоконсерватизм, сионизм, империализм, советология, ревизионизм, социал-реформизм, рейганизм, демократическое движение и коммунистическая партия США, социальные проблемы капиталистического общества, манипулирование массовым сознанием, деятельность эмигрантов (на примере Латвии). Несколько работ посвящены темам, связанным с общественными процессами в странах социалистического лагеря (страны Совета экономической взаимопомощи, Польша, Чехословакия, Куба, Демократическая Республика Конго).

В диссертациях по специальности 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» рассматриваются следующие темы: североамериканская социология и политология (темы социальной мобильности, человеческой агрессивности, среднего класса, технологического детерминизма, политизации политической культуры, «организованного общества»), феномен контркультуры в США, психоанализ, концепция Г. Маркузе, философская герменевтика, философия неотомизма, религиозные концепции взаимодействия общества и природы, проблема гармонизации отношений «человек-природа». Несколько работ посвящены анализу идейных и социальных процессов в странах социалистического лагеря: Куба (3 работы), Чехословакия.

Работы, относящиеся к другим специальностям, затрагивают следующие темы: идеология сионизма, специфика раннего христианства, ислам, современный протестантизм, философские взгляды Д. Дидро (Научный атеизм, религия (история и современность)), философия Г. Гегеля (Марксистско-ленинская эстетика), философия А. Бергсона (Марксистско-ленинская этика), взгляды Т. Котабринского (Логика), философия Э.Х. Бароны (Философские вопросы естествознания и техники). Можно назвать наиболее популярные темы, идеи и направления, включенные в процессы интеллектуального трансфера белорусской философии рассматриваемого периода. Они связаны с социальной и политической проблематикой североамериканского и (в меньшей степени) западноевропейского обществ. Из конкретных направлений наиболее популярными являются: североамериканская философия и социология, немецкая философия в целом, античная философия, британская философия. Отдельно отметим ряд работ, связанных с проблематикой стран социалистического лагеря (история философии, социальные и культурные процессы).

Основной стратегией освоения идей зарубежной философии является процедура «критики буржуазной философии». Важно отметить, что в позднесоветский период собственно критико-полемика составляющая исследования часто отходила на второй план, принимая характер воспроизведения определённых формальных схем и риторических формул. Здесь можно обратиться к понятию «гипернормализации» позднесоветских дискурсивных практик, которое использует антрополог А. Юрчак [2], для которых характерным становится использование официальной риторики вне жёстко заданного идео-

логического контекста. Сами процедуры «критики буржуазной философии», по мнению В. Куренного, становятся близкими к «имманентному» варианту историко-философского изучения, т.е. подробной реконструкции философских построений в рамках их собственной логики и языка описания [3, 9].

Отдельно следует отметить развитие дисциплины «прикладная социология» как части корпуса философских наук. Диссертационные работы по прикладной социологии за данный период в основном посвящены эмпирическим исследованиям и в явной форме обращения к зарубежным идеям не содержат. Тем не менее, обращение к исследовательской и учебной литературе того времени позволяет сделать вывод, что процессы трансфера зарубежных идей осуществлялись и здесь. Как и в случае с философскими дисциплинами в целом, преобладающей формой трансфера зарубежных идей являлась процедура «критики буржуазной социологии». Среди работ по социологии, содержащих отсылки к зарубежным теориям, можно выделить ряд монографий Г.П. Давидюка [4], [5], Е.М. Бабосова [6], посвящённые критическому анализу зарубежных философско-социологических концепций, а также первые в СССР учебники по прикладной социологии ([7], [8]) и «Словарь прикладной социологии» [9]. Основное внимание в большинстве работ уделяется североамериканским авторам (Д. Белл, У. Ростоу, Э. Тоффлер), однако присутствуют и отсылки к работам европейских исследователей (Р. Арон). Учебники по прикладной социологии, в свою очередь, содержат достаточно подробное рассмотрение основных этапов и направлений зарубежной социологической теории (США, Германия, Франция, Англия, Италия, Япония). Содержание ряда статей в «Словаре прикладной социологии» («Современная буржуазная социология», «Социальная мобильность», «Социальный статус», «Социология массовой коммуникации») также указывает на хорошее знакомство авторов с зарубежными социологическими концепциями. Указание на значимость процессов трансфера зарубежных идей для белорусской социологии можно встретить и в мемуарной литературе. В частности, в своём интервью Г.П. Давидюк отмечает важное влияние идей Дж. Гэлбрейта и Д. Белла на своё профессиональное становление [10].

Для белорусской философии послевоенного периода характерен интерес к проблематике североамериканской философии и социологии, что представлено в целом ряде соответствующих исследований. Тем не менее, представление о трансфере преимущественно западных идей также не будет полностью корректным, поскольку одновременно с «западным» вектором изучения имел место и ряд работ, связанных с проблематикой стран социалистического лагеря (история философии, социальные и культурные процессы). При этом были представлены как европейские страны (Польша, Чехословакия), так и страны из других регионов: Куба, Демократическая Республика Конго. Кроме того, отдельно следует отметить ряд исследований, тематических связанных с другими советскими республиками (например, Латвии). С учётом всех этих обстоятельств, на наш взгляд, более корректно было бы говорить о трансфере зарубежных идей (с приоритетом европейской традиции в целом)

как о важном факторе развития философской мысли Беларуси XX в.

Изучение процессов культурного трансфера (наряду с более традиционным изучением влияний и рецепций) позволяет скорректировать несколько одностороннюю субъект-объектную схему, показывая белорусскую философскую традицию не только в ситуации пассивной рецепции определённых внешних влияний, но как активно вовлечённую в сложные и многообразные процессы взаимодействия в рамках общеевропейского философского контекста. В частности, для процессов трансфера философских идей характерна определённая избирательность, которая проявляется в повышенном интересе к определённым идеям, темам, направлениям и методологиям. Подобный интерес может быть объяснён как внутренними причинами развития философского знания, так и наличием внешних факторов. Как было установлено, существенную роль в этом процессе играют философские институты и правила (по аналогии с понятием «институциональная среда» в экономической теории), которые во многом направляют и упорядочивают процессы трансфера, придавая им определённые устоявшиеся формы. Таким образом, можно констатировать достаточно большой масштаб трансфера и критического осмысления зарубежных идей в белорусской философской науке 1970-80-х гг., а также о существенном влиянии этих факторов на развитие философской и социологической мысли.

Библиографические ссылки

1. Дёмин М.Р. Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России // *Науки о человеке: история дисциплин* [Текст]: коллект. моногр. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2015. С. 483-507.
2. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 604 с.
3. Куренной В.А. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // *Логос*. 2004. № 3-4. С. 3-29.
4. Давидюк, Г.П. Критика теории «единого индустриального общества». Минск : Наука и техника, 1968. 229 с.
5. Давидюк Г.П. Проблемы «массовой культуры» и массовой коммуникации. Минск : Наука и техника, 1972. 140 с.
6. Бабосов Е.М. Социальные аспекты научно-технической революции. Минск : БГУ, 1976. 478 с.
7. Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию. Минск : Высшая школа, 1975. 200 с.
8. Давидюк Г.П. Прикладная социология. Минск : Высшая школа, 1979. 220 с.
9. Словарь прикладной социологии / К. В. Шульга. Минск : Университетское, 1984. 317 с.
10. Динамизм и оптимизм – жизненное кредо профессора Г.П. Давидюка. Интервью заслуженного работника БГУ, д. ф.н., проф. Г.П. Давидюка главному редактору журнала «Социология» А.Н. Данилову. // *Социология*. 2013. № 2. С. 6-17.

ЯЗЫК КАК «ТЕЛЕСНЫЙ ЖЕСТ» И «ИНТЕКСТУАЦИЯ ТЕЛА» (М. МЕРЛО-ПОНТИ, М. ДЕ СЕРТО)

Е.И. Жук

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
zhuke93@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается базовое для феноменологической концепции языка представление о востелесненности экзистенции. Человек понимается как востелесненное сознание, и все способы обращения с миром – в том числе, язык – вырастают на базе телесности. М. Мерло-Понти называет язык телесным жестом, размещая его на пересечении природного и культурного миров, что подчеркивает направленность языка к Другому. Связь феноменов языка и интерсубъективности прослеживается далее в концепте, предложенном М. де Серто – «интекстуация тела».

Ключевые слова: язык; телесный жест; интекстуация тела; востелесненность сознания; естественная установка; интерсубъективность; феноменология языка.

LANGUAGE AS «BODILY GESTURE» AND «INTEXTUATION OF THE BODY» (M. MERLEAU-PONTY, M. DE CERTEAU)

K. Zhuk

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Summary. The article deals with the basic for phenomenology of language notion of embodied existence. Human being is seen as embodied consciousness, and all the ways of dealing with the world, including language, are rooted in embodiment. Merleau-Ponty defines language as bodily gesture, situating it in the intertwining of natural and cultural worlds and emphasizing its focus on the Other. Further, the correlation of phenomena of language and intersubjectivity is analysed within Certeau's concept of «intextuation of the body».

Keywords: language; bodily gesture; intextuation of the body; embodied consciousness; «*natürlichen Weltbegriff*»; intersubjectivity; phenomenology of language.

Принадлежность феноменологии к традиции неклассической философии, фундирующая убежденность в сознательной и телесной расположенности человека в мире, дает повод рассуждать о языке как укорененном не только в мышлении, но и в теле. Человек понимается в данной традиции как единство тела и мышления, то есть, как подлинно живой человек, а не конституирующее сознание. Делается предположение о том, что всякая человеческая способность, в том числе языковая, закреплена в нас не только через сознательную, но и через телесную активность. Ни тело, ни мышление человека не могут существовать отдельно: тело всегда есть тело мыслящее, а мышление – всегда востелесненное. Французский феноменолог М. Мерло-Понти не только скрупулезно и подробно разрабатывает проблематику телесности, ставшую своего рода одной

из «визитных карточек» феноменологии, но и наиболее полно и последовательно изучает ее связь с языком. Если М. Мерло-Понти подробно демонстрирует, каким образом, фактически, языковая способность «вырастает» из телесности, М. де Серто, в свою очередь, выдвигает идею о своеобразном стремлении тела «врасти» в язык. Тем самым он показывает, как экзистенция может быть метафорически проанализирована в терминах языкового пространства. М. Мерло-Понти не принимает позицию философии конституирующего сознания, заявляя о неустранимом присутствии мира до анализа и углубляясь в исследования человеческого тела. М. Мерло-Понти настаивает на принятии в рамках феноменологического исследования естественной установки сознания, согласно которой «мир всегда «уже тут», до рефлексии, как некое неустранимое присутствие» [1, с. 5]. Точно так же и востелесненность сознания является очевидностью для естественной установки, поскольку человек обнаруживает свое постоянное присутствие в теле и не ставит под вопрос существование в мире в границах телесности. Именно таким, преодолевающим философию конституирующего сознания, возведшую разум в ранг квинтэссенции человеческой сущности, полагает М. Мерло-Понти проект философии, претендующей на звание «строгой науки». Он пишет: «феноменология – это также философия, которая помещает сущности в экзистенцию и полагает, что человек и мир могут быть поняты лишь исходя из их «фактичности»» [1, с. 5]. М. Мерло-Понти наследует и Э. Гуссерлю, и М. Хайдеггеру в разворачивании собственного понимания феноменологии. Отвергнув монологизирующий пафос философии конституирующего сознания, он углубляется в исследования восприятия, языка, Другого – и основывает их на проработке проблематики телесности.

Б. Вальденфельс, немецкий феноменолог, ученик и исследователь творчества М. Мерло-Понти отмечает: «Пристрастие Мерло-Понти к проблематике тела не приравнивается ни к самовлюбленности «Я», ни к гегелевской «нежности к вещам, [...] которая озабочена исключительно тем, чтобы вещи не противоречили друг другу» [2, с. 383]. Б. Вальденфельс подчеркивает, что М. Мерло-Понти продуцирует новый подход к проблематике телесности, стремясь придать философское выражение естественной установке сознания. В определенном смысле, это задача противоположна декартовскому принципу радикального сомнения, когда не только существование тела, но существование самого Я ставиться под вопрос. Как бы то ни было, задача М. Мерло-Понти, разворачивающего базовый философский принцип на 180 градусов, в сторону естественной установки сознания, не является проще. Она включает в себя необходимость отразить негативные последствия доминирования философии конституирующего сознания (условность фигуры Другого, забвение проблематики языка, тела и т.д., вера в безусловный авторитет разума), вывести на поверхность периферийные темы, наполнив философский язык новыми терминами, «изъятиями» из практики обыденного употребления языка. Такое специальное обращение к обыденному языку как к ресурсу для философского словаря, а также как к одному из объектов феноменологического исследования, обусловлено именно тем, что естественная установка сознания взята за «отправную точку» феноме-

нологии. Исследуются те феномены и практики, которые соприсутствуют всякому человеческому опыту (в том числе, когнитивному), а значит философ одновременно и «пробирается» к сути человеческого существования в мире, и ощущает неспособность к артикуляции полноты экзистенции. Человек не способен стать в позицию автономного субъекта по отношению к объективированной экзистенции (как подразумевала философия конституирующего сознания), поскольку философское созерцание остается погруженным в конкретное телесно-сознательное присутствие. Б. Вальденфельс кратко отражает данный аспект феноменологического исследования – «Тело – это не нечто, на что мы можем указать пальцем, так как оно само и является этим указанием» [2, с. 383], – демонстрируя и корень проблемы философского обращения к проблематике тела, и саму суть феноменологической артикуляции естественной установки сознания. М. Мерло-Понти подчеркивает, что человек с самого рождения погружен в мир как телесно-сознательное присутствие, и всякий человеческий опыт есть опыт обращения с миром, осуществляемый изнутри единства тела и сознания. Именно поэтому телесность становится ключевой темой для М. Мерло-Понти, на базе которой он разворачивает исследование значимых феноменов человеческого существования. И языковая проблематика, с течением времени занимающая все более значимые позиции в текстах М. Мерло-Понти, вырастает на базе исследований телесности – такой подход к языку является, в определенной степени, феноменологическим открытием и позволяет, освободив язык от «диктата» монологичного конституирующего сознания, раскрыть феномен языка как подлинное основание интересубъективности.

М. Мерло-Понти определяет языка как «телесный жест», что дает возможность развивать на базе языковой проблематики как линию как субъективности, так и интересубъективности. Соприкасаясь с герменевтической традицией, М. Мерло-Понти утверждает, что человек рождается в природный и культурный миры, и все способы его обращения с миром являются естественными и культурно обусловленными одновременно. Он пишет: «Если, размышляя над сущностью субъективности, я нахожу, что она связана с сущностью тела и сущностью мира, это значит, что мое существование в качестве субъективности составляет единое целое с моим существованием в виде тела и с существованием мира и что, в конце концов, субъект, каковым я являюсь, если взять его конкретно, неотделим от этого самого тела и этого самого мира» [1, с. 518]. Язык как телесный жест есть один из способы употребления тела, осуществление интенции означивания по отношению к миру. Обращение к слову, по М. Мерло-Понти, так же естественно, как произвольное движение руки. Оно доступно и понятно Другому как способ обращения с миром. В то же время, множество словесных жестов надстраивает мир культурный над миром природным. И человек, рождаясь в мир, испытывает на себе влияние культурно-географического аспекта на видоизменение природно обусловленных телесных жестов. Избавив проблематику телесности от оков философии конституирующего сознания, М. Мерло-Понти стремится избавить феномен языка от традиционно присущей ему вторичной роли. Помещение языка в разряд жеста у М. Мерло-Понти

должно быть понято не как некое нивелирование фундаментальности или исключительности языковой способности в конституировании экзистенции. Скорее, такой шаг может рассматриваться как довольно оригинальный способ «вывода» языка из плена конвенционалистских трактовок, которые так прочно вошли в философский дискурс времен конституирующего сознания, что были унаследованы значимыми ответвлениями неклассической философии. Он пишет: «конвенции являются поздней формой отношения между людьми, они предполагают предварительное общение, и нужно вернуть язык в это коммуникативное русло» [1, с. 244]. М. Мерло-Понти настаивает на изначальности двойственности, которая характеризует как конкретное человеческое существование, так и присущие ему феномены: язык, как всякий телесный жест, погружен в переплетение природного и культурного. Он также фундирует как человеческую субъективность, так и пространство интерсубъективности.

Любопытную иллюстрацию неразрывной связи языка и телесности проводит М. де Серто, который, признавая укорененность языковой способности в сознательно-телесном существовании я, поворачивает вектор рассмотрения, в том числе, в обратном направлении. Он пишет о стремлении каждого человека «вернуться» в сферу языка, называя такой импульс стремлением к «интекстуации тела». Образно описывая принципиальную незавершенность проявлений востелесненного существования, которое стремится обрести целостность хотя бы в слове Другого, он пишет: «От этой непроницаемой и рассредоточенной плоти, этой выходящей за любые границы беспокойной жизни перейти наконец к прозрачности слова, стать частью языка, именем, которое могут читать и цитировать другие» [3, с. 260]. В русском переводе латинообразный термин М. де Серто сочли нужным перевести словосочетанием, характерным для русской речи: «превращение тела в язык», однако, учитывая содержательность феноменологического различения языка и речи, представляется более продуктивным оставить оригинальный термин «интекстуация тела». М. де Серто подчеркивает, используя языковые термины для анализа экзистенции, что я желает быть «прочитанным и процитированным Другим». Т.е. в подобной иллюстрации вычленяется именно направленность человеческого я к Другому, характерная для феноменологической традиции, и здесь вычленение этой направленности принимает метафорическую форму, очень наглядно очерчивающую свой смысл: человек понимается как текст. Важно подчеркнуть словесную форму, в которую обернул свою идею М. де Серто (который сам выверил перевод текста на английский): понятие «язык» не дает того мгновенного схватывания отсылки к Другому, что есть в понятии «текст». Текст есть высказывание, всегда индивидуальное, исходящее из места-в-бытии, и всегда адресованное Другому – жаждущее ответного понимания. Так, очень образно и наглядно, М. де Серто еще раз иллюстрирует фундаментальное переплетение «я-Другой-мир», обращаясь к двум базовым характеристикам человеческой экзистенции – востелесненности и языковой способности. Таким образом, М. де Серто, как и М. Мерло-Понти, отказывается от традиционного для классической философии приоритета разу-

ма по отношению к телу и от вторичности роли языка, демонстрируя основополагающую связь феномена языка с пространством интерсубъективности.

Как подчеркивает Дж. Мюррей, М. де Серто также стремится освободить язык от позитивистских трактовок, которые характеризуются весьма инструменталистским подходом к языку, наследуя, во многом, традициям философии конституирующего сознания. Он пишет: «Отделение «субъекта от объекта» приводит проект Просвещения к использованию языка в качестве первичного инструмента в объективации опыта. Соответственно [...] язык сам кажется объективированной сущностью. Появляется также искушение рассматривать язык как сумму символов» [4, с. 24]. Мюррей подчеркивает, что М. де Серто противится такому упрощенному пониманию языка: «Это, однако, позитивистское понимание дискурсивного языка, или, как пишет Серто, «искусственного языка», заставляет нас верить, что мы способны отделить себя от жизни и от языка, или же что чистая рациональность способна преодолеть все. Серто затратил немало времени на опровержение подобного понимания, прослеживая его истоки в эпохе Просвещения» [4, с. 25]. М. де Серто отказывается от инструменталистского понимания языка, демонстрируя, что любое проявление экзистенции вне языка невозможно и что язык есть намного более многослойный феномен, нежели сумма символов или простой инструментарий мышления.

Для феноменологической концепции языка представление о востелесненности экзистенции является базовым: человек существует исключительно как телесно-сознательное присутствие, посему все фундаментальные характеристики существования, все способы обращения с миром вырастают на почве телесности. М. Мерло-Понти, знаменитый детальным исследованием феномена телесности, называет язык жестом, размещая его в рамках телесности, и, одновременно с этим, демонстрируя переплетение культурного и природного в человеке. Это является значимым шагом в высвобождении феномена языка из пут конвенционалистских трактовок. Жест, в том числе языковой, должен и может быть понят; как сам человек, он существует в принципиальной направленности к Другому. М. де Серто, обращаясь к проблеме тела, в свою очередь демонстрирует фундаментальность языковой способности в выстраивании проблематики интерсубъективности. Говоря о стремлении каждого человека к интекстуации своего тела, М. де Серто демонстрирует, как специфика экзистенции может быть продемонстрирована в терминах языковой сферы: человек как текст, как высказывание всегда, всем своим поступанием, адресуется Другому и стремится найти ответное понимание.

Библиографические ссылки

1. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, Наука, 1999. 605 с.
2. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое Минск : Логвинов, 2006. 400 с.
3. Вальденфельс, Б. Ключевая роль тела в феноменологии М. Мерло-Понти. Минск : Логвинов, 2006. С. 379-399.
4. Murray J. Michel de Certeau's Language Theory // Journ. of College Writing. 2003. №6.1. P.19-32.

БЫТОФИЛОСОФИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ ОПТИКИ

В.А. Костенич

УО «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова»
ул. Космонавтов, 1, 212022, Могилев, Республика Беларусь
kosvladan@mail.ru

Аннотация: В публикации эксплицируется философский потенциал отдельных речевых практик, создающих мировоззренческие конфигурации смыслов жизни внутри повседневностей человеческого бытия.

Ключевые слова: философия; философствование; бытофилософии; эпитафия; тост; молитва; исповедь.

THE PHILOSOPHIES OF HOMELINESS AS THE OPTICS OF LIFE MEANINGS

V.A. Kostenich

Mogilev State A.Kuleshov University

Kosmonavtov str., 1, 212022, Mogilev, Republic of Belarus

Abstract. The publication explicates the philosophical potential of individual speech practices, that create worldview configurations of meanings of life in daily human existence.

Keywords: philosophy; philosophizing; philosophy of everyday life (philosophy of homeliness); epitaph; speech; prayer; confession.

Философская мысль издревле шлифует себя в «генеалогиях Понятия»; в сократово-схоластических ювелирностях «претензий к сказуемому о Сущем»; в терминологических круговращениях «доведения до Ума» всего того, что рикошетит в него посредством пограничных ситуаций и экзистенциальных турбулентностей. Постмодернистская атака на ортодоксии сложившихся стереотипов интеллектуальных матриц освоения бытия, деконструктивным штормом вторглась и на «рационалистические территории» философского «существования». Императивные установки мыслить философию как революционный праксис активного переустройства социального бытия в целом, необходимо параллельно совмещать и с ризоматической *реконструкцией «микрофилософских завязей обывательского мудрствования»*, с (по)иском неких, аутентичных для мировоззренческого дискурса, «генно-смысловых резерваций акто(ро)в философствования», феноменствующих в пло(ть)скости повседневного бытования. Постмодернизм также обратил внимание, что философия, при всей своей декларированной элитарности, должна свидетельствовать собой о «фундаментальной чуткости» к эволюциям культурно-исторического смыслополагания, к его эйдетической тектонике, к многоликости бытийных ракурсов и «проб речи», в контексте которых, пусть и (исходно) «косноязычно» проступают как социальные, так и личностные форматирования смысложизненных трендов и ценностных ориентаций. Еще один догматический тезис о

том, что «Философию» (с большой буквы) в качестве социокультурного образца рациональной внятности нельзя сводить к «фактуре примеров», представляется отныне слишком ригористичным и неоднозначным. Так, если мы (по-прежнему) продолжаем (солидарно гегелевски) полагать, что (подлинная) философия есть «эпоха, схваченная в Мысли», тогда следует допустить в её «(деми)ургическое пространство» и «(до)родовые схватки» (из)обретения Смысла, первично «случающиеся» в каких-то «эонах пред-философского умозрения». Здесь рождается «философствующий человек» как доморощённый инициатор бытийного самоопределения, который в своём (индивидуальном) лице, анонимно и мужественно выговаривает и благодатно «продлевает» философию как таковую, без её (официального) ведома и одобрения. Всякая (в т.ч. и великая) река начинается с неприметных родников и речушек.

Особую актуальность обретают данные «эпизодичности неофициального философствования» в практике преподавания курса философии. Именно здесь «примеры из жизни» перестают быть «факультативными излишествами» и превращаются в «сократовские родовспоможения», провоцирующие «опознания смысложизненных исканий обычного человека», молюровски переоткрывающего для себя тот факт, что он (де факто) «философствует» среди «мероприятий повседневности», казалось бы, вне философских, по своему жизненному статусу. Обнаруживается латентная (и неустраняемая) «философичность» нашего существования, спотыкающегося в «трудностях перевода на язык сущности».

Каковы же эти «сюжеты наличного», требующие нашей (уже профессиональной) рефлексивной концептуализации и выступающие дидактическими траекториями в область собственно философских умозаключений и сентенций, каковы их «формальные и содержательные идентичности... нетождественного»? По нашему мнению, с точки зрения своей «формы», все они «афористично интенсны», ибо «не сговариваясь» стремятся (в велеречиях текстовой температуры) быть «заразительно образны», синергетически витиеваты, душевно пафосны и гимнософичны. Их содержательная сверхзадача состоит в том, чтобы *притчевиносказательно* «озадачить» человека и внемлющее (в том числе и виртуально) окружение хаосами смятения; взломать (дремлющее) миропредставление фугасами «образных дерзостей»; разбедерить самовопрошание; столкнуть(ся) лицом к лицу с собственным (экзистенциально глобальным) предназначением; осуществить бифуркацию обыденного в софийные измерения духовной совести. Фактически, именно этим же (по определению) занимается философия в своих «трансцендентных эмпириях», категориально фокусируясь на изначальных основаниях (всего) Сущего. Проблема только в том, что философы (и, нередко, преподаватели философии) философствуют эзотерично, манифестируя свои мировоззренческие парадигмы «мировой закулисе избранных интеллектуалов», гурманствующих на платоновских пирах многоумного красноречия.

Однако философия всё время нуждается и в «мирском обосновании», в «от(с)сылке» к таким «речевым артефактам», которые демонстрируют её актуальное присутствие в силовом поле традиционных человеческих коммуникаций, ритуализирующих те или иные аспекты повседневного бытия и снабжающих его

смысловой агрессивностью мировоззренческого перформанса. Как нам представляется, к числу некоторых «бытовых первоисточников» смысложизненной оптики, наделённых явным философским потенциалом, можно было бы отнести эпитафии и... тосты на уровне «светского» функционирования человеческой культуры, а также молитвы и исповеди, как сакрализованные авторитетом Творца, религиозно ангажированные построения мысли. Говоря об эпитафиях, мы имеем ввиду особый «жанр некрологосной лексики», который опредмечивается не только в текстах кладбищенских надгробий, но и накапливается в запасниках социальной памяти, в виде «пропедевтических посланий» нашей «забывшей о себе самобытности». Эпитафные нарративы не обязательно создаются «под заказ» конкретных «случаев» человеческих утрат, но могут быть «усмотрены» и в (уже) наличествующих языковых сообщениях разной (жанровой) природы; востребованы из них в качестве «глубоко(с)мысленных цитат» и затем «плагиатно продублированы» в траурных послесловиях чьих-то индивидуальных вселенных.

Эпитафия, в форме посвящения (ушедшему *смысло/человеку*) или завещания грядущему, смещает акценты нашего восприятия жизни от трафаретов (узко)личных реверансов в подполья глубинных осознаний смысложизненных амплитуд. Смерть и смертность (как её «философская» ипостась) диагностируют в эпитафиях и любовь к ближнему, и его (или наш) жизненный масштаб, и дублирование клишированных констатаций, и прозрения растревоженного раскаяния, и эстетику благодарности, и огорчения от личностных поражений чьих-то «(о)ничтоженных» *Временем* человеческих персонажей.

Особенно индикативно и мировоззренчески в(ы)зывающе выглядят эпитафные словосплетения, извлечённые и изречённые нашей потрясённостью из (смысло)вибраций танатосных «ущербов бытия», смертоносно разбередивших наши души апокалиптическими волнениями предстоящего ухода. Как бы (со)общаясь с собой и с Другими из зоны пред(рас)положенной Вечности; футурологически забегаая вперёд в горькую мудрость (прижизненно-посмертной) прозревшей слепоты; провидчески проникая в «оценочные инстанции» абсолютных вердиктов, «*homo sapiens эпитафный*» преодолевает «земное притяжение» своей, озабоченной (простым и рутинным) *благополучием* жизни, обнаруживает и словесно обналичивает те смысловые измерения повседневного существования, которые ускользали от его «бытового взора» и по касательной соскальзывали в бездны меркантильных капитуляций.

Диалектика эпитафных «многомнений» метафорично маркирует палитру смысложизненных археологий, свидетельствуя о внутренних «аннигиляциях» самостной монолитности, о дефиците внимания к собственной уникальности. Эпитафия – это мысль, приглашающая человека, прежде чем переделывать Мир и Других, (философски) застрять (навсегда) в фокусе предельного ответственности перед самим собой [1]. Тост же – это эпитафия «шиворот-навыворот», *дифирамба (смысложизненных) пожеланий «здесь и сейчас, пока еще не поздно»*. (Философски) тостующий тщится зарезервировать «отсрочку времени ада смерти», через (почти уповающее) собирание «смысложизненных основательностей», отселектированных из ситуативностей «текучей современности». Эпитафия и тост

симметричны и ассиметричны одновременно. Каждая из данных апробаций смысла тождественна своему вербальному двойнику в интенции нюансировать составляющие подлинного существования, *артикулировать аксиологию должного в Сущем*. С другой стороны, эпитафия и тост говорят о смыслах жизни в сходящихся «от противного» направлениях. Эпитафия (как бы) посмертно и со слезами сожаления на душе. Тост глаголет тоже самое... радостно-игриво из полноты праздничного самодовольства, пытающегося оседлать и успеть «приручить труды и дни». Перед нами *Аминь, исправленное на «Да здравствует»!*

Одним из наиболее ярких «философских посланий» религиозного сознания выступает «молитва». Но молитва, рассмотренная не в качестве банального словословия Творцу и(ли) перечня повседневных просьб. А молитва, репрезентирующая на экране человеческого сознания его поиск предельных смыслов собственного существования. Человек «молвит Слово» о своем бытии и это «Слово» оказывается его тропинкой к магистрали разбирательств в ценностных доминантах «того, что есть», в его смысловых трещинах и герменевтических тупиках. Ради чего сотворен мир? В чем уникальное предназначение «вот этого, конкретного», человека? Действительно ли каждый из нас, несмотря на свою смертность и временность, неслучаен в бытии? Возможны ли Истина, Добро, Красота в мире полном страданий и циничной борьбы за существование всех со всеми? Из каких ценностных предпочтений складывается смысл жизни? Вопросы, казавшиеся уделом высоколобых интеллектуалов, «гуляк праздных», вдруг обретают значение лич(ност)ных драматургий. Молитва, как событие обращения к изначальным смыслам, оказывается «квазифилософским текстом». Она инициирует трансформацию локальных биографических переживаний во вселенское размышление о Судьбах всего «мирского» [2]. Исповедь, в свою очередь, разворачивает (однообразную) душевную палитру сожалений о (частных) грехопадениях «конкретного бытия» в духовную топику их смылосушностного дознания, в попытку приобщить себя к диалогу с собственными имманентными абсолютами и антиномиями, скрывавшимся до этого в «юнгианской Тени» бессознательного вытеснения. Молитвенный спринт мигрирует в (по)бег на длинные дистанции смысла, в пожизненную ренту этических треволнений и многоточий.

Таким образом, человеческая субъективность взыскует автореферентности, нуждается в диагнозах и проектах своей сущностной глубины, творит словоформы смыслополагания, (разнокачественно) микрофилософствует в точках «знаковых событий» своего бытового существования. Профессиональная философия не должна упускать из виду эти мировоззренческие усилия и словесные потуги «святой простоты»...

Библиографические ссылки

1. Костенич В. А. Танато(с)логосные практики философствования // Романовские чтения – 13 : сб. стат. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 октября 2018 г. / Могилев, 2019. С. 86–87.
2. Костенич В. А. Молитва как жанр религиозного философствования // Религия и общество – 4: сб. науч. тр. / МГУ им. А.Кулешова. Могилев, 2009. С. 148–150.

УДК 1(091)

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Г.В. ПЛЕХАНОВЫМ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ М.А. БАКУНИНА

Н.И. Кулак

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kulak.nikita@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается философское воззрение М.А. Бакунина с позиций исторического материализма Г.В. Плеханова. Проводится анализ взглядов Г.В. Плеханова в народнический и марксистский период на философию М.А. Бакунина. Выявляется специфика взаимосвязи идей М.А. Бакунина с основными философскими принципами Г.В. Плеханова.

Ключевые слова: *Г.В. Плеханов; М.А. Бакунин; народничество; марксизм.*

CRITICAL ANALYSIS BY G.V. PLEKHANOV OF THE PHILOSOPHICAL VIEWS BY M.A BAKUNIN

N.I. Kulak

Independence av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the philosophical view of MA. Bakunin from the standpoint of historical materialism G.V. Plekhanov. An analysis of the views of G.V. Plekhanov in the populist and Marxist period on the philosophy of MA Bakunin. The specificity of the relationship of the ideas of M.A. Bakunin is revealed with the basic philosophical principles of G.V. Plekhanov.

Keywords: *G.V. Plekhanov; M.A. Bakunin; populism; marxism.*

Г.В. Плеханов как деятель русского и международного рабочего движения, один из основателей русской социал-демократии и первой в России марксистской организации – группы «Освобождение труда», прошел путь от народничества к марксизму. Общественно-политическая деятельность Г.В. Плеханова с 1870 гг. проходила под влиянием господствовавшего и очень популярного среди просвещенной молодежи того времени учения М.А. Бакунина, к основным работам которого следует отнести «О философии» [1], «Наша программа» [2], «Федерализм, социализм и антитеологизм» [3]. М.А. Бакунин пользовался марксистской терминологией, использовал материалистическое понимание истории, но понимал теорию в более упрощенном виде. «В основании самых абстрактных, высоких и идеальных теологических споров и религиозных войн, - писал он, - всегда был какой-нибудь крупный материальный интерес. Все расовые, национальные, государственные и классовые войны никогда не имели другой цели, кроме владычества, являющегося необходимой гарантией и условием обладания имуществом и пользования им. Человеческая история, рассматриваемая с этой точки зрения, является не чем иным, как продолжением великой жизненной борьбы, составляющей, со-

гласно Дарвину, основной закон органической природы» [4, с.155]. Излагая материалистическую теорию К. Маркса, М.А. Бакунин отмечает: «Да, вся умственная, нравственная, политическая и социальная история человечества есть лишь отражение ее *экономической* истории» [5, с.121].

В 1905 г. в предисловии к собранию своих сочинений Г.В. Плеханов писал: «В народнический период моего развития, я, - как и все наши народники, - находился под сильным влиянием сочинений Бакунина...» [6,с.11]. В это же время большое влияние на его мировоззрение оказали идеи П.Г. Лаврова, знакомого с идеями К. Маркса. В 1881 г. в письме к П.Г. Лаврову, Г. В. Плеханов отмечал: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях» [7,с.115]. Таким образом, философское кредо Г.В. Плеханова находилось под влиянием различных направлений своего времени, что проявилось в идейной полемике с М.А. Бакуниным.

Одной из основных работ Г.В. Плеханова, направленных на критику философских идей М.А. Бакунина, является книга «Наши разногласия» [8], написанная летом 1884 г., но вышедшая в начале 1885 г. и была вторым после брошюры «Социализм и политическая борьба» [9] крупным произведением группы «Освобождение труда», в котором была подвергнута марксистской критике народническая идеология. В разделе, который посвящен непосредственно М.А. Бакунину, Г.В. Плеханов пишет: «По его мнению, в русском народе существуют в самых широких размерах те два элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерной нищетой, а также рабством...» [8,с.158]. Тем самым, Г.В. Плеханов подвергает критике его взгляды на возможность русской революции.

Г.В. Плеханов придавал особое значение книге «Наши разногласия» как ключевому этапу идеологической борьбы против народничества. Через десять лет после выхода книги им были предприняты попытки выпустить под тем же заглавием вторую её часть, в которую входили бы новые работы, направленные против либеральных народников – Н.К. Михайловского, В.П. Воронцова и других. Но так как обе эти работы выходили легально, Г.В. Плеханову пришлось дать им другие заглавия: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» [10] и «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова В.В.» [11], для того, чтобы не показать своего авторства. Позднее, выступая против эсеров, Г.В. Плеханов снова делал попытки озаглавить так направленную против них брошюру, но она осталась незаконченной и появилась в виде нескольких статей в «Искре» в 1903 г. под названием «Пролетариат и крестьянство» [12]. В книге «Наши Разногласия», Г.В. Плеханов дал краткий, но детально проработанный исторический обзор тех социально-политических воззрений, доставшихся «в наследство от предшествующих десятилетий» [8, с.160]. Им были изложены также взгляды русских революционных демократов (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский). Однако, подробно критикуя анархическую теорию М.А. Бакунина, он показал, что схожесть идей можно встретить у другого теоретика народничества - П.Н. Ткачева. На первый взгляд, анархически и революционно настроенной философии М.А. Бакунина течение,

которое возглавлял П.Н. Ткачев, сходилось с ним «в оценке современной русской действительности» [8,с.59]. «Это была разновидность бакунизма, но только без «философского тумана, свойственного анархизму М.А. Бакунина» [8, с.132]. М.А. Бакунин, как и П.Н. Ткачев, не понимал, по мнению Г.В. Плеханова, причин возникновения классов и классовой борьбы, ввиду чего строили свои политические теории, отдаляясь от реальных социально-политических отношений, которые господствовали в тот период в России. Анализируя политическую идею П.Н. Ткачева на примере его «Открытого письма к г. Фридриху Энгельсу» [13], Г.В. Плеханов показал, что «...все утверждения о том, будто самодержавие в России «висит в воздухе», построены на песке, а заговорщическая тактика Ткачева обречена на провал» [13, с.174]. По его мнению, это подтверждает и исторический опыт революционного движения в России: «Десять лет усилий, борьбы и тяжелых иногда разочарований показали нашей молодежи, что организация революционного движения в крестьянстве невозможна при современных русских условиях. Бакунизм и народничество, как революционные учения, отжили свой век и находят теперь радужный прием лишь в консервативно-демократическом литературном лагере» [13, с.371]. Критика взглядов М.А. Бакунина встречается и в статье Г.В. Плеханова «Первые шаги социал-демократического движения в России» [14], в котором он писал: «Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, признавший себя сторонником исторического материализма, положил этот анализ в основу своей программы и тактики. Беда была лишь та, что его анализ, не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории» [8,с.206]. Статья была направлена на борьбу с взглядами М.А. Бакунина, которые, по мнению Г.В. Плеханова, оказывали огромное влияние на народные массы, формируя в них лишь бунтарский дух, вследствие чего, несут лишь вред. Но, несмотря на критический характер его работ против бакунизма, он один из первых предпринял попытку дать оценку взаимосвязи идей М.А. Бакунина и К. Маркса. По его мнению, М.А. Бакунин частично принимал взгляды К. Маркса по вопросу о классовой борьбе и природе капитализма, но считал их односторонними, а методы не подходящими для социальной революции. Благодаря М.А. Бакунину экономическая теория и материалистический метод объяснения исторических явлений был принят русскими революционерами, народниками, которые «Капитал» К. Маркса, появившийся в русском переводе в 1872 г., ставили рядом с произведением М.А. Бакунина «Государственность и анархия» [15].

В «Анархизм и социализм» [16] Г.В. Плеханов выступает с критической оценкой взглядов М.А. Бакунина, но делает предположение о негативном влиянии на его взгляды, исказившие материалистическое понимание истории, П. Прудона. «...Философские беседы Прудона и Бакунина никак не отменяют того факта, что в отношении социальной программы анархизма Прудон был учителем Бакунина» [17, с.143]. Данная позиция характерна для Г.В. Плеханова как критика, поскольку схожую ситуацию можно встретить при анализе им взглядов А. Бергсона: «"Идеалист" Прудон был убежден, что политическая конституция была «придуманна» за отсутствием «присущей человечеству» социальной организации. Он взял на себя труд «открыть» эту последнюю, и после того, как это было совершено, по-

литическая конституция, по его мнению, уже не имеет никакого права на существование. «Материалист» Бакунин не имеет собственной «социальной организации» [18, с.68]. Можно обнаружить неустойчивую позицию М.А. Бакунина, на которую отчетливо указывает Г.В. Плеханов, считая, что под воздействием идей П. Прудона, его концепция превращается в «утопическую программу идеалиста» [18, с.76]. Важным элементом критики явилась идея «политической борьбы». Если для Г.В. Плеханова, как сторонника марксистского учения, политическая революция, есть социальная революция, а для пролетариата политическая борьба столь же необходима, как она всегда была необходима для каждого класса, то М.А. Бакунин «отвергает *всякую политическую деятельность пролетариата*; он проповедует исключительно «социальную» борьбу» [18, с.87]. Г.В. Плеханов задает вопрос: «Что же означает эта социальная борьба?»... и приходит к выводу, что «...здесь наш прудонист снова выказывает себя софистизированным «марксистом» [18, с.101]. Таким образом, можно сделать вывод о неоднозначной структуре взглядов М.А. Бакунина, о их фрагментарности и зависимости от более авторитетных концепций. Г.В. Плехановым очень тонко и критично были схвачены и проанализированы основные философские идеи М.А. Бакунина.

Библиографические ссылки

1. Бакунин М. А. О философии. М. : Тип. Издательск. Комиссии Московск. С-та, 1917. 62 с.
2. Бакунин М. А. Наша программа. М. : Тип. Издательск. Комиссии Московск. С-та, 1986. 142 с.
3. Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм. М. : Тип. Издательск. Комиссии Московск. С-та, 1993. 231 с.
4. Горев Б.И. Идейное наследство Бакунина // Бакунин М.А: pro et contra, антология. Спб: РХГА, 2015. С.155-173.
5. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М. : Юрайт, 2007. 265с.
6. Плеханов Г.В. Труды по истории философской мысли в России // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.4. С.5-47.
7. Плеханов Г.В. Письмо к П.Л. Лаврову // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.1. С.115-134.
8. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.1. С.115-368.
9. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.1. С.51-115.
10. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.1. С.507-701.
11. Плеханов Г.В. Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова В.В. М. : Либроком, 1990. 283 с.
12. Искра: ежемесячный литературный, научн. и политич. журнал. Спб. : Монтвид, №32,35,39. 1903. 98 с.
13. Ткачев П.Н. Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу. М. : Просвещение, 1990. 110 с.
14. Плеханов Г.В. Первые шаги социал-демократического движения в России. – М. : Юрайт, 1989. 196 с.
15. Бакунин М.А. Государственность и анархия. М. : Правда, 1989. 704 с.

16. Плеханов Г.В. Анархизм и социализм в России. М. : Политическая литература, 1987. 116 с.
17. Жуйков Г.С. Петербургские рабочие и группа «Освобождения труда». М. : Юрайт, 1989. 201 с.
18. Плеханов Г.В. Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.1. С.371-377.

УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ Л.П.КАРСАВИНА

А.А. Легчилин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
liahchylin@bsu.by

Аннотация. Анализ феномена культуры, предложенный русским философом Л.П.Карсавиным в начале прошлого века не потерял своей актуальности. Адекватное понимание культуры в представлении мыслителя возможно в контексте понимания философии истории. Культура-это особый вид «некоторой системы качествований той или иной индивидуальности». Культура определяется из ее существа, из того, что можно назвать ее идеей, т.е. в языке, в этнических признаках, в географическом ландшафте, в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своих эстетике, этике, мировоззрении, религиозности. Идея культуры неповторимо-своеобразна, специфична.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин; культура; сущность культуры; идея культуры; специфика разнообразия культур

PHILOSOPHY OF CULTURE OF L.P. KARSAVIN

A. A. Liahchylin

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The analysis of the phenomenon of culture proposed by the Russian philosopher L.P. Karsavin expressed at the beginning of the last century has not lost its relevance. An adequate understanding of culture in the view of the thinker is possible primarily in the context of understanding the philosophy of history. Culture is a special kind of «some system of qualities of a particular individuality». Culture is determined from its essence, from the fact that it is possible to call its idea, i.e. in language, in ethnic features, in a geographical landscape, in its material way of life, in its socio-economic and political system, in its aesthetics, ethics, world view, religiosity. The idea of culture is unique, peculiar, specific.

Keywords: L.P. Karsavin; culture; the essence of culture; the idea of culture; specific cultural diversity

Феномен культуры Л.П. Карсавин осмысливает в контексте понимания философии истории. Исторический же процесс, по его мнению, в целом подтвержен

«закону развития», «единству человечества». Л.П. Карсавин констатирует: «Если действительно существуют «законы развития», общие всем историческим индивидуальностям, в частности - всем культурам, существует и всеединый исторический субъект, т.е. человечество»... Человечество же рассматривается в его духовно-душевной деятельности... Именно «социально-психическое развитие всеединого человечества», а не «материальная» сторона человеческой жизни составляют основу истории и культуры» [1,с.97-98]. В этом контексте Л.П.Карсавин анализирует культуру, как «некоторую систему качествований той или иной индивидуальности» «Всякая культура – индивидуализация человечества, ...надорганическая индивидуальность... Во всякой культуре есть свое «личное», только ей и свойственное, определяющее ее в ряду других культур. Это «личное» раскрывается в конкретном всеединстве индивидуализации *качествований* данной культуры и только чрез них символически познается» [1,с.161]. Постоянно употребляемое понятие «*качествований*» в разных падежах применительно к феномену культуры для Карсавина является принципиальным. Посредством данного понятия проясняются, на первый взгляд, не всегда понятные с точки зрения здравого смысла соотношения в культуре. Еще один важный атрибут понимания культуры, на который постоянно обращает Л.П. Карсавин – это субъект культуры. Под субъектом культуры понимается наиндивидуальная родовая сущность, вмещающая в себе определенный тот или иной исторический опыт народа. «Понятие культуры,- замечает он,- необходимо предполагает некоторый субъект ее... Так, субъектом античной культуры является человечество, жившее в бассейне Средиземноморья и преимущественно индивидуализировавшееся в греческом и римском народах; субъектом европейской культуры – человечество, географически преимущественно сосредоточившееся в Западной Европе и индивидуализировавшееся в европейских народах» [1,с. 161]. В целом можно представить философию культуры Л.П. Карсавина как систему, с отмеченными выше ее базовыми понятиями: *качествование и субъект культуры*. Попытаемся зафиксировать наиболее значимые тезисы этой системы идеями самого Л.П. Карсавина по его книге «Философия истории», в которой эта система, на наш взгляд, представлена.

1. Вот один из них: «Культуры друг для друга абсолютно недоступны» [1,с.161], утверждает Л.П. Карсавин. На первый взгляд, действительно выглядит парадоксально, в духе О. Шпенглера. Но тезис становится понятным, если следовать его философским изысканиям по поводу понятий «качество» и «субъект»: «Одно качествование не может стать другим ... Субъект данной культуры, например – европейской, никак не может быть субъектом культуры другой, например – античной. Он, становясь собою, может *качествовать* только по-своему и не может *качествовать* чужими *качествованиями*» [1, с.161]. Это в философии, в культуре же взаимоотношений, где решающая роль действительно принадлежит субъекту, «этот тезис нуждается в более точной формулировке», отмечает Л.П. Карсавин, полемизируя со Шпенглером. «При всей взаимной недоступности культур в любой культурной эпохе возможно постижение иных, но не потому, что она культура, а потому, что она не только данная культура. Мне, как русскому или европейцу, недоступна и непонятна культура индийская. Но я не только русский

или европеец. - Я могу «перевоплощаться» в индуса и тем постигать его качество» [там же].

2. Следующий тезис феномена культуры, на который обращает внимание Л.П. Карсавин, также выглядит, на первый взгляд, не вполне убедительным: «Катастрофической смены культур не наблюдается. Напротив, полное исчезновение какой-нибудь культуры - явление чрезвычайно редкое, а, может быть, и небывалое. Каждая, после видимой своей гибели, переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в традициях ее, продолжающих свое существование в лоне других культур, в памяти - знании их о ней. Для исторического процесса характерно сосуществование ряда культур, иногда в полном расцвете, не только их смена. Заслуживает внимания даже некоторая одновременность в разных культурах одного и того же (по разному, конечно, индивидуализуемого) *качества* человеческого – Заратуштра, Будда, Конфуций и Лао-цзы, а в античном мире – Пифагор, Анаксагор, Гераклит почти современники» [1, с.162]. Все это вполне объяснимо и вытекает из так называемого, отмеченного выше, «закона развития» и «единства человечества», которому, как полагает Л.П.Карсавин, подвержен исторический процесс и развитие культур. «Во всевременном единстве развития,- эксплицирует мысль Л.П.Карсавин,- содержатся все культуры со всею полнотой достигнутой ими эмпирически актуализованности и усовершенности. В нем всякая культура и зарождается, и раскрывается, и погибает, уступая место другим культурам, другим качествованиям-индивидуальностям высшего субъекта. Во всеединстве развития прошлое, настоящее и будущее культуры по степени актуализованности своей не различны. Но оно вовсе не складочное место, куда сбрасывается прошлое и где уже есть настоящее, и не какое-то частично удвояющее эмпирию бытие. Эмпирическое становление - момент всеединого развития, недоступного для него только в его эмпирической умаленности..Исходя из идеи всеединства и учитывая незавершенность и несовершенство эмпирии, мы должны ожидать в эмпирическом развитии культуры (как, разумеется, и всякой иной индивидуальности) во 1-х) возникновения ее из ничто, т. е. неуловимого и эмпирически необъяснимого возникновения в лоне других культур, во 2-х) ее становления в стяженное многоединство ее моментов, качествований и индивидуальностей (народов), в 3-х) вытеснения ею других качествований в противостоящих ей индивидуальностях, т. е. растворения ею в себе иных культур, и в 4-х) ее гибели, т. е. ее растворения в других культурах» [1,с.163].

3. Следующий тезис, который требует прояснения и, вместе с тем, вытекающий из лона его системы: «Всякая культура зарождается в лоне другой или других, уже существующих, вырастает из потенциального своего единства с ними в высшей личности... Культура проявляется как новый, неведомый феномен, как новая личность наряду с другими личностями. Мы никогда не можем с точностью указать, когда культура появляется, когда уже родилась новая личность. Когда возникли наиболее эмпирически нам известные европейская и русская культура или культура американская?» [Там же] задается вопросом Л.П.Карсавин. Опять же, следуя закону непрерывности и неуничтожимости «духовно-душевной деятельности», вполне логичен данный вывод в отношении феномена возникновения новой культуры.

4. Не менее дискуссионен, на первый взгляд, следующий тезис Л.П.Карсавина по поводу экспансии культуры: «В развитии своем всякая культура, раскрываясь и индивидуализуясь, неудержимо стремится к расширению. Она по-своему преобразует, «делает собою» окружающую среду, она «осваивает» породившие ее культуры и те, которые ее окружают, убивает иные культурные личности и заменяет их собою. Так, европейская культура, зарождающаяся и в германском народе, делает его и своею индивидуализацией, но убивает в нем другую личность, ранее в нем индивидуализовавшуюся. Неверно, будто экспансивность свойственна только поздним стадиям культурного развития (цивилизации): в разные периоды культуры расширение ее носит только разный характер, по-разному обнаруживается. С самых начал своих Рим растет в завоеваниях, поглощая и осваивая италийцев, греков, этрусков. Европейская культура раскрывается в освоении ею кельтского, романского, германского населения Европы, не будучи ни кельтскою, ни романскою, ни германскою. И полным непониманием самого существа проблем проникнуты попытки историков, до сих пор не прекращающиеся, «вывести» европейскую культуру из германского или романского начала. Они обладают видимостью убедительности лишь потому, что именем «германского» или «романского», сами того не замечая, называют «исконно-европейское». Но не лучше и примирительные гипотезы, выводящие европейскую культуру из «взаимодействия» романизма и германизма. Какой, подумаешь, химический анализ! – Да ведь и в химическом анализе из свойств элементов и их взаимодействия а priori не вывести свойств сложного тела [1, с.164]. И здесь вывод вполне адекватен, если следовать атрибутивным составляющим его системы мировоззрения. Культура, как и любой «*субъект*» (Л.П.Карсавин), на определенном этапе своего развития, достигнув совершенства всегда будет стремиться к расширению своих границ в силу самой природы феномена субъективности, у которой нет границ. В свое время еще И.Кант раскрыл существенные законы внутренней организации субъективности. У Л.П.Карсавина нечто подобное раскрывается посредством феномена качественного субъективности; если она не уничтожима, то она не только стремится к расширению, но и к поглощению другой качественной субъективности: «Всякое мгновение исторического бытия являет собою своеобразное скрещение культур: всегда каждая из них в одном отношении утверждает себя, осваивая иные, в другом – гибнет, ими осваиваемая. Когда русский человек, – приводит он в качестве примера, – отрекается от православия и переходит в католичество, а затем неизбежно утрачивает и прочие русские *качества* – в нем умирает русская культура и рождается европейская» [там же]. За счет этого происходит обогащение исторического процесса, в котором все время наблюдается вытеснение новым старым. Возникают некоторые абсолютно-значимые ценности; но в нем исчезают другие, столь же абсолютно-значимые. На современном этапе развития культур – типичный пример роли и места китайской культуры в этом контексте.

5. Следующий тезис является своеобразным продолжением предыдущего, хотя на первый взгляд, в нем заключено отрицание предыдущих: «И хотя историческое развитие совершается в одном направлении – от прошлого к будущему. Каждая последующая по времени культура может преобразовать в себе предше-

ствующие, но как будто не наоборот: предшествующей последующие недоступны». Это не совсем так, констатирует Л.П.Карсавин и апеллирует к истории: «Поскольку в настоящем «переживает» себя, скажем, античная культура, настоящее является самою античностью. И если наша культура, «антикизируя», выражает в себе античное, то и античная в этом самом акте нашей культуры себя «модернизирует» и делает собою современность. Странное дело! Никому и в голову не приходит, будто Венера Милосская в Лувре не есть та самая Венера, которая была и в древности. Но всякий почему-то предполагает, будто повторенное мною слово в слово и понятое мною доказательство Эвклида есть какое-то новое, какая-то копия настоящего. А принципиально нет различия между теоремою Эвклида и любым духовным моментом античности. И то, что в моем сознании он «обрастает» многим «европейским» или не познается целиком, ничем не отличается от того, что Венера Милосская поставлена в мало пригодное для античной богини помещение, а время похитило у нее руки. Античность реально, хотя и ущербленно, живет в настоящем, раскрывает в нем новые свои качества, прежде неведомые. Таким образом, всякая культура взаимодействует (и всегда несовершенно, но несовершенно она и раскрывается) не только с «предшествующими» и «одновременными», а и с «последующими», живет не только в прошлом и «преимущественно своем» настоящем, а и в будущем» [1,с.165]. Культура, по утверждению Л.П. Карсавина, способна «предвосхищать» будущее, т.е. налицо феномен эвристичности, когда в прошлых культурах мы находим явления и людей нашей современности. «Так как всякая культура раскрывается преимущественно в определенный период времени, эти антиципации обычно кажутся современникам ничем не обоснованными «откровениями» или «фантазиями». Так для античности в пору ее расцвета кажутся курьезами учения о центральности солнца, иррациональном числе, бесконечности и т. д. И то же самое в пределах развития самой культуры. Понятны ли современникам учение о бесконечности Николая Кузанского, а – вопрошает Л.П.Карсавин, – истинно-христианский (а вовсе не пантеистический) характер системы Эриугены и многое другое? Недаром величайшие гении находят себе признание лишь после смерти, иногда в других культурах» [там же]. Справедливости ради следует заметить, что он, прежде всего, апеллирует преимущественно к области религиозного, философского и научного творчества.

6. Следующая сентенция также вытекает из общей системы философии культуры Л.П. Карсавина в контексте все того же феномена качества: «Всякая культура имеет свои «излюбленные», «типичные» моменты-качества и индивидуальности. Так можно согласиться с тем, что для западно-европейской культуры характерны архитектура и музыка, для античной – пластика. Это даже может явиться некоторым вспомогательным средством при определении и периодизации культуры» [1,с.167]. Это также объясняется все той же субъективностью, т.е. принципиальным отличием своей идентичности, или же «принципом индивидуации», сформулированным еще Фомой Аквинским в эпоху средневековья.

7. Важным аспектом понимания культуры Л.П. Карсавин усматривает в ее субстанциональности. Культура определяется из ее сущности, из того, что можно назвать ее идеею, т.е. в языке, в этнических признаках, в географическом ланд-

шафте, в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своей эстетике, этике, мировоззрении, религиозности. Идея культуры неповторимо-своеобразна, специфична. Она по-своему преобразует во всех своих выражениях материальную среду, выбирая себе соответствующую. «Культура познается и определяется не извне, а изнутри - из ее идеи, в этом ничем не отличаясь от любой исторической индивидуальности. Историк, полагает он, должен искать идею культуры в наиболее непрерывном, в наиболее психическом и духовном. Идея культуры должна необходимо пониматься в связи с другими культурами. Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе. А это значит, что наиболее плодотворно для понимания культуры изучение ее религиозных (в широком смысле слова) качественностей» [1, с.167].

Таким образом, Л.П.Карсавин предложил своеобразную систему философии культуры посредством двух стержневых тезисов, на которые мы обратили внимание в самом начале. Прежде всего, культура подчинена некому «закону развития единства человечества», но посредством «качественностей ее субъектов». Исходя из данной презумпции в процессе развития культуры возможны даже самые различные антиципации, как заметил Л.П.Карсавин.

Библиографические ссылки

1. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб, 1993. 351с.

УДК 1(091)+141.7

ОБРАЗ ПРОСВЕЩЕНИЯ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.И. Лещинская, В. Якубовска

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
liracom@ yandex.ru

Университет Константина Философа
пл. Андре Глинка 1, 94974, Нитра, Словакия
vjakubovska@ukf.sk

Аннотация. В статье представлена мировоззренческая парадигма эпохи Просвещения и ее базовые ценности. Рассмотрены фундаментальные принципы «революции сознания» XVIII века и их значимость для концептуального обоснования проекта Модерн. В статье показаны неоднозначный характер оценок Просвещения в современном философском дискурсе и дискуссии относительно его идеалов и реальных достижений. Представлены различные стратегии критики и пересмотра идейной и социальной программ Просвещения XVIII века в контексте современных проектов таких как «Темное Просвещение» и «Новое Просвещение».

Ключевые слова: разум; свобода; прогресс; демократия; проект Модерн; «Темное Просвещение»; «Новое Просвещение».

IMAGE OF ENLIGHTENMENT: CLASSIC AND MODERN

I.I. Liashchynskaya, Viera Jakubovská

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

University of Constantine the Philosopher

Trieda Andreja Hlinku, 1, 94974, Nitra, Slovakia

Annotation. The article presents the ideological paradigm of the Enlightenment and its basic values. The fundamental principles of the «revolution of consciousness» of the 18th century and their significance for the conceptual justification of the project «Modernity» are considered. The article shows the ambiguity of the Enlightenment's assessments in modern philosophical discourse and discussions about its ideals and real achievements. Various strategies for criticizing and revising the ideological and social programs of the Enlightenment of the 18th century in the context of modern projects such as «Dark Enlightenment» and «New Enlightenment» are presented.

Keywords: *reason; freedom; equality; progress; democracy; Modernity Project; «Dark Enlightenment», «New Enlightenment».*

Драматическая судьба идей Просвещения в XX веке и иронично – критическое отношение к основанному на них социальному проекту, именуемому проект Модерн, в первые десятилетия XXI в. являются демонстрацией не только их несостоятельности и исчерпанности, но и свидетельством их почти магической притягательности и востребованности в современном интеллектуальном пространстве.

Просветительская аксиологическая система ознаменовала собой новую мировоззренческую парадигму. Основу этой парадигмы составили концепция естественного права и теория общественного договора. Экспансия этой системы ценностей в социальное пространство призвана была преобразовать «царство тьмы и невежества» в «град разума и свободы». Фундаментальным принципом просветительской идеологии явился рационализм, воплотивший в себе безграничную веру в возможности человеческого разума. Принцип «автономного разума» был положен в основание архитектоники ценностной системы Просвещения. По убеждению просветителей, разум – это мощное орудие эмансипации человека. Рационализация всех сфер жизни общества мыслилась в качестве надежного средства его совершенствования. Идея «вразумления» человечества с целью его освобождения посредством просвещения задала стратегию их деятельности и стала основанием для прогрессивного дискурса целой эпохи. *Идея прогресса, вытеснившая собой христианскую эсхатологию, заняла центральное место в философии истории.* «Прогресс истины», обеспеченный методично функционирующим разумом, был обоснован и провозглашен в качестве основной «истины прогресса». Критика предрассудков и рост знания должен был с необходимостью обеспечить «все к лучшему в этом лучшем из миров». Принято считать, что интеллектуальная революция становится фактом истории не в тот момент, когда выработан новый способ мышления узким кругом мыслителей, а когда он воспринят и освоен обществом. «Если в XVII в. все эти ценности научно-теоретического и морально-практического (соответственно - правового, педагогического, эстетического и т.д.) разума только утверждались, то в XVIII столетии процесс обоснования считался

как бы завершенным. И в повестку дня встал вопрос об их жизненной реализации и универсализации, т.е. прежде всего об их внедрении в сознание максимального числа, в потенции - всех индивидов через процессы образования и воспитания. Так XVIII столетие сделалось и веком разума, и веком просвещения» [1, с. 20].

Просветительский дискурс и порожденные им определенные социальные практики положило начало этапу в европейской культуре, который принято называть Современность (Modernity). Проект Modernity как дитя Просвещения с его многообразным идейно-политическим наследием и потомством стал наиболее важным объектом анализа и критики в философии XX века. «Базовые для Модерна и долгое время воспринимавшиеся как «общечеловеческие» ценности разума, просвещения, общественного договора были обычным предметом критики уже первых оппонентов Века Разума, начиная с романтиков. Но в XX столетии, в особенности во второй его половине эта критика стала фронтальной и многофакторной» [1, с. 16]. По словам М. Фуко, Просвещение представляет собой «привилегированную область анализа», так как ни один серьезный мыслитель не смог остаться равнодушным по отношению к этому феномену. «Начиная с Гегеля и вплоть до Хоркхаймера или Хабермаса – через Ницше и Макса Вебера – философия всегда, прямо или косвенно, сталкивалась с этим вопросом: что это за событие – Aufklärung, определившее, по крайней мере, частично, то, что мы сегодня представляем из себя, наши мысли и наши действия?» [2]. Эта интеллектуальная форма зависимости была обозначена французским философом как «шантаж» Просвещения. По мнению М. Фуко, вся последующая философия оказалась в плену Просвещения, будучи поставленной перед альтернативой. Суть ее такова «... или принять Aufklärung и остаться в традиции его рациональности (одни считают это чем-то позитивным, другие, напротив, чем-то предосудительным); или критиковать Aufklärung, пытаясь в таком случае уйти от этих принципов рациональности (это, опять же, может рассматриваться как с хорошей, так и с плохой стороны)» [2]. В последнее десятилетие одной из самых эпатажных форм обращения к просветительской парадигме явилось так называемое «Темное Просвещение». Зародившись как сетевое движение, благодаря деятельности блогера К. Ярвина, известного как «Менциус Молдбаг», оно получило поддержку в среде молодых интеллектуалов. Заостренно-критический по своему содержанию и пропагандистский по своей форме дискурс был направлен против современной социально-политической системы. Последователи этого движения заявляли его под разными вывесками: «неореакция», «ретрофутуризм», «киберготика» и др.

Вскоре к этому движению присоединился известный британский философ Н. Лэнд, который в 2012 году разместил на своем сайте работу под названием «Темное Просвещение». Он придал этому движению не только теоретическое обоснование, но и соответствующее наименование. «Тем самым он хотел подчеркнуть два момента: во-первых, противопоставить новое движение «Просвещению» XVIII столетия (которое породило все современные разрушительные левые и либеральные идеи) во-вторых, подчеркнуть, что неореакционеры опираются в своей аргументации на рациональные аргументы, знания и интеллектуальное превосходство» [3]. Для данного движения характерна критика базовых ценностей

Просвещения: свободы, равенства, идеи демократии и прогресса. «Темное Просвещение» как альтернативная мировоззренческая система принципу равенства противопоставила социальную иерархию, характерную для традиционного общества. В ее контексте была обоснована идея «биоразнообразия» как концептуальный базис для признания естественности и неустранимости различий между людьми. Идея природного равенства как основания и гарантии социального равенства, столь напряженно защищаемая классическим Просвещением, свертается с пьедестала истории.

Особым нападкам подвергается европейская демократия, воплотившая все базовые ценности классической просветительской парадигмы. По мнению теоретиков «Темного Просвещения», она «систематично консолидирует и усиливает частные пороки, рессентименты и нехватки, пока они не достигнут уровня коллективной криминальности и полного социального распада» [4]. По их убеждению, демократия несовместима со свободой. Первая подавляет личность, в первую очередь неординарную, творческую личность. В качестве альтернативы сторонники этой системы апеллируют к различным формам аристократии. Но особой симпатией у них пользуется династическая монархия, при апелляции к которой они опираются на идею божественного права власти королей. Вот бы возрадовался данному факту Р. Филмер, автор широко известной в XVII веке работы «Патриарх, или Естественная власть королей» и идейный оппонент в вопросе происхождения власти основателя европейского либерализма Д. Локка, который, разрабатывая свою концепцию общественного договора и естественного права, посвятил целый трактат критике данной концепции.

Для современных «просветителей» также характерно недоверие к прогрессу. По их заявлениям, социальный прогресс не только не обеспечивает, но даже беспощадно тормозит научно-технологическое развитие. Неореакционеры убеждены, что господствующий социально-политический строй, который «развивался» исключительно в условиях господства «прогрессистской» идеологии, полностью лишен нравственного обоснования. Это модель прогрессирующей болезни» [3]. В конце 2017 г. на суд общественности был представлен еще один проект, который своеобразным способом отсылал к классической версии Просвещения. Им стал юбилейный доклад Римского клуба с весьма красноречивым названием «*Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты*». Вторая часть, «*Come On! Не цепляйся за устаревшую философию*» была посвящена критике господствующего мировоззрения, явившегося причиной крупномасштабного кризиса, охватившего современный мир. Подвергнув критике его концептуальные основания и оценив его пагубные для человечества последствия, авторы предложили альтернативный проект мировоззрения, получивший название «Новое Просвещение» [5]. Основными патологиями старого мировоззрения, по мнению авторов доклада, явились господство редукционистского мышления и прогрессирующая фрагментация знания. Его философские основания, в качестве которых выступали наивный реализм и материализм, были объявлены ими как окончательно дискредитировавшие себя. «Новое Просвещение» предполагает холистическое мировидение и интегральное мышление. В его основу должны быть положены принцип

неопределенности Гейзенберга и концепция дополнительности Бора. Предлагаемая новая политическая и цивилизационная философия должна сохранить гуманистическую направленность, но освободиться от антропоцентризма, обрести баланс между открытостью к развитию и устойчивостью.

Комплементарность противоположностей, их синергия, по мнению, теоретиков «нового Просвещения» должны быть достигнуты практически во всем разнообразии социальных отношений. К ним, в первую очередь, относят следующие виды отношений: между человеком и природой, между индивидуальным и коллективным, между женщинами и мужчинами, между государством и религией. Данная стратегия вслед за американским физиком австрийского происхождения, автором нашумевшей книги «Дао Физики» Ф. Капра, была названа даосистской формулой «Инь-Ян» [5]. К сожалению, формат данной публикации не позволяет провести хотя бы краткий анализ этих проектов. Вместе с тем, очевидно, что многочисленные критики Просвещения и менее многочисленные его адепты не оставили без внимания ни одного из его базовых принципов в отдельности, ни его ценностную систему в целом. Различные образы Просвещения, созданные ими, представляют собой своего рода множество зеркал, в которых каждая новая эпоха пытается постичь себя. Кроме того, столь пристальное внимание последующей интеллектуальной традиции к Просвещению обнаруживает его удивительную жизнестойкость и актуальность. Как отмечается в современных исследованиях, оно позволяет выявить «своего рода «резистентность» и одновременно пластичность просвещенческих политико-философских принципов, их способность к саморазвитию и преодолению внутренних кризисов» [6, с. 3]. Непрерывно обнаруживаемый интерес к Просвещению свидетельствует, что не все его идеалы превратились призраков истории и не все из них для исторической реальности явились прокрустовым ложем, воплощением которого во Франции стало изобретение доктора Гильотена. Для современного человека, пребывающего в страхе и растерянности от последствий стремительно распространяющего «вируса безумия», обращение к Просвещению – это способ обнаружить те средства, которые смогут воспрепятствовать этому опасному процессу. Очевидно, что без помощи разума и применения его законов надеяться на благополучный исход в этом деле невозможно. Как утверждает Н. В. Мотрошилова, «...XVIII в. тесно объединил и передал будущему именно в их единстве идеи-ценности Разума, Просвещения, Общественного договора» [1, с. 27]. Кроме того этот век в лице своих выдающихся представителей показал образец беззаветного служения этим ценностям.

Библиографические ссылки

1. Мотрошилова Н.В. Глобализация и критическое обновление универсальных ценностей разума, просвещения и общественного договора // Мораль и универсальность: [сб. науч. ст.] / Рос. Акад. наук, Институт философии. Москва: Гуманитарий, 2018. 2018. С. 16 – 51.
2. Фуко М. Что такое Просвещение? / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/fuko-99.htm>. Дата доступа 14. 06. 2019.
3. Юрченко Э. Темное Просвещение/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/@right_katarsis-temnoe-prosveschenie Дата доступа 15. 06. 2019.

4. Темное Просвещение: скажем демократии НЕТ/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://s357a.blogspot.com/2014/01/blog-post_2648.html. Дата доступа 15. 06. 2019.

5. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York : Springer, 2018. 220 p.

6. Федорова М.М. Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. М. : ИФ РАН, 2005. 183 с.

УДК 130.2

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОЗИДАНИЯ МИРА КУЛЬТУРЫ: КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В. М. Москалюк

Киевская Муниципальная Академия эстрадного и циркового искусств
ул. Жилянская, 88, 01032, Киев, Украина
msklk@ukr.net

Аннотация. Автором предпринята попытка исследования человека как действующего творческого начала мира культуры в его субъектной активности. Человек и мир культуры анализируются как взаимообусловленная целостная реальность. Представленность человека в мире культуры является его попыткой выхода за грань конечности и устремленность к идее бесконечности. Активность человека в созидании мира культуры проявляется в его стремлении внедрить собственное содержание в культуру, тем самым вызывая в жизни такое явление как морфогенез культурного пространства. Автор доказывает, что субъектность является одной из универсально-логических характеристик человека как активной причины и катализатора изменений мира культуры. Субъектное начало человека можно выдвигать как форму причинного объяснения мира культуры.

Ключевые слова: человек; мир; культура; субъект; активность; созидание; самоосуществление.

HUMAN AS A SUBJECT OF CREATION OF THE WORLD OF CULTURE: CULTURATIVE MEASUREMENTS

V.M. Moskaliuk

Kiev Municipal Academy of Circus and Variety Arts
Zhilyanskaya str., 88, 01032, Kiev, Ukraine,

Annotation The author made an attempt to study a human as an active creative beginning of the world of culture in his subject activity. The human and the world of culture are analyzed as interdependent integrity. The representation of a person in the world of culture is his attempt to go beyond the limit of extremity and aspiration towards the idea of infinity. Human activity in the creation of the world of culture is manifested in his desire to introduce his own content into the culture, thereby causing in life such a phenomenon as the morphogenesis of the cultural space. The author proves that subjectivity is one of the universally-logical characteristics of the human as an active cause and a catalyst for chang-

es in the world of culture. Subjective beginning of the human can be put forward as a form of causal explanation of the world of culture.

Keywords: *human; world; culture; subject; activity; creation; self-fulfillment.*

Каждый человек выстраивает собственное пространство культурного бытия: взаимодействия с собой, другими, миром. В этом созданном им пространстве, «вызревают» зерна его последующих действий, условия и потенциальные возможности его самоосуществления. Созидая мир культуры, человек выступает как активно познающий субъект, вбирающий в себя все богатство мира культуры и, одновременно осознающий собственную уникальность, единичность в мире. Глубокая связь мира культуры и человека, в их созидающем друг друга начале, при огромном интересе к этой проблеме и большом количестве научных работ, связанных с этим вопросом, – все еще остается неисследованной. Это объясняется тем, что при каждом новом рассмотрении и человек, как мировой феномен, и культура, как феномен человеческого бытия, открываются новыми гранями, образуя нерасторжимую и взаимообусловленную целостность.

Проблема человека как субъекта созидания мира культуры постоянно требует расширения пространства своего исследования и обсуждения, поскольку мир культуры является условием, основой и результатом его самоосуществления. Исследуя субъектную сущность человека, созидающего мир культуры, мы сталкиваемся со сложной проблемой освобождения человеческого субъекта от ограниченности, определенной «замкнутости» самой субъектности. Реальное самоосуществление человека как творца мира культуры обеспечивается его эволюцией, которая опровергает сдерживающие ее границы. Именно в процессе взаимодействия созидающе-созидаемых начал двух бесконечных миров – мира человека и мира культуры, открываются принципиально новые пространства субъектного самоутверждения и саморазвития человека во всей многогранности его проявлений.

В сотворении себя, как субъекта мира, в возведении оснований субъектности мира культуры человек реально осуществляет переход в новое состояние: состояние причастности к сокровищнице культурного наследия и, ни с чем несравнимое по самоощущению, состояние свободного творца, способного преобразовывать и обогащать мир культуры интенциями своего сознания и творением вещных форм, воплощающих эти интенции. Подтверждение этим размышлениям находим у Н. А. Бердяева: «Творчество есть ... тайна явления нового, небывшего, ни из чего не выводимого, ни из чего не вытекающего... Творчество ... есть прорыв из ничего, из небытия, из свободы в бытие и мир» [1, с. 422].

В исследовании человека как субъекта созидания мира культуры мы непременно столкнемся со следующей проблемой: человек – есть явление мира культуры, но и мир культуры – это явление человеческой деятельности. Ведущим выступает дихотомический принцип как принцип фактуализации человека, созданного миром культуры, и мира культуры, творимого человеком, в неразделимой целостности их взаимного самоосуществления. Новым, все еще недостаточно исследованным аспектом этого вопроса, является соотношение субъектности, как объединяющей характеристики человечества в

целом, и индивидуальной потенциальной возможности конкретной культурной представленности каждого человека, его само-вы-явления в этом мире.

Человек, творящий мир культуры, выступает как субъект собственного осуществления. Это является реализацией программы его онтогенетического кода. В этой самоактуализации в предметах мира культуры, человек, возможно, делает попытку уйти от конечности своего существования, передав через времена и пространства частичку себя, своего субъектного Я, открывающегося таким образом поколениям, которые осуществляются позднее. Человек как физическая данность, умирая, прерывает линию своей жизни в ее пространственной, временной, количественной характеристиках. Воплощая себя в разнообразных формах культуры, он стремится к сохранению характеристики качественной и таким образом, на доступном ему уровне, делает возможным единение бытия с небытием, их взаимопроникновение и последующее существование в этом качестве. Эта собственная представленность человека в мире культуры является его попыткой выхода за грань конечности и устремленность к идее бесконечности. А значит, мы приходим к мысли о том, что человек как субъект созидания мира культуры изначально содержит бесконечное в себе, реализующееся в жажде самопостроения и созидания окружающего человекомерного пространства. Активность человека в выстраивании этого пространства проявляется в его стремлении внедрить собственное содержание в культуру, тем самым вызывая в жизни такое явление как морфогенез культурного пространства. Субъектность как доминирующая характеристика человека, несущего в своей личностной целостности онтогенетические и филогенетические качества культурной материи, как раз и определяется тем, что субъектом он становится при условии высокой активности самоопределения в мире культуры. Таким образом, мы с необходимостью приходим к выводу о том, что субъектность как таковая является одной из универсально-логических характеристик человека как активной причины и катализатора изменений мира культуры. Более того, субъектное начало человека, в определенной степени, можно представлять как форму причинного объяснения мира культуры.

Взаимовлияние этих двух начал мирового порядка – человека и мира культуры проявляется, следуя нашим размышлениям, в формировании существующей культурной реальности, когда появление в мире человека, с изначально заложенными в нем качествами субъекта, делает возможным его целенаправленную деятельность по построению мира культуры и себя как бесконечной, (в смысле непрекращающегося саморазвития), «вертикали» культурного пространства. Тем самым человек открывает мир культуры и себя в нем и мы имеем возможность проследить формирование человека как феномена культурной эволюции и как обязательное условие самой возможности такой эволюции. Но, ранее упоминавшийся нами Н. А. Бердяев подчеркивает: «Эволюция есть необходимость, творчество же есть свобода» [1, с. 422]. Как совместить эти два, на первый взгляд, взаимоисключающие друг друга понятия? Эволюция как развитие с необходимостью предполагает возникновение новых условий, задач, параметров бытия человеческого мира, которые неизбежно

приводят к определенным изменениям в системе «человек – общество – мир культуры». Появление этих новых условий и задач невозможно без целенаправленной деятельности человека по самоосуществлению, самоактуализации. Следовательно, мы приходим к мысли о том, что эволюция как развитие, в самом широком смысле этого понятия, невозможна без творческого начала, которое как раз и является предтечей эволюционных изменений. Выявление сущностного смысла человека как субъекта возникновения, формирования и развития мира культуры, – является одним из важнейших вопросов исследовательского поля гуманитарных наук. Современная наука стоит перед необходимостью более глубокого анализа взаимосвязи духовной и телесной субстанциальной сущности человека, ее гносеологического осмысления; исследования человека как субъекта, раскрывающего собственное содержание.

Мир культуры, творимый человеком, при наиболее общем изучении его истории, представлен двумя периодами [2, с.17–18]. Моностилистический период, основной характеристикой которого являлся низкий уровень энтропии, обеспечивался устойчивой, общепринятой традицией, более или менее организованными интерпретациями и отлаженными механизмами регуляции. Этим, в какой-то мере, культура упрочивала и защищала господствовавшее мировоззрение, создавала условия для единообразия восприятия и оценки происходящего. Современная культура переживает полистилистический период своего развития, когда мир культуры представляет собой стихийно-хаотические образования, демонстрирующие разнородное множество стилей и культурных форм. Сегодняшний мир культуры не столько развивает культурную реальность, сколько вносит изменения в сознание человека, постулируя культуру как «культуру для самой себя» и утверждающей радикальный плюрализм. Данная ситуация отражает внутренний мир современного человека, в определенной степени представляя собой его систему идей, складывающихся в идеологию сегодняшнего дня. Таким образом, человек творит мир культуры, соотнося с современной ситуацией внутри себя и ситуацией внешнего окружения.

Формирование мира культуры происходило в процессе эволюции человеческого сознания, мышления, языка, различных форм деятельности, которые в своем синтезе создавали, творили человека. Но особенность «обустройства» культурного бытия состоит в том, что человек выступает не просто как носитель всех этих культурных форм. Без него они просто не появились бы, более того, только и именно человек обладает способностью к их интегрированию на уровне всеобщей культурной значимости, обеспечивая, таким образом, целостность бытия культуры. Именно становление целостности, в определенной степени, упорядоченности мира культуры стимулировало формирование и развитие деятельностных характеристик человека, утверждавшего в этом процессе свое активное субъектное начало. На первый взгляд, налицо поступательный процесс эволюции, но рождение человека, его внезапная, неожиданная «заброшенность в мир», (вспомним «dasein» М. Хайдеггера), уже изначально несет в себе взрыв, нарушающий последовательность эволюционной непрерывности, поскольку приводит к возникновению новой приро-

ды культурной материи. В этом – вечность бытия человеческого мира как феномена, способного не просто к самовоспроизводству, но и к интеграции многочисленных, сложнокомпонентных связей, обеспечивающих возможность закономерности функционирования мира культуры как целостности. Таким образом происходит материализация, опредмечивание смысла человека, соответствующего его субъектной природе: «Богом дан человеку творческий дар, талант ... и дан мир, в котором и через который *должен* (выделено В. М.) совершаться творческий акт» [1, с. 423]. В бесконечном своем становлении человек являет собой образ культуры на его бытийственном, аксиологическом, символическом уровнях. Современные научные исследования человека как субъекта созидания мира культуры предполагают синтез классической традиции и неклассического прочтения, необходимость глубокого герменевтического подхода к обозначенной проблеме.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Хранитель, 2006. С. 266 – 637.
2. Социология в СССР / М. : ИС РАН, 1998. С. 17 – 18.

УДК 141.3

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И.М. Наливайко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
niminna3@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обоснованию значимости феномена повседневности как особого объекта исследования современной философии. В статье дана краткая реконструкция истории становления данного проблемного поля и формирования понятия «повседневность» как нового философского концепта. Проанализированы причины проблематизации повседневности в неклассической философии, а также специфические вызовы, с которыми сталкивается философская теория повседневности. Обосновывается тезис о том, что проблематизация данного феномена как объекта философского исследования связана с так называемым «онтологическим поворотом» в философии и предполагает построение новой модели субъективности, опирающейся на новую неклассическую онтологию времени. Рассмотрение повседневности как целостного объекта исследования требует объединения онтологического, социально-онтологического и эпистемологического подходов и создания нового философского языка, преодолевающего отстранённость классического философского дискурса.

Ключевые слова: *повседневность; повседневная жизнь; онтология; социальная онтология; субъект; субъективность; темпоральность.*

THE EVERYDAY AS AN OBJECT OF PHILOSOPHICAL RESEARCH

I. Nalivaika

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Summary. The article is dedicated to substantiation of significance of the phenomenon of the everyday as specific object of contemporary philosophical research. The author provides a brief reconstruction of the history of formation of this problem field and of the notion of 'the everyday' as new philosophical concept. The author analyses the causes for problematizing the everyday in non-classical philosophy and the specific challenges faced by philosophical theory of the everyday. The author argues that problematizing this phenomenon as the object of philosophical research ascends to so-called 'ontological turn' in philosophy and involves the construction of new model of subjectivity based on new non-classical ontology of time. Consideration of the everyday as an integral object of research requires integration of ontological, socio-ontological and epistemological approaches and creation of new philosophical language that overcomes the detachment of classical philosophical discourse.

Keywords: *the everyday; everyday life; ontology; social ontology; subject; subjectivity; temporality.*

Несмотря на то, что уже больше века назад слово «повседневность» прочно вошло в философский лексикон, «легитимность» философских исследований повседневности до сих пор вызывает сомнения и вопросы. Академическая философская традиция готова принять значимость исторических, антропологических, лингвистических, социологических исследований повседневной жизни, но эвристический потенциал данной сферы для собственно философских дисциплин зачастую признаётся проблематичным. Примечателен тот факт, что сомнениям, на мой взгляд, подвергается именно возможность рассмотрения феномена повседневности как объекта философского знания, при том, что те или иные её аспекты, как то логика и аргументация обыденного языка, эпистемологический и онтологический статус повседневных практик и т.д., достаточно прочно вошли в предметную область многих направлений современной философии.

Чем обусловлен этот парадокс? Почему так важно зафиксировать значимость повседневности как объекта неклассической философии?

Пожалуй, начинать стоит с истории зарождения самого понятия. Хотя определённые отсылки к повседневности мы можем найти уже в трудах Аристотеля с его интересом к вопросам практики и практической мудрости, считается, что впервые (немецкоязычный) вариант слова «повседневность» в качестве философского понятия вводит в научный обиход Д. Лукач в 1911 году. В силу того, что ранний Лукач находился под влиянием экзистенциальной философии, он употребляет этот концепт как обозначение особого, неподлинного способа человеческого бытия. И именно этот экзистенциальный смысл понятия повседневности заимствуется М. Хайдеггером и находит своё развитие в «Бытии и времени» как один из базовых концептов фундаментальной

онтологии. Хайдеггеровская проблематизация бытия выстраивается как экзистенциальная аналитика *Dasein* – того сущего, которое есть мы сами и фундаментальной характеристикой которого является понимание. Именно аналитика *Dasein* приводит немецкого философа к исследованию повседневности как той сферы, где мы ближайшим образом и большей частью есть [1]. М. Хайдеггер фактически является первым мыслителем, который проводит теоретический анализ повседневности, выделяя её сущностные характеристики, которые, как он подчеркивает, являются отнюдь не случайными и преходящими, а бытийно определяющими. К ним он в частности, относит усредненность и анонимность повседневного существования. Таким образом, он закладывает традицию онтологических исследований повседневности, инварианты которой мы можем обнаружить в различных новейших философских концепциях [2]. Однако и авторитет немецкого мыслителя не предотвратил последующие споры о легитимности и продуктивности философских штудий повседневности. В чём причины и основания этих споров?

На одну из причин указал сам Хайдеггер в заключительных параграфах «Бытия и времени». Проведя подробнейший онтологический анализ повседневности, он, тем не менее, утверждает, что мы все еще далеки от онтологического схватывания этого феномена. То, что онтически наиболее приближено к нам, так, что мы даже не замечаем его, на деле есть экзистенциально-онтологическая тайна. Причина этого парадокса кроется в темпоральном характере повседневности. Эта очевидная, на первый взгляд, констатация, на самом деле, таит в себе своего рода сдвиг тектонических пластов, обозначающий переход от классической к неклассической философии. Этот сдвиг обозначен в историко-философской науке как целая серия «поворотов», одним из которых является так называемый онтологический поворот. Но суть онтологического поворота состоит не только в переходе от гносеологического к экзистенциально-онтологическому пониманию человеческой субъективности, но и в серьёзной ревизии самого понятия «субъект», вплоть до попыток вообще вытеснить это слово из философского дискурса. В рамках неклассической философии именно время, темпоральность как таковая становятся определяющими для понимания субъективности, в противовес эйдетическо-пространственной модели субъекта, корни которой уходят еще в античность. Но эта смена акцентов означает и радикальное переосмысление самого времени. Происходит переход от картезианско-кантовской модели темпоральности к феноменолого-экзистенциальной концепции времени, выступающей новую онтологию времени, которая акцентирует тот факт, что время человеку дано только как свершаемое время, только в момент его «зарождения и манифестирования» [3].

Как раз это обстоятельство и является «камнем преткновения» в отношении к повседневности как к объекту философского анализа. С одной стороны, повседневность и есть это самое «свершаемое» время, она представляет собой бесконечную череду моментов «здесь и сейчас», каждый день и каждый миг нашего существования. Поэтому соблазн обращения новейшей философии к повседневности как к особой сфере и способу нашей жизни вполне объясним. Однако, с другой стороны, именно этот текущий и преходящий характер повседневности де-

лает её крайне неудобным объектом теоретического знания, каковым мы, в силу устоявшейся традиции, считаем философию. Объект, который в каждый следующий момент уже представляет своё иное просто не даёт нам возможности занять должную теоретическую дистанцию, подняться на мета-уровень, который привык занимать учёный теоретик. Более того, попытка отстранённого рассмотрения повседневности делает её уже чем-то принципиально иным, она уже не является нашей повседневностью. Стремление удержать теоретическую дистанцию во что бы то ни стало, как правило, приводит к тому, что объектом теории становится не повседневность, как особый модус человеческого бытия, а её следы – повседневная жизнь как набор определённых повседневных практик, реализуемых определённой общностью в определённое время [Более подробно см.: 2, с. 14-17]. То есть, самая важная экзистенциальная характеристика повседневности – её темпоральность, в которой и проявляется зарождение и манифестация времени – остаётся за границами подобных исследований. Строго говоря, и хайдеггеровский анализ повседневности не лишён этого изъяна, поскольку, стремясь зафиксировать некие инвариантные черты последней, он существенно обедняет эту сферу, сводя повседневную темпоральность к простой повторяемости, каждодневной рутине, усредненному бытию среди обезличенных других. Избежать этого недостатка не удаётся даже с помощью активного включения в ткань философского текста глубинных семантических возможностей обыденного языка – особенности хайдеггеровской философии, которая столь часто становилась предметом и хулы, и хвалы. Но даже те философские концепции, которые пытаются избежать такой однобокой трактовки повседневности, которая сводит её к обыденной жизни, вместилищу всего ординарного и монотонного, чаще всего далеки от схватывания её целостного и подвижного характера. Они разбивают исследуемый объект на множество фрагментарных предметных сфер, концентрируясь на каком-то отдельном аспекте повседневности. Определённые попытки преодоления этого изъяна и обращения к повседневности как целостному объекту философского исследования можно усмотреть в неомарксизме А. Лефёвра и его последователей, «сплаве» феноменологии и структурализма в социальной теории М. де Серто, философских штудиях сферы приватного Х. Арендт. Но критический анализ всех обозначенных концепций заставляет признать, что, по-видимому, мы находимся в самом начале пути.

Плодотворное исследование повседневности как особой сферы и способа жизни требует, с одной стороны объединения онтологического, эпистемологического и социально-онтологического подходов, а с другой стороны, – создания некоего нового философского языка, способного схватывать и удерживать текучесть и подвижность данного феномена, предопределяющие вариативность и подвижность человеческой субъективности. Осуществление этих задач вероятно требует усилий нескольких поколений. Тем не менее, выделение повседневности как нового объекта философского исследования, несомненно, является закономерным и значимым шагом на пути решения основной философской проблемы – осмысления сути и смысла человеческого бытия в мире.

Библиографические ссылки

1. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2002. 454 с.
2. Феноменология повседневности / И.М. Наливайко [ред.] и др. Вильнюс : Логвінаў, 2015. 380 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, 1999. 605 с.

УДК 130.2

СИМБИОЗ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

О.В. Низова, К.В. Гелий

УО «Белорусский государственный университет транспорта»
ул.Кирова, д. 34, 246653, г.Гомель, Республика Беларусь
olga.nizova@mail.ru

Аннотация. В статье постулируется органическое единство современного искусства и философии. Авторы прослеживают художественную реализацию идей трансгуманизма, футурологии, космологии, феноменологии, философии сознания, философии постмодерна на примере выставок современного концептуального искусства художника А. Жилиева, перформансов и артпрактик Т. Сигала, хореографии Р. Урамдана, пьесы Т. Стоппарда, нелинейной архитектуры Г. Линна и приходят к выводу о том, что искусство становится экспериментальной площадкой для многоаспектного диалога между творцом и зрителем, читателем, потребителем, в том числе и по философским вопросам.

Ключевые слова: симбиоз; постмодернизм; концептуализм; футурология; трансгуманизм; искусственный интеллект; космология; русский космизм; танцевальная артпрактика; контекст повседневности; перформанс; ситуация; диалог; субъективное время; проблема «сознание – мозг»; нелинейная интерактивная архитектура.

SYMBIOSIS OF PHILOSOPHY AND CONTEMPORARY ART

O.V. Nizova, K.V. Gelii

Belarusian State University of Transport
Kirova str., 34, 246653, Gomel, Republic of Belarus

Annotation. The organic unity of philosophy and contemporary art is postulated in the article. The authors demonstrate the art design of the key concepts of transhumanism, futurology, cosmology, phenomenology, philosophy of mind, postmodernist philosophy as they are used at the exhibitions of the conceptual artist A. Zhilyaev, in the performances and artpractices of T. Sehgal, choreography of R. Ouramdan, a play of T. Stoppard, non-linear architecture of G. Lynn etc. The result of this investigation is the conclusion that the art has become an experimental platform for a multidimensional dialogue between creators and their spectators, readers, customers in regard of philosophical questions as well.

Keywords: symbiosis; postmodernism; conceptual art; futurology; transhumanism; artificial intelligence; cosmology; Russian cosmism; dance practice; daily routine context; performance; situation; dialogue; subjective time; mind-body problem; interactive nonlinear architecture.

Двигаясь в русле таких идей постмодернизма, как «ризом», «концепт», «концептуальное пространство», «концептуальный персонаж», «повседневность» и «социальные практики», можно обозначить отношения между философией и современным искусством как симбиотические, т.е. органически дополняющие друг друга. Благодаря искусству философские мысли облекаются в образную оболочку и, соответственно, приобретают новые направления развития. Это сотрудничество эволюционирует вместе с цифровыми технологиями, освоением виртуального пространства, поиском философией новых типов визуализации.

Концептуализм – одно из основных современных направлений, где искусство и философия взаимно обогащают друг друга на всемирном информационном пространстве. Возникнув в конце 60-х годов прошлого века, это течение объединило разные жанры искусства, поскольку идея, концепция может быть представлена как артефактом (текстом, художественным изображением, фотопечатью, скульптурой, видеорядом, архитектурой и пр.), так и акцией (перформансом, театральным и танцевальным представлением). Его продолжающийся в двадцать первом веке успех можно объяснить популярностью постмодернистской стратегии понимания «мира как текста» (Ж. Деррида). Можно согласиться с утверждением Ж. Делёза о том, что философия является искусством изобретения, формирования, изготовления концептов, а философ, к тому же, создаёт концептуальных персонажей [1], и после этого перенести наше место встречи с ними со страниц книг в концептуальное пространство галереи, парка и т.п.

«Возвращение» - концептуальная футурологическая выставка российского художника и теоретика современного искусства А. Жилыева (2018 г., Москва, Центр Современного искусства Винзавод) - служит прекрасным поводом для размышления в этом ключе [2]. Её посетители могли попасть в своё постчеловеческое будущее, где искусственный интеллект Роберт Пастернак рефлексировал над теми артефактами, которые использовались людьми в далёком историческом прошлом (шкала времени с художественно-техническими рисунками) и привели к его созданию. Алгоритм конструирует из них 13 скульптурных объектов, включающих инсталляции из спутников, ракет и т.п.

Этот концептуальный персонаж философии трансгуманизма интересен своей тоской по человеку. А какие чувства способен испытать зритель-человек на мемориальном кладбище техники из своего прошлого и будущего? Какой тип футурологического сценария он выберет? Смоделированный художником эксперимент из области искусства будущего погружает посетителей в философские размышления.

Поскольку многие из конструкций придуманного А. Жилевым ИИ связаны с космосом, то мы можем обратиться к другой философской теме его творчества, к русскому космизму. Выставка «Искусство без смерти. Русский космизм» (Берлин, 2017 г.) была организована художником совместно с философом Б. Гройсом, автором книги «Антология русского космизма», и

А. Видоклем, режиссёром фильма-трилогии «Бессмертие и воскрешение для всех». Особенностью экспозиции было то, что кроме скульптурных объектов воскрешаемых животных и человека, в неё входили книги русских космистов, доступные для чтения посетителям в инсталляции библиотеки, освещённой люстрой А. Чижевского. Вовлечение зрителя в круг идей русских космистов происходило также через показ соответствующего фильма А. Видокля [3]. Кураторы проекта ставили своей целью показать возможность преемственности философии Н. Фёдорова, К. Циолковского, А. Чижевского и современной космологии и трансгуманизма. Амбивалентность подобного союза порождает дальнейший диалог между глобальной и локальной культурой, что проявилось в организованных дискуссиях на выставке и после неё.

Танцевальные артпрактики Тино Сигала, немецкого представителя концептуального искусства, связаны с постановочными ситуациями в пространстве социального взаимодействия. В работе «Поцелуй» (“Kiss”), выполненной для Музея Современного искусства в Чикаго (2002 г.), а также для филиала Третьяковской галереи и Музея архитектуры им. А.В. Щусева (2017 г.), танцевальные этюды чередуются с имитацией фигур знаменитых произведений О. Родена, К. Бранкузи, Г. Климта с одноимённым названием. Другие известные перформансы этого автора включали сложные диалоги между актёрами-исполнителями и зрителями, в том числе по поводу философских изречений М. Монтеня («Эта ситуация», 2006 г.) и по поводу прогресса («Этот прогресс», 2007 г.) [4]. Тематизируемая современной философией «повседневность» становилась объектом драматургии, а зритель-участник вовлекался в обмен мнениями, личным опытом, а в случае с танцевальными этюдами – и в постижение телесных практик.

Философским содержанием наполнены образы спектакля «Удерживая время» французского хореографа Р. Урамдана: управляемый хаос современного мира ритмически рисуется при помощи групповых перестроений танцовщиков, механических жестов, вибрирующего мужского соло и музыки: микс ксилофона, ударных инструментов, фортепиано и органа [5]. Формируя сценическое пространство-время, постановщик освещает кратковременность жизни, интенсивность отдельных переживаний и избирательность памяти, - основные планы концепта «субъективного времени». Р. Урамдан делает акцент на сложности преодоления разорванности сознания, феноменологическое единство которого разрушается внешним вторжением. Подобная хореография стимулирует развитие французской и немецкой философии танца (Ж.-Л. Нанси, М. Фишер и др.).

Парадоксам современной философии сознания посвящена пьеса английского драматурга Т. Стоппарда «Трудная проблема» («The Hard Problem»), название которой содержит аллюзию на известное сочинение австралийского философа Д. Чалмерса. Действие пьесы происходит в Институте исследования мозга, а действующие лица не только участвуют в научных экспериментах из области нейробиологии, произносят философские моноло-

ги, но и оказываются в разных жизненных ситуациях, раскрывающих проблему «сознание - мозг» (многоликая любовь, конкуренция в научном мире и поиск истины) [6]. Контекст повседневной жизни, выбранный автором этой пьесы, приводит к тем же выводам, что и философский труд Д. Чалмерса.

О диалоге между представителями нелинейной архитектуры и философами, такими, как Ж. Деррида и Ж. Делёз, написано немало исследований [7; 8; 9]. Своё материальное воплощение он получил в проекте Парка де ля Вилетт архитектора Б. Чуми, где на одном пространстве объединены разные виды искусства; в доме-эмбрионе Г. Линна, который эволюционирует из типового набора блоков по воле заказчика и совмещается алгоритмами станков с ЧПУ в общее жилое здание; в Павильоне Пресной и Солёной Воды Л. Спайбрука и К. Устерхьюса, где сложные медиа-системы взаимодействуют с окружающей средой и посетителями, создавая виртуальное трёхмерное пространство в зависимости от их биоритмов.

Проникая в повседневную жизнь, концепты меняют окружающий мир и самого человека. Их разнообразные формы, симбиотически используемые в современном искусстве и философии, обращены к массовому зрителю и часто рассчитаны на обратную связь. Благодаря новым технологиям в эпоху постмодерна искусство превращается в экспериментальную площадку для диалога, внутри которого есть место для обсуждения философских проблем.

Библиографические ссылки

1 Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Москва: Институт экспериментальной психологии, Спб. : Алетейя, 1998. 250 с.

2 Возвращение // Центр современного искусства Винзавод: сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.winzavod.ru/calendar/exhibitions/vozvrashchenie/> Дата доступа 12.06.2019

3 Art without death: Russian cosmism // Haus der Kulturen der Welt: сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.hkw.de/en/programm/projekte/2017/art_without_death_russian_cosmism Дата доступа 12.06.2019

4 Т. Сохарева Что надо знать: Тино Сигал // Артгид: сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://artguide.com/posts/1299> Дата доступа 12.06.2019

5 Т. Кузнецова О спектакле Удерживая время // Балет Москва: сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://baletmoskva.ru/uderzhivaya-vremya> Дата доступа 12.06.2019

6 Трудная проблема. Пьеса о сознании Т. Стоппарда / Центр исследования сознания при философском факультете МГУ: сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://hardproblem.ru/posts/sobytiya/trudnaya-problema-pesa-o-soznanii-toma-stopparda-v-londone/> Дата доступа: 12.06.2019

7 Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма М. : Стройиздат, 1985, 136 с.

8 Веселова С. Город. Между архитектурным проектом и информационной сетью. М. : Издательские решения, 2015, 300 с.

9 Локотко А.И. Архитектура: авангард, абсурд, фантастика. Минск: Беларус. навука, 2012, 206 с.

ФИЛОСОФИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

С.А.Поваляев

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Проведен философский анализ поэтического творчества в разрезе временных эпох. Исследованы вопросы сходства и различия философии и поэзии как двух особых видов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: *философия; поэзия; сходство; различие.*

PHILOSOPHY OF POETRY

S.A.Povalyaev

Belarusian State University

Independence av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Held philosophical analysts of poetic creativity in terms of temporal epochs. An Inquiry to resemblance and difference of philosophy and poetry is proposed. The most fact is the post to incredible aspects of poetry and philosophy as unique sphere of intellectual creativity.

Key words: *philosophy; poetry; resemblance; difference.*

Если сопоставлять философа и поэта, как творцов мысли, то можно найти много общего. И философ, и поэт в своих произведениях стремятся создать мир (философ – с точки зрения познания Универсума, поэт – сам творит свой Универсум). Подобным же образом можно соотнести и методологию философии и поэзии. Первая, в большей степени, стремится опираться на научную основу, вторая – через поэтический язык и рифму, выступает своего рода ускорителем сознания, мышления и мироощущения. В наибольшей степени, соприкосновение философии и поэзии раскрывается в философской лирике.. Философская лирика имеет различные определения – «гипотеза бытия», «индивидуальная парадигма мира», «обнажённость умозаключений». «мысль-образ-чувства». Иногда философию и поэзию рассматривают в разрезе форм общественного сознания (философское и эстетическое). Но это даёт только общее представление о схожести и различии философии и поэзии.

Более яркие краски раскрываются при сопоставлении философии и поэзии на уровне индивидуального философского и поэтического сознания. Но тогда возникает вопрос - можно ли считать первое порождением чисто научной основы восприятия мира, а второе считать выражением собственного психического опыта? И да, и нет. Так, например, вряд ли продуктивно резко разграничивать уровень сознания и уровень психического, как последующей трансформации абстрактно-логического и чувственного познания мира. В философской лирике в равной степени пересекаются нравственно-философские, натурфилософские и социально-философские оппозиции.

В обычной поэзии такие оппозиции также присутствуют. Но в случае философской лирики они в большей степени носят общественно значимый характер, в обычной же поэзии, как правило, личностный. Философская лирика в гносеологическом смысле – это способ взаимодействия с миром на художественном уровне, а не простая констатация философских идей. Она сочетает в себе три познавательных элемента – аналитический, интуитивный и возвышенный (форма библейского откровения). При этом, на передний план, в большей степени, выходят интуиция и откровение, которые позволяют собственно поэтическому творчеству достигать высоких философских обобщений.

Ещё один важный аспект, который не может быть не затронут, это определённая трансцендентальность философской лирики как специфического жанра (обычно это связывается с наличием метафизического переживания в контексте произведения). Философская лирика, в известном смысле, олицетворяет собой органическое соединение основных звеньев человеческой культуры – философии искусства, науки, религии и, по сути, особую форму поэтического мировоззрения, которые должны рассматриваться и изучаться в разрезе исторических эпох. Эпохе *Античности* зачастую было свойственно выражать свои мысли в виде поэзии. Уместным будет назвать александрийскую школу. К александрийской поэзии относится астрономическая поэма Арата («Небесные явления», которая принадлежит к числу знаменитых творений эллинистической литературы, неоднократно переводилась римлянами.. Необходимо упомянуть и творение Тита Лукреция Кара «О природе вещей», которое написано в стиле дидактической поэмы. В эпоху *Средневековья* расцветает латино-язычная литература, в частности, поэзия вагантов. Поэзия вагантов, кочующих по всей Европе в поисках лучших учителей и лучшей жизни, была дерзкая, осуждающая церковь и духовенство, и воспевающая радости земной и вольной жизни. любовью. Особый интерес представляет Кембриджское творчество вагантов -школяров, в особенности, тематическое направление диспутов, где в наибольшей степени ответы на философские вопросы перекликаются с поэтическим их воплощением. Взаимодействия философии и поэзии отчётливо прослеживаются в эпоху *Возрождения*. Культура в это время приобретает общественный светский характер. Творцы Ренессанса определяли образ своей жизни исходя не из внешних обстоятельств, а из внутренних установок. Человек обращал свой взор на свою сущность, осознавал себя, формировал свою целостность, искал ответы на вечные фундаментальные вопросы. Франческо Петрарка, Буонаротти Микеланджело, Пьер де Ронсар, Ганс Сакс транслировали свою философию с помощью произведений искусства, поэзии, где внешнее совершенство немыслимо без внутренней эманации. Особе место занимает Данте Алигьери и его «Божественная комедия», которая, по сути, явила собой своего рода энциклопедию научного, политического, философского, морального и библейского знания своей эпохи. Именно в эту эпоху Джордано Бруно впервые употребил термин «метафизическая поэзия». Эпоха *Нового Времени* отвлеклась от культуры, обозначив

приоритет науки и именно в этом русле и происходит актуализация соотношения философии и поэзии.

Представитель религиозного экзистенциализма К. Ясперс утверждал, что поэт порой достигает своей цели, а философ – иногда. Но тут надо отметить, что, всё – таки, цели у философии и поэзии разные. Если первая пытается дать обобщённое осмысление Универсума, то вторая стремится сконструировать свой личностный Универсум. Согласитесь, это суть разные подходы. Мартин Хайдеггер говорил о поэзии, как о становлении и осуществлении истины, главном источнике метафизики. Поэзия, по мнению философа, также выступает подтверждением первоначальной онтологической реальности языка. Французский философ и искусствовед Гастон Башляр назвал поэзию «мгновенной метафизикой», в которой задача поэта определяется как необходимость достижения непосредственного выражения сути бытия и мира. Здесь уместно говорить о целом философско - поэтическом пласте, который занял свою историческую нишу и получил название «метафизической поэзии».

Начиная с XX столетия, школа метафизической поэзии переживает свой Ренессанс и это связано, первую очередь, с именем Т. Элиота, который полагал, что человек утратил способность ощущать мысль так же естественно, как запах розы и тем самым собирать разрозненные впечатления. По сути школа метафизической поэзии в какой-то степени пыталась заместить собой потерянную человеком связь с космосом, с цельным миром, Богом. И здесь на передний план выходит стремление облечь в поэтическую форму проблему расколотости человеческого бытия. Здесь уместно вспомнить Э. Фромма, который подчёркивал, что человек – это единственное существо, способное ощущать себя как проблему. Именно ощущение себя как проблемы и нашло воплощение в метафизической поэзии. Особо необходимо остановиться на творчестве И.Бродского. И.Бродский не только поэт, но и эссеист, автор, чьи размышления о русской и мировой прозе и поэзии зачастую не менее интересны, чем его поэзия. «Послесловие к «Котловану» А. Платонова» «Поэт и проза», «О Достоевском», «Нобелевская лекция» – это глубокое исследование сложнейших фактов литературы, ее особенностей, своеобразия. Именно в данных работах И.Бродский отстаивает позицию о том, что поэзия – высшая ступень развития литературы и мысли и о том, что русская поэзия, как и философия не лишена отличительных черт, своеобразия. У поэтов, согласно Павлу Флоренскому, метафизическая реальность врывается в душу в моменты вдохновения. Именно тогда глубинные слои духовной жизни прорываются сквозь кору чуждого и мировоззрения нашей современности и внятным языком поэт говорит нам о невнятной для нас жизни. В современной системе философского знания существуют разные точки зрения на соотношение философии и поэзии мысли. Многие философы обращали свое внимание к данному вопросу, но нельзя не сказать об его актуальности среди философов, так называемого, постмодерна. Жак Деррида, например, подчёркивал, что философия, определяемая всем своим корпусом, который представляет собой корпус письма, объективно является особым литературным жанром, который мы

должны поместить неподалеку от поэзии. Есть и другая позиция, которая в качестве главного тезиса берет риторический вопрос о ее «форме», или, точнее, попытка бросить на нее тень подозрения: не является ли она, в конце концов, просто литературой. Так или иначе, природа современного поэтического языка во многом впитывает в себя содержательную канву философского осмысления бытия. От этого никуда не уйти. Это объективная данность. Главное же в современном контексте рассмотрения вопросов поэтической мысли и философии лежит в русле рассмотрения тех проблем, которые в равной степени волнуют и мыслителя и творца – «не то главное, чтобы изменить наш мир, а то, чтобы не дать ему исчезнуть» (А. Камю).

Феномен духовной культуры, сложившийся на пересечении философии и литературы, часто понимается в расширительном толковании: философским нередко называют любое «глубокое» поэтическое произведение, затрагивающее общие проблемы жизни и смерти. Необходимо различать родственные, но не сливающиеся понятия – «философская поэзия» и «научная поэзия», «философская лирика» и «медитативная лирика». Размышление, подводящее к идее – обобщению, есть основа философии поэзии. Предмет медитации поэта – философа особый: коренные проблемы мироздания, общества и человека, макро– и микрокосмос. Поэзия, как таковая, нацелена на воплощение живого, частного, случайного, телесно – пластического, а философия поэзии не чужда миру отвлечённых идей. Философия поэзии в отличие от «научной» не была склонна к рациональной заданности, трактатности, сциентизму. Рождённая в русле античной дидактической поэзии в своем становлении в национальных литературах времени, философская поэзия все больше уходила от дидактики. В XIX-XX вв. это проявление психологически сложного акта индивидуального познания, попытки создания поэтической модели мира, своего рода «гипотезы бытия».

Философское осмысление поэзии, как особого вида поэтического мышления, одной из форм самовыражения человеческого «Я», личностного мироощущения и переживания всей бытийности человеческого существования, является не только одним из способов познания феномена творчества как такового, но и попыткой отыскать и объяснить то сокровенное, под которым мы привыкли понимать всё таинство поэтической души. Представляется целесообразным в сжатой форме дать ответ на ряд концептуальных положений, которые формируют область соотнесения философии и поэзии, их сходство и различие, взаимопроникновение, языковые особенности и смысловые реконструкции, всего того, что восходит к поэтической тайне самой философии. Поэзия есть философия, а философия есть истинная поэзия. Это, возможно, верно, если философия, и поэзия берутся в чистом своем виде. Понимание философия как подлинной поэзии может быть объяснено или с точки зрения образов философской лирики или же философских положений, в которых удалось, что называется «освятить» все грани истинного знания ((что само по себе удаётся крайне редко)). Поэзия, в своей основе, выражает чувство собственного ощущения мира, философия стремится к познанию научной карти-

ны мира. Другой вопрос, в состоянии ли философия выйти на уровень поэтического языка выражения смысла, а поэзия – на философский уровень насыщения своих чувственных образов.

Истина. Добро. Красота - вот та триада, через которую необходимо рассматривать взаимоотношения поэзии и философии. Философия занимается истиной, поэзия — красотой, а нравственное сознание - добром. И в форме красоты поэзии открывается то же самое, что философии в форме истины. Поэзия – отдушина для философии. Обладая разной мерой таланта и поэтического мастерства, философы в своих стихах часто находили отдушину от той философии, которой занимались «по службе», и в своих стихах позволяли себе куда большие вольности, чем то, что приходилось делать по «службе». Сегодня интерес к конвергенции философии и поэзии просыпается, поскольку философии вернулась её свобода, как в содержательном, так и в формальном плане. Этим, в немалой степени, объясняется интерес к наследию религиозной философии, в текстовых свидетельствах которой особенно просматривается слитность философского и поэтического. Как только философии нужно заговорить, она вынуждена выбирать себе либо поэтический, либо научный, либо еще какой-то иной язык (допустим, нравственной философии), а в зависимости от тех тем, о которых эта философия хочет говорить, И при этом перед философом ещё стоит задача не потерять нить предмета своего рассуждения, постоянно отслеживая себя или при помощи науки или богословия, в зависимости от того, какую этот философ мировоззренческую традицию представляет. В поэзии же, философ, если он взялся и за поэтическое перо, ему нет необходимости отслеживать себя, и он может свободно выходить даже за рамки мировоззренческих установок школ, которые он в философии представляет.

А в чём поэтическая тайна философии? Философия хранит тайну, которой сама до конца не обладает и для которой нет никаких правил. О философе, которого обвиняют в поэтичности, художественности, можно сказать словами Мишеля Фуко: «виновен, ибо он не есть тот, кем является, и невиновен, ибо не является тем, кто он есть». То же самое можно сказать и о философии, и о поэзии, если принимать их за родных сестер. Собственно и у философии, и поэзии есть одна тайна, которая их объединяет по всей жизни - это тайна истины, глубина которой, по сути, равно как исчерпана, так и не раскрыта до сей поры...

Библиографические ссылки

1. Белаш Ю.А. О «скрытом» сходстве философии и поэзии М Хайдеггера // Мат-лы Круглого стола ЮНЕСКО ко Дню философии. Бишкек : Киргизско – Славянский ун-т. 2011. С.319–324
2. Попова О.В. К вопросу о критериях выделения философской поэзии // Вестник МГТУ. №11. 2008. С.102-107.
3. Столетов А.И. Философия и поэзия // Вестник Томского Гос. Ун-та. №11. 2007
4. Хайдеггер М. Истоки художественного творения. М. : Академпроект, 2008. 68 с.

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г. ГЕГЕЛЯ И Ф. ШЕЛЛИНГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Н.В. Пухова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
pukhava.natalia@gmail.com

Аннотация. Натурфилософские воззрения Ф. Шеллинга и Г. Гегеля весьма схожи в том, что в основе объяснения развития природных процессов лежит идея о тождестве бытия и мышления (субъекта и объекта). Однако при этом Ф. Шеллинг, отвергая теорию жизненной силы (витализм), требует физического объяснения жизни (такой принцип органического развития лег впоследствии в основу теории Ч. Дарвина); в то время как в натурфилософии Г. Гегеля развивается, по сути, не сама природа, а лишь абсолютная идея, инобытием которой и является природа. Таким образом, если Ф. Шеллинг утверждает единство живой и неживой природы, то для Г. Гегеля природа является лишь одной из форм существования абсолютной идеи.

Ключевые слова: натурфилософия; Г. Гегель; Ф. Шеллинг; философия природы; природа; тождество субъекта и объекта.

NATURAL-PHILOSOPHICAL VIEWS OF G. HEGEL AND F. SCHELLING: A COMPARATIVE ANALYSIS

N.V. Pukhava

Belarusian State University

Independence av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. F. Schelling's and G. Hegel's views of natural philosophy are very similar in that the explanation of the development of natural processes which based on the idea of the identity of being and thinking (subject and object). However, F. Schelling, rejecting the theory of life force (vitalism), requires a physical explanation of life (this principle of organic development later formed the basis of the theory of Charles Darwin); while in the natural philosophy of Hegel develops, in fact, not the nature itself, but only the absolute idea, which is the nature. Thus, if F. Schelling asserts the unity of living and inanimate nature, to Hegel nature is only one of the forms of existence of the absolute idea.

Keywords: natural-philosophy; G. Hegel; F. Schelling; philosophy of nature; nature; subject-object identity.

Различие и сходство систем Г. Гегеля и Ф. Шеллинга впервые обнаруживают себя уже в ранней работе Г. Гегеля йенского периода под названием «Различие систем философии Фихте и Шеллинга». Здесь явно прослеживается отношение Г. Гегеля к философской системе Ф. Шеллинга и те различия, которые имели место в подходах этих мыслителей к пониманию тождества S-O отношений, которые становятся исходным пунктом для всех последующих философских построений этих мыслителей. Главная задача, которую перед собой поставил Г. Гегель, заключалась в демонстрации отличий философской

системы И. Фихте от шеллинговской. Г. Гегель утверждает, что, хотя И. Фихте и обосновал принципы философии тождества, он не представил ее в развернутом виде. Такое развертывание сумел осуществить только Ф. Шеллинг, поэтому именно его и следует считать подлинным основоположником системы абсолютного тождества.

Анализируя кантовскую «Критику чистого разума», раздел о трансцендентальной дедукции категорий рассудка, Г. Гегель усматривает в нем то основание, из которого проистекают многие идеи философии И. Фихте. И. Кант исследовал вопрос о том, каков механизм образования понятий. В чистом, неизменном, равном себе самому и тождественном себе «Я» И. Фихте, по мнению Г. Гегеля, и усмотрел основной принцип своего «Наукоучения», где принцип тождества «Я=Я» соответствует закону тождества «А=А». Г. Гегель считает, что в таком понимании принципа тождества лежит неустранимая «Наукоучением» И. Фихте односторонность и ограниченность: «Чистое мышление самого себя, тождество субъекта и объекта в форме Я–Я есть принцип системы Фихте, и если непосредственно придерживаться одного этого принципа – в Кантовой философии трансцендентального принципа, лежащего в основе дедукции категорий, – то тем самым получим смело высказанный, подлинный принцип спекуляции» [1, с. 151]. Однако, принцип тождества «Я=Все» при последовательном его развитии требует дополнительного утверждения что «Все (следовательно и «не-я», то есть природа и мир) = Я». Осуществление такого утверждения требует становящегося «я», становящегося разума. Другими словами, необходимо постепенное развитие порядка мира, природы и сознания: такие процессы развития и составляют основную идею философии природы Ф. Шеллинга. Принцип тождества «Я=Я» включает в себе утверждение «Все=Я», то есть признание развития мира или ступеней природы и духа. Этот принцип достигает своего завершения в объективной науке, без которого «я» в действительности не равно «я». Но вышеизложенной задаче не суждено было найти решение у И. Фихте, потому что он только сформулировал это требование, но не осуществил его. Его система начинается с принципа «я=я» и заканчивается принципом «я» должно быть равным «Я». Согласно Г. Гегелю, принцип философии И. Фихте есть субъективный субъект-объект. А принципом философии Ф. Шеллинга становится субъект-объект и объективный, и субъективный.

В главе «Сравнение принципа философии Шеллинга с принципом Фихте» Г. Гегель показывает различие обоих принципов. Ключевым различием здесь является то, что тождество субъективности и объективности (которое соединяет в себе все противоположности и потому называется абсолютным), не является миру как его идея или конечная цель, а лежит в основе мира как глубочайшая сущность, благодаря которой приходит в движение мир, обнаруживая себя в этом мире и являя себя в последовательном ряду вещей (т.е. в развитии природы и духа). Поэтому наука об абсолютном (или философия) распадается на два раздела: философию природы и трансцендентальный идеализм.

Интересное мнение по поводу споров Г. Гегеля и Ф. Шеллинга высказывает российский философ П.В. Резвых. Он пишет, что «Гегель критикует Шеллинга одновременно и «справа», и «слева», причем в обоих случаях на первый план выдвигается проблема формы. Шеллинговская философия тождества, как явствует из гегелевских выкладок, предоставляет форме одновременно и слишком много и слишком мало полномочий. Эта двойная стратегия полемики венчается, впрочем, типичным для Гегеля утверждением, что обе крайности поддерживают друг друга и представляют собой на деле две стороны одного и того же познания» [2, с.135].

В анализируемой нами гегелевской работе хорошо проиллюстрированы взгляды и И. Фихте, и Ф. Шеллинга. Однако, очевидно и то, как Г. Гегель комментировал недостатки и преимущества философской системы Ф. Шеллинга. Рассмотрим же ключевые натурфилософские идеи этих двух мыслителей, чтобы лучше понять, чем отличаются друг от друга их философские системы. Ф. Шеллинг выстраивает свою натурфилософию путем синтеза трех разработанных ранее систем: критически преобразуя учение о развитии Г. Лейбница, кантовской телеологии и идеи И. Фихте о бессознательном интеллекте. Таким образом, в основе его философии природы лежат три понятия, которые необходимо связаны друг с другом: внутренняя целесообразность природы или организация, развитие или жизнь природы и познаваемость природы.

Тождество природы и духа – это не что иное, как принцип всеобщего развития вещей, то есть единство мира и природы. Этим и определяется главная цель философии природы Ф. Шеллинга. Все положения его натурфилософской концепции определены идеей единства всех явлений природы. Характеризуя неорганическую природу, он обращает свое внимание на единство физических сил (единство электричества, магнетизма и химического процесса), осознавая, что цель ее там, где и современная ему физика достигла кульминационного пункта своего развития. Он был фактически первым философом, который принципиально сформулировал такое требование. В природе самая глубокая противоположность существует между неорганическим и органическим миром, между механизмом и организмом. Принцип всеобщего единства природы требует разрешения этой противоположности, то есть вывода и обоснования неорганической и органической природы из одного и того же принципа. Поэтому Ф. Шеллинг отвергает витализм (теорию жизненной силы), но требует физического объяснения жизни в своей системе. Стоит отметить, что И.Ф. Фриз в «Полемических сочинениях» пишет о системе Шеллинга так: «Здесь впервые со времени новейшего развития естествознания подвергнута общему обзору вся область физики» [3, с. 343]. В соответствии с комментарием И.Ф. Фриза можно подчеркнуть то, что Шеллинг в своей «Философии природы» изучил и систематизировал все новейшие открытия естествознания 2-ой половины XVIII века, отойдя тем самым от механистической трактовки возникновения мира и осознавая всю глубину и потенциал развивающихся тогда биологии, химии и т.д. Он создал натурфилософскую

концепцию, которая легла в основу объяснения многих процессов современной науки.

В период работы в йенском университете Г. Гегель скептически относился к натурфилософии. Несмотря на дружбу с Ф. Шеллингом, он не разделял восхищения его идеями. В своих «Афоризмах» о натурфилософии он высказывается так: «Натурфилософия. Пройдет много времени, прежде чем здесь перестанут пускать пыль в глаза» [4, с. 554]. Однако эти взгляды позже несколько поменяются, потому что философ осознает, что система философии будет неполной, если она не включает философию природы. Именно поэтому, уже в Нюрнберге Г. Гегель включает «науку о природе» в свою «Пропедевтику» в качестве второй ее части. Он пишет: «Природа – это абсолютная идея в виде инобытия вообще ... Становление природы – это становление духом» [5, с. 171]. В Гейдельберге он издает «Энциклопедию философских наук», в которой второй частью станет его философия природы, как уже более масштабный фрагмент его системы. В первой ее части излагается физика неорганической природы; во второй речь идет об «органической физике», где главной целью рассмотрения являются процессы, происходящие в растительном и животном мире. Однако в гейдельбергский период выходит лишь первая версия его энциклопедии, только в Берлине он подготовит окончательную версию, в которой «Философии природы» будет посвящен весь второй том трехтомника. То как философ описывает тогдашнее естественнонаучное знание, свидетельствует о его недостаточном понимании открытий в области физики и других наук. Г. Гегель пытается доказать, что истина присуща лишь философии, а все остальные науки причастны к ней лишь постольку, поскольку в них присутствует философия. Это утверждение «красной нитью» проходит через многие произведения Г. Гегеля. Но через 20 лет после написания «Феноменологии духа», когда немецкий философ напишет в Гейдельберге вторую версию «Философии природы», он поменяет свое отношение к наукам о природе. Здесь он уже не высказывается так, как в «Феноменологии духа», а напротив, подчеркивает необходимость опытных исследований в качестве условия создания натурфилософии: «Философия не только должна согласоваться с опытным познанием природы, но само возникновение и развитие философской науки имеет своей предпосылкой и условием эмпирическую физику» [6, с. 14]. По мнению Г. Гегеля, философия природы не так и далека от эмпирической физики, являясь рациональной физикой. Однако немецкий мыслитель предпочитает аристотелевское понимание физики, ключевым тезисом которой является то, что физика есть натурфилософия. Г. Гегель даже высмеивает Ф. Шеллинга за то, что его философская система является смесью грубого эмпиризма и искаженных форм мышления. Он полагал, что надо разобраться с такой «разнузданностью мышления» в натурфилософии.

Уже в XX веке М. Хайдеггер, в книге «Немецкий идеализм и философская проблематика современности» напишет об основном замысле гегелевской метафизики и его споре с Ф. Шеллингом следующее: «У Гегеля серьезное отношение к абсолюту и абсолютному познанию. Он хочет освободиться

от односторонней субстанции, будь то Я или природа, но сделать это таким образом, чтобы их абсолютное тождество не привело к их исчезновению и абсолют не выглядел бы как тотальное снятие всяческого противоположения в смысле одного лишь уничтожения (абсолютная ночь, в которой все кошки черны)» [7, с. 253].

Библиографические ссылки

1. Гегель Г. Различие систем философии Фихте и Шеллинга // Кантовский сборник. 1988. №13. С. 148–174.
2. Резвых П. Критика философии тождества Шеллинга в «Предисловии» к «Феноменологии духа» // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелевдения. М. : Канон+, 2010. С. 135–141.
3. Фишер К. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. СПб. : Издание Д.Е. Жуковского, 1905. 893 с.
4. Гегель Г. Афоризмы / Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1970. Т. 2. С. 530–562.
5. Гегель Г. Философская пропедевтика / Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1971. Т. 2. С. 7–211.
6. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1975. С. 7–579.
7. Хайдеггер М. Немецкий идеализм и философская проблематика современности. СПб : Владимир Даль, 2016. 495 с.

УДК 1(091):165.12

КАНТОВСКОЕ ПОНЯТИЕ «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ» В ФИЛОСОФИИ НЕОКАНТИАНСТВА

М.В. Ровбо

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
ritarovbo@gmail.com

Аннотация. В статье прослеживается судьба кантовского понятия «трансцендентальный субъект» в философии неокантианства. С учетом разнообразных оценок роли и функции трансцендентального субъекта в мысли И. Канта за опорные точки взяты идеи двух наиболее влиятельных школ неокантианства – Марбургской и Баденской. Вопреки ожиданиям, что кантовское понятие «трансцендентальный субъект» получает развитие в Марбургской и Баденской школах неокантианства, в текстах мыслителей этих школ не наблюдается использование данного понятия. Как «чистое мышление» Г. Когена и П. Наторпа, так и «гносеологический субъект» Г. Риккерта выполняет функцию всеобщего, безличного основания объективности и всеобщей значимости знания. Такой функцией (в силу определения понятия «трансцендентальное» И. Кантом) нередко наделяют и трансцендентальный субъект, что, впрочем, соответствует лишь одной из имеющихся трактовок трансцендентального субъекта в исследовательской литературе. Отмеченное основание всеобщности и необходимости знания в неокантианстве обеих школ следует

понимать в сугубо логическом смысле: теоретические конструкции «чистого мышления» и «гносеологического субъекта» лишены онтологической «плотности».

Ключевые слова: *трансцендентальный субъект; Марбургская школа неокантианства; Баденская школа неокантианства; чистое мышление; гносеологический субъект.*

KANT'S CONCEPT OF «TRANSCENDENTAL SUBJECT» IN NEO-KANTIANISM

M.V. Rovbo

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article traces the fate of Kant's concept of «transcendental subject» in Neo-Kantianism. Taking into account the various considerations of the role and functions of the transcendental subject in Kant's thought, ideas of the most influential Neo-Kantianism schools, the Marburg and Baden schools, are taken as reference points. Contrary to the expectations that Kant's concept of «transcendental subject» is developing by the Marburg and Baden schools, the use of this concept is not observed in the texts by the thinkers, representing these schools. Both «pure thinking» (Cohen and Natorp) and «epistemological subject» (Rickert) perform a function of universal, impersonal foundation of objectivity and universal significance of knowledge. By virtue of Kant's definition of «transcendental» the transcendental subject is often endowed with such a function, which, however, corresponds only to one of the available interpretations of the transcendental subject in research literature. The basis of universality and necessity of knowledge in Neo-Kantianism of both schools should be understood in a pure logical sense: the theoretical constructs of «pure thinking» and «epistemological subject» are devoid of ontological «density».

Keywords: *transcendental subject; Marburg Neo-Kantianism; Baden Neo-Kantianism; pure thinking; epistemological subject.*

В критических источниках, где рассматривается теоретическая философия И. Канта, нередко встречается понятие «трансцендентальный субъект». «Коперниканский переворот» И. Канта, а также «трансцендентальное» как маркер для именования кантовской философии после 1781 года, сыграли решающую роль в том, чтобы считать трансцендентальный субъект главной фигурой кантовского критицизма, воплощением обновленного понимания Кантом субъекта познания. Вместе с тем в качестве контр-аргумента для подобного значения кантовского трансцендентального субъекта выступает «маргинальный» статус понятия «трансцендентальный субъект» в текстах самого немецкого философа, а также долговременная не востребованность данного понятия в истории посткантовской философии. Оставляя за пределами рассмотрения как проблематичный статус трансцендентального субъекта в философии И. Канта, так и разнообразие его впоследствии возникших трактовок, сосредоточимся на следующем вопросе: фигурирует ли понятие трансцендентального субъекта в тех концепциях, которые полагаются генетически восходящими к философии Канта? В частности, нас будет интересовать неокантианство, поскольку относительно данного направления обыкновенно ожидается рецепция важнейших

кантовских понятий. Ввиду объема статьи будут рассмотрены концепции лишь двух наиболее влиятельных и известных школ неокантианства – Марбургской и Баденской. Марбургская школа, стремясь ответить на вопрос о возможности научного познания вне опоры на психологизм и эмпиризм, приняла за эталон математическое естествознание, что отвечает эпистемологическим трактовкам трансцендентального субъекта И. Канта в исследовательской литературе. Баденская же школа была нацелена на выявление априорных оснований науки о культуре, что можно связать с имеющейся трактовкой трансцендентального субъекта в ракурсе философии культуры.

Представители Марбургской школы неокантианства – Г. Коген и П. Наторп, намереваясь очистить критицизм от любых признаков психологизма, совершили ряд смелых шагов по «совершенствованию» кантовского учения, что в результате привело к редукции субъективности к «чистому мышлению». Одной из ключевых задач для Марбургской школы стала задача «преодолеть дуализм созерцания и мышления, а также формы и материи» [2, с. 135], поскольку в дуализме виделся источник противоречия, затаившегося в теоретической философии И. Канта и ставящего ее тем самым под вопрос. С одной стороны, как пишет П. Наторп, признается пассивная восприимчивость познающего (созерцание), с другой – активность рассудка, спонтанная самопроизвольность мышления [2, с. 128]. Согласно П. Наторпу, эта раздвоенность по меньшей мере странная после «коперниканского переворота», к тому же не обоснована, ведь с точки зрения И. Канта, *знание* не дается извне. Созерцание без всякого ущерба для критицизма может быть отнесено к сфере мышления. После устранения восприимчивости субъекта устраняется и «данность ощущения как “материи”» [2, с. 128]. Ощущения теперь никак не относятся к сфере познания, поскольку неясны и смутны. При прояснении ощущения превращаются в определения мышления. Можно сказать, что то, что в современной философии науки называется «эмпирическим уровнем исследования», представители Марбургской школы растворяют в мышлении как в «среде» познавательной активности таким образом, что и предпосылки, и результаты познания оказываются заданы самим мышлением. Функционирование мышления раскрывается в категориях, но марбуржцы полагают, что недостаточно, как это сделал И. Кант, просто перечислить их – нужно также доказать необходимую связь между ними. Г. Коген проделывает это, аргументируя «потребность» одной категории в другой, П. Наторп же исходит из утверждения составляющего сущность мышления «синтетического единства», в силу которого все категории «взаимопроникают» друг в друга. Подобные идейные трансформации кантовской теоретической философии высвечивают желаемый результат – загадочное «объективное самосознание», которое ниспровергает любые попытки сохранить в философии рудименты психологизма.

Если у И. Канта (более отчетливо во втором издании «Критики») трансцендентальный субъект выступает в виде «*неизвестного икса*» [3, с. 517], то у марбуржцев таким иксом является сам предмет познания (мышления), который относится к содержанию мышления как низшая ступень к высшей. «Не суще-

ствуется абсолютно субъективного содержания, также как и абсолютно транс-субъективного предмета, но то, что на одной ступени сделалось “содержанием”, на более низкой ступени было “предметом” [2, с. 134]. Даже в необозримой перспективе ни один предикат не в силах полностью покрыть собой все скрытое в «иксе» содержание – потому мышление оказывается бесконечно длящимся процессом, «неисчерпаемым саморазвитием». Остановить данное бесконечное определение безграничного можно только искусственно, как это наблюдается в гегелевском «конце философии» или же в «царстве ценностей» баденцев. Как пишет П. Наторп, «царство ценностей» – это тихий порт, которому настоящий матрос предпочтет «безбрежный океан бесконечных задач» [2, с. 141].

То, что субъективность целиком сведена марбургскими неокантианцами к мышлению, не влечет за собой невозможности выйти из теоретической философии в сферу этики или эстетики (эстетики не в «трансцендентальном» смысле). Причем выход к практической части философии – это не «отпадение от разума», а снятие с него тех ограничений, которые самим же себе установлены им в сфере познавательной деятельности. И если в рамках теоретической философии разум подчинен «очевидной необходимости», «обусловленности полагания», то в этике он свободен для безусловного полагания.

Еще одного претендента на роль реинкарнированного трансцендентального субъекта можно усмотреть в гносеологическом субъекте, предложенном одним из виднейших представителей Баденской школы неокантианства – Г. Риккертом. Во «Введении в трансцендентальную философию» Г. Риккерт приводит классификацию возможных вариантов определения субъект-объектного отношения. Во-первых, оно может быть представлено как пара, где объектом считается весь внеположенный телу мир, а субъект – Я как единство тела и души. Такого субъекта Г. Риккерт называет психофизическим. Во втором типе субъект-объектного отношения в качестве объекта полагается весь существующий мир, включая тело самого Я, а от субъекта остается только содержание сознания. Таков психологический субъект. Философом будет выдвинут еще один вариант гносеологической оппозиции, где объект имманентен, то есть выступает как содержание сознания. Субъект же – само это сознание, конкретно «мое», воспринимающее, желающее [4, с. 26] и осознающее себя таковым. Ни один из трех субъектов не является гносеологическим – его Г. Риккерт получает в результате очищения третьего понятия субъекта от малейших следов индивидуальности. Всё, что считается «моим», будет вычтено в пользу объекта – и останется лишь «безымянное, всеобщее, безличное сознание» [4, с. 31]. Отвлеченный от всякого содержания гносеологический субъект, по Г. Риккерту, есть просто логическая возможность иметь объект. Гносеологический субъект – это «общее всем имманентным объектам, их форма», однако условием познания его все же назвать нельзя. Безусловно, со стороны гносеологического субъекта обеспечивается всеобщий и необходимый статус знания, но его истинность гарантируется соответствием норме, норма же исходит из области трансцендентного – из «царства» абсолютных ценностей. Можно заме-

титель, что если «многослойность» кантовского понятия субъекта позволяла «включить» в субъекта и ноуменальное измерение, то Г. Риккерт выносит ноуменальное за пределы субъекта. Гносеологический субъект Г. Риккерта непознаваем, как и кантовский трансцендентальный субъект, но его непознаваемость происходит из того, что «этот субъект не может стать объектом», ведь любой его предикат попал бы на счет второго элемента гносеологической оппозиции – объекта, или содержания сознания. Ввиду этого баденский мыслитель пишет, что понятие гносеологического субъекта «можно толковать единственно как понятие границы» [3, с. 33]. Г. Риккерт категорически отрицает возможность какой-либо онтологии сознающего субъекта. «Сознание вообще не есть реальность, ни трансцендентная, ни имманентная, а только понятие» [4, с. 35], действительность присуща лишь содержанию сознания. Такую же точку зрения будет разделять и В. Виндельбанд [5], согласно которому субъект – это только функция, свободная от субстанционального субстрата. Г. Риккерт поставил под сомнение существование вещи в себе, полагая, что в ее появлении в учении Канта отчасти повинна и терминология: когда говорится о том, что мир есть не что иное, как явление – сразу же возникает стремление допустить, что за этим явлением есть некоторая реальная основа [4, с. 40]. Если же слово «явление» для обозначения содержания сознания заменить на какое-либо иное (Г. Риккерт предлагает понятие «имманентность»), то отпадет всякая необходимость в вещи в себе. Впрочем, если предположить существование последней, то субъект, подвергающийся аффицированию с ее стороны, является психофизическим, а не гносеологическим, по той простой причине, что воздействие происходит на тело, а не на сознание. С другой стороны, настолько же необоснованно считать самодовлеющим источником содержания сознания самого субъекта. Для Г. Риккерта подобный, как он называет, «спиритуализм» невозможен ввиду того, что сознание не есть реальность, а только понятие.

Таким образом, в данной статье посредством контент-анализа текстов мыслителей Марбургской и Баденской школ неокантианства было установлено, что понятие «трансцендентальный субъект» как марбуржцами, так и баденцами не использовалось. В качестве предполагаемых аналогов трансцендентального субъекта были рассмотрены понятия «чистое мышление» и «гносеологический субъект». Установлено, что в философии Баденской и Марбургской школ неокантианства фигура трансцендентального субъекта оказалась заслонена сущностью и структурой сознания. «Гносеологический субъект» (Г. Риккерт) и «чистое мышление» (Г. Коген, П. Наторп) выполняют функцию всеобщего, безличного основания объективности и всеобщей значимости познания. Это основание следует понимать в сугубо логическом смысле, поскольку названные теоретические конструкции лишены онтологической «плотности». Единственная черта, общая для данных конструкций и кантовского трансцендентального субъекта, – непознаваемость.

Библиографические ссылки

1. Мареева Е. В. Проблема души: от Канта к неокантианцам / Философия Канта в критике современного разума : сб. ст. М. : Русская панорама, 2010. С. 303–324.

2. Наторп П. Кант и Марбургская школа / Избранные работы. М. : Территория будущего, 2006. С. 119–144.
3. Кант И. Критика чистого разума : в 2 ч. / Соч. на нем. и русск. яз. : в 4 т. М. : Наука, 2006. Т. 2. Ч. 1. 1081 с.
4. Риккерт, Г. Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания / Философия жизни. Киев : Ника–Центр, 1998. С. 15–166.
5. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М. : КАНОН-пресс, 1998. 496 с.

УДК 1: 378.4(476-25)(091)

И.КАНТ О МЕСТЕ И НАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Т.Г.Румянцева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
t.rumyan30@gmail.com

Аннотация. В докладе анализируются идеи И.Канта, высказанные им в одной из наиболее востребованных в современном кантоведении работ под названием «Спор факультетов» (1798). Речь идет о выяснении места и назначения философского факультета в структуре тогдашнего европейского университета. Показано, что исходя из ряда априорных оснований, мыслитель объясняет существовавшую в его время структуру университета, а также то, как устроен факультет философии и чем он, как т.н. «низший» факультет, принципиально отличается от «высших» факультетов – теологического, юридического и медицинского. Решительно защищая права философии и наук, входящих в состав философского факультета, на свободное исследование в условиях засилья теологии и феодальных властей тогдашней Пруссии, он фактически развивает высказанную им еще в работе «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» мысль – Sapere aude! – имей мужество пользоваться *собственным* умом!

Ключевые слова: *И.Кант; философский факультет; «Спор факультетов»; «низший» и «высшие» факультеты; философия и философский факультет в эпоху глобальных вызовов.*

KANT ON THE PLACE AND VALUE OF THE PHILOSOPHICAL FACULTY

T.G.Rumyantseva

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The report analyzes the ideas of I. Kant, expressed by him in one of the most popular works in modern Kantian studies, called «Faculty Dispute» (1798). It is about finding out the place and purpose of the Faculty of Philosophy in the structure of the then European University. It is shown that on the basis of a number of a priori grounds, the thinker explains the structure of the university that existed in his time, as well as how the faculty of philosophy is arranged and how it is, as the so-called the «lower» faculty is fun-

damentally different from the «higher» faculties — theological, faculty of Law and medical. Resolutely defending the rights of philosophy and sciences, which are part of the Faculty of Philosophy, for free research in the conditions of the dominance of theology and feudal authorities of Prussia of that time, he actually develops the idea, he expressed in his work «Answer to the question: what is Enlightenment?» - Sapere aude! - have the courage to use your own mind!

Keywords: *I. Kant, Faculty of Philosophy, «Faculty Dispute», «Lower» and «Higher» Faculties, Philosophy and Philosophy Faculty in the era of global challenges.*

Университет в современном значении этого слова как передовой центр развития науки, образования и культуры появляется в Европе лишь в конце XVIII – начале XIX вв. На первое место в образовательных стратегиях здесь выдвигается принцип единства преподавания и научного исследования, а сама способность активно участвовать в приращении и умножении научного знания становится тем главнейшим качеством, благодаря которому человек может претендовать на должность университетского профессора.

Большое влияние на формирование европейских и, в частности немецких, университетов, на долгие десятилетия воплотивших в себе модель идеального научно-образовательного центра, оказала немецкая классическая философия в лице ее главных представителей – И.Канта, И.Фихте, Ф.Шеллинга и Г.Гегеля. Каждый из этих мыслителей не только оставил нам ряд блестящих работ, посвященных осмыслению сути университетского образования, но и, за исключением Шеллинга, избирался на должность ректоров ведущих университетов своего времени, непосредственно воплощая в жизнь программные требования своих теоретическими разработок. Хотя и Шеллинг, будучи генеральным секретарем Академии художеств в Баварии, обосновывал в своих «Лекциях о методе университетского образования» единство человеческого знания как «единой науки» об универсальной силе постижения Целого, а также о необходимости соединения образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности. Главным принципом и целью существования тогдашнего университета станет *образование наукой*, что нашло свое олицетворение в немецком слове *Bildung*, которое расшифровывается как *творческое* совершенствование личности путем науки, в противовес чисто утилитарному ее обучению исключительно навыкам будущей профессии.

В рамках такого видения университетской стратегии важной стала задача формирования *единой картины мира*, акцент не на отдельные эмпирические факты, а на обоснование методологии научного познания, формирование у обучающихся систематического и целостного мировоззрения, синтезе всего накопленного частными науками с помощью философии, или, как ее называли тогда – «науки наук». Ясно, что миссия такого рода целиком и полностью могла быть возложена именно на *философский факультет*, который, однако, в те времена выглядел совсем иначе, чем сегодня. Так, он должен был готовить обучающихся на нем студентов не к какой-то конкретной профессии, а являлся, почти как в Средние века, своего рода подготовительной школой для высших факультетов. Лишь к концу XVIII века, то есть, именно в то время, когда И.Кант был профес-

сором Кёнигсбергского университета, философский факультет превращается в основу всего университетского образования, охватывая и объединяя практически все науки.

В своей знаменитой работе «Спор факультетов» (1798) философ подробно описал структуру тогдашнего университета, состоявшего из трех *высших* и одного *низшего* факультета, который, по мнению И.Канта, таким точно не является, ибо именно он «должен заботиться об интересах науки и иметь свободу обсуждать все распоряжения, касающиеся интересов науки, т.е. истины, ...ведь разум по своей природе свободен и не принимает никаких приказов считать что-то истинным» [1, с. 316]. Тем самым философ решительно защищает права философии и наук, входящих в состав философского факультета, на свободное исследование в условиях засилья теологии и феодальных властей тогдашней Пруссии и фактически развивает высказанную им еще в работе «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» мысль – *Sapere aude!* – имей мужество пользоваться *собственным* умом!

Далее И.Кант подробно описывает понятие и деление тогдашнего философского факультета, что, разумеется, небезынтересно для тех, кто сегодня продолжает начатое им дело. Он полагает, что в каждом университете должен быть философский факультет, который «служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего *истина*» [1, с.325]. Отстаивая важное место и значение философского факультета для других его подразделений, он пишет, что «можно в крайнем случае согласиться с гордым притязанием богословского факультета на то, что философский факультет его служанка», и формулирует далее ставшую сакраментальной фразу о том, что при этом еще открытым остается вопрос о том, «*несет* ли эта служанка перед милостивой госпожой *факел* или шлейф позади нее» [1, с.325].

И.Кант оставил нам подробное освещение того, как выглядел в его времена философский факультет, показав, что входящие в него гуманитарные и естественные науки в сумме и образуют целостность человеческого знания. По его описаниям он состоял тогда из двух частей – «отделения *исторического познания* (к которому относятся история, география, языкознание, гуманистика со всем, что дает природоведение, опирающееся на эмпирическое знание) и отделения *чистого познания разумом* (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов); между обоими отделениями существует взаимная связь». Заклучая в себе все части человеческого знания и имея, поэтому, своей «целью пользу всех наук», философский факультет претендовал на то, «чтобы быть испытателем истинности всех учений, на пользу всех наук» [1, с. 325]. Только впоследствии благодаря делению философского факультета на математикоестественнонаучный и гуманитарный (ставший позднее собственно философским) число факультетов в современных университетах стало увеличиваться.

Отмечая суть самого понятия «философского факультета» и сравнивая его с тремя, т.н. «высшими» факультетами – теологическим, юридическим и медицинским, И. Кант отмечал, что в отличие от них он подчиняется только законодательству разума, потому что нельзя признать что-то за истину только потому, что

оно «предписано сверху». Именно он, философский факультет должен отыскивать истину на пользу всем наукам и «не должен складывать оружия ввиду опасности, грозящей истине, защита которой возложена на него». Философский факультет, по мысли И.Канта, «не обещает человеку блаженства после смерти, гарантии собственности при жизни и физического наслаждения, как высшие факультеты. Он придерживается лишь того, что «человек сам может и должен делать: жить честно, ни с кем не поступать несправедливо, быть умеренным в наслаждении, терпеливым в болезни и прежде всего рассчитывать на самопомощь организма» [1, с. 327].

Большой теоретический вклад в выявление места и роли философского факультета внес и ближайший последователь И.Канта – И.Г. Фихте. Он не раз писал о том, что философия как наука должна дать всем наукам основоположения, которые им не придется каждый раз обосновывать и доказывать их достоверность, для чего ей необходимо включить в свой предмет человека, познающего субъекта, принимая, таким образом, характер мировоззренческой системы. Так, в своей работе «Несколько лекций о назначении ученого» (1794) он видит «первую задачу для всякого философского исследования» – в решении вопроса о назначении человека вообще, а также в оказании «содействий культуре и повышении гуманности, в распространении образования» [2, с.19]. То, что И. Кант вкладывал в понятие «идеального университета», и то, каким ему виделось место и назначение в нем факультета философии, было воплощено в жизнь в тогдашнем Йенском университете. Так, в конце XIX в. это учреждение стало истинным центром немецкой философии, литературы, культуры и образования. Здесь работали Шиллер, Гумбольдт, Гёте и Фихте, Рейнгольд, братья Шлегели, Новалис, Тик, Шеллинг и др., а число профессоров-философов по отношению к другим профессорах составляло 9 к 42. Только к 1805-1807 гг., когда «перепроизводство» любителей мудрости и число преподавателей философии там уменьшилось, Йена, по словам прибывшего в это время туда Гегеля, «пришла в упадок» [3, с. 247].

И сегодня философия и философский факультет должны не только сохранить свое важное место в культуре и университетском образовании, но и активно участвовать в жизни общества и осмыслении самых актуальных проблем современного мира, отвечая на сформулированные И. Кантом вечные и до сих пор остающиеся актуальными вопросы о том, что я могу знать, что я должен делать, на что могу надеяться и что такое человек, помогая «подобающим образом занять указанное ему место в мире» и научить тому, «каким быть, чтобы быть человеком».

Библиографические ссылки

1. Кант И. Спор факультетов / Соч. в 6 т. Т.6. С. 311-349.
2. Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого / Соч. в двух т. Т.2. СПб.: 1993. С. 7-65.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т.2. М., 1973. 630 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В.С. Сайганова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
saihanava@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые претерпевает образование в системе ценностей современной культуры. Выделяются культурно-исторические стадии развития образования в дописьменной, письменной и постписьменной культуре. Рассматривается влияние глобализационных процессов на современное образование и перспективы его развития перед лицом глобальных вызовов постписьменной культуры. Делается вывод о том, что образование как социокультурный феномен является атрибутом бытия человека в культуре, что позволяет соотносить стратегию образования с анализом судеб современной культуры и цивилизации. В статье актуализируется значение социогуманитарной экспертизы образовательных реформ, разработки комплекса мер по повышению качества образования, а также социального статуса педагога и престижности преподавательской деятельности.

Ключевые слова: глобализация; знание; информация; образование; стадии развития образования; философия образования.

EDUCATION IN THE SYSTEM OF VALUES OF MODERN CULTURE

V.S. Saiganova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the changes that education undergoes in the system of values of modern culture. The cultural and historical stages of the development of education in the pre-written, written and post-written culture are shown. The influence of globalization processes on modern education and the prospects for its development before the global challenges of the post-written culture are considered. The article concludes that education as a sociocultural phenomenon is an attribute of human being in culture, which makes it possible to relate the strategy of education with the analysis of the fate of modern culture and civilization. The article highlights the importance of socio-humanitarian expertise of educational reforms, improving the quality of education, the social status of teachers and the prestige of teaching.

Keywords: globalization; knowledge; information; education; stages of development of education; philosophy of education.

Процессы глобализации, пронизывая все сферы социального бытия, демонстрируют диалектически противоречивый характер своего влияния на жизнедеятельность современного общества и человека. Нарастание процессов гло-

бализации в развитии мировой культуры сопряжено с глубокими изменениями в сфере науки и образования, что существенно детерминирует поиск новых аксиологических ориентиров в этих сферах. Потребность в философской рефлексии над проблемами образования, определении его места в системе ценностей современной культуры, в исследовании трансформаций образования в глобализирующемся мире становится особенностью современного осмысления образования как социокультурного феномена. Являясь ключевым элементом жизни современного общества, источником и ресурсом его устойчивого развития, именно образование и его качество, определяют уровень науки и культуры, состояние экономики и гражданского общества, интеллекта и духовности человека. Возрастающая значимость и всеобщность образования привели к необходимости нового понимания его целей, ценностных оснований, теоретических постулатов, форм, содержания и направленности образования. На этом пути происходит формирование отдельной области современного философского знания – философии образования. Становлению философии образования предшествовали развитие педагогики, учения бихевиоризма, психоанализа, социологии и философской антропологии. Однако, как отмечают современные отечественные исследователи проблем философии образования, «имеющиеся разработки в области философии образования весьма разнятся в методологическом плане и недостаточно ссылаются друг на друга», что приводит к некоторым расхождениям в понимании сути образования и его культурного развития [1, с. 348]. Очевидно, что вступив в полосу глубоких трансформаций, современное образование не может пониматься и оцениваться лишь с точки зрения педагогической науки, оно нуждается в более глубоких и основательных дефинициях, поиске новых исследовательских программ и, в то же время, в теоретико-методологическом инварианте, когда речь идет о реформах образования.

Исторически философия и образовательные практики характеризовались встречным развитием по отношению друг к другу. В силу своей изначальной взаимосвязанности, философское осмысление образования позволяет рассматривать цели и ценности образования в широком социокультурном контексте и постулировать образование как неотъемлемый атрибут бытия человека в культуре [2]. Понимание образования как социокультурного феномена позволяет соотносить стратегию образования с анализом судеб современной культуры и требует анализа трансформации их ценностных приоритетов. В своем становлении и развитии образование как элемент бытия человека прошло несколько глобальных культурно-исторических стадий. Их выделение содержит важный момент, позволяющий понимать и интерпретировать современные трансформационные процессы в образовании как своего рода симптоматику смены очередной эпохи в истории культуры и образования [3, с. 34-35].

Первая глобальная культурно-историческая стадия развития образования относится к эпохе доцивилизационного общества. На этой стадии образование как формирование образа мира и человека осуществлялось через систему дописьменных мифологических образов, которые передавались не столько словесно, сколько через ритуалы, действия и невербальные формы общения, а также были непосред-

ственно имплицированы в язык практической жизни. Вторая стадия в развитии образования характеризуется становлением и развитием письменной культуры. Как известно, в период между VIII и II веками до н.э. произошёл качественный поворот в истории, приведшей к возникновению письменности и философии в культуре. Именно на этой стадии образование начинает существовать как особый способ передачи социального и духовного опыта, который поддается письменной фиксации и имеет форму знания. В общих рамках общественного разделения труда образование выделяется в особую сферу деятельности, именуемую школой и содержащую признаки профессионализации [4]. С развитием и совершенствованием письменной культуры образование воплощается в языке рационального мышления и науки, трансформируя и само понятие образованности от элементарной грамотности до выделения качественных этапов образования отдельного человека. Современные тенденции в образовании демонстрируют все предпосылки его перехода к третьей, еще до конца не оформившейся стадии развития образования, характеризующейся становлением постписьменной культуры. История техногенной цивилизации, логика ее развития и амбивалентный характер привели к пересмотру основополагающих ценностей культуры. Предоставив человечеству множество достижений, техногенный тип развития породил и множество проблем, «глобальные планетарные кризисы: экологический и антропологический» [5, с. 353]. Обострение этих кризисов обусловило глубокие аксиологические трансформации в современной культуре, которые оказали влияние на судьбы образования в XXI веке [6]. Вопросы о стагнации образования в письменной культуре, негации по отношению к существующим ценностям, варианты преодоления кризисных явлений, формировании новой матрицы ценностей являются открытыми вопросами для философии и общества в целом. Очевидным является тот факт, что образование как атрибут бытия человека в культуре находится в состоянии существенных качественных изменений.

Стоит отметить, что сама письменность постепенно начинает утрачивать статус содержательного ядра образования, уступая место компьютерной грамотности, а современные информационные технологии уже давно обеспечивают хранение, обработку и трансляцию знаний, отодвигая на второй план ценность письменной фиксации знаний. В результате интенсификации информационных технологий в образовании видоизменяется социальный статус и значимость фигуры учителя, преподавателя, формируется потребительское отношение к продукту образования. Фундаментальность естественнонаучной и гуманитарной составляющих образования уступает место узкой специализации, ситуативному образованию, что в совокупности с развитием глобальных информационно-коммуникативных технологий и экспоненциальным ростом объема информации снижают качество конечного продукта образования.

Описанные выше явления указывают на транзитивное состояние развития образования, связанное со становлением вне- и надписьменных способов и форм его функционирования. Становление постписьменного образования обусловлено глубинными изменениями в системе передачи информации, в скорости ее обновления, в механизмах трансляции и усвоения знаний. Оказавшись в условиях по-

иска ответов на глобальные вызовы постписьменной культуры, современное образование нуждается в стратегии закрепления своего места в системе ценностей техногенной цивилизации. В эпоху становления новых стратегий развития образования прогностический потенциал именно философии может обрести не только теоретическую, но и очевидную практическую значимость. Философия не только осуществляет рефлексию над универсалиями культуры, но и конституирует новые будущие смыслы, играя, тем самым, основополагающую роль в формировании новых ценностных ориентиров цивилизационного развития. Актуальными вопросами продолжают оставаться широкая социально-гуманитарная экспертиза проводимых реформ в построении стратегий развития образования и разработка комплекса мер по повышению его качества.

Библиографические ссылки

1. Левко А.И., Буйко Т.Н. Философия образования в Беларуси: формирование исследовательских программ / Философские исследования: сб. науч. труд. 2017. Вып. 4. С. 341-349.
2. Буйко Т.Н. Философия образования: старая традиция или новая дисциплина? Минск : НИО, 2000. 210 с.
3. Сайганова В.С. Функциональный статус образования в современном мире // Философия и социальные науки. 2015. №3. С.33-36.
4. Robb K. Literacy and paideia in ancient Greece. Oxford: University Press, 1994. 320 p.
5. Стёпин В.С. Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей / Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса // В. Г. Гусаков [ред.]. Минск : Беларуская навука, 2017. С. 352-353.
6. Кулик С.П., Сайганова В.С. Образование и его судьбы в глобализирующемся мире / Глобализация, регионализация, пограничье : [кол. моногр.]. Витебск : ВГУ, 2018. С. 11-17.

УДК 342.731

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1950–1960 гг.)

М. Такас

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
mustafatakas46@hotmail.com

Аннотация. Предмет исследования – продолжительная острая полемика вокруг религиозной политики турецкого государства, изначально направленной на крайне жесткий секуляризм. Реакционные движения сохраняли свою активность всю первую половину XX века, всячески добиваясь снятия религиозных ограничений. Свобода вероисповедания и смягчений религиозной политики стали ключевыми ар-

гументами Демократической партии в ее борьбе за власть в конце 1950-х годов. Период 1950–1960 гг. рассматривается как «отправная точка» в становлении нынешней ситуации вокруг ислама в Турции, когда связь между религиозной свободой и демократическим укладом Турции не только сохраняется в официальной риторике, но и преподносится как исключительная заслуга турецкого народа.

Ключевые слова: *религия; религиозная политика; секуляризм; свобода вероисповедания.*

CONTROVERSY OVER THE RELIGIOUS POLICY OF THE REPUBLIC OF TURKEY (1950–1960)

M. Takas

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The subject of the study is a long and sharp controversy around the religious policy of the Turkish state, initially aimed at extremely tough secularism. The reactionary movements retained their activity throughout the first half of the XX century, striving in every way to lift religious restrictions. Freedom of religion and lenient religious policy were the key arguments of the Democratic Party in its struggle for power in the late 1950s. The period 1950–1960 considered as the “reference point” in the development of the current situation around Islam in Turkey, when the connection between religious freedom and the democratic structure of Turkey is not only preserved in official rhetoric, but also presented as the exclusive merit of the Turkish people.

Keywords: *religion; religious policy; secularism; freedom of religion.*

Вопрос о религии и ее статусе в турецком обществе и государстве является одним из самых чувствительных как для правящих кругов, так и для простых граждан. Сегодня мы наблюдаем все более широкое применение происламской риторики в официальных источниках, но при этом Турция сохраняет статус светского государства, чтящего традиции Революции Ататюрка. У нынешней ситуации довольно длинная история, наполненная жесткими политическими спорами и упорной борьбой, которая позволяет понять особенности решения религиозного вопроса в Турции, а также нынешней религиозной политики турецкого государства. Ключевым периодом в переходе к современной религиозной ситуации в Турции можно считать период 1950–1960 гг., когда у власти находилась Демократическая партия (ДП). 29 октября 1923 года, после серии революционных переворотов, была провозглашена Турецкая Республика. Первоочередной задачей в тот период было сплочение общества и его устройство согласно современному, проевропейскому, образцу. В связи с этим религии (исламу) была уготована известная участь – секуляризация и вынесение «на поля» общественной жизни в соответствии с принятым курсом на европеизацию.

Еще 28 июня 1923 г., в ходе выборов в Великое национальное собрание Турции, все места в нем заняли представители Республиканской народной партии, созданной Ататюрком. Это означало, что из структур государственного управления был исключен религиозный компонент. Другими шагами на пути

отделения религии от государства стали: отмена султаната как формы политического устройства, упразднение халифата, единого государства мусульман, которое с 1517 г. существовало на территории Османской империи, и отмена титула халифа 3 марта 1924 года [1], закрытие Министерства по делам религии и фондов (тур. *Şeriye ve Evkaf Vekâleti*), в задачи которого входило регулирование жизни турецкого общества согласно законам шариата [2], принятие Закона о единстве системы образования, согласно которому светские и религиозные школы объединялись под эгидой Национального министерства образования, и построение единой модели светского турецкого образования [3]. Кроме того, были закрыты монастыри дервишей и места поклонения святым, запрещено публичное чтение Корана, ношение любой национальной одежды, в том числе показывающей религиозную принадлежность, предписывалась одежда только западного образца [4]. 10 апреля 1928 года первой поправкой к Конституции 1924 года был удален пункт о религии государства [1]. Турецкая Республика была объявлена светским государством. Очевидно, такое решение в значительной мере повлияло на повседневную жизнь турецкого общества, в котором большинство проживало в сельской местности, а, значит, вдали от крупных городов и тем более от главных очагов революции – Стамбула и Анкары. Люди по-прежнему нуждались в услугах духовных особ, им по-прежнему были нужны привычные ритуалы, связанные с праздниками и другими религиозными событиями, которые до этого на протяжении веков составляли для них традиционный уклад жизни. После объявления религиозных деятелей «вне закона» на государственных политических постах, значительный культурный пласт как будто «повис в воздухе», религия (ислам) в турецком обществе в 1920-х годов встала на путь маргинализации. Трагический пафос этому процессу придавала утрата прежней религиозной и культурной идентичности – почти четыре века существования халифата на территории Османской империи ее жители ощущали себя в центре мусульманского мира, а, став гражданами Турецкой Республики, оказались не только людьми, живущими на обломках бывшей империи, но и оторванными от собратьев по вере.

Эти социально-культурные факторы стали основой многих реакционных движений, получавших неизменную поддержку у широких народных масс. Любые попытки вернуть религию на политическую арену очень жестко подавлялись властью – религиозному вопросу в турецкой политике была уготована иная судьба, связанная с созданием Демократической партии. Официально она была создана 7 января 1946 г., а к власти пришла 14 мая 1950 г. в результате прямых выборов. В программе ДП были представлены пункты, посвященные политике секуляризма, а также ее позиции по отношению к религии: «Наша партия отвергает то ложное толкование государства, согласно которому оно не имеет ничего общего с политикой секулярности, не проявляет интереса к вопросам религии и не регулирует религиозные отношения с помощью закона; мы признаем свободу вероисповедания наравне с другими правами человека. Эксперты в области религиозного образования должны подготовить основополагающую программу, которая регулировала бы вопросы необходимого религиозного образования, а

также деятельность учреждений, в которых будут обучать духовенство. В состав университетов должны быть включены факультеты богословия и теологические институты, наделенные автономией, подобно Министерству национального образования. Нельзя мириться с использованием религии в качестве политического инструмента, «пропагандируя среди граждан отказ от любви и солидарности, мобилизуя фанатизм против свободомыслия» [5, с. 663]. Члены ДП избегали прямых и резких высказываний о религии, стараясь, создать атмосферу умеренного религиозного дискурса. Их главным аргументом стало то, что государство не может игнорировать такой фундаментальный демократический принцип, как свобода вероисповедания и, шире, свобода совести. Было заметно, что ДП, по сравнению с партией власти, придерживается более либеральной позиции в отношении религии и ее роли в обществе, и что турецкое общество поддерживает именно ее.

В 1949 г. Джеяль Баяр выступил с речью на втором Большом конгрессе Демократической партии, в которой, в частности, сказал: «В нашей программе свобода вероисповедания, как и другие свободы, признается священной. В ней секулярностью называется уважение к религии в самом лучшем смысле этого слова. Если бы мы были у власти, то воплотили бы эту, подготовленную экспертами программу, в жизнь. Турецкая нация – нация мусульманская, и она останется мусульманской. ...Вопрос религиозного образования – вопрос чисто технический. Мы против религии как орудия политики. ...Мы против религиозной реакции. В нашей стране реакции нет, но если мы вовремя не заметим ее первые ростки и не придадим им значения, мы своими руками поведем нашу родину к катастрофе» [6]. Аднан Мендерес, возглавивший партию после Д. Баяра, был солидарен с ним.

22 апреля 1949 г. на партийном собрании в Адане он произнес: «Те, кто когда-то называл Демократическую партию партией обманщиков, теперь со всей страстью показывая ее как врага религии и, под флагом религии, хотят укрепить собственные партии. Наша партия никогда не будет противницей религии – гарантией тому служит наша приверженность принципу свободы совести, как и другим демократическим принципам. Для нас разделение религии и государства означает свободу совести. Те, кто хочет использовать религиозные чувства нашего народа для политических действий, действуют вопреки принципам свободы совести светского государства» [7, с. 182].

К моменту прихода ДП к власти контроль над религией был ослаблен, в простых формах (уроки религии, школы для религиозных деятелей, открытие ритуально значимых мест) она вернулась в жизнь обычных граждан Турецкой Республики. После ее прихода к власти первым шагом на пути активизации религиозной жизни в турецком обществе стала отмена статьи Уголовного кодекса, запрещающей чтение молитв на любом языке, кроме турецкого. 16 июня 1950 года Великое Национальное собрание сняло этот запрет. Призыв к молитве, азан, снова начали читать на арабском языке, такая практика не стала обязательной, но и не запрещалась – решение, какой язык выбрать, оставалось за религиозными деятелями и простыми людьми. В первый период правления Демократической

партии было дано разрешение проводить уроки религиозного воспитания в начальных школах, выделять деньги на совершение паломничества (хаджа), а также читать Коран по радио. Кроме того, запрет на религиозные радиопрограммы был полностью снят [8]. На фоне этих изменений увеличилось издание прорелигиозных газет, журналов и книг. Вместе с тем, политика ДП сохраняла светскую направленность. Так, например, 25 июля 1951 года принят Законопроект о преступлениях, совершаемых против Ататюрка, а в период с 1950 по 1954 гг. ДП активно боролась против фанатично настроенных религиозных групп и движений [9].

Тем не менее, мягкие реформы не стали единственным шагом в либерализации религиозной политики турецкого государства. Если в начале своего правления ДП сняла некоторые ограничения религиозной жизни, которые действительно беспокоили большую часть общества, то в его продолжении, особенно после 1955 года, в своих политических заявлениях на первый план она стала выносить именно религиозные вопросы. Например, 29 ноября 1955 г. премьер-министр Аднан Мендерес, выступая перед Ассамблеей Демократической партии, произнес: «Вы можете даже вернуть халифат, если захотите». Отчасти это было связано с усилением популизма на фоне экономической стагнации, отчасти – с борьбой за места в парламенте, когда оппозиционные партии обретали все большую силу и поддержку. Так, сотрудничество с консервативным сектором позволило ДП получить голоса его избирателей, которые в лице демократов увидели «партию религиозного спасения».

В результате мы наблюдаем двоякую ситуацию, связанную с сущностью демократии: с одной стороны свобода вероисповедания – одна из фундаментальных демократических свобод, однако религия в Турции является одним из значимых факторов управления, поэтому оставлять ее вне политической арены, как об этом заявляли в середине прошлого века лидеры ДП, сегодня становится все сложнее.

Библиографические ссылки

1. Великое национальное собрание Турции. Анкара : ВНСТ, 2003. 110 с.
2. Avcıoğlu D. Türkiye'nin yeri, dün, bugün, yarın. Ankara : Bilgi Yayını, 2003. Cilt 2. 655 s.
3. Kayadibi, F. Atatürk'ün dinî yönü ve din eğitime bakış [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.atam.gov.tr/dergi/sayi-48/ataturkun-dini-yonu-ve-din-egitime-bakisi>. Дата доступа : 15.05.2018.
4. Lewis, B. Modern Türkiye'nin Doğuşu. Ankara : Türk tarih kurumu basımevi, 1993. 541 s.
5. Tunaya, T. Z. Türkiye'de Siyasi Partiler 1859–1952. İstanbul : Arba Yayınları, 1995. 799 s.
6. Vatan gazetesi. 1949. 4 Apr.
7. Esirci, Ş. Menderes Diyor ki... Birinci Kitap. 7 Ocak 1946 – 14 Mayıs 1950. İstanbul : Demokrasi Yayınları, 1967. 233 s.
8. Yakın Dönem Türk Politik Tarihi. Ankara : Anı Yayınları, 2007. 378 s.
9. Sitembölükbaşı Ş. Türkiye'de İslam'ın Yeniden İnkişafı (1950–1960). Ankara : İSAM&TDV, 1995. 206 s.

О СУЩЕСТВЕ ФИЛОСОФИИ: НЕ СЛУЖАНКА И НЕ ГОСПОЖА...

А.Н. Фатенков

ФГАОУВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
пр-т Гагарина, 23, 603095, Нижний Новгород, Российская Федерация
fatenkov@fsn.unn.ru

Аннотация. В соотнесении с линией экзистенциализма различаются сущность и существо философии. В своём существе философия и предельно абстрактна, и предельно конкретна. Она не удовлетворяется лишь объективной стороной знания и общезначимыми смыслами, настаивая на важности в истинном знании экзистенциальных, личностных смыслов. Уточняется место философии в социально-культурном пространстве. Проводится её предметное сравнение с наукой, религией и идеологией. Указываются симптомы и причины кризисного состояния современной философии. Отмечается и разъясняется антипатичное отношение к ней правящей технократии. Рассматриваются особенности преподавания философии как традиционной университетской дисциплины. Ценность философии усматривается автором в том, что она культивирует и поддерживает самостоятельность человека.

Ключевые слова: человек; самостоятельность; философия; спутница жизни; наука; религия; идеология.

ON NATURE OF PHILOSOPHY: NOT A SERVANT, NOT A MISTRESS...

A.N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Gagarin av., 23, 603950, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Annotation. In correlation with existential tradition the essence and nature of philosophy are being distinguished. In its nature philosophy is both extremely abstract and extremely concrete. It is not satisfied only with an objective side of knowledge and universal meanings but insists on the importance of existential and personal meanings in true knowledge. The place of philosophy in socio-cultural area is being specified. Its substantive comparison with science, religion and ideology is being made. The symptoms and causes of today's philosophy's crisis are being noted. The antipathy of ruling technocracy towards philosophy is being pointed out and explained. The peculiarities of teaching of philosophy as a traditional academic discipline are being considered. According to the author, the value of philosophy is found in its cultivation and support of human autonomy.

Keywords: human; autonomy; philosophy; mate for life; science; religion; ideology.

Существо – более чем сущность, чем абстракция. Оно всегда предельно конкретно и соразмерно живой натуре: её мыслям, эмоциям, волевым порывам, телодвижениям. Такова по своему существу и философия – как уникальный культурный феномен и как базовая университетская дисциплина. Неоправдан-

ным умалением было бы отсылать её к изучению лишь предельно общего и объективно-истинного. «Философия значит столько, сколько значит философ. Чем больше величия в человеке, тем больше правды в его философии» [1, с. 29]. Тут А. Камю прав. Да, философия не безлична: в ней есть и мужчина и женщина, и эллин и иудей. Как роженица кричит на родном языке, так и философ только родным словом прикасается к подлинной, сокровенной реальности. Понятна неперевоодимость некоторых знаковых культурных лексем с одного языка на другой. Неудивительна замена латиницы национальной лексикой мыслителями итальянского Возрождения и немецкой Реформации. Сомнительна нынешняя тенденция к англоязычной унификации речи. Убийственно для глубокой, живой мысли её оцифровывание. Увы, сегодня философия в кризисе. В чём виновата во многом сама, когда, дистанцируясь, убегая от рассмотрения реальных, волнующих людей проблем, пускается в рассуждения не о жизни, а об отражении её отражения, когда ограничивается реконструкцией собственной истории (не важно, в академичной или эпатажной манере), а то и вовсе склоняется к вычурной языковой игре. Внутренние неурядицы философии усугубляется целенаправленным внешним прессингом правящей ныне технократии и удручающим цинизмом капиталистической повседневности. Ситуация, впрочем, отнюдь не нова. Чиновничество и раньше вещало о сомнительной пользе и очевидном вреде философии. Хотя куда очевиднее – тогда и сейчас – боязливая корысть самих столоначальников. Они догадываются, что настоящее, с философским стержнем, образование, в отличие от пресловутых «образовательных услуг», «подразумевает способность не только познавать и понимать факты, но также познавать и понимать факторы, формирующие факты, а следовательно, и способность изменять бесчеловечную действительность» [2, с. 134]. Герберт Маркузе, интеллектual левого толка, находит здесь поддержку у коллеги с правого фланга. «Есть такие районы, – справедливо утверждает Эрнст Юнгер, – где уже слово “метафизика” преследуется как ересь. Само собой разумеется, что там любое почитание героев и любая великая человеческая фигура низвергаются в прах» [3, с. 56].

У философии и у тех, кому она что-то толковое способна дать, дела пойдут на поправку, если удастся вскрыть и разъяснить причины всегдашнего недовольства ею не только со стороны властей предержащих, но и со стороны влиятельных мировоззренческих конкурентов в лице науки и религии. Для этого требуется указать ценности, которые, обнаружив, не выдумав, а доведя до ума и подкрепив концептуально, отстаивает в человеческом мире философская теория и практика.

Философия – при некоторой схожести черт – отлична от науки: и в содержательном, и в языковом, и в методологическом форматах (подробнее см.: [4]). Она не стремится любой ценой удержаться на уровне объективизма или даже интересубъективизма – напротив, настаивает на содержательной неполноте отвлечённых смыслов и словарных значений понятий, ущербных без экзистенциальной, личностной подпитки. Наука выдаёт на-гора истинное знание, но, в отличие от философии, не смеет даже подумать, что сама истина может оказаться всего лишь видом заблуждения, без которого люди не в состоянии жить. Нет не-

чего удивительного в том, что обладание доказательным, рационально проверяемым знанием никак не гарантирует достойного поведения, праведности поступков. Этическая проблематика всегда внешняя для сциентистского взгляда на мир. Для философского опыта она неизменно внутренняя: здесь важно не только то, что утверждается, но и кто утверждает, заслуживает ли доверия этот человек. Истина, высказанная подлецом, перестаёт быть таковой в философии, но остаётся таковой в науке. Через свои технологические приложения наука с гораздо большим принуждением и меньшим разбором детерминирует образ жизни людей; философия влияет на него избирательно, случается – и вовсе никак.

Философия отлична от религии (подробнее см.: [5]). В религиозных пределах человек если не падший, то ведомый; если ответственный, то по вине, в силу априорного изъяна, «первородного греха». Философия не идеализирует человека, но отмечает его врождённую греховность; учит об ответственности без вины и без долженствования. А ещё о том, что любой ответ всегда, в общем, трагически запаздывает, всякая реакция тлетворна. Жизнь есть спонтанная активность. Сопротивляться смерти – значит играть на опережение. Хотя бы иногда. Ведь сама по себе непрерывная спешка, упакованная в мишуру «прогресса», весьма сомнительна. Философия не против веры как состояния души – но первоначально за веру человека в себя, не в другого. Тому, кто поодаль тебя, она советует доверять или не доверять. Философия защищает любовь как явленное миру чудо – явленное не повсеместно, наособицу, в сопряжении то с совестью, то с удачей – любовь земную, человеческую. Без экивоков на трансцендентность – с прикосновениями, разными: строгими, бережными, переполненными желанием. Отвергая циничную прозрачность панлогизма и юродство безумия, философия оберегает здравую иррациональность: небессловесную и небестелесную. Прежде всего – небезразличное отношение к жизни, людям, к кому-то из них, хотя бы единственному, ограждая близость с ним от указчиков и посредников. Философ-экзистенциалист уверен в том, что умом, им одним, реальность не понять. Интеллигибельные схематизмы, как и стерильные «духовные практики», оставляют нас на стадии внешнего освоения мира, всего лишь опознавания, сравнения фактически данного с мыслительным слепком прежней фактичности. В итоге имеем скольжение по поверхности, не более. *Философия*, и только она одна, *учит самостоятельно и ответственно мыслить, действовать, жить* (подробнее см.: [6; 7]). При этом самостоятельность отмечает, гонит прочь легковесное ячество. Твои соображения по-настоящему чего-то стоят, они действительно твои, если обстоятельно соотнесены с мировой и отечественной культурной традицией.

Человек самостоятельный, властвующий над собой – угроза всякой внешней власти: он вживую свидетельствует о том, что люди могут-таки обойтись без верховно-стороннего господина. Неудивительна поэтому извечная неприязнь светской и церковной номенклатуры к философии.

Антипатия (чаще всего взаимная, надо признать) усиливается, когда выясняется: философия отлична и от идеологии, основательно критикуя её как феномен если не ложного, то вульгарного сознания. Философский настрой позволяет, например, отличить истинный, порой неброский патриотизм от пропагандистски

шумливого «последнего прибежища негодяев». От философского взгляда не ускользнёт и тот факт, что либерализм, манерно осуждаемый у нас сейчас официальными СМИ, интенсивно закачивается во все сферы общественной жизни, включая сферу образования. О чём свидетельствует и нелепая формализация в оценке труда преподавателя и студента, и ажиотаж вокруг дистантного, с экраном-контрацептивом, обучения. Философия не охотится за аудиторией-массой, хотя широкой аудитории – живой, не экранной – по обыкновению не чурается. Но и в ней она обращается не к безликому множеству, а, если и не к каждому, то к некоторым – особо, конкретно, индивидуально. Бывает – к одному-единственному. И его бывает достаточно, чтобы почувствовать живой отклик, в коем нуждается всякий человек, чем бы он ни занимался. Если душевной взаимности не встречаешь, надо уходить, что-то менять...

О философии, даже люди её круга, часто говорят как о заповеднике для одиноких волков. В этом есть доля правды. С эпохи Платона и Аристотеля известно: лучший ученик – всегда предатель. Впрочем, в отличие от науки, даже возможное отсутствие школы не ставит на философии крест. Самый интересный собеседник для философа, конечно же, он сам. Философский акт совершается в уединении или в эксклюзивной передаче от лица к лицу. Он авторский. Его субъект – автократ – допускает в качестве нормы открытое сопротивление, встречный натиск, отменяя тем самым все либеральные стенания и наветы по адресу авторитаризма, который исключительно и способен сегодня внятно противостоять тоталитарным угрозам. А они уже при нынешнем уровне технического оснащения (читай: уровне контроля) отнюдь не эфемерны. Запад, Россия, Восток тут мало отличаются друг от друга: непонятно, где антропологическая ситуация хуже.

До поры до времени человека с претензией на суверенность терпели. Пока за ним числилась сущность, не сводимая к имиджу, пока его окультуренной природы хватало для преобразования-покорения природной целины. Но теперь человек оказался в мире, в котором искусственного не меньше, чем естественного, и дальнейший прогрессистский, инновационный зуд требует технического вмешательства в человеческую натуру. Беспардонная объективность тут на руку корыстной и завистливой бездарности. Та, оккупируя властные институты, ставит целью инкорпорировать все внешние рычаги воздействия на индивида в его внутреннюю, психофизическую структуру. Под благовидным предлогом заботы о здоровье, безопасности и комфорте людей цинично выхолащивается их самоопределение, собственно человечность. Она, не мыслимая некогда без сокровенных пластов, намеренно опошляется нынче императивом перманентных презентаций, редукцией бытия к видимости. Философия учила и учит: *казаться – ещё не быть!* Для человеческого мира, во всяком случае. Недруги философии, клоны Большого Брата унижающе льстят объектам контроля: вне кажимости, мол, ничего нет...

Философию давно пытались оптимизировать и приручить. Механизмы выбирались разные: от приторной лести до откровенного уничтожения. Её называли госпожой, царицей наук – и методично превращали в их методологическую

прислугу. Философия побывала в служанках и у теологии, позднее угождала запросам идеологии. Последний мезальянс, исторически хорошо нам известный, с очевидностью показал, что даже социализм, априори, казалось бы, нацеленный на устранение экономического гнёта, на приверженность подлинному (не абстрактному) гуманизму и содержательной (не формальной) свободе, философию как таковую терпит с трудом, по идеологической неволе. Теология, наука, идеология... Круг теоретического опрощения философии почти замкнулся. В нём ей осталось только отыграть до конца роль теории искусства, чем она теперь всё чаще и занимается. Но ведь это явно роль второго плана: человеку с развитым эстетическим вкусом – будь то автор произведения или зритель (в расчет берётся по преимуществу визуальное, а не вербальное искусство – таковы реалии эпохи) теоретические изыски особо и ни к чему.

Эффективно функционирующему социуму философия, разумеется, не нужна вовсе. Конечно, она по существу своему «неоправданно затратна»: заумна и вместе с тем дурашливо-проста. Она печётся о полнокровном человеке, не третирует его страстную натуру – и одновременно взывает к его совести. Оттачивает вкус, поощряет изящество, возвышенные стремления – и тут же без сантиментов обращает нас к суровой действительности. Философия сродни жизни и чужда технологическим схемам. Она не станет их поддерживать и прославлять. И потому – по меркам эффективности – обречена.

Для того чтобы опровергнуть приуготовленный недругами расклад и вволю посмеяться над ним, философии следует не приспособливаться к ситуации, не мимикрировать, а в очередной раз по-волчьему прыгнуть через расставленные вокруг неё флажки. Ей не остаётся ничего, как только упрямо отстаивать своё существо и тем посильно поддерживать людей. *Философия – не служанка и не госпожа, а жизненная спутница самостоятельного человека.*

Библиографические ссылки

1. Камю А. Записные книжки <Май 1935 – март 1951> / Соч.: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.
2. Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ: Астрель, 2011. 382 с.
3. Юнгер Э. Через линию / Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампер. Гюнтер Фигель. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2006. С. 7–64.
4. Фатенков А.Н. Философия в споре с наукой: идея подвижной иерархии против редукционизма // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Соц. науки. 2004. № 1 (3). С. 517–534.
5. Фатенков А.Н. Утверждая бытийную самостоятельность человека: философия в мировоззренческом споре с религией // Спектр антропологических учений. Вып. 6. М. : ИФ РАН, 2014. С. 183–202.
6. Фатенков А.Н. Философия как жизненная спутница самостоятельного человека // Вестн. Мининского уни-та. 2006. № 3 (16). С. 27.
7. Фатенков А.Н. Умаление роли философии как симптом неприятия самостоятельности человека // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 155–160.

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О.В. Шубаро

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
philcult@bsu.by

Аннотация. В данной статье анализируется теоретическая проблематика и дисциплинарный статус психологии религии. В качестве главных проблем обозначены теоретико-методологическая рефлексия, направленная на построение теоретических моделей оценки религиозности, а также подходы к концептуализации 'религиозности' как ключевого для данной дисциплины понятия. Перспективы развития психологии религии как научной дисциплины связаны с поиском новых инструментов изучения религиозного опыта, религиозности в связи с необходимостью концептуализации базовых понятий.

Ключевые слова: психология религии; конфессиональная психология религии; религия; религиозность; духовность; операционализация религиозности.

PSYCHOLOGY OF RELIGION: THEORETICAL PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

O.V.Shubaro

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. This article is devoted to analysis of the theoretical issues and the disciplinary status of the psychology of religion. The main problems are the theoretical and methodological reflection, aimed at building theoretical models of religiousness, as well as approaches to the conceptualization of 'religiousness' as a key concept for this discipline. Prospects for the development of the psychology of religion as a scientific discipline are associated with the search for new tools for studying religious experience, religiousness due to the need to conceptualize the basic concepts.

Key words: psychology of religion; confessional psychology of religion; religion; religiousness; spirituality; operationalization of religiosity.

Становление психологии религии как научной дисциплины приходится на конец XIX-начало XX веков. Хотя, следует заметить, что психологические знания о религии накапливались в течение столетий. До оформления психологии в отдельную дисциплину (XIX в.) и до конституирования религиоведческого знания как комплекса наук о религии (вторая половина XIX в.) психологические аспекты феномена религии становились предметом изучения как в рамках философского, так и естественнонаучного знания. Знаменитый немецкий психолог XIX-XX вв. Г. Эбингауз, известный своими исследованиями памяти, в учебнике по психологии (1908 г.) заметил, что психология имеет длинное прошлое, но краткую историю. Это высказывание можно отнести и к психологии религии. Религия сопровождала человека на протяжении всей его истории. Она оказывала влияние на

формирование мировоззрения, культурных практик, выступала в качестве фундамента социальной жизни, определяла поведенческие сценарии, способствовала возникновению правовых, этических, эстетических и иных норм и ценностей.

Научное изучение религиозного феномена начинается сравнительно поздно – на рубеже XIX-XX веков. Среди препятствий - неверифицируемость знания о религии; субъективность при оценке религиозных традиций; аисторизм, исключавший рассмотрение религии в контексте исторических и причинно-следственных связей. Но во второй половине XIX в. создаются условия и появляются предпосылки для формирования научного изучения религии: расширение предмета исследования в процессе изучения религий неевропейских народов, впервые попавших в круг научных интересов; накопление эмпирического материала; формирование концепции всеобщей истории в рамках традиции немецкой идеалистической философии, что поставило под сомнение незыблемость принципа аисторизма при рассмотрении религии и др. Психология религии как научный проект отличается своей междисциплинарностью. Проблемное поле этой дисциплины ориентировано как на сферу гуманитарных наук, так и на естественнонаучное знание. Данная отрасль знания сформировалась на пересечении общей психологии, социальной психологии, психологии личности, социологии, философии, антропологии, культурологии, социологии религии, истории религии и т.д.

Междисциплинарный характер психологии религии свидетельствует о широком спектре проблем, рассматриваемых в рамках данной дисциплины и охватывающих все многообразие духовной жизни религиозной личности. Проблемное поле психологии религии включает изучение специфики религиозного сознания; исследование структуры, функций, типов религиозности; анализ религиозного опыта, рассматриваемого в контексте психологического осмысления религии; выявление социально-психологических факторов религиозной веры, психологических аспектов функционирования религиозных общин, особенностей процессов религиозной социализации и индоктринации и многие другие. Наряду с психологией религии как светской научной областью исследований религиозного феномена в рамках религиозных традиций формируется конфессиональная психология религии, в которой психологические подходы трансформируются с учетом теологической доктрины, сложившейся в определенной конфессии. В последнее время широкое распространение получили такие направления конфессиональной психологии религии: пастырская психология и психотерапия, использующие достижения научной методологии в церковной жизни (пастырское душепопечение).

Как известно, процесс развития науки можно рассматривать как развитие ее предмета. Предмет науки определяет ее место в системе научного знания и методологию. Психология религии изучает религию как психологическое явление, как «составную часть внутренней эмоционально-волевой и духовной жизни религиозной личности» [1, с.23]. Однако сложность изучаемого феномена определяет многообразие вариантов относительно объекта и предмета психологии религии. По замечанию современных ученых, «обладая огромной методологической и методической базой, которая дает этой науке большие возможности, сохраняя традиции и активно внедряя новые подходы, психология религии, к сожалению, пока не мо-

жет реализовать полностью свой потенциал» [2, с.69]. Проблема заключается в том, что психология религии может выступать и как составная часть религиоведческого знания наряду с другими дисциплинами религиоведческого комплекса (социологией религии, историей религии, антропологией религии и др.), и как отрасль психологической науки.

Рассмотрение психологии религии в качестве религиоведческой дисциплины (Е.И.Аринин [3], И.Н.Яблоков [4], А.А.Радугин [1]) предполагает, что ее объектом выступает религия – «все многообразие измерений религиозной психической жизни» [5, с.832], а предметом – психологические факторы религии, зависимость психической жизни личности от особенностей ее религиозной веры. В этом случае психология религии исследует «психологические закономерности возникновения, развития и функционирования религиозных явлений общественной, групповой и индивидуальной психологии (потребностей, чувств, настроений, традиций и т.д.), содержание, структуру, направленность этих явлений, их место и роль в религиозном комплексе и влияние на нерелигиозные сферы жизнедеятельности общества, групп, личностей» [4, с.6].

Согласно второму подходу (Угринович Д.М. [6], К.К. Платонов [7], А.И.Клибанов [8]), психология религии рассматривается как психологическая дисциплина, «изучающая психологические и социально-психологические факторы, обуславливающие особенности религиозного сознания, его структуру и функции» [9, с.281]. В этом случае объектом является психика человека, и акцент делается на изучении содержания религиозного сознания, эмоционального состояния, чувств, т.е. психологических особенностей верующих людей, отличающих их от неверующих, а также на специфике их поведения. Тем не менее, есть общее представление о предметном поле психологии религии, которое включает такие проблемы, как изучение психологических закономерностей возникновения и функционирования религии; специфика религиозного сознания; изучение религиозного опыта; психологических аспектов религиозной деятельности; методика проведения психологических исследований. Теоретические проблемы, связанные со сложностями реализации психологией религии своего потенциала, обнаруживаются также в связи с существованием в течение долгого времени двух путей развития данной дисциплины. В западной психологии религии научный интерес к изучению и объяснению религиозных явлений индивидуальной и групповой психологии проявляли различные психологические школы и направления (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология, когнитивизм, гуманистическая психология, психология «самости», трансперсонализм и т.д.). Результатом стало формирование многочисленных психологических концепций религии. Напротив, в психологии религии советского периода, большого разнообразия психологических концепций религии не наблюдалось, так как исследования проводились с изначальной установкой на поиск отклонения и утверждение негатива в религиозной жизни верующих, а также с целью антирелигиозной пропаганды.

В настоящее время наиболее существенными методологическими проблемами в рамках психологии религии являются такие, как проблема выбора адекватного метода исследования, выбор языка исследования (в психологии религии

пересекаются две языковые и культурные стратегии – научный аппарат психологии, религиоведения и метафорический язык религии), теоретическая позиция исследователя (мировоззренческая ориентация), специфика респондентов (проблемы социального, межличностного характера) и др. В контексте исследования религиозного феномена в качестве одной из главных задач психологии религии выступает изучение психологических предпосылок религиозности, проблема определения критериев религиозности. На сегодняшний момент в академическом сообществе отсутствует общепринятое понимание ключевого термина дисциплины, т.е. нет единого подхода к определению понятия «религиозность». В секулярном обществе религиозность трактуется как ответ на тотальную рационализацию мира, поэтому религиозность рассматривается как универсальное качество, присущее самой человеческой природе, в то время как изменениям подвергаются лишь формы ее проявления. Трактовка значения религиозности в диапазоне от четко выраженной конфессиональной веры до неявного переживания «конечных проблем бытия» приводит к тому, что «трудности с определением религиозности фиксируются не только на уровне денотата (формы, объема), но и на уровне коннотата (содержания, смысла)» [10, с.11]. В качестве преодоления проблемы интерпретации данных предлагаются альтернативные термины: «воцерковленность», «духовность» и др. Например, психологи Б.Циннбауэр и К.Паргамент предлагают два подхода к определению понятий *religiousness/ spirituality* в зависимости от того, какой термин выступает в качестве более широкого [11]. Соответственно, предлагается иерархический подход, согласно которому религиозность имеет два уровня: общий (диспозиционный) и частный (функциональный). Общий уровень предполагает поиск священного, разворачивающийся в традиционном контексте, а частный – вне традиционного контекста (священное становится средством для достижения целей как связанных со священным, так и не связанных с ним, например, эмоциональное спокойствие, самоактуализация, чувство принадлежности и т.д.).

Но остается непонятным, каким образом соотносятся между собой «религиозность» и «воцерковленность», «можно ли считать воцерковленность следствием или проекцией религиозности? Насколько корректно использовать термин «воцерковленность»? [10, с.16]. Важно учитывать также специфику перевода терминов *religiousness/ spirituality* на русский язык. Как справедливо замечают исследователи, в русском языке термин '*spirituality*' не стоит однозначно переводить как 'духовность', «поскольку в русском языке это слово имеет значения, включающие в себя нравственность и стремление к совершенствованию духа, в то время как в английском языке в этом слове есть только противопоставление материального и нематериального (духа и тела), а также религиозный смысл (например, «духовное лицо»), которые также присутствуют и в русском языке» [12, с.17].

В психологии религии существуют попытки построения единых теоретических моделей, объясняющих религиозность как многомерное явление. Однако возникает еще одна проблема: сколько измерений нужно выделять внутри понятия религиозность, чтобы получить объективные результаты эмпирических исследований: самоидентификация адепта, регулярные культовые действия (как практическое подтверждение религиозной позиции), строгое соблюдение канониче-

ской чистоты, образа мыслей? В дискуссионном пространстве дисциплины присутствует как мнение о том, что религиозность измерить невозможно, а можно только зафиксировать степень соответствия поведения верующей личности провозглашаемому конфессией образу действий, так и мнение о необходимости создания достаточного количества шкал, позволяющих дать оценку религиозности. Так, психологи П.Хилл и Р. Худ обобщили более ста шкал для измерения религиозности в фундаментальном труде «Меры религиозности» [13], актуализировав проблему операционализации религиозности, перенеся акцент с того, что есть «религиозность», на то, что собой представляют возможные элементы (оси) этой религиозности.

Преодоление перечисленных проблем, существующих в рамках психологии религии в настоящее время, можно рассматривать как условие для развития данной дисциплины в перспективе. Полагать, что психология религии прекратит свое существование в качестве научной дисциплины, будучи поглощенной конфессиональной традицией, равно как и то, что она станет одним из разделов общей психологии, безосновательно. Очевидно, что психология религии с учетом своих последних достижений попытается преодолеть существующие проблемы и продолжит свое успешное существование в качестве светской, академической научной области исследований.

Библиографические ссылки

1. Радугин, А.А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии. М. : Центр, 1997. 240 с.;
2. Фолиева Т., Малевич Т. Психология религии в XX в.: основные вехи развития // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С.68-91;
3. Аринин Е.И., Нефедова И.Д. Психология религии. Владимир, 2005. 108 с.
4. Основы религиоведения: учеб. / И.Н. Яблоков [ред.]. М.: Высшая школа, 2000. 480 с.
5. Забияко, А.П. Психология религии / Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006.- 1256 с.;
6. Угринович Д.М. Психология религии. М. : Политиздат, 1986. 108 с.;
7. Платонов, К.К. Психология религии. Факты и мысли. М. : Политиздат. 1967. 240 с.
8. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. 145 с.
9. Краткий психологический словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [отв. ред.]. М. : Политиздат, 1985. 431 с.
10. Богачев, М.И. К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института, №18, 2016. С. 9-26.
11. Zinnbauer B.J., Pargament K.I. Religiousness and Spirituality // Handbook of the Psychology of religion and spirituality. New York, London: Guilford Press, 2005. P.21-42.
12. Пруцкова Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях / Государство, религия, церковь в России и за рубежом. №2, 2012. С.268-293.
13. Hill P.C., Hood R.W.Jr. Measures of Religiosity. Birmingham : Religious Education Press. 1999. 531 p.

СЕКЦИЯ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1:316.4:.(316.422+172.3)

ПАРАДОКС СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

В. В. Анохина

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
dr.v.anohina@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется противоречивая природа секуляризации и порождаемые ею антиномии религиозной идентичности. Выявляется, что в эпоху поздней Современности религиозный ренессанс не может рассматриваться как буквальное возрождение традиционных религий, а также тех форм религиозной веры, которые были характерны для культуры обществ традиционного типа. Актуальные формы религиозной идентичности представляют собой гибридные феномены, возникающие в результате смешивания различных, а иногда и взаимно исключающих друг друга принципов категоризации. Их основными осями, определяющими парадоксальный характер секуляризации в культуре обществ позднего модерна, являются следующие классификационные признаки: «глобальное–локальное», «универсальное–партикулярное».

Ключевые слова: *секуляризация; модернизация; глобализация; глокализация; религия; поздняя современность; постсекулярное общество.*

PARADOX OF SECULARIZATION IN THE EPOCH OF LATE MODERNITY

V. V. Anohina

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The aim of the article is to analyze the contradictory nature of secularization and the antinomies of religious identity generated by it. It's revealed that in the epoch of Late Modernity, religious renaissance cannot be regarded as a literal revival of traditional religions, as well as an actualization of religious faith, authentic to traditional societies. Actual methods of religious identification create a hybrid identity, arising from the mixing of different, sometimes mutually exclusive, categorization systems. Their main axes that determine the paradoxical nature of secularization in the contemporary late modern and pluralistic culture are the following classification criteria: «global – local», «universal – particular».

Keywords: *secularization; modernization; globalization; glocalization; religion; late modernity; post-secular society.*

В современных социально-философских, культурологических и религиозных исследованиях, сталкивающихся с неоднозначностью секуляризации, отмечается необходимость более глубокого анализа тех процессов, которые изменяют статус и роль религии в культуре глобализирующихся обществ. Известный социолог религии П. Бергер, который в 1970-е годы рассматривал секуляризацию как социокультурный фактор становления и развития общества современного типа [1], сегодня прямо говорит о фальсификации понятия «секуляризация», поскольку данный термин не может адекватно выразить характерную для культуры позднего модерна реактивацию религиозных настроений, метафорически названную «религиозным ренессансом» [2]. Многозначность слова «секуляризация», а также его новые коннотации, обусловленные распространением в современной литературе таких понятий, как «десекуляризация», «ресекуляризация», «постсекулярное общество» и другие, отмечаются и в работах А.Ф. Перуччи, посвященных анализу статуса веберовской концепции секуляризации в современной науке [3].

В истории изучения связи секуляризации с Современностью можно выделить несколько различных этапов, которые, с долей условности, обозначим как модернистский, постмодернистский и трансмодернистский периоды, различающиеся спецификой интерпретации парадокса секуляризации. О специфике ее структурно-институциональных, культурно-мировоззренческих и индивидуально-личностных параметров можно прочесть в другой работе автора настоящей статьи [4]. В фокусе внимания этой публикации находится противоречивая природа секуляризации, которая в условиях «поздней», или «рефлексивной современности» (У. Бек, Э. Гидденс) порождает сложные взаимосвязи процессов детрадиционализации и ретрадиционализации религии. Ирония истории состоит в том, что на каждом новом витке модернизации процесс секуляризации парадоксальным образом открывает новые возможности для распространения религии, отрицая тезис о полном вытеснении религии на периферию современной культуры вследствие необратимой рационализации всех сфер жизни современных обществ.

Начиная с конца XIX века и вплоть до 70-х гг. XX столетия наблюдаемая в западноевропейских странах эрозия религиозного мировоззрения понималась в социальных науках как следствие необратимости рационализации и секуляризации культуры, считавшихся важными факторами становления капитализма, индустриального общества и модернизации в целом (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.). Образ современной культуры рассматривался с позиций несовместимости ключевых черт эпохи Modernity и религиозных убеждений. Отмечая это в своей знаменитой работе «Секулярный век», Ч. Тейлор выделяет две группы признаков, позволяющих исследователям уверенно считать современное общество секулярным. К первой группе он относит специфику институциональной структуры современного общества и доминирующих в нем социальных практик. Это объективное измерение секуляризации в первую очередь означает отделение церкви от государства: «...Если политическая организация всех домодерных обществ была так или иначе связана с какой-то верой в Бога, с преданностью Богу или с каким-то представлением о высшей

реальности, основывалась на них и гарантировалась ими, то западное модерное государство от этой связи свободно. Церковь теперь отделена от политических структур... Религия или ее отсутствие – сегодня в значительной степени частное дело» [5, с. 1]. Вторая группа характеризует субъективные параметры секуляризации, отражающие изменения в духовной культуре современных обществ. К ним Ч. Тейлор относит ценностно-мотивационные основания социальной деятельности, отмечая, что «те принципы и нормы, которым мы следуем, те решения, которые мы принимаем, когда действуем в разных областях – экономической, политической, культурной, образовательной, рекреационной – как правило, не имеют отношения к Богу или к каким-либо религиозным верованиям; соображения, которыми мы руководствуемся в своих поступках, определяются собственной, внутренней “рациональностью” каждой из этих сфер деятельности: в экономике это максимальная прибыль, в политике – наибольшая польза наибольшего числа людей. Все это разительно контрастирует с прежними временами, когда христианская вера, часто устами самих священников, устанавливала категорические предписания, которыми в каждой из этих сфер трудно было пренебречь» [5, с. 3]. В рамках модернистского дискурса о секуляризации была осуществлена первая попытка вскрыть ее антиномичную природу. В гегелевской философии права парадоксальная сущность перехода к современности обнажается посредством диалектического анализа субъективности и противоположности государства гражданскому обществу, противоречия в отношениях которых определены асимметрией частного и общего в структуре социальных интересов. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, они могут быть сняты только тотализирующим движением Разума, объективацией которого является феномен правового государства.

В философии марксизма секуляризация оценивается как прогрессивный сдвиг в духовной жизни общества. Ее имплицитная противоречивость обозначена марксовым пониманием идеологии как двойственного феномена: «ложного» сознания, с одной стороны, и подлинно «научной» идеологии, с другой, т. е. социальной теории, способной стать прямым руководством к действию в структуре революционной практики прогрессивного общественного класса. Религиозная идеология с позиций классового подхода рассматривается как форма «иллюзорного» сознания («опиум для народа»), освобождение от власти которой является непременным условием социально-политической эмансипации трудящихся масс. Однако замена религиозного мировоззрения коммунистическим привела не к секуляризации, а к приватизации религии и партикуляризации идеологических оснований социальной интеграции за счет замены религиозных ценностей политическими. Характерно, что многие известные деятели Октябрьской революции рассматривали коммунистическую идеологию как новую, прогрессивную форму религии (А. В. Луначарский, А. А. Богданов).

Э. Дюркгейм также подмечает антиномичную суть секуляризации и описывает ее как двойственный процесс: она знаменует не столько полное вытеснение религии из общественной жизни, сколько трансформацию

традиционной религиозности в направлении формирования специфической «гражданской» религии (государственной идеологии). Представляя собой коллективную смысловую конструкцию, эта «гражданская» религия, согласно Э. Дюркгейму, призвана обеспечить легитимацию социальных институтов общества Modernity, предотвращая распад социальной ткани и поддерживая социальную солидарность в условиях делегитимации власти традиций.

Очевидно, что и К. Маркс, и Э. Дюркгейм в принципе не рассматривали возможность существования общества, лишённого доминирующей идеологии, посредством которой обеспечивается социальная интеграция и мобилизация масс. Парадокс секуляризации состоял в том, что последняя сводилась к подмене одних, универсалистских ценностей другими, партикулярными по определению, причем институциональное отделение церкви от государства заменялось гораздо более тесным сопряжением политической идеологии господствующих социальных групп с государственно-бюрократическим, либо партийно-хозяйственным аппаратом. Специфику этого парадокса, породившего тоталитаризм, очень точно подметил К. Поланьи, анализируя качественное отличие сталинизма от фашизма (в форме германского национал-социализма), которое, с его точки зрения, заключалось в принципиальном аморализме нацистской идеологии и социальной практики [6]. Если идеи атеизма сближали обе модели тоталитарного социального порядка, то аморализм фашизма, устанавливающего власть как таковую, обеспечивающую полный контроль над индивидами вне всяких ценностно-идеологических легитимаций, резко контрастировал с принципами коммунистической морали и христианскими в своей основе идеями свободы, равенства и братства, которые марксизм унаследовал от гуманистических ориентаций европейского Возрождения.

Классическая модернистская интерпретация парадокса секуляризации была дана М. Вебером. Анализируя внутренние механизмы и направленность секуляризации, М. Вебер вводит в научный оборот понятие «протестантской трудовой этики», специфика ценностных ориентаций которой способствовала утверждению рациональной предпринимательской культуры и, как следствие, успешному развитию капитализма и индустриализма в странах Северной Европы. В «Социологии религии» он убедительно показывает, что в мировоззрении кальвинистов был заложен идеологический импульс рационализации, высвободивший в социокультурном пространстве Запада подлинный «дух» капитализма. Протестант мыслил себя «исполнителем божественной воли, способным рационально преобразовать испорченный, в основе своей враждебный ему мир» [7, с. 269]. Среди важнейших особенностей протестантского менталитета М. Вебер называет идею «профессионального долга», а также «деловое презрение к жажде наживы», «безусловно законное по отношению ко всем ведение дел», аскетизм, скромность, пунктуальность, ответственность, а главное, «отношение к этому миру как к “задаче” и как к арене осуществления религиозного “призвания”, направленного на то, чтобы к вящей славе Господней и во имя уверенности в своей избранности подчинить мир – и именно грех в нем – рациональным нормам, данным в откровении божественной воли» [7, с. 265-269].

Подмеченный М. Вебером парадокс секуляризации заключался в том, что направленный на методическую рационализацию повседневной жизни аскетизм неизбежно вытеснял религию на периферию культуры, погружая ее в область партикулярного иррационального. Реализуя имплицитную возможность христианской культурной традиции, протестант «ищет религиозное спасение в методически рационализированном осуществлении своего призвания» [7, с. 277]. Это приводит к «расколдовыванию мира», отвержению традиционных форм легитимации социального порядка. На смену личностно значимому «призванию» приходит лишенный личного характера объективный «служебный долг», который, «как и право на власть, “компетенция”, определен посредством рационально установленных норм (законов, предписаний, правил) таким образом, что легитимность господства выражается в легальности общих, целенаправленно продуманных, корректно сформулированных и обнародованных правил» [8, с. 71]. Вступая в диалог с веберовским образом секуляризации, социолог религии С. Брюс отмечает, что исключив институт церкви как авторитетного посредника между Богом и человеком, Реформация сделала христианское вероучение чрезвычайно уязвимым, открыв путь для его различных интерпретаций и, следовательно, фрагментации религиозной картины мира. Ее следствием стало не укрепление христианской веры, как надеялись отцы Реформации, а мультипликация конкурирующих религиозных организаций и форм религиозного опыта [9]. Секуляризация вытесняла религию в область частных социальных практик, включая ее регулятивный потенциал в рационально-прагматическую модель функционирования современной бюрократии. Став одной из возможных социальных технологий поддержания социального порядка, религия столкнулась с последовательным сокращением области своего применения в условиях бурного развития социально-гуманитарного познания.

Истоки формирования постмодернистской трактовки секуляризации можно обнаружить уже в ранних работах П. Бергера, который в конце 60-х гг. прошлого века пытается вскрыть парадоксальный характер данного процесса, обращаясь к его субъективному измерению. Он понимает под ним «масштабный коллапс доверия по отношению к тем определениям реальности, которые предлагались традиционными религиями» [1, с. 131]. Его культурно-мировоззренческие последствия можно уподобить тектоническим сдвигам, волнообразно распространяющим свое воздействие на все сферы духовной жизни западных обществ – философию, литературу, искусство, мораль и право. Заложенный в содержании христианского вероучения потенциал рационализации – трансцендентализм и супранатурализм в понимании Бога (влияние иудаизма); абсолютистская рационалистическая этика (эллинизм); рационально-прагматическое толкование Закона (юридическое мышление римлян), – помноженные на быстрое распространение либеральных ценностей, принципов индивидуализма и личного успеха, привели к масштабной десаκραлизации образов реальности.

Постмодернистская идеология мультикультурализма как нельзя лучше отражает специфику отношения современного западного общества к религии в условиях фрагментации и плюрализации религиозного сознания и религиозных

практик 70–90-х гг. XX в.. Для этого типа дискурса, ориентированного на деконструкцию исторических и социокультурных метанарративов, характерно рассматривать процесс секуляризации в контексте категориальной оппозиции «универсализм–партикуляризм», где решающее значение отдается партикулярному. Если в рамках классической модернистской парадигмы, а позднее гарвардской теории модернизации (Т. Парсонс и др.), переход к современности означал успех универсализма, или, по крайней мере, достижение определенного уровня институциональной и технико-технологической конвергенции переходных обществ, то постмодернистские концепции направлены на критику линейных моделей модернизации и обращают внимание на парциальность, нелинейность, прерывность, волнообразность и мультифокусный характер ее процессов (Э. Тириакийян, Р. Инглегарт, Д. Рюшмейер, С. Хантингтон, В. Цапф и др.).

Исламская революция в Иране, движение Солидарности в Польше, революционные выступления в Чили, падение франкистского режима в Испании, рост фундаментализма в арабо-мусульманских странах, и другие события 1970–80-х гг. с очевидностью продемонстрировали высокую значимость религиозного фактора в формировании современных форм национальной и цивилизационной идентичностей. Модернизация вовсе не привела к тотальной секуляризации, а наоборот, породила реактивное сопротивление традиционных культур, в том числе в виде своеобразного «религиозного ренессанса». Вследствие постмодернистского «отуземливания» социальной реальности секуляризация оказалась исключительно западно-европейским феноменом, генезис которого был задан логикой Реформации, но последствия привели к тому, что в самой либеральной и богатой стране мира – США, отмечается и самый высокий уровень религиозности (А. де Токвиль, Г. Мюрдаль, Ф. Шафф, П. Джонсон). Как подмечает С. Хантингтон, «уровень религиозности стран мира варьируется инверсивно по отношению к уровню экономического развития: жители бедных стран набожны по определению, жители стран богатых значительно менее религиозны. Америка в этом смысле – блестящее исключение из правила...» [10, с. 124].

Анализируя специфику культурно-религиозного измерения американской идентичности, он выделяет следующий парадокс секуляризации: вследствие отделения церкви от государства произошел не упадок религии, а ее слияние с гражданским обществом, что чрезвычайно усилило значимость религиозной веры в структуре социальных связей и отношений людей. «Творцы американской конституции внесли в ее текст запрет на учреждение официально признанной церкви, дабы ограничить власть правительства и укрепить веру. “Отделение церкви от государства” было следствием осознания идентичности религии и общества. Целью этого отделения ...являлось не освобождение человека от веры, но освобождение самой религии» [10, с. 120].

Согласно оптике постмодернистской философии религии, секуляризация обернулась не ее развенчанием, а плюрализацией религиозных образов мира, привела к «приватизации» религиозного опыта и формированию разрывов в идентификации религии с церковью [11]. Парадокс секуляризации в интерпретации Т. Лукмана связан с тем, что феномен «религиозного ренессанса» на самом

деле оборачивается публичной демонстрацией социальной значимости религии в условиях отсутствия ее внутреннего принятия, и наоборот. Вследствие «приватизации» религии для индивида стало возможным разделять целостность религиозной жизни на публичную и частную сферы. В приватной сфере возникает феномен «невидимой духовности», или веры в Бога вне связи с культом и литургией, а в публичной осуществляется демонстрация внешней религиозности при отсутствии личной веры и религиозных убеждений [12]. Поскольку эти сферы разделены, религиозные представления личности могут существенно отличаться от ортодоксального канона и постулатов вероучения. Наряду с отмеченными выше характеристиками, секуляризация оборачивается сегодня «маркетингизацией» религии. Религиозные организации, стремясь успеть за динамикой потребительских интересов и ценностных предпочтений мультикультурных социальных субъектов, активно адаптируются к новым информационным технологиям и социальным практикам [1]. Это происходит на фоне сокращения количества храмов, принадлежащих традиционным христианским конфессиям, и бурного роста организаций, исповедующих нетрадиционные формы религиозного опыта – саентология, дианетика, New Age и др., которые эффективно используют рационально выстроенные маркетинговые стратегии.

Новый, трансмодернистский этап исследования секуляризации тесно связан с проблемой глобализации. В его рамках существенно изменилась интерпретация оппозиции «универсализм–партикуляризм», превратившись в категориальные пары «глобальное–локальное» «гомогенное–плюральное». Как показывает обзор работ, посвященных взаимосвязи религии и глобализации, осуществленный В. Альтглас [13], религия является одной из основных областей, демонстрирующих значение глобализации в культурной и социальной жизни обществ поздней современности. Парадокс секуляризации трактуется как противоречие между новой волной ретрадиционализации культур, вызванной их противостоянием унифицирующему влиянию глобализации, и формированием квазирелигиозных верований и практик, детерриторизирующих и гибридизирующих локальные религиозные традиции.

Благодаря идее глокализации, первоначально сформулированной в сравнительной социологии религии Р. Робертсоном, пафос критики либеральных стратегий глобализации, отождествляемых с политикой гомогенизации и вестернизации социальных пространств и «жизненных миров» не-западных обществ, сменился на анализ более сложных взаимодействий детрадиционализации и ретрадиционализации культур, которые взаимно проникают и дополняют друг друга (Дж. Томпсон, Б. Адам, Т. В. Люк, П. Хилас, К. Кэмпбелл, С. Лэш, П. Моррис и др.) [14].

Ставя проблему религии в центр анализа глобализации, Р. Робертсон выявляет следующий парадокс. В ходе секуляризации происходит атомизация индивидов и обесценивание интегрирующих общество традиционных механизмов поддержания социального порядка, а следовательно, реактивируется совокупность социетальных гражданско-религиозных интересов, рост которых в условиях глобализации неизбежно приводит к столкновениям на религиозной почве и

создает уже не локальные, но глобальные гражданско-религиозные проблемы. Универсализующее влияние секуляризации поднимает не только религиозные, но и квазирелигиозные вопросы, а теологизированная политика отвечает на них партикулярно [15]. Следствием этой метаморфозы является взаимное потенцирование двух противоположно направленных векторов секуляризации и десекуляризации: богословие и религия в целом политизируются, а политика наполняется теологическим и евангелическим содержанием. Именно поэтому Р. Робертсон понимает под глокализацией процесс «универсализации партикуляризации и партикуляризации универсализации» [16, с. 100].

Анализ современных концепций глокализации, осуществленный автором данной статьи, позволяет утверждать, что «глокализацию не следует трактовать исключительно как консервацию специфичности и традиционности локальных культур в условиях вызовов глобализации. Напротив, речь идет о том, что посредством глокализации локальные особенности культур непосредственно выводятся в мир глобальных взаимодействий, минуя границы национальных государств» [17, с. 12]. Если опираться на дефиницию Х. Хондкера, то глокализация может быть понята как взаимопроникновение процессов макролокализации и микроглобализации [18]. Работы Я. Недервеена Питерса, А. Аппадураи, М. Уотерса, раскрывающие сложный и динамический характер глокализации, позволяют рассматривать парадокс секуляризации сквозь призму процессов детерриторизации, локализации и транснационализации религий, приводящих не столько к цивилизационным конфликтам, сколько к взаимной адаптации различных религиозных верований и практик, гибридизации религиозных организаций и движений, смешиванию разнородных культов.

Важным трендом трансмодернистского понимания секуляризации является распространение на область религии концепции динамических ландшафтов А. Аппадураи [19]. Под влиянием глобализации, приводящей к детерриторизации социокультурных процессов, мировые религии и локальные религиозные традиции отрываются от своих корней и, образуя динамичную конфигурацию транснациональных культурных взаимодействий, дифференцируются и локализуются по ценностно-символическим критериям, формируемым глобальными акторами культурной индустрии. Локальный религиозный опыт, укорененный в исторически определенных традициях церковной жизни, впитавшей в себя особенности национальных культур, формирует новые взаимосвязи с такими же детерриторизованными религиозными верованиями и практиками. Это создает транснациональные религиозные сообщества, которые утрачивают связь с этнокультурными формами религиозной жизни, формируют новые основания солидарности и доверия, а также квазирелигиозные формы духовного опыта, в том числе, потрясая мир новыми формами религиозного фундаментализма и экстремизма. Таким образом, идея глокализированных религиозных ландшафтов (Relioscapes) в трансмодернистских штудиях секуляризации используется для описания вражды, конкуренции и взаимной адаптации текущих религиозных локусов культурного пространства поздней современности [20; 21; 22]. Как заключает А. Пабтс, характеризуя парадоксальность положения религии в обществах

позднего модерна, «одно и то же секуляризирующее влияние модернизации на религиозную веру привело к совершенно различным последствиям. Религии либо адаптировались к современности, став похожими на светское общество, либо породили мощные контрсекулярные движения, обеспечивающие преемственность религиозных убеждений и практик, хотя и на уровне отдельных лиц и социальных групп, а не общества в целом» [23, с. 3].

Специфическую версию интерпретации парадоксальной сущности секуляризации предлагает Ю. Хабермас. Критикуя тезис о «десекуляризации», согласно которому религия возвращается в качестве ведущего фактора социально-политической жизни, он утверждает, что в современной культуре позднего модерна секуляризация выступает в формате индивидуализации религии, приводя к функциональной дифференциации и специализации ее социальных функций. В его концепции постсекулярного общества трансмодернистское переосмысление секуляризации ассоциируется не столько с феноменом религиозного ренессанса, сколько с кризисом проекта мультикультурализма и необходимостью развития подлинно демократического дискурса толерантности. Эффекты транснационального смешения религий, анализируемые другими представителями трансмодернистских концепций секуляризации, в работах Ю. Хабермаса трактуются как правовая и политическая возможность «религиозного возрождения» в десакрализованном социальном пространстве демократических обществ. Исповедуя принципы толерантности, они открыты для различных традиций, но при условии соблюдения законности и гарантиях возможности участия всех заинтересованных граждан в публичных дискуссиях по вопросам отношений общества, религии и государства [24]. Постсекулярное общество, согласно Ю. Хабермасу, призвано опираться на принципы равноправного межкультурного диалога и исключать любые формы дискриминации по религиозному признаку, а также возможность ущемления культурной идентичности представителей других религиозных традиций, лаиков и атеистов, в том числе в странах с одной доминирующей религиозной ориентацией. Толерантность в социальных отношениях постсекулярного общества трактуется Ю. Хабермасом не как самокатегоризация, основанная на предварительной оценке и одобрении Другого, но как обоюдно симметричное признание Другого в качестве равного по правам и ответственности члена политического и гражданского сообщества. «В споре между притязаниями знания и веры мировоззренчески нейтральное государство не принимает политических решений, исходя из предвзятого отношения к одной из сторон. Плюралистический разум гражданской общественности следует динамике секуляризации постольку, поскольку он в итоге нуждается в одинаковой дистанции по отношению к крепким традициям и мировоззренческим содержаниям. Но, готовый ужиться, этот разум, нисколько не поступаясь своей самостоятельностью, остается открытым для обеих сторон» [25, с. 121].

Таким образом, в отличие от всех предыдущих концепций секуляризации, идея постсекулярного общества направлена на снятие и опосредование противоречий секуляризации, что предполагает отказ от мультикультурного неолиберального рационализма с характерным для него принципом прагматической оп-

тимизации, который оборачивается скрытой дискриминацией инаковости. Постсекулярное состояние культуры нуждается в метаязыке и особой метарациональности, в качестве которой Ю. Хабермас предлагает модель коммуникативной рациональности, способной опосредовать равноправные отношения религиозного и светского в структуре демократической и гуманизированной глобальности мирового сообщества. Вопрос о том, с какими парадоксами может столкнуться постсекулярное общество, требует отдельного разговора и дополнительного исследования.

Библиографические ссылки

1. Berger P.L. The Social Reality of Religion. London : Penguin University Books, 1973. 235 p.
2. Berger, P. L. Secularization Falsified // First Things: a Monthly Journal. of Religion and Publ. Life. February 1, 2008. Pp. 23–27.
3. Pierucci A.F. Secularization in Max Weber. On Current Usefulness of Re-Accessing that Old Meaning // Brazil. Rev. of Social Sciences. No.1, 2000. P. 129–158.
4. Анохина, В. В. Диалектика секуляризации: от веберовского «расколдовывания мира» к «постсекулярному обществу» Ю. Хабермаса // Философия и социальные науки. 2016. № 4. С. 59–65.
5. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2016. 967 с.
6. Полаanyi К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетейя, 2014. 312 с.
7. Вебер, М. Социология религии. (Типы религиозных сообществ) / Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 78–446.
8. Вебер, М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области религии. Введение / Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 43–77.
9. Bruce S. Religion in the Modern World : From Cathedrals to Cults. Oxford : Oxford University Press, 1996. 270 p.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ, 2018. 544 с.
11. Clark J.C.D. Secularization and Modernization: The Failure of a Grand Narrative// The Historical Journal. Vol. 55, No.1. P. 161–194.
12. Luckmann T. Religia a tożsamość jednostki we współczesnym społeczeństwie / Niewidzialna religia. Problem religii we współczesnym świecie. Kraków, 1996. S. 115–146.
13. Altglas V. Introduction // Religion and Globalization (Critical Concepts in Social Studies): in 4 vol. Abingdon: Taylor and Francis, 2010. Vol. 1. Pp. 1–22.
14. Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity / P. Heelas, S.Lash, P.Morris [ed.]. Oxford : Blackwell Publishers, 1996. 347 p.
15. Robertson R., Chirico J.A. Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Explanation // Sociological Analysis. 1985. Vol. 46 (3). P. 219–242.
16. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London : SAGE Publications, 1992. 224 p.
17. Анохіна В. В. Діалектика глокалізації в епоху пізнього модерну // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. 2017. Вип. 69. С. 11–16.
18. Khondker H.H. Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept / Bangladesh e-Journal of Sociology. – July, 2004. – Vol. 1, No. 2. [Electronic resource]. Mode of

access: https://mukto-mona.com/Articles/habibul_haque_/Globalization.pdf. Date of access: 15.12.2015

19. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

20. McAlister E. Globalization and the Religious Production of Space // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2005. Vol. 44 (3). P. 249–255.

21. Hayden R.M., Walker T.D. Intersecting Religioscapes: A Comparative Approach to Trajectories of Change, Scale, and Competitive Sharing of Religious Spaces // *Journal of the American Academy of Religion*. 2013. Vol. 82 (2). P. 399–426.

22. *Antagonistic Tolerance: Competitive Sharing of Religious Sites and Spaces* / R.M. Hayden [ed.]. London and New York : Routledge, 2016. 204 p.

23. Pabts A. The Paradox of Faith: Religion beyond secularization and desecularization [Electronic resource] Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/291251886_The_paradox_of_faith_Religion_beyond_secularization_and_desecularization.

Date of access: 25.06.2019

24. Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // *Российская философская газета*. 2008. № 4 (18). С. 1–2.

25. Хабермас Ю. Вера и знание // *Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?* М., 2002. С. 117–131.

УДК 141.81

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.Ю. Асабина

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
tatiana-asabina@tut.by

Аннотация. В статье освещается вопрос о положении утопического творчества в современном социуме. Поднимается проблема негативного резонанса, вызванного попытками воплощения утопических проектов, что привело к кризису утопического жанра и породило дискуссию о необходимости элиминации утопизма из социально-политической практики. Тем не менее интерес к утопии сохраняется и в среде интеллектуалов, которые вырабатывают собственные варианты «совершенствования будущего» общества, и у современных финансовых и политических элит, которые активно используют утопию и ее мобилизующие возможности в своих политических практиках. Такая противоречивость определяется неоднозначностью самого феномена утопии, имеющего как положительные, так и негативные проявления в социальной действительности. При этом кризис классических форм утопии приводит к появлению ее новых форм и возникновению ситуации полиутопизма. Современное общество готово к привлечению утопического дискурса для выработки более широкого спектра альтернативных путей развития современной цивилизации. Утопическое сознание было и остается неотъемлемой частью производства различных форм осмысления и освоения социальной реальности и перспектив ее развития.

Ключевые слова: *утопия; утопическое сознание; утопизм; социальная инженерия; общественное сознание; идеальное общество; утопические проекты; элиминация утопизма; современные утопии; полиутопизм.*

THE UTOPIAN PROJECTION OF THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN CULTURE

T.Y. Asabina

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article enlightens the situation of an utopian arts and crafts in contemporary society. Raised the issue of negative reactions to the attempts of the realization of utopian projects that led to the crisis of the utopian genre and spawned a public debate about the necessity of elimination of the utopianism of social and political practice. Nevertheless, interest in utopia persists among intellectuals who develop their own options for "improving the future" of society, and among modern financial and political elites who actively use utopia and its mobilizing opportunities in their political practices. This contradiction is determined by the ambiguity of the phenomenon of utopia, which has both positive and negative manifestations in the socio-cultural and socio-political reality. The crisis of the classic forms of utopia leads to the emergence of new modern forms and situations of Polytopes. Modern society is ready to attract utopian discourse to develop a wider range of alternative ways of development of modern civilization. Utopian consciousness has been and remains an integral part of the production of various forms of understanding and development of social reality and its prospects.

Keywords: *utopia; utopian consciousness; utopianism; social engineering; social consciousness; the ideal society; an utopian projects; elimination of utopianism; a modern utopia; polytopes.*

В любую эпоху перспективы развития общества вызывали и будут вызывать огромный интерес, часто совмещенный с попытками спрогнозировать, домыслить варианты и альтернативы желаемого будущего. Конструировать его очертания пытаются как отдельные люди, озабоченные состоянием общества, так и «безличностное» общественное сознание. Часто человеческие устремления, направленные на определение общественных перспектив сочетаются с попыткой «улучшения», «излечения пороков», «усовершенствования» того общества, частью которого они являются. Достичь этой цели им позволяет утопия как особая духовно-практическая форма освоения социальной реальности. Термин «утопия» подразумевает некое «идеальное» общественное устройство, в котором будут решены все проблемы и исправлены все огрехи, преодолены все трудности и уничтожены все пороки такого несовершенного социума. Неважно, идет ли речь об интеллектуальных играх отдельного мыслителя или о «народной утопии», аккумулирующей массовые чаяния и мечты, утопическое творчество будет давать возможность найти альтернативу общественного развития, на какую только хватит вашей фантазии.

Однако было бы неверно считать утопические проекты невинными грезами, подспудными чаяниями, которые никогда не смогут воплотиться в жизнь. Проблема проникновения утопических умонастроений в общественное сознание

состоит именно в том, что утопия обладает особым магнетизмом, связанным в первую очередь с тем, что она претендует раз и навсегда, прямо здесь и сейчас решить все проблемы социума. Утопия не создается или возникает как фантазия, она преподносится как социальный проект, осуществление которого не только возможно, но и действительно необходимо для нашего несовершенного мира. Утопия как вариант необходимых социальных изменений начинает играть в обществе не просто роль умозрительной альтернативы развития общества, а выступает, прежде всего, как некий план, некая программа реальных социальных, культурных, политических действий по построению нового, более совершенного (часто – и идеального) общества.

Попытки воплощения утопических «проектов» в реальной социальной практике, в частности, мобилизующие возможности политических утопий, неадекватное сочетание гиперкритицизма по отношению к обществу и отсутствия малейшей критики самих утопических построений, привели к тому, что утопия как социальный и политический феномен приобрела негативный резонанс в современном интеллектуальном пространстве.

Попытка осмысления роли утопии в любых социальных катаклизмах, потрясениях, революционных событиях привело к достаточно острой критике европейского утопизма в XX веке, к кризису утопического жанра в его классической форме социально-политических утопий. Утопия, построенная на критике общества, сама подверглась острой критике и отрицанию как форма тоталитаризма и доведения рационализма до его абсолютизации. Отрицательное отношение к утопии, предопределенное попытками ее воплощения в социальной практике, выразилось в желании не только осмыслить феномен утопии, но и определить пути ее элиминации из общественного сознания политической культуры социума. Примером таких изысканий могут служить работы представителей русской религиозной философии Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Г.В. Флоровского [1; 2; 3; 4]. Тем не менее, утопический дискурс до сих пор вызывает интерес у интеллектуалов, которые раз за разом пытаются создать свой вариант альтернативного будущего, в котором должным образом оказываются решены проблемы современного общества. Представления о возможности «усовершенствованного» будущего отражены в концепции полиутопизма. Согласно этой концепции, в современном мире наблюдается многообразие форм и разновидностей проявлений утопического сознания – эта ситуация характеризуется как ситуация полиутопизма, в условиях которой происходит формирование некоторых футурологических утопий, имеющих ряд общих черт с такими областями научных знаний, как альтернативистика, цивилизациология, социальное прогнозирование и проектирование. Наряду с утопическим творчеством эти области научного знания представляют материальное воплощение стратегий возможного развития общества в обозримом будущем. Как пример футурологических форм утопии можно вспомнить практопию О. Тоффлера, эупсирию А. Маслоу, российскую радикальную либеральную утопию и другие [5, 6, 7].

Спецификой таких современных форм утопии называют преодоление принципа аппроксимации, заключающегося в изначальной неосуществимости утопии. Считается, что таким образом утопическое сознание может предложить

действительно возможные стратегии развития мирового социума, так как генеральные утопические идеи в наше время дополняются принципами современного прогнозирования и футурологии. Весьма популярным и обсуждаемым в настоящее время является, например, так называемый «Проект Венера» Жака Фреско [8], согласно которому предполагается построение технократического общества. В этом обществе люди обладают незаменимыми техническими средствами, лучшие достижения науки и техники интегрированы в «ресурсо-ориентированную экономику», а все социальные преобразования направлены на формирование мирного и устойчивого пути развития общечеловеческой, общепланетарной, глобальной цивилизации, главной заботой которой станет сохранение человека и окружающей среды.

Современная ситуация полиутопизма свидетельствует о возникновении социально-культурных утопий, в которых осуществляется попытка осмысления современного феномена виртуальной реальности и ее связи с утопическим сознанием, построения игрового пространства как утопии, попытка представить лучшее будущее или дать изображение антиутопических перспектив развития общества потребления. Они приходят на смену многочисленным (не только вышеупомянутым в качестве примера) утопиям второй половины XX века, ставшим уже «каноническими». Приходят на смену той же экоутопии, вылившейся в целое экологическое движение, включающее разнородные социальные группы от «зеленых» до веганов, или сформировавшегося в современной европейской культуре феномена «осознанного потребления». Вероятно, главной причиной такого неоднозначного восприятия утопии является ее противоречивость как социального феномена. С одной стороны, что может быть естественнее для человека, чем попытка улучшить свою жизнь, обеспечить себе и своему потомству будущее в его предпочтительном варианте. Это так по-человечески – желать Лучшего. В этом контексте укорененность утопических умонастроений, отражающих естественное желание человека и человечества в целом к «лучшему будущему», в социальной проекции преобразуется в стремление совершенствовать социальную реальность, обеспечивая более достойное или комфортное существование себе и последующим поколениям. С другой стороны, история дает примеры трагических результатов практического воплощения религиозных, социальных и политических утопий. Каждое общество расплачивалось человеческими жертвами, а социальные эксперименты приводили к непрогнозируемым результатам. Реальность всегда оказывалась более сложной, многогранной и неуправляемой, а реакция общественной системы на проводимые изменения непредсказуемой. Для самого феномена утопии в восприятии общественного сознания наступает момент критического переосмысления: «утопическое» приобретает негативный контекст и становится нарицательным определением любых опасных для общества заблуждений. Вместе с тем, современному обществу выгодно существование утопии и ее магнетизма, учитывая возможности ее воздействия на сознание и деятельность человека. Тем более, что это соответствует логике популярного направления современной социологии – социальной инженерии. Искусство манипуляции общественным мнением и лоббирования любых социальных, экономических, политических заказов в настоящее

время приобрело форму PR-технологий, и это явление становится тривиальным в начале XXI столетия. Использование утопии в практике социального манипулирования позволяет направить общественную энергию и сформировать нужный заказчику общественный выбор в непредвиденных и неоднозначных ситуациях или в критические переломные моменты истории.

Несмотря на существующий пессимизм в сознании современного общества в отношении к утопии, обусловленный серьезными социально-экономическими проблемами и культурным кризисом, что нашло отражение также в пессимизме культуры постмодернизма по отношению к классической утопии, в современную эпоху утопические идеи были все же переосмыслены и восприняты социумом. Таким образом, утопическое сознание характерно человеку, является неотъемлемой частью комплекса общественных представлений, в которые выливается производство различных форм осмысления и освоения социальной реальности.

Современность характеризуется утопиями индивидуалистского толка, которые, предлагая потребителю «четко разработанный механизм» достижения идеала, отличаются подчеркнутой прагматичностью, т.е. сохраняют свою рационалистическую окраску. Эта утопия нового типа сумела вобрать в себя черты утопий предыдущих эпох и дополнить их новыми особенностями, диктуемыми наличным социокультурным моментом, важнейшей из которых выступает ориентация утопии на «человека-массу» – человека толпы, человека-потребителя. Необходимо констатировать, что утопия как одна из форм социальной критики все еще актуальна для современного социума, хотя порой и принимает совсем иные формы, нежели мы привыкли наблюдать. Становление и развитие новых форм утопии происходит параллельно культурно-историческому процессу. В ходе этого процесса происходит ассимилятивное взаимодействие утопического сознания с мифом, идеологией, религией, наукой и политикой. В итоге и под влиянием социально-культурных факторов, характерных для определенных типов общества, происходит формирование новых форм утопического творчества.

Библиографические ссылки

1. Бердяев, Н. Духи русской революции // Из глубины : сб. ст. о русской революции / С.А. Аскольдов [и др.]. М. : Изд-во МГУ, 1990 . С. 55–89.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
3. Франк С.Л. Ересь утопизма // Родник. Рига, 1989. № 6. С. 53–58.
4. Флоровский, Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 80–98.
5. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. 668 с.
6. Маслоу, А. Мотивация и личность. М. : Смысл, 1999. 425 с.
7. Френкин А.А. Национал-либерализм // Вопр. философии. 1999. № 1. С. 18–26;
8. Сафронов А.П. Прагматические и утопические цели общественных реформ // Социал.-гуманит. знания. 2006. № 2. С. 313–326.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СТАТУС ОНТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ «СМЕРТИ МЕТАФИЗИКИ»

А.В. Барковская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
barkovskaja2@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена феномену «смерти метафизики» как классического типа философствования, в пространстве которого исторически оформлялась онтология. Проблема соотношения предметных областей метафизики и онтологии всегда являлась достаточно актуальной, но в постклассике внимание переключилось на формирование неметафизической онтологии. В связи с этим современные стратегии философствования подвергли тотальной критике все установки метафизики и в результате их ревизии сформировались новая онтологическая проблематика на стыке философской антропологии, гносеологии и собственно онтологии. Расширилось онтологическое пространство и стали оформляться региональные (дисциплинарные) онтологии, со своими специфическими объектами, категориальным языком и типом реальности. Особую роль в динамике постметафизической онтологии играют информационные технологии с их виртуализацией и социальных коммуникаций, что порождает синдром «ускользающей социальности». В результате вопрос о социальности как таковой утрачивает свою онтологическую значимость.

Ключевые слова: метафизика; онтология; логика; философия; виртуальная реальность; «смерть метафизики»; «смерть социального».

PARADIGMATIC STATUS OF ONTOLOGY IN THE CONTEXT OF THE «DEATH OF METAPHYSICS»

A. V. Barkovskaja

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the phenomenon of the «death of metaphysics» as a classical type of philosophizing, in the space of which ontology was historically shaped. The problem of the relationship between the subject areas of metaphysics and ontology has always been quite relevant, but in the postclassic, attention has shifted to the formation of non-metaphysical ontology. In this regard, modern strategies of philosophizing have subjected to total criticism of all the installations of metaphysics and as a result of their revision formed a new ontological problems at the junction of philosophical anthropology, epistemology and ontology itself. The ontological space expanded and regional (disciplinary) ontologies began to take shape, with their specific objects, categorical language and type of reality. A special role in the dynamics of post-metaphysical ontology is played by information technologies with their virtualization and social communications, which generates the syndrome of "elusive sociality". As a result, the question of sociality as such loses its ontological significance.

Keyword: metaphysics; ontology; logic; philosophy; virtual reality; «death of metaphysics»; «death of the social».

В постклассической философии метафорой «смерть метафизики» подводят черту под всей метафизической традицией и открывают простор для тотальной критики всех ее претензий и предпочтений в многовековой интеллектуальной истории. Фактически низвергают «prima philosophia», с легкой руки А. Родосского позже названной метафизикой, в которой видели единственно свободную науку, должную существовать ради знания и понимания. Но она была философским первопроходцем, осмысливающим целостный мир, и для этого избрала спекулятивный путь построения великих системных конструкций, которые, по мнению Н. Гартмана, все рухнули, едва лишь критика слегка затронула их фундамент. Это, пожалуй, ее основная ошибка, за которой потянулся шлейф разных неприемлемых следствий с современной точки зрения. Констатация «смерти метафизики» – это и ярко выраженное желание потерять и забыть ее в прошлом времени, предать забвению ее идеалы и триумфы, и, наконец, установить границу, за которой возможна генеалогия постметафизической жизни философии. Правда, эти рубежи, оказалось, сложно определить и вот Ж. Деррида рассуждает: «Умерла ли философия вчера, после Гегеля, Маркса, Ницше или Хайдеггера – так что ей еще только предстоит направиться к смыслу своей смерти...» [1, с.124]. В этой неопределенности проявляется хитрость метафизики, она как птица Феникс постоянно возрождается, тем самым заявляя о своем бессмертии.

Акцентуация внимания на данном феномене не случайна, поскольку от судьбы метафизики зависит и статус современной онтологии, традиционно определяемой как учение о бытии или сущем. В принципе, вопрос о соотношении метафизики и онтологии не праздный, т.к. слишком долгое время они шли рука об руку, первоначально их предметные области вообще специально не дифференцировались, а наоборот отождествлялись. И только Х. Вольф по настоящему выделил онтологию в качестве самостоятельного раздела в целостной структуре метафизики. Ее, в некотором роде автономия, подтверждалась тем фактом, что онтология рассматривалась в качестве общей части метафизики, выводы которой являются необходимыми в отличие от выводов эмпирических наук. Однако И. Кант выдвинул контраргумент вольфианской позиции на том основании, что нельзя рассуждать о действительности самой «по себе», без субъекта, поскольку предмет познания находится не в бытии, а в понятиях и определениях и, таким образом, любое стремление построить только объективную онтологию является догматическим. В результате онтология, не уделявшая должного внимания субъективности, уступает место новой, гносеологически связывающей вопросы о бытии с решением проблем познания. Но это приводит к стиранию границ между учением о бытии и познании, а разделение проблем на онтологические и теоретико-познавательные приобретает достаточно условный характер. В этом случае сознание воспринимает себя как особое сущее, объективация которого возможна путем познания мира. Последующую развертку новая традиция приобретет в феноменологическом проекте Э. Гуссерля как логическом развитии кантовского трансцендентализма. Институализация теории познания привела к тому, что гносеологические и тео-

ретико-методологические программы стали определять лик этого исторического контекста. В результате компетенции онтологии сужаются, она из приоритетного философского учения проблемы существования реальности как таковой превратилась в периферийное и мало кому интересное философствование.

Вместе с тем судьба к онтологии оказалась более благосклонной, что особенно заметно на фоне усиливавшейся критики метафизики, ранее начатой И. Кантом, но с еще большим критическим запалом продолженной Г. Гегелем в пользу диалектики как теории развития. Свою задачу он видел в преодолении разрыва между онтологией и теорией познания, чтобы представить тождество бытия и мышления как диалектическое единство логики, онтологии и теории познания. На фоне негативного отношения к спекулятивной и догматичной метафизике, антропологических акцентуаций неоклассики, лингвистического поворота, антипсихологических настроений и других не менее важных тенденций постепенно начинается ренессанс онтологии. Становление новой парадигмы онтологии связывают с работами Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Шелера, Н. Гартмана, для которых десубстанциализация метафизики стала «делом чести», т.к. открывала новые исследовательские просторы. Ошибка старой онтологии, питавшейся установками метафизики, по мнению Э. Гуссерля, как раз в том и состоит, что она, наряду с феноменами сознания, выявляет некие трансцендентные сознанию вещи, что приводит к удвоению реальности. Феномены - это то, что обнаруживает себя в себе самом, а не репрезентирует сущности, не совпадающие с ними. Сознание – не просто наиболее очевидная реальность, но реальность абсолютная, основание всякой реальности. В этом контексте любой предмет должен пониматься только как коррелят сознания, восприятия, сомнения и др. Онтология сосредоточила внимание на сфере тождественного и не включала в свой ареал нечто иное нетождественное, ограничив свои возможности и закрыв доступ к сфере становления.

Таким образом, «трансцендентальное изучение сознания – это не изучение природы и вообще не изучение мира, оно не может даже предполагать таковое в качестве своего условия, потому что при трансцендентальной установке природа и вообще вся вселенная принципиально заключаются в скобки» [2, с. 111]. В этом случае наблюдается возвращение взгляда от трансцендентного к его имманентным коррелятам, а феноменологическая редукция обеспечивает переход от онтического к онтологическому рассмотрению мира. У Гуссерля релятивным, а не безусловным основанием онтологии, является идея интенциональности, когда предметом становится любое сущее – материальное или идеальное, на которое она направлена. В рамках феноменологической онтологии выясняются формальные условия существования процессуальной данности предметов и тех отношений, благодаря которым и в формах которых они нам даны. Включением в структуры онтологии понятия жизненный мир Гуссерль показал, что он является интенциональным горизонтом любой практической и теоретической деятельности людей, их целеполаганий и оценок. Жизненный мир – и есть подлинная реальность. В современной философии феноменология рассматривается в качестве одной из ведущих онтологических стратегий.

М. Хайдеггер, хотя и не разделял установки трансцендентализма, но также стремился преодолеть умозрительно-спекулятивное философствование путем интерпретации бытия не как чего-то предметного, а как бытия человеческого существования на том основании, что истинная философия должна избегать противостояния субъекта и объекта, так как она произрастает из человеческого существования, а мир есть то, что неотделимо от существования. Суть в том, что познавательное и практическое значения приобретают не мир сам по себе, или «мир-в-себе», а мир, имеющий смысл для человека. В результате в «фундаментальной онтологии» осуществлен свой поворот к подлинным реалиям бытия. Инновационность экзистенциально-феноменологических проектов онтологии видится в том, что вопросы бытийственного характера освещаются с позиций разных горизонтов – времени (М. Хайдеггер), Ничто (Ж. П. Сартр), системы «Я-Другой-мир» (М. Мерло-Понти). В этих подходах бытие предстает в качестве плюрального, разнородного, становящегося, которое невозможно без насилия подвести под некоторое единство и устранить существующие различия внутри него. Онтологическая картина как бы переворачивается, ибо различие предшествует тождеству, как и возможность – действительности, а человеческое существование становится истоком новой постановки вопроса о бытии. Ориентация постклассического мышления на иное тождественного создает условия для онтологии становления, логике которой доступен дифференцированный и процессуальный мир. Новая система онтологических категорий – «бытие-в-мире» (М. Хайдеггер), «бытие-в-себе – бытие-для-себя – бытие-для-других (Ж.-П. Сартр), «я-другой-мир», «видимое-невидимое бытие» (М. Мерло-Понти), «единичное множественное бытие» (Ж.-Л. Нанси) и др. – веское тому доказательство.

О радикальном пересмотре мыслительной традиции 150 лет назад писал и Н. Гартман, аргументируя свою позицию тем, что без онтологического обоснования все философские установки «провисают». Критический анализ онтологии как спекулятивной и догматической программы, априорный характер которой не вписывается в новые реалии, привел его к мысли, что ее необходимо развивать индуктивным путем, основываясь на опыте. При этом, как утверждал Гартман, задача «критической онтологии» предполагала осуществить анализ категорий как фундаментальных определений бытия внутри каждого из слоев и вскрыть их взаимосвязи и соотнесенность. Поэтому новая онтология исходит из той презумпции, что и «строение» (то, что обычно называют объектами) и «процессы» нужно рассматривать не в дихотомии, а как целостное образование. Гартман, на основании онтологического закона мировой взаимосвязи, выделяет четыре уровня реального бытия: физически-материальный, органически-живой, душевный, исторически-духовный. В этих образованиях способ сохранения осуществляется не через субстанциальность, а через внутреннее равновесие, регулирование или самодеятельное превращение. Это уже не субсистенция, а консистенция, результатом которой является хотя и не вечная, но достаточно долгая длительность для того, чтобы придать образованиям характер изменяющихся состояний (акциденций). Ее действие поэтому не содержится в причине, а «возникает заново». Отсюда и «новое понятие реальности», связанное «с временностью, процессностью

и индивидуальностью» [3, с. 321]. Несмотря на то, что в гартмановском варианте онтологии иногда усматривают переходную форму к научной онтологии и оценивают его позицию как «модернизированный аристотелизм», тем не менее, свою достойную лепту он внес в развитие философии становления.

Лингвистический поворот, в свою очередь, инспирировал эпистемологический антиреализм, ставящий под сомнение возможность непосредственного познания объектов внешнего мира в их сущностной изначальности (проблема «коперниканского переворота» Канта), и настаивающий на том, что реальность преломляется в сознании. Речь идет о том, что адекватное выявление структур мышления осуществляется благодаря анализу структур языка. Еще Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» акцентировал внимание на том, что мысль - это всегда «осмысленное предложение» и философия должна сосредоточиться именно на его прояснении, поскольку предложение репрезентирует модель действительности, как мы ее себе мыслим. Ранее Г. Фреге полагал, что из предмета логики следует изгнать психологизм, который вносит в нее свои фальсификации, т. к. психологии «безразлично, могут или нет называться истинными продукты душевно-психических процессов, которыми она занимается. То, что истинно, не есть, стало быть, продукт наших душевно-психических процессов или активности нашего внутреннего мира; ибо продукт внутренней активности одного человека не есть продукт внутренней активности другого, сколь бы сходными они ни были» [4, с.288]. В отличие от нее, подчеркивает Фреге, «логику не интересуют мнимые мысли. ... Я называю мыслью смысл утвердительно-повествовательного предложения. Мыслями являются, например, законы природы, математические законы, исторические факты; все они находят свое выражение в утвердительно-повествовательных предложениях» [4, с. 309]. Мысль, по Фреге, представляет собой нечто объективное, особого рода абстрактный и по природе идеальный объект, и только такие объекты могут быть истинными. Таким образом, мысль является носителем истины.

Приведенные здесь концепции служат своеобразной иллюстрацией той философской динамики, которая сформировала новую конфигурацию когерентных отношений между онтологией, гносеологией и философской антропологией, что создает предпосылки для трансформации классической онтологии и формирования целого букета региональных онтологий. Каждая из них занята как экспликацией собственного категориального аппарата, так и решением конкретных задач в сфере своего анализа. Специфика онтологического знания связана с обоснованием принципов и начал действительности, позволяющих выявить ее истинную природу, не обращаясь к ней непосредственно. Таким механизмом является рефлексивный переход от описания естественной реальности с ее эмпирическими объектами к идеальным объектам мышления, работа с которыми позволяет сформулировать общие вопросы о существовании. Парадигма в онтологии зависит от установки сознания, что позволяет увидеть ту грань, которая отличает зависимость или дистанцирование от метафизических допущений, и тем самым определить с каким типом объектов имеет дело онтология. Постклассическая онтология базируется на установках сознания рефлексивного или феноме-

нологического типа и, естественно, мышление отвлекается от мира трансцендентных предметов и переключается на себя, на свои состояния, благодаря которым нам является то, что в естественной установке называлось миром вещей, существующих «самих по себе». Н. Гартман считал, что «онтология начинается в некоем положении по эту сторону содержания метафизических проблем... Для ее способа постановки вопросов совершенно неважно, существует ли некое «основание мира», обладает ли оно формой интеллигенции или нет, является ли строение мира осмысленным, а мировой процесс целенаправленным. Все это мало меняет в характере сущего как такового. Эти различия приобретают значение лишь при дальнейшем дифференцировании проблем [5, с.143].

В этом контексте онтология вправе претендовать на статус метафизической программы по отношению к собственным онтологическим допущениям, поскольку любая региональная парадигма сталкивается с необходимостью разработки стратегии исследования, формулировки исходных принципов при оформлении концептуальной матрицы объекта изучения и языка его репрезентации. Легитимация онтологии как метафизики в нынешнем ее понимании оправдана и по причине пока неясного статуса метафизики в структуре философского знания, поскольку в ее обновленном варианте хотят видеть некое новое и более инструментальное знание, не отягощенное прежним опытом. Понятно, что речь идет о парадигмальном статусе онтологии, а не о воспроизведении архитектоники классической метафизики, тем более, что кроме философской онтологии, функционируют и естественнонаучная, диалектическая, формально-логическая, виртуальная, социальная и т.д. В каждой из них есть свои предметные области и здесь важны те философские установки, от которых зависит ответ на вопрос: «Что, действительно, существует?». Адекватность ответа, его истинность зависят от системы принятых критериев, основными из которых, пожалуй, являются следующие: 1) экспликация природы объектов и их типов; 2) определение способа их существования; 3) установление типа связи между объектами. Эти критерии позволяют определить, с одной стороны, к какому классу отнести тот или иной объект (реальных или идеальных, конкретных или абстрактных и т.д.); с другой – установить связи между объектами (разного рода отношения, механизмы взаимодействия и др.). В этом случае категориальная система изначально задается как открытая, релятивная, комплементарная, описывающая разного рода отношения, взаимодействия и т.п.

В течение XX образ онтологии, конечно, изменился, но ее референтный статус сохраняется и сегодня, т.к. тематизация разных аспектов человеческого бытия и анализ конкретных форм опыта – задача непреходящего значения. Это особенно заметно на фоне цифровых технологий, т. к. уже второе десятилетие обсуждается ситуация (вначале с пафосом, а сегодня с содроганием), что под видом «общества знания» маскируется общество информации и автоматического машинного интеллекта, которому теперь нет нужды думать и говорить. В онтологическом смысле – это ориентация на «безбытийное, (пост-, над-) сознательное, бессмысленно-инструментальное коммуникационное мышление», т.к. «возникают люди без сознания, т.е. без чувств, души, смыслов и ценностей...», их

«будущий мир – виртуальная реальность. С «телами без органов» и «без пространства» [6, с. 45-47]. В этом контексте очередная метафора «конца сознания» предполагает определенные социально-онтологические основания, поскольку виртуализация социальных коммуникаций порождает синдром «ускользающей социальности». В этом контексте уже давно пишут о размывании устойчивых социальных объединений и текучести социальных структур постиндустриального общества. В результате наблюдают процессы «новой атомизации» и массовизации, диагностирующие «смерть социального» и исчезновение социальности как таковой. Фрагментация личной и общественной жизни, ориентация на немедленный успех по принципу «все и сразу», деградация социальных коммуникаций являются дополнительными маркерами этого феномена [см.: 7, с. 57-59]. Наконец, нельзя не вспомнить, что виртуализация приводит к «исчезновению реальности» в ее объективном природном смысле, поскольку те же компьютерные видеоигры никоим образом с миром природы не связаны. Там своя реальность и свои правила ее идентификации. Интересно то, что здесь реанимируется давняя метафизическая проблема, связанная с выяснением вопроса: на чем основана природа реальности – на идеях ума или она существует отдельно и независимо от знания и сознания? И сегодня метафизика находит способы заявить о себе, поэтому проблема ее смерти слишком преувеличена.

Тем не менее, какие бы трансформации с ней не происходили, понятно, что всеобъемлющая метафизика с ее выяснением абсолютного начала всего сущего «приказала долго жить». В современной философии сдвиг онтологический проблематики осуществляется в сторону попперизма и потенцирования, что расширяет пространство онтологии за счет актуализации массы специфических объектов, но как предметностей региональных (дисциплинарных) онтологий. Соответственно, парадигмальный статус философской онтологии в немалой степени связан с осмыслением характера взаимоотношений между собой этих разных региональных онтологий, их категориального языка и методологии онтологического познания. В этой связи вопрос о новом культурно-историческом типе метафизики, адекватном современным реалиям, по-прежнему, актуален.

Библиографические ссылки

1. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. 495 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. 336 с.
3. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1988. С. 320-324.
4. Фреге Г. Логика / Логика и логическая семантика: Сб. трудов. М. : Аспект Пресс, 2000. 512 с
5. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб. : Наука, 2003. 640 с.
6. Кутырев В.А. Смотрите кто пришел... О конце сознания и начале мышления // Эпистемология и философия науки. М.: Канон+, 2007. Т. XIII, № 3. С. 49-52.
7. Смирнова Н.И. «Смерть социального» как вызов социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. М. : Канон+, 2007. Т. XIII, № 3. С. 57-60.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИР-СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЫ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

И.А. Барсук

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Bars-1979@yandex.ru

Аннотация. Обращение к методологической программе мир-системного анализа выявляет её объяснительные возможности не только в рамках перманентной полемики по проблемам изучения прошлого и настоящего мировой цивилизации, но и обнаруживает перспективы и эвристический потенциал в контексте осмысления и уяснения логики исторического развития будущего капиталистической мир-экономики.

Ключевые слова: *капитализм; мир-системный анализ; капиталистическая цивилизация; исторический капитализм; мир-экономика; мир-система.*

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE WORLD-SYSTEM PARADIGM IN SOLVING OF THE MODERN ECONOMIC PROBLEMS

I.A. Barsuk

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Appeal to the methodological program of world-system analysis reveals its explanatory possibilities not only within the framework of the permanent polemics of studying the past and present of the world civilization, but also reveals the prospects and heuristic potential in the context of understanding the logic of the historical development of the future of the capitalist world-economy.

Keywords: *capitalism; world-system analysis; capitalist civilization; historical capitalism; world-system; world-economy.*

В последнее время особую актуальность приобретают исследования генезиса, содержания и функционирования современной капиталистической системы. Тот факт, что в мире написано значительное количество книг, посвященных капитализму, гуру современного маркетинга, Филип Котлер, объясняет желанием лучше понять, как работают его механизмы, выявить основные недостатки и выработать возможные стратегии решения проблем, которые позволили бы капитализму лучше функционировать и принести пользу большему количеству людей [1]. В современных исследовательских проектах для объяснения и описания реального исторического процесса используются новые «усовершенствованные» формы концептуальных интерпретаций капитализма: сострадательный капитализм, инклюзивный капитализм, гуманистический капитализм, демократический капитализм, здоровый капитализм, неокпитализм и другие. Они коррелируют с

попытками реформирования капиталистической системы, предпринимаемыми как представителями академического сообщества, так и политических и культурных элит. Поэтому вполне закономерно, что одновременно происходит выявление и обоснование деструкций капиталистических механизмов. Известный финансист Джордж Сорос (наст. имя Дьорд Шварц) ещё в сентябре 1998 г., когда в Конгрессе США проходили слушания по Международному Валютному Фонду, заявил, что «система всемирного капитализма, благодаря которой Америка достигла нынешнего процветания, трещит по швам. Нынешний спад на фондовом рынке США – это только отражение более глубоких проблем, существующих в мировой экономике» [2, с. 8], мировой капиталистической системе угрожает катастрофа.

Интерес в связи с этим представляет обращение к методологической программе мир-системного анализа, теоретическое оформление которой приходится на конец 60-х – начало 70-х гг. XX в.. Её основатели – крупнейший представитель французской исторической школы «Анналов» Фернан Бродель (1902–1985) и американский социолог и экономист Иммануил Валлерстайн. Содержательная экспликация И. Валлерстайном структурно-функциональных характеристик капиталистической системы, особенностей её возникновения и эволюции, а также экстраполяция его выводов на современные исторические реалии, представляется достаточно востребованной и актуальной задачей. Следует особо подчеркнуть, что программа мир-системного анализа формировалась в ситуации академического спора с советской идеологией развития, и поэтому работы автора появились на русском языке только после кардинальных перемен в социально-экономической жизни республик бывшего СССР, краха тоталитарной идеологии и плановой командно-административной экономической системы. На Гайдаровском форуме – 2015 в Москве сам профессор выступил с докладом «О погибшем капитализме», и в этом же году в Издательстве Университета Дмитрия Пожарского вышел впервые первый том эпохального труда «Мир-система Модерна» («Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке»). В концепции И. Валлерстайна, фундаментально обоснованной его исследованиями на протяжении нескольких десятков лет научной работы, представлена экономическая динамика современной мир-системы, её противоречия и кризисы, а также перспективы возникновения новых форм сосуществования человека в развивающемся обществе. Именно экономическая составляющая выдвигается им в качестве основополагающего маркера при классификации социальных систем, различающихся по способам производства. И. Валлерстайн, развивая идеи Ф. Броделя, отмечает наличие мини-систем и систем более высокого порядка – мир-империй и мир-экономик. До XIV в. локальные мир-экономики, по его мнению, были неустойчивыми формированиями и нередко поглощались мир-империями или погибали.

Начиная с конца XV в. в Европе мир-система формируется на основании капиталистической мир-экономики и в настоящее время охватывает весь мир: «мир-экономика необходимо был капиталистическим, с капитализмом как единственным способом производства, возможным в миро-экономике, и как способом производства, единственно возможным в рамках мира-экономики» [4, с. 13]. Исторический капитализм, по мнению ученого, возникает в результате «широко-

масштабной товаризации процессов» обмена, производства, распределения, инвестирования [3], а процесс непрерывного накопления капитала обеспечил периферизацию мира. Экономические потоки (географические направления товарных цепей) осуществлялись от периферии к центрам (или ядрам), что в дальнейшем усилило неравенство между ними. Исторически расширяясь, «периодическими рывками» [3, с. 157], капиталистическая мир-экономика превратила в периферию большую часть мира. Включение новых зон в мир-систему капитализма, как правило, совпадало с фазами стагнации экономики. В частности, И. Валлерстайн отмечает, что «историческая система капитализма после четырех или пяти сотен лет процветания наконец подошла к структурному кризису» [3, с. 162], и ей на смену в 2050 или 2100 гг. должна прийти новая мир-система, сущность которой в настоящее время не может быть определена [3]. Учёный исходит из предположения о наличии долговременных «вековых» мировых трендов, вытекающих из целостной природы глобальной экономической системы. Именно они являются первопричиной кризисов, в том числе и последнего, приходящегося на наши дни, поддерживают такое явление, как гегемония, характеризующее отношения между великими державами. Каждая решающая стадия борьбы за гегемонию утверждалась в результате мировой войны («тридцатилетняя война», наполеоновские войны и конфликты XX в. между 1914 и 1945 гг.), однако основой победы всегда выступал экономический фактор, находящийся в корреляции со способом накопления капитала. Согласно И. Валлерстайну, в истории можно обнаружить три примера стран-гегемонов: Соединенные Провинции (Нидерландов) в середине XVII в., Великобритания в середине XIX в. и Соединенные штаты в середине XX в. [3].

И. Валлерстайн намечает три альтернативных сценария возможного развития будущей цивилизации, которые могут прийти на смену капиталистической мир-системы. Первый - что-то вроде неофеодализма, который предполагает возвращение к природной иерархии ценностей. Второй – может быть чем-то вроде общества демократического фашизма, в котором существует высокая степень эгалитарного распределения. Третий, который кажется самым утопичным, – связан с переходом к децентрализованному и высокоэгалитарному обществу [3]. Из вышесказанного следует, что будущее предполагает вариативность развития, поэтому белорусский народ, используя свой богатый духовный потенциал и исторический опыт, не должен превратиться в «иллюзию», которая нуждается в инструментах поддержки медиапространства. Отсюда также следует и то, что перед политическим руководством Республики Беларусь стоит задача фундаментальной важности: разумно сочетать практику сознательного регулирования социальных процессов с традициями, ментальностью и историческим опытом народа.

Таким образом, необходимо отметить, что самостоятельная и теоретически фундированная методологическая стратегия мир-системного анализа выявляет свои объяснительные возможности не только в рамках перманентной полемики по проблемам изучения прошлого и настоящего мировой цивилизации, но и обнаруживает перспективы и эвристический потенциал в контексте осмысления и уяснения логики исторического развития будущего капиталистической мир-экономики.

Библиографические ссылки:

1. Котлер Ф. Конец Капитализма? 14 антидотов от рыночной болезни. М. : Эксмо, 2016. 288 с.
2. Сорос Дж. Финансовая система России потерпела крах / Коммерсантъ. № 172. 17.09.1998. С. 8.
3. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

УДК 378

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А.М.Бобр

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
amb58@inbox.ru

Аннотация. Автор рассматривает понятие интернационализации образования в связи с процессами глобализации, при этом интернационализация образования трактуется как важное проявление и направление реализации глобализационных процессов. Процесс интернационализации становится стратегическим направлением развития образования. Интернационализация трактуется как процесс, при котором цели, содержание и структурная организация образования получают международное измерение. Выделяются и рассматриваются различные методологические подходы к пониманию феномена интернационализации, такие как историко-генетический, геополитический, социально-экономический, структурно-институциональный, культурологический. Интернационализация образования является важным геополитическим ресурсом, повышающим международный имидж государства. Она служит построению экономики знаний. В современных условиях интернационализация образования реализует не только положительные функции, но и несет ряд угроз, связанных с особенностями и противоречиями межкультурного диалога.

Ключевые слова: образование; глобализация; интернационализация; иностранные студенты; международное образовательное пространство; академическая мобильность; совместные образовательные программы.

THE BASIC METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION

A.M. Bobr

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The author considers the concept of internationalization of education in connection with the processes of globalization, while the internationalization of education is in-

terpreted as an important manifestation and direction of globalization processes. The process of internationalization becomes a strategic direction of education development. Internationalization is understood as the process by which the aims, content and structural organization of education take on an international dimension. Various methodological approaches to understanding the phenomenon of internationalization, such as historical-genetic, geopolitical, socio-economic, structural-institutional, cultural, are identified and considered. Internationalization of education is an important geopolitical resource that enhances the international image of the state. It serves to build a knowledge economy. In modern conditions, the internationalization of education realizes not only positive functions, but also carries a number of threats associated with the peculiarities and contradictions of intercultural dialogue.

Keywords: *education; globalization; internationalization; foreign students; international educational environment; academic mobility; joint educational programs.*

Современная социальная динамика характеризуется возникновением ряда новых факторов, детерминирующих особенности и закономерности развития основных сфер жизнедеятельности общества. Одним из таких факторов является процесс глобализации, который затрагивает интересы большинства стран и обуславливает тенденции их системной модернизации. Экономисты, философы, политологи, социологи изучают различные аспекты проявления глобализационных процессов, выделяют основные направления их реализации. В последние годы достаточно детальному анализу подвергнуты такие измерения глобализации как экономическое, политическое, информационное (Р. Робертсон, У. Бек, И. Валлерстайн, А. С. Панарин, В. Л. Иноземцев и др.). В современных условиях актуальность изучения различных проявлений глобализации очевидна. Ведь сами реально протекающие глобализационные процессы, их возможные последствия часто воспринимаются многими исследователями, политиками довольно неоднозначно. В связи с этим уже явно прослеживается тенденция к противостоянию идеологий глобализма и антиглобализма, диаметрально противоположно оценивающих программы и последствия глобализации. На наш взгляд, важнейшим направлением и одновременно проявлением глобализации является феномен интернационализации образования. Данное понятие возникло сравнительно недавно, но в настоящее время довольно активно используется при анализе процессов, происходящих в образовательной системе на различных уровнях. В большинстве исследований под интернационализацией образования понимается процесс, при котором цели, содержание и структурная организация предоставления образовательных услуг получают международное измерение.

В настоящее время проблеме интернационализации образования посвящено множество работ, как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе (Дж. Найт, Х. де Вит, Дж. Местенхаузер, М. Харари, М.В. Ларионова, И.П. Цапенко, И.М. Горбунова, В.И. Сильванович). Такое обилие исследований свидетельствует об актуальности темы и в тоже время диктует необходимость системного философского анализа, предполагающего выделение основных методологических подходов к изучению процесса интернационализации образования и рациональную интерпретацию его последствий.

В качестве одного из методологических подходов к изучению интернационализации образования можно выделить историко-генетический. Он заключается в изучении условий возникновения, в выделении основных этапов, в анализе источников и факторов развития интернационализации образования. При этом фиксируется, как меняется содержание образовательного процесса в истории, что нового привносит интернационализация образования в его теорию и практику, как трансформируются функции системы образования.

Традиционно система образования понималась как активный целенаправленный процесс обучения и воспитания личности, призванный осуществлять функцию социального воспроизводства общества с целью повышения его адаптивных возможностей к постоянно меняющимся экономическим, политическим и культурным реалиям. Другой существенной особенностью образования являлось приобщение учащихся к социальным нормам и духовным ценностям культуры. И все предыдущее развитие человечества показывало, что гармоничное сочетание данных компонентов призвано было обеспечить качественный и продуктивный процесс социализации личности. Но современные реалии социальной динамики показывают, что только обучением и воспитанием не исчерпывается образовательный процесс. Бурный рост научной информации, постоянно меняющиеся производственные технологии требуют формирования навыков самообразования, способностей эффективно реализовывать свои компетенции как субъекта деятельности. Начинает доминировать установка: образование не сводится к трансляции человеку накопленного опыта и знаний, но и развитию креативных способностей личности, столь необходимых для генерирования инновационных сценариев деятельности общества.

При анализе истории возникновения процесса интернационализации образования необходимо учитывать тот факт, что обучение и наука всегда имели в той или иной мере интернациональный характер. Истоки этого можно проследить уже на примере университетов средневековой Европы. Еще больше данная тенденция заметна в эпоху Возрождения и Нового времени. Преобладание латинского языка в преподавании, возможность мобильности обучающихся и преподавателей между университетами и странами являлись первыми проявлениями процесса интернационализации образования. Правда следует отметить, что в данные времена эти факты носили не массовый характер и не определяли само содержание процесса образования. Исследователи выделяют различные этапы интернационализации образования, применяя разнообразные критерии, выбор которых диктуется спецификой поставленных задач. Важно при этом отметить, что большинство специалистов признают тот факт, что в полной мере интернационализация образования стала заметным существенным феноменом во второй половине XX века.

Глобализационные процессы в экономике, выразившееся в формировании мирового рынка рабочей силы и все большей взаимосвязи экономических систем, детерминируют возросшую заинтересованность работодателей в компетентных специалистах, обладающих не только профессиональными квалификациями, но и способных к межкультурному диалогу с деловыми партнера-

ми других стран. Наличие международного опыта у выпускников становится одним из решающих факторов их успешного позиционирования на рынке труда. Вторым необходимо выделить геополитический аспект анализ процесса интернационализации образования. Он заключается в том, что уровень общего и высшего образования в государстве, культурно-образовательные качества населения являются одним из показателей, характеризующим возможности страны, привлекательность ее модели развития. В настоящее время в десятку стран-лидеров по количеству иностранных студентов входят США, Великобритания, Китай, Австралия, Франция, Германия, Япония, Россия, Канада и Италия. Эти же страны лидируют и в рейтинге привлекательности для мобильности преподавателей. Также интернационализация образования демонстрирует престиж тех или иных стран, их возможности в научно-интеллектуальной сфере и соответственно информационного контроля над пространством.

Интернационализация образования становится объектом международной государственной политики, направленной на защиту национальных интересов. И не случайно правительства многих стран разрабатывают концепции национальных стратегий интернационализации. Показательно в этом отношении, что ряд научно-образовательных программ, реализуемых в США во второй половине XX в., осуществлялись по линии Госдепартамента. Примером может служить программа Фулбрайта, которая имела геополитический ангажированный характер и была направлена на формирование в других странах лояльной к США элиты. Интернационализация образования выступает как важный геополитический ресурс и служит позиционированию страны как лидера на международном рынке образовательных услуг. Государства приобретают внешнеполитические преимущества и повышают свою международную репутацию. Интернационализация образования также благоприятно влияет на укрепление дипломатических отношений между странами. Кроме того, вернувшиеся в страну происхождения специалисты, сохраняют на долгие годы благоприятное отношение к стране пребывания и часто выступают как своеобразные агенты влияния, что также имеет большое значение в современных геополитических сценариях. Интернационализация образования может выступать на международной арене в качестве мягкой силы, под которой понимается своеобразная форма внешнеполитической стратегии, направленной на достижение желаемых результатов без насилия, а при помощи добровольного участия, основанного на формируемом привлекательном имидже страны.

Важным подходом к анализу интернационализации образования является социально-экономический. Он заключается в исследовании данного процесса как специфического вида хозяйственной деятельности, характеризующегося затратами материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Задачами данного анализа являются поиск путей повышения экономической эффективности процесса интернационализации образования, рациональное распределение полученных доходов. В настоящее время мировой рынок образовательных услуг оценивается приблизительно в 35 млрд. долларов, а число обучающихся за рубежом составляет около 4 млн. человек и имеет ярко выраженную тенденцию к

росту, к 2025 г. оно может достичь 7 млн. человек. Иностранные студенты служат источником дополнительного финансирования вузов, кроме этого они тратят значительные средства на проживание в стране обучения. Не случайно многие государства придают такое большое значение экспорту образовательных услуг. Важной составляющей социально-экономического подхода является демографический фактор. Большинство стран, принимающих иностранных студентов, испытывают серьезные демографические трудности, связанные с процессами депопуляции и стремительного старения населения. А переход к массовому образованию, характерному для постиндустриального общества, ведет к дефициту отечественных абитуриентов. Так возникает необходимость поиска потенциальных абитуриентов из других стран. Необходимо также учитывать тот факт, что работодатели ищут специалистов из числа иностранных студентов, которые остаются в стране обучения и служат важным ресурсом развития экономики знаний. Статистика свидетельствует, что особенно велика доля оставшихся иностранных выпускников в таких странах, как США, Великобритания, Канада.

Следующим необходимо выделить структурно-институциональный подход к анализу интернационализации образования, позволяющий раскрыть различные уровни управления данным процессом, а также показать уровни его реализации — межгосударственный, региональный и вузовский. В рамках данного подхода анализируются различные формы интернационализации образования: образовательная мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава, формирование новых международных стандартов образовательных программ и их мобильность, партнерство в сфере научных исследований, создание стратегических образовательных альянсов, сертификация и признание документов об образовании и т.д.. Данному подходу посвящено большинство работ по интернационализации образования, поэтому рамки статьи не позволяют детально остановиться на нем.

В настоящее время наиболее актуальным является культурологический подход к анализу интернационализации образования, который призван раскрыть особенности социально-психологической и культурной адаптации иностранных студентов в стране пребывания. Этот подход должен анализировать социально-политические и межкультурные взаимодействия иностранных студентов с коренным населением. Основное число студентов, обучающихся за пределами своих стран, сконцентрировано в Северной Америке и Европе. Они являются выходцами из развивающихся стран Азии и Африки. Западное общество в начале XXI века переживает своеобразный шок, вызванный резким обострением межкультурных и междоцивилизационных конфликтов, активизацией деятельности экстремистских и террористических группировок. Данные обстоятельства детерминируют возникновение ряда проблем, связанных с адаптацией иностранных студентов, с их интегрированием в нормы и ценности западной цивилизации, признанием и принятием ими политических, культурных и религиозных реалий нового для них мира.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ

И.Э. Буракевич

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
irinavansovich@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется проблематизация феномена идентичности в различных философских дискурсах. Анализируется процесс формирования коллективной идентичности в контексте примордиализма, историцизма и конструктивизма. Особое внимание уделяется эвристическому потенциалу конструктивистского тренда в современных исследованиях феномена идентичности. Выявляется специфика конструктивистской транскрипции идентичности, подчеркивается эксплицируемый в рамках конструктивизма динамический аспект ее рассмотрения, обозначается многофакторность подхода с учетом влияния социальных, политических и экономических изменений.

Ключевые слова: *конструктивизм; идентичность; примордиализм; историцизм; конструирование идентичности.*

CONSTRUCTIVIST TREND IN CONTEMPORARY STUDIES OF THE PHENOMENON OF IDENTITY

I.E. Burakevich

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article explores the problematization of the phenomenon of identity in various philosophical discourses. The article analyzes the process of formation of collective identity in the context of primordialism, historicism and constructivism. Special attention is paid to the heuristic potential of the constructivist trend in contemporary studies of the phenomenon of identity. The article reveals the specifics of constructivist transcription of identity, emphasizes the dynamic aspect of its consideration, explicable within the framework of constructivism, means the multifactor approach taking into account the influence of social, political and economic changes.

Keywords: *constructivism; identity; primordialism; historicism; construction of identity.*

Одной из отличительных тенденций социодинамики постиндустриальных обществ является глобализация. Исследование этого сложного феномена с необходимостью носит системный характер, предполагающий выделение ряда измерений: экономического, политического, социально-антропологического, культурного порядка. Кардинальные сдвиги в жизни общества обнаруживают себя как на глобальном, так и на локальном уровнях, что создаёт неоднородность развития процессов глобализации в экономической, политической и социокультурной сферах. В силу этих обстоятельств современная социальная динамика обнаруживает

тенденцию глокализации, знаменующую собой, в частности, сосуществование, с одной стороны, глобализации экономики, информационной сферы и культуры, и локализации национальных культур, отстаивание ими своей идентичности – с другой. Во многом, именно в таких условиях и артикулируется проблема идентичности, значимый вклад в решение которой вносят представители конструктивистского тренда.

Интерес к проблеме идентичности можно зафиксировать уже в философии Античности. Так, в работах Аристотеля встречается термин *tautotis* (тождество), который близок современному понятию «идентичность» и который использовался вплоть до XVIII в. Стоит отметить, что понятие «идентичность» в названные периоды использовалось «в контексте обоснований того, что реальность и процесс ее познания, бытие и мышление совпадают» [1, с. 89]. Анализ феномена идентичности как самостоятельного понятия исследователями связывается со становлением и развитием философии Нового времени, когда идентичность начинает рассматриваться как «качество личности, определяющее ее на основе неизменности индивидуального сознания» [2, с. 28]. Стоит отметить, что во многом именно особенности философии Нового времени наложили определенный отпечаток на исследование феномена идентичности, что проявилось главным образом в анализе идентичности в ракурсе внутренних переживаний и ментальных процессов.

В XX в. к понятию идентичности первым в рамках психологии обратился З. Фрейд, разместив «Я» между «Оно» и «Супер-Эго». Позже данная проблема артикулировалась в работах Г. Зиммеля, Дж. Мида и др. Данными исследователями было предложено использовать понятие *Self* («самость»). Стоит отметить, что данное понятие уже было знакомо психологам и представителям философской антропологии, вместе с тем, во многом, благодаря данным исследователям понятие «самость» получило новое звучание. В частности, самость стала рассматриваться не как изначально заданная характеристика человека, а как формирующаяся в контексте социальных взаимодействий. Многие исследователи склонны полагать, что впервые в социальных науках понятие «идентичность» появляется в 1950-х гг., а в качестве одного из ключевых понятий социально-гуманитарных наук утверждается в 1960-х гг. И тогда, представляется, что первая попытка концептуализации понятия «идентичность» принадлежит Э. Эриксону. В современном философском и научном дискурсе понятие «идентичность» определяется как «категория социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии и др.), применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, “тождественных самим себе” целостностей» [3]. Иными словами, идентичность представляет собой не свойство, не нечто изначально присущее индивиду, она формируется, закрепляется и трансформируется только в процессе социальных взаимодействий. Кроме того, стоит отметить, что в современных социально-гуманитарных исследованиях идентичности принято выделять несколько направлений. Выделение данных направлений обусловлено тем, что при анализе феномена идентичности различают два ее уровня: личностную и коллективную (этническую, культурную, национальную). В зависимости от того, как рассматривается формирование коллектив-

ной идентичности, можно обозначить следующие направления — примордиализм, историцизм и конструктивизм.

Примордиалистский подход в понимании этничности долгое время был доминирующим, как в мировой, так и в отечественной науке. В качестве представителей данного подхода можно обозначить П. ван дер Берга, К. Гирца, М.С. Широкогорова, Ю.В. Бромлея и др. В рамках примордиализма условно принято выделять два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Так, представители социобиологического направления рассматривают этничность как «объективную данность, изначальную характеристику человечества и полагают, что осознание групповой принадлежности заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции» [4, с. 29]. Поэтому совершенно не случайно, что С.М. Широкоговор, утверждая, что этнос — это «группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящаемых традицией и отличаемым ею от таких других» [5, с. 42], фактически приравнял этнос к биологической группе. В рамках второго направления примордиализма — эволюционно-исторического — этносы рассматриваются как социальные, а не биологические общности. Иными словами, этносы понимаются как группы людей, отличающиеся от других, подобных им групп, особенностями хозяйственного уклада, языка и культуры, территориальной общностью. Во многом, как полагают представители данного направления, именно особенности этнической территории оказывают влияние на особенности хозяйственно-экономического уклада, культуры и социальных норм. Так, Ю.В. Бромлей определял этнос как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [6, с. 57-58]. Иными словами, представители эволюционно-исторического направления предполагают, что идентичность неразрывно связана с культурой и языком. Схожих взглядов придерживаются представители конструктивизма и историцизма, считающие, что формирование идентичности обусловлено не биологическими факторами, а культурой. Различие данных подходов обнаруживается в оценке роли человека в процессе конструирования идентичности. Представители историцизма склонны полагать, что формирование идентичности осуществляется в течение долгого времени. Анализируя феномен «идентичности» представители историцизма используют такие понятия, как «возникает», «создается» в кавычках. Это делается для того, чтобы акцентировать внимание на том, «что идентичность формируется на протяжении и под действием факторов, которые в сравнении с продолжительностью жизни отдельного человека являются величиной постоянной» [7, с. 8]. Таким образом, роль отдельного человека в формировании идентичности минимальна. Во многом, такая роль человека обусловлена представлением о том, что на формирование идентичности влияние оказывают такие факторы, как обычаи, традиции, историческое наследие. Представители конструктивизма, в отличие от историцистов, полагают, что иден-

тичность конструируется людьми в полном смысле этого слова. Конструктивистский подход в культурной антропологии возник в конце 60-х гг. XX в. Родоначальником данного подхода принято считать Ф. Барта. Среди наиболее видных сторонников конструктивистского подхода необходимо также назвать Б. Андерсона, П. Бергера, П. Бурдье, Э. Геллнера, Т. Лукмана, Э. Хобсбаума, В.А.Тишкова.

Главным критерием этничности, по мнению Ф. Барта, является способ определения этнических границ группы, которые она сама устанавливает и принимает, поскольку эти границы во многом определяют жизнь людей. И тогда, этнос – это общность людей, которая формируется в результате культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она связана. Этнические границы, как считает родоначальник конструктивизма в культурной антропологии, выстраиваются в результате взаимодействия ряда факторов: политических, экономических и исторических.

Определение этничности, согласно конструктивистскому подходу, должно осуществляться исходя не из каких-либо объективных признаков, а из представления об этих признаках: представления об общей истории, мифе об общем происхождении и т.д. В связи с этим, Ф. Барт писал: «неважно, насколько члены группы отличаются своим внешним поведением, – если они утверждают, что принадлежат к категории А в противоположность другой, сходной категории В, они хотят, чтобы их воспринимали как А, а не как В и чтобы их поведение интерпретировалось и оценивалось как поведение А, а не как поведение В; иными словами, они декларируют свою принадлежность культуре этнической группы А. ...В фокус исследовательского внимания попадает этническая граница, определяющая группу, а не культурный инвентарь, который она в себе заключает» [8, с.17].

Во многом, именно на представлениях об общей истории, мифе об общем происхождении и базируется процесс конструирования этничности. При этом в качестве «конструирующей силы» может выступать государство, политические элиты, интеллектуалы, рядовой гражданин. И тогда, конструирование этничности является скорее внешним процессом, и сама этничность рассматривается как социальная конструкция, а не объективная реальность. Созданный таким образом конструкт транслируется на потенциальных представителей этноса при помощи различных средств, имеющих возможность воздействовать на сознание членов общности (система образования, средства массовой информации, книги, фильмы, выставки). Необходимость создания такого интеллектуального конструкта, как этничность диктуется необходимостью обеспечить социальный комфорт в рамках однородных культурных сообществ.

Таким образом, в рамках конструктивистского подхода идентичность трактуется как продукт социального конструирования воображаемых общностей (чтосоответствует базовым установкам конструктивистского тренда в целом), основанный на вере в то, что они связаны естественными связями, едином типом культуры и мифом об общем происхождении. Стоит отметить, что рассмотрение феномена идентичности в контексте конструктивистского тренда позволяет сделать вывод о расширении его проблемного поля. Кроме того, конструктивистское толкование феномена этничности обладает безусловным преимуществом перед

примордиалистским и историцистским. Так, именно в рамках конструктивистского подхода этничность рассматривается не как изначально заданная характеристика человека, а как процессуальная данность, претерпевающая многофакторное влияние социальных, политических и экономических изменений в жизни общества. Во многом, подобное рассмотрение этнокультурной идентичности позволяет вскрыть ограниченность других подходов и наметить шаги по выработке междисциплинарного дискурса в исследовании обозначенной проблемы.

Библиографические ссылки

1. Орлова Э.А. Концепции идентичности в социально-научном знании / Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 89-96.
2. Задворная Е.С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 24-37.
3. Малахов, В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0139aee26d501a6d86199339>. Дата доступа: 10.06.2019.
4. Козловский В.В. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4. С. 6-34.
5. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений. в 2-х кн. Книга вторая. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 148 с.
6. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 418 с.
7. Дахин А.В. Соотношения этнической и национальной идентичности. Россия, Южная Корея, Канада // Философские науки. 2003. № 9. С. 5-23.
8. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Ф. Барт [отв.ред.]. М. : Новое издательство, 2006. 200 с.

УДК 111.1:62

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ОНТОЛОГИИ ТЕХНИКИ

А.И. Верещако

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
aleshaverashchaka@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных методологических подходов в рамках современной постнеклассической онтологии техники. В тексте раскрывается сущность следующих программ: постфеноменологии техники, акторно-сетевой теории и социального конструирования технологий. Приводится краткий анализ и содержание основных идей, ключевых понятий, а также, осуществляется их сопоставление с концепциями классической онтологии техники.

Ключевые слова: *онтология техники, философия техники, акторно-сетевая теория, постфеноменология, этика технологий.*

MODERN RESEARCH APPROACHES OF ONTOLOGY OF TECHNOLOGY

A.I. Verashchaka

Belarusian State University

Independence av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the consideration of the main methodological approaches in the framework of modern post-non-classical ontology of technology. The text reveals the essence of post-phenomenology of technology, actor-network theory and social construction of technologies programmes. A brief analysis and content of the main ideas, key concepts as well as their comparison with the concepts of the classical ontology of technology are given.

Keywords: *ontology of technology, philosophy of technology, actor-network theory, post-phenomenology, ethics of technology.*

В современном философском дискурсе словосочетание «философия техники» выглядит вполне привычным. И действительно, эту область философских исследований можно считать давно устоявшейся. Начиная со второй половины XIX в., философия техники прошла длинный путь становления: от апологетики технократических идей первыми философствующими инженерами (Э. Каппп, П.К. Энгелмейер, Т. Веблен) до диаметрально противоположной технофобской рефлексии (О. Шпенглер, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Л. Мамфорд). Несмотря на то, что представления о технике на том или ином этапе развития философии являлись следствием фундаментальных онтологических исследований техники, об онтологии техники говорится в значительной степени меньше. Последнюю можно разделить на два больших периода: классический и постклассический. Основными чертами стиля мышления в рамках классической онтологии техники можно назвать редукцию технических артефактов и технологий к предельно-общим основаниям и онтологический монологизм, противопоставление человека и техники, аксиологизацию инженерной деятельности и технического творчества. При этом феномен техники подвергается крайним и категорически непримиримым этическим оценкам техницизма и антитехницизма. К 60-м годам XX века ограниченная традиционными подходами онтология техники зашла в тупик, а философия техники переживала методологический кризис. Далее мы более детально рассмотрим ряд методологических программ современной онтологии техники, совокупность которых направлена на разрешение упомянутого кризиса.

Одной из самых эвристических программ современной онтологии техники можно назвать «Исследования науки и техники» [STS] (Science and Technology Studies), позже ставшие более известными как «Социальное конструирование технологии» [SCOT] (Social Construction of Technology). Группа исследователей (Тревор Пинч, Томас Хьюз, Вибэ Бэйкер) сфокусировала свой научный интерес на технике и технологии, поставив перед собой задачу, показать их обусловленность социальным. Зародившаяся в сфере прикладных социологических исследований, методология SCOT делает возможным проследить кооперацию различных социальных групп в формировании технико-технологического фона общества, позво-

ляя ответить на вопрос, почему одни технические инновации приживаются, а другие нет? Почему привычные для нас артефакты выглядят каким-то определенным образом, а не другим?

Хрестоматийным примером, демонстрирующим понимание процесса технического производства как социального процесса, является работа «Социальное конструирование технических систем» (The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology). В этом труде был изучен обыкновенный велосипед. Исследователи поставили вопрос, каким образом конструкция велосипеда изменилась от популярной модели XIX в. «Пенни-фартинг» (с большим передним колесом) до современного внешнего вида? Ответ был неожиданным: «Практика использования велосипеда («Пенни-фартинг»), такой социальной группой, как «молодые люди» со «стальными нервами» для гонок, шоу и произведения впечатления на дам, создала ему славу как «машине для мачо», тогда как практика его использования (велосипеда) социальными группами «женщины» и «пожилые люди», привело к закреплению репутации как об «игрушке для циркачества, постоянных падений, переломов конечностей и других травм» [1, с. 172]. Другими словами, указанная модель велосипеда была популярна среди молодых людей, любивших скорость и эффективность конструкции. Последняя, в свою очередь, была не безопасной и приводила к риску получения многочисленных травм. Более того, конструкция не подходила для использования девушками и женщинами, носившими в Викторианскую эпоху длинные закрытые платья. Все указанные недостатки конструкции постепенно изменялись под натиском различных социальных групп, что привело к созданию универсального и гораздо более безопасного транспортного средства, каким мы знаем велосипед сегодня. Как мы видим, особенность методологии SCOT заключается в рассмотрении конкретных технических артефактов, что выявляет принципиальную открытость, незамкнутость технических систем, которые формируются под влиянием социальных процессов.

Некоторые идеи SCOT получили свое развитие в следующей программе: «Акторно-сетевой теории» (АСТ) [Actor-Network Theory]. Она представлена, прежде всего, работами таких исследователей, как Бруно Латур, Джон Ло и Мишель Колон. Совокупность трудов представителей данного подхода идейно продолжает и предметно иллюстрирует ризомный характер субъект-объектных отношений, характеризующих собой не только современную науку и технику, но общество и культуру в целом. Техника и технология рассматриваются как «черные ящики» разнообразных гибридных сетей, являющиеся не только гарантом их существования, но также точками распространения и роста. Сами социотехнические сети состоят из акторов: «человека» и «не-человека» (сюда относится также и техника), которые признаются равнозначными действующими единицами. Актор — это «тот» и «то», что действует. При этом под действием понимается не только причинно-следственная связь, но в том числе допущения, позволения, влияния, делание возможным или невозможным, препятствования и так далее. «Основная причина, почему у объектов раньше не было возможности играть какую-то роль, кроется не только в определении социального, которого придерживаются социо-

логи, но и в самой трактовке акторов и действий» [2, с. 102]. Технические объекты становятся акторами, «серыми кардиналами» сетей, они молчаливо вписаны в повседневность человека и уже совершенно не выделяются из нее, их действия становятся незримыми и само собой разумеющимися. Например: мобильная связь, Интернет, центральное отопление, банкоматы или банковские карточки. «Технические объекты становятся акторами, которые также вписаны в социальные сети и совершенно не выделяются из общего целого, их действия хоть не всегда заметны, но постоянно присутствуют в сложной системе социальных интеракций» [3, с. 125]. Сами вещи в немногих случаях становятся объектом внимания человека. Их действие, «работа», наиболее очевидным образом проявляет себя в периоды исследования инноваций и ноу-хау в научных лабораториях. Благодаря деятельности ученых, вещи начинают «говорить». Еще одно событие, когда технические объекты становятся точкой всеобщего внимания, это их поломка или выход из строя самого актора, что приводит к остановке функционирования всей сети. При этом если объекты не вплетены в социальные связи, они не принимаются в расчет, однако такие объекты фактически не встречаются. Таким образом, не существует ни «чистых» людей, ни «чистых» объектов. Сами вещи в редких случаях становятся предметом внимания человека. Важным способом воздействия нечеловеческих актантов на людей является «перевод». С помощью перевода первоначальная программа действий закладывается в технические объекты, после чего эти «вещи» самостоятельно взаимодействуют с человеческими актантами. Ярким примером «переводного» взаимодействия является «лежачий полицейский». «Лежачий полицейский» появляется на тех участках дорог, где государственная автоинспекция не может круглосуточно контролировать скоростной режим, но, тем не менее, желает, чтобы он соблюдался. Искусственная дорожная неровность задает специфическую программу действий (двигаться медленно) водителям автомобилей. Его действие таково, что он принуждает их снижать скорость, скажем, перед пешеходным переходом. И если этого не происходит, то водитель получает материальное воздействие на свой автомобиль в виде удара. Это демонстрирует, что вещи не просто действуют, но они также задают программу действий человеческих актантов (человека). Следовательно, не существует жесткой дихотомии между человеком и техникой, их противопоставление друг другу невозможно в мире сложных многоуровневых сетей, в которых действуют участники сети, и которая существует только в силу и по причине их непрерывного взаимодействия.

Заключительной, но не менее значимой программой в нашем списке, можно назвать постфеноменологию техники. Ее связывают в первую очередь с работами Дона Айди и Питера-Поля Вайбика. Программа рассматривает технические объекты и артефакты культуры как особый технологический фон, непрерывно взаимодействующий с человеком. «В технологической культуре машины становятся частью нашего самовыражения, становятся нашими знакомыми, коллегами, т. е. квази-другими, они окружают нас своим присутствием, из которого мы редко убегаем, становятся технологической текстурой Мира, и вместе с ней несут презумпцию в отношении тотальности» [4, с. 15]. Отношение «квази-другой» возникает в процессе взаимодействия человека с техническими объектами. Напри-

мер, процессы формулировки мыслей вслух, ручкой на бумаге или на мониторе компьютера, используя клавиатуру – это три различные практики. В первом случае человеку не требуются посредники. Во втором таким медиатором выступает ручка, которая заставляет пользователя подстраиваться под нее. Наиболее очевидным примером вынужденной трансформации взаимодействия служит компьютер. Для работы с ним мы должны знать, как он включается, как запускается нужная программа, как сохранять в ней информацию и т. д. Другими словами, его применение ведет к существенному переустройству процесса «производства» мысли. Но техника не всегда может быть «квази-другим» по отношению к людям, она скорее является посредником, медиатором между нами и миром.

Артефакты опосредуют человеческий опыт, трансформируя индивидуальное восприятие и рамки интерпретации мира. Технические объекты помогают формировать то, каким образом люди взаимодействуют с объективной реальностью, они являются посредниками (медиаторами) между человеком и миром. В диалоге с представителями АСТ, последователи постфеноменологических исследований, настаивают, что современные гаджеты, например, опосредует нашу коммуникацию на расстоянии, то есть являются продолжением человеческой телесности. Смартфон помогает создавать и поддерживать образ жизни, а также опыт пользователя, он формирует конкретные аспекты его потребительской субъективности и объективности мира. «Он медирует отношения между людьми и миром и, таким образом, упорядочивает их существование и опыт» [5, с. 199]. Техника всегда больше, чем функциональный инструмент и гораздо больше, чем просто продукт «расчетливого мышления».

Постфеноменологическая программа онтологии техники открывает культурное пространство техники и технологии, эксплицируя их глубинную взаимосвязь. Обыкновенная пишущая машинка когда-то совершила гендерную революцию в англо-саксонском мире XIX столетия. Первоначально она создавалась как устройство, помогающее выражать мысли слепым людям, но постепенно ее стали адаптировать для составления и размножения текстов в секретариате. «До пишущей машинки большинство секретарей были мужчинами, привыкшими фиксировать мысли на бумаге рукой; многие из них отказались от нового режима письма на клавиатуре» [6, с. 116]. Все дело в том, что в список обязательных навыков хорошо воспитанной девушки викторианской эпохи, помимо прочего, входило умение играть на фортепиано. Именно женщины первыми смогли освоить клавиатуру пишущей машинки, весьма схожую с клавиатурой рояля или пианино. В короткие сроки женщины стали господствовать в секретариате, на долгие годы закрепившись в этой сфере. Профессия машинистки также стала ассоциироваться с женщинами и считалась немужской работой.

Изобретение устройства для помощи инвалидам по зрению неожиданно преобразовало целый сектор рынка труда, а также структуру и распорядок дня предприятий, задействующих в своем штате секретарей. Когда активизируются культурные отношения с артефактами, возникает «культурная интенциональность», некое культурное пространство, опосредованное техникой. Благодаря этому измерению техника способна создавать особые формы интерпретации мира,

опыта людей, а также инвариантность непосредственно сенсорного восприятия человека.

Подводя итог, следует отметить, что современная постклассическая онтология техники стремится к переосмыслению природы техники, ее значения и роли в жизни человека и общества. Для нее характерен внешний диалог с предшествующей традицией, а также внутренняя полемика с конкурирующими методологическими программами. Она не рассматривает технику лишь в белых или черных красках, не противопоставляет человека машинам и наоборот. Интегрируя в себя знания множества прикладных и фундаментальных наук, она стремится к полному конструктивному и конкретному пониманию современной техники.

Библиографические ссылки

1. Bijker W.E. The Social Construction of Bakelite: Toward a Theory of Invention The Social Construction of Technological Systems: / New Directions in the Sociology and History of Technology. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1987. P. 139-187.
2. Латур Б. Переборка социального: ведение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
3. Верещако А.И. Предмет и проблемное поле современной онтологии техники / Витебский гос. ун-т имени П. М. Машерова. уч. зап. УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. Т. 26. С. 121-127.
4. Ihde D. Technics and praxis. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1979. 162 p.
5. Verbeek P.P. What Things Do – Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design. Penn State: The Pennsylvania State University Press, 2005. 264 p.
6. Ihde D. Philosophy of Technology: An Introduction. New York: Paragon House, 1998. – 157 p.

УДК 316.77

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИЯ

М.И.Вишневский

УО «Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова»
ул. Космонавтов, 1, 212022, Могилев, Республика Беларусь
philos-mogilev-msu@mail.ru

Аннотация. Современную деятельность системы образования направляет совместное использование философских принципов свободы и детерминизма. Теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса указывает путь практической реализации их единства и подводит к выводу о непрерывности нравственного образования личности.

Ключевые слова: *свобода; детерминизм; теория коммуникативного действия; непрерывное нравственное образование личности.*

MODERN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT OF THE INTERRELATION OF PHILOSOPHY AND EDUCATION

M.I. Vishnevsky

Mogilev State A. Kuleshov University

Kosmonavtov str., 1, 212022, Mogilyov, Republic of Belarus

Annotation. Modern education activities direct the sharing of the philosophical principles of freedom and determinism. The theory of the communicative action of J. Habermas indicates the path of practical realization of their unity and leads to the conclusion about the continuity of the moral education of the individual.

Keywords: *Freedom; determinism; theory of communicative action; continuous moral education of the individual.*

Широта и основательность миссии образования, состоящую в обеспечении преемственности и обновления культуры, позволила в свое время С.И.Гессену [1] охарактеризовать педагогику как прикладную философию. В наши дни требуется заново осмыслить и место философии в культуре, и теоретико-мировоззренческие ориентиры образования. Для педагогической теории и практики весьма сомнительна плодотворность постмодернистских подходов к человеку и его социальному бытию. Нынешняя жизнь весьма сложна, и уже в школе нужно готовить учеников к встрече с этой усиливающейся и обостряющейся сложностью. Подлинным вызовом для педагогики должна была бы стать необходимость совместного использования в ней двух весьма несхожих принципов анализа человеческого опыта – принципа свободы и принципа детерминизма [2].

И.Берлин убедительно писал о том, что идея совершенного мира, в котором все хорошее гармонично сосуществует, не только неосуществима, но и внутренне противоречива; гордыня всезнания чревата антигуманизмом, насилием, террором [3]. Можно, однако, полагать, что умозрительная противоположность свободы и внешней детерминации в реальной жизни преобразуется в более или менее тесное единство, с трудом поддающееся, правда, отчетливой и исчерпывающей теоретической экспликации. Примерами жизненно значимого единства внешней необходимости и человеческой свободы могут служить, с одной стороны, разработанная П.Бурдьё концепция габитуса [4], а с другой – теория и практика инклюзивного образования [5].

В философии проект модерна воплотился в череде выдающихся в своем роде концепций, имеющих гносеологическую основу и акцентирующих внимание на постижении человеком как познающим субъектом мира окружающих его объектов и их подчинении человеческой воле благодаря познанию законов, которым эти объекты подчинены. Философы Франкфуртской школы, оппонируя позитивистам и неопозитивистам, характеризуют такую рациональность как калькулирующую или инструментальную. В ней они усматривают базовое содержание проекта модерна и показывают затем, как практическая реализация данного проекта породила не только небывалые успехи, но и столь же небывалые проблемы, имеющие характер общественной патологии.

Но если философы-постмодернисты усмотрели в этом кризис разума в целом, то для философов Франкфуртской школы вопрос состоит в том, как преодолеть ограниченность инструментальной рациональности, которая действительно во многом исчерпала свой конструктивный ресурс. Показательно, что в наши дни осознание устарелости абсолютизации инструментальной рациональности охватывает не только область теоретических исследований, но и различные сферы практической деятельности. Возникают и получают все более широкое распространение организации нового типа, в которых сводится к минимуму детальное регламентирование деятельности, преодолеваются жесткое разграничение функций, выполняемых отдельными работниками, и соответствующая этому строгая иерархичность взаимоотношений между людьми и подразделениями [6]. Такие организации существуют в различных отраслях материального производства, в сферах обслуживания, социального обеспечения, образования и др.

В теории коммуникативного действия [7; 8] утверждается, что проект модерна по существу не завершен, и проблемы современного этапа общественного развития связаны не с избытком разума, а с недостаточностью тех особых его форм, которые оставались в тени в условиях господства и в теории, и на практике идей инструментальной рациональности. Путь к консенсусу, который предполагает коммуникативная рациональность, пролегает через равноправную дискуссию, требующую признания ее участников разумными и ответственными существами, имеющими право на собственную точку зрения и притязаниями на то, чтобы быть услышанными и правильно понятыми.

Казалось бы, моральные требования имеют силу принуждения и поэтому не могут рассматриваться как проявления человеческой свободы. Вместе с тем признание правомерности нравственного долженствования является результатом свободного выбора, основанного на убедительной аргументации: «если мы должны что-то сделать, значит, мы имеем основание сделать это» [8, с.76]. Универсальность моральной нормы не может быть реально достигнута без ее обсуждения, без аргументированной дискуссии, которая, с одной стороны, ведет к осознанной согласованности убеждений, а с другой – предотвращает навязывание одними людьми другим своих представлений о должном, нравственно правильном. Существует ряд ступеней морального суждения, выступающих в качестве последовательных приближений к структурам беспристрастного или справедливого рассмотрения нравственных коллизий. Переход от одной ступени к другой выступает как своего рода обучение, ведущее к тому, что образующаяся, взрослеющая личность перестраивает свои познавательные структуры в направлении, которое обеспечивает все более эффективное достижение консенсуса в процессе улаживания случающихся конфликтов и, в целом, более ответственное отношение к решению жизненных проблем.

Дифференциация институционализированной общественной системы вероятно усложняет жизненный мир, налагает на него все более плотную и запутанную сеть формальных регуляций и ведет к искажению нормальной че-

ловеческой коммуникаций. Многие нормы жизни современного общества устанавливаются помимо дискурса через разные государственные институты и, будучи порой плохо согласованными между собой и непонятными людям, навязываются им просто как данность. В этих условиях призвание философии, по Хабермасу, состоит в том, чтобы возглавить борьбу за коммуникативность нашего жизненного мира, за отстаивание и развитие права и способности людей вести разностороннее обсуждение и достигать осмысленного консенсуса по всем жизненно важным вопросам, то есть быть свободными и сознательными субъектами своего жизненного процесса. Свобода эта не может быть достигнута вне образования и самообразования, которые в норме осуществляются на протяжении всей сознательной жизни человека. Иными словами, речь должна идти о непрерывном нравственном образовании личности.

Философия коммуникативного действия отказывается от претензий на абсолютную истину, от жестких схем логического вывода, которые нередко моделируют насилие над нашим мышлением и здравым смыслом. Призвание философии скорее видится здесь в том, чтобы быть посредником между повседневными практиками и многообразием специализированных видов деятельности с их сложными системами знаний и норм. Выступая в этих новых условиях хранителем рациональности, философия призвана ориентировать на поиск согласия путем обсуждения возникающих проблем на основе уважения человеческого достоинства и доверия к человеческому разуму. Тем самым открывается путь согласования принципов свободы и детерминизма, который хотя и не сулит быстрых и легких решений, однако позволяет избежать многих тягостных или даже трагических ошибок.

Библиографические ссылки

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
2. Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса, г. Минск, 18–20 окт. 2017 г. / В. Г. Гусаков [ред.]. Минск : Беларус. навука, 2017. 765 с.
3. Берлин И. Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
4. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
5. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь / Специальная адукацыя. 2015. № 5. С. 3 – 10.
6. Лалу Ф. Открывая организации будущего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016 432 с.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне М. : Весь Мир, 2003. 416 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001. 380 с.

ЧЕЛОВЕК ТРАНСЦЕНДИРУЮЩИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПЕДАГОГИКЕ

Е.В. Гелясина

ГУДОВ «Витебский областной институт развития образования»
пр-т Фрунзе, 21, 210009, Витебск, Республика Беларусь
elena_porkova@list.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка обогатить философский уровень методологии педагогических исследований через уточнение теоретического ядра антропологического подхода. Обосновывается тезис о том, что парадигматический слой подхода может быть задан через концептуализацию трансцендирования. В соответствии с этим синтагматика антропологического подхода может быть оформлена посредством концепта «человек трансцендирующий». Показано, что трансцендирование – феномен, нуждающийся в многомерном описании. Представлены онтологический, гносеологический, экзистенциальный, коммуникативный (интерперсональный) и аксиологический ракурсы рассмотрения трансцендирования. Приведены аргументы в пользу целесообразности выявления сущности трансцендирования с педагогической точки зрения. В контексте поставленной в статье задачи, педагогическая трактовка трансцендирования позиционируется как интегрирующая. Это позволяет обосновать правомерность рассмотрения образования как особого способа бытия, характеризующегося постоянным преодолением человеком себя-прежнего посредством присвоения исторически выработанных и закреплённых в культуре способов преобразования мира и самого себя.

Ключевые слова: педагогическая антропология; антропологический подход; трансцендирование; человек трансцендирующий.

HUMAN TRANSCENDING AS A KEY CONCEPT OF ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN PEDAGOGY

E.V. Heliasina

Vitebsk Institute of Education Development
Frunze av., 21, 210009, Vitebsk, Republic of Belarus

Annotation. The article attempts to enrich the philosophical level of the methodology of educational research by clarifying the theoretical core of the anthropological approach. The thesis is substantiated that the paradigmatic layer of the approach can be defined through the conceptualization of transcending. In accordance with this, the syntagmatics of the anthropological approach can be framed by means of the concept “transcendent-person”. It is shown that transcending is a phenomenon that needs a multidimensional description. Ontological, epistemological, existential, communicative (interpersonal) and axio-logical views of the consideration of transcendence are presented. The arguments are given in favor of the expediency of identifying the essence of transcending from a pedagogical point of view. In the context of the task set in the article, the pedagogical interpretation of transcending is positioned as integrating. This makes it possible to substantiate the legitimacy of considering education as a special way of being, characterized by the con-

stant overcoming by a person of himself / herself by appropriating methods of transforming the world and himself that had been historically developed and established in culture.

Keywords: *pedagogical anthropology; anthropological approach; transcending; transcending person.*

Антропологический подход традиционно позиционируется как базовый для анализа и конструирования педагогических систем. Вся история западноевропейской философской мысли утверждает методологическую исключительность антропологического подхода: от античности, где человек предстает как мера всех вещей до современности, в которой обнаруживается проблематичность человека для самого себя, его неустроенность, потерянности, бездомность, фрагментированность, заброшенность в мир. Сущность антропологического подхода исследуется в философии, социологии, культурологии, педагогике. Несмотря на богатую традицию и внушительный корпус исследований, проведенных в данном направлении, утверждать, что работа по оформлению антропологического подхода завершена было бы слишком самонадеянно.

Л.А. Липская [7] определяет антропологический подход как особую теоретико-методологическую стратегию, которая ориентирует на необходимость использования дополняющих друг друга вариантов, каждый из которых определенным образом призван обеспечить проектирование образовательного процесса, ориентированного на человека как исходную, базовую ценность. На наш взгляд, высокую эвристическую ценность имеет мнение А.П. Огурцова и В.В. Платонова [8] о том, что антропологический подход в образовании предполагает не столько обращение к человеку как таковому, сколько обращение к человеку трансцендирующему. В самом деле, человек, включенный в образовательный процесс – это человек, выходящий за границы имеющегося у него знания, преодолевающий себя прежнего, способный к проявлению сверхнормативной активности и творчеству. Сказанное выше актуализирует необходимость обращения к феномену трансцендирования.

В философском дискурсе трансцендирование предстает как неотъемлемая составляющая духовной жизни человека, конституирующая его онтологический статус. В педагогической антропологии способность образовательного трансцендирования рассматривается как особый инструмент созидания человеком самого себя. Аспекты рассмотрения трансцендирования довольно разнообразны. В частности, трансцендирование рассматривается в онтологическом, гносеологическом, экзистенциальном, коммуникативном (интерперсональном) и аксиологическом ракурсах. Ключевые теоретические позиции для понимания трансцендирования как онтологического феномена представлены в работах основоположника философской антропологии М. Шелера [10]. В частности, он полагал способность к трансцендированию в качестве атрибутивной характеристики человека, позволяющей ему превзойти себя и мир, сформировать к нему предметное отношение, сделать объектом познания.

Гносеологический аспект трансцендирования раскрыт в немецкой классической философии. Со способностью человека к трансцендированию И. Кант [4] связывал возможность оформления в познании специфически-человеческого об-

раза мира. В этом немаловажную роль он отводил тем средствам, которые привлекает человек в процессе познания. В наукоучении И.Г. Фихте [9] осуществлен социально-философский поворот и задан собственно образовательный ракурс гносеологической трактовки трансцендирования. И.Г. Фихте пытается дать ответы на вопрос о способах трансляции знания и условиях, детерминирующих процесс их усвоения. Н.В. Громыко [2], анализируя систему принципов трансляции теоретического знания, разработанную И.Г. Фихте, выявила, что центральным компонентом образовательного процесса должны стать деятельностно оформленные приемы передачи ученику способов самосовершенствования. Такой взгляд на образование обуславливает необходимость ряда инноваций. Первая из них связана с оформлением деятельностной эпистемологии, значимой для практики работы со знанием. Вторая – с построением образовательной практики на идеях исследовательского университета. Третья – с отведением ведущей роли трансцендентальному методу наукоучения, ориентированному на присвоение учениками антропотехник – техник изменения себя. Все это предполагает переход от информационно-ориентированной модели образования к деятельностно-ориентированной, направленной на создание условий для усвоения обучающимися исторически выработанного и закрепленного в культуре способа деятельности.

Обогащение рационально-логических представлений о трансцендировании осуществлено в философии экзистенциализма. Несмотря на сложность и разноплановость рассуждений, оформившихся в данном философском течении, трансцендирование в нем мыслится как начало, конституирующее человека, механизм обретения им своей самости. В работах мыслителей, которых традиционно считают представителями экзистенциализма, была сформулирована идея о человеке как существе, обреченном делать свой выбор. Экзистенциализм отдает в распоряжение человеку его бытие, возможность реализовать уникальный «проект себя», однако при этом возлагает на него бремя ответственности за себя и весь мир. Выше названная тема приобретает коммуникативный разворот в философском наследии К. Ясперса [11]. Он утверждает, что у человека существует врожденная потребность в постижении мира и самого себя. Именно поэтому ему присуща «тотальная воля к коммуникации», реализуемая в двух направлениях: как коммуникация с Другим и как коммуникация с самим собой. Но не всякая коммуникация может быть признана подлинной. Только подлинная коммуникация реализуется как «любящая борьба» (термин К. Ясперса) – борьба особого рода, борьба «не против», а борьба «за» – борьба одного человека за другого. Любящая борьба зиждется на благоговении одного человека к другому, познании себя в коммуникации, переживании, что обеспечивает обретение человеком самого себя.

Аксиологическое понимание феномена трансцендентности, оформившееся как в светской, так и в религиозной картине мира, рассматривает человека как жителя двух миров, вынужденного преодолевать границу, пролегающую между ними. В светском миропонимании эта граница установлена между миром повседневности и миром культуры, а в религиозном – между земным миром и Абсо-

лютом. Такое положение человека обуславливает его противоречивость и парадоксальность. Раздвоенностью человека объясняется его стремление к духовному спасению. Для этого ему и дарована способность к трансцендированию, творчеству, духовному возвышению, усвоению ценностей. Важно отметить, что ценность усваивается «не механически», а постигается. Как указывает М.М. Бахтин [1] ценности лежат за границей живого сознания и приобретают значение для человека только будучи погруженными в индивидуальный контекст. Для формирования аксиологической сферы личности требуется ее активно-ответная установка, «переживание переживаемого». Присвоение ценностей сопровождается формированием чувства ответственности – долженствующей единственности, «не-алиби в бытии». Быть, утверждает М.М. Бахтин, – значит ответственно поступать. Все ценности есть лишь потенциальное, действительностью они становятся лишь в поступке. Полагаем, что контекстуальное видение сущности трансцендирования будет более рельефным в условиях введения еще одного измерения – педагогического. Оно рассматривается нами как метаизмерение, которое надстраивается над всеми выше перечисленными и представляет собой место методологической сборки феномена трансцендирования. В качестве философского фундамента, на котором выстраивается педагогическое видение трансцендирования, нами избраны две работы И. Канта, имеющие манифестирующий характер: «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» [6] и «О педагогике» [5], а также работа, в которой И. Кант подводит итог всех своих философских размышлений [3]. В последней в свете проблематизации сущности человека предложены ответы на три знаменитых вопроса: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Смысловым фоном для этого выступает понимание особой миссии образования и требований, предъявляемых к нему. Человек и образование предстают в отношении взаимообусловленности: человек обретает исконно человеческое посредством образования, а образование – система, всецело ориентированная на человека, обеспечивающая условия для его выхода из «состояния своего несовершеннолетия» [6, с.27]. В данном контексте понятие «совершеннолетие» употребляется И. Кантом как синоним образованности. Показателем последней является способность человека самостоятельно мыслить и иметь мужество делать это публично. Однако, как указывает И. Кант, многие люди по своей собственной воле и при том не без удовольствия, всю жизнь хотят оставаться несовершеннолетними. Такая позиция весьма удобна, ибо избавляет человека от необходимости думать, обращаться к совести, решать проблемы, самосовершенствоваться. Все эти хлопоты передаются «опекуну», но «... отказаться от просвещения для себя лично... означает нарушить... священные права человечества» [5, с.32]. Утверждение образования как необходимости, как того, что существует безоговорочно и во всякое время, равнозначно утверждению права человека быть Человеком. Спустя 130 лет М. Шелер [10] дооформит эту мысль и придаст ей форму императива: образование есть отчеканенная форма человеческого бытия.

Анализ философского наследия И. Канта позволяет сформулировать условия тождественности подлинного бытия и образования. Эти условия, на наш

взгляд, целесообразно принимать во внимание при конструировании образовательного процесса. К их числу относятся: 1) ориентированность образования не столько на настоящее, сколько на будущее; 2) осознание субъектами образования того, что оно приобретается «не для школы, а для жизни»; 3) практико-ориентированность образования, выражающаяся в обеспечении понимания обучающимися, как наилучшим образом применять все то, чему они научились; 4) возведение в ранг приоритета формирования у обучающихся умения думать, «избирать исключительно добрые цели» [5, с.454], свободно действовать, исполнять обязанности по отношению к себе и другим; 5) обеспечение условий для самообразования.

Таким образом, разноаспектное рассмотрение способности к трансцендентированию как сущностной характеристики человека, маркирующей антропологический подход в педагогике, может оформиться при условии ее комплексного описания. В гносеологическом аспекте фиксируется понимание трансцендирования как механизма познания, преодоления границы в системе «человек – мир». Экзистенциальный взгляд на трансцендирование задает вектор понимания процесса поиска человеком себя-подлинного. Философия диалога делает акцент на интерперсональной стороне трансценденции и освоении человеком мира ценностей. Педагогический ракурс понимания трансцендирования, в контексте нашего рассмотрения, является интегрирующим и обеспечивает понимание образования как особого способа бытия, ориентированного на порождение человеком культуросообразной нормы, реализацию уникального авторского проекта себя, утверждение своего достоинства и долженствования по отношению к себе и другим.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. К философии поступка. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2003. Т.1.Философская эстетика 1920-х годов. С. 7 – 68.
2. Громыко Н. В. Деятельностная эпистемология и проблема трансляции теоретического знания в образовательной практике : автореф. дис. ... доктора филос. наук: 09.00.01. Ин-т философии РАН. М., 2011. 50 с.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Соч. в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 349 – 588.
4. Кант И. Критика чистого разума / Соч. в 6 т М. : Мысль, 1964. Т. 3. С. 69 – 799.
5. Кант И. О педагогике / Тракаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 445 – 504.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? / Соч. в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 26 – 35.
7. Липская Л. А. Вариативность как системообразующая основа развития отечественного образования (педагогико-антропологический аспект): автореф. дис... доктора пед. наук: 13.00.01. Магнитогорский гос. ун-т. Магнитогорск, 2007. 43 с.
8. Огурцов А. П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб. : РХГИ, 2004. 520 с.
9. Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск : Харвест, 2000. 784 с.
10. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 490 с.
11. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб. : Наука, 2000. 272 с.

ДИАЛЕКТИКА «ПУБЛИЧНОГО» И «ПРИВАТНОГО» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ

И.С. Голубев

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
vanya2010@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи Х. Арендт о статусе свободы индивида в эпоху тоталитарных государств. Автор анализирует влияние тоталитарного господства на социальную природу человека. Отмечается глубокая связь свободы мышления и способности к экзистенциальной самореализации. Рассматриваются категории «публичное» и «приватное» в их историко-философской и актуальной развертке. Устанавливается диалектическая природа данных категорий, обосновывается принципиальная невозможность доминирования либо «публичного» либо «приватного» в жизни человека. Делается вывод о необходимости гармоничного развития и сосуществования данных сфер реализации индивида.

Ключевые слова: *свобода, государство, власть, тоталитаризм, «публичное», «приватное», политика, масса.*

THE DIALECTIC OF «PUBLIC» AND «PRIVATE» IN HANNAH ARENDT'S POLITICAL PHILOSOPHY

I. S. Golubev

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the main ideas of H. Arendt on the status of individual freedom in the era of totalitarian states. The author analyzes the influence of totalitarian domination on the social nature of man. There is a deep connection between free thinking and the ability to existential self-realization. The categories «public» and «private» in their historical-philosophical and relevant development are considered. The dialectic nature of these categories is established, the fundamental impossibility of the dominance of one of them in a person's life is substantiated. The conclusion is made about the need for harmonious development and coexistence of data in the spheres of realization of the individual.

Key words: *freedom, state, power, totalitarianism, «public», «private», politics, mass.*

Осмысление феномена свободы человека всегда являлось одной из ключевых задач философии во всём многообразии её направлений. Однако в политической философии (тем более, в политической теории) данная проблематика до относительно недавних пор не была чётко артикулирована, поскольку, понятие свободы рассматривается, чаще всего, в юридически-правовом ключе или, как это распространено в аналитической традиции, является объектом морально-этического рассмотрения. В свою очередь, в ракурсе политической философии именно Ханна Арендт одной из первых анализирует проблему свободы примени-

тельно к современной социальной действительности.

Представляется необходимым начать анализ темы с рассмотрения в целом представлений о свободе в эпоху тоталитарного господства. Тоталитаризм, порождая тотальный террор – важнейший инструмент по подавлению прав и свобод, – не существует только лишь согласно воле тоталитарного лидера или для создания обстановки войны «всех против всех». Его цель заключается, прежде всего, в том, чтобы заменить «правовые границы и каналы коммуникаций между людьми поистине стальными скрепами, которые так сильно стягивают их, что людское многообразие как бы исчезает в одном человеке гигантских размеров» [1, с.604]. Но тоталитаризм не только сужает права и уничтожает неподходящие ему по идеологическим причинам способы коммуникации – деятельность тоталитарного государства направлена на уничтожение понятия свободы в умах и сердцах людей, затрагивая экзистенциально-личный уровень её восприятия. Тоталитаризм «разрушает самое необходимое условие всякой свободы, которая по сути своей есть способность к вольному движению, не могущая существовать без определенного социального пространства для каждого» [1, с.605]. Отсюда становится понятным, что для Арендт свобода индивида – это, прежде всего, свобода политическая, – свобода голоса, как осуществления собственного политического выбора, того самого «вольного движения». Получается, что *свобода может быть реализована только в пространстве социальных отношений* – в государстве, так же как во времена античности реализация свободы индивида была единственно возможной в полисе. Контроль над сферой социальных отношений, т.е. над сферой реализации экзистенциальной свободы индивида вполне понятен как самоцель тоталитарного государства, которое будет тем мощнее, чем сильнее будет этот контроль. Однако даже тотальный террор, как один из самых действенных способов массового управления, не способен полностью лишить индивида свободы или хотя бы представлений о наличии таковой. Вообще же, само по себе понятие свободы, как отмечает Арендт, является очень неудобным для всякого тоталитарного режима ещё и в силу того, что оно неразрывно связано с «простым фактом, что люди рождаются и что тем самым каждый человек потенциально становится началом обновления и в каком-то смысле начинает мир заново. С тоталитарной точки зрения этот факт рождения и смерти людей должен считаться досадной помехой высшим силам» [1, с.605]. Именно поэтому тоталитаризм и направлен не просто против свободы слова или свободы совести, но против всякой свободы, дающей индивиду право действовать исходя из личных, не-идеологических и не-природообусловленных соображений.

Способность к самостоятельному мышлению есть свобода мышления, поэтому тоталитаризм уничтожает существующие его формы, подменяя собственными формами дискурса, каждая из которых основана на авторитарно-жесткой логике, на принудительном характере, как самого мышления, так и мыслимого явления. Идеологический характер мышления, призванный казалось бы объединять людей, на деле их лишь разобщает, оставляя наедине с застывшими логически неопровержимыми максимами. Находясь под давлением доминирующей идеологии, человек теряет контакт с реальностью, с близкими ему людьми и, в результате, то-

тального террора остаётся один на один с тоталитарной машиной. При этом, тоталитаризм не требует святого соблюдения его идеологических догм, напротив, «идеальный подданный тоталитарного режима – это не убежденный нацист или убежденный коммунист, а человек, для которого более не существуют различия между фактом и фикцией (т.е. реальность опыта) и между истиной и ложью (т.е. нормы мысли)» [1, с. 615], – иными словами, это и есть человек, у которого отсутствует подлинная свобода.

Вместе с тем, происходит также эволюция представлений о «публичном» и «приватном» бытии конкретного индивида, всё многообразие практик которого может быть выражено в форме дихотомии, диалектического противостояния этих двух сфер. «Публичное» понимается Х. Арендт как особый уровень социальной открытости индивида, стремящийся к максимальному тем более, чем более «публичную» жизнь он ведёт, т.е. добровольно предоставляя окружающим возможность «открыто» вступать в пространство его социальных практик. В этой связи любопытна ремарка автора, согласно которой для греков понятие совершенства, находило своё выражение именно в сфере «публичного». Это свидетельствует о наличии связи между античными и современными представлениями о публичном, поскольку и сегодня предполагается, что если человек выносит собственные практики в сферу «публичного», значит, он в совершенстве владеет ими. С другой стороны, выход в «публичное» пространство свидетельствует о некоторой деиндивидуализации субъекта и о его готовности пожертвовать чем-то интимно-личным.

Ещё один важный момент, касающийся сферы «публичного» состоит в том, что именно в этой сфере происходит легитимация собственных представлений, мышления индивида. Более того, «публичное» даёт ему чувство реальности происходящего, поскольку предоставленный самому себе человек едва ли до конца может быть в этом уверен. «Публичное» «объективирует» человека, т.е. констатирует его наличие вне зависимости от его воли. Говоря иными словами, в терминах экзистенциализма, «публичное» выступает в качестве Другого для индивида, не просто фиксируя его существование, но даже *заставляя* существовать. Здесь же уместно вновь обратиться к рассмотрению опыта телесной боли, поскольку, заглушая все чувства, она, тем самым, вырывает индивида из пространства реального, лишает его реальности, что очень тяжело переживается в сфере «приватного». С другой стороны, не всё, что попадает в сферу «публичного» реализовывается в своей экзистенциальной полноте, – наоборот, «существует большое число вещей, которые не выдерживают блеска, каким постоянное присутствие других людей заливает публичное пространство, терпимое лишь к тому, что оно признает релевантным, достойным всеобщего разглядывания и выслушивания, так что все иррелевантное автоматически становится приватным делом» [2, с.68].

В русскоязычном пространстве слово «приватное» обычно понимается как «частное» или «личное». Для Арендт оно означает, прежде всего, уход в субъективность, выраженный в отказе от объективного признания, которое, как уже отмечалось выше, возможно только лишь в сфере публичного. Иными словами, это можно понимать как отказ от легитимации Я через не-Я, через Другого. «Приватный характер приватного лежит в отсутствии других; в том, что касается этих

других, приватный человек не выступает в явленность, словно как если бы его вообще не было. Все, что он делает или упускает, остается лишено значения, не имеет последствий, и что его задевает, не касается больше никого» [2, с. 76].

На этих словах, на наш взгляд, следует остановиться подробнее. Заметим, что сама Арендт полагает, что характер «приватного» как такового, сущностно не изменился в период развития общества от Античности к Новому времени, в отличие, от характера «публичного». Хотя, конечно, это не означает, что Новое время никак не повлияло на «приватное». Экзистенциальная пустота и состояние «лишенности смысла» становится массовым явлением, затрагивая также и сферу «публичного». По мнению Арендт, «причина, почему дело дошло до такой крайности, заключается, конечно, в том, что массовое общество «...» не только лишает людей их места в мире, но отнимает у них также защиту их собственных четырех стен, в которых они некогда чувствовали себя укрытыми от мира, и где во всяком случае также и те, кого исключила публичность, могли найти эрзац действительности теплоте своего домашнего очага внутри границ семьи» [2, с.77]. Говоря другими словами, известное выражение «мой дом – моя крепость» становится более неактуальным, а сам дом превращается в жилище, лишённое всякого смысла, кроме смысла функционально-служебного.

С угасанием «публичного», которое постепенно сводится к участию в партийно-политической системе отношений индивидов в пределах государства, начинает возрастать роль «приватного». Арендт отмечает, что этот процесс начинается ещё с возникновения христианства, которое делало ставку как раз на развитие внутреннего мира человека, а участие в общественной жизни понимало, скорее, в качестве ещё одного испытания со стороны Града Земного на пути к Граду Божьему. Далее возрастание роли «приватного» продолжается уже после секуляризации в странах Европы, – более того, социализм (в различных своих вариациях), как доминирующее политическое течение того времени прибегает к сходной с христианством аргументации. Ведь бесклассовое общество, по сути, означает общество *без и вне политики*. Говоря словами самого исследователя: «Глядя со стороны политического, различие между христианством и социализмом незначительно, поскольку состоит в разной оценке не публичности и мира, а только человеческой природы, чья греховность в одном случае велит рассматривать государство как необходимое зло на кратком протяжении земной жизни, а в другом случае появляется надежда отделаться от государства уже на земле» [2, с.78]. Отмиранию «публичного» способствовал также факт перехода «политического» в сферу экономических, моральных или каких-либо иных отношений, основанных как раз на частных предпочтениях самих индивидов. Однако возвышение «приватного», по мнению Арендт, лишь кажется таковым. Она отмечает взаимозависимость двух сфер, которые обладают диалектической природой не в смысле неразрешимого противоречия или попеременного доминирования одного над другим, а в смысле того тождества, которое возникает в результате союза человека и окружающего его мира. Соответственно, констатация смерти «публичного» заставляет нас переосмыслить дальнейшую судьбу «приватного».

Проследить наличие взаимной связи между этими феноменами Арендт

предлагает, на основе анализа понятия собственности, которое необходимо присутствует в обеих сферах. Она понимает собственность радикально иначе, отмечая, что последняя «была первоначально привязана к одному определенному месту в мире и как таковая не только "недвижима", но даже тождественна с семьей, занимавшей это место. «...» Не иметь никакой собственности значило не иметь родового места в мире, которое называлось бы своим собственным, т. е. быть кем-то, кто миром и организованным в нем политическим организмом не предусмотрен» [2, с.80]. Иными словами, Арендт вновь постулирует экзистенциальную важность собственности, понимая её как опять-таки экзистенциальную возможность осуществления «приватного». Владение собственностью предоставляло место для свершения тайны, и «ее неприкосновенность состояла потому в теснейшей связи со святостью рождения и смерти, с сокровенным началом и сокрытым концом смертных «...». Как такое место потаенности, где под родным кровом люди находят защиту от света публичности, появляются на свет и умирают, но не проводят жизнь, где, стало быть, происходит то, во что никакой человеческий глаз и никакое человеческое знание не проникают» [2, с. 81].

Соответственно, по мнению немецкого философа, «политическое» как «публичное» учреждается, в том числе и для охраны интимной (понимаемой не как сексуальной, но как экзистенциально-личной) жизни индивида. «Приватное» же понимается ей как нечто, что должно быть ограждено, ограничено «публичным» через законы, которые Х.Арендт трактует не в плане совокупности запретов, но скорее наоборот – как совокупность действий индивида, рождающих полис, который, в свою очередь, охраняет и сохраняет «сокровенное».

Библиографические ссылки

1. Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни. СПб. : Алетейя, 2000. 446 с.
2. Арендт Х. Разговор с Гюнтером Гаусом // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. №1. С. 3-23.
3. Аронсон Д. О. Способность суждения и ее связь с политической ответственностью / Х. Арендт. Ответственность и суждение. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 7-24.

УДК 16(075.8)

НАУЧНЫЕ ПОНЯТИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

А.В. Грехов

ФГБОУВО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
пл. Минина и Пожарского, 10/1, 603005, Нижний Новгород, Российская
Федерация
grekhov@yandex.ru

Аннотация. Процесс социального познания есть процесс перехода от одних научно-исследовательских программ к другим. Совокупность социального знания складывается из достижений социально-гуманитарных наук. Стабилизация и посту-

пательность социального познания зависима от общенаучных традиций, дестабилизация связана с общенаучными революциями. Эволюция традиционно-научного знания и его приращение отражаются в формировании новых понятий и в отказе от ряда устоявшихся. Понятие, адекватно отражающее действительность, – истинно. Понятие как форма научного отражения действительности рождается естественным образом как социальная практика. Одна научная субстанциальность уступает место другой естественно-закономерным образом. Искусственное отторжение от научно-исследовательской программы общепринятых научным сообществом, сущностных понятий является прямым источником фальсификации социального знания.

Ключевые слова: *научный факт; научные понятия; «новоязные» понятия; социальное знание; фальсификация.*

SCIENTIFIC CONCEPTS: CONTINUITY IN FORMATION OF SOCIAL KNOWLEDGE

A.V. Grekhov

Privolzhsky Research Medical University

10/1, Minin sq., 603005, Nizhny Novgorod, Russian Federation,

Annotation. The process of social cognition is a process of transition from one research program to another. The set of social knowledge is comprised of socio-humanitarian sciences' advances. Stabilization and ongoing process of development of social cognition depend on general scientific traditions, destabilization is connected to scientific revolutions. The evolution of traditional scientific knowledge and its incrementing are reflected in new concepts' formation and in rejection of the well-established ones. A concept which adequately reflects reality is true. Concept as a form of reality's scientific reflection naturally originates as a social practice. One scientific substantiality is naturally and logically replaced with another. The artificial exclusion of substantial concepts shared by scientific community from a research program is a direct source of social knowledge's falsification.

Key words: *scientific fact; scientific concepts; «newspeak» concepts; social knowledge; falsification.*

Преемственность и инновационность, интернализм и экстернализм, эволюция и искусственное вживление – актуальные проблемы современного социально-гуманитарного познания в аспекте понятийного аппарата. Понятия в науке формируются не хаотичным процессом, а целенаправленной исследовательской деятельностью, результатом которой становится выработка полноценного научного понятия. Научное понятие институтирует наиболее существенные свойства, отношения и закономерные связи изучаемого предмета. При этом содержание понятия всегда беспредельно, поэтому для ученых предоставлены широкие возможности для уточнения понятий, свободного пользования ими. Если научная деятельность есть творческий процесс, то оперирование понятиями и формирование их также предполагают творческую раскрепощенность. Поступательный научный прогресс заключается в том, что ученые углубляют познание комплекса наиболее существенного или отдельных его частей с целью выявления определенных закономерностей функционирования данного исследуемого предмета. Обнаружение, подтверждение и выведение законов исторического движения – главная цель понятийной реконструкции социального познания.

Формирование научных понятий – естественный эволюционный процесс. Э. Кассирер убедительно показал, что введение в научный оборот новых понятий не предполагает субъективного игнорирования несущественных признаков и отказа от «устаревших» понятий. Основная функциональная предназначенность понятий, по его мнению, заключается в том, чтобы придать представлению о предмете «определенность»; в процессе познания «определенные содержательные элементы» объединяются в «определенные общности» [1]. Научное понятие есть амбивалентный продукт, синтез суждений уходящей исторической эпохи и концептов современности с учетом достижений социально-гуманитарных наук.

В приложении к роману «1984» Дж. Оруэлл эскапически продемонстрировал внедрение в коммуникационный лексикон максимально обедненного языка – «новояза», образованного из английского языка путем существенного сокращения и упрощения его словаря [2]. Нечто схожее происходит в современном научном языке социального знания. Внедрение обществоведческого новояза основано, в основном, на принципе тотального замалчивания прежних общепринятых в научном обороте понятий и замене их инновационными понятийными конструктами. Такая методика становится абсолютно ненаучной, поскольку легитимирует анти-исторический принцип отрицания определенных содержательных характеристик исторического факта, явления или процесса, разрушая вырабатываемый веками философский принцип соотношения общего и единичного, части и целого.

Ведущей целью «новояза» в социально-гуманитарных науках становится размывание содержания понятий, ограничение логики высказываний и сужение возможных границ человеческого мышления. Научные факты лежат в основе исторического знания, они закрепляются в сознании и передаются от поколения к поколению посредством научного языка. Сущность научного факта, его смысл наиболее ёмко и точно выражается языком в форме понятий, категорий, законов, умозаключений, теоретических концептов. Первичными единицами научного языка являются понятия, выраженные в виде отдельных слов-терминов или словосочетаний. Закрепленные в терминах понятия отражают наиболее общие закономерные связи, существенные стороны и признаки научных фактов. Они могут видоизменяться, совершенствоваться, дополняться, но не отбрасываться за ненадобностью или в угоду политической конъюнктуре.

С последним как раз и сталкивается современная социальная гуманитаристика, когда отдельные понятия полностью игнорируются или заменяются, якобы, подобными. Новационные понятия при этом нередко перестают отражать сущностное содержание исторических фактов. Границей излома, как это ни странно, является приверженность неолиберализму в его глобалистском измерении. Неолиберализм активно внедрился в социально-гуманитарные науки и ему присущ прагматический, прикладной характер [3]. В силу этого в понятии на ведущие позиции начинает выходить не содержательная, а объемная константа. Устремленная погоня и увлеченность за идентификацией понятийного набора в социальной практике приводят к тому, что научно-философское познавательных акторов нарушается [4]. Подобная ситуация тревожит, поскольку в процессе коммуникативного взаимоотношения субъекты научной деятельности аффилиру-

ют то или иное научное понятие, а достигаемое ими понимание способствует дальнейшему продвижению исследовательского процесса. Действительно, подвергая каузальному исследованию конкретный предмет, обозначенный понятием, ученый может системно определить множественную совокупность его реперных признаков, реализуя поставленную цель. Но, даже не обладая всей совокупностью признаков, ученый может смело исследовать известную ему часть признаков, а далее, эксплицируя их, выводить неизвестные науке признаки. Корректировка, апробация, шлифовка научных понятий в социальном познании – признак живого научного целого. Понятия очень часто внедряются в научный обиход в пробном формате, провоцируя на их максимальное уточнение. При этом провокационная функция понятийного аппарата социального познания активно стимулирует дальнейшее научное продвижение. Поступательное приращение научных знаний и одновременно уточнение научных понятий представляют собой единое целое социального знания. Стремление к получению законченного, верифицируемого понятия можно считать утопическим занятием, поскольку для научного сообщества важна общепризнанность, а не объективная законченность.

В сферу современного российского социального знания суггестивно внедряются «новоязные» понятия, неадекватно или искаженно отражающие реалии: «миротворческая акция» вместо «военная интервенция», «свобода» вместо «безответственность», «тоталитаризм» вместо «советская демократия», «социальный конфликт» вместо «классовая борьба» и пр.. На рубеже XIX–XX вв. крупнейшие отечественные историки В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Д.И. Иловайский, Е.Ф. Шмурло и др., а за ними и советские обществоведы, использовали, например, понятие «класс» с целью объективного вскрытия причинно-следственных закономерностей общественного развития. Современные социологи, используя термины «слои», «страты», «социальные группы», не отражают сущностного содержания того явления, которое скрывается за вербальной формой. В итоге происходит не только подмена понятий, но и деформация истинного восприятия исследуемого предмета: «новоязные» понятия уже не несут сущностно-содержательной нагрузки конкретного исторического явления.

Терминами «глобализм», «постиндустриальное общество», «цивилизованный мир», «демократическое сообщество», «страны семерки» и пр. вытесняются бытовавшие целое столетие научные понятия «капитализм» и «империализм», крайне популярные среди гуманитариев в XIX в. Первое понятие введено в политическую науку французским историком Луи Бланом, а окончательно утвердилось после появления в 1902 г. книги немецкого экономиста, социолога, историка В. Зомбарта «Современный капитализм». Второе понятие ввел в научный оборот английский экономист Дж.-А. Гобсон, который в 1902 г. опубликовал работу «Империализм». Под «империализмом» понималась государственная политика, направленная на завоевание территорий, колоний, установление политического или экономического контроля над другими государствами. С позиций марксистской философии данным термином вскрывалась эксплуататорская сущность политики ведущих капиталистических держав.

В дальнейшем данные понятия совершенствовались и углублялись, вплоть

до появления к XXI столетию естественным образом понятия «глобализм». В научной терминологии «глобализм» подразумевает развитие общественных отношений в лице и в рамках надгосударственных транснациональных структур – МВФ, НАТО, Всемирный банк, ВТО и др., стремящихся монополизировать всю мировую систему. Глобализм агрессивно наступает и вытесняет национально-государственную и культурную идентичность народов планеты, их самостоятельность.

Прошло столетие с выявления особенностей империализма, именуемого сегодня или постиндустриальным обществом, или информационным обществом, или обществом устойчивого развития. Изменилась ли сущность современного империализма/глобализма? Ответ утвердителен: нет! Правда, агрессивно-эксплуататорское содержание современной капиталистической системы стало более латентным. Паразитизм этой мировой системы тщательно маскируется и камуфлируется, но огромное количество конкретных фактов демонстрирует ее истинную сущность.

Паразитизм современного глобализма откровенно и безапелляционно проявился в «цивилизованном» двадцать первом столетии в форме вторжения самого «миролюбивого» государства США в Ирак, в форме антиправового уничтожения «демократическим» Евросоюзом Ливийской Джамахирии. Примеры паразитизма современного капитализма/глобализма не единичны, они типичны и многообразны. Повторяемость – признак закономерности, выявление ее отличает научность от дилетантизма. Надо признать антинаучной ситуацию, когда из научного языка выбрасываются или замалчиваются понятия и категории, несущие в себе сущностное содержание. Замена таких понятий акцидентными приводит к софизму: терминологическая оболочка понятия отрицает его сущностное содержание. Это – антинаучность. Более того, ценность научного понятия заключается в его синтезирующей способности. Это означает, что апробированное в научном обиходе понятие способствует взаимообщению и взаимодействию смежных и даже независимых научных отраслей. Искусственное введение в научный оборот спекулятивных понятий таит в себе угрозу дестабилизации междисциплинарного общения, фальсификации адекватного социального знания, общественного недоверия и игнорирования последнего. Следовательно, логика социального процесса и роста социального знания формирует логику движения, развития и роста понятий. Соответствие научных понятий социальному процессу, отраженному в социальном знании, служит надежной концептуальной и методологической опорой для дальнейшего научного движения. С другой стороны, неадекватность целостности «содержание–форма» вносит диссонанс в феномен единства всего сущего, ведет к дисгармонии как самой науки, так и человеческого сообщества. Внедрение чужеродных элементов–«понятий» нарушает траекторию сменяющих друг друга понятий и способно привести к кризису конкретного направления социально-гуманитарных наук. Следует признать, что в реальной действительности социальные науки тесно связаны с идеологией и политикой. Идеологические штампы и политические штампы, вторгаясь в научные сферы, редуцируют научные понятия, нарушая их онтологический статус. В результате сущность реальной социальной действитель-

ности выражается виртуальным понятием, а прежнее субстратное понятие, адекватно отражавшее социальные реалии, искусственно отторгается. Наука теряет свою прогностическую функцию.

Библиографические ссылки

1. Кассирер Э. Познание и действительность. М.: Гнозис, 2006. 400 с.
2. Оруэлл Дж. 1984. М. : АСТ, 2019. 320 с.
3. Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (Коллект.) / А.В. Грехов, А.Н. Фатенков [ред.]. М. : Аквилон, 2019. 336 с.
4. Свак Д. Опыт микроисториографии М. : Аквилон, 2019. 288 с.

УДК 101 + 572.1/.4 + 304.2

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «КАПИТАЛ»

Ю. В. Дедолко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
dedolko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философско-методологическому анализу концепта «капитал» в социогуманитарном познании. Произведена историко-философская реконструкция формирования понятия «капитал» в протонауке и философии. Показано влияние мировоззренческих установок и культурных универсалий на трансформацию понятия «капитал» на различных этапах развития науки (классическом, неклассическом, постнеклассическом). Выявлены атрибуты капитала, его виды (материальный и нематериальный), формы (экономический, символический, культурный, социальный, человеческий, интеллектуальный), а также комплементарное взаимодействие различных форм капитала на современном постиндустриальном этапе общественного развития. Автор статьи, исходя из традиции Минской методологической школы, обосновывает интегративный статус философии и выявляет перспективы трансдисциплинарного синтеза естественных и социогуманитарных наук в исследованиях феномена капитала.

Ключевые слова: капитал; научное познание; методология; трансдисциплинарные исследования.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «CAPITAL»

Julia V. Dedolko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article devoted for the philosophical and methodological analysis of the concept of «capital» in socio-humanitarian knowledge. The historical and philosophical reconstruction of the formation of the concept of "capital" in the pre-scientific and philosophy periods was performed. The influence of ideological attitudes and cultural universals on the trans-

formation of the concept of «capital» at various stages of the development of science (classical, non-classical, and post-non-classical) was shown. Attributes and types of capital (material and non-material), forms of capital (economic, symbolic, cultural, social, human, and intellectual) as well as the complementary interaction of various forms of capital in the modern post-industrial stage of social development were revealed. The article was based on tradition of the Minsk's Methodological School. The author of the article substantiated the integrative status of philosophy and revealed for prospects of transdisciplinary synthesis of natural and social sciences and humanities in the study of the phenomenon of capital.

Keywords: *capital; scientific knowledge; methodology; capital; transdisciplinary research.*

Во второй половине XX в. в Белорусском государственном университете на базе кафедры философии гуманитарных факультетов зародилась Минская методологическая школа, проводившая исследования в области философии и методологии науки. Руководителем кафедры в этот период и основателем школы являлся известнейший белорусский и, впоследствии, российский философ, академик РАН В. С. Стёпин. Исходя из критического анализа позитивистской «программы очищения науки от метафизики» В. С. Стёпин разработал деятельностный подход в философии науки, выявил и обосновал социокультурную обусловленность научного познания (метатеоретический уровень научного познания), а также вычленил в истории развития науки три периода (классический, неклассический и постнеклассический). Большое внимание В. С. Стёпин уделял проблеме взаимодействия философии и науки, которое осуществляется путём отбора, конкретизации и адаптации философских идей научными дисциплинами и обратно к философской рефлексии над новыми категориальными смыслами.

Взаимодействие философии и науки отражено в трансформации концепта «капитал», имеющего длительную историю формирования, включающую период протонауки, а также три этапа развития науки. В экономических исследованиях капитал выступает как ценность, обладающая атрибутами превращения, приращения и обращения, однако историко-философская реконструкция показывает, что феномен ценности как таковой исследуется философами, начиная с Античности (Платон, Аристотель, стоики), что позволяет наделить её статусом мировоззренческой универсалии культуры. Согласно В. С. Стёпину, мировоззренческие универсалии трансформируются в философские категории, а затем в научные концепты, обретающие в процессе развития новые характеристики и определения. Этимология понятия «капитал» отсылает к латинским корням (от лат. «caput» – «голова», «главный») (Ф. Бродель, Э. де Сото). Изначально словом «caput» именовали голову крупного скота, а с развитием товарно-денежных отношений римляне стали чеканить монеты с изображением головы быка, как символа богатства. В Средневековье капитал приобретает землевладельческий характер, а экономическая жизнь общества рассматривается с моральной точки зрения на предмет её соответствия церковным канонам (Фома Аквинский). Таким образом, в Античности и Средневековье философами были зафиксированы общие смыслы универсалии ценности, её соотношение с богатством. Понятие «капитал» не сформировано, но зафиксировано в смыслообразах. В эпоху Возрождения (XV – XVI вв.) появились попытки

исследования феномена капитала меркантилистами (У. Стаффорд, Г. Скаруффи, Т. Ман, А. Сера, А. де Монкретьен), обнаружившими в сфере обращения такие атрибуты капитала как превращение и приращение богатства. Классики политэкономии У. Петти и П. Буагильбер усмотрели природу капитала в производстве и разработали теорию трудовой стоимости. Физиократ Ф. Кенэ считал капитал орудием производства и результатом земледелия и подразделял капитал на основной и оборотный. А. Тюрго произвёл демаркацию капитала и денег, а А. Смит считал капиталом запасы государства или частного лица, от которых ожидается получение дохода, средством накопления – бережливость. В Новое время происходит демаркация понятий богатства, денег и капитала, разрабатывается структура капитала. В начале XIX в. Ж. Б. Сей и С. де Сисмонди зафиксировали абстрактную сущность капитала, как постоянной ценности, которая приумножается, обособляется от создавшего её продукта и обращается в метафизическую и нематериальную величину, воплощенную в различных формах. Ж. Б. Сей и С. де Сисмонди рационализировали суть капитала и закрепили её в определении: «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» [1, с. 146]. Понятие капитала в работах К. Маркса приобретает статус социально-экономической категории, отражающей определенный тип классовых отношений. Заслугами К. Маркса являются эмпирическое обоснование теоретических положений политэкономии, попытка формализации экономических процессов, применение исторического метода к анализу проблем политэкономии, развившейся впоследствии в экономическую теорию как научную дисциплину. Процесс формирования экономической теории как научной дисциплины пришёлся на этап классической науки и характеризуется всеми присутствующими ему признаками, заимствованными из классического естествознания.

В начале XX вв. закладываются основы неклассического этапа развития науки и объектами исследований становятся сложные саморегулирующиеся системы как в естествознании, так и социогуманитарных науках, развиваются междисциплинарные исследования. В экономической теории появляются школы, анализирующие экономические феномены в их взаимосвязи с социокультурным контекстом и историческим развитием (институционализм, монетаризм). В Чикагской школе в 60-х гг. XX в. оформился концепт «человеческий капитал» (Т. Шульц, Г. Беккер), а в 80-х гг. XX в. П. Бурдье сформулировал концепт «символический капитал» и произвёл демаркацию форм капитала на экономический, культурный и социальный. Концепция социального капитала развивается в работах американских авторов Р. Патнэма, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы, Р. Бёрта и др. С переходом общества к информационному этапу развития выкристаллизовалась концепция интеллектуального капитала (Дж. Гэлбрейт, Т. Стюарт, Л. Эдвинссон). Междисциплинарные исследования в социально-гуманитарном познании неклассического этапа наделили понятие «капитал» большим количеством взаимодополняющих и пересекающихся коннотаций. Однако, хотя не все из укоренились в научном дискурсе, они дали импульс к переосмыслению проблемы ресурсов, демаркации капитала на материальный и нематериальный виды.

В конце XX в. формируется постнеклассический этап развития науки, специфическими чертами которого, согласно В. С. Стёпину, являются: анализ слож-

ных саморазвивающихся систем, в том числе социальных; синтез эволюционизма и системного подхода; междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования; ориентация на решение актуальных социальных, экономических и политических проблем; расширение системы научных ценностей и идеалов. Трендом современной науки является трансдисциплинарный подход, ориентированный на формирование целостного образа объекта в совокупности его взаимосвязей. Таким образом, если в политэкономии классического периода науки капитал рассматривался как материальный объект, то в неклассической – в состав капитала включаются гуманистические и социальные ценности (образование, знания, доверие и пр.). Постнеклассический этап исследований феномена капитала, особенно его нематериальных форм, невозможен без синтеза достижений социогуманитарных и естественных наук в рамках синтетической эволюционной парадигмы.

Поскольку различные формы капитала обладают комплементарным воздействием друг на друга, а в постиндустриальном обществе возрастает значимость нематериальных форм капитала (символического, культурного, социального, человеческого, интеллектуального), воплощённых в человеческой личности и сети социальных взаимодействий, нам следует исходить из учета биологического, психологического и социального триединства человека. Новейшие исследования (Э. Уилсон, Д. Свааб и др.) в области специализированных дисциплинарных направлений биологии (социобиология, нейробиология) и антропологии (физическая, социокультурная антропология) свидетельствуют о том, что антропо- и социогенез взаимосвязаны и взаимообусловлены. Философия позволяет наиболее гармонично реализовать трансдисциплинарный подход и осуществить гармоничную интеграцию дисциплинарных исследований, обеспечивая, тем самым, целостность концепта «капитал».

Библиографические ссылки

1. Маркс К. Капитал. М. : АСТ, 2001. 564 с.

УДК 1:004.8

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Д. Г. Доброродний

Республиканский институт высшей школы
ул. Московская, 15, 200007, Минск, Республика Беларусь,
danila_dobr@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются философские аспекты проблемы разработки искусственного интеллекта (ИИ). Разработка ИИ вызывает одновременно панику и восторг у различных представителей общественности и требует всестороннего осмысления. Наибольшее внимание направлено на достижение технологической сингулярности, создание сильного ИИ и свехразума, и на последствия этих достижений. Филосо-

фия может предложить универсальные регулятивные принципы, которые следует положить в основание разработок ИИ, чтобы предотвратить негативные последствия его использования. Философия также предлагает онтологическое и этическое переосмысление статуса информационных объектов, обладающих ИИ.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; технологическая сингулярность; категорический императив; информационная онтология; информационная этика.*

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

D. G. Dabrarodni

National Institute of Higher Education

Moskovskaya str., 15, 200007, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the philosophical aspects of the problem of artificial intelligence (AI) development. The development of AI causes both panic and delight among various members of society. The greatest attention is directed to the achievement of technological singularity, the creation of a strong AI and supermind, and the consequences of these achievements. Philosophy can offer universal regulatory principles that should be put in the basis of the development of AI, to prevent the negative consequences of its use. Philosophy also offers an ontological and ethical rethinking of the status of information objects with AI.

Keywords: *artificial intelligence; technological singularity; categorical imperative; information ontology; information ethics.*

Тема создания и использования искусственного интеллекта (ИИ) в различных его формах привлекает огромное внимание не только представителей современной технауки, но и специалистов социогуманитарного профиля, а также широких масс общественности. Данная тема имеет прямое отношение и к философской рефлексии, поскольку затрагивает фундаментальные философские вопросы о природе человеческого сознания и мышления, их структуре и функциях. В расширительной трактовке она затрагивает проблему определения самого человека и возможности переосмысления его статуса во Вселенной.

Градус обсуждения феномена ИИ всё время повышается. Этому способствуют политические журналисты, которые представляют современные национальные программы финансирования разработок ИИ как новый виток гонки вооружений, поскольку считают технологический прорыв в данной области новым инструментом мировой гегемонии [1]. С другой стороны, нарастают панические настроения, провоцируемые продуктами массовой культуры, прежде всего, кинематографа. Создание ИИ связывается с достижением *технологической сингулярности* - взрывного экспоненциального роста научно-технических знаний и разработок [2]. Появление *сильного ИИ*, не уступающего человеку в своих возможностях, способного к самостоятельному развитию, а затем и *сверхразума*, многократно превосходящего человека в интеллектуальных способностях, характеризуется как последнее изобретение человечества. Последним оно может стать и в позитивном смысле (ИИ будет решать за человека все его проблемы, усилий для этого со стороны самого человека не понадобится) и в негативном (ИИ перехватит у

человека роль субъекта во всех отношениях и процессах, низводя его до материала или средства своей активности). При этом возможное время появления сильного ИИ представляется вполне достижимым – середина XXI века [3]. Такая историческая близость данного события, а также рисуемые масштабы перемен, конечно, вызывают весьма эмоциональные реакции среди журналистов и их читателей. По этому поводу высказывали свои опасения и такие известные персоны из мира науки и бизнеса высоких технологий, как С. Хокинг, Б. Гейтс и И. Маск.

В этой ситуации у философии есть возможность внести важную лепту в обсуждение темы искусственного интеллекта, не ограничиваясь отсылкой к технико-технологическим аспектам проблемы, но и не впадая в популизм. Философия обладает достаточным теоретическим и методологическим потенциалом, чтобы осмыслить данную проблему в историческом и социокультурном контексте, представить возможные последствия для человека и общества, но главное, обозначить реальные проблемные точки, требующие глубокого анализа, а не просто эмоциональной реакции принятия или сопротивления.

Тезис о возрастающем значении информационных (даже интеллектуальных) технологий в жизни человека и общества в целом является бесспорным, но, с философской точки зрения, он требует дополнительного осмысления, чтобы избежать последующих поспешных выводов в духе технологического детерминизма. Информационные технологии являются не только фактором исторического развития человечества, но и продуктом этого развития, следствием реализации социального запроса на перемены определенного характера. Это приводит нас к первой фундаментальной проблеме – осознанию цели создания технологии искусственного интеллекта, осознанию того предназначения, которое мы сами вкладываем в эту технологию. Напрямую с этим связана задача по определению базовых параметров функционирования данной технологии, ее гуманистической сущности, или как говорят специалисты «*дружественности ИИ*» по отношению к человеку и окружающей среде в целом [4]. Об этом давно писали фантасты, например, А. Азимов о трех законах робототехники. Но об этом часто не думают инженеры-программисты, которые решают прикладные задачи и не задумываются об отдаленной перспективе эволюции их разработок и возможных глобальных последствиях.

Данная задача хорошо знакома философии, которая уже имеет для нее целый ряд достаточно универсальных решений, например, категорический императив И. Канта – поступай так, чтобы человек всегда был целью, но никогда средством. Универсальность императива позволяет учитывать и случаи использования технологии ИИ для нанесения непосредственного вреда человеку (высокотехнологический терроризм и киберпреступность), а также ситуации манипулирования человеком в коммерческих целях (использование персональных данных в маркетинговых целях) или планирования и реализации социально-экономической политики (повышения эффективности производства за счет сокращения численности персонала). Мы не можем предсказать абсолютно все последствия использования технологий ИИ, именно поэтому необходимо закладывать универсальные регулятивные принципы в основу их разработки.

Другой важный философский аспект проблемы разработки ИИ связан с определением онтологического и этического статуса объектов (или субъектов?), обладающих ИИ. В философии информации Л. Флориди информационным объектом признается любая часть живой и неживой природы, все, что существовало, существует или будет (может) существовать, все, что так или иначе участвует в коммуникационных взаимодействиях, обеспечивает возникновение, передачу или сохранение знания, то есть обеспечивает существование инфосферы.

Современный мир наполнен информационными объектами (роботы, программы, инженерные артефакты и др.), которых нельзя назвать живыми, однако они обладают высокой ценностью и значимостью в системе информационных обменов. В связи с этим Л. Флориди в качестве основы новой информационной этики провозглашает высшую ценность информации и информационных объектов. Ценностью обладает все то, что представляет собой информацию и способствует ее приумножению: артефакты, далекие звезды, прошлые и будущие поколения, древние цивилизации и современные компьютерные программы. В таком случае абсолютным злом является любое разрушение информации и обеднение инфосферы (энтропия, в терминологии Л. Флориди) [5]. Злом является все то, что вызывает энтропию или способствует ей, добром – все то, что стимулирует рост инфосферы. Нравственный поступок оценивается с точки зрения благополучия инфосферы, он может совершаться даже неодушевленным информационным агентом, например компьютерной программой, защищающей данные, производящей вычисления (положительный поступок) или разрушающей эти организованные данные и целые информационные системы (отрицательный поступок).

Такой философский взгляд на онтологический и этический статус информационных объектов позволяет преодолеть антропоцентристскую предвзятость по отношению к разработкам в области ИИ и включить их в круг не только значимых объектов человеческой среды обитания, но и придать им более автономное и самодостаточное положение аксиологически значимых объектов Вселенной.

Библиографические ссылки

1. Thompson N., Bremmer I. The AI cold war that threatens us all [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.wired.com/story/ai-cold-war-china-could-doom-us-all>. Date of access: 04.06.2019
2. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era [Electronic resource]. Mode of access: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>. Date of access: 04.06.2019
3. Urban T. The AI Revolution: The Road to Superintelligence [Electronic resource]. Mode of access: <https://waitbutwhy.com/2015/01/artificial-intelligence-revolution-1.html>. Date of access: 04.06.2019
4. Floridi L. Should we be afraid of AI? [Electronic resource]. Mode of access: <https://aeon.co/essays/true-ai-is-both-logically-possible-and-utterly-implausible>. Date of access: 04.06.2019
5. Floridi L. Information: A Very Short Introduction. Oxford, 2010. 106 p.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ГОСПОДСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

А.И. Екадумов

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
ekadumov@gmail.com

Аннотация. В глобальном мире сосуществуют два режима контроля насилия и получения богатства: ограниченный и открытый доступ. В обоих режимах угроза насилия является основанием власти, но ее роль неодинакова. В ограниченном доступе богатство и власть обеспечены эксклюзивными возможностями осуществлять насилие. Открытый доступ, воспроизводясь посредством созидательного разрушения, увеличивает ресурсы власти благодаря инклюзии, связанной с производством новых благ и возможностей. Способности открытого доступа к вовлечению подвластных в соучастие с анонимной властью значительно превосходят возможности ограниченного доступа обеспечивать лояльность персонифицированной власти правителей. Производя все новые возможности для подвластных, открытый доступ вызывает в обществах ограниченного доступа не только эрозию рент, но и девальвацию насилия как эффективного ресурса власти.

Ключевые слова: *естественное государство; открытый доступ; ограниченный доступ; власть; насилие; модернизация.*

DEVALUATION OF VIOLENCE: PROBLEMS OF TRADITIONAL DOMINATION IN GLOBAL SOCIETY

A. I. Ekadumov

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. In the global world two modes of controlling violence and obtaining wealth coexist: limited access order and open access order. In both access orders the threat of violence is the basis of power, but its role is not the same. In limited access order, wealth and power are provided with exclusive opportunities to carry out violence. Open access order, reproduced through creative destruction, increases the resources of power through inclusion, the production of new goods and opportunities. The ability of open access order to the involvement of the subordinate in complicity with anonymous power greatly exceeds the ability of limited access order to ensure the loyalty of the personalized power of the rulers. By producing new opportunities for subordinates, open access order causes not only the erosion of rents in limited-access societies, but also the devaluation of violence as an effective resource of power.

Keywords: *natural state; free access order; limited access order; power; violence; modernization.*

В глобальном обществе сосуществуют два порядка организации экономики и контроля над насилием: «естественное государство» (ограниченный доступ) и открытый доступ [1]. Первый сформировался в древности, второй – результат и

основание модернизации. Прояснение перспектив сосуществования этих порядков господства требует их сравнительного анализа.

Ограниченный доступ приумножает богатства и власть экстенсивно. Их распределение обусловлено степенью угроз, исходящих от подвластных. Это обстоятельство описывает Н. Макиавелли, анализируя отношения правителя с народом и знатью [2]. В домодерном государстве нет унифицированных правил извлечения рент и осуществления насилия [1], а власть государя дискретна и проявляет себя в избыточном насилии [3]. Власть в современном обществе континуальна, юридически унифицирована и способствует производству новых источников рент [1]. Два фактора, отмеченные М. Фуко и Н. Луманом, следует учесть при анализе власти в обоих порядках доступа. Это специфика телесных репрезентаций господства в современном и домодерном обществе, и тенденция к упрочнению власти по мере расширения возможностей, предоставляемых ею подвластным [3; 4]. М.Фуко характеризует домодерную власть суверена как дискретную, сконцентрированную в теле властителя, чья способность распоряжения подвластными осуществляется в посредничестве тел, от короля к вассалу, чиновнику и так далее, до тела палача и, в пределе, к телу караемого врага или преступника. Современное государство, машина гражданского состояния, чью концептуализацию предпринимает Т. Гоббс [5], претендует на тотальность власти, и даже репрезентируя себя в фигуре монарха, иначе организует отношения тел правителя и подданных.

Персонифицированный суверен Т. Гоббса с его властью над телами наделяется ею над людьми как обладателями этих тел. Соответственно, и это же акцентирует Дж. Локк, власть санкционируется подданными. Суверенность изначально рассеяна в дополитической массе индивидов, и по заключению общественного договора, сосредотачивается в институтах государства [6]. Тотальность гражданского состояния обеспечивается деперсонализацией суверенитета. Персоны отделяются от институтов. Бессрочные организации, универсальность юридических правил и анонимно-институциональное устройство насилия знаменуют открытый доступ [1]. Защита от возвращения войны всех против всех не может гарантироваться иначе, как всеобщностью правил, континуальностью оберегающей их власти, не подлежащей присвоению. Власть лишается фиксированного центра в некотором теле. Это власть института, организующая телесное сосуществование индивидов, но не предполагающая избыточности или недостатка ее телесных проекций, выхода за универсальные ограничения насилия. В соответствии с учением Дж. Локка «Левиафан» Т.Гоббса расчленяется. Его персонифицированная телесная репрезентация становится все более эфемерной. Континуальная современная власть требует исчезновения привилегированного центра-источника, будучи привязанной к которому она неизбежно оказалась бы дискретной. Могущество Левиафана, расчлененного на ветви власти, распределяется континуально, в идеале обеспечивая равную доступность всех тел монопольному государственному насилию.

Современный политический порядок сформировался как система господства, основанная на взаимности, континуальности отношений власти: государства над гражданами, а граждан над государством. В качестве объекта власти граждане об-

разовали население, но в качестве субъекта они предстали как народ, чей коллективный суверенитет сочетается с анонимной континуальностью биополитики.

В открытом доступе одни и те же множества тел являются и телами властвующих, и телами подвластных, тогда как персональная власть государя и знати распределяется иначе. Эксклюзивность их возможностей оплачивается дискретностью власти. Независимость от подданных, асимметрия могущества, возможная в отсутствие универсальных правил и оберегающей их анонимной машины насилия, оборачивается ограниченными возможностями распоряжаться телами, удаленными от суверенных персон. Так же и обращенная власть подданных над сувереном умалется по мере удаления от его тела. Соответственно, размеры рент в естественном государстве определяются близостью к этому телу, способностью контролировать его или нанести ему вред.

Распределение богатства в естественном государстве так же асимметрично-дискретно, как и отношения господства. Дискретность власти государя выражается не только в ее чрезмерном ситуативном насилии, компенсирующем прерывность избыточностью, но и в дискретном, неравномерном распределении возможностей, даруемых подданным. При этом милость государя не самодостаточна, она требует обеспечения способностью реализовать угрозу насилия. Доступ знати к рентам обеспечивается той же способностью.

Ущербность ограниченного доступа, режима извлечения выгод из регулирования взаимных угроз, в сравнении с открытым доступом – растрата власти в насилии. Порядки ограниченного доступа испытывают угрозу истребления богатства в борьбе за власть с помощью прямого насилия, поскольку в естественном государстве вооруженная сила не отделена от источников богатства, и способность к прямому насилию является ключевым фактором в доступе к рентам, позволяющим покупать лояльность. Страх – чувство, которое государь всегда должен быть способен внушать подданным.

Прямое насилие, как инвестиция в господство, призванная утвердить его в будущем, расходует власть в настоящем, уничтожая ресурсы и тела. Государь и знать вынуждены постоянно балансировать между распределением рент и распределением насилия. Этому искусству – оптимально сочетать расправы и подкуп, посвящен «Государь» Макиавелли. Но государь гарантирует благоприятное положение дел на подконтрольной территории личными качествами и ради личной власти, в то время как модерное государство, в проекте – неподвластный персональному произволу автомат, гарантирующий естественные права независимо от личности правителя.

В открытом доступе ресурсы насилия отделяются от источников богатства. Власть смещается от профессионалов насилия к производителям новых рент, запускающих созидательное разрушение. Власть организуется не вокруг угроз утраты ресурсов, а вокруг избытка новых возможностей. Проблемы, возникающие при такой реорганизации в институтах ограниченного доступа, эксплицируются положением Н. Лумана о прямой зависимости между прочностью власти и масштабом свобод, предоставляемых подвластным [4].

Режим открытого доступа постоянно саморазрушается и воссоздается, про-

изводя возможности, избыточные относительно прежнего состояния. Лояльность открытому доступу покупается ростом его способностей удовлетворять притязания. С каждым последующим циклом созидательного разрушения производится избыток свобод относительно предыдущего цикла.

Естественное государство либо экстенсивно и неравномерно увеличивает возможности за счет захвата чужих ресурсов, либо перераспределяет неравенство в доступе к наличным возможностям. Максимальные возможности предоставляются знати, минимальные простонародью. Но, будучи дискретной и убывающей с удалением от тела монарха или его представителя, такая власть даровать ренты также ограничена и в организации жизни подданных. Эксклюзивность ограниченного доступа не сочетается с эффективностью и гарантиями открытого доступа. Последний основан на инклюзии, всеобщности прав и обязанностей.

Суверенитет монарха в гоббсовом государстве утверждается соглашением подвластных как выражение сконцентрированной мощи Левиафана. Однако при ее сосредоточении в теле абсолютного правителя возникает проблема тотальности государственной власти, как обязательного условия пресечения индивидуального произвола догражданского состояния, на который указывает Дж. Локк. [6] Сосредоточение Левиафана в государе ведет не к устранению естественного состояния, а к его реорганизации.

Абсолютный монарх в отношении подданных сохраняет асимметричные возможности произвола. Подданные остаются в опасности, но не войны всех против всех, а войны одного со всеми. Пребывая в политическом состоянии, они оказываются перед воплощенной властью, оставшейся в естественном состоянии и способной подняться над правилами, гарантированными государственным насилием. Так власть силы, персонифицированная и сконцентрированная в монаршем теле, снова распределяется в зависимости от близости к нему и способности сопротивляться, причиняя ему вред. Именно эту дискретизацию власти провоцируют элиты естественного государства, стремясь обрести блага открытого доступа, но сохранить эксклюзивный доступ к возможностям и контролю над насилием.

Преследуя выгоды открытого доступа, элиты естественного государства инициируют модернизацию, оплачивая преимущества модерна утратой эксклюзивных возможностей и национализацией ресурсов легитимного насилия. В соответствии с концепцией власти Н. Лумана, по мере продуцирования новых ресурсов обеспечения лояльности, т.е. новых возможностей свободы для подвластных, открытый доступ производит в ограниченном доступе не только эрозию старых рент, но и девальвацию насилия. Даже если масштабы насилия в ограниченном доступе не возрастают, они воспроизводятся в контрасте с ростом благосостояния, производимого открытым доступом. Уровень толерантности к насилию, расходуемому властью над телами, все более зависит от преумножения ресурсов власти, связанных не с угрозами расправы, а с избыточным предложением возможностей для подвластных.

Созидательное разрушение, производя новые возможности, инициирует более глубокое и тесное соучастие подданных в укреплении власти, гарантирующей это производство. При попытках естественного государства всего лишь за-

консервировать ранее приемлемые масштабы произвола, расход его власти в насилии с течением времени все равно будет усиливаться, поскольку его власть обеспечивается угрозами расправы на фоне возрастающих выгод сообщничества с бессубъектной властью открытого доступа. Девальвация легитимного ранее насилия будет происходить из-за и относительно нарастающих масштабов позитивно мотивированного соучастия во властных практиках открытого доступа, обеспечивающего новые возможности. Власть насилия и рудиментарные формы домодерного суверенитета девальвируются не сами по себе, но в связи с нарастанием власти избыточного предложения, основы господства в открытом доступе.

Библиографические ссылки

1. Норт Д., Уоллис Д, Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
2. Макиавелли Н. Государь. М. : Планета, 1990. 84 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
4. Луман Н. Власть. М. : Праксис, 2001. 256 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 487 с.
6. Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–405.

УДК 101.1+378

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: В ПОИСКАХ ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ

А.И. Зеленков

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
zelenkov-antl@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается социокультурная перспективность и методологическая инструментальность интегральной модели преподавания философии на различных уровнях высшего и постдипломного образования в университетах Беларуси. Подчеркивается, что философия, как уникальный компонент культуры, выполняет важнейшие мировоззренческие и методологические функции не только в познании, но и в социальной практике. Опыт большинства современных университетов мира свидетельствует о том, что философия является также актуальным образовательным проектом. Но если в западной традиции доминируют различные версии аналитико-инструментальной стратегии преподавания философии, то отечественные философские и культурные традиции ориентируют на разработку интегральных и мировоззренчески значимых моделей преподавания философских дисциплин. Отмечается, что один из вариантов такой модели разработан в Белорусском государственном университете. Она предполагает выделение трех уровней преподавания философии для бакалавров, студентов магистратуры и аспирантов. В статье раскрываются содержательная специфика и научно-методическое обеспечение философских курсов, преподаваемых на каждом из этих уровней. Рассмотрены некоторые проблемы и возможные перспективы совершенствования профессионально-

ориентированной академической программы по специальности «Философия», направленной на подготовку специалистов в сфере преподавательской и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: философское образование; бакалавриат; магистратура; аспирантура; университет; инновационные образовательные технологии.

PHILOSOPHICAL EDUCATION IN BELARUS: IN SEARCH OF A PROSPECTIVE MODEL

A.I. Zelenkov

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Socio-cultural prospects and methodological instrumentality of the integral model of teaching philosophy at various levels of graduate and postgraduate education at universities of Belarus are substantiated in the article. It's emphasized that philosophy, as a unique component of culture, fulfills the most important ideological and methodological functions not only in cognition or scientific knowledge, but also in social practice. The experience of most modern universities in the world suggests that philosophy is also a relevant educational project. In contrast to the Western tradition, under which analytical and instrumental strategies of teaching philosophy are dominated, domestic philosophical and cultural traditions are oriented towards the development of integral and world-viewable models of teaching philosophical disciplines. It is noted that one of the variants of such a model was developed at the Belarusian State University. It involves the allocation of three levels of teaching philosophy for bachelors, graduate and postgraduate students. The article reveals the content specificity and methodological support of philosophical courses taught at each of these levels. Some of the problems and possible prospects for improving the professional-oriented academic program in the specialty "Philosophy", aimed at training students in the field of teaching and research activities are also considered in the article.

Keywords: philosophical education; baccalaureate; magistracy; postgraduate study; university; innovative educational technology.

Сегодня общепризнанным считается утверждение о том, что преподавание социально-гуманитарных дисциплин является важнейшим ресурсом формирования мировоззренческих основ стиля жизни и подлинной культуры мышления. Уникальную роль в этом процессе всегда играла философия. Аргументировать этот тезис можно многими причинами, но, по меньшей мере, о двух из них стоит сказать особо. Во-первых, характер и постоянно увеличивающаяся сложность, неоднозначность тех задач, с которыми сталкивается современный специалист - выпускника вуза, убеждают в том, что сегодня уже явно недостаточно овладеть фиксированной совокупностью узкопрофессиональных знаний и навыков, т. е. преуспеть в освоении ремесла. Сегодня важно также научиться адекватно отвечать на вопросы о социальном и ценностном значении новых знаний и технологий, а это предполагает формирование системных навыков аналитического мышления, способности решать конкретно-научные и технологические задачи с учетом их мировоззренческих, идеологических и социокультурных измерений и параметров. Именно курс философии является в данном случае наиболее эффективным и уникальным, поскольку мировая и отечественная философия за многие столетия свое-

го существования разработала категориальный и методологический аппарат, не овладев которым, трудно рассчитывать на успешное решение современных научных и социальных задач. Во-вторых, философия приобщает студента к великому духовному наследию и достижениям мировой культуры, которые на протяжении многих столетий создавало и продолжает создавать человечество. Подлинно творческое, критическое и в то же время конструктивно-созидательное мышление вне и помимо философской традиции сформировать невозможно. Об этом красноречиво свидетельствуют не только история, но и современный образовательный опыт ведущих университетов мира.

Такие безусловные ценности современной западной культуры, как самопознание, критическое мышление, демократия, вне постижения философской традиции сформированы быть не могут. Конечно, в западных университетах философия преподается по-разному. Существует множество академических программ и концепций такого преподавания, определяемых специфическими особенностями национальных традиций, ментальных и социокультурных установок сознания, наконец, статусом того или иного университета в мировой табели о рангах. Как правило, среди этого плюрализма подходов преобладают локальные философские программы, ориентированные на чтение специализированных курсов, по возможности максимально учитывающих профили базовой подготовки студентов. Иными словами, чаще всего в западной традиции представлена аналитически-инструментальная версия преподавания философии.

Отечественные философские и культурные традиции позволяют предложить более универсальную и, очевидно, более предпочтительную в мировоззренческом отношении интегральную модель преподавания философии на различных уровнях высшего и постдипломного образования. В 90-е годы XX века складывается кардинально новая конфигурация мирового сообщества, и человечество оказывается перед вызовом глобальных трансформаций в важнейших сферах жизнедеятельности большинства стран и регионов планеты. В этих условиях перед философским сообществом возникает сложнейшая задача – обосновать новую концептуальную модель курса философии, ориентированного на традиции мировой философской мысли и несводимого только к марксистской философии. На этой основе предстояло сформировать принципиально иную парадигму понимания природы и функций философии в культуре, образовании, социальной жизни. Выполнение этой масштабной социокультурной задачи было успешно начато и продолжается сегодня усилиями ведущих представителей философской интеллигенции на всем постсоветском пространстве. Аналогичные процессы идут и в Беларуси, где накоплен определенный опыт в создании современной системы философского образования.

Необходимо отметить, что современное состояние философии, как научной дисциплины и учебного курса, характеризуется высокой степенью проблематизации, очевидной размытостью парадигмальных основ и предметной неопределенностью. Эта тенденция релятивизации философской культуры приобрела осязаемые очертания в постклассической философии. В последней трети XX столетия она заметно усилилась и была дополнена самокритикой философского сознания в

контексте идей и ценностей эпохи постмодерна. Сегодня остается немало вопросов, касающихся объема и содержания философских курсов, которые преподаются на разных уровнях высшего и постдипломного образования (бакалавр, специалист, магистр, аспирант). Нередко на всех этих уровнях философия представлена в формах прежних концептуальных идей и подходов, несущественно варьирующих основные содержательные компоненты курса марксистско-ленинской философии. Конечно, такая анахроничная практика едва ли может способствовать продуктивному решению существующих проблем в преподавании философии и, по существу, лишает нас возможности учитывать в этом процессе как широкий спектр идей классического философского наследия, так и влияние современных философских исследований. Очевидно, что программа конструктивного реформирования сложившейся практики философского образования должна органично сочетать принципы преемственности и установку на системно-инновационное использование информационных и методологических ресурсов современной философии. Такая ориентация, а также многолетний опыт преподавания философских дисциплин в Белорусском государственном университете позволили предложить и обосновать комплексную модель чтения философских курсов для студентов, магистрантов и аспирантов [1].

Исходя из целей и задач университетского образования на первом ее уровне в рамках базового курса «Философия», который ориентирован на бакалавров, закладываются основы философско-мировоззренческой подготовки студентов и обеспечивается возможность освоения ими мировой классической философской традиции в форме системно организованного знания. На втором уровне, который может включать либо студентов-выпускников по программе «специалист», либо обучающихся по магистерским программам, предполагается курс «Философия в современном мире». Отличительной особенностью этого курса является его акцентированная направленность на проблематику и содержательные особенности современной философской мысли. Основная цель курса заключается в том, чтобы, опираясь на базовые знания по философии, которые уже имеются у студентов, познакомить их с наиболее значительными и актуальными идеями и концепциями современной философии. Очевидно, что в условиях реформирования сложившейся практики преподавания философии и в связи с переходом на многоуровневую систему курс «Философия в современном мире» должен читаться на разных факультетах с учетом профиля подготовки будущих специалистов. Реально это означает, что под рубрикой курса «Философия в современном мире» можно предложить несколько его модификаций, например: 1) «Философская антропология и современная философия культуры» (для студентов гуманитарно-филологического профиля); 2) «Современная социальная философия и философия истории» (для студентов, обучающихся в области социальных наук и исторических дисциплин); 3) «Развитие естествознания и современная аналитическая философия» (для студентов математических и естественнонаучных специальностей и др.). Такой подход, учитывающий фактор профилизации философского образования и возможности его дифференциации и углубления, соответствует современным тенденциям и широко представлен во многих западных университетах. Третий уровень фило-

софского образования должен быть ориентирован на задачи философско-методологического обеспечения научно-профессиональной деятельности аспирантов. Он предполагает чтение курса «Философия и методология науки», в котором основной акцент сделан на творческом осмыслении того сегмента философской проблематики, который имеет непосредственное отношение к вопросам логики, методологии, социологии науки и образования.

Такая комплексная модель преподавания философских курсов в рамках университетской образовательной программы позволяет вполне эффективно использовать новейшие технологии обучения, а также находить перспективные развязки по ряду дискуссионных вопросов, касающихся преподавания философии. К ним, как правило, относят: 1) проблему органичного сочленения в рамках университетского курса философии классического философского наследия и постклассических концепций и идей; 2) проблему предметной определенности философии и четкое уяснение ее специфики по отношению к таким формообразованиям культуры, как наука, искусство, религия; 3) проблему сочетания профессионально-академических стандартов в преподавании философии и интенций на коммуникативно-просветительскую деятельность, связанную с актуализацией образно-визуальных и супестивно-риторических техник общения с аудиторией.

Разрабатывая данную модель преподавания философии и специализированных философских курсов в БГУ, как университете классического типа, ее авторы понимали, что предлагаемые парадигмальные и методологические новации требуют соответствующих инновационных трансформаций и в дидактически-инструментальной сфере. Известно, что преподавание философии в классических университетах, как правило, базировалось на изучении канонических текстов и сочинений, которые наиболее полно и репрезентативно представляли тематическое пространство традиции и задавали важнейшие тренды ее трансформации и развития. Основополагающим инструментом при этом было звучащее и значимое слово, т. е. устный дискурс и вербальное общение составляли основу профессиональной философской коммуникации. В эпоху Средневековья такая вербальная практика сводилась к чтению канонического набора первоисточников и последующему их обсуждению в рамках официально санкционированных диспутов. Позднее эта ориентация была существенно дополнена различными герменевтическими и интерпретативными практиками. Однако доминирующим по-прежнему оставался устный и письменный философский дискурс.

В современных условиях очевидной визуализации культуры и активного использования мультимедийных технологий в самых различных ее сегментах, в том числе и в образовании, проблема оптимальной технологии преподавания философских знаний обнаруживает свою очевидную нетривиальность и дискуссионный характер. С одной стороны, безусловная укорененность современных философских идей и концепций в классической традиции, а также глубинная семантическая контекстуальность философских текстов требуют акцентированного использования апробированных веками методов и форм устного общения преподавателя философии с его слушателями. В процессе такого общения воспроизводятся тончайшие нюансы подлинного смысла философских текстов и конструируется

широкое поле их возможных интерпретаций. В то же время философия не может оказаться вне современных тенденций активной визуализации информационных потоков, рискуя превратиться в архаическую практику вербального общения с аудиторией. Возможно, выход из этого противоречия необходимо искать в творческом и всякий раз индивидуально избранном сочетании этих двух форм трансляции философских знаний.

К сожалению, приходится констатировать: описанная модель преподавания философии, которая на протяжении более пятнадцати лет успешно использовалась в БГУ, в настоящее время стала уже достоянием истории. Несмотря на то, что за этот период времени она убедительно продемонстрировала свои очевидные преимущества, конструктивность и высокий образовательный потенциал, было принято решение существенно ее трансформировать и радикально сократить как по содержанию, так и по количеству академических часов, отводимых на общеобразовательный курс философии.

Современные унифицирующие технологии социально-гуманитарного образования, в которых все более отчетливо доминируют формальные критерии в ущерб содержательным и мировоззренчески значимым параметрам учебных курсов и программ, весьма рельефно проявились и в последних реформах образовательной сферы в нашей стране. Так, 1 сентября 2013 года в соответствии с решением Министерства образования Республики Беларусь был санкционирован очередной этап реформирования образовательной сферы и, в частности, высшей школы. Весьма значительной трансформации была подвергнута система социально-гуманитарного образования. Большинство ее специальностей было решено перевести на четырехлетний цикл обучения в рамках первой ступени высшего образования. Блок социально-гуманитарных дисциплин, которым традиционно и вполне обоснованно уделялось большое внимание в подготовке специалистов с высшим образованием, претерпел кардинальные изменения. Была предложена так называемая модульная система преподавания этих дисциплин, в рамках которой достаточно произвольно объединялись экономика и социология, политология и идеология современного белорусского государства, история, этика, эстетика и т.д. Весьма экзотический модуль был предложен и под названием «Философия». В нем отчетливо просматривается попытка механически сочленив искусственно урезанную программу предшествующего курса по философии в количестве 76 академических часов и некоторую часть тем из предшествующих курсов по педагогике и психологии. Данная сомнительная новация привела к тому, что студентам предлагается весьма эклектичная и зачастую поверхностная совокупность знаний о каждой из этих дисциплин без достижения их разумного синтеза. Еще большие проблемы возникают при этом в сфере технологий организации учебного процесса, что приводит к методическим и психологическим потерям, как для студентов, так и для преподавателей, в проведении лекций, семинарских занятий и, в особенности, экзаменов и зачетов. Конечно, в контексте тех процессов, которые происходят сегодня в экономической, социальной и образовательной сферах белорусского общества, идея своеобразной оптимизации и сокращения учебного времени, отводимого на изучение социально-гуманитарных дисциплин, должна

быть оценена реалистически, как вполне современная и своевременная. Вместе с тем, конкретная форма ее реализации в виде предложенной модульной системы оказалась недостаточно продуманной и обоснованной. Об этом красноречиво свидетельствует уже значительный накопившийся опыт ее внедрения в учебный процесс во многих вузах республики.

Данное обстоятельство инициирует очередной этап дискуссий и обсуждений дальнейшей оптимизации и реформирования системы преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла в высшей школе. В настоящее время по инициативе Министра образования Республики Беларусь организована рабочая экспертная группа, которой поручено подготовить проект новой «Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования». В этом проекте предлагается вернуть философии статус обязательной учебной дисциплины для всех специальностей и направлений профессиональной подготовки в вузах республики. К тому же планируется увеличить объем академических часов, отводимых на изучение философии и специальных философских курсов не только на первой, но и на второй ступени высшего образования. Все эти возможные новации в практике преподавания философии в ближайшем будущем позволяют взирать на это будущее со сдержанным оптимизмом.

Говоря о философском образовании в Беларуси, следует упомянуть и о его профессионально-ориентированной программе, которая предполагает подготовку специалистов в сфере преподавания философии, либо научно-исследовательской деятельности социально-гуманитарного профиля. Эта обширная и специальная тема, которая требует системного и контекстуального анализа. Если же обозначить лишь некоторые контуры этой темы, то важно отметить следующее. Традиции специального, философского образования в нашей стране имманентно связаны с историей Белорусского государственного университета. Именно в его стенах почти сто лет тому назад были открыты первые специальные программы в области философии и общественных наук. И сегодня единственная в Беларуси академическая программа по специальности «Философия» также существует только в БГУ на факультете философии и социальных наук.

Известно, что судьба философского образования в истории русской, а затем и советской культуры весьма специфична, если не сказать драматична. Это утверждение в полной мере можно отнести и к истории философского отделения в БГУ. Оно несколько раз закрывалось, затем возрождалось вновь. И лишь в 1966 году на первый курс этого, отделения впервые после длительного перерыва были зачислены 25 абитуриентов, выдержавших небывалый по нынешним временам конкурс более 10 человек на место. За эти 50 с лишним лет философская школа БГУ достигла значительных результатов, вошла в число самых известных образовательных и научно-исследовательских центров в области философии в СССР, а затем и на постсоветском пространстве. Достаточно сказать, что за этот период выпускниками философского отделения БГУ стали более 2200 специалистов, которые сегодня успешно трудятся практически на всех континентах нашей планеты, служа философии и приумножая традиции БГУ.

Конечно, современное состояние специального философского образования невозможно понять и адекватно оценить без уяснения тех кардинальных изменений, которые произошли в социальных и мировоззренческих устоях государства и общества в 90-е годы XX века. Эти изменения существенно трансформировали прежние приоритеты философского и социально-гуманитарного познания. Да и сама философия под давлением нахлынувшей волны потребительства и коммерциализации испытала очевидный шок растерянности духа и утраты социального статуса. Можно констатировать, что сегодня специальное философское образование находится в сложном, если не сказать кризисном состоянии. И параметры этого кризиса весьма серьезны и многообразны. Главное же состоит в том, что философия нередко оказывается за пределами социально востребованного знания, способного конструктивно и профессионально влиять на поиск и обоснование перспективных стратегий развития культуры и духовного производства. В современных условиях, когда провозглашен четкий курс на максимальную результативность и социальное внедрение любых научных и исследовательских проектов, такая перспектива может оказаться весьма драматичной для философии как важнейшего компонента всей системы социально-гуманитарного образования.

Выход из этого проблемного состояния предполагает разработку системной и социокультурно адекватной стратегии реформирования специального философского образования. Определенная работа в этом направлении осуществляется в последние годы и в Белорусском государственном университете. В данном случае уместно упомянуть лишь о нескольких перспективных с нашей точки зрения направлениях реформирования и модернизации подготовки специалистов в области философии. Одним из таких направлений может стать подготовка будущих специалистов в области экспертно-аналитической деятельности. Это направление призвано актуализировать практико-ориентированную стратегию современного гуманитарного образования. Оно предполагает содержательную и философско-методологическую подготовку специалистов-консультантов, способных осуществлять системный анализ нестандартных социальных ситуаций, а также экологических и социокультурных вызовов в развитии современного общества. Также вполне перспективной является разработка и внедрение в учебный процесс дифференцированных программ обучения. В рамках так называемой академической программы имеет смысл сохранить ориентацию на подготовку специалистов в области классической и современной философии с целью их дальнейшего обучения на постдипломном уровне и интеграции в профессиональное сообщество. Вторая программа должна быть ориентирована на ту часть студенческой аудитории, которая не связывает свои профессиональные перспективы с академической и преподавательской деятельностью. Их задача — получить хорошее философское образование, расширить свой культурный кругозор, используя его впоследствии в других сферах деятельности. Не менее актуальным направлением является развитие магистерских программ по основным направлениям философского знания. Причем эти программы должны варьироваться не только по параметру их академической или практико-ориентированной направленности, но и по формам бюджетного, либо внебюджетного финансирования. Современный мировой опыт и те

реформы образования, которые осуществляются в России и других странах СНГ, убедительно свидетельствуют о том, что престиж и реальный уровень университета в значительной степени зависят от количества и качества магистерских и докторских образовательных программ.

Библиографические ссылки:

1. Зеленков, А. И. Философия как академический дискурс и образовательный проект // Философия и социальные науки. 2016. № 3. С. 15–24.

УДК 141.7:303.732

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ
ЕГО СИСТЕМНОСТИ**

В.Н. Калмыков

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
ул. Советская, 104, 246019, Гомель, Республика Беларусь
kvn2201@gmail.com

Аннотация. Универсальными методологическими ориентациями современной науки выступают детерминистская, вероятностная, системная, эволюционная, коэволюционная и синергетическая. Они взаимосвязаны и способны перетекать друг в друга. Автор ставит цель применить системный подход к рассмотрению человека. Системная парадигма характеризует объект как ансамбль сторон, элементов и как развивающийся процесс. Моделирование в статье трактуется как прием исследования, который позволяет через мыслительный прообраз, идеальную конструкцию воспроизвести аналог некоего фрагмента действительности, в данном случае человека. Ставится задача выделить системные представления в истории философской мысли и некоторые направления системного анализа применительно к человеку; выразить собственную позицию, касающуюся двухмерной или трехмерной модели природы человека; показать, что между объектом и его моделью существует подобие и вместе с тем отличие; отметить достоинства и издержки идеальной конструкции человека.

Ключевые слова: человек; тело; объект; философская антропология; модель; идеальный тип; культура; вещь; процесс; элемент; социальность; интегративный подход; модус.

**THEORETICAL MODEL OF A MAN AS AN EXPRESSION
HIS SYSTEMACY**

V.N. Kalmykhov

Francisk Skorina Gomel State University
Sovetskaya str., 104, 246019, Gomel, Republic of Belarus

Annotation. The universal methodological orientations of modern science are deterministic, probabilistic, systemic, evolutionary, coevolutionary, and synergetic ones. They are interrelated and can flow into each other. The author aims to apply a systematic approach to the consideration of a man. The systemic paradigm characterizes an object as

an ensemble of aspects, elements, and as a developing process. The article interprets modelling as a research method, which makes it possible to reproduce the analog of a certain fragment of reality, in this case a man. It is done with the help of a mental prototype, an ideal structure. The task is to single out systemic notions in the history of philosophical thought and some ways of systemic analysis as applied to man; to express one's own position regarding a two-dimensional or three-dimensional model of human nature; show that there is a similarity and at the same time a difference between the object and its model; to note the advantages and costs of an ideal human structure.

Keywords: *man; body; an object; philosophical anthropology; model; ideal type; culture; thing; process; element; sociality; integrative approach; modus.*

Философия, по мнению И.Ф. Михайлова, «может пригодиться..., предложив методы и эвристику для создания концептуальных схем» [1, с. 21]. По нашему мнению, концептуальные схемы, иначе говоря, модель объекта (в нашем случае человека) является инструментом познания реального человека, выполняет систематизирующую функцию, обеспечивает методологическую «дисциплину» мысли, играет роль ориентира в научном поиске.

Проблематикой человека занимались многие мыслители. Выделю взгляды некоторых философов, которые касались человека с позиций системной парадигмы. Последняя характеризует объект как совокупность сторон, элементов, то есть как «вещь» и в то же время как процесс. Иначе говоря, система – развивающаяся целостность элементов. Аристотель, полагая, что человек есть общественное животное, наделенное разумом, нравственно совершенствующееся в справедливом государстве, выдвинул идею последовательного усложнения организации живых существ («лестницы существ»). Таким образом, философ дал набор признаков (сторон, элементов) человека: природность, социальность (совершенствование в государстве), разумность, нравственность и динамичность.

Фома Аквинский видел в человеке единство тела и души, рассматривал его как существо, промежуточное между животным и ангелом. В человеке усматривалась трагическая расколотость (противоречивость – В.К.). Он владеет божественным даром – свободной волей и одновременно находится в рабстве у своих страстей и влечений. Итак, этот средневековый философ трактовал человека как сумму сторон (тела и души) и как развивающийся процесс (через противоречивость). С позиций природности, духовности и динамизма подошел к человеку также Б. Паскаль, указывая, что человек – слабейшее из творений природы, но мыслящее существо, это и чудовище, и чудо [2].

Исходя из понимания человека как существа, принадлежащего двум мирам, – природной необходимости и нравственной свободы, И. Кант разграничивал философскую антропологию в «физиологическом» и «прагматическом» отношениях. Физиологическая антропология дает представление о том, что делает естественная природа из человека, а прагматическая – что человек делает из себя сам [3]. Согласно Ф. Энгельсу, человек всей плотью и кровью принадлежит природе. Однако главное в человеческой природе – социальная обусловленность. В рамках социальности проявляется такая черта человека,

как духовное проникновение в мир. Энгельс отметил: орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше (добавлю – глубже – В.К.), чем глаз орла [4].

В XX веке широкое распространение получил интегративный подход к пониманию природы человека. По мнению Н.А. Бердяева, человек поставлен перед многими мирами: обыденной жизни, религиозным, научным, художественным, политическим, хозяйственным. Эти миры кладут печать на формуляцию личности. Бердяев, как и предшествующие философы, видел диалектическую противоречивость человека: он ограничен и бесконечен, потенциально заключает в себе все, но актуализирует лишь немногое. Он есть существо, недовольное собой и способное себя перестраивать. А. Гелен полагал, что человек изначально был обречен на труд по причине своей природной слабости. Ключевыми при описании интегративности человека выступают понятия «действие» (связано с понятием «труд»), «сообщество», «культура». Социальные институты и нормы предстают в концепции Гелена в качестве форм, восполняющих биологическую недостаточность человека и реализующих его жизненные устремления. Г. Плеснер описывал человека в единстве его биофизических и духовных сторон, а управление своей жизнью человек осуществляет на основе культуры. Человек не только растворяется в мире, но и дистанцирован по отношению к нему. Достигнув чего-либо, человек не может успокоиться, а стремится к бесконечному самоизменению.

При построении модели человека необходимо опираться на некие онтологические и логико-концептуальные основания, фактологический материал, аргументацию. Г. Гегель писал, что наука предполагает не произвольные заверения по типу «а также», «вот еще», «далее следует», а наличие определенного обоснования понятий, мыслей, их расположение друг возле друга в определенном месте [5]. В качестве исходного онтологического обоснования рассмотрения модели человека выступает широко известная точка зрения Ф. Энгельса: «труд создал самого человека» [4, с. 144]. Вместе с тем, скептически относясь к трудовой теории происхождения человека, ряд исследователей (Тейяр де Шарден, Л. Мэмфорд и др.) особое внимание обратили на духовный фактор появления человека.

Используя логический прием дополнения, попытаюсь показать, что труд и духовность как факторы формирования человека оказываются не разорванными, противостоящими друг другу, а соединенными. Схема действий фиксировалась в мозгу и превращалась в логику мышления. Рука и тело приспособлялись к орудию труда, а орудие – к объекту (предмету труда) и субъекту (человеку). Рост числа связей и их усложнение увеличивали возможности рациональной оценки связей и развивали способность выбора. В процессе труда человек познавал не только внешние связи, но и внутренние свойства вещей, их предназначение, развивая свои аналитико-синтетические способности. Результат трудового акта по времени отдалялся от непосредственного действия, значит, в сознании формировались опосредованные причинно-следственные связи, воображение. Освоение участков земли для соби-

рательства, охоты, земледелия шло через перемещения в пространстве, что развивало широту мышления. Итак, действующая рука как непосредственно соприкасающийся с предметами орган готовила голову к умению думать, прежде чем сама стала инструментом исполнения планов и замыслов мозга [6]. Проведенный анализ продемонстрировал, что человек по своей структуре есть единое материально-духовное образование.

Существование человека в среде процессуально. Человек эпохи дикости и варварства уже был умелым, разумным, говорящим, оперирующим простыми орудиями труда и символами. Человек цивилизованный дополнительно приобретает новые свойства. Это человек-гражданин, опирающийся на право, технологический, политический, познающий научно и т. д. В современном естествознании выдвигается тезис о том, что эволюция человека как родового существа продолжается: действует стабилизационный и сдвигающий естественный отбор, происходит изменение психофизических функций [7], осуществляется эволюция нейронных систем мозга. Индивидуальное развитие личности не бесконечно, является восходяще-нисходящим. Биологическое и физическое развитие измеряется уровнем энергии в теле, состоянием обмена веществ и функций организма. Социальный возраст определяется уровнем социального развития, зависит от социально-культурных стереотипов, ожиданий, от овладения индивидом набором социальных ролей, от субъективного внутреннего представления личности о степени своего развития.

Системность человека выражена в его многофункциональности и модулях человеческого бытия. Человек не только продукт среды. Он – автор (актор) истории и мира культуры, который, осмысливая и оценивая реальность, выступает как действующий игрок (актер), выполняющий различные функции (роли) на сцене истории. В этом смысле он является производительной, социальной, политической и духовной силой общества. Важнейшими формами бытия человека выступают труд, мышление, речь, нравственность, разнообразные виды практики, самосозидание. Модулями человеческого существования являются отчуждение, страх, страдание, фантазия, игра, любовь и др.

Идея о биосоциальной структуре человека получила широкое распространение. Так, утверждается: «Человек – биосоциальное существо» [8, с. 79]. К биологической и социальной составляющим часто добавляется духовный компонент и утверждается, что природа человека «интегративна – единство био-, социодуховных начал» [9, с. 128]. Природное в человеке, его тело не сводится к биологическому. Л. Гальвани обнаружил у животных и человека электрическое поле, а Г. Бергер доказал существование электрических потенциалов, генерируемых мозгом. Б. Рассел писал, что человек – частица физического мира, его тело, подобно всей остальной материи, состоит из электронов и протонов [10, с. 66]. В природном организме человека помимо биологических и физических процессов протекают также химические реакции. Кроме того, человек еще выполняет функции механизма. Механические движения – результат активности мышц, а мышечные (физические) усилия человека возникают благодаря биохимическим процессам, последние развертываются в

том числе в зависимости от состояния человеческой психики. Функционирование тела связано с работой мозга и нервной системы, а через них – с психикой, с духовной жизнью индивида, с состоянием наших настроений, чувств, мыслей. Вместе с тем работа духа в известном пределе зависит от здоровья человека. Все переживаемое и творимое человеком содержит духовное: замысел, цель, мотив, интерес или иное побуждение к действию. При всем этом биологическая составляющая выступает «ядром» природного в человеке, что в некоторой степени оправдывает взгляды тех философов, которые понимают человека как биосоциальное существо.

На наш взгляд, возможны двухмерная или трехмерная модель природы человека. Двухмерная модель включает в себя природное и социальное в человеке, где духовное включено в социальное. В трехмерной модели человека духовное выступает как особая самостоятельная субстанция, имеющая определенные параметры [11]. Все фундаментальные структурные уровни природы человека в идеале и в определенной степени реально находятся в состоянии синхронности, совместного функционирования, взаимно подчинены друг другу. М. Вебер, разработавший методологическую категорию «идеальный тип», полагал, что параллельно может существовать несколько конкурирующих идеально-типичных конструкций, относящихся к одной и той же совокупности эмпирических данных. Действительно, любой конкретный идеальный тип является преходящим, относительным. Возможен лишь приближенный образ сложной реальности, в нашем случае человека. Тем не менее, модель может быть полезна для уяснения взаимосвязи и динамики важнейших, существенных элементов системы. Человек характеризуется детерминированностью и одновременно непредсказуемостью развития. Поэтому модель человека является в некотором роде определенной, четкой и открытой, незамкнутой, предполагая различные варианты его совершенствования.

Библиографические ссылки

1. Михайлов И.Ф. Прошло ли время философии? // Вопр. философии. 2019. № 1. С. 19–25.
2. Паскаль Б. Мысли. М. : изд. им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Соч. в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : Политиздат, 1987. 272 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики. 452 с.
6. Калмыков В.Н. Интегративный подход к пониманию природы человека / Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза: мат. Третьей междунар. научн. конф. Минск, 15–16 ноября 2018 г. / А. А. Лазаревич [пред.]. Т. II. Минск: Четыре четверти, 2018. 362 с.
7. Брызгалина Е.В. Генетика человека, социогуманитарное познание и практика // Философские науки. 2015. № 2. С. 144–147.
8. Основы философии: учебн. пособ. для вузов / Е.В. Попов [отв. ред.]. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 320 с.

9. Философия и методология науки: уч. пособ / Ч.С. Кирвель [и др.] Минск : Выш. шк., 2012. 639 с.

10. Рассел Б. Почему я не христианин // Избранные атеистические произведения. М. : Политиздат, 1987. 334 с.

11. Калмыков В.Н. Материально-идеальная, объективно-субъективная динамика мира. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. 128 с.

УДК 1+001.168

ПОСТАКАДЕМИЧЕСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Н.К. Кисель

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kiselnk@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является экспликация и исследование феномена «постакадемической» философии науки, становление которой приходится на рубеж XX и XXI столетий. Проблематизирован сдвиг философско-методологического дискурса в развитии современной философии науки. Констатируется внутренняя связь постакадемической философии науки с неклассической эпистемологией конца XX века, с одной стороны, и постакадемической наукой – с другой. Выявлены и проанализированы отличительные особенности постакадемической философии науки, такие как формирование новой проблематики в контексте междисциплинарности, синтагматический подход к развертке исследовательских практик, методология акторно-сетевой теории и «метод-сборка» в качестве инструментария исследования современной науки. Обозначены проблемные ситуации в осуществлении философско-методологического дискурса на этапе становления и развития постакадемической философии науки.

Ключевые слова: постакадемическая философия науки; неклассическая эпистемология; постакадемическая наука; междисциплинарность; технонаука; акторно-сетевая теория научного знания; «метод-сборка».

POST-ACADEMICAL TREND IN MODERN PHILOSOPHY OF SCIENCE

N.K. Kissel

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The purpose of the article is the explication and study of the phenomenon of «post-academic» philosophy of science, the formation of which falls on the turn of the XX and XXI centuries. The shift of philosophical and methodological discourse in the development of modern philosophy of science has been problematized. The internal connection of the post-academic philosophy of science with the non-classical epistemology of the end of the twentieth century, on the one hand, and post-academic science, on the other, was stated. Identified and analyzed the distinctive features of the post-academic philosophy

of science, such as the formation of a new perspective in the context of interdisciplinarity, the syntagmatic approach in the development of research practices, the methodology of actor-network theory and the «assembly method» as a tool for the study of modern science. The problematic situations in the implementation of philosophical and methodological discourse at the stage of formation and development of post-academic philosophy of science are identified.

Keywords: *post-academic philosophy of science; non-classical epistemology; post-academic science; interdisciplinary; technoscience; actor-network theory of scientific knowledge; «assembly method».*

Рубеж XX-XXI вв. характеризуется интенсивным развитием науки как таковой, с одной стороны, и ее философско-методологического осмысления – с другой. Философия науки на протяжении всей своей почти двухсотлетней истории демонстрировала неразрывную связь с эпистемологической проблематикой, прежде всего, классического толка. Становление неклассической эпистемологии в последней трети XX столетия повлекло за собой появление структуралистских, феноменологических, герменевтических и др. транскрипций традиционной философии науки, но основной вектор ее развертки был задан аналитическим движением в разнообразных его проявлениях.

При наличии глубокой внутренней связи с эпистемологией XX века, отошедшей от принципа субъективности, традиционная философия науки в своих методологических устремлениях не могла не считаться с бинарной оппозицией «субъект-объект познания», к чему ее побуждала специфика исследовательских практик в самой науке. Вместе с тем, в последние десятилетия XX века начинался процесс «пересборки эпистемологического» [1] и формирование постакадемической науки [2], для которой характерны изменения в структуре научного знания, оригинальные методологические новации, новые социальные статусы субъекта современного научного познания, инновационный характер взаимодействия науки и социальной практики, метаморфозы этоса науки. Данные обстоятельства во многом повлекли за собой существенный сдвиг философско-методологического дискурса в анализе состояния и перспектив развития современной науки. Результат этого процесса по аналогии с трансформациями, переживаемыми наукой как таковой, можно обозначить как феномен «постакадемической» философии науки. Обращает на себя внимание временной синхронизм в формировании постакадемической философии науки и новых исследовательских практик в самой науке. Так, развернутый междисциплинарный, а затем и возникший трансдисциплинарный контекст современного научного познания обнаруживает корреляцию с изменениями проблематики философско-методологического анализа. На смену относительно автономным сферам философского дискурса, таким как философия науки и философия техники, приходят Science and Technology Studies (STS), т.е., исследования науки и технологий. Этот один из ведущих трендов в современных философско-методологических исследованиях стремительно сближается с социальной философией, социологией науки и науковедением как междисциплинарной стратегией в изучении науки. STS акцентирует внимание не столько на социокультурной детерминации научного познания, что скорее характерно для постпозитивист-

ской философии науки, сколько на взаимодействии науки и общества в разных проекциях – экономической, инновационно-технологической, ценностной. В поле зрения STS оказываются реальные практики производства научного знания, коммерциализация науки в условиях когнитивного капитализма, разнообразные формы нелинейной взаимосвязи науки и техники, аксиологическое измерение постакадемической науки. Постакадемической науке, в частности, свойственна холистическая интенция в процессе модельной репрезентации объектов повышенной сложности, сопряженная с нацеленностью на проблемно-ориентированный научный поиск, так или иначе преследующий практический результат, реализацию требований, задаваемых контекстом будущих приложений, что можно проследить на примере технауки. Это, в свою очередь, инициирует новые подходы в реализации философско-методологической рефлексии над наукой в основных ее проекциях в современном обществе. Освоение новых проблемных полей в постакадемической философии науки предполагает формирование оригинального концептуального аппарата. Наряду с традиционными понятиями «наука» и «научная дисциплина», в философско-методологическом исследовании, как показывает опыт обращения к STS, в употребление входит термин «технология». Это же имеет место в специальных научных практиках, в чем убеждает обращение к разделу современной физики, нацеленному на исследование наноразмерной предметной области микромира и именуемому нанотехнологией. Так же складывается ситуация относительно наименования конвергирующих НБИК-технологий, за которыми скрываются трансдисциплинарные направления научного поиска.

Одним из самых репрезентативных трендов постакадемической философии науки является акторно-сетевая теория научного познания (АКТ). Развиваясь, прежде всего, в рамках социальной эпистемологии, АКТ позволила по-новому взглянуть на процесс научного познания сквозь призму идей радикального конструктивизма. Университетская и академическая наука всегда отличались сложной иерархической структурой, в то же время для современной постакадемической науки в силу вступают гетерогенные, нежесткие структуры организации исследовательской деятельности. С одной стороны, это, например, совершенствующаяся система получения грантов на проведение научных изысканий, а с другой – появление сетевых узлов, модернизирующих сам процесс научных исследований. Это дает возможность АКТ трактовать науку как процесс гетерогенной инженерии, рождающий синтагматические комплексы социальных, технических, концептуальных и текстуальных по своей природе составляющих. Тем самым осуществляется отход от основополагающих установок, присущих предшествующей философии науки и философии техники: противопоставления общества и природы, природных и технических комплексов, объекта и субъекта познания, истины и заблуждения, структур и процессов и т.д.

На смену разделению на социальные и природные феномены приходит обращение к технологии, позволяющей описывать взаимное наложение «человеческого и не-человеческого», и тем самым уходить от субъект-объектной дихотомии, свойственной традиционной философии науки. Критики АКТ обращают внимание на то, что данный подход к тому же стирает различие и между социаль-

ным и несоциальным, что не может не вызывать неприятия у консервативных представителей социологии научного знания.

Корреляцию тенденций в развитии современной науки и ее философского осмысления демонстрирует сходство методологических установок. В постакадемической науке в силу большой сложности исследуемых объектов и многофакторности их детерминации на смену аналитически прозрачным фундаментальным и частным теоретическим схемам приходят своеобразные «черные ящики». Так, в рамках технауки, ведущей, например, поиск новых лекарственных форм, базисные исследования предполагают работу с большими данными с помощью вычислительного эксперимента, базирующегося на методе численных приближений без необходимости экспликации каузальных связей, столь характерной для академической науки. Сходную тенденцию демонстрирует постакадемическая философия науки. Концептуальные положения АКТ актуализируют достаточно известный метод «кейс-стадис», изначально применявшийся для анализа экономических, социальных и бизнес-ситуаций. Возникает новая исследовательская площадка – научный коллектив как коммуникативная целостность, реализующаяся в особых исторических и социокультурных условиях.

АКТ центрирует внимание на такой институции как научная лаборатория, в функционировании которой обозначаются границы и вместе с тем осуществляются переходы между искусственным и естественным, человеческим и природным, а также между знанием и заблуждением. Таким образом, постакадемическая философия науки в транскрипции АКТ (в частности, Б. Латура) смыкается с различными направлениями современной социальной мысли. Но, осуществляя своеобразную пересборку социального, сам автор это обстоятельство отрицает. Дистанцируясь от традиционной философии науки, антропологии и культурологии, он называет свое исследовательское направление антропологией науки [3]. Следует отметить, что под влиянием практических задач в сфере исследовательских практик обнаруживается движение от выявления каузальных связей к экспликации функциональных зависимостей. Достаточно обратиться к технауке, оперирующей базами данных, для работы с которыми продуктивным оказывается обращение к структурно-функциональному анализу.

По аналогии методологический аппарат АКТ позволяет описывать отношения и действия акторов, чья деятельность нацелена на проектирование результата через столкновение сетевых по своей природе сообществ. Акторно-сетевая теория научного познания кардинальным образом переосмысливает проблему метода в транскрипции традиционной философии науки. При этом обнаруживается существенное влияние радикального конструктивизма с его отказом от признания онтологических оснований научного поиска. Так, Дж. Ло полагает, что метод «перестраивает и повторно связывает компоненты, ... пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [4, с. 293]. С этих позиций научный факт являет собой социальный конструкт, потому что ученые в процессе производства научного знания, т.е. социальным способом придали результатам научной деятельности статус фактов. Переосмысленная трактовка проблемы метода требует закрепленного за ней обозначения. И оно возникает благодаря введению термина «метод-сборка». В ду-

хе радикального конструктивизма новый подход снимает вопрос об истине, столь существенный не только для эпистемологии, но и традиционной философии науки. Нечто подобное обнаруживает в своей развертке современная технаука, для которой на первый план выдвигается функция проектирования результатов научной деятельности на фоне усиливающейся коммерциализации науки, что делает последнюю своеобразным «бизнес-проектом». Таким образом, в рамках современного этапа развертки философско-методологического дискурса обнаруживает себя новый феномен – «постакадемическая» философия науки с рядом отличительных особенностей содержательного, методологического и институционального характера. Вопрос о ее соотношении с традиционной философией науки, с одной стороны, и дисциплинарными стратегиями в исследовании науки – с другой, пребывает в стадии проблематизации и требует дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // Вопр. философии. 2015. №6. С. 53-64.
2. Федотова, В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопр. философии. 2014. №8. С. 44-53.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
4. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. 352 с.

УДК 101+111

М. ХАЙДЕГГЕР О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ «ВЫЧИСЛЯЮЩЕГО МЫШЛЕНИЯ»

И.Н. Колядко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
expireauto@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе главных положений фундаментальной онтологии М. Хайдеггера рассматриваются такие проблемы, как роль философии в современной культуре, когнитивный и социокультурный статус научного познания в обществе европейского Модерна, взаимосвязь феномена «вычисляющего мышления» с кризисными явлениями современного этапа социодинамики культуры. Анализируются ключевые аспекты научного познания в связи с теми задачами, которые призвана решать философия как самостоятельный и самодостаточный феномен культуры. Главным предметом рассмотрения в статье является проблема человеческого «бытия-в-мире» в условиях тотальной информатизации и цифровизации социума. Делается обоснованный вывод, согласно которому одной из перспективных стратегий преодоления кризисных явлений современности может стать систематическое и целенаправ-

ленное формирование культуры критического «осмысляющего мышления», способного поставить вопрос о сущности Бытия и месте в нем человека.

Ключевые слова: философия; мышление; наука; категории; мировоззрение; фундаментальная онтология; кризис культуры.

M. HEIDEGGER ABOUT THE QUINTESSENCE AND TASKS OF PHILOSOPHY IN THE ERA OF «CALCULATES THINKING»

I.N. Kolyadko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article based on the main provisions of the fundamental ontology M. Heidegger addresses such problems as: the role of philosophy in modern culture, the cognitive and socio-cultural status of scientific knowledge in the society of European Modern, the relationship of the phenomenon of “computational thinking” with the crisis phenomena of the modern stage of the sociodynamics of culture. The key aspects of scientific knowledge are analyzed in connection with the tasks that philosophy is intended to solve as an independent and self-sufficient cultural phenomenon. The main subject of consideration in the article is the problem of human «being-in-the-world» in conditions of total informatization and digitalization of society. A reasonable conclusion is made, according to which one of the promising strategies for overcoming the crisis phenomena of modernity can be the systematic and purposeful formation of a culture of critical, «thinking thinking» that can raise the question of the essence of Being and the place of man in it.

Keywords: philosophy; thinking; science; categories; worldview; fundamental ontology; cultural crisis.

Философия, ввиду специфики своего подхода к предмету, ориентирует мышление на поиск таких принципов, которые претендуют на независимое от опыта и как материала обобщения, и как критерия эффективности, постижение объективной общезначимой истины. Важным, с этой точки зрения, представляется то, что сам поиск такого рода оснований, которые могли бы также выступать и в качестве критерия истинного, достоверного знания, становится возможным только вследствие осознания недостоверности как чувственного опыта, так и общепринятого, традиционного типа знания и поведения. Такая установка, составляющая исходную предпосылку зарождения философии как объективного знания – познания с помощью понятий – становится возможной тогда, когда «в общественной жизни и в общественном сознании возникают серьезные противоречия и конфликты, которые не поддаются разрешению с помощью традиционных убеждений и верований, связанных с мифологией. Тут и появляется потребность различения того, что общепринято (мнение), и того, что истинно на самом деле (знание)» [1, с. 7]. Одновременно с зарождением философии происходит обращение к мышлению как субстанциальной основе бытия: начиная с античности в философии закрепляется и обосновывается тезис, согласно которому мышление суть главное отличие человека от животного, и составляет основу его видового достоинства. Преодолевая «естественную установку» наивного, догматического взгляда на вещи, в которой окружающий нас материальный мир представляется самой главной частью бытия, философия выявляет обусловленность восприятия внешнего мира сознательной,

разумной деятельностью человека. Мышление, составляя «не только субстанцию внешних вещей, но также и всеобщую субстанцию духовного» [2, с. 122], представляет собой процесс упорядочивания потоков чувств и ощущений, идущих из внешнего и внутреннего мира, в завершенную картину мира. Последняя, в свою очередь, формируется в большей степени не благодаря опыту, а опирается на определенные метафизические предпосылки, поскольку метафизика и «есть не что иное, как совокупность всеобщих определений мышления, как бы та алмазная сеть, в которую мы вводим любой материал и только этим делаем его понятным» [3, с. 21]. Поскольку человек является носителем духа, что находит свое зримое воплощение в способности мыслить, то и средствами освоения мира выступает, прежде всего, система категориально-понятийных определений, позволяющая формировать представление о бытии – мире как целом. Создание упорядоченной картины мира становится возможным благодаря деятельности нашего мышления, разума, который обязан своей предметностью категориям, определяющим способ осмысления и понимания мира человеком. Таким образом, категориальные структуры мировоззрения, формируемые как в процессе естественного усвоения культурных и социальных норм, так и в процессе целенаправленного и систематического образования, «обеспечивают видение как объектов, преобразуемых в человеческой деятельности, так и самого субъекта деятельности, его ценностей и целей» [4, с. 278]. В этом отношении одна из главных задач философии в системе образования и, шире, в культуре, состоит в «генерации в системе философского познания новых категориальных моделей мира, способных стать теоретическим ядром нового мировоззрения, вводя новые представления о желательном образе жизни, который предлагает человечеству» [4, с. 284].

Из непонимания этого важного концептуального, мировоззренческого статуса философии в культуре проистекает недоверие к всевозможным умозрительным, не ориентированным на непосредственный прагматический эффект, формам и видам познавательной деятельности, по отношению к которым в современном публичном пространстве сложилось достаточно скептическое отношение. Вместе с тем значение философии в культуре в периоды кризиса ее оснований, возрастает пропорционально степени утраты человеком своей родовой идентичности, поскольку последняя, в условиях безальтернативной цифровой трансформации большинства сфер социума, приобретает все в большей степени формальный характер. Философия, претендуя на выработку и обоснование рациональных моделей понимания действительности, исходит из трактовки человека как «мыслящего животного», способного эту действительность преобразовывать в ходе своей целенаправленной деятельности. Деятельность в этом смысле может пониматься как приложение теоретических, то есть выработанных с помощью мышления, воззрений к окружающей среде. Поэтому в философии являются важным экспликация и критический анализ моделей понимания мира, которые, в конечном счете, проецируются на внешнюю среду и на которые человек ориентируется в своей повседневной жизни. В этом отношении первостепенной выступает задача поиска и обоснования таких категориальных структур, которые могли бы стать мировоззренческим основанием культуры, формируя целостный образ человеческого бы-

тия и исходящих из признания метафизической природы человека, понимании его как существа способного к «вопрошанию о Бытии» [5, с. 5]. Вопрос об отношении человека к бытию и составляет одну из важных проблем современной культуры.

Поскольку, как отмечает М. Хайдеггер, кризис западной философии и культуры заключается в «отождествлении бытия с сущим», что, соответственно, привело к «забвению бытия» [5, с. 2], постольку существенным представляется заново поставить вопрос о смысле Бытия и сущности метафизики: необходимо «ставить под вопрос прежде всего истину собственных предпосылок и пространство собственных целей» [6, с. 41]. В эпоху безраздельного господства новоевропейской метафизики, значимыми аспектами которой являются превращение мира в картину, а человека – в субъекта, «истинно сущим считается то, что установлено в научной объективности» [7, с. 180]. Наука в культуре Нового времени выступает не только в качестве одной из форм познания мира, но, прежде всего, представляет собой особую мировоззренческую ориентацию, базирующуюся на определенных ценностях и онтологических постулатах. Так, фактически общим местом современной философии науки выступает достаточно обоснованный тезис о том, что «действительность, постигаемая некоторой наукой, не есть действительность сама по себе, она всегда является определенным образом истолкованной» посредством созданных «теорий как систем объяснения» [8, с. 87; 232]. Последние, в свою очередь, предполагают наличие конкретных аксиом и норм, определяющих способ, каким в науке рассматривается действительность. Наука, таким образом, выступает в качестве одного из средств упорядочивания мира с позиции «опредмечивания сущего», то есть накладывания на любой исследуемый объект системы категориальных определений, характерных для данной конкретной науки. Хайдеггер достаточно обоснованно утверждает, ссылаясь при этом на Канта, что «нет научного исследования предметной области без некоторой высказанной или невысказанной онтологии. <...> Науке, и научности, принадлежит не только метод как способ действия, но одновременно и определение предметности её предмета» [7, с. 193].

В этой связи становится понятной критика М. Хайдеггером закреплённого за наукой в культуре Нового времени статуса абсолютной ценности: наука не может претендовать на «чистое» описание мира уже потому, что она, как и любая конструктивная деятельность разума, базируется на определенных, а priori принятых предпосылках, функционирующих в качестве своего рода «естественной установки». Критическое осмысление и анализ последней и должно стать содержанием новой – фундаментальной – онтологии, существо которой состоит в понимании того немаловажного факта, что философия как истинное мышление, в отличие от наук, ориентированных на овладение мира при помощи опредмечивания сущего, направлена на постижение истины бытия, его смысла для человеческой экзистенции. Таким образом, Хайдеггером формулируется задача поставить человека лицом к лицу перед фундаментальным, ключевым для него вопросом: что подлинно есть? В эпоху, когда ничто не может укрыться от власти «технического господства», сущность человека становится в наибольшей степени уязвимой, и возникает реальная угроза ее уничтожения, что, по мысли немецкого философа, связано с безальтернативной «победой научного метода над наукой» [7,

с. 192]. Критика естественнонаучного мышления как доминирующего в современной культуре подхода к рассмотрению фундаментальных вопросов и проблем человеческого «бытия-в-мире» стала одной из ключевых тем феноменологической экспликации вненаучных «способов удостоверения феноменов». Обращаясь собственно к концептуализации Dasein-анализа М. Хайдеггера убедительно обосновывает принципиальную ограниченность естествознания и естественнонаучной методологии в познании сущности человеческого и человека, говоря о «пропасти между естествознанием и рассмотрением человека» [7, с. 59]. Одним из ключевых измерений произошедшей в истории западноевропейского мышления поворота истины бытия к истине сущего является утверждение, посредством абсолютизации науки и научно-экспериментальной методологии, а также веры в научно-технический прогресс, «вычисляющего мышления», вынесение за скобки мышления сущностного – «осмысляющего раздумья» [9, с. 104].

В этой связи для Хайдеггера первостепенным представляется обращение к структурам, конституирующим человеческий Dasein, поскольку «фактом является то, что для человека нет иного "бытия", кроме того, которое "устанавливается" сознанием и через само сознание, в свою очередь вплетенном в человеческое бытие, т.е. <...> на основе "Dasein" и через него, благодаря ему. Если мир вне и без человека тоже "бытийствует", <...>, то оно, такое бытие мира и его вещных индивидуаций, "не знает" об этом, вообще не вопрошает о бытии, не мыслит о нём» [10, с. 83]. Выход к проблеме человека, бытие которого становится центральной темой у немецкого мыслителя, осуществляется путем указания на «болезнь, подтачивающую самую сердцевину современного человека» – то, что М. Хайдеггер называет «бегством от мышления», которым «спасается сегодняшний человек» [9, с. 103]. Поскольку человек, как его рассматривает Хайдеггер, «предназначен и уготован мышлению» [9, с. 103], только он поистине является способным подумать о царящем во всем, что есть, смысле, таким образом, став на путь освобождения от власти приближающейся технической экспансии. Пожалуй, единственно в утверждении «осмысляющего мышления» в противоположность калькуляции и исчислению, доминирующим в установках современного как научного, так и обыденного сознания, Хайдеггер усматривает возможность избежать «наступления на жизнь и сущность человека, с которым не сравнится взрыв атомной бомбы» [9, с. 108]. С целью преодоления современного кризиса человека и созданной им культуры важно начать с «исправления имен», что, несомненно, повлечет за собой переворот в основных представлениях и будет способствовать радикальной революции мировоззрения.

Библиографические ссылки

1. Гайденок П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000. 319 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М. : Мысль, 1974. Т. 1: Наука логики. 452 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М. : Мысль, 1975. Т. 2: Философия природы. 696 с.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

5. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2006. 452 с.
6. Хайдеггер М. Время картины мира / Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41-62.
7. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
8. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
9. Хайдеггер М. Отрешенность / Разговор на проселочной дороге: сб. М.: Высш. шк., 1991. С. 102–111.
10. Мотрошилова, Н.В. «Бытие и время» Хайдеггера и событие Любви / Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие–время–любовь. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. С. 77–114.

УДК 316.65

СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ

О.В. Курбачёва*

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kurbach.ova@gmail.com

Аннотация. Этническое самосознание является ключевым компонентом этнического сознания в целом, играет ключевую роль в этногенезе и выстраивании стратегий этнокультурного взаимодействия. Стабильность межэтнических и межнациональных отношений во многом зависит не только от уровня взаимного признания и уважительного отношения к другим культурам, но, в первую очередь, от форм этнической самоидентификации. Поэтому сегодня, в условиях нарастающей этнокультурной нестабильности, знание особенностей формирования этнического самосознания играют немаловажную роль и представляют собой актуальный и значимый информационный капитал. В статье рассматриваются основные особенности и структурные компоненты этнического самосознания. Определяется изменчивый и многоуровневый характер этнического самосознания. Автором поднимается вопрос о различных формах и сложностях проявления этнической самоидентификации.

Ключевые слова: *этнос; этническое самосознание; этноцентризм; идентичность; этногенез; «Я-концепция»; этностереотип.*

THE ESSENCE OF ETHNIC IDENTITY: THE STRUCTURE AND MAIN REGULARITIES OF DEVELOPMENT

O.V.Kurbacheva

Belarusian State University

Nezaviscimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Ethnic self-consciousness is the main component of ethnic consciousness, self-consciousness plays a key role in ethnogenesis and building strategies of ethnic and cultural interaction. The stability of interethnic and interethnic relations largely depends not

* Исследование проведено при финансовой поддержке БРФФИ (№ Г19М-100)

only on the level of mutual recognition and respect for other cultures, but primarily on the forms of ethical self-identification. Therefore, today, in the conditions of growing ethnic and cultural instability, knowledge of the peculiarities of the formation of ethnic identity play an important role and represent a relevant and significant information capital. The article deals with the main features and structural components of ethnic identity. Determined variable and multi-level nature of ethnic identity. The author raises the question of various forms and complexities of ethnic self-identification.

Keywords: *ethnicity; ethnic identity; ethnocentrism; identity; ethnogenesis; «self-concept»; the ethnic stereotypes.*

Проблема этнического самосознания сегодня является одной из самых востребованных, но и не менее сложных тем для исследования. Во-первых, сама предметная область носит трансдисциплинарный характер и аккумулирует такие сферы знания, как культурная антропология, социальная психология, социальная философия, этнополитика, этнология, этнолингвистика и др. Во-вторых, этничность как феномен представляет собой сложный, многогранный и полипарадигмальный феномен (этнос рассматривается в рамках парадигм примордиализма, конструктивизма и инструментализма), что предполагает интеграцию различных методологических установок и концептуальных схем и в понимании этносамосознания [1]. И, в-третьих, тема, несмотря на многочисленные работы, посвященные теме этнического самосознания, является до сих пор малоизученной, так как сам феномен представляет собой сложное психологическое и социокультурное явление, перманентно находящееся в становлении и подвергающееся колоссальному внешнему давлению и формирующемуся под влиянием определенных психологических механизмов и закономерностей. Эти обстоятельства определяют сложность исследования проблемы этнического самосознания.

Почему же данная тема является столь актуальной? Следует отметить, что сегодня мы переживаем своеобразный интеллектуальный бум вокруг проблемного поля этничности. Глобализационные изменения, транскультурные взаимодействия, миграционные процессы актуализируют тему самоопределения и встреча (столкновение?) с Другим возвращает нас к извечному вопросу «кто мы?». Сегодня наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряженности и повышенного уровня конфликтности в обществе. Это может проявляться как на уровне конфликта идей, скрытой этнофобии, этноэлиминации, бытового шовинизма, так и на уровне неорасизма и национал-экстремистских движений. Однако это лишь внешние формы проявления гиперпозитивного или негативного этнического самосознания. Для того, что разобраться в особенностях проявления этносамосознания, выявить привычные механизмы этнокультурного взаимодействия (этнозащитные механизмы, этнодифференциация, стереотипизация, ассимиляция и другие механизмы), необходимо проанализировать саму сущность этнического самосознания и определить его ключевые структурные элементы. В первую очередь, необходимо очертить терминологические границы понятия «этническое самосознание». Начиная с 50-х годов XX века, в этнологии закрепляется определение

этнического самосознания как осознания своей этнической принадлежности (А.Г. Агаев, В.И. Козлов). Например, известнейший советско-российский этнограф В.И. Козлов еще в 1967 г. выделял этническое самосознание как важнейший компонент этнической общности и определял его как «осознание людьми своей принадлежности к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении им единого названия народа» [2, с. 46]. Важно отметить, что этническое сознание определялось не как врожденное, а приобретенное осознание своей принадлежности, требующее длительного совместного проживания, осознания и признания себя частью сообщества, что выражалось в самоназвании (этнониме). Интересно отметить, что при таком акценте понимания природы этнического самосознания установки двух основных противоборствующих парадигм (примордиализм и конструктивизм) в интерпретации сущности этноса становятся не столь острыми. Если в рамках классического подхода отличительными особенностями понимания этноса были гомогенность и статичность его характеристик (С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, Э. Шилз), то в соответствии с конструктивистским подходом (Дж. Комарофф, Ф. Барт, Э. Хобсбаум, В.А. Тишков) – этничность понимается как «форма социальной организации культурных различий», вне линейной привязанности к территориальным и антропогенетическим маркерам, в соответствии с которыми этнос обладает субъективными, а не объективными характеристиками [3]. Однако в рамках двух парадигм признаются общие закономерности: длительный характер формирования этнического самосознания и зависимость от внешних факторов (исторических, природно-климатических, территориальных, демографических, хозяйственно-материальных и др.).

Степень осознанности своей принадлежности то же представляет собой достаточно подвижную характеристику. Осознание может как ослабевать, так и усиливаться. И на формы выражения этнического самосознания (этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм или этнонигилизм) немаловажное влияние опять же оказывают внешние факторы: природные или социальные вызовы. В этом ключе этническая история и идентичность могут выступать в качестве инструмента конструирования определенного образа. Важно отметить, что обозначенные формы взаимообусловлены и основываются на определенной степени аффектации своего самоутверждения по отношению к другим этническим группам. При этом осознание своей значимости не всегда выражается в форме агрессивного изоляционизма. Более того, этноцентризм, например, может быть необходимым условием для дальнейшего существования этнической культуры: в условиях локальной ограниченности или изолированности от других групп; при наличии ограниченности жизненных ресурсов; при насильственной ассимиляции со стороны аут-групп. В таких случаях этноцентризм может выражаться в форме авто- и гетеротереотипов. В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, аккумулятивное последствие в некий схематичный и упрощенный образ другой культуры. На индивидуальном уровне взаимодействия между предста-

вителями различных этносов стереотипное мышление чаще всего оказывает сильное влияние на взаимные ожидания и формирование ассоциативного контекста: определенной модели поведения, ожидаемого образа. Это наиболее часто проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности. Автостереотипы имеют под собой вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровне позволяет этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой. Внешняя этнокультурная стереотипизация зачастую носит ограничительную функцию: оценочным сравнением своей и чужой группы, с явным превалированием в оценках в пользу своей культуры или неосознанным навязыванием образа Другого. В ситуации явной негативной коннотации аут-группы этноцентризм может выражаться в явной негативной и агрессивной форме: этнодоминировании, этнофобии, этнофанатизме.

Одним из важнейших вопросов понимания сущности этнического самосознания является вопрос о его структурных компонентах. Большую роль в теории этнического самосознания сыграли исследования Ю.В. Бромлея, М.В. Крюкова, А.Х.Гаджиева и других ученых. Безусловно, каждый исследователь предлагал свои версии интерпретации этнического самосознания. Тем не менее, можно выделить общие структурные компоненты, которые являются инвариантными для большинства исследователей: представления о территории, языке, особенностях культуры, этностереотипы и миф об общем происхождении [4]. Однако важно учесть, что параметризируя этническое самосознание, мы сталкиваемся с проблемой обобщения и унификации. Так как каждый из элементов предполагает детальнейшую проработку. Говоря о структурных компонентах самосознания, важно обозначить, что они одновременно выступают и как источники формирования самосознания. Их можно разделить на 3 основные категории: этноформирующие факторы (природно-климатические условия, территория), этнодифференцирующие (язык, культура) и субъективные факторы (психоэмоциональный компонент: чувство гордости, уязвленности, негативные или позитивные социальные установки и др.). Даже при первом приближении к осмыслению сущности и структуры этнического самосознания обнаруживается сложность: все эти компоненты лежат на разных уровнях и восходят к таксономически неравнозначным понятиям [4, с. 23]. Территориальный, языковой, культурный и другие параметры предполагают длительный исторический период влияния на этническую общность и соответственно временную протяженность, что бы это влияние было идентифицировано и осознано. И тогда мы сталкиваемся с более глубоким уровнем осмысления сущности этнического самосознания.

На основе представлений американского психолога, лидера гуманистической психологии и создателя «Я-концепции» К. Роджерса, можно в этническом самосознании также выделить три основных уровня самосознания: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий уровень самосознания [5, с. 70]. Как эти компоненты «Я-концепции» проявляются в качестве уров-

ней этнического самосознания? Когнитивный уровень проявляется в осознании особенностей этнической культуры своей этнической общности и осознании собственных этнопсихологических особенностей. Сюда могут быть включены такие компоненты, как территориальные, языковые, культурные, ментальные, религиозные и другие элементы, которые воспринимаются и понимаются как компоненты собственной этнической общности. На этом уровне возможно выстраивание обобщенного этнодифференцирующего образа «мы-они». Второй уровень самосознания – это эмоционально-оценочный компонент, в рамках которого формируется осознание себя субъектом своей этнической общности и формирование чувства тождественности со своей этнической общностью. На этом же уровне формируется социально-нравственная самооценка этничности, что впоследствии проявляется в различных формах позитивной или негативной идентичности. И третий уровень – поведенческий, отражающий реальные поведенческие установки, стереотипные образы этнофора как носителя определенной этнической культуры. В идеальном варианте эти три уровня самосознания (знание о своей этнической общности, эмоциональное отождествление себя с ней и реальное проявление себя как носителя этой культуры) должны быть соразмерны и взаимообусловлены. Однако на практике достаточно часто мы сталкиваемся с такими проблемами, как приписываемая, вынужденная, множественная, размытая и другие вариации этнической идентичности. Это отражается непосредственно не только на локальном уровне этноцентризма, но и проявляется в конкретных формах этнокультурного взаимодействия.

Таким образом, выявляя и анализируя сущность, особенности и структурные компоненты этнического самосознания, мы столкнулись с тем обстоятельством, что предмет исследования предполагает детальный, всесторонний и глубокий теоретико-концептуальный анализ. Представляя собой относительно устойчивую систему осознанных представлений и оценок основных этнодифференцирующих и этноформирующих компонентов, этническое самосознание проявляется на нескольких уровнях. При этом этническое самосознание может носить стихийный или организованный характер, обостряться или ослабевать, что является предметом уже дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Курбачёва О.В. Концептуально-теоретический анализ понятия «этнос»: от объективной реальности до воображаемой конструкции // Журн. Белорусского госуд. ун-та. Философия и психология. 2019. №1. С. 10-18.
2. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. М. : Старый сад. 1999. 341с.
3. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1569.pdf>. Дата доступа: 07.06.2019
4. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. Спб. : Алетейя, 2000. 240с.
5. Маслоу А., Мэй Р., Оллпорт Г. Роджерс К. Экзистенциальная психология. М. : Ин-т общегуманитарн. исслед., Инициатива, 2005. 160 с.

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А.Мазиллов*

ФГБОУВО «Ярославский государственный педагогический университет»
Ярославль, ул. Республиканская, 108/1, 150000, Российская Федерация
v.mazilov@yspu.org

Аннотация. В статье отмечается существование многовековой тесной связи философии и психологии. На протяжении многих столетий психологическое знание аккумулировалось в недрах философии в рамках философской психологии, которая так же, как и философия, рассуждала о душе и сознании. Существующее положение было нарушено, когда во второй половине XIX столетия психология заявила о выделении из философии и становлении самостоятельной наукой. При этом психология позиционировалась как чисто эмпирическая дисциплина, свободная от метафизических оснований. В статье отстаивается мысль, что психология была и остается научной дисциплиной, имеющей философское обоснование (независимо от того, осознается это тем или иным автором или нет). Утверждается, что в настоящее время для психологии остро актуальна разработка философии психологии. Показано, что в тех условиях, когда эпистемология и философия фактически устраняются от анализа специфики научного психологического знания, психологии приходится разрабатывать философско-методологическую проблематику собственными силами. В статье дается абрис философии психологии как метауровня психологического исследования, предпринимается попытка очертить круг основных проблем складывающейся новой дисциплины.

Ключевые слова: философия; психология; философская психология; философия психологии; методология психологии

PHILOSOPHY OF PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS

V.A. Mazilov

Yaroslavl State Pedagogical University

Republican str., 108/1, 150000, Yaroslavl, Russian Federation

Annotation. The article notes the existence of a centuries-old close relationship of philosophy and psychology. For many centuries, psychological knowledge accumulated in the depths of philosophy within the framework of philosophical psychology, which, like philosophy, reasoned about the soul and mind. The existing situation was violated when, in the second half of the XIX century, psychology declared its separation from philosophy and becoming an independent science. At the same time, psychology was positioned as a purely empirical discipline, free from metaphysical foundations. The article defends the idea that

* - Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 25.8407.2017/8.9.

- Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

psychology was and remains a scientific discipline that has a philosophical basis (regardless of whether it is recognized by one or another author or not). It is argued that at present the development of the philosophy of psychology is acutely relevant for psychology. It is shown that in those conditions when epistemology and philosophy are virtually eliminated from the analysis of the specifics of scientific psychological knowledge, psychology has to develop philosophical and methodological problems on its own. The article provides an outline of the philosophy of psychology as a meta-level of psychological research, an attempt is made to outline the range of major problems of the emerging new discipline.

Keywords: *philosophy; psychology; philosophical psychology; philosophy of psychology; psychology methodology*

В ряде предыдущих публикаций освещался вопрос о сложных и многоплановых взаимоотношениях философии и психологии на разных этапах их развития [1; 2; 3]. Обратим внимание на то, что философская психология как разновидность психологического знания продолжает существовать и в наше время, хотя степень ее распространенности, конечно, намного меньше, чем в первой половине XIX столетия. Под философской психологией имеется в виду исследование психологических проблем с помощью рассуждения [4]. Важно подчеркнуть, что философия была и остается неявной основой при разработке любой психологии, ибо фундаментальные психологические вопросы не могут быть решены вне философского анализа. В современной психологии этот момент не только не акцентируется, но многими исследователями фактически не признается, что стоит считать серьезной ошибкой. Психология была и остается научной дисциплиной, имеющей философское обоснование (независимо от того, осознается это тем или иным автором) [5].

Обратим внимание на то, что даже в пору, когда философский уровень методологии психологии был представлен исключительно марксистско-ленинским учением, отечественные психологи пытались *de facto* ограничить влияние философии наличием комплекта методологических принципов. С тех пор, как философский уровень методологии в прежней трактовке в силу известных причин перестал быть обязательным, многим стало казаться, что философская методология сводилась лишь к идеологическим стандартам и без них вполне можно обойтись [5]. С последствиями таких выводов мы сегодня встречаемся буквально на каждом шагу. К примеру, в руководствах по методологии и по экспериментальной психологии создается упрощенная картина планирования и организации психологического исследования, причем совершенно упускается из виду, что психологическое исследование определяется не только целями и гипотезами исследователя, но и комплексом неявных и далеко не всегда осознаваемых самим ученым представлений. Этот комплекс исходных представлений исследователя об изучаемом предмете был нами в свое время определен как предтеория. Была описана ее структура и выделены основные составляющие [7].

В данной статье мы хотим обратить внимание на то, что в состав предтеории несомненно входят и представления исследователя, характеризующие его фундаментальные мировоззренческие и философско-методологические

установки. Невыявленность и практически полная неисследованность такого рода латентных представлений исследователей-психологов существенно обедняет методологию и снижает ее объяснительные возможности. Обратим внимание на то, что эта констатация справедлива не только в отношении отдельного психолога-исследователя, но и в отношении психологии как науки в целом. Как это ни удивительно, в современной методологии психологии вопросам роли философских воззрений в построении психологических теорий внимания совершенно не уделяется. Как следствие, не описаны варианты такого влияния и, соответственно, не выделены типы психологических теорий и концепций в зависимости от их философской ориентации, что представляется существенным упущением.

В отечественной науке ныне широко распространено мнение, что философские идеи не оказывают существенного влияния на построение психологических теорий. Даже представление структуры психологического знания (см. например, [6]) не предполагает философских компонентов. Между тем можно полагать, что в действительности именно философские представления определяют архитектуру построения общей психологии, хотя это влияние и осуществляется как правило через использование неявного знания.

В настоящей работе сосредоточимся на обосновании необходимости разработки философии психологии как части психологического знания. Как было показано, философия психологии вполне могла бы существовать и развиваться как часть философии и эпистемологии науки, но в силу различных причин профессиональные философы науки не уделяют анализу современной психологии необходимого внимания (за редким исключением, например, В.А.Лекторский, Э.Г.Юдин, Л.Т.Ретюнских и др.), поэтому важнейшие для существования и развития психологии вопросы не решаются [1; 5].

К числу вопросов безотлагательно требующих исследования и решения относятся такие, как определение статуса психологии и выявления ее места среди других научных дисциплин. Совершенно ясно, что от того, как будет решен этот вопрос, зависят как стратегия конструирования самого предмета психологии, так и возможность и потенциальная эффективность осуществления междисциплинарных и комплексных научных исследований, предполагающих участие психологической науки. Напомним, что по Б.М.Кедрову или Ж.Пиаже особое положение психологии специально обосновывалось, ныне же психология отнесена к социогуманитарному знанию, что вызывает сомнения.

Поэтому в настоящее время ставится задача разработки философии психологии именно «от психологии», то есть как части психологического знания. По содержанию обсуждаемых вопросов (другие вопросы, относящиеся к ведению философии психологии, будут обозначены ниже) философия психологии находится ближе всего к методологии психологии. Предложенные в настоящее время концепции методологии психологии не позволяют рассмотреть эти вопросы в полном объеме. В качестве примера можно привести модель методологии А.В. Юревича, предполагающую выявление строения и развития психологического знания [6], либо когнитивную методологию, построенную в соответ-

ствии со схемой психологического исследования [5]. Поскольку традиционно методология психологии ограничена определенным кругом решаемых вопросов, нецелесообразно включать в структуру когнитивной методологии новые разделы, нарушая привычную логику. Вероятно, есть смысл говорить о перспективах создания новой психологической дисциплины «философия психологии» и обсуждать ее возможное содержание.

Как представляется, философия психологии должна явиться метауровнем психологического исследования. Поскольку в настоящий момент она только складывается, говорить о целостной концепции не приходится. В течение некоторого времени она будет лишь совокупностью положений, принципов, гипотез и теоретических обобщений. Поэтому в качестве первого приближения попробуем дать эскиз, дающий некий абрис новой сферы психологического знания, обозначаемой как «философия психологии».

Существует необходимость в разработке философии психологии как ветви психологического знания. Есть основания рассматривать философию психологии как верхний уровень когнитивной методологии. Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую ее характеристику. Начнем с самого не очевидного, проблематичного и наиболее закрытого для исследования в современных условиях. Сфера философии психологии включает в себя совокупность некоторых идей и смыслов. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром» [7]. Не будем разворачивать здесь сколь-нибудь подробно содержание этой области философии психологии. Попперовское описание «третьего мира» позволяет в общих чертах представить, о чем идет речь [7]. Это та часть мира идей, третьего мира, которая имеет отношение к области психологии. Здесь, пожалуй, необходимо отметить, что содержательно эта сфера представляет собой пока что *terra incognita*. Важно подчеркнуть, что минимальный уровень исследования данного вопроса определяется не столько собственностью исследования, сколько отсутствием усилий, предпринимаемых в этом направлении. Обратим внимание на то, что в отечественной науке не удастся даже организовать целенаправленное исследование в области социологии психологии (несмотря на многолетние призывы А.В.Юревича). Конечно, уточнению содержания этой области философии психологии способствовало бы изучение представлений о различных психологических проблемах членов самого психологического сообщества, но как представляется, это пока дело будущего.

Мир «психологических идей» - это, по сути, основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии. На данном уровне возможно осуществление стратегического планирования и долгосрочного прогнозирования развития психологической науки. Философия психологии определяет ориентиры и магистральные задачи, обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологических исследований.

Важнейшая функция философии психологии заключается в том, что она вырабатывает понимание предмета психологии и конструирует ее предметное

пространство. Она ориентирует в постановке и решении основных проблем современной психологии: психофизической, психофизиологической, психосоциальной, психогенетической, психобиологической. Философия психологии обеспечивает «вписывание» психического в научную картину мира.

Философия психологии на основе выработанного понимания предмета дает основу для организации эффективных междисциплинарных исследований. Между тем для психологии это жизненно важно, так как, согласно исследованиям А.Л.Журавлева, междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. Вполне возможно, что для построения междисциплинарного предмета психологии понадобится методологический опыт М.М. Бахтина, идеи многоголосия, полифонизма и диалога [9].

Процесс становления психологии подлинной наукой идет крайне медленно. Это понятно, так как основным механизмом является пока что стихийная интеграция. Направленная интеграция, коммуникативная методология практически не используются. Процесс становления не направляется, не координируется. Эти функции вполне могли бы выполняться философией психологии, но эта сфера психологии практически пока не сформирована и поэтому не функционирует. Необходимая работа по упорядочению и систематизации психологического знания в сколь-нибудь широких масштабах и не планируется и не проводится. Вместе с тем в содержании современного психологического знания имеется достаточное количество мифов. Это означает, что многие выводы строятся не на результатах анализа проведенных исследований, а на данных рассуждений или просто предполагаемых, вымышленных ситуациях. Неплохо было бы очистить содержание науки от посторонних данных. Проводя инвентаризацию данных, полезно было бы обращать внимание на сходства, совпадения, нежели на расхождения и различия. Это способствовало бы реализации интегративных тенденций в психологии.

Философия психологии обеспечивает единство психологии, объединяя в одно пространство различные составляющие: академическую психологию, практико-ориентированную, трансперсональную и др. психологии. Философия психологии обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. Речь, в частности, идет о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. Литература и искусство тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана и практически не оформлена. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не изучены представления о философии психологии реальных психологов-исследователей,

делающих науку сегодня. Как нам представляется, необходимо широкомаштабное проведение цикла эмпирических исследований, направленных на выявление реальных представлений психологов о содержании и структуре философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки. По нашему мнению, именно философии психологии принадлежит и центральная роль в разрешении сформулированных выше проблем истории психологии.

Завершая эту статью, повторим, что разработка философии психологии, на наш взгляд, является насущной задачей современной отечественной психологии. Именно она как часть психологического знания должна организовать и координировать усилия специалистов-психологов по решению актуальных для современной психологической науки методологических проблем. Соответственно, историки психологии, вооруженные новым интегральным философско-психологическим методологическим инструментарием, более эффективно будут решать задачи историко-психологической реконструкции развития психологического знания.

Библиографические ссылки

1. Мазилев В.А. Философия психологии: пора становления // История и философия науки в эпоху перемен: сб. науч. ст. : в 6 томах. Т.3. М. : Русское общество истории и философии наук, 2018. С. 64-67
2. Мазилев В.А. Философия науки: грядущее продуктивное взаимодействие с психологией / Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сб. науч. статей // И.Т. Касавин, А.М. Фейгельман [ред.]. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. с. 114-116
3. Мазилев В.А. Философские проблемы современной психологии // Философия науки и техники в России : вызовы информационных технологий: сб. науч. ст. / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; Н.А. Ястреб [ред.]. Вологда : ВоГУ, 2017. с. 175-178
4. Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 386 с.
5. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017. 419 с.
6. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: ИП РАН, 2010. 272 с.
7. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с
8. Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford : Oxford University Press, 1979. 412 p.
9. Мазилев В.А. «Золотая ветвь»: М.М.Бахтин и будущее психологии // Психологический vademecum. Витебщина М.М.Бахтина. Витебск: ВГУ им. Машерова, 2018, с. 10-16

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АНТИВИРУСЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

А. Г. Мясников*

ФГБОУВО «Пензенский государственный университет»
ул. Красная, 40, 440026, Пенза, Российская Федерация
myasnikov-g@mail.ru

Аннотация: В докладе представлена оригинальная социально-философская трактовка экологического значения современных философских антивирусов. Под философскими антивирусами понимаются рационально-критические рассуждения, предназначенные раскрыть устаревшее и негативное содержание многих традиционных стереотипов и практических установок массового сознания постсоветских людей. В ходе исследования разоблачается устоявшийся стереотип о том, что если каждый будет думать о себе, то в обществе наступит хаос. В качестве позитивного принципа современного экологического сознания предлагается принцип – «средства делают результат».

Ключевые слова: *философские антивирусы; экологическое сознание; стереотипы; практический разум.*

MODERN PHILOSOPHICAL ANTI-VIRUSES AND ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS

A.G.Myasnikov

Penza State University

Krasnaya str., 40, 440026, Penza, Russian Federation

Annotation. The report presents an original social and philosophical interpretation of the environmental significance of modern philosophical antiviruses. Philosophical antiviruses are understood as rational-critical reasoning intended to reveal the outdated and negative content of many traditional stereotypes and practical guidelines of mass consciousness of post-Soviet people. In the course of the research, the established stereotype that if everyone thinks about themselves, then there will be chaos in the society is exposed. As a positive principle of modern ecological consciousness the principle is proposed – «the means do the result».

Keywords: *philosophical antiviruses; ecological consciousness; stereotypes; practical reason*

Современное экологическое сознание должно основываться на надежных философских принципах, которые позволяют человеку и всему обществу мирно и справедливо сосуществовать в гармонии с природой. Современная прак-

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

тическая философия ставит своей важнейшей задачей рационально критический анализ мировоззренческих принципов, которые определяют практическое поведение людей. В ходе этого анализа обнаруживаются так называемые ментальные «вирусы», т.е. устаревшие стереотипы мышления и поведения, которые не соответствуют новым общественно-экономическим и политико-правовым условиям жизни, современным требованиям гуманистической морали и общечеловеческого права, а также препятствуют формированию современной экологической культуры [2].

Философско-критическому анализу должны быть подвергнуты, прежде всего, такие базовые принципы, как «цель оправдывает средства» и «общее важнее личного». Именно эти принципы порождают и оправдывают хищническое и расточительно потребительское отношение к природе и к другим людям, удерживают общество в состоянии низкой степени свободы и ответственности [1]. Эти принципы складывались веками в экстремальных условиях выживания большинства человеческих обществ. Но в 21 в. многие общества уже преодолели это состояние выживания, и вышли на путь благополучного устойчивого развития, который не требует мобилизации всех человеческих ресурсов. Современная практическая философия разрабатывает целый комплекс философских антивирусов, предназначенных разоблачить и нейтрализовать устаревшие мировоззренческие принципы и установки. Одним из примеров философского антивируса является анализ вопроса «Наступит ли хаос в обществе, если каждый будет думать о себе?».

Долгое время считалось, что на этот вопрос нужно обязательно ответить «да», т.е. хаос в обществе обязательно наступит. Но логико-понятийный анализ этого вопроса показывает, что вывод является ложным, так как из посылки («если каждый...») вовсе не следует с необходимостью такое пугающее заключение («наступит хаос»). Попробуем детально проанализировать исходную посылку. Что значит «жить для себя»? Обычно это значит стремиться к собственному, личному счастью. Можно ли достичь личного счастья без содействия и участия других людей? Конечно, нет, ведь люди существа социальные, и мы нуждаемся в обществе, чтобы достичь своих целей и стать счастливыми. А это значит, что даже абсолютный эгоист не сможет стать счастливым, если не будет договариваться с другими людьми, и помогать им тоже становиться счастливыми. Таким образом, если каждый человек будет стремиться к своему счастью, он будет вынужден делать счастливыми и других людей, иначе другие не будут ему содействовать в его счастье, а то и вовсе будут ему вредить.

Получается, что никакого хаоса не наступит, если каждый человек будет думать о себе. Ведь если человек серьезно и глубоко думает о себе, то он необходимо будет думать и о других людях, с которыми он связан. При этом сторонники традиционного принципа «Общее важнее личного» обычно говорят, что тот, кто думает о себе, является не патриотом, и чуть ли не паразитом. Попробуем ответить на этот упрек суждениями известного русского писателя-публициста М. Салтыкова-Щедрина. В статье «Сила событий», написанной в 1870 году, русский публицист даёт следующую характеристику «не патриота»

и «паразита». Салтыков-Щедрин пишет, что – это нечестный человек, вор, и прежде всего, это казнокрады, огромная армия российских чиновников, включая тех самых «двух генералов», которых мужик прокормил [3]. «Паразиты» всегда умело прикрываются словами о патриотизме, чтобы скрыть свои преступные деяния, свою ничтожность и злобность.

М. Салтыков-Щедрин разоблачает традиционный российский «патриотизм», точнее, псевдопатриотизм, который, по его словам, обычно сводится к «беспрекословному исполнению начальственных предписаний», к привычке молчать и тупо повиноваться. Такой псевдопатриотизм он называет «Дисциплиной», заинтересованной только в сохранении существующего порядка властного господства и подчинения. Такая «Дисциплина» противостоит, более того, ненавидит подлинный патриотизм, так как он основан на свободе, на личной самостоятельности человека, на его личных убеждениях.

Что же имеет в виду русский писатель под подлинным патриотизмом? «Идея, согревающая патриотизм — это идея общего блага. ... Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к восприятию идеи о человечестве». О чём идёт речь? Очевидно, что о сближении понятия подлинного, свободного патриотизма с космополитизмом, который и будет выражением «общего блага», т.е. блага всего человечества. Здесь ясно просматривается естественная индуктивная логика: от частного к общему, от личного интереса (блага) к благу своего народа, а затем и к благу всего человечества. Приведу слова русского писателя: 1) «внутренние интересы всегда ближе касаются человека», т.е. личные интересы первичны, и именно они будут направлять жизнедеятельность человека; 2) «дух инициативы с неба не сваливается, а развивается воспитанием и практикой»; казарменное послушание подавляет любую частную инициативу и умертвляет жизнь общества. Именно личная свободная инициатива является источником развития и общественного прогресса, источником благополучия каждого члена данного общества и всего человечества.

Итак, кто же такой настоящий патриот? Русский писатель объясняет очень просто – это честный человек, который живёт своим умом и по своей совести, и добросовестно выполняет принятые на себя обязанности. И не нужно больше ничего выдумывать. Хотя теоретикам казарменного патриотизма приходится что-то придумывать, чтобы прикрыть «паразитизм» и выслужиться перед высшим начальством.

Второй принцип, который имеет существенное значение для практической философии и всей общественной жизни, – «цель оправдывает средства», раскрывается нами в качестве устаревшего и очень опасного мировоззренческого принципа, который разрушает экологический баланс нашей планеты. Долгое время человечество использовало этот принцип в качестве морально-психологического оправдания своего произвола и хищнического отношения ко всему сущему, включая отношения между самими людьми.

Рационально-критический анализ принципа «Цель оправдывает средства» показывает, что он основан на мистико-магическом предположении о

способности идеальных целей нейтрализовывать негативное содержание материальных средств их реализации, и тем самым как бы оправдывать любые возможные последствия. Но эта способность не может быть обоснована рационально и не подтверждается практикой. Применение этого принципа во многом предназначено прикрыть корыстные властные решения или чей-то личный произвол, который чаще всего приводит к тому, что «хотели как лучше, а получилось как всегда». Современное человечество накопило огромные материальные средства, способные уничтожить всё живое на планете, а потому должно относиться к этим средствам очень серьезно и ответственно. Для этого необходимо использовать новый практический принцип – «Средства делают результат». Именно этот принцип обладает рациональной основательностью и большим гуманистическим потенциалом для решения насущных проблем новой информационной и глобальной эпохи.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что современная практическая философия ориентирована на решение проблем экологии человеческого мышления, и даёт методологический инструментарий для практического преодоления устаревших представлений о мире и человеческих отношениях.

Библиографические ссылки

1. Мясников А.Г. Нужно ли отказаться от гражданского общества? // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 141-148.
2. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 174-186.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Сила событий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/148145/Saltykov-Shchedrin_-_Priznaki_vremeni.html#n_29. Дата доступа: 10. 06. 2019

УДК 101.2+168.5

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ: ПРЕЗУМПЦИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

В.Т. Новиков

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
novikovvt@tut.by

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь философии и социально-гуманитарных наук в двух основных аспектах. Диахронический аспект характеризует особенности становления и развития наук об обществе и статусе человека в нем, начиная с XVII века. Характеризуется специфика и проблемное поле четырех основных этапов в развитии обществознания – классический этап, этап институционализации социально-гуманитарных наук, этапы неклассического и современного постнеклассического обществознания. Синхронический (функциональный) аспект анализа темы предполагает экспликацию взаимодействия философии и социальных наук

на основе существования у них взаимного прагматического интереса. Он осуществляется в трех ракурсах, Во-первых, существования исследовательских программ в обществознании, во-вторых, существования междисциплинарных систем знания об обществе – политической, экономической и др. философии, в-третьих, координации тематических разделов в программах и практике преподавания этих дисциплин.

Ключевые слова: философия; методология; обществознание; социально-гуманитарные науки; исследовательская программа; институционализация наук.

PHILOSOPHY AND SOCIAL SCIENCE: PRESUMPTION OF COMPLEMENTATION

V. T. Novikov

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses correlation between philosophy and social science in two principal aspects. Diachronic aspect characterizes the special features in evolution of the branch of sciences studying society and human from XVII century. The specificity and problematic area of four main stages in history of social science is characterized (including classic stage, stage of social science institutionalization, stages of non-classic and post-non-classic social science). Synchronic (functional) aspect explicates the cooperation between philosophy and social science because of mutual pragmatic interest. It reveals in three ways: in research programs in social science; in cross-disciplinary systems of social knowledge such as political, economic philosophy, etc.; in coordination of thematic parts in programmes and practice of teaching of these courses.

Key words: *philosophy; methodology; social science; socio-humanities knowledge; research programme; science institutionalization.*

Взаимосвязь философии и обществознания имеет давнюю историю, поэтому не случайно философию характеризуют как «мать всех наук», имея в виду, что именно философское знание стало питательной почвой для ростков научного знания в древности. В статье пойдет речь о диалектике социальной философии и наук об обществе в двух основных аспектах; во-первых, историко-методологическом, во-вторых, функциональном, предполагающем обращение к проблемному полю философско-методологического тезауруса.

Итак, первый аспект рассматриваемой темы – диахронический, касается вопроса о генезисе обществознания и роли философского знания в нем. Первый этап, временные рамки которого датируются XVII-XVIII веками, непосредственно связан со становлением классического естествознания и, прежде всего классической механики, ставшей основой формирования механистической картины социального мира. Под ее влиянием оказались три основные системы знания об обществе и человеке – гражданская философия, моральная философия и философия истории. В частности, Т.Гоббс говорил об обществе как механическом агрегате – своего рода часовом механизме, а А.Сен-Симон, высоко ценивший научное творчество И. Ньютона, считал, что в обществе, как и в природе, основной действующий закон – закон всемирного тяготения. Поэтому, по его мнению «...из идеи всеобщего тяготения можно вывести более или менее непосредственно объяснение всех явлений...» [1, с.268].

Надо отметить, что обществоведы данной эпохи понимали метафоричность этих представлений, но отдавали должное методологическим преимуществам парадигмы механицизма. Этим определяется трансляция из физики таких идеализированных объектов, как точка, силовое воздействие, энергия, этим объясняются сохранившиеся в нашей языковой практике выражения «социальная инерция», «энергия масс», «центростремительные» и «центробежные силы» в обществе. Особенностью этого этапа являлась представление об органическом единстве природы и общества, а, следовательно, о принципиальной общности методологии их познания.

Второй этап, охватывающий период конца XVIII и XIX вв. характеризуется процессом институционализации наук об обществе. В это время от классической философии отпочковываются, приобретают суверенитет и статус научных дисциплин политическая экономия, социология, психология, культурология, историческая и политическая наука, другие системы научного знания. Процесс институционализации включал формирование коллективов исследователей, деятельность которых опиралась на общие для них традиции, нормы и идеалы познания, на использование единого понятийного аппарата и средств научной коммуникации.

Особенностью этого этапа являлось то обстоятельство, что становление социально-гуманитарных наук происходило в условиях кризиса классической философии, с присущей ей установкой на рационализм и приоритетом метафизической проблематики. При этом концептуальные основания возникшей социологической науки составляла философия позитивизма, которая была ориентирована на использование методологических принципов точных наук и игнорирование экзистенциальных и историософских аспектов социодинамики. Философская фундированность социологии способствовала тому, что она стала претендовать на статус лидера нового обществознания, заняв освободившееся место классической философии, что выразилось, в частности, в ее методологической экспансии в сферу возникающей научной историографии.

Тем не менее, доминирующей в это время становится иная методологическая тенденция. В обществознании начинает утверждаться установка на понимание качественного отличия общества от природы и на то, что общество следует рассматривать как социально-культурную реальность, со своей онтологической спецификой и закономерностями развития. Это понимание находит отражение в разделении наук на науки о природе и науки о культуре, которые различны не только по онтологической природе, но и по используемым методам познания. Для формирующихся социально-гуманитарных наук характерной становится интенция не только на объяснение, но, прежде всего, на понимание социальных явлений, которые мотивированы потребностями и интересами людей, и порождены их социальными действиями и поступками. Это означало, что легитимным, общепринятым, для обществознания становится понимание общества как объективно-субъективной реальности.

Как следствие этой методологической инвективы в адрес натуралистической методологии, на смену ей наряду с социологической программой изучения

общественных явлений, приходят психологическая, социально-психологическая и культурно-историческая исследовательские программы. Основанием для их применения явилось выделение системообразующего элемента общества, в качестве которого рассматриваются особенности влияния индивидуальной психологии лидера, особенности психологии этноса, класса, расы или традиций, нравов, обычаев, культурного наследия социума.

Особое значение в определении специфической для социально-гуманитарных наук методологии имела деятельность В. Виндельбанда и Г. Риккерта, выделивших в качестве опорных для данной методологии приемов не методы обобщения и генерализации, что характерно познанию природы, а описания и индивидуализации. Первоначально у них речь шла об историческом познании, но позже эти методологические приемы стали рассматриваться как основания методологии социально-гуманитарных наук в целом. Применение этой методологии позволило разработать такие фундаментальные философско-исторические концепции как «морфологии культуры» О.Шпенглера, «локальных цивилизаций» А. Тойнби, «осевого времени» К.Ясперса, общества как суперсистемы П.Сорокина и др.

Третий этап в развитии обществознания по времени приходится на значительную часть XX века после первой, а затем и второй мировой войн – период который Ш. де Голль назвал временем одной мировой войны с небольшим перерывом. Это время характеризуется возрождением внимания к метафизической проблематике в социально-философском и гуманитарном знании, что было обусловлено трагизмом событий и необходимостью осмысления породивших их глубинных причин, а также потребностью обращения к исторической судьбе человека в этом обществе, диалектической связи его свободы и ответственности за свои поступки. Это проблематика стала предметом рефлексии в работах М.Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, А.Камю и др.

Артикуляция экзистенциальной проблематики способствовала не только усугублению разделения наук о природе и обществе, но и дифференциации наук внутри самого обществознания – их разделении на социальные и гуманитарные науки. Основанием для этого стала экспликация специфики искомого знания – для таких социальных наук как экономические, политические – это знание общих тенденций функционирования и развития явлений и достижение знания в форме обобщающего закона, а для гуманитарных наук – психологических, культурологических – знание, характеризующее мотивы и ценностные установки, объективирующиеся в результатах деятельности людей. Поэтому в социальных науках объяснение обладало методологическим приоритетом по отношению к пониманию, а в гуманитарных науках ситуация была обратной, поэтому основу их методологии составила герменевтика. Это определяется тем обстоятельством, что, по образному выражению М.М. Бахтина, «предмет гуманитарных наук – выразительное и говорящее бытие» [2, с.228]. Более того, обретение собственной методологии и ее детализация не только способствовали устранению «комплекса методологической неполноценности», который существовал во времена классического обществознания как следствие использова-

ния методологии натурализма в изучении социальных явлений. Теперь же преодоление этого комплекса иногда оборачивалось действием по «принципу бу-меранга» и приводило к попытке внедрить в изучение природы методологические установки обществознания. Речь идет о предложении рассматривать объекты живой природы в диалогической парадигме с использованием требования понимания происходящих в ней явлений и раскрытия их латентных смыслов.

Начало современного, четвертого этапа в развитии обществознания можно датировать последней четвертью XX века, отличительной особенностью которого является четко обозначенный тренд к восстановлению ранее утраченного единства научного знания. Симптоматично, что в первом французском издании известной работы И.Пригожина и И.Стенгерс «Порядок из хаоса», присутствовала формулировка – «Новый альянс», которую трактуют как установку на необходимость и потребность в интеграции естественных и социально-гуманитарных наук. Действительно, развитие современной науки происходит в условиях информационной революции, которая происходит во всех сферах единой социоприродной реальности, включающей как собственно природу, так и общество. Поэтому усиление интеграционных процессов в ней является велением времени и проявляется в различных междисциплинарных вариациях. В частности это проявляется в возникновении новых междисциплинарных областей знания – геномики, эргономики, психоистории, нейролингвистики, биоинформатики, виктимологии и др. Об интенсификации интеграционных процессов в науке можно судить по эффективному применению междисциплинарных технологий познания, которые позволяют за счет использования эффекта трансляции теоретических моделей в новые области науки, получать значимые результаты. Об этом, в частности, можно судить по большой эвристической значимости синергетической методологии, которая, возникнув в нелинейной термодинамике довольно быстро получила применение в биологической науке, позволив по-новому взглянуть на процессы, происходящие на клеточном уровне. Позитивным является использование этой методологии и в социальном познании. Так в исторической науке ее применение дало возможность раскрыть новые аспекты вариативности в динамике социума и выявить нюансы в анализе проблемы исторических альтернатив, а в экономической науке позволило проанализировать причины мирового экономического кризиса начала нынешнего столетия и разработать возможные сценарии его разрешения.

В целом же, развитие современного общества характеризуется существованием взаимосвязанных технологий, использование которых придает происходящим в нем изменениям системный характер. В литературе их взаимное использование получило название НБИК (NBIC)-конвергенции. Этот термин является аббревиатурой названий четырех наиболее перспективных технологий социодинамики – нано-био-информационно-компьютерных и когнитивных технологий, использование которых невозможно без междисциплинарного взаимодействия многих наук. В их числе физика, химия, материаловедение, биология, фармакология, экология и конечно комплекс социально-гуманитарных наук, поскольку речь идет о мировоззренческих ориентациях, ценностных

предпочтениях и перспективах развития человечества. Второй аспект рассмотрения проблемы взаимосвязи философии и социально-гуманитарных наук – функциональный. Необходимо отметить, что социальная философия в ее современном понимании оформляется в результате институционализации в XIX веке социально-гуманитарных наук, по итогам которой происходит ее самоопределение, связанное с необходимостью осознания нового статуса системы философского знания в обществознании. Очевидно, что у философии и социально-гуманитарных наук один объект – социум, но различны предметы изучения, что определяется различием тех сфер общественной жизни, которые они изучают, а также стоящими перед ними целями, задачами, когнитивными и практическими приоритетами.

Принципиальной особенностью социальной философии является ее плюралистический характер, позволяющий с разных сторон и концептуальных позиций рассматривать общество и его феномены, не претендуя, однако, на получение единственно правильного и исчерпывающего знания. В этой связи, сопоставляя философское и научное знание, известный немецкий философ К. Ясперс отмечал, что «...в философии не бывает того единодушия, которое устанавливается по поводу всего окончательно познанного. То, что признает каждый, опираясь на не терпящие возражений основания, и что становится научным знанием, не является более философией, но относится к отдельной области познаваемого» [3, с.9].

Взаимосвязь философии и социально-гуманитарных наук осуществляется в нескольких ракурсах. Во-первых, общепризнанным является рассмотрение философии как общеметодологической основы научного познания. В частности об этом свидетельствует существование исследовательских программ в обществознании, основными из которых являются натуралистическая, социологическая, психологическая, социально-психологическая и культурно-историческая. Методологический статус этих программ определяется двумя факторами. С одной стороны, они являются трансляторами философских принципов, содержащих установки на рассмотрение изучаемых явлений как объективных феноменов, изучение процессов в развитии, во взаимной связи, конкретно исторического подхода и др. Эти принципы с необходимостью принимаются в качестве оснований научной теории или концепции. С другой стороны, именно программы исследования способствуют трансляции новых конкретно-научных знаний в социальную философию, способствуя ее развитию за счет обогащения эмпирической базы и интерпретации этих знаний в формах философской рефлексии. Исследовательские программы полезны и продуктивны как для гуманитарных наук, так и для социальной философии, предотвращая возможность как догматизации знания о социальных явлениях, так и гипостазирования социальных объектов – придания абстрактным объектам, конструктам статуса объективного существования.

Второй ракурс корреляции и взаимодействия философии и социально-гуманитарных наук проявляется в существовании особых междисциплинарных систем знания, в которых конкретизируется общеметодологическая функция

философии. В естествознании такими областями знания, давно проявившие свою эффективность, являются философия физики, биологии, математики и др. В обществознании становление таких дисциплин было продуцировано институционализацией конкретных наук и пониманием необходимости контактов с философией, проявившись в возникновении в Новое время философии истории, философии политики, философии права, философии культуры, экономической философии и др.

Третий ракурс диалектики философии и социально-гуманитарных наук характерен для их взаимодействия и взаимного дополнения в структуре учебного процесса. В частности, в изучении курсов, спецкурсов, интегрированных модулей по проблематике социальной философии на факультете философии и социальных наук БГУ очевидна дополнительность в рассмотрении многих проблем обществознания. В частности, речь идет о корреляции работы преподавателей кафедры в изучении концепций социального действия и специфики социальной структуры общества с кафедрой социологии, в анализе специфики общественного сознания, социальной психологии, психологии масс и политического психоанализа с кафедрой психологии. Продуктивным является сотрудничество в рассмотрении проблем социализации человека и коммуникативного действия – с кафедрой социальной коммуникации, духовной жизни общества – с кафедрой философии культуры, а философии власти, политической теории и нормативного обеспечения деятельности людей и социальных групп – с кафедрой политологии и кафедрами юридического факультета. Очевидной является корреляция и с другими социально-гуманитарными кафедрами университета – экономическими, культурологическими, историческими.

Важность этого взаимодействия хорошо осознают как философы, так и ученые-гуманитарии, причем осознают не только ученые. В этой связи обращу внимание на мнение известного немецкого поэта, драматурга, историка и теоретика искусства И.-Ф. Шиллера, считавшего, что для обладающего «философским складом ума» ученого-историка «все находится во внутренней связи, и его мощное стремление к единству не может мириться с кусками и обрывками целого. Все его стремления направлены к совершенству и полноте его знания» [4, с. 598]. В этом ценность владения навыками философско-методологического мышления. Таким образом, диалог ученых-гуманитариев и философов взаимно полезен, поскольку ведет к взаимопониманию и взаимному обогащению, давая возможность избежать дублирования в преподавании социально-гуманитарных наук, и в то же время акцентировать внимание на актуальных проблемах общественного развития, рассматривая их с позиций методологии системного подхода.

Библиографические ссылки

1. Сен-Симон А. Избранные сочинения. В двух томах Т.1. М. : изд-во Академии наук СССР, 1948. т.1. 468 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. Спб.: Азбука, 2000. 336 с.
3. Ясперс К. Введение в философию. Минск: Пропилеи, 2000. 192 с.

4. Шиллер И.-Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т.VII. Исторические работы. М. : Академия, 1937. 688 с.

УДК 101.1:316

РАСИСТСКИЙ ДИСКУРС И КАТЕГОРИЯ РАСЫ: К ВОПРОСУ О ПЕРВИЧНОСТИ

О. В. Новикова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
mod@tut.by

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимозависимости концептов расы и расизма. Автор анализирует идею Ж. Деррида о том, что именно расизм эксплицирует категорию расы и исследует этимологию и историю развития концептов расы, расизма, ксенофобии и геоклиматического детерминизма, обращаясь к идеям Гиппократов, Г. Гегеля, Ж.-Л. Бюффона, Ж. де Гобино и др. мыслителей и делая вывод, что, несмотря на этимологическое предшествование концепта расы расизму, использование этой категории в науке, политике, культуре обусловлено существованием расизма. Особое внимание уделяется вопросу об использовании категории расы в современной науке – как естественной (генетика), так и гуманитарной (история), в связи с чем обращается внимание на работы Б. Айзека, М. Юделла, Д. Робинс и др.

Ключевые слова: *раса; расизм; ксенофобия; геоклиматический детерминизм; «народный дух».*

RACIST DISCOURSE AND RACE CONCEPT: ON THE QUESTION OF ANTECEDENCE

O. V. Novikova

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the question of mutual relationship of race and racism concepts. The author analyzes J. Derrida's idea about the racism discourse explicating the race concept and examines etymology and evolution of race, racism, xenophobia and geoclimatic determinism concepts referring to Hippocrates, Hegel, Buffon, Gobineau, etc. The matter is that despite the etymological antecedence of the race concept its usage is determined by racists prevalence. The special attention is paid on the usage of race concept in contemporary science, both genetics and history, and on the works of B. Isaak, M. Yudell, D. Robins, etc.

Key words: *race; racism; xenophobia; geoclimatic determinism; Volksgeist.*

Концептуализация феномена расизма в последние десятилетия нередко ставит исследователя в тупик: под расизмом обычно понимают спектр идей и практик, обосновывающих дискриминацию представителей определенной со-

циальной группы (расы, этноса и т.д.) в связи с убеждением в наличии непреодолимых биологических различий между ними и представителями собственной группы. Вместе с тем, начиная с 1960-х гг. параллельно с «традиционным» расизмом, оперировавшим природными, биологическими параметрами, развиваются два новых типа расизма – классовый и культурный, которые отказываются от явного использования понятия расы. Можно ли в таком случае квалифицировать эти типы дискурса как расистские? Если понимать расизм как следствие абсолютизации расовой специфики, то легко сделать поверхностное заключение, что, лишившись категории расы как своего референта, расизм эволюционирует в некий новый феномен, требующий самоопределения и концептуализации. Но, по словам Ж. Деррида, именно расизм эксплицирует понятие расы: «раса – это искусственный продукт того, что мы называем расизмом» [1]. Вначале возникает дискурс конфронтации – расизм, затем он формулирует самообоснование и выводит концепт расы.

Этот парадоксальный тезис – повод к дискуссии: если понятие расизма впервые зафиксировано в 1910-е гг. [2], то этимология термина «раса» не совсем ясна. В русском языке данный термин появляется в середине XIX в., в европейских – известен примерно с XVI в. (средневековое английское и французское слово *race* (порода, род, семья) восходит к итальянскому *razza*, корни которого неизвестны) [3]. Российский философский энциклопедический словарь 2010 г. определяет расу как группу людей, «в которой характерный внешний облик обусловлен общими наследственными конституционными признаками (цветом кожи, формой головы, формой лица и носа, формой и цветом волос, размерами тела и т. д.)... В широком смысле слова раса представляет собой форму, в которой характер человека находит выражение в его внешних признаках, в частности в форме головы и лица» [4]. С точки зрения современного западного социально-гуманитарного знания это определение является устаревшим. Оксфордский словарь дает примечание, согласно которому использование понятия расы в современных текстах является проблематичным, поскольку вызывает устойчивые ассоциации с расово-антропологическими теориями XIX в. и расистской идеологией в целом, и отмечает, что чаще наблюдается замещение данного понятия менее «эмоционально окрашенными» терминами.

Таким образом, исторически понятие расы предшествует понятию расизма; однако речь идет о том, что расизм как феномен возникает задолго до того, как получает наименование. Некоторые исследователи (например, историк Б. Айзек) полагают, что истоки расовых предрассудков и проторасизм обнаруживаются уже в античном мире [3]. Например, в сочинении Гиппократы «О воздухах, водах и местностях» греческий автор утверждает, что «наибольшей причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам... вот по этим-то причинам, кажется мне, народ азиатский

лишен всякого мужества...» [5, с. 296]. Однако квалифицировать это высказывание как расизм можно только с очень большой долей условности. Это геоклиматический детерминизм, который можно рассматривать как потенциальную основу для расистского мировоззрения – в том случае, если автор перейдет от нейтральных дескрипций к аргументам в пользу дискриминации. Гиппократ далее дополняет свои сомнения в мужестве азиатов мыслью о влиянии на их характер суровых азиатских законов, тем самым разбавляя геоклиматический детерминизм факторами иного порядка.

Два тысячелетия спустя Г. В. Ф. Гегель, критикующий «плоский» географический детерминизм в «Лекциях по философии истории», допускает крайне неполиткорректную по современным меркам сентенцию: «... характер негров отличается необузданностью. Это состояние исключает возможность развития и образованности, и негры всегда были такими же, какими мы видим их теперь. Единственной существенной связью, соединявшею и еще соединяющею негров с европейцами, оказывается связь, выражающаяся в рабстве» [6, с. 142]. Это брошенное вскользь расистское замечание, которое сейчас стоило бы философу академической карьеры, отражало новоевропейский дух вплоть до конца XIX – начала XX в. – времени зарождения концепций традиционного расизма в духе Ж. де Гобино, Ж. Ваше де Лапужа, Х. С. Чемберлена и др. Гегеля с его идеей исторических – воплощающих Мировой дух – и неисторических народов нельзя отнести к основоположникам традиционного расизма, поскольку антропологические различия не являлись специальным предметом его внимания: в первую очередь он рассматривал влияние историко-культурной среды на становление человека, а затем уже географической. Однако идея существования народного духа (Volksgeist), наследуемого представителями определенного этноса неким мистическим образом и выступающего проявлением Абсолютного духа – при условии, что не всем народам дана способность осознать этот дух, – ведет к идее имманентного неравенства народов и, как следствие, к культурному расизму, который, в свою очередь, будет концептуализирован Ф. Фаноном в речи «Расизм и культура» в 1956 г. (издана посмертно в сборнике его эссе «На пути к африканской революции»).

Рассматривая тезис Ж. Деррида о том, что расизм конструирует концепт расы, мы принимаем допущение, что этимология понятий менее важна, чем происхождение феноменов. Понятию расы как «группы со сходными чертами», «породы», «семьи», датируемому XVI в., предшествуют идеи разделения людей на группы, объединенные по цвету кожи; эти идеи обнаруживаются еще в Древнем Египте во II тыс. до н. э. или в Библии (сыновья Сима, Хама и Иафета). Вместе с тем теоретический базис расовой таксономии оформляется значительно позже, в XVIII в., и связан с именами К. Линнея, Ж.-Л. Бюффона, И. Блюменбаха и др., предложивших ряд версий расовой спецификации. В частности, Ж.-Л. Бюффон впервые вводит в антропологический вокабуляр понятие расы (заменяя им линнеевский термин «разнообразия» – *variety*). Исследователи Дж. Джексон-младший и Н. Вайдман отмечают, что слово «раса» пришло из французского и испанского языков, в которых имело два сходных

значения: во-первых, оно обозначало группу животных, объединенных общим признаком, во-вторых – принадлежность к родовитым европейским домам; «Бюффон использовал сразу оба значения» [7, р. 18]. Таким образом, мы приходим к выводу, что концептуализация расы предшествует концептуализации расизма. Это, тем не менее, не опровергает тезис Ж. Деррида, поскольку остается нераскрытым вопрос об искусственности категории расы. Этот термин фиксировал фенотипические характеристики и закреплял их в качестве существенных признаков биологических различий между народами, выступая скорее как эссенциалистская, чем как конструктивистская категория.

Современная наука склонна отказываться от категории расы. Американские генетики М. Юделл, Д. Робинс, Р. Де Салль и С. Тишкофф полагают, что, с одной стороны, использование категории расы вполне инструментально для выявления генетического разнообразия человека, но с другой стороны, эта категория достаточно неопределенная и нечеткая для того, чтобы выступать показателем зависимости происхождения от генетики. Вместе с тем, в политической сфере сейчас отмечаются спекуляции идеей расового разнообразия, отражающиеся на эскалации прорасистской риторики. В связи с этим авторы предлагают избегать использования в генетике понятия биологической расы, поскольку оно «в лучшем случае проблематично, а в худшем – опасно» [8, с. 565]. Б. Айзек отмечает, что к началу XXI в. концепт расы стал в большей степени теоретическим, чем квазибиологическим, и это указывает на то, что «расы не существует, в отличие от расизма» [2, с. 33]. Это подтверждает тезис Ж. Деррида: даже несмотря на этимологическое предшествование концепта расы расизму, использование этой категории в науке, политике, культуре обусловлено существованием расизма.

Библиографические ссылки

1. Деррида Ж. РасСЛЕДования // Новое литературное обозрение №111 (05/2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/111_nlo_5_2011/article/18279/ Дата доступа: 19.05.2019
2. Isaak B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton University Press, 2006. 592 p.
3. Race // Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/race> Дата доступа: 19.05.2019
4. Раса // Философский Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-208-1.htm#zag-2294> Дата доступа: 19.05.2019
5. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях / Избранные книги. М. : Госуд. изд-во биологической и медицинской лит-ры, 1936. 860 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480с.
7. Jackson-Jr J., Weidman N. Race, Racism, and Science: Social Impact and Interaction. Rutgers University Press, 2005. 424 p.
8. Yudell M., Roberts D., DeSalle R., Tishkoff S.. Taking race out of human genetics // Science Magazine. 5 February, 2016. Vol. 351. P. 564–565.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ДИВЕРГЕНТНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Е.В.Радевич

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
katrin_frol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции современной социодинамики, анализируется современный вектор глобализационного развития, который последнее время демонстрирует изменение своего направления в сторону дивергенции мирового сообщества. Наиболее отчетливо это наблюдается в социокультурной сфере, где наблюдаются такие явления, как усиление военных противостояний, терроризм и фундаментализм, наблюдается раскол как арабо-мусульманского, так и западного мира, вместо тенденции гомогенизации все чаще наблюдаются такие явления, как усиление трайбализма и партикуляризма, обостряется проблема идентичности. Эти тенденции вполне осязаемо позволяют говорить о том, что современный мир стоит на пороге раскола, когда вместо объединения и консолидации человечество становится все более разобщенным и разрозненным, наблюдается дивергенция мирового сообщества.

Ключевые слова: глобализация; дивергенция; идентичность; социодинамика.

SOCIO-CULTURAL CONSEQUENCES OF GLOBALIZATION AS DIVERGENT FACTORS OF SOCIAL DYNAMICS

E. V. Radevich

Belarusian State University
Nezavisimosty av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus.

Annotation. The article discusses the main trends of modern sociodynamics, analyzes the modern vector of globalization development, which recently demonstrates a change in its direction towards the divergence of the world community. This is most clearly seen in the sociocultural sphere, where such phenomena as intensification of military confrontations, terrorism and fundamentalism are observed, there is a split in both the Arab-Muslim and Western world; identity problem. These tendencies quite tangibly allow us to say that the modern world is on the verge of a split, when instead of uniting and consolidating humanity becomes increasingly fragmented, there is a divergence of the world community.

Keywords: globalization; divergence; identity; sociodynamics.

Понятие «дивергенция» (от лат. *divergo* отклоняюсь, отхожу, *divergere* - обнаруживать расхождение) приходит в социогуманитарное знание из биологии, введенное еще Ч. Дарвином, «где оно означает расхождение признаков у родственных организмов в процессе их эволюции или же распад первоначально единого экологического сообщества на несколько самостоятельных новых. В сфере политики дивергенция связана с увеличением качественного разнообразия институционально-политических, социально-культурных, идеологических и иных проявлений. Это ведет к усложнению существующих и появлению новых систем от-

ношений. Дивергенция выступает как понятие, противоположное конвергенции. В реальности дивергентные и конвергентные процессы находятся в непрерывном взаимодействии, обеспечивая поступательное движение, стабильное развитие и функционирование всех существующих общественных организмов» [1].

В социокультурном пространстве современного общества дивергенция проявляется в таких негативных явлениях, как сепаратистские и фундаменталистские движения, постоянно усиливающиеся военные конфликты (Сирия и Украина), а также недавнее решение одной из стран Евросоюза прекратить в нем свое участие (Великобритания). Кроме того, дивергентные процессы в мире усиливаются благодаря тем вызовам, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на рубеже столетий – мировой финансово-экономический кризис, эколого-климатические проблемы, которые обостряются параллельно с интенсивным технологическим развитием человечества, гуманитарный, ресурсно-сырьевой и энергетический кризисы, усиление терроризма. Эти вызовы современной цивилизации обостряются в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только форсирует, но и порождает многие из этих кризисных ситуаций.

Усиление глобализационных процессов порождает активизацию усилий по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Такого мнения, в частности, придерживается Дуглас Келлнер в своей книге «Медиа культура». «Стремление к идентичности, – пишет Д. Келлнер, – возможно более интенсивное в настоящий момент, чем когда либо» [2, р. 256]. Автор соглашается с тем, что идентичность в современной постмодернистской ситуации наиболее сильно подвержена изменениям и наименее устойчива и едина, чем прежде. В некоторой степени это является результатом разрушительного воздействия медиа культуры. «Реклама, мода, телевидение и средства массовой информации постоянно дестабилизируют идентичность и вносят свой вклад в производство более нестабильной, подвижной и постоянно изменяющейся идентичности на современной культурной сцене» [2, р. 256].

В то же самое время в различных частях современного мира можно заметить признаки возвращения к трайбализму и различным формам коллективной идентичности: национальной, этнической, религиозной. Это не означает, что национальная идентичность стала или скоро станет реликтом прошлого. Как раз, наоборот, многие исследователи этого вопроса считают, что национальная идентичность для большинства людей мира остается одной из важнейших форм коллективной идентичности. Э. Смит в своей книге «Национальная идентичность» говорит о ее принципиальной значимости по ряду причин: во-первых, подчеркивается ее вездесущий характер; во-вторых, национальная идентичность широко распространена и глобальна (нет ни одной сферы деятельности, которая не была бы затронута национальными мотивами); в-третьих, существует огромное количество народов и национальных идентичностей, поэтому национальные аспекты манифестируются в социальных, политических и идеологических движениях, течениях и направлениях» [3, р. 143]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вышеназванные тенденции актуализации этнической, национальной и религиозной

идентичности свидетельствуют скорее о наличии дивергентных процессов в условиях глобализации, чем о конвергенции мирового сообщества.

Для того, что бы оценить культурные изменения, которые несет в себе глобализация, необходимо отметить сдвиги, происходящие в использовании национального языка, значение которого с каждым днем ослабевает. В современной социокультурной ситуации все чаще одни языки используются в международной коммуникации, в то время как другие практически исчезают. Учитывая сложность глобальных культурных процессов, вполне ожидаемо проявление их неравномерных и противоречивых последствий. В определенных условиях эти глобальные культурные потоки могут изменить традиционное проявление национальной идентичности в сторону некоторой гомогенности. В других случаях они могли бы способствовать выражению нового культурного партикуляризма; в третьих – могут поощрять формы культурной «гибридности». В связи с этим следует отметить, что, несмотря на наличие процессов американизации, обезличивающих другие культуры, о которых говорят многие исследователи, в современном мире едва ли можно встретить общество, обладающее своей аутентичной, самодостаточной культурой. В то же время, тем мыслителям, которые поддерживают распространение консюмеризма, не следует забывать о негативных последствиях этого процесса – массовизации культуры, резком сокращении традиционных особенностей, а также коммерциализации природы и общества.

Следует отметить особую роль СМИ в процессе культурной глобализации. В значительной степени современные культурные потоки нашего времени генерируются и режиссируются глобальными медиа-империями, которые используют коммуникационные технологии для распространения своих идей и сообщений. Насыщая мировую культурную среду шаблонными телешоу, бессмысленными рекламными роликами, эти корпорации все чаще формируют идентичность людей и определяют их желания по всему миру. Более того, очень часто это происходит без их желания и носит неосознанный характер. С усилением глобализационных тенденций неразрывно связано увеличение роли мировых СМИ. За последние десятилетия только небольшая группа ТНК оказывала реальное влияние на международный рынок развлечений, кино, новостей и телевидения, среди которых можно выделить Yahoo, Google, Microsoft, Viacom, General Electric, Disney и News Corporation. Можно сказать, что появление глобального рынка коммерческих СМИ сводится на сегодняшний день к глобальной олигополии, похожей на автомобильную и нефтяную промышленность 20 века. В такой ситуации небольшие радиостанции, газеты, издательства оказываются практически вымершими, потому что не способны конкурировать с медиа гигантами.

Глобализация культуры – сложный и противоречивый процесс. На фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устоявшихся

форм культуротворчества иными, зачастую эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинных смыслов аксиологическими и символическими формами духовной культуры. Это ведет к упрощению, архаизации, стагнации или в крайнем варианте – к разрушению и исчезновению культуры. Рассматривая процесс социокультурной динамики в условиях глобализации, можно сделать вывод о том, что последняя становится в современных реалиях не фактором развития мирового сообщества, а скорее фактором раскола, дивергенции мировой цивилизации.

Библиографические ссылки

1. Дивергенция : Философия: Энциклопедический словарь / А.А. Ивин [ред.]. – М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
2. Kellner D. Media Culture. Cultural Studies, Identity and Politics between the Modern and Post-modern. London ; New York : Routledge, 2000. 357 p.
3. Smith A. National Identity. Harmondsworth : Penguin, 1991. 226 p.

УДК 101.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Р.С. Сашчеко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
romansashcheko@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются концептуальные основания исследования проблемы идентификации и идентичности. Опираясь на материалы исследователей психоаналитической традиции, определяется феноменологическое содержание и категорий идентификация и идентичность. Выделены основные векторы исследования проблемы идентификации в психоанализе. Выявлена роль механизма идентификации в развитии идентичности.

Ключевые слова: *идентичность; идентификация; бессознательное; психоанализ; самость.*

CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND METHODOLOGICAL PROJECTIONS OF THE IDENTIFICATION PROBLEM RESEARCH

R. S. Sashcheko

Belarusian State University

Nezavisimosty av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The conceptual bases of the research of the problem of identification and identity are considered. Based on the materials of researchers of the psychoanalytic tradition, the phenomenological content of the categories of identification and identity is determined. The main vectors of the study of the problem of identification in psychoanalysis are identified. The role of the identification mechanism in the development of identity is revealed.

Keywords: *identity; identification; unconscious; psychoanalysis; self.*

Достаточно продолжительное время проблема идентичности и сопутствующие ей процессы идентификации сохраняют свою актуальность в междисциплинарном дискурсе социально-гуманитарного знания. Понятие «идентичность» оказалось широко востребованным в различных гуманитарных науках таких, как философия, социология, психология, культурная и социальная антропология, культурология, этология, в гендерных и политических науках. И это не случайно, так как каждая из вышеперечисленных наук имеет свои парадигмальные установки и методологические принципы, что позволяет изучить различные составляющие процесса идентификации с различных позиций. Чем больше исследователей взаимодействуют друг с другом, тем более полным становится рассмотрение этой проблемы, ведь идентичность – это также результат многочисленных взаимодействий на культурном, этническом, лингвистическом, психическом и других уровнях.

Традиционно понятия «идентичность», «идентификация» и «самоидентификация» связывают с психологическими учениями. Тем не менее, данные категории довольно часто становятся предметом обсуждения в социологии, философии и социальной философии в частности. Исторически первой традицией изучения феномена идентичности была философская традиция. Феномен идентичности с позиции категории тождества рассматривал еще Сократ. На соотношение социального и личного компонентов в человеке, обратил внимание величайший древнегреческий философ – Аристотель, который соотносил этос (этос – нравственный характер человека) с полисом граждан и считал, что этос укоренён в нём, именно поэтому в определении Аристотеля: «Человек – животное политическое, общественное». В классической западноевропейской историко-философской традиции всегда большое внимание уделялось рефлексивной субъективности (Б. Спиноза, Р. Декарт, Д. Локк, Д. Юм, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, И. Г. Фихте, Ф. Brentano). Первая предпринятая попытка приблизиться к современному пониманию личностной идентичности сделана Д. Юмом. Д. Юм перенес понятие тождественности с общеполитических категорий непосредственно на самого человека. В работах Иоганна Готлиба Фихте и Людвиг Фейербаха затрагивается проблематика социальной человеческой самости, которую часто используют как синоним понятия идентичности. Проследить развитие этой темы можно и в философии марксизма. Одна из главных задач философского понимания термина «идентичность» заключается в том, чтобы приблизиться к осознанию диалектики «того же» и «самости», исследовать многочисленные возможности установления связей между постоянством и изменением, которые соответствуют идентичности в смысле «самости». С точки зрения философии можно говорить об идентичности и идентификации не как о механизмах, а как о процессах человеческого бытия и самоопределения, имеющих свои формы и механизмы. Как философская проблема идентичность многопланова и раскрывается с помощью разных понятий, разных категорий, разных терминов Основы социологического подхода к пониманию и исследованию феномена идентичности заложил датский философ-экзистенциалист Сёрен Кьеркегор, который полагал,

что человек осознаёт себя через оценивания со «значимыми другими», т.е. через социальный компонент. Позже понятие идентичности трансформируется в различные области социально-гуманитарного знания.

Введение в психоаналитический дискурс понятия «идентичность», связывают с деятельностью основоположника психоанализа З. Фрейда. В своих работах Фрейд употреблял понятие «идентификация». В его трактовке идентификация – это процесс бессознательного отождествления, уподобления себя другой личности, вследствие которого появляется подражание в поведении. Первоначально это понятие применялось в психоанализе исключительно для интерпретации явлений патологической депрессии, позднее – для анализа сновидений и процессов, посредством которых маленький ребенок усваивает образцы поведения других, формирует инстанцию «Сверх-Я», принимает женскую или мужскую роль. В своем конечном представлении в психоанализе идентификация трактуется «как самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом» [2, с. 87-88].

В современных психоаналитических теориях, таких как гуманистический психоанализ, теории объектных отношений, эго-психологии, эпигенетическом психоанализе, интерперсональном психоанализе, интерсубъективном психоанализе, селф-психологии, самоидентификация и идентификация определяется преимущественно как процесс и механизм самоотождествления человека с другим человеком, группой, образом или символом, профессией. Так, в психоанализе, выделяют четыре основных вектора в определении самоидентификации, которая охватывает следующие пересекающиеся области психической реальности. Первый вектор – определение самоидентификации как устойчивого отождествления личности со значимым другим, выраженное в стремлении быть похожим на этого «значимого другого». Второй вектор – определение самоидентификации как ситуативного уподобления (как правило, неосознанное) себя значимому другому как эталону на основании эмоциональной связи с ним. Посредством механизма самоидентификации формируются многие поведенческие черты, ценностные ориентации, черты характера личности и половая идентичность. Третий вектор – определение самоидентификации как механизма психологической защиты. Сущность данного механизма заключается в том, что человек бессознательно уподобляется объекту, вызывающему тревогу или страх. Четвертый вектор – самоидентификация понимается как групповая самоидентификация, т.е. устойчивое отождествление личности с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и системы ценностей, осознание себя членом этой группы или общности.

Синонимами понятия «идентификация личности» являются «аутоидентификация», «самоидентификация». Таким образом, идентификация представляет собой процесс, посредством которого человек или распространяет свою идентичность на кого-либо другого, или заимствует свою идентичность от кого-либо, или смешивает или путает свою идентичность с идентичностью другого. В дискурсе социально-гуманитарных наук концепт идентичность появился сравнительно недавно. Лишь во второй половине XX века термин идентичность активно входит в научный оборот. Идентичность как категория имеет очень широкое и в последнее

время все более «размытое» применение.

Первым, кто дал наиболее полное и развернутое толкование определения идентичности был Эрик Эриксон. В своей работе «Идентичность: юность и кризис», Эриксон определил идентичность, как «ощущения тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и осознания того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [3, с. 114]. Психоаналитик утверждает, что впервые услышал термин «идентичность» от Пола Федерна. В понимании Федерна, идентичность – чувство «Я», множество образов «Я» в различные периоды жизни человека, данное определение и легло в основу эпигенетической теории развития личности Эриксона. Эриксон рассматривал социально-психологические аспекты идентичности, принимая во внимание основополагающую роль семьи, воспитания, социально – культурный контекст и историческую ситуацию в формировании идентичности. Теория идентичности Эриксона стала отправной точкой для исследователей феномена идентичности. Принято считать, что именно Эриксон первым ввел в научный дискурс термин «идентичность, и дал универсальный толчок к междисциплинарным исследованиям феномена идентичности. По мнению психоаналитика, идентичность – динамический процесс, который продолжается на протяжении всего эпигенетического цикла человека и имеет свою внутреннюю непрерывность и тождественность [3]. По Эриксону, идентичность – это «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я» независимо от изменений «я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [4, с. 92]. «Идентичность – это, прежде, всего показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой скрыты, однако, на предшествующих стадиях развития» [3, с. 126]. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что идентичность – это и накопленный опыт жизненного цикла человека, это и способности личности, которые развиваются из задатков, и возможности, которые предложены социальными ролями. Идентичность развивается, благодаря процессу самоидентификации, личность усваивает культурные ценности, осваивает различные виды деятельности, этические и социальные нормы. Благодаря самоидентификации личность стремится к определению самой себя, выявлению собственных способностей и возможностей. Таким образом, понятие идентичности можно соотнести с постоянным, непрекращающимся развитием «Я».

В современном психоанализе вкладывают ряд смыслов в понятие «идентичность» – это тождество, целостность, определенность, способ различения «Я» – «не-Я», самость, уникальность, непрерывность во времени. Начиная с разработок Эриксона, в современном междисциплинарном дискурсе, выделяются следующие основные направления исследований идентичности: первое направление – это исследование самого чувства идентичности; второе – связано с исследованиями формирования идентичности; третье направление исследования касается конфигурации идентичности, которая является результатом процессов идентификации. Действительно, идентифицируясь, человек овладевает различными видами дея-

тельности, осваивает и усваивает культурные ценности, социальные нормы поведения. Благодаря идентификации личность стремится к определению самой себя, выявлению собственных способностей и возможностей. Сопоставляя себя с другими, человек как бы примеряет различные социальные роли в жизни, определяет, каким он может быть и что он есть. Основоположник психоанализа, первый, кто разделил понятия групповая и индивидуальная идентичность. З. Фрейд исходил из того, что человек в массе и человек сам по себе – различные явления. Так по его мнению, индивидуальная идентичность зависит от «эго», а групповая – от целого ряда факторов: географические характеристики места в котором проживает социальная группа; мировоззрение и мироощущение коллектива; восприятие времени, материальные средства и цели коллектива; коллективный, жизненный план и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что если идентификация предполагает действие, некий процесс соотнесения человеком самого себя с другими людьми на основе выявления общих ценностей, эмоциональных переживаний, структуры и направленности внутреннего мира, или, наоборот, специфических признаков и черт, то идентичность выступает как результирующий процесс идентификации. Идентификация может быть также охарактеризована как процесс становления, функционирования и развития идентичности.

Библиографические ссылки

1. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М. : Просвещение» 1990. 448 с.
2. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» М. : Азбука-Аттакус, 2013. 192 с.
3. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 342 с.
4. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб. : Речь, 2002. 415 с.

УДК 17 (072. 8)

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Н.Г. Севостьянова

УО «Минский государственный лингвистический университет»

ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь

n-sevastianova@mail.ru

Аннотация. Перевод Библии в отечественной культуре на славянские, русский, белорусский языки основан на ивритских, арамейских, греческих, латинских оригиналах. Связан с историей государственности, церковности, духовной культуры. Основными вехами истории перевода Библии стали: славянский перевод Кирилла и Мефодия, Остромирово евангелие 1056–1057 г., Геннадиевская Библия 1499 г., Библия Руска 1517 г., Острожская Библия 1581 г., Русская Библия 1663 г., Петровско-Елизаветинская Библия 1751 г., русская Библия издания Священного Синода 1876 г., Синодальный перевод Библии издания Московской Патриархии 1956–1968 гг.

Ключевые слова: Библия; Ветхий Завет; Новый Завет; Септуагинта; Вульгата; перевод; славянские языки; русский язык; белорусский язык.

BASIC MILESTONES OF THE BIBLE TRANSLATION HISTORY IN DOMESTIC CULTURE

N.G. Sevostyanova

Minsk State Linguistic University

Zakharova str., 21, 220034, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Translation of the Bible in the national culture of the Slavic, Russian, Belarusian languages based on Hebrew, Aramaic, Greek, Latin originals. Associated with the history of statehood, churchhood, spiritual culture. The main milestones in the history of Bible translation are: Slavic translation by Cyril and Methodius, Ostromir Gospel 1056–1057, Gennady Bible, 1499, Bible Rusca 1517, Ostrog Bible, 1581, Russian Bible, 1663, Petrovsko-Elizavetinsky Bible, 1551 The Russian Bible. Publications of the Holy Synod 1876. Synodal translation of the Bible. Publications of the Moscow Patriarchate 1956–68.

Keywords: *the Bible; Old Testament; New Testament; Septuagint; Vulgate; transfer; Slavic languages; Russian language; Belarusian language.*

Библия (греч. *biblia* – книги) как собрание древних текстов (разновременных, разноязычных и разнохарактерных), созданных на протяжении XIII в. до н. э. – II в. н. э. и канонизированных религиозными традициями иудаизма и христианства, включает в себя книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Лежит в фундаменте европейской духовной культуры, в том числе восточнославянской, во многом определяет религиозные и светские нравственные устои человечества. «Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр. 1, 21). Основные вехи уникальной истории перевода Библии в отечественной культуре отражают перипетии ее истории, светской и церковной, государственности (русской, российской, белорусской), а также поликонфессиональную специфику, особенности родного языка и работу «справщиков». Основываются на греческой Септуагинте и латинской Вульгате [3]. Ветхий Завет был написан на древнееврейском (иврите) и частично арамейском языках, Новый Завет – на греческом. Септуагинтой (лат. *septuaginta* – семьдесят), или греческим переводом LXX-ти, называют Александрийский перевод Ветхого завета с еврейского языка на греческий, выполненный 72-мя толмачами из Иерусалима в III–II вв. до н. э.. В русской церковной литературе данный вариант получил название «перевода семидесяти толковников». Вскоре иудейские законоучители предпочли создать другой, более близкий к еврейскому тексту перевод Ветхого завета на греческий язык. Эту работу выполнили в первой четверти II в. Акила, во второй половине II в. – Симмах и Феодотион. В 280 г. появилась рецензия Лукиана, составленная в Антиохии. Первые переводы Библии на латинский язык появились в конце I – начале II в., и в них книги Ветхого завета были переведены не с еврейского оригинала, а с греческой Септуагинты. Положение дел исправил секретарь Папы Римского Иероним (ок. 345–420), владевший греческим, латынью и

ивритом. Он создал Вульгату (лат. *vulgata* – простонародный, общедоступный) – нормативный текст латинской Библии как перевод Ветхого завета с еврейского, а Нового Завета – с греческого языка.

Событие крещения Руси по восточно-византийскому, греческому типу ортодоксии, обозначенное в «Повести временных лет» (Начальной летописи) под 988 г., повлекло за собой необходимость перевода Библии. Первый ее перевод на славянский язык выполнили Константин Философ (Кирилл после пострига в монахи) и его брат Мефодий – греки, родившиеся и выросшие среди славянского населения Македонии в г. Солуни (Салоники). В 860 г. солунские братья прибыли в Крым. «Константин Философ тут нужен был не только как знаток иудейства, но и как славянский миссионер, в руках которого уже был свой перевод Евангелия и Псалтиря на славянский язык. Потому и сопровождал Константина брат его Мефодий, т. к. он был губернатором славянской провинции» [2, т. 1, с. 104].

С одной стороны, кирилло-мефодиевское дело означало «становление и образование самой души народа. Славянский язык сложился и окреп именно в христианской школе и под сильным влиянием греческого церковного языка, и это был не только словесный процесс, но именно сложение мысли» [4, с. 6]. С другой стороны, «нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль. И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке? Византия не устояла под напором дикого Востока и отнесла свои наследственные действительные сокровища туда же, на Запад, а нам отдала лишь собственного производства суррогаты, придуманные в эпоху ее морального и интеллектуального вырождения» [5, с. 28–29]. Наряду с этим выяснится, что церковнославянский язык кирилло-мефодиевского перевода, составивший основу обучения и образования на Руси, был далек от простонародного языка и тем самым препятствовал просвещению восточных славян, отдаляя их от Европы. «Действительно, создание Кириллом и Мефодием славянской письменности, совпавшее по времени с христианизацией южных и восточных славян, сыграло до некоторой степени негативную роль в их культурной эволюции. Сама по себе славянская книжность могла стать величайшим духовным благом; но поскольку она послужила очень ограниченной задаче – распространению только церковной, богослужебной литературы, – то, к сожалению, с самого начала превратилась в преграду на пути освоения действительно общечеловеческой культуры. Славянский язык вообще приводил к духовной изоляции, самоограничению славян восточнохристианского вероисповедания» [1, с. 216].

К XI в. в Киевской Руси обнаружилось несколько переводов Библии с греческого языка на славянский: кирилло-мефодиевский, более поздний симеоновский, другие южнославянские версии и русский. К тому же, при переписывании книг допускалось множество ошибок не всегда образованными «справщиками». Изъяны процесса были связаны и с такими особенностями древнего письма, как отсутствие прописных букв в начале предложения; со-

кращения; не отделяемые друг от друга слова. Возникшие искажения потребовали новых редакций Библии, и первой из них стало Остромирово евангелие 1056–1057 г. новгородского диакона Григория как перевод и редакция Библии с греческого языка на славянский. Затем была подготовлена Геннадиевская Библия 1499 г. усилиями новгородского архиепископа Геннадия, «гонителя еретиков», его толмача Дмитрия Герасимова и католического монаха-доминиканца Вениамина. Они выполнили эту работу по переводу Библии с латинской Вульгаты. Геннадиевский свод был принят Русской Церковью и составил основу всех последующих изданий Священного Писания. Новая попытка исправления Священного Писания была предпринята в Москве, в первой половине XVI в. афонским монахом Максимом Греком, переводившим с греческого. В 1551 г. Иван IV Грозный созвал Стоглавый собор, на котором произошла канонизация «обрядовой старины», осуществилась реакция вместо реформации. Несмотря на то, что собор признал факты неупорядоченности священных книг, возможность книгопечатания при этом не была учтена. Дело исправили адепты Максима Грека – Н. Курлятьев, М. Медоварцев, Д. Герасимов, А. Троицкий, А. Курбский, З. Отенский, В. Патрикеев. «За столетия разрозненного существования между московским и западнорусским православием сложилось немало различий в обрядах и исповедании. Однако формальное «превосходство» было на стороне западнорусской церкви: она всегда оставалась под юрисдикцией константинопольского патриарха. Это служило «гарантом» ее вселенской значительности. Напротив, московская церковь, достигшая с падением Византии полной автономии, все более трансформировалась в поместное образование, пронизанное «новинами» и «уклонениями» от общеправославных традиций» [1, с. 238].

Еще в начале XVI в. восточнославянский мыслитель-книжник и просветитель Франциск Скорина (1490–1551) напечатал в Праге «Псалтырь», «Библию Руску» (1517), «Апостол» и другие священные книги. Известно также, что московские первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец, начиная с 1564 г., выпустили книги «Апостол», «Учительное Евангелие», «Псалтырь», «Новый Завет». В Праге, в 1517–1519 гг. первопечатник Ф. Скорина издал на славянском языке двадцать две книги Ветхого Завета, иллюстрированные авторскими гравюрами и в передовом полиграфическом исполнении, объединенные общим названием «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка, Богу ко чти и людям посполитым к доброму научению». К этому изданию, как и к каждому последующему, Ф. Скорина сочинял предисловия и послесловия, по содержанию которых возможно получить представление о его философских и религиозных воззрениях. Не считая Библию богодухновенной книгой и выступая против ее канонизации, просветитель оставил за человеком право личностного восприятия Священного Писания. Мыслитель находил в нем как философские тезисы, так и нормы житейской мудрости; считал возможным включение в Библию критически переработанного научного материала. Взгляды Ф. Скорины отличались веротерпимостью, в них уживались гуманистические и философские представления. Самым крупным и из-

вестным изданием данного периода стала Острожская Библия 1581 г. Ее основу составил Геннадиевский свод, «менее схизматичный». Эта редакция Библии была использована Епифанием Славинецким при подготовке печатного издания русской Библии 1663 г. Острожская Библия в течение двух веков оставалась единственно принятой на Руси версией Священного Писания, а язык книги стал нормой церковнославянского языка на все последующее время.

С XVII в. в России имели хождение и протестантские Библии: немецкий перевод Лютера, реформатская «Цюрихская Библия», английский перевод («Библия короля Якова» 1611 г.). В середине XVII в. Реформа, предпринятая царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном (Никитой Миновым), ставила задачей унифицировать русский богослужебный обряд с греческим и выверить русские тексты Священного Писания и богослужебных книг по современным греческим образцам. На Соборе 1667 г. «посадили на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудили и отменили ее. Вот так отвергнута была главная веха русской обрядовой старины, т.е. Стоглавый собор» [2, т. 2, с. 250–251]. Лояльные к царю русские епископы постановления «греческого» Собора подписали, и это была «горькая расплата за покой невежества». Старообрядчество превратилось в народное движение, и началась отдельная история русского Раскола, длящаяся и поныне.

Канун европеизации России в начале XVIII в. обусловил необходимость новой редакции Библии, и она – Петровско-Елизаветинская, состоялась после долгого и противоречивого периода согласований и уточнений в 1751 г. Выходу в свет этой двухтомной Библии предшествовали Указ Петра I об издании Библии на славянском языке и учреждение царем в 1721 г. Святейшего синода. Переводы Библии на русский язык стали возможными с появлением в России в 1813 г. Библейского общества. Получили известность и несанкционированные переводы Священного Писания. Только в 1876 г. появился Русский синодальный перевод Библии, за которым последовали новые редакции Петровско-Елизаветинского славянского (1759, 1872, 1913) и русского переводов Библии (1956–1968). Непревзойденное творение человеческого духа, «Письменность божественная» (Тертуллиан), «Божественная библиотека» (Иероним) и сегодня выполняет свою духовно-возвышающую миссию в отечественной культуре.

Библиографические ссылки

1. Замалеев А.Ф. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. Спб. : изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. 270 с.
2. Карташев А.В. История Русской Церкви: в 2 т. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. Т.1. 848 с.; Т.2. 816 с.
3. Севостьянова Н.Г. Феномен религиозной морали в восточнославянской культурной традиции : Монография. Минск : БГУ, 2000. 244 с.
4. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев : Путь к истине, 1991. 600 с.
5. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. М. : Правда, 1989. С. 11–344.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

С.С. Семьянов*

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
sergey.sergeich@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются региональные объединения в качестве систем, чья сложность находится в сильной зависимости от масштабности. На их интеграционную и дезинтеграционную динамику оказывают сильное влияние внутренние и внешние факторы. На примере Европейского Союза изучается влияние миграционных процессов в качестве сильного внешнего фактора, оказывающего заметное воздействие на устойчивость регионального объединения.

Ключевые слова: миграция; миграционный кризис; Европейский Союз; регионализация; мультикультурализм.

IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON THE STABILITY OF REGIONAL ASSOCIATIONS

S.S. Semyanov

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus.

Annotation. The article deals with the regional unions as systems whose complexity is strongly dependent on their scale. Their integration and disintegration dynamics are noticeable influenced by internal and external factors. Using the example of the European Union, the article examines the influence of migration processes as a strong external factor that has a significant impact on the stability of a regional association.

Keywords: migration; migration crisis; European Union; regionalization; multiculturalism.

Сложность взаимодействия между странами-участницами любого регионального объединения находится в сильной зависимости от масштаба этого объединения. Однако помимо разнообразных внутренних факторов, влияющих на динамику региональных интеграционных и дезинтеграционных процессов, на эти сообщества оказывают влияние и внешние факторы. Одним из таковых является приток мигрантов – представителей других стран и, нередко, заметно отличающихся культур. Влияние миграционных процессов на устойчивость региональных объединений довольно ярко проявилось в случае недавнего миграционного кризиса в Европейском Союзе. Процесс регионализации Европы занял довольно продолжительное время. За его практически полувековую историю странам-участницам объединения удалось создать сообщество, интеграция которого в области экономики и финансов, внешней и внутренней политики, а также по ряду

* Исследование проведено при финансовой поддержке БРФФИ (№ Г19М-100)

других аспектов достигла уровня, аналогов которому нет ни в одном другом регионе мира. Однако создание единого экономического, политического, правового и социокультурного пространства не обходилось без проблем. Пожалуй, одним из наиболее переломных этапов стал миграционный кризис середины 2010-х годов. Следует отметить, что эта ситуация не является принципиально новой для европейского региона, учитывая, что не впервые в истории миграционные потоки приводили к серьёзным изменениям в различных сферах. Так, ещё в начале 1990-х шведский политик и исследователь Й. Видгрэн отмечал, что антикоммунистические революции 1989 года сопровождались, в том числе, и массовым переселением людей с Востока на Запад [1, с. 750]. Автор также выделяет ряд причин, повлиявших на ещё более масштабные миграционные процессы по направлению Юг—Север: конфликты, ухудшение экономических и экологических условий, общая нестабильность.

Согласно Й. Видгрэну, миграционные процессы стали важным фактором, влияющим на внутреннюю и внешнюю политику, как государств Севера, так и Юга. В частности, автор ссылается на исследование, согласно которому в 1976 году только 6,4 % стран мира оценивали уровень иммиграции как слишком высокий. Однако к 1989 году доля таких стран возросла до 20,6 %, а количество желающих ослабить влияние иммиграционного фактора на национальную политику составило 31,8 % [2, с. 368-371]. И это в свете того, что после Второй мировой войны международное сообщество вполне положительно относилось к миграционным процессам, с которыми связывались экономический рост и ускорение восстановления стран после войны. Схожая ситуация повторилась в середине 2010-х годов. Арабская весна и последующие за ней события привели к существенным государственным трансформациям в ближневосточном регионе. Революционные преобразования стали катализатором эскалации военных конфликтов, самым масштабным из которых оказался сирийский. В результате в 2015 г. на территорию Европы переселилось около 1 миллиона беженцев и мигрантов. В последующие годы масштабы этого процесса уменьшались: в 2016 г. количество мигрантов снизилось до 363 тысяч, год спустя – до 172 тысяч, а в прошлом году этот показатель сократился до 105 тысяч [3]. Интеграция в европейское общество такого большого количества выходцев, представляющих другие культуры, привела к целому ряду проблем. И если переселение людей из восточноевропейских стран на Запад (Чехия, Польша, Литва, и др.) после распада СССР воспринималось в целом позитивно, то вторая волна миграции с Юга на Север стала настоящим стресс-тестом для организационной структуры ЕС.

Социокультурный кризис в Европе стал для нее сильнейшим испытанием за последние десятилетия. Военные конфликты на Ближнем Востоке привели к формированию новой террористической угрозы, а последствия гражданской войны в Сирии стали основным вызовом для всего проекта европейской региональной интеграции. Само решение вопроса о регламентации процесса принятия мигрантов привело к разногласиям внутри ЕС. Часть стран, испытавших на себе основное влияние данного фактора, начали выступать за усиление безопасности внутри ЕС и воссоздание границ между странами-участницами. Принцип свобод-

ного перемещение капитала, товара и людей оказался под угрозой несоблюдения. Пусть и на временной основе. Ещё одним важным последствием ослабления организационной структуры ЕС стало намерение выхода Великобритании из регионального объединения. По сути, среди основных мотивов «Брекзита» фигурируют не только экономические или политические разногласия между Великобританией и континентальной Европой. В экономическом плане разрыв отношений с ЕС обойдется для Великобритании очень дорого. Это и прямые потери из-за возвращения барьеров в торговле, и потеря инвестиций, и отсутствие свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Таким образом, всё это приведет к снижению товарооборота между ЕС и Великобританией, а также к ослаблению экономики последней.

Политические причины выхода Великобритании еще сложнее. Долгое время эта страна старалась проводить более самостоятельную внешнюю политику, нежели это принято среди стран-участниц ЕС. Официальный Лондон многократно упрекали в этом многие европейские политики. По сути, Великобритания имела слишком тесные партнерские отношения с США, нередко ориентируясь именно на эту страну при выстраивании своей внешней политики и пренебрегая общностью с континентальной Европой. Таким образом, тенденция к более самостоятельной геополитической роли и тесному взаимодействию с заокеанскими партнерами послужили дополнительным стимулом к выходу Великобритании из ЕС. Однако основной причиной «Брекзита», которая оказала существенное влияние на общественное мнение и была удачно обыграна популистскими движениями, стал именно социокультурный кризис в Европе из-за потока мигрантов. Этот фактор сыграл решающую роль во время голосования на референдуме по вопросу выхода страны из ЕС. Сами же итоги голосования также стали наглядным примером кризиса европейского мультикультурализма. Зная об отрицательных экономических последствиях, половина жителей Великобритании всё же выступила за разрыв тесных отношений с ЕС ради получения самостоятельности в решении вопроса в области миграционной политики.

Миграционный кризис наиболее ярко продемонстрировал неоднозначное отношение европейцев к переселенцам из стран с заметно иными культурными и религиозными традициями. Это позволяет сделать вывод о том, что мультинациональный Европейский Союз достиг значительных успехов в вопросе разрешения противоречий между странами-участницами в экономических и политических вопросах. Это удалось во многом благодаря принадлежности стран к единому цивилизационному пространству, благодаря общему социокультурному коду. Процесс же взаимодействия с представителями заметно отличающихся культур и попытки их адаптации к европейским ценностям пока что сопровождаются большим количеством сложностей. Это свидетельствует о том, что строившаяся десятилетиями политика европейского мультикультурализма переживает мощнейший кризис. Миграционный кризис в ЕС привел к ряду внутренних противоречий. Наиболее заметным из них стала проблема распределения мигрантов между странами Союза, которая привела к кризису солидаризма. Юридически данный процесс регулируется «Дублинским регламентом», который определяет, какое государство несет

обязательства по предоставлению убежища беженцам. На практике «пограничные» страны (в большей степени Греция и Италия) заинтересованы в перенаправлении потока мигрантов в другие страны ЕС, в то время как часть стран Центральной Европы всячески препятствовали проникновению беженцев на свою территорию, ссылаясь, в том числе, и на невозможность их безболезненной интеграции в локальные сообщества. Таким образом, миграционные процессы являются фактором, оказывающим мощное влияние на динамику процессов регионализации. Наиболее отчетливо данный тезис проявился на примере миграционного кризиса в Европейском Союзе, страны-участницы которого достигли значительных успехов в решении внутренних проблем и разногласий, однако не смогли найти адекватный ответ на внешний вызов.

Библиографические ссылки

1. Widgren J. International Migration and Regional Stability // International Affairs. Royal Institute of International Affairs. Vol. 66, №4, 1990. pp. 749–766.
2. Trends in population policy // UN Dept of International Economic and Social Affairs, Population Studies. №114, New York, 1989. pp. 368-371.
3. Mediterranean Situation / UN High Commissioner for Refugees [Electronic resource]. Mode of access: <https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean>. Date of access: 14.06.2019.
4. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013. // European Parliament [Electronic resource]. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex:32013R0604>. Date of access: 14.06.2019.

УДК 1(091)+101.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ОПЫТА СУЩЕСТВОВАНИЯ

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Iri_na2000@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется сущность идеи историчности и раскрывается ее методологический потенциал в осмыслении проблематики опыта существования в философии немецкого экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер), в философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер), в философии французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), в русской философии (М. М. Бахтин). Автор статьи делает вывод о том, что осуществленный экзистенциальный акцент на идеи историчности и преобразование ее в основополагающий принцип интерпретации аналитики человеческого бытия в философии немецкого экзистенциализма оказал существенное влияние на дальнейшее развитие философии XX века. Так, Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр опирались на разработанную в немецком экзистенциализме тему историчности для выстраивания собственных философских концепций, в которых проблема историч-

ности получала уже иное видение и перспективы решения. Этический ракурс анализа идеи историчности представлен в «философии поступка» М. М. Бахтина.

Ключевые слова: *идея историчности; опыт существования; методологический статус; экзистенциальная философия; герменевтика.*

METHODOLOGICAL STATUS OF THE IDEA OF HISTORICITY IN UNDERSTANDING EXPERIENCE OF EXISTENCE

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus.

Annotation. In this article the essence of the idea of historicity is analyzed. The author of this article reveals its methodological potential in understanding the problems of existence experience in the philosophy of German existentialism (K. Jaspers, M. Heidegger), in the philosophical hermeneutics (H.-G. Gadamer), in the philosophy of French existentialism (J.-P. Sartre), in Russian philosophy (M. Bakhtin). The author of the article concludes that the existential emphasis on the idea of historicity and its transformation into the fundamental principle of interpretation of the analytics of human being in the philosophy of German existentialism had a significant impact on the further development of philosophy of the twentieth century. Thus, H.-G. Gadamer, J.-P. Sartre relied on the theme of historicity developed in German existentialism to build their own philosophical concepts, in which the problem of historicity was received a different vision and prospects of solution. The ethical perspective of the analysis of the idea of historicity was presented in the «philosophy of the act» by M.M. Bakhtin.

Keywords: *the idea of historicity; experience of existence; methodological status; existential philosophy; hermeneutics*

Преобразование историчности в принцип в философии немецкого экзистенциализма не поставило точку в решении вопроса об историчности, но, напротив, раскрыло возможности для дальнейшего развития этой проблематики. Интерес к идее историчности был обусловлен проблематизацией человеческого опыта в контексте его историчности и конечности К. Ясперсом и М. Хайдеггером, а также стремлением этих философов на основе историчности разрешить вечные философские проблемы, такие как время, истина, свобода, понимание. В немецком экзистенциализме рассматривалась не только проблема историчности существования, но и проблема историчности языка, историчности понимания, а также раскрывалась антиномичная связь времени и вечности, истории и историчности. Осуществленный К. Ясперсом и М. Хайдеггером экзистенциальный акцент на идее историчности оказал существенное влияние на дальнейший процесс осмысления философских проблем, артикулировав новые способы проблематизации человеческого опыта в современном гуманитарном знании. Так, в качестве примера можно привести философскую герменевтику Х.-Г. Гадамера, экзистенциальную философию Ж.-П. Сартра, философия М. М. Бахтина.

Х.-Г. Гадамера продолжил развитие темы историчности и попытался разработать на основе этой идеи концепцию философской герменевтики. Основание

герменевтического феномена М. Гадамер вслед за М. Хайдеггером находит в историчности, конечности человеческого существования и делает основополагающими несколько хайдеггеровских тезисов: во-первых, само бытие есть время и нет ничего вечного; во-вторых, понимание – это не интерпретация, а существование в модусе возможного; и, в-третьих, историчное, т. е. «допредикативное» понимание раскрывает связь с традицией [1]. Через историчность Х.-Г. Гадамер выстраивал свое понимание опыта как открытости всему новому, и в то же время конечности, т. е. обусловленности предрассудком и традицией. Опыт – это не достигнутый результат, а процесс непрерывного подтверждения или отрицания на основе ошибки. На основании этого Х.-Г. Гадамер определил подлинный опыт как диалектический, негативный, видя именно в этой негативности опыта его продуктивность, т. е. противоречие ожидаемому. «Диалектика опыта получает свое подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает благодаря самому опыту» [2, с. 417]. Опыт диалектичен благодаря исторической сути человека, поэтому избавиться от опыта и уберечь от разочарований путем воспитания и родительской опеки нельзя. Так, историчность опыта раскрывается как открытость и, одновременно, конечность. Опыт подготавливает человека к осознанию собственной конечности. В подтверждение такой трактовки опыта Х.-Г. Гадамер ссылаясь на Эсхила, раскрывшего формулу внутренней историчности опыта: учиться, благодаря страданию, т. е. осознавать пределы человеческого бытия, которое конечно, в отличие от бытия божества. Под конечностью здесь понимается не только смертность человека, но и ограниченность его возможностей. Опыт историчности разрушает убежденность человека в том, что жизнь можно прожить по черновику и времени хватит, чтобы переделать и исправить все. Структура опыта у Х.-Г. Гадамера совпадает с герменевтическим опытом, прояснение которого связано с вопросом о сущности действенно-исторического сознания. Герменевтический опыт раскрывается как общение с историческим преданием, традицией. Таким образом, историчность выступает в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера основополагающим принципом, на основе которого им выстраивается концепция историчного понимания и обосновывается значимость традиции [1].

Другое направление развитию идеи историчности дает Ж.-П. Сартр, связывая историчность с сознанием, которое понимается у него как свобода. Сознание как свобода находится в постоянном бегстве от предметностей. По сравнению с бытием-в-себе, которое непроницаемо и плотно, сознание представляет собой недостаток, который выражается в желаниях, проектах. Сознание есть то, чем оно не является, поэтому человек всегда проектирует себя в будущее, которым он еще не стал. Отсюда историчность существования раскрывается как открытость, как неизменное колебание между прошлым и будущим через настоящее. Одновременно с этим свобода сознания есть свобода для чего-то: сознание стремится стать бытием-для-себя-в-себе, или Богом. Такое стремление стать Абсолютом предстает как конечный проект сознания, реализуемость которого всегда гипотетична. Таким образом, историчность существования у Сартра раскрывает человека диалектично: с одной стороны – открытость, с другой – конечность, и в каждом моменте

настоящего человек не то, что он есть. Невозможность стать Абсолютом Ж.-П. Сартр назвал «тщетной страстью». Свобода – это выбор, а значит перемена. Возможность выбора и его осуществление Ж.-П. Сартр рассматривал в русле идеи историчности. Возьмем в качестве примера его понимание прошлого: прошлое необходимо для выбора будущего потому, что оно является тем, что должно быть изменено, с другой стороны, человек имеет прошлое, только если удерживает его в существовании самым своим проектом к будущему. Случайность существования предполагает, что человек не может не выбирать прошлое, не проецируя себя в будущее. Так, идея историчности в философии Ж.-П. Сартра становится диалектической. «Но если свобода есть выбор цели в зависимости от прошлого, то и, наоборот, прошлое есть только то, чем оно является по отношению к выбранной цели» [3, с. 506]. Другими словами, необходимость прошлого коренится в будущем. Здесь можно увидеть отличие от немецкого экзистенциализма, в котором, наоборот, акцент переносится на прошлое: необходимость и значимость будущего коренится в прошлом.

Следовательно, идея историчности имеет разные оттенки интерпретации в немецкой и французской версиях экзистенциализма. Так, если у М. Хайдеггера, историчность раскрывается как исток человеческого существования, традиция, то у Ж.-П. Сартра историчность определяет ожидание, превращающее прошлое в вечную отсрочку. Ж.-П. Сартр также отказался от хайдеггеровского понятия «бытие-к-смерти» и проводил радикальное различие между двумя идеями: смерти и конечности. Смерть не может конституировать и открывать нам нашу конечность потому, что она, по мысли Ж.-П. Сартра, есть случайный факт, который принадлежит фактичности. Конечность же является онтологической структурой «для-себя», которая определяет свободу, существует в свободном проекте и посредством этого проекта. Другими словами, человек оставался бы конечным существом, даже если бы был бессмертным, так проектируя себя к одному возможному, человек исключает другие в силу невозвратимости времени. «Если я себя делаю, я делаю себя конечным, и вследствие этого факта моя жизнь уникальна. ... Человеческая реальность, открывая свою собственную конечность, не открывает, однако, свою смертность» [3, с. 551]. Поэтому смерть – это только внешняя и фактическая граница субъективности человека. «Я не «свободен, чтобы умереть», но я смертельно свободен» [3, с. 552]. Итак, историчность человека – это то, что не есть, а то, что делается в свободном проекте. Поэтому человек есть не что иное, как проект самого себя за пределы определенной ситуации. Таким образом, под историчностью Ж.-П. Сартр понимал незавершенность человеческой реальности и неокончательный смысл истории

Обратимся теперь к рассмотрению философии. М. М. Бахтина, который в 1921 г., т. е. за пять лет до появления «Бытия и времени» М. Хайдеггера, написал работу «К философии поступка» [4]. Несмотря на то, что эта работа представляла собой отклик на те трудности, с которыми встретила философия жизни, М. М. Бахтин не учреждал никакой новой версии историцизма и не стремится построить собственный вариант онтологии. Он критически рассматривал эстетизм романтизма, концепцию самосбывающейся гениально-художнической индивиду-

альности, что, в свою очередь, позволило ему, с одной стороны, рассмотреть проблему методологии гуманитарного знания, а с другой стороны, зафиксировать главную ошибку философии жизни, которая так же будет присутствовать и в философии немецкого экзистенциализма, а именно: недостаточное внимание, если не полное игнорирование, этической проблематики. Так, идея историчности получает новый ракурс рассмотрения – этический. Несмотря на то, что уже в философии С. Кьеркегора правомерно отметить этический компонент историчности, именно у М. М. Бахтина историчность превращается в этическую проблему. В философии немецкого экзистенциализма акцентирована только проблема ответственности: историческая коммуникация К. Ясперса и забота у М. Хайдеггера. Оригинальность же решения проблемы историчности существования у М. М. Бахтина заключается именно в этической постановке вопроса об ответственности. Приведем его слова: «Жизнь может быть осознанна только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией... Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима... она не проницаема для понимания» [4, с. 124]. М. М. Бахтин раскрыл неповторимость человека, исходя из его историчности, и выявил ее укорененность в ответственности, а не в смертности. Таким образом, философ поставил в центр рассмотрения не только историчную индивидуальность, но и «долженствующую единственность».

Если в немецком экзистенциализме статус незаменимости человек получает в силу своей вовлеченности в историю, в судьбу своего народа, то у М. М. Бахтина единственный тождественен ответственному. В этом и заключается новизна рассмотрения идеи историчности. «То, что много может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия нудительно обязательна. Это факт моего неалиби в бытии» [4, с. 112]. Следовательно, историчная ответственность заключается не только в ощущении вины по поводу уже совершенного в истории, как это было у С. Кьеркегора, но и в проживании настоящего момента, в решимости совершить поступок или в отказе от него. Здесь, в отношении решимости можно увидеть перекличку идей М. Хайдеггера и М. М. Бахтина. У М. Хайдеггера решимость означает принятие истории как своей собственной, осознание вовлеченности в традицию, т. е. принятие прошлого без стыдливости и брезгливости к нему. М. М. Бахтин тоже говорил о решимости, но в векторе настоящего и будущего: решиться на деяние, которое изменит будущее, повлияет на него. Отсюда, историчность как единственность человека, базирующаяся на ответственности, и дана, и задана. Дана в том плане, что человек уже есть, а задана в том смысле, что он еще должен осуществить свою единственность, доказать и оправдать свою неповторимость. Таким образом, историчность у М. М. Бахтина отождествляется с ответственностью единственного. На основании этого правомерно сделать вывод о том, что М. М. Бахтин предвосхитил развитие идеи историчности в немецком экзистенциализме.

Осуществленный экзистенциальный акцент на идеи историчности и преобразование ее в основополагающий принцип интерпретации аналитики человеческого бытия в философии немецкого экзистенциализма оказал существенное влия-

яние на дальнейшее развитие философии XX века. Х.-Г. Гадамер разработал концепцию философской герменевтики на основе историчности, найдя основание герменевтического феномена и определив герменевтический круг в конечности существования человека и принадлежности его истории. Ж.-П. Сартр связывал историчность с сознанием, которое отождествлялось у него со свободой. Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр опирались на разработанную в немецком экзистенциализме тему историчности для выстраивания собственных философских концепций, в которых проблема историчности получала уже иное видение и перспективы решения. Этический ракурс анализа идеи историчности представлен в «философии поступка» М. М. Бахтина.

Библиографические ссылки

1. Сидоренко И. Н. Шаврова О. Г. Феномен историчности человеческого бытия в экзистенциально-герменевтической философии // Весн. Беларус. Дзярж. Ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 3. С. 36–40.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1998. 704с.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 639 с.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985.М., 1986. С. 80–161.

УДК 141.32

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Е.В. Хомич

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
khomichel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению, развитию и перспективам философской антропологии. Начиная с XVI в., антропологические знания были разделены между наукой и метафизикой. Как самостоятельная философская дисциплина антропология формируется в конце 20-х годов прошлого столетия. Авторами ее первых методологических программ стали М. Шелер и М. Хайдеггер, предложившие оригинальные версии автономизации антропологии. Синтетическая программа Шелера ориентирована на интеграцию философии и науки в рамках «мета-антропологии» как нового варианта философии, центрирующей мир на человеке. Фундаментальная онтология Хайдеггера стала основанием для оформления экзистенциальной парадигмы в философии и культуре XX в., акцентирующей противоречивость человеческого существования и его несовпадение с универсалистскими претензиями науки и классической метафизики.

Ключевые слова: философская антропология; метафизика, наука, синтетическая программа, экзистенциализм.

METHODOLOGICAL PROGRAMS OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY IN THE SPACE OF MODERN SOCIAL-HUMANITARIAN COGNITION

E.V.Khomitch

Belarusian State University

Nezavisimosty av., 4, 220030 Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the formation, development and prospects of philosophical anthropology. Since the 16th century, anthropological knowledge has been divided between science and metaphysics. As an independent philosophical discipline, anthropology was formed at the end of the 20s of the last century. The authors of its first methodological programs were M. Scheler and M. Heidegger, who proposed the original versions of the autonomization of anthropology. Scheler's synthetic program is focused on the integration of philosophy and science in the framework of "meta-anthropology" as a new version of philosophy that centers the world on man. The fundamental ontology of Heidegger became the basis for the formulation of the existential paradigm in the philosophy and culture of the twentieth century, emphasizing the inconsistency of human existence and its mismatch with the universalistic pretensions of science and classical metaphysics.

Keywords: *philosophical anthropology; metaphysics, science, synthetic program, existentialism.*

Несмотря на то, что со времен Сократа проблема человека являлась одним из основных лейтмотивов философского творчества, философская антропология как дисциплина возникает относительно недавно – в конце 20-х годов прошлого столетия. У нее достаточно любопытная история становления. Впервые это понятие употребил не Аристотель, как иногда ошибочно полагают, но немецкий анатом Магнус Хундт, написавший в 1501 г. трактат об антропологии человеческого тела, введя, тем самым, последнюю в корпус биологических и анатомических исследований эпохи Возрождения. В более философском контексте термин «антропология» был использован немецким теологом Оттоном Касманом. Его труд «Psychologia anthropologica» (1594 г.) был направлен на обоснование необходимости новой науки о человеке в единстве его тела и души и отделении этого корпуса знаний от аристотелевской метафизики, главенствовавшей в университетской схоластике того времени.

Несмотря на попытку автономизации, антропологические изыскания с того времени оказались разделены между наукой и метафизикой и полностью подчинены им. Наука занималась препарированием человеческого тела, впоследствии к проблемному полю научной антропологии добавились эмпирические описания нравов и обычаев разных народов. Метафизика просто уходила от феномена человека в сторону, растворяя его либо в природе, либо в Боге, либо в разуме. Самая яркая попытка синтеза метафизики и эмпирики в рамках классической философии принадлежала И. Канту. Гениально ответив на по-

ставленные им антропологические вопросы, он осуществил «коперниканские повороты» в гносеологии, этике, эстетике, что, однако, не приблизило его к ответу на главный вопрос: «Что такое человек?». Не справилась с этой задачей и его последняя (прикладная и неметафизическая) работа «Антропология с прагматической точки зрения» (1798 г.), в которой Кант рассуждает о разном: об эгоизме и честолюбии, остроумии и ипохондрии, воображении и сновидениях и т.д., но к разгадке феномена человека не приближается.

В конце XIX - начале XX в. происходит целый ряд процессов, которые обеспечили возможность демаркации философской антропологии от науки и метафизики. Во-первых, с этим периодом связано становление и развитие самых разных социально-гуманитарных дисциплин, в том числе и «полевой» (сегодня она получила название «культурной») антропологии, занимающейся изучением дописьменных архаических народов. Во-вторых, социально-исторические реалии способствовали разочарованию в принципах классической метафизики, ориентированной на то, что «все действительное разумно...», и «что все к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

Представления классического гуманизма о человеке как существе разумном, находящемся в отношениях «предустановленной гармонии» с миром, не выдержали испытания временем. Борьба за передел мира и, в особенности, первая мировая война свидетельствовали о том, что человек превратился в заложника стихийных иррациональных сил. Демократические лозунги «свободы, равенства и братства» на практике обернулись новыми формами зависимости, социального расслоения и массовой бойней. Общее ощущение деградации и декаданса культуры усиливалось появлением феноменов массы и массового человека, заявивших свои права на истину, справедливость, благо.

Начало XX в. связывают с периодом «антропологического кризиса», апогей которого приходится на 20-30 гг., период между двумя мировыми войнами, подчеркнутый мировым экономическим кризисом и великой депрессией. Ситуация антропологического кризиса достаточно типична для переходных этапов развития общества (можно вспомнить тот же эллинизм или барокко), но никогда еще человек не оставался в такой онтологической пустоте (без природы, традиции, Бога) [1]. Однако разуверившись в «существовании разумном», данной эпохе хватило мужества в очередной раз сделать все ставки на человека как «меру всех вещей». Максимальная проблематизация человека, обусловленная реалиями времени, закончилась его акцентуацией как безусловного центра мироздания и единственного гаранта истины. Ему вручались абсолютные полномочия и свобода во имя творческого проектирования себя как «центра», а также мира и истины как «событийных» с ним феноменов.

Два фундаментальных текста - «Бытие и время» М. Хайдеггера (1927) и «Положение человека в космосе» М. Шелера (1928), – знаменовали начало так называемого «антропологического поворота» в постклассической философии. Философская антропология, которая до этого существовала как «служанка» онтологии и гносеологии, наконец-то свершилась как самостоятельная дисциплина. М. Шелер и М. Хайдеггер стали не только «авторами» ее дисципли-

нарного оформления, но и заложили основания ее двух основных методологических программ, по своему решающих классическую диспозицию антропологии между наукой и метафизикой.

Программу Шелера, основателя «философской антропологии» (речь идет о течении в немецкой философии второй трети XX в, включающего в себя помимо Шелера еще Х. Плеснера и А. Гелена) принято называть синтетической, поскольку она провозглашала установку на интеграцию конкретно-научных и философских знаний о человеке. В статье «Человек и история» (1926 г.) он писал: «Если и есть философская задача, решения которой наша эпоха требует как никогда срочно, так это задача создания философской антропологии. Я имею в виду фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека; о его отношении к царству природы (неорганический мир, растение, животное) и к основе всех вещей; о его метафизическом сущностном происхождении и его физическом, психическом и духовном появлении в мире; о силах и властях, которые движут им и которыми движет он; об основных направлениях и законах его биологического, психического, духовно-исторического и социального развития, их сущностных возможностях и их действительностях... Только такая антропология могла бы стать последним философским основанием и в то же время точно определить исследовательские цели всех наук, которые имеют дело с предметом «человек» — естественнонаучных и медицинских, археологических, этнологических, исторических и социальных наук, обычной и эволюционной психологии, а также характерологии» [2, с. 70].

Возможность подобного синтеза для него обеспечивается тем, что человек – «это в известном смысле всё», он центрирует в себе природные, социальные и духовные связи и характеристики. В своей программной работе «Положение человека в космосе» (1928 г.) Шелер собирает в рамках небольшого текста данные из самых разных областей знания; химии, ботаники, физиологии, психологии, истории и, конечно, философии, причем также в многообразии ее ответвлений, начиная от психоанализа и заканчивая феноменологией и аксиологией. Его замысел в чем-то схож с универсалистским проектом Аристотеля, интегрировавшего в рамках своего учения научные и философские достижения Античности. Так же, как и Аристотель, Шелер строит свою лестницу живых существ, вершиной которой (и, одновременно, тупиком по отношению к жизни) является человек. Принципиальным же отличием Шелера от классических проектов выступает его радикальное центрирование мира на человеке, апелляция к необходимости новой философии, но не как «мета-физики», но как «мета-антропологии».

Об историческом успехе программы синтеза философии и науки в фокусе знаний о человеке пока судить сложно, слишком уж разные у них задачи. Науке, с ее опорой на верифицируемые факты, всегда характерен определенный редукционизм, сведение универсальности опыта человеческого существования к отдельному аспекту. При попытке собрать все вместе, оказывается, что «человек экономический», ориентированный на здравый смысл и рассудительность, не совпадает с человеком в психологии, движимым, скорее,

иррациональными началами, биологическое в человеке плохо сочетается с семиотическим и т.д. Самым успешным примером в рамках этой программы оказалось творчество самого Шелера, который считается отцом основателем не только «философской антропологии», но и аксиологии, философии образования, социологии знания. Динамика же социально-гуманитарного дискурса пошла скорее по пути дробления антропологических знаний на культурную, историческую, юридическую, эволюционную и даже спортивную антропологию. Параллельно развивалась сциентистски ориентированная философия (позитивизм, аналитика), которая по-своему воспроизводила научную редукцию человека к версиям физикализма, кибернетизма, функционализма и т.д.

Альтернативой синтетической программе М. Шелера стала экзистенциальная парадигма в современной философии и культуре, истоки которой восходят к М. Хайдеггеру. Следует оговориться, что истоки, конечно, связаны с именами С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевского, но реальное оформление экзистенциальной программы в философии и искусстве XX в. происходит именно после и «благодаря» «Бытию и времени» М. Хайдеггера, хотя последний никогда не относил себя ни к антропологам, ни к экзистенциалистам. Тем не менее, его проект «фундаментальной онтологии», призванный акцентировать вопрос о смысле бытия в реалиях «культуры времени», фактически создал новую философию человека в парадоксах его присутствия и заброшенности, жизни и смерти, подлинности и неподлинности существования [3].

Философия М. Хайдеггера – это самая метафизическая попытка преодоления метафизики в интеллектуальном дискурсе XX в. Преодоления, поскольку последняя «во всех своих видах и на всех исторических ступенях есть особенный, но, возможно, также и неизбежный рок Запада и предпосылка его планетарного господства» [4, с. 180]; соответственно, так просто ее нельзя отбросить. Данный рок проявляет себя в своеобразной воле к господству посредством стремления разума к организации, упорядочиванию и систематизации действительности, что является импульсом к появлению европейской науки и техники. Антропологическими следствиями техники как «законченной метафизики» становятся «униформность» человека и «без-различие» тотального потребления [4, с. 190–191].

Рассматривая европейскую науку и технику как производные от метафизики, Хайдеггер неоднократно указывал на тщетность и унижительность попыток философии «оправдывать свое существование перед лицом “наук”» [4, с. 193]. Его вопрос о поиске смысла бытия, отсылающий к Платону, Пармениду, Декарту и другим классикам, несмотря на свой метафизический характер, обновил философский дискурс целым рядом новых проблем и их интерпретаций, заставляя пересмотреть привычные клише о мире, истине, человеке, мышлении. Именно Хайдеггер фактически создал новый антропологический тезаурус, в который вошли не только его собственные неологизмы, типа *Dasein*, *Gestell* и др, но и целый ряд жизненно привычных, однако маргинальных для классики концептов: страх, забота, смерть, повседневность, молчание, приватность и публичность и т.д. Философский резонанс Хайдеггера, несмотря на его «метафизичность», был огромным. Не только экзистенциализм

и персонализм, но и современная герменевтика, философия диалога, диалектическая теология, социальная критика, а в последнее время, даже аналитика рассматривают фундаментальную онтологию Хайдеггера как один из наиболее знаковых источников их оформления. Экзистенциализм стал законодателем мод в художественной культуре середины XX в. Однако не только литература и кино, но и социально-гуманитарный дискурс адаптировал экзистенциальные идеи достаточно активно, например, в рамках гуманистической психологии, понимающей социологии, гештальт-психологии.

Современность едва ли разрешила давнишние метания антропологических изысканий между метафизикой и наукой. Ориентация на практику и научность – очень важно и модно сегодня. Однако зачастую это приводит к порождению философски убогих концепций типа трансгуманизма. Философская (и уже явно антиметафизическая) разработка концептов постантропологии продолжается в ракурсе реконструкции «смерти» и последующей реанимации человека. Объявления о смерти, как водится, сделаны слишком преждевременно. Антропология нарабатывает свой новый словарь, адаптирующий Хайдеггера и экзистенциализм к реалиям современности («забота о себе», «складка», «номада», «индивидуация» и др.). Подчас это сводится к жанру «философской беллетристики», однако, как и в случае с экзистенциализмом, беллетристика оказывается культурообразующим фактором (к примеру, «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяра и «Матрица», киберпанк).

В перспективе хотелось бы видеть возможности интеграции философского и конкретно-научного знания о человеке. Сегодня, без метафизики, это осуществить намного проще, поскольку плюральность постмодернистского дискурса, несмотря на пафос беллетристики, хорошо соединяется с эмпирической точечностью научных исследований. Вместе с тем, современный «прорыв» социально-гуманитарного познания, осуществляемый преимущественно на стыках междисциплинарных исследований, свидетельствует о необходимости создания «научной картины человека». С ней будет намного сложнее, чем с научной картиной мира в силу противоречивости и неоднозначности самого человека. Задачи же философской антропологии будут определяться, с одной стороны, проектами синтеза конкретно-научных знаний, созвучных пророчеству Маркса о слиянии всех наук в единую науку о человеке. С другой стороны, поливариантной разработкой старых и новых сюжетов и концептов о «человеческом, слишком человеческом», предваряющих и определяющих последующие личностные, научные и общекультурные поиски.

Библиографические ссылки

1. Хомич Е.В. Постантропологический кризис как ирония истории // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / А.Н. Данилов [отв. ред.]. Минск: БГУ, 2014. С. 312–321.
2. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 413 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 445с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ В ДЕЙСТВИИ: ФИЛОСОФИЯ И ХИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Е.И. Янчук

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
yanchukelena400@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается методологическая роль современной философии в становлении и развитии дисциплинарно-научной картины мира на примере химии. Указывается на тот факт, что философия, будучи одним из проявлений теоретического мышления, долгое время не уделяла должного внимания такой дисциплине, как химия в силу ее эмпирической нагруженности. Однако с конца прошлого века отношения между философией и химией существенным образом изменились. Использование философско-методологического инструментария позволяет выявить специфику самого химического; рассмотреть иерархию объектов, носителей химического, и способов их организации; отобразить различные приемы визуализации и репрезентации химической информации.

Ключевые слова: философия; философия и методология науки; методологическая функция философии; химия; химическая картина мира; язык химической науки.

METHODOLOGICAL FUNCTION OF PHILOSOPHY IN ACTION: PHILOSOPHY AND CHEMICAL WORLD PICTURE

E.I. Yanchuk

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the methodological role of contemporary philosophy in the establishment and development of the discipline of the scientific picture of the world for example chemistry. Indicates the fact that philosophy, as one of the manifestations of theoretical thinking, long time not paid due attention to such discipline like chemistry because of its empirical loading. However, since the end of the last century, the relationship between philosophy and chemistry have changed significantly. The use of philosophical-methodological tools allows to reveal the specifics of the chemical; to review the hierarchy of objects, chemical carriers and their organization; display a variety of tricks and representations of chemical information.

Keywords: philosophy; philosophy and methodology of science; methodological function of philosophy; chemistry; chemical world vision; the language of chemical science.

Философия и наука, будучи наиболее яркими проявлениями теоретического мышления и возникшие как формы духовной культуры практически одновременно в лоне античной греческой цивилизации, на протяжении всей

своей истории так или иначе связаны друг с другом, соотносили себя друг с другом, и в той или иной степени активности взаимодействовали друг с другом. С момента формирования классической науки в современном ее понимании, в XVII веке наука в лице естествознания становится также объектом философско-методологического осмысления. Интерес к науке проявился в творчестве многих именитых ученых и философов того времени. Но наиболее рельефно данная проблематика заявляет о себе в XX веке, когда наука становится непосредственной производительной силой общества и дальнейшее развитие общественных отношений без достижений науки невозможно.

Тесная взаимосвязь философии и науки сегодня базируется на общем познавательном интересе к изучению сложных объектов, процессов и явлений действительности. При этом три базовые функции философии – мировоззренческая, методологическая и социально-критическая, задают три своеобразных вектора, в контексте которых эта взаимосвязь становится наиболее продуктивной. В интересующем нас ракурсе рассмотрения мировоззренческая функция философии, направленная на выработку обобщенных представлений о мире, о человеке и о его месте в этом мире, способствует формированию такого фундамента любого вида деятельности, который обеспечивал бы сведение к минимуму самой возможность появления однобоких взглядов на мир, который в каждое мгновение своего существования представлен во всем своем многообразии. Социально-критическая функция философии в применении к научно-исследовательской деятельности играет роль того медиатора, который на практике прокладывает дорогу достижениям науки в жизнь с учетом интересов общества, способствует их принятию или же, если время их еще не пришло, осторожному к ним отношению. Самым же тесным образом взаимосвязь философии и науки позиционирует себя в методологической функции, непосредственно направленной на разработку научной картины мира.

Следует отметить, что наибольший методологический интерес привлекают к себе такие отрасли знания, как логика, математика, физика. При этом большая часть всего философско-методологического арсенала, разработанного относительно естественного знания, базируется на материале физики. К концу XX века к ряду указанных дисциплин присоединяется и биология. Определенный философско-методологический интерес складывается по отношению к экономике, астрономии. Развиваются философия литературы, истории, права, техники, языка и т. д. Химия же остается в тени. Она не становится предметом тщательного философско-методологического анализа: обращение к материалу химии чаще всего обусловлено иллюстративными потребностями. Но, справедливости ради, хочется отметить, что, не смотря на сложившуюся в целом вокруг химии ситуацию отсутствия ярко выраженного исследовательского интереса со стороны философии и методологии науки, это направление развивалось как в зарубежной, так и в отечественной традициях в рамках философско-методологических программ исследования науки.

Одна из причин такого положения - химию часто рассматривают как прикладную дисциплину, существование и развитие которой целиком и пол-

ностью определяется физическим знанием. Такой редукции к физике способствовало формирование среди философов и методологов науки убеждения в том, что химия не порождает великих идей, сравнимых с квантовой механикой и теорией относительности в физике, с одной стороны, и эволюционным учением Ч. Дарвина в биологии, с другой [1]. Будучи сама теоретическим знанием, философия не проявляла интереса к эмпирически нагруженным дисциплинам, а именно таковой является химия. Активизация интереса к химии как к объекту философско-методологического рассмотрения приходится на конец прошлого столетия. И это не случайно. В большой степени это связано с так называемым эмпирическим поворотом [2], который произошел в 80-е г. прошлого века в философии науки. Как результат, возникает новое исследовательское направление в философии и методологии науки: «философия экспериментирования». Химия наконец-то привлекла к себе внимание.

Основная задача методологического участия философии в развитии науки заключается в формировании научной картины мира, как общей, так и дисциплинарной. Научная картина мира обеспечивает обобщение и интегрирование получаемых эмпирических и теоретических знаний; систематизацию знаний в рамках соответствующей дисциплины; при этом является исследовательской программой, способствующей постановке задач научного поиска. Ломка научной картины мира в этом отношении ведет к изменению глубинной стратегии научного исследования, что, в конечном итоге, приводит к научным революциям. Объектом химической картины является мир, взятый со стороны его химического содержания и рассматриваемый через призму химических представлений, законов химических превращений. Химическая картина мира содержит в себе знания о химическом содержании изучаемых и используемых объектов; о происхождении основных типов природных объектов (в ходе химической эволюции); о зависимости химических свойств объектов от их структуры; о химических свойствах объектов «второй природы» (синтетическая химия). В основе химической картины мира лежат следующие важные принципы: принцип зависимости свойств соединения от химического строения; принцип стремления реакционной системы к уменьшению ее энергии; принцип обратимости химических реакций.

Химическая научная картина мира начинает складываться во времена А.-Л. Лавуазье. В качестве фундаментальных объектов в ней рассматривались так называемые простые вещества, но понимание того, что есть «простое вещество», сильно отличалось от современного понимания. Тогда были известны лишь некоторые из сегодня известных химических элементов. К простым веществам причисляли и ряд сложных соединений. Взаимодействие всех этих как бы простых элементов рассматривали в абсолютном пространстве и времени. Причем такие обобщенные представления были применимы ко всем известным в то время типам сложных химических соединений и реакций.

Сегодня представления о «простом» и «сложном» в химии существенным образом изменились. В основании иерархии изучаемых химией объектов положен атом, который следует понимать как химически простой, но физиче-

ски сложный объект. Иерархия объектов, изучаемых химией, как следствие, будет выглядеть следующим образом: атом – молекула – надмолекулярные (высокомолекулярные) соединения – соединения переменного состава.

Выявив наличие специфического носителя «химического», следует обратить внимание на давний спор о возможности редукции химии к физике, что также попадает в поле зрения проблем, фиксируемых картиной мира. В качестве наиболее приемлемого решения данной проблемы следует рассматривать позицию, согласно которой «физическое» и «химическое», с одной стороны, тесно соприкасаются друг с другом, а с другой – обладают специфическими характеристиками. В результате возникновения и развития квантовой механики, физики элементарных частиц связь физики и химии стала еще более тесной. Эти физические теории стали теоретическим фундаментом современной химии. С ними связан ключ к объяснению свойств химических соединений, механизмов превращения вещества, к выяснению существа законов химии и т. п. Физика блестяще решила многие принципиальные вопросы современной химической науки. Квантовая физика создала для химии мощный теоретический фундамент, теоретизировав, тем самым, химию в целом.

Однако вопрос о возможности сведения химии к физике остался открытым. Конструктивным в рассмотрении этого вопроса видится подход, согласно которому квантово-физические теории описывают и объясняют физические стороны химических процессов. «Химическое» же нельзя объяснить, рассматривая только физические аспекты химического. Такое объяснение будет неполным. Атом не является аддитивной системой, и его свойства нельзя рассматривать как простую сумму свойств входящих в него элементарных частиц. Большую роль в понимании химических процессов играет химическое сродство, требующее учитывать не только свойства, детерминированные электронной конфигурацией, но и условия протекания химического превращения, а также энергию и характер связей между атомами. Тем самым, редукцию «химического» к «физическому» не следует рассматривать буквально, а следует считать удобным исследовательским приемом, помня и учитывая при этом его объективные ограничения.

В рамках обозначенной проблемной области также обсуждаются способы визуализации и репрезентации химической информации, которые выводят на рассмотрение проблемы языка химической науки [3]. С целью сохранения научной информации и последующего ее применения в образовательной и исследовательской деятельности могут быть использованы различные знаковые средства. Среди них можно выделить вербально-терминологические, иконические, символические и формальные средства. Вербально-терминологические средства наиболее близки к естественному языку повседневного общения и активно заимствуют его понятийный аппарат. Такие средства используются для описания наблюдаемых явлений и широко представлены на эмпирическом уровне научного исследования. Иконические средства в научной практике – это графики, схемы, чертежи, диаграммы, гistogramмы и т. п. Они выполняют наглядно-иллюстративную функцию и отра-

жают некоторые свойства, качества, состояния, функции заменяемых с их помощью объектов изучения. Символические средства наиболее далеко отстоят от обозначаемых с их помощью объектов: они репрезентируют объект на основании его интерпретации исследователем, их связь с объектом условна и является результатом конвенции, которая достигается в рамках профессионального научного сообщества.

Сформировавшийся в конечном итоге язык химии весьма своеобразен. В целом он формируется на базе физического языка, использует математическую символику и общезначимую терминологию. Язык химии также сильно тяготеет к естественному языку повседневного общения. Это вызвано важностью описательного аспекта химического исследования.

Структурные формулы, валентные схемы, уравнения реакций – это специфически химические символические средства визуализации и репрезентации химической информации. Отличительной особенностью языка химии также является наличие химической номенклатуры со сложной синонимией терминов. Химическое соединение может быть названо по-разному, может иметь не одно, а несколько названий. Каждое соединение имеет свою химическую формулу (брутто и структурную), химическое название по принятой терминологии, а также обозначается словом естественного языка. Часто используются так называемые тривиальные названия, под которыми соединения стали известны еще до создания рациональной номенклатуры.

Таким образом, при формировании научных картин мира, как общей, так и дисциплинарной, важную роль играет философско-методологический инструментарий, позволяющий успешно справляться с решением острых как мировоззренческих, так и методологических проблем современного научного знания.

Библиографические ссылки

1. Brakel J. van. On the neglect of the philosophy of chemistry // *Foundations of Chemistry*. 1999. №1. P. 111 – 174.
2. Сторожук Л.Ю. Философия научного эксперимента: реакция на кризис рационализма // *Философия науки*. 2004. № 3. С. 87 – 120.
3. Янчук Е.И. На каком языке говорит химия (Опыт философско-методологического анализа) // *Философия и социальные науки*. 2013. № 2. С. 32 – 37.

СЕКЦИЯ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА ЗАВТРА

УДК 316.334.23

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

И.А. Андрос, С.Н. Бурова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
androsita@tut.by, svetic45@mail.ru

Аннотация. Изучены теоретико-методологические основы социологического изучения семьи как субъекта экономических отношений. Авторы проанализировали зарубежные теории об экономической сущности семьи. Тем самым, сформирована теоретическая база для проведения эмпирических исследований семейного предпринимательства.

Ключевые слова: *семья; экономическая функция семьи; домашнее хозяйство; семейное предпринимательство.*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF THE STUDY OF FAMILY ENTREPRENEURSHIP

I.A. Andras, S.N. Burova

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The theoretical and methodological foundations of sociological study of family as a subject of economic relations are studied. The authors analyzed foreign theories about the economic essence of family. Thus, the theoretical basis for empirical research of family entrepreneurship is formed.

Keywords: *family; family economic function; household; family entrepreneurship.*

Теоретико-методологические основы изучения семейного предпринимательства мы определяем в анализе экономической функции семьи, которая заключается в участии семьи в общественном производстве, ведении домашнего хозяйства, формировании семейного бюджета, организации потребительской деятельности. Успешность выполнения данной функции детерминирована степенью финансовой удовлетворенности членов семьи, задействованных в семейном предприятии. В рамках теории функционализма семья рассматривается с учетом выполнения своих функций, удовлетворения определенных социальных потребностей. У. Огборн и М. Нимкофф предложили концепцию «перехвата» семейных функций другими социальными институтами, что послужило основной причиной дестабилизации семьи [1]. Например, суть экономической функции семьи в аграр-

ном патриархальном обществе заключалась в том, что в ведении сельского хозяйства участвовали все члены семьи, обязанности которых распределялись в соответствии с их возрастом и полом. Возникновение и развитие промышленного производства переориентировало труд мужчин на зарабатывание финансовых средств вне дома, а женщины продолжали заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. В итоге, экономическая роль семьи свелась к трате денег, заработанных мужчиной.

Изучение проблем управления семьей и механизм принятия решения внутри семьи положены в основу так называемой теории семейной власти. Право принимать решения напрямую зависит от уровня дохода каждого из членов семьи, образования, работы и других факторов. Отсюда следует, что обладание в большей степени материальными средствами позволяет определенным членам семьи иметь большую власть. На этом основании социологи Р. Блад и Д. Вульф предложили классификацию семей американского типа, в которой учтены различия в моделях управления бюджетом и характером принимаемых решений в экономической сфере жизни: автономная власть, власть мужа, власть жены и синкретическая власть. Если автономная власть предполагает принятие компромиссных решений, то синкретическая – на основе принятия самостоятельности каждого из супругов [2]. Однако Р. Блад и Д. Вульф не учитывали роль детей в принятии решений, особенно когда наследники становились основными кормильцами семьи. Поэтому здесь следует говорить не о семейной, а о супружеской власти. Теория семейной власти рассматривается в рамках «принципа наименьшего интереса» [3], когда социальные субъекты редко любят друг друга одинаково, но в реальности не признают, что это так. Дополнительно на возникновение конфликтов влияет принадлежность к определенному социальному классу или слою супругов, которая обуславливает их материальное благосостояние.

Марксизм рассматривает семью в капиталистическом обществе с позиций конфликта на уровне «большого общества», в котором все неимущие, в т.ч. женщины и дети, должны работать. «Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношений между полами» [4, с. 500]. В марксистской интерпретации моногамия после перехода в результате революции средств производства в общественную собственность приобретет социалистическую форму, в которой господство мужчин с их экономическим интересом передать нажитое имущество своим детям отсутствует, а женщины освобождаются в результате исчезновения домашнего хозяйства как отжившей формы быта.

Семья как «место борьбы» представлена в марксистско-феминистском варианте теории конфликта [5]. Х. Хартманн считает, что поскольку капиталистическая патриархальная система является главной причиной накопления экономических средств в руках капиталистов и мужчин, то семья представляется как место, где происходит постоянное выяснение отношений: кто должен зарабатывать день-

ги, кто обязан вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, какую часть доходов семья должна передавать в доход государства в форме налогов и т.д. То есть, основная функция семьи – это экономическое производство и перераспределение материальных благ, во время которых возникают конфликты на почве различий в интересах членов семьи. В радикальном феминизме отношения в патриархальной семье – это политические отношения, где мужчины властвуют, а женщины им подчиняются [6].

Появившаяся на Западе во второй половине XX в. новая экономическая теория домашнего хозяйства интерпретирует рыночную и нерыночную деятельность семьи в формате экономической полезности принятых решений, например, вступить в брак, родить детей, разделить домашние обязанности между супругами, определить степень участия в зарабатывании денег, развестись и т.д. Г. Беккер выдвигает теорию распределения времени, в которой принятие решений в домашнем хозяйстве основано на объединении функции спроса на товары (А. Маршалл) и трудовыми ресурсами [7]. Данный подход существенно изменяет понимание сущности поведения домашних хозяйств. Семья – это производственная единица из нескольких индивидов, которая максимизирует полезность поведения и увеличивает экономическую функцию по производству товаров в определенное время, учитывая и применяя знания и навыки членов семьи. Экономика семьи представляет собой аналогию экономики предприятий, но только в меньшем размере. Родоначальник современной экономики труда Д. Минсер анализирует трудовое участие замужних женщин в формировании человеческого капитала, применяя уравнения, моделирующие заработную плату как функцию человеческого капитала в статистической оценке [8]. Представители новой экономической теории домашнего хозяйства считают, что семья как важнейший элемент системы социально-экономических отношений и общественного воспроизводства первостепенно влияет на экономический рост стран и динамику всех социально-экономических процессов. Г. Беккер заключает, что основой экономики домашнего хозяйства, которая изучает потребление и трудовые ресурсы, являются семейные решения, принимаемые не индивидом, а домохозяйством, семьей [9]. Г. Беккер создал модель производительного домашнего хозяйства, в которой описано как в домашнем хозяйстве комбинируется время членов семьи с приобретаемыми на рынке товарами с дальнейшей целью получить наиболее желаемые результаты или продукты.

Трансакционный подход расширяет и обобщает новую экономическую теорию домашнего хозяйства, признавая важность внутренней структуры и организации. Если в новой экономической теории домашнего хозяйства внимание концентрируется исключительно на производстве в рамках семьи, то в трансакционном подходе семья рассматривается как «управляемая структура», эффективность которой оценивается экономической деятельностью и процессом распределения внутри семьи [10]. Основной вывод трансакционного подхода – если определенные виды деятельности могут выполняться институтами, ориентированными на эффективность или минимизацию издержек, то баланс этих преимуществ/недостатков определяет, какой деятельностью будет заниматься семья, а какой – фирмы, некоммерческие организации, государство. Изучив гендерный ба-

ланс власти в американской семье, Р. Бламберг и М. Колеман приходят к заключению, что финансовые ресурсы играют главную роль в распределении экономических ролей в домашнем хозяйстве и презентуют три модели управления финансовыми средствами: 1) доминирующий доход одного из супругов; 2) пропорциональность доходов супругов; 3) независимый бюджет супругов [11].

Появившаяся в конце XX – начале XXI в. теория «естественной семьи» А. Карлсона [12] трактуется в сугубо социальном смысле исторического становления социальных институтов. А. Карлсон противопоставляет теорию естественной семьи эволюционно-прогрессистской теории ее развития, согласно которой все в обществе (в том числе и семья) изменяется в лучшую сторону. «Естественная семья» – это ячейка, которая выполняет экономическую функцию объединением близких и кровнородственных людей. А. Карлсон не только теоретик, но и общественный деятель (широко пропагандирует свои взгляды), и практик [13]. А. Карлсон считает, что если выполнение функций по отношению к обществу начинает зависеть от семьи как от потребительской ячейки, то институт семьи оказывается в упадке. Все члены семьи как отдельные индивиды становятся клиентами различных социальных учреждений и служб государства, которые берут на себя заботу о личности, т.е. присваивают себе те роли, которые издавна играла семья. Согласно этому взгляду государство активно способствует развалу семейного производства, семьи, домохозяйства, втягивая всех членов семьи в виды деятельности, которые создают стоимость, развивают капиталистическое производство. То есть, в фокусе внимания государства, частных структур, экономических и социальных расчетов находятся не семьи, а индивиды. Те услуги, которые раньше мужчины и женщины, дети и люди преклонного возраста получали бесплатно в семье, сейчас оказываются за деньги вне семьи. В результате усугубляется инфляция семейных ценностей и обуславливается институциональный упадок семьи. А. Карлсон предлагает изменить положение семьи среди других социальных институтов, повысив ее автономию. Для этого необходимо приватизировать семейную жизнь, в т.ч. вернуть через домашнее образование производственную функцию семьи и повысить престиж домохозяйства посредством укрепления ее роли в национальном доходе. В представленной теории «естественной семьи» утверждается, что речь идет не о реанимации прежней семьи, а о социальном конструировании предпосылок для распространения модели естественной семьи [14].

Вывод. Со временем в теориях зарубежных авторов, анализирующих экономическую функцию семьи, основной упор сделан на формах и моделях управления финансовым состоянием домашнего хозяйства, отношениях между супругами, без затрагивания проблем взаимодействия родителей и детей. И это неблагоприятно влияет на развитие семьи как социального института. Исследователи приходят к общему выводу, что члены семьи не могут быть полностью финансово независимыми и должны учитывать последствия принятия своих экономических решений, которые влияют на формирование благополучия домашнего хозяйства как сейчас, так и в будущем.

Библиографические ссылки

1. Ogburn W., Nimkoff M. Technology and the Changing Family. Boston, 1955. 329 p.

2. Blood, R., Wolfe, D. *Husbands & Wives: The Dynamics of Married Living*. Glencoe, Ill. : Free Press, 1960. 293 p.
3. Waller, W., Hill, R. *The Family: A Dynamic Interpretation*. New York: Dryden Press, 1951.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23 М. : Изд-во политической литературы, 1960. – 907 с.
5. Hartmann H. The unhappy marriage of Marxism and feminism: towards a more progressive union. // *Women and Revolution: a Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. Boston, Massachusetts : South End Press, 1981. P. 1–42.
6. Millett K. *Sexual Politics*. Garden City, New York : Doubleday, 1970. 393 p.
7. Becker G.A *Theory of the Allocation of Time* // *The Economic Journal*. 1965. Vol. 75. No.299. P. 493–517.
8. Mincer J. *Labor Force Participation of Married Women: a Study of Labor Supply*. Princeton : Princeton University Press, 1962. P. 63–105.
9. Капелюшников Р.И. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию. Предисловие к Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. / *Избранные труды по экономической теории*. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
10. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства// *THESIS*, 1994, вып. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/448/313/1234/6_1_3Poll.pdf. Дата доступа: 21.01.2019.
11. Blumberg R., Coleman M.T. A Theoretical Look at the Gender Balance of Power in the American Couple // *Journal of Family Issues*. 1989. № 10. P. 225–250.
12. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.
13. Карлсон А., Метро П. Естественная семья: Манифест. Симферополь : ДИАЙ-ПИ, 2007. 31 с.
14. Бурова С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск : Право и экономика, 2010. 454 с.

УДК 316.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Н.Л. Антонова*

ФГАОУВО «Уральский федеральный университет»
ул. Мира, 19, 620002, Екатеринбург, Российская Федерация
n-tata@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образовательные потребности китайских студентов. Опираясь на материалы эмпирического исследования, проведенного в 2019 г., объектом которого стали студенты из КНР, утверждается, что высоким спросом пользуются краткосрочные образовательные программы, ориентированные

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00236)

на освоение межкультурных коммуникативных компетенций. Результаты опроса свидетельствуют о слабой социокультурной подготовке образовательных мигрантов: студенты не информированы о повседневных практиках российского населения, социальных нормах и поведенческих стандартах. Выявлено, что факторами привлекательности образовательных программ являются содержание и невысокая стоимость. На уровне управленческих структур при разработке краткосрочных образовательных программ следует учесть потребность иностранных студентов в освоении, прежде всего, общекультурных компетенций.

Ключевые слова: *потребность; образовательные потребности; образовательные программы; китайские студенты; университет; высшее образование; краткосрочная академическая мобильность.*

EDUCATIONAL NEEDS OF CHINESE STUDENTS

N.L. Antonova

Ural Federal University

Mira str., 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article discusses the educational needs of Chinese students. Based on the materials of an empirical study conducted in 2019, the object of which were students from the People's Republic of China, it is argued that short-term educational programs focused on the development of intercultural communicative competencies are in high demand. The survey results indicate a weak sociocultural preparation of educational migrants: students are not informed about the daily practices of the Russian population, social norms and behavioral standards. It is revealed that the factors of attractiveness of educational programs are the content and low cost. At the level of university management, the development of short-term educational programs should take into account the need of foreign students in mastering, above all, general cultural competencies.

Keywords: *need; educational needs; educational programs; Chinese students; university; higher education; short-term academic mobility.*

В современных условиях актуализируются вопросы включения университетов в глобальный рынок образовательных услуг. Статус и репутация вуза становятся факторами привлекательности для абитуриентов и их родителей, в том числе и из других государств. Согласно статистике ОЭСР по высшему образованию, число иностранных студентов в мире в 2015 году составило более 4,5 млн человек [1], каждый четвертый иностранный студент обучается в США [2]. В РФ численность образовательных мигрантов по данным Федеральной службы государственной статистики [3] в 2017-2018 учебном году составила 5,4% от общей численности всех студентов. Больше всего студентов в российских вузах обучается из Китая Казахстана, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана, Азербайджана [2]. Студенты из КНР - самая многочисленная группа в структуре образовательных мигрантов. «Вследствие укрепления культурных взаимодействий между разными народами, усиления экономики и духовной культуры Китая всё больше китайских семей рационально и целенаправленно выбирают обучение за границей» [4, с. 473]. Реализация проекта «Один пояс и один путь» выступает стратегическим вектором развития международных отношений и

ориентацией для современной китайской молодежи при выборе профессиональной траектории.

Российские университеты предлагают молодежи из КНР широкий спектр образовательных программ на всех уровнях (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Вместе с этим, наиболее востребованными выступают программы краткосрочной академической мобильности [5], обладающие меньшей регламентацией и зависимостью от образовательных стандартов и большей гибкостью, способностью реагировать на актуальные образовательные потребности потенциальных слушателей.

Объектом нашего исследования, проведенного в 2019 г., стали китайские студенты, приехавшие Уральский федеральный университет (УрФУ) на обучение по программам краткосрочной академической мобильности. По численности иностранных студентов, обучающихся по краткосрочным образовательным программам, лидирующие позиции принадлежат Сибирскому (48,2%) и Уральскому федеральному округу (39,8%) [6]. Методом анкетирования был опрошен 31 студент, из них: 10 девушек и 21 юноша. Средний возраст опрошенных - 22 года. Анкета была переведена на китайский язык, что позволило преодолеть языковой барьер. В организации проведения опроса приняли участие к.филол.н. Е.С. Пургина и директор Департамента международных образовательных программ УрФУ Я.С. Высоцкая.

Результаты исследования показали, что образовательные потребности китайских студентов связаны, прежде всего, с освоением межкультурных, коммуникативных компетенций. Так, в мотивационной структуре приезда лидирует желание познакомиться со страной, ее культурой и жителями. Материалы опроса свидетельствуют, что большая часть слушателей удовлетворена пребыванием в России: каждый третий студенты из КНР отметил, что краткосрочная академическая мобильность позволила расширить кругозор о культуре России и повседневной жизни россиян. Кроме того, респонденты отметили повышение коммуникативных навыков и освоение межкультурных компетенций, связанных с пониманием, освоением и принятием норм и ценностей принимающего сообщества.

Подход к краткосрочным образовательным программам с позиций освоения общекультурных компетенций следует учесть на уровне управленческих структур. Речь идет о том, что поле образовательных потребностей китайских слушателей не ограничивается получением профессиональных знаний, умений и навыков. Краткосрочная академическая мобильность для представителей азиатского региона связана с освоением культуры и истории России, традиций и обычаев, поведенческих практик и ценностных оснований жизнедеятельности. Отсюда важным видится включение в программы подобного рода дисциплин гуманитарной направленности.

Кроме того, требуется и организация досуговой деятельности, которая способствует включению иностранных студентов в повседневную жизнь, характерную для жителей крупного промышленного города. Результаты опроса демонстрируют слабую социокультурную подготовку образовательных ми-

грантов. Несмотря на тот факт, что до приезда в Россию большая часть студентов ознакомились с историей страны, политической и экономической ситуацией, тем не менее вызовом для слушателей стала инкорпорация в инкультурную среду. Практически все опрошенные студенты не владели информацией о стандартах и нормах, характерных для досуга и быта россиян. Данный факт становится барьером в адаптации иностранных студентов.

Что касается выбора образовательной программы, то участники опроса выделили следующие факторы ее привлекательности. Во-первых, это содержание предлагаемых программ. Больше половины слушателей при выборе ознакомились с содержанием программ. Актуальными образовательными потребностями студентов стали повышение уровня владения русским языком и приобретение навыком межкультурного взаимодействия, а также изучение феномена геймификации.

Во-вторых, фактором привлекательности краткосрочных программ, реализуемых в УрФУ, является их невысокая стоимость (500-1000 долларов). Низкую стоимость обучения в российских университетах отмечают и современные исследователи [7, 8]. Утверждается экономическая доступность российского образования по сравнению, например, с европейскими университетами. Опрошенные студенты указывают, что готовы рекомендовать образовательные программы и университет в целом своим коллегам и друзьям. Давая столь высокую оценку, студенты из КНР полагают, что краткосрочное обучение в России станет социальным лифтом мобильности, позволяющим повысить статусные позиции, и дополнит личностный ресурсный потенциал, востребованный на рынке труда.

Библиографические ссылки

1. Education at a Glance 2017: OECD Indicators. OECD 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2017_eag-2017-en Дата доступа 12.06.2019
2. Global Flow of Tertiary-Level Students. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> Дата доступа 12.06.2019
3. Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018
4. Ли Л., Аликберова А.Р. Анализ академической мобильности китайских студентов // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. №1. С. 471-481.
5. Володина Е.Д. Систематизация форм международной академической мобильности студентов // Вестн. Челябинского государств. педагогич. ун-та. 2014. № 2. С. 93–102.
6. Меликян А.В. Международная деятельность организаций высшего образования азиатской части России // Высш. образов. в России. 2016. № 8-9. С. 30-39.
7. Галямова Э.Ф., Кудимана Г.О. Привлекательность российских вузов на международном рынке образовательных услуг // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия: Экономика и право. 2017. Т. 27. № 3. С. 21-26.
8. Бондаренко В.В., Заугаров В.В., Селезнев П.С., Юлина В.А. Концепция совершенствования университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации в рамках политики «мягкой силы» // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2018. Т. 8. №5. С. 6-18.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т.В. Бурак

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
taburak@mail.ru

Аннотация. Статья представляет анализ изменений института туризма: от потребительских практик к ответственному туризму. На примере въездного туризма в Республике Беларусь автор показывает, как реализуются принципы ответственного туризма в национальной стратегии.

Ключевые слова: *ответственный туризм; устойчивый туризм; межкультурные отношения.*

CREATION OF THE INSTITUTE OF RESPONSIBLE TOURISM IN BELARUS

T.V. Burak

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article presents an analysis of changes in the institute of tourism: from consumer practices to responsible tourism. As an example of inbound tourism in the Republic of Belarus the author shows how the principles of responsible tourism are realized in the national strategy.

Key words: *responsible tourism; sustainable tourism; intercultural relations.*

Эффективность функционирования института туризма, охватывающего различные формы межкультурного взаимодействия, зависит во многом от реализации технологий, способствующих улучшению и продвижению экономических, социальных и культурных связей между странами. Объективная потребность современности в преобразовании практик туризма определяет тенденцию перехода от массового туризма, основанного на принципах развлечения, коммерциализации и комфорта, к новой модели путешественника. Для воспроизводства системы социальных отношений, преодолевающей негативные эффекты потребительства в межкультурных процессах, необходимо рациональное воздействие, воплощающее управленческие установки в практических действиях по обеспечению потребностей «здесь и сейчас», учитывая долгосрочные социальные последствия туристской деятельности, в том числе социально-нежелательные. Так, в соответствии с задачами 10-летней рамочной программы в области Устойчивого потребления и производства разработанная концепция изменения института туризма, курируемая Всемирной туристской организацией (ЮНВТО, UNWTO). За осуществление мероприятий международных проектов и программ в этой области отвечает Международная Сеть Ответственного Туризма (International Centre for Responsible Tourism

Network) с центрами в разных странах.

Основные положения и цели туризма нового типа сформированы вокруг взаимосвязанных принципов «эффективность – инновации – адаптируемость» [1] и представлены в международных документах: итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим» (от 27 июля 2012 г.), Генеральной Ассамблеи «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (от 25 сентября 2015 г.), резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении 2017 года Международным годом устойчивого туризма (от 22 декабря 2015 г.), Чэндунской декларации о туризме и целях в области устойчивого развития (от 13 сентября 2017 г.). Они определяют круг мероприятий, продвигающих идеи эффективного использования ресурсов, качественного роста и обновления, социальной инклюзивности и взаимопонимания в нескольких направлениях развития туризма. В экономическом измерении – это, прежде всего, обеспечение рациональных моделей производства и потребления туристского продукта, не ставящих под угрозу удовлетворение потребностей будущих поколений. При этом, отвечая требованиям современного общества, устойчивое развитие туризма обеспечивается благодаря стимулированию инновационной деятельности в сфере турбизнеса, маркетинга и разработки туристского продукта. Очевидно, туризм сегодня является важной частью национальной стратегии развития экономики и источником экономического роста с долгосрочной перспективой. А в связи с интенсивным увеличением в начале XX века туристских потоков в неразвитые страны [2] возникает также необходимость участия субъектов туризма в создании новых рабочих мест и инвестировании, в преодолении проблемы безработицы, выравнивании различий регионов, улучшении качества жизни принимающей страны. Экологические ориентиры развития ответственного туризма охватывают задачи сохранения экосистем, бережного и рационального использования природных ресурсов. Наконец, в социальной сфере технология туризма будущего реализуется в установках по обеспечению безопасности путешествий, преодолению социального неравенства и ликвидации нищеты, объединению религиозных ценностей и культурных практик, защите культурного наследия, гармонизации межкультурных отношений и стимулированию уважения к личности, природе и культуре региона. [1] Комплексная система обозначенных задач в трех аспектах современного туризма и практик путешествия направлена на достижение общей цели – переход от потребительского к сберегающему и ответственному туризму.

Принципиальная особенность технологии устойчивого туризма выражается в организации новых форм досуга, потребления и производства, вовлекая в эту деятельность всех субъектов социальных отношений в туристской сфере. Ведь для достижения конкретных результатов необходимо сформировать заинтересованность не только агентов туриндустрии и дестинации, но и самих субъектов повседневного межкультурного общения (путешественников и жителей принимающей страны). Разработка политики ответственного

туризма, гибкое воздействие на тенденции в туристской сфере предполагает конструирование установок ответственного путешественника. Поэтому важным звеном стратегии развития нового типа туризма является изменение культурных установок, запросов и ожиданий, мотивов путешествий и туристских предпочтений. И только потом становится возможной организация взаимодействия власти, национальной культуры, экономики, туристической индустрии и общественного сознания.

Деятельность Всемирной туристской организации направлена также на отслеживание выполнения целей международной программы по включению туризма в национальные стратегии стран, что означает организацию сотрудничества институтов государства и туризма в формировании политики туризма, соответствующей целям устойчивого производства и потребления [3]. Остановимся на анализе опыта реализации основных направлений концепции ответственного туризма в Республике Беларусь. Первая Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь была принята еще в 2004 году. Национальная стратегия развития туристской сферы до 2030 года в Республике Беларусь представлена в нескольких программных документах, устанавливающих новые принципы и подходы к формированию и продвижению национального туристического продукта нового поколения: Постановление Совета Министров «Об утверждении Государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы», «Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2016–2020 годы», «Приложения к Государственной программе». Отслеживание достигнутых результатов участия Республики Беларусь в региональном исследовании ЮНВТО по развитию туризма до 2030 года и в проекте «Исторический янтарный путь» отражено в документах «О реализации в 2017 году Государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2016 – 2020 годы» и «Отчет о результатах реализации Государственной программы «Беларусь гостеприимная» в 2016 году».

Одним из обязательных элементов социальной технологии являются факты и события, знаменующие различные этапы ее реализации в экономическом, экологическом и социальном аспектах. *Экономические задачи* в развитии ответственного турбизнеса в Республике Беларусь реализуются путем формирования высокоэффективного и конкурентоспособного туристического комплекса, вносящего значительный вклад в развитие национальной экономики. На начало 2017 года экспорт туристских услуг в Республике Беларусь составил 155,2 млн. долл. США (планировалось в 2016 году 151,5 млн. долл. США, в 2020 году – 180,9 млн. долл. США) [4]. К 2030 году планируется увеличить долю экспорта туристических услуг в общем объеме экспорта услуг с 3,3 % (в 2015 году) до 4,1 % [5].

Одним из обязательных направлений реализации концепции устойчивого туризма становится также освоение новых рынков туристских услуг [4; 5]: реализация трансграничных проектов (например, «Неизвестная Европа» в Гродненской области, Еврорегион «Поозерье», «Белла Двина» в Витебской области); строительство туристических зон в экологических регионах; разви-

тие интернет-маркетинга; проведение виртуальных мероприятий по продвижению в режиме реального времени; развитие государственно-частного партнерства, поддержка стартапов; развитие новых форм туризма (формирование спа-индустрии, активизация культурно-познавательного, охотничьего, делового и медицинского туризма). И наконец, реализация маркетинговой стратегии Республики Беларусь включает следующие задачи, способствующие росту экономики страны [4]: 1) формирование многоуровневой системы продвижения туристских услуг; 2) развитие информационной системы поддержки внутреннего и въездного туризма (брошюры, календари, совершенствование медийной среды в сфере туризма, создание приложений для смартфонов, связанных с туризмом); 3) внедрение в туристическую деятельность ИТ-технологий; 4) развитие туристско-информационных центров в регионах и за рубежом (участие в международных туристических выставках, рекламно-информационные туры, международное сотрудничество и углубление интеграции в международное туристическое сообщество).

Экологические задачи воплощены в деятельности туриндустрии Беларуси по эффективному использованию природных и историко-культурных ресурсов, включая [5]: развитие рекреационного, оздоровительного, водного, агроэкотуризма; продвижение на международном уровне национальных туров и экскурсий. В частности, по итогам 2016 года в области «зеленого туризма» достигнуты следующие результаты [4; 6]: 1) разработаны новые подходы по использованию ресурсов субъектов сельского хозяйства, центров краеведения и особо охраняемых природных территорий; по данным Министерства спорта и туризма, в 2016 году количество посетителей белорусских агроэкоусадьб увеличилось на 2,5%, по сравнению с 2015 годом, из них 90% – граждане Республики Беларусь; 2) разрабатываются «зеленые маршруты» вдоль естественных природных зон и ландшафтов (например, маршрут по Лепельскому району Витебской области под названием «Край желтых кувшинок и седых валунов», по рекам Гривда, Щара и Неман «Водными маршрутами Великого княжества Литовского»); 3) реализованы мероприятия по улучшению сервиса и качества туристической инфраструктуры (например, организовано речное, пешеходное и велосипедное движение); 4) развитие кемпингов и караванинга (создана интерактивная карта кемперных стоянок); 5) созданы туристические маршруты с активными и экологичными способами передвижения.

В области *социальных задач* осуществляются мониторинги въездного и внутреннего туризма, используются новые технологии проведения экскурсий (например, виртуальный маршрут «Борисовщина от древности до наших дней»); разрабатываются меры по обеспечению доступности внутреннего туризма для белорусских граждан и по упрощению процедур въезда для иностранных граждан. Необходимой составляющей устойчивого туризма, реализуемого в Республике Беларусь, признается также обеспечение безопасности. Так, была разработана комплексная система информирования и разъяснения конвенциональных норм пребывания туристов в Беларуси. Безвизовый порядок въезда с туристическими целями посещения национального парка «Беловеж-

ская пуща», территории уникального туристско-рекреационного парка «Августовский канал», а также безвиз для граждан 80 государств, прибывающих в Беларусь через Национальный аэропорт Минск, создали благоприятные условия для увеличения туристического потока на 20 % [7].

Для формирования сбалансированных межкультурных отношений, основанных на взаимном доверии и уважении культур, на протяжении 2021–2030 годов планируется развитие социального туризма. Политика ответственного туризма в Беларуси ориентирована, таким образом, на поддержание познавательных мотивов путешественников и предлагает [5]: интерактивные и игровые формы туризма; туристические объекты смешанного типа, сочетая музейную, природную, научно-исследовательскую, экологическую и другие компоненты; новые оздоровительные и культурно-познавательные программы, соответствующие предпочтениям разных социальных категорий (детей, молодежи, инвалидов, пенсионеров).

Гармонизации межкультурных отношений и близкому знакомству с иной культурой способствуют мероприятия познавательного характера, мотивирующие к посещению Беларуси: международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», международный фестиваль органной музыки «Званы Сафіі» (г.Полоцк), республиканский праздник «Купалье» («Александрия собирает друзей»), международный фестиваль народной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік» (г.Поставы), республиканский фестиваль национальных культур в г.Гродно и другие. Также в рамках реализации государственной программы по развитию туризма в Республике Беларусь осуществляются мероприятия по продвижению положительного имиджа «Спортивной Беларуси», формируя новые туристские потоки в Беларусь: Чемпионат мира по хоккею с шайбой (2014 г.), Чемпионат Европы по фигурному катанию (2018 г.), II Европейские игры (2019 г.).

Представленный обзор направлений реализации принципов устойчивого туризма в национальной стратегии Республики Беларусь (на примере въездного туризма) показывает, что туризм сегодня – это не только быстрорастущий сектор экономики, но и сфера изменяющихся социальных практик. Внедрение «умных технологий» способствует развитию жизнеспособной, долгосрочной, конкурентоспособной экономики. А ставка на развитие новых направлений и видов путешествий открывает возможности конструирования познавательно-ориентированных практик, экологических ценностей и природосберегающего поведения. В свою очередь, механизмы расширения доступности путешествий в Беларусь позволяют преодолеть барьеры, обеспечивая в итоге поддержание установок взаимного понимания и уважения в межкультурном диалоге.

Библиографические ссылки

1. Программа устойчивого туризма // UNWTO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/docpdf/brochure10yfpstprus17oct2016.pdf> Дата доступа: 12.06.2019.
2. UNWTO World Tourism Barometer (Russian version). 2018. Vol. 16, Iss.1. p. 1–56

3. Доклад Генерального секретаря. Часть I: Нынешнее положение дел и проводимая деятельность б) Концепция управления и приоритеты. На пути к 2030 году: сделать туризм более «умным», конкурентоспособным и ответственным. // CE/108/5(b). Мадрид, 9 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/ce108_5_b_management_vision_and_priorities

4. Отчет о результатах реализации Государственной программы «Беларусь гостеприимная» в 2016 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mst.by/ru/programma-razvitiya-turizma-ru/> Дата доступа: 12.06.2019.

5. Проекты: до 2030 года Беларусь должна войти в число 50 ведущих стран по уровню развития туризма // Tio.by [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tio.by/info/turbiznes/Proekty-do-2030-goda-Belarus-dolzha-voiti-v-chislo-50-vedushhix-stran-po-urovnyu-razvitiya-turizma/> Дата доступа: 15.06.2019.

5. Национальная туристическая индустрия. Обеспечение доступности услуг по организации внутреннего туризма для белорусских граждан. Безвизовый порядок въезда в Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://giprosvjaz.by/ru/news/nacionalnaya-turisticheskaya-industriya--1351> Дата доступа: 15.06.2019.

7. Безвизовый режим увеличил турпоток в Беларусь на 20%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mst.by/ru/actual-ru/view/bezvizovyj-rezhim-uvlechil-turpotok-v-belarus-na-20-direktor-departamenta-po-turizmu-minsporta-14929-2018/> Дата доступа: 16.06.2019

УДК 316

ПАТРИОТИЗМ СЕГОДНЯ. ОТ АФФЕКТОВ ДЕМОКРАТИИ К ЭФФЕКТАМ КОМПЕТЕНТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Ж.М. Грищенко, Т.В. Щелкова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
zhanna0607@mail.ru, tanar2002@tut.by

Аннотация. В фокусе исследовательского интереса проблема патриотизма с точки зрения его восприятия и оценок постсоветским поколением студенческой молодежи. Авторы раскрывают характерологические особенности современных трансформаций и трактовок патриотизма. Объективные процессы включенности молодого поколения в глобальный контекст, а также особенности его социализации в условиях социальной аномии, усилили эффект космополитизма и привели к размытости и неопределенности объектной сферы патриотизма. Сегодня она носит расширительную трактовку планетарных масштабов с центром собственного «Я» с опорой на личный прагматический интерес.

Ключевые слова: *постсоветское поколение; социальная аномия; прагматический интерес; успешный жизненный проект; возрастающая компетентность; личностная самоидентификация; внутренняя амбивалентность; личностные смыслы; патриотизм; ментальные трассы.*

PATRIOTISM TODAY. FROM THE AFFECTS OF DEMOCRACY TO THE EFFECTS OF COMPETENT PREFERENCES

Zh.M. Grischenko, T.V. Schelkova

Belarusian State University

Nezavisimosti av., z4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The focus of research interest is the problem of patriotism from the point of view of its perception and assessment by the post-Soviet generation of students. The authors reveal the characterological features of modern transformations and interpretations of patriotism. The objective processes of inclusion of the young generation in the global context, as well as the peculiarities of its socialization under the conditions of social anomie, have enhanced the effect of cosmopolitanism and led to the vagueness and uncertainty of the objective sphere of patriotism. Today, it wears an expansive interpretation of planetary scales with the center of its own self, based on personal pragmatic interest.

Key words: *post-Soviet generation; social anomie; pragmatic interest; successful life project; increasing competence; personal self-identification; internal ambivalence; personal meanings; patriotism; mental trails.*

Не секрет, что нынешняя генерация студенчества несравнимо более свободна в своем самоопределении, что позволяет им абстрагироваться от идеологических установок прежних лет и делать ставки на такие алгоритмы реализации успешного жизненного проекта, которые были недоступны предшествующим поколениям. Одной из наиболее популярных социальных технологий самореализации для современного студента является перспектива «выезда за рубеж с целью заработка или продолжения учебы». Надо признать, наконец, эту очевидную, (хотя и не лицеприятную) тенденцию, которая обнаруживает прогрессирующую динамику, в особенности на протяжении двух последних десятилетий, увенчавшихся выходом в самостоятельную жизнь поколения молодежи-постсоветского образца в чистом виде!

По результатам осуществленного нами в стенах родного университета тестирования студенческой аудитории (500 человек, случайно отобранных с различных факультетов с обязательным соблюдением принципа сохранения целостности группы) доля таких ориентированных на Запад в своем ближайшем самоопределении приближается к 80%, правда с оговоркой – «в случае появления реальных возможностей». Именно в связи с данным фактом возникает закономерный вопрос – является ли объективированная в социологической базе данных тенденция достаточным основанием для безжалостного вердикта о непатриотичности поколения милениумистов? Тем более, что генерация, о которой мы ведем здесь речь, принадлежит к тому культурологическому архетипу, специфика которого в большей степени была определена обстоятельствами его социализации в условиях тотальной социальной аномии, нежели воздействием инновационных технологий с их фатальной компьютеризацией и вертуализацией. С учетом догоняющего характера отечественной модернизации, актуальный молодежный сегмент окунулся в инновационные реалии технического прогресса с рождения, оперативно усвоив

его тонкости уже в младшем детском возрасте, даже не успев осознать его революционного смысла.

Освободившись от нравственного и идеологического прессинга со стороны общества, нынешнее поколение молодежи стало более свободно в своих самоопределениях и технологично в своих программах самореализации. Поэтому менее всего они подходят к перспективе выезда за рубеж с точки зрения оценки своей патриотичности-непатриотичности, а исходят из выраженного *прагматического интереса* к расширению возможностей осуществления успешного жизненного проекта. Нельзя не признать, что фиксируемая рационализация прагматизма, столь характерная поколению детей социальной аномии, стала закономерным следствием тех возрастающих компетенций, которыми озаботилась наша современная образовательная система на фоне сопутствующей ей повсеместной дегуманитаризации и коммерциализации, что не могло не отразиться на общей духовной составляющей целого поколения. Тем более, что реальные перспективы развития мобильности студенческих передвижений, стимулируются извне, например, внедряемым в образование Болонским процессом, открывающим заманчивые возможности выбора вуза, города, страны и даже преподавателя для получения качественного образования.

Наблюдаемые процессы личностной самоидентификации для постсоветской генерации студенчества характеризуются очевидным плюрализмом, внутренней амбивалентностью с опорой на личностные смыслы и, как результат – сопряженностью в едином оценочном пространстве противоречивых тенденций. Наиболее ярко это проявляется именно в аспекте восприятия и оценки патриотизма. Наши попытки эмпирической параметризации студенческой аудитории посредством качественных методик, позволяющих повысить порог чувствительности социологического инструментария к улавливанию смыслов, зафиксировали очевидный дисбаланс между национально-этнической и социально-гражданственной идентификациями. Если первая тяготеет к позитивному оценочному эквиваленту, то вторая напротив, – к негативному. Так, смысловое запечатление (импринтинг) в сознании суждения «Я – Беларусь и горжусь этим!» получает однозначное одобрение со стороны 62 % студенческой аудитории. Параллельно смысловой импринт, активно транслируемый белорусским телевидением, – «Беларусь – страна для жизни!», – 70% неприятия. И надо признать, что аргументам, лежащим в основе такого резкого сужения рамок социально-гражданственной самоидентификации поколения Z с тенденциями и процессами, развивающимися в рамках родного Отечества, сложно отказать в обоснованности.

Контент-анализ нарративных интервью (всего 74) обнажил богатую палитру актуальных для современного студенчества смыслов привлекательности западной модели самореализации и параллельно аспекты пробуксовки национальной модели. Ограниченные форматом, мы приведем наиболее типичные высказывания в тезисном изложении и типологизированные нами по ведущим сферам жизнедеятельности общества. Вместе с тем, иллюстрируемые далее суждения следует прочитывать через призму шкалы семантического дифференциала, где

описанные достоинства западной модели предполагают по умолчанию недостатки современных отечественных реалий.

Экономика: «У нас цены на продукты, коммунальные услуги, одежду, не говоря уже о потребительских «излишествах» - своя квартира, машина и других необходимых для жизни вещей, несопоставимы с зарплатой белорусов»; «Иногда создается впечатление, что народ не живет, а выживает»; «Смысл всей жизни – отложить деньги на отдых раз в году, при этом не позволяя сходить хотя бы в кино раз в месяц»; «На черный день деньги отложены, на белый день чашка новая в серванте стоит, только белый день бывает редко, а черным заполнена вся жизнь»; «Кто живет ожиданием будущего, для того оно никогда не наступает».

Политика: «Политическая культура на Западе развита намного больше, чем у нас. Люди знают, за кого голосовать и что поддерживать и, как следствие, – сами строят свою жизнь. Без перемен не будет никакого развития, поэтому страны Запада являются динамично развивающимися почти во всех сферах. Прежде всего, – благодаря вовлеченности в политику. Плюрализм мнений движет общество вперед!». *Менталитет:* «Люди более открыты и дружелюбны, менее подвержены стереотипам, открыты ко всему новому, более активны, привыкли строить свою жизнь сами, не рассчитывая на помощь других»; «Иностранцы ценят то, что имеют и относятся ко всему бережно и с ответственностью. У нас же малейшее улучшение влечет за собой незамедлительное разрушение. Наш человек привык портить все вокруг или считать, что это не его дело. Мы живем по принципу «почему я, а не другой?», а иностранцы – «это точно должен быть я!»; «Американцы никогда не делят людей по заработку или статусу. Для них все равны. У американцев вежливость и толерантность стоят на первом месте, что бесспорно является только плюсом»; «В США ценят людей, которые являются хорошими специалистами. Их постоянно премируют, дают льготы. Да и зарплаты у ценных сотрудников не маленькие. В нашей стране до сих пор не научились ценить светлые умы людей». *Образование:* «Там образование более гибкое и качественное, открывает больше карьерных перспектив для роста, свободный выбор предметов, возможность попробовать разные и понять, что тебе действительно надо, более ориентировано на практику, нежели на теорию, предполагает богатый опыт стажировок и возможности себя зарекомендовать»; «В итоге мы получаем невостребованный диплом, ибо на Западе он не действителен, устаревшую систему образования, где главное –написать конспект и заучить наизусть то, что уже завтра устареет, высокую стоимость обучения, серьезно сокращающую семейный бюджет». *Демократические свободы:* «Мы все еще остаемся на стыке культур. Восточная предполагает закрытость и ориентированность на свой внутренний мир. В контексте развивающегося мира и глобализации, оставаться в стороне невозможно, а восточная культура имеем некие барьеры. Поэтому, упрощая другие аспекты, современная белорусская молодежь просто отказывается от восточной идеологии и старается максимально приблизить себя к западу».

Оказавшиеся в идеологическом вакууме, отчужденные от идеалов для подражания предшествующих поколений, вооруженные нигилизмом в оценках

прошлого и цинизмом в отношении настоящего, дети социальной аномии, таким образом, поставили в центр внимания собственное благополучие, пытаясь сохранить и утвердить свой жизненный мир как независимую автономию и реализовать свою личную, персонифицированную программу жизненного успеха, чувствуя себя абсолютно свободными от всех социальных условностей и нравственных обязательств. Преимущественно тождественными закономерностями объясняется природа очевидного ослабления в молодежной среде национальной компоненты как обязательной слагаемой патриотизма. Например, – в аспекте языковой проблемы. Характерно, что новое поколение белорусов в подавляющей своей массе признает необходимость сохранения и развития белорусского языка как духовного начала, стимулирующее единение народа и развитие его самобытной культуры. И параллельно – ставит мощный барьер на перспективах массового перехода на белорусский язык, тем более, – его целенаправленном распространении и внедрении. Такой внутренний антагонизм в прочтении языковой ситуации имеет свою, но опять же прагматическую мотивацию. С одной стороны, мотивация отрицания связана с признанием факта крайне слабой коммуникативной функциональности белорусского языка (90% нарративного сюжета включает данный аргумент). С другой стороны, продиктована отчуждением повзрослевшего поколения молодежи от наблюдаемых в обществе закономерностей политизации языковой проблемы, в которой заинтересованы обе оппонирующие стороны политического процесса – властвующая политическая элита и контрэлита. Рационализирующиеся компетенции новой генерации студенчества воспринимают эти периодически актуализирующиеся национальные проблемы не иначе, как очередную волну «отката», ставящего заслон на пути реализации собственных жизненных программ и стратегий автономной личности. Важно осознавать, что открывшиеся с ходом перестройки перспективы диктуют свои духовные практики, в рамках которых признание ценности родного языка все более исчерпывается комплиментарной риторикой, а практическая активность направляется на освоение любого иностранного языка (преимущественно английского).

Таким образом, современная студенческая аудитория не вуалирует своей основной ставки на самоутверждение суверенной автономии личности в самой эгоистичной ее форме крайнего индивидуализма, ориентированного на достижение личностного жизненного успеха. Основное русло формирующихся на наших глазах «ментальных трасс» студенчества направлено на утверждение личности, понимаемой как «способность оставаться собой!». Именно этот смысловой посыл получил единодушную поддержку со стороны практически всего массива протестированной нами студенческой аудитории – 92%. Отсюда понятно, почему принятая поколением Z модель автономии и свободы личности не допускает никаких примеров для подражания и исключает из своей программы саморазвития давящую роль каких-либо авторитетов. Ведь любой, даже самый незначительный пример для ориентира (о подражании мы уже и говорить боимся), предполагает последующую коррекцию собственного «Я» личности, что ставит под сомнение аутентичность (подлинность) личностной определенности и

представляет реальную угрозу собственной автономии.

Окружающий молодежь взрослый мир с постоянно меняющимися градусами общественных настроений, – то оптимистически-радужных, в ожидании демократического «рая» с иллюзорной, но манящей свободой и независимостью, то пессимистически-подавленных, с перманентным пересмотром страниц истории и переименованием городов и улиц, – ничего иного, кроме запечатленного памятью нигилизма, увы, не предложил. Поэтому ожидание от поколения Z каких-либо идеалов-ретрансляторов хотя бы героического прошлого нашей истории, на примере которых хотелось бы «строить жизнь», было заведомо обречено на провал. Так как и героическое прошлое, к сожалению, было подвергнуто тем же миром взрослых безжалостному чистилищу, став мощным импульсом для прогрессирующих сомнений, запечатленных в ментальности поколения цифровых технологий откровенным цинизмом. Надо признать, что озадачившись стратегией формирования компетентного специалиста, мы привычно пошли в направлении углубления интеллектуальной мимикрии, сфокусировав свою озабоченность на тонкостях дифференциации понятий «компетентность» и «компетенции», которыми пестрят сегодня все наши учебные программы и стратегические образовательные проекты. К сожалению, в своей практически-инструментальной вооруженности мы далеки от инновационных технологий решения обозначенной проблемы. А социализирующаяся на наших глазах и не без нашего молчаливого согласия генерация эпохи Миллениума продолжает пребывать в свободном полете, пилотируемом автопилотом в обозначенном кем-то направлении. Но явно не в направлении усиления патриотизма в той его исконной определенности, которая была начертана на гербе наших далеких предков – «Жизнь Родине! Честь никому».

Усвоенный социогеном поиска мира лучшей доли и гарантированного успеха в жизни, как смысловое энергетическое ядро современного патриотизма, формирующее духовно-нравственные матрицы и практики поведения, обладает способностью к выживанию посредством своего имитационного воспроизводства или, другими словами, – копирования. В связи с этим мы должны иметь прочные гарантии привлекательности условий в родном Отечестве для утверждающей себя новой генерации Z с ее понятными социальными притязаниями и личностными амбициями. Решить эту задачу стратегически грамотно, – вопрос не простой. Но уже сегодня очевидно, начинать нужно с переосмысления и адекватной оценки «типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации» [1, с. 9], в которой ведущую роль будет играть автономная, прагматически ориентированная, креативно самореализующаяся, критически рефлексирующая личность с набором соответствующих и хорошо усвоенных компетенций.

Библиографические ссылки

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.

ВРЕМЯ РАЗВИТИЯ И САМОУТВЕРЖДЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ПРОФИЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
a.danilov@tut.by

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы развития и самоутверждения, современный профиль социологической науки. Общество, основной объект изучения социологии, не может постоянно находиться в состоянии трансформации или травмы, рано или поздно выстраивается новая реальность. Социальная аномия все же процесс не перманентный иначе он неизбежно становится нормой. Сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, реально нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Большинство постсоветских государств не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. Постсоветский мир не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готов делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами.

Ключевые слова: социология; демократия; мировой порядок; ценностный конфликт; трансформация; постсоветский мир; устойчивое развитие; Республика Беларусь.

THE TIME OF DEVELOPMENT AND SELF-DECISION: CONTEMPORARY PROFILE OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

A. Danilov

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article considers the problems of development and self-assertion, the contemporary profile of sociological science. Main sociological object is a society and it cannot always be in a state of transformation or trauma. Sooner or later a new reality will be built. Social anomie is not a permanent process, otherwise it necessarily becomes the norm. No country in the world is a model for imitation today. There isn't an ideal that others would like to follow. Constructing a new ideal of civilization is fixed through the revelation of a complex value system, where value conflict is an inevitable component. Most of the post-Soviet countries failed to promote their societies to higher levels of the economic development, to reach the positions dictated by the modern information age, to provide the people with new high standards of living. The Belarusian transformation is inherent in the evolutionary nature. It based on the people's mentality and the social responsibility of government. The post-Soviet world is not in a hurry to part with the acquired sovereignty and is not ready to share even some of its rights with supranational structures.

Keywords: *sociology; democracy; world order; value conflict; transformation; post-Soviet world; sustainable development; Republic of Belarus*

Всякий юбилей является хорошим поводом вспомнить прошлое, критически оценив настоящее и постараться заглянуть в будущее. Дело непростое, тем более, как правильно писал Ли Куан Ю: «Надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас» [1, с. 362]. Глобальные перемены ведут к формированию новой цивилизации, идет борьба за будущее мира. Ощущается недостаток в лидерах, способных выстроить политику, адекватную новым вызовам. В мире ни одна страна не является образцом для подражания. Большинство постсоветских государств не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через принятие системы ценностей устойчивого развития интегрального общества. В состоянии ли современная социология адекватно ответить на новые глобальные вызовы времени? Вопрос из вопросов...

Социология как таковая не может быть ни апологетической, ни оппозиционной. Она не есть пропаганда или ответ на что-то. Она призвана говорить правду, давать реальную, научно обоснованную картину существующей действительности. Наука не может быть виновата в том, что с ее результатами не захотели считаться, ее предложений не услышали или не захотели услышать...

В условиях реформирования прежней системы люди часто становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, перманентно находятся в социально-психологическом напряжении. В этом и заключается своеобразие всего процесса перемен. Осмысление этого очень важного для истории этапа затягивается, и на протяжении четверти века говорить только о переходности состояния и при этом не пытаться разобраться, куда и по каким правилам движется мир, представляется неправильным. Нельзя не замечать обострение борьбы за новый мировой порядок. Но кто определит его содержание, по чьим лекалам он будет строиться, что станет основой новых геополитических реалий, базой нравственной солидарности человечества, духовной основой будущей цивилизации? Вот, что сегодня, на мой взгляд, выходит на передний план научного поиска.

Возникший в Европе вакуум, связанный с перманентными мировыми кризисами, глобальной нестабильностью, разрушением устоявшейся после Второй мировой войны системы сдержек и противовесов, заполняется новым авторитаризмом [2]. Все больше в мире ощущается недостаток в лидерах способных выстроить политику адекватную времени. Новый авторитаризм взращён бессилием власти, неверием в ее возможность обуздать ситуацию хаоса и недовольства, вернуть жизнь в нормальное русло. Нельзя сбрасывать со счетов и слабость оппозиции – особенно либеральной, которая не сумела предложить приемлемую альтернативу и чаще также строится на самовластии лидера.

После поражения коммунизма новым демократическим правительствам не удалось выстроить систему власти, придать законодательству социально ориенти-

рованный характер, защищающий материально уязвимые слои населения. Очевиден процесс постепенной эрозии демократических институтов в их прежней форме, кризис традиционных политических партий, политических движений, где больше стал ощущаться партийный авторитаризм, подменяющий коллективную волю партии. Сказывается недооценка духовной сферы общества, которая чревата усилением правого радикализма в обществе, способствует росту национализма, особенно среди молодежи. В таких условиях запросом все большего числа граждан становится призыв навести порядок, защитить традиционные ценности, сохранить социальные гарантии для населения.

Демократия оказалась не в состоянии ответить на современные вызовы времени и предложить новую идеологию. Сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, реально нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. Идет сложный, болезненный процесс выстраивания нового идеала цивилизационного развития. Чаще его путь пролегает через ценностный конфликт. В тоже время сознание и социализация человека, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и приводят к кризису человека. Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. Подтверждением тому могут служить размышления В.С. Стёпина о точках роста новой цивилизации: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [3, с. 10]. Вариант очень интересен, когда сохраняя устойчивость в развитии, адаптировать новое и постепенно, без ломки и революций утверждать иную более прогрессивную реальность. Таков процесс возможен в большей части при сильной власти. Хотя любой переход к иной модели развития происходит при серьезном ослаблении старых государственных институтов может привести к полной потере управляемости и революции.

Как правило, процесс трансформации продолжается до утверждения неких новых основ, которые закрепляются конституционным актом суверенной страны, а далее уже начинается – формирование, становление и укоренение новой государственности. Этот процесс может протекать молниеносно, быть быстрым, а может быть и достаточно продолжительным. Он может носить мирный характер, а может сопровождаться вооруженными стычками, протестами, вплоть до гражданского неповиновения, войн и непримиримого сопротивления.

Момент завершения очередного этапа системной трансформации остается до сих пор не проясненной «из-за ее многокритериальности» [4, с. 76]. Мне же представляется оправданным считать трансформационный этап развития завершенным, когда достигнута основная цель и решены задачи, которые выдвигались инициаторами перемен, которые нашли своё закрепление в главном конституционном акте страны, стали основой внутренней и внешней политики суверенного государства, когда возврат к старым отношениям становится невозможным.

Более четверти века функционирования постсоветского мира показывают,

что новые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше – тем больше их пути расходятся. В наступившем вселенском хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде – никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, приоритет отдается наращиванию экономического и военного потенциала, т.е. сила вновь становится главным аргументом в современной геополитической игре. Исторически так сложилось, что и в советский и постсоветский периоды, уже в суверенных государствах значение теории для адекватного понимания и объяснения современности явно недооценивается. Остаются до сего времени не прочитанными по сути фундаментальные труды российских ученых по проблемам системной трансформации постсоветского мира (В.Н. Кудрявцев, Т.И. Заславская, В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко, М.К. Горшков, В.К. Левашов, С.Г. Кирдина и др.). Без новых теоретических идей становится все труднее интерпретировать новый опыт государственного строительства, данные прикладных исследований, адекватно воспринимать и оценивать чужие идеи.

Большинство постсоветских государств не сумели выйти на новый уровень развития. И это поражение постигало вышеперечисленные государства после того, как подобную задачу успешно решили, причем в течение непродолжительного времени, как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея), так и социалистические страны (Китай и Вьетнам) [5, с. 4]. Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю [1] очень тонко и глубоко понимавший суть современных перемен в своем прогнозе на ближайшее время писал: «... наш мир и нашу жизнь будет и дальше менять развитие технологий в области коммуникаций и транспорта. [1, с. 356] <...> ... рост миграции будет представлять собой серьезный вызов для будущего межгосударственных границ. [1, с. 358] <...> ...стремительность современного мира – головокружительная скорость, с которой в нем протекают все процессы, – имеет и свои негативные аспекты [1, с. 358] <...> ... нельзя спешить с либерализацией движения капитала, особенно если финансовой системе не хватает устойчивости [1, с.359] <...> ... Открытие миру должно происходить постепенно, после того как достигнут определенный уровень зрелости и надежности [1, с. 360] <...> ...Разумеется, общество должно сохранять чувство меры. Чистый, нерегулируемый капитализм опасен, поскольку неизбежно ведет к народным бунтам и расколу в обществе. Необходимо поддерживать тонкий баланс. Нужно найти способы позволить даже самым нижним слоям населения поддерживать достойный уровень жизни и чувствовать свою принадлежность к обществу» [1, с. 361].

Трансформация государств, образовавшихся на обломках Советского Союза, – явление глобального исторического порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения, и мир никак не может обрести новый облик. Да, и можно ли строить светлое будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности? Глобализация растоптала тайну человеческой души, породила новую волну национализма и этнического неравенства. В защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, – его совестью. Мы должны признать, что строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания.

Корень зла многих современных трудностей видится в возведении в некий культ фундаментальных принципов организации современной рыночной экономики, которая напрямую сориентирована исключительно на постоянный рост потребления. В общественном мнении отношение к богатству резко колеблется от его полного неприятия и осуждения до возведения в культ золотого тельца. Найти здесь золотую середину – насущная задача для устойчивого функционирования общества будущего. «Главная проблема разработки конвергентных моделей общества и экономики состоит в нахождении правильного соотношения руководящей и контролирующей роли государства, с одной стороны, и рыночного сектора, действующего на основе частной собственности и конкуренции, с другой. Словом, в нахождении оптимального сочетания планирования и рынка при учете национальной специфики. Кроме того, в обеспечении государством социальной ориентации развития, социальной справедливости и наращивания человеческого капитала» [6, с.71].

Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. Модель развития нашей страны в последние два десятилетия можно определить, как социально ориентированную. Не подвергается сомнению ведущая роль государственного сектора. Основная функция государства как раз и заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, противостоять коррупции и протекционизму. Политическая стабильность является одним из важнейших условий постепенной интеграции Беларуси в мировую экономику. На мой взгляд, мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Да и четверть века постсоветского мира показывает, что ни одна из образовавшихся на обломках бывшего социалистического сообщества стран не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готова делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами.

Библиографические ссылки

1. Ю Ли Куан Мой взгляд на будущее мира. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 446 с.
2. Антонович И.И., Данилов А.Н. Геополитика в эпоху нестабильности. Минск: Беларуская навука, 2018. 383 с.
3. Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6-11.
4. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб. 2006. 112 с.
5. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: объективная реальность или зигзаг в историческом развитии // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости. XIX Международные Лихачевские чтения, 2019 г. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 4.
6. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. М.; ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНО-ЛОКАЛЬНОЙ ДИХОТОМИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Н.М. Звёздкин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
odm_gomel@tut.by

Аннотация. В тезисах освещен вопрос соотношения процессов глобализации и локализации с формированием в общественном сознании идей патриотизма, национализма, космополитизма. Выявлена роль патриотизма, как фактора сохранения национальной идентичности при участии в интеграционных процессах. Исследовано отношение к феномену патриотизма в современном белорусском обществе.

Ключевые слова: *глобализация; локализация; патриотизм; национализм; космополитизм; ценностные ориентиры.*

THE PATRIOTISM PHENOMENON IN CONTEXT OF GLOBAL-LOCAL DICHOTOMY OF THE MODERN WORLD

N.M. Zviodzkin

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The thesis highlights the issue of correlation between the processes of globalization and localization with the formation in the public consciousness ideas of patriotism, nationalism, cosmopolitanism. The role of patriotism is determined as national identification factor in context of integration process. Investigated the phenomenon of patriotism in modern Belarusian society.

Keywords: *globalization; localization; patriotism; nationalism; cosmopolitanism; value orientations.*

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется спектром сложных и противоречивых социальных процессов, полюсами которого являются формирование единого глобального мирового пространства и стремление к самосохранению различных социально-культурных ареалов посредством их изоляции и обособления. Подобные тенденции для общественно-исторического процесса не новы и являются проявлением диалектической закономерности единства и борьбы противоположностей. Глобализация представляет собой тождество и различие универсализма и противоположных тенденций – одной из которых является локализация, как консолидация этнических и цивилизационных образований, проводящих политику «культурной изоляции». В данном контексте С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» утверждал, что «в этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [1, с. 24].

Существует взаимосвязь между глобализацией как всеобщим социально-политическим процессом и космополитизмом как идеологической доктриной. По мнению М.Н. Наспо, глобализация и космополитизм имеют различия, но тождественны в своем воздействии на бытие человека и общества в части создания унифицированной культуры –духовной и материальной [2]. При этом космополитизм «подразумевает качество, которым могут обладать люди или группы людей... Такие люди или группы людей больше не ограничивают себя привязанностью к стране в которой родились» [3, с. 62]. Возможно определить взаимосвязь между локализацией как консолидацией этнических и цивилизационных образований с их «партикуляристскими» системами ценностей, и национализмом как признанием нации высшей формой этнической общности, обладающей исключительным статусом. Локализация является антогонитической сосавляющей единого комплексного процесса глобализации. Я.А. Бахметьев считает, что усиление национализма является реакцией (способом защиты) национального государства на наступление глобализации и мультикультурализма [4, с. 69]. Показательным примером данного процесса является усиление национального движения в ряде стран Западной Европы, обусловленное защитной реакцией на массовую миграцию жителей (беженцев) из стран Азии и Африки. Вопрос сохранения национальной идентичности в контексте глобально-локальной дихотомии коррелирует с проблемой соотношения в общественном сознании идей патриотизма, национализма, космополитизма как проявлений идентификации с определенной социальной общностью.

А.В. Русецким и Л.А. Гащенко [5] разработан подход к оценке соотношения патриотизма, национализма и космополитизма посредством анализа системы соответствующих ценностных ориентаций, согласно которому патриотические ценности включают в свой состав две взаимосвязанные составляющие: национальные ценности («любовь к тому месту, где родился и вырос», «любовь к Отчеству и преданность ему», «знание истории и гордость за достижения своей страны», «приверженность к национальной культуре и языку» и т.д.) и интернациональные ценности («осознание себя гражданином многонационального государства», «потребность знать больше о духовном наследии не только своего, но и других народов», «оценка человека вне зависимости от его национальной и этнической принадлежности» и т.д.). При абсолютном превалировании национальных ценностей общество стремится к идеологии национализма, а при доминировании интернациональных ценностей – к космополитизму. Патриотизм в данной системе измерений представляет равнодействующую национальных и интернациональных ценностей и представляет идейную ориентацию, позволяющую избежать партикуляризм и ксенофобию, свойственные радикальному национализму и не допустить утрату национальной идентичности, как следствие усиления космополитизма.

Каковы же ценностные ориениры в современном белорусском обществе и как они соотносятся с феноменом патриотизма? Согласно данным социологических опросов по самооценке патриотизма среди студенческой молодежи, подавляющее большинство (65 %) с уверенностью считают себя

патриотами, 22 % не определились, и только 13 % отрицают наличие у себя патриотических чувств [6, с. 145]. По данным исследований информационно-аналитического центра при Администрации Президента, в 2018 г. 68 % белорусской молодежи считают себя патриотами, 74 % – чувствуют гордость за страну [7]. Уровень ксенофобских установок (недоброжелательности) по отношению к представителям других национальностей среди населения Беларуси крайне незначителен (в среднем по 3% отрицательных оценок). При этом, согласно данным центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Республика Беларусь не входит в число стран с повышенной «крайней» степенью патриотизма, доля белорусских граждан, особо сильно гордящихся своим гражданством, составляет около 35 % (для сравнения, в Ирландии подобный показатель – более 75 %, в Литве – менее 25 %) [8, с. 45]. Таким образом, можно говорить о том, что современное белорусское общество сохранило достаточно высокий уровень восприимчивости к патриотизму, как ценностному ориентиру. Что же касается патриотического сознания белорусов в условиях глобализации, то оно должно ориентироваться на презентацию культурных достижений нации миру, при этом сохраняя и оберегая собственный национальный код. Понимаемый таким образом патриотизм призван стать мощным интегрирующим средством национальной общности, позволяющим вести межкультурный диалог и принимать участие во всех необходимых интеграционных процессах без угрозы утери собственной национальной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 603 с.
2. Наспо М.Д. Антропологический аспект глобально-космополитического мира // Философская мысль. 2016. № 11. С. 30 – 35.
3. МакКормик П. Глобализация и космополитизм: критерии, подходы и жизненный опыт // Век глобализации. 2009. № 2. С. 61 – 71.
4. Бахметьев Я.А. Концептуальное переосмысление национализма в условиях глобализации // Полития. 2015. № 4 (79). С. 69 – 86.
5. Русецкий А.В., Гащенко Л.А. Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия (на примере вузов г. Витебска). Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2002. 220 с.
6. Кириенко В.В., Клейман В.В., Злотников А.А. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015. 281 с.
7. Есть такая нравственная ценность: Государственный секретарь Совета Безопасности Станислав Зась о роли патриотизма [Электронный ресурс] / СБ Беларусь сегодня. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/est-takaya-nravstvennaya-tsennost.html>. Дата доступа: 15.04.2019.
8. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д.Г. Ротман [и др.]. Минск : БГУ, 2016. 219 с.

МОТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О.В. Кобяк

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
aleh.kabiak@mail.ru

Аннотация: В рамках теории социального действия Макса Вебера построена эмпирическая типология студентов Белорусского национального технического университета по критерию ведущего мотива занятия предпринимательской деятельностью. Представители первого типа, главным образом, стремятся к максимизации дохода (26,5%). Второй тип – это молодые люди, нацеленные на профессиональную самореализацию (34,0%). Студенты третьего типа хотят, чтобы бизнес стал стабильным и спокойным компонентом их привычной повседневности (12,4%). Сторонники четвертого типа желают, чтобы своё дело было в радость и являлось источником вдохновения (27,1%). Наибольшими потенциальными конкурентными преимуществами отличаются представители второго и четвертого типов. Они отличаются более выраженной социально-профессиональной самодостаточностью, возлагают меньшие надежды на внешнюю финансовую поддержку и более глубоко понимают важность развития коммуникативных качеств в структуре компетенций предпринимчивого человека.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность; студенты; предприниматели; инженерные специальности; малое промышленное предпринимательство; социально-профессиональная самодостаточность.*

THE MOTIVES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE ASSESSMENTS OF STUDENTS OF ENGINEERING SPECIALTIES

A.V. Kabiak

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation: In the framework of the theory of social action of Max Weber, an empirical typology of students of the Belarusian National Technical University was built according to the criterion of the leading motive of doing business. Representatives of the first type, mainly seek to maximize income (26.5%). The second type is young people aimed at professional self-realization (34.0%). Students of the third type want the business to become a stable and calm component of their usual everyday life (12.4%). Supporters of the fourth type want their business to be a joy and a source of inspiration (27.1%). Representatives of the second and fourth types differ in the greatest potential competitive advantages. They are distinguished by a more pronounced social and professional self-sufficiency, have less hope for external financial support, and more deeply understand the importance of developing communicative qualities in the competence structure of an entrepreneurial person.

Keywords: *business activities; students; entrepreneurs; engineering specialties; small industrial entrepreneurship; social and professional self-sufficiency.*

Актуальность изучения мнения студентов инженерных специальностей о предпосылках и факторах включения социальных субъектов в предпринимательскую деятельность обусловлена возрастающим интересом исследователей к роли и значению малого промышленного предпринимательства в развитии национальной экономики Беларуси. «В условиях доминирования крупных промышленных предприятий доля малых промышленных предприятий составляет 90% при их выручке не более 10% объёма промышленного производства республики. Данный факт указывает на потребность повысить эффективность их деятельности» [1, с. 118]. Чтобы развивать малое промышленное предпринимательство как социальный институт, нужно понимать, какие мотивы движут субъектами, потенциально готовыми включиться или уже включёнными в данный процесс. С этой целью мы проанализировали результаты социологического опроса среди студентов, обучающихся по инженерным специальностям, выполненного в рамках совместного белорусско-украинского гранта «Интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах Украины и Беларуси как фактор развития национальных экономик» (2016–2018 гг., проект осуществлён при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ), научный руководитель – С.В.Костюкевич). Анонимный анкетный опрос был проведен на базе Белорусского национального технического университета (БНТУ) в апреле–мае 2017 г. (выборка случайная стратифицированно-гнездовая со сплошным опросом на последнем этапе; целевая группа – студенты инженерных специальностей четвёртого и пятого курсов; опрошены 848 человек) [1, с. 119]. В ходе анализа результатов опроса мы построили эмпирическую типологию студентов БНТУ в зависимости от ведущего мотива занятия бизнесом. В качестве дифференцирующего был выбран альтернативный вопрос анкеты «Чего бы Вы хотели достичь в первую очередь, развивая собственный бизнес?». На него ответили 836 чел. Выбор респондентом одного из четырёх вариантов ответа был основанием его отнесения к соответствующему мотивационному типу.

Представители *Первого* типа хотят, в первую очередь, «зарабатывать солидные деньги, причём, неважно в какой сфере деятельности». В терминологии Макса Вебера [2, с. 628–630] это целерациональный тип социального действия. Главную роль здесь играет интерес и, прежде всего, – экономический интерес. Группу таких студентов мы условно назвали «Зарабатывающие». Они составляют 26,5% от числа ответивших. Представители *Второго* типа хотят, прежде всего, «стать мастером своего дела, реализовать себя». По М. Веберу это ценностно-рациональный тип социального действия. Основную роль здесь играет культура – глубинные нормативные основания, которые в каждом человеке выступают мощными регуляторами его образа мышления и выбора поведения. Группу сторонников такого выбора мы назвали «Мастеровые». Они составили 34,0%. Представители *Третьего* типа стремятся, в первую очередь, к «такой организации бизнеса, когда он – повседневная, привычная и надёжная защита». В терминологии М. Вебера это традиционный тип социального действия. Такой тип реализуется в силу сложившихся привычек и стереотипов. Группу приверженцев такого типа мы условно назвали «Ординарные». Они составили 12,4%. Представители *Чет-*

вёртого типа, главным образом, мечтают о таком бизнесе, который бы приносил радость и удовольствие и был бы источником вдохновения. По М. Веберу это аффективный тип социального действия. Основную роль играют эмоции, чувства человека. Таких респонденты объединены в группу с условным названием «Вдохновлённые». Их оказалось 27,1% от всех студентов, включённых в типологию.

На первый взгляд может показаться, что если мы говорим о развитии предпринимательства, то наиболее перспективными в этом деле будут «Зарабатывающие». Вместе с тем, результаты исследований показывают, что стремление к коммерческому эффекту как таковому порождает тип экономического поведения, который может быть выигрышным в тактике, но часто проигрывает в стратегии [см.: 3, с. 152]. Носители такого типа в постоянной погоне за сиюминутной выгодой упускают из виду генеральные тенденции. В то же время носители профессионального типа поведения, в нашем случае – «мастеровые» пусть не так быстро, но с большей степенью надёжности и весомости результата, добиваются своих целей.

Чтобы проверить валидность данного утверждения применительно к студентам БНТУ мы рассчитали значения *показателя социально-профессиональной самодостаточности* для всех выделенных групп. Социально-профессиональная самодостаточность складывается в сознании будущего молодого специалиста, главным образом, из двух составляющих: мотивационной и ценностно-нормативной. Последняя составляющая фиксирует, насколько в индивидуальном сознании будущих молодых специалистов представлены такие важные компоненты, как «трудолюбие», «усердие», «хорошее образование», «профессиональный опыт», «высокая квалификация». Именно весомое присутствие этих компонентов способствует выработке стратегически успешных типов профессионального поведения. Мотивационная составляющая фиксирует, насколько усердно студенты готовы заниматься собственным профессиональным совершенствованием в настоящее время. Итак, показатель социально-профессиональной самодостаточности – это комплексный показатель, который включает четыре частных показателя: два ценностно-нормативных и два мотивационных. Подробные расчёты значений показателя по 5-ранговой шкале в диапазоне от 1 (минимум) до 5 (максимум) представлены в отдельном научном издании, выпущенном по результатам вышеуказанного гранта БРФФИ [4, с. 42–44].

По показателю социально-профессиональной самодостаточности выделенные группы выстраиваются в такую иерархию: 1) Вдохновлённые (3,228); 2) Мастеровые (3,212); 3) Зарабатывающие (3,116); 4) Ординарные (3,057). Как видим, «Зарабатывающие» занимают лишь третью позицию, уступая «Вдохновлённым» и «Мастеровым». Таким образом, они сравнительно менее самодостаточны и в большей степени подвержены воздействию внешних факторов. Сформулированный тезис подтверждается распределениями ответов студентов из выделенных групп на вопрос «Какие условия способствовали бы открытию Вашего бизнеса в производственной сфере?». По частоте выбора мы построили следующие иерархии пяти самых сильных факторов для каждой группы. «Зарабатывающие»: 1) наличие собственного стартового капитала; 2) наличие инженерной идеи под бизнес-проект; 3) финансовая поддержка со стороны государства;

4) прохождение производственной практики у предпринимателя; 5) наличие продуманного механизма коммерциализации идеи. *«Мастеровые»*: 1) наличие инженерной идеи под бизнес-проект; 2) наличие собственного стартового капитала; 3) наличие продуманного механизма коммерциализации идеи; 4) профессиональное консультирование на начальном этапе; 5) прохождение производственной практики у предпринимателя. *«Ординарные»*: 1) наличие собственного стартового капитала; 2) наличие инженерной идеи под бизнес-проект; 3) наличие продуманного механизма коммерциализации идеи; 4) профессиональное консультирование на начальном этапе; 5) финансовая поддержка со стороны государства. *«Вдохновлённые»*: 1) наличие собственного стартового капитала; 2) наличие инженерной идеи под бизнес-проект; 3) наличие продуманного механизма коммерциализации идеи; 4) профессиональное консультирование на начальном этапе; 5) прохождение производственной практики у предпринимателя.

Если мы говорим о развитии малого промышленного предпринимательства в Беларуси как о механизме пополнения государственного бюджета за счёт налоговых поступлений, то в этом аспекте самыми «желанными» для государства, конечно, являются «Мастеровые» и «Вдохновлённые» предприниматели – они не включают государственную финансовую поддержку в перечень наиболее значимых для них факторов открытия бизнеса в производственной сфере. При этом представители мотивационной группы «Мастеровых» при ответе на вопрос «Какие условия способствовали бы открытию Вашего бизнеса в производственной сфере?» продемонстрировали самую высокую, по сравнению с другими группами, частоту выбора таких вариантов ответа, как: «Прохождение производственной практики у предпринимателя» (39,9%); «Получение практических навыков ведения бизнеса в стартапах при ВУЗе» (29,0%) и «Обучение предпринимательским знаниям и умениям в ВУЗе» (22,1%). Словом, они настроены на повышение своей конкурентоспособности через образование и практический опыт работы. А представители мотивационной группы «Вдохновлённых» отличились сравнительно более высокой самостоятельностью и верой в собственные силы. Они демонстрируют меньшую степень зависимости в деле открытия собственного бизнеса как от финансовой поддержки со стороны государства (макроуровень), так и от поддержки родных и близких (микроуровень). В общем, они верят в себя, в свои силы и возможности. Объединяющей характеристикой двух вышеназванных групп, по сравнению с двумя другими, является более выраженное (фактурное) представление о предприимчивом человеке как о субъекте-носителе таких качеств, как: расчётливость; эрудированность и широкий кругозор; ответственное поведение. Со всем неплохо... Если попытаться описать идеальный портрет общественно востребованного сегодня в Беларуси предпринимателя, то это, помимо прочего, безусловно расчётливый, но, вместе с тем, образованный, эрудированный, культурный человек с ответственным социальным и экономическим поведением. Поэтому мы можем говорить о том, что представления «Вдохновлённых» и «Мастеровых» о современном предприимчивом человеке в сравнительно большей степени социально оправданы.

Таким образом, по совокупности показателей самыми перспективными в плане создания условий для их дальнейшего воспроизводства являются именно мотивационные типы «Мастеровых» и «Вдохновлённых». Представители указанных типов обладают сравнительно более высокими шансами, как добиться больших индивидуальных результатов в бизнесе, так и внести более весомый вклад в развитие малого промышленного предпринимательства в Беларуси. Их основными конкурентными преимуществами являются более выраженная социально-профессиональная самодостаточность (в том числе – меньшие надежды на внешнюю финансовую поддержку) и более глубокое понимание важности развития коммуникативных качеств в структуре компетенций предприимчивого человека. При ответе на вопрос «Какие качества характерны для предприимчивого человека?» и «Вдохновленные» и «Мастеровые» на 1-ое место (по частоте выборов) поставили вариант «Коммуникативность и умение ладить с людьми» (для сравнения, у «Ординарных» он лишь на 3-ем месте, а у «Зарабатывающих» вообще не входит в первую тройку). То, что среди студентов, представители указанных типов в своей сумме составили большинство («Вдохновлённые» – 27,3% и «Мастеровые» – 33,5%) говорит о правильной и перспективной образовательной среде БНТУ, стимулирующей развитие у учащихся, наряду с профессиональными, таких качеств, которые помогут становлению будущих успешных хозяйствующих субъектов в сфере малого промышленного предпринимательства в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Андрос И.А. Студенты инженерных специальностей как перспективный кадровый потенциал малого промышленного предпринимательства / Журн. Белорусского государственного ун-та. Социология. 2018. № 3. С. 118–130.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Кобяк О.В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования. Минск : РИВШ, 2015. 240 с.
4. Костюкевич С.В. Подготовка инженера-предпринимателя: предпосылки, факторы, перспективы. Минск : РИВШ, 2018. 74 с.

УДК 316.74:37(072)(075.8)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.В. Курилович

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
nv_kurilovich@mail.ru

Аннотация. С позиций мировой и национальной статистики анализируются ключевые индикаторы образовательного потенциала Республики Беларусь. Рассматриваются основные факторы дифференциации образовательного потенциала белорусского общества: феминизация образования, урбанизация и имущественное неравенство населения. Отмечается, что в целом для белорусского государства характерен значительный образо-

вательный потенциал населения. При этом более высокий уровень образования в сравнении с мужчинами имеют белорусские женщины. В наращивании образовательного потенциала жители городов преобладают над жителями сельских населенных пунктов.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; образовательный потенциал; индекс образования; индекс человеческого развития; факторы дифференциации образовательного потенциала.*

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BELARUS

N.V. Kurilovich

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. From the standpoint of world and national statistics, key indicators of the educational potential of the Republic of Belarus are analyzed. The main factors of the differentiation of the educational potential of the Belarusian society are considered: feminization of education, urbanization and property inequality of the population. Author notes that the Belarusian state is characterized by a significant educational potential of the population. Belarusian women have a higher level of education in comparison with men. In addition, in raising of educational potential urban dwellers prevail over rural residents.

Keywords: *Republic of Belarus; educational potential; Education Index; Human Development Index; factors of differentiation of educational potential.*

Основными ресурсами информационного общества являются знания, поэтому в современном мире образовательный потенциал человечества приобретает особую значимость. Роль образования сегодня возросла настолько, что образовательный потенциал страны признается ключевым фактором ее инновационного развития. Республика Беларусь в мировом образовательном пространстве занимает определенное место, для репрезентации которого следует обратиться к показателям, отражающим достижения страны в сфере образования. По данным Института статистики ЮНЕСКО, уровень грамотности взрослого населения (лица в возрасте от 15 лет и старше) в Беларуси в 2016 г. составлял 99,6%, а уровень грамотности молодежи (лица в возрасте от 15 до 24 лет) – 99,8%. В 2017 году 91,9% населения республики в возрасте от 25 лет и старше имели как минимум среднее образование [1]. Республика Беларусь занимает достойное место среди развитых стран мира по многим показателям образования. К примеру, в 2016 г. ожидаемая продолжительность обучения в стране составляла 15,2 года, что сопоставимо с такими странами, как Япония (15,2 года) и Франция (15,5 лет) [2].

В мировой статистике к числу важных индикаторов образовательного потенциала страны принято относить индекс образования (англ. *Education Index*), который выступает комбинированным показателем, отражающим уровень грамотности взрослого населения и совокупную долю обучающихся в стране. Значение индекса образования может изменяться от 0 до 1. В 2017 г. индекс образования Беларуси составлял 0,838, что позволило республике занять 30-е место в рейтинге стран мира по уровню образования. Первое место в упомянутом нами рейтинге принадлежит Германии (0,940), второе место – Австралии (0,929), третье место – Дании (0,920). США (0,903) занимают 12-е место, Литва (0,879), Эстония (0,869),

Латвия (0,866) и Грузия (0,845) разместились на 18-м, 20-м, 21-м и 27-м месте соответственно, а Россия (0,832) оказалась на 32-м месте [3].

Для измерения уровня жизни человека в той или иной стране широко используется индекс человеческого развития (англ. *Human Development Index*). Он может принимать значения от 0 до 1. Как интегральный показатель этот индекс (его сокращенное обозначение – ИЧР) фокусируется на «трех основных измерениях человеческого развития: способности вести долгую и здоровую жизнь (измеряемой показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении); способности получать знания (измеряемой средней продолжительностью обучения и ожидаемой продолжительностью обучения) и способности достигать достойного уровня жизни (измеряемой показателем валового национального дохода на душу населения)» [1, с. 1]. В соответствии с данными Программы развития ООН, по итогам 2017 г. Беларусь оказалась на 53-ем месте в рейтинге стран по ИЧР. Республика была отнесена к категории стран с очень высоким уровнем человеческого развития: ее ИЧР составлял 0,808. В Беларуси ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 73,1 года, ожидаемая продолжительность обучения – 15,5 лет, средняя продолжительность обучения – 12,3 года, валовой национальный доход на душу населения – 16323 доллара США. В тройку лидеров по ИЧР вошли такие страны, как Норвегия (0,953) – первое место, Швейцария (0,944) – второе место, Австралия (0,939) – третье место. США (0,924) занимают в этом рейтинге 13-е место, а среди постсоветских стран можно назвать Эстонию (0,871), которая занимает 30-е место, Литву (0,858) – 35-е место, Латвию (0,847) – 41-е место. Российская Федерация (0,816) на 49-м месте, а последней в списке стран с очень высоким уровнем человеческого развития оказалась Республика Казахстан (0,800) на 58-м месте в рейтинге [1].

Осуществляемая под контролем государства массовая общеобразовательная подготовка подрастающих поколений вносит весомый вклад в процессы наращивания и накопления образовательного потенциала Беларуси. К настоящему моменту времени продолжительность обязательного базового образования в республике составляет 9 лет, однако еще в 2017 году министром образования И.В. Карпенко был анонсирован переход страны к обязательному 11-летнему общему среднему образованию [4]. Как показывают данные переписей, уровень образования жителей республики повышается от поколения к поколению: если в 1999 году в стране в общей численности населения трудоспособного возраста доля лиц с высшим образованием составляла 16,4%, то в 2009 году уже 21,1%; доля лиц со средним специальным образованием – 27,0% и 31,0% соответственно; доля лиц с профессионально-техническим образованием – 12,1% и 13,5% соответственно [5]. Вместе с тем анализ статистических данных и результатов социологических исследований показывает, что образовательный потенциал страны глубоко дифференцирован. К факторам его дифференциации следует отнести феминизацию образования, урбанизацию и имущественное неравенство населения.

Феминизация образования. В социологии термин «феминизация» (от лат. *femina* – женщина) трактуется как увеличение доли женщин в каких-либо сферах или процессах. Феминизацию образования можно рассматривать с двух сторон,

во-первых, как феминизацию сферы занятости, а, во-вторых, как феминизацию образовательного потенциала общества. Общеизвестно, что в Беларуси образование как сфера занятости имеет «женское лицо». В общей численности работников сферы образования 81,4% женщин и 18,6% мужчин [6, с. 97-98]. Однако на уровне принятия решений, например в отечественной системе высшего образования, наблюдается гендерный дисбаланс, для объяснения которого эксперты используют такие понятия как феномен «липкого пола» (преобладание женщин на низких должностях) и «стеклянного потолка» (ограниченность для женщин доступа к руководящим должностям) [7, с. 271].

О феминизации образовательного потенциала белорусского общества свидетельствует тот факт, что женщины в сравнении с мужчинами ориентируются на достижение более высокого уровня образования. По данным переписей за период с 1959 по 2009 годы, в Беларуси наблюдается устойчивая тенденция увеличения доли женщин в общей численности населения с высшим образованием. Если численность мужчин с высшим образованием за указанный период увеличилась в 8 раз в расчете на 1000 человек в возрасте от 15 лет и старше (с 21 человека в 1959 году до 176 человек в 2009 г.), то численность женщин с высшим образованием увеличилась в 13 раз (с 15 человек в 1959 году до 199 человек в 2009 г.) [5]. Следовательно, с позиций статистики уровень образования белорусских женщин превышает уровень образования белорусских мужчин [8].

Урбанизация. Термин «урбанизация» (от лат. *urbanus* – городской) используется для обозначения роста городов и увеличения доли городского населения в целом. В качестве фактора дифференциации образовательного потенциала урбанизация отражает зависимость уровня образования субъектов от типа поселения. В целом для городского населения, в сравнении с сельским, характерен более высокий образовательный уровень. Если в 2009 г. в городах Беларуси на 1000 человек в возрасте от 15 лет и старше приходилось 223 человека с высшим образованием, то среди сельского населения таких насчитывалось всего 90 человек. Вместе с тем за период с 1959 по 2009 гг. доля лиц с высшим образованием в расчете на 1000 человек увеличилась в городах в 5 раз, а в сельских населенных пунктах в 15 раз. Однако при этом в 2009 г. в процентном соотношении среди городского населения в возрасте от 15 лет и старше доля лиц с высшим образованием была в 2,5 раза больше, чем среди сельского населения [5].

Результаты многолетних исследований, проводившихся Институтом социологии НАН Беларуси, показали, что в отличие от городского населения сельские жители в меньшей степени удовлетворены полученным образованием. Кроме того, респонденты дают самую низкую оценку качеству обучения в сельских общеобразовательных школах республики, что актуализирует вопрос об уровне подготовки сельских школьников [9, с. 16-17]. Следует упомянуть и о так называемой «привязке» учреждений высшего и среднего специального образования к городам (прежде всего, к столице), что, конечно, сказывается на формировании образовательного потенциала сельского населения. Следовательно, возможности получения качественного образования у горожан выше, чем у сельчан.

Имущественное неравенство населения. В современном мире образова-

тельный потенциал индивидов во многом соотносится с их положением в социальной структуре общества. Социологическое изучение взаимосвязи стратификации и образования фокусируется на выявлении механизмов социального расслоения индивидов в системе образования. К числу наиболее значимых механизмов такого рода специалисты относят коммерциализацию образования, прежде всего, высшего. В настоящее время высшее образование – это сфера образовательных услуг, доступ к которым для разных социальных групп неодинаков. Расширение платной основы получения высшего образования затронуло все постсоветские страны, в том числе Беларусь. Объем потребления платных услуг в сфере образования за последние пять лет увеличился в республике практически в 4 раза. В Беларуси большая часть студентов получает высшее образование на платной основе. На протяжении последних 10 лет численность студентов платной формы обучения всегда превышала численность студентов, обучающихся за счет средств республиканского бюджета [10, с. 1225].

Таким образом, опираясь на данные национальной и мировой статистики, в количественном плане образовательный потенциал Республики Беларусь можно оценить как весьма значительный. Однако следует подчеркнуть, что в современном мире развитый потенциал страны в этой сфере напрямую связывается с эффективностью функционирования системы непрерывного образования, а также способностью государства нивелировать ключевые факторы дифференциации образовательного потенциала.

Библиографические ссылки

1. Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018 / ПРООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf Дата доступа: 21.05.2019
2. Беларусь и страны мира: статистический сборник [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2018. Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/abf/abf37aebbf2e5cfa2d9d978f00491274.pdf> Дата доступа: 20.05.2019
3. Рейтинг стран мира по уровню образования / Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>. Дата доступа: 20.05.2019
3. Карпенко И.В. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. №3. С. 44-47.
4. Перепись населения 2009. Образовательный уровень населения Республики Беларусь: статистический сборник. Т. 4. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikat-sii/statisticheskie-sborniki_2/index_537/ Дата доступа: 20.05.2019
5. Женщины и мужчины Республики Беларусь: статистический сборник [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2018. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/index_9283/ Дата доступа: 20.05.2019
6. Курилович Н.В. К вопросу о феминизации образования в Республике Беларусь // Белорусская наука в условиях модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф.,

г. Минск, 20-21 сент. 2018 г. / ред.кол. : Коршунов Г.П. (гл.ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск : СтройМедиаПроект, 2018. С. 270-272.

7. Курилович Н.В. Образовательный потенциал белорусских женщин // Роль женщины в развитии современной науки и образования: сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф., 17-18 мая 2016 г., Минск/ БГУ; редкол.: И.В. Казакова, А.В. Бутина, И.В. Олюнина. Минск : БГУ, 2016.С. 756-760.

8. Кройтор С.Н. Проблемы и перспективы развития образовательной системы Республики Беларусь (по материалам социологических исследований) // Вышэйшая школа. 2018. №3. С. 15-21.

9. Курилович Н.В. К вопросу о коммерциализации высшего образования в Республике Беларусь // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2018»: Сб. мат-лов. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 1224-1226

УДК 316.7

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

С.В. Лапина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
ул. Московская, 17, 220017, Минск, Беларусь
lapina5053@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности социологического образования в контексте поликультурного общества, анализируется их роль в постмодернистском поликультурном «обществе знания» в связи с происходящей цифровой трансформацией всех общественных процессов. Современное образование, которое осуществляется в рамках экстрафигуративной культуры, представляется как процесс, включающий организованные и неформальные институциональные образования. В этом качестве современное образование, с неизбежностью включающее социологическую методологию, открывает новые перспективы для развития человека и его социальной активности.

Ключевые слова: современное образование; социологическое образование; общество знания; информационно-компьютерная революция; цифровая трансформация; экстрафигуративная культура; неформальное образование; социальный институт образования.

THE ROLE OF SOCIOLOGICAL EDUCATION IN THE MULTICULTURAL SOCIETY

Svetlana Lapina

Academy of Public Administration under the aegis of the President of
the Republic of Belarus

Moskovskaya str., 17, 220017, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The features of sociological education in the context of a multicultural society are considered, their role in the postmodern multicultural «knowledge society» is analyzed in

connection with the ongoing digital transformation of all social processes. Modern education, which is carried out within the framework of extrafigurative culture, is presented as a process that includes organized and non-formal institutional entities. In this capacity, modern education, which inevitably incorporates sociological methodology, opens up new perspectives for the development of man and his social activity.

Keywords: *modern education; sociological education; society of knowledge; information and computer revolution; digital transformation; ekstrafigurativny culture; informal education; social institute of education.*

Социокультурные трансформации, происходящие в современном мире, во многом предопределяются происшедшей в последней трети прошлого века информационно-компьютерной революцией, давшей особый импульс и направленность развитию современной цивилизации. Информация стала ключевой ценностной единицей современной культуры, а ее производство, сохранение, трансляция и потребление приобрели смыслообразующую значимость. В этом социокультурном контексте переосмысливаются все аспекты многообразной человеческой деятельности, связывающей индивида с природой, включающей его в социум и организующей процесс взаимодействия природного и социального миров в едином культурном пространстве. Традиционно система образования существовала в виде одного из центральных социальных институтов, обеспечивающих преемственность в развитии культуры, который сохранял эту важную социальную функцию даже в периоды цивилизационных разломов. Новаторские подходы органично вплетались в традиционные, частично консервативные способы освоения культурного пространства, задаваемые самой природой, снабдившей человека вполне определенными и достаточно ограниченными органами, обеспечивающими познание им окружающего мира и самого себя. Эта природная предзаданность познавательной деятельности формировала соответствующую структуру образовательного процесса.

В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского (определения можно умножать...) типа культуры. Для этого типа культуры характерно, с одной стороны, восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. С другой стороны, формирующийся тип культуры связан с появлением иллюзии сопричастности как к самой информации, так и к той эмпирически постигаемой реальности, которая является источником этой информации. В современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы сопричастности, сопереживания, на самом деле, являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. На этом фоне некоторые считают возможным говорить о наступлении эпохи «неоязычества», обращенного к образному восприятию мира и растворению в нем человека, потерю им так называемой «самости». Для «неоязычества» характерна нерerefлексивность сознания, приниже-

ние роли рационально-оценочных компонентов в человеческой деятельности, и в познавательной, в частности - происходит не только «виртуализация» окружающего мира, но и «виртуализация» самого себя, нарушаются механизмы культурной и социальной идентичности – и в итоге формируется неадекватный образ «Я».

Образование, отвечая на вызов современной цивилизации, должно стать своеобразным «зеркалом», отражающим реальные способности индивидов, позволяющим осуществлять селекцию их скрытых возможностей и определяющими перспективы их реализации в быстро трансформирующемся мире. Образованный индивид должен максимально эффективно реализовать свой «жизненный шанс», становясь активным участником глобальной «социокультурной драмы». В связи с этим особую роль в системе современного высшего образования приобретает социологическое образование. Дисциплины социологического профиля могут не только ориентировать обучающихся в информационном потоке, но и способны вооружить его определенными методологическими, научно-познавательными ориентирами, позволяющими самостоятельно наращивать личный информационный потенциал и реализовывать его в социальной практике, включаясь тем самым в процесс социокультурного творчества.

Преподавание социологии, включая такой ее важный раздел, как методология и методика социологических исследований, воспринимается как очень существенный аспект образования современного специалиста, который должен обладать не только необходимыми знаниями, но и выступать в качестве активного творца современного социокультурного процесса, плодотворно участвующего в его реализации и адекватно воспринимающего участие в нем других членов социума. Именно такое образование, в которое органично встроена методологическая составляющая, приобщающая к научно-познавательной деятельности со «школьной скамьи», способно обеспечить устойчивое развитие социума. Научный потенциал современного социологического образования, с необходимостью встраивая в свою структуру исследования «человекоразмерных» объектов, улавливая постоянные трансформации современного общества, способен сформировать у обучающихся адекватные профессиональные ориентации. Их реализация в условиях меняющихся социокультурных координат современного информационного общества способна обеспечить устойчивое развитие современного социума. В этом образовательном процессе образование в виде классического социального института, имеющего сложившуюся организационную структуру, существенно дополняется неформальным образованием, транслирующемся в виртуальном пространстве в разных вариациях. Можно критически подходить к его результатам, но нельзя отрицать его существование в современном поликультурном мире, где сама жизнь становится целостным образовательным процессом, в который встраиваются акторы с разным информационным и образовательным потенциалом.

И если следовать предложенной типологии социального взаимодействия основных типов субъектов-акторов образовательного процесса, определяющих типы социокультурного взаимодействия (префигуративная, постфигуративная, кофигуративная и экстрафигуративная культура)[1], то именно в экстрафигуративной культуре заложен невиданный ранее потенциал научного и социального

творчества. В едином поликультурном пространстве различные субъекты научно-теоретической и предметнопрактической деятельности, действуя в условиях неопределенности, не ограничиваясь знаниями, выработанными ранее и транслирующимися в традиционной классической системе образования, ищут и, главное – находят решение возникших вчера, сегодня и, возможно, тех, которые возникнут завтра, проблем, без решения которых невозможно устойчивое развитие человеческой цивилизации.

В этом научно-образовательно-практическом действии поиск решений не может быть встроен в классические рамки. Вот почему так активно идет поиск новых форм образовательного процесса в «школах будущего», в «силиконовых долинах», «парках высоких технологий» и т.д. Уже сегодня мы можем наблюдать результаты таких образовательных новаций. Без участия социологов и без встраивания социологической методологии в систематизацию и трансляцию лучших образцов обойтись невозможно в условиях расширяющейся цифровизации. Осуществить квантификацию накапливающейся информации с учетом возможности ее аккумуляции и трансляции для различных акторов поликультурного мира могут сделать те, кто владеет специальными социологическими методиками работы с разнообразными культурными текстами. Так роль социологического образования становится ведущей в условиях цифровизации современного общества, отражающего интенции поликультурного мира.

Библиографические ссылки

1. Лапина С.В. Ответ гуманистики на новые вызовы общества знания / Университетское образование: опыт тысячелетия, проблемы, перспективы развития: материалы международного конгресса. Минск: МГЛУ, 2008 г. Ч.1. С.175-178.

УДК 303.642.023

ВЕБ-СКРАПИНГ КАК СПОСОБ СБОРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИИ О БОЛОНСКОМ ПРОЦЕССЕ)

В.С. Лапуцкий

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
valnoros@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается веб-скрапинг как инструмент сбора социологических данных. Приводятся недостатки контент-анализа как метода, и пути решения. Описан процесс применения инструментов веб-скрапинга на примере собственного исследования мнений о Болонском процессе.

Ключевые слова: *веб-скрапинг; парсинг; контент анализ; методология социологического исследования; Болонский процесс; социология образования.*

WEB SCRAPING AS A WAY TO COLLECT SOCIOLOGICAL DATA (BASED ON RESEARCH OF OPINION OF THE BELARUSIAN INTERNET AUDIENCE ABOUT THE BOLOGNA PROCESS)

V.S. Laputsky

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses web scraping as a tool for collecting sociological data. The disadvantages of content analysis as a method and a solution are given. Describes the process of using web scraping tools on the example of their own research on the Bologna process.

Keywords. *web scraping; parsing; content analysis; methodology of sociological research; Bologna process; sociology of education.*

Контент-анализ на сегодняшний день по-прежнему остается методом, используемым в социологических исследованиях. При небольших бюджетах, имеющихся на реализацию исследования, контент-анализ выбирается рядом исследователей как оптимальный способ получения социологической информации качественного и количественного характера. В научном сообществе. Ввиду простоты реализации контент-анализ и по сей день используется в исследованиях, завязанных на анализе СМИ, большого количества текстов и т.д. При этом данный метод не лишен недостатков, ставящих под сомнение качество социологической информации, получаемой при его реализации. Можно выделить три основных барьера. Во-первых, данные контент анализа в дальнейшем можно использовать лишь в описательных целях – сведение качественной информации в количественные категории в соответствии с построенной карточкой наблюдения не позволяет выявлять глубинные инсайты. Второй барьер, возникающий в рамках контент-анализа, связан с интерпретативным характером собираемых данных – имеет место прямая зависимость между восприятием исследователя тех или иных сторон объекта и предмета исследования и конечным результатом. Третья проблема связана с репрезентативностью данных – т.к. зачастую из-за большого количества единиц контента, которые необходимо собрать и проанализировать, социологи прибегают к построению выборочных совокупностей текстов, что потенциально негативно влияет на конечный результат [3, с. 110].

В условиях интенсивного развития и распространения интернета контент-анализ как метод исследования столкнулся с еще одной проблемой – существующие решения в контексте постоянно увеличивающегося объема и сложности данных стали не релевантны. Для решения научным сообществом в области компьютерных наук была разработана совокупность методов, связанных с автоматизированным сбором данных из Интернета. Совокупность таких методов принято обозначать как data mining, или интеллектуальный сбор (или анализ) данных. Одним из направлений data mining является веб-скрапинг (Web Scraping) – направление в рамках программирования, связанное со сбором необходимой информации веб-страниц нужного нам сайта по-

средством чтения HTML-разметки. В рамках веб-скрапинга специально обученный компьютерный алгоритм в соответствии с настройками программиста выгружает с веб-страниц только те данные, которые необходимы исследователю: например, тексты комментариев или статей, разного рода. Подобное решение активно используется в маркетинге: при конкурентном анализе, при репутационном менеджменте в интернете, при аналитике активной аудитории бренда. Веб-скрапинг позволяет автоматизировать сбор информации в интернете для последующего решения научных и бизнес-задач.

Преимущество веб-скрапинга при анализе пользовательского поведения заключается в возможности сбора мнений респондентов в их естественной обстановке. Анализ обсуждений на форумах силами веб-скрапинга позволяет нивелировать факт присутствия исследователя, и при этом минимизировать время, необходимое на сбор данных. При этом необходимо учитывать, что подобного рода аналитика будет касаться только реактивной аудитории – те пользователи Интернета, которые не являются активными комментаторами, не будут покрыты за счет веб-скрапинга.

В социологии направление веб-скрапинга пока еще не является распространенным, что связано с необходимостью в техническом образовании социолога: чтобы написать даже простой программный код, осуществляющий процедуру веб-скрапинга, необходимы базовые навыки программирования и понимание того, как устроена веб-верстка сайтов для того, чтобы знать, как выйти на уровень нужной для исследования информации. При этом ряд исследователей в России предпринимают попытки по использованию способов – и в будущем количество таких попыток возрастет [2].

Автором данной работы было проведено исследование, целью которого являлось изучение мнения белорусской интернет-аудитории о интеграции белорусского высшего образования в международный контексте Болонского процесса. Задачи исследования включали в себя комментаторской активности в динамике с 2015-го года, а также качественный анализ содержания обсуждений и их сравнение за 2015 и 2018 года. В качестве объекта исследования выбрана комментаторская аудитория портала TUT.BY. Выбор TUT.BY в качестве целевой площадки был обусловлен наибольшим охватом среди белорусских интернет-СМИ, а также наибольшей комментаторской активностью его посетителей. Еще одним фактором, повлиявшим на выбор портала в качестве целевой площадки стала простота исходного кода сайта – это облегчило задачу по написанию алгоритма по анализу содержимого сайта и сбора необходимой информации. Выборочная совокупность текстов составила 3031 документов. Программный код, осуществляющий сбор данных, был написан на Python с применением библиотек pandas и BeautifulSoup4. Процесс сбора данных был осуществлен следующим образом. На первом этапе был написан программный код, отбирающий на портале TUT.BY все новости, которые связаны с темой Болонского процесса. На выходе программный код отдавал список ссылок на соответствующие новости, дату их публикации и текст самих заметок.

На втором этапе был написан программный код, который проверяет,

были ли пользовательские комментарии у указанной новости, и, в случае их наличия, выгружал их в отдельный Excel-файл. В полученном файле хранились данные о содержании самого комментария, дате его публикации имени его автора и степени его активности на портале (выражаемого в количестве комментариев).

На третьем этапе осуществлялся интеллектуальный анализ полученного массива документов. Во-первых, определялась динамика обсуждений выбранной тематики с построением прогнозных трендов на будущий год. Во-вторых, рассчитывались метрики значимости лексем в массиве документов: «мешок слов» (bag-of-words) и IF-IDF (term frequency – inverse document frequency). В-третьих, был осуществлен тематический анализ текстов посредством реализации алгоритма латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet allocation, LDA).

Результаты исследования показали нисходящую динамику обсуждений в течение времени. Пиковое количество комментариев пришлось на второй квартал (апрель-июнь) 2016-го года – за этот период было зафиксировано 540 комментариев (17,8% от общего количества), что связано с волной материалов от самого TUT.BY, связанных с анализом года пребывания в Болонском процессе, и пользовательской реакцией на материалы о текущем состоянии высшего образования и трудоустройства молодых специалистов. В последующие периоды объем обсуждений заметно снизился даже несмотря на появляющиеся новые инфоповоды. В дальнейшем ожидается последующее снижение интереса к теме до момента следующей итерации в

При этом синтаксический анализ не выявил качественных изменений в тематике обсуждений за различные периоды. Как в 2016-ом, так и в 2018-ом тема остается дискуссионной, с полярными точками зрения. Посредством латентного размещения Дирихле было выделено две основные темы обсуждений: во-первых, относительно непосредственно вхождения страны в Болонский процесс, оценки текущих результатов; во-вторых, вопрос целесообразности внесения подобных изменений в систему высшего образования. С точки зрения содержания самих сообщений отмечается повышенная эмоциональность высказываний: присутствуют как лексические конструкции враждебного характера, так и словоформы снисходительного характера, употребляемые в сообщениях саркастического характера. В целом тональность сообщений является умеренно-негативной: пользователи TUT.BY сдержанно оценивают текущее состояние образовательной интеграции, без выделения явных позитивных черт.

Таким образом, использование автоматизированных способов сбора данных на сегодняшний день является перспективным направлением получения социологической информации. Использование языков программирования вместе с алгоритмами интеллектуального анализа текста позволяют оптимизировать время на сбор социологической информации и выйти на качественный анализ больших объемов данных.

Библиографические ссылки

1. Дудина В.И., Юдина Д.И. Извлекая мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг обще-

ственного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 63-78.

2. Смирнов В.А. Новые компетенции социолога в эпоху больших данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №2. С. 44-54.

3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. М. : ИНФРА-М, 2009. 384 с.

УДК 316.334.56

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И БУДУЩИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Е.В. Лебедева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
elena_lebedeva_bsu@tut.by

Аннотация. Статья посвящена описанию перспектив социологического изучения города как специфического социо-культурного объекта. Рассматриваются основные направления, возможности и ограничения современных подходов к городским исследованиям (урбанистический, социо-психологический, управленческий). Обосновываются преимущества использования структурно-функциональной школы как методологической основы городских исследований.

Ключевые слова: *социология города; город; направления городских исследований; структурно-функциональный анализ в городских исследованиях.*

URBAN STUDIES: CURRENT OPPORTUNITIES AND FUTURE PATHS OF DEVELOPMENT

E.V. Lebedeva

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the description of the prospects of a sociological study of the city as a specific socio-cultural object. The main directions of modern urban research (urban, socio-psychological, managerial) are considered. The advantages of using the structural-functional approach as a methodological basis for urban research are substantiated.

Keywords: *urban sociology; city; fields of urban studies; structural functionalism in urban studies.*

Изучение города как социального и культурного конструкта имеет достаточно долгую историю и солидный багаж накопленного исследовательского опыта, как в отечественной (русскоязычной), так и в мировой социологии. Можно сказать, что сама социология как наука сформировалась в ответ на вызовы стремительной индустриальной урбанизации XIX века. «Массовое переселение людей в города, разрыв традиционных социальных связей, образование новых видов общ-

ности, разительно отличающихся от привычных патриархальных форм солидарности, – всё это стимулировало становление социологии. А потому практически вся классическая социология – это социология города» [1]. Системное изучение городского образа жизни в Западной Европе начинается в первой половине XIX столетия. На рубеже XIX и XX вв., в России оформилась оригинальная научная школа гуманитарного исторического градоведения, которая «рассматривала городские поселения не только и не столько как центры экономической и политической жизни, но именно как особое культурное явление» [2]. Эмпирические исследования, посвящённые всевозможным нюансам городской жизни, датируются 70-х годами прошлого века. Казалось бы, за это время любая из всевозможных проблем городской жизни была исследована, любой из многочисленных её аспектов – детально описан. И, тем не менее, как только начинается практическая работа по «созданию» города (планирование новых районов, уплотнение старых, перепрофилирование территорий, строительство дорог и новых зданий и пр.) – архитекторы и градоначальники неизменно сталкиваются с трудностями. Становится очевидным, что ни накопленный исследовательский материал, ни апробированные методы социологического изучения города не позволяют в полной мере понять его социальную специфику, раскрыть глубинные механизмы. Отчасти объяснить данную ситуацию можно тем, что город – весьма сложный объект для изучения, и потому при анализе социальных процессов, происходящих в нем, необходим междисциплинарный подход. Дискуссии по поводу предмета и методов изучения города по-прежнему не утихают, поскольку город, как объект исследования делят между собой и социологи, и антропологи, и культурологи, и психологи, и экономисты, и географы (данный перечень может быть продолжен). Кроме того, городское направление русскоязычной социологии до сих пор остаётся неинституционализированным, и представляет собой набор отдельных парадигм, принципов и частного исследовательского опыта, в то время как в классических западных учебниках урбанистические исследования давно рассматриваются как отдельное направление социологии. Не претендуя на то, чтобы предложить исчерпывающую картину текущего состояния городских исследований на постсоветском пространстве, кратко обозначим их основные векторы.

1. *Урбанистический вектор* – сборное название множества различных практик исследования города, общим для которых является смещение фокуса на анализ архитектурного пространства как градообразующей социокультурной составляющей городов. Урбанистические исследования делают акцент на физических, территориальных характеристиках городской среды, придавая первостепенную важность масштабу городской застройки, экологии и возможностям для мобильности (зелёные насаждения, доступные объекты инфраструктуры, освещённость, удобные для перемещения улицы и т.п.). Известный датский архитектор и консультант по городскому дизайну Ян Гейл пишет о том, что «пропорции человека, его чувства и его мобильность – ключевые понятия качественного городского планирования, ориентированного на людей» [3, с. 59]. «Человекоразмерные» города дают дружелюбный посыл, обещают возможность социального взаимодействия, «оживляют» город, превращая его в саморазвивающуюся экосистему. Ключо-

чевую роль во многих урбанистических концепциях играют именно улицы – «если улицы города интересны на вид, интересен на вид и сам город, если скучны – он скучен... если люди жалуются, что город или определённый его участок опасен, они, прежде всего, не чувствуют себя в безопасности на его улицах» [4, с. 49]. Слабость урбанистического подхода заключается в том, что зачастую он ограничивается преобразованием «материального» тела города, которое, безусловно, очень важно, однако не является единственным источником социальных перемен. В результате чего вместо «проектирования шага ближайшего развития конкретного города предлагаются образцы дизайнерских и транспортных решений, которые стали итогом развития западных городов» [5], в расчёте на то, что в европейской городской среде «само собой» сформируется европейское городское сообщество. Процесс же «производства пространства» гораздо сложнее и предполагает сложное, разнонаправленное взаимное влияние города и горожан друг на друга.

2. *Социо-психологический вектор* – концентрируется на изучении процессов взаимовлияния окружающей среды и особенностей личностного становления и развития, появления устойчивых, повторяющихся моделей поведения, формирования новых смыслов и ценностей в городском социуме. Город в данном случае воспринимается, прежде всего, как пространство социализации. Подобные темы исследования стали появляться относительно недавно, примерно во второй половине XX века. Зонирование городской среды (разделение сфер дома, работы и досуга), доминирование «автомобильной культуры», ослабление института локальных сообществ (как реальных, так и воображаемых), отделение «детской» жизни от «взрослого» мира (исключение детей из общественно-полезной деятельности взрослого населения, когда «детство воспринимается не как полноценная жизнь, а как подготовка к жизни» [6, с. 133]), вынесение задач по развитию и воспитанию детей за пределы семьи – всё это привело к появлению в больших городах специфических условий для становления и развития личности, кардинально отличных от тех, что столетиями существовали в традиционных (сельских) типах обществ. Это привлекло внимание большого числа исследователей в сфере психологии развития, социологии детства, социологии семьи, городской социологии. Появились работы, посвящённые поиску взаимосвязи между благополучием детей и спецификой городской территории, были сформулированы эмпирически измеряемые индикаторы дружелюбности городской среды. При всей его глубине и междисциплинарности социо-психологический подход имеет одно существенное ограничение – он воспринимает город как данность, уже существующие условия, в которых происходит становление личности и выводит за рамки изучения агентов формирования городской среды, рассматривая горожанина как потребителя дружелюбной либо недружелюбной городской среды, «продукт» городского развития, а не как активного субъекта, участвующего в «производстве пространства».

3. *Управленческий вектор* – во главу угла ставит специфику взаимодействия общества, государства и бизнеса как источник гармонизации городской среды, как способ уменьшить негативное влияние города на индивида. Данный *подход* лежит в основе различных международных инициатив и программ, ориентированных на поиск возможностей объединить усилий городских властей и локальных сооб-

ществ (к примеру, инициатива «Город, дружественный детям», или же «Глобальная сеть обучающихся городов», созданная под эгидой ЮНЕСКО [7; 8]). В отличие от двух предыдущих, управленческий подход не является оформленной теоретической парадигмой, он скорее представляет собой перечень методических рекомендаций по преобразованию городской среды, а также инструментов для эмпирической оценки достигнутых результатов. Управленческий подход делает акцент на коммуникации между ключевыми субъектами, ответственными за развитие города – власть, бизнес, локальные сообщества. Это, безусловно, является важным условием понимания принципов функционирования и развития города как сложной социальной системы, однако сдвигает фокус в сторону внешнего, управленческого воздействия на город (что должно сделать государство, что должны сделать инвесторы), уходя в сторону от анализа «обычной» повседневной жизни горожан, их личной активности. Кроме того, в силу международного происхождения данного подхода, в нём слабо выражена культурно-историческая специфика, не учитываются особенности конкретных городов, предлагаются усреднённые «общемировые» принципы и критерии.

Преодолеть вышеперечисленные ограничения, с нашей точки зрения, позволит *возрождение структурно-функциональной школы, как одного из перспективных направлений социологии города*. Использование структурного функционализма как методологической основы городских исследований имеет ряд преимуществ. Во-первых, позволяет оценить городскую среду в единстве материального и социального, преодолев ограничения урбанистических трактовок городских преобразований. Во-вторых, даёт возможность рассматривать индивида не только как пассивного потребителя городских благ и услуг, но как активный источник развития города, позволяя изучать не только саму дружественность городской среды, как данность, но и агентов её формирования и поддержания. В-третьих, допускает анализ как внешней, управляемой, публичной стороны городской жизни, так и повседневного взаимодействия между горожанином и городской средой. Кроме того, представив город в виде функциональной матрицы, можно получить универсальную систему принципов конструирования городской среды, а также критериев её оценки.

Библиографические ссылки

1. Социология города. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/59648>. Дата доступа: 12.06.2019
2. Шабаев Ю.П. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 3 (145). С. 248-267.
3. Гейл Я. Города для людей. М. : Альпина Пабlishер, 2012. 276с.
4. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство, 2015. 512 с.
5. Почему общественные пространства в России – это имитация урбанистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.the-village.ru>. Дата доступа: 30.11.2018
6. Петрофф Н. Urban Baby, или перспективы культурно-исторического изучения раннего возраста в контексте американского городского социума // Антропологический форум. 2010. №12. С. 127-137.

7. Child Friendly Cities Initiative. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://childfriendlycities.org>. Дата доступа: 21.01.2019

8. International Association of Educating Cities. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.edcities.org>. Дата доступа: 21.01. 2019

УДК 316.1«21»:001.92+372.8

СОЦИОЛОГИЯ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПОИСКИ, СМЕЛЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

А.А. Петренко-Лысак, В.В. Чепак

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

пр-т академика Глушкова 4-д, 03680, Киев, Украина

alla_pl@ukr.net, chepak02@ukr.net

Аннотация. XXI век постепенно и уверенно отдаляется от восприятия его как будущего, переходя в обыденное восприятие нынешнего. Пророчества научного прогресса XX века ныне читаются как наивные предположения и скорее мечты. Но все-таки наука, и социология в том числе, прошла свой рубикон XXI века, и оказавшись здесь и сейчас продолжает поиск путей своего развития, обнаруживает новые задачи, потребности в инновациях, понимает и реагирует на вызовы, сформированные стремительными изменениями во всем спектре не только общественной жизни, но и практик взаимодействия с окружающим миром. Социология как наука смело мультидисциплинируется, расширяя тем свои границы, но при этом стремится сохранить свои методологические традиции и теоретические основания.

Ключевые слова: *социология; знание; наука; образование; изменения.*

SOCIOLOGY OF XXI CENTURY: NEW SEARCHES, BOLD TRANSFORMATION, MULTIDISCIPLINARY TIES

A.A. Petrenko-Lysak, V.V. Chepak

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Glushkova av., 4d, 03680, Kyiv, Ukraine

Annotation. The 21st century is insensibly and surely moving away from perceiving it as a future, it turns into ordinary perception of the present. The prophecies of the scientific progress of the twentieth century are now read as naive assumptions and similar dreams. But still, science with sociology including, passed its 21st century rubicon, and exist here and now, and continues to search the ways to develop, discovers new challenges, needs in innovations, understands and reacts to the challenges that have been formed by the rapid changes in the whole spectrum of not only social life, but also the practices of interaction with the outside world. Sociology as a science is boldly multidisciplined. Due to this, it expands its frontiers, but at the same time seeks to preserve its methodological traditions and theoretical foundations.

Keywords: *sociology; knowledge; science; education; changes.*

Возраст социологии в ее научном статусе не столь значим, нежели у близких ей научных обществоведческих отраслей – социальной философии, социаль-

ной антропологии, социальной психологии, экономики и политологии, культурологии и истории. Сформировалась социология и проходила свой путь становления в крайне нестабильные и исполненные стремительных изменений исторические времена. В течение разворачивания ее научного поля она не просто фиксировала и описывала значимые для каждого общественно-исторического времени события, процессы и явления, но и стремилась спрогнозировать будущее, каждый раз намереваясь реализовать заложенные ее основоположниками принципы позитивизма, эмпиризма, социологизма, объективизма. Преодолев временной рубеж XXI века, социология продолжает придерживаться поставленных ее основателями задач: искать и находить основания общественного прогресса, фиксировать и описывать социальные изменения, отыскивать новые способы и технологии исследовательских поисков. Со временем расширяется и обновляется не только терминологический словарь науки, но и методологический каркас, методический и технологический инструментарий. Социология пользуется всеми инновационными для каждого исторического времени возможностями и достижениями наук, которые напрямую, возможно, и не являются ее «напарниками», но изобрели и предложили науке прогрессивные исследовательские технологии и средства накопления и анализа данных, например, кибернетика, технические и точные науки.

Дж. Урри является одним из революционеров социологической теории, который не просто обратил внимание на нестабильность и изменчивость современности (которую до него основательно осмыслил, исследовал и описал З. Бауман [1; 2]), но и предложил новейшую оптику ее теоретизирования. Он переосмыслил предмет социологического знания – «общество», обратив внимание не просто на его противоречивость, но и сориентировав исследовательскую «линзу» на его обновленное системное значение [6]. Общество, по мнению Дж. Урри, следует понимать как сетевую систему пространств мобильностей. Соответственно, еще одним революционным шагом Дж. Урри была смена оптики исследования мобильности, которая была переведена им с классической модели анализа перемещений в рамках социальной структуры (социальных слоев, статусов, классов) в более широкую плоскость логики концепта социального пространства. Социологии стоит обратить свой взгляд не только на перемещения людей, но и объектов, вещей, информации, опасностей и рисков; и что немаловажно, обязательно выявить взаимосвязи между этими подвижностями, а также их социальные последствия [5].

Другим мыслителем, которого не остановила нерушимость классических основ социологической теории, является М. Буравой, переместивший позицию саморефлексии социологии в контекст ее структуры как научной отрасли знания. Не отрицая, не противопоставляя свою идею признанному каноническому, позволим себе сказать, подходу определения социологического знания как трехуровневой структуры (общая социологическая теория; специальные и отраслевые социологические теории и практики; эмпирическая и прикладная социология), Буравой предлагает структурировать ее по иному принципу, различая критическую (critical – рефлексивную и внутри-академическую ориентацию), академическую (professional – инструментальную и внутри-академическую ориентацию), прикладную/заказную (policy – инструментальную и вне-академическую ориентацию)

и публичную (public – рефлексивную и вне-академическую ориентацию) социологии [3]. В основу идеи переосмысления структуры социологического знания современности Буравой заложил основы социологических научных практик. Что вполне объяснимо, так как они действительно пребывают в обновленной среде, прежде всего ввиду изменений как внутри-научных традиций коммуникаций, так и трансформации социальных медиа практик.

Вызовом современной социологии является ее публичность. Особо это касается электоральной социологии, не исчезающей из медиа-пространства чуть ли не ежедневно или ежегодно. Формируется не только образ социолога как специалиста, поясняющего общественные процессы, а социологии – как обществоведческой науки, способной не только собирать информацию, анализировать ее, интерпретировать, но и, что ценно, формируется понимание важности становления сознательного гражданина как уравновешенного пускай и обывателя, но реагирующего на общественную жизнь критично, без необоснованных паник и подсознательных эмоций. От социологов ожидают не только предвыборных рейтингов, но и объективной информации с полей социальных институтов - образования, экономики, культуры, повседневности. Фактически, как обычного прогноза погоды, для того, чтобы принять обоснованное и верное решение относительно дальнейших своих действий, как на уровне отдельного индивида, так и организаций.

Меняется и социологическое образование, впрочем, как и образование в целом. По мнению американского футуролога и исследователя образования Дж. Моравеца: «Нам нужно заново определить и построить ясное понимание того, для чего мы обучаем, почему мы это делаем, и кому служит наша система образования...» [4]. Продолжая мысль ученого, заметим также: *какого* социолога мы должны подготовить, выполняя заказ на запрашиваемую обществом личность? Прежде всего, человека со сформированными взглядами и мировоззрением, личность открытую к *новому*, способную *постоянно обновляться*, то есть такую, *компетентности которой будут позволять* ей реализоваться в профессиональной деятельности, быть конкурентной в условиях глобального пространства, востребованной как в сообществе специалистов, так и в других социальных объединениях.

Таким образом, современная социологическая теория, ее исследовательские практики и методы обучения специалистов смело, убедительно и достаточно успешно имплементируют новое знание и технологии не только смежных наук, как то истории или антропологии, экономики или медиасферы, психологии или искусствоведения, но и кибернетики, биологии и физики. Контовская иерархия наук не просто в очередной раз универсализировалась, но вошла в новый оборот своей актуализации, с дополнениями и уточнениями. А социология XXI века является не просто актуальным научным направлением, она действительно способна реагировать на новые вызовы, на новые исследовательские ракурсы, смело и открыто рефлексировать относительно трансформации специализированного тезауруса, обнаруживать новейшие способы и обновлять старые методики поиска и фиксации социальной информации.

Библиографические ссылки:

1. Бауман З. Плинні часи. Життя в добу непевності. Київ : Критика, 2013. 176 с.

2. Бауман З. Текучая современность. СПб : Питер, 2008. 240 с.
3. Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С.8-51.
4. Моравець Дж. Маніфест 2015. Навчання, яке еволюціонує // Manifesto 15 : сайт. URL: <https://www.manifesto15.org/ua/> (дата обращения: 10.05.2019).
5. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.
7. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М. : НИУ ВШЭ, 2012. 336 с.

УДК 378:316

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И КОМПЕТЕНЦИИ

И.В. Пинчук, О.Н. Фаблинова

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»»

ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск, Республика Беларусь

ООО «Айдиа Мэйкерс»

ул. Толбухина 2, п.4, 220012, Минск, Республика Беларусь

igor_pinchuk87@mail.ru, o.fablinova@gmail.com

Аннотация. Публикация посвящена необходимости актуализации компетенций будущих социологов в условиях интернетизации и дигитализации белорусского общества. Отмечается возрастающая роль технологий и Интернета в современных исследовательских процессах: замена бумажных анкет планшетами, проведение онлайн фокус-групповых дискуссий и глубинных интервью, использование САТІ-студий, онлайн-панелей, пиплметрии, айттрекинга, виртуальной и дополненной реальности и другое. Подчеркивается перспективность внедрения в Республике Беларусь программы «Университет 3.0» при подготовке кадров по социологическим дисциплинам. Основываясь на результатах социологических замеров, подтверждается соответствие позиционирования программы «Университет 3.0» интересам и потребностям белорусских юношей и девушек – престижность в молодежной среде профессий, связанных с информационными технологиями, интерес к предпринимательству.

Ключевые слова: *высшее образование; социология; Университет 3.0; социологические исследования; маркетинговые исследования; интернетизация; дигитализация.*

SOCIOLOGICAL EDUCATION TODAY: NEW CHALLENGES AND COMPETENCE

I.V. Pinchuk, O.N. Fablinova

International University «MITSO»

Kazintsa str., 21-3, 220099, Minsk, Republic of Belarus

Limited Liability Company «Idea Makers»

Tolbukhina str., 2, r.4, 220012, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The publication is devoted to the need to update the competences of future sociologists in the conditions of internetization and digitalization of the Belarusian society. It is

noted a growing role of technology and the Internet in today's research processes: using of tablets instead of paper questionnaires, conducting online focus group discussions and in-depth interviews, using of CATI-studios, online panels, peplemeters, eye tracking, virtual and augmented reality, etc. The perspective of the introduction of the "University 3.0" program in the Republic of Belarus in the process of training sociologists is emphasized. Based on the results of sociological measurements, the correspondence of the positioning of the University 3.0 program to the interests and needs of Belarusian youths and girls is confirmed (prestige of IT-related professions, interest in entrepreneurship).

Keywords: *higher education; sociology; University 3.0; sociological studies; marketing research; internetization; digitalization.*

В Республике Беларусь создана и успешно функционирует развитая система высшего образования. По социологическим дисциплинам подготовку специалистов осуществляют как столичные учебные заведения, так и региональные вузы. Соответственно, запрос на качественное социологическое образование имеет республиканский характер. Необходимость актуализации компетенций будущих социологов продиктована сегодняшними реалиями, в особенности стремительным внедрением новых технологических решений в исследовательские процессы. В рамках программы создания современной цифровой экономики Беларусь активно формирует имидж IT-страны, уделяя особое внимание развитию информационных технологий. Закономерно, что высшая школа должна также адаптироваться к новым условиям и успешно интегрировать в учебный процесс современные разработки. В первую очередь сегодня, когда молодежь готова к восприятию новых форматов потребления знаний. Как показывают результаты опроса Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ) – октябрь 2017 г., объем выборочной совокупности составляет 1002 интернет-пользователя в возрасте от 16 лет и старше, – для юношей и девушек Глобальная сеть значительно чаще рассматривается как средство дистанционного обучения (41,2%), чем для интернет-пользователей страны в целом (30,5%). Заинтересованность молодых людей в освоении новых практик и интеграции в цифровую индустрию проявляется и в трудовых приоритетах. Согласно опросу ИАЦ (2018 г. объем выборки 1490 респондентов в возрасте 18–29 лет) молодежь к числу престижных, прежде всего, относит профессии программиста, IT-специалиста – указал каждый второй респондент (51%) [1].

Следовательно, прогресс обуславливает необходимость выстраивания новых подходов в социологическом образовательном процессе. Вопрос синтеза компетенций, освоения новых форматов обучения, расширения методологии для социологов является предметом обсуждений в научном сообществе не первый год. Так, в 2018 году главной темой VIII Грушинской конференции была «Социолог 2.0: трансформация профессии», и основным вопросом, на который исследователи старались дать ответ, был следующим: кто он – социолог 21 века? Как отмечают специалисты, оснований для анализа достаточно, так как профессия социального исследователя стала действительно мультидисциплинарной и многофункциональной, соединив в себе целый ряд ипо-

стасей – от социального ученого до графического дизайнера и программиста, от аналитика больших данных до консультанта и социального инженера [2].

Подтверждение вышесказанному - запрос сегодняшнего рынка труда, который все чаще уходит в сторону цифровых компетенций. Как показывает практика, в исследованиях активно применяются современные технологии. Здесь можно говорить и о «безбумажных» способах сбора данных – применении планшетов вместо традиционных анкет в ходе опросов «лицом к лицу», использовании систем, интегрированных в колл-центры (САТІ). Все большая доля исследований, в первую очередь – маркетинговых, уходит в интернет-среду – использование при опросах онлайн-панелей, ривер-сэмплинга. Качественные исследования также все чаще практикуются в электронной среде. В данном случае речь идет об онлайн фокус-групповых дискуссиях, проводимых в форме чата или форума, индивидуальных онлайн-интервью и ведении онлайн-дневников и блогов. Для Беларуси направление интернет-исследований особенно актуально ввиду высокого уровня проникновения Интернета в республике. По данным опросов ИАЦ, он приближается к порогу в 70% среди совершеннолетних граждан (октябрь 2017 г., объем выборочной совокупности - 1002 респондента в возрасте 16 лет и старше), а в категории 18–29 лет превышает 90% (май 2018 г., объем выборочной совокупности – 1650 человек в возрасте 18 лет и старше) [1].

Также в маркетинговые исследования активно внедряются технологии виртуальной и дополненной реальности, которые позволяют получить мнение пользователей по еще не существующим товарам, протестировать удачность расположения товаров на полках торговых объектов. Отмечается интерес исследователей и к физиологическим измерениям, основанным на анализе произвольных реакций респондентов на те или иные стимулы (нейромаркетинговые исследования). К анализируемым параметрам относятся сердцебиение, кожно-гальваническая реакция (изменения в электрической проводимости кожи), активность головного мозга, зрительная реакция. Безусловно, при проведении подобных замеров требуется междисциплинарная команда исследователей, а также специальное оборудование. Так, зрительная реакция респондентов замеряется посредством айтрекеров, активность головного мозга – посредством функционально-магнитно-резонансной томографии, электроэнцефалографии.

В медиаисследованиях активно внедрена в практику пиплметрия – технология сбора данных о телесмотрении (с использованием пиплметров), радиослушании (с использованием портативных пиплметров). Разрабатываются и используются компьютерные программы контент-анализа.

Не менее важным является и овладение основами Bigdata. При этом в компетенцию аналитика Bigdata входит знание основ программирования. В наиболее общем плане Bigdata – это огромные массивы, которые накапливаются маркетинговыми агентствами, например, в ходе панельных исследований, а также массивы данных о потребителе, которыми располагают интернет-провайдеры, сотовые операторы, банковские структуры и т.д. [3]. Социальным исследователям, в свою очередь интересен синтез Bigdata (информация о

конкретном поведении, покупках и т.п.) и социологической науки (ценности, мотивы, барьеры и т.п.).

Таким образом, интернетизация и дигитализация являются основными тенденциями в сфере современных социологических и маркетинговых исследований. Безусловно, необходимо учитывать ограничения этих методов, оценивать их валидность. Однако обучать студентов по социологическим специальностям основам их применения необходимо уже сегодня. Примечательно, что обозначенные вопросы соответствует целям экспериментальной программы «Университет 3.0». Министерством образования в рамках пилотного проекта определено шесть вузов: Белорусский государственный университет, Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Белорусский государственный технологический университет и Белорусский государственный экономический университет, а также Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, которым поручена разработка и реализация экспериментального проекта по внедрению новых подходов в развитие учебной, научной и предпринимательской инфраструктуры университета [4].

«Реализация проекта предусматривает два направления действий: 1) внесение изменений и дополнений в учебно-программную документацию образовательных программ высшего образования I ступени, направленных на системное взаимосвязанное изучение вопросов инновационной, изобретательской и предпринимательской деятельности (создание бизнес среды) и в учебно-программную документацию образовательных программ высшего образования II ступени, направленных на реализацию стартапов в бизнес-инкубаторах, командное выполнение высокотехнологичных проектов в рамках практико-ориентированного и научно-ориентированного обучения; 2) реализацию комплекса мер по созданию субъектов инновационной инфраструктуры (научно-технологические парки, центры трансфера технологий), отраслевых лабораторий, бизнес-инкубаторов, а также и по повышению эффективности научно-исследовательской, инновационной деятельности, которые будут обеспечивать на завершающем этапе коммерческую реализацию инновационной продукции и (или) результатов интеллектуальной деятельности» [5].

Таким образом, если Университет 1.0 был направлен на обучение рабочей силы, а Университет 2.0 комбинировал обучение и научные исследования, то Университет 3.0 представляет собой так называемый «предпринимательский университет». И этот подход (коммерциализация, предпринимательство) соответствует духу времени и потребностям молодых людей. Так, согласно данным ИАЦ (2018 г., объем выборки 1490 респондентов в возрасте 18–29 лет), доминантное большинство молодых людей рассматривают предпринимательскую деятельность наиболее привлекательным вариантом заработка. Так, 36,5% опрошенных предпочли бы открыть свое дело при наличии такой возможности [1; 6]. Все это создает предпосылки для развития на площадках вузов социологических центров, где учащиеся смогут привлекаться не только в качестве интервьюеров в фундаментальных проектах, но и осваивать прак-

тику маркетинговых исследований – наиболее передовых в технологическом плане. В конечном счете, развитие данного направления будет способствовать реализации предпринимательского потенциала юношей и девушек. Общим итогом такого развития станет повышение востребованности подготавливаемых кадров по социологическим дисциплинам.

Библиографические ссылки

1. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. мат. социологических исследований / Инф.-аналит. Центр при Адм. Президента Респ. Беларусь ; под. ред. А. П. Дербина. Минск : Типография Федерации профсоюзов Беларуси, 2018. 180 с.
2. VIII Грушинская социологическая конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/conference_2018/. Дата доступа: 12.06.2019.
3. Демидов А. Новые технологии в маркетинговых исследованиях [Электронный ресурс] / research&trends. Режим доступа: https://www.r-trends.ru/trends/trends_934.html. Дата доступа: 11.06.2019.
4. В Беларуси созданы все условия для реализации модели «Университет 3.0» – Карпенко [Электронный ресурс] // БЕЛТА. Новости Беларуси. Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-sozdany-vse-uslovija-dlja-realizatsii-modeli-universitet-30-karpenko-286240-2018/>. Дата доступа: 10.06.2019.
5. Описание экспериментального проекта [Электронный ресурс] // Республиканский институт высшей школы. Режим доступа: <http://nihe.bsu.by/index.php/2opisanie-eksperimentalnogo-proekta>. Дата доступа: 13.06.2019.
6. Колесниченко Н. Зачем Беларуси Университет 3.0 [Электронный ресурс] // Завтра твоей страны. Режим доступа: http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=29965. Дата доступа: 13.06.2019.

УДК 316.77 (476)

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.В. Посталовский

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
postalnio@tut.by

Аннотация. В условиях развития информационного общества отмечаются высокие темпы прогресса и востребованности технологий воспроизводства и распространения информации до целевой аудитории. Анализ содержания современных конфликтов показывает, что дестабилизация общественно-политических систем, усиление радикальности действий сторон конфликта в период политических противостояний, развитие бифуркационных процессов происходят во многом благодаря использованию ресурсу СМИ и средств сетевой виртуальной медиакommunikации. Учитывая указанные тенденции, в социологической науке формируется необходимость образования принципиально нового направления исследования радикальных форм социально-политических трансформаций – социологии дестабилизации как

специальной социологической теории. Представленная статья посвящена научно-теоретическому осмыслению феномена дестабилизации с позиций социологической науки, рассмотрению факторов дестабилизации общества, выявлению структурно содержательных отличий дестабилизации от классической революции.

Ключевые слова: дестабилизация; социология дестабилизации; конфликт; информационное воздействие; революция.

DESTABILIZATION AS FORM OF RADICAL TRANSFORMATIONS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

A.V. Postalovsky

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. In the conditions of the development of the information society, high rates of progress and demand for technologies of reproduction and dissemination of information to the target audience are noted. An analysis of the content of contemporary conflicts shows that destabilization of sociopolitical systems, the intensification of the radical actions of the parties to the conflict during political confrontations, the development of bifurcation processes are largely due to the use of the media resource and network virtual media communication. Taking into account these tendencies, the need to form a fundamentally new direction for the study of radical forms of socio-political transformations — sociology of destabilization as a special sociological theory is being formed in sociological science. The presented article is devoted to the scientific and theoretical understanding of the phenomenon of destabilization from the standpoint of sociological science, consideration of the factors of destabilization of society, the identification of structurally meaningful differences of destabilization from the classical revolution.

Keywords: *destabilization; sociology of destabilization; conflict; informational impact; revolution.*

В современных условиях развития общества и возрастающего спроса на сетевые источники распространения массовой информации, особое значение приобретают вопросы сохранения стабильности общественно-политических систем как гаранта социального порядка в государстве. Информация перестала быть просто источником сведений о происходящих в стране и в мире процессах. Развитие технологий мгновенного распространения и донесения информационного контента до целевой аудитории привело к тому, что информация трансформировалась в эффективный инструмент воздействия на массовое сознание, нередко приобретая форму акцентированной манипуляции общественным мнением. Активное применение инструментария СМИ значительно видоизменило содержание и направленность современных социально-политических конфликтов. Анализ социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве (2003-2018 гг.) показывает, что экономическая компонента перестала быть обязательным атрибутом детерминации революционного процесса и иных форм политических катаклизмов. Экономические противоречия в настоящее время перестали выступать необходимым условием возникновения конфликтности. В свою очередь, акцентированное негативное информационно-психологическое воздействие способно оказать влияние на сознание и поведенческие установки личности с последующим управлени-

ем реакцией индивида на происходящие события. Применение ресурса СМИ в данном случае будет выступать в качестве формы эскалации противоречий, вследствие чего конфликт приобретает радикальное содержание, хотя изначально объективные предпосылки к такому развитию сценария отсутствовали. Указанные тенденции сформировали потребность в корректировке направлений исследования радикальных социально-политических трансформаций, выступив источником возникновения социологии дестабилизации – принципиально нового направления в социологической теории.

Дестабилизация – комплекс технологий, приводящих социальную систему в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы либо трансформирует ее в неупорядоченное конфликтогенное состояние. Говоря о применимости данного понятия в отношении государства, необходимо отметить, что дестабилизация в указанных контекстах – это технология деструкции политической системы и экономического уклада с целью радикального преобразования путем приведения их в нестабильное (конфликтное) состояние. Результатом дестабилизации выступает полная радикальная трансформация правящей политической элиты либо системный кризис сложившейся модели управления [1].

Как показали примеры социально-политических конфликтов последнего десятилетия на постсоветском пространстве («Сиреневая революция» в Молдове 5-12 апреля 2009 г., «Дынная революция» в Киргизии 6 апреля – 15 июня 2010 г., «Евромайдан» в Украине 21 ноября 2013 – 23 февраля 2014, «Бархатная революция» в Армении 13 апреля – 8 мая 2018 г.), активное применение ресурса СМИ и социальных медиа привело к эскалации конфликтогенности в этих событиях. По мнению Л.Х. Ибрагимова, именно «с развитием информационно-коммуникативных технологий и становления глобального общества, усилилась роль экзогенных факторов, способных привести к дестабилизации политического режима. Современные коммуникационные технологии позволяют различным внешнеполитическим акторам дестабилизировать политическую ситуацию в необходимом регионе мира посредством искусственной дестабилизации действующей власти» [2, с. 25]. М.С. Ельчанинов отмечает, «в период бифуркации действует отчетливая закономерность: чем нестабильнее состояние кризисного общества, тем сильнее суггестивное воздействие СМИ на массовое сознание» [3, с. 75]. Описанные тенденции выступили источником формирования исследовательского поиска к феномену дестабилизации как принципиально новой стадии цикличного функционирования общества в период социально-политических противоречий.

В социологической теории изучение стабильного функционирования социальных систем нашло отражение в работах Н. Лумана, Т. Парсонса, К. Дэвиса и др. Фундаментальные труды классиков теоретического социологического знания посвящены аспектам достижения линейного равновесия системы, предполагающей социальное благоденствие и интегративный порядок внутренних взаимосвязей системы. При этом представителей системной теории отличало идеалистическое восприятие бесконфликтного функционирования общества. Данный недоста-

ток системно-стабильной модели, равно как и склонность современного общества к конфликтам, противоречиям и дестабилизациям отмечают в своих трудах Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Мертон, П. Сорокин. Социальная система имеет как явные, так и латентные дисфункции в мертоновской интерпретации, равно как социальные конфликты являются естественным состоянием общества (Л. Козер). Разрешение конфликтной ситуации обязательно приводит к последующей трансформации общественной системы, переходя на новый уровень развития (Р. Дарендорф). Также заслуживает внимания труды М.С. Ельчанинова, А.И. Пригожина, И. Стенгерс в области синергетики и самоорганизация социальных систем.

Формирование теоретико-методологического инструментария социологии дестабилизации и применения ресурса в СМИ в достижении нестабильного состояния политических систем выступает в качестве научно-теоретического развития концепции революции как радикальной формы трансформации общества. Если революция в классическом содержании выступает закономерным итогом развития исторического процесса и смены общественно-экономических формаций, то дестабилизация представляет собой комплекс организационно-технических мер, в том числе и акцентированного негативного информационного воздействия на сознание и поведенческие установки личности в условиях, когда видимых предпосылок к наступлению революции не существовало. Дестабилизация – это процесс умышленного акцентированного приведения общества в неупорядоченное состояние, результатом которого выступают социально-политические катаклизмы и иные девиации. Как отмечает И.В. Лиханова, «политическая нестабильность (дестабилизация) в отличие от неустойчивости политической системы, выражает кризисные ситуации иного порядка, необязательно сопровождающиеся логикой или преобразованием наличной политической системы, а скорее с серьезной перегруппировкой сил (например, правительственный кризис, вызванный внезапно сменой кабинета министров)» «неустойчивость означает, что система при внешних воздействиях переходит в другое состояние» [4, с.12]. Сама по себе дестабилизация как комплекс технологий, направленных на приведение сложившейся системы общественных отношений в деструктивное состояние, является реализуемой или с наиболее вероятной долей реализации при обязательном наличии дестабилизирующих факторов. Дестабилизирующие факторы – это необходимые условия структурно-содержательного стимулирования латентных форм конфликтности, наличие которых способствует реализации сценария дестабилизации социально-политической обстановки. Дестабилизирующие факторы выступают в качестве латентных форм потенциальной конфликтности. Перевод латентных форм в публичную сферу активизирует дестабилизирующий потенциал и общие процессы социальной напряженности в обществе. Редуцируя вышесказанное, необходимо отметить, что дестабилизирующие факторы – это условные нити, разрыв которых приводит к кризисному состоянию общества [1].

Постановка проблемы определения условных «нитей конфликта» находит отражение в работе Р. Дарендорфа. «Теперь постановка вопроса теории, - пишет немецкий социолог, - изменяется на более продуктивную: при каких условиях со-

циальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта?» [5, с. 144]. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, «...сначала процесс накопления неудовлетворенности идет медленно и подспудно, пока не происходит некоторое событие, которое играет роль своего рода спускового механизма, выводящего наружу это чувство неудовлетворенности» [6, с. 35]. В указанных контекстах дестабилизация выступает в качестве условного инструмента, который преобразует латентные противоречия в форму открытой конфронтации. Рассматривая вопросы условной «точки бифуркации» социально-политических противоречий, следствием которой выступают системные преобразования общества, необходимо отметить, что в научной среде также встречаются теории революционного процесса, не рассматривающие наличие условного «не-что» как обязательного атрибута радикальных трансформаций. Стремительно меняющаяся социальная структура и повседневные реалии не позволяют индивиду мгновенно адаптироваться к новым условиям, вследствие чего формируются революционные настроения как форма адаптации и поведенческой реакции на происходящее. «Принципиальный фактор устойчивости, – пишут И.В. Стародубровская и В.А. Мау, – структур и отношений, сложившихся в обществе – это их адаптивность, способность приспосабливаться к изменяющейся среде» [23, с. 29].

Помимо кризисного состояния экономики для проявления открытых форм конфликтности достаточно наличия дестабилизирующих факторов, которые посредством ресурса СМИ и иных технологий распространения негативного информационного контента в социальных медиа, приводят к дестабилизации общества. Дестабилизирующими факторами являются необходимые условия структурно-содержательного стимулирования латентных форм конфликтогенности, наличие которых способствует реализации сценария дестабилизации социально-политической обстановки. Конфликты и различного рода противоречия характерны в настоящее время для любого типа общества, однако для их явного визуального проявления необходимы соответствующие инструменты и технологии. Указанные тенденции обусловили необходимость формирования принципиально нового направления исследования радикальных форм социально-политических преобразований – социологии дестабилизации.

Библиографические ссылки

1. Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И., Булышко Д.М. Дестабилизирующие факторы современного мира: социологическое измерение / Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016-2020 гг. Минск : БГУ, 2018. С. 6-31
2. Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов : автореф. дис. ... канд. полит.наук : 23.00.02. М. 2016. 28 с.
3. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М. : КомКнига, 2005. 240 с.

4. Лиханова И.В. Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций : автореф. дис. ... канд. полит.наук : 23.00.02. М., 2010. 25 с.

5. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147

6. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Выпуск первый. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Нижний Новгород, Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. 82 с.

7. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М. : Вагриус, 2004. 512 с.

УДК 316.346.32-053.81+316.44

МОЛОДЕЖНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.А. Похомова

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
al.pokhomova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен молодежного волонтерства в ракурсе теории Питирима Сорокина о социальной мобильности и идеи о возможностях преобразования социального пространства силами неэгоистической любви. Автором делается предположение о том, что в современном обществе волонтерство как социальный институт также может выступать в качестве канала социальной мобильности, обладающего собственными фильтрами для перемещений по социальной лестнице. Данный канал мобильности наиболее актуален для молодежной социальной общности.

Ключевые слова: *социальная мобильность; П. Сорокин; каналы мобильности; волонтерство; альтруизм; мотивация волонтерской деятельности.*

YOUTH VOLUNTEERING AS A CHANNEL OF SOCIAL MOBILITY IN MODERN SOCIETY

A. A. Pokhomova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The phenomenon of youth volunteering from the perspective of Pitirim Sorokin's theory of social mobility and the idea of the possibilities of transformation of social space by power of altruistic love is conducted in the article. The author suggests that in modern society volunteering as a social institution can also act as a channel of social mobility with its own filters for moving along the social ladder. This channel of mobility is the most relevant for the youth social community.

Keywords: *social mobility; P. Sorokin; mobility channels; volunteering; altruism; motivation of volunteer activity.*

Находясь в социальном пространстве, человек занимает в нем некоторые социальные позиции в зависимости от «распределения прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [1, с. 97]. В силу того, что социальное пространство многомерно, человек может обладать целым набором социальных статусов. Одним из таких статусов является «волонтер». Эта социальная позиция подчеркивает взаимосвязь человека с такими группами как сотрудники общественного объединения, реципиенты, другие волонтеры организации, специалисты по воспитательной работе с молодежью и другие. По отношению к данным группам статус волонтера может быть постоянным или временным, формальным или неформальным. При этом важной особенностью волонтерской деятельности является ее безвозмездность, т.е. работа волонтера не предполагает вознаграждения. При этом популярность волонтерского движения растет во всем мире, в том числе и среди молодежи.

По данным отчета CAF «World Giving Index 2018», все большее число людей из разных стран мира желают работать волонтерами, причем речь идет об индивидуальном волонтерстве. По результатам исследования, мужчины чаще работают волонтерами, чем женщины (22,6% и 19,5% соответственно). На международном уровне увеличивается доля лиц в возрасте 15-29 лет, которые участвуют в волонтерской деятельности. С 2013 по 2017 год процент молодых людей, которые имеют опыт волонтерской работы, увеличился с 21% до 21,4% [2]. В Республике Беларусь при проведении крупных международных мероприятий активно привлекают волонтеров, как правило, из числа молодежи. Так, при проведении Чемпионата мира по хоккею с шайбой в Минске в 2014 году было привлечено около 1000 человек. В 2018 году для проведения международного музыкального конкурса детское «Евровидение» потребовалось 100 человек. В 2019 г. при проведении II Европейских игр в Минске задействованы 8 тысяч волонтеров [3].

Несмотря на безвозмездный характер труда волонтеров, волонтерство может выступать своеобразным каналом социальной мобильности, особенно для молодежи как социальной общности. П. Сорокин в исторической ретроспективе рассматривал в качестве каналов социальной мобильности различные социальные институты, такие как армия, церковь, образование, профессиональные и политические организации. При его жизни волонтерство как массовое явление только начинало зарождаться. В настоящее время отдельными учеными волонтерство рассматривается как самостоятельный социальный институт.

Как автор понятия «социальная мобильность», П. Сорокин рассматривает социальное пространство как многомерное и указывает на наличие социальных дистанций как между отдельными представителями общества, так и целыми социальными группами. Социальные дистанции могут проявляться как в горизонтальной плоскости, так и в вертикальной. Индивид может осуществлять перемещения внутри социального пространства, изменяя социальные дистанции с другими людьми. Сорокин писал: «дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономи-

ческий статус, его происхождение и т.д.» [1, с.97].

Помимо этого в зависимости от резистентности социальной системы может изменяться и интенсивность перемещений, т.е. социальной мобильности индивидов и групп. По мнению П. Сорокина, интенсивность измеряется в количестве слоев, которые преодолевает человек или группа [1]. Он отмечает, что преодоление слоев не является беспрепятственным процессом; он использует понятие «сито», или «фильтр» для обозначения способов и методов разделения людей и социальных групп на тех, кто может продвигаться по социальной лестнице вверх, и тех, кто должен остаться на более низких позициях. Таким образом, в соответствии идеями П. Сорокина мы можем говорить о возможности горизонтальной и вертикальной мобильности волонтеров. Первая возможна в форме территориальной мобильности: на данный момент существуют многочисленные программы, позволяющие работать волонтером в разных странах или на разных территориях в пределах одной страны. В качестве примера можно рассматривать программы «Эразмус+» (EVS - European Voluntary Service, или Европейская волонтерская служба), а также международные волонтерские лагеря. При этом, как и в любом другом канале мобильности, здесь существуют свои «фильтры» для социальных перемещений: для международного волонтерства – это, прежде всего, возраст, знание иностранных языков (как минимум, английского языка как базового). Как правило, для участников молодежных международных волонтерских программ есть возрастной ценз: в зависимости от проекта максимальный возраст участника может варьироваться от 25 до 30 лет.

Для людей не только молодого, но и зрелого возраста существуют возможности горизонтальной мобильности, связанные с осуществлением волонтерской деятельности, например, участие в проекте «Волонтеры ООН» (UNV – The United Nations Volunteers). Чтобы участвовать в международных волонтерских проектах ООН, необходимо соответствовать таким требованиям как возраст (25 лет и старше, верхней возрастной границы нет); образование (ученая степень или высшее образование); опыт работы (не менее двух лет работы в профессии); знание иностранных языков (как минимум одного – английского, испанского или французского). Кандидат должен поддерживать принципы волонтерства, иметь способности к адаптации, обладать отличными навыками межличностной коммуникации и лидерскими качествами [4]. Для участия в долгосрочных международных проектах помимо вышеуказанных одним из главных фильтров выступает мотивация.

Российские социологи по результатам всероссийского исследования 2017 г. выделили шесть основных типов мотивов волонтеров: «альтруистический, социальный, личностный, карьерный, мотив самоуважения и защитный» [5]. При этом необходимо помнить о том, что мотивация волонтеров разных возрастных групп будет отличаться. Как отмечают исследователи, альтруистические мотивы в большей степени присущи волонтерам третьего возраста, а социальные и карьерные – характерны для молодежной группы [5]. Социальные и карьерные мотивы перекликаются с такими функциями волонтерства по отношению к личности волонтера как коммуникативная и функция формирования социального капитала. Находясь в состоянии поиска своего призвания и места в социальной системе, об-

ладая при этом необходимыми временными ресурсами, молодой человек стремится расширить свои возможности, закрепить умения, сформировать новые навыки, укрепить знания, завести новые знакомства, «примерить» себя к разным социальным ролям, получить опыт работы. В странах с развитым волонтерским движением, как правило, существуют специальные документы, в которые волонтерские организации выставляют отметки о проделанной волонтером работе. Волонтеры могут указывать опыт добровольческой деятельности в резюме, ряд работодателей рассматривает подобный опыт в качестве преимущества при выборе кандидата. Волонтерские и другие общественные объединения могут предоставлять наиболее активным волонтерам положительные характеристики и рекомендательные письма во время вступительной кампании на некоторые специальности. При этом все преимущества и привилегии за волонтерство не должно влиять на мотивы людей заниматься волонтерской деятельностью. Основным мотивом должен оставаться альтруизм. Сам П. Сорокин обозначал альтруистическую деятельность как нелогичную, так как там, где присутствует логика, априори существует эгоистический интерес, личная заинтересованность в выгоде [6].

П. Сорокин как социолог большое внимание уделял вопросам воздействия неэгоистической любви на процессы трансформации общества, так как, проанализировав влияние политических и экономических факторов, не обнаружил среди них те, которые ведут общество к устойчивому, мирному и прогрессивному развитию. В то время как альтруизм, или неэгоистическая любовь, может стать тем инструментом, который поможет обществу развиваться в нужном ключе. Этот вывод ученый делает на основании анализа исторических событий и социологического анализа современной ему социальной реальности [7]. Соответственно, если альтруизм масс может оказывать позитивное влияние на прогрессивное развитие общества, но «проводники» альтруизма должны почитаться большинством и иметь высокий социальный статус. П. Сорокин приводит примеры исторических личностей, получивших общественное признание, т.е. повысивших свои социальные позиции, благодаря своей альтруистической деятельности: Святая Тереза, Махатма Ганди, Альберт Швейцер [6]. Каждый из персоналий по рождению имел разный социальный статус: А. Швейцер был рожден в семье бедного лютеранского пастора, Святая Тереза вместе с братом, сестрой и матерью после смерти отца жила достаточно скромно, М. Ганди родился в семье, принадлежащей к касте торговцев. Каждый из них смог добиться признания на международной арене благодаря альтруизму и бескорыстному служению людям. В настоящее время возможности перемещений для волонтеров не столь разнообразны. Как правило, опыт волонтерской деятельности в течение длительного периода времени, с одной стороны, формирует устойчивый интерес к социальным преобразованиям при помощи некоммерческого сектора, а, с другой стороны, позволяет применять и развивать свои навыки в качестве тимлидера, координатора проекта и т.д.

Таким образом, волонтерство позволяет продвигаться по социальной лестнице внутри общественного объединения и выполнять работу разного уровня сложности и разной степени ответственности: от волонтера общественного объединения до сотрудника этого же объединения на оплачиваемой должности; при

трудоустройстве опыт волонтерской деятельности может рассматриваться некоторыми работодателями как преимущество при прочих равных условиях. При этом при движении по социальной лестнице с использованием волонтерства как социальной лестницы в качестве фильтров могут выступать возраст, уровень образования, знание иностранных языков и другие. Интенсивность этого канала мобильности в современном обществе на данный момент невелика, так как в ряде стран, в том числе и в Республике Беларусь, волонтерское движение, его государственного регулирования и поддержка находятся на стадии развития.

Библиографические ссылки

1. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С.107-154.
2. CAF Research [Electronic resource] // Charities Aid Foundation. Mode of access: www.cafonline.org/about-us/research/caf-international-research-hub/ Date of access: 25.05.2019.
3. Стань волонтером! [Электронный ресурс] // Минск 2019 II Европейские игры. Режим доступа: <https://volunteers.minsk2019.by/ru>. Дата доступа: 08.06.2019.
4. Volunteer abroad with the UN [Electronic resource] // UN Volunteer. Mode of access: <https://www.unv.org/become-volunteer/volunteer-abroad>. Date of access: 02.06.2019
5. Почему волонтеры помогают чужим и не просят ничего взамен [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2018/02/01/pochemu-volontery-pomogayut-chuzhim-i-ne-prosyat-nichego-vzamen/> Дата доступа: 06.05.2019.
6. Sorokin P.A. The ways of altruistic growth // The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Philadelphia: Templeton Foundation Press, 2002. P. 152-313.
7. Сорокин П.А. Таинственная энергия любви (часть 1) // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 121-137.

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПОСТСОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю.Г. Сиверцев

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
yri-2008@yandex.by

Аннотация. В статье кратко раскрывается характеристика сущности таких категорий, как: «ментальные структуры» и «ментальность»; анализируется влияние ментальности на формирование жизненных смыслов у белорусских студентов постсоветского поколения.

Ключевые слова: *ментальные структуры; ментальность; трансформация ментальности; постсоветское поколение; студенческая молодёжь; жизненные смыслы студенческой молодёжи; нравственные и духовные ценности личности.*

TRANSFORMATION OF MENTAL STRUCTURES OF POST-SOVIET GENERATION OF STUDENTS

Yury G. Sivertsau

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article briefly reveals the characteristics of the essence of such categories as «mental structures» and «mentality»; analyzes the influence of mentality on the formation of life meanings of Belarusian students of the post-Soviet generation.

Key words: *mental structures; mentality; transformation of mentality; post-Soviet generation; student youth; life meanings of students; moral and spiritual values of the individual.*

Среди различных категорий молодёжи особое место отводится студенчеству. Олицетворяя будущую интеллектуальную элитарную часть общества, именно студенческая молодёжь выступает инициатором и подвижником важных социальных преобразований. Особо остро проблемы молодёжи проявляются во времена смены направленности и темпов социального развития в стране, изменения общественного и государственного устройства. В этих условиях наиболее отчетливо проявляются различного рода перемены, трансформации в характере взаимоотношений между поколениями, в содержании внутрисемейных, внутригрупповых отношений. Особое значение приобретает осмысление норм, регулирующих ценностные ориентации, влияющие на жизненные планы и поведение молодых людей.

Новые понимание и осознание приобретают вопросы воспитания, социализации, становления и развития молодого поколения. Студенческие годы совпадают с периодом самого интенсивного развития личности. Студенчество подвержено раскрепощенности (в хорошем смысле этого понятия), происходит изменение внутренней ментальности, внутренней свободы человека. В этот период особое значение уделяется правильному взаимодействию взрослых со студентами, их воспитанию, систематическому и целенаправленному влиянию на их духовное и физическое развитие для подготовки молодёжи к производственной, общественной и культурной деятельности, формированию целей и жизненных смыслов.

Анализируя трансформацию ментальных структур постсоветского поколения студенческой молодёжи, необходимо отметить, что проблема разобщенности поколений в той или иной форме и мере существовала всегда. Но в настоящее время, в период бурного развития цифровых технологий эта проблема ощущается наиболее остро. Подходы к изучению и систематизации ментальности и ментальных структур личности можно найти в зарубежных исследованиях Ф. Броделя, Дж.В. Берри, Ж. Дюби, а также в трудах современных российских и белорусских учёных (Г.В. Акопов, Г.М. Андреева, А.В. Брушлинский, Ж.М. Грищенко,

А.В. Горбачева, И.Г. Дубов, А.Н. Данилов, Т.В. Иванова, В.И. Пищик, В.Ф. Петренко, Т.В. Щелкова и др.).

Изучение проблемы исследования типов ментальности, представленные у поколений советских, переходных и постсоветских поколений, является интересной и не простой. И нельзя не согласиться, что «каждое молодое поколение, вступающее в самостоятельную жизнь, привносит в мир инновационные изменения, соответствующие духу эпохи. Более того, эти закономерные коррекции уходящей эпохи, несмотря на изначальный нигилизм представителей старших поколений, как правило, завершаются признанием последними своей неправоты. А выдвигаемые на авансцену истории молодежные ценности приобретают *инструментальную* значимость двигателей прогресса» [7, с. 114]. При этом ментальность мы определяем как сложную систему, которая интегрируется религиозной, этнической и социальной системами общества. Основу ментальности составляет согласованность доминирующих, нормативно закреплённых систем значений, смыслов и ценностей образа определенного поколения. И как справедливо отмечается учёными, изучающими формирование ментальности современных поколений, «кардинальной смены этих духовных и нравственно-психологических характеристик не происходит, здесь обязательно сохраняется преемственность» [8, с. 179]. Ментальные пространства представляют собой небольшие концептуальные структуры, возникающие в процессе как мыслительной, так и коммуникативной деятельности [3, с. 40]. Как известно, ментальные образования (составляющие) личности, позволяют контролировать и регулировать восприятие, понимание и интерпретацию человеком происходящих событий.

Заслуживает особого внимания интересная и глубокая, на мой взгляд, трактовка понятия «ментальность», которая освещается С.И. Алиевой: «Ментальность влияет на самооценку, формирует самосознание людей, обладает возможностями влияния на идентификацию человека с группой или со всем обществом. Ментальность есть следствие развития мышления, социально-психологических качеств человека в сочетании с генетическими особенностями и влиянием социальной среды. Каждое поколение (в демографическом смысле) обладает своим уникальным состоянием ментальности, как богатой основы для дальнейшего развития. Важной составной частью ментальности являются эмоционально-нравственный мир человека, его установки, когнитивные способности... Ментальность является своеобразным мостом между поколениями, который создает возможности для их связи, с целью обеспечения стабильности и дальнейшего развития, а также передачи необходимой информации об этническом и социальном самосознании. Ментальность – это социальные навыки и духовные идеи, определенный образ мысли, совокупность умственных умений и навыков, присущих отдельному человеку, общественной группе или народу, сюда входит все умственное развитие, установки личности или группы, на нее влияют традиции культуры. Как уровень мыслительной деятельности, ментальность выражает накопленные представления и мнения о действительности, в числе которых есть индивидуальные черты, свойственные отдельному человеку, объединяющие отдельную группу качества и те, которые присущи всем людям, всему человечеству» [8, с. 179]. Специалисты (социологи, педа-

гоги-психологи, преподаватели, учителя), взаимодействующие с молодёжью отмечают, что от того, как устроены ментальные структуры, зависят конкретные проявления интеллектуальной активности личности и, более того, личностные свойства и характеристики социального поведения человека.

Исследование ментальных структур современной студенческой молодежи (постсоветское поколение) наиболее интересно, так как нынешнее время стремительного развития информационных технологий и постоянное их совершенствование, оказывает существенное влияние на человека. Ментальные структуры составляют основу индивидуального ментального опыта человека. Основными показателями ментальности личности является «самосознание, самооценка, идентичность, социальные установки и интересы, их направленность» [8, с. 180]. Ментальные структуры личности можно рассматривать как систему социально-психических образований, которые в условиях познавательного контакта с действительностью обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях и их анализ, а также способностью оценивать, прорабатывать и усваивать информацию, получаемую из социума.

Психологи и социологи характеризуют ментальные структуры как фиксированные формы опыта, обладающие определёнными свойствами и характеристиками (репрезентативностью (типичностью), многомерностью (каждая ментальная структура имеет некоторое множество понятий и принципов; результативностью; системностью; способностью к упорядочению и контролю способов восприятия действительности).

Однако главная особенность ментальных структур заключена в самом механизме их функционирования. Иными словами, ментальные структуры - это своеобразные психические механизмы, в которых в «сжатом» виде представлены имеющиеся, реальные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые при столкновении с любым внешним воздействием могут раскрывать особым образом организованное ментальное пространство. Ментальное пространство, безусловно, не является аналогом пространства физического. Более детальное исследование вопроса о том, почему постсоветское поколение студенческой молодежи по-разному ментально видит и анализирует происходящее, привело многих исследователей к важному выводу о том, что фактор знаний и фактор репрезентационных способностей играют разную роль в организации интеллектуального отображения. Это позволяет моделировать эффективные интеллектуальные способы взаимодействия с окружающими. Человек с интеллектом (в данном случае речь идёт о студентах) думает о своих действиях, когда они являются одним из средств достижения поставленной цели. Интеллект - это уникальный психический механизм, который позволяет человеку увидеть мир таким, каков он есть в своей действительности. Правда, кто-то смотрит на этот мир через узкую щель, а кто-то - через раскрытое настежь окно, кто-то видит мир широко и ясно до самого горизонта, наконец, кто-то может увидеть даже то, что находится за горизонтом (людей с таким типом мышления обычно называют гениями).

Для осуществления изучения трансформации ментальных структур студентов постсоветского периода с целью выявления сходства и различия между поко-

лениями, используя сравнительный анализ, необходимо выяснить не только установки и мотивацию в определенных сферах деятельности (например, в период обучения в высшем учебном заведении), но и рассмотреть жизнедеятельность молодёжи в социуме.

Библиографические ссылки

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М. :Аспект Пресс, 2000. 288 с.
2. Акопов Г.В., Горбачева А.В. Социальная психология студента как субъекта образовательного процесса. М. : Машиностроение-1, 2003. 280 с.
3. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Ватериальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVII вв. В 3-х томах. Т.1. М. : Прогресс, 1986. 623 с.
4. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies. // *Applied Psychology*. 1989. Vol.38, p.185-206.
5. Дюби Ж. История ментальностей // Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : РАН, Ин-т всеобщ. истории : РГГУ, 1996. 255 с.
6. Дубов И.Г. Социально-психологические аспекты активности. СПб : Нестор-История, 2012. 536 с.
7. Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение социальной аномии под прицелом «организованного скептицизма» // Журн. Белорусского госуд. ун-та. Социология. 2019. №1. С.113–123.
8. Алиева С.И. Особенности формирования ментальности современных поколений // АНИ: педагогика и психология. 2016. Т.5. № 2. с.179-182.
9. Пищик В.И. Трансформация ментальности: Системный подход. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 400 с.
10. Пищик В.И. Типология ментальности советских и постсоветских поколений // Российский психолог. журнал. 2010. Т. 7, № 3. С.18-22.
11. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 351 с.

УДК 378(476)

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Л.Г. Титаренко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
larissa@bsu.by

Аннотация. Белорусское общество ориентировано на инновационное развитие и цифровизацию экономики. Для достижения этих амбиционных целей нужно опираться на качественное высшее образование, лежащее в основе современного социального развития. В сфере высшего образования Беларуси актуальные задачи включают модернизацию содержания и форм образования, развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского союза и Болонского процесса, рост экспорта образовательных услуг,

внедрение модели университета 3.0. Глобальные вызовы сфере высшего образования проявляются в снижении престижности знаний в связи с массовизацией и доступностью высшего образования, нежелании молодежи заниматься научной работой из-за низкого уровня финансирования данной сферы, высокой бюрократизации данной сферы и нарастании авторитарных тенденций. Ответы на эти вызовы невозможно найти в рамках одной страны: нужны совместные подходы и кооперация стран для снижения рисков и достижения поставленных задач.

Ключевые слова: *высшее образование; социология; глобальные вызовы, интернационализация, бюрократизация, престижность знаний.*

NEW HORIZONS AND CHALLENGES IN THE HIGHER EDUCATION

L.G. Titarenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Belarusian society is focused on innovative development and digitalization of the economy. Achievement of these goals assume high-quality higher education which lies at the heart of modern societal development. Current tasks in Belarusian higher education include modernization of the content and forms of education, development of integration processes within the Eurasian Union and the Bologna process, growth of educational services, and implementation of the model “university 3.0”. Global challenges to higher education are manifested in the decline of the prestige of knowledge due to the massification and accessibility of higher education, the unwillingness of young people to engage in science due to the poor funding in this area, growth of authoritarian tendencies and the high level of bureaucratization of this area. Answers to these challenges cannot be found within one country: they demand joint approaches and cooperation helping to reduce risks and achieve the goals.

Keywords: *higher education; sociology; global challenges; internationalization; bureaucratization; the prestige of knowledge.*

Для того, чтобы успешно отвечать на вызовы глобализации, система высшего образования требует расширения горизонтов образовательной деятельности за счет модернизации его содержания и управления. Важным аспектом модернизации высшего образования стала интернационализация, т.е. процесс встраивания систем высшего образования разных стран в мировую практику. Ожидаемыми результатами интернационализации служат высокий уровень международной академической мобильности студентов и преподавателей, международная сопоставимость учебных программ и всей системы образования, эффективное международное взаимодействие для повышения качества образования на региональном и международном уровнях. Международная интернационализация высшего образования позитивно влияет на конкурентоспособность стран и регионов, участвующих в этом процессе, способствует притоку финансов из-за рубежа.

Образовательная интернационализация и международная интеграция – это серьезные вызовы системе высшего образования Беларуси: без их развития национальные университеты могут потерять студентов, которые имеют теперь возможность выбирать вуз как внутри страны, так и за рубежом. В своем выборе студенты ориентируются на репутацию университета, международные рейтинги,

международную аккредитацию вуза, возможности будущего трудоустройства. Не случайно ведущие вузы США и Канады, успешно практикующие экспорт образовательных услуг, имеют до 80% иностранных студентов. Международный диплом выше ценится при приеме на работу: работодатели все чаще обращают внимание на наличие международного опыта обучения и стажа работы у молодого специалиста, т.к. сегодня высоко котируется умение легко адаптироваться к новым условиям, знание мирового культурного разнообразия.

Эффективность процессов интернационализации имеет много составляющих: 1) акцент на экономические мотивы (желание системы образования повысить конкурентоспособность), 2) превращение образовательных услуг в бизнес, в международный экспорт услуг, 3) потребность в разработке правовой основы интернационализации высшего образования, принятии стандартов его оценивания, организации и регулирования, 4) образование союзов и объединений университетов разных стран, усиление роли государственных институтов, становящихся субъектами интернационализации образования, 5) развитие не только рынка образовательных услуг для студентов, но и совместных научных исследований, других форм международного сотрудничества, 6) разработка разнообразных форм интернационализации высшего образования с учетом интересов потребителей.

Универсальной модели интернационализации высшего образования нет: каждая страна ориентируется на образцы, которые могут дать эффект в их конкретных социально-экономических и культурных условиях. Однако в любой модели, при сохранении национальных центров принятия решений в системе высшего образования, появляются возможности эффективного взаимодействия университетов и на межнациональном уровне. Беларусь развивает интернационализацию высшего образования посредством участия в процессах международной интеграции, главные из которых – европейская (включение в Болонский процесс) и евразийская (в рамках стран Евразийского экономического союза). Междусторонние связи развиваются также со странами вне этих объединений (т.н. «восточное» направление). Вместе с тем, в реализации разных форм интернационализации образования в Беларуси остаются проблемные зоны. Рассмотрим их, опираясь на данные эмпирического исследования, проведенного в 2018 г.

Популярной формой является международная мобильность студентов. Она осуществляется через программы Эразмус плюс и Болонские соглашения. Однако обмены остаются малочисленными. Основным препятствием на пути развития мобильности являются ограниченные финансовые возможности государства и населения. Однако развита самостоятельная мобильность студентов вне указанных программ. В Беларуси по таким каналам только в 2014/2015 учебном году за рубежом обучалось 36 тыс. чел. Многие студенты хотят получать образование на английском языке, считая такой диплом самым перспективным. Исходя из соотношения мобильности по государственным и частным каналам можно сделать вывод, что на этот процесс больше влияют рыночные процессы, чем государственная политика. Возможно, по этой причине возрастает угроза утечки мозгов: после обучения за рубежом молодежь не возвращается на родину.

Приток студентов-иностранцев в Беларусь пока невелик. Так, в 2016/2017 учебном году по программам въездной мобильности обучались 15971 чел. [1]. Это меньше 5% общего числа студентов в республике, а по европейским стандартам въездная мобильность становится экономически эффективной, когда доля таких студентов составляет 10-15%. Мобильность преподавателей также недостаточно развита: преобладают краткосрочные поездки, мало способствующие повышению квалификации преподавателей. Поэтому в целом оценка студентами и преподавателями такой мобильности позитивная, но невысокая [2].

Программы студенческой и преподавательской мобильности развиваются в целях стимуляции интернационализации учебных планов и программ, внедрения изменений в учебные планы сотрудничающих университетов. Новый вызов в связи с этим состоит в том, что Беларусь не хочет слепо перенимать чужие стандарты интернационализации и отказываться от своих национальных традиций. Однако при этом признается безусловная необходимость внедрения в практику новейших информационных технологий, часто разработанных за рубежом, обновление учебной информации, учет запросов рынка. При этом следует помнить, что односторонний вектор интернационализации образования всегда предполагает адаптацию чужих стандартов, что неприемлемо для нашей страны. Даже внутренняя чрезмерная стандартизация высшего образования, попытка его полной унификации во всех вузах может привести лишь к тому, что будет выхолощена специфика вуза, его преподаватели не смогут проявлять творческую инициативу в разработке собственных средств и методов работы со студентами, развивать у студентов инициативность и креативное мышление. Акцент на менеджменте образования вместо фокуса на развитие творческих подходов в преподавании, ориентированных на результат (инновационное мышление студентов, умение креативно решать новые задачи и т.п.), тормозят развитие и бюрократизируют высшее образование.

Еще одна проблема – внедрение ступени магистратуры без достаточной проработки ее содержания и качественного отличия от первой ступени образования. Недостаточно продуманный переход на болонскую схему первых двух ступеней высшего образования (3+2), открытие магистратуры в вузах, где для нее нет материальной базы и человеческих ресурсов привели на данном этапе к сокращению Министерством образования сроков магистратуры до одного года. Однако и это пока не расширяет горизонты образования: нынешняя магистратура ориентирована только на дальнейшее продолжение учебы, тогда как в других странах она является частью полного высшего образования, и без нее выпускник не может рассчитывать на хорошее трудоустройство. Осталась не решенной проблема контроля за самостоятельной работой магистрантов и ее качественное отличие от первой ступени высшего образования.

Имплементация второго уровня высшего образования выявила проблемы как по форме, так и по наполнению его конкретным содержанием. Главный вызов эффективности работы магистратуры в том, что на белорусском рынке труда пока нет четкого представления (и соответствующего документа) о том, как должны отличаться специалисты с дипломом первой и второй ступени, какие

конкретные преимущества дает вторая ступень ее обладателям. Это вопросы, решение которых выходит за рамки системы высшего образования, однако из-за их нерешенности магистратура не может эффективно функционировать.

Модернизация национального образования, необходимость роста его качества в соответствии с международными стандартами остаются вызовами, но требуют тонкой «наладки» системы, а не «подгонки» под некие «универсальные образцы», которых современная социология уже не признает «моделями, пригодными для всех стран» [3]. В Беларуси для обеспечения доступности качественных образовательных программ, которых нет в наличии в том или ином университете, рекомендуется шире развивать дистанционное образование (напр. MOOC), разрабатывать такие программы в ведущих вузах страны. Другой путь – подключаться к международным дистанционным программам на английском языке. Такой положительный опыт уже накоплен. Он позволяет студентам одновременно совершенствовать знание иностранного языка и изучать новые дисциплины.

Интернационализация проявляется в открытии филиалов своих университетов за рубежом, однако пока такая форма не получила развития в Беларуси. Открытие филиалов за рубежом или внедрение совместных с зарубежными вузами программ обучения повышает конкурентоспособность национальных университетов, хотя и требует дополнительных финансовых затрат и времени на согласование таких программ, разработку систем управления качеством этих программ, их международной аккредитации, подготовку и переподготовку преподавателей для работы в таких условиях.

Ответом на глобальные вызовы интернационализации образования стало открытие совместных международных университетов, которые выдают дипломы университетов двух стран. Пока это только Белорусско-российский университет, что явно недостаточно, т.к. в таких университетах легче внедрять инновационные программы, внедрять лучший опыт других стран. Студентов привлекают и двойные дипломы, в связи с чем в БГУ уже открыты первые магистерские программы сотрудничества с отдельными зарубежными вузами. Для эффективной интернационализации национальных университетов необходима гармонизация систем высшего образования в рамках тех международных образовательных союзов, куда входит Беларусь. Прежде всего, это единое пространство высшего образования стран, входящих в Болонский процесс, которое предполагает, кроме унификации образовательных программ и ступеней образования, взаимное признание дипломов выпускников стран-участниц, процессуальную легкость их устройства на работу (равный доступ к ней всем выпускникам с аналогичными дипломами). Именно на эти цели непосредственно направлены документы в рамках Болонских соглашений, которые способствуют подготовке специалистов для единого рынка труда и свободного перемещения рабочей силы в странах Евросоюза. Студенты постсоветского региона, включаясь в эту систему, должны быть ориентированы на применение своих квалификаций на родине, поэтому в рамках ЕАЭС тоже следовало бы больше внимания обращать на важные аспекты унификации высшего образования, позволяющие без проблем признавать ди-

плумы в разных странах этого союза. Поскольку легче всего стандартизировать структуру учебного года и систему оценок знаний, целесообразно начать с этих аспектов. В настоящее время в Беларуси действует 10-балльная система оценок, в России сохраняется 5-балльная система оценивания, в других странах имеются и 100-балльные системы. Подобные различия могут затруднять гармонизацию функционирования университетов внутри единого образовательного пространства в Евразийском союзе. Качество образования также может оцениваться по-разному, поскольку общепринятых критериев его оценки не существует; содержание аналогичных образовательных курсов тоже разное.

Еще один вызов системе высшего образования Беларуси – попытка унификации внедрения в практику модели университета 3.0, для успеха которой требуется дифференцированный подход, хорошая материально-техническая оснащенность университетов, их налаженные связи с бизнесом и четкое представление о целях данного эксперимента: получение прибыли либо формирование молодых специалистов, адаптированных к труду в конкретном секторе экономики в условиях ее постоянного развития. Модель университета 3.0, как и всякая другая, не универсальна, а ее использование предполагает наличие ряда условий, изложенных в теории и многократно подтвержденных зарубежной практикой [4]. Перевод на эту модель классических университетов без предварительного достижения всех условий может принести эффект только в отчетах, но не сделает всю систему высшего образования более эффективной и открытой новым глобальным вызовам. Везде в мире в процессе модернизации высшего образования создается качественно новое образовательное пространство, которое включает много компонентов (научно-исследовательский, экономический, политический, организационный, культурный и др.), и ни один не может доминировать. Нынешняя система образования с ее массовизацией ориентирована на потребности абитуриентов, но не работодателей и рынка, ее изменение только за счет внедрения предпринимательской модели университета невозможно: требуются изменения в других сферах жизнедеятельности общества. Поэтому вызовы системе высшего образования без таких изменений могут нарастать и обостряться.

Библиографические ссылки

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь. Минск, 2018
2. Модернизация систем высшего образования Беларуси и Армении в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: проблемы и перспективы / Л. Г. Титаренко [общ. ред.]. Минск : БГУ, 2019. 175 с.
3. Hanafi S. Global Sociology – Toward New Directions. Global Dialogue. [Electronic resource]. Mode of access: <http://globaldialogue.isa-sociology.org/> Date of access: 27.05.2019.
4. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: ГУ-ВШЭ, 2011. 240 с.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦЕННОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНФЕССИЙ БЕЛАРУСИ

Е.В. Шкурова

Институт социологии Национальной Академии наук Беларуси
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь
vogel_82@mail.ru

Аннотация В статье представлены результаты оценки последователями различных конфессий Беларуси значимости религии в собственной жизни. Данная оценка является одним из показателей многомерной модели религиозности, используемой для изучения поликонфессиональной среды.

Ключевые слова: *религиозность; многомерная модель религиозности; кросс-конфессиональный подход; степени религиозности; типы религиозности; оценка значимости религии.*

RELIGIOUS SYSTEM ELEMENTS THROUGH THE PRISM OF VALUE PERCEPTION OF THE CONFESSIONAL FOLLOWERS IN BELARUS

A.Shkurova

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus
Surganov str., 1, bld. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article presents the results of evaluating the significance of religion in their lives by followers of various confessions in Belarus. This assessment is one of the indicators of the multidimensional model of religiosity used to study the multi-confessional environment.

Key words: *religiosity; multi-dimensional model of religiosity; cross-confessional approach; degrees of religiosity; types of religiosity; evaluation of the value of religiosity.*

Поликонфессиональность религиозной среды белорусского общества и доминирование качественных аспектов трансформации религиозного поля Беларуси актуализируют вопрос о поиске исследовательских подходов, обеспечивающих возможность сопоставления характеристик религиозной вовлеченности в рамках дифференцированной религиозной ситуации. Решение данной задачи обеспечивается в рамках многомерного кроссконфессионального подхода к изучению религиозности. Построение многомерной модели, лежащей в основе данного подхода осуществляется в Республике Беларусь с 2012 г. [1, 2, 3]. В теоретическом плане модель основывается на предельно широкой трактовке религии как системы трех измерений, характеризующих особенности религиозных представлений, деятельности и институтов, вовлеченность в каждое из которых позволяет фиксировать внешнюю артикуляцию внутреннего религиозного опыта. В методологическом аспекте модель строится на основе системы показателей, позволяющих выявлять степени вовлеченности последователей конфессий в каждое из измерений рели-

гии, что в совокупности позволяет охарактеризовать типы религиозности, сложившиеся в современном белорусском обществе.

Теоретико-методологические особенности модели позволяют применять ее для изучения не только устойчивых религиозных традиций, но и аморфных движений, сред. Универсальность показателей обеспечивает ее применимость для исследования многообразных конфессий, независимо от их вероучительных особенностей, что актуально для поликонфессионального пространства.

В эмпирическом плане исследование также охарактеризовалось рядом специфических черт, связанных с особенностями его организации и проведения. Во-первых, в качестве объекта исследования рассматривалось религиозное население страны, т.е. последователи традиционных для Беларуси конфессий, законодательно признанных в качестве культууроформирующих (к которым, согласно преамбуле Закона Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. №2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях», относятся Православная церковь, Католическая церковь, Евангелическо-лютеранская церковь, иудаизм и ислам [4]), конфессий имеющих определенную историю присутствия на территории Беларуси (длительную (более двух веков): старообрядческая церковь, греко-католическая церковь, пресвитерианская церковь; присутствующих в Беларуси с XX века: христиане адвентисты седьмого дня, христиане веры евангельской, евангельские христиане баптисты), религиозных направлений, относительно новых для Беларуси, как имеющих государственную регистрацию (армянская апостольская церковь, реформатская, иоганская, новоапостольская церкви, христиане полного Евангелия, церковь Христова, прогрессивный иудаизм, свидетели Иеговы, мормоны, гадуйшанавы, бахаи, буддизм и т.д.), так и не имеющих таковой (например, язычество). Во-вторых, для реализации кросskonфессионального подхода при разработке инструментария его положения согласовывались с представителями аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь, Белорусского государственного университета, а также специалистами (руководителями и/или священнослужителями) конфессий. В-третьих, особенностью опроса стала организация опросной сети, в качестве которой выступили религиозные организации, поскольку религиозное население концентрируется именно в них. Для охвата носителей различных типов религиозности, опрос проводился в дни праздничных и крупных священнослужений или культурных мероприятий религиозных общин, когда собирается большое количество не только активных последователей, но и нерегулярных, а также редких и даже случайных (в том числе и нерелигиозных) посетителей.

В результате в ходе республиканского исследования методом анкетного опроса во всех областях Беларуси опрошено 2723 респондента, из них 2013 представителей традиционных доминирующих конфессий (православие, католицизм), 710 – других конфессий. Отбор респондентов проводился пропорционально численности зарегистрированных религиозных организаций в каждой из областей.

Религия, в том числе и в белорусской среде, не всегда выступает явным механизмом социальной регуляции и воздействия, однако ее латентное присутствие ощущается в обществе всегда. Индивид зачастую сталкивается с вопросом о своей

мотивации в включения в религиозную систему и той роли, которая она играет в его жизни. Это в свою очередь актуализирует проблематику изучения ценностных аспектов отношения к религии. В рассматриваемой многомерной кроссконфессиональной модели изучения религиозности универсальность выстроенных показателей обеспечивает возможность как их самостоятельного рассмотрения, так и сопоставления по ним характеристик вовлеченности последователей различных конфессий в религию. Одним из них, который характеризует ценностно-мировоззренческий аспект конфессиональной вовлеченности, выступает значимость религии, которая в данном случае рассматривается в контексте восприятия последователями основных традиционных конфессий Беларуси (православие, католицизм и ислам).

Показатель значимости религии является одним из компонентов интегральной характеристики религиозной вовлеченности, выявляющей определенность религиозной позиции респондента. В качестве одного из показателей комплексной модели исследования религиозности выступает оценка респондентами значимости религии, отражающая (наряду с другими показателями) определенность религиозной позиции. Она выявляется на основе ряда переменных, характеризующих определение значения религии в жизни респондента, его готовность к самоотдаче в следовании религии, а также вероятность отказа от своей религии при определенных обстоятельствах.

В данном случае производится сопоставление оценки роли религии в жизни респондента с вероятностью отказа от нее. Такая форма конструирования показателя позволяет выявить качественные параметры религиозности, когда декларируемая значимость соотносится с наиболее зрелой позиции (которая самокритична, когда индивид не дает пустых обещаний): как правило, индивид не готов отказываться от своих религиозных установок (на общемировоззренческом уровне), но идейно вовлеченный человек осознает относительность внешних обстоятельств.

В решении вопроса о значении религии в их жизни существенно различаются позиции религиозного населения в целом и последователей христианских конфессий с последователями ислама. Ответы первых трех категорий респондентов распределились преимущественно между двумя позициями: отношение к религии как к ценностному ориентиру (43,5 % религиозного населения, 46,5 % и 49,1 % последователей православия и католицизма соответственно) и как к определяющему жизненному смыслу (40,6 %, 42,1, % и 39,3 %). Заметно меньшее число ответивших воспринимают религию как символ культурно-исторической идентичности – 12,3 % религиозного населения, и еще меньше последователей православия (7,8 %) и католицизма (8 %). Позиция мусульман отличается от описанных тенденций в обратную сторону: 40,4 % опрошенных указали на значимость религии в качестве символа культурно-исторической идентичности, примерно по две трети респондентов относятся к религии как к ценностному ориентиру или как к определяющему жизненному смыслу. Данный факт, вероятно, обусловлен социокультурными условиями внедрения и адаптации ислама в белорусском религиозном поле. Остальные респонденты предложили другой вариант ответа или затруднились с ним.

Эти данные могут быть в определенной степени идеализированы, поскольку получены на основе самоотчета респондентов. В этой связи для проверки устойчивости ценностной позиции можно сопоставить их со значениями переменной, определяющей вероятность отказа от религии при определенных условиях. Порядок организации опроса предполагал включение в состав респондентов лиц разной степени религиозной вовлеченности. В связи с этим в ходе конструирования показателя предполагалась значительная дифференциация ответов. Однако, по результатам опроса позиции как религиозного населения, так и последователей всех конфессий разделились полярно и при этом крайне неравномерно: около 90 % от общего числа респондентов. В том числе в рамках конфессиональных категорий, не допускают возможности отказа от религии, около 3-4 % – признают ее. Для данного вопроса довольно высоким оказался и процент отказа от ответа.

В целом на вопрос об обстоятельствах отказа от своей веры (религии) смогли ответить: 84,8 % религиозного населения от соответствующего числа респондентов, допустивших эту возможность в принципе (3,49 % от общего числа опрошенных); 88,6 % последователей православия (2,41 %); 68,4 % последователей католицизма (1,79 %). При этом из них 11,6 % (0,48 % от общего числа опрошенных), 5,7 % (0,16 %) и 15,8 % (0,41 %) затруднились с ответом. Можно предположить, что не объяснившие причин и затруднившиеся с ответом вместе образуют группу тех, кто либо не готов пока брать на себя религиозные обязательства, либо вообще не считает религию серьезной жизненной темой, а те респонденты, которые пытаются определить причину отказа от своей веры действительно сознают, что значит быть религиозными, и открыто свидетельствуют о своей личной пока еще несоразмерности этой позиции. От описанной ситуации отличается позиция последователей ислама, среди которых большее число респондентов попытались определиться с выбором причины отказа от своей веры, по сравнению с числом тех, кто ответил на вопрос утвердительно, тем не менее в общей численности опрошенных их доля невелика (5,83 %). Среди них также не оказалось затруднившихся с ответом на вопрос. Конкретные причины отказа от своей веры (религии) из допустивших его смогли назвать 73,2 % религиозного населения (3,01 % от общей численности опрошенных), 82,9 % (2,25 %) последователей православия, 52,6 % (1,38 %) последователей католицизма и 140 % (5,83 %) последователей ислама. Основными мотивационными механизмами отказа от своей религии, указанными респондентами являются: сознательный уход или реконверсия, а также угроза собственной жизни или жизни близких. Менее значимым фактором отказа от веры является неспособность противостоять жизненным обстоятельствам. На последнем месте – вероятность нехватки сил следовать религиозному идеалу, а последователями католицизма и ислама эта позиция не рассматривается вообще.

Общая характеристика ценностного восприятия религии населением и последователями конфессий позволяет судить, что религиозная система зачастую воспринимается ими как некая авторитетная нормативная инстанция, задающая определенный идеал, нормативную рамку деятельности, не переходящую в пласт внутренних смыслов. Это говорит о популяризации такой стратегии отношения к религии, которая связана со стремлением присоединиться к ней как общественно

одобряемой норме либо с абстрактным признанием идеалов религии без намерения следовать им. Такая ситуация часто сопровождает процессы ценностной дезориентации в обществе, аномические социальные состояния, которые вызывают потребность в поиске социальных регуляторов, нормативов, одним из которых и становится религия, обеспечивающая не свойственную ей, смыслозадающую, функцию, а выступающая в качестве механизма социального контроля.

Библиографические ссылки

1. Карасева С.Г., Шкурова Е.В. Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация / Социология. 2012. № 3. С. 123-133.

2. Карасева С.Г., Шкурова Е.В., Шатравский С.И. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси / Журнал Белорусского государственного ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 103-110.

3. Карасева С.Г., Шкурова Е.В., Шатравский С.И. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих / Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 49-70.

4. О свободе совести и религиозных организациях. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. №2054-XII (в редакции Законов Республики Беларусь от 17 января 1995 г. № 3533-XII; от 29 ноября 1999 г. № 327-З; от 31 октября 2002 г. № 137-З; от 21 июля 2008 г. № 416-З; от 4 января 2010 г. № 109-З; от 22 декабря 2011 г. № 328-З. Зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов 16.03.2001 № 2/366) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=V19202054>. – Дата доступа: 06.06.2019.

5. Костюкевич Н.В. Беларусь впервые всесторонне изучат религиозность населения // Новости TUT.by [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.tut.by/society/311911.html>. Дата доступа: 06.06.2019.

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

УДК 159.9

КОМПОНЕНТЫ НЕАДЕКВАТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОБЛЕМЕ ПРИ ЗАВИСИМОСТЯХ

А.И. Авин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
avin-a@mail.ru

Аннотация. В работе раскрывается сущность и значение неадекватного отношения к проблеме при зависимостях. Используется понятие «позиция аддикта», которое включает искаженные представления о проблеме, стиль жизни с безразличием к традиционным ценностям, патологические установки, психологические защиты. Описано манипулятивное двухвариантное поведение аддиктов, включающее нездоровые созависимые отношения и аффективные реакции, обнажающие психологические защиты. На ранних этапах психологической коррекции зависимостей работа со всеми указанными компонентами неадекватного отношения к проблеме имеет решающее значение и является обязательным условием достижения терапевтического альянса и формирования мотивации к изменениям.

Ключевые слова: *зависимость; психологическая коррекция; искаженные представления; стиль жизни; патологические установки; психологические защиты.*

COMPONENTS OF INADEQUATE ATTITUDE TO THE PROBLEM IN ADDICTS

A.I. Avin

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The paper reveals the essence and significance of the inadequate attitude to the problem in addicts. The term «addict position» is used, which includes distorted ideas about the problem, lifestyle with indifference to traditional values, pathological attitudes, psychological defenses. A manipulative two-variant addictive behavior is described, including unhealthy co-dependent relationships and affective reactions that expose psychological defenses. In the early stages of psychological dependency correction, working with all the above components of inadequate treatment of the problem is crucial and is a prerequisite for achieving a therapeutic alliance and forming motivation for change.

Key words: *addiction; psychological correction; distorted ideas; lifestyle; pathological attitudes; psychological defenses.*

Понимание сущности неадекватного отношения к проблеме в переживаниях человека, страдающего зависимостью, дает возможность разрабатывать эффек-

тивную психотерапевтическую тактику, направленную на осознание проблемы и формирование мотивации к выздоровлению. Невозможно дать точную оценку распространенности зависимостей, но масштаб проблемы и ее социальное значение не вызывают сомнений. Структура зависимостей в настоящее время видоизменяется: вместо преобладавших ранее химических (алкогольной и наркотической) лидирующее положение среди лиц молодого возраста в последние годы занимают виртуальная и пищевая аддикции [1]. При всем многообразии вредных привычек есть одно общее, что объединяет их носителей – те особенности личности, которые формируют предрасположенность к зависимому поведению. И тогда мы можем наблюдать, что даже в благоприятных социальных условиях человек рискует стать аддиктом, и наоборот, человек не являющийся носителем аддиктивных черт личности устойчив даже в неблагоприятных условиях внешней среды. Наблюдаются также трансформации одной зависимости в другую, наиболее частые из которых: алкогольная в трудовголизм, наркотическая – в религиозную. Все вышеуказанное говорит о наличии базовых компонентов личности, детерминирующих зависимое поведение.

В.Д. Менделевич [2] выделяет следующие черты зависимой личности: инфантильность; внушаемость и подражательность; прогностическая некомпетентность; ригидность и упрямство; наивность, простодушие и чувственная непосредственность; любопытство и поисковая активность; максимализм; эгоцентризм; яркость воображения, впечатлений и фантазий; нетерпеливость; склонность к риску и «вкусу опасности»; страх быть покинутым. С практической точки зрения целесообразно отталкиваться не от свойств зависимой личности, а от тех искаженных представлений, которые формируются и закрепляются по мере их прогрессирования. Можно провести аналогию с таким важным общемедицинским понятием, как внутренняя картина болезни (ВКБ). Внутренняя (субъективная картина болезни) представляет собой переживания больного по поводу болезни, совокупность ощущений и общее самочувствие, представления о причинах болезни [3]. Представления о болезни в рамках ВКБ могут быть в той или иной степени искажены или быть полностью ложными. Точно так же и при зависимостях наблюдается та или иная степень неадекватности в представлениях о проблеме вплоть до грубого искажения, называемого анозогнозией (от греч. *α* – отрицание, *posos* – болезнь, *gnosis* – познание).

Применяя аналогичную парадигму к зависимостям, мы используем понятие «позиция», впервые предложенное И.С. Павловым [4] применительно к больным алкоголизмом. По его мнению алкогольная позиция включает в себя искаженное восприятие своей алкоголизации, стремление действовать в любых ситуациях алкогольным образом (обеспечивая приобретение и прием спиртного), механизмы психологической защиты, перенос актуальной жизнедеятельности в состояние опьянения, сформированный стиль жизни с астеническим синдромом и безразличием к другим радостям, кроме выпивки.

Можно говорить в широком смысле о позиции аддикта – человека, страдающего зависимостью. Отдельно можно выделять алкогольную позицию, позицию игромана, наркомана, позицию виртуального (цифрового), пищевого аддикта и др.

Позиция аддикта, в отличие от искаженной ВКБ – это не только заблуждение в понимании проблемы, но и нежелание вникнуть, объективно оценить и изучить ее, упорное противодействие попыткам окружающих переубедить и помочь. В позиции аддикта можно выделить следующие четыре компонента: 1) искаженные понятия и представления; 2) стиль жизни с безразличием ко всему (измененная иерархия ценностей); 3) патологические установки; 4) психологические защиты.

Зависимость приводит к *искажению даже базисных понятий*. Наблюдается нарушение и консервация понятийной сферы. Аддикт мыслит своеобразными штампами, «аксиомами», вкладывает иной смысл в общепринятые понятия. Он имеет своеобразные представления о таких качествах человека, как: хороший (плохой) муж, сын, отец, друг, работник, руководитель; мудрый, хитрый, ответственный, заботливый, солидарный, целеустремленный, позитивный, искренний или лживый и т.д. Необходимо вначале выяснить, какой смысл вкладывает человек в данное понятие, а затем уже разбираться, насколько он соответствует этому понятию. Зависимость формирует также *патологические установки* (установка – психологическое состояние субъекта, основанное на его прошлом опыте, выражающаяся в готовности чувствовать, думать, действовать определенным образом). Установки формируются и укореняются в так называемый «медовый месяц» зависимости, то есть в период от начала аддикции до возникновения проблем, ведущих к социальной и биологической дезадаптации. Главная установка – во всех ситуациях действовать соответствующим образом, несмотря на противодействие зависимому поведению со стороны окружающих. Обозначим ее в соответствии с характером зависимости: алкогольная, наркотическая, игромана и др. Формируются также частные установки – по отношению к родственникам, друзьям, работе, здоровью. Все, что поддерживает зависимость воспринимается позитивно, все что противоречит ей – «в штыки». Зависимость формирует *стиль жизни* (ценности, приоритеты, контакты) с безразличием ко всему, кроме объекта зависимости. Забыты прошлые увлечения, ничто не радует, не интересует. Зависимость связана с проявлением *психологических защит* – бессознательных психологических механизмов, направленных на снижение тревоги и разрешение конфликта.

Первичная защита – отрицание – связана с анозогнозией. Другие защиты индивидуально выражены в той или иной степени, формируя сложную мозаику бессознательных дезадаптивных механизмов. Из известных психологических защит чаще наблюдаются следующие:

Рационализация – это апелляция к понятийному аппарату родных и близких – «я так себя веду потому, что я тонкий чувствительный человек, страдающий от того, что мир жесток и несправедлив ко мне».

Вытеснение – удаление из сознания нежелательных фактов, забывание. Например, аддикт может заявить, что не имеет проблем и никуда за помощью не обращался, хотя имеется документ о том, что он уже не раз проходил лечение. В наркологии используют термин: «функциональное ситуационное слабоумие». О человеке не скажешь, что он слабоумный, он образован, в каких-то житейских ситуациях проявляет находчивость и смекалку. Но когда речь заходит о проблеме, когда доводы окружающих противоречат его позиции – «включает дурака», не

понимает простых и весомых аргументов.

Проекция – наделение других людей теми качествами, которые присущи больному, но он их вытесняет. Про таких говорят: «как послушаем его, то выходит, что все плохие, один только он хороший».

Низведение (девальвация) тех ценностей, которые присущи обществу, но идут вразрез с его позицией. На вершине пирамиды ценностей – зависимость, а все остальное, чем дорожит каждый нормальный человек, семья, общество, притупляется и отбрасывается.

Реактивные образования – это компенсаторные построения в ответ на те проблемы, которые несет выпивка. К реактивным образованиям можно отнести экстравагантность (культурность, щепетильность, услужливость, представляющие собой своеобразное прикрытие от того, чтобы в глаза не говорили неприятного); всемогущество – преувеличение своих возможностей, в то время как реально они снижаются; психологические игры – манипулятивное поведение, направленное на извлечение выгоды.

Следует отметить, что манипулятивное поведение аддикта двухвариантно. Во-первых, аддикт всегда формирует вокруг себя нездоровые созависимые отношения, цель которых – сгладить противодействие окружающих, избежать того, чтобы открыто в глаза говорили горькую правду. Во-вторых, в ситуациях, когда манипуляция не работает и окружающие напрямую предъявляют претензии, он реагирует агрессивно. В этот момент обнажаются патологические установки, вытесненные мотивы становятся очевидными. Таким образом, анализ отклоняющегося поведения аддикта включает исследование дисфункциональных созависимых отношений и дезадаптивных реакций на стресс, связанных с психологическими защитами.

В целях коррекции неадекватного отношения к проблеме важнейшим инструментом является когнитивно-эмпатическая терапия [5]. Это профессиональная беседа, основанная на принципах клиент-центрированной терапии (искренность, эмпатия, безусловное уважение), анализе проблемы с точки зрения убедительной диалектики (рациональная психотерапия), отслеживании и коррекции дезадаптивных мыслей и чувств (когнитивно-поведенческая терапия). Таким образом, на ранних этапах психотерапии зависимостей проводится работа со всеми указанными компонентами неадекватного отношения к проблеме. Такая работа является обязательным условием достижения терапевтического альянса и формирования мотивации к изменениям.

Библиографические ссылки

1. Авин А.И. Структура и психосоциальные факторы зависимого поведения студентов вузов // Современные методы формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи: сб. науч. ст. по мат-лам I Респ.ауч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 15 марта 2017г. Минск : БГУ, 2017. С.28-32.
2. Руководство по аддиктологии. СПб. : Речь, 2007. 768 с.
3. Лурия А.Р. Внутренняя картина болезней и ятрогенные заболевания. М.: Медицина, 1977. 111с.
4. Павлов И.С. Психотерапия в практике. М. : ПЕР СЭ, 2006. 608с.

5. Авин, А.И. Когнитивно-эмпатическая терапия и системно-эклeктический подход в психотерапии зависимостей / Методы и технологии общей и социальной психологии и психотерапии в условиях современного общества : мат-лы III науч.-практ. конф. (Киев, 18-19 мая 2018, НПУ имени М. П. Драгоманова). С.87-89.

УДК 159.99

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОРСКОЙ МЕТОДИКИ «ПЕРСОНАЛЬНАЯ СКАЗКА» В ПРОЦЕССЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Е.К. Агеенкова

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка»

ул. Советская 18, 220030, Минск, Республика Беларусь

ageenkova@list.ru

Аннотация. В статье представляются теоретические и методологические основания авторской методики «Персональная сказка». В отличие от известных аналогов эта методика используется для исследования жизненных сценариев (жизненных планов, жизненных стратегий) индивидов. Для их раскрытия предлагается использовать различные личностные теории, которые нацелены на обнаружение как внутриличностных конфликтов, так и возможных невротичных жизненных позиций. В частности, рассматриваются возможности рассмотрения их с позиций Э. Берна, К.Г. Юнга, З. Фрейда, А. Адлера, Г. Мерее, К. Хорни, Р. Ассаджоли, а также нарративного анализа. Возможности методики «Персональная сказка» предполагают использование ее не только для отдельных индивидов в процессе психологического консультирования, но и для обнаружения общих закономерностей построения жизненных планов в исследуемых группах.

Ключевые слова: *персональная сказка; жизненный сценарий; психодиагностика.*

DIAGNOSTIC POSSIBILITIES OF USING THE AUTHOR'S «PERSONAL TALE» METHOD IN THE PSYCHOLOGICAL COUNSELING

K.K. Aheyenkova

Belarusian State Pedagogical University

Sovietskaya str., 18, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents theoretical and methodological foundations of the author's method "Personal Tale". Unlike the known analogues, this technique is used to study life scenarios (life plans, life strategies) of individuals. For their disclosure, it is proposed to use various personal theories that are aimed at detecting both intrapersonal conflicts and possible neurotic life positions. In particular, they present the possibility of considering them from the standpoint of E. Bern, K.G. Jung, Z. Freud, A. Adler, G. Murey, K. Horney, R. Assagioli, as well as narrative analysis. The possibilities of the "Personal Tale" methodology imply using it not only for certain individuals in the process of psychological counseling, but also for finding common pat-

terns in the construction of life plans in the studied groups.

Keywords: *personal fairy tale; life scenario; psychodiagnostics.*

Несмотря на практическую значимость стандартизированных тестов для многих психологических исследований, они, как пишет Л.К. Франк, оценивают лишь степень сходства психологических особенностей индивида с их культурными нормами и групповыми паттернами. По его мнению, стандартизированный тест дает мало информации об индивидуальном в человеке [1]. При этом психолог, осуществляющий психологическое консультирование, заинтересован иметь в своем арсенале диагностические приемы, способные представить не только наиболее развернутую личностную характеристику человека, но и его целостные жизненные стратегии. Последний аспект в последнее время становится все более значимым в исследовании человека. В данной статье представляются диагностические возможности авторской методики «Персональная сказка» для выявления жизненных стратегий как при осуществлении индивидуального психологического консультирования, так и обнаружения закономерностей в исследуемых группах.

На изучении жизненных стратегий фокусировались А. Адлер, который ввел понятия «жизненный план» и «жизненный стиль» [2], Э. Берн, чье понятие «жизненный сценарий» наиболее часто используется в современной психологии [3]. Формирование людьми такого «жизненного плана» можно обнаружить в личностной теории психосинтеза, создателем которой является Р. Ассаджоли [4]. Личностная теория В.Н. Мясищева также отражает субъективный план жизнедеятельности человека, в котором его отношения представляют связь его с различными сторонами объективной действительности [5]. При этом личностные теории, применяемые в консультативных и психотерапевтических практиках, предлагают лишь небольшой круг конкретных диагностических приемов, которые могли бы использоваться для изучения жизненного сценария индивидов. Например, в клинике неврозов Б.Д. Карвасарский предложил применять диагностическое интервью пациента, направленное на изучение истории развития личности [6]. Многие классики активно предлагали использовать в этих целях сказку или миф. Так, К.Г. Юнг в качестве методологии изучения «символической жизни бессознательного», основой которого являются архетипы, применял мифологические сюжеты, в которых истории жизни героев совпадают с жизненными планами индивидов [7]. Он писал, что современный человек остается мифотворцем и он вновь и вновь разыгрывает драмы, основанные на архетипических темах [8]. Данный прием использовал также Э. Берн, который писал, что сценарный анализ он видит как волшебную сказку, которой следует пациент [3]. На этот аспект указывал и Х. Дикманн, который отмечал, что многие люди следуют в своей жизни сказочным сюжетам [9].

В связи с этим многие психотерапевты используют прием анализа авторских сказок, сочиненных клиентами, для понимания их психологических особенностей [10]. Однако осуществление сценарного анализа на основе авторской сказки предлагалось только отдельными специалистами. Так, Э. Берн и его последователи выделили следующие его виды: победитель (тот, кто достигает заявленной цели); побежденный (тот, кто не достигает заявленной цели); не-победитель или

банальный человек (тот, кто имеет безвыигрышный сценарий и предпочитает не рисковать, ничего особо не выигрывая и ничего особо не проигрывая) [11; 12]. С. Некрасов и И. Возилкин применяли психоаналитический подход для анализа «индивидуальных сказок» женщин с целью определения их жизненных сценариев в контексте переживания сексуальности [13].

В наших исследованиях, осуществленных ранее совместно с Ю.А. Фондо, для понимания жизненного сценария оценивались особенности поведения как главного персонажа персональной сказки, так и самого сочинителя. При этом были применены как основные позиции жизненного сценария Э. Берна, так и юнгианское понимание жизни человека с позиций степени ее сходства с жизненным путем архетипического героя классического мифа. При классификации жизненных сценариев выявились следующие наиболее значимые элементы поведения персонажа проекции: 1) оценка персонажа проекции (я – хороший или я – плохой); 2) наличие испытаний (есть испытания и персонаж идет им навстречу, испытаний нет или он уклоняется от них); 3) взаимодействие с противником (персонаж проекции встречает противника и вступает в борьбу с ним, противника нет или он уклоняется от борьбы с ним); 4) отношение к помощи (опирается только на свои силы, принимает помощь других, надеется на чудо, талисман или на удачу); 5) достижение блага персонажем проекции (приобретает блага или признание, блага не достигает или отказывается от него); 6) оценка других действующих лиц (вы – хорошие, вы – плохие; вас нет). Данный подход позволил нам обнаружить восемь групп сказок со сходными линиями поведения их главных персонажей, которые являются идентичными жизненным сценариям их сочинителей. Эти жизненные сценарии были нами охарактеризованы в виде следующих девизов: «Я хороший, поэтому достоин блага», «Все могло бы закончиться хорошо, если бы я не ...», «Я мог бы сделать что-либо, но мне это не надо», «И вечный бой, покой нам только снится», «Достижение благодаря борьбе и победе», «Я хочу жить в красивом мире с прекрасными людьми», «Нет в жизни счастья», «Если станешь на моем пути, я тебя уничтожу» [14].

В целом методика «Персональная сказка» опирается на методологию проективного исследования [15]. В настоящее время для понимания жизненных сценариев нами предложено использовать различные личностные теории, которые нацелены на обнаружение как внутриличностных конфликтов индивидов, так и возможных их невротичных жизненных позиций. Так, в персональных сказках анализантов обнаруживается проекция и структурных элементов личности (супер-эго, эго, ид), и регрессии на ранние стадии психосексуального развития, представленные в теории З. Фрейда. Применение теоретических позиций А. Адлера позволяет обнаружить в персональной сказке деформации жизненного стиля и проявление невротических симптомов. Опора на позиции экзистенциального анализа способствует выявлению возможных переживаемых аспектов существования человека, «заброшенного» в мир: веру, надежду, боль, страдание, заботу и тревогу, любовь, страсть и другие составляющие нерасчлененной совокупности бытия. Для анализа персональных сказок также предложено использовать критерии оценок рассказов, представленных Г. Мерреем в своем «Тематическом апперцепционном

тесте», анализ коппинг-стратегий по Р. Лазарусу. При этом отмечается, что возможно применение неограниченного количества различных личностных теорий для анализа жизненных стратегий главного героя персональной сказки, на которого анализант проецирует свои жизненные стратегии [16]. Например, П.М. Ларионов осуществил анализ персональных сказок с позиций К. Хорни и Р. Ассаджоли [17]. Широкие возможности для понимания жизненных сценариев, скрытых в персональных сказках, открывает также нарративный анализ, т.к. персональная сказка представляет собой событийную последовательность и имеет в своей основе единую тему и общий сюжет.

Методика «Персональная сказка» имеет простую инструкцию: Сочините, пожалуйста, сказку». При недостаточном понимании сути задания дается развернутая инструкция: «Сочините, пожалуйста, сказку, чтобы в ней были действующие лица и сюжет. Начните так: "Жил(а)-был(а)" или "Жили-были". Далее сочините, как жил герой сказки и где. А затем расскажите, что с ним происходило потом». Поскольку сочиненная сказка является проективным произведением, в котором ее создатель отражает свои актуальные на момент исследования психологические установки и состояния, то для интерпретации важно знать, с кем из действующих лиц он идентифицирует себя. Автора сказки нужно спросить: «Кто из персонажей похож на вас?», либо «Кому из персонажей вы больше сопереживаете?». Это прием позволяет выделить главного героя или персонажа проекции.

Самый простой подход к анализу персональной сказки заключается в следующем. Важно понимать, что смысловое содержание повествования представляет собой континуум, имеющий полюса противоположностей, один из которых субъективно оценивается сочинителем как «хорошо» (или желаемое), а второй как «плохо» (или отвергаемое). Таким образом можно определить каким является в целом его жизненный план – оптимистическим или пессимистическим. Кроме того, в нем можно также выделить действенную составляющую, которая может включать в себя способ, с помощью которого «персонаж проекции» достигает или собирается достичь своего нового состояния. Важным для характеристики жизненной стратегии анализанта является включение или игнорирование в ней дружественных или враждебных по отношению к нему субъектов, а также способ взаимодействия с ними.

Среди эффектов применения методики «Персональная сказка» можно отметить ускорение процесса осознания своих внутриличностных проблем или инсайта, когда анализанты с удивлением впервые обнаруживали в действующих персонажах сказки свои собственные особенности поведения. Необходимо также отметить, что предложенный подход дает возможность проводить психологическую диагностику жизненных планов не только у отдельных индивидов в процессе их психологического консультирования, но и обнаруживать общие закономерности построения жизненных планов в исследуемых группах, что важно при осуществлении научных исследований. Так, с использованием интерпретационных возможностей методики «Персональная сказка» был обнаружен ряд специфических жизненных планов у больных артериальной гипертензией [17], у больных алкогольной зависимостью [18], у больных тревожным расстройством [19], у детей

подросткового возраста [20]. Таким образом, предложенные принципы работы с персональной сказкой помогают как психологу-консультанту, так и самому аналитанту раскрыть более полную картину избранной индивидом жизненной стратегии.

Библиографические ссылки

1. Франк Л.К. Проективные методы изучения личности. // Проективная психология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 68-83.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М.: Институт Психотерапии, 2002. 214 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Минск : Прамеб, 1992. 384 с.
4. Ассаджоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
5. Мясичев В.Н. Психология отношений. М : МПСИ, 2005. 158 с.
6. Карвасарский Б.Д. Неврозы. М. : Медицина, 1980. 448 с.
7. Юнг К.Г. Символическая жизнь. М. : Когито-Центр, 2003. 326 с.
8. Зеленский В. Аналитическая психология. Словарь. СПб : БСК, 1996. 324 с.
9. Дикманн Х. Юнгианский анализ волшебных сказок. СПб. : Академический проект, 2000. 256 с.
10. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Проективная диагностика в сказкотерапии. СПб : Речь, 2003. 208 с.
11. Стюарт Й. Современный транзактный анализ. СПб : Социально-психологический центр, 1996. 331 с.
12. Джеймс М. Рожденные выигрывать. М. : Прогресс-Универс, 1993. 336 с.
13. Некрасов С.Н. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1991. 166 с.
14. Агеенкова Е.К. Некоторые аспекты взаимосвязи современных жизненных сценариев с сюжетами персональных сказок // Вестн. БГУ. Сер. 3. 2004. №3. С.50-55.
15. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психологию. Киев: Ника-Центр; 1997. 128 с.
16. Агеенкова Е.К. Снаружи и внутри: проективная диагностика в психологическом консультировании. Минск : БГПУ, 2018. 148 с.
17. Агеенкова Е.К. Новые возможности исследования жизненного сценария в процессе психологического консультирования // Диалог. 2018. № 3. С. 18-31.
18. Ларионов П.М. Анализ жизненного сценария больных алкогольной зависимостью путем толкования персональных сказок // Медицинская психология в России. 2018. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2018_6_53/pomer10.php. Дата доступа: 18.02.2019.
19. Ларионов П.М. Жизненный стиль и «идеальные модели совершенной личности» у больных тревожным расстройством. // Психотерапия. 2018. № 12 (192). С. 53-61.
20. Агеенкова Е.К. Личностные детерминанты агрессивности подростков // Психотерапия. 2019. № 2 (194). С. 86-94.

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

С.В. Васьковская

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 60, 01033, Киев, Украина
Vasswet17@gmail.com

Аннотация: В статье представлен метод экспресс-диагностики и психологической проработки типа взаимодействия человека с миром «Стимул, Эмоция, Тип» (СЭТ). В результате теоретического обобщения и эмпирического исследования автор выделяет девять типичных модусов переживаний человека. В основании каждого модуса лежит базовая эмоция, которая определяет ведущую интенцию взаимодействия человека с миром. Функционально базовое эмоциональное состояние представляет свернутое архаическое действие, направленность (к себе или к миру) и причинность (субъектность или объектность) которого помогает лучше понять характер переживаемых проблем. Метод представлен колодой ассоциативных карт с указанием эмоциональных состояний, описывающих типичные модусы переживания (драматизация, избегание, осторожность, зависимость, обособление, соперничество, осознание, экспансия, сбалансированное принятие реальности), и картой, раскрывающей глубинные характеристики каждого из них. Работая с клиентом, консультант при помощи ассоциативных карт картографирует актуальные переживания человека и проектирует полученную картину на карту типичных переживаний, сформированную в соответствии с эволюционным усложнением приспособительной деятельности. Сущностное прочтение индивидуального алгоритма позволяет быстро дистанцировать клиента от напряженных эмоциональных состояний, определить ведущую интенцию и обсудить более эффективную для данной конфликтной ситуации стратегию разрешения проблемы. Эффективность метода подтверждена при помощи математико-статистического анализа результатов эмпирического исследования и доказана на практике.

Ключевые слова: *эмоциональная биостратегия адаптации; деятельность переживания; модусы переживания; драматизация; избегание; осторожность; зависимость; обособление; соперничество; осознание; экспансия; сбалансированное принятие реальности.*

EMOTIONAL STRATEGY DIAGNOSTICS OF THE HUMAN'S INTERACTION WITH THE WORLD IN PSYCHOTHERAPY

Vaskovskaya S.V.

Kyiv National Taras Shevchenko University
Vladimirskaya str., 60, 01033, Kiev, Ukraine

Abstract: The article presents a method of rapid examination and psychological study of the character of human interaction with the world “Stimulus, Emotion, Type” (SET). The author identifies nine typical modes of human experience as a result of theoretical generalization and empirical research. At the core of each mode, a basic emotion is

situated, which determines the leading intention of human interaction with the world. Functionally, the basic emotional state is an archaic action, the direction (towards oneself or towards the world) and the causality (subjectness or objectiveness) which helps to understand the nature of experienced problems better. The method is represented by a deck of associative cards that indicate emotional states by describing typical modes of experience (Dramatization, Avoidance, Caution, Dependence, Separation, Rivalry, Awareness, Expansion, Balanced Acceptance of Reality), and a map revealing the in-depth characteristics of each of them. Working with a client, the consultant drafts the person's actual experiences with the help of associative cards and projects the resulting picture onto a map of typical experiences, formed in accordance with the evolutionary complication of adaptive activity (Plutchik-Kellerman concept). Essential reading of an individual algorithm allows you to quickly distance your client from tense emotional states, identify the leading intention, and discuss the strategy for solving the problem that is more effective for a given conflict situation. The effectiveness of the method is confirmed by mathematical and statistical analysis of the empirical study results and proved practically.

Keywords: *emotional biostrategy of adaptation; the activity of experience; modes of experience; Dramatization; Avoidance; Caution; Dependency; Separation; Rivalry; Awareness; Expansion; Balanced Acceptance of Reality.*

Актуальность. Попытки классифицировать переживания человека с целью оптимизировать психотерапевтическую работу с ними предпринимаются постоянно. В этой связи мы углубились в разработку идеи о том, что эмоция - это свернутое архаическое действие, которое связано с первичной стратегией выживания. «Возникновение чувств в онтогенезе совпадает с эволюцией чувств в филогенезе (а также, в культуре)», пишет Игорь Погодин. Поэтому «деятельность переживания» (Ф.Василук) может быть переработана благодаря пониманию закономерностей, лежащих в основе эволюционного развития адаптивных действий. Осознание вектор развития и усложнения «эмоциональных действий» задает вектор решения актуальных проблем человека.

Цели и дизайн проекта. С целью структурирования работы с переживаниями мы предлагаем авторский метод «Стимул, Эмоция, Тип» (СЭТ). Основой практического подхода является теоретико-психологическое обобщение разработок в области классификации психологических проблем, характерологических типов и адаптационных стратегий человека (К. Изард, Р. Плутчик, Н. Мак-Уильямс, А. Бек, Д. Боаделла, Р. Курц, В.Е. Левкин, В. Леонтьев О. Матвеев, С. Поройков и др). Обобщение врожденных паттернов приспособления позволило выделить девять модусов переживаний, вызывающих у человека стрессовое перенапряжение. Модус переживания – это консолидированный архетипический опыт человека, определяющий его отношение к миру и к себе в нем. Ведущая базовая эмоция определяет название модуса и указывает на направленность (относительно субъекта – к нему или от него) и причинность (субъектное или объектное) индивидуального паттерна взаимодействия. Восемь модусов переживаний, вписанные в окружность октаграммы (архетип Уробороса), отражают эволюционную логику функциональной адаптации. Названия модусов характеризуют преобладающую тенденцию усложнения реагирования: Драматизация (принятие, привязанность), Избегание (страх, побег), Осторожность (недоумение, ориентировка), Зависимость

(горе потери, страдание), Обособление (подозрительность, стремление к независимости), Соперничество (гнев, преодоление препятствий), Осознание (интерес, контроль, долженствование), Экспансия (радость, созидание, сотворчество). Гипотетически мы допускаем существование девятого, конструктивного, модуса переживаний – сбалансированного принятия реальности, результирующего возникшие напряжения. Для преодоления наработанного в онтогенезе автоматизма реагирования - типичного модуса переживаний – в работе с клиентом необходимо определить его специфику и задаться целью либо сформировать более конструктивную приспособительную стратегию, либо принять теневую сторону имеющейся.

Каждый модус переживания структурирован следующим образом: 1) название, отображающее основную тенденцию переживания (например: №1. структура драматизации); 2) указание на интенцию развития, выраженную в приспособительном паттерне, (№1: «Мир для меня». Потребность - получать, принимать, инкорпорировать); 3) указание на эволюционный прорыв в функциональности (№1. Установление связи с окружающим миром); 4) определение вектора движения энергии в моторном поле, которое, согласно Д. Боаделле, проявляет систему сомасемантики (работу души мышц) и выражает паттерн латентных намерений (№1 представлен полем абсорбции, то есть, умением все впитывать, принимать, вбирать впечатления и получать удовольствие, что характерно для активно-зависимого типа личности); 5) указание на телесную функцию, которая сформировалась на этом уровне адаптации (№1 соответствует функция питания, усвоения питательных веществ); 6) ведущие эмоции (№1: удовлетворенность, искренность, доверие, восхищение, доброжелательность, наивность...); 7) психологическая защита (№1- вытеснение, конверсия). 8. Привычное поведение (№1: принятие, привязанность, дружелюбие, благосклонность, смиренность, созависимость); 9) характерологическая динамика (№1: истерический или театральный тип по Н.Мак-Уильямс, экспрессивно-привязчивый по Р.Курцу, истерический по С.Джонсону); 10) тип фрустрации (№1: эскапизм); 11) перспектива негативного развития отражает прогнозируемые трудности в адаптации или расстройство поведения (№1: назойливость, капризность, вздорность, самовлюбленность, упрямство, демонстративность, неразборчивость, истерическое расстройство личности).

Объем сообщения не позволяет детально описать каждый из выделенных модусов, поэтому кратко представим их в последовательности, в которой они расположены в октаграмме – круговой диаграмме, позволяющей сохранить эволюционную логику биостратегии выживания. Топография типичных модусов переживаний представлена в философской системе координат взаимодействия и развития: объединение/разобшение (слева - направо), стагнация /активация (развитие) (снизу - вверх). Для удобства интерпретации модусы переживаний вписаны в четыре сегмента, соответствующие базовым перинатальным матрицам рождения С. Грофа (БПМ), т.к. сценарий рождения в будущем становится сценарием жизни.

Открывает движение по кругу № 1. *Структура драматизации*, соответствующая матрице Вселенского рая (БПМ1), которая описывает попытку ребенка покинуть это райское место (ребенок сам провоцирует роды). Она соответствует яркому, аффективному, часто хаотичному переживанию событий, наполняющих

человека гедонистическими и аффилятивными интенциями, стремлением получить, использовать, обмениваться эмоциями и чаяниями. *Структура № 2 Избегания (самосохранение)* - соответствует схваткам, началу родового процесса (БПМ 1) и инстинктивному стремлению испуганного ребенка сжаться, замереть, исчезнуть, раствориться, чтобы избежать наказания за предыдущий порыв. Парализующий страх того, что может случиться, часто настолько силен, что в качестве избавления годится даже самоубийство. Невыносимая боль, обрекающая на самоуничтожение, включает интенцию – убежать, спастись, прикинуться мертвым и таким образом выжить. Поле флексии - создание формы, «собрание себя. Перспективы негативного развития: ступор, уход, бегство, вплоть до смерти, трусливость, страх, боль, ощущение парализующей угрозы, надлом, жертвенность, предательство себя, мазохизм, фобии.

Шок и недоумение от неопределенности происходящего обычно актуализируют *Структуру осторожности № 3*. Это переживание повышенной тревоги, беспокойства в непредвиденных и неконтролируемых ситуациях, иррациональные страхи, социофобии, спровоцированные мнимым вниманием и оценкой окружающих. Модус развития: «Мир Меня беспокоит. Он меня настораживает». Важно затаиться, выждать и сориентироваться, чтобы защититься или выкрутиться. Функционально это напряжение всех сенсорных систем. Переживание волнения, бессилия, удивления, тревоги. Поведение: замешательство, нерешительность; наблюдать, оценивать, осмысливать новое, игнорируя неприятное; тенденция притвориться кем-то, кто сильнее, тем, кто справляется с ситуацией. Соответствует личности нарциссического типа, заикленной на себе и своих интересах. Перспективы негативного развития: тревожность, мнительность, тщеславие, перфекционизм, фальшь, нарциссизм, обесценивание, безответственность. Структуры № 3 и № 4 относятся ко БМП2, носящей название матрицы катастрофы. Название матрицы описывает внутреннее состояние напряжения и отчаяния, накрывающее человека в минуты встречи с необъяснимым и неизбежным. *Структура зависимости № 4* переполнена сожалением о прошедшем, желанием вернуться в него, ощущением покинутости и одиночества. Реинтеграция как стратегия выживания - это обращение за помощью, просьба к миру, к окружающим людям, сжалиться над несчастным и беспомощным. Эволюционно это поведение присуще детенышам высших животных, которые не могут выжить без присмотра. «Детское» поведение предполагает, что кто-то возьмет на себя ответственность за происходящее, но это вряд ли поможет взрослому человеку действовать из своей субъектности. Модус развития: «Мир Мне должен», «Верните мне мое, желанное». Страх разрыва отношений поражает сердечно-сосудистую систему. Перспективы негативного развития: зависание в страдании, тоске по утраченному, поиск поддержки и помощи, зависимость, депрессивность, самоагрессия.

Человек в *№ 5 Структуре обособления* стремится обрести независимость, избавившись от всего, что его ограничивает, дать отпор, отделиться. Все это напоминает стремление малыша покинуть утробу в третьей матрице рождения (БПМ 3). С.Гроф назвал ее матрицей борьбы. Схожее состояние борьбы, противостояния, ощущение угрозы собственной идентичности, целостности, нарушения

планов, сопровождает людей этого типа дальше по жизни. Модус развития: «Мир коварен, может Мне навредить». Функция: отчуждение, отделение, самоидентификация. Телесно хочется изрыгнуть, выделить, вырвать (система выделения). Эмоции - отвращение, неприятие, обида, обвинение, подозрительность, враждебность. Перспективы негативного развития: изоляция, недоверие, подозрительность, коварность, паранояльность, враждебность, мстительность. Поведение и переживания в № 6. *Структуре соперничества* тоже определяются матрицей борьбы. Но стратегия этих людей состоит не столько в том, чтобы защищать свои границы, сколько в том, чтобы нарушать чужие, атаковать мир, врывать в него, чтобы менять и подчинять себе. Вторжение в пространство жизни с целью «завладеть и контролировать» ее, хотя и описывается активно-агрессивным поведением, не всегда носит деструктивный характер. Агрессия может быть достаточно конструктивной с точки зрения результата. Она позволяет защитить (ценности), научить (порядку), разрушить (отжившее) и т.д. Модус развития: «Мир не такой - нужно переделать». За повышенную возбудимость (злость теневая сторона страха), стремление соперничать, конкурировать, подчинять, властвовать, человеку этого типа приходится расплачиваться межличностными и психосоматическими проблемами (желудочно-кишечный тракт, гипертония, инсульт, инфаркт и др).

Переживания следующих двух модусов разворачиваются в плоскости последней перинатальной матрицы рождения (БПМ 4), которая носит название матрицы трансформации. Символически «ребенок родился!» для непосредственного взаимодействия с миром. Он открыт новому опыту, мир интригует, его хочется исследовать, преобразовывать, созидать и творить. Основное стремление: изучать и контролировать, чтобы обрести безопасность и стабильность. Модус развития №7 *Структуры исследования*: «Мир непонятный - нужно познать». Поведение: обучение, освоение, внимательность, осторожность, контроль, надежность, скрупулезность, решительность, воля, обязательность, ориентация на результат, целеустремленность с обсессивными тенденциями и «туннельным» мышлением. Моторное поле канализации обеспечивает фиксацию, сфокусированность и удержание цели. Телесная функция: интеллект. Перспективы негативного развития: долженствование, компульсивность, навязчивость, трудоголизм. № 8 *Структура экспансии* обеспечивает продвижение себя в жизнь, реализацию творческой и созидательной энергии. Модус развития: «Мир прекрасен, полон ресурса». Основная тенденция «ДАВАТЬ», заботиться, реализовывать свой потенциал. Функция интеграции, объединения, сотворчества. Эмоции: радость, воодушевление, энтузиазм. Перспективы негативного развития: фанатизм, гиперсоциальность, маниакальность, выхолащенная экстравертированность, коммуникативность, самовлюбленность, неординарность.

По-другому трактуя сетку координат (абсцисса - «аттракция – отчуждение», ордината - «зависимость-автономия»), получаем согласно секторам перинатальных матриц такую классификацию проблем: БПМ 1 – проблемы, связанные с восстановлением жизненной силы, формированием «мужества жить», БПМ 2 - инфантилизация, формирование гармоничных межличностных отношений, БПМ 3 – проблемы самоидентификации, расплаты за власть, достижения, БПМ 4 – пробле-

мы любви, контроля, смысла, продуктивности созидания.

Анализ модусов переживаний делит психологические проблемы человека на классы, имеющие свою эксклюзивную психотерапевтическую задачу. 1) «Ахиллесовой пятой» структур *осторожности и зависимости* (БПМ 2) является патологическая неспособность самостоятельно двигаться в решении своих жизненных и личностных задач. Виной всему беспомощность, неспособность выйти из депрессивного состояния, аутоагрессия и инфантильное ожидание «самостоятельного» разрешения проблемы (синдром Доброй Феи, Санта Клауса, топос развития души по К.Юнгу «Младенец»). 2) Люди с модусом *самосохранения и обособления* вынуждены самостоятельно взаимодействовать с миром, но они «недифференцированы» (М. Боуэн), их энергии импульсивны и ассимилятивны, часто направлены на разрушение себя и своей ситуации. Это пассивно-агрессивные личности (Топос развития: Красавица). 3) Модусы *драматизации и соперничества* подчинены аккомодативным устремлениям; получать, обладать, использовать. Это активно-агрессивный манипулятивный паттерн приспособления (Топос развития: Герой). 4) Люди в модусах *исследования и экспансии* способны подчинить свою энергию разуму и продемонстрировать миру свое неповторимое созидательное начало (Топос: Тройственный союз). Соответственно психотерапевтической задачей этих уровней развития будет преодоление: 1) инфантильности (Тень), 2) зависимости (созидание Анимуса), 3) силового противостояния (ассимиляция Анимы), и 4.) манипулятивности (ассимиляция архетипов Значения, Смысла, Духа). Только так становится доступным ресурс гармоничного переживания взаимодействия с миром в модусе *Сбалансированного Принятия Реальности № 9* - высшего топоса индивидуации по К. Юнгу (архетип Самости и Мудрости).

Результаты. Используя «Стимул, Эмоция, Тип», консультант при помощи ассоциативных карт картографирует актуальные переживания человека и проектирует полученную картину на карту типичных переживаний, сформированную в соответствии с эволюционным усложнением приспособительной деятельности (концепция Плутчика-Келлермана), Октаграмма, представляя эмоциональную канву преодоления трудностей, оптимизирует психотерапевтическую работу с негативными переживаниями человека, гарантирует диссоциацию и метаанализ направления необходимых изменений. Подробное описание модусов помогает комплексно осознать глубинную динамику переживаний, их связь с типом фрустрации, психологическими защитами, характером психосоматической симптоматики. Анализ замещенных эмоций и характерологических автоматизмов позволяет лучше понять стратегию разрешения конфликтного противостояния и определить вектор личностного развития человека. Представленный алгоритм работы, положенный в основу создания метода экспресс-диагностики типичного взаимодействия человека с миром «Стимул, Эмоция, Тип», был апробирован эмпирически. Для проверки надежности метода в эмпирическом исследовании использовался опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI) [1] и Цветовой тест отношений А.М.Эткинда. Коэффициент надежности колеблется в пределах $0,8 < r < 1$.

Библиографические ссылки

1. Кружкова О.В. Психологические защиты личности. Екатеринбург : Российский гос. проф.-пед. ун-т, 2006. 152 с.

УДК 159.9

ГИПНОАНЕСТЕЗИЯ

В. А. Доморацкий, Н. А. Березовская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
ГУО «Белорусская медицинская академия последипломного образования»
ул. П. Бровки, 3, корп. 3, 220013, Минск, Республика Беларусь
IS_vladom@inbox.ru, IS_natanaber@rambler.ru

Аннотация. Представлены некоторые факты использования гипноза для анестезии в прошлом и настоящем. Рассмотрены основные компоненты боли и современные подходы к работе с острой и хронической болью в гипнозе. Приведено описание ряда гипнотических техник анестезии.

Ключевые слова: острая боль; хроническая боль; гипноз; анестезия; диссоциация; внушения; каталепсия; левитация.

HYPNOANESTHESIA

V. A. Domoratsky, N. A. Berazouskaya

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education
Brovki str., 3, b.3, 220013, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. There are some facts about the use of hypnosis for anesthesia in the past and present. Modern strategies of work with acute and chronic pain in Ericksonian hypnosis are considered. The description of the hypnotic techniques of working with pain is given.

Keywords: acute pain; chronic pain; hypnosis; anesthesia; dissociation; suggestion; catalepsy; levitation.

Использование гипноза для анестезии имеет давнюю историю. Первым зарегистрированным случаем гипнотической анестезии стала операция французского хирурга Жюля Клоке по удалению опухоли грудной железы в 1829 году. Клоке оперировал больную, которую предварительно загипнотизировал с помощью месмеровских приёмов доктор Шаплен. В 1843 году врач-хирург Д. Брейд впервые употребил термин «гипноз» и доказал возможность вызывать гипнотическое состояние различными приемами и внушением, а не только месмеровскими пассами. Брейд использовал гипноз для лечения различных болезней и успешно применял его для анестезии при хирургических операци-

ях. Д. Исдейл – шотландский хирург, задокументировал 345 проведенных им под гипнозом операций, включая ампутации конечностей, которые он провел в Индии между 1845 и 1851 годами. Пациентов вводили в транс, используя технику пассов Месмера, на что иногда требовалось до 1,5-2 часов, а потом Исдейл оперировал их. Причем послеоперационная летальность составляла всего 8% против 50%, обычных для середины XIX века. У его пациентов наблюдалось гораздо меньше осложнений, характерных для хирургических вмешательств, проводимых в то время другими врачами [2, 5, 7].

В 1945 г. в больнице для военнопленных River Valley Road в Сингапуре, где запасы химических анестетиков были строго ограничены японцами, М. Вудрафф вполне успешно использовал гипноз для обезболивания стоматологических и хирургических процедур. В начале 50-х годов 20-в. У. Крогер применил гипноз во время родов и при операциях на щитовидной железе [2; 5; 7]. Примерно в этот же период с участием известного советского гипнотерапевта П. И. Буля были проведены хирургические операции более 100 больным, которым был противопоказан наркоз. В 1989 г. в СССР публичные демонстрации гипноанестезии (в том числе по телемосту Москва-Тбилиси) провёл А. М. Кашпировский.

В последние 15-20 лет во Франции, при ряде оперативных вмешательств (в пластической хирургии, оториноларингологии, стоматологии, при удалении грудной железы и др.), нередко, вначале делают местную анестезию, а дальше анестезиологи, прошедшие соответствующее обучение, используют гипноз. По свидетельству французского гипнотерапевта К. Виро, специализирующегося на работе с острой и хронической болью, через сутки после операции, проведенной под гипнозом, 98% пациентов говорят, что во время операции чувствовали лишь покалывание или щекотание. Если больных оперируют под гипнозом, у них быстрее заживают операционные раны и меньший риск послеоперационных осложнений. Сегодня в США и Европе до 25% хирургических и стоматологических операций проводится с использованием гипноза. Например, только в бельгийской клинике University of Liège ежегодно около 500 хирургических вмешательств выполняется под гипноанестезией [8].

Были проведены эксперименты с идеомоторными сигналами, которые вызываются глубинной частью личности, способной в соответствии с внушением воспринимать ощущения и сохраняющей неосознаваемую связь с терапевтом, показали, что в гипнозе субъект продолжает ощущать боль на уровне, отделенном от основной сферы сознания. При уколе в руку, которая подверглась гипнотической анестезии, наблюдается сигналинг, указывающий на сохранение восприятия боли этой частью личности, хотя на сознательном уровне наличие боли отрицается, т. к. блокируется её осознание, что является важным механизмом обезболивания в гипнозе. [7].

Боль является во многом субъективным переживанием. Кроме основного биологического компонента переживание боли включает сенсорный, эмоциональный и когнитивный компоненты, которые поддаются гипнотическому изменению [4, 7]. Сенсорный – относится к интенсивности переживания боли.

Эмоциональный компонент касается неприятности боли, т. е. уровня субъективного страдания человека, которым также можно управлять, используя гипнотические техники. Способность переносить боль различна и может значительно меняться в зависимости от его эмоционального состояния, поскольку изменяется субъективное восприятие боли. Ещё одна важная составляющая переживания боли – ожидание её возникновения. Поэтому при психотерапии боли возникает значительный плацебо-эффект, повышающий порог болевой чувствительности. Значимым аспектом когнитивного компонента боли является катастрофизация, снижение которой также необходимо для ослабления боли. Другой аспект – смысл боли, её значение для пациента. Если он мотивирован на скорейшее преодоление последствий травмы и избавление от боли, гипнотерапия, безусловно, будет способствовать уменьшению боли и излечению [4]. Сегодня хорошо известно, что гипноз является эффективным способом ослабления боли различной этиологии.

С острой и хронической болью надо работать по-разному: при острой боли надо помочь пациенту измениться на несколько часов («здесь и сейчас»), а при хронической – часто измениться на всю жизнь. Для переживания острой боли требуется привлечение сознательного внимания, должно быть осознание боли. Если внимание сконцентрировано на чем-то другом – это всё равно, как если бы боли не было вовсе. Поэтому основной принцип работы с острой болью – перенаправление сознательного внимания пациента с восприятия боли на что-то другое, базовая техника – диссоциация между телом и духом, когда внимание пациента целиком сосредоточено на приятных воспоминаниях. Пациента спрашивают, куда бы тот хотел отправиться в своём воображении: в море, где он плавает с аквалангом; в горы; на лыжную прогулку в лесу и т. п. Далее индуцируют транс, в котором сопровождают его в то или иное приятное воспоминание, оживляя его детали и максимально активизируя все сенсорные модальности для полного погружения в прошлый позитивный опыт. Это позволяет оперировать по несколько часов или проводить короткие, но очень болезненные хирургические вмешательства. Диссоциация также хорошо работает при острых эмоциональных нарушениях – приступах тоски, тревоги.

Человек с острой кратковременной болью испытывает сильные страдания, он дестабилизирован и рассогласован. Требуется помочь пациенту обрести нечто стабильное и устойчивое, что позволяет упорядочить и обезопасить себя. Катаlepsия руки в гипнозе – отличный инструмент, чтобы внушить эти идеи. Пока рука пациента неподвижно висит в воздухе, поддерживается хорошая телесная диссоциация и стабильное состояние транса. [1; 8]. В стоматологической практике предлагают вообразить, как в плечо делают защитный укол. Пациенту нужно представить цвет анестезирующего продукта и как он распространяется по руке, вызывая холод и онемение. Предлагают отчетливо почувствовать «заморозку» в левой руке, потом легкость, а затем перенести холод на ту часть рта, где будут проводиться манипуляции. Для этого рука левитирует ко рту и прикасается в том месте, которое нуждается в заморозке. Когда пациент почувствует, что защищён от дискомфорта, он позволяет рту открыться. При сильном кровотечении в тран-

се пациенту предлагают закрыть кран, который регулирует кровоток в этой области, и оно быстро прекращается [8].

При работе с пациентами, которым предстоит оперативное вмешательство или рожденицами, важно спроецировать их в будущее. Предвосхищение позитивного будущего (своего выздоровления или рождения ребёнка) помогает при сложных оперативных вмешательствах, а также при родах. В последнем случае важно, чтобы женщина представила себя в недалёком будущем вместе с новорожденным младенцем, потому что роды прошли нормально и у неё родился здоровый ребёнок. Если предстоит хирургическая операция, пациента отправляют в будущее, когда успешная операция позади, он уже вернулся домой и чувствует себя хорошо. Здесь используется псевдоориентация во времени, когда субъекту дают возможность из будущего заглянуть в недавнее прошлое и увидеть, сколь успешно были проведены все пугающие ныне хирургические манипуляции, что существенно снижает страх перед возможной болью и страх умереть во время операции [1, 6].

Если при острой боли надо помочь пациенту обрести стабильность, то при хронической пациент стабилен в своей боли, которая буквально изматывает его. Больные с хронической болью поглощены своей патологией и диссоциированы от реальности. Чтобы привести организм в движение нужно использовать что-то новое, что дестабилизировало бы устоявшееся положение вещей. Необходимо активизировать уровень внутренних ресурсов пациента, который умеет приводить организм в движение, умеет удивлять, в котором так много энергии для изменений. Техника левитации руки (рука всплывает сама под влиянием внушенных образов, связанных со свободой, легкостью и движением вверх) как раз и создаёт движение, удивление, способные изменить обычные внутренние стратегии, поэтому она хорошо подходит для решения хронических проблем (затяжная тревога, хроническая боль).

Одной из наиболее эффективных техник при хронических болях является «техника опредмечивания боли». Это – виртуальное превращение некомфортных ощущений в некий предмет. У людей существует естественная тенденция описывать боль в виде образов. И это можно использовать, благодаря синестезии. Когда кинестетическая модальность в виртуальном пространстве пациента связывается с визуальной (получаем образ из ощущения), трансформация полученного образа приводит к уменьшению/исчезновению боли. Виртуальное решение – взять плоскогубцы и извлечь гвоздь из коленки или затушить огонь в плече водой или пеной из огнетушителя. Сначала «опредмечивают» боль в разговорном гипнозе, затем делают пациенту левитацию руки, которая увеличивает телесную диссоциацию и запускает процесс изменений. Пока рука левитирует ему предлагают, найти оптимальный способ виртуального извлечения этого предмета из своего тела. И, наконец, сделать это в своём воображении. В конце работы даются внушения, побуждающие к дальнейшим позитивным изменениям [8].

Для трансовой работы с хронической болью применяют структурированные метафорические образы. Например: «Представьте, что в задней части

вашего мозга находится огромная диспетчерская, как на электростанции. Там расположено множество панелей с датчиками, тумблерами, выключателями, рубильниками и кнопками. Дайте знать, когда отчётливо представите себе образ диспетчерской... Хорошо! А теперь я предлагаю вам найти конкретный рубильник или тумблер, который отвечает за интенсивность болевых ощущений. Дайте мне знать, когда увидите его. Теперь переключите его в сторону понижения боли, просто отключите часть боли. А когда боль уменьшится, вы можете попробовать выключить её целиком...» [3].

При локализованной хронической боли, в трансе используют образы, нацеленные на пораженную область и изолирующие её. Например, предлагают вообразить круглый шар, похожий на мыльный пузырь, размером с ладонь. И он плывёт по воздуху, приближаясь к тому месту, где пациент чувствует боль. И шар покрывает кожу в том месте, где болит... Потом он медленно проникает сквозь кожу и мышцы, чтобы полностью окружить и окутать боль. И вот она поймана в ловушку и можно посмотреть на неё. И пузырь, вобрав в себя боль, начинает медленно выходить наружу. И он уже плывёт перед вами со всем своим содержимым и можно наблюдать как его, уносит ветерок, а вы чувствуете облегчение, успокоение...» [4].

Психотерапевтическая работа с хронической болью проводится в краткосрочном формате. Часто для достижения устойчивого терапевтического эффекта достаточно 3-6 сессий. Наилучшие результаты достигаются, если пациент выполняет рекомендованные ему упражнения в самогипнозе.

Безусловно, вышеперечисленные приемы не исчерпывают возможностей гипноза в терапии боли. Так Д. Элман разработал целый ряд оригинальных техник гипнотического сопровождения в родах и во время хирургических операций [5]. В статье кратко рассмотрены лишь некоторые эффективные техники работы с болью, которые пока ещё эпизодически применяются в нашей стране, в частности, у больных с хроническим соматоформным болевым расстройством, невралгией тройничного нерва, при угрозе прерывания беременности и в стоматологии. Однако, на сегодняшний день у нас практика гипноанестезии в большинстве случаев ограничена использованием пациентами приемов самогипноза, которым их обучили психотерапевты, имеющие подготовку в области эриксоновского гипноза. Хочется надеяться, что в перспективе применение гипноза в клинической практике (причем не только для анестезии) в Беларуси будет расширено, как это принято сегодня во Франции, Бельгии, США и других развитых странах.

Библиографические ссылки

1. Гинзбург М. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М. : Класс, 2015, 264 с.
2. Карл Г. Гипнотерпия. Практическое руководство. М : ЭКСМО-Пресс, 2002. 352 с.
3. Кинг М. У. Экзистенциальная гипнотерапия. М. : Класс, 1998. 176 с.
4. Линн С. Основы клинического гипноза: доказательно-обоснованный подход. М. : Психотерапия, 2011. 352 с.

5. Элман Д. Гипнотерапия. М. : Психотерапия, 2014. 313 с.
6. Эриксон М. Переживание гипноза: терапевтические подходы к измененным состояниям. М. : Психотерапия, 2015. 295 с.
7. Япко М. Трансовая работа: введение в практику клинического гипноза. — М. : Психотерапия, 2013. 720 с.
8. Virof C., Bernard F. Hypnose, Douleurs Aiguës et Anesthésie. Editions Arnette, 2010. 384 p.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Е.И. Климушко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
klimush@bsu.by

Аннотация. В статье рассмотрены основные последствия активного освоения киберпространства человеком в рамках психологического консультирования. Показаны основное влияние Интернета на личность, на процесс коммуникации, на процесс психотерапии. Проанализированы дальнейшие возможные пути компенсации негативных последствий реализации психологического консультирования в киберпространстве.

Ключевые слова: *психологическое консультирование; психотерапия; киберпространство; онлайн-консультирование; личность; коммуникация; информационные технологии.*

FEATURES OF THE PRACTICE OF PSYCHOLOGICAL ADVICE IN CYBERSPACE

E.I. Klimushko

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation: the article discusses the main consequences of the active mastering of cyberspace by man in the framework of psychological counseling. The main influence of the Internet on the personality, on the communication process, on the psychotherapy process is shown. Further possible ways to compensate for the negative effects of the implementation of psychological counseling in cyberspace are analyzed.

Keywords: *psychological counseling; psychotherapy; cyberspace; online counseling; personality; communication; information technology.*

В настоящее время в связи с интенсивным развитием информационных технологий, прочно вошедших в жизнь каждого человека, существует необходимость трансформации многих областей деятельности в сферу киберпространства. Не менее актуальным данный вопрос является и в области психоло-

гического консультирования: с одной стороны практикующие психологи пытаются активно осваивать киберпространство в рамках своей профессиональной деятельности; с другой – появилось огромное количество различного рода психологических проблем, вызванных информационными технологиями. Эти две стороны могут являть собою огромное поле для психологических исследований. В данной работе рассмотрим непосредственно особенности практики психологического консультирования в киберпространстве.

Так называемая «онлайн-психология» предлагает удобство и доступность психологического консультирования. Бытует мнение, что такой формат так же эффективен, как и консультирование лицом к лицу. Это связывают с анонимностью, которую предлагает нам Интернет, что облегчает эмоциональное выражение клиентов, которые хотят сохранить свою интимность, когда говорят о своих личных трудностях. Либо потому, что они чувствуют себя неловко, либо не могут говорить об этом традиционным способом. Еще одним преимуществом этого нового вида терапии является то, что он обеспечивает легкий доступ к онлайн-психологам разных направлений и квалификаций. В психологии существует множество направлений и ориентаций: системная, когнитивная, поведенческая, гештальт, психоанализ, психодинамика и т. Д. У каждого из них свой подход к различным расстройствам или проблемам. Таким образом, онлайн-психология позволяет людям общаться с психотерапевтом, который наилучшим образом соответствует их конкретным потребностям, что в свою очередь увеличивает шансы на успешную терапию.

Современные информационно-коммуникационные технологии включают компьютеры, планшеты, электронные приставки, мобильные телефоны и смартфоны, системы виртуальной реальности, сети авторизации банковских карт и других платежных инструментов, Интернет, социальные сети и многое другое. Такие технологии преобразовали деятельность каждого человека, даже современную культуру в целом (Войскунский, 2010) [1]. Все эти технологии в той или иной степени могут использоваться для реализации психологического консультирования и имеют свои преимущества и недостатки. Как только специалист прибегает к какой-либо из перечисленных технологий для реализации психологического консультирования, это приводит к тому, что естественный процесс взаимодействия перемещается в техническую среду – в киберпространство. Киберпространство – взаимосвязь технических, информационных и социальных реалий мира – рассматривается рядом авторов как структура, создающая «виртуальную» реальность для человека [2]. Определенно такая трансформация не может пройти без каких-либо последствий для самого процесса и его участников.

Многочисленными исследованиями было изучено и показано влияние Интернет-среды, осуществляемое непосредственно на саму личность. Например, в своей работе Козлова Н.С. [3] выделила три основных фактора, которые складываются во взаимодействии личности и Интернета: 1. *«негативное влияние: торможение развития»* (В результате активной вовлеченности человека в Интернет-среду обнаруживаются следующие последствия: люди во многом пе-

перестали читать, появилось ощущение деградации, перестали посещать театры, кино и т. д., ухудшились коммуникативные навыки, сформировались заблуждения и ошибочные мнения, потерялись контакты с определенными людьми); 2) *«позитивное влияние: коммуникативная сфера»* (как и у всех феноменов, у Интернета есть положительные эффекты. Например, увеличилось число людей, с которыми осуществляется взаимодействие, нет потери контактов с определенными людьми. улучшилась самооценка, стало проще общаться, стало больше открытости); 3) *«отрицание негативного влияния: разносторонняя активность»* (возросла возможность развлечений в целом, стало больше информации о событиях в мире, стали легчедоступными сведения о других, возросла интенсивность общения, увеличилась эрудированность, люди больше стали смотреть фильмов, слушать музыки).

Помимо того, что меняется сама личность, также меняется и процесс взаимодействия людей в Интернете - меняется процесс коммуникации. Многие показывают отличительные особенности Интернет-коммуникации, изменения личностных компонентов или эмоционального состояния человека и многое другое [4]. Так, Е.П. Белинская, А.Е. Войскунский и А.Е. Жичкина выделили ряд общих особенностей, которые имеет общение, опосредованное Интернетом: 1) *анонимность* (имеется в виду отсутствие достоверной или неполнота предоставляемой информации о собеседнике, что «психологически освобождает пользователя от необходимости подлинной самопрезентации» [5, с.24]); 2) *физическая непредставленность* (в сочетании с анонимностью устраняет ряд коммуникационных барьеров, таких как социальный статус, привлекательность, коммуникативная компетентность, пол, возраст и др.); 3) *своеобразие протекания процессов межличностного восприятия в условиях фактического отсутствия невербальной информации*; 4) *нерегламентированность поведения* (отсутствие четких правил online-коммуникации); 5) *снижение психологического и социального риска в процессе общения* (по причине анонимности и безнаказанности); 6) *компенсаторная виртуальная эмоциональность* (сложности в трансляции и презентации своего эмоционального состояния собеседнику в случае острой необходимости компенсируются наличием знаковой системы – «смайлы» и «стикеры»); 7) *использование разных способов сетевой коммуникации* (e-mail, социальные сети, «мессенджеры», форумы, чаты и др. – предлагают высокую вариативность возможностей самопрезентации и ее корректировки [5]).

Таким образом, мы видим, что и участники, и базовый процесс, на который надстраивается консультирование, претерпевают значительные изменения в киберпространстве. Но прежде чем перейти к рассмотрению особенностей практики психологического консультирования в киберпространстве имеет необходимо вспомнить, в чем суть непосредственно психологического консультирования.

Так, в книге Р. Кочюнаса [6] имеется много сходных определений, и все они включают несколько основных положений: 1) консультирование помогает человеку выбрать и действовать по собственному усмотрению;

2) консультирование помогает обучаться новому поведению; 3) консультирование способствует развитию личности; 4) в консультировании акцентируется ответственность клиента, т.е. признается, что независимый, ответственный индивид способен в соответствующих обстоятельствах принимать самостоятельные решения, а консультант создает условия, которые поощряют волевое поведение клиента; 5) сердцевиной консультирования является «консультативное взаимодействие» между клиентом и консультантом, основанное на философии «клиент-центрированной» терапии.

Очень важными и незаменимыми элементами в психологическом консультировании являются консультативный контакт и терапевтический климат. Консультативный контакт — это чувства и установки, которые участники консультирования (консультант и клиент) испытывают один по отношению к другому, и способ их выражения. Терапевтический климат по Р.Кочюнасу состоит из двух компонентов: из физических составляющих (оборудование места консультирования, расположение консультанта и клиента в пространстве, структурирование выделенного для консультирования времени) и из собственно эмоциональных компонентов (создание атмосферы обоюдного доверия, искренность консультанта, его способность к эмпатии и безусловному уважению клиента) [6].

Если же рассматривать данные элементы через призму киберпространства, то в них будут происходить закономерные изменения, которые повлекут трансформацию всего психотерапевтического процесса. Так, если сущность и цель консультирования останутся неизменными, то вот налаживание консультативного контакта между терапевтом и клиентом искажается ввиду «выпадения» перцептивного компонента из процесса общения. Это приводит к сужению и искажению способов выражения чувств и установок и у клиента, и у терапевта.

Но еще большим изменениям будет подвергаться терапевтический климат. Можно предположить, что восприятие физических составляющих будет скорее улучшаться и благоприятствовать психотерапевтическому процессу, ведь благодаря Интернет-технологиям в данном процессе клиент может находиться у себя дома в привычной обстановке и комфортных условиях. Что же касается собственно эмоциональных компонентов, то здесь можно предположить появление в большей мере негативных изменений и опять же именно по причине нарушения перцептивного компонента. Отсутствие полноценной перцепции в процессе психотерапии не позволит использовать многие методы и инструменты, появляется сложность в распознавании эмоциональных реакций, отсутствие восприятия невербальных реакций участников процесса (жесты, мимика, позы) — всё это будет затруднять и затягивать процесс психологического консультирования, значительно снижая его эффективность.

Не смотря на такое относительно пессимистичное заключение о перспективах онлайн-консультирования, современные процессы указывают на то, что в будущем такой способ оказания психологической помощи будет увеличиваться в масштабах, развиваться и активно применяться на практике. В связи с этим можно обозначить потребность совершенствования существующих и создания новых инструментов, максимально эффективных в своем роде. Также стоит

указать на необходимость изначального обучения и формирования у практикующих психологов соответствующих компетенций, связанных с онлайн-консультированием.

Целью деятельности любого специалиста в Интернет-среде является понимание особенностей сетевой среды, эффективный и быстрый поиск необходимой информации и оптимальное использование всех возможностей киберпространства для профессиональной практической и научной деятельности. Компетентный в киберпространстве психолог должен знать информационные процессы, происходящие в Интернет-среде, и характер их воздействия на личность (на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях), также эффективно воздействует интернет-социализации личности, помогает в преодолении таких проблем, как интернет-травля, кибербуллинг, столкновение с травмирующим контентом, враждебными сообществами, негативным воздействием маркетинга и пропаганды, манипулятивными технологиями (группами смерти, ботами) и т.д.

Практикующие в киберпространстве психологи должны уметь эффективно использовать современные технологические средства для коммуникации и эффективной работы; обладать навыками регуляции и саморегуляции; анализировать информацию разных типов (текстовую, визуальную и т.д.); владеть навыками управления персональной и интерперсональной динамикой в киберпространстве, фасилитации, и модерации; проводить оценку эффективности работы в киберпространстве; проводить исследования в Интернет-среде.

Таким образом, последние инновационные технологические разработки активно меняют большинство общественных процессов, и психологическое консультирование не является исключением. Это влияние закономерно имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Задача современных психологов (и ученых, и практиков) заключается в том, чтобы максимально быстро освоить и внедрить положительные эффекты информатизации, и в то же время также быстро свести к минимуму возможные его негативные последствия.

Библиографические ссылки

1. Войскунский А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberpsy.ru/articles/vojskunsij_cyberpsychology/ Дата доступа: 26.05.2019.
2. Обыденкова В.К. Предпосылки становления киберпедагогики как науки 21 века // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. Социально-историческое измерение информационной культуры. 2015. №2. С.86-102.
3. Козлова Н.С. Влияние интернет-среды на личность и ее жизнедеятельность // Журн. «Знание. Понимание. Умение». 2015. №3. С.274-285.
4. Климушко Е.И. Исследование отношения студенческой молодежи к Интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Психолог. научно-метод. эл. сб. «Web-психология–сегодня». Режим доступа: <http://школасегодня.рф/articles/211.html> Дата доступа: 15.05.2019
5. Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации: учеб.пособие. М. : МОДЭК, 2013. 192 с.
6. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М. : Академический проект, 1999. 240 с.

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ

А.В. Кунцевская

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
пр-т академика Глушкова, 2-а, 02000, Киев, Украина
psymethodologist@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы психологические и образовательные практики, разработанные в рамках деятельностной парадигмы. Представлена авторская модель построения консультативного взаимодействия в деятельностном подходе, объединяющей ряд положений и категорий, разработанных С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Ф.Е. Василюком, Г.П. Щедровицким и другими исследователями. Представлен анализ некоторых положений деятельностного подхода, позволяющих построить консультативное взаимодействие, а именно: единство сознания и деятельности; деятельность переживания и единицы анализа деятельности. Поскольку предметом консультирования выступает проблемная ситуация, переживаемая клиентом, то целью психологического консультирования является сведение проблемы к задачам, что требует задать четкую логику и этапность консультативного процесса. Показано, что консультант проводит клиента через ряд этапов (сканирование ситуации, позиционный анализ, проблематизация и фиксация противоречий, перепозиционирование и проектирование новых схем деятельности), на каждом из которых происходят последовательные изменения.

Ключевые слова: *деятельностный подход; психологическая практика консультирования; проблематизация; позиционирование.*

METHODOLOGY OF ADVISORY INTERACTION IN THE ACTIVITY APPROACH

A.V. Kuntsevskaya

Kyiv National Taras Shevchenko University
acad. Glushkov av., 2-a, 02000, Kiev, Ukraine

Annotation. The article «Methodology of consultative interaction within Activity perspective» deals with an issue of psychological and educational practices developed in the framework of Activity paradigm. The author provides a model of a consultative interaction designed in the activity perspective, including certain provisions and categories developed by S.L. Rubinstein, A.N. Leontiev, F.E. Vasilyuk, G.P. Schedrovitsky and other researchers within the framework. The author regards particular provisions of the activity approach, that allow to build a consultative interaction: i) the unity of consciousness and activity; ii) the experience as a form of personal activity, iii) categories of activity analysis. Since the subject of counseling is the problem situation experienced by a client, the main purpose of psychological counseling is to convert the problem into achievable tasks, which requires setting a clear logic and sequencing stages of consultative process. It is shown that the consultant guides the client through a series of stages (situation scanning, positional analysis, problematization and fixation of contradictions, repositioning and design of new activity schemes), each with consistent changes.

Keywords: *activity perspective; psychological counseling practice; problematization; positioning.*

В силу того, что теория деятельности возникла и десятилетиями разрабатывалась как философско-научная парадигма, можно констатировать серьёзный разрыв между знанием, полученным на основе экспериментальных исследований и требованиями современной психологической практики: «психотерапевтическая практика и психотерапевтическое образование поставили отечественную научно-психологическую традицию не только в ситуацию жесткой конкуренции, не только в ситуацию выживания, они поставили ее перед сократовской задачей познать самое себя и ответить на вопрос: есть ли в ее корнях и истоках, в ее генотипе потенции порождения полноценных психологических практик» [1]. Однако есть ряд практик, основанных на базовых принципах и методологии деятельностного подхода, возникших и получивших распространение на постсоветском пространстве. В первую очередь, разного рода образовательные практики, выстроенные на основе принципов теории деятельности, в частности: теория и практика развивающего обучения, ряд прикладных практик проектирования в организациях, обучения и продвижения персонала [2; 3]. В этих практиках за основу взяты такие категории теории деятельности как «субъект», «способ деятельности», «ведущая деятельность», «целеполагание» и другие.

Мощное направление развития теории деятельности было задано Г.П. Щедровицким и его последователями. На основе методологических разработок форм познания и организации мышления им была предложена особая форма организации коллективной мыследеятельности, направленная на решение широкого круга социальных и социально-экономических проблем [4]. Своеобразным прорывом в истории развития деятельностной психологии и психотерапевтической практики в рамках деятельностного подхода стали работы Ф.Е. Василюка, в которых он представляет переживание как особую форму деятельности по смыслообразованию в «ситуации невозможности реализации личностью собственных жизненных потребностей» [1]. Его модель состояний сознания (бессознательное, переживание, сознание и рефлексия), типология жизненных миров личности и критических ситуаций легли в основу «понимающей психотерапии» [1]. Цель данной статьи - изложение авторской модели построения консультативного взаимодействия в деятельностном подходе, объединяющей ряд положений и категорий, разработанных С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Ф.Е. Василюком, Г.П. Щедровицким и другими исследователями.

Часто запросы клиентов артикулируются как общее непонимание причин, реального содержания сложившейся ситуации и, соответственно, возможностей выхода из нее. На вербальном уровне это может звучать как: «Я уже ничего не понимаю», «Я запутался», «Я не могу найти выход», «Я не могу понять, что происходит» и так далее. Непонимание усиливает тревогу и волнение, провоцирует человека на импульсивные действия, «срывы». В таком контексте адекватное четкое понимание и осознание личностью происходящего становится основной задачей построения консультативного процесса. Деятельностный подход содержит конструкции, позволяющие структурировать ситуацию клиента, работать с межличностными конфликтами и тяжелыми «токсичными» переживаниями и страхами, соблюдая четкие рамки и логику. Эту базовую логику в нашем случае задают сле-

дующие положения деятельностной парадигмы: *единство сознания и деятельности; деятельность переживания и единицы анализа деятельности. Единство сознания и деятельности* по своей сути означает взаимодетерминированность изменений, возникающих в сознании личности и изменений в структуре, наполнении и направленности ее деятельности. И наоборот – структура деятельности, в которую вовлечен человек, находит свое отражение в его структуре сознания, приобретая специфические формы. Так, декларируемые ценности и заданные относительно конкретной деятельности цели в структуре сознания оформляются в личностные смыслы; стандарты и нормативы деятельности трансформируются в собственные специфические задачи и технологии; а конкретные ситуации жизнедеятельности в сознании отражены как идентификация, оценка (в том числе эмоциональная) данной жизненной ситуации. В свою очередь это означает, что разрывы и противоречия в деятельности личности переживаются ею как собственные. При этом переживание продолжает разворачиваться несмотря на то, что ситуация может быть завершена. Например, когда выбор уже сделан, человека могут одолевать сомнения; проблема устранена, а тревожный фон остается, свидетельствуя о продолжающейся внутренней работе переживания. *Деятельность переживания*, согласно Ф.Е. Василюку, «направлена на преодоление некоторого «разрыва» жизни, это некая восстановительная работа, как бы перпендикулярная линии реализации жизни... это процессы, направленные на обеспечение психологической возможности реализации жизни» [1]. Для консультативной практики это означает, что работа с переживанием может строиться фактически в той же логике, что и анализ любой другой деятельности.

Единицы анализа деятельности. Предметом деятельностного анализа в консультировании становятся позиции, цели, ресурсы, фрагменты структур деятельности, которые позволяют человеку моделировать свою реальность – как на уровне переживания («мне кажется / я чувствую, что происходит вот так»), так и на уровне фиксации фактов реальности. На выходе мы получаем прояснение ситуации, которое становится точкой опоры (или точкой отсчета) для дальнейшей работы. Всякий процесс консультирования предполагает, что мы строим взаимодействие по поводу проблемной ситуации, переживаемой клиентом. Проблема (в отличие от задачи) означает отсутствие условий (правил, нормативов) для ее решения, а следовательно – невозможность сформулировать, артикулировать ее суть; соответственно, высокий уровень напряженности и тревоги клиента и, наконец, интенсивный эмоциональный фон, как индикатор переживания клиентом проблемы. Следовательно, первой целью психологического консультирования является перевод проблемы в конкретные задачи, посильные для решения клиентом. Для этого консультанту необходимо провести клиента через ряд этапов: сканирование ситуации, позиционный анализ, проблематизация и фиксация противоречий, перепозиционирование и проектирование новых схем деятельности.

1. «*Сканирование*» ситуации: восстановление последовательности событий и фиксация фактов реальности (действия, события, решения и т. п.), и психологических фактов (эмоции, состояния, переживания). В процессе консультант создает карту-схему событий в привязке к эмоциям, таким образом расслаивая их и сни-

жая эмоциональный фон клиента.

2. *Позиционный анализ ситуации* – обеспечение и сопровождение процессов осознания клиентом собственных целей и задач в данной ситуации. Человек в системе любых социальных отношений занимает определенную позицию. Причём, позиция может меняться в зависимости от ситуации, целей, мотивов и ресурсов, которыми на данный момент времени личность располагает. Позиция фактически не зависит от пола, возраста или социального статуса. Она складывается из комплекса ситуационных и личностных условий. Активных позиций может быть несколько, но актуальной доминирующей для личности на определенный момент времени (или в определенной сфере отношений) может быть только одна. Основанием для разделения на позиции выступает: тип направленности действий и активность/пассивность относительно ситуации. Таким образом, возникают диады: творчество – разрушение; преобразование – замирание; целеполагание – подчинение; управление – бунт; организация – хаос. Позиция связана с тем, лежит ли цель в процессе деятельности или за ее пределами, так что она оказывается либо самоцелью, либо инструментом достижения цели.

3. *Проблематизация и фиксация противоречий*. На этом этапе консультант вводит конструкты способа действия и личностного ресурса и вместе с клиентом сопоставляет их с позициями, обозначенными на предыдущем этапе. Особенность конструктов заключается в том, что они – как паззлы, по которым можно увидеть, как работает система, и понять, где находятся «сбои». Можно увидеть, как при появлении одной позиции моментально появляются другие, выстраиваются связи и взаимоотношения, которые обычно ускользают от осознания. Например, отождествление себя с Защитником всегда предполагает наличие Врага и развертывание действий, так или иначе связанных с конфликтом. Более того, наличие Защитника всегда подразумевает «подзащитного» – то (или что) он оберегает от нападения. И, если это человек, он автоматически попадает в кластер «Жертва». Такие взаимодействия можно анализировать и с точки зрения того, является ли такой расклад осознанным выбором личности, и с точки зрения ее ресурсов, задач и релевантности выбираемых ею способов действия. К примеру, клиент заявляет управленческую позицию («я хочу, чтобы он развелся с женой», или «я хочу быть для нее самым важным человеком»), не имея реальных управленческих ресурсов, способов прямого влияния на данную ситуацию. Позиционирование без обеспечения соответствующими ресурсами порождает внутриличностный (а, при попытке задействовать средства управления, например приказ, еще и межличностный) конфликт, переживание беспомощности и сильной тревоги. Консультант проблематизирует позицию и привычные схемы действий клиента с помощью рефлексивных вопросов, а затем сопровождает переживание, осознание и принятие клиентом обнаруженных противоречий и разрывов. Так, клиент, недовольный собственной работой, жалующийся на постоянную усталость, обнаруживает, что львиная доля его сил уходит на борьбу «с несправедливостью», а не на выполнение своих профессиональных обязанностей. И его усталость связана с бунтарской позицией по отношению к системе, что снижает его работоспособность и удовлетворенность когда-то любимой работой.

4. *Перепозиционирование и проектирование новых схем деятельности.* Переход на этот этап становится возможным только после того, как клиент научится самостоятельно наблюдать и фиксировать противоречия в ситуации собственной жизнедеятельности. Консультант строит взаимодействие таким образом, что клиент пересматривает текущую неработающую позицию, цели либо способ действия и формирует требования к новым, которые, на его взгляд, являются более эффективными и конструктивными. Затем следует серия проб, после которых клиент вносит ряд корректив в схему деятельности.

Применение деятельностных конструктов в консультативной практике повышают структурированность процесса, позволяя консультанту и клиенту удерживать его логику и общий смысл. Безусловно, деятельностный подход в психологической практике консультирования требует дальнейших методологических разработок. В частности, разработки протоколов консультативных сессий и непараметрических методов диагностики продвижения клиента. Актуальная сегодня тенденция западных психологических школ удерживать рамку evidence based practice (доказательной практики) открывает широкие возможности для деятельностного подхода и его реальную перспективу сформировать сильную психологическую школу наряду с уже зарекомендовавшими себя классическими психотерапевтическими школами.

Библиографические ссылки

1. Василюк Ф.Е. Опыт построения психотехнической системы // Вестн. практ. психол. образования. 2007. №3. С. 27-41
2. Зарецкий В.К. Становление и сущность рефлексивно-деятельностного подхода в оказании консультативной психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 2. С. 8-37
3. Аксенова Н.И. Системно-деятельностный подход как основа формирования метапредметных результатов // Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. СПб. : Реноме, 2012. С. 140-142.

УДК 88.4

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЖИДАНИЯ КЛИЕНТА И ОБЩЕСТВА

Е. С. Лученкова

УО «Витебский государственный технологический университет»

Московский пр-т, 72, Витебск, Республика Беларусь

elena.stepanovna@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются методы психологического консультирования с учетом ожидания клиента. Подчеркивается квалификация психолога с позиций ожидания клиента и его владения психологическими приемами с учетом этапов консультирования. Процесс консультирования рассматривается как взаимодействие между психологом и клиентом, где консультант и клиент проявляют себя как личности со своими

ценностями, особенностями общения и жизненным опытом. У психолога и клиента существуют теоретические построения для объяснения человеческой жизни. Причем, у консультанта эти объяснения выстраиваются, как правило, на научных знаниях, а у пациента на обыденном опыте. Но те и другие представляют свои ожидания о процессе консультирования.

Ключевые слова: *психологическое консультирование; клиент; психолог-консультант; личная значимость; ожидания клиента.*

PSYCHOLOGICAL CONSULTING THROUGH THE PRISM OF THE EXPECTATION OF THE CUSTOMER AND SOCIETY

E.S. Luchenkova

Vitebsk State Technological University

Moskovsky av., 72, Vitebsk, Republic of Belarus

Annotation. Methods of psychological counseling are considered in this article. It is done with taking into account the expectations of the client. The qualification of a psychologist is emphasized from the standpoint of the client's expectation and his knowledge of psychological techniques, taking into account the stages of counseling. The process of counseling is seen as the interaction between the psychologist and the client. Where the consultant and client are manifesting themselves as individuals with their values, features of communication and life experience. The psychologist and the client have theoretical constructs to explain human life. Moreover, these explanations are built, as a rule, on scientific knowledge, and the patient on everyday experience. But those and others present their expectations of the consultation process.

Keywords: *psychological counseling; customer; counseling psychologist; personal significance; customer expectations.*

Перемены последних лет создали в нашей стране ситуацию, когда востребованность услуг психолога нарастает. Поэтому ожидание общества к психологу и психологическому консультированию носит особый характер. Внедрение практической психологии в нашу жизнь закономерно приводит к развитию тех её областей, которые направлены на оказание психологической помощи людям, и прежде всего – к развитию консультативной психологии. Поэтому ожидание общества устремлены в сторону «психолога-консультанта». Сегодня можно выделить, как минимум, пять достаточно очерченных групп специалистов, относящих себя к психологам-консультантам: 1) лица с базовым фундаментальным образованием, которые преимущественно занимаются научно-исследовательской, теоретической, преподавательской деятельностью и лишь иногда занимаются психологическим консультированием; 2) психологи-практики с базовым университетским образованием. Это специалисты – «синтетики» в психологии, хорошая теоретическая подкованность позволяет на высоком уровне осуществлять любые профессиональные практические действия; 3) лица, не имеющие психологического образования, но на основе полученного другого образования (филологического, философского, исторического, медицинского и т. д.) в течение многих лет занимаются именно психологическими исследованиями или практикой; 4) практики, не имеющие фундаментального образования (психологического), но получили его в рамках повышения квалификации или переквалификации, или на сертифицированных

курсах разного профиля; 5) лица, которые именуют себя «психологами» и занимаются психологической практикой на основе эзотерики, мистики, хиропрактики, физиогномики т. д.

Взаимодействия между группами достаточно разнообразны от полного неприятия до конструктивного сотрудничества. В общественном же сознании разницы между ними нет вообще. Эта разница отсутствует только для внешнего наблюдателя. Современный психолог ищет место между профессиональной обособленностью, и в известном смысле дилетантизмом изотерических знаний. Соответственно возникает вопрос: «Кто такой практический психолог»? Это, как правило, психологи второй, но чаще четвертой из приведенных групп.

Ожидание тех, кто обращается к психологам носит двухполюсной континуум. С одной стороны от психолога ожидают услуг на уровне чуда, с другой – ожидание обучения манипулировать другими. Поэтому психолога в первом и во втором случае ставят в положение искусного манипулятора. Исходя из изложенного, можно говорить, что профессия «психолог-консультант» в нашей стране находится в ситуации становления и требует теоретического и методического обеспечения. Учитывая запросы общества от «психолога-консультанта» требуется овладения различными техниками и методиками консультирования. Каждое направление в консультировании делает акцент на способах работы с клиентом, специальных технических приемах. Но основным инструментом психолога-консультанта являются навыки наблюдения за другим человеком, проявление внимания и интереса, техники слушания и воздействия. В психологическом консультировании такими инструментами служат вербальные и невербальные формы коммуникационного воздействия с клиентом. Самое важное и трудное в работе психолога – быть внимательным. Внимательное поведение, согласно взглядам большинства психологов (А. Айви, К. Рождерс и др.), является центральным аспектом консультирования и включает в себя четыре момента: визуальный контакт, необходимый язык жестов, тон голоса и вербальное следование рассказу клиента.

В восприятии окружающего мира участвуют два типа информации. Информация первого рода включает в себя всю информацию, которая поступает в наш мозг в данный момент, то есть это всё, что воспринимают наши органы чувств. Информация первого рода не навязывает нам никакой объективной реальности и обретает смысл только по отношению к информации второго рода. Информация второго рода включает в себя все то, что делает нас уникальным человеческим существом, то есть наш опыт, ожидания, надежды, стремления и т. д. К информации второго рода также относятся наши эмоции. Поэтому в работе психолога-консультанта необходимо уделить внимание трем элементам: личной значимости клиента; селективному мышлению; селективному восприятию.

Личная значимость. Для большинства людей большую часть времени самый главный человек в нашей жизни – это мы сами. В результате наибольшее внимание мы уделяем тому, что имеет максимальную личную значимость. Чтобы не упустить посылы со стороны клиента очень важно уловить нужную информацию, для её качественной обработки. Под обработкой понимается процесс во время, которого мы четко фокусируем свое внимание на определенном блоке инфор-

мации, позволяя остальным блокам удаляться и размываться, пока они не окажутся ниже уровня нашего сознания. В итоге селективное внимание означает следующее: оценивая значимость ситуации, мы рассматриваем доступный нам блок информации первого рода, которую мы накладываем на него. Точно так же, мы видим то, что ожидаем увидеть, мы воспринимаем то, что ожидаем воспринять. Узнавая о каком-либо человеке, мы формируем у себя ожидания относительно этого объекта. Подобные ожидания часто ассоциируются с убеждениями, стереотипами, установками, эмоциями и ощущениями, и поэтому подготавливают определенную реакцию на объект нашего внимания. Чем сильнее наши ожидания, тем меньше вероятность альтернативной реакции. Исходя из изложенного, психолог-консультанту никогда нельзя забывать, что внимание и восприятие в высшей степени избирательны и субъективны. В идеале, психолог-консультант, должен следить за всеми проявлениями клиента, воспринимать его речь, отслеживать телесные проявления, минимально отвлекаясь на себя.

С самого начала консультации важно понять, что клиент пришел с определенным запросом и поэтому, консультирование – это, прежде всего, контакт двух людей. На сегодняшний день существует большое количество теорий и практик психологического консультирования. *Психоанализ*, который включает в себя ряд техник успешно используемых в психологическом консультировании: анализ свободных ассоциаций, «фрейдовская ошибка», анализ сновидений, анализ сопротивления, анализ переноса. Используя эти техники, психолог-консультант сможет помочь клиенту в осознании неосознаваемых защитных механизмов, мотивов, способов поведения и принятия, их интерпретаций. *Поведенческий подход*, который можно охарактеризовать как направление, использующее принципы научения клиентов решать их поведенческие проблемы. К техникам поведенческой терапии и консультирования относятся: релаксация, уменьшение тревожности, моделирование, позитивное подкрепление, авersiveное обусловливание и т.д. Используя техники поведенческого подхода, психолог-консультант помогает клиенту овладеть новым поведением, сформировать новые социальные умения, помочь в преодолении вредных привычек. *Рационально-эмотивный подход*, разработанный в 50-х годах XX века А. Эллисом, и главная идея которого заключается в восприятии определенных событий людьми, то есть влияние на людей не самих событий, а отношение к ним. К техникам рационально-эмотивной терапии относятся: диалог между клиентом и психологом, ролевые игры, моделирование, эмоционально насыщенное разубеждение и т. д. Применяя перечисленные техники можно снизить у клиента типичные ошибки иррационального мышления, когнитивное переорганизовать эмоциональный фон, а затем перейти к поведенческим изменениям. *Гештальт-подход*, созданный Ф. Перлзом в начале 50-х годов XX века. К техникам гештальт-терапии относят: восприятие «здесь-и-сейчас», директивность, речевые изменения, работа со сновидениями, реверсивная игра, выявление фантазий и др. Используя техники гештальт-терапии можно восстановить контакт клиента со своими чувствами, развить ответственность, развить способности формировать и завершать гештальты и т. д.

Таким образом, психолог-консультант, чтобы оправдать ожидание клиента,

а затем и общества должен не просто знать технические приемы, но и понимать в какой момент, на каком этапе консультирования их уместно использовать. Кроме того в процессе психологического консультирования консультант и клиент проявляют себя как личности со своими особенностями и ценностями. Поэтому психологическое консультирование – это динамический процесс в ходе, которого происходят изменения, как клиента, так и консультанта. С качеством этих изменений связаны основные ожидания отдельного клиента, а значит и общества в целом.

УДК 159.964.28

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

А. В. Маричева

ФГАОУО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
пр. акад. Вернадского, 18, 295007, Симферополь, Российская Федерация
tnu_anastasiya@rambler.ru

Аннотация. Материалы отражают результаты внедрения положений психоанализа и психолингвистики в практику оказания психологической помощи, консультирования и психотерапии. Описаны проблемы, пути их решения, полученные результаты использования психолингвистического анализа дискурса в психотерапевтической работе. Предложена модель семиотического основания современных методов анализа функционирования личности в парадигме глубинной психологии. Обоснован метод амплификации дискурсивной способности личности металогическими вербальными конструкциями, что позволяет расширить спектр металогичности ее дискурса. Отмечено, что металогичность дискурса является признаком адекватно функционирующей системы психологических механизмов защиты личности. Установлено, что способность к символообразованию отражается в метафоричности дискурса личности и является естественным основанием ее адекватного психологического функционирования. Нарушение символообразования отражается в психопатологических симптомах.

Ключевые слова: психоанализ; психолингвистика, симптом; психотерапия; дискурс.

PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO ANALYSIS OF DISCOURSE IN CONTEMPORARY PSYCHOTHERAPEUTIC PRACTICE

V. A. Maricheva

Federal state Autonomous educational institution of higher education Crimean
Federal University named after V. I. Vernadsky
18 acad. Vernadsky av., 295007, Simferopol, Russian Federation

Annotation. The theses reflect the results of the implementation of the provisions of psychoanalysis and psycholinguistics in the practice of psychological care, counseling and psychotherapy. The problems, ways of their solution, the results of the use of psycho-

linguistic analysis of discourse in psychotherapeutic work are described. The model of the semiotic basis of modern methods of the analysis of functioning of the personality in a paradigm of deep psychology is offered. Justified method of amplification of discursive abilities of individuals, the meta-logic of verbal constructions that allows to expand the range of metalogical her discourse. It is noted that the metalogy of discourse is a sign of an adequately functioning system of psychological mechanisms of personal protection. It is established that the ability to symbolize is reflected in the metaphorical discourse of the individual and is a natural basis for its adequate psychological functioning. Violation of symbol formation is reflected in psychopathological symptoms.

Key words: *psychoanalysis; psycholinguistics; symptom; psychotherapy; discourse.*

Личность как продукт культуры и языка в современных психодинамических версиях психоаналитического подхода обретает своеобразную «текстуальную» природу, находя свою идентичность в сети социальных отношений. В своих работах З. Фрейд также использует метафору сети или ткани, говоря о существовании бессознательных механизмов, поддерживающих бессознательную личностную динамику. Ткань дискурса как сеть означающих в представлении его последователя Ж. Лакана довлеет над человеком «обрекая его на скольжение в игре знаков, на зависимость от структуры мира знаков...» [4, с. 120]. Эта диктатура знака становится заметной в патологической симптоматике, которая обычно сопровождает невротические расстройства и имеет очевидную лингвистическую природу. Так Ж. Лакан пишет: «Двойной спусковой механизм метафоры и есть тот механизм, с помощью которого получает определенность симптом (в аналитическом смысле)» [3, с. 179]. В этом контексте психологическая травма выступает как «центральная пустота, как ядро, на которое направлена ненависть и ярость, как недостижимая суть реальных... Искусство и истерия организованы вокруг этой пустоты; религия и невроз навязчивости – средства избегания этой пустоты; наука и паранойя происходят из неверия в эту пустоту» [1, с. 166]. Процесс символизации является способом выражения, артикуляции этой пустоты, а способность к формированию неконкретного символа сама по себе является достижением Эго и поддерживается работой механизмов бессознательного смещения и сгущения, что проявляется в форме организации дискурса как лингвистические тропы метафоры и метонимии, обеспечивая существование симптома и бессознательного желания.

Основываясь на вышеобозначенном, была разработана модель семиотического основания современных методов анализа субъекта в парадигме глубинной психологии и основанных на ней форм психотерапии, которая имеет инновационный потенциал как методов глубинно-психологического, так и психолингвистического исследования производимого личностью дискурса [4]. Доказано, что в процессе бессознательного семиозиса через лингвистические тропы и металогические формы организации дискурса субъекта реализуются механизмы бессознательного, эквивалентные механизмам психологической защиты и использование соответствующих лингвистических конструкций в терапевтическом взаимодействии позволяет диагностировать и корректировать дисфункциональную

защитную реакцию посредством соответствующей ей формы символизации [5].

Таким образом, был разработан и апробирован психотерапевтический метод для нивелирования невротической симптоматики - метод амплификации дискурсивной способности личности металолическими вербальными конструкциями, что позволяет расширить спектр металоличности ее дискурса. Обогащение речевой техники происходит в процессе психотерапевтического анализа путем привития ей модели употребления соответствующего лингвистического тропа для артикуляции проблемного участка внутреннего опыта. Проведенное эмпирическое исследование с использованием методов математической статистики для обработки полученных результатов показало, что категория металоличности дискурса может быть использована не только как часть предлагаемой терапевтической техники, но и как критерий верификации результатов психотерапевтического воздействия не зависимо от того, какой методологической парадигмы придерживается психотерапевт [6]. Психолингвистический подход к анализу дискурса в современной психотерапевтической практике обладает несомненным инновационным потенциалом и является актуальным направлением исследований в целях верификации результатов методов, направленных на изучение глубин бессознательной психики личности.

Библиографические ссылки

1. Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб. : Алетейя, 2006. 172 с.
2. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. 184 с.
3. Лакан Ж. Этика психоанализа. Семинары: Кн. 7. М.: Логос, 2006. 416 с.
4. Маричева А.В. Психолингвистическая психодинамическая психотерапия. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2016. 272 с.
5. Маричева А.В. Спектр металоличности дискурса субъекта и его изменения в психолингвистической психодинамической психотерапии // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2016. № 2. С. 143 – 153
6. Маричева А.В. Психолингвистический анализ дискурса субъекта в современной психодинамической теории и психотерапевтической практике // Глобализация науки: проблемы и перспективы: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2015. С. 147 – 151

УДК 364

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА
ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ
У ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНОГО ПРИЮТА**

Т.И. Ачинович

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
endefy@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности коммуникативных умений у подростков в условиях социального приюта. Подчеркивается необходимость комплексной социально-психологической работы с подростками, воспитывающимися в условиях социального приюта. Определены направления и принципы работы по формированию эффективной коммуникации у подростков.

Ключевые слова: *социально-психологическая работа; коммуникативные умения; подростки; социальный приют.*

**SOCIAL-PSYCHOLOGICAL WORK ON FORMATION
OF COMMUNICATIVE SKILLS OF TEENAGERS FAMILIATED
UNDER THE CONDITIONS OF A SOCIAL SHELTER**

T.I. Achynovich

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the peculiarities of communicative skills of teenagers in a social shelter. The necessity of complex social-psychological work with the teenagers brought up in the conditions of a social shelter is underlined. Directions and principles of work on formation of effective communication at teenagers are defined.

Key words: *social and psychological work; communication skills; teenagers; social shelter.*

Оказание помощи детям, по разным причинам, оставшимся без попечения родителей, является важнейшим направлением социальной политики государства. Нарушения, которые развиваются после обрыва связей с семьей, затрагивают все уровни человеческого функционирования (личностный, межличностный, социальный, физиологический, психологический, соматический), что ведет к стойким личностным изменениям. Изучение личности детей-сирот в условиях интерната

показывает, что у них сформирован тип личности, имеющий «безэмоциональный характер». Это проявляется в неумении вступать в значимые отношения с другими людьми, бедности эмоциональных реакций, низкой самооценке. Коммуникативная активность у воспитанников интернатов отличается примитивным и поверхностным характером. Такие дети не способны к продуктивному сотрудничеству и фиксированы на непосредственном эмоциональном общении. В сфере самосознания для воспитанников детских домов характерна устойчивая заниженная самооценка, негативное самоотношение в виде неприятия себя, недоверия к себе, ориентации в самооценке на мнение других людей.

Многие исследователи отмечают низкий уровень развития коммуникативных умений и навыков детей в условиях депривации. И.А. Фурманов пишет, что одним из факторов, влияющих на возникновение различного рода психологических проблем у детей, лишённых родительского попечительства, является депривационный синдром. Психическое и личностное развитие воспитанников интернатных учреждений обусловлено влиянием депривационного синдрома [3]. И.В. Ярославцева указывает, что «проблемы подростков обостряются при интеграции с социальной общностью. Недостаточная самостоятельность и зависимость от других, внушаемость и эмоциональная нестабильность повышают риск их социально-психологической дезадаптации» [4, с.139-140]. А.И. Настенкова выделила несколько факторов, затрудняющих процесс успешной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. «Деструктивное влияние социальной ситуации, усиленной материнской, коммуникативной, эмоциональной и сенсорной депривацией на общее развитие ребёнка является одной из существенных причин социальной дезадаптации воспитанников интернатных учреждений. Хотя круг общения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей достаточно широк с раннего детства, потребность в эмоционально тёплом контакте не находит удовлетворения, так как ребёнок нуждается в специфически материнском типе эмоциональной стимуляции. Реально существующий широкий круг общения при эмоционально поверхностном стиле отношения к конкретному ребёнку в условиях детского дома не может восполнить дефицит эмоционального тепла. При широком круге общения адекватные поведенческие стереотипы вырабатываются у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с большим трудом. Опекунство нескольких взрослых сосредоточенная в раннем детстве на уходе за ребёнком, а позже - на контроле за ним, многочисленные контакты со сверстниками, перегружающие и истощающие психику ребёнка, не могут иметь позитивного значения для формирования личности и её безболезненной социальной адаптации» [2, с. 321].

Л.А. Беляева, изучив уровень коммуникативных навыков у детей сирот, отмечает, что «низкий уровень коммуникативных способностей отмечен у 70 % детей. Таким подросткам необходимо работать над собой и учиться уметь слушать. У данных подростков отмечается несоответствие эмоциональных реакций силе и качеству раздражителей, повышенная возбудимость, агрессивность, взрывчатость, а также слабый контроль эмоций, эти подростки отмечены высоким уровнем тревожности и низкой самооценкой [1]. Таким образом, для детей и подростков, вос-

питывающихся в детских домах и интернатах характерны следующие особенности: феномен «мы», формирующийся из-за неразвитой и искаженной потребности в любви и признании, из-за эмоционально нестабильного положения ребенка, лишнего родительского попечительства; низкий уровень самосознания и самоидентификации; низкий уровень развития мотивационных структур личности; низкий уровень развития полоролевой идентификации, низкий уровень коммуникативных навыков.

Целью проведенного нами исследования было выявление особенностей коммуникативных умений у подростков, воспитывающихся в условиях социального приюта. В исследовании приняли участие учащиеся подросткового возраста (13-14 лет), всего 80 человек. Первую группу составили подростки из детского дома и социального приюта, всего 40 человек. Для сравнительного анализа была взята группа подростков, воспитывающихся в семьях, также 40 человек.

Представим результаты изучения коммуникативных умений у подростков с помощью теста Л. Михельсона. На основе полученных данных по каждой выборке испытуемых были выделены три группы подростков с различным уровнем сформированности коммуникативных навыков: компетентный, зависимый и агрессивный. С помощью метода описательной статистики высчитаны средние значения показателей, отражающий уровень коммуникативных навыков.

Результаты исследования показали, что по выборке подростков из социального приюта, также как у подростков, воспитывающихся в семьях, преобладающим типом коммуникативного реагирования является компетентный тип. Данный тип сформированности коммуникативных умений более выражен у подростков из семей ($M=12,77$) по сравнению с подростками из приюта ($M=11,77$). Подростки с компетентным типом коммуникативных умений способны строить общение с окружающими на основании предсказуемых, а, следовательно, и успешных моделей коммуникации. Вторым по степени выраженности у подростков из социального приюта является агрессивный тип коммуникативного реагирования ($M=7,92$), он выражен в более высокой степени по сравнению с подростками из семей ($M=5,85$). Агрессивный тип коммуникативного поведения и зависимый тип – наиболее проблематичные типы личности для введения их в жизнь социума. Агрессивный тип склонен к проявлению вспышек ярости, несогласия с собеседником. Зависимый тип коммуникативного реагирования в наименьшей степени характеризует подростков из социального приюта ($M=7,27$). У подростков из семей этот тип является вторым по степени выраженности после компетентного ($M=8,60$). Личности с данным набором коммуникативных моделей поведения способны к построению продуктивного диалога с окружающими, однако они проявляют излишний конформизм, стремясь угодить окружающим. У детей, воспитываемых в условиях детского дома, нарушено доверие, они предполагают, что их поведение может вызвать негативную реакцию со стороны окружающих. Это приводит к тому, что респондент боится выражать собственное мнение, дабы не быть осужденным, он предпочитает соглашаться с собеседником. Такая коммуникативная модель поведения мешает успешной социализации воспитанников детского дома, что требует особого внимания со стороны психологов. Таким образом,

у подростков из социального приюта компетентный и зависимый тип коммуникативных умений выражен слабее по сравнению с подростками из семей. В то же время у них сильнее проявился агрессивный тип коммуникативного реагирования.

Для подтверждения выявленных различий был проведен статистический анализ данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Результаты показали, что подростки из социального приюта отличаются более высокими значениями по агрессивному типу коммуникативного реагирования ($U=586,00$, $p \leq 0,05$) по сравнению с подростками, воспитывающимися в семьях. Это означает, что подростки из социального приюта отличаются склонностью к проявлению вспышек ярости, несогласия с собеседником (что не является редкостью в условиях детского дома).

Неумение общаться влечет за собой доминирование защитных форм поведения, таких, как неадекватная лояльность или агрессивность (например, стремление обвинить во всем окружающих, неумение и нежелание признать свою вину и др.). Нарушение регуляции произвольной деятельности, саморегуляции поведения проявляется в основном в том, что воспитанники детских домов не умеют самостоятельно планировать и контролировать свои действия. Воспитание послушания, формальное дисциплинирование приводит к тому, что воспитанники ориентируются в своих поступках в значительной степени на оценку окружающих и легко попадают после выпуска под чужое, подчас криминальное, влияние сильной личности.

Эффективная помощь подросткам, воспитывающимся в условиях социального приюта, предполагает комплексную социально-психологическую работу, объединяющую усилия разных специалистов – социальных работников, педагогов, психологов. Социально-психологическая работа – это направление в социальной работе, которое уделяет особое внимание социально-психологическим аспектам трудной жизненной ситуации клиента и помогает в решении данных проблем. Можно выделить такие направления социально-психологической работы с подростками, воспитывающимися в условиях социального приюта: 1) развитие навыков эффективной коммуникации, эффективного взаимодействия в коллективе; 2) развитие навыков самоанализа собственного поведения и эмоционального состояния; 3) развитие навыков принятия решения, 4) формирование доверия и позитивных взаимоотношений с окружающими, 5) оптимизация Я-концепции, повышение самооценки и развитие самоуважения; 6) обучение распознаванию и выражению своих чувств, 7) обучение навыкам управления своим эмоциональным состоянием, 8) снижение повышенной тревожности.

Наиболее эффективной формой работы с подростками по коррекции негативных личностных образований, развития позитивного самоотношения и коммуникативных умений является групповая работа в виде социально-психологического тренинга. Такая работа должна опираться на следующие принципы: 1) принцип дифференцированного подхода к организации процесса коррекции негативных личностных образований (процесс ориентируется на возрастные, половые, социальные и индивидуально-личностные особенности включенных в него детей и подростков); 2) принцип субъектности включения подростков в процесс коррекции негативных личностных образований (ориентация на формирова-

ние рефлексивной позиции участников, работу по повышению мотивации к активному включению в предлагаемые виды деятельности); 3) принцип создания эмоционально положительной атмосферы в процессе групповой работы (необходимость обеспечения комфортного самочувствия участников в процессе групповой работы, чувства защищенности и поддержки, отрицание директивного вмешательства в личную жизнь, построение взаимодействия на основе этических норм); 4) принцип создания условий для самореализации участников в процессе групповой работы (для реализации социально значимых свойств и качеств личности, поощрение успехов и достижений участников процесса, удовлетворение от общения со сверстниками, наличие положительных эмоций в процессе совместной деятельности); 5) принцип ориентации на интересы и потребности участников (необходимость изучения данных интересов и потребностей, организация различных видов деятельности, в которых этот потенциал может реализоваться).

Выбор именно групповой формы работы с выпускниками интернатных учреждений обусловлен тем, что именно данная форма практической работы позволяет формировать позитивные личностные качества в ходе практической деятельности и общения со сверстниками, отрабатывать механизмы адаптивного поведения, формировать эффективные стратегии межличностного взаимодействия. Групповая форма работы строится на активности самих участников и имеет ряд преимуществ. Групповая форма работы с элементами тренинга относится к типу активного обучения, но при этом имеет черты консультационной группы, что обусловлено высокой значимостью проблемы для участников. Эта работа призвана оказать участникам помощь в исследовании и решении психологических проблем; изучении психологических основ общения; развитии самосознания с целью самоизменения и коррекции поведения; содействии личностному росту и саморазвитию; направлена на формирование навыков продуктивного межличностного взаимодействия с окружающими, развитие коммуникативных навыков. В условиях принятия и понимания участники более склонны к самовыражению и самоисследованию, к более глубоким отношениям с другими. Социальное поведение, которое требуется от участников во время коррекционных занятий, способствует их социальной адаптации и в микро-социуме.

Библиографические ссылки

1. Беляева Л. А. Особенности проявления коммуникативных способностей подростков в условиях детского дома // Вестн. Томского госуд. педагог. ун-та. 2012. № 11 (126). С. 192-197.
2. Настенкова А.И. Проблема социализации воспитанников детского дома: миф или реальность // Молодой ученый. 2013. №1. С. 321-323.
3. Фурманов И.А. Психологические особенности детей, лишённых родительского попечительства. Минск : Тесей, 1999. 160 с.
4. Ярославцева И. В. Специфика развития депривированного подростка // Сибирский психолог. журн. 2005. № 21. С. 138-141.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Л. П. Васильева, А.А. Караваева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
belaya.vezha@yahoo.com

Аннотация. В статье приводятся результаты диагностики общей коммуникативной толерантности студентов, осваивающих социэкономические профессии, что позволило определить толерантные и интолерантные установки личности, проявляющиеся в процессе общения, выявить проблемные зоны в формировании профессионально важных качеств у будущих специалистов помогающих профессий.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность; профессионально важные качества; специалисты помогающих профессий; социэкономические профессии; психологическое сопровождение.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF SPECIALISTS «HELP» PROFESSIONS FOR PROFESSIONAL TRAINING

L.P. Vasilyeva, A.A. Karavaeva

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents the results of the diagnosis of General communicative tolerance of students mastering sociэconomic professions, which allowed to determine the tolerant and tolerant attitudes of the individual, manifested in the process of communication, to identify problem areas in the formation of professionally important qualities of future professionals helping professions.

Key words: communicative tolerance; professionally important qualities; specialists of helping professions; sociэconomic professions; psychological support.

Профессиональное становление специалиста представляет собой длительный процесс, который начинается с выбора профессии и завершается полной самореализацией личности в профессии. Один из важнейших этапов подготовки специалиста – этап профессиональной подготовки будущего специалиста в вузе. Актуальность данной работы обусловлена возросшей в обществе потребностью в высококвалифицированных специалистах социэкономических профессий, что определяется состоянием современного здравоохранения, образования, социальной защиты населения и других социальных институтов. К специалистам социэкономических профессий относятся врачи, психологи, специалисты по социальной работе, педагоги. Специалист по социальной работе обеспечивает решение многих социальных, психологических, педагогических, этических, правовых проблем общества и человека, находящегося в социально-опасном положении. Чрезвычайно

важна их роль по оказанию помощи лицам с ограниченными возможностями в реабилитационных учреждениях разного профиля (медицинского, профессионального, социального). Социальная помощь должна оказываться только высокопрофессиональными специалистами, поэтому наряду с получением профессионального образования и воспитания в учреждении высшего образования необходимо формировать и оттачивать профессионально важные качества и профессиональную направленность специалиста, которые наряду со знаниями, умениями, навыками обеспечат высокое качество и эффективность их деятельности [1; 2].

Целью данной работы -изучение социально-психологических особенностей профессионального становления студентов, обучающихся помогающим профессиям. Объект исследования - студенты 5-ых курсов специальностей «Специалист по социальной работе. Психолог» (БГУ), «Педиатрия» (БГМУ), «Инженер микро- и нано техники» (БГУИР) в количестве 75 человек, по 25 - в каждой группе. Первую группу составили 21 девушка и 4 юноши, вторую – 20 девушек и 5 юношей, в третьей (группе сравнения) было –6 девушек и 19 юношей. Возраст испытуемых: 21-25 лет. Методики исследования: диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса; опросник (Г.С. Никифоров, В.К. Васильев, С.В. Фирсова) для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль); методика диагностики общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко. Метод статистического анализа - t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Ядром профессионального становления специалиста является развитие личности профессионала в процессе профессионального обучения, освоения профессии и выполнения профессиональной деятельности [1; 3; 4]. Решение этой задачи требует социально - психологического сопровождения формирующегося специалиста на всех этапах профессионального обучения и воспитания, т.к. личность – орудие труда, по выражению многих специалистов, в профессиях социо-экономического профиля, относящихся к типу «человек-человек». Эти профессии предполагают постоянное взаимодействие и общение с людьми в ходе профессиональной деятельности. Это те сферы деятельности, которые связаны с оказанием помощи человеку, группам людей, то есть относящиеся непосредственно к «помогающим» профессиям (врач, психолог, педагог, специалист по социальной работе). Их профессиональная деятельность является проявлением помогающего поведения, просоциального поведения. Объектом просоциального поведения выступают конкретные люди, столкнувшиеся с различного рода проблемами. Деятельность специалиста по социальной работе, врача связана с высокой эмоциональной нагрузкой, поэтому большое значение приобретают такие профессионально важные качества как, эмоциональная устойчивость, толерантность (особенно при непосредственном общении с клиентом) и способность личности конструктивно разрешать конфликты. Эмоциональная устойчивость уменьшает отрицательное влияние сильных эмоциональных воздействий на личность, предупреждает развитие профессионального стресса, способствует проявлению готовности к профессиональным действиям в напряженных ситуациях, что является одним из факторов надежности специалиста, эффективности деятельности в экстремальных и не-

стандартных ситуациях. Социальная работа относится к числу сфер деятельности, для которых принцип толерантности является одним из основополагающих. Толерантность в социальной работе является чрезвычайно важной и направлена на избежание любой предвзятости (признание различий людей, но невозможность навязывания отдельных взглядов, убеждений). Именно поэтому для исследования нами были выбраны и изучены такие профессионально важные качества будущих специалистов помогающих профессий, как самоконтроль в эмоциональной, деятельностиной и поведенческой сферах, общая коммуникативная толерантность и выбор оптимальных стратегий поведения в конфликтных ситуациях.

Полученные данные свидетельствуют, что у будущих педиатров и у будущих инженеров преобладающие стратегии поведения в конфликтах – избегание ($7,08 \pm 0,47$ и $7,48 \pm 0,34$ баллов, соответственно), компромисс ($6,52 \pm 0,34$ и $7,16 \pm 0,32$, соответственно) и уступчивость ($6,12 \pm 0,33$ и $6,24 \pm 0,40$ баллов, соответственно). Они имеют среднюю степень выраженности. Различия были достоверными между студентами - педиатрами и инженерами по избиранию компромиссной стратегии поведения в конфликте ($6,52 \pm 0,34$ и $7,16 \pm 0,32$, $P < 0,05$). Для будущих специалистов по социальной работе наиболее характерными были сотрудничество ($6,72 \pm 0,42$), компромисс ($6,68 \pm 0,37$) и избегание ($6,6 \pm 0,39$). Стремление к сотрудничеству в конфликтах было достоверно выше у студентов БГУ, чем у медиков ($6,72 \pm 0,42$ и $5,36 \pm 0,3$, $P < 0,05$) и инженеров ($6,72 \pm 0,42$ и $5,12 \pm 0,45$, $P < 0,05$). Менее всего у студентов всех специальностей был представлен такой способ регулирования конфликтов, как соперничество (студенты БГУ – $4,36 \pm 0,53$, студенты БГМУ – $4,49 \pm 0,51$ и студенты БГУИР – $4 \pm 0,55$ баллов). По мнению специалистов, занимающихся разрешением конфликтных ситуаций, эффективный работник – тот, кто умеет успешно использовать все пять тактик, в зависимости от конкретной ситуации с конкретным клиентом (пациентом). Причем диапазон выраженности тактик должен находиться в пределах от 5 до 7 баллов. Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее «эффективными» работниками в плане разрешения конфликтов являются *будущие инженеры*, не относящиеся к помогающим профессиям, затем следуют *будущие специалисты по социальной работе*, и на последнем месте *будущие педиатры*, профиль поведения которых в конфликте имеет наиболее неравномерные показатели.

Анализ данных исследования уровня эмоциональной устойчивости (выраженности самоконтроля) в эмоциональной, социальной и деятельностиной сферах, как одного из профессионально важных качеств, показал, что у будущих специалистов по социальной работе самоконтроль в деятельности имеет показатель выше среднего ($16,88 \pm 0,30$), что свидетельствует о хорошо выраженной способности контролировать себя во время выполнения различных видов деятельности. Среднюю выраженность имеет социальный самоконтроль ($14,64 \pm 0,45$). Слабее всего у них сформирован самоконтроль в эмоциональной сфере ($12,12 \pm 0,43$). У будущих специалистов-педиатров в большей степени проявляется социальный самоконтроль ($15,12 \pm 0,81$) и самоконтроль в деятельности ($15,6 \pm 0,62$), находящиеся на среднем уровне развития. Как и у будущих социальных работников у педиатров меньше всего представлен самоконтроль в эмоциональной сфере ($13,16 \pm 0,52$).

Структура самоконтроля личности будущих инженеров аналогична таковой у педиатров: преобладающими являются социальный самоконтроль ($15,32 \pm 0,60$) и самоконтроль в деятельности ($15,12 \pm 0,44$), данные показатели имеют средний уровень выраженности, что свидетельствует о достаточно хорошей способности контролировать собственное поведение. Менее всего сформирован самоконтроль в эмоциональной сфере ($13,8 \pm 0,67$). Достоверные различия были выявлены между студентами БГУ и БГУИР ($P < 0,05$) в эмоциональной сфере самоконтроля (у будущих инженеров он был выше) и в сфере деятельности, здесь уровень самоконтроля был выше у студентов БГУ ($P < 0,05$).

Степень выраженности структурных компонентов коммуникативной толерантности у студентов разных специальностей показала следующее. В соответствии с используемой в данной работе методикой диагностики общей коммуникативной толерантности предполагается, что чем меньше баллов набирает испытуемый, тем выше уровень толерантности, и наоборот, чем выше баллы, тем ярче выражена нетерпимость. Статистически достоверные различия выявлены по шкале категоричность в оценке людей между педиатрами и инженерами ($5,32 \pm 0,57$ и $3,68 \pm 0,40$, $P < 0,05$), а также по интегральной шкале общая толерантность у студентов БГУ и БГМУ ($32,2 \pm 0,43$ и $35,2 \pm 0,5$, $P < 0,05$) и между студентами-педиатрами и будущими инженерами ($35,2 \pm 0,50$ и $31,44 \pm 0,49$, $P < 0,05$). В наибольшей степени категоричность характерна для будущих педиатров ($5,32 \pm 0,57$) и в наименьшей - для будущих инженеров ($3,68 \pm 0,40$), то есть что будущие инженеры склонны терпимее относиться к людям в процессе деятельности и общения, чем будущие педиатры. Студенты БГУ (социальная работа) занимали промежуточное положение между этими группами. По остальным показателям во всех трех группах достоверных различий не выявлено.

Результаты диагностики общей коммуникативной толерантности, позволили определить толерантные и интолерантные установки личности, проявляющиеся в процессе общения. Все будущие специалисты в целом стремятся понять, принять и уважать личность другого человека, что чрезвычайно важно для профессий «специалист по социальной работе» и «врач-педиатр». Вместе с тем были выявлены и проблемные зоны в формировании профессионально важных качеств у будущих специалистов помогающих профессий. Например, излишняя категоричность в оценке людей и стремление подогнать их под себя, «переделать», неумение скрывать неприятные чувства - у будущих педиатров; неумение прощать другим ошибки, категоричность в оценках людей; неумение скрывать неприятные чувства - у будущих специалистов по социальной работе. Эти коммуникативные компоненты необходимо корректировать, что, безусловно, повысит качество общения с клиентом, пациентом, социальным окружением. Задачами социально-психологического сопровождения профессионального становления специалиста социномического профиля является не только оказание своевременной помощи и поддержки личности, но и воспитание умения самостоятельно преодолевать трудности этого процесса. Помочь сформировать не только систему профессиональных знаний и умений, но и необходимый ансамбль профессионально важных качеств, что позволит ему стать полноценным и эффективным специалистом. Реали-

зация функций психологического сопровождения возможна при использовании личностно-ориентированных технологий профессионального развития: развивающей диагностики; тренингов личностного и профессионального развития и саморазвития; технологий формирования психологической аутокомпетентности; личностно-ориентированных тренингов повышения социально-профессиональной и психолого-педагогической компетентности; тренингов самоуправления, саморегуляции эмоционально-волевой сферы и самовосстановления личности и др.[4].

Библиографические ссылки:

1. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. М. : НПО МОДЭК, 2008. 239 с.
2. Васильева Л.П. Современный взгляд на процесс формирования и развития специалиста // Охрана труда и соц. защита. 2015. № 8 . С. 23-33.
3. Безюлева Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. 320 с.
4. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий. Волгоград : Вол ГМУ, 2010. 264 с.

УДК 364.4

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТИЖА СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПОВЫШЕНИЯ

В. А. Дворецкая

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
dvoreckayavika@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальность и значимость изучения научных и учебных дисциплин, связанных с социальной работой, обозначаются проблемы, которые снизили привлекательность их изучения среди студентов, а также предлагаются способы повышения престижа данной специальности и профессии.

Ключевые слова: *специалист по социальной работе; престиж специалиста по социальной работе; популяризация профессии.*

THE PRESTIGE OF THE SOCIAL WORK SPECIALIST AND THE POSSIBILITY OF HIS OR HER PROMOTION

V. A. Dvoretskaya

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. This article discusses the relevance and importance of the study of scientific and academic disciplines related to social work, identifies problems that have reduced the attractiveness of their study among students, and suggests ways to enhance the prestige of this specialty and profession.

Key words: *social work specialist; prestige of social work specialist; popularization of the profession.*

Динамичное развитие социальной сферы Республики Беларусь, происходящее в последние десятилетия, сопровождается повышением востребованности профессии специалиста по социальной работе, которая играет значимую роль в социальном развитии общества, обеспечении достойного качества жизни и социального благополучия населения, предотвращении нарастания негативных социальных явлений. Несмотря на то, что работники социальной сферы выполняют широкий спектр общественно значимых функций, удовлетворяют наиболее важные потребности и интересы социума, по мнению общественности, специалисты по социальной работе обладают низким уровнем престижа. Недооцененность этой профессии в современном обществе приводит к дефициту квалифицированных кадров, что в конечном итоге отражается на эффективности функционирования социальных институтов. Низкий престиж профессий социального профиля приводит к недобору абитуриентов на обучение по специальности «социальная работа». Отягощающими факторами являются склонность современной молодежи выбирать профессию по критерию престижности без учета своих личностных склонностей, способностей и возможностей, недостаточной информированностью о специфике и содержании профессиональной деятельности специалиста по социальной работе. Как следствие, для значительной части абитуриентов специальности «социальная работа» выбор будущей профессии не является сознательным: решающее значение играют баллы, полученные в ходе централизованного тестирования, мнение родителей и иные внешние факторы. Закономерно возникает проблема отсутствия задатков для успешного освоения и эффективного выполнения профессиональной деятельности у существенной части обучающихся, т.к. профессия специалиста по социальной работе не только предполагает наличие обширных знаний в смежных областях наук (психологии, медицине, педагогике, праве), но и предъявляет высокие требования к личностным качествам [3].

Высокая значимость профессионально важных качеств в профессиональной деятельности специалистов социальной сферы диктует необходимость дополнительного проведения профессионального отбора абитуриентов с использованием технологий психодиагностики. Вместе с тем, в настоящее время это не представляется возможным, в связи с низкой популярностью социальных специальностей среди молодежи. В результате значительная доля студентов, обучающихся по специальности «социальная работа», разочаровываются в будущей профессиональной деятельности, утрачивая мотивацию к профессионализации.

В качестве ключевой детерминанты престижа профессии выступают общественные представления о ее положении в иерархии различных видов профессиональной деятельности, формирующиеся на основе [4, с. 51]: уровня образования и дохода, социального статуса и авторитета специалистов; доминирующих ценностей и социальных норм конкретного общества; степени привлекательности профессии для абитуриентов; возможностей трудоустройства, профессиональной самореализации, карьерного роста. Мы можем выделить следующие причины низкого престижа специалиста по социальной работе в современном белорусском

обществе: 1) *Проблемы организационного характера*: недостаточная интеграция всех уровней социальной работы, дефицит обратной связи в управленческом аппарате приводят к снижению ее эффективности и препятствует реализации гуманистического потенциала. 2) *Проблема эффективности профессиональной деятельности*, обусловленная недостаточной теоретической и практической компетентностью специалистов по социальной работе. Данная проблема отчасти обусловлена несовершенствами образовательной системы, чрезмерным акцентом на теоретическом блоке обучения и недостаточным вниманием к вопросам практической деятельности, а также низкой мотивацией специалистов к профессиональному становлению, развитию и совершенствованию. В то же время, часть лиц, занимающих должность специалиста по социальной работе, вовсе не имеют профильного образования. Негативный опыт взаимодействия индивида со специалистом по социальной работе провоцирует возникновение скептицизма и настороженности по отношению ко всему социальному институту в целом. 3) *Кризис духовно-нравственных ценностей и гуманистической парадигмы*, обесценивание человеческой жизни, утрата веры в справедливость, неразвитость социальной и гражданской ответственности членов общества. Традиционные для белорусского общества идеи общественного вспомоществования и призрения сменились стремлением к материальному обогащению, преследованием индивидуальных интересов, безразличием к социальным проблемам окружающих. 4) *Низкий уровень заработной платы* специалистов по социальной работе, в то время как в современных условиях поднятие престижности профессии ассоциировано с ее высокооплачиваемостью. Низкая заработная плата специалистов социальной сферы в значительной мере обусловлена неразвитостью социального предпринимательства и коммерческого сектора социальной работы в республике [1, с. 108]. 5) *Несформированность представлений о специфике и содержании профессиональной деятельности специалиста* по социальной работе в общественном сознании, сопровождающаяся негативными стереотипами и клише. Профессии социального профиля в настоящее время воспринимаются населением обобщенно: профессиональная деятельность не дифференцируется в соответствии с уровнем социальной работы, социальными группами и категориями, квалификацией специалистов. Специалисты по социальной работе отождествляются с социальными работниками, оказывающими преимущественно бытовую помощь, и зачастую не имеющими профильного образования. Низкая осведомленность населения о деятельности специалистов социальной сферы и, как следствие, недооценка ее значимости в значительной мере вызвана тем, что она направлена, главным образом, на защиту интересов социально уязвимых категорий населения. 6) *Недостаточные возможности профессиональной самореализации специалистов*. Выпускники ВУЗов, прошедшие профессиональную подготовку, зачастую отказываются от работы по специальности, т.к. не видят перспектив профессионального развития и карьерного роста. 7) *Специфические условия труда*: необходимость интенсивного взаимодействия с социально уязвимыми группами, лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, необходимость систематически сталкиваться с человеческими страданиями, проблемами, переживаниями. Интенсивное нервно-

психическое напряжение в профессиональной деятельности специалиста по социальной работе обуславливает высокий риск эмоционального выгорания, профессиональных деформаций и деструкций.

В связи с вышеизложенными негативными тенденциями, высокую актуальность имеет разработка комплексной системы мер, направленных на повышение престижа профессии специалиста по социальной работе среди молодежи и населения, которая может включать следующие направления: 1) *Развитие гуманистической направленности общества* путем проведения информационно-просветительской работы, которая может принимать формы трансляций и публикаций в средствах массовой информации, идеологических акций и конференций, культурно-общественных дебатов, конкурсов, игровых программ и т.п. 2) *Повышение профессиональной культуры и компетентности специалистов по социальной работе*: развитие и совершенствование учебно-методической базы профессионального обучения специалиста по социальной работе: внедрение инновационных образовательных технологий, повышение упора на практическую деятельность. Также внимание необходимо уделить оптимизации структуры системы повышения квалификации и переподготовки кадров в области социальной сферы, модернизации ее материально-технического, учебно-методического и информационного обеспечения. Особое значение имеет развитие научного направления социальной работы, организация и методическая поддержка исследовательской деятельности. 3) *Сохранение и развитие традиций общественной социальной работы в сочетании с расширением спектра оказываемых социальных услуг и повышением их качества*. Особое значение имеет активизация общественного сектора социальной защиты, предполагающая поддержку социальных организаций, объединений, групп самопомощи, волонтерских движений, проведение тематических акций, праздников и т.п. Вместе с тем, необходим анализ актуальных социальных запросов общества в целом и его отдельных категорий, разработка системы мер по их удовлетворению путем совершенствования существующих и введения новых социальных услуг. Для повышения эффективности социальной работы и систематического мониторинга ее качества целесообразно внедрение оценочной системы, основанной на объективных критериях. 4) *Популяризация профессии специалиста по социальной работе* посредством демонстрации населению конкретных результатов и достижений профессионального сообщества с использованием информационно-коммуникационных технологий (телетрансляция и онлайн трансляция видеоматериалов, создание сайтов и сообществ профессиональной направленности в сети интернет, электронные журналы и конференции, веб-форумы и т.п.). Стратегия активной информационной политики способствует формированию позитивного общественного имиджа специалиста по социальной работе и открытости его профессиональной деятельности, а также повышению доверия населения к системе социальной защиты в целом. 5) *Развитие коммерческого сектора социальной работы*: создание оптимальных условий для социального предпринимательства способствует притоку инновационных идей и технологий, повышению качества социальных услуг и уровня оплаты труда специалистов по социальной работе, возникновению новых объектов социальной инфраструк-

туры и рабочих мест. Также в деятельность по социальному предпринимательству могут быть вовлечены уязвимые социальные группы и категории. В число наиболее важных мер по поддержке социального бизнеса можно включить создание законодательной базы по регулированию социального предпринимательства, обеспечение финансовой поддержки (привлечение спонсорской поддержки, займы, гранты, участие в уставном капитале), консультирование по актуальным вопросам социальной деятельности, методическое обеспечение и информационное продвижение [3]. 6) *Адаптация и внедрение инновационных технологий социальной работы* (социальное проектирование, социальные комнаты, социальный туризм, социальная реклама) в т.ч. в контексте профессионального обучения в ВУЗе, что не только стимулирует развитие социальной сферы в целом, но и способствует профессиональному становлению, развитию творческого подхода, приобретению практического опыта, идентификации с профессией в среде будущих специалистов. 7) *Развитие системы профориентации в учебных заведениях*: информирование, организация экскурсий на рабочие места, познавательные лекции, деловые игры и упражнения, ярмарки и праздники профессий, PR технологии (социальная реклама, директ-маркетинг, пресс-релизы, презентации, распространение печатной продукции, организация тематических мероприятий). 8) *Формирование позитивного имиджа специалиста по социальной работе* посредством коррекции стереотипного восприятия стороны общественности. Необходимо применение методов формирования профессионально важных качеств и активизации личностного потенциала развития будущего специалиста по социальной работе на этапе профессионального обучения. При этом в качестве базовых личностных компетенций специалиста социальной сферы можно выделить эмпатичность, толерантность, способность к безоценочному восприятию клиента, развитые морально-этические качества, коммуникабельность, честность, отзывчивость, ответственность, аналитические способности. 9) *Организация комплексной системы сопровождения профессионального становления, трудоустройства, профессиональной адаптации, методической и психологической поддержки специалистов по социальной работе*, оказание помощи в планировании карьеры и повышении квалификации, профилактика эмоционального выгорания, профессиональных деформаций и деструкций.

Библиографические ссылки

1. Алипханова Ф.Н., Ярычев Н.У. Статус и престиж социального работника в современном обществе и возможности их повышения // Научн. исслед. и образование. 2017. № 2. С. 108–110.
2. Жохова В.В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия Дальневосточного федерал. ун-та. Экономика и управление. 2015. №1. С. 85–98.
3. Смирнова Е.А. Престиж социального работника: возможности преодоления сложившихся стереотипов // Власть и управление на Востоке России. 2012. №3. С. 157–161.
4. Такаева Г.Ф., Хасанова Г.М. Престиж социальной работы среди населения // Соврем. наука: актуал. пробл. и пути их решения. 2014. №8. С. 51–52.

ПОДДЕРЖКА РОДИТЕЛЕЙ УЧАЩИХСЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Н.И. Запасник

ГУО «Средняя школа №34 г. Гродно»

Индурское шоссе, 14, 230020, Гродно, Республика Беларусь

basket.zap23@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются варианты, нормы, формы организации деятельности по поддержке родителей учащихся с особенностями психофизического развития в условиях учреждения образования.

Ключевые слова: *родители учащихся с особенностями психофизического развития; психолого-педагогическая помощь; педагогическая поддержка; психологическое сопровождение.*

SUPPORT OF PARENTS OF STUDENTS WITH PECULIAR PSYCHOPHYSICAL DEVELOPMENT

N.I. Zapasnik

Public Education Institution «Secondary School №34»

Indura Highway, 14, 230020, Grodno, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the options, norms, forms of organizing activities to support parents of students with psychophysical features of development in terms of educational institutions.

Keywords: *parents of students with peculiar psychophysical development; psychological and educational assistance; pedagogical support; psychological maintenance.*

В настоящее время в системе работы учреждения образования с учащимися с особенностями психофизического развития все большую значимость приобретает работа с их родителями. Общепризнанными становятся идеи о необходимости развития партнёрских взаимоотношений в рамках триады «семья-школа-общество» с целью оказания помощи не только ребенку, но и его родителям, а также семье как целостной единице, совместному информационному поиску, выбору образовательного маршрута, проектированию индивидуальных коррекционно-реабилитационных программ, их реализации. Поддержка родителей в процессе обучения способствует предупреждению событий и положений, рождающих стресс или кризис, а также имеет большую социальную значимость, поскольку расширяются границы жизненного пространства не только учащегося с особенностями психофизического развития, но и его ближайшего окружения [4].

Наблюдения, которые я веду вот уже двадцать лет, показывают, что дети с ОПФР отличаются рядом особенностей. Мною определены следующие проблемы в воспитании учащихся с ОПФР: неразвитость адаптационных способностей; своеобразие, неадекватность поведения учащихся, отсутствие уме-

ния устанавливать отношения со взрослыми и сверстниками; узость представлений об окружающем мире, низкий уровень социального опыта; слабая нервная система, быстрая утомляемость; низкая педагогическая грамотность родителей; высокий уровень тревожности родителей.

Анализ литературы показал, что с рождением ребенка с ОПФР, родители сталкиваются с целым спектром проблем различных уровней: социальных, психологических, соматических, финансовых и т.п. Кроме того родители, как правило, не знают индивидуальных особенностей различных категорий детей с ОПФР, которые необходимо учитывать в обучении и воспитании. Другими словами, как правильно воспитывать ребенка, как его оценивать, чего ждать. Они зачастую выбирают негативный стиль воспитания, испытывают чувство бессилия, некомпетентности себя, как родителя. У родителей легко возникают раздражение и злость, которые часто концентрируются на специалистах. Поэтому им просто необходима психологическая помощь и поддержка, которая способствует формированию адекватности позиции родителя и позволяет гармонизировать взаимоотношения с ребенком.

В процессе работы я пришла к пониманию того, что семья должна быть готова к совместной деятельности. Адекватность позиции родителей позволяет им обрести новый жизненный смысл, повысить самооценку. При этом гармонизируются детско-родительские отношения. В процессе сопровождения семьи необходимо осуществлять дифференцированный подход к родителям в соответствии с социальной типологией родителей (по В.О. Скворцовой). Согласно данной типологии, 45% родителей являются «отстранёнными», 33% – «рационалистами», 22% – «искателями» [3].

Основными направлениями нашей работы в учреждении образования является своевременное выявление детей и подростков с особенностями в развитии, их ранняя диагностика, выбор образовательного маршрута для детей, нуждающихся в особых условиях обучения, оказание оперативной коррекционной помощи детям, имеющим особенности психофизического развития, поддержка родителей данной категории учащихся.

А.Н. Коноплева отмечает, что работа учреждения образования с родителями учащихся с ОПФР должна вестись в двух направлениях: 1) образовательная работа, обеспечивающая понимание ребенка с ОПФР и оказание ему квалифицированной помощи; 2) работа, направленная на сохранение и укрепление нравственного, физического и психического здоровья родителей [4].

Особенность взаимодействия школы и родителей в условиях интегрированного обучения А.Н. Коноплева видит в том, что родители играют центральную роль в принятии решений относительно ребенка. Их информируют, с ними советуются. Ребенок с особенностями психофизического развития имеет разнообразные потребности. Эффективное и полное удовлетворение этих потребностей требует тщательной координации действий школы и семьи [4]. Основным содержанием работы педагога-психолога является: 1) переструктурирование иерархии жизненных ценностей родителей (до тех

пор, пока родители не построят новые реалистичные мечты о действительном ребенке, они будут чувствовать беспокойство и апатию, отчаяние и депрессию, поэтому ценно только то, что ребенок есть, а не то, каков он); 2) формирование адекватных детско-родительских отношений; 3) коррекция внутреннего психологического состояния родителей; 4) формирование у родителей специальных воспитательских навыков и приемов, необходимых для развития личности ребенка.

В семье, воспитывающей особого ребенка, происходят сложные процессы адаптации к его появлению, переживания кризиса родительской идентичности, обеспечения воспитательной и учебной деятельности, организация лечения и реабилитации ребенка, построения внутрисемейных отношений в сложившихся условиях. В такие моменты я говорю взрослым: «Вам нужна объективная информация об особенностях вашего ребёнка. Не отчаивайтесь, будьте терпеливы и великодушны, знайте: ребенок с психофизическими особенностями – он такой же, как и все дети. Ему нужны ваши ласка, общение и любовь. Он должен научиться жить вместе с другими людьми, среди других людей, жить самостоятельно и радоваться жизни».

Нормы педагогической поддержки заложены и в сфере деятельности специалистов с семьей, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития, поэтому в профессиональной позиции психолога и педагога должны быть заложены следующие нормы поддержки: а) безусловное принятие ребенка и его семьи, душевная теплота, отзывчивость, умение видеть и слышать, сопереживать, милосердие, терпимость и терпение, умение прощать; б) приверженность специалистов к диалоговым формам общения с детьми и взрослыми, умение слушать, слышать и услышать; в) уважение достоинства и доверие, вера в миссию каждого ребенка и каждой семьи, понимание их специфических интересов, ожиданий и устремлений; г) ожидание успеха в решении проблем ребенка с ОПФР и его семьи, готовность оказать содействие и прямую помощь при решении проблемы, отказ от субъективных оценок и выводов; д) признание права семьи на свободу выбора, самовыражения и воли; е) поощрение и одобрение самостоятельности, независимости и уверенности в сильных сторонах, стимулирование самоанализа; признание равноправия семьи и профессионалов в диалоге и решении собственной проблемы; ж) умение, готовность и способность быть на стороне семьи, выступая в качестве защитника и адвоката, готовность ничего не требовать взамен; з) собственный самоанализ, постоянный самоконтроль и способность изменить позицию и оценку/самооценку [2].

В свою очередь, это делает понятной многоаспектность и многовекторность работы с семьей. Именно поэтому формы организации деятельности по поддержке родителей учащихся с особенностями психофизического развития в условиях учреждения образования весьма многообразны и работа с семьей особенного ребёнка может строиться по следующим направлениям: 1) информирование семьи о проблемах, связанных с ребёнком и услугах (с их содержанием), оказываемых специалистами; 2) гармонизация эмоциональных

состояний матерей и отцов, гармонизация внутрисемейных отношений; 3) коррекция детско-родительских отношений, формирование позиции принятия ребёнка, демонстрация адекватных требований к нему - родители постепенно перестают жить прошлым, смелее смотрят в будущее. Они связывают свои чувства и надежды с действительностью, составляют планы с реалистичной оценкой, основанной на тех способностях, которые есть у их ребенка. Родители умом и сердцем принимают особенности и способности своего ребенка, адекватно оценивают его (помощь в адекватной оценке возможностей ребёнка)[1]; 4) обучение родителей специальным приёмам, необходимым для обучения, воспитания или закрепления различных умений и навыков.

Особый ребенок может научить своих родителей терпению, смирению, благодарности за те жизненные дары, которые они принимали как должное, терпимости, преданности и вере. Но здесь необходимо сказать, что каждому родителю таких учащихся очень необходима наша профессиональная помощь и поддержка. Из опыта работы могу утверждать, что совместное с родителями исследование и формирование путей развития ребенка, тесное взаимодействие и взаимопонимание, органическая взаимосвязь общих усилий ведёт к значительному снижению уровня личностной и ситуативной тревожности родителей. Успешность взаимодействия зависит от того, насколько доверительными станут отношения между педагогом и родителями, заинтересованности родителей, профессионализма педагога. Педагогам нельзя вставать в позицию экспертов, они не должны снисходить до уровня родителей и воспринимать сотрудничество с ними только в качестве разработчиков рекомендаций, отводя при этом родителям роль исполнителей, обеспечивающих выполнение заданий детьми.

Таким образом, психологическая поддержка семей с детьми с особенностями просто необходима. В семье, где есть благоприятный психологический климат, адекватный стиль воспитания, возможно оптимальное развитие ребенка. Кроме того очень важно научить родителей воспринимать своего ребенка, не как тяжкую ношу, а научить радоваться его существованию и его успехам. Наши специалисты всегда говорят родителям: «Станьте ребенку другом и помощником в достижении общей цели – возвращении здоровья вашему ребенку. С этой непростой задачей Вы справитесь только при совместных усилиях, упорстве и оптимизме. Помните, что все хорошо там, где есть Вера, Надежда и Любовь».

Библиографические ссылки

1. Актуальные проблемы кризисной психологии: Сб. научн. тр. / Пергаменщик Л.А. [отв. ред.]. Минск : НПО, 1999. 188с.
2. Валитова И.Е. Психолого-педагогическая поддержка семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития // Учен. записки Брестского ун-та. 2018. Вып.14. С. 139-149.
3. Винникова Е.А. Партнерство специалистов и родителей в осуществлении ранней комплексной помощи // Специальная адукацыя. 2008. №1. С. 40-42.
4. Коноплёва А.Н. Интегрированное обучение детей с особенностями психофизического развития. Минск.: НИО, 2003. 232 с.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.Н Красовская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
KrasovskayaNN@gmail.com

Аннотация: статья посвящена проблемам развития социальной работы как профессиональной деятельности, вопросам подготовки профессиональных кадров, актуальным тенденциям и перспективам.

Ключевые слова: *социальная работа; подготовка профессиональных кадров; учебно-познавательная и практическая деятельность; научно-исследовательская работа студентов.*

PROFESSIONALIZATION OF SOCIAL WORK: EXPERIENCE, PROBLEMS, PROSPECTS

N.N. Krasovskaya

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the problems of the development of social work as a professional activity, the issues of professional training, current trends and prospects.

Key words: *social work; training of professional personnel; educational; cognitive and practical activities; research work of students.*

Социальная работа - это сравнительно новая для Беларуси профессия, официально утвержденная лишь в 1991 г. Последние десятилетия отмечены такими сдвигами в этой сфере, которые позволяют говорить о новом этапе развития социальной работы в республике - этапе ее профессионализации. Этому способствуют два основных фактора. Во-первых, экономические и политические реформы в стране обостряют многие социальные проблемы. Особенно серьезно они отражаются на положении наиболее уязвимых слоев населения. Кроме этого, средства массовой информации уделяют этим проблемам значительное внимание, и в результате необходимость организованной помощи нуждающимся осознается обществом в целом. Во-вторых, опыт стран Западной Европы и США, где социальная работа давно уже поставлена на профессиональную основу, оказался крайне полезным для нас. В современной Беларуси профессиональная подготовка специалистов по социальной работе — это адекватная реакция на сложившуюся социально-экономическую и духовно-нравственную ситуацию, один из принципиально новых подходов развития системы социальной защиты, способствующий более полному удовлетворению социальных потребностей различных категорий населения страны. Не-

стабильность современного мира создает новые стимулы и возможности для возрастания роли профессиональных социальных работников в разрешении, преодолении или смягчении многих социальных конфликтов.

От того, как подготовлены кадры, каким уровнем профессионализма они обладают, зависит эффективность всей последующей деятельности социальных организаций. Основным фактором их конкурентоспособности и выживаемости становится качество персонала и его отношение к труду, то есть уровень профессионализма и творчества работников. Поэтому сегодня все острее стоит проблема подготовки и переподготовки специалистов по социальной работе [1]. Подготовку специалистов по социальной работе в Республике Беларусь обеспечивают несколько высших учебных заведений, ведущим из которых является Белгосуниверситет. В 1999 г. была открыта кафедра социальной работы. В 2004 г. создана кафедра реабилитологии. В сентябре 2015 г., в результате слияния кафедр, была образована кафедра социальной работы и реабилитологии. Огромный вклад в ее развитие и в совершенствование системы подготовки профессиональных кадров в области социальной защиты внесли Э.И. Зборовский, П.П. Украинец, Г.А. Бутрим, К.Э. Зборовский, В.А. Сятковский и др.

В последнее время усилены требования к кардинальному повышению качества подготовки специалистов по социальной работе, адекватной запросам складывающейся в Республике Беларусь современной системы защиты всех слоев населения. В центре внимания кафедры стоят вопросы всестороннего совершенствования учебного процесса, разнообразия форм и методов преподавания, органичной связи теории с практикой социальной защиты, развития самостоятельной учебной и научной работы студентов, использования рейтинговой оценки знаний обучающихся, активного внедрения требований и стандартов системы менеджмента качества знаний.

Показателем высокого уровня развития социальной работы и необходимости целенаправленной профессиональной подготовки стала разработка Образовательных стандартов по специальности «Социальная работа» (2008 г., 2011 г., 2013 г.), в работе над которыми принял активное участие профессорско-преподавательский состав. Важнейшим фактором, влияющим на качество подготовки специалистов, является повышение творческого потенциала сотрудников кафедры. Большинство преподавателей активно участвует в работе научно-практических конференций разного уровня, республиканских семинаров-практикумов.

Одной из основных проблем, требующих решения, является нехватка отечественной учебной литературы по различным аспектам социальной работы. Поэтому за период функционирования кафедры социальной работы и реабилитологии ее сотрудниками подготовлены фундаментальные издания по различным проблемам социальной работы, а также учебные пособия по основным и специальным курсам. Публикации преподавателей посвящены актуальным социальным проблемам современного общества; вопросам технологии и методики социальной работы с социально уязвимыми категориями

населения; отражают результаты крупных социально-психологических, медико-социальных, социально-педагогических исследований и научно-исследовательских проектов. Преподаватели кафедры являются авторами научных монографий, учебных пособий, учебно-методических комплексов, статей в отечественных и зарубежных научных журналах, в сборниках научных трудов.

Сегодня кафедра социальной работы и реабилитологии осуществляет образовательную, научно-исследовательскую, учебно-методическую, информационную деятельность в области социальной работы. Кафедрой ведется подготовка специалистов по специальности «Социальная работа» по направлениям: социально-психологическая деятельность и социально-реабилитационная деятельность. Осуществляется набор на заочное отделение на сокращённый срок обучения абитуриентов, имеющих среднее специальное образование. Ведется также обучение на II ступени высшего образования по специальностям «Социальная психология» и «Реабилитология», обеспечивающим получение степени магистра. Система подготовки включает в себя организацию учебно-познавательной и практической работы студента. Учебно-познавательная деятельность представляет собой изучение будущими специалистами общих гуманитарных и социально-экономических, общих математических и естественнонаучных, общепрофессиональных и специальных дисциплин и дисциплин по специализации. Читаемые курсы позволяют подготовить будущего специалиста по социальной работе, владеющего знаниями и навыками в области социальных, реабилитационных, психологических, социально-экономических, этических проблем общества и человека, не только на высоком теоретическом уровне, но и сформировать навыки, обеспечивающие его в практической деятельности.

Поэтому наряду с традиционной и основной формой изложения учебного материала в виде лекции на кафедре социальной работы и реабилитологии используются различные эффективные методы работы со студенческой аудиторией (практические занятия в форме ролевых и деловых игр; кейс-методы, формирующие навыки принятия решений путем анализа конкретных проблемных ситуаций; работа в малых группах; организация самостоятельной работы и др.). Однако одной из важнейших проблем в обучении студентов сегодня остается интеграция теории и практики. Практика, будучи широким полем проверки теоретических знаний, накопленных студентами в вузе, представляет собой базис для глубокого усвоения проблем, имеющих место в социальной сфере. В период обучения организуются различные виды учебной и производственной практики (ознакомительная, социально-психологическая, социально-реабилитационная, преддипломная). Регулярно принимаются меры по совершенствованию практики студентов, повышению ее роли в профессиональном становлении специалистов. Так, расширение организации практики в социальных, психологических, педагогических, медицинских и иных службах, благотворительных организациях дает возможность студентам под руководством опытных специалистов приобрести практические навыки решения

профессиональных и управленческих задач.

В целях преодоления существующего разрыва между теоретическими знаниями и практическими навыками в учебных планах предусматриваются не только сроки для прохождения практики на каждом курсе, но и отработка теоретических проблем с активным участием специалистов-практиков различных направлений. Объясняется это новизной изучаемых проблем, постоянно происходящими в обществе изменениями, необходимостью передачи практического опыта, знаний и умений студентам, потребностью сформировать целостное представление о новых тенденциях, методах и формах работы, используемых в практической деятельности. Поэтому к преподаванию ряда учебных курсов, проведению тренингов, практических и лабораторных занятий привлекаются ученые из других ВУЗов, руководители и сотрудники республиканских организаций и учреждений.

С целью интеграции теории и практики на кафедре осуществляется проведение выездных занятий на базе ряда научно-практических, практических центров и организаций, основная деятельность которых включает реализацию социально-психологических, медико- и социально-реабилитационных технологий (ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья», ГУ «Минский городской центр социального обслуживания семьи и детей», ОО «Белорусская ассоциация социальных работников», Территориальные центры социального обслуживания населения г. Минска, Минский городской дельфинарий «Немо», «Центр помощи аутичным детям» и др.). Заключены договора о взаимодействии со многими социальными учреждениями г. Минска, международными организациями. Поддерживаются научные и учебно-методические контакты с университетами Беларуси, России, Германии. Такой подход содействует сближению теории и практики, повышает качество подготовки молодых специалистов, вызывает интерес у студентов и способствует аккумуляции опыта.

Значимой частью образовательного процесса является научно-исследовательская работа студентов, реализуемая под руководством преподавателей. Крайне важным представляется участие студентов в конференциях, семинарах, олимпиадах, организуемых в университете и на базах других вузов. Эффективно способствуют развитию познавательной и исследовательской активности студенческой молодежи научные кружки (кружок по проблемам профориентации и профреабилитации, «Лаборатория тренинга», кружок «Жизненная навигация»). Положительный результат дают нестандартные формы организации работы кружка. Примером тому является работа студенческого кружка «Социальная работа с несовершеннолетними группы риска», одним из ключевых элементов деятельности которого является организация проектной деятельности, включающей разработку тематических проектов различной направленности (профилактической, развивающей, обучающей, коррекционно-развивающей) «под заказ» и их реализацию на практических базах. На протяжении 10-ти лет плодотворно работает созданный при кафедре волонтерский центр «Дорога надежды», нацеленный на воспитание у студен-

тов активной социальной позиции, формирование лидерских и нравственно-этических качеств, поддержку инициатив студентов в реализации программ профилактической и коррекционно-развивающей направленности в работе с социально уязвимыми категориями населения. Активно функционирует студенческий профессиональный отряд на базе Центра социальной реабилитации детей-инвалидов и инвалидов «Росток». В летний период студенты специальности «Социальная работа» не только помогают специалистам данного социального учреждения, но и самостоятельно организуют и проводят реабилитационную, воспитательную, культурно-массовую и физкультурно-оздоровительную работу с воспитанниками центра. Развитие и поддержка контактов с практическими базами – потенциальными заказчиками кадров является важным направлением деятельности вуза, ориентированного на высокое качество образования. На кафедре социальной работы и реабилитологии стало хорошей традицией решать задачи, поставленные организациями.

Выпускники кафедры, являясь высококвалифицированными специалистами по социальной работе, успешно работают как в нашей стране, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Они трудоустраиваются в органы государственного социального управления, организации и учреждения социальной защиты, научно-исследовательские организации, консультационные кабинеты по семейно-брачным вопросам, реабилитационные и кризисные центры, службы занятости, центры социального обслуживания населения, социальные службы предприятий разных форм собственности, банковские организации и др. Вариативность функционала специалиста по социальной работе обязывает его быть образованным в различных областях знаний и сферах жизни общества, обладать многообразием практических навыков и умений, личностными и профессиональными качествами, существенными для эффективной деятельности. Все это требует постоянной интеграции усилий ученых и практиков в целях выработки целостной концепции подготовки специалистов, необходимых нашему обществу.

В последние годы существенно изменилось лицо социального сообщества в Беларуси. В настоящее время четко обозначилась тенденция омоложения социальной работы, в которую включается прекрасно образованная и высококвалифицированная молодежь. Уровень подготовки современных специалистов по социальной работе адекватен самым высоким международным требованиям.

Библиографические ссылки

1. Красовская, Н. Н. Организация учебных занятий по курсу «Теория социальной работы» в процессе подготовки специалистов по социальной работе // Акмеологические основы становления специалиста-профессионала в различных видах деятельности : Материалы Междун. науч.-практ. конф., Гомель, 24-25 ноября 2011 / Гомельский областной ин-т развития образования. - Гомель, 2011. С. 155-158.

УРОВЕНЬ САМООЦЕНКИ И СПОСОБНОСТЬ СПРАВЛЯТЬСЯ СО СТРЕССОМ У БЕЗРАБОТНЫХ

Я. Лукасевич, А. Рачковски

Высшая школа экономики и инноваций в Люблине

ул. Проектова 4, 20-209, Люблин, Польша

jacek.lukasiewicz@wsei.lublin.pl

adamwsei@gmail.com

Аннотация: Цель исследования - оценка взаимосвязи самооценки и стиля преодоления трудностей среди безработных и занятых. Статья носит теоретический и эмпирический характер и посвящена междисциплинарным темам. Исследование охватило 100 человек: 50 безработных, зарегистрированных в центре занятости во Влодаве и 50 безработных из Люблинского воеводства. Исследование показало, что отсутствие работы отрицательно сказывается на общей самооценке и ее составляющих, а также на способности респондентов справляться с трудными ситуациями. Безработные в меньшей степени используют стиль, ориентированный на задачи, в большей – стиль, ориентированный на эмоции и избегание, что может вызвать чувство беспомощности. Безработные более вовлечены в замещающие виды деятельности и поиск социальных контактов по сравнению с теми, кто работает. Выявлены значимые взаимосвязи между самооценкой и преодолением стресса. Результаты могут быть реализованы на практике в системе образования, психологии труда, позитивной психологии, профилактике и укреплении здоровья.

Ключевые слова: *безработица; стресс; самоуважение; стиль преодоления стресса; личностные ресурсы.*

SELF-ESTEEM AND COPING WITH STRESS AMONG THE UNEMPLOYED

J. Lukasiewicz, A. Raczkowski.

Higher School of Economics and Innovation in Lublin

Projektowa str., 4, 20-209, Lublin, Poland

Annotation: The aim of this study is to assess correlations between self-esteem and coping styles among jobless and working people. The study remains both theoretical and empirical. The research was conducted among 100 persons including 50 being out of work registered in Labor Office in Włodawa and 50 being professionally active from Lubelskie district. The research proved that being out of work has an impact on general self-esteem and some of its factors as well as dealing with difficult situations. Jobless persons use coping style based on problem-solving less and based on emotions and denial more which may generate the feeling of helplessness. Moreover, jobless persons are more engaged in substitute activities and looking for socialising more than persons who work. There are significant correlations between self-esteem and coping with stress. This fact may be put in practice in the system of education, psychology of work, positive psychology, prevention and health promotion.

Key words: *unemployment; stress; self-esteem; coping with stress style; personal resources.*

Для взрослого человека работа – это основная форма деятельности, наибо-

лее организованная и определяющая другие виды активности и жизненную судьбу. Работа определяет качество жизни, а также восприятие собственной личности как ценной и эффективной. Поэтому, как представляется, безработица может оказывать угрожающее воздействие на благополучие человека и, следовательно, на его самооценку и способ реагирования в трудных ситуациях.

Основной целью исследования был анализ взаимосвязей между самооценкой и преодолением стрессовых ситуаций среди безработных. Главный проблемный вопрос исследования звучал так: существует ли взаимосвязь между самооценкой и стилями/стратегиями преодоления стресса? Для решения вышеуказанной проблемы были определены следующие конкретные задачи: 1) какова связь между безработицей / занятостью респондентов и самооценкой; 2) какова связь между безработицей / занятостью респондентов и стилями управления стрессом? Исходя из собственных наблюдений и теоретического анализа литературы, была выдвинута гипотеза о том, что уровень самооценки безработных значительно ниже, чем у работающих, а также они значительно хуже справляются со стрессовыми ситуациями. Бездействие негативно сказывается на благополучии, качестве жизни и самооценке.

В исследовании приняли участие 100 человек, в том числе 50 безработных, зарегистрированных в центре занятости, и 50 человек, работающих в Люблинском воеводстве. Средний возраст безработных составляет 33 года, а средний возраст занятых – 37 лет. В группе безработных преобладали жители городов с численностью до 100 000 человек (47%). 44% составили жители деревень. Остальные респонденты – жители крупных городов с населением более 100 000 человек (8%). Большую часть работающих составляли жители городов с численностью до 100 000 человек (74%). 22% жители деревень. Остальные респонденты – жители крупных городов с населением более 100 000 человек (4%). Большинство безработных – это люди со средним профессиональным образованием (34%) и с общим образованием (26%). Базовое профессиональное образование имеют 18% респондентов. Такой же процент имеет высшее образование. Оставшиеся 4% этой группы имели среднее образование первой или первой ступени. В группе лиц, имеющих работу, преобладающее большинство – это лица с высшим образованием (84%). 10% респондентов имеют среднее профессиональное образование. 2% группы получили профессионально-техническое и общее среднее образование. В группе людей, не имеющих работы, наибольший процент составляли не состоящие в браке лица (60%). 1/3 респондентов имели супруга/супругу. 4% респондентов были разведены. 2% группы овдовели. В группе лиц, имеющих работу, большинство респондентов имели супруга/супругу (66%). Количество одиноких людей составило 26%. Разведенные и овдовевшие составляли 4%.

В исследовании использовались следующие методики: многомерный опросник для исследования самооценки (The Multidimensional Self-Esteem Inventory (MSEI), E. J. O'Brien, S. Epstein) и опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. С. Эндлера и Дж. А. Паркера (Coping Inventory for Stressful Situations – CISS) [7; 10]. Многомерный опросник для исследования самооценки (The Multidimensional Self-Esteem Inventory (MSEI), E. J. O'Brien, S. Epstein) ис-

пользуется для тестирования самооценки. Состоит из 11 шкал, девять из которых непосредственно касаются самооценки, ее общего уровня и восьми компонентов, касающихся конкретных аспектов функционирования человека, таких как компетентность, любовь, популярность, лидерство, самоконтроль, моральное самосознание, физическая привлекательность и жизнеспособность [7]. Опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. С. Эндлера и Дж. А. Паркера (в адаптации Я. Стреляу и А. Яворской, 2005) предназначен для исследования взрослых и состоит из 48 утверждений, касающихся различных взглядов и поведения людей в стрессовых ситуациях [10].

Анализ результатов исследования выявил подтверждение выдвинутых гипотез, поскольку оказалось, что: 1) результаты безработных статистически значительно ниже по сравнению с результатами работающих лиц по показателям общей самооценки ($p=0,026$) и ее составляющими: популярность ($p=0,081$), интеграция личности ($p=0,026$), лидерские качества ($p=0,020$) и компетентность ($p=0,052$); 2) результаты безработных статистически значительно ниже по сравнению с теми, кто работает, по показателям использования стиля, ориентированного на задачи ($p=0,031$), значительно выше по показателям стиля, ориентированного на эмоции ($p=0,061$), стиля избегания ($p=0,010$) и использования замещающих действий ($p=0,023$).

Для безработных, использующих стиль, ориентированный на задачи, который является наиболее желательным в их жизненной ситуации, более способствуют: повышение общей самооценки, демонстрация морального самосознания, физической привлекательности, любви, самоконтроля, интеграции идентичности, лидерских качеств, компетенций и защитного укрепления самооценки. Увеличение показателей этих переменных способствует большей интенсивности целенаправленного подхода к проблемам, включая проблему отсутствия работы.

Для того, чтобы объяснить психологическую ситуацию безработных, можно обратиться к социальной и когнитивной теории, в которой человек рассматривается как активный, способный реализовать свои намерения и планы и способный прогнозировать последствия своих решений. Ключом к пониманию его действий являются, среди прочего, убеждения, которые он имеет о себе. Очень важную роль среди этих убеждений играет восприятие собственной эффективности, которая является одним из наиболее важных факторов, определяющих принятые решения, выбор и действия. Люди, которые убеждены, что способны справиться с поставленной задачей, ожидают, что благодаря их собственным усилиям они достигнут удовлетворительного результата. Люди, которые не верят в способность действовать эффективно, не рассматривают различные варианты, даже не анализируют свои преимущества и издержки [1].

Практическое применение к конструктивному функционированию безработных имеет понятие самоэффективности. Это относится к суждениям, которые люди делают относительно их способности действовать в конкретной ситуации или конкретной задаче. Однако эта концепция также применима к работе с конкретным событием, которое может иметь различную степень общности: от работы в данной области до, например, выбора карьеры. По мнению Р. Шварцера

[9, с. 175], чувство эффективности «влияет на выбор решения о том, чтобы предпринять конкретное действие, приложить усилие и настойчивость в действии, атрибуции (приписывание причин) успеха и неудачи, качество и сила эмоциональных реакций, как в ожидании конкретного события, так и при действии в сложившейся ситуации».

Взаимосвязь ощущения эффективности и поведения носит прямой и взаимно причинный характер: чувство эффективности определяет поведение и изменяется им. Другие факторы, такие как знания, социальная и физическая среда, влияют на поведение только через механизм ощущения эффективности [4; 5]. Важно отметить, что с точки зрения бихевиористского подхода чувство эффективности не только определяет поведение, но и модифицируется им. На поведение влияют также навыки, знания, опыт, социальная и физическая среда, но это происходит с помощью механизмов, характерных для чувства эффективности [4]. Ощущению эффективности способствует, в частности: общее физиологическое возбуждение организма, успехи человека, замещающий опыт, полученный в результате наблюдения за другими, предложения других людей из окружающей среды, особенно значимых людей [1]. Люди, которые неэффективны в преодолении трудностей (например, безработные в течение длительного времени), как правило, сосредоточены на своих собственных недостатках, видят трудности не с точки зрения задачи, а как более пугающие, чем они есть на самом деле. В результате такие люди недооценивают эффективность использования собственных возможностей. Простая возможность осуществлять контроль над неприятными событиями уменьшает эмоциональное возбуждение. Способность предвидеть и контролировать ситуацию способствует повышению самооэффективности. Способность же предвидеть снижает стресс и повышает готовность к преодолению угроз [5].

Что касается самооценки, то люди с низкой самооценкой имеют иррациональную тенденцию испытывать чувство вины, вреда, неполноценности или другие чувства, связанные с сожалением о себе, что затрудняет использование и реализацию их потенциала в близких отношениях. Лица, демонстрирующие негативное отношение к себе, характеризуются низким уровнем самооценки, концентрацией на слабостях и угрозах со стороны окружающей среды, низким чувством собственного достоинства и самооэффективности; высокой подозрительностью, неуверенностью в себе, неспособностью справляться с трудными ситуациями и, наконец, серьезным страхом установления и поддержания надлежащих контактов с другими людьми, тревожностью и депрессией, отсутствием смысла существования [6]. Между тем, чувство эффективности положительно коррелирует с сохранением жизненной дистанции, оптимизмом и удовлетворенностью жизнью, что может быть использовано в обучении безработных и людей, которым угрожает данное явление [2]. С точки зрения позитивной психологии человек рассматривается как осознающий свой потенциал, эффективно стремящийся удовлетворять потребности, удовлетворенный качеством своей жизни, эффективно принимающий решения, имеющий четкие жизненные цели и смысл жизни [3]. Опора на такой подход к безработным представляется наиболее оправданной с точки зрения их профессиональной деятельности и преодоления многочисленных барьеров и

стереотипов, касающихся их жизненной беспомощности. Личные ресурсы позволяют каждому человеку справляться с повседневными ситуациями, принимать решения и преодолевать проблемы. У людей, страдающих от безработицы, личные ресурсы подвергаются своего рода испытаниям. У многих они оказываются слишком слабыми. В то же время рынок труда более открыт для психически устойчивых людей, с целенаправленным подходом к проблемам и поиском различных, в том числе временных, решений в сфере занятости.

Библиографические ссылки

1. Bandura A. Self – efficacy mechanism in human agency // American Psychologist. 1982. № 37 (2). S. 88-102.
2. Borys, B. Zasoby zdrowotne w psychice człowieka // Forum Medycyny Rodzinnej. 2010. T 4, № 1. S. 28-36.
3. Gulla, B. Psychologia pozytywna: cele naukowo-badawcze i aplikacyjne oraz sposób ich realizacji // Studia z psychologii KUL. 2007. T. 14. S. 133-152.
4. Juczyński, Z. Poczucie własnej skuteczności – teoria i pomiar // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Psychologica. 2000. №4. S. 34-42.
5. Juczyński, Z. Poczucie własnej skuteczności jako wyznacznik zachowań zdrowotnych // Promocja Zdrowia. Nauki Społeczne i Medycyna. 1998. № 14. S. 78-92.
6. McKay M. Poczucie własnej wartości. Poznań: Rebis, 2002. 418 s.
7. Brien E.J. MSEI. Wielowymiarowy Kwestionariusz Samooceny. Warszawa: Pracownia Testów Psychologicznych Polskiego Towarzystwa Psychologicznego, 2008. 116 s.
8. Rongińska T. Strategie radzenia sobie z obciążeniem psychicznym w pracy zawodowej. Zielona Góra: WSP, 2001. 112 s.
8. Schwarzer R. Poczucie własnej skuteczności w podejmowaniu i kontynuacji zachowań zdrowotnych. Dotychczasowe podejścia teoretyczne i nowy model // Psychologia zdrowia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. S. 175–205.
10. Strelau J. CISS – Kwestionariusz Radzenia Sobie w Sytuacjach Stresowych. Warszawa: Pracownia Testów Psychologicznych Polskiego Towarzystwa Psychologicznego, 2005. 112 s.

УДК 316.334.5

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ

М.Н. Макарова

ФГБОУВО «Удмуртский государственный университет»
ул. Университетская, 1, 426034, Ижевск, Российская Федерация
makmar11@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования городских сообществ как политических сетей, направленных на взаимодействие граждан с государством, бизнесом и другими институтами. Категория политических сетей представляет собой аналитический инструмент для оценки различных видов отношений между государством, гражданским обществом, бизнесом и обычными заинтересо-

ванными индивидами. Исследование подобного рода сетей позволяет понять роли различных агентов, а также интересы и ресурсы каждого из них в реализации общей цели или определенной политики. Некоторые городские сообщества в России могут быть представлены в форме политических сетей, являясь взаимодействием различных субъектов, совместно принимающих решения о благоустройстве жителей. В статье рассмотрены роли бизнеса, активистов, экспертов и администрации в решении проблем городской среды.

Ключевые слова: *политические сети; городские сообщества; гражданское общество; городское развитие.*

URBAN COMMUNITIES AS A POLICY NETWORKS

M.N.Makarova

Udmurt State University,

Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russian Federation.

Annotation. The problem of building urban communities as a policy networks that are intended to collaboration between citizens, business, state and other institutions is considered in the article. The term policy networks serves to evaluate different forms of relations between state, business, civil society, and ordinary people. The research of such networks allows exploring the roles of different agents as well as their interests and resourses in achievement of the common goals and implementation of policies. Some urban communities in Russia can be presented in a form of policy networks as interaction between different agents making decision related to urban development. The roles of business, local activists, experts and administration in urban development are analysed in the article.

Keywords: *policy networks; urban communities; civil society; urban development.*

В последние годы в связи с активизацией гражданского общества и его попытками реализации совместных проектов с властью и бизнесом в научный оборот вошло понятие «политической сети» (policy network), который отражает как взаимосвязь различных субъектов для достижения совместных целей, так и эффективность их взаимодействия. Активность городских сообществ, реализующаяся в настоящее время в России, может быть рассмотрена как разновидность политических сетей. В настоящей статье мы попробуем определить основные особенности городских сообществ как политических сетей, формирующихся в современных российских городах. В качестве примера будут рассмотрены два вида активностей, направленных на благоустройство городских территорий: проект «Вернем реки городу» и проекты, связанные с деятельностью жителей многоквартирных домов по обустройству жилищной территории г. Ижевска.

Большинством исследователей признается, что термин «политические сети» демонстрирует относительно стабильные неиерархические отношения независимых агентов, которые обладают совместным интересом в отношении определенной политики посредством обмена ресурсами, и признающих, что кооперация является наилучшим путем достижения общих целей [1].

Р. Родес определяет политические сети как комплекс формальных институциональных и неформальных связей между государственными и другими субъектами, структурированными вокруг определенных взаимно разделяемых

ценностей, верований в процессе разработки государственной и общественной политики и ее внедрении [5]. Политические сети, таким образом, включают связи между государством, неправительственными организациями, бизнесом и другими заинтересованными субъектами с общими интересами и целями с целью совместной разработки определенной политики. Р. Родес разделяет пять типов сетей в зависимости от типа их участников и распределения ресурсов среди них [5]. Он помещает эти типы в пространство между высоко интегрированными «политическими сообществами» и «слабо интегрированными проблемными сетями». Между этими двумя полюсами находятся профессиональные сети, межгосударственные сети и сети производителей. Политические сообщества представляют собой относительно небольшое количество субъектов, связанных сильными связями и общими соглашениями в отношении возможностей, целей и общих институциональных процессов ведущих к реализации целей в рамках определенной политики. Проблемные сети предполагают более широкие общности связанные конфликтными отношениями в рамках решения определенной задачи. Безусловно, эти два полюса включают множество вариаций, поскольку в рамках любой сети встречаются как отношения кооперации и доверия, так и конфликтные взаимоотношения, недопонимания, а также иерархические властные отношения. Также сети классифицируют по уровню институционализации политических сетей (стабильные и нестабильные), масштабу реализации политики (внутри- и межсекторные), а также по количеству участников (открытые и закрытые) [2]. Также выделяют гомогенные и гетерогенные сети. Гомогенные сети, как правило, предполагают взаимоотношения внутри одной профессиональной группы или области, например, профессиональные сети. Гетерогенные сети более популярны, поскольку предполагают взаимодействие агентов из разных сфер и с различным объемом ресурсов, что в принципе ставит под сомнение возможность подобной классификации [6].

Большинство исследователей подвергают сомнению горизонтальный характер политических сетей и признают, что в этих сетях каждый из участников преследует собственный интерес, в результате чего, в зависимости от наличия у субъектов определенного рода и объема ресурсов, властные отношения в политических сетях, пусть даже на скрытом уровне, неизбежны [3]. Поэтому следует выделить ряд проблем, которые обычно считаются важными и интересными в исследовании различного рода политических сетей, которые внешне выглядят как «идеал» взаимоотношений различных субъектов реализации политик, но в то же время на явном или скрытом уровне демонстрируют проблемы реализации властных отношений, направленных на скрытое или явное воздействие одних субъектов на других. Таким образом, «горизонтальные» взаимодействия в сети всегда подвергаются сомнению и нуждаются в дальнейших исследованиях [4].

Формирование городских сообществ в России в последние годы связано с двумя основными видами политических или «городских» сетей: 1) «проблемные» городские сообщества, направленные на решение конкретных проблем города, связанных с благоустройством, решением экологических проблем, формированием комфортных городских пространств, борьбой с незакон-

ной застройкой и т.д. (степень конфликтности в этих сообществах варьируется в зависимости от степени вовлеченности в принятие решений местных жителей); 2) относительно стабильные «коммунальные сообщества», связанные с совместным проживанием – территории многоквартирных домов, выраженные в формальных отношениях, например товарищества собственников жилья (ТСЖ) и заканчивая «полуформальными» сообществами жильцов, формирующих отношения с управляющими компаниями на основе создания специальных инструментов, позволяющих жильцам контролировать использование средств, предназначенных для использования коммунальных расходов и благоустройства придомовой территории.

В этих сообществах, как правило, задействованы следующие субъекты:

Бизнес представлен в виде застройщиков или управляющих кампаний, а также малый бизнес, расположенный на определенной территории и заинтересованный определенным образом в ее развитии как часть собственных коммерческих целей. В рамках деятельности по благоустройству, эти структуры, как правило, отвечают за те участки работы, которые отвечают их интересам, в частности, повышению их прибыли. Однако, в соответствии с законодательством, они вынуждены осуществлять свою деятельность совместно с представителями местных сообществ. Проект «Вернем реки городу» в данном случае является показательным, поскольку компания «Острова», проводящая застройку на берегу заброшенной реки Подборенки, не просто обязалась благоустроить русло реки на участке застройки, но и подала заявку в Агентство стратегических инициатив России, которое поддержало проект по благоустройству всего русла реки. Эта поддержка представляла собой возможность обучения команды лидеров, включающих профессиональных общественников, представителей «Ижевской школы урбанистики» и представителей застройщика.

Общественники и активные местные жители. Эта группа представляет собой активистов, реализующих различные проекты в рамках проблемных сетей либо коммунальных сетей. В рамках работы проекта «Вернем реки городу» в настоящее время имеется определенное ядро активистов, работающих в рамках Ижевской школы урбанистики и Института города, которые уже долгое время реализуют различные проекты по благоустройству города, например «Открытый сад». Сюда также могут быть отнесены старшие по дому и председатели товариществ собственников жилья, а также активные граждане, различным образом участвующие в развитии городских территорий. В целом, «общественники» как основная группа, формирующая городские сети, включают три группы: лидеров, активных жителей и коммуникаторов. Виды деятельности общественников отличаются наибольшим разнообразием, однако главный из них – это вовлечение населения и формирование сообществ. Эти сообщества могут иметь формальный (ТСЖ, НКО, коммерческая организация и т.д.) и неформальный характер (инициативные группы, сообщества по интересам, сообщество жителей дома и т.д.) Примерами формальных организаций, участвующих в проектах по благоустройству города Ижевска, могут служить экологическая организация «Зеленый паровоз», молодежная организация «Родники», «Инсти-

тут города». Представители активного «ядра» общественников, или «лидеров» как правило, являющихся «профессиональными» активистами, имеющими определенный опыт работы в формальных организациях, либо являющихся старшими по дому, организуют вокруг себя сеть активных граждан, заинтересованных в оказании качественных услуг государственными или коммерческими организациями, а также в деятельности по благоустройству города. Именно общественники являются субъектом, обеспечивающим формирование структурной связи городских сетей.

Эксперты. В качестве экспертов, приглашенных для участия в проектировании городской среды, привлекаются как местные эксперты (ученые, архитекторы, экологи), а также приглашенные эксперты, проводящие исследования городских территорий по всей России. В рамках проекта «Вернем реки городу» были приглашены 30 экспертов на конкурсной основе, которые на основе исследований местных экспертов и совместно с ними проводили работу по созданию мастер-плана, включая проведение воркшопа с местными жителями. Мотивация экспертов, как правило, основана на либо на материальной заинтересованности, так и на добровольной основе, с целью развития собственной исследовательской деятельности или продвижения организации, которую они представляют. Эксперты также могут представлять группы активной общественности либо бизнеса.

Властные органы. Чаще всего это муниципальные администрации или организации. Их поддержка развития городских сообществ как «политических сетей» состоит в поддержке инициатив бизнеса или общественников по развитию городских территорий. Инициативы, исходящие от администрации, в основном связаны с исполнением законодательства, защитой прав собственников, обеспечения выполнения государственных и муниципальных услуг, а также разработки плана развития территорий, который, как правило, редко согласовывается с его жителями в формате публичных обсуждений, носящих чаще формальный характер. В последнее время администрации муниципальных образований становятся существенно зависимы от бизнеса, и их решения, в отсутствии бюджетных средств, как правило, продиктованы условиями, связанными с возможностями дополнительного финансирования. Как считает С. Мурунов, «администрация — плохой игрок на рынке городского диалога, потому что с постсоветских времён она привыкла всё контролировать и делать всё сама: за всё отвечает и всё распределяет», поэтому городское сообщество должно учиться формировать с ней диалог и «выработать тот ритм изменений, который ближе всего к состоянию баланса, характерному для этого города» [7].

Одним из способов формирования подобного сетевого баланса является кооперация застройщика «Аспект Домстрой» совместно с управлением архитектуры города и местными активистами — жителями г. Ижевска, организующими архитектурные проекты по благоустройству двора. Застройщик совместно с архитектурным управлением организовали конкурс по формированию комфортной городской среды среди жителей микрорайона. В результате этого конкурса были реализованы проекты по озеленению, обустройству детских и спортивных

ных площадок и парков. Самая большая проблема, которую отмечают представители «проектной сети» - это необходимость уделить внимание всем заинтересованным группам жителей. Некоторые активные старшие по дому организуют совет дома или неформальную сеть, которая действует по разным принципам. Иногда отношения в доме формируются на основе отношений, которые С. Мурунов назвал «принципом вожизма»: старший по дому берет на себя весь груз ответственности за принятые им решения, при этом он должен обладать достаточным уровнем доверия со стороны жильцов.

Следует сделать определенные выводы о развитии городских сообществ как политических сетей в России. Первый аспект связан с недостаточным доверием населения к возможности коллективных действий. Однако определенные позитивные изменения в настоящий момент связаны с предоставлением возможностей совместного решения проблем благоустройства территорий со стороны администраций и активных граждан, руководимых активистами и общественными лидерами. К сожалению, рассмотренные нами практики в настоящий момент не являются широко распространенными. Основные успешные практики формирования городских сетей являются следствием неформальных личных связей между лидерами общественности с властными структурами.

Второй аспект связан с необходимостью постепенного изменения мировоззрения граждан в отношении формирования сообществ и защиты прав граждан на обеспечение комфортных условий проживания и благоустройства территории. Тем не менее, имеющиеся практики общественного участия позволяют говорить о том, что городские сообщества могут быть рассмотрены как политические сети, которые могут быть использованы для распределения ответственности в рамках неформальных отношений и взаимобмена информации, предоставляя дополнительные каналы влияния помимо формальных структур.

Библиографические ссылки

1. Borzel T.A. Organizing Babylon: On the Different Conceptions of policy networks. Florence: the European University Institute Press, 1998.
2. Jordan G.A Preliminary Ordering of Policy Network Labelling / European Journal of Political Research, 1992. № 21. P. 7-27.
3. Keeley J. Understanding Environmental Policy Processes: Cases from Africa. London: Earthscan, 2003.
4. Kooiman J. Modern Governance: Government-Society Interactions. London: Sage, 1993.
5. Rhodes R.A.W. Power Dependence Theories of Central-Local Relations: A Critical Reassessment // New Research in Central-Local Relations, Aldershot: Gower, 1986. P.1-33.
6. Sikkink K. Human Rights, Principle Issue-Networks, and Sovereignty in Latin America // International Organization. 1993. № 47, 3. P. 411-441.
7. Мурунов С. Городские политики или технологии влияния городских сообществ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arch-sochi.ru/2019/04/gorodskie-politiki/>. Дата доступа 12.06.2019.

САНАТОРИЙ НА ДОМУ КАК ИННОВАЦИОННАЯ СТАЦИОНАРЗАМЕЩАЮЩАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В. К. Милькаманович

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
milkamanovich@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена инновационной стационарной замещающей технологии социальной работы – санаторий на дому для маломобильных граждан пожилого возраста.

Ключевые слова: *социальная работа; санаторий; пожилые люди.*

SANATORIUM AT HOME AS AN INNOVATIVE STATIONARY-SUBSTITUTE TECHNOLOGY OF SOCIAL SERVICE FOR SMALL CARRIER ELDERLY PEOPLE

V. K. Milkamanovich

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the innovative stationary technology of social work - a sanatorium at home for disabled people of senior age.

Key words: social work; sanatorium; the elderly.

Неослабевающее внимание к проблеме ресоциализации маломобильных пожилых людей определяется увеличением абсолютного и относительного количества пожилых и старых людей в общей численности населения страны, высокими показателями заболеваемости и нетрудоспособности лиц пожилого возраста, а также необходимостью в разработке высокоэффективных технологий их оздоровления, в том числе коррекции двигательных дефектов, восстановления интеллектуальных и эмоциональных сил [4; 5]. Для маломобильных и немобильных клиентов пожилого возраста нереализованная потребность в рекреации, особенно на селе, может быть обеспечена с помощью современной технологической модели «Санаторий на дому». В настоящее время этот вид социально-медицинской помощи обеспечивается пока только в стационарных условиях. В системе здравоохранения данная технология реальна, так как близка к действующей модели «Стационар на дому». В сфере социальной защиты она доступна для отделений социальной помощи на дому и срочного социального обслуживания территориальных центров социального обслуживания населения (ТЦСОН). «Санаторий на дому» может быть также реализован в форме социального проекта или государственного социального заказа [1]. Данная технологическая модель также может быть в центре внимания оздоровительных организаций и центров для взрослых, домов отдыха и пансионатов, расположенных в районе проживания маломобильных и немобильных пожи-

лых людей. Инновационность этой модели заключается в комплексном проведении рекреационных мероприятий в привычных домашних условиях для немобильных и маломобильных клиентов, имеющих значительные проблемы социального и медицинского характера. Главная задача – максимально продлить физическую и психическую активность.

В технологической модели «Санаторий на дому» предоставляется комплекс реабилитационных услуг - медицинских, психологических, социальных, спортивных, культурных и др. Совершенствование работы осуществляется по трем направлениям: 1) расширение и углубление форм и методов рекреации маломобильных и немобильных граждан; 2) совершенствование рекреационных знаний медиков, социальных работников; волонтеров и др.; 3) обеспечение качественного организационно-методического и научного сопровождения. На каждого клиента заводится индивидуальная рекреационная карта, в которой фиксируются полученные услуги на дому, включающая комплекс оптимальных реабилитационных мероприятий (виды, формы, объемы, сроки и порядок их реализации), направленные на восстановление нарушенных или утраченных функций организма, способностей клиента к выполнению определенных видов деятельности. Учитывается диагноз основного и сопутствующего заболевания, общее самочувствие клиента. Совместно с участковым терапевтом и остальными участниками технологической модели составляется индивидуальный план рекреации, который может включать медикаментозное лечение; простейшую физиотерапию (оксигенотерапия, тепловые процедуры, компрессы, водолечебные процедуры и т.п.); фитотерапию (витаминные напитки, целебные настои и чаи); ЛФК с использованием различных физкультурных, реабилитационных, спортивных приспособлений и инвентаря; массаж; различные способы закаливания (от воздушных ванн до водных процедур, босохождение и т.п.); психологическое консультирование; диетическое питание; культурно-развлекательные мероприятия и др. Оценку состояния здоровья граждан пожилого возраста в процессе и после прохождения курса рекреации можно быстро провести по специально разработанной нами индивидуальной карте ресоциализации. Эта карта составлена в рамках международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья [2]. Весь комплекс рекреационных мероприятий на дому должен выполняться комплексно и поэтапно. В последующем завершенная индивидуальная программа рекреации является основой для общественной социальной защиты в группах самопомощи [3]. Таким образом, рекреационная технология «Санаторий на дому» как инновационная медико-социальной помощи маломобильным пожилым людям требует пристального внимания органов социальной защиты, здравоохранения и общественных организаций, их взаимодействия по объединению усилий в этом направлении. Рекреационная модель медико-социальной помощи маломобильным гражданам «Санаторий на дому», имея в арсенале разнообразные приемы и методы, должна стать важным компонентом работы ТЦСОН, участковой службы здравоохранения, многих общественных и религиозных организаций.

Библиографические ссылки

1. Актуальные проблемы развития сферы социальной защиты: внедрение иннова-

ционных технологий, научно-методическое и кадровое обеспечение: материалы Междунар.науч.-практ. конф., Минск, 5 апр. 2011 г. / М. А. Щёткина [отв. ред.]. Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. 200 с.

2. Зборовский К.Э. Группы самопомощи в технологии социальной реабилитации инвалидов: Учеб.-метод. пособие. Минск : Общественная организация «Белорусская ассоциация социальных работников», 2008. 156 с.

3. Зборовский Э.И. Общественная социальная защита в практике социальной работы. Социальная работа. 2007. № 1. С. 3-5.

4. Милькаманович В.К. Социальная геронтология: учеб.-метод. комплекс. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. 328 с.

5. Милькаманович В.К. Геронтология и гериатрия: учеб пособие. Минск : Літатура і мастацтва, 2010. 280 с.

6. Милькаманович В.К. Технологические основы социальных практик: пособие для слушателей повышения квалификации и переподготовки. Минск : Минский государственный ПТК полиграфии, 2017. 212 с.

7. Милькаманович, В.К. Медико-социальная адаптация и реабилитация людей пожилого и старческого возраста: пособие. Минск : Колорград, 2018. 160 с.

УДК 304.442

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКА)

А.В. Рубанов

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь
rubanov.bsu@gmail.com

Аннотация. На примере разработки Стратегического плана устойчивого развития Минска на период до 2020 г. показаны основные элементы и этапы социального проектирования развития городов: создание целевого многопрофильного авторского коллектива, выработка структуры проектного документа, обновление концепции, разработка комплексного прогноза, оценка шансов и рисков, выявление конкурентных преимуществ, определение приоритетных направлений дальнейшего городского развития и их конкретизация в системе кратко-средне-и долгосрочных проектов.

Ключевые слова: *социальное проектирование; город; стратегическое планирование развития городов; социальное прогнозирование; оценка шансов и рисков; конкурентных преимуществ развития города.*

THE EXPERIENCE OF SOCIAL DESIGN DEVELOPMENT OF CITIES (ON THE EXAMPLE OF MINSK)

A.V. Rubanov

Belarusian State University,
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Using the example of developing the Strategic Plan for Sustainable Development of Minsk for the period until 2020, the main elements and stages of social

planning for urban development are shown: the creation of a targeted multi-profile team of authors, the design structure of the project document, the update of the concept, the development of a comprehensive forecast, an assessment of chances and risks, identification of competitive advantages, identification of priority areas for further urban development and their concretization in the system of short-medium and long-term projects.

Keywords: *social design; city; strategic planning of urban development; social forecasting; assessment of chances and risks; competitive advantages of city development.*

Социальное проектирование – это, по определению, сознательное, целенаправленное, планомерное, согласованное с людьми конструирование новых объектов общественной жизни. Одним из весьма распространенных объектов социального проектирования является среда проживания людей. Среди этих объектов особо выделяется проектирование жизнедеятельности городов с целью повышения комфортности проживания и благоприятного для человека развития городской среды. В Беларуси опыт социального проектирования развития городов был обновлен и апробирован в 2002-2004 гг. при разработке Стратегического плана устойчивого развития Минска на период до 2020 г. [1], который 24 марта 2004 г. был утвержден сессией Минского городского Совета депутатов.

Опыт разработки данного документа позволяет выделить и проиллюстрировать на конкретном примере важнейшие элементы (они же главные этапы) стратегического социального проектирования. В первую очередь, с целью разработки стратегического плана тогда был сформирован многопрофильный кластер, в который вошли ученые, представляющие самые различные отрасли научного знания, и наиболее квалифицированные практические работники из всех сфер организации городской жизнедеятельности. Определяя структуру плана, его авторы исходили из того, что отличительными характеристиками таких проектных документов является то, что они, во-первых, учитывают изменяющиеся внешние условия и ориентированы на долгосрочную перспективу, что, в частности, требует отказа от ряда традиционных подходов; во-вторых, охватывают и взаимоувязывают дальнейшее преобразование всех важнейших сфер городской жизнедеятельности.

В рассматриваемом случае, прежде всего, в обновлении нуждались концептуальные основы городского развития. В процессе их формирования активно изучался и использовался опыт наиболее продвинутых в стратегическом планировании европейских городов: Вены, Барселоны, Мюнхена, Штутгарта, Лиона, Праги, Санкт-Петербурга др. В итоге пришлось отказаться от четырех базовых принципов, лежавших в основе прежнего городского развития. Во-первых, если Минск советский создавался как крупный промышленный центр, то новый акцент был сделан на реализацию его столичных функций, развитие образования, науки, культуры и медицины, деловых и торговых центров, создание комфортных условий проживания. Во-вторых, город, ориентированный на выполнение промышленных заданий, развивался по законам, которые диктовали отдельные отрасли и ведомства. Отныне на первый план выходили интересы и решения самого городского сообщества. В-третьих, наряду с традиционным государственным финансированием в расчет стали приниматься воз-

возможности других финансовых источников развития города: частного капитала, иностранных инвестиций, заемных денег и др. Наличие рынка инвестиций позволило отказаться от однообразной и безликой застройки и приступить к созданию уникальных архитектурных объектов. В-четвертых, активное развитие различных форм собственности и разнообразие интересов ее владельцев потребовало того, чтобы централизованное проектирование городских объектов сочеталось с инициативным планированием городской среды.

В основу новой стратегии была положена идеология устойчивого развития Минска, основывающаяся на трех основных принципах. Первый принцип – сбалансированность экономики и экологии, т. е. когда люди в результате своей производственной и иной деятельности перестают разрушать среду обитания, когда они сбалансированно решают экономические задачи и проблемы сохранения благоприятной среды и природоресурсного потенциала. Второй принцип – сбалансированность экономической и социальной сфер, взятых в их человеческом измерении. То есть обеспечение максимального использования в интересах населения тех ресурсов, которые дает экономическое развитие. Третий принцип – это комплексное решение не только текущих задач, но и задач на перспективу, связанных с ориентацией не только на ныне живущих граждан, но и на будущие поколения.

Разработке собственно стратегического плана предшествовала работа над комплексным прогнозом развития Минска, который охватывал демографические, социально-экономические и энергетические вопросы, развитие научно-технической сферы, прогнозные оценки здоровья населения, городской экологии и преступности. На их основе была сделана оценка городских ресурсов, шансов и рисков, определены наиболее приоритетные направления дальнейшего развития, ставящие целью повышение качества жизни людей и повышение конкурентных возможностей города.

Идеология устойчивого развития Минска тогда была воплощена в пяти стратегических приоритетах: 1-й приоритет – «Минск – город здоровья и высоких социальных стандартов»; 2-й приоритет – «Минск – город знаний и наукоемких технологий»; 3-й приоритет – «Минск – город – центр международных коммуникаций»; 4-й приоритет – «Минск – город, привлекательный для предпринимательства и инвестиций»; 5-й приоритет – «Минск – город, развивающий демократию с широким участием граждан». Каждый из стратегических приоритетов городского развития конкретизировался по отдельным направлениям со своими прогнозно-целевыми показателями и наиболее значимыми кратко-средне- и долгосрочными проектами в экономике, научно-технической и социальной сферах, коммунальном хозяйстве, градостроительстве, улучшении экологии окружающей среды, других сферах жизнедеятельности города. Девизом стратегического развития Минска был предложен следующий: «Качество жизни, инновации, партнерство».

По своему замыслу Стратегический план устойчивого развития Минска на период до 2020 г. изначально рассматривался не как строго административный документ. Он, его отдельные звенья неоднократно обсуждались с участием выс-

ших должностных лиц городской администрации, депутатов городского совета, представителей государственного и негосударственного сектора экономики, общественных организаций, ученых, в том числе на трех международных научно-практических конференциях, проведенных в 2002-2004 гг. В процессе работы над планом была проведена серия социологических опросов среди разных групп жителей города по самым различным аспектам организации его жизнедеятельности и дальнейшего развития. Их результаты учитывались как при определении основных приоритетов, так и в ходе формирования отдельных проектов.

На примере разработки Стратегического плана устойчивого развития Минска на период до 2020 г. видно, что основными элементами социального проектирования развития городов являются следующие: создание целевого многопрофильного авторского коллектива, выработка структуры проектного документа, формирование его базовых концептуальных оснований, разработка комплексного прогноза, оценка конкурентных возможностей, шансов и рисков, определение приоритетных направлений дальнейшего городского развития и их конкретизация в системе кратко-средне-и долгосрочных проектов. Очевидна необходимость привлечения к процессу проектирования, помимо представителей науки, руководителей и практических работников, общественности, а также проведения полномасштабных социологических исследований.

Библиографические ссылки

1. Стратегический план устойчивого развития Минска на период до 2020 г., Минск : Юнипак, 2004.

УДК 37.015.31

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К АКТИВНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Семакова, И.Л. Аверкина

ФГБОУВО «Смоленский государственный университет»,
ул. Пржевальского 4, 214036, Смоленск, Российская Федерация
ОГБПОУ «Смоленская академия профессионального образования»
пр-т Гагарина 56, 214018, Смоленск, Российская Федерация
semaksmol@yandex.ru, eternity-21@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования 50 студентов на предмет готовности к добровольческой деятельности. Исследование проводилось с использованием методики, включавшей несколько блоков: блок знаний, блок умений (кейсы) и блок компетенций. Анализ ответов исследуемых показал низкий уровень теоретических знаний, что отразилось и в решении практических задач. Также было определено, что методическая, социальная и организаторская компетенции не развиты ни у одного из респондентов. На основании полученных результатов проде-

монстрирована необходимость психолого-педагогического сопровождения формирования готовности к активной добровольческой деятельности. Одним из компонентов ее должен быть содержательно-процессуальный. Цель которого - получение знаний о добровольчестве, укрепление навыков, развитие компетенций. Предложенное направление в модели психолого-педагогического сопровождения добровольческой деятельности студенческой молодежи будет способствовать формированию целостного представления, воспроизведению модельного видения и в связи с этим выступит эффективным средством совершенствования воспитательной работы в вузе. Также будет способствовать активному включению студентов в добровольческую деятельность.

Ключевые слова: *добровольческая деятельность; формирование готовности; психолого-педагогическое сопровождение; социальное проектирование; модель сопровождения волонтерского корпуса.*

FORMATION OF READINESS FOR ACTIVE VOLUNTARY ACTIVITY

E.V. Semakova, I.L. Averkina

Smolensk State University

Przhevalsky str. 4, 214036, Smolensk, Russian Federation

Smolensk Academy of Professional Education

Gagarin av., 56, 214018, Smolensk, Russian Federation

Abstract: The article presents the results of a study of 50 students for readiness for volunteering. The study was conducted using a technique that included several blocks: a block of knowledge, a block of skills (cases) and a block of competencies. Analysis of the responses of the studied showed a low level of theoretical knowledge, which was reflected in the decision of practical problems. It was also determined that methodological, social and organizational competences is not developed in any of the respondents. On the basis of the obtained results the necessity of psychological and pedagogical support of formation of readiness for active volunteer activity is demonstrated. One of its components should be content-procedural. The purpose of which the receiving of knowledge about volunteering, strengthening skills, development of competences. The proposed direction in the model of psychological and pedagogical support of volunteer activity of students will contribute to the formation of a comprehensive view, the reproduction of the model vision and in this regard will be an effective means of improving educational work. It will also contribute to the active inclusion of students in volunteer activities.

Key words: *volunteer activity; formation of readiness; psychological and pedagogical support; social design; model of support of the volunteer corps.*

Современное общество предоставляет возможность реализации потребности человека в социальном участии. Одной из форм которого является добровольчество. Оно основано на ряде принципов, которыми добровольцы руководствуются в своей деятельности, а именно: принцип добровольности, безвозмездности и социальной направленности, свобода гражданина в выборе цели труда [1]; свободного сотворчества граждан в решении социальных проблем и построении процветающего сообщества, независимо от государства

социальная ответственность, социальная значимость, личностная значимость [2]; аполитичность; открытость и доступность, ориентация на социальное партнерство с другими общественными организациями; конфиденциальность, обеспечивающая безопасность, как самого волонтера, так и тех, с кем он работает; возможность привлечения добровольцев по различным каналам, отсутствие какого-либо формального членства [3]. В Российской Федерации в данной социально-помогающей деятельности участвует около 2% работоспособного населения. Однако по опросам ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) отмечено, что более 40% граждан России желали бы участвовать в социально – полезной деятельности. Таким образом, можно говорить о некоем противоречии - потребностью освоения и использования потенциала добровольческой деятельности в процессе социализации и профессионального-личностного становления и отсутствие содержательно-технологической проработки вопросов привлечения, мотивирования, подготовки, организации деятельности волонтеров в современных условиях. В этой связи нами было реализовано исследование, целью которого явилось обоснование необходимости сопровождения студентов для формирования готовности к активной добровольческой деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд поставленных задач: изучить психологическую сторону готовности студентов к добровольческой деятельности; оценить готовности студентов к добровольческой деятельности; определить основные затруднения для участия в добровольческой деятельности; обоснование необходимости сопровождения студентов для формирования готовности к активной добровольческой деятельности; определить основные направления педагогического сопровождения добровольческой деятельности.

В связи с тем, что психологический компонент, являясь слагаемым продуктивного осуществления добровольческой деятельности (в частности: знание о функционале и базовых методах работы, применение на практике умений и навыков, использование необходимых материальных и технических средств, а также опыт участия в подобного рода деятельности), является одним из значимых в формировании готовности к добровольческой деятельности, именно его и оценивали. Оценка готовности к добровольческой деятельности проводилась с использованием методики, включавшей несколько блоков: блок знаний, блок умений (кейсы) и блок компетенций. Исследование осуществлялось в ФГБОУ ВО «Смоленская государственная сельскохозяйственная академия» с 2014 по 2018 годы. Всего на различных этапах в исследовании приняли участие 50 студентов, из них 30 девушек, 20 юношей в возрасте от 17 – 21 года.

Анализ ответов исследуемых показал низкий уровень теоретических знаний, что отразилось в решении практических задач. В критических ситуациях большинство студентов предпочитало выбор интуитивных действий (не знали своих прав и не могли отстаивать свои интересы).

Так, например, 15 человек (30%) не смогли дать правильный ответ на во-

прос: «На сколько часов работы организаторы мероприятий имеют право привлекать волонтеров без обеспечения едой?». Не смогли разобраться, что из себя представляет НКО (некоммерческая организация) – 25 человек (50%), такое же количество опрошенных не смогли выделить направления добровольческой деятельности Смоленской области и назвать Всероссийский образовательный форум «Территория смыслов», на котором открыта смена обучения волонтеров.

В блоке умения волонтерам был предложен кейс на правовую грамотность следующего содержания: «Вы совместно с другими участниками волонтерского корпуса в преддверии праздника собрались в центре города, чтобы раздать поздравительные открытки прохожим. К вам подходит сотрудник полиции и обвиняет вас в организации незаконного пикета. Ваши действия?». Ни один из респондентов не «показал разрешение о проведении акции», лишь 12 человек (24%) «позвонили координатору волонтерского корпуса для решения проблемы», остальные 38 человек (76%) «пытались договориться», «объясняли, что это важная добровольческая акция». Это продемонстрировало, что потенциальные добровольцы (12 человек (24%) не сумеют отстаивать свои интересы.

Результаты кейсов, задачей которых было выявление развития компетенций, также выявили проблемы готовности к добровольческой деятельности. Было определено, что методическая, социальная и организаторская компетенции не развиты у 50 респондентов (100 %). Ни один из респондентов не смог структурировать действия, необходимые реализовать добровольцу в той или иной из предложенных практических ситуаций. Соответственно, ни один из опрошенных студентов не смог продемонстрировать владение инструментарием добровольчества, не проявил организаторские способности и не справился с грамотным построением беседы с получателем добровольческой помощи. Таким образом, изучив готовность студентов к волонтерской деятельности, можем констатировать, что она находится на начальном уровне развития.

Известно, что функциональный аспект добровольческой деятельности, соотносимый с пониманием и освоением функционального репертуара добровольческой деятельности, ценностей, знаний, умений, навыков и действий также как и личностный (интеграция индивидуальных свойств, качеств), определяют пригодность для выполнения возложенных на волонтера функций. Понимая, что личностно-функциональная готовность волонтера репрезентируется во взаимосвязи ценностно-мотивационного, праксиологического, мобилизационно-рефлексивного и др. компонентов нами предложено введение психолого-педагогического сопровождения студентов для формирования готовности к активной добровольческой деятельности [4].

Психолого-педагогическая модель сопровождения волонтерства должна быть направлена на: создание условий для позитивного развития отношений субъектов образовательного процесса; разработку индивидуальных образовательных маршрутов; усиление мотивации учебной деятельности; помощь в диагностировании проблемы; создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений, опираясь на уже имеющийся опыт; приобретение опыта организации самостоятельной работы; обучение самостоятельному выбору; си-

стематическое отслеживание уровня результатов деятельности; формирование адекватной самооценки; приобщение молодых людей к социально-культурным и нравственным ценностям; помощь подростку в его личностном росте; укрепление целостности человека. Одним из значимых компонентов модели должен быть содержательно-процессуальный компонент, цель которого получение знаний о добровольчестве, укрепление навыков, развитие компетенций [5].

Предложенное направление в модели психолого-педагогического сопровождения добровольческой деятельности студенческой молодежи будет способствовать формированию целостного представления, воспроизведению модельного видения и в связи с этим выступит эффективным средством совершенствования воспитательной работы в вузе. Также будет способствовать активному включению студентов в добровольческую деятельность.

Библиографические ссылки

1. Кудринская Л.А. Добровольческий труд и факторы его воспроизводства в современном обществе // Вестник РУДН: Социология. 2005. №1. С. 15-26
2. Киреева Л.В. Феномен современного добровольчества // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. № 2. С. 19-25.
3. Белановский Ю. Что такое волонтерская организация? [Электронный ресурс] // Ресурсный центр добровольческого движения «Даниловцы». Режим доступа: <http://www.danilovcy.ru/2014/11/volonterskaya-organizaciya/#prettyPhoto> Дата доступа: 14.12.2014.
4. Волгунов В.А., Даль Л.В., Маркеева М.В. Потенциал волонтерской деятельности в обеспечении профессионального самоопределения студентов // Сибирский педагогич. журн. 2012. № 7. С. 165-169
5. Голова Л.Д. Компетентностный подход к формированию социально активной личности и ее гражданской позиции // Человек и образование. 2014. № 2 (39). С. 137-139.

УДК 94(47)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ

К.В. Стволыгин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
konstvol@mail.ru

Аннотация. В публикации рассматривается зарубежный опыт использования альтернативной службы в социальном обслуживании населения. Описаны организации, в которых преимущественно проходят альтернативную службу граждане ряда европейских стран.

Ключевые слова: *альтернативная служба; военная служба; призыв; социальное обслуживание.*

FOREIGN EXPERIENCE OF USING ALTERNATIVE SERVICE IN THE SOCIAL SERVICE OF POPULATION

K.V. Stvolysin

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The publication discusses the international experience of using alternative service in social services for the population. The organizations in which citizens of a number of the European countries mainly pass alternative service are described.

Keywords: *alternative service; military service; conscription; social services.*

С конца 80-х годов XX века право граждан на отказ от воинской повинности и замену ее альтернативной службой в большинстве западных стран рассматривают как важнейший показатель уровня развития демократии. Альтернативная служба – это особый вид государственной службы, заменяющий обязательную военную службу гражданам, имеющим убеждения, несовместимые с прохождением этой службы. Термину «альтернативная служба» соответствуют термины «альтернативная гражданская служба», «трудовая служба», «вневойсковая служба», «гражданская служба» и т.п., применяемые в различных странах [1].

В 90-е годы прошлого столетия около 70 стран мира комплектовали свои армии способом обязательного призыва. Из них более чем в 20 странах была узаконена альтернативная служба [2, с.5]. В число этих стран входили Германия, Франция, Италия, Австрия, Бельгия, Испания, Швеция, Польша, Венгрия, Чехия, Латвия, Украина, и др. Список стран, где действовал или действует институт альтернативной службы, постоянно пополняется. Так в России с 1 января 2004 г. вступил в действие закон об альтернативной гражданской службе. В Республике Беларусь работа над соответствующим законом велась с начала 1992 г., а основные положения Закона Республики Беларусь «Об альтернативной службе» вступили в силу с 1 июля 2016 г. В странах, где узаконена альтернативная служба, она направлена преимущественно на решение проблем социального обеспечения населения (в законодательной базе Республики Беларусь используется термин «социальное обслуживание»). Не случайно во многих европейских странах альтернативная служба находится в ведении министерств, отвечающих за сферы труда и социальной защиты населения.

На сегодняшний день наиболее значительный опыт организации альтернативной службы накоплен в Германии. В 1961 г., через пять лет после введения воинской повинности, в Германии в соответствии с Конституцией этой страны была введена альтернативная служба. В 1961 г. право проходить эту службу получили всего 340 человек. На конец XX века в Германии число военнообязанных, заявивших об отказе от военной службы, составляло 130 тыс. человек. Для граждан, желающих проходить альтернативную службу, было создано 170 тыс. рабочих мест, в том числе 40 тыс. рабочих мест являлись резервными. Преимущественно признание в качестве мест прохождения альтернативной службы в Германии получили больницы, службы спасения, приюты для престарелых и инвалидов, мобиль-

ные социальные службы и т.д. [3, с. 32–33]. Поучительными являются и примеры прохождения альтернативной службы молодыми немцами в странах СНГ. В России в начале 90-х годов приступили к реализации российско-германского проекта по организации работы альтернативщиков из Германии в сфере социально помощи престарелым – жертвам сталинских репрессий в Москве. Схожие примеры имели место и в Беларуси. Так, в 2001 г. девять молодых людей из Германии проходили в г. Минске альтернативную службу и ухаживали за детьми-инвалидами, помогали людям с ограниченными умственными возможностями [4]. В январе 2011 года в Германии было объявлено, что призыв на военную службу более не отвечает требованиям времени и в его нынешнем виде не подходит для Бундесвера. Однако полностью отменить воинскую повинность правительство все же не решилось. В Конституции сохранилась статья, в которой предусмотрена возможность призыва граждан мужского пола, достигших 18 лет, на срочную службу в армию, пограничную охрану или подразделения гражданской обороны. Это обусловлено гипотетической перспективой изменения международной ситуации, появления угрозы безопасности и суверенитету страны, для чего потребуются реанимировать всеобщий призыв.

В Испании закон, позволяющий призывать граждан на военную службу, действовал только до 2001 г. В 2001 г. государство перевело армию на контрактную основу. Когда был призыв, существовал закон 1984 г. об отказе по убеждениям от военной службы, а также Королевский указ 1988 г. об альтернативной службе. Пока альтернативная служба в Испании была актуальна, ее проходили в социальной сфере. Альтернативная служба была настолько популярна, что стала одной из причин отмены призыва на военную службу. Для испанцев, стремившихся послужить стране на мирном поприще, даже не хватало рабочих мест, т.к. их были сотни тысяч. Некоторые из них успевали выйти из призывного возраста, так и не дождавшись распределения в рамках прохождения альтернативной службы. В Италии закон об альтернативной службе и отказе по убеждениям действовал с 1972 и до 2005 г. С 1 января 2005 г. обязательный призыв в вооруженные силы был отменен Парламентом. Последняя редакция закона датировалась 1998 г. и предусматривала отказ от военной службы по религиозным, этическим и философским убеждениям. Своеобразными были подходы к организации альтернативной службы во Франции. Там, в отличие от других стран, денег за эту службу не платили, давая альтернативщикам лишь небольшие суммы на карманные расходы. Часто им приходилось уезжать за пределы Франции и трудиться, например, в Африке, в бывших французских колониях.

В настоящее время значимой видится следующая тенденция, характерная для ряда развитых в экономическом отношении западных стран: сокращение общей численности граждан, проходящих альтернативную службу. Связана данная тенденция, как отмечалось выше, с переходом ряда европейских стран на комплектование своих вооруженных сил исключительно на контрактной основе и упразднением институтов альтернативной службы в этих странах. Следствием этого становится появление трудно заполняемых вакансий в организациях, связанных с социальным обслуживанием населения. Так, после отмены призыва в

Германии в больницах, домах престарелых, службах спасения, экологических организациях возникла острая нехватка персонала. После отмены призыва в 2005 году в Италии возникла необходимость восполнить недостаток рабочих рук в социальной сфере. Национальное управление гражданской службы, действующее до сих пор, убеждает молодежь «посвятить один год своей жизни помощи другим». На сайте учреждения добровольная общественная служба описывается как «жест солидарности», ценная возможность повысить свое образование, уникальный шанс для личностного роста и способ сделать резюме более привлекательным для потенциальных работодателей в будущем.

Начиная с 2004 г. Министерство труда и социальной защиты РФ ежегодно перед началом весеннего призыва издает приказ об утверждении специальностей для прохождения альтернативной гражданской службы. Так, в 2015 г. в перечень вошла 61 рабочая профессия и 65 должностей. В 2015 г. в Минтруд с просьбой направить граждан для прохождения альтернативной гражданской службы обратились 816 госучреждений. Больше всего их в Самарской области – 75. В Российской Федерации за 11 лет существования альтернативной гражданской службы в общей сложности было подано 8000 заявок от призывников на ее прохождение, а удовлетворено около 7000 заявок, т.е. примерно 700 потенциальных кандидатов на прохождение альтернативной службы ежегодно. Традиционно велик спрос на медицинских работников: нужны, например, врачи общей практики, психологи, ассистенты в операционных и перевязочных. Местами прохождения альтернативной гражданской службы становятся и учреждения, которые связаны с оказанием населению социально-реабилитационных услуг. Это вполне объяснимо: к примеру, служба санитаров в больницах и госпиталях не требует особой квалификации, эти места часто остаются вакантными в силу малой оплаты и тяжелого труда. В тоже время эта работа требует максимального гуманизма и исключает всяческое насилие. В Украине в основном альтернативную службу проходят в населенном пункте по месту проживания или в местности, откуда люди могут ежедневно возвращаться домой. Службу проходят на предприятиях, в учреждениях и организациях, находящихся в государственной и коммунальной собственности. При этом деятельность альтернативщиков должна быть связана с социальной защитой населения, здравоохранением, защитой окружающей среды, строительством, жилищно-коммунальным и сельским хозяйством.

Исследование истории и современной политики различных государств по реализации права граждан на отказ от обязательной военной службы, вследствие их убеждений, организации альтернативной службы позволяет сделать вывод о том, что перечень закрепленных в Законе Республики Беларусь «Об альтернативной службе» организаций для прохождения гражданами альтернативной службы, в том числе организаций здравоохранения, социальной сферы, является оптимальным для данного вида государственной службы.

Библиографические ссылки:

1. Стволыгин К.В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи. Минск : РИВШ, 2010. 248 с.
2. Есть ли границы у свободы совести? // Красная звезда. 1991. 10 авг. С.3

3. Российский вестник «Международной амнистии». 1997. № 7.
4. Немецкая армия взяла без боя белорусскую «психушку» // Комсомольская правда. 2001. 22 марта. С.5

УДК 316.42

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Т.В. Тратинко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
tati_ttb@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития социальной активности как фактора развития мотивационной структуры студенческой молодежи. На основе теоретико-методологического анализа проблемы и практического опыта определено, что волонтерская деятельность является не только значимой тенденцией социальной реальности, но фактором личностного развития молодежи. В статье описан опыт создания и функционирования волонтерской организации студентов университета, направленный на интеграцию содержания образовательной программы и практического участия студентов-волонтеров в профессионально ориентированной деятельности с учетом профиля будущей профессиональной деятельности. По результатам проведенного исследования определены особенности социальной активности и условия волонтерской деятельности, содействующие личностному развитию студенческой молодежи.

Ключевые слова: волонтерство; социальная активность; студенческая молодежь; управление волонтерской деятельностью.

VOLUNTEER ACTIVITY AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTS YOUTH

T.V. Tratsinko

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the features of the development of social activity as a factor in the development of the motivational structure of students. On the basis of theoretical and methodological analysis of the problem and practical experience, it is determined that volunteer activity is not only a significant trend in social reality, but also a factor in the personal development of young people. The article describes the experience of the creation and functioning of the volunteer organization of University students, aimed at the integration of the content of the educational program and the practical participation of students-volunteers in professionally oriented activities, taking into account the profile of future professional activities. According to the results of the study, the problems of social activity and the conditions of volunteer activities that contribute to the personal develop-

ment of students are identified.

Keywords: *volunteering; social activity; student youth; volunteer management.*

В последние годы существенно возрастает интерес к изучению молодежи как наиболее социально активной категории общества. Исследователи отмечают, что студенческая молодежь - социальная группа, которая претерпевает динамичные внутренние изменения и постоянное усложнение взаимосвязей и отношений со всеми элементами социальной, политической, а также других структур общества, обладающая интеллектуальным капиталом и ресурсами для повышения интеллектуального и профессионального уровня. Процесс обучения студентов в университете характеризуется изменением социальной ситуации развития, сменой ведущего вида деятельности, в рамках которых происходит трансформация компонентов их профессиональной мотивации, формируются особые качества и т.д. В ходе обучения студент становится субъектом сознательной деятельности, направленной на его личностную и профессиональную самореализацию и развитие [1]. Студенческая молодежь является самой активной, динамичной частью любого общества не только по причине обозначенных особенностей, но и по причине наличия больших возможностей быть включенными в общественную социально полезную деятельность.

Волонтерская деятельность – это деятельность, носящая социально-значимый, социально-полезный характер; вид социальной активности и социальной практики. Существующие в научной литературе определения волонтерской деятельности отражаются через призму социальной активности, помощи другим людям и значимости добровольчества для личности. Волонтерская деятельность – это особая форма деятельности человека, отражающая его готовность и способность отдавать личные ресурсы ради общественных целей, и способствующая формированию его ценностных ориентаций и социального опыта.

Результативность волонтерской работы напрямую зависит от того, кто и как ее реализует, т.е. важную роль играет психограмма волонтеров, которая предназначена для организации образовательного процесса, разработки системы контроля качества подготовки, механизмов диагностики его подготовленности, обеспечения мониторинга личностно-профессионального становления студенческой молодежи. Важнейшим критерием личностно-профессионального становления волонтера является мотивы, побуждающие его к добровольческой деятельности. Для выявления отношения студентов-волонтеров к волонтерской деятельности, источника побуждения к участию в ней, опыта участия в волонтерской деятельности, а также мотивов участия нами была разработана анкета. Всего в анкетировании приняло участие 50 человек (студенты-волонтеры).

Участие студентов в волонтерской деятельности в большинстве случаев является как самостоятельным решением (31 волонтер), так и решением, побуждаемым со стороны друзей и знакомых (17 волонтеров). Личное отношение к волонтерской деятельности студенты-волонтеры оценили следующим образом: 25 человек положительно относятся к волонтерской деятельности, двоякое отношение - 21 человек, отрицательного отношения не имеет ни один

студент-волонтер, безразлично к волонтерству относятся 2 человека и 2 человека не смогли определиться в выборе. В большинстве случаев студенты-волонтеры в качестве преобладающих мотивов участия в волонтерской деятельности выделяют новые знания и приобретаемый опыт, возможность оказания помощи, личностный рост и развитие, расширение круга знакомств и общение с интересными людьми.

На втором этапе исследования изучались особенности мотивации студентов-волонтеров и студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью при помощи опросника «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман). Методика позволяет выявлять некоторые устойчивые тенденции личности: общую и творческую активность, стремление к общению, обеспечению комфорта и социального статуса и др. На основе всех ответов можно составить суждение об общежитейской и рабочей направленностях мотивационной структуры личности.

Полученные на данном этапе исследования результаты свидетельствуют о том, что мотивационная структура студентов-волонтеров имеет следующие статистически значимые различия: «социальная полезность» ($U_{\text{эмп}} = 870, p \leq 0,01$); «рабочая направленность» ($U_{\text{эмп}} = 910,5, p \leq 0,05$); «общая активность» ($U_{\text{эмп}} = 979, p \leq 0,1$); «творческая активность» ($U_{\text{эмп}} = 1002, p \leq 0,1$). Статистически достоверные различия не обнаружены по следующим шкалам: «жизнеобеспечение» ($U_{\text{эмп}} = 1150, p > 0,1$); «комфорт» ($U_{\text{эмп}} = 1166, p > 0,1$); «социальный статус» ($U_{\text{эмп}} = 1210, p > 0,1$); «общение» ($U_{\text{эмп}} = 1233, p > 0,1$); «общежитейская направленность» ($U_{\text{эмп}} = 1194, p > 0,1$).

Выявленные особенности мотивационной структуры студентов-волонтеров свидетельствуют о положительной тенденции в сторону «деловой» направленности, характеризуемой стремлением быть общественно полезным, делать что-то на благо других людей, приносить изменения в обществе и окружении, изобретать что-то новое, быть включенным в деятельность творческого характера, стремиться к высоким достижениям. Данные особенности необходимо учитывать при организации и управления волонтерской деятельностью студенческой молодежи.

На кафедре социальной работы и реабилитологии БГУ с 2012 г. функционирует волонтерский центр «Дорога надежды», направлениями деятельности которого являются: 1) реализация проектов образовательной, профилактической и коррекционно-развивающей направленности (с различными категориями населения: дети группы социального риска, семья, пожилые, инвалиды); 2) благотворительные акции и мероприятия (организуемые и проводимые совместно с общественными организациями, социальными учреждениями); 3) «Школа волонтера». Направления деятельности Центра позволяют решать следующие задачи: 1) привлекать студентов-волонтеров к реализации социальных проектов с социально уязвимыми категориями населения (в т.ч. несовершеннолетними группы социального риска); 2) реализовывать благотворительные акции и мероприятия (в т.ч. совместно с общественными организациями и учреждениями); 3) содействовать адаптации волонтеров к особенностям

волонтерской деятельности с социально уязвимыми категориями населения посредством организации занятий в «школе волонтера».

В основе деятельности ВЦ «Дорога Надежды» внедрена система студенческого самоуправления, содействующая профессионально-личностному развитию студентов специальности «Социальная работа». Каждым направлением деятельности Центра руководит студент, являющийся членом актива. Председателем Центра является студент специальности «Социальная работа». Студенты-волонтеры проводят научные исследования по особенностям формирования студенческой молодежи в волонтерской деятельности. Например, в 2018-2019 учебном году было проведено дипломное исследование по «социальному запросу» Общественного объединения «Еврейское культурное общество «ЭМУНА» на тему «Взаимосвязь эмоционального интеллекта и мотивации у волонтеров». По запросу ОО «Белорусская ассоциация социальных работников» проводилось дипломное исследование на тему «Социализация людей третьего возраста через включение в образовательную среду». Социально активная деятельность студентов-волонтеров осуществляется на практических базах кафедры социальной работы и реабилитологии по направлениям сотрудничества: ОО «Белорусская ассоциация социальных работников» осуществляется; Социальное учреждение «Инвацентр ОО «БелОИ»»; ТЦСОН Первомайского района г. Минска. Разноплановость деятельности позволяет включить в волонтерскую деятельность более 80% студентов дневной формы обучения с учетом их личных склонностей и способностей.

Результаты проведенного исследования и наш практический опыт позволяет обозначить условия, обеспечивающие эффективность функционирования системы волонтерской деятельности: 1) подготовка профессорско-преподавательского состава, непосредственно осуществляющего работу со студентами-волонтерами; 2) наличие специальной программы подготовки студентов-волонтеров (возможно введение курса «Основы волонтерской деятельности», включающего в себя теоретический и практический блоки); 3) диагностика индивидуальных и личностных особенностей студентов, их готовности участвовать в волонтерской деятельности; 4) постепенное и систематическое включение студентов-волонтеров в различные виды деятельности (акции, мероприятия, проекты); 5) организация психолого-педагогического сопровождения (консультирования) студентов-волонтеров (студенты-волонтеры должны знать, к кому они могут обратиться в случае возникновения вопросов, затруднительных ситуаций, получения негативного опыта волонтерской деятельности); 6) организация направлений волонтерской деятельности, максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности (профессионально ориентированные направления волонтерской деятельности); 7) система волонтерской деятельности должна строиться на личностно-ориентированном подходе, предполагающем учет индивидуальных особенностей и возможностей личности студента; 8) управление системой волонтерской деятельности.

Управление волонтерским движением должно основываться на следующих принципах: ресурсного обеспечения; информационного обеспечения;

популяризации; гуманных отношений; реалистичности; сотрудничества. На уровне управления волонтерской организацией необходимо: четко определять миссию, цели и задачи работы организации; выделить понятную роль волонтеров в организации, определить функциональные обязанности, проводить мониторинг социальных процессов; разработать собственную гибкую систему управления волонтерским активом; сконцентрировать волонтерскую деятельность в рамках потребности организации, возможно, какого-то одного или нескольких направлений волонтерской работы; адекватно оценить потребности организации, имеющиеся ресурсы и проводить семестровое планирование деятельности; проводить оценку и анализ проделанной работы, получать обратную связь об эффективности управленческой системы; повышать осведомленность студентов факультета, университета о направлениях, планируемых мероприятиях волонтерской организации, в т.ч. в сети Интернет; увеличивать престижность статуса волонтера в студенческой среде за счет разъяснения его роли, создания и поддержания традиций для повышения значимости социального волонтерства; учитывать отечественный и зарубежный опыт волонтерской деятельности, выделять и использовать подходящие и эффективные модели работы конкретного направления волонтерской деятельности в вузе; выстроить систему обучения и сопровождения студентов-волонтеров; развивать корпоративный дух, организуя неформальное взаимодействие среди студенческой молодежи.

Библиографические ссылки

1. Тратинко Т.В. Волонтерская деятельность как условие личностно-профессионального развития будущих специалистов по социальной работе // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. // О.А. Волкова, Е.И. Мозгова [ред.]. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 374-380.

УДК 364

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ В ИСПАНИИ: СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ (2008-2017)

Ф.Э. Хаз-Гомес

Университет Мурсии

Факультет экономики и управления, корпус 2

Campus de Espinardo 30100, Мурсия (Испания)

francisco.haz@um.es

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальной эксклюзии в Испании, ее эволюции с 2008 по 2017 г, когда страна переживала глубокий экономический кризис. В этот период времени были сокращены государственные расходы на социальную политику. В данном исследовании в качестве методологической модели ис-

пользован многоаспектный анализ наблюдательного центра по вопросам социальной эксклюзии Университета Мурсии (Испания). Изучение социальной эксклюзии является комплексным; социальная эксклюзия – это больше, чем просто нехватка ресурсов. Поэтому исследования, посвященные социальной эксклюзии, должны также базироваться на многоаспектном подходе. Модель исследования социальной эксклюзии, разработанная наблюдательным центром по вопросам социальной эксклюзии, состоит из семи аспектов, раскрывающих явление социальной эксклюзии с разных точек зрения. Эти аспекты включают: доход, труд, образование, жилье, здравоохранение и социальное участие (Эрнандес Педреньо, 2014). В дополнение к этому также учитывается численность населения Испании и социальные расходы в рассматриваемый период времени. В заключение мы предлагаем те основные задачи, которые Испания должна решить для преодоления социальной эксклюзии и нищеты.

Ключевые слова: *Испания; Европейский союз; социальная изоляция; бедность; экономический кризис; социальная политика; государство всеобщего благосостояния.*

SOCIAL EXCLUSION IN SPAIN: A CURRENT SITUATION ANALYSIS (2008-2017)

F. E. Haz-Gomez

University of Murcia, Faculty of Economics and Management
Building 2, Campus de Espinardo, 30100, Murcia, Spain

Annotation. This article aims to show the evolution of social exclusion in Spain during the last decade. During the period from 2008 to 2017 Spain suffered a very intense economic crisis. This stage of deprivation has caused social policies to be affected due to cuts in public budget. This research takes as a methodological model the multidimensional analysis by the Observatory of Social Exclusion of the University of Murcia (Spain). The study of social exclusion is complex; social exclusion is more than lack of resources. Therefore, research that focuses on social exclusion must also have a multidimensional approach. The study model of social exclusion developed by the Observatory of Social Exclusion is composed of seven dimensions that approach the phenomenon of Social Exclusion from different perspectives. These dimensions are: Incomes, Work market, Education, Housing, Health and Social Participation (Hernández Pedreño, 2014). In addition to these dimensions, the population in Spain during this period and social spending in Spain are also taken into account for this analysis. To conclude, we propose the main challenges that Spain must face in order to remove the rates of Social Exclusion and poverty.

Keywords: *Spain; European Union; Social Exclusion; Poverty; Economic Crisis; Social Policies; Welfare State*

Dimensions of social exclusion in Spain. The economic recovery has not been able to restore the levels of well-being achieved by society before 2008. In this paper the social model of Spain is approached by adopting a triple analytical approach, a demographical description, the evolution of social risk indicators and social spending. The current reactivation of the Spanish economy is not helping to recover the lost ground in terms of economic and social wellbeing. After the strong impact suffered by the crisis, Spain achieved one of the highest percentages of economically vulnerable population in

the entire European Union (Ayala et al., 2018: 19). Prolonged and chronical unemployment, temporary work or low wages compromise the level and stability of household income, being exposed to situations of poverty. The persistence over time of these situations of labour and economic vulnerability, in the absence of adequate social protection, can lead to new problems of physical and mental health, maintenance of housing or increase conflict in the family environment (Martínez Virto, 2017). All these factors characterize the processes of Social Exclusion. According to data from 2018, around 8.6 million people are at risk or in Social exclusion in Spain (Fundación FOESSA, 2018: 14).

This research offers an overview of the levels of social risk in Spain and its evolution during the study period, 2008-2017. For this purpose, the selected key indicators allow us to analyse the phenomenon of Social Exclusion in a holistic way. Finally, the main challenges that Spain must take on the problem of social exclusion are summarized. The data obtained for this work comes from the study Hernández-Pedreño (2019a) Risk of exclusion and regional social policies in Spain, in which the author of this paper participated as a researcher.

Demography. The economic crisis causes loss of population and negative migratory balances. During this period (2008-2014) Spain experiences a loss of foreign population returning to their origin countries. But also, the young Spanish population migrates to other destinations looking for a job (mainly countries of the European Union) (Foundation BBVA, 2018). This process reduces the rate of the foreign population from 11.1% in 2008 to 9.5% in 2017. The loss of foreign population and the outflow of youth during the years of crisis exacerbate the aging of inhabitants in Spain, increasing the proportion of older people (over 65 years) from 16.4% in 2008 to 19%, in 2017. Demographic aging affects especially the population that resides in rural areas. The percentage of rural population that lives in municipalities of less than 10,000 inhabitants has been gradually reduced until, in 2017, it represents 20.6% of the total population in Spain.

Economic incomes. The evolution of the population in households with the difficulties in the economy of 31.9% (2008) of the population to 39.1% (2014) to 25.1% (2017). On the other hand, the perception of poverty has improved markedly in 2017, where the poverty rate has decreased to 21.6% of the population. Furthermore, this figure still higher (19.8%) in 2008.

Work Market. In relation to the work dimension we will take the unemployment and temporality rates. The strong impact of the crisis is reflected in the unceasing growth of the unemployment rate until 2014, extending the distance from the European average, which is 15.2 percentage points that year. The economic recovery reduces this distance, as the unemployment rate falls. However; its level in 2017 remains high (17.2%) and still quite far from the EU average (7.6%). On the other hand, the Spanish temporary rate, also at a great distance from the European one, decreases during the years of crisis supported by the destruction of temporary employment. With the economic growth and the creation of employment, the temporary rate increases again since 2014, standing at 26.7% in 2017.

Education. Early dropout rate is reduced. In addition, it also lowers the number of young people who neither work nor study (NINIS). In spite of reduction in a double rate with respect to 2008. In 2017 in Spain this rate situates (18,3%) very above the average

of the EU (10,6%). The percentage youth who neither work nor study (in Spanish NINI), after having increased during the crisis to a maximum of 24% in 2013, it begins to fall, accompanying the growth of employment, which leaves its value in 2017 for Spain (17, 1%) close to its initial level (16.7%). The distance with respect to the European average is maintained, around 3 percentage points, if the end is compared with the beginning of the period.

Housing. Household spending in Spain accounts for at least 40% of total disposable income of Spanish families. More than two fifths of the population (42.1%) have a house on a rental basis at a market price in Spain, a proportion that far exceeds the figure reached in the EU (26.3%). According to this indicator, therefore, the risk of social exclusion is greater for households that reside in a rental regime. Other risk factors are added to the rent, such as worse conditions of habitability and adequacy (lack of space in housing). As well as, more problems related to the environment (CES, 2019: 90-92).

Health. Regarding Health Dimension, the percentage of people reporting bad or very bad health decreased by 17.5% between 2008-2017, standing at 6.6% at the end of the period. The proportion of severely limited people in their daily activities is also reduced, from 5.4% in 2008 to 4% in 2017. In general, the incidence of these risks in the health dimension is higher among older women and men.

Social relationships. The trend in Spain is a rise of people who do not have any friends or family members who ask for help from 4.1% in 2006 to 3.4% in 2015. The percentage of people who are less frequently with friends or family is also presented. In 2006, this group represented 9.5% of the population and in 2014 it accounted for 12.6% of Spaniards. With regard to the crime rate, between 2010 and 2017 it has been significantly reduced, going from 49.3% 2010 to 44% (2017).

Social spending. Expressed as a percentage of GDP, social spending experienced an upward trend until 2013, both in Spain and in the EU. The public deficit registered in Spain that year brought with it measures, which are happening in the following years, reinforcing, even more, from 2012 (Del Pino and Fernández, 2019: 160-164). Once the economy grows again, Spain slightly reduces the distance maintained by this indicator at the beginning of the period with respect to the EU average, going from 5 percentage points in 2008 to 3.8 points in 2017.

Conclusions. The crisis intensified the demographic aging in our country, due to the fall in the proportion of foreigners (return) and the emigration of young Spaniards, while the relative importance of the rural population gradually declines. In relation to the risk of poverty or Social Exclusion in Spain, the balance of the analysed period is clearly unfavourable. This risk is increased above the level before the crisis. In addition, it diverges with respect to the European average. In relation to the dimensions income and work (unemployment) are those with worse living conditions. In the educational and residential areas, the behavior of the indicators during the period has been more positive. However, the levels of social risk remain high. On the other hand, the social risk in health and socio-family relationships in Spain is lower than the EU average, decreasing with the economic recovery. In terms of social spending, its level is lower than the EU average in all its items, with education spending being closer. Considered globally, Spanish social spending as a percentage of GDP slightly reduced between 2008 and 2017. The level of

social investment has not yet recovered.

References

1. Hernández Pedreño M. Evolución de la exclusión social en la Región de Murcia: repercusiones sociales de la crisis / M. Hernández Pedreño; investigadores Sofia Dios Pintado [et al.]. Murcia: Universidad de Murcia. Servicio de Publicaciones, 2014.
2. Ayala Cañón, L., Cantó Sánchez, O., Martínez López, R., Navarro Ruiz, C. Romaguera de la Cruz, M. Bienestar económico y material // Observatorio Social de “la Caixa”. Palma de Mallorca: Fundación Bancaria “la Caixa”, 2018. [Electronic resource]. Mode of access: <https://observatoriosociallacaixa.org/>. Date of access: 23.06.2019.
3. Martínez Virto L. La crisis se lleva la capacidad de resistir de muchas familias en España” [Electronic resource] // Desprotección Social y Estrategias Familiares. Madrid: Fundación FOESSA, 2017 (23-28). Mode of access: <http://www.pensamientocritico.org/>. Date of access: 23.06.2019.
4. Exclusión estructural e integración social. [Electronic resource]. Madrid: Fundación FOESSA, 2018. Mode of access: <https://www.caritas.es/producto/exclusion-estructural-e-integracion-social/>. Date of access: 23.06.2019.
5. Hernández Pedreño M. Riesgo de exclusión y políticas sociales autonómicas en España. Valencia : Tirant lo Blanch, 2019.
6. Stock y flujos migratorios de la población extranjera // ESENCIALES Fundación BBVA. Ivie № 24, 2018. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fbbva.es/>. Date of access: 23.06.2019.
7. Memoria sobre la situación socioeconómica y laboral de España 2018 [Electronic resource] // Socioeconómica Y laboral de España (año 2018). Mode of access: <http://www.ces.es/memorias/>. Date of access: 23.06.2019.
8. Del Pino Matute E., Fernández Llera R. Ajustes e impactos de la crisis sobre el gasto social de las comunidades autónomas. // El sector público español: reformas pendientes [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.funcas.es/>. Date of access: 23.06.2019.

УДК 364.044.26

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ВЫЖИВШИХ В ХОЛОКОСТЕ: РАБОТА С ПАМЯТЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯМИ

Н.И. Хворостьянова

Университет имени Бен-Гуриона в Негеве
бул. Бен-Гуриона, 1, 8410501, Беер-Шева, Израиль.
nataliak@bgu.ac.il

Аннотация. Анализируя опыт, потребности, и ментальность переживших Холокост постсоветских иммигрантов в Израиле автор предлагает метод групповой терапии, интегрирующий работу с памятью и воспоминаниями. Метод позволяет предотвратить возрастное когнитивное снижение, справиться с тревогой утраты памяти у пожилых людей. Кроме того, метод позволяет взять под контроль навязчивые

воспоминания, сформировать позитивный и целостный нарратив и, таким образом, улучшить качество.

Ключевые слова: *выжившие в Холокосте; старение в иммиграции; успешное старение; социально-психологическая поддержка; группа; воспоминания; память.*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR HOLOCAUST SURVIVORS: WORKING WITH MEMORY AND MEMORIES

N.I. Khvorostianova

Ben-Gurion University in the Negev,

Ben-Gurion Boul., 1, 8410501, Beer-Sheva, Israel

Annotation: Analyzing the experience, needs and mentality of Holocaust survivors from FSU in Israel, the author suggests a group work method that integrates working with memory and memories. The method allows to prevent age-related cognitive decline and cope with memory loss anxiety. Moreover, it can help to gain control of obsessive memories, form a positive and holistic narrative and, thus, improve quality of life.

Key words: *Holocaust survivors; aging in immigration; successful aging; socio-psychological support; group, memories; memory.*

Иммигранты из стран бывшего СССР составляют около 19% пожилого населения Израиля [10]. Многие из них пережили Холокост [7]. Это люди, которые, будучи детьми, находились в концлагере, гетто, бежали под бомбами от приближающихся фашистских войск. Оставшись в живых, они создали семьи, вырастили детей, получили образование и внесли вклад в создание тех материальных и духовных богатств, которыми сегодня располагает общество. При этом травматические переживания их детства оказались далеко и надежно запертыми, чтобы боль прошедшего не мешала жить в настоящем. Так продолжалось, пока поколение «детей войны» не начало стареть.

Иммиграция в пенсионном возрасте для выживших в Холокосте стала серьезным стрессом. Друзья, коллеги по работе, остались в стране исхода. Большинство пожилых иммигрантов не освоило иврит, что сократило их возможности общения. Многие не могут полноценно общаться даже с собственными, родившимися в Израиле, внуками [7]. Поэтому неудивительно, что, по результатам опросов, русскоязычные старики страдают от одиночества чаще, чем пожилые уроженцы страны [8]. Дополнительным негативным фактором стало ухудшение условий жизни. Большинство живут в стесненных бытовых условиях – в маленьких «социальных» или съемных квартирах, расположенных в старом фонде в неблагополучных районах. Не успев заработать в Израиле пенсию, пережившие Холокост живут на социальное пособие, нередко вынуждены выбирать между покупкой лекарств или продуктов [7]. При этом практически в каждом небогатом доме имеются обширные библиотеки – хранимые, несмотря на тесноту. Это обстоятельство легко объяснимо – вопреки ограничениям «пятой графы» евреи в бывшем СССР были весьма образованной нацией [9]. За плечами многих выживших в Холокосте русскоязычных иммигрантов – интеллектуальный или творческий труд, успешная карьера.

Когда человек стареет, ослабляется не только его тело – ослабляются механизмы психологической защиты: человеку становится трудно справляться с эмоциями, перед ним встают пугающие воспоминания, преследуют тяжелые сны. «Продвинутые» механизмы психологической защиты (например, рационализация) уступают свое место более примитивным, таким как соматизация – склонность обращаться за медицинской помощью, когда на самом деле нуждаешься в поддержке и понимании [2; 4].

Более того, даже осознавая потребность в психологической помощи (то есть предъявляя жалобы на сниженное или неустойчивое настроение, тревогу, нарушения сна, сниженную энергию, потерю интереса к жизни, страх перед утратой независимости), выходцы из бывшего СССР за такой помощью обращаются значительно реже уроженцев страны [6]. Одной из причин их парадоксального поведения является стигма: *«Мне психолог не нужен – я же не псих»*. Даже будучи весьма заинтересованными в получении помощи, некоторые отступали из-за страха стигматизации. Например, женщина 76 лет отказалась обратиться к семейному врачу за направлением к психологу: *«Я не хочу, чтобы в компьютере, в моей карточке было записано. Вдруг придет моя очередь получать социальное жилье, узнают, что я посещала психолога, решат, что я сумасшедшая и квартиру не дадут»*. Другие трактовали обращение к психологу как признание их слабости, неспособности «справляться самостоятельно». Наконец, многие просто не знали в чем состоит психологическая помощь, полагали, что их будут гипнотизировать или как-то еще на них влиять. Можно предположить, что за этими предубеждениями стояли ассоциации с советской «карательной» психиатрией (с которой большинство были знакомы по книгам), страх утраты контроля за своей жизнью и отсутствие опыта.

Немногие присоединившиеся к терапевтическим группам получали мало пользы от терапии. Популярный в Израиле психодинамический подход [5] часто вызывал у русскоязычных клиентов повышение тревоги. Возможно поэтому им было трудно выслушивать и поддерживать других: *«Ну, значит, ты сам виноват, что дети тебе редко звонят. Надо было лучше детей воспитывать»* и т.д. Многие не принимали идеи самораскрытия и вкладывали много энергии в то, чтобы не поделиться ничем личным, а также затруднялись определить и описать словами переживаемые ими чувства. При этом они были готовы открыто обсуждать тревогу, связанную с утратой когнитивных возможностей.

По поручению центра социально-психологической поддержки выживших в Холокосте «Амха» в 2014 году я разработала программу групповой работы, учитывающую потребности и менталитет выходцев из бывшего СССР. Программа предполагала еженедельные полтора часовые встречи в течение года и преследовала две связанные задачи: 1) стимулируя воспоминание и сосредоточение на позитивных воспоминаниях помочь участникам сформировать цельную и гармоничную историю их жизни; 2) выполняя упражнения, направленные на тренировку памяти, внимания и мышления, помочь участникам справиться с тревогой по поводу снижения когнитивных функций.

Встреча включала в себя пять этапов. *Первый этап* начинался с вопро-

са, побуждающего участников вспомнить момент из прошлого. Например, «самое трудное дело, которое я когда-либо сделал», «игрушка, которую я до сих пор помню», «лучшее утро в моей жизни», «самое удивительное явление природы, которое я видел» и т.п. Задание позиционировалось как упражнение для развития памяти: каждый делился воспоминанием, стараясь построить короткий и емкий рассказ, остальным предлагалось внимательно слушать, так как по окончании всех рассказов предстояло кратко обозначить, кто что сказал. Данный прием не только снизил тревогу («мы просто тренируем память»), но и побудил участников слушать друг друга. Многие отмечали, как ценно для них было услышать значимые истории их жизни в «редакции» других участников. Если озвучивались тяжелые воспоминания, группа поддерживала рассказчиков. Работа с воспоминаниями длилась 30-40 минут. *Второй этап*: выполнение гимнастики, направленной на улучшение кровообращения в мышцах шеи и плечевого пояса. Она не только позволяла ощутить «просветление в голове», связанное с приливом кислорода, но и позволяло переработать эмоциональное напряжение, вызванное предыдущим заданием. *Третий этап* включал в себя различные упражнения на тренировку зрительной, слуховой и моторной памяти, на кодирование и воспроизведение информации (проблема «забывания слов»), на тренировку способности концентрироваться, на расширение объема и устойчивости внимания и т.д. Упражнения проводились в форме игры и погружали участников в атмосферу творчества, юмора, по их словам, возвращая их эмоционально в школьные и студенческие годы. *Четвертый этап*: участникам предлагалось выучить стихи. Использовался метод [1] позволяющий запомнить стихотворение за 5 минут. Стихи – весёлые или серьезные – возвращали участников к теме начального задания. Например, если в начале встречи участникам предлагалось вспомнить событие, которое они бы назвали «мой Звездный час», то заучивались стихи Б. Заходера «Звезды светят». *Пятый этап*: участникам предлагалось вернуться в памяти на полтора часа назад и обозначить истории, рассказанные в начале. Таким образом, на протяжении встречи одно и то же событие озвучивалось трижды. Участники утверждали, что это позволяло им «обработать» воспоминания, найти для них подходящее место в копилке их памяти.

В настоящий момент в 4 группах участвуют 43 человека, 26 женщин и 17 мужчин в возрасте от 75 до 92 лет. С 2014 года умерли трое, 1 заболела болезнью Альцгеймера, но продолжает посещать группу, участвуя по мере возможности, средний показатель интеллекта участников вырос на 2 балла, хотя ожидалось возрастное снижение. Кроме того, участники отмечали снижение тревоги и депрессивных переживаний, улучшение общего тонуса и, в целом, более позитивный взгляд на жизнь. Дополнительным бонусом стало расширение социальных связей – участники дружат, ездят вместе отдыхать, помогают друг другу в решении бытовых проблем.

Описанный метод может быть полезен для людей, испытывающих тревогу по поводу возрастного интеллектуального снижения. Более того, он способен помочь в преодолении нормативного возрастного кризиса – оглянув-

шись назад увидеть прожитую жизнь как целостную и гармоничную историю, в которой ничего не нужно менять [3].

Библиографические ссылки

1. Казанский, О. А. Игры в самих себя: книга для учителя. М. : Роспедагенство, 1995. 128 с.
2. Хворостьянова Н. И. Сердцем не стареть! Позитивный подход к возрастным изменениям. Ростов-на-Дону : Феникс, 2014. 221 с.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 342 с.
4. «A question of who, not if: Psychological disorders in Holocaust survivors' children» // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2017. Vol. 9. P. 98–112.
5. Handbook of psychodynamic approaches to psychopathology. NY-London : Guilford Publications, 2017. 578 p.
6. Help seeking and barriers to utilization of medical and health social work services among ageing immigrants to Israel from the FSU // Health & Social Care in the Community. 2006. Vol. 14. P. 74–84.
7. Khvorostianov N. Immigration and generational solidarity: Elderly Soviet immigrants and their adult children in Israel // Journ. of Intergenerational Relations. 2015. № 13. P. 34–50.
8. Ponizovsky A.M. Suicide ideation among recent immigrants to Israel from the former Soviet Union: an epidemiological survey of prevalence and risk factors // Suicide Life Threat Behav. 1999. № 29. P. 376–392.
9. Slezkine Y. The Jewish Century. Princeton: Princeton University Press, 2004. 456 p.
10. Statistical abstract of Israel. Central Bureau of Statistics; Government Publishing Office. Jerusalem, 2018. 455 p.

СЕКЦИЯ 6. ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ КОММУНИКАЦИЯ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

УДК 376.3

ВЛИЯНИЕ СЛЕПОТЫ НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Е.Б. Айвазян, Т.П. Кудрина

ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской акаде-
мии образования»

ул. Погодинская, д. 8/1, 119121, Москва, Россия

ayvazyan@ikp.email

Аннотация. С позиций культурно-исторического подхода к развитию психики человека раскрывается основной механизм влияния слепоты на психическое развитие ребенка – в отсутствие зрения обычный способ становления коммуникации между матерью и младенцем не срабатывает. Нарушения в развитии общения препятствуют процессу передачи культурного опыта, что становится причиной формирования особенностей развития мотивационной, двигательной и когнитивной сфер слепого ребенка. В соответствии с этим пониманием формулируется цель психолого-педагогической работы – предупреждение и преодоление трудностей развития общения слепого ребенка со взрослым.

Ключевые слова: *развитие общения у ребенка младенческого возраста; коммуникативные действия матери в общении с ребенком младенческого возраста; слепота; слепой младенец.*

THE IMPACT OF BLINDNESS ON MENTAL DEVELOPMENT OF AN INFANT IN CULTURAL-HISTORICAL PERSPECTIVE

E. B. Ayvazyan, T. P. Kudrina

Institute of Special Education of Russian Academy of Education

Pogodinskaya str., 8/1, 119121, Moscow, Russia

Annotation. The article describes the way blindness typically affects psychological development of a child in perspective of a cultural-historical approach to human psychological development: for lack of vision in infants, mother-child communication doesn't develop in a typical way. The delays in communication impedes cultural experience transfer which causes disorders of motivational, motor and cognitive development in a blind child. Thus, the goal of intervention support set in the article is to prevent and to help to overcome communication difficulties between a blind infant and his/her adult caregiver.

Keywords: *development of communication in infants; communicative actions of the mother in communication with an infant; blindness; blind infant.*

Содержание и цели психолого-педагогической работы с семьями детей, воспитывающих слепого ребенка, зависят от понимания специалистом закономерностей его развития. Основной вопрос здесь касается механизмов вторичного симптомообразования – то есть механизмов, по которым первичный дефект – отсутствие зрения – приводит к особенностям развития психических процессов и функций, а также личности ребенка. В отечественной тифлопсихологии основным механизмом дизонтогенеза считается снижение психической активности слепого ребенка, связываемое с отсутствием зрительных впечатлений. Дефицит поступающей информации ведет к снижению активности, что, в свою очередь, обуславливает отсутствие интереса к внешнему миру, игрушкам, предметам [1]. Одновременно недостаток активности обуславливает отставание и своеобразие двигательного развития слепого ребенка, которое препятствует формированию действий с предметами и игровой деятельности [1; 2; 3].

В соответствии с этими представлениями, основным фокусом работы специалиста считалось преодоление дефицита взаимодействия ребенка с окружающей средой путем обеспечения его полисенсорной стимуляцией, а также формирование и тренировка у него конкретных сенсорных, двигательных, предметных и других умений. В работах отечественных тифлопсихологов цель психолого-педагогической работы со слепым ребенком описывалась в терминах компенсации слепоты [4; 5]. В наиболее общем виде компенсация слепоты понималась как развитие восприятия и деятельности ребенка с опорой на сохранные сенсорные системы и психические образования, предполагающее «развитие мотивации деятельности и становление активной позиции по отношению к окружающему миру», «возбуждение всех сохранившихся анализаторов», «установление связей между осязаемыми объектами и их звуковой характеристикой», «активизация моторной деятельности и развитие движений» [1, с. 57]. Можно видеть, что за приведенными описаниями механизмов дизонтогенеза лежит такое представление о психическом развитии, в соответствии с которым зрительная стимуляция автоматически запускает психическую активность ребенка, его интерес к предметам, актуализирует двигательное развитие и овладение предметными действиями. При зрительной недостаточности этот механизм не срабатывает, и усилия специалиста должны быть направлены на обеспечение развивающей сенсорной и предметной среды, которая поможет «обходными путями» насытить ребенка впечатлениями. Таким пониманием можно объяснить популярность психолого-педагогической работы, направленной на полисенсорное развитие, стремление специалистов и родителей окружить ребенка яркими предметами, светящимися игрушками и постоянным звуковым и музыкальным сопровождением.

Очевидно, однако, что такое понимание противоречит современным представлениям о закономерностях психического развития. В настоящее время во всех направлениях психологии признается социальная природа психики человека. Психическое развитие ребенка происходит во взаимодействии с близким взрослым, и его необходимыми условиями являются общение, установление аффективной связи и развитие привязанности [6; 7; 8; 9].

В рамках культурно-исторического подхода к развитию психики человека

общение ребенка с матерью рассматривается не только как условие психического развития. Общение с близким взрослым является первым достижением в развитии ребенка: во-первых, потребность в общении является первой социальной по происхождению потребностью и ее появление знаменует собой начало развития мотивационной сферы; а во-вторых, коммуникативная деятельность является первой формой активности ребенка – его первой ведущей деятельностью. Все последующее развитие ребенка – в частности, овладение предметной и игровой деятельностью и речью, – потребует посредничества взрослого, а оно осуществляется не иначе как через общение [7; 8; 10; 11].

Работы школы М.И. Лисиной показали, что общение не запускается автоматически, или рефлекторно. Его становление происходит в несколько этапов, и взрослый играет важную роль на каждом из них [8; 12; 13; 14]: 1) мать становится объектом восприятия: она присутствует в зоне восприятия ребенка – и вследствие этого ребенок обнаруживает мать, ее лицо становится источником значимых для него впечатлений, он развивает поисковую активность, направленную на нее; 2) мать становится субъектом общения: мать выражает личностное отношение к ребенку как партнеру и собеседнику – это актуализирует у ребенка потребность в общении; 3) мать становится посредником в передаче культурно-фиксированных способов общения: мать придает движениям и действиям ребенка коммуникативный смысл – ребенок овладевает средствами общения.

В условиях слепоты этот процесс разрушается. Слепой ребенок не может обнаружить мать: ее коммуникативные (экспрессивно-мимические, речевые и двигательные) проявления, адресованные ему, не доступны его восприятию, а ее речь вне соотнесения со зрительным образом не выделяется как значимый поток стимуляции. Соответственно, не может актуализироваться потребность в общении с матерью, – и не развивается активность, направленная на поиск матери, привлечение ее внимания и поддержание общения. В отсутствие этой активности не формируются и коммуникативные средства. Таким образом, слепота, блокируя обнаружение матери как объекта восприятия и как партнера по общению, препятствует не просто становлению первой ведущей деятельности ребенка – непосредственно-эмоционального общения, но и включению основного механизма вхождения ребенка в человеческую культуру. Основным механизмом формирующегося дизонтогенеза при слепоте является «социальный вывих» – выпадение слепого ребенка из логики онтогенетического развития, невозможность присваивать культурный опыт во взаимодействии со взрослым тем способом, к которому приспособлена человеческая культура. Этот классический тезис Л.С. Выготского, ставший одним из оснований культурно-исторической дефектологии, не был в точном понимании применен к изучению развития слепого ребенка. Однако ракурс, который возникает при его применении, позволяет увидеть, что слепота затрудняет развитие двигательной, когнитивной и мотивационной сферы не напрямую, а обуславливая нарушение становления коммуникации ребенка со взрослым с самых первых дней ее становления.

Обозначенная перспектива позволяет по-новому взглянуть как на задачи, так и на содержание психолого-педагогической работы с семьей слепого ребенка,

и настаивать на том, что основной ее целью должно быть предупреждение и преодоление трудностей развития общения ребенка со взрослым. Психолого-педагогическая работа должна открывать возможность реализоваться основным закономерностям онтогенетического развития, не допустить отклонения развития слепого ребенка от нормальной логики.

Это становится возможным посредством создания «обходных путей» развития общения в условиях невозможности зрительного восприятия. Результаты экспериментального исследования общения 25 слепых младенцев с матерями [12] позволили выделить трудности прохождения каждого шага становления общения и сконструировать условия, позволяющие преодолеть эти трудности. Этими условиями - «обходными путями», позволяющими слепому ребенку войти в коммуникацию с близким взрослым – становятся специальные коммуникативные действия взрослого, реализуя которые взрослый создает для ребенка возможность обнаруживать себя, воспринимать свои обращения, отвечать на них и осваивать коммуникативные средства. Например, чтобы обеспечить доступность лица матери восприятию слепого ребенка необходима близкая дистанция между лицами, когда мать низко наклоняется над младенцем (расстояние между лицами матери и ребенка варьируется от 0 до 10-15 см). В этом случае ребенок может ощущать дыхание матери, запах, вибрацию воздуха при говорении, прикосновение ее губ, носа, щеки. Чтобы побудить младенца ответить на инициативу матери, необходимо такое ее коммуникативное поведение, при котором слепой младенец может «прочитать» в ее действиях внимание и доброжелательность. Для этого необходимы, во-первых, комплексная стимуляция младенца, включающая близкую дистанцию между лицами, ярко эмоционально окрашенное обращение по имени и тактильную стимуляцию (прикосновения губ, носа, щек, языка матери к лицу ребенка, ее рук – к его телу); во-вторых, повторные воздействия, позволяющие продлить внимание ребенка к происходящему; в-третьих, паузы в действиях взрослого, дающие ребенку время для ответных действий и т.д. [12; 13; 15]. Чтобы обеспечить развитие у слепого ребенка инициативных действий, направленных на привлечение внимания взрослого и поддержание общения, «демонстрацию себя», необходимо, чтобы взрослый мог создать для ребенка опыт успешного привлечения внимания. Для этого взрослый должен уметь развернуть коммуникацию в ответ на любые коммуникативные действия ребенка или даже случайные его проявления, реагируя на них как на призыв к общению. В ситуации слепоты необходима особая чувствительность взрослого, поскольку коммуникативные сигналы слепого ребенка характеризуются своеобразием. Будучи единичными, непродолжительными и слабыми, и – что самое главное – не сопровождаясь визуальным контактом, они не производят впечатления коммуникативного действия, адресованного матери, не квалифицируются взрослым как «приглашение» к общению, а рассматриваются как случайные действия [12]. Взрослый должен научиться реагировать на поведенческие проявления ребенка как на коммуникативные действия и поддерживать их – например, поощрять словесно, повторять свое действие, вызвавшее отклик ребенка и т. д. Для развития содержательных и диалогических характеристик непосредственно-эмоционального общения необходимо умение матери использо-

вать эмоционально насыщенные, телесно-эмоциональные воздействия, позволяющие получить взаимное удовольствие и радость. Наблюдая темп, ритм и ответы младенца, взрослый также должен изменять свое поведение так, чтобы поведение младенца, его стиль и предпочтения активно влияли на ход взаимодействия.

Таким образом, психолого-педагогическая работа, обеспечивающая становление непосредственно-эмоционального общения у слепого ребенка, и тем самым обеспечивающая его вхождение в культуру и включение социальных механизмов его психического развития, заключается в обучении матери специфическим коммуникативным действиям, формировании у нее особых коммуникативных умений, которые создают условия для актуализации у слепого младенца потребности в общении, развития ответных и инициативных действий, развития устойчивого к помехам и содержательного диалога.

Библиографические ссылки

1. Солнцева Л.И. Воспитание слепых детей раннего возраста. Советы родителям. М. : Экзамен, 2004. 128 с.
2. Солнцева Л.И. Тифлопсихология детства. М. : Полиграф Сервис, 2000. 126 с.
3. Фомичева Л.В. Образование дошкольников с нарушением зрения: научные и прикладные аспекты. СПб. : РИО ИЦИПТ, 2018. 220 с.
4. Земцова М.И. Пути компенсации слепоты. М. : АПН РСФСР, 1956. 419 с.
5. Солнцева Л.И. Развитие компенсаторных процессов у слепых детей дошкольного возраста. М. : Педагогика, 1980. 192 с.
6. Баенская Е.Р. Аффективное развитие ребенка в норме: первый год жизни // Альманах ИКП РАО. 2016. № 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-24/affektivnoe-razvitie-rebenka-v-norme-pervyj-god-zhizni>. Дата доступа 28.05.2019
7. Выготский Л.С. Детская психология // Собр. соч.; в 6 т. Т. 4. М. : Педагогика, 1984. 432 с.
8. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. М. : МПСИ, 2001. 384 с.
9. Мещерякова-Замогильная С. Ю. Психологический анализ «комплекса оживления» у младенцев : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. М., 1979. 17 с.
10. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. [Электронный ресурс]. М. : Смысл, 2003. 1,87 мб.
11. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 554 с.
12. Кудрина Т.П. Общение матери и слепого младенца. М. : Полиграф Сервис, 2016. 166 с.
13. Разенкова Ю.А. Трудности развития общения у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья: выявление, предупреждение, коррекция: монография. М., : Полиграф Сервис, 2017. 200 с.
14. Разенкова Ю.А., Айвазян Е. Б. Варианты развития общения у детей первых лет жизни с различными ограничениями здоровья // Альманах ИКП РАО. 2018. № 32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-32/options-for-the-development-of-communication-in-children-first-years-of-life-with-a-disability>
15. Кудрина Т.П., Айвазян Е. Б. Преодоление трудностей в развитии общения матери и слепого младенца. М. : Полиграф Сервис, 2018.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ У СТУДЕНТОВ

И. Н. Андреева

УО «Полоцкий государственный университет»
ул. Блохина, 29, 211440, Новополоцк, Республика Беларусь
i.andreeva@tut.by

Аннотация. Представлено исследование характера взаимосвязи эмоциональной креативности и субъективного социального благополучия у студентов с учетом половых различий. Выявлено преобладание у девушек по сравнению с юношами подготовленности, аутентичности и эмоциональной креативности, а также меньшая выраженность социально-психологической дистанции «Я – другие». Обнаружены значимые положительные корреляционные связи: 1) у юношей и девушек: между эффективностью и социальной заметностью, социальным одобрением и общим показателем субъективного социального благополучия; 2) у девушек: между новизной, эффективностью, эмоциональной креативностью и социальной заметностью, социальным одобрением и общим показателем субъективного социального благополучия; 3) у юношей: между эффективностью и переменной «позитивные социальные суждения о других»; между эмоциональной креативностью, новизной, подготовленностью и социальной дистантностью; а также отрицательная корреляция: у девушек – между аутентичностью и социальной дистантностью.

Ключевые слова: *эмоциональная креативность; субъективное социальное благополучие.*

EMOTIONAL CREATIVITY AND STUDENT'S SUBJECTIVE SOCIAL WELL-BEING

I. N. Andreyeva

Polotsk State University

Blokhina str., 29, 211440, Novopolotsk, Republic of Belarus

Annotation. A study of the nature of the relationship of emotional creativity and subjective social well-being among students with regard to gender differences is presented. The predominance of preparedness, authenticity and emotional creativity among girls as well as a lesser severity of the socio-psychological distance “I – others” was revealed in girls. Significant positive correlations were found: 1) among boys and girls: between efficiency and social visibility, social approval and a general indicator of subjective social well-being; 2) in girls: between novelty, efficiency, emotional creativity and social visibility, social approval and a general indicator of subjective social well-being; 3) in young men: between effectiveness and the variable “positive social judgments about others”; between emotional creativity, novelty, preparedness and social distantness; as well as negative correlation in girls – between authenticity and social distantness.

Keywords: *emotional creativity; subjective social well-being*

Актуальность проблемы субъективного благополучия обусловлена как распространением идей гуманизма и позитивной психологии, так заботой боль-

шинства государств мира о процветании своих членов. Научный интерес к данной проблеме связан со стремлением познать противоречивую и трудноуловимую динамику «ощущения счастья». В последнее время стали выделяться различные аспекты субъективного благополучия, в частности, физическое, психологическое, социальное. Субъективное социальное благополучие (ССБ) – индивидуально переживание (восприятие и оценка) позитивного социального функционирования, которое отражает степень удовлетворения социальных потребностей и реализации ожиданий [1]. Рассматривая ССБ в рамках системного подхода, Т.В. Данильченко включает в число характеристик указанного феномена: 1) социальную заметность, т.е. социальную значимость личности, влияние личности в социуме; 2) социальную дистантность – отчужденность от социальных отношений, которая характеризуется переживанием негативных эмоциональных состояний, связанных с неудовлетворенностью социальными связями; 3) эмоциональное принятие – удовлетворенность взаимоотношениями с близкими людьми, наличие поддержки и признания с их стороны; 4) социальное одобрение – уважение и признание со стороны окружающих; 5) позитивные суждения о других людях – доверие к людям, вера в их доброту, честность [1].

Исходя из того, что в рамках социально-конструктивистского подхода Дж. Эверилла эмоциональные синдромы понимаются как аналоги кратковременных социальных ролей, а успешное выполнение социальной роли способствует социальной значимости личности, уважению и признанию со стороны окружающих, удовлетворенности взаимоотношениями с людьми, представляется возможным, что одним из факторов ССБ является эмоциональная креативность, которая рассматривается как развитие эмоциональных синдромов как новых (отличных от нормативных), эффективных (имеющих определенную индивидуальную или групповую ценность) и аутентичных (отражающих индивидуальность творца) [2; 3]. Эмоционально креативный индивид характеризуется дружелюбием, открытостью опыту, толерантностью [3] и иными просоциальными личностными свойствами, способствующими социально-психологической адаптации и, косвенным образом, – переживанию субъективного социального благополучия. При этом взаимосвязи эмоциональной креативности с показателями ССБ не изучались, что и обусловило актуальность нашего исследования.

Цель исследования – определить характер взаимосвязей эмоциональной креативности и показателей субъективного социального благополучия у студентов с учетом половых различий. *Выборка* включает 129 студентов гуманитарных и технических специальностей Полоцкого государственного университета ($M=18,17$, $SD=1,10$), из них 66 девушек и 63 юноши. *Методы исследования*: метод опроса и проективный тест. Батарей методик включала опросники: 1) эмоциональной креативности ЕСИ Дж. Эверилла (адаптация И. Н. Андреевой) [4] и 2) «Субъективное социальное благополучие» (Т. В. Данильченко) [5]. Кроме этого, поскольку ожидалось, что ССБ опосредовано степенью субъективно переживаемой близости с другими людьми, респондентам было предложено выбрать изображение двух окружностей, которое лучше всего описывает степень близости по отношению к другим людям (всего предлагалось семь изображений; чем ближе

друг к другу расположены окружности, тем выше балльная оценка). Методы обработки данных – критерий различий U Манна-Уитни, корреляционный анализ (критерий ранговой корреляции Спирмена). Для обработки данных использовался пакет компьютерных программ «STATISTICA 8.0».

На первом этапе исследования определены половые различия в выраженности показателей эмоциональной креативности и ССБ у студентов. Выявлено, что подготовленность (сензитивность к эмоциям, способность обучаться на основе предшествующего эмоционального опыта), аутентичность (подлинность эмоций), а также эмоциональная креативность в целом преобладают у девушек (соответственно $U=1436,5$, $p=0,002$; $U=1599,5$, $p=0,023$; $U=1491,5$, $p=0,006$) по сравнению с юношами, что согласуется с результатами исследований Дж. Эверилла [2]. Выявлены значимые различия по выраженности социально-психологической дистанции «Я – другие» ($U=1481$, $p=0,004$): большей степенью близости к другим людям характеризуются девушки, что соответствует результатам более ранних исследований [5]. По показателям субъективного социального благополучия достоверных различий, обусловленных полом респондентов, не обнаружено ($p>0,05$).

На втором этапе изучались взаимосвязи между переменными эмоциональной креативности и субъективного социального благополучия с учетом половых различий. Установлено, что с переменными ССБ наибольшее количество общих для девушек и юношей достоверных положительных умеренных и слабых корреляций образует эффективность. Указанная переменная и у девушек и у юношей взаимосвязана с социальной заметностью (соответственно $r_s = 0,32$ и $r_s = 0,38$, $p<0,01$), с социальным одобрением ($r_s = 0,28$ и $r_s = 0,31$, $p<0,05$), а также с общим показателем ССБ ($r_s = 0,29$ и $r_s = 0,28$, $p<0,05$). Чем более полезными в социальном отношении являются эмоции индивида, тем большей влиятельностью и уважением он пользуется в группе, тем более он склонен к переживанию позитивного социального функционирования.

У индивидов обоего пола не обнаружено значимых корреляций переменных эмоциональной креативности с эмоциональным принятием ($p>0,05$).

У девушек, наряду с эффективностью, с социальной заметностью, социальным одобрением, а также с общим показателем ССБ образуют значимые положительные умеренные и слабые корреляции новизна (соответственно $r_s = 0,48$, $p<0,001$; $r_s = 0,41$, $p<0,001$; $r_s = 0,32$, $p<0,01$), аутентичность ($r_s = 0,37$, $p<0,01$; $r_s = 0,42$, $p<0,001$; $r_s = 0,42$, $p<0,001$) и эмоциональная креативность ($r_s = 0,54$, $r_s = 0,47$, $r_s = 0,44$, $p<0,001$). Очевидно, что продуцирование новых, нестандартных эмоций (новизна), искренность в выражении эмоций, их подлинность (аутентичность) и эмоциональная креативность в целом дают девушкам тот же полезный результат, что и эффективность. Кроме этого аутентичность образует значимую отрицательную умеренную корреляцию с социальной дистантностью ($r_s = -0,34$, $p<0,01$). Другими словами, чем более характерна для девушки подлинность эмоций, их искренность, тем более выражена у нее связанность с социальными объектами вплоть до зависимости от них. И, напротив, чем более свойственно переживание отчужденности, одиночества, беспомощности, тем менее аутентичными

являются эмоции. Корреляций показателей эмоциональной креативности и переменной «позитивные социальные суждения о других» на достоверном уровне не обнаружено ($p > 0,05$).

У юношей выявлена значимая положительная умеренная корреляция эффективности с переменной «позитивные социальные суждения о других» ($r_s = 0,31$, $p < 0,05$), т.е. чем полезнее эмоции индивида для него самого и окружающих, тем в большей мере юноша доверяет окружающим, верит в их доброту и честность. По мнению Т. В. Данильченко, позитивные социальные суждения выполняют полимодальную функцию: они являются условием, причиной и критерием социального благополучия одновременно [1]. Поэтому верным будет и следующее утверждение: чем больше молодой человек доверяет другим, считая их добрыми и честными, тем в большей мере он склонен выражать эмоции полезным в социальном отношении образом.

Интересны выявленные у юношей значимые положительные слабые и умеренные корреляции эмоциональной креативности и ее компонентов, новизны и подготовленности, с социальной дистантностью (соответственно $r_s = 0,28$, $p < 0,05$; $r_s = 0,36$, $p < 0,01$; $r_s = 0,28$, $p < 0,05$). Очевидно, что с повышением эмоциональной креативности, а также новизны и подготовленности у юношей усиливается переживание одиночества, отчужденности, неверия в собственные силы. Это может объясняться стереотипными представлениями о качествах «настоящего мужчины», одним из которых является сдержанность в выражении эмоций (например, «мужчины не плачут», «не дрогнув мужественным лицом»), которым сензитивный к эмоциям, склонный к нестандартному их выражению, одаренный в артистическом отношении [6] юноша не соответствует и потому не принимается окружающими. Даже при отсутствии реального отвержения выраженность подобных свойств у юноши может способствовать переживанию им чувства непонятости, ощущению «инаковости».

На третьем этапе исследования изучались взаимосвязи переменных эмоциональной креативности с показателями социально-психологической дистанции «Я – другие». Определено, что у юношей переменные эмоциональной креативности не взаимосвязаны на достоверном уровне с выраженностью социально-психологической близости с другими людьми ($p > 0,05$). Вместе с тем у девушек с последней переменной на достоверном уровне коррелирует эмоциональная креативность в целом ($r_s = 0,32$, $p < 0,01$) и в частности – новизна ($r_s = 0,34$, $p < 0,01$). Продуцирование новых, отличных от нормативных эмоций (или новизна) – ключевой параметр эмоциональной креативности. Однако новизна эмоций должна соответствовать требованию полезности, т. к. отклоняющиеся от нормы, эксцентричные, но не полезные для индивида или группы реакции не относятся к креативным [7]. Отсюда следует, что новые, нестандартные, но при этом полезные для индивида и группы эмоции создают основу для большей близости девушек с окружающими. Возможно и обратное: чем ближе отношения с окружающими, тем больший элемент полезной новизны в выражении эмоций девушка может себе позволить.

Таким образом, у девушек по сравнению с юношами на достоверном

уровне выявлено преобладание подготовленности, аутентичности и эмоциональной креативности, а наряду с этим – меньшая выраженность социально-психологической дистанции «Я – другие». Не выявлено значимых различий, обусловленных полом респондента, в выраженности новизны, эффективности, а также показателей субъективного социального благополучия.

Обнаружены значимые корреляционные связи: положительные – 1) у юношей и девушек: между эффективностью и социальной заметностью, социальным одобрением и общим показателем субъективного социального благополучия; 2) у девушек: между новизной, эффективностью, эмоциональной креативностью и социальной заметностью, социальным одобрением и общим показателем ССБ; 3) у юношей: между эффективностью и переменной «позитивные социальные суждения о других»; между эмоциональной креативностью, новизной, подготовленностью и социальной дистантностью; отрицательная – у девушек: между аутентичностью и социальной дистантностью.

Важную роль для переживания субъективного социального благополучия у индивидов обоего пола играет эффективность, т. е. социальная полезность эмоций. Наряду с этим у девушек для переживания ССБ значима яркая, нестандартная, при этом искренняя эмоциональность, которая проявляется в большей степени в новизне, а также в аутентичности эмоций. У юношей, напротив, выраженная сензитивность к эмоциям (подготовленность) и нестандартность их выражения (новизна) способствуют увеличению социальной дистанции с другими людьми и, вследствие этого, – снижению субъективного социального благополучия. Следует отметить, что эмоциональное принятие (удовлетворенность отношениями с близкими людьми, наличие поддержки и признания с их стороны) от выраженности способностей эмоциональной креативности не зависит.

Библиографические ссылки

1. Данильченко Т. В. Питальник «Суб'єктивне соціальне благополуччя»: методологічне обґрунтування і процедура розробки // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*. Politologia, 2015. № 3. С. 20–29.
2. Averill J.R. Individual differences in emotional creativity: structure and correlates // *J. of Personality*. 1999. Vol. 67, № 2. P. 331–371.
3. Averill J.R., Thomas-Knowles C. Emotional creativity // *International review of studies on emotion*. Chichester : Wiley, 1991. Vol. 1. P. 269–299.
4. Андреева И. Н. Адаптация опросника эмоциональной креативности (ECI) // *Психол. журн.* 2011. № 1–2. С. 75–81.
5. Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. СПб : Питер, 2006. 544 с.
6. Березина Т. Н., Терещенко Р. Н. Эмоциональная креативность личности: определение и структура // *Психология и психотехника*. 2012. Т. 41, № 2. С. 43–50.
7. Averill J. R. Emotions as mediators and as products of creative activity // *Creativity across domains: face of muse*. Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2005. P. 225–243.

ДЕТСКИЙ ТЕСТ ВЕКСЛЕРА: УСТАРЕВШИЕ НОРМАТИВНЫЕ ДАННЫЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДА ПСИХОМЕТРИИ

С. В. Базыльчик

УЗ «Городской клинический наркологический диспансер»,
ул. Гастелло, 16, 220035, Минск, Республика Беларусь
svbazyltchik@tut.by

Аннотация. В работе проводится анализ русифицированных версий детского теста Векслера. Показано, что все три опубликованные в настоящее время русифицированные версии теста используют устаревшие нормативные данные из оригинального теста The Wechsler Intelligence Scale for Children (WISC), изданного в 1949 году. Приведены ограничения для применения русифицированных версий теста в качестве метода психологической диагностики умственной отсталости у детей.

Ключевые слова: *умственная отсталость; тест Векслера; стандартизация.*

RUSSIAN VERSIONS OF THE WECHSLER INTELLIGENCE SCALE FOR CHILDREN: OUTDATED NORMS AND LIMITATIONS FOR USE AS A PSYCHOMETRIC METHOD

S. V. Bazyltchik

Healthcare Institution “City Clinical Narcological Dispensary”
Gastello str., 16, 220035, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. This paper analyzes Russian versions of The Wechsler Intelligence Scale for Children (WISC). It is shown that all three currently published Russian versions of the test use outdated norms tables from the original WISC published in 1949. The limitations for the use of Russian versions of the test for assessment of children with mental retardation are given.

Keywords: *mental retardation; Wechsler Intelligence Scale; standardization.*

Данные последних десятилетий свидетельствуют о том, что нормативные данные по оценке когнитивных способностей со временем могут устаревать. Проблема устаревания нормативных данных была особенно отчетливо продемонстрирована на примере тестов по оценке интеллекта. Было показано, что с годами показатель IQ в популяции увеличивается со средней скоростью 0,3 балла в год. Данная особенность показателя IQ получила название «эффект Флинна» [1]. Эффект Флинна означает, что более старый тест интеллекта может давать завышенные оценки по сравнению с действующими нормативными данными. Например, модифицированная версия детского теста Векслера WISC-R, 1974 г. [2] давала примерно на 7 баллов более высокий уровень IQ, чем версия WISC-III, 1991 г. [3]. В связи устареванием нормативных данных тест Векслера для детей в США многократно проходил процедуры ревизии, моди-

фикации и рестандартизации, и в настоящее время действует его 5-я версия (WISC-V, 2014 г.) [4]. Использование устаревших нормативных данных вносит систематическую ошибку в диагностический процесс и может приводить к принятию неверных экспертных решений, что особенно нежелательно, когда решается вопрос о доступности для индивидуума образования, службы в армии или возможности осваивать определенные профессии. В Республике Беларусь русифицированный тест Векслера для детей используется в клинической практике как психометрический тест при диагностике умственной отсталости и других психических расстройств, при которых необходимо оценить уровень интеллектуального развития. До настоящего времени в учебных учреждениях республики (Республиканский институт профессионального образования, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова) проводится обучение психологов использованию русифицированной версии теста.

Цель исследования - анализ адаптированных русифицированных версий детского теста Векслера на предмет их пригодности для психологической диагностики. *Материалы и методы.* Тест Векслера дает возможность определить так называемый девиационный IQ (deviation IQ), т. е. сравнить, насколько IQ обследуемого отклоняется от среднего IQ, его сверстников. Тест стандартизируется на репрезентативной нормативной выборке таким образом, чтобы среднее значение вербального, невербального и полного IQ в выборке стандартизации составляло 100 баллов, стандартное отклонение – 15 баллов. Был проведен анализ трех опубликованных к настоящему времени русифицированных версий детского теста Векслера: версия А. Ю. Панасюка [5], версия Ю. И. Филимоненко [6], версия Ю. З. Гильбуха [7; 8]. Русифицированные версии сравнивались с оригинальным детским тестом Векслера «Wechsler Intelligence Scale for Children (WISC)», издание 1949 г. (далее - WISC) [9]. Был также проведен анализ литературных источников по валидации и применению адаптированного детского теста Векслера.

Результаты и обсуждение. Все три русифицированные версии теста Векслера разработаны на основе американского варианта WISC 1949 г. В версии А. Ю. Панасюка изменения коснулись преимущественно вербальной части теста Векслера, наиболее существенные изменения были внесены в субтесты «Общая осведомленность», «Понятливость», «Словарь», в меньшей степени в субтест «Аналогии и сходство» [5]. Стимульный материал к невербальным субтестам полностью заимствован из оригинального теста WISC 1949 г., заимствованы также нормативные таблицы для перевода сырых оценок в шкальные [5; 10]. Таблицы для расчета IQ (conversion tables) были расширены до более низких значений, в отличие от оригинальных таблиц Векслера [5]. Стандартизация теста не проводилась, на что указывал в своих работах сам А. Ю. Панасюк, сообщив, что при адаптации были использованы «нормативные данные шкалы без существенных изменений» [5], «таблицы Векслера без существенных изменений» [10] (прим. автора – здесь речь идет о нормативных таблицах перевода сырых оценок в шкальные из WISC 1949 г.). Об отсутствии стандартизации версии А. Ю. Панасюка писал также Ю. З. Гильбух [7]. Была проведе-

на только валидизация теста на выборке из 75 здоровых детей и 67 детей с диагнозом «олигофрения в степени дебильности» в возрасте 6–13 лет [10].

Версия Ю.И. Филимоненко является исправленной и дополненной версией А.Ю. Панасюка. Данная версия имеет небольшие отличия от версии А. Ю. Панасюка, были заменены устаревшие задания в вербальной части, например: «Что празднуют 7 ноября?» или «Кто основал город, который теперь называется Ленинград?». Внесены и другие изменения незначительной части вербальных заданий, но большинство вербальных заданий и интерпретация ответов к ним остались такими же, как в версии А. Ю. Панасюка. Стимульный материал к невербальным заданиям остался неизменным (идентичен WISC 1949 г.). Стандартизация теста не проводилась. Нормативные таблицы для расчета субтестовых оценок заимствованы из WISC 1949 г., таблицы для расчета IQ такие же, как и в версии А. Ю. Панасюка.

По сравнению с версией Ю. И. Филимоненко, версия Ю. З. Гильбуха более значительно отличается от версии А. Ю. Панасюка. Например, в 1 субтесте «Общая осведомленность» в версии Ю. И. Филимоненко изменены 2 задания, а в версии Ю.З. Гильбуха – 13 из 30 заданий. В 5 субтесте «Словарь» в версии Ю. И. Филимоненко изменены 2 из 40 заданий, а в версии Ю.З. Гильбуха изменены 16 из 40 заданий и все контрольные (примерные) ответы тестируемого. Стимульный материал к невербальным субтестам в версии Ю.З. Гильбуха модифицирован незначительно, изменены отдельные детали в рисунках, их сюжет остался такой же, как в тесте «WISC» 1949 г. Стандартизации теста не проводилось, использованы нормативные таблицы для перевода сырых оценок в шкальные из теста «WISC» 1949 г., информация об этом указана в пособии по тесту: «Как и в издании Института гигиены детей и подростков (прим. автора – издание версии А.Ю. Панасюка), возрастные таблицы для получения шкалированных оценок перенесены в настоящее пособие из оригинала (прим. автора – тест WISC 1949 г.) без каких-либо изменений» [7]. Данных о валидизации версии Ю. З. Гильбуха в доступной автору литературе найти не удалось, но в пособии по тесту указано, что: «Опыт использования данной методики сотрудниками отдела свидетельствует об адекватности этих таблиц умственному развитию не только американских, но и наших детей» (прим. автора — имеются ввиду нормативные таблицы для перевода сырых оценок в шкальные) [7]. Каких-либо собственных нормативных данных в версии Ю. З. Гильбуха не приводится. Таким образом, все три русифицированные версии теста Векслера не проходили процедуру стандартизации на выборке местного населения. Все три версии теста используют для расчета IQ устаревшие американские нормативные таблицы из теста WISC, стандартизованного в 1947–1948 гг.

Стандартизация теста и разработка актуальных нормативных таблиц для определения IQ является необходимым условием использования теста по оценке интеллекта в клинической практике. Согласно диагностическим указаниям Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), коэффициент умственного развития при легкой умственной отсталости составляет 50–79 баллов и должен определяться по индивидуально назначаемому стандар-

тизованному тесту, для которого установлены местные культуральные нормы. При невыполнении стандартизованных процедур диагноз должен устанавливаться лишь как временный [11]. В действующем в Республике Беларусь клиническом протоколе оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами от 2010 г. (далее по тексту – клинический протокол) [12] для диагностики умственной отсталости рекомендуется качественная и количественная оценка интеллекта при помощи адаптированной методики Векслера. Согласно клиническому протоколу, при легкой умственной отсталости «уровень когнитивных способностей находится в диапазоне IQ 50–69 по тесту Векслера» [12].

При валидации теста А. Ю. Панасюк рассчитал интервалы $M \pm 2\sigma$ для суммарных показателей и $M \pm \sigma$ для субтестовых оценок по группе здоровых детей и детей с олигофренией [5; 10], указанные расчеты приведены в руководстве по тесту в виде номограммы и рекомендованы для клинической интерпретации результатов тестирования [5]. Согласно этой номограмме верхний пороговый уровень IQ для умственной отсталости составляет 85 баллов, что значительно отличается от верхнего лимита умственной отсталости в 69 баллов, указанного в клиническом протоколе [12]. В работе Г. В. Шаумарова [13] для детей с умственной отсталостью указан иной верхний пороговый уровень общего IQ – 80 баллов, средняя оценка составляла 70 баллов (т. е. около 50% детей с умственной отсталостью имели оценку свыше 70 баллов). В работе М. Н. Ильиной [14], со ссылкой на опыт многолетнего обследования детей в ППЦ «Здоровье» Петроградского района г. Санкт Петербурга детским вариантом теста Векслера, указывается, что верхний пороговый уровень IQ для легкой умственной отсталости составляет 79 баллов. Согласно утвержденным Министерством здравоохранения РФ Моделям диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств, при умственной отсталости показатели IQ составляют по адаптированному детскому варианту методики Векслера ориентировочно 60–80 ед., т. к. получаемые по данной методике показатели IQ превышают истинные на 10 ед. [15].

Заключение. Опубликованные на сегодняшний день три адаптированные (русифицированные) версии детского теста Векслера не проходили процедуру стандартизации, используют для определения уровня IQ устаревшие нормативные таблицы, рассчитанные по американской выборке стандартизации теста WISC в 1947–1948 гг. Русифицированные версии детского теста Векслера не могут быть использованы в клинических целях учета того, что получаемая по ним оценка IQ является завышенной на 10–15 баллов. По существующим русифицированным версиям теста Векслера верхняя граница диапазона IQ при умственной отсталости может достигать 80–85 баллов, а не 69 баллов, как указано в МКБ-10 для надлежаще стандартизованных тестов. Классификация уровня IQ в 70–79 баллов, полученного при тестировании по всем трем вариантам адаптированного детского теста Векслера, как «пограничный уровень» вводит клиницистов в заблуждение и способствует принятию ошибочных диагностических решений. Отечественные психиатрия и психология нуждаются в

адаптации и стандартизации одной из последних версий детского теста Векслера (WISC-IV или WISC-V), как это было сделано в Украине, где переведен на украинский язык и стандартизирован на местной выборке WISC-IV [16].

Библиографические ссылки

1. Flynn J. R., Weiss L. American IQ gains from 1932 to 2002: The WISC subtests and educational progress // Intern. J. of Testing. 2007. Vol. 7, № 2. P. 209–224.
2. Wechsler D. Manual for the Wechsler Intelligence Scale for Children – Revised. New York : The Psychological Corporation, 1974.
3. Wechsler D. The Wechsler intelligence scale for children. 3rd ed. San Antonio : The Psychological Corporation, 1991.
4. Wechsler D. Wechsler Intelligence Scale for Children. 5th ed. San Antonio : NCS Pearson, 2014.
5. Панасюк А. Ю. Адаптированный вариант методики Д. Векслера WISC. М. : МЗ СССР, 1973. 79 с.
6. Филимоненко Ю., Тимофеев В. Руководство к методике исследования интеллекта у детей Д. Векслера (WISC): Адапт. вариант. 3-е изд. СПб. : Госстандарт России, ГП «ИМАТОН», 1994. 94 с.
7. Изменение интеллекта детей: пособие для психолога-практика. Ч. 1. Человеческий интеллект и его измерение: теория и практика / под ред. Ю.З. Гильбуха. К. : Укрвузполиграф, 1992. 133 с.
8. Изменение интеллекта детей: пособие для практического психолога. Ч. 2. Стимульный материал для невербальных субтестов и образец бланка Регистрационной карточки / под ред. Ю.З. Гильбуха. К. : Укрвузполиграф, 1992. 64 с.
9. Wechsler D. Wechsler intelligence scale for children. New York : The Psychological Corporation, 1949.
10. Панасюк А. Ю. О возможности использования адаптированной методики Векслера при психологическом обследовании детей с интеллектуальной недостаточностью // Журн. невропатол. и психиатр. 1973. Т.3, № 10. С. 1538–1542.
11. Международная классификация болезней (МКБ-10): Классификация психических и поведенческих расстройств. СПб. : АДИС, 1994. 300 с.
12. Клинический протокол оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами: приложение к приказу Министерства здравоохранения Республики Беларусь 31 декабря 2010 г. № 1387. Минск : Министерство здравоохранения Республики Беларусь, 2010. 440 с.
13. Шаумаров Г. В. К оценке значения интеллектуальных тестов в диагностике и изучении развития детей с интеллектуальной недостаточностью // Дефектология. 1979. № 6. С. 16–24.
14. Ильина М. Н. Психологическая оценка интеллекта у детей. СПб. : Питер, 2006. 368 с.
15. Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств (Клиническое руководство) / под ред. В.Н. Краснова и И.Я. Гуровича. М. : Мин-во здравоохр. РФ, 1999. 224 с.
16. Векслер, Д. WISC-IV (Шкала інтелекту Векслера для дітей - IV). New York. Pearson Education, 2018.

О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УКРАИНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. И. Богучарова

Луганский государственный университет внутренних дел им. Е.А. Дидоренко
ул. Донецкая, 1, г. Северодонецк, 93401, Украина

E-mail: bogucharova_o@i.ua

Аннотация. Исследование посвящено недостаточно осмысленному в психологии феномену социальной ответственности молодежи. Результаты свидетельствуют о наличии значимых межгрупповых различий в сформированности качеств ответственной личности у студентов. Они проявляются в особенностях психологического профиля: у одной группы отмечены «пики» по таким индикаторам, как альтруизм, гражданское и моральное самосознание, локус контроля, просоциальное поведение, забота, нейротизм, экстраверсия, а у другой группы по этим же показателям – «контрпики». Также получены статистически значимые корреляции социальной ответственности с широким кругом личностных переменных. В целом зафиксирован как высокий, так и низкий уровень социальной ответственности и просоциального поведения в разных группах студентов.

Ключевые слова: *альтруизм; гуманность; социальная ответственность; просоциальное поведение; экстраверсия.*

AS TO UKRANIAN STUDENT'S SOCIAL RESPONSIBILITY

Y. Bohucharova

Luhansk State University of Internal Affairs named after E. O. Didorenko,
Doneckaya str., 1, Severodoneck, 93401, Ukraina

Annotation. The research is devoted to the phenomenon of social responsibility of young people which is not sufficiently studied in psychology. The results indicate the significant intergroup differences in the formation of the characteristics of a responsible person among students. They are in the psychological profile's peculiarities: in one group are specific "peaks" according to such indicators as altruism, civil and moral self-consciousness, locus of control, prosocial behavior, care, extraversion, neurosis; in another group at that indicators – the "counter-peaks". We also obtained statistically significant scores of social responsibility with a wide range of personality variables. In general, both high and low levels of social responsibility and prosocial behavior in different groups of students have been recorded.

Keywords: *altruism; humanity; social responsibility; prosocial behavior; extraversion*

Многократно продемонстрированную высокую социальную активность украинской молодежи, которая нашла отражение в «революции на граните», «революции Достоинства» и «Майданах», всплесках высокой избирательной активности на последних выборах президента уместно рассматривать как меру приобщения индивида к преобразовательной практике, имеющей свои проекции на постановку актуальной проблемы социальной ответственности. Анализ науч-

ных исследований в сфере проблем социальной ответственности как внутренней саморегуляции и самодетерминации зрелой личности в основном занимались зарубежные авторы (А. Адлер, Б. Баренбаум, Д. Винте, Г. Гоу, Х. Зандвоорт, Л. Колберг, Дж. Лавинджер, К. Луттерман, П. Макклоски, П. Мил, Ж. Пиаже, Р. Хайдер, К. Хелкана Ш. Шварц и др.). В рамках этих концепций был исследован широко известный феномен «диффузии ответственности» и «нормы социальной ответственности» для объяснения просоциального поведения (Л. Берковиц). Среди украинских ученых значительное внимание уделялось разработке базисных методологических основ исследования этого понятия, наряду с этим рассматривались также факторы, определяющие его формирование (Г. Балл, М. Осташева, Н. Гузенко, А. Гулевская, О. Кривошеева, М. Савчин). В то же самое время на постсоветском пространстве изучение проблематики социальной ответственности молодежи в значительной мере определялось своеобразием тематики актуальной повестки дня: революционные или эволюционные приоритеты. Поэтому становление, «вращивание», собственно технологии воспитания ответственности интенсивно исследовалась учеными разных направлений (Г. Балл, К. Абульханова-Славская, З. Борисова, К. Климова, В. Мухина, М. Савчин). В частности, активно рассматривалось соотношение личностной, коллективной и социальной ответственности (Г. Балл, Л. Берковиц, Л. Грядунова, Н. Коломинский, К. Луттерман, Н. Минкина, М. Савчин, В. Сахарова, В. Розанова). Также ответственность изучали как критерий оценки уровня моральной зрелости и морального становления, духовного развития и личностного роста (Л. Колберг, Дж. Лавинджер, Ж. Пиаже, К. Хелкана; Л. Анцыферова, О. Винославская, В. Знаков; И. Бех, И. Буллах, Н. Глибова, Р. Павелкив, М. Савчин, С. Ставицкая и др.). В экзистенциальной и философской литературе исследователи сконцентрировались на проблеме «морального выбора» и его личностном обеспечении, например стремлением индивида «быть ответственным» (К. Абульханова-Славская, А. Адлер, М. Мамардашвили, А. Рорти, М. Савчин, В. Франкл и др.). Значительное влияние в социально-психологической проблематике имело представление об ответственности как личностной черте (А. Петровский, Н. Рейнвальд), в общепсихологической – как системном и диспозиционном качестве в рамках системно-структурного подхода (Л. Жемчугова, И. Куренков, А. Крупнов, К. Муздыбаев, В. Прядеин, В. Сафин и др.); в украинском и западном контексте – как просоциальных тенденциях, реализуемых на основе социально ценностных стратегиях: эмпатии, альтруизме, волонтерстве, донорстве как долгосрочной форме просоциальной вовлеченности ответственной личности (М. Garaigordobil, Р. N. Galdeano; Грищенко, К. Васюк, В. Кириченко, Н. Корчакова, Н. Кухтова, М. Петренко и др.) [1; 2].

В целом в разработке тематики социальной ответственности существуют трудности выработки единого понятийного аппарата. В настоящее время рядоположно используются понятия «ответственность», «инициативность», «надежность», «контроль просоциального поведения», «альтруизм», «исполнение обязательств перед группой», «личностный или когнитивный самоконтроль», «способность совершать правильные поступки», «саморегуляция» и т. д. В широком

понимание ответственность – это обязательство перед Богом, совестью, человечеством и др.

В свете вышеизложенного особенно актуальным представляется изучение ответственности не только как нормы поведения современного молодого человека, девушки в вузе, а и их широкой просоциальной направленности, позволяющей обеспечивать высокую жизненную, общественную и учебную активность. Более того, именно развитие представлений об ответственности как «почвы» преобразовательной общественной практики может приблизить нас к пониманию психологических механизмов формирования новых субъектных качеств (самостоятельности, умения защищать и принимать групповые нормы и ценности, инициативности, этической сенситивности, стабильности, стрессоустойчивости, уверенности в себе и др.) и самого «революционирующего субъекта».

Целью нашей работы является исследование социальной ответственности личности студенческой молодежи. Методики исследования: шкала «Измерения социальной ответственности» (SRS-37)» О. Ковальчук, Ю. Проскуры; опросники «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера в адаптации Е. Бажина, Е. Голынкиной, А. Эткинда; Пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» (модель Голдберга) в адаптации Л. Бурлачука, Д. Королева; «Ценности в действии» М. Селигмана, К. Петерсона, Н. Парк в адаптации Е. Носенко, Л. Байсары; шкала «Измерения просоциальных тенденций» Г. Карло, Б. Рендалл; «Субшкала альтруизма» П. Робинсона, Р. Шейвера, «Методика измерения заботы» Х. Когута, Б. Дж. Бума – три последних шкалы в адаптации белорусского психолога Н. В. Кухтовой, а последняя в адаптации Н. В. Кухтовой и И. Фурманова [3]. *Статистическая обработка* осуществлялась с помощью корреляционного анализа, кластерного анализа по алгоритму К-средних с установлением достоверности межгрупповых различий между кластерами по t-критерию Стьюдента, с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 19. *Выборка* состояла из 80 человек, поровну 40 юноши/девушки в возрасте от 17 до 25 лет, студенты вузов г. Днепра – участники различных общественных организаций и студенты, которые не являются членами организаций, но осуществляют альтруистические поступки. Выборка была поделена на 2 полярных кластера по алгоритму К-средних. Итогом кластеризации стали две неэквивалентные группы, которые статистически значимо различались по уровню сформированности основных характеристик социально ответственной личности, в том числе просоциальных тенденций. В кластер 1 вошли 28 испытуемых, результаты которых соответствуют высокому и выше среднего уровням сформированности качеств; кластер 2 включал 52 испытуемых с уровнями сформированности ниже среднего и низким. В обоих кластерах были как участники, так и не-участники общественных организаций, т. е. те, кто не является организованным последователем гражданских инициатив. Сформированные группы испытуемых сравнивались по показателям всех методик.

Результаты и их обсуждение. Значения t- критерия Стьюдента по четырем из пяти основных характеристик социальной ответственности, за исключением «альтруизма» – наиболее высокие рейтинги – для обеих групп

(1 и 2 кластер), показывают, что значения показателей студентов первой и второй группы имеют достаточный уровень значимости ($p \leq 0,05 - 0,01$), также зафиксированы различия (в зоне средних значений) между испытуемыми обеих групп. В отношении данных «Большой пятерки» выявлены значимые различия только по нейротизму (выше у студентов 2 группы) и экстраверсии; по добросовестности – различия только на уровне тенденции (последние два выше у студентов 1 группы). Для студентов главной ценностью является «гуманность», которая объединяет так называемые «сильные» личностные свойства (социальный интеллект, доброжелательность, любовь), что является свидетельством стремления студентов к поддержке доброжелательных социальных связей, а также способности студентов формировать эти связи. Следующей по степени выраженности идет «справедливость», что свидетельствует о желании способствовать общественному благополучию. Наименее выраженной ценностью является «смелость». Низкий балл по этой ценности может снижать усилия ответственной личности так, как показывает нехватку стойкости и жизненной энергии, необходимые для обеспечения активных усилий, направленных к достижению цели при возникновении трудностей.

Корреляционный анализ позволил установить следующие результаты. Получены положительные связи шкалы социальной ответственности и факторов «Большой пятерки»: корреляции интегративного показателя социальной ответственности и добросовестности, этого же показателя и открытости; показателей гражданского и морального сознания, законопослушности (правосознания) и согласия ($r=0,400$, $r=0,399$, $r=0,424$ соответственно).

Анализ связи отдельных аспектов социальной ответственности – 5 субшкал – в том числе показал статистически значимые корреляции между интегральными показателями социальной ответственности и локуса контроля ($r=0,340$), морального сознания и интегральным показателем локуса контроля ($r=0,541$), также интегральным значением социальной ответственности и парциальными – локусом контроля в сфере достижений и контроля в сфере неудач ($r=0,407$, $r=0,455$ соответственно). По рейтингу выбора различных видов просоциального поведения первые три места в 1 группе занимают «помощь в кризисных ситуациях» и «эмоционально насыщенных ситуациях», личностная готовность «действовать в пользу другого человека при наличии прямой просьбы» (все на уровне $p \leq 0,01$); в 2 группе – наоборот, на первом месте «помощь в ответ на просьбу», но уровень значимости ниже ($p \leq 0,05$). Студенты 1 группы декларируют «заботу» в 1,5-2 раза чаще, чем 2 группы, в первой также все участники имеют позитивную просоциальную историю, их отличает высокая альтруистическая атрибуция и социальная ответственность, которая выступает как неотъемлемое интрапсихическое качество их личности, о котором знают не только они сами, но и окружающие. Обнаружена гендерная специфика: юноши более склонны к высоким проявлениям социальной ответственности, гражданского сознания, девушки – принятию и проявлению просоциальных качеств и просоциального поведения, альтруизма, законопослушания.

Выводы. Теоретико-методологический анализ проблемы социальной от-

ветственности студенческой молодежи дал основания для выделения индикаторов ответственной личности. В ходе проведенной кластеризации были сформированы две группы: в первую вошли студенты с высоким, во вторую – низким уровнем сформированности качеств ответственной личности. Результаты свидетельствуют о наличии значимых межгрупповых различий: интегральных показателей социальной ответственности, локуса контроля, ценности «гуманность», атрибуции альтруизма, видов просоциального поведения, экстраверсии, добросовестности, нейротизма. Исходя из результатов данного исследования, очевидно, что в сфере академической активности студентов является актуальной способность быть социально ответственной личностью.

Библиографические ссылки

1. Kovalchuk O., Salyuk M. Research of leadership and social responsibility in Ukrainian business organizations: multiple regression analysis // Proceedings of the International Internet-Congress of Teachers and Psychologists “Be Smart!”, Switzerland, 17–18 February 2015. Geneva : Publishing Center of the European Association of pedagogues and psychologists “Science”, 2015, P. 135–145.
2. Schwartz S. H. Refining the Theory of Basic Individual Values // Journ. of Pers. & Social Psychology. 2012. № 103. P. 663–688.
3. Кухтова Н. В. Адаптация методики «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б. А. Рэндалл) // Вестник ГрГУ. 2011. Т. 113, № 2. С. 102–107.

УДК 159.923, 616-05

КОМПЛАЕНТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ: О МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛОВ И РОДИТЕЛЕЙ

И. Е. Валитова

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»
бул. Космонавтов 21, 224016, Брест, Республика Беларусь
irvalitova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности комплаентных отношений профессионалов и родителей, имеющих детей с отклонениями в развитии. Традиционное определение комплаенса, или приверженности лечению, распространяется на практику оказания помощи детям с отклонениями в развитии. На основании результатов эмпирического исследования, проведенного с матерями детей раннего возраста с психоневрологической патологией, определено содержание высокого и низкого уровня комплаенса. Установлено, что низкий уровень комплаентности отражает общие проблемы отношений родителей и профессионалов, когда последние ориентируются на медицинскую модель инвалидности и реализуют патерналистскую модель отношений с пациентами. Низкий уровень комплаентности проявляется в неэффективной помощи ребенку, а также способствует эмоциональному выгоранию профессионалов. Сделан вывод о необходимости перестройки отношений про-

фессионалов и родителей с патерналистской модели на диалогическую модель, или модель участия.

Ключевые слова: комплаентность; дети с отклонениями в развитии; отношения профессионалов и родителей; патерналистская модель; модель участия.

COMPLIANCE OF PARENTS WHO HAVE CHILDREN WITH DISABILITIES: ABOUT A MODEL OF EFFECTIVE RELATIONS OF PROFESSIONALS AND PARENTS

I. E. Valitova

Brest State A.S. Pushkin University

Cosmonauts boul., 21, 224016 Brest, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the peculiarities of the compliant relationships between professionals and parents who have children with developmental disabilities. The traditional definition of compliance, or adherence to treatment, extends to the practice of supporting children with disabilities. Based on the results of an empirical study conducted with the mothers of young children with neuropsychiatric pathology, the content of high and low levels of compliance was determined. It has been established that a low level of compliance reflects the general problems of relations between parents and professionals, when the latter are guided by the medical model of disability and implement the paternalistic model of relations with patients. The low level of compliance is manifested in the ineffective support of the child, and also contributes to the emotional burnout of professionals. The conclusion is made about the need to restructure the relations of professionals and parents from the paternalistic model to the dialogical model, or the model of participation.

Key words. Compliance; children with disabilities; the relationship of professionals and parents; paternalistic model; participation model.

Родители, рассказывая о своем жизненном пути после установления факта отклонений в развитии у ребенка, подчеркивают, что когда они начинают искать помощь, профессионалы (врач, социальный работник, логопед, психолог и др.) становятся частью их жизни [1]. Именно поэтому для родителей жизненно важно установление эффективных отношений с профессионалами. Однако в современной практике помощи детям с отклонениями в развитии проблемы в отношениях специалистов и родителей встречаются нередко. Одна из проблем в практике работы психологов и врачей – низкий уровень комплаентности родителей. Комплаентность в медицинской психологии рассматривается как достижение согласия между специалистами и родителями по вопросам организации комплексной помощи ребенку, поэтому она является условием эффективности лечения, реабилитации, коррекционной работы с ребенком. В медицине комплаенс (англ. compliance – согласие, соответствие) – это добровольное следование пациента предписанному ему режиму лечения. Комплаенс, или приверженность лечению, выражается в четырех проявлениях: пациент вовремя принимает лекарство; принимает его в полной дозе; соблюдает рекомендации по диете и образу жизни; и при всем этом не считает, что его лишили последней радости в жизни. В модели комплаенса М. Беккер и Л. Майман [2] определены основные факторы, определяющие приверженность лечению: особенности мотивации пациента; ценность снижения угрозы болезни; вероятность того, что комплаентное поведение снизит

угрозу жизни; демографические факторы; особенности схемы лечения; установки пациента; особенности коммуникации с врачом; отношение значимых близких к лечению; предыдущий опыт болезни. Модель комплаенса распространяется преимущественно на пациентов взрослого возраста, однако она может быть перенесена в сферу оказания помощи детям с отклонениями в развитии. При этом в качестве субъектов установления отношений с профессионалами выступает не сам ребенок, а его родители, которые организуют процесс лечебно-педагогической помощи ребенку.

Ряд авторов, исследующих проблемы отношений между родителями и профессионалами, указывают на признаки низкого уровня комплаентности у родителей: неприятие медицинского диагноза; избегание взаимодействия со специалистами; неравноценное отношение к медицинской и педагогической коррекции [3]. В работе Е.И. Первичко, Д.В. Довбыш [4] выделяются три типа приверженности лечению, которые отражают уровень комплаентности родителей, имеющих детей с детским церебральным параличом: высокий, низкий и промежуточный. Уровень комплаентности определяется на основании оценки степени следования родителей различным рекомендациям врача, отношения к госпитализации и количества различных, дополнительно используемых средств лечения и развития ребенка. Наиболее ценным является заключение авторов о том, что уровень комплаентности родителей ребенка с ДЦП связан с типом личностного смысла болезни ребенка у родителей.

Мы полагаем, что комплаентность родителей детей с отклонениями в развитии отражает взаимоотношения родителя и профессионала в широком смысле – высокий уровень комплаенса достигается только при участии как родителей, так и профессионалов в построении эффективных взаимоотношений. Главная причина низкого уровня комплаенса родителей – различия во взглядах на ребенка с отклонениями в развитии на его потребности. Профессионалы в большей степени, нежели родители, описывают ребенка с отклонениями в развитии преимущественно с точки зрения медицинской модели инвалидности: с позиций дефицитов, недостаточности, а не с позиций индивидуальности; с позиций медицинской модели инвалидности ребенок для матери – это только тяжелый груз и бремя. Исследования свидетельствуют, что, как и другие члены общества, профессионалы склонны стигматизировать людей с инвалидностью [5]. Противоположный подход, основанный на социальной модели инвалидности, концентрируется на сильных сторонах ребенка, его притязаниях и возможностях их достижения, а значение ребенка для матери рассматривается с позиций многообразия смыслов и значений ребенка для матери и материнства в целом [1; 6]. Основная причина трудностей во взаимоотношениях между родителями и профессионалами главным образом состоит в том, что эти две группы людей абсолютно в разной степени затрагивает факт наличия у ребёнка отклонений в развитии. Из этого следуют различия в опыте, взглядах, реагировании и формах поведения. И. Прекоп [7] обращает внимание на основополагающие несоответствия в позиции родителей и профессионалов. Автор справедливо полагает, что до тех пор, пока эти различия и несоответствия не будут осознаны и озвучены, они будут только затруднять диалог меж-

ду профессионалами и родителями.

Взаимоотношения родителей и профессионалов описываются даже в терминах «война», «борьба», «сражение». Испытываемые трудности часто возникают из-за покровительских (патерналистских) установок профессионалов, и эта ситуация была названа «гегемонией профессионалов» [1]. Патерналистская модель основана на модели дефицита: в ее основе лежит идея о незначительном объеме знаний у непрофессионалов, профессионалы же рассматриваются как единственные носители истины, их статус документально подтвержден; из-за недостаточной компетентности за родителем не признается право на принятие решений. Недостаток партнёрства в программах реабилитации связан с тем, что в современной культуре все еще существуют традиционные нисходящие отношения, в которых экспертные знания рассматриваются как превосходящие по сравнению со знаниями матерей. Противоположная диалогическая модель, или модель участия, предполагает, что родители являются равноправными партнерами в диалоге с профессионалами, и их мнение может служить отправной точкой для получения информации относительно эффективности практического применения лекарственных средств, методов и технологий реабилитации детей [8]. Матери детей с отклонениями в развитии и профессионалы часто оказываются вовлеченными в своеобразную игру «в истину» [1]. В этой игре матери претендуют на то, что именно они обладают истинным знанием об условиях благополучия их детей. Профессионалы, в свою очередь, основываясь на своем экспертном опыте, претендуют на то, что истинными являются именно их знания о проблеме ребенка. Однако, зачастую профессионалы обладают в этом споре безусловной силой, так как именно они определяют содержание и методы лечебно-педагогической работы с ребенком, а в некоторых случаях и судьбу ребенка.

Эмпирические материалы для описания отношений между профессионалами и родителями, имеющими детей раннего возраста с психоневрологической патологией, были получены нами посредством клинической беседы. Клиническая беседа включает блок вопросов относительно ожиданий матерей по отношению к профессионалам, их представления о том, какими качествами должны обладать специалисты, работающие с такими детьми, их мнение о том, как они не могут поступать по отношению к детям и родителям. Блок вопросов включал рассказы матери о том, как она организует лечебно-педагогический процесс, реализует ли она советы специалистов. Еще один блок вопросов включал вопросы об источниках получения информации о ребенке и его заболевании, о том, получает ли мать советы других матерей, насколько полезны эти советы. С помощью авторской методики «Режим дня» получены материалы о том, как организуется типичный день ребенка, какое место занимают в нем лечебные процедуры и занятия. Всего в исследовании приняли участие 90 матерей.

Степень комплаентности родителя проявляется в следующих показателях: 1) ориентация матери на мнение врача или других людей (в выборе учреждения для ребенка; в выборе специалистов для проведения процедур и занятий; в определении набора процедур, техник и занятий для ребенка; в оценке эффективности реабилитации); 2) организация матерью реабилитации ребенка в периоды вне

официальных курсов, назначенных врачом (определение набора процедур и занятий; назначение ребенку медикаментов; определение периодичности и частоты процедур и занятий; оценка эффективности проведенных процедур и занятий). Высокий уровень комплаентности состоит в ориентации на мнение врача (психолога, педагога) и реализации составленных специалистами индивидуальных программ реабилитации, а также рекомендаций на межкурсовой период. При низком уровне комплаентности мама ребенка ориентируется на мнение других матерей, которое транслируется в социальных сетях, выбирает учреждения, о которых пишут в соцсетях, стремятся получить именно того специалиста, которого называют матери, стремятся получить именно ту процедуру, которую высоко оценивают другие родители («моему ребенку очень помогла канистерапия», «обязательно надо попробовать Томатис, это самое лучшее»), оценивают результативность проведенного курса по своим критериям. В межкурсовой период мама продолжает интенсивные занятия с ребенком, без перерыва проводит новые курсы лечения, дает ребенку медикаменты по своему выбору, приглашает специалистов на дом, действуя по принципу «ни минуты без занятий», оценивает результаты занятий и терапии, ориентируясь на незначимые критерии или по принципу «не может такая дорогая процедура быть без результатов», (например, у ребенка стал взгляд умнее, или большой пальчик больше отодвигаться начал). Используются травматичные насильственные процедуры, при проведении занятий ребенок кричит, при этом мама полагает, что это не только нормально, но и полезно. Вся жизнь ребенка состоит из бесконечных процедур и занятий, а зачастую вся жизнь семьи подчиняется ритму реабилитации ребенка. Вся избыточность реабилитации реализуется вопреки мнению специалистов.

Низкий уровень комплаентности родителей сочетается с их недовольством врачами, чувством обиды от неприятных слов в адрес ребенка («ваш ребенок ничего не понимает и ничего не соображает», «с вашего ребенка ничего не будет», «смиритесь и перестаньте мучить себя и ребенка»). В свою очередь, при низком уровне комплаентности профессионалы чувствуют свою непризнанность, они переживают чувство отвержения себя как специалиста («я им говорю-говорю, а они все равно ребенка на растерзание китайцам возят»; «не знаю, как им объяснить, что ребенку нужен отдых, такая интенсивная непрерывная реабилитация не приносит результатов»), и это способствует синдрому эмоционального выгорания. Низкий уровень комплаентности родителей оказывает негативное влияние на эмоциональное состояние ребенка, снижает эффективность лечебно-коррекционных воздействий.

Основой для успешного взаимодействия специалистов и родителей в целях максимального удовлетворения потребностей ребенка являются открытость и гуманизм, профессионализм и ответственность во всей системе отношений между ребенком, семьей, профессионалом и обществом. Важным условием является также переход профессионалов от представлений о родителях как реципиентах помощи ребенку, как учителях своего ребенка к представлению об отношениях партнерства, когда родители становятся активными участниками, в том числе контролирующими характер этого партнерства [9]. Таким образом, изменение моде-

лей работы профессионалов с семьями на основе идей партнерства является актуальной практической задачей.

Библиографические ссылки

1. Kingston A. K. Mothering special needs : a different maternal journey. London ; Philadelphia : Jessica Kingsley Publishers, 2007. 191 p.
2. Becker M.H. Models of health-related behavior. // Handbook of Health, Health Care, and the Health Professions. New York : Free Press, 1983. P.539 – 553.
3. Поликарпова Л.А. Особенности работы с семьями, воспитывающими детей с ОВЗ / Л.А. Поликарпова // Междунар. симп. «Л. С. Выготский и современное детство» [Электронный ресурс] : сб. тезисов. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. С. 277-278.
4. Первичко Е.И. Личностный смысл болезни ребенка как фактор приверженности семьи лечению (исследование семей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом). // Национ. психологич. журн. 2016. № 2(22). С. 61–72.
5. Селигман М. Обычные семьи, особые дети. М. : Теревинф, 2007. 368 с.
6. Russell F. The expectations of parents of disabled children // British Journal of Special Education. 2003. Vol. 30. №3. P. 144-149.
7. Prekop I. Kinder sind Gäste, die nach dem Weg fragen: ein Elternbuch. München: Kösel, 1990. – 154 s.
8. Фролова Ю. Г. Популярная наука и онлайн-коммуникация по вопросам здоровья: результаты контент-анализа тематических форумов // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: социализация субъекта на разных этапах онтогенеза : мат. Междунар. научно-практич. конфер. Минск, 2015. С. 473-476.
9. Turnbull A. Parents and professionals: partners in building competencies // Entwicklungsstörungen und chronische Erkrankungen. Diagnose, Behandlungsplanung und Familienbegleitung. München : Verlag Schmidt-Römhild, 2017. S. 169-180.

УДК 316.642.2

ПСИХАЭМАЦЫЙНЫЯ ДАМІНАНТЫ СВДОМАСЦІ ЖЫХАРОЎ АСОБНЫХ РАЁНАЎ ДАНЕЦКАЙ І ЛУГАНСКАЙ АБЛАСЦЕЙ

В. А. Васюцінскі

Інстытут сацыяльнай і палітычнай псіхалогіі НАПН Украіны
вул. Андрэеўская, 15, 04070, Кіеў, Украіна,
vadymvas55@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся данные одного из этапов исследования гуманитарно-психологических факторов состояния и развития настроений в отдельных районах Донецкой и Луганской областей. Был проведен опрос 50 человек по методу полустандартизированного интервью. Полученные ответы обработаны с помощью контент-анализа и факторного анализа на основе ковариации; значимость различий оценена по критерию Фишера. Обнаружен ряд психоэмоциональных доминант сознания респондентов. Наиболее явными среди них являются: преобладание эмоционально-аффективных реакций и оценок, переживания из-за войны, переживания из-за материальных проблем, беспокойство за семью, тоска по прежней жизни, неопре-

деленность будущего, отрицательно-противоречивая оценка текущих событий, переживание чувства вины и стремление избавиться от него путем нахождения других виновников.

Ключевые слова: психоэмоциональные состояния; доминанты сознания; неопределенность будущего; чувство вины; поиск виноватых

PSYCHOEMOTIONAL DOMINANTS OF CONSCIOUSNESS OF THE RESIDENTS OF SEPARATE DISTRICTS OF DONETSK AND LUHANSK REGIONS

V. O. Vasiutynskyi

Institute for Social and Political Psychology, NAES of Ukraine
15, Andriivska str., 04070, Kyiv, Ukraine

Annotation. The article presents data from one of the stages of the study of humanitarian and psychological factors which determine state and development of sentiment in separate districts of Donetsk and Luhansk regions. A survey of 50 people was conducted by the method of semi-standardized interview. The received responses were processed using content analysis and factor analysis based on covariance; significance of differences was assessed by Fisher criterion. A number of psycho-emotional dominants of the respondents' consciousness were found. The most obvious among them are: prevalence of emotional and affective reactions and assessments, worries because of the war, worries because of the material problems, family concern, longing for the old life, uncertainty of the future, negatively contradictory assessment of current events, sense of guilt and trying to get rid of it by finding other culprits.

Keywords: *psycho-emotional states; dominants of consciousness; uncertainty of the future; sense of guilt; search for the culprits*

Наро́ўні з відавочнай для ўкраінскага грамадства сацыяльна-палітычнай актуальнасцю праблем, звязаных з падзеямі на Данбасе, вялікае значэнне набываюць даследаванні гуманітарна-псіхалагічных фактараў развіцця і характарыстык стану масавых настрояў у асобных раёнах Данецкай і Луганскай абласцей (АРДЛА). Такія даследаванні не набылі сістэмны характар, а існуючыя дадзеныя – гэта альбо дэрываты сацыялагічных апытанняў, альбо сюжэты публіцыстычных матэрыялаў. У той жа час ёсць нямала айчынных і замежных даследаванняў, якія ахопліваюць больш шырокі кантэкст пытання. Гаворка ідзе аб: агульных геапалітычных і палітыка-ідэалагічных арыентацыях жыхароў розных рэгіёнаў Украіны і краін постсавецкай прасторы [1–6], адносінах да вайны і ваенных канфліктаў [7–11], асаблівасцях перажыванняў асобай або супольнасцю псіхаэмацыйных траўмаў у складаных умовах гістарычнага і палітычнага развіцця [12–17]. Ва ўмовах грамадска-палітычнага жыцця сучаснай Украіны прадметам навукова-псіхалагічнага інтарэсу павінны быць псіхаэмацыйныя станы і тэндэнцыі змены свядомасці жыхароў Данбаса, у прыватнасці на не падкантрольных Украіне тэрыторыях. Недаступнасць гэтых раёнаў для непасрэдных даследаванняў украінскімі навукоўцамі падахвочвае звяртацца да больш апасродкаваных прыёмаў абследавання асоб, якія жывуць па іншы бок лініі размежавання.

Мэта даследавання заключаецца ў абагульненні вынікаў апытання жыхароў АРДЛА, накіраванага на выяўленне найбольш актуальных і праблемных характарыстык іх псіхаэмацыйнага стану. *Методыка і арганізацыя даследавання.* Апытанне праходзіла ў ліпені 2018 года на тэрыторыі кантрольнага пункта ўезду-выезду «Маёрскае» і каля будынка Каардынацыйнай групы АТГ «Данецк» у г. Бахмут Данецкай вобл. Апытваліся грамадзяне, якія перасякалі лінію размежавання або афармлялі дазволу на яе перасячэнне і, па іх словах, пражываюць або пераважна знаходзяцца ў АРДЛА. Удзел у апытанні быў добраахвотным. Апытана 50 чалавек (28 жанчын і 22 мужчын). Паколькі сярод грамадзян, якія перасякаюць лінію размежавання, істотна пераважаюць асобы сталага веку (пенсіянеры), было вырашана не апытваць моладзі, а засяродзіцца на рэспандэнтах сярэдняй і старэйшай узроставых груп. Узроставы дыяпазон апытаных склаў 38–84 гады, медыяна – 62 гады. Па месцы жыхарства рэспандэнта падзяліліся на дзве групы: 28 жыхароў найбуйнейшых гарадоў і 22 жыхары іншых гарадоў і мястэчак. Сельскіх жыхароў сярод апытаных не аказалася. *Метадам апытання* было паўстандартызаванае інтэрв’ю, якое змяшчала 16 пытанняў. Дзесяць з іх тычыліся псіхаэмацыйнага станаў саміх рэспандэнтаў і іх асяроддзя: Як вам жывецца? Што вас больш за ўсё радуе? Што вас найбольш засмучае? Што вас больш за ўсё палохае? Якое будзе ваша жыццё праз 5 гадоў? Якое будзе жыццё Данбаса праз 5 гадоў? Як жывецца людзям з вашага асяроддзя? Што найбольш радуе людзей з вашага асяроддзя? Што больш за ўсё засмучае людзей з вашага асяроддзя? Што больш за ўсё палохае людзей з вашага асяроддзя?

На ўласнае жаданне рэспандэнты размаўлялі на ўкраінскай або расейскай мове. Амаль усе рэспандэнты заяўлялі, што ім усё роўна, на якой мове гаварыць, аднак большасць аддала перавагу расейскай.

Для статыстычнай апрацоўкі атрыманых адказаў ужыты кантэнт-аналіз. Улічваліся ўсе значэнні, знойдзеныя ў адказах кожнага рэспандэнта. Для далейшай інтэрпрэтацыі выкарыстана значэнні, якія здараліся ў адказах не менш за пяць чалавек (10%). Адрозненні паміж групамі рэспандэнтаў выяўляліся на аснове крытэра Фішэра.

Вынікі даследавання. Праведзены колькасны і якасны аналіз паказаў, што свядомасць жыхароў АРДЛА нельга назваць аднастайнай: у яе прасторы функцыянуюць вельмі разнародныя сэнсы і арыентацыі. У той жа час параўнанне прадстаўнікоў груп, выдзеленых па полу, узросту і месцы жыхарства, паказала адсутнасць істотных адрозненняў паміж імі. Гэта дало падставы лічыць іх свядомасць аднастайна змяшанай.

Атрымана наступнае размеркаванне абагульненых адказаў на зададзеныя пытанні (сума працэнтаў можа перавышаць 100; прыведзеныя дадзеныя не маюць строга сацыялагічнага характару, а адлюстроўваюць асноўныя псіхалагічныя складнікі уяўленняў і перажыванняў).

«Як вам жывецца?»: добра – 16%, сярэдне – 52, дрэнна – 32;

«Што вас больш за ўсё радуе?»: сям’я – 60, што жывы – 20, стан здароўя – 16; нішто не радуе – 12;

«Што вас найбольш засмучае?»: сямейныя праблемы – 20, адносіны з навакольнымі – 20, стан здароўя – 12;

«Што вас больш за ўсё палохае?»: лёс сям’і – 24, нішто не палохае – 16;

«Якое будзе ваша жыццё праз 5 гадоў?»: не ведаю – 38, палепшыцца – 20, не зменіцца – 14, лепшым не будзе – 10, спадзяюся на лепшае – 16, будзе лепшым, калі скончыцца вайна, – 18;

«Якое будзе жыццё Данбаса праз 5 гадоў?»: не ведаю – 32, палепшыцца – 20, не зменіцца – 18, будзе лепшым, калі скончыцца вайна – 22, Данбас вернецца ў Украіну – 10;

«Як живеца людзям з вашага асяроддзя?»: добра – 16%, сярэдне – 52, дрэнна – 32;

«Што больш за ўсё радуе людзей з вашага асяроддзя?»: не ведаю – 24, нішто не радуе – 22, што жывыя – 24, сям’я – 18, простыя жыццёвыя радасці – 16, пенсія, зарплата – 12;

«Што больш за ўсё засмучае або палохае людзей з вашага акружэння?» (адказы на пытанні аб тым, што засмучае або палохае, выразна не адрозніваліся, таму іх аб’ядналі ў адну сэнсавую адзінку): не ведаю – 14, вайна – 74, агульная абстаноўка – 34, няпэўнасць – 28%.

Псіхалагічная структура дадзеных рэспандэнтамі ацэнак вызначалася з дапамогай факторнага аналізу на аснове каварыяцыі. Вылучыліся шэсць фактараў з агульнай дысперсіяй 53,4%. Першы фактар (ўклад у дысперсію 11%) адлюстроўвае «стан нявызначанасці» ацэнак і настрояў. У другім фактары (10%) аб’ядналіся прыкметы «турботы за сям’ю». Змест трэцяга фактара (9,7%) асвятляе «супярэчлівыя ацэнкі будучага». У чацвёртым фактары (8,3%) прасочваецца «ахоўнае імкненне абяспэніць вайну». Пяты фактар (7,7%) можна вызначыць як «слабую цікавасць да праблем атачэння». Змест шостага фактара (6,7%) характарызуе «ацэнку стану здароўя».

Абагульненне апісаных суадносін дало падставы казаць аб наяўнасці ў свядомасці жыхароў АРДЛА шэрагу эмацыйных дамінантаў: перажыванняў з-за вайны, перажыванняў з-за матэрыяльных праблем, турботы за сям’ю, тугі па мінулым жыцці, нявызначанасці будучыні, негатыўна-супярэчлівай ацэнкі бягучых падзей.

Было вылучанае «слабое месца» свядомасці рэспандэнтаў – адсутнасць бачання будучыні ў цэлым і прывабнага будучага ў прыватнасці. Гэтым збольшага можна растлумачыць псіхалагічную панадлівасць у 2014 годзе «расейскага праекта» для Данбаса і «крымскага сцэнара», якія запоўнілі прабел у свядомасці жыхароў рэгіёну. Першы паказаў ім павабную «перспектыву» далейшага развіцця, а другі – ўяўную «магчымасць» яе рэалізацыі.

Яшчэ адна асаблівасць свядомасці жыхароў АРДЛА (а як паказалі нашы папярэднія даследаванні, падкантрольнай часткі таксама) тычыцца перажывання пачуцця віны. Для большасці рэспандэнтаў важна не мець такога пачуцця, быць упэўненымі ў тым, што яны самі, «простыя людзі», ні ў чым не вінаватыя. Адсюль выцякае неабходнасць знайсці вінаватага, перакласці на яго віну за ўсё, што адбылося і адбываецца. Для пошуку такіх абвінавачванняў

грамадзяне выкарыстоўваюць любыя аргументы, нягледзячы на іх пераканаўчасць і лагічнасць. Тут дамінуюць імпульсіўна-ўзбуджаныя ацэнкі, і гэтая асаблівасць свядомасці пераклікаецца з апісаным вышэй агульным дамінаваннем эмацыйных рэакцый.

Высновы. Для свядомасці жыхароў АРДЛА характэрным з'яўляецца істотнае дамінаванне эмацыйна-афектыўных рэакцый і ацэнак, невыразнае бачанне будучыні, імкненне пазбавіцца ад пачуцця віны. Такія асаблівасці адкрываюць прастору для эфектыўнага пераканаўчага псіхалагічнага ўздзеяння з розным, нават зусім процілеглым, ідэалагічным напаўненнем.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Вознесенська О. Л., Череповська Н. І. Медіаконтекст выяву патрыятычных почуттів представниками Сходу і Заходу України // Проблеми політичної психології. 2015. Т. 16, Вип. 2. С. 74–88.
2. Дроздов О. Ю. Динаміка геополітичних уявлень молоді на тлі російсько-українського конфлікту 2014 року // Проблеми політичної психології. 2014. Т. 15, Вип. 1. С. 258–266.
3. Кононов І. Ф. Регіональні авто- та гетеростереотипи Донбасу і Галичини: їх значення в проектах націєбудівництва в Україні // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. 2014. Вип. 20. С. 133–142.
4. Никоненко Л. В. Особливості уявлень студентів різного фаху про політико-правову ситуацію в Україні // Проблеми політичної психології. 2016. Т. 17, Вип. 3. С. 220–233.
5. Російськомовна спільнота в Україні: соціально-психологічний аналіз / за ред. В. О. Васютинського. Київ : Імекс-ЛТД, 2012. 336 с.
6. Vihalemm T. To learn or not to learn? Dilemmas of linguistic integration of Russians in Estonia // Ethnicity. 2010. № 3. P. 73–97.
7. Циганенко Г. В., Кухарук О. Ю. Соціально-психологічне осмислення конфліктів між цивільними і військовими в ході групової взаємодії // Проблеми політичної психології. Т. 18, Вип. 4. С. 24–39.
8. On the (In)Compatibility of Attitudes Toward Peace and War / B. Bizumic [et al.] // Political Psychology. 2013. № 34. P. 673–693.
9. Braun-Lewensohn O., Abu-Kaf S., Sagy S. Attitudes toward war and peace and their relations with anxiety reactions among adolescents living in a conflictual area // Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18, № 1. P. 68–79.
10. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The Political Legacies of Combat: Attitudes toward War and Peace Among Israeli Ex-Combatants // International Organization. 2015. Vol. 69, № 4. P. 981–1009.
11. McKeown Sh., Ferguson N., Haji R. Conclusion: The Next Voyage // Understanding Peace and Conflict through Social Identity Theory: Contemporary Global Perspectives / Ed. by S. McKeown, R. Haji, N. Ferguson. Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 367–373.
12. Кравчук С. Л. Особливості ставлення студентської молоді до агресії в розв'язанні політико-правових питань // Проблеми політичної психології. Київ: Міленіум, 2017. Т. 19, Вип. 5. С. 325–334.
13. Мельник О. А. До питання емоційної агресії у суспільному та політичному житті // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина

Української держави. Вип. 11. Київ, 2011. С. 248–255.

14. Найдьонова Л. А. Емоційні стани учасників масових політичних акцій у контексті різних територіальних спільнот // Наукові студії із соціальної та політичної психології. 2005. Т. 15, Вип. 12. С. 71–87.

15. Суший О. В. Проблема колективної травми в українському соціумі та пошук стратегій її опанування // Наукові записки Ін-ту політ. і етнонац. дослідж. ім. І. Ф. Кураса НАН України. 2014. Т. 746 № 6. С. 18–32.

16. Hubeladze I. N. Psychological peculiarities of maintaining a family relationship in conditions of military conflict // Проблеми політичної психології: 2016. Т. 18, Вип. 4. С. 15–23.

17. Summerfield D. The Impact of War and Atrocity on Civilian Populations: Basic Principles for NGO Interventions and a Critique of Psychosocial Trauma Projects. London : Overseas Development Institute, 1996. 43 p.

УДК 159.922.6:37.015.3

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Е. И. Власова

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ул. Владимирская, 60, Киев, Украина

Vlalit@ukr.net

Аннотация. В тексте представлены результаты оригинального исследования научного коллектива под руководством автора, которые эмпирически обосновывают влияние культурных укладов (традиционного, современного, постмодерного), сосуществующих сегодня в современном мультикультурном украинском обществе, на содержательные характеристики субъективного благополучия украинской молодежи. Полученные статистические данные позволяют говорить о наличии различных типов личностной организации испытуемых на основе их ценностных предпочтений.

Ключевые слова: культурный уклад; тип личности; субъективное благополучие; мультикультурализм; метамодерн.

SOCIALIZATION AND DEVELOPMENT OF PERSONALITY IN MULTICULTURAL ENVIRONMENT

E.I. Vlasova

Kyiv National Taras Shevchenko University,

st. Vladimirskaia, 60, Kiev, Ukraine

Annotation. The text presents the results of the original research team led by the author, who empirically substantiate the influence of cultural patterns (traditional, modern, postmodern) that coexist today in modern multicultural Ukrainian society, on the substantive characteristics of the subjective well-being of Ukrainian youth. The obtained statistics allow us to speak about the presence of various types of personal organization of the subjects based on their value preferences.

Keywords: cultural structure; personality type; subjective well-being; multiculturalism; metamodern.

Общество первой четверти XXI века как среда социализации современной личности является динамичным и разнонаправленным в своих изменениях. Социальная жизнь предстает как изменчивый процесс возникновения и актуализации различных вызовов и рисков существования индивидам, сообществам и обществам. Именно поэтому сформированные в предыдущих исторических условиях концепции социализации и развития человека, ориентированные на устойчивость социальных условий, не позволяют в полной мере эффективно исследовать процессы персонотенеза. Кроме того, индивидуальные составляющие личности и динамика их изменения в рамках адаптации к активно меняющимся условиям жизни, приобретают в процессах социального взаимодействия все больший вес и значение. В этих условиях у психологии возникает ряд научно-теоретических проблем, связанных с методологическим дизайном исследования развивающейся личности как целостной системы, которая возникает и развивается в современных динамических социальных условиях.

С точки зрения автора, личность – это социальная форма существования человеческой психики, которая, приобретая способность к направленному позитивному изменению себя и окружающей действительности, тем самым обеспечивает собственное саморазвитие и развитие общества. В рамках обозначенной методологической установки в понимании развития человека и общества как равноценных субъектов социальной жизнедеятельности, исследование развития личностной формы психики осуществляется с опорой на потенциал философско-психологического знания о сущности человека как существа общественного. Продуктивным источником исследовательской методологии усматриваются эвристические инструменты неклассической и постнеклассической рациональности, которые позволяют конструировать знания о развитии психического и социального в их взаимообусловленном единстве, представленном постоянно развивающейся личностью с присущей ей ценностно-смысловой системой целостного субъектно-деятельностного отношения к динамике индивидуальной и социальной жизни, каждая из которых являются для человека источником социализации и возможного развития.

Полидетерминированный характер целостности процессов социализации современного человека воплощается в категории культурного уклада. Культурный уклад (культурный порядок) – это понятие, которое характеризует исторические постоянные, стабильные, характерные черты строения и содержания нормативных ценностей, присущих социальным группам и отдельным лицам; такие ценности выражаются в материальных, идеальных, институциональных и символических составляющих индивидуальной и групповой жизни отдельного общества. Культурный уклад существенно определяет содержание и форму процессов социализации в определенном обществе, культурный тип структуры личности, наборы ролей, различия роли и тому подобное. Выделяется несколько исторически последовательно возникающих форм культурного уклада: традиционная, модерная (индустриальной) и постмодерная (информационная), каждая из которых имеет специфику в понимании задач социализации личности. Традиционный уклад сосредоточен на константных ценностях и целях развития, предъ-

являемых человеку извне. Модерный уклад - сосредоточен на ценностях, создаваемых в ходе коллективной деятельности. Постмодерный порядок ставит во главу угла ценности, возникающих в контексте коммуникативного взаимодействия людей. В отечественном научно-гуманитарном дискурсе последних лет существенной особенностью социальной ситуации развития современных украинцев постулируется мультикультурность среды их социализации, что создает, на наш взгляд, предпосылки перехода к метамодерной форме культурного порядка организации социальной действительности.

Цель представляемого исследования состоит в выявлении и описании личностных типов представителей украинского общества как следствия их первичной социализации в условиях мультикультурного социального контекста, характерного для современной Украины как открытого общества. Развитие личности в мультикультурных условиях социализации мы исследуем в рамках использования квазиэкспериментальной процедуры, используя комплексную модель, включающую следующие критерии: 1) ценностно-смысловое отношение человека к действительности (особенности смыслов, которые личность вкладывает в базовые общечеловеческие ценности (семья, свобода, справедливость, право, государство); 2) психологическое благополучие (как базовый конструкт психического здоровья и психологической когерентности человека); 3) экзистенциальная исполненность (как готовность молодого человека к продуктивному диалогу с миром и самим собой); 4) самореализация (достижение конкретных результатов, в частности их представления); 5) временная ориентация (преобладание ориентации на прошлое, настоящее или будущее).

В качестве психодиагностических инструментов исследования мы использовали: 1) авторский опросник, определяющий социокультурные ценности разных общественных укладов (традиционного, модерного, постмодерного); 2) модифицированный опросник для определения отдельных характеристик переживания психологического благополучия человеком (в его создании использованы методики: Методика психологического благополучия К. Рифф, Шкала экзистенции А. Ленгле, Тест смысложизненных ориентаций Д. Леонтьева, Тест перспективной инвентаризации времени Ф. Зимбардо).

Исследование было начато в 2014–2016 годах и охватывает взрослых и студентов из разных регионов Украины. В тезисах представлены результаты исследований выборки из 778 человек, в том числе 262 взрослых и 516 человек в возрасте от 17 до 30 лет, из них 368 женщин и 148 мужчин. 727 человек использовали бумажные опросы и 51 человек (добровольных пользователей Интернета) заполнила онлайн-опросники. Данные статистически обрабатываются с помощью корреляционного, дисперсионного и регрессионного анализа.

Основные результаты исследования и выводы. Ценности модерного уклада предпочли респонденты, которые имеют высокие показатели академических достижений. Старшие студенты более склонны к ценностям традиционного порядка. А ориентация на постмодерные ценности типична для младших студентов, имеющих высокие показатели академических достижений.

Для создания портретов «традиционной», «модерной» и «постмодерной»

личности использовался регрессионный анализ. Традиционный тип личности (6% выборки) описывает человека, ориентированного на достижение целей, отвечающих традиционным ценностям. Он характеризуется низким уровнем потребности свободы, трудностями в осуществлении выбора и решений, наличием жизненных целей и высоким уровнем самопринятия. У современной личности (также 6% выборки) доминирует внимание к достижению результатов и способность устанавливать теплые отношения с другими. Будущее для этого типа личности является приоритетом по сравнению с настоящим. Постмодернистский тип личности (14% выборки) определяется способностью реализовывать свои собственные ценности и строить доверительные и заботливые отношения с другими людьми. Он также характеризуется невысокими показателями самопринятия и низкой способностью к самодистанцированию, трудностями рефлексии и внутреннего диалога. Такой человек также предпочитает жить в данный момент, уделяя меньше внимания будущему.

Очевидно, что описанные «чистые» типы недостаточно полно характеризуют общий массив полученных показателей выборки, что вызывает необходимость поиска «смешанных» личностных типов. Результаты кластерного анализа указывают на существование 6 культурных моделей, на основе которых различные группы студентов решают проблемы своей образовательно-профессиональной социализации: 1) треть студентов (36%) успешно интегрируют ценности различных культурных укладов и демонстрируют высокие показатели субъективного благополучия; 2) еще почти треть из них (27%) обнаруживают признаки личной незрелости и средние показатели субъективного благополучия, что требует специальной работы по определению и координации целей и средств их индивидуальной самореализации; 3) пятая часть студентов (19%) счастливы здесь и сейчас, они субъектны и отдают предпочтение современным и постмодерным ценностям, хотят свободы и готовы взять на себя ответственность, но не принимают собственное прошлое (очевидно, что этот аспект психической организации таких лиц должен быть предметом их дальнейшей личностной интеграции); 4) студенты с традиционными ценностями (16%) не являются психологически однородной группой - половина из них активная и субъективно благополучна, но мало заинтересована в себе (8%), а вторая половина респондентов (8%), хотя и компетентна в жизни, но не имеет жизненных целей, не принимают своего прошлого и людей вокруг себя, поэтому они чувствуют себя несчастными (понятно, что в каждой из этих групп студентов выдвигаются разные задачи их лично-профессионального развития); 5) члены последней группы студентов, которые отвергают традиционные ценности (5%), испытывают скуку и отсутствие интереса к жизни и жизненным достижениям и очевидно требуют психоразвивающей помощи.

Таким образом, в условиях современной украинской действительности формируются разнообразные типы развития человеческой личности, своеобразность которых обусловлена спецификой их индивидуальной истории социализации в открытом мультикультурном украинском обществе XXI в. Зафиксированная в работе тенденция бесконфликтного принятия 1/3 участников исследования

ценностей различных культурных укладов требует дальнейшего изучения как возможное свидетельство проявлений метамодерного культурного уклада.

Библиографические ссылки

1 The types of personal integrity of the modern ukrainian multicultural society / Ananova I. [et al.] //The Third International Conference on ICT Management for Global Competitiveness And Economic Growth in Emerging Economies, Wroclaw, Poland, October 22-23, 2015/ed. by J. Kowal, H. Lindskog, P. Soja and R. Sonntag. Wroclaw : Wroclaw National University, 2015. P. 126.

УДК 159.923.2

СВЯЗЬ ОПЫТА ПРОИЗОШЕДШИХ ИЗМЕНЕНИЙ С ИЗМЕНЕНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ЛИЧНОСТИ В БУДУЩЕМ

Н. В. Гришина, М. А. Залесская

ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Университетская наб., 7, 199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация
maryzapsychologist@gmail.com

Аннотация: В статье описывается изучение рефлекслируемого человеком жизненного опыта изменений и саморазвития, а также его связь с возможными будущими изменениями и самоизменениями личности.

Ключевые слова: *жизненный опыт; изменение личности; саморазвитие; самоизменение; возможные Я.*

EXPERIENCE PAST CHANGES IN CONNECTION WITH CHANGE AND DEVELOPEMENT OF PERSONALITY IN THE FUTURE

N. V. Grishina, M. A. Zaleskaia

St. Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Annotation. The article describes the study of the life experience reflected in a person's changes and self-development, as well as its connection with possible future changes and self-changes of the personality.

Keywords: *life experience; personality change; self-development; self-change; possible Selves.*

Современная реальность требует от человека готовности к принятию вызовов изменяющейся реальности, готовности к изменениям, определенных навыков по изменению себя, которые способствуют приспособлению к постоянно меняющимся условиям жизни [1]. Вследствие этого, понятия изменения, самоизменения и саморазвития являются актуальными как для контекста житейской психологии, так и для практических, академических направлений психологической науки [1; 2; 3]. Мы предполагаем, что теоретические объяснения процесса самоизменения могут не совпадать или частично не совпадать с тем, как его вос-

принимают окружающие люди. Именно поэтому в нашем исследовании рассматривается понятие «саморазвитие» - частный случай самоизменения личности - как неотъемлемая часть жизненного опыта личности. Основную теоретическую информацию о понятии «жизненный опыт» мы взяли из работ П. В. Корнева [4] и Н. А. Касавиной [5].

Для решения задач нашего исследования мы предложили следующее рабочее понятие жизненного опыта - рефлекслируемый человеком опыт изменений, произошедших с ним в процессе жизни. Таким образом, мы ограничиваем понимание жизненного опыта, во-первых, опытом, связанным с изменениями человека, во-вторых, рефлекслируемым опытом. В качестве его эмпирического аналога в исследовании использовались показатели изменений, фиксируемых самим человеком по ряду психологических характеристик. Под саморазвитием мы понимаем «качественное, необратимое, направленное изменение личности, осуществляемое под управлением самой личности, единицей которого является управляемый акт перевода «Я» из «Я-настоящего» в «Я-будущее» [5, с. 239]. В качестве вероятных изменений Я мы понимаем предполагаемые изменения Я человеком в его будущем, в дальнейшем в нашей работе это будет обозначаться понятием Возможного Я и его характеристиками.

Основная цель нашего исследования – изучение связи возможных изменений человека с опытом его прошлых изменений. Основная теоретическая гипотеза формулируется следующим образом: рефлекслируемый человеком опыт изменений Я в прошлом связан с предполагаемыми изменениями Я в будущем. Для выявления степени изменений использовались две шкалы из пятифакторного опросника личности: «Самоконтроль-импульсивность», «Эмоциональная устойчивость-нестойчивость». Как представляется, именно эти характеристики – потенциально более изменчивые у человека. Исследование проводилось на базе сервиса для проведения опросов в Интернете «Анкетолог». В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 30–50 лет, в количестве 150 человек, из которых 75 мужчин и 75 женщин. Методы нашего исследования. Для фиксации опыта изменений был выбран пятифакторный опросник личности в адаптации А. Б. Хромова. Использовалась методика диагностики Возможных Я (К. Хукер, 1992), чтобы измерить каков характер и оценка предполагаемых изменений человека в будущем.

Для более детальной проверки гипотез мы выделили несколько групп в нашей выборке по следующим критериям: 1) пол: мужской и женский; 2) характеристика окружения респондентов: окружение, по мнению респондента, поддерживает его в начинаниях, изменениях, выборах или же, наоборот, ограничивает, не способствует этому; 3) место проживания (с точки зрения численности населения): относительно малочисленные (до ста тысяч человек), крупные города (до 1 млн человек) и мегаполисы. Фактор возраста не был нами включен из-за неоднородности выборки по данной характеристике. Основные результаты. В целом по выборке получилось, что: 1) оценка выраженности изменений в самоконтроле и эмоциональной устойчивости имеет взаимосвязи с общей выраженностью позитивного Возможного Я, а также с количеством Возможного Я, упо-

минаемых респондентами; 2) отдельные характеристики оценки изменений в самоконтроле и эмоциональной устойчивости образуют десять взаимосвязей с такими количественными показателями Возможных Я, как способность воплотить желаемое Я, вероятность его воплощения, способность противостоять избегаемому Я и возможность его воплощения. Также образовалось одиннадцать взаимосвязей – с количеством желаемых и избегаемых Возможных Я; 3) эмпирические показатели оценки будущих самоизменений в малой степени зависят от выраженности изменений в самоконтроле, в его отдельной характеристике – аккуратности, а также от оценки выраженности изменений в эмоциональной устойчивости и в ее отдельной характеристике – самокритике.

О гендерных различиях. Критерий Манна-Уитни показал существование статистически значимых различий количества позитивных возможных Я в группах мужчин и женщин (значение критерия равно 1874,500 при $p < 0,001$). Это означает, что у женщин статистически значимо больше позитивных ожиданий от своего Я в будущем. Можно предположить, что женщины более открыты к возможным негативным представлениям о своем будущем Я, тем не менее, наименьшая выраженность показателя частоты мыслей о негативном Возможном Я у женщин делает такое утверждение спорным. В группе мужчин и женщин оценка выраженности изменений в аккуратности и депрессивности влияет в разной степени на различные показатели предполагаемых изменений Я. *О роли непосредственного окружения.*

Критерий Манна-Уитни показал существование статистически значимых различий в вероятности воплощения позитивного Возможного Я в группах с поддерживающим и ограничивающим окружением (значение критерия равно 1525,000 при $p < 0,05$). То есть, у тех респондентов, кого окружение поддерживает по их оценке, статистически значимо больше вероятность воплощения их позитивного возможного Я. Значит, мы осмелимся предположить, что поддерживающее окружение все-таки может влиять на некую уверенность в том, что наши предполагаемые позитивные Я в будущем реализуются. Более того, в группе с поддерживающим и ограничивающим окружением все показатели жизненного опыта изменений определяют разные характеристики Возможных Я, за исключением оценки изменчивости в самоконтроле поведения и предусмотрительности. Анализируя влияние более широкого контекста – фактора города – получилось, что в небольших городах оценка изменений в тревожности влияет на показатели позитивного Я, в крупных – на количество избегаемых Я –Получается, что степень изменчивости в тревожности, рефлекслируемая респондентом в небольших городах, скорее, напрямую влияет на аспекты готовности к положительным самоизменениям, а в крупных городах – на количество вероятных негативных самоизменений в будущем. Наблюдалось различие во влиянии оценки выраженности изменений в аккуратности на показатели желаемого и избегаемого Я в небольших городах и мегаполисах: в небольших городах оценка выраженности изменений в аккуратности определяет степень важности воплощения позитивного Я, в мегаполисах оценка изменений в аккуратности в некоторой степени определяет способность противостоянию избегаемому Я. Чем больше оце-

нивал свои изменения в аккуратности наш респондент из небольшого города, тем больше он придавал важность положительным будущим изменениям; чем большую степень изменений в аккуратности указывал респондент из мегаполиса, тем больше он оценивал способность справиться с дальнейшим неблагоприятным самоизменением.

Полученные нами результаты демонстрируют, что основная гипотеза исследования подтвердилась: рефлекслируемый опыт прошлых изменений прямо связан с предполагаемыми изменениями в будущем, видением своих возможностей (количество возможных Я). Важный вывод заключается во влиянии контекста через те возможности, которые он предоставляет - как непосредственного (поддерживающего или ограничивающего контекста), так и широкого. Данное исследование является поисковым, начальным этапом для подробного изучения того, как жизненный опыт отражается в саморазвитии и самоизменении личности, но уже на данном этапе оно может быть использовано психологами, работающими в сфере консультирования и социальной работы, а также социальными работниками и другими специалистами прикладных областей наук о человеке.

Библиографические ссылки

1. Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 126–138.
2. Щукина М. А. Статус категории саморазвития в современной отечественной психологии (по Материалам V съезда Российского психологического общества) // Российский психологический журнал. 2012. № 1. С. 35-43.
3. Щукина М.А. Психология саморазвития личности. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 348 с.
4. Корнеев П. В. Жизненный опыт личности. М. : Политиздат, 1985. 128 с.
5. Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М. : ИФРАН, 2015. 189 с.

УДК 159.922.762

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА У ДЕТЕЙ

А.А. Давидович

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
hannamajorova@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследовательской работы, направленной на прояснение нейропсихологических механизмов аутистических расстройств у детей. Результаты диагностической работы позволили выделить содержательные блоки, каждый из которых отражает характер функционального дефицита, что поз-

воляет осуществить выход на нейропсихологический фактор, лежащий в основе проблем поведения и коммуникации, демонстрируемыми детьми с расстройствами аутистического спектра.

Ключевые слова: *расстройства аутистического спектра (РАС); функциональный диагноз; нейропсихология.*

NEUROPSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF AUTISM SPECTRUM DISORDERS

A.A. Davidovich

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents the results of the research work about neuropsychological mechanisms of autistic disorders in childhood. The results of the diagnostic work made it possible to identify meaningful blocks, which show the nature of the functional shortage. This kind of work allows to identify the neuropsychological factor which is the basis of the problems of behavior and communication demonstrated by children with autistic spectrum disorders.

Keywords: *autistic spectrum disorders; functional diagnosis; neuropsychology.*

Наблюдая и взаимодействуя с ребенком в ситуации психодиагностического обследования, необходимо четко представлять психоневрологические, психологические, нейропсихологические, педагогические показатели нормативного развития в том или ином возрасте. Знание этих показателей, презентация образа «нормы» в профессиональном сознании специалиста, позволят нам рассматривать актуальный статус ребенка в рамках следующей системы «координат»: мы анализируем, какие функциональные системы у ребенка оказываются в «закрытом», стабильном состоянии, а какие, наоборот, проходят период функциональной перестройки и, наконец, какая приоритетно развивающаяся функция определяет сущность критического периода развития ребенка [1]. В ситуации дифференциально-диагностического обследования ребенка с нарушениями контакта, поведения, детей раннего возраста реализация диагностических процедур по стандартной схеме (работа за столом, выполнение действий по инструкции экспериментатора) крайне затруднительна. Часто специалист вынужден фиксировать в протоколе: «ребенок недоступен контакту», «интеллектуальная недостаточность, неустановленная по степени тяжести» и т.д. Острым становится вопрос о правомерности выводов о нейропсихологической, психологической структуре дефекта в ситуации нереализованных диагностических процедур и, что самое важное, о разработке стратегии эффективной коррекционной помощи для ребенка.

В своей работе, основанной на нейропсихологическом подходе, мы исследуем все те функции, анализ которых заявлен в стандартизированной схеме нейропсихологической диагностики детей дошкольного возраста [3]: кинестетический, кинетический, пространственный праксис, различные виды гнозиса, характер зрительно-моторных и слухо-моторных координаций, оценка управляющих функций, всех характеристик речи и речевой деятельности, слухо-речевая, двигательная, зрительная память. За годы практической работы на базе Центра коррекционно-развивающего обучения и реабилитации Партизанского района г. Минска

нами были разработаны диагностические приемы, позволяющие провести обследование всех заявленных сфер с использованием нестандартного оборудования и форм взаимодействия с ребенком (мячи, лесенки, гимнастические палки, тоннели, канаты, резинки и т.д.). Мы можем себе позволить такое «отклонение» от стандартных, формализованных диагностических процедур, так как перед нами не стоит задача установления дифференцированного диагноза, мы решаем задачу планирования, выстраивания стратегии дальнейшей коррекционной работы с ребенком. Мы хотим прояснить, как уже было указано ранее, функциональный статус ребенка, оценить функциональные возможности нервной системы в реализации двигательных, когнитивных и т. д. задач. И, как показывает опыт дальнейшей коррекционной работы, такой подход, направленный на прогнозирование путей абилитации недостаточностей, а не констатирующий дефициты, является эффективным для развития потенциальных возможностей конкретного взятого ребенка. Отметим, что в случае невозможности выполнения ребенком каких-либо действий самостоятельно, взрослый выполняет эти движения за него, помогая поддерживать нужную позу тела и управляя конечностями (особо отметим, что такого рода взаимодействие возможно лишь при установлении доверительных отношений между специалистом и ребенком, переживании ребенком ситуации взаимодействия как безопасной). При таком «пассивном», с помощью взрослого, выполнении диагностических проб мы оцениваем следующие показатели: понимание инструкции, предъявленной «через движение»; способность к выработке двигательной программы (так называемый «телесный отклик», когда мы чувствуем инициативность, самостоятельность движения от ребенка); способность к удержанию двигательной программы (после нескольких движений, повторов при инициативе взрослого, ребенок самостоятельно некоторое время выполняет требуемое движение); способность к эмоциональному отклику, «заражению» ситуацией двигательной игры, взаимодействия.

На протяжении четырех лет (2014–2018 гг.) нами, на основании анализа медицинской документации, динамического наблюдения за ребенком, подробнейшим динамическим сбором анамнестических сведений от опекунов и реализации описанных выше диагностических процедур, составлялись нейропсихологические профили на каждого обследованного ребенка с РАС (всего 316 детей), родителям предоставлялись нейропсихологические характеристики детей (по запросу). Анализ полученных данных позволил нам сгруппировать проблемные функции в следующие содержательные блоки: 1) нарушение рефлекторных функций: защитных, сердечнососудистой системы, пищеварения, дыхания, слюноотделения, установочных (поддержание позы), синхронные движения глаз, ориентировочных, реакции на свет-звук, сгибательных-разгибательных рефлексов, двигательных программы; 2) нарушение проводниковой и сенсорной функций, реализуемой при участии стволовых структур: нарушение передачи информации от / к периферии к / от центру (связи коры с мозжечком и спинным мозгом, периферической нервной системой); связи между правым и левым полушарием; замедленная и/или искаженная/некачественная обработка информации, поступающей от болевых, тактильных, температурных, мышечно-суставных, вибрационных, вкусовых, зри-

тельных, обонятельных и слуховых рецепторов и путей в центральную нервную систему; 3) нарушение регуляторной функции: нарушение терморегуляции, пищевого поведения, чувства удовольствия/неудовольствия, дисфункция биологических циклов; 4) нарушения в когнитивной сфере: нарушения сенсомоторных координаций, фрагментарность восприятия, дефекты избирательности памяти, задержка и/или специфика речевого развития; 5) трудности выработки и автоматизации различных двигательных программ; 6) нарушения произвольности психической деятельности. Отметим, что отличия от нормативных показателей наблюдались у обследованных детей по всем шести обозначенным группам.

Используя категориальный аппарат нейропсихологии при анализе структуры дефекта у детей с расстройством аутистического спектра, было бы уместным вообще не оперировать нозологическими диагнозами: расстройство аутистического спектра, умственная отсталость, расстройство школьных навыков, моторная алалия и т. д. Объяснительный потенциал нейропсихологического диагноза как раз и заключается в возможности раскрытия сути того, каким образом органический или функциональный дефицит приводит к нарушениям психической деятельности ребенка. В данном случае первостепенное значение имеет не характер нарушений психической деятельности (нарушения контакта, специфика когнитивной сферы, отсутствие/специфика речи, аутостимулирующее поведение), а их механизм, в данном случае, нейропсихологический: каков характер мозговой дисфункции. Недостаточность в функционировании одного и того же отдела центральной нервной системы может лежать в основе большого количества проявлений нарушений психической деятельности ребенка. Множество факторов влияют на то, как тот или иной мозговой дефицит проявится в плане нарушений когнитивного развития, поведенческих особенностей ребенка.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что характер церебральной дисфункции у детей с расстройством аутистического спектра носит все-таки «докорковый» уровень и связан, скорее, с нарушениями функционирования первого функционального блока мозга. Приведенные выше данные о характере дисфункций: нарушения рефлексивной сферы, проводниковой, сенсорной и регуляторных функций, сбой эволютических механизмов поведения, свидетельствуют о ведущей роли стволовых и подкорковых структур в общей картине дизонтогенеза. Тем не менее, следует учитывать, что соотношения структуры и функции, которые имеют место в нормально развивающемся мозге, могут отличаться от тех, что имеют место в мозге, развитие которого нарушено, а значит и поведение, будь то нормальное или же необычное, может отражать работу каких-то других мозговых структур.

Библиографические ссылки

1. Скворцов И.А. Иллюстрированная неврология развития. М. : МЕДпресс-информ, 2014. 352 с.
2. Заваденко Н.Н., Немкова С.А. Нарушения развития и когнитивные дисфункции у детей с заболеваниями нервной системы. М. : МК, 2017. 360 с.
3. Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. СПб. : Питер, 2006. 80 с.

РАЗВИТИЕ «Я-КОНЦЕПЦИИ» ПОДРОСТКА В СФЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

О. О. Егорова

Институт Подготовки кадров Государственной службы занятости Украины
ул. Нововокзальная, 17, 03038, г. Киев, Украина
aventyra@ukr.net

Аннотация. В данной публикации рассмотрено развитие Я-концепции подростка в сфере театрального искусства. Определенно, что театральное искусство позитивно влияет на развитие Я-концепции. Сделаны выводы, что подросток уверенно проявляет себя, свои способности под влиянием сценического искусства.

Ключевые слова: *подросток; индивидуальность; Я-концепция; самооценка; адаптация; рефлексия; интеллектуальная сфера; саморегуляция; эмпатия; театральное искусство; сценическое искусство.*

DEVELOPMENT OF «SELF-CONCEPT» OF A TEENAGER IN THE FIELD OF THEATER ART

O.O. Egorova

Training Institute of the State Employment Service of Ukraine
Novovokzalnaya str., 17, 03038, Kiev, Ukraine

Annotation. This publication explores the development of the self-concept of a teenager in the field of theatrical art. It is definitely that theatrical art has a positive effect on the development of the self-concept. It was concluded that the teenager confidently shows himself, his abilities under the influence of the performing arts.

Keywords: *teenager; individuality; self-concept; self-esteem; adaptation; reflection; intellectual sphere; self-regulation; empathy; theater art; stage art.*

Подростковый возраст – это период от 10 до 14 лет, который вносит большой вклад в психическое развитие его индивидуальности. Во время этого этапа подросток приобретает многое из того, что остается с ним надолго, формируя его, как личность и его интеллектуальное развитие. Переход к подростковому возрасту характеризуется фундаментальными изменениями, которые воздействуют на личностное развитие ребёнка. Меняется физиология организма, отношения, интеллект, способности, познавательная сфера.

Я-концепция – важный структурный элемент психологического облика личности, состоящий в общении и деятельности, идеальная представленность индивида о себе. «Я-концепция» возникает в обстоятельствах обмена деятельностью между людьми, в ходе которого субъект «смотрится как в зеркало другого человека» и так отлаживает, уточняет и корректирует образы своего «Я» [1, с. 797].

В подростковом возрасте активно формируется система устойчивого представления о самом себе. Эти представления включают два основных компонента: 1) чем я похож на других людей и в чем состоит общность между мной и окружа-

ющими? 2) в чем моя уникальность и неповторимость, какие различия между мной и окружающими? В подростковом возрасте ребенок начинает осознавать свою особенность и неповторимость. У подростков активно устанавливается самосознание, возникает собственная система критерий самооценивания и самоотношения. Следовательно, формируется своя Я-концепция, которая определяет социальную адаптацию личности подростка. Необходимо обозначить, что Я-концепция является не статичным, а динамичным психологическим процессом. В большинстве определений установки подчёркиваются три главных её элемента, её три психологические составляющие: «образ Я» (представление индивида о самом себе); «самооценка» (аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут вызвать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением); потенциальная поведенческая реакция, то есть те конкретные действия, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой [2, с. 32].

Актуальность театрального искусства в системе средств художественно-эстетического воспитания возрастает в связи с обострением проблем воспитания целостной личности, поскольку театр является выражением комплексного художественного взгляда на окружающий мир [3, с. 87]. Театральное искусство – это совокупность действий, пластики актера, цвета, света, музыки, сценического слова. Разнообразие театрального искусства определяет ресурсы его разностороннего воздействия на подростков. Сценическое искусство больше имеет эмоционального воздействия на личность подростка, чем другие виды искусств. Является зрителем или исполняя роль, подросток входит с героями спектакля в эмоциональный контакт. Это сопереживание задевает чувственную и интеллектуальную сферу ребенка. Проводя параллель между собой и героем, и уподобления своих действий с его действиями, меняют взгляды на похожие обстоятельства в жизни.

Подростки в большей мере, чем младшие школьники, нуждаются в жанровом разнообразии репертуара. Это отвечает психологии возраста и поэтому является важной воспитательной задачей, стоящей перед учителем школы, детским театром [4]. Занятия в сфере театрального образования, создают эффективные условия для самовыражения и для творческой активности подростка, что формирует позитивную «Я-концепцию». И подросток, как актер, развивает в себе личностную зрелость, волевые качества, творческую интуицию, рефлекссию. Сформированная позитивная «Я-концепция», указывает на готовность к самоизменению, быть более устойчивым к стрессам, развивать способность к саморегуляции и самоанализу, эмпатии и гибкости эмоционального «Я». Подростки уверенно выражают свое социальное «Я». Они раскованны, уверены в себе. «Театр – высшая инстанция для решения жизненных вопросов», – писал А. И. Герцен, объясняя это особенностями самой природы данного искусства [5, с. 141].

Театральное искусство влияет на формирование «Я-концепции» подростка. Психологические и базовые театральные тренинги, сценическое движение, сценический язык, актерское искусство допускают определить сильные и слабые стороны личности подростка, развить воображение, научить действовать осознанно, спонтанно. Помогают концентрироваться на реализации всевозможных жизнен-

ных функций, тренируют моторную память, повышают решимость, делают подростка более уверенным в себе.

В дальнейшей перспективе планируется диагностика Я – концепции подростков, для чего будут использованы: тест определения уровня самоактуализации личности для изучения творческого потенциала, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы, уровень психического здоровья и нравственности; методика диагностики самооценки «Кто я»; многоуровневый личностный опросник (МЛО-АМ) «Адаптивность» для изучения адаптивных способностей, нервно-психической устойчивости, коммуникативных особенностей, моральной нормативности; тест М. Куна, Т. Макпартленда для изучения содержательных характеристик идентичности личности, которая напрямую связана с характеристиками восприятия человеком самого себя, то есть с его образом «Я» или Я-концепцией; методика определения самооценки (Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн). Диагностика даст возможность для изучения рефлексивной части личности подростка, взаимосвязи познавательной активности, креативности, систему представлений индивида о самом себе, которые определяют характеристику «Я-концепции» подростков. Результаты будут использованы для обучения и воспитания, и развития активной, творческой, инициативной личности, способной к самосовершенствованию.

Библиографические ссылки

- 1 Немов Р. С. Детский словарь психологии. М. : Речь, 2006. 303 с.
2. Беспалов О. И. Теоретические аспекты развития музыкальноимпровизационных способностей подростков // Вестн. Тверского государственного ун-та. 2009. № 5. С. 131–144
3. Материали XXI Международной конференции молодых ученых / за ред. Данилюка И. В, Пащенко С. Ю. Київ : Логос, 2019. 229 с.
4. Воловик А. Ф., Воловик В. А. Педагогика досуга. М. : Проспект, 2008. 240 с.
5. Кайл Р. Детская психология: Тайны психики ребенка. СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.

УДК 159.92

ОТНОШЕНИЕ К ФИЛЬМАМ УЖАСОВ У ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Н. Ю. Клышевич, У. И. Мельник

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
klishevich_n@mail.ru, entavria-vindo@ya.ru

Аннотация. Проведенное исследование позволило выявить отношение к фильмам ужасов у подростков с различными личностными особенностями. Подростки, предпочитающие фильмы ужасов, отличаются эмоциональной стабильно-

стью, доминантностью, экспрессивностью, смелостью (в том числе – социальной), независимостью, спокойствием, нонконформизмом и более высоким самоконтролем.

Ключевые слова: *фильм ужасов; подростки; личностные особенности; отношение.*

ATTITUDE TO HORROR MOVIES IN ADOLESCENTS WITH DIFFERENT PERSONAL CHARACTERISTICS

N. Y. Klyshevich, U. I. Melnik

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The study allowed us to identify the attitude to horror films in adolescents in various personal characteristics. Teenagers who prefer horror films are distinguished by emotional stability, dominance, expressiveness, courage (including social), independence, tranquility, non-conformism, and higher self-control.

Keywords: *horror film; teenagers; personality trait; attitude.*

Фильм ужасов можно рассмотреть как особый психологический феномен, в котором с помощью художественных приёмов достигается специальное эмоциональное состояние, характеризующееся тем, что сначала зритель испытывает эмоции страха, а после этого следует переживание, близкое к катарсису. Его отличает легко узнаваемый комплекс драматургических, стилистических и технических приёмов, с помощью которых осуществляется эффективное манипулирование психологией восприятия, использование мифов массового сознания. Хоррор – это жанр литературы и кино, цель которого напугать зрителя, заставить его испытать чувство тревоги и страха, создать напряжённую атмосферу ужаса или мучительного ожидания ужасного, вызывая эффект называемый «саспенсом» (от англ. *suspense* – неопределённость, тревожное ожидание) [1; 2]. Причина возникновения интереса к фильмам ужасов кроется не только в самих фильмах ужасах, но и в зрителях. Исследования, изучающие особенности личности зрителей, предпочитающих фильмы ужасов, немногочисленны (И. М. Кыштымова, Т. В. Чернянская, D. Johnston, B. Michael). В связи с этим одной из задач нашего исследования было выявление отношения подростков с различными личностными особенностями к просмотру фильмам ужасов. Диагностика личностных особенностей респондентов осуществлялась с помощью 16-факторного личностного опросника Кеттелла. Для определения отношения к фильмам ужасов использовалась авторская анкета. Она включает вопросы, которые нацелены на то, чтобы узнать: нравятся ли подростку фильмы ужасов, как часто он смотрит фильмы ужасов, что является причиной просмотра фильмов ужасов [3; 4; 5].

Эмпирические данные подвергались статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v.16. Были использованы частотный анализ и U-критерий Манна-Уитни. Выборку исследования составили ученики 9–11 классов в количестве 100 человек. Возраст респондентов – от 15 до 18 лет. Средний возраст – 16 лет. Критерием для разделения выборки исследования на две группы были ответы респондентов на первый вопрос анкеты «Смотрите ли Вы фильмы ужасов?» Все респонденты группы А (общее число – 63 человека) положительно

ответили на вопрос. В группу Б были включены 37 респондентов. Их варианты ответов на вопрос были следующие: «редко» (59,5%) и «нет» (40,5%).

Представляют интерес различия в личностных особенностях у подростков двух групп, обнаруженных нами по тесту Кеттелла. Наиболее сильные различия нами зафиксированы по факторам В, С, Е, F, Н, I, М, О, Q1, Q2 и Q3. У подростков группы А наблюдаются большая оперативность мышления, эмоциональная стабильность, доминантность, экспрессивность, смелость, независимость, спокойствие, развитое воображение, склонность к экспериментированию, неконформизм и более высокий самоконтроль. У респондентов группы Б доминирующими являются иные личностные особенности. К ним, согласно данным тестирования, мы отнесли более выраженную ригидность мышления, эмоциональную нестабильность, низкую толерантность к фрустрации, подчинённость, сдержанность, робость, чувствительность, практичность, тревожность, консерватизм, конформизм и более низкий самоконтроль. Для выявления различий личностных особенностей подростков двух групп использовался U-критерий Манна-Уитни. Согласно полученным данным, различия по факторам С, F, Н, О, Q1, Q2 значимы при $p \leq 0,01$, различия по факторам В, Е, I, М, Q3 – при $p \leq 0,05$.

Дальнейший анализ эмпирических данных будет вестись по группам с целью выявления специфических особенностей отношения подростков с различными особенностями личности к фильмам жанра хоррор. Подростки группы А (49,2 %) чаще всего оценивают своё отношение к фильмам ужасов на «6» и «7» (по 10-балльной шкале), в то время как в группе Б наиболее частыми ответами являются «1», «2» и «3» (81% респондентов). Примечательно то, что в группе любителей фильмов ужасов наиболее частными являются не самые высокие показатели, а близкие к среднему. Лишь совсем немного подростков (6,4%) оценили свою любовь к фильмам ужасов на «9» и «10». Это может говорить о том, что в группе А находятся скорее те, кто относится к фильмам ужасов как к обычному художественному жанру, не являясь его яркими приверженцами. Наиболее частыми эмоциями при просмотре фильмов ужасов в группе А являются «интерес» и «страх» (72%), тогда как в группе Б – «страх», «отвращение» и «презрение» (79%). Как видим, эмоция страха является общей для обеих групп. Однако в группе А она сопряжена с интересом, а в группе Б – с отвращением и презрением. Опираясь на идею К. Изарда об эмоциях как первичной основе мотивации человека, можно заключить, что именно благодаря эмоции интереса у индивида появляется желание исследовать объект интереса, испытать новые переживания от взаимодействия с ним. Мы предполагаем, что в сочетании с эмоцией страха, интерес будет мотивировать зрителя к просмотру фильмов ужасов. В то время как страх в сочетании с отвращением, напротив, становится причиной отказа от просмотра фильмов изучаемого нами жанра. Интересно, что наименее характерной эмоцией при просмотре фильмов ужасов у подростков группы А является «отвращение» (1,6%), а у подростков группы Б – «горе» (2,7%). В то же время среди респондентов группы А эмоции горя и гнева не встречаются вообще. В группе Б в эту категорию попала эмоция удовольствия.

Ответы участников исследования иллюстрируют периодичность просмотра

фильмов ужасов. В группе А большинство респондентов (63,5%) смотрят фильмы ужасов более одного раза в месяц, тогда как в группе Б – менее одного раза в год (67,6%). Вероятно, это объясняется тем, что подростки группы А подростки положительно относятся к данной категории фильмов, тогда как участники исследования из группы Б предпочитают не смотреть фильмы ужасов. Ответы участников исследования на вопросы анкеты позволяют выделить причины просмотра фильмов ужасов. В группе А наиболее частыми ответами были «чтобы испытать сильные эмоции» (23,8%), «по совету друзей» (20,6%), «нравится жанр, атмосфера фильма» (12,7%). В группе Б – «за компанию» (27%) и «по совету друзей» (16,2%). Причем 37,8% подростков этой группы вообще затруднились ответить на заданный вопрос. Вероятно, подобные ответы связаны с более высоким уровнем смелости, выявленным с помощью 16-факторного личностного опросника Кеттелла, у подростков группы А в сравнении с респондентами группы Б. Но у респондентов группы Б отмечается более высокий уровень конформности, что позволяет нам объяснить доминирование у них вышеперечисленных вариантов ответа.

Подростки группы А предпочитают фильмы ужасов с хорошим сюжетом. В группе Б большинству респондентов фильмы ужасов не нравятся, однако некоторые предпочитают фильмы про мистику, магию либо с психологические. Подобный выбор можно объяснить тем, что обычно данные фильмы нацелены не только на то, чтобы напугать зрителя, но и на то, чтобы рассказать ему историю, как можно более глубоко раскрыть особенности характеров персонажей, проявляющиеся в необычных для них условиях. Именно это может привлекать респондентов группы Б.

Интересными представляются данные о предпочитаемых героях фильмов ужасов. Респондентам группы А больше всего нравятся умные, сильные, мужественные, харизматичные и находчивые герои (53,9%). Такой результат можно объяснить тем, что при просмотре фильмов обычно выбирается персонаж, на которого хотелось бы быть похожим либо обладающий сходством черт со зрителем. Именно это вызывает симпатию к персонажу. Данное предположение подтверждается результатами 16-факторного опросника Кеттелла, согласно которому, для респондентов группы А характерны более высокая оперативность мышления и смелость. Большинство респондентов в группе Б не дали ответа на данный вопрос (51,4%). Наиболее предпочитаемой характеристикой героя фильма в этой группе был ум (16,2%). Обращает на себя внимание тот факт, что подростки группы Б не считают для себя привлекательными такие особенности героев, как сила, мужество, харизма. Это объясняет, почему предпочитаемыми моментами в фильмах ужасов для респондентов группы А являются динамические: развитие действий, сражение, погоня и развязка (46,1%). Подростки группы Б (хотя и в меньшем количестве) также отдают предпочтение развязке, которую предпочитают видеть в сочетании со счастливым окончанием фильма (19,1%). В этой группе почти половина участников исследования (46,9%) не смогли ответить на вопрос анкеты.

«Сражение, погоню» и «развязку» можно назвать наиболее яркими моментами фильма. Именно эти моменты могут быть причиной интереса к фильму и, как следствие, мотивацией для их просмотра. В группе Б выбор «развязки» может

быть также объяснён эмоцией интереса, служащей мотивацией для просмотра фильмов изучаемого нами жанра. «Счастливым концом» служит источником приятных эмоций, которые можно противопоставить страху и отвращению, испытываемым респондентами данной группы в течение просмотра фильма. Финальные «хорошие новости» фильма могут служить мотивацией для того, чтобы «пережить» основную его часть.

Показательными являются данные, отражающие доминирующее психическое состояние подростков после просмотра фильмов ужасов. Большинство респондентов группы А чувствуют себя спокойно (58,7%). подростки группы Б, напротив, чаще всего испытывают тревогу (40,5%). Полученные результаты можно объяснить тем, что респонденты группы А смотрят фильмы ужасов чаще чем респонденты группы Б, а, значит, данные фильмы уже не будут являться для них особо пугающими. Также эти ответы можно связать с более высокими уровнями смелости и спокойствия, выявленными с помощью 16-факторного личностного опросника Кеттелла, у подростков группы А в сравнении с респондентами группы Б.

Особенности отношения подростков двух групп к просмотру фильмов ужасов нашли отражение в оценках их влияния на психику зрителей. Основная часть подростков группы А считает, что фильмы ужасов не оказывают влияния на психику человека (58,7%). В то же время в группе Б большая часть респондентов считает, что влияние просмотра данных фильмов на психику есть (62,2%). возможно, полученные результаты можно объяснить наличием, согласно опроснику Кеттелла, более высокого уровня тревожности у подростков группы Б в сравнении с респондентами группы А.

Таким образом, изучение отношения подростков к просмотру фильмов ужасов позволило выявить следующие особенности. Подростки группы. предпочитающие фильмы ужасов, во время их просмотра чаще всего испытывают эмоции страха и интереса. Респондентам данной группы больше всего нравятся умные, сильные и мужественные герои, а любимыми моментами в фильмах ужасов для них являются «сражение, погоня» и «развязка». Большинство респондентов чувствуют себя спокойно после просмотра фильмов ужасов. Подростки группы Б негативно относятся к фильмам ужасов. Наиболее частными эмоциями при просмотре фильмов ужасов в группе Б являются страх, презрение и отвращение. Чаще всего они смотрят фильмы ужасов за компанию. Предпочитаемыми моментами в фильме для респондентов группы Б являются развязка и счастливое окончание. После просмотра фильмов этого жанра большинство респондентов группы Б испытывают тревогу.

Библиографические ссылки

1. Кыштымова И.М. Эстетическая обусловленность особенностей психологического влияния телекоммуникационного семиозиса на подростков // Сибир. пед. журн. 2007. № 3. С. 257–270.
2. Суханова Е.А. Типология и характерные черты хоррор-дискурса // Вестн. Оренбургского государственного университета. 2016. Т. 189, № 1. С. 64–70.
3. Чернянская Т.В. Психологические особенности интереса молодежи к

фильмам ужасов и мистики: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. Тамбов, 2003. 20 с.

4. Johnston D. Adolescents' Motivations for Viewing Graphic Horror // International Communication Association. 1995. Vol. 21, № 4. P. 522–552.

5. Michael B. Does anyone really like horror movies? Personality and automatic affective reactions to frightening films. Ontario : The University of Western Ontario, 2011. 180 p.

УДК 159.9.316.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

А. Б. Коваленко, И. М. Леонова

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 60, 01033, Киев, Украина
abk2015@ukr.net, inoskazanie@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме детско-родительских отношений, поиску отличий в типах и способах родительского отношения в зависимости от того, где обучается подросток – в школе-интернат или общеобразовательной школе. Выявлены общие черты в противоречивом воспитании: в обеих группах присутствует гиперпротекция – доминирующая и потворствующая, которая делает стиль воспитания неустойчивым и сочетается с тотальным контролем. Показано, что существуют значимые отличия в родительском воспитании: у родителей подростков школы-интернат процесс воспитания нарушается через повышенную моральную ответственность и авторитаризм, а у родителей подростков из общеобразовательной школы через симбиотически-авторитарный стиль воспитания. Эмоциональный фактор родительского отношения в группе родителей подростков школы-интернат - принятие и отвержение, а в группе родителей подростков из общеобразовательной школы - только принятие.

Ключевые слова: *родительское отношение; подростки; школа-интернат; общеобразовательная школа; стиль воспитания.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF CHILDREN-PARENT RELATIONS CHARACTERISTIC FOR PUPILS OF BOARDING AND GENERAL SECONDARY SCHOOLS

A. B. Kovalenko, I. M. Leonova

Taras Shevchenko National University of Kyiv
Volodymyrska str., 60, 01033, Kyiv, Ukraine

Annotation. The article analyzes parent-child relations and examines differences in the types and methods of parents' relations, depending on whether their adolescents are studying in boarding or general secondary schools. There are common features characteristic for controversial relations: the both groups are characterized by hyper-protection - dom-

inant or indulgent, so the upbringing style is unstable and combined with total control. There are also significant differences in parents' attitudes: upbringing applied by parents of adolescents at boarding schools has such negative traits as too high moral responsibility and authoritarianism, but parents of adolescents attending general secondary schools use the symbiotic-authoritarian style. As for the emotional factor of parental attitudes, parents with adolescents at boarding schools show either acceptance or rejection, but parents of adolescents attending general secondary schools show only adoption.

Keywords: *parental attitude; adolescents; boarding school; general secondary school; upbringing style.*

Семейные отношения как одна из наиболее значимых сфер в функционировании общества всегда были в центре внимания исследователей, которые определяли семью как социальную структуру, которая является важнейшим институтом социализации личности ребенка, именно в ней он получает первый опыт социального взаимодействия. Воспитательная функция семьи, которая представляет собой единство трех основных компонентов – отношение к ребенку, представление о нем и способ влияния (контроль, поощрение, наказание и т. д.), является главной и отражается на формировании личностных качеств детей-подростков. В работах Г. Бевз, А. Бодалева, Л. Божович, Л. Виготского, И. Гоян, А. Спиваковской, З. Кисарчук, М. Лисиной, В. Мухиной, Э. Эйдемиллера, Д. Эльконина и др. убедительно представлена зависимость психического развития и формирования личности ребенка от родительского отношения к нему, от стратегий и стиля семейной коммуникации. Неспособность семьи выполнять воспитательную функцию приводит к серьезным нарушениям в процессе социализации подростков к формированию разных психологических проблем и комплексов.

Большое количество работ посвящено проблемам психологического развития учащегося школы-интерната и живущего в неблагополучной семье (М. Буянов, Я. Гошовский, Н. Владимирова, М. Кондратьев, В. Москаленко, А. Прихожан, Л. Регуш, Х. Спаньярд, Н. Толстих). Поэтому целью исследования является сравнительный анализ детско-родительских отношений подростков, обучающихся в школе-интернат и общеобразовательной школе.

В исследовании приняли участие подростки (6-8 класс) школы-интернат № 23 для детей малообеспеченных и других льготных категорий населения г. Киева (125 человек) и подростки общеобразовательной средней школы № 140 г. Киева (123 человека), а также их родители, выборка которых составила 45 человек родителей подростков школы-интернат и 40 человек родителей подростков из общеобразовательной школы. Для исследования особенностей родительского отношения к подросткам использовались: опросник «Анализ семейных отношений» Э. Эйдемиллера, В. Юстицкиса, опросник для родителей «Типы воспитания детей», методика изучения родительских установок и методика диагностики родительского отношения к ребенку А. Варга, В. Столина. При обработке данных для определения значимости отличий между средними значениями показателей родителей подростков двух групп использовался t-критерию Стьюдента. После обработки проводился сравни-

тельный анализ данных детско-родительских отношений подростков школы-интернат и общеобразовательной школы.

При анализе данных, полученных с помощью опросника Г. Варги и В Столина, рассчитывались средние значения полученных показателей двухфакторной модели родительского отношения: эмоциональный (принятие-непринятие) и поведенческий (автономия-контроль) факторы. Данные свидетельствуют об отсутствии значимых различий между показателями родительского отношения к подросткам двух групп. И только по шкале «симбиоз» имеются различия: у родителей подростков из школы-интернат она находится в пределах нормы, а у родителей подростков из общеобразовательной школы – на высоком уровне, что указывает на персонификацию родительской позиции ($p \leq 0,01$). В обеих группах родителей эмоциональным фактором является принятие подростка, поведенческим фактором – контроль, но у родителей подростков из школы-интернат – это фактор отвержение. Также обе группы характеризуются наличием противоречивых моментов в воспитании: у родителей подростков из школы-интернат выявлен принимающе-авторитарный тип, при котором преобладает принятие подростка с требованиями социальных успехов и достижений при тотальном контроле в этих сферах, а у родителей подростков из общеобразовательной школы преобладает симбиотически-авторитарный тип родительского отношения, сочетающий гиперпротекцию и тотальный контроль, блокируя удовлетворение подростковой потребности в психосоциальной идентификации. Другими словами, родители подростков из общеобразовательной школы более склонны к симбиотическим отношениям с подростками – персонификации, считая их маленькими и стараясь продлить заботу о них, контролируя их поведение, лишая какой-либо самостоятельности и автономности по сравнению с родителями подростков из школы-интернат, которые сконцентрированы преимущественно на контроле поведения подростка, требуя от него безоговорочного послушания, тем самым также подавляют самостоятельность и автономность подростка.

Результаты методики «Типы воспитания детей» показали наличие значимых отличий между группами родителей. Анализ данных дает возможность констатировать наличие значимых отличий по t-критерию Стьюдента между средними значениями показателей: «кумир семьи», «противоречивое воспитание» ($p \leq 0,01$) и «культ болезни», «кронпринц» ($p \leq 0,05$): в группе родителей подростков из общеобразовательной школы данные значения показателей выше, чем у группы родителей подростков школы-интернат. Среднее значение показателя «золушка» у родителей подростков школы-интернат значительно выше, чем у родителей подростков из общеобразовательной школы ($p \leq 0,01$). Кроме того, следует учесть, что среднее значение показателя «повышенная моральная ответственность» в обеих группах родителей имеет самое высокое значение, хотя в группе родителей подростков школы-интернат он выше, чем у родителей подростков из общеобразовательной школы. Среднее значение показателя «гиперопека» также оказался в обеих группах на высоком уровне, но выше у родителей подростков из общеобразовательной школы.

Таким образом, родители обеих групп склонны к противоречивому воспитанию: у родителей подростков из школы-интернат выявлен тип воспитания – повышенная моральная ответственность с элементами гиперопеки (доминирующей гиперпротекции), а у родителей подростков из общеобразовательной школы – гиперпротекция (доминирующая и потворствующая) соединяется с повышенной моральной ответственностью. Таким образом, родители подростков школы-интернат более ориентированы на рациональный аспект воспитания со сверхожиданиями, высокими требованиями и «пресс-контролем». Родители подростков из общеобразовательной школы больше сконцентрированы на своем ребенке, ставя его в центр внимания, но из-за неустойчивой воспитательной позиции им присуща необоснованная резкая смена стилей воспитания, переход от строго либерального со сверхожиданиями и пресс-контролем к потворствующему и навязчивому вниманию, удовлетворяя все потребности подростка. Важно также отметить, что обе группы родителей подавляют самостоятельность и автономность подростков.

На следующем этапе выявлены значимые отличия между средними значениями показателей способов родительского воспитания с помощью опросника «Анализ семейных отношений» Э. Эйдемиллера и В. Юстицкиса. Результаты свидетельствуют о том, что средние значения показателя шкалы «гиперпротекция» в обеих группах родителей находятся на высоком уровне, что указывает на предметное отношение родителей к подростку. В группе родителей подростков школы-интернат выше среднего уровня занимает показатель «чрезмерность требований-обязанностей», а в группе родителей подростков из общеобразовательной школы значение выше среднего уровня занимает показатель «чрезмерность санкций». Средние значения показателей «склонность к минимальным санкциям» и «чрезмерность требований запретов» в группе родителей подростков из общеобразовательной школы находятся на уровне выше нормы, тогда как показатели родителей подростка из школы-интернат соответствуют нормативным показателям, ($p \leq 0,01$). Значения показателя «игнорирование потребностей ребенка» у родителей подростков школы-интернат находится в пределах нормы, но значительно выше, чем значение этого показателя у родителей подростков из общеобразовательной школы, у которых он имеет низкий уровень ($p \leq 0,05$).

Результаты свидетельствуют о том, что в основе нарушения процесса воспитания у родителей подростков школы-интернат лежат: «гиперпротекция» и «чрезмерность требований», а у родителей подростков из общеобразовательной школы – доминирующая «гиперпротекция» и «потворствование».

Анализ причин нарушения процесса воспитания дает возможность констатировать наличие значимых отличий между средними значениями показателей «вынесения конфликта между супругами в сферу воспитания» и «предпочтение женских качеств», которые в группе родителей подростков школы-интернат имеют значение выше среднего уровня, по сравнению с показателями родителей подростков из общеобразовательной школы, у которых они находятся на низком уровне ($p \leq 0,01$). Также выявлены статистически значи-

мые отличия по показателю «предпочтение в подростковом возрасте детских качеств», который в обеих группах родителей находится на низком уровне, хотя в группе родителей подростков школы-интернат этот показатель выше, чем у родителей подростков из общеобразовательной школы ($p \leq 0,01$). Средние значения показателя «воспитательная неуверенность родителя» у родителей подростков из общеобразовательной школы выражены на уровне выше среднего, что значительно выше, чем у родителей подростков школы-интернат, у которых он находится в пределах нормы ($p \leq 0,01$). Выявлено значимое отличие по показателю «предпочтение мужских качеств» между группами родителей ($p \leq 0,05$): у родителей подростков из общеобразовательной школы он значительно выше, чем у родителей подростков школы-интернат. Среднее значение показателя «расширение сферы родительских чувств» имеет значение выше среднего уровня в группе родителей подростков школы-интернат.

Результаты свидетельствуют о том, что к личностным проблемам родителей подростков школы-интернат, которые они решают за счет ребенка, относятся, прежде всего нарушение супружеских отношений, их конфликтность на почве противоположных взглядов на вопросы воспитания (соединение потворствующей гиперпротекции с отвержением или с доминирующей гиперпротекцией), также желание удовлетворить хотя бы часть потребностей во взаимной привязанности, которые должны удовлетворяться в отношениях супругов. Отношение родителей к подростку обуславливается не индивидуальными особенностями ребенка, а чертами, которые касаются ожиданий родителей от ребенка, обусловленных его половой принадлежностью. К личностным проблемам родителей подростков общеобразовательной школы относятся их воспитательная неуверенность, которая способствует потворствующей гиперпротекции, проецируя на подростка свои ранее не удовлетворенные потребности.

В процессе исследования выявлено, что: 1) существуют значимые отличия в родительском воспитании: у родителей подростков школы-интернат процесс воспитания нарушается через повышенную моральную ответственность и авторитаризм, а у родителей подростков из общеобразовательной школы через симбиотически-авторитарный стиль воспитания; 2) в обеих группах родителей преобладает неустойчивый противоречивый стиль воспитания: гиперпротекция (доминирующая и потворствующая) сочетается с тотальным контролем; 3) эмоциональный фактор родительского отношения имеет различие: в группе родителей подростков школы-интернат, эмоциональный фактор принятие и отвержение, а в группе родителей подростков из общеобразовательной школы только принятие; 4) выявлено, что в обеих группах родителей поведенческий фактор – контроль и предметное начало. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением роли матери в формировании личности подростка, обучающегося в школе-интернате.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ГЕНЕЗЕ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

А. А. Колмаков

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
alkolmakov@mail.ru

Аннотация. Суицидальное поведение молодых людей представляет собой серьезную проблему общественного здоровья во многих странах мира. В настоящее время уровень суицидальной активности среди несовершеннолетних в Республике Беларусь сохраняется на достаточно высоком уровне. В связи с этим проблема выявления значимых в прогностическом и профилактическом значении факторов продолжает оставаться актуальным. Проблема переживания одиночества в этиологии суицида изучается давно. В современной интерперсональной теории самоубийства Т. Джойнера одиночество представлено как один из ведущих, детерминирующих суицид, факторов. В суицидологии одиночество чаще рассматривается как негативное переживание или состояние, связанное с фрустрированной потребностью во взаимопонимании и дефицитом близких эмоциональных связей со значимыми людьми. Исследования, проводимые в Республике Беларусь среди молодых людей, подтвердили ключевую роль переживания одиночества в детерминации суицидальных тенденций. Таким образом, чувство (переживание) одиночества можно относить к ведущим психологическим и социально-психологическим факторам, провоцирующим суицидальные мысли и намерения у молодых людей.

Ключевые слова: *дезадаптация; конфликт; кризис; несовершеннолетние; одиночество; переживание одиночества; подростки и юноши; суицид; социальная изоляция; суицидальное поведение; суицидальный риск; суицидальная попытка; суицидальная тенденция; парасуицид; молодые люди; фрустрированная потребность*

THE EXPERIENCE OF LONELINESS IN THE GENESIS OF SUICIDAL RISK IN YOUNG PEOPLE

A. A. Kolmakov

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Suicidal behaviour of young people is a serious public health problem in many countries of the world. Currently, the level of suicidal activity among minors in the Republic of Belarus remains at a fairly high level. In this regard, the problem of identifying significant prognostic and preventive factors continues to be relevant. The problem of experiencing loneliness in the etiology of suicide has long been studied. In the modern interpersonal theory of T. Joyner's suicide, loneliness is presented as one of the leading factors determining suicide. In suicidology, loneliness is more often seen as a negative experience or condition associated with a frustrated need for mutual understanding and a lack of close emotional connections with significant people. Studies conducted in the Republic of Belarus among young people have confirmed the key role of experiencing loneliness in determining suicidal tendencies. Thus, the feeling (experience) of loneliness can be at-

tributed to the leading psychological and socio-psychological factors that provoke suicidal thoughts and intentions in young people.

Keywords: *Maladaptation; conflict; crisis; minors; loneliness; experiencing loneliness; adolescents and young men; suicide; social isolation; suicidal behavior; suicidal risk; suicide attempt; suicidal tendency; parasuicide; young people; frustrated need/*

По оценке ВОЗ за последние десятилетия количество самоубийств среди молодежи в мире выросло в 3 раза. Среди причин смертности молодых людей в возрасте 15-29 лет самоубийство занимает второе-третье место. Согласно зарубежным исследованиям, ежегодно каждый двенадцатый подросток в возрасте 15-19 лет пытается совершить попытку самоубийства. В настоящее время суицидальное поведение, особенно молодых людей подростково-юношеского возраста, представляет собой серьезную проблему общественного здоровья во многих странах мира. На протяжении последних лет Республика Беларусь входит в первую десятку стран с высокой суицидальной активностью молодежи. Так, количество завершенных суицидов среди несовершеннолетних сохраняется стабильно высоким: 2015 г. – 18 случаев; 2016 г. – 29 случаев; 2017 г. – 18 случаев; 2018 г. – 28 случаев. Наблюдается тенденция к увеличению количества попыток суицида. Среди зарегистрированных парасуицидов несовершеннолетних: 2016 г. – 244 случая; 2017 г. – 298 случаев; 2018 г. – 347 случаев. Печальная статистика показывает, что проблема суицидального поведения молодежи, несмотря на предпринимаемые в государстве усилия, требует более пристального внимания и целенаправленных мер. Это, в частности, подчеркивается в Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы», предусматривающей исследования по выявлению причин и факторов риска суицидального поведения [1].

Научные исследования суицидального поведения, как противоестественного для всего живого, а, соответственно, определение его таинственных причин, насчитывает более двух столетий. Сразу следует отметить, что примерная причинная обусловленность этого явления эмпирически давно обнаружена, но не доказана в силу мультифакторности и полиэтиологичности, методологических канон и этических принципов, а самое главное, что суицид – это акт индивидуально-личностный. В свою очередь, непрерывно изменяющиеся условия социальной жизни постоянно превносят новое в картину ведущих причин саморазрушающего поведения молодых людей. В связи с этим поиск значимых в прогностическом и профилактическом значении факторов до сих пор продолжается.

Начиная с XIX в. исследования суицидального поведения проводились в рамках многих научных дисциплин, направлений и подходов (философия, медицина, социология, антропология, психология и др.), по-разному объясняющих сущность и детерминацию суицидального поведения. Было создано достаточно большое количество теорий, концепций и моделей, отражающих факторную основу и динамику формирования суицидальной тенденции. К ним можно отнести: социокультурную модель Э. Дюркгейма; психоаналитические концепции З. Фрейда, К. Меннингера, К. Хорни и др.; мотивационную модель Э. Шнейдмана; модель социально-психологической дезадаптации А. Г. Амбрумовой; био-психо-

социальную модель Д. Вассерман и др. В развитии научных представлений о суициде отчетливо наблюдается две тенденции: во-первых, интеграция результатов и выводов классических исследований, и, во-вторых, большинством исследователей признается ведущее значение факторов и механизмов, традиционно изучаемых психологической наукой.

В настоящее время в западной психологии широко рассматриваются три современных подхода, ориентированных на подростковый суицид: модель развития суицидального поведения у подростков (Д. Бридж, Т. Голдштейн, Д. Брент); когнитивные аспекты суицидального поведения (А. Спирито, Д. Мэттьюс, Э. Венцель, А.Т. Бек); интерперсональная теория самоубийства Т. Джойнера. Т. Джойнер предлагает рассматривать три ведущих фактора, обуславливающих риск совершения суицидальных действий: переживание одиночества («фрустрированная принадлежность», «социальное отчуждение» или «социальная изоляция»), переживание обременительности своего существования для других людей («воспринимаемое бремя») и снижение страха смерти («приобретенные способности») [2, с. 63–64]. Автор утверждает и доказывает, что при наличии и высокой выраженности этих трех факторов в личности человека вероятность суицидальных действий многократно усиливается. Особое место в теории отводится переживанию одиночества. Т. Джойнер отмечает, что в соответствии с результатами томографических исследований при получении психологического болевого стимула чувства социальной изоляции у испытуемых в передней поясной коре головного мозга активизируются те же центры и связи, как и при получении физического болевого стимула. Комментируя эти результаты, он отмечает, что эволюционные процессы «рекрутировали» центры, ответственные за физическую боль, чтобы так же, как и физическая боль предупреждать человека о чем-то потенциально опасном, а именно, о социальном отчуждении, которое для человека подобно смерти. Эта потребность в принадлежности является психологически фундаментальной, а в формировании суицидальной тенденции – ключевой [3, с. 118].

Понятие «одиночество» в психологии применяется в следующих коннотациях: одиночество как социальная изоляция, одиночество как негативное переживание социальной изоляции, одиночество как добровольное уединение с целью глубокого постижения своего «Я». В суицидологии одиночество чаще рассматривается как негативное переживание (или эмоциональное состояние), связанное с фрустрированной потребностью во взаимопонимании и близких эмоциональных связях со значимыми людьми. Среди наиболее распространенных мотивов, объясняющих попытки самоубийства у подростков и юношей, современные отечественные и зарубежные психологи отмечают: переживание одиночества, отчужденности, обиды, невозможность быть понятым. Психологическую категорию «одиночество» исследователи давно рассматривают как детерминанту суицидального поведения, т. к. это переживание часто встречается в описании депрессивной симптоматики, которая, в свою очередь, является самым мощным предиктором суицида. Для психически нормальных лиц депрессивные состояния трактуются не в клиническом, а в психологическом понимании: ощущение невыносимости ситуации, душевной боли, тоски, одиночества, ненужности, безвыходности и безна-

дежности. По этому поводу Д. Майерс писал: «Если депрессия среди психологических расстройств – обычная простуда, то одиночество – головная боль» [4, с. 209–210]. Целый ряд авторов отмечают сильную корреляционную связь одиночества с депрессией, а также характеризует одиночество как катастрофу для психики человека, крик о помощи [5, с. 69].

Многие исследователи суицида определяют переживание одиночества как основной психологический фактор, провоцирующий и усиливающий высокий риск суицидального поведения особенно у молодых людей. Так, например, результаты наших исследований (2010 – 2011 г. г.) показали, что одиночество относится к разряду факторов, обладающих самым высоким прогностическим значением в отношении суицидального риска. Формы переживания одиночества разнообразны: неутоленная потребность в любви, ревность в ситуации покинутости, жажда уважения, признания, понимания и т. д. Э. Шпрангер отмечал: «Ни в каком возрасте человек не нуждается так в понимании, как в годы юности». Так, например, наши исследования показали, что 95,1 % молодых людей, совершивших попытку суицида, испытывали потребность в близких людях и, в то же время, у 56 % парасуицидентов при этом не было друзей, а у 72 % отсутствовали друзья (подруги) противоположного пола, 97,6 % часто испытывали желание побыть в одиночестве, 87,8 % из них не стремились поддерживать хорошие взаимоотношения со своими родителями и родственниками из-за отсутствия близости и взаимопонимания. Около 94% молодых людей со средним и выше среднего уровнем суицидального риска отмечали, что остро нуждаются в окружающих людях, но при этом, они не всегда могли полагаться на помощь окружающих в решении возникающих жизненных проблем. Это служит яркой иллюстрацией особенностей личности суицидента или потенциального суицидента. В данном случае у большинства таких молодых людей очевидными являются неудовлетворенность социальным окружением, фрустрированность потребности во взаимоотношениях с другими людьми и отсутствие способности их устанавливать и поддерживать. Этим, на наш взгляд, обусловлена острота переживания одиночества у данных молодых людей [6, с. 165].

Суицидальные тенденции у несовершеннолетних формируются под влиянием множества различных неблагоприятных факторов. Многие ранее проведенные исследования также показали, что к наиболее очевидным пусковым механизмам относят психическую травматизацию, вызванную стрессогенными событиями (ситуациями). Проводимые ранее в Республике Беларусь исследования показали, что из числа подростков, получавших специализированную помощь по поводу острого кризисного состояния, вызванного психической травматизацией, треть (33,6 %) испытывали чувство одиночества, а 5 % их родителей отметили, что реакцией детей были попытки суицида. Психологические кризисы при остром переживании неблагополучия часто актуализируют аутодеструктивные тенденции, связанные с негативным образом «Я», переживанием одиночества и пессимистическим взглядом на будущее. Одиночество является также одним из проявлений переживания кризиса идентичности. Оно может выражаться в широком диапазоне – от смутного ощущения своей оторванности от людей до полного поглощения

экзистенциальным отчуждением. Чувство одиночества связано с самой природой тех переживаний, которые составляют содержание поиска своего «Я». Высокая интрапсихическая активность вызывает потребность все чаще и чаще уходить от повседневности в мир внутренних переживаний. Значимость отношений с другими людьми может угасать, и человек может чувствовать нарушение связи с привычными для него идентификациями. Суицидоопасные переживания одиночества могут быть результатом ущербности либо дисфункцией системы социальных связей. Чем контрастнее расхождение между ценностями и правилами, принятыми в социальной группе, и индивидуальными ценностями, установками и стилем поведения молодого человека, тем больше опасность конфликтных взаимодействий, дезадаптирующих личность. Дезорганизация социальных связей на фоне социально-психологической дезадаптации ведет к переживанию одиночества и отверженности. Причинами переживания одиночества могут быть жизненные ситуации и личностные особенности (например, Г. Галлер, главный герой романа Г. Гессе «Степной волк»). У людей с низкими адаптационными возможностями эти переживания углубляют состояние дезадаптации, усиливая риск выхода в суицид.

Проводимый в 2012 г. на основе опроса несовершеннолетних парасуицидентов анализ причин суицидального поведения показал, что на первом месте стоят неблагоприятные отношения в семье и конфликтные отношения с родственниками (51,6 %). Вторым по значимости причинным фактором парасуицидального поведения является конфликт со сверстниками (21,5 %). Третью позицию (около 22 %) заняли парасуициденты с комплексом проблем: «несчастливая любовь», изоляция в кругу сверстников, страх перед будущим, одиночество и т.п. [6, с. 164] Но уже недавнее исследование, проведенное в 2018 г., показало, что те опрошенные, у кого один и более раз возникали мысли о том, чтобы покончить с собой (941 чел.) к причинам возникновения у них суицидальных мыслей отнесли: чувство одиночества – 49,24 % (454 чел.); конфликты с родителями/родственниками – 43,38 % (400 чел.); отсутствие смысла жизни – 36,33% (335 чел.); несчастная любовь – 29,93 % (276 чел.); неприятности с учебой – 26,36 % (243 чел.); конфликты со сверстниками – 18,87 % (174 чел.) и др. Была установлена статистически значимая взаимосвязь между суицидальными мыслями и перечисленными факторами.

Таким образом, чувство (переживание) одиночества, подкрепляемое конфликтными отношениями со значимым социальным окружением, социально-психологической дезадаптацией и отсутствием жизненных смыслов в настоящее время можно относить к ведущим психологическим и социально-психологическим факторам, провоцирующим суицидальные мысли и намерения у молодых людей.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016-2020 годы». Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600200>. Дата доступа: 30.03.2016,

2. Павлова Т.С., Банников Г.С. Современные теории суицидального поведения подростков и молодёжи // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 4. С. 59–67.
3. Joiner T. Why people die by suicide. Cambridge ; London : Harvard University Press, 2007. 276 p.
4. Майерс Д. Социальная психология. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
5. Амбрумова А. Г. Психология одиночества и суицид // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1981. Т. 92. С. 69–80.
6. Профилактика юношеского суицида / Г. А. Бутрим, А. А. Колмаков [и др.]. Минск: Пачатковая школа, 2013. 400 с.

УДК 159.99

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛЮДЯМ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

М. В. Кравцова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
marina.v.kravtsova@gmail.com

Аннотация. Автор предлагает анализ концептуальных основ, определяющих основные задачи социально-психологической помощи людям с особенностями психофизического развития. В тезисах рассматривается современная парадигма работы, которая базируется на двух основных международных документах, а именно: Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов и Международная классификация функционирования, нарушения жизнедеятельности и здоровья.

Ключевые слова: *парадигма; Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов; лица с особенностями психофизического развития; социально-психологическая реабилитация.*

MODERN PARADIGM SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE PEOPLE WITH DISABILITIES

M. V. Kravtsova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The author of article submits conceptual basis that determine main tasks in helping of people with disabilities. There is modern paradigm considered in the article, that based on the main two documents: Convention on the Rights of Persons with Disabilities (WHO) and International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF).

Keywords: *paradigm; United Nations Convention on the rights of persons with disabilities; persons with special needs; social and psychological rehabilitation.*

Подписание и ратификация Республикой Беларусь Конвенции Организации

Объединенных Наций о правах инвалидов, являясь важным международным и государственным актом, предполагает не только совершенствование нормативной правовой базы и приведение национального законодательства в соответствие с положениями Конвенции, но и кардинальное изменение парадигмы социально-психологического сопровождения людей с особенностями психофизического развития [1]. Еще недавно достаточной считалась задача реализации принципа нормализации в работе социальных работников, педагогов, психологов, который предполагал «нормализацию» условий жизни лиц с особенностями психофизического развития, повышение качества жизни данной категории в целом ряде аспектов. Однако Конвенция Организации Объединенных Наций, ориентированная на защиту и обеспечение полного осуществления инвалидами на равной основе всех прав человека, определяет более сложные задачи инклюзии, требующие реорганизации, как системы специального образования, так и социальной защиты, с ориентацией, прежде всего, на создание равных условий среды, обеспечение самостоятельного независимого образа жизни, полного включения человека с ограниченными возможностями здоровья в жизнь общества [2; 3].

Парадигма инклюзии, единственная в достаточной мере соответствующая требованиям Конвенции, принципиально отличается от привычной и прочно занявшей место в образовательной и социальной практике работы парадигмы интеграции. Парадигма интеграции при построении плана реабилитации или организации процессов обучения и воспитания грамотно учитывает взаимодействие двух плоскостей развития: физического и психического, не исключает имеющейся проблемы нарушения развития, собственно дефекта, но содействует положительной динамике всех уровней развития ребенка или взрослого. При этом приоритет отдается психологическим, педагогическим и социальным мероприятиям. Усиливает парадигму интеграции ориентация на междисциплинарный подход, когда в решении проблем участвуют представители разных научно-практических сфер и задействованы средства и возможности различных отраслей наук. Реабилитационная работа, построенная в рамках междисциплинарного подхода, позволяет устанавливать связи и зависимости между явлениями разного типа, в частности, между физиологическим, психическим и социальным развитием личности, что делает реабилитационный процесс наиболее эффективным. Однако, ключевая недостаточность парадигмы интеграции заключается в слабой выраженности социального ориентирования детей и взрослых с ограниченными возможностями здоровья. Современная же парадигма обучения и развития связана как раз с максимальным усилением их социальных перспектив.

Парадигма инклюзии представляет собой следующий шаг и принципиально отличается от парадигмы интеграции, прежде всего своей социальной направленностью. Уже недостаточным является ориентация реабилитационного процесса только лишь на восстановление утраченных функций и развитие. В контексте Конвенции Организации Объединенных Наций особое значение приобретает определение социальных перспектив лиц с ограниченными возможностями. За развитием должно идти участие в социальной жизни, реализация сформированного потенциала физической, когнитивной, эмоциональной, личностной сфер. Та-

кую профессиональную позицию стоит рассматривать, как более конструктивную. Она ориентирована на поддержку активности человека с особенностями психофизического развития в отношении своей собственной жизни, учит грамотно использовать свои ресурсы и активизировать собственный потенциал, способствует развитию и функционированию при максимальном раскрытии своих возможностей. Одновременно с этим, ребенок и взрослый с ограниченными возможностями обучается пониманию особенностей протекания своего заболевания и, таким образом, индивид выходит на более самостоятельный уровень функционирования. Центром внимания Конвенции становятся жизненно важные сферы, а именно: образование, труд, проживание. Они отражены в статьях Конвенции [2]. Для того, чтобы каждая из этих сфер могла быть реализована, должен быть завершен процесс деинституализации и продумана система ассистирования на рабочем месте, в школе, при независимом сопровождаемом проживании. В данном случае, в задачи специалистов входит не создание комфортной, но обособленной от остального социума среды, а обеспечение и поддержание жизнедеятельности человека в его привычной, повседневной обстановке, которая контролируется самим индивидом.

Социоцентрическая парадигма характеризуется иным пониманием «нарушения», «дефекта». Нарушение сегодня недостаточно рассматривать только лишь как утрату физической или психической субстанции, ухудшение способностей индивида. Современные концепции реабилитации в рамках парадигмы инклюзии опираются на предложенную Всемирной Организацией Здравоохранения классификацию органических и функциональных нарушений (Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья), которая, кроме привычного анализа структур и функций организма, личностных факторов, предлагает к анализу факторы окружающей среды, так как именно они могут играть ограничивающую в инклюзивном процессе роль в большей степени, нежели индивидуальные параметры состояния организма и личности индивида. Речь идет о факторах, определяющих физическую и социальную обстановку человека. Не менее важный параметр, выделенный в Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, – собственно деятельность и активность индивида. Этот параметр обозначает принципиально иной взгляд на организацию жизни людей с особенностями психофизического развития. Если при нозоцентрической парадигме индивид выступает как объект социальной и психолого-педагогической помощи, то при социоцентрической парадигме является активным субъектом собственной жизни и субъектом процесса реабилитации. В этом случае реабилитационный процесс – не цель, а средство достижения главной цели, инклюзии, и максимально полного участия человека ограниченными возможностями здоровья в общественной жизни. Более того, при работе с детьми и взрослыми с особенностями психофизического развития акцент смещается собственно с целей восстановления утраченных функций на планирование активной деятельности, которая позволит и ребенку, и взрослому полноправно участвовать в жизни общества. Это также предполагает личное участие человека с ограниченными возможностями в принятии решений в отношении его собственной жизни, в том числе в выборе видов и интенсивности оказываемой

ему помощи. Нетипичным для нашей системы оказания помощи должно стать то, что специалисты не принимают решения за и вместо человека с особенностями психофизического развития, а делают его непосредственным участником в планировании реабилитационного процесса. Учитывают мнение человека при принятии тех или иных решений в отношении реабилитации. Человек сам определяет, как должна выглядеть помощь, в которой он нуждается. И помощь ограничивается только этими теми услугами. Таким образом, специалист избегает излишнего вмешательства в жизнь индивида. Формулировка целей реабилитации и развития, выбор средств их достижения также предполагает их совместное обсуждение с человеком с особенностями развития, совместную разработку плана реализации.

Появление новой парадигмы социально-психологического сопровождения, ориентированной на инклюзию, значительно расширяет горизонты для людей с особенностями психофизического развития. Однако сложность может заключаться в необходимости кардинальных изменений в установках специалистов и формах работы.

Библиографические ссылки проверить порядок

1. Конвенция о правах инвалидов: принята на шестьдесят первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией № 61/106 от 13 декабря 2006 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. Дата доступа: 1.06.2019

2. Грауманн З. Конвенция ООН о правах инвалидов. Об облике человека и защите его прав // Социальная реабилитация взрослых с ограничениями. Минск : РИПК Минтруда и соцзащиты, 2011. С. 20–25.

3. Шварте Н. Основополагающие направления и принципы социальной реабилитации // Социальная реабилитация взрослых с ограничениями. Минск : РИПК Минтруда и соцзащиты, 2011. С.39–72.

4. Международная классификация функционирования, нарушения жизнедеятельности и здоровья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apps.who.int/classifications/icfbrowser/Default.aspx>. Дата доступа: 12.05.2019

УДК 159.9

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНО-КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ К. ЯСПЕРСА

И. А. Красильников

Полтавский областной институт последипломного педагогического образования им. М. В. Остроградского
ул. Соборности, 64, 36014, Полтава, Украина
margadon.igor@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые взгляды известного мыслителя-философа К. Ясперса на проблему жизненных противоречий и существования человека.

Была сделана попытка концептуального переосмысления некоторых его идей и положений в контексте экзистенциальной психологии. Указывается, что понимание психологических детерминант, которые влияют на разрешение экзистенциальных конфликтно-критических ситуаций, представляет важнейшую теоретико-методологическую проблему современной психологии субъекта. Подчеркивается, что исследование критических ситуаций, обозначенные К. Ясперсом как «пограничные ситуации», можно анализировать в терминах экзистенциальной конфликтности и экзистенциального риска. Представлена идея, что духовная борьба за разрешение внутренней конфликтности в критических ситуациях связана с экзистенциальным риском как способом обретения чувства внутренней и внешней свободы.

Ключевые слова: *К. Ясперс; критические ситуации; духовная борьба, субъект; экзистенциальная конфликтность; экзистенциальный риск*

TO THE PROBLEM OF RESOLUTION OF CONFLICT-CRITICAL SITUATIONS IN EXISTENTIAL PSYCHOLOGY OF K. JASPERS

I. A. Krasilnikov

Poltava Regional Institute of Postgraduate Education named M. V. Ostorgradsky
Reunion str., 64, 36014, Poltava, Ukraine

Annotation. The article discusses some of the views of the famous thinker-philosopher K. Jaspers on the problem of life contradictions and the existence of man. An attempt was made to conceptual rethinking of some of his ideas and provisions in the context of existential psychology. It is indicated that the understanding of psychological determinants that influence the resolution of existential conflict-critical situations is the most important theoretical and methodological problem of the modern psychology of the subject. It is emphasized that the study of critical situations, designated by K. Jaspers as «boundary situations», can be analyzed in concepts of existential proneness to conflict and existential risk. The idea is presented that the spiritual struggle for the resolution of internal conflict in critical situations is connected with existential risk as a way to gain a sense of internal and external freedom.

Keywords: *K. Jaspers; critical situations; spiritual struggle; subject; existential proneness to conflict; existential risk*

Социокультурные процессы, происходящие в современном мире, ввиду широкой глобализацией, являются высоко динамичными, непредсказуемыми, что приводит к социально-психологической дезадаптации, конфликтному жизненному пути, значительным эмоциональным перегрузкам, личностным дезориентациям в плане конструирования и построения своего будущего. Человек сталкивается с сложными критическими ситуациями, которые он зачастую не в состоянии преодолеть. В силу сложных психологических вызовов современного мира каждый человек может оказаться в конфликтно-критической ситуации, ситуации ценностно-смыслового выбора. В настоящее время существуют различные подходы к исследованию психологических детерминант разрешения трудных, конфликтно-кризисных ситуаций [1; 2]. Однако, применение имеющихся теоретических моделей на практике не всегда являются удовлетворительными. В связи с этим, для психологической науки, на наш взгляд, является актуальной проблема теоретического исследования

субъектных механизмов, которые участвуют в разрешении и преодолении конфликтно-кризисных ситуаций с позиций экзистенциальной психологии [3].

В работах К. Ясперса, одного из основоположников экзистенциальной психологии, рассматривается особый класс таких ситуаций, который получил название «пограничные ситуации». Сложность теоретического анализа взглядов данного мыслителя на указанную проблему заключается также в том, что его идеи представлены в форме философского дискурса, как неявного знания, и для нас стало важным раскрыть их психологический смысл. Мы полагаем, что продуктивно рассматривать любые трудные ситуации, привлекая понятие «внутренняя конфликтность», а применительно к пограничным, критическим говорить об экзистенциальной конфликтности.

Психология жизнедеятельности человека, представленная в работах К. Ясперса, опирается на понимание того, что существование человека неизбежно сопряжено с экзистенциальной внутренней конфликтностью, как результат угрозы основным жизненным ценностям и смыслам. В связи с этим, основной экзистенциальный вызов перед человеком рассматривается мыслителем, как вызов духовного, а значит и физического выживания. Индивидуальные ценности и смыслы составляют ядро экзистенциального существования человека. В процессе жизнедеятельности, стремлению к ценностям, под влиянием различного рода авторитарных социальных систем, запретов, сопротивлений, человек может попасть в пограничную (критическую) ситуацию, которая характеризуется К. Ясперсом субъект-объектным разделением. Экзистенциальная внутренняя конфликтность в критических ситуациях усиливается, когда индивидуальные ценности нивелируются человеком и неосознанно принимаются, без должного анализа ценности общества. В этом случае может возникнуть повреждение сознания человека, что проявляется в потере доверия к себе, своим возможностям, способности активно воздействовать на сложившуюся ситуацию, утрачивается целостное смысловое понимание своей жизни [4; 5]. Исходя из этого, К. Ясперс предлагает способ разрешения внутренней конфликтности не просто через индивидуальное переживание, а как деятельность в настоящей конкретной системе жизненных отношений, жизненном движении в зоне срединной раздвоенности субъект-объекта [6]. По К. Ясперсу только ответственность и инициатива позволяют овладеть и управлять судьбой, преодолевая страх и беспомощность в пограничной ситуации. Он акцентирует на таком способе действия преодоления, как экзистенциальный риск. Этим понятием он указывает на важность борьбы за сущность своей жизни, на человека с наивысшей жизненностью. Борьба – есть основная форма любой духовной мотивации человека. Духовность активизируется именно в пограничных ситуациях и связана со стремлением обрести чувство свободы. Риск как самопожертвование своим существованием представляет вершину саморазвития человеком. Однако, далеко не каждый человек готов к экзистенциальному риску в силу слабости духовного «Я», сильное же «Я» дает уверенность в своем счастье.

По мнению К. Ясперса, важно не путать силу духовного «Я» с ригидной

целеустремленностью: жизненные процессы должны существовать без воли, а должны быть основаны на понимании поиска путей к свободе в экзистенциальной ситуации. Обретение свободы достигается не просто независимостью, самоизоляцией, бегством от угрожающего мира, а поиском стратегии необходимых связей с миром. Соглашаясь с взглядами С. Кьеркегора, К. Ясперс полагает, что борьба за свое существование в пограничных ситуациях связана с выбором между двумя мотивационными тенденциями – экзистенциальным самораскрытием и самозамыканием (самосвязыванием). Без экзистенциальной борьбы человек не может избежать кризиса и опасности, необходимо внутренне рискнуть своей жизнью, чтобы обрести более высокую проницательность [7]. По мнению мыслителя, экзистенциальная борьба, как основное обстоятельство жизни предполагает процесс, связанный с риском понимания пограничной ситуации. Однако, это понимание может включать ложные, утопические представления, что ведет к саморазрушению, своими действиями человек начинает выступать не только против других, но и уже против самого себя, своих жизненных интересов. Человеку необходимо быть осторожным в принятии так называемых «мировоззренческих оболочек», которые стимулируют уклониться от страданий в пограничных ситуациях, а значит и от ответственности, от жизненного роста.

Душевный мир человека существует не отстраненно, не изолированно, а является конкретным, реальным переживанием. Бездействие, как отрицание своей экзистенции, самости, в ситуациях острого внутреннего конфликта неизбежно приведет к «слому» психической деятельности, а значит, уничтожению собственного существования. При этом К. Ясперс замечает, что экзистенциальная борьба позволяет субъекту расширить эмпирический образ мира, раскрыть внешние запреты-необходимости мира, а значит приобрести способность управлять своими аффектами [8]. Мыслитель также обращает внимание на то, что экзистенциальная борьба как способ разрешения ценностных конфликтов, не может приводить к саморазрушению. Однако, он обращает внимание, что в массе, «человек толпы» обретает свойства демонической личности: стремится к абсолютным, всеобщим целям, снижается критичность, чувство «Я», что в конечном счете приводит к нигилизму, а значит утраты смысла жизни. На наш взгляд, в работах К. Ясперса можно обнаружить еще много философских идей, которые следует концептуально переосмыслить, и которые могут представлять значительный ценностный потенциал для психологической науки. Но уже сейчас можно сделать следующие выводы. Пограничная ситуация связывается К. Ясперсом с расколом в системе субъект-объектных (субъект-субъектных) отношений, т. е. критическая ситуация приводит к экзистенциальной внутренней конфликтности, который разворачивается по смысловой динамической оси «самораскрытие – самоизоляция». Значительная роль в его разрешении отводится особому типу психологической активности – экзистенциальному риску. Этот тип мотивации, связан с глубокими структурами индивидуальности и относится К. Ясперсом к сфере духовного «Я». По его мнению, экзистенциально-духовный риск – это в первую

очередь риск понять свое «Я» в конфликтно-критической ситуации с точки зрения социальных запретов и угроз. Экзистенциальный риск, открывая путь к обретению чувства свободы, основан на глубоком доверии к своему «Я» и представляет духовную борьбу без насилия за свое существование, борьбу за понимание страданий в контексте конфликтно-критической ситуации.

Библиографические ссылки

1. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М. : МГППУ, Смысл, 2003. 240 с.
2. Максименко С. Д. Екзистенціальні підстави драми людського життя // Психологія і особистість. 2016. Т.10, № 2. С. 11–20.
3. Красильников И. А. Конфликтный жизненный мир человека как проблема субъектности в экзистенциализме К. Ясперса // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 3-й Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 84–85
4. Сидоренко И. Н. Карл Ясперс. Мн. : Книжный Дом, 2008. 224 с.
5. Ясперс К. Общая психопатология. М. : Практика, 1997. 1056 с
6. Ясперс К. Духовная ситуация времени. М. : АСТ, 2013. 285 с.
7. Ясперс К. Психологія світоглядів. Київ : Юніверс, 2009. 464 с.
8. Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон РООИ «Реабилитация», 2014. 336 с.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

О. Г. Ксенда

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
olgaksionda@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты изучения мотивации и организации обучения современных студентов. Представлены основные и дополнительные факторы мотивации учения. Описываются авторские способы организации обучения с помощью цифровых технологий и активных методов.

Ключевые слова: *студенты; мотивация; обучение.*

FEATURES OF MOTIVATION OF TRAINING OF MODERN STUDENTS

Ksionda O.

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents the results of studying the motivation and organization of training of modern students. The main and additional factors of learning motivation are presented. The author describes the ways of organizing education with the help of

digital technologies and active methods.

Keywords: *students; motivation; learning.*

Одной из задач педагогической психологии как прикладной науки является поиск методов, средств и способов передачи опыта новым поколениям с наибольшей эффективностью и оптимальными затратами. При этом важным является не только информационное наполнение, но и практическая подготовка к будущей жизни и профессии. Современный мир, сделав технический рывок в области информационных технологий, поставил образование в особые условия, сделав доступной любую информацию в любое время. Это привело к утрате у обучающихся авторитета эксклюзивности знаний (все, что может рассказать педагог, можно узнать в Интернете), смещению акцентов с содержания обучения на способы подачи информации (обучение стало восприниматься эффективным, если оно проходит интересно). Ученые отмечают, что расширение информационных возможностей дает множество позитивных эффектов для саморазвития и самообучения. Вместе с тем, оборотной стороной становится повальное увлечение учащихся всех возрастов поиском информации в Интернете без ее проверки и анализа, что делает возможным распространение феномена генерализации (неверного усвоения научных понятий) [1; 2]. Современное молодое поколение отличается некоторыми психологическими характеристиками, которые требуют переосмысления процесса обучения: инфантилизм, стремление к легкой и беззаботной жизни, реалистичность жизненных планов, преобладание материальных ценностей над духовными, ориентация на материальное благополучие, отсутствие определенных и четких жизненных стратегий [3].

Имеется множество публикаций как научного, так и практического плана, раскрывающих методы и способы повышения учебной мотивации учащихся и студентов. В основном в них раскрывается содержание работы в этом направлении педагогов и преподавателей образовательных учреждений разного статуса [4; 5]. Однако не стоит думать, что вся ответственность по усилению мотивации обучения лежит только на педагогах. Интересные размышления по этому поводу представляет чешский преподаватель Й. Догнал [6]. Он пишет: «Мотивация — это внутренний процесс, основанный на сугубо личных мотивах, т.е. импульсах, побуждающих человека прикладывать усилия и приближающих носителя мотивов к достижению определенных целей или удовлетворению потребностей его собственными силами, его энергией, по его же воле. Так, мотивация, имея внутреннее, отчасти психологические причины, не может быть внедрена извне, снаружи, другим человеком.

Мы можем говорить о том, что ответственность за мотивацию лежит полностью на самом человеке (иногда это называется «внутренняя мотивация» или «самотивация»). Другие — в том числе и преподаватели — могут лишь стимулировать — то есть называть, вызывать, поддерживать, развивать извне те импульсы, которые индуцируют мотивацию (в некоторых источниках это называется «внешней мотивацией»). Значит, соединение, взаимодополнение мотивации и стимуляции — это желаемая предпосылка действительно эффективного процесса обучения, из чего следует, что за эффективность процесса обучения отвечают обе стороны —

и преподаватели, и студенты... Однако забывается, что учитель (как внешний фактор) может учащегося лишь стимулировать, но не мотивировать, ведь путь от стимуляции к мотивации, к побуждению внутренних мотивов студентов не прямой и короткий, ведь мотивация - это внутренний личностный процесс». Таким образом, автор разводит зоны ответственности преподавателя и студента.

Пытаясь найти наиболее оптимальные способы преподавания более пяти лет мы изучаем мотивацию и отношение к учебной деятельности студентов, обучающихся по разным специальностям в Белорусском государственном университете, используя методы беседы и эссе, темы которого варьируются в зависимости от содержания дисциплин, однако главными рэперами остаются мотивация и процесс обучения. Другой план исследования – непосредственно организация обучения – отражается в следующих темах для эссе: «Что бы я изменил в процессе обучения в вузе», «Идеальны обучением было бы такое...». За время исследования было проанализировано 234 эссе студентов разных курсов и специальностей. Проводился содержательный анализ употребляемых в эссе категорий. В качестве методов математической статистики использовались частотный анализ и определение статистических различий (коэффициент Манна-Уитни).

Анализ студенческих эссе за несколько лет показал общность позиций учащихся относительно их мотивации и процесса обучения. Частота встречаемости основных категорий – характеристик процесса обучения, повышающих мотивацию студентов, со временем не изменяется (статистические различия незначимы). Основные характеристики процесса обучения, повышающие учебную мотивацию, расположены в процессе убывания значимости: интересно, занятно, увлекательно (98–100%); практически ориентировано, с возможностью применения знаний не только в профессиональной деятельности, но и в реальной жизни (87–86 %); доступно, ясно, понятно, с примерами из жизни (76 – 77%); наглядно, с использованием технических средств и электронных ресурсов (75–74%); современно, с учетом последних веяний и достижений науки и практики (65–71%).

Эти данные согласуются с выводами Г. И. Скорохода [5], который отмечает важность таких параметров как интересное и доступное преподавание и применение знаний на практике. Причем отметим, что слово «интересно» встречается практически во всех студенческих эссе. Авторы поясняют, что «интересное и увлекательное преподавание даже не очень нужного или интересного предмета делает его очень привлекательным», «нужно преподносить предмет так, чтобы было настолько интересно, чтобы не было даже мысли не ходить на эту пару».

Применение инноваций, которые обеспечивают опять-таки внедрение интересных методов и способов обучения является одним из весомых внешних условий обеспечения успешности обучения студентов вуза [4]. На практическую направленность получаемых знаний учащиеся нацелены изначально. Они всегда разными словами выражают общую позицию «Дайте больше практики», причем это касается не только ориентированности знаний, но и непосредственной деятельности студента. Об этом пишут и другие исследователи [7]. Высокие позиции категории «наглядно, с использованием технических средств и электронных ресурсов» объясняются особенностями клипового мышления и приоритета восприя-

тия у современной молодежи. «Самым страшным для меня является монотонное чтение лекции с листочков. Просто убийство... засыпаешь на ходу», – написано в одном из эссе. О том, насколько важны для учащихся электронные средства, можно судить по повальному использованию мобильных устройств. Там хранят информацию («Это так удобно, когда все в телефоне или планшете. Не думаешь, что надо взять и где хранить, и всегда, что нужно – под рукой»), там же ее и ищут («здорово, когда дают задание прямо на паре найти что-то в Интернете. И отвлечешься, и задание выполняешь»). Существует ряд исследований, в которых также показана важная роль электронных образовательных ресурсов [8; 9]. Самой распространенной версией наглядности становятся электронные презентации по дисциплинам. Их отмечают большинство респондентов. К наглядным мотиваторам студенты также относят просмотры видео (72% встречаемости). Вместе с тем в последние годы усиливаются другие тенденции, связанные с взаимодействием и отношениями преподавателя и студентов. Эти категории употребляются все чаще и статистические различия между их встречаемостью в разные годы значимы на 5% уровне. Индивидуальный подход и учет возможностей становится все более актуальным для работающих студентов. Они уже не располагают необходимым временем. С другой стороны, платное образование открыло двери в высшую школу для тех, кто не имеет достаточного уровня подготовки. Им тяжело учиться, и такие студенты пишут: «мне трудно даются всякие выступления, я бы их отменил», «не все могут столько запомнить и выучить, особенно сразу, на экзамен». Появилась по каким-то особым причинам позиция «уважительное отношение к студентам». Видимо, это связано с тем, что сегодняшние студенты отличаются и слабой мотивацией, и невысоким уровнем знаний, и некоторым снобизмом с повышенными запросами, что вызывает неприязнь и негодование преподавателей, выливается в нелюбезные высказывания в адрес студентов.

Отметим, что категории «Возможность выбора формата изучения дисциплины», «Дать возможность показать себя в любом виде заданий» могут быть связаны с тем, что сегодня педагоги все же учитывают потребности студентов и предлагают им разные возможности по изучению дисциплин. Часто эти категории упоминаются наряду с позицией «творчество» (47% встречаемости). Студенты отмечают: «меня мотивируют разные творческие задания и проекты», «чтоб давали индивидуальные творческие задания. Чтоб только у меня такое было, и больше ни у кого», «здорово, когда есть простор для фантазии. Ты придумываешь сам, как выполнить задание, это же свобода. И ответственность: как выполнил, так и получил». Интересным является значительный рост внимания к личности преподавателя. Студенты пишут и про харизму, и про «быть примером», и про «важность личности», соотнося интерес к предмету с интересом к преподавателю. Вот выдержки, в которых отражена эта распространенная мысль: «... может мотивировать сама личность преподавателя, его профессионализм, желание поделиться знаниями, заинтересованность в своем предмете. Преподаватель без «огня в глазах» – это самое страшное для меня, сразу пропадает желание что-либо учить...»; «... преподаватель... представляет собой личность, что способна сделать из любой пары очень интересную вещь». Часто студентами упоминается «получение отмет-

ки за экзамен «автоматом» (33%), однако это не так много, как мы ожидали увидеть. Более того учащиеся предлагают «ужесточить требования», «больше и чаще проверять знания», «устраивать неожиданные опросы», «неожиданные контрольные в течение всего семестра», «спрашивать на каждой новой лекции материал по предыдущим» и тому подобное. Мы бы отметили одно эссе, которое начиналось словами «Мне всегда казалось, что мотивация к учебе – это личностная ответственность каждого студента». Похожие мысли встречаются еще в нескольких работах. Это свидетельствует о достаточно высоких запросах на получение качественных знаний.

По мере изучения мнений студентов мы вносим коррективы в образовательный процесс и получаем отзывы о разных способах работы на лекциях и семинарах. В качестве основной опорной информационной системы лекций используем презентации на мобильных телефонах. На практических занятиях применяем ролевые, деловые и имитационные игры для практического освоения знаний. Наше исследование демонстрирует, что для мотивации обучения современных студентов преподавателю важно не только идти в ногу со временем, но и делать упор на активность обучающегося, а не смиренно соглашаться с тем, что «цифровому поколению» ничего не нужно.

Библиографические ссылки

1. Бакаева И.А. Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований самостоятельной познавательной деятельности учащихся // Психология обучения. 2015. № 8. С. 22–36.
2. Марков Д. О. Социально-психологические аспекты мотивации учебно-профессиональной деятельности на разных этапах и уровнях обучения // Психолого-педагогические исследования. 2016. Т. 8, № 4. С. 50–61.
3. Утенков А.В. Психолого-педагогические условия коррекции инфантилизма студентов педагогических вузов: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. М., 2014. 242 с.
4. Караханян К.Г. Психолого-педагогическая модель обеспечения успешности обучения студентов вуза : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Самара, 2017. 304 с.
5. Скорород Г. И. Факторы, влияющие на мотивацию студентов к обучению// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/59946838-Factory-vliyayushchie-na-motivaciyu-studentov-k-obucheniyyu.html>. Дата доступа 14.05.2019
6. Догнал Й. Мотивация университетских студентов (эссе, основанное на опыте обучения иностранным языкам) // Метеор-Сити. 2017. № 2. С. 35–43.
7. Воробьева М.В., Яровая Т.В. Формирование профессиональной мотивации студента и практика: чтобы процесс был эффективный // Педагогическое образование и наука, 2017. № 3. С. 40–45.
8. Виштак О.В., Кондратов Д.В. Комплексный подход к созданию электронных образовательных ресурсов. // Universum : Психология и образование. 2014. Т. 3, № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/960>.
9. Мамедова К.А. Виртуальная образовательная среда как необходимый компонент современной системы образования // Universum: Психология и образование : электрон. научн. журн. 2016. Т. 26, № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3459>. Дата доступа 14.05.2019

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТАМ В ПОВТОРНОБРАЧНОЙ СЕМЬЕ

Ю. Ф. Лахвич, Е. Р. Лаптенок

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
lakhvich@bsu.by

Аннотация. Представлены результаты исследования родительского отношения к детям в первобрачных и повторнобрачных семьях. Раскрыта специфика родительского отношения матерей и отцов / или отчимов к родным/неродным детям с учетом их пола, старшинства в семье и родства с одним из родителей.

Ключевые слова: *родительское отношение; повторнобрачная семья; первобрачная семья; родной ребенок; неродной ребенок, мать, отец, отчим.*

PARENTAL ATTITUDES TOWARDS CHILDREN IN A REMARITAL FAMILY

Y. F. Lakhvich, E. R. Laptенок

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The study results of parental attitudes towards children in first marital and remarital families are presented in the paper. The specifics of mothers', fathers' / or stepfathers' parental attitude to native/non-native children are revealed. Childrens' sex, kinship with a parent and seniority in the family are taking into account.

Keywords: *parental attitude; first marital family; remarital family; native child; non-native child; mother; father; stepfather.*

Вступление в повторный брак всегда связано с определением и переопределением разных типов отношений в семье – супружеских, детско-родительских, сиблинговых. Особое значение для благополучия новой семьи имеет характер отношения родителей к детям. При этом в повторнобрачной семье детско-родительские отношения могут быть осложнены отсутствием кровного родства между одним из родителей и ребенком.

Следует отметить, что, хотя проблема родительского отношения к детям в повторнобрачной семье сегодня является актуальной в связи с увеличением количества повторных браков, на данный момент достаточно мало работ, рассматривающих особенности детско-родительских взаимоотношений в повторном браке [1;2] и, в частности, родительское отношение к детям. В связи с этим становится важным изучение особенностей родительского отношения к детям в повторнобрачной семье, специфика отношения к ним как матери, так и отца (или отчима) с учетом относительного старшинства детей, их пола и кровного родства с одним из родителей. В данном исследовании мы исходили из понимания роди-

тельского отношения как системы разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих реакций, возникающих в процессе общения с ним, особенностей восприятия и понимания характера, личности ребенка, его поступков [3].

Эмпирическое исследование проводилось в 2019 году. В нем приняли участие родители из 50 полных двухдетных семей, воспитывающих детей в возрасте от 5 до 9 лет. Основную группу исследования составили 25 повторнобрачных семей, в которых 25 матерей – биологически родные для обоих детей, а 25 отцов имеют кровную связь только с одним ребенком (младшим) и, соответственно, являются отчимом для второго (старшего). В контрольную группу вошли 25 первобрачных семей, в которых и мать и отец являются биологически родными для обоих детей. Сравнительный анализ родительского отношения велся с учетом кровного родства с ребенком, его старшинства в семье и пола. Родительское отношение к детям изучалось с помощью методики «Опросник родительского отношения» А. Я Варги и В.В. Столина [4], а также методики «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской [5]. Данные подвергались статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v.20. Были использованы: критерий Уилкоксона и критерий Мана-Уитни.

Начнем с результатов относительно особенностей родительского отношения в первобрачной семье. Было выявлено, что у матерей в первобрачной семье наиболее выраженным типом родительского отношения является «Симбиоз», тогда как у отцов преобладает «Кооперация». Отцы в таких семьях проявляют более высокий уровень сотрудничества с детьми, по сравнению с матерями ($p=0,025$), которые в большей степени пытаются удовлетворить все потребности детей, хотя и оградить их от всех трудностей ($p=0,014$). При этом отношение как матерей, так и отцов не зависит от того, кто из детей в семье родился первым. В повторнобрачной семье наблюдаются значимые различия в отношении матерей и отцов к детям. Так, у матерей в повторнобрачных семьях наиболее выражено сотрудничество по отношению к обоим детям. В целом материнское отношение в повторнобрачной семье характеризуется принятием детей, высоким уровнем сотрудничества с ними, беспокойства как по отношению к ребенку от первого брака, так и по отношению к ребёнку, рожденному в повторном браке. Однако, матери более эмоционально близки с ребенком, рожденным в повторном браке, чем с ребенком от первого брака ($p=0,048$). У отцов/отчимов степень контроля по отношению к неродному ребенку выше, чем по отношению к родному ($p=0,009$), тогда как сотрудничество более выражено в отношениях с родным ребенком ($p=0,0011$). Помимо этого, по отношению к родному ребенку у отцов/отчимов более высокая степень эмоциональной близости ($p=0,002$).

Также были выявлены значимые различия по степени принятия ($p=0,044$) и удовлетворенности отношениями ($p=0,027$) в зависимости от пола ребенка. Так, отцы/отчимы в большей степени принимают родную дочку и более удовлетворены отношениями с ней, чем с неродной девочкой.

Сравнительный анализ материнского и отцовского отношения в повторнобрачных семьях показал, что в целом матери принимают, заботятся и оберегают обоих детей – ребенка от первого брака и рожденного в повторном браке. В

свою очередь отцы больше принимают родного ребенка. Так, судя по оценкам матерей, дети высоко оценивают свою близость к ним, делятся самым важным и сокровенным, тогда как отчиму ниже оценивают этот параметр ($p=0,009$). Матери больше принимают ($p=0,005$) личность ребенка, его индивидуальные особенности, тогда как со стороны отчима наблюдается средний уровень принятия ребенка, то есть нет прямо выраженного отвержения ребенка, но и нет видимого принятия личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка.

Сравнительный анализ родительского отношения в первобрачной и повторнобрачной семьях показал следующее. Начнем с материнского отношения к детям. Так, по отношению к старшему ребенку у матерей в первобрачной и повторнобрачной семьях преобладает разный тип родительского отношения. Если в первобрачной семье среди матерей наиболее распространен «Симбиоз», то в повторнобрачной – «Кооперация». В первобрачных семьях матери в большей степени хотят ощущать себя единым целым с ребенком ($U_{\text{эмп}}=180,5$; $p=0,009$) нежели матери в повторнобрачной семье. В свою очередь матери в повторнобрачных семьях проявляют больше сотрудничества и заинтересованности в делах и планах ребенка, чем матери в первобрачных семьях ($U_{\text{эмп}}=216,5$; $p=0,023$). При этом матери в повторнобрачной семье в большей степени стремятся к тому, чтобы взять под контроль все действия ребенка, в отличие от матерей в первобрачной семье ($U_{\text{эмп}}=192,5$; $p=0,015$).

По отношению к младшему ребенку (или рожденному в повторном браке) у матерей были выявлены следующие показатели. В первобрачной семье наиболее выраженным типом родительского отношения у матерей к младшему ребенку является «Симбиоз», тогда как в повторнобрачной семье – «Кооперация». Так, в первобрачной семье матери стремятся ощущать себя единым целым с ребенком, тогда как в повторнобрачной семье матери в большей степени сотрудничают с ребенком ($U_{\text{эмп}}=149,5$; $p=0,009$). Кроме этого, в первобрачной семье матери в большей степени принимают своих младших детей, чем матери в повторнобрачной семье ($U_{\text{эмп}}=225,5$; $p=0,038$). Также по отношению к младшему ребенку в повторнобрачной семье степень беспокойства о ребенке выше ($U_{\text{эмп}}=118,5$; $p=0,036$), чем по отношению к ребенку в первобрачной семье. У отцов/отчимов в первобрачной и повторнобрачной семье также наблюдаются значимые различия по отношению к детям.

Сравнительный анализ отношения мужчин к родному старшему ребенку в первобрачной семье и неродному старшему ребенку в повторнобрачной семье показал, что наиболее выраженным типом родительского отношения у отцов к старшему ребенку в первобрачной семье является «Кооперация», тогда как у отчимов в отношении старшего неродного ребенка преобладает «Контроль». Так, отчиму в повторнобрачной семье в большей степени по сравнению с отцами из первобрачной семьи стремятся взять под контроль все действия старшего ребенка ($U_{\text{эмп}}=112$; $p=0,004$). Иначе говоря, они хотят от старших детей послушания и подчинения, при этом не принимая детей такими какие они есть. В первобрачных семьях отцы выражают большее эмоциональное принятие к старшему родному ребенку, нежели отчиму в отношении старшего неродного ребенка

($U_{\text{эмп}}=157,5$; $p=0,003$). Позиция отцов и отчимов отличается и в отношении к неудачам старшего ребенка в семье ($U_{\text{эмп}}=181$; $p=0,009$). Так, в первобрачной семье отцы серьезнее относятся к интересам и увлечениям старшего ребенка, при этом в повторнобрачных семьях отчимы менее склонны к этому. Ребенок им часто кажется неумехой, которого постоянно нужно контролировать и опекать. Помимо этого отношение отчимов к старшему неродному ребенку характеризуется меньшей эмоциональной близостью ($U_{\text{эмп}}=132$; $p=0,001$) и принятием ($U_{\text{эмп}}=141$; $p=0,002$). В свете выше сказанного, неудивительно, что отцы в первобрачной семье в значительной степени выше удовлетворены отношениями со старшим ребенком, чем отчимы в повторнобрачной семье ($U_{\text{эмп}}=138$; $p=0,002$).

Сравнительный анализ отношения мужчин к младшему ребенку в первобрачных и повторнобрачных семьях показал, что наиболее выраженным типом родительского отношения отцов к младшему ребенку как в первобрачной, так и в повторнобрачной семье является «Кооперация». При этом значимые различия в отношении младшего ребенка присутствуют по шкале «Симбиоз» ($U_{\text{эмп}}=193$; $p=0,017$). В первобрачной семье отцы в большей степени стараются быть рядом с ребенком, удовлетворять все его потребности, чем отцы в повторнобрачной семье по отношению к младшему ребенку. Отношение отцов к младшему ребенку в повторнобрачной семье характеризуется меньшей эмоциональной близостью ($U_{\text{эмп}}=140,5$; $p=0,012$) и меньшим беспокойством о ребенке ($U_{\text{эмп}}=136$; $p=0,008$) по сравнению с отношением к младшему ребенку отцов из первобрачных семей. Материнское и отцовское родительское отношение к детям в первобрачной и повторнобрачной семьях имеет значимые различия.

В первобрачной семье материнское отношение к ребенку независимо от его старшинства в семье зачастую принимает симбиотический характер, тогда как в повторнобрачной семье чаще встречается кооперация. В первобрачных семьях матери больше принимают как старшего, так и младшего ребенка по сравнению с повторнобрачными семьями. Также в семьях первого брака матери в большей степени склонны к симбиозу со старшим ребенком, меньше контролируют и сотрудничают с ним, при этом они меньше беспокоятся о младшем ребенке. Матери в повторнобрачных семьях в большей степени стремятся контролировать старшего ребенка, при этом по отношению к младшему ребенку они выражают больше принятия и сотрудничества. Вместе с тем степень материнской удовлетворенности отношениями с детьми в первобрачных и повторнобрачных семьях существенно не отличается. Что касается отцовского отношения к детям, то в наибольшей степени отличается отношение к родному и неродному ребенку. В повторнобрачной семье отчимы в меньшей степени близки с неродным ребенком, менее принимают его, сотрудничают с ним и беспокоятся о нем. Соответственно отчимы и менее удовлетворены отношениями со старшим неродным ребенком. С младшим ребенком отцы в повторнобрачной семье в меньшей степени эмоционально близки, проявляют меньше беспокойства о нем, чем отцы в первобрачной семье. Вместе с тем, как в первобрачных, так и в повторнобрачных семьях, отцы проявляют сходный уровень принятия и сотрудничества по отношению к младшему ребенку.

Библіографічні посилання

1. Клещёва Е.А. Особенности взаимоотношений отца/отчима с детьми в повторнобрачной семье : дис...канд. психол. наук : 19.00.05. Минск, 2013. 196 с.
2. Аргентова Т.Е. Особенности детско-родительских отношений в семьях повторного брака // Вестник КемГУ. 2013. С. 102–106.
3. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения : дис...канд. психол. наук : 19.00.01. М., 1986. 206 с.
4. Столин В.В., Соколова Е.Т., Варга А.Я. Психология развития ребёнка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультационной практики // Семья в психологической консультации: опыт и проблемы психологического консультирования /А.А. Бодалёв (ред). М. : Педагогика, 1989. С. 16–37.
5. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми : Цели, задачи, основные принципы. СПб. : Речь, 2000. 150 с.

UDC 159.923.2:316.625:378-057.87

SOCIAL PECULIARITIES OF ASSERTIVE BEHAVIOR DEVELOPMENT IN ADOLESCENCE

M. Marusynets, L. Marchuk

National Pedagogical Dragomanov University

Pyrohova str., 9, 02000, Kyiv, Ukraine

Uzhhorod National University

Universytetska str., 14, 88000, Uzhhorod, Ukraine

marusynetsm@ukr.net, lmmar4uk@gmail.com

Annotation. The concept of assertiveness is considered as a quality necessary for a person's effective life-sustaining activity in general and the adolescent's personality becoming in particular. The features influencing the formation of this type of behavior in the studied age period at the macro-, micro- and meso-level are identified, together with its priorities and weak points, in particular, social changes and instability which contribute to the formation of such behavior forms as uncertainty, fear, the lack of assertive behavior, and self-confidence. In order to develop and form assertive behavior, the social support program has been developed. Psychological counseling, individual psychotherapy with the involvement of active methods and techniques are chosen as the main methodology: case-studies – the analysis of life and professional situations; mini-lectures, group discussions, self-analysis of one's own assertiveness level; role-plays, training sessions. Their complex application gives a positive result in terms of the positive dynamics of assertive behavior development in adolescence.

Keywords: *assertiveness; assertive behavior; adolescence; social features.*

Urgency of the research. In the conditions of social changes, it is growing the role of the person's ability to identify behavior patterns that are adequate to the challenges of the prefigurative culture, or "anticipatory" socialization (M. Mid). What it involves is adequate behavior in critical situations manifesting itself in confident

decisions as a timely response to the dynamics of socio-psychological changes and the influence of various factors, as well as in the psychological equilibrium and ethical attitude to other individuals in social relations that is, in other words, assertive behavior. Therefore, the study of social characteristics and patterns of such behavior in general and, in particular, in young people, is becoming important.

The research of various aspects of the person's assertive behavior has been carried out in the works of N. Anufrieva, H. Ball, Ye. Holovaha, O. Donchenko, I. Kon, M. Savchyn, L. Sokhan, V. Tatenko, T. Tytarenko, O. Khokhlova, etc. Scientists consider it in the context of life purposes and emphasize the need to increase life subjectivity, teaching young people the ability to take control over their lives, overcome difficulties, be sure of oneself, and adequately assess oneself and other participants in interpersonal interaction.

Statement of basic materials. Adolescence is crucial in assertiveness development because of sensitivity in becoming mature, the influence of external environment on the formation of moral needs (life purposes and goals, obligations and responsibility, love and friendship, etc.), an individual activity style, boosting conscious motivation, purposefulness, determination and perseverance, independence and zeal, the capacity for self-direction and self-reflection. At the same time, according to the sociological studies [1], modern youth is not always ready to orient themselves in vital and professional situations, to choose an individual behavior strategy and interaction methods that would lead to uncompromising behavior, and in some cases, the ability to be effective and flexible in solving them. Individuals capable of such behavioral actions are referred to as assertive. In scientific circles, the concept of «assertiveness» is used to define a confident, self-sufficient, and successful person as autonomous, independent of external influences and assessments, and as the ability to independently regulate one's own behavior. Based on the above, it is possible to distinguish the two vectors of philosophical and anthropological thought development regarding the determination of confidence in oneself: the inner essence of the «ego identity»; self-perception as a free and independent individual.

For psychological science, the issues of identifying common features between the concepts of «assertiveness» and «confidence» are of research interest. According to scholars, as their essence is almost the same, it could be possible to stick to the latter, especially since its meaning clearly describes individuals' behavioral actions, as well as self-acceptance, adequate self-esteem, responsibility for one's own decisions and life in general, spiritual and physical self-concern, self-satisfaction and satisfaction with life, goodwill, balance and self-sufficiency [2].

Further elaborating on the assertive behavior concept, R. Frich notes that this is not only the confidence and responsibility for one's own behavior and actions but also the assumption of responsibility for them. That is, assertiveness in its essence is the philosophy of personal responsibility. It means that we are responsible for our own behavior and we have no right to blame other people for our reaction to their behavior. Their reflection is found in the behavioral situations occurring in everyday interaction with oneself and others (J. Habermas and K.O. Apel). Factors influ-

encing the development and formation of assertive behavior at the studied age are characterized by the accuracy of setting goals and the ability to control one's actions; the ability not to be subjected to rapid manipulation and emotional pressure from other people; ignoring other people's emotions and expectations (ability to realize certain goals despite the negative pressure from the environment, rational care of one's own interests while taking into account other people's interests); The fact that an individual is impacted by various socialization conditions makes it possible to develop one's own interaction style [3, p. 81]. Constructive interaction at this age carries an existential meaning where another person is seen as a manifestation of life, a manifestation of existence which, in turn, has its own expressiveness not identical to anything. Understanding the value of another person makes youngsters sensible to perceive their own emotional experience as well as what other people feel.

The capacity for deeper, existential emotions in adolescence makes it possible to reveal the formation of an assertive position based on the conscious refusal of violent methods of influence on other social interaction subjects. We can say that at the young age it is formed self-conception and self-perception as well as empathy. At the same time, a positive attitude towards oneself and others allows a person to take the position of the subject of interaction [4, p. 117–130]. Responsibility which manifests itself in youngsters' uncertain behavior towards taking responsibility. In this sense, adolescents' behavior becomes constructive and is characterized by the ability to build different strategies, while trying different ways to achieve the goal to find the optimal one. Prerequisites for such behavior are cognitive and personality features of its development allowing a young person to become not only more responsible but to form a conscious attitude to oneself and other people [5]. Uncertainty that manifests itself in the fear of being neglected, undervalued self-esteem, irrational convictions, excessive desire to "keep appearances", the lack of skills for expressing feelings [6].

The complex issues of the assertive behavior manifestation are addressed in the works of A. Bandura [7] which «core» is self-efficacy. According to scientists, high self-efficacy, or awareness of oneself as capable of success, leads to the expected success further reinforcing self-efficacy. Conversely, low self-efficacy and the associated expectations of failure, excessive criticism and self-harm lead to failure further lowering one's self-esteem. People with low self-efficacy are more inclined to imagine overcoming a failed scenario and focus on the fact that everything will be bad. Failure to succeed weakens motivation, prevents adequate behavior development and can lead to an increased level of dissatisfaction with life, inability to plan one's own future, the emergence of social fear.

Social changes taking place in the globalized world largely explain the state of unconscious anxiety among young people about their life scenario and the socio-cultural demands of society and the family where important and unique problems of one's existence are solved (S. Maksymenko) – micro level; the specifics of the social environment in which youngsters live (university studies, professional activity, participation in various social groups, social communication, etc.) and the acquisi-

tion of individual assertive behavior forms in the process of self-development – macro levels; the complex of adolescents' individual characteristics determined by previous life experience and personal immaturity, ambivalent emotional attitude towards others and activity types, and the unresolved intrapersonal conflicts (N. Yablonska) – meso-level. All these factors complicate the acquisition of personal meaning by youngsters in their individual life scenario and future activities and don't contribute to the desire to form personal and professional qualities, among which assertive behavior is assuming a special social significance.

For assertive behavior development in adolescents, it is offered the program of social support developed by the authors. The chosen basic principles are those based on the conviction that no one can successfully manipulate others, unless the latter allow it themselves, and which is called «assertive human rights» where every person has the right to judge their behavior, thoughts and emotions and take responsibility for consequences; not to give explanations and substantiations rehabilitating one's behavior; to decide whether to take care of other people's problems; to change views; to make mistakes and be responsible for them; to say «I do not know»; not to depend on others' goodwill; to weak logic; to say «I do not care»[8].

As a way of the program realization it has been chosen a mindset training over the course of which psychological training is carried out aimed at: 1) formation of ideas on personal rights and obligations; 2) ability to differentiate between assertiveness and its insufficiency or excessive manifestations in different life and professional communication situations; 3) development of self-confidence, the ability to openly express one's thoughts, respecting the opinion of others; to express positive and negative emotions and control them; to initiate, offer and ask preserving one's own dignity and the capacity for self-defense (the ability to say «no»).

The forms and methods used in the training are: case-studies - the analysis of life and professional situations; mini-lectures in which the assertive behavior essence and components, their manifestation in personal life scenarios are determined; group discussions aimed at discussing assertiveness as a personally important quality; self-evaluation of one's own assertiveness level; role-playing in solving problem situations in one's own life as well as dealing with the examples given by other interaction participants and demanding manifestation of assertive behavior, with the obligatory reflection of each participant on the gained experience. In the course of the training the following techniques have been used: open and hidden modeling of specific situations that can provoke non-assertive or aggressive behavior; instructing participants on types of behavior in simulated situations and their possible consequences; role-playing of new behavioral reactions; reinforcement of new behavioral reactions through feedback from the leader and other participants; analysis and development of irrational convictions; providing information on human rights that enhances the assertiveness of the individual; approbation of new behavior in real situations; extrapolation of assertive behavior to new situations, etc.

For young people who experienced persistent difficulties in developing assertive behavior skills, it has been offered individual psychological counseling and individual psychotherapy boosting sort of relationship building between a client and

a consultant. In this respect, it is also important to work on such personal constructs as: self-image and related rational and irrational judgments; goal attaining program; rebellion, defense mechanisms; feelings and ways of expressing them; self-acceptance, positive thinking development; understanding of human rights and obligations; self-confidence; tolerance. In addition, the training involves supervision during which an analysis is made of how assertive the behavior of young people is, its consequences, causes and difficulties in the conditions of social changes and socialization in various vital spheres (families, educational institutions, production, and groups). The social support program developed and approved by the authors has proved its effectiveness in the assertive behavior development and formation in adolescence showing positive changes in their socialization in the conditions of social changes.

Conclusions. Assertiveness is an important personal quality necessary for the productive activity of a person. In adolescents, such a behavior type arises from the subjectivity of the individual expressed in self-dependence, independence from other circumstances, the ability to stand up for one's rights and thoughts with respect for other interaction participants at macro-, micro- and meso-levels. The main tools facilitating a shift towards a positive dynamics of assertive behavior development in adolescence are individual psychological counseling and individual psychotherapy with the use of active work methods and techniques.

Bibliographic references

1. Gromadsky R. B., Zamorev S. I., Kudryavtseva S. V. Problemy socialno-psychologitsheskoi adaptazii studentov [Problems of social and psychological adaptation of students] // Social maladjustment: Violation of behavior in children and adolescents: Materials of the Russian scientific and practical conference. M. : Universitetskaya kniga, 2006. 147 p. [in Russian].
2. Prikhozhan A. M. Psychologia neudachnika: Trening uverenosti v sebe [Psychology of a Loser: Self-confidence Training]. M. : TC "Sfera", 1999. 192 p. [in Russian].
3. Semichenko V. A. Psychologia lichnosti [Psychology of personality]. Kyiv : Vidavets Eshke OM, 2001. 427 p. [in Russian].
4. Borisova A. A. Pronitsatel'nost kak problema psichologii obscheniya [Insight as a problem of the psychology of Communication] // Vopr. psichol. 1990. № 4. P. 117–123. [in Russian].
5. Lisovsky V. T. Sovetskoye studentchestvo: Sociologicheskie ocherki [Soviet students: Sociological essays]. M. : Vysshaya shkola, 1990. 304 p. [in Russian].
6. Romek V. Tening uverenosti v mezhlichnostnykh otnosheniyakh [Interpersonal Confidence Training]. SPb. : Rech', 2003. 175 p. [in Russian].
7. Bandura A., Walters R. Podrastkovaya agressiya [Teenage aggression] (the study of the influence of upbringing and family relations). M. : Aprel' Press : Eksmo-Press, 2000. [in Russian].
8. Scur V. G. Psychologia s chelovecheskim litsom: humanisticheskaya perspektiva v postsovetsoi psichologii [Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet Psychology] / Ed. YES. Leontiev, V.G. Scur. M. : Smysl, 1997. p. 11. [in Russian].

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКОГО ОПЫТА НА УРОВЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ ВЗРОСЛЫХ

Е. Л. Милютина

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 64\13, 01691, г. Киев, Украина
katerinamilutina1963@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено проблеме влияния травматического детского опыта на проявления толерантности во взрослом возрасте. В исследовании принимали участие 45 взрослых респондентов, жителей Украины. Были использованы следующие методики: анкета негативного детского опыта (ACE), опросник коммуникативной толерантности Бойко, опросник толерантности к неопределенности Баднера, методика экспресс-опросника «Индекс толерантности» (авторы Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова). Был обнаружен достаточно высокий уровень травматических событий, которые переживали наши респонденты. Выявлено, что пережитое физическое и сексуальное насилие снижает уровень коммуникативной толерантности, а эмоциональная холодность, конфликты между родителями, их развод негативно влияет на толерантность к неопределенности.

Ключевые слова: *толерантность; травмы; детский опыт; насилие; конфликты.*

INFLUENCE OF CHILD EXPERIENCE ON THE ADOLESCENTER'S LEVEL

E. L. Milyutina

Kyiv National Taras Shevchenko University
Vladimirskaya str., 64\13, 01691, Kyiv, Ukraine

Annotation. The study is devoted to the problem of the influence of traumatic childhood experience on manifestations of tolerance in adulthood. The study involved 45 adult respondents, residents of Ukraine. The following methods were used: the questionnaire of negative child experience (ACE), the Boyko communicative tolerance questionnaire, the Badner uncertainty tolerance questionnaire, the method of the express questionnaire "Tolerance Index" (authors: G. U. Soldatova, O. A. Kravtsova, O. E. Huhlaev, L. A. Shaygerova). A rather high level of traumatic events that our respondents experienced were found. It was revealed that the experienced physical and sexual violence reduces the level of communicative tolerance, and emotional coldness, conflicts between parents, their divorce negatively affect tolerance to uncertainty.

Keywords: *tolerance; injuries; children's experience; violence; conflicts.*

Толерантность является одним из ключевых понятий современного мира, исследование толерантности приобретает особую значимость в современной Украине. Создание инклюзивных сообществ, принятие закона о языке, социальная напряженность – все это заставляет исследовать проявления толерантности в обществе. В «Декларации принципов терпимости (толерантности)», принятой ЮНЕСКО, закреплена международная значимость толерантности, терпимость

(толерантность) рассмотрена как дефиниция, нуждающаяся в государственной и общественной поддержке. Авторы декларации испытывают чувство тревоги в связи с «участившими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах, а также актами насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений, представляющими угрозу делу укрепления мира и демократии на национальном и международном уровнях и являющимися препятствиями на пути развития». В интересах решения этой глобальной задачи (что отражено в декларации) необходимо проведение соответствующих научных исследований и налаживание контактов с целью координации деятельности международного сообщества, включая анализ в контексте социальных наук коренных причин этого явления, принятие эффективных контрмер, а также осуществление научных исследований и мониторинга, способствующих выработке политических решений и нормативной деятельности государств-членов [1]. В связи с этим, основные исследования проблемы толерантности затрагивают, в основном проблему этнической толерантности. Они проводятся и организуются, прежде всего, в сфере социологических наук. Ряд современных исследователей: А.В. Калинина с соавторами [2], Н. Г. Хайрулина [3], Г. В. Солдатова [4] обращают внимание на диагностику и развитие толерантности в сфере межкультурной коммуникации и межэтнических конфликтов. Представлено так же несколько психолого-исторических исследований, посвященных развитию толерантности в историческом и культурном контексте. Типичной работой на эту тему является обширное исследование [5] О. О. Максимовой. Несмотря на достаточное количество разнообразных исследований толерантности, как социально-психологического явления. В то же время, проблема психологических факторов, которые влияют на развитие толерантности остаётся изучена недостаточно.

Целью нашей статьи является исследование влияния перенесенного негативного детского опыта на развитие разных типов толерантности. Была предложена гипотеза, что травмирующие переживания в детстве увеличивают уровень тревожности, агрессивности и снижают уровень толерантности. В исследовании принимали участие 45 взрослых респондентов, жителей Украины. Из них было 25 женщин и 20 мужчин, все испытуемые имели высшее образование и проживали в крупных городах Украины – Львове и Киеве. Были использованы следующие методики: модифицированная анкета негативного детского опыта (АСЕ) [6], опросник коммуникативной толерантности Бойко, опросник толерантности к неопределенности Баднера, методика экспресс-опросника «Индекс толерантности» (авторы Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова).

Опросник АСЕ позволяет выяснить не только сам уровень травматизации респондентов, но и типы травмирующих влияний, пережитых испытуемыми в возрасте до 18 лет. С целью нашего обследования опросник был более детализирован – сексуальное насилие было отделено от сексуальных домогательств, до-

бавлены пункты пережитого школьного буллинга и медицинской травматизации. Два испытуемых из всей выборки не переживали никаких травмирующих событий в детстве. У остальных – число набранных пунктов колебалось от 1 до 9 из 20 возможных. Среднее количество набранных пунктов составляло 3,42. Приведем пример распределения травмирующих событий в жизни наших респондентов: «Члены семьи не были близки, не поддерживали друг друга» – 31 высказывание. «В детстве (до 18 лет) кто-то из лиц старше более чем на 5 лет хотя бы однократно прикасался к респонденту с сексуальным намеком» – 20 высказываний (все женщины). «В детстве (до 18 лет) часто или очень часто чувствовали, что вас не любят, презирают» – 19 высказываний. «Алкоголизм родителей» – 17 высказываний. «Физическое насилие» – 15 высказываний (9 мужчин, 6 женщин). Встречались так же случаи развода родителей, оскорблений и унижений, как ребенка, так и других членов семьи у него на глазах. Встречались случаи длительного пребывания в больнице с тяжелыми заболеваниями (16 высказываний) и школьного буллинга (18 респондентов). В детстве 8 респондентов было, что кто-то из взрослых часто закрывал их в комнате или привязывал. В опыте 7 испытуемых было, что кто-то из взрослых часто или очень часто не разговаривал с вами больше нескольких часов в качестве наказания. Никто из наших респондентов не ответил положительно на вопрос о бедности: «Вы часто или очень часто приходили в школу в грязной и старой одежде, не имели пищи?», также никто из их родственников не был судим, не совершал попыток самоубийства и не страдал психическими расстройствами.

При исследовании уровней толерантности респондентов было выявлено, что преобладал средний уровень коммуникативной толерантности, «двугорбое» распределение толерантности к неопределенности – 33% высокий уровень, 18% - средний, 49% - низкий уровень толерантности. Исследование толерантности по методике Солдатовой дало нормальную кривую распределения, что дает основания предположить, что негативный детский опыт в большей степени негативно влияет на толерантность к неопределенности. Проведенный корреляционный анализ показал, что существует достоверная обратно-пропорциональная связь между общим уровнем травматизации респондентов и толерантности к неопределенности ($R_s = -0,43$). Прямой корреляционной зависимости между общим уровнем травматизации и двумя другими типами толерантности не было обнаружено. Однако более детальный анализ связи типа травмы и типа толерантности дал интересный результат: существует достоверная (на уровне 0,05) связь между перенесенным физическим насилием и уровнем коммуникативной толерантности ($R_s = -0,47$). Существует так же достоверная (на уровне 0,05) связь между перенесенным сексуальным насилием и уровнем коммуникативной толерантности ($R_s = -0,39$). Эмоциональная холодность, конфликты между родителями, их развод и эмоциональное насилие не влияли на достоверном уровне на коммуникативную и этнокультурную толерантность, но отмечалось достоверное влияние на толерантность к неопределенности (-0,51). Этнокультурная толерантность имела связь на уровне тенденций только с буллингом в школе (можно предположить, что травля была спровоцирована национальностью или языком общения, которыми пользовались участники конфликта). Вероятно, дальнейшее исследование на более широкой

выборке позволит выявить связь не только травматического, но и позитивного детского опыта на уровень развития толерантности.

Выводы. Выявлено, что пережитое физическое и сексуальное насилие снижает уровень коммуникативной толерантности, а эмоциональная холодность, конфликты между родителями, их развод негативно влияет на толерантность к неопределенности. Перспективой дальнейшего исследования станет выявление разнообразных личностных факторов толерантности как у взрослых так и у подростков.

Библиографические ссылки

1. Декларация принципов терпимости (толерантности). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc. Дата доступа 11.05.2019
2. Калинина А. В., Попкова А. А., Третьякова О. В. Исследование уровня толерантности студентов вуза // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 12, вып. 1. С. 146–150.
3. Study of ethnic, religious and socio-political relations in a provincial town / Khairullina N. G. [et al.] // European Journal of Science and Theology. 2016. Т. 12, № 4. С. 97–110.
4. Психодиагностика толерантности / Солдатова Г. У. [и др.] // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф.–аналит. бюллетень. 2002. № 4. С. 59–65.
5. Максимова О. О. Толерантність: від епохи Відродження до сьогодення // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 11 : Соціальна робота. Соціальна педагогіка. 2015. Вип. 20. С. 172–180.
6. Наказава Д. Д. Осколки детских травм. М. : Эксмо, 2018, 336 с.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА В СИТУАЦИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

М. И. Мойсейчук

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
m.moiseichuk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме возникновения и преодоления стресса в ходе стоматологического вмешательства. Комфорт, безопасность, снижение уровня стресса и тревоги могут являться залогом успешной работы врача. Стресс, испытываемый пациентом, может являться фактором снижения качества оказываемых врачом услуг. Одной из нерешенных задач современной стоматологии является проблема обеспечения адекватного обезболивания у амбулаторных пациентов, испытывающих высокий уровень стресса. Боль является результатом динамического взаимодействия биологических, психологических и социокультурных факторов. Пациент способен активно влиять на выраженность болевого синдрома, корректировать свою жизнь, связанную с болью, и управлять совладающим поведением. Совладание с зубной болью зависит от интенсивности боли пациента, его пола и возраста.

Ключевые слова: *стоматологическое вмешательство; стресс; копинг-*

стратегии; тревога; зубная боль; катастрофизация.

FEATURES TO OVERCOME STRESS IN A SITUATION OF DENTAL SURGERY

M. I. Moiseichuk

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the problem of the overcoming of the stress in the situation of dental intervention. Comfort, safety, stress and anxiety reduction can be the keys to a successful work of the dentist. The stress which patients experience may be a main factor in reducing the quality of the services provided by the doctor. One of the unsolved problems of modern dentistry is the problem of ensuring adequate pain relief in patients which are experiencing high levels of stress. Pain is the result of the dynamic interaction of biological, psychological and socio-cultural factors. The patient is able to influence actively the severity of pain, correct his or her life associated with pain, and control coping behavior. Coping with a toothache depends on the intensity of the patient's pain, gender, and age.

Keywords: *dental intervention; stress; coping strategies; anxiety; toothache; catastrophizing.*

Страх, волнение и напряжение перед посещением стоматолога испытывают от 52 до 85% пациентов, около 5% испытывают сильнейший страх при упоминании о стоматологическом вмешательстве [1]. Данное эмоциональное состояние может формироваться после травмирующего посещения стоматолога в детском возрасте, либо в результате невнимательного поведения врача, некорректных манипуляций или при наличии боли сильной интенсивности. Комфорт, безопасность, снижение уровня стресса и тревоги могут являться залогом успешной работы врача. В связи с этим, представляется актуальным исследование психологических способов коррекции и регулирования эмоционального состояния пациентов. Как отмечает, Н. Ю. Анисимова на стоматологическом приеме складывается система взаимоотношений человек–человек, поэтому от характера этих взаимоотношений зависит эффективность, содержание и результаты лечения в ходе стоматологического вмешательства [1].

Стресс, испытываемый пациентом, влияет также и на работу врача, снижая качество оказываемых им услуг. Страх перед стоматологическим вмешательством у пациентов может приводить к изменению гемодинамических показателей, дыхания, уровня сахара в крови. По результатам исследования З. М. Гасановой для психологической коррекции негативного эмоционального состояния, возникающего в ходе стоматологического вмешательства, были сформулированы рекомендации для пациентов с низким и средним уровнем психотизма. З. М. Гасанова также утверждает, что перед стоматологическим приемом у пациента рекомендовано определять уровень выраженности психотизма и тип темперамента. Так, если пациент является меланхоликом, рекомендовано, чтобы основную часть речи врача при воздействии в процессе лечения составляло положительное подкрепление. Если по типу темперамента пациент – холерик, то рекомендуется, чтобы в речи врача преобладало положительное и отрица-

тельное подкрепление, применяемые в равной степени. В свою очередь, в случае проведения вмешательства с пациентом, являющимся сангвиником, рекомендуется в речи врача использовать все вербальные конструкции с превалированием положительного подкрепления. Применять все вербальные конструкции при минимальном использовании отрицательного подкрепления рекомендовано пациенту-флегматику [2].

Как отмечает, Н. А. Демина при любом заболевании, в том числе и при проведении стоматологического вмешательства, важно знать преморбидные особенности личности и актуальное эмоциональное состояние пациентов. Необходимо учитывать профиль личности, тип нервной системы, личностные особенности [3]. Одной из нерешенных задач современной стоматологии является проблема обеспечения адекватного обезболивания у амбулаторных пациентов, испытывающих высокий уровень стресса. А. Б. Данилов и Ал. Б. Данилов, определяя процесс переживания боли как сложное сочетание ряда взаимозависимых биомедицинских, психологических и социокультурных факторов, взаимоотношения между которыми динамичны и изменяются с течением времени, предлагают авторскую биопсихосоциокультурную модель (концепцию) боли. Она основана на понимании боли как результате динамического взаимодействия биологических (анатомические, генетические, физиологические), психологических (аффективные, когнитивные, поведенческие) и социокультурных (гендерные различия, система здравоохранения, традиции страны происхождения) факторов. Опираясь на представленную биопсихосоциальную модель боли, следует отметить, что пациент способен как активно влиять на выраженность болевого синдрома, корректировать свою жизнь, связанную с болью, так и управлять совладающим поведением [4].

Совладающее поведение в процессе переживания боли как комплекс осознанных адаптивных и неадаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), которые позволяют человеку справляться с болью, уменьшить или увеличить ее интенсивность, смириться или свыкнуться с ней. Можно выделить две группы копинг-стратегий преодоления боли – пассивные и активные. Пассивные направлены на избегание физической и социальной активности, стремление к социальной поддержке (ожидание сочувствия, понимания), невербально-моторное выражение боли (стон, стискивание зубов, замедленность движений и реакцию дистанцирования (уменьшение значимости ситуации, молитвы, надежды) и т.п. Особое место среди пассивных копинг-стратегий занимает стратегия катастрофизации. Активные, конструктивные копинг-стратегии способствуют успешному преодолению боли.

В широком контексте активные эмоционально-ориентированные стратегии совладающего поведения базируются на оптимизме больного, уверенности в наличие выхода из любой, даже самой сложной ситуации, а активные когнитивные – на сохранении самообладания, в основе которого анализ трудностей и возможных путей их преодоления, повышение самооценки и самоконтроля. Среди частных случаев активных поведенческих копинг-стратегий можно привести результаты исследования И. Г. Измайловой, проведенного с детьми,

страдающими от приступов головной боли. Автор наблюдала такое совладающее поведение как отвлечение с помощью чтения книг, просмотра телевизора, прослушивание музыки или рисование ободряющих картинок [5].

По результатам наших предыдущих исследований было обнаружено, что выбор стратегий совладания с зубной болью зависит от интенсивности боли пациента, его пола и возраста. Чем интенсивнее болевые ощущения, тем чаще пациенты прибегают к стратегии катастрофизации для совладания с зубной болью. Более тревожные пациенты чаще используют стратегию катастрофизации и поиска социальной поддержки, чтобы справиться с зубной болью. Полученные данные еще раз доказывают, что тревога – неотъемлемая составляющая переживания боли, которая оказывает непосредственное влияние на процесс совладания с ней и, следовательно, на ход лечения [6; 7].

Таким образом, стоматологическое вмешательство является ситуацией, провоцирующей стресс для большого числа пациентов. Пациенты стоматологического профиля испытывают тревогу, напряжение, что сказывается на лечении и профилактике заболеваний. Более того, эмоциональное состояние пациентов отражается и на работе врача. Существует взаимосвязь между уровнем тревоги, стратегиями совладания и интенсивностью болевых ощущений, что, в свою очередь, актуализирует проблему обезболивания в стоматологической практике.

Библиографические ссылки

1. Анисимова Н.Ю. Пациенты с дентофобией на стоматологическом приеме // Вестник ТГПУ. 2014. № 5. С. 123–128.
2. Гасанова З.М. Психофармакологические методы коррекции стрессовых состояний у пациентов перед стоматологическими вмешательствами : автореф. дис. ... кан.мед.наук : 14.01.14. М. 2003. 28 с.
3. Демина Н.А. Эмоционально-личностные особенности пациентов при амбулаторном лечении стоматологических заболеваний : автореф. дис. ... кан.псих.наук : 19.00.04. М. 1999. 32 с.
4. Данилов А.Б., Данилов Ал.Б. Биопсихосоциокультурная модель и хроническая боль // Современная терапия в психиатрии и неврологии. 2013. № 1. С. 30–36
5. Измайлова И.Г. Копинг-стратегии при эпизодической и хронической головной боли напряжения в детском возрасте // Астраханский медицинский журнал. 2002. № 2. С. 66–70.
6. Мойсейчук М.И. Особенности выбора стратегий совладания с зубной болью // Сб. работ 72-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ. Минск, 11-22 мая 2015 г. : В 3 ч., Ч II. Минск : БГУ, 2015. С. 454–457.
7. Мойсейчук М.И., Фролова Ю.Г. Методы оценки стратегий совладания с болью у стоматологических пациентов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2017. Вып. 17. Ч. 3. С. 398–405.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК АДАПТАЦИЯ К СИТУАЦИИ

Д. С. Музыченко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
17p-holmes@rambler.ru

Аннотация. Виктимное поведение личности рассматривается как сложившаяся модель адаптации, отвечающая особенностям ситуации. По эмпирическим результатам сопоставляется потенциальная склонность к виктимному поведению с фактами индивидуального опыта. Приводится взаимосвязь типов установок с различиями факторов ситуации виктимизации. Выделены основные паттерны возникновения гиперсоциальной, самоповреждающей и саморазрушающей, агрессивной, некритичной, зависимой и беспомощной моделей виктимного поведения. В статье обсуждаются корреляции показателей методики «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой и данных структурированного самоотчета. В обработке используется метод ранговой корреляции Спирмена. Выборку исследования составили 305 лиц юношеского возраста 16-18 лет, обучающихся в школах и сузах Минска и районов Минской области.

Ключевые слова: *виктимное поведение; личностные факторы; виктимизация; ситуационные факторы.*

PERSONAL FACTOR OF VICTIM BEHAVIOR AS ADAPTATION TO A SITUATION

D. S. Muzychenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Victim behavior of a person is considered as an established adaptation model that meets the features of the situation. Based on empirical results, the potential tendency to victim behavior is compared with the facts of individual experience. The interrelation of attitude types with distinctions of victimization situation factors is given. The main emergence patterns of hypersocial, self-harm and self-destructive, aggressive, uncritical, dependent and helpless victim behavior are highlighted. In article correlations of the indicators of a scale «Tendency to victim behavior» by O. O. Andronnikova and data of the structured self-report are discussed. The statistical processing uses the Spearman's rank correlation method. The research sample consisted of 305 youths aged 16–18 years studying in schools and in the vocational colleges of Minsk and districts of the Minsk area.

Keywords: *victim behavior; personal factors; victimization; situational factors.*

Полученный индивидуальный опыт, сформированные установки и способы удовлетворения потребностей составляют адаптационный потенциал в последующем. Предполагается, что типы виктимного поведения в значительной степени взаимосвязаны с определенными видами виктимизации и их формами в опыте

личности и могут представлять закрепившиеся модели реагирования, отвечающие специфике ситуации. Таким образом, являясь личностной чертой, закрепившаяся модель поведения отражает при этом факторы ситуации в условиях которых была сформирована (причины, на которые была ориентирована, особенности обстоятельств, существовавших взаимоотношений, возможностей совладания).

Представленные результаты составляют часть исследования, посвященного личностным факторам мотивации виктимного поведения, и являются его дополнением, поскольку поведение, ранее побуждаемое ситуативными факторами, может становиться способом достижения адаптации, поддерживаясь потребностями и иерархией ценностей. В статье обсуждается взаимосвязь личностной склонности к виктимному поведению, согласно показателям методики О.О. Андронниковой, и фактов опыта виктимизации по данным структурированного самоотчета. Рассмотренные закономерности не претендуют на исчерпывающее объяснение причин и обстоятельств формирования каждой модели виктимизации, однако вносят вклад в понимание личностных факторов поведения. В обработке используется метод ранговой корреляции Спирмена. Все приведенные коэффициенты связи имеют статистическую значимость при $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,05$.

Лица юношеского возраста, обнаруживающие высокие показатели склонности к гиперсоциальному поведению, испытывали, в сущности, различные формы социальной агрессии, нацеленной на нанесение ущерба самооценке и социальному статусу (хотя формы ее выражения также могли содержать элементы имущественной и кибер- виктимизации). Опыт социальной агрессии, как правило, классифицируют как вид реляционной виктимизации, объединяя в общую категорию воздействия в качестве виктимизации в отношениях. Корреляции устанавливаются с поведенческими описаниями: «относились с меньшим уважением, чем к другим людям» (0,285), «вели себя так, как будто они лучше, чем я» (0,248), «взламывали мою почту, страницы в социальных сетях и т.п.» (0,301), «посылали угрожающие или агрессивные электронные письма либо сообщения» (0,288), «прятали что-то от меня» (0,233). При этом виктимизация отрицательно взаимосвязана с опытом физической агрессии со стороны сверстников: «толкали, шлепали, ударяли рукой или пинали ногой» (-0,222). Отмечается, что, в сравнении с физической виктимизацией, реляционная оказывает более избирательное воздействие на позитивные представления о себе, стимулируя снижение показателей только в области социального принятия. В качестве объяснения причины правонарушающих действий со стороны других, в интерпретации личности указывается «я получал хорошие оценки» (0,254) и/или «чтобы выплеснуть злость» (0,272). Тем не менее, реляционная виктимизация вторично прогнозирует увеличение негативных представлений о мире как физически и социально угрожающем месте [1], что находит отражение в потребности в поддержании безопасности, коррелирующей с моделью поведения. Формирование гиперсоциальных установок как, направленности на соблюдение норм и правил, оказание помощи окружающим, склонности к «суперменству» и готовности брать на себя больше, чем представляется возможным справиться, отрицательно коррелирует с пребыванием младшим членом коллектива (или восприятием таковым другими): «они считали, что я вы-

гляжу значительно младше» (-0,289). Для реакции личности на полученный опыт закономерно его эмоциональное переживание: «Чувствовал грусть, досаду, отчаяние» (0,247), «Был испуган, чувствовал тревогу» (0,258). Среди способов совладания повышается вероятность обращения к психологу (0,203) либо связь устанавливается с выбором ответа «Другое» (0,251).

В корреляции со склонностью к самоповреждающему и саморазрушающему поведению наблюдается тенденция к подверганию имущественной виктимизации, в частности, выбор ответа «забирали что-то у меня (требовали отдать какие-либо блага)» (0,178), наряду с указанием на «Другие» (0,177), нетипизированные в списке, формы преследования. Возможно, что межличностная отстраненность в модели выступает следствием нарушения личных границ или эксплуатации тех или иных личных ресурсов, что являлось болезненным для личности. С другой стороны, возможно, что тип личности, имеющий приоритетную ориентацию на автономию и самоконтроль, изначально более чувствителен к нарушению личного пространства. Аутоагрессивная направленность реакции в период виктимизации повышает риск суицидального поведения в связи с возникновением мыслей, чтобы «причинить себе вред или покончить с собой» (0,255). Склонность к агрессивному поведению коррелирует с сообщением о фактах столкновения с угрозой серьезного физического насилия: «угрожали или нападали с ножом либо другим оружием» (0,190), что, однако, не является специфически связанным с обретением виктимности и, вероятно, в большей степени определяет агрессивные установки в целом, поскольку среди невиктимных сверстников взаимосвязь проявляется в равной степени (0,206). Среди виктимных лиц также отмечается связь с указанием на «Другие» нетипизированные виды опыта (0,196). При возникновении агрессивного виктимного поведения реакция на ситуацию связана с противостоянием: «реагировал, отбивался, наносил ответный удар» (0,201) и снижает вероятность ответа «Терпел, не сопротивлялся» (-0,218). Но, поскольку агрессия в рамках модели изначально является неперсонифицированной, а также в виду корреляции с тенденцией к мазохизму, существует некоторый риск стремления «причинить себе вред или покончить с собой» (0,185). Причины виктимизации в модели обнаруживают отрицательное направление связи с высокой успеваемостью: «Я получал хорошие оценки» (-0,176), при этом сама ситуация также может побуждать к пропуску занятий («Я пропускал учебу из-за этого») (0,243). Среди лиц, имеющих высокий уровень некритичных установок, существует взаимосвязь с опытом запугивания преимущественно в форме угроз физического насилия: «специально сталкивались со мной (врезались), когда они проходили мимо» (0,497), «ставили мне подножки» (0,509), «угрожали причинить физическую боль (побить)» (0,509), «угрожали или нападали с ножом либо другим оружием» (0,455). Повышение склонности также коррелирует с обнародованием личной информации: «отправляли мою личную электронную почту либо сообщения кому-то еще» (0,187) и указанием на «Другие» нетипизированные виды опыта (0,203). Хотя способом совладания с ситуацией служит избегание: «Пытался избежать столкновения» (0,438), возможно, что привыкание к сигналам опасности в последствие приводит к снижению внимания к потенциальному риску и игнорированию воспринимае-

мой информации [2]. Тем не менее, свойственный для некритичного типа внешний локус контроля способствует генерализации опыта, повышая вероятность переживания стресса в похожих ситуациях, напоминающих о моментах виктимизации (0,216). Напряженный эмоциональный фон также может стимулировать мысли или импульс, чтобы «причинить себе вред или покончить с собой» (0,183). В то же время, помимо непосредственно склонности к неверной оценке ситуаций, данный тип жертв обладает другими характеристиками, которые являются привлекательными для правонарушителей. Например, среди причин виктимизации устанавливается отрицательная связь с вариантом «я слишком высокий» (-0,204).

В связи с опытом поливиктимизации склонность к зависимому и беспомощному поведению обнаруживает корреляции с множеством описаний правонарушений. Самые значимые формы сопряжены с высмеиванием личности, в основном, в форме вербальной с элементами социальной виктимизации: «говорили мне что-нибудь, что мне не нравилось, чтобы заставить других смеяться, либо потому, что хотели меня расстроить» (0,419), «обо мне были придуманы шутки» (0,457), «распространяли ложь и неприятные слухи обо мне» (0,398), «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» (0,378), «обзывали, называли кличками, прозвищами» (0,384) и др. Как у виктимных, так и невиктимных сверстников, с повышением зависимых и беспомощных установок реакция на издевательства проявляется переживанием «грусти, досады, отчаяния» (0,196 и 0,257 соответственно), но у виктимных лиц она дополняется тревогой и фрустрацией: «Был испуган, чувствовал тревогу» (0,322), «Был растерян, не знал, что делать» (0,282), «Мне не удавалось справиться с ситуацией» (0,196), а также связана с ухудшением самочувствия и работоспособности: «Пытался избежать школы, прогуливал занятия» (0,180), «Обращался за помощью к психиатру» (0,176), и указанием «Других» вариантов (0,269). Среди лиц, проявляющих в юношеском возрасте расположенность к становлению жертвой, ответ на ситуацию виктимизации выявляет ключевые черты формирования выученной беспомощности, включая: ощущение собственной беспомощности, чтобы справиться с нападками, и отказ от противодействия правонарушителю («Пытался избежать столкновения» (0,251), «Терпел, не сопротивлялся» (0,283)) и убеждение в безнадежности, что кто-то поможет остановить издевательства («Никому не говорил, не хотел, чтобы узнали другие» (0,210)). Среди последствий виктимизации связь с выученной беспомощностью подтверждается сообщением о переживании стресса в похожих ситуациях (0,379).

В исследованиях отмечается, что вербальная и реляционная виктимизация более вероятно способствуют развитию установки безнадежности и отсутствия контроля по сравнению с физической. Воспринимаемую неконтролируемость ситуации еще больше усугубляют мало поддающиеся непосредственному изменению причины виктимизации [3], что в данном случае коррелирует с утверждениями: «из-за одежды, которую я носил» (0,310), «они считали мое лицо смешным (забавным)» (0,251), «из-за кого-либо из членов моей семьи» (0,246), «моя семья бедная» (0,214), а также «они считали, что я выгляжу значительно старше» (что в целом свойственно для стремлений подростков) (0,232). Неподконтрольность или относительная стабильность причин виктимизации приводит к «характерологиче-

скому самообвинению» [4], что среди особенности переживания опыта лицами зависимого и беспомощного типа связано с ответом «Винил себя» (0,210). Помимо того, вероятно, что в юношеском возрасте при формировании представлений о собственной эффективности и основных стратегий достижения, возникновение ощущения неполноценности в чем-либо может оказывать более обобщенное влияние на целостную модель поведения. Среди лиц, имеющих высокие показатели беспомощности, напротив, с существенной вероятностью выделяется отрицательная взаимосвязь с описанием опыта как «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» (-0,807), что может указывать на то, что с возрастанием зависимых и беспомощных установок личность все менее рассматривает полученную обратную связь критично как несоответствующую и преднамеренную.

Закключение. Особенности ситуации виктимизации (причины, виды и формы агрессии, переживания, возможности совладания) оказывают влияние на склонность к определенному типу виктимного поведения, выступая как закрепившиеся модели реагирования, отвечающие специфике ситуации: 1) формирование модели самоповреждающего и саморазрушающего поведения сопряжено с пребыванием в ситуации перегруженности адаптационных резервов при поддержании уровня стресса без снижения высокой нагрузки, но также коррелирует с опытом имущественной виктимизации как нарушением личных границ, тогда как стремление к автономии может выступать следствием либо причиной повышенного внимания к ее фактам; 2) агрессивное поведение возникает при угрозе серьезного физического насилия в качестве активного противостояния, исключая отсутствие сопротивления, а также связана с реагированием в форме пропусков учебы и пониженной успеваемостью; 3) зависимое и беспомощное поведение взаимосвязано с опытом высмеивания личности в форме вербальной с элементами социальной виктимизации в отношении причин, не поддающихся непосредственному изменению, в условиях восприятия невозможности контроля и отказа от противодействия правонарушителю; 4) некритичное поведение возникает в ситуации запугивания преимущественно в виде угроз физического насилия как снижение внимания к потенциальному риску и игнорирование воспринимаемой информации вследствие привыкания к сигналам опасности; 5) гиперсоциальное поведение исключает опыт физической виктимизации и представляет реакцию личности на социальную агрессию и снижение самооценки в области социального принятия, наряду с эмоциональным отреагированием и готовностью к обращению за помощью. В случае присутствия агрессии в реакции личности, независимо от ее направленности (при склонности к агрессивному, самоповреждающему либо некритичному поведению), отмечается риск суицидального поведения. Ощущение беспомощности и внешний локус контроля, как и неверная оценка ситуаций, способствуют генерализации установок опыта виктимизации в похожих ситуациях (при зависимой и беспомощной и некритичной моделях).

Библиографические ссылки

1. Impact of physical and relational victimization on self-cognitions in children and adolescents : dissertation in psychology / Sinklair K. R. [et al.] // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2012. Vol. 41, № 5. P. 570–583.

2. Brain and behavioral evidence for altered social learning mechanisms among women with assault-related posttraumatic stress disorder / Cisler J. M. [et al.] // Journal of Psychiatric Research. 2015. Vol. 63. P. 75–83.

3. Radliff K.M, Wang C., Swearer S.M. Bullying and peer victimization: an examination of cognitive and psychosocial constructs // Journal of interpersonal violence. 2015. Vol. 31, №. 110. P. 1983–2005.

4. Schacter H.L., Juvonen J. The effects of school-level victimization on self-blame: evidence for contextualized social cognitions // Developmental psychology. 2015. Vol. 51, №. 6. P. 841–847.

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

А. В. Музыченко, С. В. Мелешкевич

УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка», Институт психологии
ул. Советская, 18, 200030, Минск, Республика Беларусь
muzychenko10@mail.ru

Аннотация. Обсуждаются проблемы развития личности как показатель психосоциальной адаптации в трансформирующемся обществе на границе подросткового и юношеского возраста. Завершенность возрастных задач развития личности выступает критерием ее психосоциальной адаптации. Взаимосвязь «образа Я» и временной перспективы косвенно раскрывает характеристики личностной направленности современных старшеклассников, их установки к планированию будущего, тенденции в избирательном отношении к миру. Представленные данные эмпирического исследования отражают как особенности возраста, так и результат интериоризации современных социальных тенденций. В контексте формирования готовности к профессиональному самоопределению старшеклассников рассматриваются психодиагностические данные личностного опросника самоидентичности (В.В. Козлов), опросника временной перспективы (Ф.Зимбардо), теста Дж.Голланда на выявление типа профессиональной направленности личности, методики изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).

Ключевые слова: *временная перспектива; «образ Я»; профессиональная идентичность; подростковый возраст; ранний юношеский возраст.*

FEATURES OF DEVELOPMENT PERSONAL TIME PERSPECTIVE OF THE MODERN TEENAGERS AND YOUTH

A. V. Muzychenko, S. V. Meleshkevich

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank
Sovetskaya str., 18, 200030, Minsk, Belarus

Annotation. The problems of personality development as an indicator of psychological and social adaptation in a transforming society on the border of teenage and youth-

ful age are under discussion. The completeness of the age-related tasks of personality development becomes a criterion for its psychological and social adaptation. The relationship of “self-image” and time perspective indirectly reveals the characteristics of modern high school students’ personal orientation, their attitudes towards planning for the future, trends in the selective attitude towards the world. The presented data of an empirical research reflect both age peculiarities and the result of modern social trends interiorization. In the context of the formation of high school students’ readiness for professional self-determination, psychodiagnostic data of a personal self-identity questionnaire (V.V. Kozlov), are considered, a time perspective questionnaire (F. Zimbardo), J. Golland’s test for identification of person’ professional orientation type, questionnaire for studying of professional identity status are considered A.A. Azbel, A.G. Gretsov).

Keywords: *time perspective; self-image; professional self-identity; teenage age; early youthful age*

Переживание кризиса сосредотачивает человека на настоящем, затрудняет выстраивание дальних перспектив, в условиях травмирующих обстоятельств актуализирует гедонистические ценности. Возникновение возрастного кризиса обусловлено не только качественными изменениями в самосознании личности, но и социокультурными требованиями. Соотношение внутренних и внешних условий определяет время возникновения возрастных новообразований и возрастного кризиса, неравномерность развития. В связи с нормативной завершенностью задач подросткового возраста к 15 годам, появлением гипотетико-дедуктивного мышления, личностной рефлексии, формированием Я-концепции, отражающей целостность, относительную непротиворечивость и объяснение своей позиции, исследовательский интерес составила граница перехода от подросткового возраста к раннему юношескому для оценки решенных задач развития личности. Можно предполагать, что те старшеклассники, которые после базовой школы не осуществили профессиональный выбор, имеют либо более дальнюю перспективу, духовно-нравственную, а не эгоистическую направленность, либо находятся в «диффузии идентичности», имея гедонистическую направленность [1, с. 327–331]. Как правило, стремление к материальному статусу в ближайшей перспективе проявляют выпускники базовой школы, хотя среди них могут быть представители разных направленностей, ведь осознанное профессиональное самоопределение обусловлено накоплением опыта, уровнем личностного развития; в 15 лет корректнее говорить о готовности к профессиональному самоопределению, нежели о самоопределении личности, особенно в условиях динамичных социокультурных преобразований информационного века.

Начало гармонизации личности проявляется в ее целостности, интегрированности, сбалансированности Я-материального, Я-социального, Я-духовного сообразно возрасту, их продуктивной соотнесенности в Я-демонстрируемом, Я-реальном и Я-потенциальном [2]. Осознание себя во времени обеспечивает непрерывность и целостность личности; устремленность в будущее, планирование будущего являются показателями некоторой определенности себя в личностной рефлексии.

Временной параметр прошлого, настоящего и будущего может быть позитивным и негативным. Согласно Ф. Зимбардо, каждый человек фиксируется на одном из времен, что впоследствии закрепляется как личностная черта и во многом определяет его жизнь. Эффективное функционирование требует сбалансированной временной ориентации, гибкого переключения [3]. Для целостной оценки ситуации необходимо одномоментное соотнесение прошлого, настоящего и будущего. Согласно Ж. Нюттену, мотивационные объекты или объекты-цели представлены во внутреннем плане личности в разном временном удалении от настоящего момента, однако могут быть актуальными в рамках когнитивного функционирования, в разной степени стимулируя ее активность [4]. Обобщая исследования временной перспективы в контексте жизненного пути личности, К. А. Абульханова-Славская отмечает, что жизненные планы предоставляют возможность осознать свое отношение к происходящему и увеличить личное влияние на жизнедеятельность, поскольку строятся в соответствии с актуальными потребностями личности и с учетом жизненных обстоятельств, которые могут, как способствовать, так и препятствовать реализации этих планов [5]. Отсутствие жизненных планов связано с негативным отношением к будущему, деформация временной перспективы приводит к дезадаптации в разных сферах жизнедеятельности личности.

Теоретический анализ рассматриваемой проблемы позволил обоснованно подойти к определению цели и инструментария эмпирического исследования. Цель состояла в выявлении взаимосвязи временной перспективы и сформированности «образа Я», профессиональной идентичности к концу подросткового возраста у современных старшеклассников. Объектом исследования выступало личностное развитие старшеклассника на границе подросткового и раннего юношеского возрастов. Предметом исследования – временная перспектива во взаимосвязи с «образом Я» и профессиональной идентичностью у современных старшеклассников на границе подросткового и раннего юношеского возрастов. Гипотезы исследования: особенности временной перспективы старшеклассников взаимосвязаны с характеристиками их «образа Я» и профессиональной идентичностью; сформированность профессиональной идентичности, как показатель решенности возрастных задач, имеет связанность с актуальным «образом Я» современных старшеклассников. Выборку эмпирического исследования составили десятиклассники ГУО «Средняя школа № 116 г. Минска», 50 человек в возрасте 15–16 лет (32 девушки и 18 юношей). В качестве инструментария психодиагностического метода использовались: личностный опросник самоидентичности (В. В. Козлов), опросник временной перспективы (Ф. Зимбардо), тест Дж. Голланда на выявление типа профессиональной направленности личности, методика изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель, А. Г. Грецов).

По данным личностного опросника самоидентичности для 42% старшеклассников характерно доминирование Я-духовного в структуре самоидентичности, что отражает мировоззренческий рост их личности, ориентацию на созидание. Для 36% старшеклассников характерна выраженность Я-

материального в структуре самоидентичности, основу которого составляет телесное, витальное. Согласно В. В. Козлову, тип людей идентифицированных с Я-материальным, имеют эксплуататорскую, накопительскую и рыночную ориентации; основной мотив активности – личное благополучие, выражаемое совокупностью потребительских благ, для получения которых прагматично и рационально старшеклассники такого типа личности стремятся максимально использовать достижения современной цивилизации. Для 22% характерна выраженность Я-социального, что отражает их стремление быть значимым для других, к статусам, карьерному росту. Общий возрастной портрет соответствует нормативным представлениям о развитии личности: в начале ранней юности значительная часть старшеклассников становится способной к поиску внутреннего содержания, духовности для самооценки и самоутверждения, но часть старшеклассников сохраняют зависимость от материальных благ и отношений, стремятся сформировать свое Я извне.

Данные опросника временной перспективы были представлены по уровням проявлений признака (низкий, средний, высокий) в соответствии с пятью шкалами: негативное отношение к прошлому, гедонистическое отношение к настоящему, будущее, позитивное отношение к прошлому и фаталистическое настоящее. Большинство старшеклассников оценивают прошлое конструктивно, стремятся найти пользу в негативе (по 40 % человек имеют низкий и средний уровень проявления признака). Для 10 старшеклассников (20 %) негативное отношение к прошлому сопровождалось тяжелыми переживаниями в связи с произошедшими событиями. Гедонистическое отношение к настоящему имеет высокий уровень у 66 % старшеклассников, тогда как у 30 % – средний, у 4 % – низкий. Большинство испытывают удовольствие от настоящего, возможно предвосхищая сложность задач взрослой жизни. Вместе с тем, у 70 % старшеклассников помыслы направлены в будущее, из-за чего возможно пренебрежение настоящим; 30 % имеют средний уровень проявления признака, низкий уровень направленности в будущее отсутствует вовсе. В соответствии с задачами возраста построение личностной, профессиональной, жизненной перспективы становится актуальной. Важно, чтобы будущее строилось на реальных достижениях настоящего, с принятием и позитивной оценкой прошлого. В позитивном отношении к прошлому степень проявления признака распределилась равномерно: от низкого к высокому уровню – 30%, 36%, 34% соответственно. В отношении фаталистического настоящего преобладает средний уровень у подавляющего большинства – 86%, что отражает сбалансированность отношения к жизни: отсутствие полного полагания на судьбу, готовность к проявлению субъектности. Лишь 6 % старшеклассников имеют низкий уровень проявления признака, они характеризуются активной жизненной позицией и внутренним локусом контроля; а 8% покорны судьбе, имея высокий уровень проявления признака.

По тесту Дж. Голланда преобладающим в выборке профессиональным личностным типом был выявлен у 26% старшеклассников социальный личностный тип, имеющий потребность в контактах, хорошие вербальные спо-

собности, психологически настроенный на человека, стремящийся поучать, воспитывать. У 20% выявлен артистический тип, опирающийся на эмоции, воображение, интуицию, имеющий сложный взгляд на жизнь, стремящийся к утверждению своего Я, реализации высокого жизненного идеала. Для 18% характерен предприимчивый тип, проявляющий энтузиазм, импульсивность, доминирование, стремящийся к признанию, к руководству людьми. Для 18% характерен реалистичный личностный тип, несоциальный, ориентированный на настоящее, эмоционально стабильный, занимающийся конкретными объектами, предпочитающий занятия, требующие моторной ловкости, конкретности. В меньшинстве оказались конвенциональный тип и исследовательский – 10% и 8% соответственно. Небольшое количество старшеклассников предпочитают четко структурированную деятельность, и аналитичную, требующую абстрактного мышления, оригинальности. Вероятно, обобщенный портрет отражает характер подростковых увлечений.

По результатам методики изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель, А. Г. Грецов) были суммированы набранные старшеклассниками баллы по каждому из статусов. Выявлено преобладание статуса моратория – 36% от выборки; по 22% пришлось на неопределенную профессиональную идентичность и навязанную, 18% на сформированную. Причем выраженность статуса моратория как выше среднего характерна для 10% старшеклассников, яркая выраженность – у 4%. Статус моратория имеют старшеклассники, рассматривающие альтернативные варианты профессионального развития, стремящиеся выйти из этого состояния через принятие решения. Выраженность выше среднего навязанной идентичности характерна для 8 % старшеклассников, яркая выраженность – у 4%. Данный статус получили те, кто пришел к выбору не путем собственных размышлений, а по совету авторитетов, что не гарантирует удовлетворенности профессией. Выраженность выше среднего неопределенной идентичности характерна для 2% старшеклассников, яркая выраженность – у 4%, что отражает размытость целей, отсутствие планов, вероятно, недостаточный уровень развития личностной рефлексии. Выраженность сформированной идентичности преобладает на уровне ниже среднего и среднем, выше среднего лишь у 2%, яркая выраженность у 2%. Как видно, формирование профессиональной идентичности лишь начинается в конце подросткового и начале раннего юношеского возраста.

Для выявления взаимосвязи временной перспективы и сформированности «образа Я», профессиональной идентичности был выполнен статистический анализ данных с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена. В результате установлена взаимосвязь сформированной профессиональной идентичности и Я-материального ($R_s=0,346$ при $p=0,014$), который показал, что сформировавшие профессиональную идентичность старшеклассники имеют эксплуататорскую, накопительскую, рыночную ориентации. Таким образом, духовно-нравственная направленность сохраняет незавершенность развития, устремлена в дальнюю перспективу, требует в качестве новообразований нравственного сознания, завершения задач ранней юности.

На примере среднестатистической столичной школы, прослежены особенности развития временной перспективы современных старшеклассников, результаты исследования позволяют предполагать, что трансформационные процессы общества ни форсируют личностное развитие, ни препятствуют существенным образом. Качественное своеобразие можно выявить посредством качественных методов, что составляет перспективу исследования. Бесспорно, полученные результаты нельзя экстраполировать на отечественную генеральную совокупность старшеклассников в период перехода от подросткового к раннему юношескому возрасту. Вместе с тем общие закономерности возрастного развития прослеживаются на небольшой выборке.

Библиографические ссылки

1. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М. : Творч. центр «Сфера», 2001. 464 с.
2. Козлов В.В. Личностный опросник самоидентичности: теория и метод. Методическое пособие. Ярославль, 2007. 55 с.
3. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб. : Речь, 2010. 352 с.
4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М: Смысл, 2004. 608 с.
5. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб. : Алетейя, 2001. 304 с.

УДК 376.1-058

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ НАРУШЕНИЙ ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА С СИНДРОМОМ ДАУНА

Г. Ю. Одинокова, Ю. А. Разенкова*

**ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии
образования»**

ул. Погодинская, д.8, корп. 1., 119121, Москва, Российская Федерация
odinokova@ikr.email, razenkoff@ yandex.ru

Аннотация. Замысел статьи направлен на поиск причин нарушений поведения детей раннего возраста с синдромом Дауна. С этой целью анализу подвергается общение в двух группах: матери и дети с синдромом Дауна, имеющие нарушения поведения; матери и дети с синдромом Дауна, не имеющие поведенческих трудно-

* Работа выполнена в рамках Госзадания Министерства просвещения РФ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования» на 2019 г. по проекту «Научно-методическое обеспечение деятельности педагогических работников образовательных организаций, специалистов ППМС-центров в части работы с семьями обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья».

стей. Результат анализа указывает на то, что причину нарушений поведения ребенка следует искать в качестве его общения с близким взрослым (матерью).

Ключевые слова: *общение матери и ребенка раннего возраста с синдромом Дауна; нарушения поведения ребенка; инициативное коммуникативное поведение детей; дети с синдромом Дауна.*

REVISING THE CAUSES OF BEHAVIOR PROBLEMS IN TODDLERS WITH DOWN SYNDROME

G. Y. Odínokova, Y. A. Razenkova

Institute of Special Education, Russian Academy of Education

Pogodinskaya str., 8-1, 119121, Moscow, Russia

Annotation. The purpose of this article is to understand root causes of behavior problems in toddlers with Down syndrome. For this purpose an analysis of mother-child communication was carried out among the participants of two groups of pairs: mothers and toddlers with Down syndrome who have behavior problems; mothers and toddlers with Down syndrome who have no behavior problems. The analysis result indicates that the cause of toddler's behavior problems should be searched for in the quality of his/her communication with the caring adult (mother).

Keywords: *communication between mother and toddler with Down syndrome; toddler's behavioral problems; toddlers' communicative behavior in which they take initiative; children with Down syndrome.*

По мнению исследователей, развитие ребенка с синдромом Дауна характеризуется заметными особенностями, среди которых немаловажную роль играют поведенческие трудности [6; 8; 9]. Они наблюдаются ближе к двух-летнему возрасту и выражаются в игнорировании просьб или обращений взрослого, вспышках раздражительности, стереотипных действиях, аутистических реакциях, агрессии, негативизме, реакциях протеста и др. Указывая на то, что сложности в поведении ребенка с синдромом Дауна в дальнейшем закрепляются и создают препятствия для его обучения, исследователи ищут причины и способы коррекции такого поведения [7, с. 27].

В Институте коррекционной педагогики Российской академии образования был спланирован и проведен эксперимент по изучению общения детей раннего возраста с синдромом Дауна и их матерей [2; 4]. В качестве гипотезы было сформулировано предположение о том, что нарушения в поведении ребенка раннего возраста с синдромом Дауна связаны с неблагополучием в развитии его общения с близкими взрослыми и, в первую очередь, с матерью. В исследовании приняли участие 30 пар «мать - ребенок раннего возраста с синдромом Дауна». Возраст детей - от 18 до 36 месяцев, возраст матерей - от 24 лет до 41 года. Все семьи с детьми с синдромом Дауна были зарегистрированы в Благотворительном фонде «Даунсайд Ап» (г. Москва) и включены в программы ранней помощи (домашние визиты педагогов-дефектологов).

Изучение общения в парах осуществлялось с применением метода анализа видеоматериалов взаимодействия, подробно представленного в публикации [1]. Матери предлагалось пообщаться с ребенком в обычном режиме, но

без игрушки. Затем предлагался стандартный набор игрушек, и мать просили поиграть с ребенком. Видеосъемка производилась во время трех встреч, в домашних условиях. Происходящее фиксировалось на камеру в течение 20 мин. При осуществлении экспертного анализа видеоматериалов в отснятых эпизодах выделялись «сюжеты», в которых имелись начало (обращение матери к ребенку), продолжение (обмен действиями) и завершение (прекращение взаимных действий). При анализе «сюжетов» фиксировались все действия ребенка – сосредоточение, мимические проявления, вокализации, двигательное оживление, протягивание игрушки матери и другие; отмечалось, на какие воздействия матери они были проявлены, при каких условиях. Также фиксировались действия матери, которые вызывали активность ребенка. Всего было проанализировано 240 сюжетов.

В результате анализа видеоматериалов дети были поделены на 2 группы: 1) вошли дети, у которых поведенческие нарушения не были зафиксированы (14 детей - 46,7%); 2) дети с разными проявлениями «плохого» поведения (16 детей - 53,3%). Нарушения поведения были представлены неоднократно отказами от общения; противоречивыми коммуникативными посланиями; специфическими действиями, переключающими (иногда опасным образом) внимание взрослого, стереотипиями и негативизмом.

Далее в поведении детей каждой группы подсчитывалась частота ответных и инициативных коммуникативных действий, фиксировались средства общения, проводилось межгрупповое сравнение. Сравнение частоты ответных коммуникативных действий у детей группы 1 и группы 2 не показало значимых различий, все дети с разной частотой отвечали на предложения матери. Иная картина наблюдалась относительно инициативных коммуникативных действий. Во 2 группе (дети с поведенческими нарушениями) 6 детей (37,5%) не показали ни одной инициативы за время съемок, а 10 детей (62,5%) проявили инициативу и обратились к матери всего один-два раза. В 1 группе, где поведенческие трудности не были зафиксированы, случаев отсутствия инициативы или малоактивного поведения (1-2 инициативы) не наблюдалось. Все дети побуждали мать к общению, увлеченно играли с игрушками: 10 детей (71,4%) инициировали общение и обращались к матери с предложениями от 3 до 6 раз, а 4 ребенка (28,6%) приглашали мать к взаимодействию от 7 до 10 раз. Результаты сравнения частоты ответных и инициативных коммуникативных действий у детей 1 и 2 группы показали, что у детей без нарушений поведения более высокая инициативная коммуникативная направленность по сравнению с детьми, имеющими трудности в поведении. Дети из 2 группы ни разу или только однократно проявляли инициативу, направленную на мать, но в контакте с ней демонстрировали резкие размашистые движения, яркие мимические проявления, произносили громкие звуки и т.п. По нашему мнению, такие проявления ребенка можно рассматривать как активность, не встроенную в коммуникацию, не реализованную в общении с близкими взрослыми.

Маленький ребенок с рождения обладает активностью, которая имеет биологическое, природное начало. Считается естественным, когда мать и

близкие люди организуют с первых дней жизни такое общение с ребенком, в котором он признается полноправным членом семьи, личностью, самым любимым и желанным. В таком эмоциональном общении со взрослыми поддерживается любая активность младенца: самостоятельные движения, сосредоточенность на лице взрослого, на игрушке, первые ответы, призывы взрослого к общению. Мать постепенно встраивает активность ребенка в непосредственно-эмоциональное общение. Именно в общении с матерью ребенок начинает овладевать культурно-приемлемыми способами сообщения о своих предпочтениях, желаниях, переживаниях, учится постепенно выражать свои просьбы. Если мать, в силу разных причин, не создает условий для адекватного проявления ребенком инициативы в коммуникации, не поддерживает ребенка, не меняет свое поведение в связи с его обращениями, то инициативы, и в целом коммуникативное поведение ребенка не будет развиваться. В таком случае активность ребенка будет проявляться в деструктивных формах, которые мы регистрировали у детей с синдромом Дауна второго-третьего года жизни как факты нарушенного поведения. И наоборот, педагогическая работа, направленная на преодоление трудностей в общении ребенка с синдромом Дауна и матери показала, что по мере появления у ребенка коммуникативных инициатив (ясных посланий, обращений, просьб к матери) нарушения поведения сглаживаются и чаще всего исчезают [3, с.165; 5, с.148].

Такое понимание природы нарушений поведения у детей раннего возраста с генетической патологией заставляет по-другому посмотреть на задачи и содержание психолого-педагогической помощи. На первый план выходит работа по налаживанию коммуникации в паре «мать-ребенок с синдромом Дауна». Для предотвращения и преодоления нарушений поведения у ребенка с синдромом Дауна в ситуациях общения от близкого взрослого требуются специальные коммуникативные умения по созданию ситуаций, вначале побуждающих, а потом провоцирующих ребенка на инициативные коммуникативные действия, выраженные различными средствами; по поддержанию ответных и инициативных действий ребенка и его эмоциональной вовлеченности; по поддержанию согласованности коммуникативных действий партнеров, продолжительности и непрерывности их протодиалога, развитие его содержания, адекватного возрасту, интересу и индивидуальным особенностям ребенка. Применение разработанных в Институте коррекционной педагогики технологий требует овладения специалистами соответствующими профессиональными умениями в области диагностики, предупреждения и преодоления нарушений поведения у ребенка раннего возраста с синдромом Дауна с близким взрослым в ситуациях общения.

Библиографические ссылки

1. Уайт П. Практические подходы к работе над поведением, которое сводит нас с ума // Хрестоматия для родителей. М. : Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2008. С. 253–264.
2. Fidler D.J. The emerging Down syndrome behavioral phenotype in early childhood: implications for practice // *Infants & Young Children*. 2005. Vol. 18, № 2. P.

86–103.

3. Spiker D. The history of early intervention for infants and young children with Down syndrome and their families: Where have we been and where are we going? // Neurocognitive Rehabilitation of Down Syndrome: Early Years / J.-A. Rondal, J. Perera, D. Spiker [eds.]. Cambridge : CambridgeUniversityPress, 2011. P. 15–32.

4. Фили К.М., Джоунз Э.А. Преодоление отклоняющегося поведения у детей с синдромом Дауна // Синдром Дауна: XXI век. 2010. Т. 5, № 2. С. 26–33.

5. Одиноква Г.Ю. Выявление и преодоление неблагополучия в развитии общения матери и ребенка раннего возраста с синдромом Дауна : автореф. дисс....канд. пед. наук : 13.00.03. М., 2015. 24 с.

6. Разенкова Ю.А. Предупреждение и преодоление трудностей развития общения у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья : автореф. дис.... докт. пед. наук : 13.00.03. М., 2017. 50 с.

7. Айвазян Е.Б., Кудрина Т.П., Одиноква Г. Ю. Исследование общения взрослого и ребенка первых лет жизни с ограниченными возможностями здоровья: методический инструментарий // Альманах института коррекционной педагогики. 2018. № 32. Режим доступа: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-32>. Дата доступа 18.05.2019

8. Одиноква Г.Ю. Общение матери и ребенка раннего возраста с синдромом Дауна: монография. М.: Полиграф сервис. 2016. 210 с.

9. Разенкова Ю.А. Трудности развития общения у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья: выявление, предупреждение и коррекция. М. : Полиграф сервис. 2017. 200 с.

УДК 159.922

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

С. Ю. Пашенко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ул. Владимирская, 60, 01601, г. Киев, Украина

s.paschenko.tsu@gmail.com

Аннотация. Предметом рассмотрения являются психологические особенности профессионально-педагогического самосознания преподавателей на разных этапах их профессионального становления. Выборку эмпирического исследования составили 395 преподавателей университетов Украины. Статистически значимые различия между испытуемыми, находящимися на разных этапах профессионального становления, были выявлены по таким составляющим профессионально-педагогического самосознания: «Валентность эмоций», «Ориентация на бытие», «Социоориентированная самоактуализация», «Психологические знания», «Научно-исследовательская компетентность», «Педагогические знания», «Самооценка творческих способностей», «Самооценка лидерских качеств», «Ширина спектра профессиональной идентичности» и

«Глобализационная идентичность». На основе проведенного анализа представлены специфические характеристики трех периодов профессиогенеза преподавателей высшей школы – период адаптации, период самореализации, период мастерства и наставничества – сообразно развитию их профессионального самосознания.

Ключевые слова: *профессиональное самосознание; преподаватель; профессиогенез.*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE LECTURERS’ PROFESSIONAL SELF-AWARENESS

S. Y. Paschenko

Taras Shevchenko National University of Kyiv
Volodymyrska str., 60, 01601, Kyiv, Ukraine

Annotation. The subject of consideration is the psychological characteristics of the professional-pedagogical self-consciousness of the university teaching staff at different stages of their professional development, which determine the conditions for their personal and professional growth. The sample of empirical research consisted of 395 university lecturers in Ukraine. Statistically significant differences between the subjects at different stages of their professional genesis were identified by the following professional-pedagogical self-awareness components: “Valence of emotions”, “Orientation towards being”, “Socio-oriented self-actualization”, “Psychological knowledge”, “Research competence”, “Pedagogical knowledge”, “Self-esteem of creative abilities”, “Self-esteem of leadership skills”, “Spectrum width of professional identity” and “Globalization identity”. On the basis of the analysis performed, the specific characteristics of the three periods of professional genesis of higher schoolteachers – the period of adaptation, the period of self-realization, the period of mastery and mentoring — are presented in accordance with the development of their professional self-awareness.

Keywords: *professional self-awareness; lecturer; professional genesis.*

Современное общество предъявляет высокие требования к преподавателю, призванному обеспечивать организацию учебного процесса в университетах в соответствии с мировыми достижениями науки и управления. Вследствие этого вопрос качества преподавательской деятельности считается одним из основных и требует высокого уровня профессионального мастерства и сформированности профессионального самосознания педагогов. Принимая во внимание актуальность проблемы, предметом рассмотрения являются психологические особенности профессионально-педагогического самосознания преподавателей на разных этапах их профессиогенеза, которые определяют условия их личностного развития и профессионального становления.

Психологи рассматривают самосознание в качестве сложного интегративного свойства психической деятельности личности, способного влиять на особенности организации деятельности и являющегося одним из условий развития личности (Б.Г. Ананьев, М.И. Боряшевский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.А. Роменец, С.Л. Рубинштейн, С. А. Ставицкая, В.В. Столин, И.И. Чеснокова, П.Р. Чамата, А.Н. Buss, A.C. DaSilveira, A.W. Hanley, E.L. Garland и др.). Исследовались также и закономерности развития профессионального самосознания (В.А. Бодров, С.А. Дружилов, Е.П. Ермолаева, Э. Ф. Зеер, Р.В. Каламаж,

Е.А. Климов, В. М. Козиев, Ю.М. Кулюткин, Г. И. Метельский и др.), в т.ч. самосознания учителя (Л.И. Анцыферова, Т.Ю. Артюхова, С.В. Васьковская, Е.И. Власова, О.А. Гульбс, А.И.Гура, А. А. Деркач, Е.В. Дьяченко, Е.А. Евдокимова, И.Я. Лернер, Л.М. Митина, Д. Ф. Николенко, К.М. Шамлян), которые доказывают, что фундаментальной основой становления личности преподавателя является его профессиональное самосознание. Основное количество научных публикаций, посвященных проблемам профессионального самосознания и самоидентификации касаются учителей, управленцев, психологов. Проблема же профессионального самосознания преподавателя высшей школы остается недостаточно разработанной.

Профессиональное самосознание непосредственно связано с осознанием человеком себя в профессиональной деятельности, его отношением к себе как к субъекту профессиональной деятельности. Исходя из этого, в структуру профессионального самосознания преподавателя входят такие основные компоненты, как профессиональная установка на педагогическую деятельность, наличие потребности в самопознании и самооценке профессионально значимых качеств, саморегуляция при решении педагогических задач и соответствующие мотивы профессионального самосовершенствования. Опираясь на утверждение А. К. Марковой о том, что профессиональное самосознание является постоянно развивающимся динамическим образованием, важными качествами для развития профессионального самосознания преподавателя университета является склонность к критичной самооценке, адекватному уровню притязаний, развитию эмпатических способностей, коммуникативных и социально-психологических установок, позитивного самоотношения и отношения к другим [1]. Анализируя профессиональное самосознание преподавателя, мы понимаем его как сложный личностный механизм, выполняющий активную регуляторную функцию в деятельности педагога и способствующий саморазвитию и сознательному формированию профессионально значимых качеств его личности. Таким образом, существует связь между особенностями самосознания педагога и уровнем его педагогического мастерства. Именно поэтому наше исследование связано с изучением психологических особенностей профессионального самосознания преподавателей с учетом стадий их профессионального развития. Профессиональное самосознание преподавателя понимается как единство трех аспектов: познавательного (самопознание), эмоционально-ценностного (самооценка) и деятельностно-волевого, регулятивного (саморегуляция). На основании результатов наших и многих других эмпирических исследований нами были определены основные компоненты профессионально-педагогического самосознания преподавателя: профессиональные знания, умения и научно-исследовательская компетентность, интегрированные в когнитивном компоненте; социоориентированная, эгоориентированная и нормоориентированная самоактуализация; ценности самореализации, признания и профессионального успеха; психологическая компетентность; профессиональная идентичность; глобализационная идентичность. Высокий уровень развития этих компонентов профессионального самосознания обеспечивает усиление практической направленности преподавания, вовлечение в активную педа-

гогическую деятельность с дальнейшим самоанализом и оценкой собственных действий, развитие саморегуляции в процессе активной педагогической практики, повышение профессиональной компетентности в сфере педагогического общения и психологического знания и развитие педагогической рефлексии.

Для достижения очерченных результатов мы исследовали основные структурные компоненты профессионального самосознания преподавателей в их динамике на разных этапах профессиогенеза, что позволило нам констатировать ключевые закономерности развития этого комплексного психологического конструкта. Выборку составили 395 преподавателей университетов Украины. Диагностический этап измерения исследуемого конструкта осуществлялся с помощью батареи психодиагностических методик и качественных методов исследования: стандартизированные самоотчеты (анкеты и опросники), праксиметрические методики (анализ продуктов профессиональной деятельности), наблюдение, интервью, проективные методики, метод профессиональной биографии, психо-семантический дифференциал и методы математической статистики.

По результатам дисперсионного анализа статистически значимые различия между испытуемыми, находящимися на разных этапах профессиогенеза, были выявлены по таким составляющим: Валентность эмоций ($F = 3,580$; $p = 0,029$; $\eta^2 = 0,024$), Ориентация на бытие ($F = 12,074$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,075$), Социоориентированная самоактуализация ($F = 3,721$; $p = 0,025$; $\eta^2 = 0,024$), Психологические знания ($F = 4,754$; $p = 0,009$; $\eta^2 = 0,031$), Научно-исследовательская компетентность ($F = 8,829$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,056$), Педагогические знания ($F = 5,683$; $p = 0,004$; $\eta^2 = 0,037$), Самооценка творческих способностей ($F = 3,247$; $p = 0,040$; $\eta^2 = 0,021$), Самооценка лидерских качеств ($F = 3,733$; $p = 0,025$; $\eta^2 = 0,025$), Ширина спектра профессиональной идентичности ($F = 5,914$; $p = 0,003$; $\eta^2 = 0,038$) и Глобализационная идентичность ($F = 22,256$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,130$).

Создание интегральных профилей структуры профессионального самосознания преподавателей на разных этапах профессионального развития дало нам возможность наглядно представить те структурные единицы, по которым выявлены статистически значимые различия. Снижение валентности эмоций характерно для периода профессионального мастерства и наставничества. Именно на этом этапе негативный эмоциональный фон достигает максимального уровня, что мы связываем с процессом эмоционального выгорания педагогов. Ориентация на бытие как составляющая конативного компонента самосознания резко снижается по мере профессионального развития, что тоже может быть связано с эмоциональным выгоранием. Если молодые преподаватели на стадии профессиональной адаптации стараются достичь максимально полных взаимоотношений со своим окружением, то у их опытных коллег, находящихся на стадии мастерства и наставничества, такая мотивация в значительно меньшей степени определяет их деятельность. Тем не менее, у последних ярче проявляется социоориентированная самоактуализация, которая наблюдается в толерантных взаимоотношениях с окружающими, в позитивном и открытом отношении к другим, поскольку необходимость быть наставником требует именно таких способов самоактуализации. Наиболее высоко по сравнению со своими коллегами оценили

свои научно-исследовательские компетентности те преподаватели, которые пребывают на стадии профессиональной самореализации, поскольку именно на этой стадии довольно выразительным является стремление внести собственный вклад в науку и исследования. А для преподавателей университетов, находящихся на стадии мастерства и наставничества, более приоритетными в сравнении с другими педагогами, являются педагогические и психологические компетентности, которые помогают им найти индивидуальный подход к каждому студенту с помощью организации образовательного процесса как сотворчества преподавателя и студента, совместного решения учебных, профессиональных, социальных и педагогических задач в ходе равноправного диалога. Для преподавателей, находящихся на стадии самореализации, характерна некоторая переоценка значения творческих способностей, в то время как для более опытных педагогов – их недооценка. Мы предполагаем, что интенсивный научно-исследовательский поиск, характерный для преподавателей на этапе профессиональной самореализации, способствует уверенности в своих творческих способностях и возможностях, тогда как на стадии мастерства и наставничества они склонны переосмысливать свой вклад в науку и более критично относятся к собственным творческим способностям. Самооценка лидерских качеств оказалась минимальной на стадии профессиональной адаптации. Молодые преподаватели университетов должны удовлетворяться менее престижными позициями в организационной иерархии, а нереализованная потребность в доминировании может привести к негативному восприятию уровня развития собственных лидерских качеств.

Интересен идентичностный компонент профессионального самосознания, где минимальная ширина спектра профессиональной идентичности наблюдается у молодых преподавателей, поскольку специалисты на стадии профессиональной адаптации не всегда четко представляют свою соотнесенность с профессией, профессиональный образ «Я» у них недостаточно сформирован, как и представление о соотношении этого образа с социумом, условиями труда и актуальными изменениями в профессии. Но то, что именно в этой группе наиболее выраженной оказалась глубинная профессиональная идентичность, указывает на ярко выраженное стремление идентифицировать себя, в первую очередь, с ролью профессионала в сравнении с любой другой социальной ролью. На более высокий уровень открытости к новому в контексте глобализационных процессов в образовательно-научном пространстве у преподавателей на стадиях профессиональной адаптации и самореализации указывают статистически значимые расхождения по такой составляющей профессионального самосознания как глобализационная идентичность. Педагоги на стадии мастерства и наставничества находятся несколько в стороне от этих трансформационных процессов.

Итак, на основе проведенного анализа были выявлены специфические характеристики трех периодов профессионального развития преподавателей высшей школы сообразно развитию их профессионального самосознания. На стадии профессиональной адаптации преподаватели вузов более склонны к проявлению позитивных эмоций в своей деятельности, и эта деятельность является внутренне мотивированной в большей мере, чем у их коллег. На этом этапе максимально выра-

женным является стремление к демократичности как условию успешной самоактуализации и уважение достоинства как общечеловеческой ценности. Однако нереализованной остается потребность в доминировании, что приводит к неверию в собственные силы и лидерские качества, узости спектра профессиональной идентичности. Тем не менее, именно социальная роль профессионала и участника глобализационных процессов в образовании являются для молодых преподавателей очень важными. Стадия профессиональной самореализации характеризуется постепенным снижением позитивной валентности эмоций и внутренней мотивации деятельности. Преподаватели на этой стадии чаще своих коллег отдают предпочтение таким ценностям как творчество и свобода. Объективность в восприятии мира как способ самоактуализации помогает им лучше понять себя и свое предназначение. Именно эти профессионалы наиболее высоко оценили свои научно-исследовательские и творческие способности. На этой стадии педагоги вузов демонстрируют наиболее широкий спектр профессиональной идентичности, у них уже сформирован профессиональный образ «Я» и представления об отношениях этого образа с социумом, условиями труда и актуальными трансформациями в профессиональной сфере. Они достаточно открыты по отношению к глобализационным процессам в научно-образовательной среде. На этапе профессионального мастерства и наставничества эмоциональный фон профессиональной деятельности является менее позитивным по сравнению с другими стадиями. Аналогично снижается и роль внутренней мотивации. Все это связано с процессами эмоционального выгорания педагога. Для преодоления этих негативных процессов они развивают овладение методами ранней самокоррекции профессиональных деформаций и деструкций личности, а также техниками саморегуляции, самоорганизации и самовыражения. У этих преподавателей самоактуализация носит наиболее альтруистический, социоориентированный характер, что способствует эффективному наставничеству. В структуре самооценки знаний преобладают знания педагогики и психологии. Тем не менее, они более критично относятся к своим творческим способностям, а также наименее активно проявляют готовность развивать свою профессиональную идентичность в контексте глобализационных процессов, происходящих в научно-образовательном пространстве.

Таким образом, профессиональное «Я» преподавателя определено нами как осознание собственных профессиональных качеств и эмоциональное отношение к себе как к специалисту и к своей деятельности в сфере профессиональной самореализации. Представленные теоретические подходы и данные эмпирических исследований позволяют сделать вывод о наличии связи между особенностями самосознания педагога и уровнем его педагогического мастерства, что, в свою очередь, указывает на необходимость целенаправленного формирования профессионального самосознания преподавателей вузов для повышения качества высшего образования в целом.

Библиографические ссылки

1. Маркова А.К. Психология профессионализма. М. : Знание, 1996. 308 с.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Т. Д. Подкладова

ФГАОУВО «Томский государственный университет»
пр-т Ленина, 36, 634050, г. Томск, Российская Федерация
tanyatomsk@mail.ru

Аннотация. Чтение, коммуникация взрослого и ребенка по поводу прочитанного в семье относится к качеству отношений в семье, созданию уникальной воспитательной среды, социализации ребенка и оказывает влияние на формирование личностного, социального и культурного капитала. Чтение, как правило, рассматривается в контексте образования и социализации детей, но семейное чтение может быть еще и социальным ресурсом, помогающей практикой, в условиях которой возникает «семейное время», совместные переживания, узнавание друг друга, навык коммуникации – важнейшие условия взаимопонимания в семье. Анализ семейного чтения демонстрирует меняющийся характер отношения к книге и чтению, раскрывает противоречивость родительских позиций, но в тоже время и детский интерес к книге, разнообразие читательских практик в современном обществе, что вселяет уверенность в будущее книги и чтения.

Ключевые слова: *семейное чтение; совместное чтение; семейное время; родители; дети; социализация; коммуникация; литература; библиотека.*

FAMILY READING AS A PRACTICE FOR THE INTERACTION OF PARENTS AND CHILDREN

T. D. Podkladova

Tomsk State University

Lenin av., 36, 634050, Tomsk, Russian Federation

Annotation. Reading, communication between an adult and a child about what is read in a family refers to the quality of relationships in the family, the creation of a unique educational environment, the socialization of the child and influences the formation of personal, social and cultural capital. Reading is usually considered in the context of the education and socialization of children, but family reading can also be a social resource that helps practice, in terms of which “family time” arises, sharing experiences, getting to know each other, communication skills are the most important conditions for mutual understanding in the family. An analysis of family reading demonstrates the changing nature of attitudes towards books and reading, reveals the inconsistency of parental positions, but at the same time the children's interest in the book, the diversity of reading practices in modern society, which instills confidence in the future of books and reading.

Keywords: *family reading; joint reading; family time; parents; children; socialization; communication; literature; library.*

В результате освоения общепринятых норм, ценностей, традиций, социальных ролей происходит процесс интеграции человека в социальную среду, форми-

рование мотивационной структуры поведения человека. Социализация и социальный контроль, по мнению Т. Парсонса [1] являются основными механизмами, обеспечивающими сохранение и воспроизводство нормативно-ценностной составляющей общества. Данные механизмы функционируют благодаря коммуникации, поддерживающей взаимодействие разных социальных групп, поколений. Социологов, в первую очередь, интересуют механизмы формирования социальных отношений при помощи коммуникации. В социологии термин «коммуникация» рассматривается: 1) как средство связи любых объектов материального и духовного мира; 2) общение как передача информации от человека к человеку, 3) передача и обмен информацией в обществе с целью воздействия на него [2, с. 3]. В социологии коммуникации в 60–70 годы на первый план выходит изучение межличностной коммуникации, что почти совпало с интересом к изучению коммуникаций со стороны психологов, лингвистов, акцентирующих внимание на семантическом объяснении действий индивидов, психологических особенностях субъектов коммуникации. Задачей социологии при изучении коммуникации является исследование социальных факторов, влияющих на поведение людей, на межличностное взаимоотношение, на общество, на формирование общественного мнения, на отношение к ценностям и социальным практикам.

Семья является первичным и одним из наиболее значимых агентов социализации. Очевидно, что современная семья трансформируется, усиливается роль других агентов социализации, меняется содержание и формы взаимодействия как внутри семьи, так между семьей и обществом. Внутрисемейная, в том числе в рамках расширенной семьи, коммуникация является не только инструментом социализации, но и обладает собственной ценностью, создавая уникальную семейную среду, где происходит обмен мыслями, чувствами, проявление эмоций, доверия и уважения, внимания и заботы, общности интересов и семейных традиций [3, с. 15] Основное внимание в данной статье будет уделено сфере семейной коммуникации вокруг книги как объекта материальной и нематериальной культуры.

Если практика чтения в семье ориентирована на использование символического ресурса книги, то практика создания и поддержания домашней библиотеки оперирует книгой как вещью. В исследовании, например, книжных домашних собраний, прежде всего, интересен не сколько количественный аспект, сколько качественный: как попадают книги в семью, является ли книга неотъемлемой частью жизни семьи, удовольствием или представляет собой часть наследства, имеет утилитарное значение, как меняется домашняя библиотека через поколения, как дети участвуют в ее поддержании, в актуализации «старых» и в выборе новых книг, является ли книга в настоящее время «лучшим подарком» с точки зрения родителей и детей.

Очевидно, что книга, книжная культура, чтение и читательские практики за последние 20–30 лет значительно поменялись и эти изменения продолжаются. Ю. Щербинина, оценивая происходящую трансформацию, отмечает, что «прежде книгу почитали и берегли как святыню, сакральный предмет, икону культуры, то сейчас ею распоряжаются как функциональной вещью, или модным атрибутом, или забавной игрушкой, а то и как «отжившим свой век», предметом для вторич-

ной творческой переработки» [4, с. 6], а чтение трансформируется в некое физическое действие, «читатель становится «социальным протезом» произведения, что приводит с одной стороны к читательскому самовыражению, с другой стороны к отношению к книге как продукту потребления [4, с. 131]

Предметом наших исследований [5] выступает количество и качество взаимодействия семьи с книгой как с объектом символической и материальной культуры и анализ субъектности ребенка в процессе данного взаимодействия. Семейное чтение стало предметом междисциплинарных исследований относительно недавно. Этот феномен и практика тесно связаны с изучением детского чтения. При подготовке статьи использованы результаты исследований (2017-2019 гг.) с применением социологических методов: количественный опрос родителей Томской области (1074 человека), фокус-группы с детьми, родителями, специалистами библиотек и учителями русского языка и литературы. Всего было проведено 8 фокус групп в городе и сельской местности.

Ю. Мелентьева рассматривает семейное чтение как одну из моделей чтения наряду с учебным, развлекательным, деловым [6, с. 1]. Т. Степичева, анализируя традиция семейного чтения в контексте библиотечных исследований, делает вывод о существовании двух подходов к пониманию семейного чтения: совместное чтение родителей с детьми, не умеющими или недостаточно хорошо умеющими читать и понимание семейного чтения как совместного чтения взрослых членов семьи [7, с. 52]. Чаще всего говоря о практике семейного чтения, респонденты, информанты имеют в виду прежде всего «чтение вслух детям», 46 % родителей считают данную практику чтения основной в семье. Отметим, что наиболее значимым фактором здесь выступает возраст ребенка – 89% родителей, «читающих детям вслух», имели как минимум одного ребенка - дошкольника. Второй фактор по значимости – это возраст родителей – наиболее устойчивый характер практика чтения вслух носит у родителей, чей возраст равен или меньше 34 лет. И третий фактор, несколько менее выраженный – это проживание в городе, 71 % родителей.

Вызывает интерес рассмотрение типичной для домашней коммуникации ситуации – чтение детям вслух – как особого гибридного жанра повседневного домашнего общения, предложенное А. Занадворовой [8, с. 52]. Участники родительских и детских фокус-групп подтверждают, что воспроизведение письменного текста почти никогда не сводится просто к произнесению текста – этот процесс сопровождается репликами, комментариями, причем инициатором может быть как взрослый, так и ребенок. Маркером перехода от чтения к разговору обычно служит интонация.

Представляется перспективным рассмотрение семейного чтения через категорию «семейного времени», раскрытую в исследованиях Э. Дженсена, Ш. Джеймса, Т. Бойса, С. Хартнет, М. В. Городиловой [9]. Например, в рамках изучения качества и количества времени, которое семья проводит вместе, А. Эллингтоном был создан «Опросник времени семьи» («Family time questionnaire») [10], в который также вошли утверждения, касающиеся чтения в семье: родители читают вместе с детьми (parent and child read together); родители рассказывают детям ис-

тории, сказки (parent tells child a story).

Если практика «чтения вслух» в контексте семейного чтения касается в основном семей, имеющих детей дошкольного или младшего школьного возраста и активно исследуется в настоящее время, то подростковое чтение, практики чтения в семьях с детьми-подростками практически не изучены. Собранные нами данные демонстрируют кардинальное изменение читательской стратегии, активности с 11-летнего возраста. Это отмечают родители, сами дети и специалисты (учителя, библиотекари). Начиная с поступления в школу и развитием навыка самостоятельного чтения, родители начинают сокращать свое присутствие в практиках чтения своего ребенка. Причем отрицательная динамика в использовании практик совместного чтения начинается примерно в 6-летнем возрасте и 11-летнему возрасту практически фиксируется. И у ребенка начинаются свои отношения с книгой и чтением. Во-первых, усиливается роль образовательной функции книги. Отметим, именно эта функция книги и чтения является в большей степени ведущей для родителей, не имеющих в своих семьях практик совместного чтения. Во-вторых, подростки четко разделяют книги по школьной программе и книги «для удовольствия». Например, на вопрос «Что ты сейчас читаешь?» часто звучал ответ «Ничего, только то, что в школе задают». Только 19% родителей отметили, что в их семьях каждый читает свои книги, но при этом «мы довольно часто рассказываем друг другу прочитанное, делимся впечатлениями».

Интересным представляется аспект взаимодействия родителей и детей в процессе выбора книги. В среднем по выборке, 40% родителей приобретают новые книги 2–3 раза в 6 месяцев, но в тоже время среди семей, имеющих практику совместного (семейного) чтения таких 46%, среди не имеющих – 27%. Как правило, берут ребенка с собой в магазин и учитывают мнение при покупке 35% родителей. Важно отметить тенденцию к повышению самостоятельности ребенка при выборе книги. В рамках фокус-групп при оценке факторов, влияющих на выбор книги, дети называли «хорошие рецензии в интернете», «советовали друзья», «видела рекомендацию в телегам-канале». В тоже время родители в большей степени отмечают затруднения при выборе детских книг и зачастую несоответствие указанных возрастных цензов содержанию книги.

Предложения современного книжного рынка весьма разнообразны, в том числе существует так называемая детская помогающая литература, т. е. книги, посвящённые актуальной социальной или психологической теме, проблеме. Эксперты по детскому развитию, психологи составляют списки книг для детей, родителей по разным темам: гендерная социализация, детские страхи, запретные темы (смерть, секс), о детях с особенностями развития, дети из приемных семей и другие. Детские психологи и психотерапевты используют книги как терапевтический ресурс при работе с семьями и детьми [11; 12].

Подводя итоги, отметим, что при рассмотрении семейного чтения в контексте взаимодействия родителей и детей, выявлено несколько противоречий. Родители считают, что чтение в семье, интерес к книге и чтению у ребенка напрямую зависит от наличия и устойчивости, читательских практик у взрослых в семье, но в тоже время признают, что сами читают крайне мало. Родители полагают, что сов-

местное чтение сближает и полезно для детей, но при наличии свободного времени, выбирают другие формы досуга. В тоже время по результатам исследования очевидны две противоположенных тенденции, реализующиеся предположительно в двух разных родительских группах. Первая тенденция: снижение количества и отсутствие вариативности читательских практик в семье, отсутствие поддержки читательской инициативы у ребенка, использование чтения как «наказания», при выборе книги акцент на народные сказки, отдельных классиков советской детской литературы и энциклопедии. Вторая тенденция обратная: вариативность семейных читательских практик (домашний театр, чтение вслух подросткам и по ролям, семейная подготовка буктрейлеров и т. д.), участие в общественных читательских мероприятиях, ориентирование в современных книгах и авторах, пишущих для детей, вовлечение ребенка в выбор книги, развитие его писательских навыков.

Библиографические ссылки

1. Парсонс, Т.О социальных системах. М. : Академический проект, 2002. 832 с.
2. Горбачева Н.Б. Сущность и содержание коммуникации как социокультурного явления // Концепт. 2014. № 7. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-kommunikatsii-kak-sotsiokulturnogo-yavleniya>. Дата доступа: 10.06.2019
3. Аджиева Е.М. Современные тенденции семейного воспитания // Формирование семейных ценностей: проблемы, перспективы: Рязань, 2008. С. 15.
4. Шербинина Ю.В. Время библиоскопов: Современность в зеркале книжной культуры. М. : Неолит, 2016. 416 с.
5. Исследования выполнены в рамках проекта проект «Семейное чтение как помогающая практика в условиях социально-культурных трансформаций», при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
6. Мелентьева Ю.В. Социальные и педагогические функции семейного чтения как важнейшей модели чтения // 18 Международная Конференция «Крым 2011»: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса». Судак, 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/037.pdf>. Дата доступа: 12.06.2019
7. Степичева Т. В. Формирование представлений о традиции семейного чтения в библиотечных и книговедческих исследованиях // БИБЛИОСФЕРА. 2016, № 1. с. 50–52
8. Занадворова А .В. Письменный текст в разговорной речи. Чтение детям как особый жанр семейного общения // Коммуникативные исследования. 2018. Т. 17, № 3. С. 114–128
9. Jensen E. W., James S. A., Boyce W. T., Hartnett S. A. The family routines inventory: development and validation // Social Science & Medicine. 1983. Vol. 17, №. 4. P. 201–211.
10. Ellington A. S. The role of family time on a young child's overall development: thesis ... Master of Science. University of Alabama, USA, 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://acumen.lib.ua.edu/u0015/0000001/0000627/0015_0000001_000062.pdf Дата доступа: 12.06.2019
11. Подкладова Т. Д. Семейное чтение как социальный феномен и помогающая практика // Социальная работа: образование и практика: сб. науч. 5-й междунар. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Томск, гос. ун-та систем упр. радио электроники, 2018. С. 71–78

УДК 159.922(075.8)

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ У ПОДРОСТКОВ С РИСКОВАННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. Л. Пузыревич

УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка», Институт психологии
ул. Ф. Скорины, 13, 220114, Минск, Республика Беларусь,
natasha.puzirevich@tut.by

Аннотация. В статье представлены философский, социальный и психологический аспекты проблемы рискованного поведения подростков в контексте трансцендентности современного общества. Проанализированы результаты проведённого исследования, свидетельствующие о том, что рискованное поведение, с точки зрения 13-летних подростков, – «мужество быть вопреки», способствующее переживанию кризисных событий жизненного пути и актуализирующее переживание ценности жизни.

Ключевые слова: *ценность жизни; рискованное поведение подростков; трансцендентность современного общества.*

EXPERIENCE THE VALUE OF LIFE IN ADOLESCENTS RISK BEHAVIOUR IN TERMS OF THE TRANSCENDENCE OF MODERN SOCIETY

N. L. Puzyrevich

Belarusian state pedagogical University named after Maksim Tank, the Institute of Psychology

F. Skorina str., 13, 220114, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents the philosophical, social and psychological aspects of the problem of risky behavior of adolescents in the context of the transcendence of modern society. The article analyzes the results of the study, indicating that risky behavior, from the point of view of 13-year-olds – «courage to be contrary», contributing to the experience of crisis events of life and actualizing the experience of the value of life.

Keywords: *value of life; risky behavior of teenagers; transcendence of modern society.*

Рискованное поведение можно отнести к числу феноменов, в процессе изучения которых возникает больше вопросов, чем ответов на них. Причем эти вопросы ставит перед человеком сама жизнь, которая в последнее время становится все более неопределенной и непредсказуемой. Получается, что от качества ответов на эти вопросы напрямую зависит качество жизнедеятельности человека,

его выбор одной из двух альтернатив: 1) «преобладать над самим собой» (М. Мамардашвили) [1] и «мужество быть вопреки» (П. Тиллих) [2] или 2) приспособляться к имеющимся обстоятельствам. Принимая во внимание, что свобода осуществления подобного выбора присутствует в равной степени у каждого человека, основная проблема сводится к тому, насколько человек ее реализует. В данном контексте особое место занимает подростковый возраст, так как подростки, рассматривая жизнь как способ приобретения опыта, максимально открыты для экспериментирования, интуитивного поиска абсолютно новых, не имеющих аналогов в предшествующем опыте, поведенческих стратегий посредством рискованного поведения. Возникает ряд вопросов: 1) не является ли рискованное поведение стратегией поиска подростками причин для жизни? 2) считают ли подростки свое поведение рискованным? 3) что побуждает современных подростков к рискованному поведению и какова для них ценность его осуществления? Перейдем к поискам ответов на поставленные вопросы с точки зрения философского, социального и психологического аспектов, опираясь на результаты проведенного нами исследования, участниками которого являлись 13-летние подростки.

Философский аспект актуальности рассматриваемой проблемы состоит в необходимости определения рискованного поведения как способа дистанцирования современных подростков от повседневной жизни или как стратегии ее полноценного проживания, осуществления выбора в пользу жизни.

Многообразие возможностей повседневной жизни создает больше предпосылок для потребления ресурсов, чем для их создания, что в свою очередь, приводит к «фальсификации» мышления. Постепенно происходит вытеснение человека и всего человеческого из сферы повседневной жизни, снижается ценность отношений со значимым Другим. Налицо проявление антропологической катастрофы, о которой М. Мамардашвили писал еще в 80-е годы [1]. Посредством чего оно в настоящее время реализуется ведущий вид деятельности подростков – интимно-личностное общение со сверстниками? В том числе, посредством рискованного поведения. Однако снижение ценности отношений со значимым Другим освобождает пространство, несоизмеримо большее, чем то, которое отводится рискованному поведению. Чем оно заполняется? Виртуальным пространством. И, как свидетельствуют результаты нашего исследования, длительными поисками ответа на самый сложный вопрос: «Кто я?».

По результатам российских исследований 2016 года, среди характеристик современных подростков как представителей поколения Z отмечаются: направленность на получение удовольствия от собственной жизни, простота и скорость достижения поставленной цели, уверенность в собственной исключительности, разнообразие жизни, предпочтение деятельности «по желанию», получение похвалы и признания, ценность каждого мгновения и любовь к себе. Главное время – настоящее, главный запрос от жизни – быть счастливым. Трудности и препятствия рассматриваются как показатель, что жизненный путь выбран неверно, поскольку счастливым можно стать только тогда, когда правильно выбрал свой путь. Возникает противоречие: знаем, что жизнь – это трудности, страдания, но

ждем только счастья. В таком случае, живем ли подлинной жизнью? Ведь переживание ценности счастья происходит при проживании несчастья.

Получается, что реализация принципа М. Мамардашвили «чтобы быть – надо превосходить» [1] подростками подвергается сомнению? Возникает вопрос: получается ли у них быть? Или их бытие наделено каким-то особым содержанием? Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, у преимущественного большинства подростков 13 лет недостаточно выражена базовая ценность жизни. Жизнь рассматривается в контексте интереса, увлечения и т.д., утрата которого ставит под сомнение целесообразность жизни как данности. Следовательно, с точки зрения подростков, суицидальное поведение может рассматриваться как способ решения проблем, значимость которых в их восприятии приравнивается к значимости жизни. «Не чувствовать», «не думать», «не совершать поступков», «выйти за пределы напряженной ситуации» – это взгляд на следствие суицидального поведения с точки зрения проблемы, а не человека, который, осознает перспективу и понимает, что принимать спокойствие, испытывать удовольствие от исчезновения проблемы будет некому, поскольку выбор сказать «нет» жизни будет иметь необратимые последствия. Однако совершению суицидального поступка всегда предшествует «крик о помощи» – вопросы и реплики по поводу смысла жизни и ее ценности. Возможно, это попытка установления контакта с Другим для того, чтобы кто-то со стороны подсказал: «Зачем жить?». Не является ли это свидетельством стремления к единению со значимым Другим в трудной жизненной ситуации для формирования «мы» с целью совместного ее преодоления? Если это так, то, получается, что не только подростки, но и взрослые под влиянием социокультурных преобразований обесценивают значимость, серьезность переживаний Другого, раз не способны своевременно услышать «крик о помощи».

Социальный аспект актуальности состоит в рассмотрении проблемы возникновения у современных подростков с рискованным поведением трудностей во взаимоотношениях с родителями, педагогами, а впоследствии и с обществом в целом. В результате, у них может отсутствовать готовность к выполнению социально значимых ролей, что нередко приводит к разрыву функциональной непрерывности во взаимодействии с окружающим миром и людьми. Происходит снижение целостности, интеграции общества, что не позволяет обеспечить преемственность его ценностей и традиций. Современные подростки переживают чувство одиночества, отсутствие защищенности, ощущение безнадежности, следствием которых может стать суицидальное поведение как способ самоутверждения вопреки общественным нормам и приоритетам.

Возникает вопрос: можно ли считать целенаправленным самоутверждение современных подростков вопреки общественным нормам и приоритетам? Так, в последние десятилетия наблюдается динамика авторитетов в жизни современного человека: авторитет рассматривается как источник владения преимущественным объемом и содержанием информации. Если человек не воспринимается как авторитет («иерархический верх»), нет мотивации учиться у него. Не этим ли обусловлен современный «конфликт поколений»?

Во взаимодействии мы слышим слова и вкладываем в них значения, воспринимаем окружающих людей с позиции нашего жизненного опыта – по сути, реконструируем Другого, взаимодействуем с образом человека, запечатленным в нашем сознании. Не случайно, при анализе жизненных историй по методу подростковых нарративов нами было установлено, что содержание рассказа о себе во многом определяется тем, кто является собеседником. Получается, что немаловажную роль играет ситуация, которая может нивелировать диспозиционные характеристики личности. Почему это не может произойти с подростком, который становится свидетелем модернизации отношения к риску как к источнику современной жизни? В данном контексте собственное рискованное поведение рассматривается подростками как соответствующее запросам времени, как стратегия снятия уникальности переживаний, мыслей и поступков по поводу ключевых аспектов жизни – «я не один такой, мы все такие», как способ осмысления и проживания жизни, как способ проверки границ собственных возможностей в области готовности к ответам на вопросы жизни.

Получается, что рискованное поведение – это стратегия проживания повседневной жизни, попытка объединения реальной и виртуальной жизни. Возможно, рискованное поведение современных подростков – это способ установления и поддержания контакта со сверстниками и привлечения внимания со стороны значимых Других к собственным переживаниям. Не получается ли так, что подросток, вырабатывая модель совладания с трудными жизненными ситуациями в виртуальном пространстве, пробует проверить ее на жизнеспособность в ситуациях повседневной жизни и, сталкиваясь с невозможностью ее реализации, возвращается в более «комфортную», «привычную» виртуальную среду или пробует установить контроль над своими переживаниями в сфере рискованных увлечений?

Технологии снижают ценность планирования, «отнимают» способность (необходимость) осмысления происходящего в жизни посредством избыточного предоставления информации. В таких условиях воплотить в жизнь установленные нейрофизиологами 23 минуты 15 секунд – время, необходимое для непрерывного погружения в деятельность с целью обеспечения ее осмысленности и продуктивности – не представляется возможным. Если принять во внимание, что подростки начали жить в стремительные 2000-е годы, априори без возможности следовать данному принципу, вопрос об актуальности осмысленного проживания жизни и выстраивания временной перспективы в реальной жизни становится в отношении поколения Z ключевым.

Психологический аспект актуальности проблемы обусловлен тем, что в отечественных и зарубежных исследованиях рискованное поведение преимущественно рассматривается в контексте проблем саморазрушения, опасности для жизни и здоровья, многочисленных травм и преждевременной смерти в подростковом возрасте. Малоизученным остается рискованное поведение как способ адаптации к миру, как средство самопознания и самореализации подростков.

Согласно современным нейрофизиологическим исследованиям, при рождении ребенка число нейронов в его мозге существенно превышает их число в

мозге взрослого. В зависимости от того, какие из них будут активированы внешней средой, такие нейроны сохранятся, образуются нейронные связи, которые будут обеспечивать процесс жизнедеятельности человека. Получается, что в окружающей действительности есть предпосылки для становления рискованной активности современных подростков? Рассмотрим механизм возникновения рискованного поведения современных подростков. Итак, подросток оказался в ситуации, которая вызывает у него напряжение, тревогу. В одном из участков головного мозга возникает очаг этого напряжения, тревоги («доминанта»). В результате, все силы, вся активность направлена на снижение напряжения, тревоги – на решение возникшей проблемы. Подросток сосредоточен только на этом, только об этом постоянно думает. Рискованное поведение – это способ переориентации с напряжения, тревоги на необычные ощущения и переживания «на грани», следствием которых может стать динамика представлений о собственных возможностях, привлечение внимания значимых Других. Как только подросток начинает испытывать приятные ощущения, в головном мозге появляется новый источник, на который переориентируется всё его внимание. В результате подросток перестаёт думать о неприятной ситуации, которая вызывала у него напряжение, тревогу. Ему кажется, что он «избавился» от проблемы. Переключение с тревожащих переживаний на новые ощущения становится для него способом преодоления напряжения, тревоги. Рискованное поведение он начинает неосознанно воспринимать в качестве эффективного метода борьбы с напряжением и тревогой. Таким образом, рискованное поведение становится для подростка положительным подкреплением, способом получения удовольствия. На уровне мозга фиксируются те рискованные действия, которые не привели к негативным последствиям, а потому они воспринимаются как безопасное поведение. Любое новое действие, пусть даже полезное, понимается как новое, а потому вызывает тревогу. Получается, что подростку трудно отказаться от рискованного поведения, поскольку любые изменения, полезные или вредные, «ломают» привычный уклад его жизни.

Таким образом, для понимания переживания ценности жизни у подростков с рискованным поведением необходимо выявить потенциал респондентов, который помогает им, совершая рискованные поступки, «преобладать над собой», отказываясь от приспособления к имеющимся обстоятельствам. Развивая и совершенствуя готовность подростков к конструктивному риску можно развивать и совершенствовать у них жизненно важную характеристику – «мужество быть вопреки». Эффективность психологической помощи в ситуациях неконструктивного рискованного поведения определяется своевременностью ее оказания. Превентивные мероприятия должны быть ориентированы не только на подростка, но и на его ближайшее окружение («помощь помогающим»). Это позволит восстановить непрерывности во взаимоотношениях современных подростков с миром и со значимыми Другими, поможет им найти дополнительные причины для жизни.

Библиографические ссылки

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М. : Прогресс-Культура,

1992. 408 с.

2. Тиллих, П. Мужество быть // Избранное. М. : Юрист, 1995. С. 7–131.

УДК 159.922.76-056.313

СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЕТЬМИ С ТЯЖЕЛЫМИ МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ И ГЛУБОКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

А. В. Серкина

ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики
Российской академии образования»

ул. Погодинская, д. 8, корп. 1, 119121, Москва, Россия
a_selivanova@list.ru

Аннотация. В статье описаны коммуникативные средства, доступные детям с тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМНР) и глубокой умственной отсталостью: зрительный контакт, вокализации, тонус тела, дыхание, поза, уровень двигательной активности. Данные средства коммуникации носят специфический характер и не всегда воспринимаются окружающими как коммуникативные проявления, что затрудняет коммуникативное развитие таких детей. Развитие коммуникативных возможностей ребенка с ТМНР происходит, если взрослый при взаимодействии с таким ребенком проявляет чувствительность к его коммуникативным средствам и поддерживает коммуникативные инициативы ребенка.

Ключевые слова: *дети с тяжелыми множественными нарушениями развития; глубокая умственная отсталость; коммуникация; общение; невербальное общение; взаимодействие взрослого и ребенка*

MEANS OF COMMUNICATION, USED BY CHILDREN WITH SEVERE DEVELOPMENTAL DISORDERS AND PROFOUND MENTAL RETARDATION

A. V. Serkina

Institute of Special Education of Russian Academy of Education
Pogodinskaja str., 8/1, 119121, Moscow, Russia

Annotation. The article offers description of communication means, available for children with severe developmental disorders and profound mental retardation: eye contact, posture, vocalizations, breathing, tone, movement activity. As these means are very specific, often other people do not recognize them as communication and it puts obstacles in the way of communicational development of these children. The more sensitive caregivers are, the more they support communicational initiatives of these children, the broader communication means repertory becomes.

Keywords: *communication; nonverbal communication; adult-child interaction; profound mental retardation; children with severe developmental disorders.*

К группе «дети с тяжелыми множественными нарушениями развития

(ТМНР)» относятся дети, имеющие комплексные врожденные нарушения моторного, сенсорного и психического развития, как правило, обусловленные тяжелым поражением центральной нервной системы. Моторные нарушения обычно квалифицируются как наиболее тяжелые формы детского церебрального паралича, при которых ребенок не способен самостоятельно сидеть, произвольные движения конечностей доступны лишь в незначительном объеме. Степень сенсорных нарушений может варьировать, они могут затрагивать одну и более модальностей. Глубокая умственная отсталость предполагает, что активная речь у таких детей не развивается. Сочетание выраженных моторных, сенсорных и интеллектуальных ограничений приводит к тому, что репертуар доступных таким детям средств общения крайне ограничен: из него выпадают речь, мимика и жесты, составляющие основу конвенциональной коммуникации (мимические и жестовые средства коммуникации при тяжелых формах ДЦП крайне ограничены и носят специфический характер из-за нарушений мышечного тонуса и трудностей произвольного управления) [1; 2; 3].

Выстраивание коммуникации с таким ребенком вызывает сложности у окружающих его взрослых: и родственники, и специалисты (педагоги, медицинские работники) признаются, что им трудно понимать ребенка. В качестве ответа на этот запрос нами проводится серия исследований взаимодействия детей с тяжелыми и множественными нарушениями развития и глубокой умственной отсталостью с ухаживающими взрослыми. Данная статья посвящена феноменологическому описанию средств коммуникации, доступных данной категории детей. Материалом послужили наблюдения за детьми с ТМНР в возрасте от 0 до 18 лет, воспитывающимися в семьях и учреждениях для детей-сирот [2;6] (работа выполнена в рамках Госзадания Министерства просвещения РФ ФГБНУ ИКП РАО" на 2019 по проекту "Научно-методическое обеспечение деятельности педагогических работников образовательных организаций, специалистов ППМС-центров в части работы с семьями обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья). В общей сложности наши наблюдения охватывают 90 детей. Наблюдения проводились в различных ситуациях взаимодействия взрослого и ребенка: кормление, гигиенические процедуры, развивающие занятия, переодевание, досуг в помещении и на прогулке. В случае детей, воспитывающихся в семьях, наблюдение проводилось за взаимодействием с ребенком его родителей и других членов семьи [4]. В случае детей, проживающих в учреждении для детей-сирот, мы наблюдали, как с ребенком взаимодействуют воспитатели, дефектологи, психологи, помощники воспитателей и волонтеры [5].

Внешние проявления ребенка относились нами к средствам коммуникации в том случае, если кем-либо из взаимодействующих с ребенком взрослых эти проявления воспринимались как отражение его намерений или эмоционального состояния. Подчеркнем, что в каждом конкретном эпизоде взаимодействия оценки разных взрослых могут расходиться: мы перечисляем те проявления, относительно которых были прецеденты, когда взрослый считывал их именно как проявления эмоций или желаний ребенка.

Перечислим выявленные нами категории таких проявлений. *Направление*

взгляда и зрительный контакт (при сохранном предметном зрении). Дети фокусируют взгляд на лице взрослого, поддерживают с ним зрительный контакт, что, как правило, воспринимается взрослым как коммуникативная активность ребенка. По направлению взгляда взрослый может определить, что в окружающем пространстве привлекло внимание ребенка. Напротив, прерывание зрительного контакта или перевод взгляда от объекта считаются как угасание соответствующего интереса. *Поза тела*. При всех имеющихся ограничениях способности управлять позой, некоторые дети могут, сидя с поддержкой, изменять наклон тела и поворачивать его. Такие действия иногда интерпретируются взрослым как проявление интереса к человеку или объекту, к которому обращена поза (или, наоборот, если ребенок отклоняется, отворачивается – как стремление избежать контакта). *Вокализации*. Большинству детей доступны лишь отдельные гласные звуки, у некоторых есть подобие лепета. Все издаваемые ребенком звуки (в том числе – плач) в большинстве случаев считаются взрослыми как проявления эмоционального состояния или желаний ребенка. *Мимика*. Мимические проявления, как правило, однообразные и нечеткие. Вместе с тем, в ряде случаев взрослые все-таки считают их как проявления эмоций ребенка, стараясь увидеть в мимике ребенка конвенциональные мимические проявления («улыбается», «хмурится» и т. п.). *Двигательная активность*. Может колебаться в широких пределах: от замирания до выраженного двигательного возбуждения в доступных ребенку пределах. Двигательное возбуждение чаще обращает на себя внимание взрослых и интерпретируется как проявление состояния ребенка; замирание, напротив, гораздо реже расценивается как «говорящее». *Дыхание*. Возможные вариации: замирание дыхания на несколько секунд, ровное дыхание, шумные вздохи, учащенное дыхание. Чаще всего замечаются шумные вздохи, остальные дыхательные проявления крайне редко попадают в сферу внимания взрослых и еще реже расцениваются как проявление эмоционального состояния ребенка. *Тонус тела*. Расслабление – напряжение (при ДЦП – нарастание спастичности). Изменения в нем редко отслеживаются взрослыми, еще реже считаются как связанные с изменением эмоционального состояния ребенка.

Содержательно вокализации, изменения тонуса, двигательная активность и вариации дыхания интерпретируются взрослыми исходя из ситуационного контекста. Например, двигательное замирание в сочетании с задержкой дыхания, как правило, считывались как проявления испуга ребенка; явное двигательное возбуждение с вокализациями расценивалось как проявление радости или возмущения, в зависимости от происходящего с ребенком в тот момент.

Итак, среди всех внешних проявлений, которые воспринимаются взрослыми как информация об эмоциях и желаниях ребенка, половина (тонус, дыхание, замирание, расположение тела в пространстве) считаются лишь немногими взрослыми, и, как правило, имеющими специальную подготовку (психологи, дефектологи и обученные ими родители). Отметим, что в обычном общении эти проявления не используются в качестве средства коммуникации, поэтому при взаимодействии с детьми с ТМНР многие взрослые оказываются дезориентированы в отсутствие привычных коммуникативных сигналов (речь, легко считыва-

емые мимика и жесты) [4].

Восприятие всех перечисленных выше проявлений осложняется двумя факторами: их нечеткостью и низким темпом деятельности, характерным для этих детей. То есть даже те проявления, которые являются конвенциональным проявлением эмоций и желаний (взгляд, мимика, вокализации) из-за нечеткости проявлений не всегда замечаются и учитываются взрослым. Низкий темп деятельности ребенка приводит к тому, что взрослый видит отсутствие каких-либо проявлений со стороны ребенка, хотя в реальности они возникают отсроченно (и могут быть замечены другим взрослым).

В ходе своих наблюдений мы отметили, что если в окружении ребенка появляется взрослый, чувствительный к внешним проявлениям его эмоций и интенций – замечающий их и учитывающий их в своем взаимодействии с ребенком – то постепенно эти проявления становятся все более явными и легко считываемыми для взрослого (это касается проявлений, потенциально поддающихся произвольному контролю: взгляд, вокализации, движения и поза тела) [3]. Таким образом, мы видим, что в коммуникативном развитии детей с ТМНР и глубокой умственной отсталостью сохраняются общие онтогенетические закономерности коммуникативного развития: ребенок начинает использовать как средство коммуникации то, что воспринимается взрослым в качестве средства коммуникации [6]. Следовательно, несмотря на все ограничения, имеющиеся у детей с ТМНР, у них есть потенциал развития средств коммуникации, реализация которого зависит от того, как именно взаимодействуют с ребенком ухаживающие за ним взрослые [5]. Специальное обучение взрослых, направленное на то, чтобы определять эмоциональное состояние и желания ребенка по имеющимся в его распоряжении внешним проявлениям и демонстрировать ребенку, что он понят взрослым – необходимое условие для реализации потенциала коммуникативного развития таких детей. Без подобного обучения взрослые понимают лишь небольшую часть «языка» ребенка с ТМНР и глубокой умственной отсталостью.

Библиографические ссылки

1. Груничева С.И., Айвазян Е.Б. Социальный портрет детей с тяжелыми множественными нарушениями развития, глубокой умственной отсталостью, находящихся в детских домах // Дефектология 2017. № 4. С. 10–20.
2. Квятковска М. Глубоко непонятные дети. Поддержка развития детей с тяжелыми и глубокими нарушениями интеллекта. СПб. : Скифия, 2016. 368 с.
3. Серкина А.В., Груничева С.И., Мещерякова И.А Взаимодействие детей с тяжелыми множественными нарушениями развития и глубокой степенью умственной отсталости с разными взрослыми в условиях учреждения для детей-сирот // Дефектология. 2017. № 5. С. 44–52.
4. Кудрина Т.П. Преодоление трудностей в развитии общения матери и слепого младенца : дис. ... кандидата пед. наук : 13.00.03. М., 2015. 140 с.
5. Разенкова Ю.А. Предупреждение и преодоление трудностей развития общения у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья : автореф. дис. ... доктора пед. наук : 13.00.03. М., 2017. 207 с.
6. Баенская Е.Р. Закономерности раннего эмоционального развития в норме // Альманах ИКП РАО. 2014. № 19. [Электронный ресурс] Режим доступа :

УДК 159.9.01; 316.772.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Л. С. ВЫГОТСКОГО

Т. И. Синица

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
tatsinica@gmail.com

Аннотация. Рассматривается необходимость разработки и включения средств альтернативной коммуникации для детей и взрослых с инвалидностью, отягощенной нарушением речевого общения. Разработка особых вспомогательных способов коммуникации, которые имеют альтернативный характер, позволяют включиться в социальные сообщества и способствуют развитию социальной адаптации людей с инвалидностью. Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского предоставляет необходимые средства для обоснования и разработки способов альтернативной коммуникации. Введение альтернативных средств общения происходит согласно этапам развития речи, представленным в культурно-исторической концепции. Установка специалистов на интенцию неговорящего человека к общению, внимательное отношение к любым попыткам самовыражения, придание этому коммуникативного смысла является основой для подбора средств альтернативной и дополнительной коммуникации.

Ключевые слова: *альтернативная коммуникация; культурно-историческая концепция; знак; сознание; общение.*

PSYCHOLOGICAL BASES FOR USING OF ALTERNATIVE FORMS OF COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF L. S. VYGOTSKY

T. I. Sinita

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The need for the development and inclusion of alternative communication tools for children and adults with disabilities, burdened by a violation of verbal communication, is considered. The development of special auxiliary methods of communication, which are of an alternative nature, allow joining in social communities and contributing to the development of social adaptation for people with disabilities. The cultural-historical concept of L.S/ Vygotsky provides the necessary tools to substantiate and develop ways of alternative communication. The introduction of alternative means of communication takes place in accordance with the stages of speech development, presented in the cultural-historical theory. Installation of specialists on the intention of a non-speaking person to communicate, careful attitude to any attempts at self-expression, giving this com-

municative meaning is the basis for the selection of alternative and additional communication tools.

Keywords: *alternative communication; cultural-historical theory; sign; consciousness; communication.*

В последние сорок лет тема альтернативной и дополнительной коммуникации широко изучается и практически реализуется в развитых странах мирового сообщества. Международная ассоциация альтернативной и дополнительной коммуникации (The International Society for Augmentative and Alternative Communication - ISAAC) основана в 1983 году и включает на данный момент 15 стран мира. Белорусские специалисты наряду с российскими коллегами также активно включаются развитие данной области теоретических и практических разработок, которые лежат на границе знаний по психологии, педагогике и реабилитологии. Для людей с выраженными формами инвалидности, отягощенной нарушением речевого общения, необходимо рассматривать особые способы общения и коммуникации. Тема альтернативной коммуникации наиболее представлена среди лиц с сенсорными нарушениями – глухие и слепоглухие люди. Однако в последнее время вопрос расширяется, и возможности применения средств альтернативной коммуникации рассматриваются для детей и взрослых с тяжелыми двигательными нарушениями, также с генетическими нарушениями развития, нейродегенеративными заболеваниями центральной нервной системы, и различными вариантами органических повреждений мозга в результате травм, инсультов. Альтернативная коммуникация предполагает использование человеком с инвалидностью различных средств, заменяющих непосредственную форму звучащей речи. Средства альтернативной коммуникации могут быть визуально-кинестетическими (жесты), тактильно-кинестетическими (дактильные жесты), визуально-графическими (плоские символические изображения), в виде объемных репрезентаций (мини-объекты), а также в виде письменной коммуникации, используемой как дополнение, а иногда и замена вербальной речи. Кроме того, в альтернативной коммуникации также широко применяются вспомогательные устройства, облегчающие использование знаков (коммуникативные кнопки, доски и книги, электронные устройства с синтезатором речи).

Разработка темы альтернативной коммуникации в практической работе с детьми с инвалидностью, а также со взрослыми, потерявшими возможность непосредственного вербального общения, требует качественного теоретического обоснования и предоставления научно обоснованных способов работы по включению необходимых средств альтернативной коммуникации. Теоретические разработки культурно-исторической концепции являются хорошей базой для обоснования и анализа форм альтернативной и дополнительной коммуникации, а также для разработки особых приемов индивидуализации обучения общению и взаимодействию. Кроме того, данная концепция позволяет проанализировать результаты использования средств альтернативной коммуникации для качественной социализации, развития сознания и личности человека, его включенности в социум.

Одна из основных проблем, которую решает психология Л. С. Выготского – проблема сознания человека – отнюдь не является только теоретической, она глу-

боко практическая. «Задача любой науки, претендующей на изучение сознания, состоит в том, чтобы наполнить его конкретным онтологическим содержанием и смыслом. Ведь сознание не только рождается в бытии, не только отражает и, следовательно, содержит его в себе, разумеется, в отраженном или искаженном свете, но и творит его...» [1, с. 208]. Особенно ярко эта проблема начинает проявляться в реальной жизни при столкновении со сложными случаями нарушений развития у детей, а также при тяжелых органических нарушениях головного мозга у взрослых. Большое значение имеет понимание необходимых условий для развития сознания человека, что глубоко было проанализировано в культурно-исторической концепции. Основная позиция теории Л.С. Выготского - психические процессы человека могут преобразовываться в управляемые сознательные формы, что позволяет человеку достаточно свободно организовывать собственную жизнедеятельность. При этом важнейшими составляющими развития сознания человека рассматривается использование культурных орудий (знаков), обучение которому происходит через совместную деятельность и общение (коммуникацию). Л.С. Выготский и его последователи показали, что для развития высших форм поведения и сознания человека, которые отличают его от животных, необходимо включение знака в его процессы, причем происходит это исключительно в непосредственном взаимодействии людей друг с другом. «Поведение человека отличается как раз то, что он создает искусственные сигнальные раздражители, прежде всего грандиозную сигналистику речи, и тем самым овладевает сигнальной деятельностью больших полушарий. ...Основной и самой общей деятельностью человека, отличающей в первую очередь человека от животного с психологической стороны, является сигнификация, т. е. создание и употребление знаков, искусственных сигналов» [2, с. 568]. Введение знака показывает начало сознательного самоконтроля и саморегуляции поведения человека.

В контексте положений культурно-исторической концепции своевременное развитие речи ребенка происходит в активном взаимодействии с социальной средой в виде семьи, детского коллектива и обеспечивает необходимые условия для формирования высших психических функций и сознательных форм поведения. Поддержание и постоянное развитие культурных форм поведения происходит также и во взрослом возрасте в процессе социального взаимодействия, общения, совместного решения практических жизненных задач.

Однако в ситуации нарушений непосредственного развития речевого общения у детей в связи с аномальным ходом развития, а также в ситуации потери речи у взрослых связанных с органическими повреждениями центральной нервной системы, мы сталкиваемся с нарушениями развития сознательных форм поведения, их упрощением или даже разрушением. Разработка и применение альтернативных и дополнительных форм коммуникации становится тем способом введения знаков, которые позволяют людям с нарушениями речевой коммуникации не только кратковременно выражать свои нужды, но и овладевать более сложными формами социального поведения, формулировать ход своих мыслей, строить осознанный образ окружающего мира и действовать в нем.

Человеческая речь, реализуемая с помощью языка, является наиболее пол-

ным инструментом для формирования сознания и высших форм поведения человека. Однако в случае невозможности естественного овладения речью человек оказывается в ситуации изоляции от социума, а это значительно усугубляет недостаточность развития высших психических функций, овладения собственным поведением, что в дальнейшем еще в большей степени затрудняет вхождение в социум и реализацию потенциальных возможностей человека с инвалидностью. В то же время любая знаковая деятельность поддерживает как процесс коммуникации, так и когнитивное развитие ребенка и взрослого. Чем больше у человека возможностей оперировать знаками, чем больше инициатив и реакций он в состоянии проявить и быть при этом понятым, тем эффективней развиваются его когнитивные способности, происходят процессы социализации и формирования личности.

Применение альтернативных форм коммуникации для детей и взрослых с органическими нарушениями деятельности головного мозга подчеркивает необходимость внимательно относиться к этапам включения знака в деятельность, закономерностям развития сознательных форм поведения. Долгое время в вопросе формирования высших знаково-символических форм поведения человека акцентировался именно факт введения знака, но в меньшей степени обращалось внимание на условия его включения, такие как мотивация овладения знаком и его функциональность. Так и при включении альтернативных форм коммуникации успех во многом связывают с технической разработанностью специальных средств, облегчающих общение, делающих возможным его развитие, однако часто упускается этап формирования мотивации общения и смысловых координат, связанных теми функционально важными жизненными задачами, которые стоят перед человеком, овладевающим знаками и формирующим произвольное поведение, опираясь на эти знаки.

Л. С. Выготский, рассматривая генетический закон культурного развития, подчеркивал необходимость активного драматического взаимодействия индивида с социумом для процесса включения знаков и дальнейшего культурного развития. Переживания, которые возникают в общении, их накал, драматизм, противоречивость, интенсивность имеют огромное значение для культурного развития любого человека. Ребенок не пассивно принимает социальные знаки, нормы и правила и вдруг каким-то мистическим, тайным образом переносит их внутрь своего сознания, нет, он – активный участник социального взаимодействия и именно в результате своей активности, повторения, драматического проигрывания социальной ситуации он начинает применять культурные средства, и это меняет его сознание и поведение. И если в обычной жизни отсутствие живых, эмоциональных отношений между ребенком и взрослым приводит к формализации передачи информации, навыков, которая негативно сказывается на культурном развитии ребенка, создает только его видимость, то в ситуации введения альтернативных форм коммуникации нарушение этого этапа и вовсе перечеркивает дальнейший прогресс в освоении знаковых средств у детей и взрослых с инвалидностью. Важно удержать баланс между непосредственным смыслом общения и поиском технического способа коммуникации, который помогает предоставлять знак человеку с нарушением речи. Нельзя рассматривать ребенка с трудностями развития и взрослого с про-

блемами самовыражения только как объект применения методик и технологий альтернативной коммуникации. Здесь важна психологически верная последовательность развития сознания и включения знака. Прежде чем овладеть словом, ребенок погружается в атмосферу общения, принятия, взаимного одаривания субъектов общения вниманием и заинтересованностью [3]. Так и при введении альтернативных средств общения в начале работы с ребенком или взрослым, имеющим повреждения центральной нервной системы и показывающим большие трудности в коммуникации, приходится сталкиваться с проблемой контакта. Недостаток внимательности и терпения в распознавании контакта как главной точки, в того зерна, из которого произрастает общение, может свести на нет все усилия по введению средств альтернативной коммуникации. Необходимо удерживать фокус, точку внимания на общении, взаимодействии, совместном контакте. Постоянно осуществлять поиск общих интересов и общих координат поведения. Неожиданные вокализации неговорящего человека, его движения, действия с предметами не всегда распознаются как коммуникативные и могут игнорироваться. Установка специалистов на интенцию неговорящего человека к общению, очень внимательное отношение к любым попыткам самовыражения, придание этому коммуникативного смысла является основой для подбора средств альтернативной и дополнительной коммуникации.

Большое значение имеет уровень обобщенности тех знаков, которые используются в альтернативной коммуникации. Подбор знаков и символов при введении альтернативной коммуникации обосновано проводить согласно переходу значений от предпонятийной формы к понятийной [1]. Остается интересным вопрос о специфике сознания человека при использовании средств альтернативной коммуникации, поскольку использование жестов, пиктограмм, комбинированных форм знаков и символов оказывает значительное влияние на структуру и содержание форм сознания. Этот вопрос в настоящее время также рассматривается в работах С. Течнера в соотнесении с концепцией культурно-исторической психологии Л.С. Выготского [4]. Решение как теоретических, так и практических вопросов относительно устройства сознания человека дает тонкий анализ ситуаций овладения непосредственным языком в естественной среде и анализ специфики сознательных форм деятельности при введении средств альтернативной коммуникации.

Таким образом, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского предоставляет необходимые теоретические конструкты для обоснования введения средств альтернативной и дополнительной коммуникации для лиц с инвалидностью при нарушениях речевого общения, определения необходимых этапов и последовательности включения знаков, а также анализа результатов формирования сознательных форм поведения людей с инвалидностью.

Библиографические ссылки

1. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 207–231.
2. Выготский Л. С. Психология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
3. Зинченко В. П. Доопытная готовность овладения словом и приобщения к

культуре // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 2–13.

4. Течнер С., Мартинсен Х. Введение в альтернативную и дополнительную коммуникацию. М. : Тервинф, 2014. 428 с.

УДК 159.922

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИКИ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В БЕЛОРУССКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е. С. Слепович, А. М. Поляков

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Polyakov.bsu@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется содержание исследований в белорусской специальной психологии. В качестве приоритетного направления исследований выделяется субъектность детей с особенностями психофизического развития, которая лежит в основе их социализации. Данное направление включает в себя изучение субъектного взаимодействия и различных видов продуктивной деятельности. Категория субъектности определила подход к построению психологической практики помощи детям с особенностями психофизического развития. В ее основе лежит построение развивающего взаимодействия с ребенком, которое должно удовлетворять ряду условий: содержание взаимодействия определяется задачами социализации ребенка в определенном возрасте; при определении «мишеней» коррекции учитывается системное взаимодействие психических функций и свойств, а также их вклад в осуществление важного для социализации вида деятельности; формирование у ребенка конкретных видов психической активности опосредствуется применением определенных знаково-символических форм, подбор которых основывается на представлении о структуре сознания человека; помощь ребенку в решении задач его социализации разделяется на более простые задачи, попадающие в его зону ближайшего развития.

Ключевые слова: *специальная психология; субъектность; субъект субъектного взаимодействия; продуктивная деятельность; дети с особенностями психофизического развития; сознание; опосредствование.*

THE THEORETICAL BASIS OF THE PRACTICE OF SUPPORTING CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DISABILITIES IN THE BELARUSIAN SPECIAL PSYCHOLOGY

E. S. Slepovich, A. M. Polyakov

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article analyzes the content of research in the Belarusian abnormal child psychology. The priority of research is the agent subjectivity of children with developmental disabilities, which lies at the basis of their socialization. This direction includes the study of the interpersonal interaction and various types of productive activities. The category of agent subjectivity has defined an approach to building a psychological practice of supporting children

with developmental disabilities. It is based on the construction of a developing interaction with the child, which must satisfy a number of conditions: the content of the interaction is determined by the tasks of the child socializing at a certain age; in determining the "targets" of correction, the systemic interaction of mental functions and properties is taken into account, as well as their contribution to the implementation of an activity that is important for socialization; the formation of a child's specific types of mental activity is mediated by the use of certain sign-symbolic forms, the selection of which is based on the idea of the structure of human consciousness; assistance to the child in solving the problems of his socialization is divided into simpler tasks that fit his zone of proximal development.

Keywords: *abnormal child psychology; agent subjectivity; interpersonal interaction; productive activities; children with developmental disabilities; consciousness; mediation.*

Специальная психология, опираясь на методологию и понятийный аппарат культурно-исторической теории, создала свою собственную практику, ориентированную не столько на исследование психики ребенка, сколько на работу с ней. В рамках данной практики были найдены, апробированы и описаны методы и способы непосредственной работы с ребенком, имеющим отклонения в психофизическом развитии (ОПФР). Ребенок в рамках этой психологической практики предстает целостно, в единстве специфики своих психических процессов, качеств и социального окружения. Ракурс видения ребенка, имеющего отклонения в психофизическом развитии, как и результатов работы с его психикой (путь от патологии к норме), задается теорией Л.С. Выготского. На основе понятийного аппарата школы Л.С. Выготского и его учеников построена вся практика психодиагностики и психокоррекции. При этом данный концептуальный аппарат лежит в основе разработки психотехнических средств, а также является тем понятийным полем, которое задает ракурс понимания того, что происходит «в голове ребенка». Кроме того, при заимствовании методов и приемов, относящихся к иным психолого-педагогическим практикам (бихевиоральной, когнитивной и др.), данная психологическая практика осуществляет их «подгонку», структурирование, перевод на язык отечественной специальной психологии.

«Точкой сборки» научных исследований и психологической практики белорусской специальной психологии выступила субъектность ребенка. С категорией субъектности непосредственно связаны такие категории как продуктивная деятельность, субъект субъектное взаимодействие, социализация как освоение человеческого опыта через освоение различных форм культуры (знаков, символов, моделей, схем, слов-понятий и др.) и включение в систему человеческих отношений, осознание внутреннего опыта. На сегодняшний день в Республике Беларусь существует тенденция к рассмотрению инклюзивного образования детей с отклонениями в психофизическом развитии как одного из условий их социализации. Большие перспективы в определении собственно психологического содержания понятия «социализация» заложены в культурно-исторической психологии, где оно идентично понятию культурного развития ребенка. Если понимать социализацию ребенка как процесс формирования субъекта социальных отношений и разнообразных деятельностей, то ее неотъемлемыми психологическими составляю-

щими выступают субъект-субъектное взаимодействие и продуктивная деятельность. Здесь мы хотим обратить внимание на то, что значительное число исследований, выполненных в русле белорусской специальной психологии (в основном профессором Е. С. Слепович и ее учениками), посвящены изучению именно субъектных проявлений личности в противовес операционально-технической стороне психической деятельности изолированного индивида. В этом смысле тематика исследований белорусской специальной психологии является нетипичной для специальной психологии. В целом ее можно обозначить как проявления субъектности – самостоятельной активности, творчества, воображения, осмысленности и субъект-субъектных отношений – у детей с отклонениями в психофизическом развитии. В связи с этим можно отметить исследования, посвященные проблемам построения игровой деятельности у детей с задержкой психического развития, взаимоотношений между детьми с различными типами и уровнями интеллектуального развития в рамках игры, организации активной речи у детей с интеллектуальной недостаточностью (Е. С. Слепович), исследования самосознания и представлений о себе у умственно отсталых школьников (А. И. Гаурилюс), моральной регуляции поведения у детей с задержкой психического развития (Е. А. Винникова), символически опосредствованного субъект-субъектного взаимодействия у школьников с задержкой психического развития, а также построения замысла деятельности у подростков с умственной отсталостью и задержкой психического развития (А.М. Поляков), понимания эмоций других людей слабовидящими младшими школьниками (Т.И. Гаврилко), переживания затруднительных ситуаций подростками с нарушениями зрения (Д.Г. Дьяков), овладения навыками счета и счетных операций у детей с нейропсихологическими синдромами отклоняющегося развития (А.А. Давидович), построения смыслового образа объекта младшими школьниками и подростками с умственной отсталостью (В. М. Навицкая) [1; 2].

Указанная направленность теоретических и прикладных исследований задала особый ракурс видения практической помощи ребенку в его развитии. Ее центром стала субъектность самого ребенка, а не психологические функции или структуры, не методики и техники работы с ним. Это означает, что при оказании психологической помощи ребенку с ОПФР главным становится взаимодействие с ним других людей (родителей, специалистов, сверстников), в котором учитывается осмысленная активность, отношения и переживания самого ребенка. Именно такой подход к психологической практике, на наш взгляд, помогает увидеть ребенка как целостного субъекта, в противовес объектному видению его как механизма, набора психологических функций и свойств. Последние в психологической практике в нашем случае занимают положение предмета коррекционных воздействий, осуществляемым совместно с самим ребенком. Кроме того, субъектно-ориентированный подход к изучению ребенка с ОПФР и практической помощи ему обладает несомненной ценностью в контексте современных тенденций совместного обучения и проживания таких детей с нормально развивающимися детьми. Это обусловлено тем, что на первый план выносятся не дефекты психического развития, а намерения, потребности, переживания и возможности детей с ОПФР, как, собственно, и их нормально развивающихся сверстников. Централь-

ной проблемой здесь становится проблема построения их полноценного взаимодействия и развития самостоятельности ребенка с ОПФР. Не случайно в современном школьном образовании в качестве ведущих компетенций, которые рекомендуется формировать у детей, являются умение сотрудничать с другими людьми и умение проектировать собственную деятельность [3].

Еще одним достоинством субъектно-ориентированного подхода в специальной психологии является возможность связать диагностику психического развития ребенка с практикой психолого-педагогической помощи ему. Это становится возможным благодаря тому, что психика и ее функции, свойства, качества не рассматриваются как самодостаточная реальность, а понимаются как средства (или препятствия) решения ребенком определенных жизненных задач, с которыми он сталкивается в процессе социализации. Именно в таком контексте следует, на наш взгляд, анализировать психическое развитие ребенка. Только специалист может оценить значимость (со знаком + или –) или бесполезность определенных психологических функций и характеристик. Такая оценка, в свою очередь, становится основанием для определения направлений, способов и возможностей психологической коррекции, (ре-)абилитации, компенсации.

Саму практику психологической помощи ребенку с ОПФР, в основе которой лежит организация помогающего развитию взаимодействия с ним как субъектом схематически можно представить следующим образом. Главной целью психологической помощи ребенку с ОПФР является построение такого взаимодействия с ним, которое будет способствовать (а не препятствовать) его психическому развитию, иными словами будет развивающим. Это в равной мере касается психологической коррекции, осуществляемой психологом, коррекционного обучения, в котором участвует педагог, и повседневного взаимодействия с ребенком его родителей и других детей. Для того, чтобы взаимодействие приобрело развивающий характер, необходимо учитывать ряд условий и требований к нему. Во-первых, содержание взаимодействия с ребенком определяется задачами его социализации на данном этапе развития. Эти задачи могут быть связаны с установлением эмоционального контакта с матерью, овладением навыками самообслуживания и предметными действиями, пониманием смыслов человеческой деятельности и взаимоотношений, проектированием собственной деятельности, пониманием собственных и чужих состояний, намерений, переживаний и др. В соответствии с такими задачами определяется конкретное содержание взаимодействия с ребенком и психологической помощи ему. Безусловно это содержание следует соотносить с успешностью/неуспешностью социализации в различных сферах жизнедеятельности. Во-вторых, при построении развивающего взаимодействия с ребенком важно понимать роль его психологических функций и личности в решении соответствующих задач социализации. Следует определить, как должна «работать» психика ребенка, чтобы он смог решить ту или иную жизненную задачу: был ориентирован на взрослого, смог самостоятельно перемещаться в пространстве, узнавать, различать и обобщать предметы окружающего мира, читать, считать, общаться и т. д. Для понимания роли психических функций или личностных свойств в жизнедеятельности ребенка, необходимо учитывать не только вклад каждого из

них по отдельности в ту или иную активность, но и «видеть» их системное взаимодействие. Огромное значение для успешной практики работы с ребенком приобретает системное видение психики специалистом [4]. В контексте культурно-исторического подхода системное видение может задаваться концепцией сознания и представлением о его структуре, сформированными в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, В. П. Зинченко [4]. Концепция и структура сознания человека позволяют, с одной стороны, увидеть различные проявления психической активности субъекта и связать их с овладением определенными культурными средствами (предметами-знаками, пространственными схемами и моделями, художественными образами, жестами, мифами, символами и др.). Привязка конкретных видов психической активности к определенным культурным средствам приобретает огромное значение в контексте практики помощи ребенку с ОПФР в его развитии, так как вооружает специалиста соответствующим инструментарием для работы, а ребенка снабжает средствами формирования субъектности. С другой стороны, представление о структуре сознания помогает понять системные связи между различными типами психической активности (движений и пространственных представлений, значений и чувственных образов, смыслов и переживания собственного Я и др.). В-третьих, помощь ребенку в решении задач его социализации следует разделить на более простые задачи, попадающие в его зону ближайшего развития (ЗБР). Здесь важны два момента. Первый – это должны быть именно задачи, представленные в сознании самого ребенка как задачи. Иными словами, ребенок должен осмысленно к ним относиться и понимать их цели, требования и условия, а также принять их, т. е. согласится строить свою деятельность в соответствии с ними. В противном случае помощь превращается в дрессуру бессмысленных для ребенка навыков. Второе – задачи должны быть доступными для решения с помощью взрослого или другого ребенка и в то же время недоступны для самостоятельного решения. Только так формируется и поддерживается внутренняя мотивация к соответствующей активности и только так может происходить поступательное движение в овладении ею.

Естественно наперед и для каких-либо категорий детей определить ЗБР и степень сложности предлагаемых задач невозможно. Это можно сделать лишь приблизительно, а более точно они скорее «нащупываются» в процессе индивидуальной работы с конкретным ребенком. Также индивидуально подбираются и культурные средства, которые помогают ребенку решить предлагаемые задачи. Например, предметные опоры (мяч, стул и др.) используются для построения рисунка движения и пространственных представлений, предметы-знаки – для дифференциации и анализа движений, модели – для абстрагирования от случайных признаков и выделения ключевых условий задачи, символ – для выражения и осмысления человеческих отношений и т. п.

Библиографические ссылки

1. Поляков А.М. Развитие символической функции сознания в субъект-субъектном взаимодействии у школьников с задержкой психического развития : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Минск, 2018. 49 с.
2. Специальная психология / Е.С. Слепович, А.М. Поляков (ред.). Минск :

Выш. шк., 2012. 511 с.

3. От совместного действия к конструированию новых социальных общностей: Совместность. Творчество. Образование. Школа (Круглый стол методологического семинара под руководством В.В. Рубцова, Б.Д. Эльконина) / Рубцов В.В. [и др.] // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 3. С. 5–30.

4. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, Вып. 1. С. 207–232.

УДК 316.48

АТРИБУЦИИ В СТРУКТУРЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ СТУДЕНТОВ

Ю. С. Смирнова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
smiry@bsu.by

Аннотация. В статье представлен атрибутивный анализ проблемы межличностных конфликтов студентов с однокурсниками. Атрибуция рассматривается как фактор, влияющий на характер конфликтного взаимодействия. Приведены результаты эмпирического исследования каузальных параметров «локус», «стабильность» и «контролируемость» в интерпретациях студентами конфликтов с однокурсниками. Показано, что для объяснения конфликтов с однокурсниками студенты, как правило, используют внешнюю, нестабильную атрибуцию, причем происходящее чаще оценивается как контролируемое. Такая атрибуция носит самозащитный характер, позволяет поддержать позитивные образы себя и ингруппы, переложить ответственность за возникновение конфликта на внешние факторы, поддержать чувство контроля над происходящим и обеспечить эмоциональную саморегуляцию.

Ключевые слова: *атрибуция; межличностный конфликт; студенты; конфликт с однокурсником.*

ATTRIBUTIONS IN THE STRUCTURE OF STUDENTS' INTERPERSONAL CONFLICTS

Y. S. Smirnova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The attributive analysis of the problem of students' interpersonal conflicts is presented in the article. Attribution is considered as a factor of the conflict interaction. The results of the empirical study of the causal parameters “locus”, “stability” and “controllability” in students' interpretations of conflicts are given. It is shown that students usually use external and unstable attribution to explain conflicts, which are perceived as controlled. Such self-protective attribution allows to maintain positive self-image and in-group image, avoid responsibility for the conflict, maintain a sense of control and provide emotional self-regulation.

Keywords: *attribution; interpersonal conflict; students; conflict with coursemate.*

Проблема конфликтов в студенческих группах в силу актуальности требует анализа факторов, лежащих в основе их возникновения, а также влияют на ход их дальнейшего развития. В рамках данной статьи мы остановимся на атрибутивных факторах конфликтного взаимодействия студентов, исходя из идеи о том, что поведение участников конфликта определяется в значительной степени тем, как они интерпретируют складывающуюся ситуацию, как объясняют себе свои собственные действия и действия оппонента, кого винят в возникновении конфликта и его обострении, и т.д. Проблема атрибутирования в межличностных конфликтах уже не раз выступала объектом нашего анализа [1]. В данной статье мы обратимся к процессам атрибутирования студентами конфликтов с однокурсниками.

С целью определения характера атрибуции студентами межличностных конфликтов с однокурсниками было проведено эмпирическое исследование. Было опрошено 124 студента 2 и 3 курсов. 14 опрошенных студентов – юноши, 108 – девушки, 2 человека не указали свой пол. Такой состав выборки по полу обусловлен профилем обучения респондентов. В исследовании принимали участие студенты гуманитарных специальностей, среди которых больше девушек. Для сбора данных использовалась авторская анкета, которая прошла апробацию в рамках пилотажного исследования, после чего в некоторые ее вопросы были внесены коррективы. А анкету также были включены вопросы, позволяющие определить характер атрибуции конфликтов с однокурсниками, а также выявить атрибуцию вины и ответственности за возникновение таких конфликтов. В качестве теоретико-методологического основания был выбран подход Б. Вайнера (B. Weiner), в рамках которого атрибуции классифицируются по трем основным каузальным параметрам [2, с. 428–429]: локус, стабильность, контролируемость; причем каждый из них является значимым фактором, детерминирующим эмоциональные и поведенческие последствия атрибутирования. Студентам предлагалось вспомнить конфликт с однокурсником и ответить на вопросы о причинах этого конфликта, о возможности контролировать происходящее, а также о том, кто в этом конфликте был прав, а кто виноват, если таковое возможно определить. Полученные в результате анкетирования данные позволили охарактеризовать атрибуцию студентами межличностных конфликтов с однокурсниками по всем трем каузальным параметрам. Перейдем к описанию результатов. Заметим, что большинство студентов (97,6%) вспомнили один из конфликтов, который у них произошел с однокурсником, что свидетельствует о распространенности данного феномена в студенческой среде. Лишь три человека не ответили на вопросы о конфликте с однокурсником, отметив, что таковых не было или они не могут их вспомнить.

Начнем с характеристики каузального параметра «локус» применительно к объяснению студентами конфликтов с однокурсниками. Заметим, что поскольку респонденты часто указывали не какую-то одну причину конфликта, а несколько, подсчет процентов мы осуществляли не только от количества респондентов, вспомнивших конфликт с однокурсником (121 человек), но и от общего числа указанных причин (всего было дано 187 ответов о причинах). Чаще всего респонденты в качестве причины конфликта с однокурсником указывали стечение обстоятельств (39,7% респондентов или 25,7% ответов). Достаточно часто респонденты в

качестве причины конфликта указывали также особенности оппонента (31,6% ответов). Внутренняя атрибуция, при которой причину возникновения конфликта студент связывает с самим собой, представлена в трети ответов респондентов (33,2% ответов). 5% студентов выбрали в качестве причины (одной из причин) вариант «другой человек или предмет». Часть респондентов (9,9%) указали на наличие каких-то иных причин. Таким образом, в ответах студентов о причинах конфликтов с однокурсниками доминирует внешняя атрибуция, апеллирующая к обстоятельствам или характеристикам оппонента. Такая атрибуция выполняет эгозащитную функцию, позволяя переложить ответственность за возникновение и развитие конфликта на внешние факторы.

Оценим атрибуцию конфликтов с однокурсниками с точки зрения устойчивости причины. Здесь нам представляется удобным дополнительно к трехмерной типологии причин по Б. Вайнеру использовать подход Г. Келли, который делил атрибуции на обстоятельственные, личностные и объектные (стимульные). По данным нашего исследования, 25,7% ответов составляют обстоятельственные атрибуции, 64,7% ответов – личностные атрибуции (особенности студента или его однокурсника-оппонента), 3,2% ответов – объектные, 6,4% ответов не позволяют отнести атрибуцию к одному из этих трех типов. Стечение обстоятельств, как правило, относится к неустойчивым внешним причинным факторам. Но следует заметить, что некоторые студенты указали на то, что внешние условия и обстоятельства носят характер устойчивых причин, отмечая, что основания для конфликта заложены в самой образовательной системе.

Что касается личностной атрибуции, то она может включать как устойчивые интерпретации (характер человека), так и неустойчивые (эмоциональное состояние человека, его настроение). Личностную устойчивую атрибуцию составили 36,9%, неустойчивую – 27,8% от общего числа ответов студентов о причинах конфликтов с однокурсниками. В межличностном конфликте участвует как минимум два человека (в нашем случае студент и его однокурсник), и в качестве причин конфликта могут рассматриваться характер и настроение как самого атрибутирующего студента, так и его оппонента. Получается, личностная атрибуция в конфликте может быть внутренней (субъект видит причину конфликта в самом себе) и внешней по отношению к атрибутирующему (последняя апеллирует к личности оппонента, которая является внешним фактором для интерпретирующего субъекта). Оценим устойчивость внешних и внутренних атрибуций, апеллирующих к личности: внешнюю устойчивую причину конфликта с однокурсником (характер оппонента) указали 33,9%, внешнюю неустойчивую (настроение оппонента) – 14,9%, внутреннюю устойчивую (свой собственный характер) – 23,1%, внутреннюю неустойчивую (свое собственное настроение) – 28,1% студентов.

Интересно, что личностная атрибуция представлена апелляцией как к своим собственным характеристикам, так и к характеристикам оппонента примерно в равной степени. Можно было бы ожидать, что респонденты будут чаще связывать причины конфликта с личностью оппонента, чтобы поддержать позитивный Я-образ и переложить вину и ответственность на однокурсника. Однако эта тенденция себя не проявила. Это может быть связано с тем, что студент и его оппонент-

однокурсник принадлежат к одной категории, а для поддержания позитивного Я-образа необходимо позитивно оценивать свою группу, включающую и самого субъекта и однокурсника. Похожие результаты мы уже описывали ранее на примере конфликтов военнослужащих срочной службы с сослуживцами разного периода службы [1, с. 108]. При равном статусе субъектов или их принадлежности к одной категории самозащитная тенденция, проявляющаяся в обвинении оппонента в возникновении конфликта, выражена в меньшей степени (в сравнении с вертикальными конфликтами или конфликтами с членами аутгруппы): наряду с обстоятельством может использоваться личностная атрибуция, при которой причины конфликта приписываются в том числе своим личностным особенностям и поведению [1, с. 108]. Результаты нашего исследования позволили внести некоторые уточнения в эту закономерность. Как мы обнаружили, апелляция к характеристикам оппонента чаще носит характер устойчивой атрибуции, а апелляция к собственным особенностям – неустойчивой. Т. е. студенты связывают причины конфликта с собственными особенностями и с особенностями оппонента одинаково часто, но в первом случае, по их мнению, в основе конфликта лежат какие-то изменчивые характеристики, во втором случае конфликт возникает, потому что «однокурсник – такой человек». Здесь несложно обнаружить проявление самозащитных тенденций в атрибуции студентами конфликтов с однокурсниками, позволяющих сохранить позитивный Я-образ за счет использования внутренней нестабильной атрибуции. Исследования эмоциональных последствий атрибуции негативных событий демонстрируют их более благоприятный характер при применении интернальной нестабильной атрибуции в сравнении с интернальной стабильной. Таким образом, апелляция к внутренним нестабильным причинам в атрибутировании студентами конфликтов с однокурсниками участвует в их эмоциональной саморегуляции.

Дополним анализ использования студентами личностной атрибуции конфликтов с однокурсниками обзором ответов на вопрос о том, кто в этих конфликтах прав, а кто виноват. Около половины студентов (49,6%) смогли проинтерпретировать конфликт с однокурсником в терминах «правых» и «виноватых», остальные либо не ответили на этот вопрос, либо отметили, что определить, кто прав, а кто виноват в конфликте, трудно или вообще невозможно. Ответы респондентов, которые позволяют охарактеризовать атрибуцию вины в конфликте с однокурсником, можно разделить на три группы. Наиболее распространен вариант признания обоюдного вклада в возникновение конфликта: «оба правы и виноваты в равной степени» (его указали 24% респондентов). Вторым по распространенности является вариант, при котором студенты признают свою правоту и / или считают виноватым (неправым) оппонента (12,4%). Лишь 3 студента признали свою вину в возникновении конфликта, не приписав таковую оппоненту. Еще 10,7% студентов определили правого и виноватого в конфликте, однако по их ответам, к сожалению, нельзя четко определить, как эти роли распределены между участниками. Полученные результаты согласуются с материалами, описанными выше. В конфликтах с однокурсниками проявляет себя тенденция в равной степени возлагать ответственность за их возникновение и на себя и на оппонента (тенденция

разделять ответственность с членом ингруппы), а также склонность к использованию самозащитной атрибуции по типу «я – прав, он – виноват».

Еще один каузальный параметр, охарактеризующий собранные эмпирические данные, – контролируемость. Студентам необходимо было оценить то, в какой степени они могли контролировать происходящее в конфликте с однокурсником по пятибалльной системе. 37,2% студентов выбрали средние оценки параметра контролируемости. Оценки выше среднего составили 38,8% ответов, ниже среднего – 22,6%, 1 студент не оценил степень контролируемости происходящего. Средняя оценка того, в какой степени студенты могли контролировать ситуацию, составила 3,2. Таким образом, степень контролируемости происходящего в конфликте с однокурсниками чаще является средней или выше среднего.

Ряд студентов указывали на наличие нескольких причин конфликта, несмотря на инструкцию к вопросу, согласно которой можно было выбрать только один вариант ответа. К примеру, студенты могли указать в качестве причины конфликта с однокурсником свое плохое настроение и плохое настроение оппонента одновременно. Это свидетельствует, на наш взгляд, о понимании многоаспектности причинной детерминации конфликтов и наличия у студентов сложных каузальных схем феномена конфликтного взаимодействия.

Таким образом, студенты, объясняя конфликты с однокурсниками, чаще используют внешние, нестабильные атрибуции, оценивая степень контролируемости происходящего как среднюю или выше среднего. Это позволяет поддерживать позитивный Я-образ, возлагать ответственность за возникновение конфликта на внешние факторы, осуществлять эмоциональную саморегуляцию и поддерживать чувство контроля. Личностная атрибуция, используемая студентами при объяснении конфликтов с однокурсниками, одинаково часто содержит апелляцию как к своим собственным особенностям, так и к особенностям оппонента, однако в первом случае чаще используются неустойчивые атрибуции, а во втором – устойчивые. Атрибуция студентами вины за возникновение конфликтов с однокурсниками либо содержит признание обоюдного вклада участников, либо носит самозащитный характер, при котором роль правого в конфликте отводится субъектом самому себе, роль виноватого – однокурснику-оппоненту. Дальнейший анализ данной проблематики может быть направлен на определение особенностей атрибутирования студентами конфликтов с однокурсниками в зависимости от характеристик участников, специфики отношений между ними и контекста взаимодействия. Отдельную линию анализа может составить сравнение атрибуций студентами конфликтов с однокурсниками и конфликтов с преподавателями, а также привлечение к анализу данных об атрибутировании конфликтов студентами разных курсов и профилей обучения. Интересна и оценка эмоциональных и поведенческих последствий различных вариантов атрибутирования студентами межличностных конфликтов с однокурсниками и преподавателями.

Библиографические ссылки

1. Смирнова Ю.С. Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов // Философия и социальные науки. 2016. № 3 С. 105–109.
2. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Мн: АСАР, 2005.

ИНТЕРДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИЧНОСТИ

А. С. Солодухо, Г. А. Фофанова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
gfofanova@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимного влияния науки, образования и личности. Представлены результаты эмпирических исследований, раскрывающих особенности и результаты этого взаимовлияния. Описываются признаки трансформации научного дискурса исследователями на примере дискурса последователей Л. С. Выготского. Описываются трансформации научных метафор, использующихся личностью при конструировании диалогической самости в автобиографическом нарративе. Обсуждаются возможности практического применения полученных результатов исследований.

Ключевые слова: наука, личность, образование, научный дискурс, образовательные субкультуры, научные метафоры, диалогическая самость

THE INTERDETERMINATION OF SCIENCE, EDUCATION AND PERSONALITY

Saladukha A., Fofanova G.

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The problem of the mutual influence of science, education and personality is analyzed in the article. The results of empirical studies revealing the features and results of this interaction are presented. The signs of the transformation of scientific discourse by researchers are described on the example of the discourse of followers of L. S. Vygotsky. The transformation of scientific metaphors used by the person in constructing the dialogical self in the autobiographical narrative are described. The possibilities of practical application of the results of research are discussed.

Keywords: science; personality; education; scientific discourse; educational subcultures; scientific metaphors; dialogical self.

Человек оказывается в пространстве науки с самых ранних лет – с момента начала взаимодействия со значимым Другим и с погружением в медийное пространство с его множеством образовательных научных и научно-популярных программ и фильмов. Систематический характер «научной социализации» начинается с дошкольных учреждений образования – весь отечественный институт образования ориентирован на то, чтобы построить у субъекта наукообразную картину мира, а ее построение, в той или иной степени, предполагает усвоение человеком научных метафор, способов взаимодействия с миром и паттернов его познания, присущих той или иной науке. Но субъект, в свою очередь, не является пассивным реципиентом транслируемого научного

знания, он активен при его усвоении и повседневном использовании. Таким образом, научное знание трансформируется субъектом и, в свою очередь, субъект изменяется благодаря науке. И, на наш взгляд, эти интердетерминационные процессы имеют свои результаты как на профессиональном (например, авторский научный дискурс), так и личностном (например, диалогическая самость) уровнях активности субъекта.

Глубина трансформационного влияния личности на научный дискурс зависит от степени открытости самой науки (так, естественные науки считаются более закрытыми в сравнении с гуманитарными), которая обуславливается: 1) различиями в предлагаемом репертуаре методологических платформ (естественные науки ограничены позитивистской методологией, в то время как гуманитарные демонстрируют широкий ряд методологий – позитивистской, феноменологической, структуралистской, социально-конструктивистской, интегративно-эклектической, критической и т.д.); 2) степенью сложности научного языка (математические науки предлагают более формализованный терминологический аппарат, трудный для презентирования в повседневности (но, тем не менее, использующийся в каждодневной практике, о чем мы напишем ниже); понятийный аппарат гуманитарных наук характеризуется большей степенью открытости и связи с «бытовым» языком). Эти характерные особенности научного дискурса гуманитарных наук придают текстам, в которых он отражается, большую вариативность и степень свободы в поиске приемов текстового выражения содержания научного дискурса.

Следует отметить, что изменения в общественном устройстве перестраивают и содержание науки, формируя новые запросы и ориентиры для научного сообщества. В свою очередь, появление ученых, чьи идеи и открытия совершают переворот в общественном и мировом устройстве, может повлечь за собой изменения, как в рамках контекста, так и научного дискурса. Вспомним Манхэттенский проект физиков, создавших ядерное оружие, открытие вакцины и ДНК, появление психоанализа З. Фрейда, бихевиоризма И. П. Павлова–Д. Уотсона, идеи Л. С. Выготского и Э. Галуа, периодическую таблицу элементов Д. И. Менделеева и теорию относительности А. Эйнштейна, «Капитал» К. Маркса и работы Ф. Ницше, механику И. Ньютона. [1].

Нами было проведено исследование, направленное на выявление взаимовлияния социокультурного и личностного контекстов и научного дискурса последователей Л. С. Выготского [2]. В результате исследования было установлено, что научное наследие Л. С. Выготского в значительной степени трансформируется его последователями, что проявляется: 1) в меньшей формализованности научного дискурса, о чем свидетельствует организация научных текстов последователей Л.С. Выготского (свернутость и отсутствие жестких стандартов презентации авторов и научных фактов, резкое уменьшение цитат как средства научной аргументации авторской позиции и др.); 2) в ослаблении контроля за соблюдением институциональных правил, предъявляемых к научному тексту, последователями Л. С. Выготского (например, языковые ошибки, несоответствие тематической направленности материалов проблематике конферен-

ции, на которых эти материалы презентуются); 3) в трансформациях содержательного характера научного дискурса последователей Л.С. Выготского (необоснованное расширение проблемного поля научных интересов Л.С. Выготского, исключение предшественников и последователей ученого из контекста его деятельности, искажение и «модернизация» категориального аппарата теории формирования высших психических функций как особых регуляторов поведения в онтогенезе, игнорирование методологических оснований теории Л.С. Выготского и замалчивание связей его идей с разработками зарубежных психологов).

Трансформации научного дискурса, в более узком смысле – научных метафор, происходят не только на профессиональном научном уровне, но и личностном, при использовании субъектами научных метафор при описании ими своего опыта и внутреннего мира [4]. Особенности этих трансформаций были обнаружены в результате исследования, посвященного выявлению особенностей диалогической самости студентов гуманитарной и естественнонаучной образовательных субкультур. Научные метафоры используются студентами в автобиографических нарративах с определенной долей трансформации, а именно:

1) с трансформацией когнитивного содержания метафор путем избирательной актуализации одних содержательных элементов научных метафор, наряду с игнорированием других. В качестве примера приведем фрагмент нарратива: «...это, где-то уже с позапрошлого года... тут я уже себя чувствовал... что становлюсь как-то более-менее человеком... до этого я был каким-то странным существом... не ощущал себя человеком, честно говоря... нет, ну не в смысле, там, что я думал, что я кошка или таракан, что довольно странно... ну и сейчас странно, честно говоря, но я все равно чувствую, что все больше делаюсь человеком... вот взять что угодно, но я все равно делаюсь человеком...». В рассматриваемом примере автор актуализирует сложную образную научную метафору, сочетающую в себе отдельные содержательные компоненты эволюционного учения, а также идею онтогенетического развития при отклонении от классических трактовок понятия «эволюция» (акцент не на образовании новых видов, а на т. н. «персональной эволюции»);

2) в соединении семантических ядер метафор, представляющих различные отрасли наук, на основе имплицитной логики рассказчика. В качестве примера приведем фрагмент нарратива: «...значит... у меня не настоящие родители и... ммм.. (4 сек)... и... настоящие родители... значит... мама умерла ну а... папы как такового нет... ну ииии... меня воспитывает родная тетя... нуу... не буду рассказывать историю как что произошло... но это был... очень переломный момент в моей жизни и... очень сильно я это... переживала и... в общем пережила, потому что могло быть так, что... ну сошла бы с ума... может так было, потому что такая ситуация была...». В качестве содержательной основы данного типа метафор выступает совокупность знаний, представленных в разделе физики «Механика деформируемого твердого тела». Респондент обозначает фрагмент, связанный с потерей родителей (психологическая сфера), констатируя нежелание разворачивать подробное описание данного опыта, после

чего осуществляется заполнение содержательной лакуны актуализацией номинативной физической метафоры, связанной с решением задачи из механики твердого тела, основанной на законе Гука, – задачей на предельно допустимую нагрузку на материал.

3) в использовании отдельных элементов семантического ядра метафоры без указания на ее символическую метку. В качестве примера приведем фрагмент нарратива: «...если раньше можно было сказать, допустим... кто-то был каким-то, ммм... просто каким-то треугольничком... то теперь он может стать каким-то тетраэдром... это... пирамидкой, там... то есть, будет более, ммм... вобрать в себя больше информации... понять больше». В данном фрагменте идея личностного развития выражается с помощью сложной математической метафоры, сочетающей в себе преобразование геометрических фигур, с переходом из планиметрии в стереометрию.

4) во включении в смысловое пространство используемой научной метафоры номинализаций. В качестве примера приведем фрагмент нарратива: «...детство – это одно мировоззрение... потом уже, начиная с пятого класса, как бы интерес появился... к мальчикам, тоже как бы... ну, что такое... после четвертого класса... ничего как бы и не было... не обращала внимание на мальчиков,... а тут уже пошел интерес,... то есть гормоны пошли, как говорится...заработало все, так сказать...». В качестве семантического ядра метафоры выступает категория «гормон», которая используется респондентом в качестве агента возрастных изменений, происходивших с ней после пятого класса. В рамках данной метафоры автор объясняет происходящие с ней изменения воздействием гормонов, тем самым приписывая последним такие свойства как «высокая биологическая активность» и «специфичность действия». Используя в дальнейшем определение себя как биологической системы, которой позволили в полной мере функционировать данные агенты («гормоны»), автор завершает раскрытие данного эпизода, выводя на передний план биологическое объяснение детерминант собственной активности. В то же время из смыслового поля метафоры «изъяты» важные признаки гормонов (их привязанность к железам внутренней секреции, адресность воздействия, а также, невозможность полной блокировки сознательного контроля за поведением).

Следует подчеркнуть, что наиболее востребованными респондентами при конструировании собственной диалогической самости оказались метафоры, связанные с физическими науками (28,12%). Практически вдвое реже в повествованиях встречались метафоры, представляющие психологические науки (14,06%) и философию (13,74%). Следующими по частоте встречаемости оказались метафоры, представляющие содержание лингвистических наук (10,86%), ненамного отстали от них математические науки (8,31%) и биологические науки (7,35%). Реже всего респонденты использовали метафоры, связанные с искусством (5,11%), архитектурными и историческими науками (4,47% и 4,15% соответственно). Наименьшее количество научных метафор было связано с географическими науками (3,83%). Отталкиваясь от этих результатов, можно выдвинуть предположение об основополагающей роли физи-

ческих метафор как средства конструирования диалогической самости респондентов. Существенна роль и «гуманитарного трио» – психологии, философии и лингвистики, также широко представленных в репертуаре средств проявления диалогической самости. Таким образом, мы можем говорить о содержательных границах репертуара «научных символических ресурсов» конструирования диалогической самости: номинативные физические и математические метафоры представляют собой основное содержание «зоны контакта» образовательных субкультур; психологические, философские и лингвистические метафоры определяют содержание «зоны обмена» образовательных субкультур; географические метафоры и метафоры искусства выступают в качестве источника обогащения содержания «зоны контакта» образовательных субкультур [4].

Наши исследования выявили результаты интердетерминации науки и личности. Трансформация научного знания неизбежна в силу активности самого познающего субъекта. Более того, развитие науки было бы невозможно без этих трансформаций. Тем не менее, необходимость сохранения научного статуса знаний, требует применения специальных приемов с целью снижения искажающих трансформаций, а именно: 1) по отношению к языковой оболочке научного дискурса – усиление контроля со стороны редакторов научных текстов, обладающих высоким уровнем языковой компетентности, законодательно закрепленным статусом и научным авторитетом, на предмет релевантности текста описываемому содержанию; 2) по отношению к институциональной оболочке научного дискурса – идентификация компонентов текста, относящихся к институциональной оболочке научного дискурса и многократное взаимодействие с макротекстами, вследствие чего у автора вырабатывается навык «институционализации текста»; 3) по отношению непосредственно к научному дискурсу – использование приемов работы с макроструктурой научного текста (вычленение макроструктуры из научных текстов, связанных с темой собственных научных изысканий, создатель научного текста осуществляет подобие дискурсного анализа, вычленяя как общепринятые в научном сообществе значения, так и подготавливая почву для создания и продвижения своего вклада в содержание научного дискурса); 4) по отношению к персональному научному дискурсу (как источника наибольшей содержательной трансформации научного дискурса) – выработка у автора «дискурсивной» чувствительности и развитие рефлексивной компетентности (например, с помощью и критического рефлексивного позиционирования) [5].

Знание репертуара «научных символических ресурсов» конструирования диалогической самости личности также имеет свои точки практического применения. Во-первых, оно может применяться в сфере психологического консультирования и психотерапии для повышения уровня коммуникативной компетентности в условиях межкультурной коммуникации и переговорного процесса с учетом особенностей субкультурных сред субъектов коммуникации. Во-вторых, в образовательных практиках, ориентированных на создание условий для развития диалогической самости студентов. В-третьих для оптимизации взаимодействия представителей различных научных субкультур при реализации ими междисциплинарных проектов (например, при взаимодействии программистов и психологов, физиков-

инженеров с физиками-теоретиками и т. д.).

Библиографические ссылки

1. Солодухо А.С. Трансформация научного дискурса идейного наследия Л. С. Выготского // Белорусский психологический журнал. 2004. № 2. С. 4–10.
2. Солодухо А.С. Трансформация научного психологического дискурса последователей Л. С. Выготского : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 : Минск, 2005. С. 186.
3. Солодухо А.С. Схема индивидуального вклада ученого в смысловое пространство научного психологического дискурса // Психол. журнал. 2006. № 4. С.29–34.
4. Фофанова Г.А. Механизмы интердетерминации диалогической самости студентов и образовательных субкультур // Зб. навуков. пр. Акад. паслядыплом. адукацыі. 2016. Вып. 14. – С. 444–455.
5. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск : Бестпринт, 2000. 416 с.

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ

А.Ю. Трофимов

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
пр-т Глушкова, 2а, Киев, Украина
hrta@bigmir.net

Аннотация: В работе рассматривается и охарактеризована теория «Психологического контракта». Она направлена на объяснение закономерностей поведения человека и тесно связана с актуальными вопросами мотивации персонала, формировании привязанности, лояльности к компании в современных условиях трансформирующийся организации.

Ключевые слова: *психологический контракт; лояльность; приверженность; удовлетворенность работой.*

PSYCHOLOGICAL CONTRACT IN A TRANSFORMING ORGANIZATION.

A.Y. Trofimov

Taras Shevchenko Kyiv National University
Glushkova av., 2a, Kiev, Ukraine,

Annotation: The theory of the «Psychological contract» is considered and characterized in the work. It is aimed at explaining the patterns of human behavior and is closely related to topical issues of staff motivation, the formation of affection, loyalty to the company in modern conditions transforming the organization.

Keywords: *psychological contract; loyalty; commitment; job satisfaction.*

Формирование благоприятных отношений между работником и организацией извечная проблема и актуальная тема для научных работ. Рано или поздно перед любым руководителем стоит вопрос: как сделать так, чтобы люди работали сплоченной командой, отдавая силы и энергию на развитие компании? И ответ на этот вопрос можно найти, обратившись к концепции «психологического контракта». Современный рынок заставляет компании постоянно трансформироваться в соответствии с новыми вызовами. Девиз нынешней организационной жизни - «остановился, значит опоздал». Поэтому и организационные структуры и персонал успешной компании должны быть мобильны. Решаемые работниками задачи могут оперативно меняться, что приводит к изменениям и трудовых взаимоотношений между людьми. Эти изменения трудно зафиксировать в должностных инструкциях и правовых документах, в результате чего так называемый «психологический контракт» между исполнителем и работодателем становится ключевым фактором в управлении персоналом.

Наиболее важным и менее изученным аспектом исследований субъекта профессиональной деятельности является рассмотрение его взаимодействия с организацией. В подобных исследованиях (Е.А. Климов, В.А. Толочек, О.Г. Носкова, О.С. Виханский, А.И. Наумов, М. Амстронг, Э. Шейн, Д. Руссо и др.) отмечается тенденция рассматривать такое взаимодействие как субъектно-субъектное, предполагающее смещение акцента с влияния на взаимовлияние.

В 2002 году Д. Гест и Н. Конвей провели исследование реализации и отношения к психологическому контракту. Результатом стал вывод о том, что управление психологическим контрактом является базовой задачей, которую осознают многие менеджеры «высшего звена». С его помощью формируется положительная связь с широким спектром результатов в рамках трудовых отношений, и является прекрасным способом концептуализации этих отношений.

Многие исследователи отмечают, что глубокое изучение содержания психологического контракта играет важную роль в снижении неопределенности и создании предполагаемой реалистического поведения сторон в будущем, помогая работнику и организации в достижении поставленных перед ними целей.

Структура психологического контракта может рассматриваться и с точки зрения объекта ожиданий. Тогда его составляющая включает четыре ключевые параметры, среди которых определены ожидания относительно работы (уровни достижений различных задач, ожидаемые руководителем, а также ожидания по увеличению зарплаты, премий, дополнительных доходов и т.д., как следствие, у сотрудников не будет необоснованных амбиций); особенности работы в коллективе; ожидания от работы сотрудника (руководитель может вспомнить, поведение, поступки и действия ожидаются в различных ситуациях и т.д.); отношения с руководством (какие особенности определяют и характеризуют работу с руководителем, как сотруднику необходимо изменить

свое поведение, чтобы сработаться с руководителем).

Ожидания работодателя и работника принимают форму неозвученных, негласных предположений [1]. Поэтому стоит быть готовым к тому, что разочарование со стороны как руководства, так и работников может оказаться неизбежным. Предотвратить это можно, если руководство признает, что одной из ключевых задач является управление ожиданиями, которое означает разъяснение работнику что работодатель ждет от него в плане результатов, умений, навыков и ценностей. По сути, это не только вопрос произнесения и формализации ожиданий, но и обсуждения и согласования их с индивидуальными работниками и группами.

Таким образом, сбалансированный психологический контракт необходим для длительных гармоничных отношений между работником и организацией. Однако, нарушения его условий может быть сигналом для участников, что стороны больше не разделяют (или никогда не разделяли) общие ценности или цели. Эта концепция подчеркивает тот факт, что ожидания как работника, так и работодателя имеют форму предположений по поводу позиции противоположной стороны. Психологический контракт - это динамическая структура, которая изменяется в зависимости от опыта, стабильности коллектива и самой деятельности, а также в зависимости от ожиданий и надежд на работника со стороны руководства. В результате этого, он создается без заранее подготовленного плана, и, соответственно, влечет непредсказуемые последствия. Даже если используется шаблон того, что раньше сформировалось как положительный контракт, не учитываются индивидуальные потребности и ожидания нового работника (как минимум, по незнанию). Также, во многих организациях психологический контракт меняется в ответ на трансформации в внешней и внутренней среде. С течением времени, а также с учетом экономических кризисов, которые существенно повлияли на рынок труда, важность психологического контракта изменилась, по сравнению с прошлым веком. Сейчас компании обращают большое внимание на удовлетворение потребностей работника, формирование его способностей и навыков, которые будут необходимы и востребованы в профессиональной деятельности (не только для работы в собственной команде, но и для обеспечения горизонтального продвижения по карьере). Также подчеркивается значение климата высокой вовлеченности и высоко оцениваются такие практические процедуры, как, например, возможность обучения, профессиональной подготовки и развития, акцент на надежности рабочего места, справедливые системы оплаты, а также сведение к минимуму разницы в статусе руководства и подчиненных.

Библиографические ссылки

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. Спб. : Питер, 2009. – 848 с.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
САМОРЕГУЛЯЦИИ С МЕХАНИЗМАМИ ЗАЩИТЫ
У ПАЦИЕНТОВ С ДЕПРЕССИЕЙ**

Е. А. Трухан, Н. Н. Морозова, Т. О. Будько

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Республиканский научно-практический центр психического здоровья
Долгиновский тракт 152, 220053, Минск, Республика Беларусь
elena.an.t@tut.by, marzikii@mail.ru, tatsiana71@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты корреляционного анализа стилевых особенностей саморегуляции и защитных механизмов у пациентов с депрессией и здоровых людей. Механизмы отрицания и интеллектуализации как у здоровых, так и у депрессивных людей увеличивают способность к саморегуляции поведения, а подавление, регрессия и компенсация, наоборот, уменьшают. Функционирование психологических защит повышает регуляторную самостоятельность и здоровых, и больных депрессией людей, но затрудняет моделирование значимых условий, программирование действий и оценивание результатов при организации ими собственной активности. Наибольшее количество значимых корреляций с механизмами защиты как у здоровых людей, так и у больных депрессией выявлено для программирования действий. Между интегральными показателями общей напряженности психологической защиты и уровнем сформированности саморегуляции поведения обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь только в группе пациентов с депрессией.

Ключевые слова: *депрессия; стресс; механизмы защиты; саморегуляция; стилевые особенности*

**CORRELATION BETWEEN DEFENSE MECHANISMS AND STYLE
PECULIARITIES OF SELF-REGULATION IN PATIENTS WITH
DEPRESSION**

E. A. Truhan, N. N. Morozova, T. O. Boud'ko

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Republican Research and Practice Center for Mental Health
Dolginovsky tract 152, 220053, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article discusses the results of correlation analysis between defense mechanisms and style peculiarities of self-regulation in patients with depression and in healthy people. The mechanisms of denial and intellectualization increase the ability to self-regulation in healthy people and in patients with depression; repression, regression and compensation, on the contrary, decrease. The functioning of psychological defenses increases the regulatory independence of healthy people and of patients with depression, but makes it difficult to condition modeling, programming and evaluation of the results. The greatest number of significant correlations between defense mechanisms and programming

was found in healthy people and in patients with depression. An inversely correlation between the general intensity of psychological defense and the general level of self-regulation was found only in patients with depression.

Keywords: *depression; stress; defense mechanisms; self-regulation; style peculiarities.*

Поиск ресурсов, способных обеспечить эффективное преодоление стрессовой симптоматики и депривированности, которые могут приводить к депрессии – актуальная задача медицинской психологии. Изучение индивидуальных особенностей организации человеком собственной активности признается перспективным и продуктивным направлением такого поиска (В.И. Моросанова, 2012). Целью эмпирического исследования было выявление взаимосвязей стилевых особенностей саморегуляции поведения с психологическими защитами у пациентов с депрессией, а также у здоровых людей. Для достижения поставленной цели были использованы опросники ССМП «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой и LSI «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика – Г. Келлермана – Х. Р. Конте. В исследовании принимали участие 50 человек, которые проходят лечение от депрессии в РНПЦ психического здоровья г. Минска, из них 39 женщин и 11 мужчин в возрасте от 18 лет до 76 года. Также опрашивалась контрольная группа здоровых людей в количестве 50 человек, из них 39 женщин и 11 мужчин в возрасте от 23 до 71 лет. В результате корреляционного анализа данных (непараметрический вариант Спирмена) были выявлены значимые взаимосвязи (положительные и отрицательные) между компонентами саморегуляции и защитными механизмами как в группе испытуемых, которые лечатся от депрессии, так и в группе здоровых людей. Однако в группе больных депрессией значимых корреляций обнаружено больше (24), чем в группе здоровых людей (18).

У здоровых людей взаимосвязи между стилевыми особенностями саморегуляции и психологическими защитами выявлены по следующим показателям:

1. Механизм защиты «отрицание» положительно коррелирует с компонентами саморегуляции «планирование» ($r=0,310$ при $p=0,029$), «гибкость» ($r=0,286$ при $p=0,044$) и общим уровнем саморегуляции ($r=0,291$ при $p=0,04$). Это означает, что здоровые люди, не признавая негативные жизненные моменты, могут лучше планировать свои цели, более гибко перестраиваться в изменяющихся условиях жизни и таким образом общий уровень саморегуляции поведения повышается. Иначе говоря, отрицая стимулы, вызывающие тревогу и эмоциональное напряжение, они приобретают больше свободы в своей активной деятельности.

2. Защитный механизм «подавление» отрицательно коррелирует с компонентами саморегуляции «оценивание» ($r= -0,328$ при $p=0,02$), «гибкость» ($r= -0,305$ при $p=0,031$) и общим уровнем саморегуляции ($r= -0,282$ при $p=0,047$). Здоровые люди из-за вытеснения из сознания некоторых аспектов ситуации, существенных для эффективной адаптации, теряют адекватность оценки, менее гибко реагируют на изменение обстоятельств и, соответственно, их общая способность к саморегуляции снижается.

3. Психологическая защита «проекция» отрицательно коррелирует с программированием ($r = -0,323$ при $p = 0,022$), оцениванием ($r = -0,306$ при $p = 0,031$) и положительно с самостоятельностью ($r = 0,319$ при $p = 0,024$). Приписывая свои негативные качества окружающим, здоровые люди начинают неадекватно строить программу действий, искажать при оценивании реальное положение вещей, однако при этом приобретают большую самостоятельность, потому что чувствуют себя увереннее, считая что все плохое никак не связано с ними самими.

4. Механизм защиты «замещение» отрицательно коррелирует с программированием ($r = -0,387$ при $p = 0,005$), оцениванием ($r = -0,299$ при $p = 0,035$) и положительно с самостоятельностью ($r = 0,484$ при $p = 0,001$). У здоровых людей из-за импульсивности и агрессивности теряется четкость программы деятельности, оценивание становится менее адекватным, однако увеличивается автономность как проявление власти над более слабыми объектами.

5. Компонент саморегуляции «программирование» отрицательно коррелирует с защитами «регрессия» ($r = -0,299$ при $p = 0,035$), «проекция» ($r = -0,323$ при $p = 0,022$), «замещение» ($r = -0,387$ при $p = 0,005$) и общей напряженностью психологической защиты ($r = -0,340$ при $p = 0,016$). Из-за стремления использовать более простые и уже привычные поведенческие стереотипы, приписывания своих нежелательных мотивов и эмоций окружающим, импульсивности действий у здоровых людей программа деятельности обедняется, искажается и выполняется менее точно.

6. Компонент саморегуляции «оценивание» отрицательно коррелирует с защитами «подавление» ($r = -0,328$ при $p = 0,02$), «проекция» ($r = -0,306$ при $p = 0,031$) и «замещение» ($r = -0,299$ при $p = 0,035$). При вытеснении из сознания существенных аспектов ситуации, приписывании своих негативных свойств и агрессивности поведения у здоровых людей оценка результатов является менее адекватной.

7. Компонент саморегуляции «самостоятельность» положительно коррелирует с механизмами защиты «проекция» ($r = 0,319$ при $p = 0,024$), «замещение» ($r = 0,484$ при $p = 0,001$) и общей напряженностью психологической защиты ($r = 0,334$ при $p = 0,018$). Здоровые люди повышают свою автономность, когда приписывают свои негативные качества другим и снимают напряжение, вызванное гневом и агрессией, путем его обращения на более слабый объект или на самого себя.

8. Общий уровень саморегуляции имеет прямо пропорциональную связь с механизмом защиты «отрицание» ($r = 0,291$ при $p = 0,04$) и обратно пропорциональную – с механизмами «подавление» ($r = -0,282$ при $p = 0,047$) и «регрессия» ($r = -0,317$ при $p = 0,025$). Не замечая негативные стороны жизненных ситуаций, здоровые люди могут лучше регулировать свою деятельность. Вместе с тем при вытеснении из сознания важных аспектов ситуаций и стремлении использовать более простые и привычные стереотипы поведения общий уровень саморегуляции будет, наоборот, снижаться.

9. Психологическая защита «интеллектуализация» положительно коррелирует с компонентом саморегуляции «планирование» ($r = 0,298$ при $p = 0,036$).

Следовательно, при использовании произвольной схематизации и истолковании событий для развития чувства субъективного контроля над ними, человек может лучше планировать свою деятельность.

10. Компонент саморегуляции «моделирование» отрицательно взаимосвязан с защитой «компенсация» ($r = -0,334$ при $p = 0,018$). Это означает, что компенсация недостатка или неполноценности чем-то другим искажает понимание реально значимых условий при моделировании деятельности.

У пациентов с депрессией взаимосвязи между компонентами саморегуляции и механизмами защиты обнаружены по следующим показателям:

1. Психологическая защита «подавление» отрицательно коррелирует с такими компонентами саморегуляции, как «моделирование» ($r = -0,471$ при $p = 0,001$), «программирование» ($r = -0,285$ при $p = 0,045$), «оценивание» ($r = -0,411$ при $p = 0,003$) и общим уровнем саморегуляции ($r = -0,306$ при $p = 0,03$). У депрессивных людей при вытеснении из сознания информации, существенной для успешной адаптации, ухудшается моделирование значимых условий, программа действий искажается, оценка становится менее адекватной и, как результат, общая способность к саморегуляции снижается.

2. Защитный механизм «регрессия» отрицательно коррелирует с такими компонентами саморегуляции, как «моделирование» ($r = -0,326$ при $p = 0,021$), «программирование» ($r = -0,622$ при $p = 0,001$), «оценивание» ($r = -0,506$ при $p = 0,001$) и общим уровнем саморегуляции ($r = -0,458$ при $p = 0,001$). У пациентов с депрессией из-за стремления использовать более простые и известные поведенческие стереотипы существенно обедняется деятельность на таких этапах, как моделирование условий, программирование действий и оценивание результатов, в итоге деятельность становится менее эффективной, а общий уровень саморегуляции снижается.

3. Механизм защиты «проекция» отрицательно коррелирует с такими компонентами саморегуляции, как «программирование» ($r = -0,475$ при $p = 0,001$), «оценивание» ($r = -0,312$ при $p = 0,027$) и положительно с самостоятельностью ($r = 0,426$ при $p = 0,002$). Приписывая отвергаемые у себя качества окружающим, больные депрессией так же, как и здоровые люди, неадекватно строят программу действий, искажают при оценивании реальное положение вещей, однако становятся более самостоятельными, чувствуют себя увереннее, считая что все негативное с ними никак не связано.

4. Напряженность психологической защиты отрицательно коррелирует с такими компонентами саморегуляции, как «моделирование» ($r = -0,359$ при $p = 0,01$), «программирование» ($r = -0,628$ при $p = 0,001$), «оценивание» ($r = -0,536$ при $p = 0,001$), общим уровнем саморегуляции ($r = -0,396$ при $p = 0,004$) и положительно – с самостоятельностью ($r = 0,357$ при $p = 0,011$). Состояние выраженного эмоционального дискомфорта у больных депрессией отрицательно сказывается на моделировании значимых условий, планировании деятельности, оценивании результатов деятельности и, в целом, на общей способности к саморегуляции. Однако функционирование психологических защит помогает депрессивным людям чувствовать себя более

независимыми и автономными. Тем не менее частое использование защитных механизмов требует больших затрат психической энергии, постоянную вовлеченность в процесс защиты и, как следствие, возникает более быстрая утомляемость, снижается адаптивность поведения, что в свою очередь может усугублять депрессивную симптоматику.

5. Компонент саморегуляции «программирование» отрицательно коррелирует с защитами «подавление» ($r = -0,285$ при $p = 0,045$), «регрессия» ($r = -0,622$ при $p = 0,001$), «компенсация» ($r = -0,429$ при $p = 0,002$), «проекция» ($r = -0,475$ при $p = 0,001$), «замещение» ($r = -0,430$ при $p = 0,002$) и общей напряженностью защит ($r = -0,628$ при $p = 0,001$). При вытеснении важных аспектов ситуации, стремлении использовать примитивные и привычные способы, компенсации недостатков, приписывании собственных негативных черт окружающим, импульсивности действий у депрессивных людей программа деятельности деформируется. При построении программы действий часть информации не присутствует в сознании, репертуар возможных действий становится более бедным, происходит замена действий в сторону ухудшения, при этом информация, используемая при программировании, искажается, а импульсивность мешает четкости выполнения программы действий.

6. Компонент саморегуляции «оценивание» отрицательно коррелирует с механизмами защиты «подавление» ($r = -0,411$ при $p = 0,003$), «регрессия» ($r = -0,506$ при $p = 0,001$), «проекция» ($r = -0,312$ при $p = 0,027$) и общей напряженностью психологической защиты ($r = -0,536$ при $p = 0,001$). У больных депрессией при вытеснении из сознания существенной информации, стремлении использовать простые и уже привычные поведенческие стереотипы, приписывании нежелательных мотивов и эмоций другим людям происходит искажение критериев оценки результатов своей деятельности.

7. Общий уровень саморегуляции отрицательно коррелирует с защитными механизмами «подавление» ($r = -0,306$ при $p = 0,03$), «регрессия» ($r = -0,458$ при $p = 0,001$), «реактивные образования» ($r = -0,294$ при $p = 0,038$) и общей напряженностью психологической защиты ($r = -0,396$ при $p = 0,004$). У больных депрессией при «забывании» важных аспектов проблемных ситуаций, использовании более инфантильных способов поведения, маскировке под видом противоположности истинных потребностей и чувств, происходит ухудшение общей способности к организации собственной активности.

8. Психологическая защита «интеллектуализация» положительно коррелирует с компонентами саморегуляции «планирование» ($r = 0,323$ при $p = 0,022$) и «самостоятельность» ($r = 0,293$ при $p = 0,039$). Используя формальное истолкование событий, больные депрессией так же, как и здоровые люди, могут лучше планировать свою деятельность. Увеличение же самостоятельности может быть связано с тем, что сняв с себя ответственность за проблемные ситуации с помощью псевдологических объяснений, больные депрессией чувствуют себя более свободными.

9. Защитный механизм «реактивные образования» отрицательно коррелирует с компонентом саморегуляции «гибкость» ($r = -0,360$ при $p = 0,01$). Пре-

образование желаний или импульсов, которые воспринимаются как опасные или неприемлемые, в противоположности у больных депрессией приводит к ухудшению способности гибко реагировать на изменение обстоятельств. То, что депрессивные больные демонстрируют в виде реактивных образований, на самом деле не соответствует их внутренним состояниям, поэтому их способность гибко менять поведение снижается.

10. Компонент саморегуляции «планирование» имеет прямо пропорциональную связь с отрицанием ($r=0,338$ при $p=0,017$), интеллектуализацией ($r=0,323$ при $p=0,022$) и обратно пропорциональную – с замещением ($r=-0,337$ при $p=0,017$). Пациенты с депрессией благодаря тому, что игнорируют негативные стороны жизненных обстоятельств, используют отстраненный анализ событий для сохранения чувства контроля, так же, как и здоровые испытуемые, могут планировать свою деятельность лучше. Однако четкость планирования при одновременной импульсивности действий будет снижаться.

Схожих взаимосвязей между компонентами саморегуляции и защитными механизмами в исследуемых группах обнаружено 12. Механизмы отрицания и интеллектуализации у здоровых людей и пациентов с депрессией увеличивают способность к саморегуляции поведения, а подавление, регрессия и компенсация, наоборот, уменьшают. Функционирование психологических защит повышает регуляторную самостоятельность и здоровых, и больных депрессией людей, но затрудняет моделирование условий, программирование действий и оценивание результатов при организации ими собственной активности.

Таким образом, как у здоровых людей, так и у пациентов с депрессией выявлены значимые взаимосвязи (положительные и отрицательные) между стилевыми особенностями саморегуляции и психологическими защитами. Однако в группе больных депрессией значимых корреляций обнаружено больше, чем в группе здоровых людей. Меньшее количество взаимосвязей у здоровых людей создает больше степеней свободы для активности в различных жизненных ситуациях, в том числе и проблемных. Защитные механизмы и компоненты саморегуляции более автономны в своем функционировании, что позволяет сохранять психическое здоровье. У больных депрессией психологические защиты и процессы саморегуляции при столкновении с различными трудностями требуют вследствие большей взаимосвязи значительных затрат психической энергии, истощая внутренние ресурсы, что и приводит к депрессивным расстройствам. Наибольшее количество значимых корреляций (все отрицательные) с психологическими защитами и у здоровых людей, и у больных депрессией выявлено для такого компонента саморегуляции, как программирование действий. Между интегральными показателями общей напряженности психологической защиты и уровнем сформированности саморегуляции поведения обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь только в группе пациентов с депрессией.

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

М. С. Фабрикант

Белорусский государственный университет
пр-т. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
marharyta.fabrykant@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть относительно редко используемые и неочевидные способы использования качественных методов исследования исторической памяти для решения ряда актуальных вопросов данного направления. В фокусе находится метод, который используется для изучения исторической памяти реже, чем это можно было бы предположить, – нарративный анализ. Рассматриваются возможности и ограничения других качественных методов исследований – контент-анализа, критического дискурсного анализа и конверсационного анализа – для изучения нарративов исторической памяти. Рассматриваются условия выбора акцентов между содержанием и структурой, предубеждениями и конвенциями, интенциями и последствиями. Предлагается во всех трех случаях сместить фокус в направлении последних. Выдвигается идея разработки метода нарративного эксперимента для изучения микросоциального контекста формирования нарративов исторической памяти в массовом сознании.

Ключевые слова: *нарратив, историческая память, нарративный анализ, массовое сознание.*

NARRATIVE ANALYSIS AS SOCIOPSYCHOLOGICAL METHOD OF STUDYING HISTORICAL MEMORY: CURRENT ISSUES AND SOLUTIONS

M. S. Fabrykant

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article introduces an attempt to review some relatively rarely used and less obvious ways of using qualitative research methods of studying historical memory for solving a series of currently significant issues in this area of studies. The article is focused on a method that is used in historical memory studies much more rarely than it might be expected, namely, narrative analysis. It considers possibilities and limitations of the use of other qualitative methods, such as content analysis, discourse analysis, and conversation analysis, for the studying historical memory narratives. Consideration is given to the conditions for selecting accents between content and structure, prejudices and conventions, and intentions and consequences. The suggested preference in all three cases is shifting an emphasis towards the latter. The concluding idea is a suggestion of the need to develop the methods of narrative experiment for studying microsocial context of historical memory formation in the mass consciousness.

Keywords: *narrative, historical memory, narrative analysis, mass consciousness.*

Исследования исторической памяти приобрели популярность в социальных науках примерно в одно и то же время с современными качественными методами исследования – в 1990-е – начало 2000-х гг. В настоящее время ни актуальность изучения исторической памяти, ни правомерность качественных методов исследования сами по себе не вызывают сколько-нибудь серьезных сомнений в их правомерности. Историческая память признана столь же значимым объектом исследования, как и реальные исторические события, во многом благодаря многочисленным историческим свидетельствам в пользу того, что трансформации исторической памяти часто имеют весьма ощутимые реальные последствия. Специалисты в области качественных методов доказали, что их методология не сводится к критическому переосмыслению общефилософских оснований научного знания, но позволяет изучать ранее не доступные социальным наукам феномены, зачастую имеющие высокую социальную значимость. Отчасти этому поспособствовало развитие процедурной стороны использования качественных методов в конкретных исследованиях, вследствие чего описание методов в публикациях, представляющих результаты качественных исследований, в последние годы стало не менее детальным и прозрачным, чем для количественных методов. Обратной стороной этого развития оказалось формирование определенных канонов применения качественных методов исследования, включающих в себя к наиболее привычные и устоявшиеся варианты объекта и предмета исследования, сочетание определенных способов сбора и анализа данных, а также дисциплинарные ограничения. Эта конвенционализация приводит к тому, что одни возможности используются даже там, где они скорее являются субоптимальными, другие используются реже, чем было бы целесообразно, а третьи даже не рассматриваются. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть относительно редко используемые и неочевидные способы использования качественных методов исследования исторической памяти для решения ряда актуальных вопросов данного направления. В фокусе находится метод, который используется для изучения исторической памяти реже, чем это можно было бы предположить, – нарративный анализ.

1. Содержание или структура? Значительная часть исследований исторической памяти исходят из необходимости демонстрации достаточно очевидного для специалистов в общей психологии памяти факта, что историческая память отличается высокой избирательностью и большим количеством фактических неточностей и искажений, в том числе мотивированных. Это особенно часто проявляется в сравнительных исследованиях исторической памяти о конфликтных событиях (например, войнах) у различных сторон конфликта. При этом речь идет не только об оценке качества исторического знания, как на школьных уроках истории, но и об избирательной трансляции профессионального исторического знания в массовое сознание в рамках текстов различных жанров, относящихся к так называемой публичной истории – от школьных учебников и популярной историографии до художественной литературы, кинематографа, телешоу и комиксов. При этом изучается не только точность репрезентации отдельных исторических событий, что соответствует классической позитивистской военно-

политической истории, но и социально-экономическая история и история повседневности – с акцентом на выявление исторических неточностей, особенно анахронизмов и «изобретения традиций» – приписывания привычным атрибутам национальной идентичности более давнего исторического происхождения, чем на самом деле [1]. Такой контент-анализ достаточно удобен и для детального изучения отдельных кейсов, и для сравнительных исследований, поскольку предоставляет легкодоступные и очевидные критерии сравнения. В то же время такой анализ содержания позволяет лишь предполагать, какой логикой регулируется отбор материала и какие общие принципы построения исторической памяти стоят за очевидным и ожидаемым несоответствием между ее содержанием и фактурой профессиональной историографии. Для выявления причин и закономерностей конкретных вариантов этой рассогласованности необходимо переход от контент-анализа исторических нарративов к нарративному анализу в его формально-структурной версии. В этом случае становится ясно, что значительная часть содержательного материала исключается или искажается е из-за недостаточного знания или наивных представлений об историческом процессе, а из-за трудностей ее интеграции в общую структуру нарратива, в которой одни события оказываются системообразующими, а другие, напротив, неудобными. При этом именно неудобные события позволяют по контрасту лучше увидеть внутреннюю логику нарративной структуры.

2. Предубеждения или конвенции? Значительная часть исследований исторической памяти, особенно на материалах публичной истории, но также и устной истории (индивидуальных воспоминаниях, которые считаются более спонтанными и как правило е адресованы конкретной аудитории), ориентирована на выявление предубеждений в пользу определенных ценностно нагруженных трактов исторических событий, особенно если речь идет о так называемых оспариваемых исторических феноменах, например, престижных объектах культурного наследия. Во многом поиск предубеждений в пользу своей группы связан с высокой популярностью критического дискурсного анализа в социальных науках по сравнению с другими видами дискурсного анализа (например, формально-лингвистическим или психологическим) и над другими качественными методами. Этот метод предназначен для выявления скрытых отношений власти внутри социальной иерархии в ее неочевидных появлениях, однако плохо подходит для изучения, с одной стороны, ля явных, а не скрытых эмоционально нагруженных в пользу своей группы текстов, поскольку в этом случае теряется сам предмет, с другой стороны, для выявления скрытых предубеждений, основанных не на внутригрупповом неравенстве в распределении власти, а на внутригрупповой солидарности в противовес аутгруппе, поскольку в этом случае предмет оказывается недоступен. В случае исторической памяти, а не, например, актуального политического дискурса, часто идет речь именно о ситуации внутригрупповой солидарности вокруг трактовок, которые кажутся самоочевидными и функционируют скорее не через убеждение, а через многократно повторяющееся воспроизведение того, с чем целевая аудитория изначально не только согласна, но и знакома. Поэтому структура нарратива исторической памяти часто обу-

словлена не предубеждениями в пользу определенных привилегированных социальных групп, а общими конвенциями, обуславливающими воспроизводимость социального порядка [2]. Соответственно, структура этих текстов организована вокруг не объективированных конструкторов, а действующих лиц, прежде всего, протагониста, с которым целевая аудитория может и привыкла идентифицироваться. Логика идентификации, в отличие от логики согласия и принятия отвлеченных понятийных конструкторов, как в критическом дискурсном анализе, предполагает не закрепление вневременного мироустройства, а, напротив, развитие сюжета по определенным правилам. Нарративный анализ позволяет выявить именно эти правила, при этом важно, в отличие от более ранних версий данного метода, ориентироваться не на метафорический подбор жанра нарратива в целом, а идти от самого текста и выявлять способы выстраивания отдельных событий в части общей последовательности и лишь затем давать описание общей структуры данной последовательности в целом.

3. Интенции или последствия? Еще одна «разоблачительная» характеристика современных исследований, проводимых посредством качественных методов, – стремление выявлять не только частично осознаваемые или неосознанные предубеждения, но и явные, целенаправленные приемы формирования исторической памяти. Применительно к исторической памяти этот тематический фокус обусловлен, помимо методологических особенностей, еще и высокими ставками в формировании представлений об историческом прошлом в массовом сознании и его влиянии на принятие решений в настоящем. Риторический анализ позволяет распознать известные приемы воздействия на общественное мнение, однако не позволяет доподлинно отличить их осознанное, мотивированное использование от воспроизведения привычных способов актуализации исторической памяти. Проблема риторического анализа заключается в переоценке различий между условными «массами» – целевой аудиторией сообщений – и еще более условными «элитами» – авторами нарратива и в еще большей степени – в переоценке способности последних к целенаправленному реформатированию социальной реальности, особенно в той части, в которую они изначально вовлечены уже на ранних стадиях социализации, включая историческую память. Еще одна связанная с этой переоценкой проблема заключается в опосредованной оценке реальной эффективности публичного дискурса исторической памяти – через степень его соответствия с содержанием исторической памяти в массовом сознании. Это как раз тот случай, когда совпадение не свидетельствует о причинности, поскольку первичность мотивированных текстов перед содержанием массового сознания далеко не очевидна. В современных социально-психологических исследованиях исторической памяти особенно явно не хватает изучения того, каким образом и согласно каким закономерностям происходит восприятие текстов публичной истории. Для выявления этих закономерностей необходимо разработать способы использования нарративного анализа аналогично разговорному анализу на микроуровне, возможно, в формате нарративного эксперимента, направленного на моделирование ситуации первичного знакомства с текстами, воспроизводящими нарративы исторической памяти.

Библиографические ссылки

1. Edensor T. National identity, popular culture and everyday life. London : Bloomsbury Publishing, 2002. 224 p.
2. Fabrykant M. "Do It the Russian Way": Narratives of the Russian Revolution in European History Textbooks // Slavic Review. Vol. 76, № 3. 2017. P. 741-752.

УДК 159.9 072 (075.8)

ДИАГНОСТИКА НАРУШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДИКИ «РАССКАЗ ПО СЮЖЕТНОЙ КАРТИНЕ»

Ю. Г. Фролова, Д. В. Рудинская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
jfrolova@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования являлась оценка методики «Рассказ по сюжетной картине». Проверялась гипотеза о наличии взаимосвязи шизоидной акцентуации характера с особенностями мышления и письменной речи. Анализ 213 текстов, составленных студентами в возрасте от 17 до 20 лет показал, что наибольшие сложности вызвала картина со средней степенью сюжетной определенности (портрет). Это объясняется тем, что испытуемым необходимо было опираться при составлении рассказа на изображение конкретного человека в условиях недостатка информации. Однако, вне зависимости от картины, испытуемые с шизоидной акцентуацией характера давали ответы, отличающие их от остальной выборки. С одной стороны, их тексты содержали больше слов и сложно-сочиненных предложений, а с другой – эти испытуемые игнорировали эмоциональный смысл картины и строили свои рассказы на основе неадекватных сюжету картины ассоциаций. Эти особенности могут быть интерпретированы как признаки эндофенотипа, связанного с расстройствами шизоидного спектра и включающего в себя такие характеристики, как нарушения избирательности и социальных когний.

Ключевые слова: *психодиагностика; рассказ по сюжетной картине; мышление; письменная речь; шизоидная акцентуация характера; шизофрения; концепция эндофенотипов*

DIAGNOSTICS OF PERSONALITY AND MENTAL PROCESSES DISORDERS USING THE "STORY ON A PLOT PICTURE" TECHNIQUE

Y. G. Fralova, D. V. Rudinskaya

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The aim of the study was the evaluation of the "Story on a plot picture" technique. The hypothesis regarding schizoid accentuation of personality traits and the disorders of thinking and writing interrelations was tested. According to analysis of 213 texts compiled by students aged 17 to 20 years, the picture with the average degree of plot certainty (portrait) caused the greatest difficulties. The reason for this is that the subjects had to wright the story

about specific person using a limited amount of information. However, regardless of the picture, subjects with schizoid accentuation of personality traits gave answers that distinguish them from the rest of the sample. On the one hand, their texts contained more words and compound sentences, and on the other hand, these subjects ignored the emotional meaning of the picture and built stories on associations inadequate to the picture's plot. These features could be interpreted as signs of schizoid spectrum disorders endophenotype, including such characteristics as deficit of the selectivity and social cognitions.

Keywords: *psychodiagnostics; story on a plot picture; thinking; writing; schizoid accentuation of personality traits; schizophrenia; endophenotype concept*

Методика «Составление рассказа по сюжетной картине» хорошо известна клиническим психологам. Как правило с ее помощью диагностируются нарушения мышления, восприятия или речи, вызванные органическими поражениями головного мозга (снижение уровня обобщения, резонерство, агнозии и афазии). Исследование, проведенное А. Б. Эйдельман под нашим руководством, показало, что содержание рассказов в значительной степени зависит от вида психического расстройства. Пациенты с органическими поражениями мозга не способны полностью понять и отразить сюжет картины, вместо составления рассказа просто перечисляют все, что видят, или же руководствуются случайными ассоциациями. Рассказы пациентов с шизофренией характеризовались смысловой незавершенностью, добавлением формальных, не соотносящихся с содержанием картины фраз, резонерством. При биполярном аффективном расстройстве (гипоманиакальная стадия) подготовленные испытуемыми тексты отражали обилие ассоциаций, некритичность, в них присутствовали фантастические элементы. Наибольшую степень понимания сюжета картины демонстрировали пациенты с алкогольной зависимостью [1]. Следует заметить, что картина, использованная А. Б. Эйдельман (А. Лактионов, «Письмо с фронта», 1947), отличалась высокой степенью сюжетной определенности и принципиально понятным для большинства испытуемых содержанием. Не до конца раскрытым остается вопрос о том, как меняются рассказы в зависимости от характеристик самой картины, в частности, от ее сюжета.

В данном исследовании проверялась гипотеза относительно взаимосвязи шизоидной акцентуации характера с особенностями мышления и письменной речи. Согласно концепции эндофенотипов (наследуемых признаков, свидетельствующих о высоком риске развития заболевания), для больных шизофренией в преморбидном периоде характерны специфические особенности вербально-логического мышления и социальных когний, К ним, в частности, относятся нарушения избирательности мышления, использование для решения задачи не связанных с ее содержанием ассоциаций, сложности в понимании и выражении эмоций, в оценке поведения окружающих людей. Аналогичные особенности наблюдаются и у психически здоровых родственников больных шизофренией [2; 3]. При этом эти особенности особенно ярко проявляются в заданиях с глухой инструкцией и с незадачным форматом ответов [4; 5]. Поэтому в нашем исследовании испытуемым предлагалось составить письменный рассказ по трем картинам с различной степенью сюжетной определенности: В. Пукирев, «Неравный брак» (1862); В. Серов, «Девочка с персиками» (1887), Р. Магритт, «Счастливый дари-

тель» (1966). Первая картина отличается высокой степенью сюжетной определенности, вторая – средней, третья – низкой. Наличие шизоидной акцентуации характера диагностировалось при помощи Теста личностных акцентуаций (В. П. Дворщенко [6]).

Испытуемыми являлись студенты высших учебных заведений г. Минска в возрасте от 17 до 20 лет (71 человек). Таким образом, всего было получено 213 рассказов. Они анализировались по следующим критериям: объем; синтаксическая сложность текста, наличие неадекватных содержанию картины ассоциаций и деталей; прямая речь и диалоги; правильность отражения эмоциональной составляющей сюжета картины. Далее тексты будут цитироваться с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

Рассказы по картине «Неравный брак» во всей выборке отличались наибольшей степенью завершенности и эмоциональной адекватности. В то же время, индивиды с шизоидной акцентуацией, даже понимая сюжет картины, часто в тексте давали совершенно противоположную замыслу автора оценку происходящего: «...*Но никто не знает истину. Их временные петли наконец-то сошлись. Однажды потеряв в бою любимую, он поклялся найти ее в другом времени. И, спустя столетия, он встретил ее, они узнали друг друга, их любовь не ослабла. Пусть даже он старик, а она всего лишь девчушка*». Некоторые рассказы отличались не только нелепостью, но и чрезмерной краткостью: «*Лично я вижу здесь только одну женщину среди толпы мужиков и не думаю что здесь нужны объяснения но меня немного пугает сгорбленная смесь де Ла-Вея* <видимо, имеется в виду А. Ш. Ла-Вей, известный оккультист, прим. авт.> *и лжи*». Корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) свидетельствует о наличии связи между шизоидной акцентуацией и склонностью вести рассказ от первого лица ($R_s=0,354^{**}$), использовать сложносочиненные предложения ($R_s=0,269^*$).

Рассказ по картине «Девочка с персиками» (которую мы отнесли к живописным произведениям со средней степенью сюжетной определенности) вызывал у испытуемых наибольшее количество затруднений. Согласно данным двухфакторного рангового дисперсионного анализа Фридмана ($\chi^2=13,523^{**}$), существуют значимые различия в объеме рассказов, составляемых по различным картинам. Для описания первой, второй и третьей картин в среднем использовано 97,31; 74,21 и 86,87 слов соответственно. Сложности, с которыми столкнулись испытуемые, объясняются необходимостью составить рассказ об определенном человеке, имея при этом мало информации.

Особенно ярко затруднения при описании данной картины проявились у испытуемых с шизоидной акцентуацией характера. С одной стороны, они были склонны использовать большее количество слов для составления рассказа ($R_s=0,358^{**}$), сложносочиненных предложений ($R_s=0,404^{**}$), с другой – их тексты часто имели фантастический характер: «*Девочка сидит на стуле, смотрит на персики, придумывает от скуки разные истории. Одна из таких историй, как смелый персик-рыцарь спасал королевство свое от персика-дракона, что терроризировал несчастных жителей. Персик-рыцарь взял большой меч, в качестве которого выступал столовый нож, и пошел в пещеру персика-дракона, которой*

была салатница. Персик-дракон напал на рыцаря, поцарапал, но не убил, хотя вокруг валялись кости других несчастных рыцарей. Тогда персик-рыцарь одним ударом разрубил персика-дракона и принес его голову королю. Король наградил персика-рыцаря, а дракона отдал их божеству – Девочке». Их рассказы чаще содержали подробности, не имеющие отношения к содержанию картины ($R_s=0,281^*$): «Мама девочки знала, что та с Катькой долго ягоды собирает, а приходит с пустыми руками, потому что все ягоды были уже съедены. Любочка и не волновалась. Добрались, набрали персиков и пошли, весело смеясь и рассказывая друг другу всё подряд. А по дороге им... «Волк!» – закричала Катенька. Люба рассмеялась и говорит: «Это Пашика, пёс соседки деда, не бойся», так Пашика и провёл девченок до дома. А мама так ничего и не узнала об их маленьком приключении». Тексты, написанные от первого лица, также отличались нелепостью: «О Боже, здесь есть нож! Я чувствую запах скорой смерти. Эта девушка уже взяла в руки моего коллегу, она держит его крепко, но пока я не знаю, собирается ли она его есть?» (речь идет о «переживаниях» персика).

Предложение составить рассказ по третьей, бессюжетной картине провоцировало у испытуемых с шизоидной акцентуацией чаще, чем в первых двух заданиях, вызывало не адекватные содержанию картины ассоциации (Q-критерий Кохрана, $\chi^2=463,9^{**}$): «Когда-нибудь все будет хорошо. Я раздумывала об этом много раз. Нужно не позориться хотя бы перед инопланетянами. Жизнь дана тебе и она твоя. И я могу распорядиться ею как хочу. Кто-то говорил мне об этом изнутри меня. Этот человек нравился мне. Этот внутренний голос всегда подсказывает мне в трудные моменты жизни. Трудно представить, но ведь это я. Я сама себе говорю такие жизненные вещи, при том, что обращаюсь куда-то в космос».

Однако по этому параметру значимых статистических различий между рассказами индивидов с шизоидной акцентуацией и рассказами других испытуемых выявлено не было. Для всей выборки доля рассказов со случайными ассоциациями по картине «Неравный брак» составляла 5%, по картине «Девочка с персиками» – 6,5% и по картине «Счастливый даритель» – 28,2% (Q-критерий Кохрана, $\chi^2=17,583^{**}$). Уникальной характеристикой текстов, созданной индивидами с шизоидной акцентуацией, являлась буквальная трактовка картины, как изображения человека, давать ему имя: «Николай лишился своего дома и остался нищим...», они также меньше стремились отразить в своих рассказах философский смысл картины.

Интересна эмоциональная окраска рассказов, созданных шизоидами. С одной стороны, во всех трех рассказах они были более склонны использовать знаки препинания, обозначающие эмоции (вопросительные и восклицательные, критерий Краскела-Уоллеса, $\chi^2=4,281^*$; 12,898^{**} и 11,163^{**} соответственно). С другой – эмоции героев либо не соответствовали отображенному на картине («О чудо, она его полюбила, а он полюбил её. Грусть была не из-за брака, дочь печалилась, что ей придётся покинуть отчий дом»), либо были амбивалентны по содержанию основному смыслу составленного рассказа («Несмотря на скорую смерть, я устроился очень удобно. И этот момент для меня очень важен»).

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод о принципиальной возможности диагностировать посредством методики «Рассказ по сюжетной картине» некоторые характеристики письменной речи и мышления, типичные для связанного с расстройствами шизоидного спектра эндофенотипа (опора в мышлении на неадекватные ассоциации, сниженная способность понимать эмоциональные состояния людей и взаимоотношения между ними). Наиболее ярко эти особенности проявляются при составлении рассказа по картине со средней степенью сюжетной определенности.

Библиографические ссылки

1. Эйдельман А. Диагностика письма при психических расстройствах: критерии оценки и клинические примеры // Диалог. 2013. № 3. С.39–44.
2. Скугаревская М. М. Прогноз шизофрении: Синдром риска первого психоза. Минск : БГУ, 2014. 183 с.
3. Social Cognition and Metacognition in Schizophrenia: Psychopathology and Treatment Approaches / P. Lysaker, G. Dimaggio, M. Brüne [eds.]. London : Academic Press, 2014. 354 p.
4. Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М. : Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
5. Clinical handbook of schizophrenia / K.T. Mueser, D.V. Jeste [eds.]. New York, London : Guilford press, 2008. 650 p.
6. Дворщенко В. П. Тест личностных акцентуаций (Модифицированный вариант методики ПДО). СПб. : Речь, 2002. 111 с.

УДК 159.99

ЖАДНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

И. А. Фурманов

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
fourmigor@gmail.com

Аннотация. Жадность имеет как негативное, так и позитивное значение в жизни человека. С одной стороны, жадность фокусируется на получении самых лучших последствий для себя или личном интересе, который удовлетворяется за счет благополучия других людей либо в результате игнорирования их нужд. С другой стороны – жадность является необходимым условием для личностного и экономического развития, управления бизнесом, создания и приумножения ресурсной базы общества. Следует различать диспозиционную жадность как устойчивую личностную черту, проявляющуюся постоянно по отношению к любым предметам/объектам не зависимо от ситуации и ситуационную жадность, мотивированную эмоцией страха, которая является избирательной и связана с конкретной ситуацией депривации или фрустрации.

Ключевые слова. *жадность; диспозиционная жадность; ситуативная жадность; депривация; фрустрация.*

GREED AS A PSYCHOLOGICAL CATEGORY

I. A. Fourmanov

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Greed has both negative and positive meaning in a person's life. On the one hand, greed focuses on getting the best consequences for yourself or the personal interest that is satisfied at the expense of the well-being of others or by ignoring their needs. On the other hand – greed is a necessary condition for personal and economic development, business management, creation and augmentation of the resource base of society. One should distinguish between dispositional greed as a stable personality trait, manifested constantly in relation to any objects/objects regardless of the situation and situational greed, motivated by the emotion of fear, which is selective and is associated with a specific situation of deprivation or frustration.

Keywords. *greed; dispositional greed; situational greed; deprivation; frustration.*

Жадность как понятие издревле присутствует в человеческой культуре и истории. Как когда-то в древнем мире, так и в современном мире – это негативное понятие, которое чаще всего используется в качестве ругательств или, по крайней мере, выступает объектом критики. Жадность и все, что с ней связано, осуждается в рамках всей христианской системы ценностей. Однако, негативной трактовкой жадности отличаются не только западная культура или Христианство. В славянской, азиатских и африканских культурах, в других религиях – жадность осуждается, считаясь грехом или пороком. Несмотря на то, что жадность трактовалась как естественное стремление определенных людей получить больше, мало кто воспринимал жадность как позитивную движущую силу, обозначая ее как безнравственное явление.

Вместе с тем некоторые философы видели в жадности позитивную движущую силу, утверждая, что люди нуждаются в большем потому, что они стремятся расти. На первый план они выдвигают положительные эффекты жадности, считая жадность не только естественным, но и полезным, необходимым стремлением человека [1; 2]. Другие ученые считают жадность необходимым условием для экономического развития и управления бизнесом и что жадность нужно освободить от любого морального порицания и этической оценки, рассматривая ее как тип рационального, эгоистического личного интереса в противовес альтруизму. В этом смысле представляет интерес точка зрения эволюционной психологии, в рамках которой считается, что жадность внутренне присуща природе человека и что все люди являются жадными до некоторой степени. Например, утверждается: быть жадным жизненно важно для человеческого благополучия [2; 3], а жадность – это важный эволюционный мотив, который способствует самосохранению [4; 5]. Люди, которые более предрасположены к выгоде и запасу такого количества ресурсов насколько это возможно, оказываются в лучшем положении и таким образом имеют эволюционное преимущество [6]. Однако, несмотря на то, что сходные идеи отстаивал еще в XV веке итальянский гуманист П. Браччолини [7], заявляя, что жадность не является только естественной, но полезной и необходимой

для людей, представления о жадности как позитивном драйвере прогресса и человеческого богатства – остаются довольно редкими и непопулярными суждениями.

Отправной точкой в любых исследованиях должно быть определение изучаемого конструкта. Существует множество различных определений жадности в философии, социологии, психологии и экономике, которые отличаются по их применимости для определенных контекстов и ситуаций. Например, в некоторых из академических определений жадности внимание, главным образом, концентрируется на личном интересе, получении самых лучших последствий для себя или личном интересе, который удовлетворяется за счет благополучия других людей либо в результате игнорирования их нужд. Р. Балот [8] даже утверждает, что жадность – это крайняя, чрезмерно выраженная и безнравственная форма личной заинтересованности в убытках других. В словарных определениях жадность описывается как эгоистичное и чрезмерное желание большего количества чего-то, чем необходимо; сильное желание большего количества богатства, имущества, власти, чем человек нуждается; чрезмерное стремление удовлетворить свое желание.

Однако, если обратиться к этимологии слова «жадность», то его значение схоже во многих языках. Например, в языках славянской группы оно связано со словом жадать – желать, жаждать, быть нескромным в своих желаниях, в английском и множестве родственных других германских языков происходит от *græd* или *grædig*, означая жадный или нетерпеливый. В зависимости от трактовки жадность может проявляться как корыстолюбие, алчность, чрезмерное стремление, вожделение, похоть или ненасытность. Таким образом, когда люди говорят о жадности, они имеют в виду нечто большее, чем только чрезмерное желание большего количества денег, богатства («жадность до денег»). Люди могут быть жадными в отношении еды, власти, секса или чего-то другого. Т. Дж. Сеунтдженс с коллегами [9] отмечала, что ядро переживания жадности составляет не только желание приобрести больше, но и неудовлетворенность от ощущения, что всегда чего-то не хватает. Как указывают П. Мюссель и др. [10], такая трактовка жадности означает, что жадные люди не просто борются за большее, а еще и огорчены, что не имеют достаточно. Дж. Крекельс и М. Панделаэр [11] также расценивая ненасытность как ядро жадности, определили жадность как жадное желание большего количества ресурсов, денежно-кредитных или других.

Таким образом, жадность, которая помогает людям совладать с ситуациями, когда они хотят чего-то, но еще не в состоянии этого иметь, может трактоваться как мотивация, так и эмоция. Исходя из этого, можно выделить два вида жадности – диспозиционную и ситуативную.

Диспозиционная жадность. Опираясь на такую центральную характеристику жадности как ненасытность, Дж. Крекельс [12] определяет диспозиционную жадность как черту личности, которая влечет за собой ненасытное, эгоистичное желание большего, независимо от того являются ли это денежно-кредитные или неденежные средства. Считается, что такое определение

устраняет несколько проблем, связанных с другими представлениями о жадности. Во-первых, исключением из понятия жадность характеристики чрезмерности выраженности желания «поживиться» за счет других избегается негативная коннотация аморальности такого побуждения. Отмечается, что негативные последствия проявления жадности для других – это не более чем ригидное, часто не соответствующее действительности, представление, что прибыль одного человека неминуемо достигается за счет потерь других. Во-вторых, жадности приписывается эгоистическая направленность, в том смысле, что жадные люди исключительно сосредотачиваются на достижении результатов для себя. В-третьих, отказ от идеи, что жадный человек желает большего, чем необходимо, обусловлено существующими индивидуальными различиями в восприятии нормы необходимости и возможностей получения необходимого. Т. Дж. Сеунтдженс [13] полагает, что жадность может быть устойчивой мотивацией (диспозицией). Считается что мотивация, как правило, исчезает, как только цель достигнута. Однако, для жадности это может быть не характерно. Люди часто получают удовольствие в момент, когда достигают чего-то, однако у жадных людей тут же появляется желание овладеть чем-то еще или чем-то большим. Для жадных людей стремление к достижению цели, вероятно, превращается в хроническое побуждение к обладанию еще большим. Исходя из этого, жадность определяется как неудовлетворенность тем, что есть, объединенная с желанием приобрести больше [9].

Ситуационная жадность. Есть все основания полагать, что жадные люди могут отличаться по ценностности предметов/объектов, которые их привлекают. Например, кто-то, кто ценит моду, вероятно, станет жадным в универсаме при покупке каких-то вещей, тогда как кто-то, кто хочет добиться успеха или статуса, может проявлять жадность в конкурентной борьбе за новую должность или работу. Однако, вне зависимости от ситуации, жадных людей объединяет то, что они желают чего-то, что они в настоящее время не имеют или, как им кажется, имеют недостаточно. Исходя из этого, описанную ситуацию можно трактовать как ситуацию депривации или фрустрации. С этой точки зрения ситуационная жадность возникает в результате отсутствия или недоступности не столько необходимых для удовлетворения потребности предметов/объектов, сколько их количества.

Согласно аффективно-динамической теории адаптации [14], результатом продолжительного воздействия чрезмерного уровня стимуляции (в нашем случае напряжения, связанного с переживанием необходимости удовлетворить потребность) возникает чувство страдания. Одной из базовых эмоциональных реакций на страдание является эмоция страха. Страх возникает как реакция опасения, что потребность не будет удовлетворена из-за отсутствия предмета/объекта удовлетворения или невозможности устранения препятствия к достижению цели и страдание будет продолжаться. Однако, общим для людей переживающих страх является ощущение сильного желания убежать или спрятаться. Поэтому, страх, главным образом способствует одному типу поведения – поведению избегания, бегства из ситуации, приносящей

страдание. В этом случае жадность, стремление к накопительству впрок, алчность и корыстолюбие, можно трактовать как один из способов совладания со страхом в ситуациях депривации и фрустрации в будущем. Данное умозаключение согласуется с результатами некоторых исследований, в которых утверждается, что люди в ситуации угрозы смерти имели более высокие финансовые ожидания в отношении себя в будущем и предполагали тратить больше денег на удовольствия. Они же отличались и большей склонностью к жадности [15]. Другие исследования подтверждают, что просто напоминание респондентам об их собственной смертности приводит к значительному усилению мотива жадности [16].

Таким образом, можно сделать заключение, что жадность имеет как негативное, так и позитивное значение в жизни человека. С одной стороны, жадность фокусируется на получении самых лучших последствий для себя или личном интересе, который удовлетворяется за счет благополучия других людей либо в результате игнорирования их нужд. С другой стороны – жадность является необходимым условием для личностного и экономического развития, управления бизнесом, создания и приумножения ресурсной базы общества. Следует различать диспозиционную жадность как устойчивую личностную черту, проявляющуюся постоянно по отношению к любым предметам/объектам не зависимо от ситуации и ситуационную жадность, мотивированную эмоцией страха, которая является избирательной и связана с конкретной ситуацией депривации или фрустрации.

Библиографические ссылки

1. Engler A. Apostles of Greed : Capitalism and the Myth of the Individual in the Market. Boulder : Pluto Press, 1995. 187 p.
2. Greenfeld L. The Spirit of Capitalism : Nationalism and Economic Growth. Cambridge : Harvard University Press, 2001. 560 p.
3. Williams W. Greed versus compassion. Mode of access: <http://fee.org/articles/greed-versus-compassion>. Date of access: 10.05.2019.
4. Robertson A. F. Greed : Gut feelings, growth, and history. Cambridge : Polity Press, 2001. Mode of access: <http://robertsa.faculty.anth.ucsb.edu/greed.pdf>. Date of access: 10.05.2019.
5. Saad G. The evolutionary basis of consumption. Mahwah : Erlbaum, 2007. 360 p.
6. Cassill D., Watkins A. Mogul games : In defence of inequality as an evolutionary strategy to cope with multiple agents of selection // Evolutionary psychology and economic theory. Advances in Austrian economics Oxford : Elsevier, 2005. P. 35–59.
7. Bracciolini P. De avaritia. Dialogus contra avaritiam. Livorno : Belforte, 1994. 153 p.
8. Balot R. K. Greed and injustice in classic Athens. Princeton : Princeton University Press, 2001. 158 p.
9. Seuntjens T. G., Zeelenberg M., van de Ven N., Breugelmans S. M. Dispositional greed // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108, № 6. P. 917–933.
10. Mussel P. J. Rodrigues J., Krumm S., Hewig J. The convergent validity of five dispositional greed scales / Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 131. P. 249–253.
11. Krekels G., Pandelaere M. Dispositional greed // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 74. P. 225–230.
12. Krekels G. Essays on Dispositional Greed : The effect of Insatiability on Consumer

Behavior Mode of access: <https://biblio.ugent.be/publication/5956382/file/5956409.pdf>. Date of access: 10.05.2019.

13. Seuntjens T.G. The psychology of greed. Mode of access: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/13518221/Seuntjens_Psychology_21_10_2016.pdf. Date of access: 10.05.2019.

14. Фурманов И. А. Аффективно-динамическая теория адаптации // Вестник БГУ. Серия 3. 2001. № 3. С.42–47.

15. Kasser T., Sheldon K. M. Of Wealth and Death: Materialism, Mortality Salience, and Consumption Behavior // Psychological Science. 2000. Vol. 11, № 4. P. 348–351.

16. Cozzolino P. J., Staples A. D., Meyers L. S., Samboceti J. Greed, death, and values: From terror management to transcendence management theory // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30, № 3. P. 278–292.

УДК:159.923

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ, КАК ФАКТОР
АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС РФ, ВЫШЕДШИХ
В ОТСТАВКУ ПО ВЫСЛУГЕ ЛЕТ**

О.М. Червяковская, В.С. Езин

Таврическая академия ФГАОУВО КФУ им. В.И. Вернадского
ул. Ялтинская, 20, Республика Крым, Российская Федерация
ezin95@mail.ru

Аннотация. статья посвящена фактору удовлетворенности жизнью, имеющий влияние на процесс адаптации ВС РФ, вышедших в отставку по выслуге лет. Так же описан фактор социальных установок. Детально рассмотрены функции социальных установок.

Ключевые слова: *личность, адаптация, социальные установки, военнослужащие, удовлетворенность жизнью.*

**PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF LIFE
SATISFACTION AS A FACTOR OF ADAPTATION OF
SERVICEMEN OF THE ARMED FORCES, RETIRED ON
SUPERANNUATION**

O. M. Chervjakovskaja, V. S. Esin

Tauride Academy of KFU. V. I. Vernadsky
Yalta str., 20, Republic of Crimea, Russian Federation

Annotation. the article is devoted to the factor of life satisfaction, which has an impact on the process of adaptation of the armed forces, retired. The factor of social attitudes is also described. The functions of social attitudes are considered in detail.

Keywords: *personality; adaptation; social attitudes; military personnel; life satisfaction*

Под удовлетворенностью жизнью в нашей работе, понимается особое переживание субъекта, которое характеризуется переживанием удовольствия от реализации или исполнения его потребностей и желаний. По своей биологической сущности это состояние субъекта, когда у него удовлетворены все потребности, которые отражают устранения нужды. В современной психологии удовлетворенность рассматривают как субъективную оценку личности к тому или иному действию и отношение к результату после данного действия. Психологическая удовлетворенность жизнью – это комплекс показателей, которые формируют личностную наполненность, такие как: самоотношение, самоактуализация, реализация, ценностная сфера, а также уровень субъективного контроля личности, который рассматривается с точки зрения зрелости личности, ее независимости и самооценки, который можно описать и измерить. Она переживается субъектом, как оценка способности получать наслаждения от жизни в целом, это психологический комфорт, уровень и условия жизни, взаимоотношения с людьми, достижения как в личностном плане, так и в профессиональном. Эти аспекты переживания удовлетворенностью жизнью несут в себе эмоциональную окраску, она в свою очередь может быть, как позитивной, так и негативной, ощущение радости и счастья, а также принятием данного эмоционального фона. Можно констатировать тот факт, что субъективные переживания – это универсальный психологический механизм, посредством которого переживания сводятся в единый субъектный, многоуровневый смысложизненный план проявления «Я».

Субъектные отношения с миром, являются выражением смысла существования субъекта, регенерации индивидуальных способов функционирования с миром, которые являются отражением психологического содержания потребностей, интереса и т. д. субъекта. Уникальное мировоззрение формируется у субъекта благодаря личностному опыту, таким образом у него происходит актуализация личностного потенциала, формируется уникальный набор реакций на жизненные переживания, формируются желания и потребность в обогащении своего социального мира. В своих работах В. Н. Мясищев говорит о том, что специфика отношения личности «в развернутом виде представляют целостную систему индивидуальных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания».

Понятие «установка» в отечественной психологии впервые ввел Д. Н. Узнадзе, он утверждал, что-то или иное совершенное действие, которое мы считаем обдуманным и здравомыслящим, является воздействием определённой установки. Мы воспринимаем мир сквозь фильтры и призмы, и процесс восприятия или избирательности этого и является установкой и в процессе на определенные раздражители и формируется паттерн поведения. Установка является важной частью процесса адаптации, так как установку можно рассматривать как готовность реагировать на определенную ситуацию, и подготовленный человек быстрее и качественнее отреагирует нежели не подго-

товленный. Однако установка может срабатывать ошибочно и оказаться не соответствующей реальным обстоятельствам и в таком случае мы становимся заложниками своих установок. От адекватности процесса восприятия окружающей среды зависит качество адаптации. Установки в себе совмещают как иррациональные, так и рациональные аспекты взаимодействия субъекта с окружающим миром. В зависимости от биологических факторов, а конкретнее от окружающей среды, зависит какой именно компонент у субъекта преобладает. Совершение ошибок является неотъемлемым жизненным опытом субъекта, умение их увидеть и исправить отличает гибкую личность от ригидной. Важным элементом для эффективной адаптации является быстрое усвоение новой информации. Д. Н. Узнадзе утверждал, что установка формируется при взаимодействии субъекта с окружающей средой. Опираясь на теоретические положения Д. Н. Узнадзе, мы можем утверждать, что у военнослужащих, за годы службы в ВС РФ, формируются установки и паттерн поведения, которые проявляются и в гражданской жизни.

Социальная установка является одним из основных компонентов социальной психологии, которая описывает поведение субъекта в социуме. На данный момент выделяют четыре функции социальной установки: адаптивная функция, функция знаний или организации мировоззрения, функция саморегуляции, энергозащитная функция. *Адаптивная функция*, при которой установка является одним из механизмов для удовлетворения потребностей. Данная функция обеспечивает комфортное состояние субъекта. Одним из факторов удовлетворенности жизнью является качественное и быстрое удовлетворение потребностей. Если потребность не удовлетворяется возникает фрустрирующая ситуация и от быстроты реакции на данную ситуацию зависит комфортное состояние субъекта. *Функция знаний или организации мировоззрения* - при помощи данной функции у субъекта формируются научные и обыденные представления об окружающей среде. Установка рассматривается как целостное представление об эмоциональном функционировании окружающей среды. Качества формирования научных и обыденных представлений об окружающей среде зависят от уровня социального интеллекта и уровня мотивации познания субъекта, что в свою очередь заставляет военнослужащих, вышедших в отставку по выслуге лет, стремиться к реализации своих интеллектуальных способностей, а также к удовлетворению потребностей в признании. Данная потребность побуждает их к поиску трудовой деятельности. Эмоциональный фон напрямую зависит от реализации данной потребности. *Функция саморегуляции*, помогающая субъекту самореализоваться, при этом снижающая невротического напряжения. Самореализация выступает как форма эмоциональной удовлетворенности от реализованности в профессии, это проявляется в стремлении получения высшего звания и должности. *Энергозащитная функция*, направленная на поддержание внутреннего комфорта, который способствует совладению с конфликтами личности. От уровня внутреннего комфорта зависит уровень удовлетворенности жизнью, что в свою очередь повышает эффективность адаптационных процессов.

В зарубежной литературе установки рассматриваются как бессознательные интенции в поведении субъекта. К.Г. Юнг описал две жизненные установки: экстраверсия и интроверсия. По мнению ученого, в личности есть обе установки, но одна из них является доминантной. В экстравертной установке личность направлена на внешнюю активность. У экстраверта больше развиты навыки адаптации к новым условиям. У интроверта активность направлена на себя. Изначально активность направлена на изучение внешнего мира: «Экстраверсия есть, до известной степени, переложение интереса вовне, от субъекта к объекту, каждый человек обладает общими механизмами, экстраверсией и интроверсией, и только относительный перевес одного или другого определяет тип». В дальнейшем К.Г. Юнг выделил основные четыре психологические функции, которые являются дополнением к экстраверсии и интроверсии, т.к. как они в полной мере не способны отразить все различия восприятия и переработки во внутренний контекст информации о внешнем мире: мышление, ощущение, чувство, интуиция. От качества функционирования данных элементов зависит уровень удовлетворенности жизнью. На сколько развиты данные функции и на сколько субъект готов к реализации данных функций зависит быстрота принятия определенного решения. Социально-психологические установки являются механизмом формирования паттерна поведения. Под влиянием окружающей среды происходит формирование социально-психологических установок.

Таким образом, социально-психологические установки имеют большее влияние на уровень удовлетворенности жизнью, что в свою очередь является одним из факторов адаптации военнослужащих ВС РФ, вышедших в отставку по выслуге лет. На данный момент выделяют четыре функции социально-психологических установок: адаптивная функция, функция знаний или организации мировоззрения, функция саморегуляции, энергозащитная функция.

Библиографические ссылки

1. Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. 2005. Т. 76. № 4. С. 42–52
2. Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология. Ключевые Идеи. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
3. Кон И. С. Постоянство и изменчивость личности // Психологический журнал. 1997. № 4. С. 126
4. Кравченко А. И. Социология. М. : Академия, 2002. 416 с.
5. Маслоу А. Психология бытия. М. : Рефл-бук, 1997. 307 с.
6. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. М. : Эксмо, 2010. 368 с.
7. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М. : Высшая школа, 1984. 174 с.
8. Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб.: СПб ГУП, 2003. 616 с.
9. Veenhoven R. Freedom and Happiness: a comparative study in 46 nations in the early 90's // Culture and subjective well-being / E. Diener, E. M. Suh [eds.]. Cambridge : MIT press, 2000. P. 257–288

МОДЕЛЬ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ВНУТРЕННЕПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В УКРАИНЕ

Е. В. Чуйко, А. А. Голотенко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка

ул. Владимирская, 60, 01601, Киев, Украина

chuiko_ov@ukr.net, anastasiia_g@ukr.net

Аннотация. В статье представлен анализ основных подходов к изучению феномена благополучия личности и факторов, на него влияющих. Одним из таких факторов является ситуация военных действий, вынуждающая к массовой миграции населения внутри страны и сопровождающаяся изменением качества и уровня жизни. Данные обстоятельства позволили обосновать понятие психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц в качестве центрального теоретического конструкта исследования. Его содержание составляет совокупность индивидуальных и социальных факторов, которая обеспечивает стойкость и целостность личности, её способность к преодолению противоречий и преград при наступлении сложных жизненных обстоятельств. Результаты эмпирического исследования раскрыли содержательные характеристики психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц. По результатам факторного анализа определено четыре составляющие психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц: индивидуально-психологическая составляющая, составляющая готовности к переменам, составляющая социальной принадлежности, экономическая составляющая. Приоритетность компонентов модели позволила обозначить актуальные направления профессиональной психосоциальной помощи, направленной на оптимизацию уровня психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц.

Ключевые слова: *психосоциальное благополучие; внутренне перемещенные лица; социально-психологическая адаптация; вынужденная миграция; внутренняя миграция.*

MODEL OF PSYCHOSOCIAL WELL-BEING OF INTERNALLY DISPLACED PERSONS IN UKRAINE

E. Chuiko, A. Holotenko

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Volodymyrska str., 60, 01601, Kyiv, Ukraine

chuiko_ov@ukr.net, anastasiia_g@ukr.net

Annotation. The article presents an analysis of the main approaches to the study of the phenomenon of individual well-being and the factors affecting it. One of these factors is the situation of military operations, which forces mass migration within the country and is accompanied by changes in the quality and standard of living. These circumstances allowed to substantiate the concept of psychosocial well-being of internally displaced persons as the central theoretical construct of the study. Its content is a combination of individual and social factors, which ensures the stability and integrity of the personality, its ability to overcome contradictions and barriers in the event of difficult life circumstances. The results of the empirical research revealed the informative characteristics of the psycho-

social well-being of internally displaced persons. According to the results of the factor analysis, four components of the psychosocial well-being of internally displaced persons were identified: an individual psychological component, a component of readiness for change, a component of social belonging, and an economic component. The priority of the components of the model allowed identifying current areas of professional psychosocial assistance aimed at optimizing the level of psychosocial well-being of internally displaced persons.

Keywords: *psychosocial well-being; internally displaced persons; social and psychological adaptation; forced migration; internal migration.*

Актуальность проблемы. В психологии изучение благополучия личности осуществляется в рамках двух глобальных подходов – гедонистического и эвдемонистического. Согласно гедонистическому подходу, критерием успешности в достижении благополучия является уровень социально-психологической адаптации личности. В свою очередь, эвдемонистический подход гласит, что центральной категорией оценки благополучия личности выступает способность человека к самореализации в конкретных условиях жизни, личностный рост и соответствие общественным нормам [1, с. 105-115]. Состояние благополучия личности обуславливается самооценкой и чувством социальной принадлежности, находясь в тесной взаимосвязи с реализацией физических, духовных и социальных возможностей личности [2, с. 122]. С точки зрения социальной психологии, благополучие личности следует рассматривать как комплексное явление, объединяющее внешние и внутренние составляющие, которые следует трактовать посредством анализа личностных особенностей конкретного человека и его отношения к социально значимым событиям [3, с. 145].

Анализ научных исследований позволяет констатировать, что понятие благополучия личности объединяет в себе множество аспектов психологического, социального и экономического уровней функционирования, а также включает в себя субъективное восприятие человеком окружающей среды. В качестве интегрального конструкта мы используем понятие психосоциального благополучия личности, которое воплощает в себе совокупность индивидуальных и социальных факторов обеспечивающих стойкость и целостность личности, её способность к преодолению противоречий и преград при наступлении сложных жизненных обстоятельств [3, с. 144]. Исследователи утверждают, что психосоциальное благополучие пребывает в тесной взаимосвязи с общим уровнем безопасности и социального напряжения в обществе. В условиях военного конфликта уровень стрессогенности значительно возрастает и проблемы психосоциального благополучия населения требуют особого внимания. В особенности это касается внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) – людей, которые спасаясь от военной угрозы, были вынуждены покинуть привычные места обитания, кардинально изменить образ жизни и социальное окружение. По данным Единой информационной базы данных о внутренне перемещенных лицах, по состоянию на 18 июня 2019 года в Украине взят на учет 1 385 031 переселенец с отдельных районов Донецкой и Луганской областей, а также АР Крым [4]. Согласно статистики Мониторингового отчета Международной организации миграции, количество ВПЛ, которые заявляют о намерениях не возвращать-

ся в места своего проживания до перемещения даже после окончания конфликта, возросло с 29% в марте 2017 года до 34% в декабре 2018 года. В то же время 95% опрошенных ВПЛ продолжают сталкиваться с проблемами доступности жилья и занятости, дискриминацией, юридическими и административными барьерами. При этом респонденты утверждают, что чувствуют себя интегрированными в новые сообщества [5]. В свою очередь, результаты предыдущих этапов нашего исследования, выявляющие преобладающий тип адаптации внутренне перемещенных лиц, свидетельствуют о том, что системная адаптация, предполагающая высокий уровень социально-психологической успешности личности, характерна только для 12,1% ВПЛ. Показатели адаптации остальных респондентов распределились следующим образом: адаптация по внутреннему критерию – 12,9%; адаптация по внешнему критерию – 8,6%; промежуточный тип адаптации – 30,7%; тенденции к дезадаптации – 35,7% [6, с. 8].

Психосоциальные проблемы прослеживаются во всех возрастных группах ВПЛ, включая детей, людей пожилого возраста, мужчин и женщин трудоспособного возраста. Типичными проблемами ВПЛ на психологическом уровне являются признаки стресса, проблемы со сном, эмоциональные расстройства, включая беспричинный плач, ощущения горя и страха [7, с. 22]. Исходя из приведенных выше данных, тезис о том, что основной целью социальной и психологической работы с людьми, ставшими участниками военного конфликта является восстановление психического здоровья и нормального социально приемлемого образа жизни [8, с. 153], не теряет своей актуальности. Для построения эффективной системы психосоциальной помощи ВПО необходимо детально изучить структуру их психосоциального благополучия.

Дизайн и методология исследования. Выборку исследования составляет 140 внутренне перемещенных лиц, которые были вынуждены покинуть отдельные районы Донецкой и Луганской области Украины в связи с наступлением вооруженного конфликта. Использованы следующие методики: опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т. Фесенко, Т. Шевеленковой; опросник «Шкала социального благополучия» К. Киза в адаптации Четверик-Бурчак; опросник «Уровень удовлетворенности жизнью» и анкета «Социальное благополучие» Н. Мельниковой. Статистическая обработка данных проводилась с помощью IBM SPSS 20.0.

Цель и основные результаты исследования. С целью выявления наиболее значимых факторов, обеспечивающих достижение психосоциального благополучия внутренне перемещенными лицами, нами был осуществлен факторный анализ с применением критерия сферичности выборки Кайзера – Мейера – Олкина и графика Кеттела. Критерий сферичности выборки, достигнувший 0,892, подтвердил обоснованность проведения факторного анализа. Согласно статистическим критериям было выделено четыре фактора, объясняющих 68% выстроенной модели, что в свою очередь, свидетельствует о валидности исследования.

Первый фактор объединяет семь компонентов психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц. Наибольшим весом в первом факторе обладает компонент «наличие цели в жизни» (0,842), раскрывающий способность лич-

ности сохранять жизненную направленность и следовать убеждениям, которые являются источником цели в жизни. Вторым по значимости, является компонент личностного роста (0,774), определяющийся чувством самореализации, открытостью новому опыту, динамичностью изменений личности посредством освоения новых жизненных навыков и получения знаний. В свою очередь, компонент «осмысленность жизни» (0,770) свидетельствует о важности целостного и интегрированного восприятия жизненных событий прошлого и настоящего. Вошедшие в состав фактора показатели самопринятия (0,745) и положительного отношения к другим (0,705) указывают на важность принятия себя со всеми достоинствами и недостатками наряду с необходимостью построения доверительных отношений с окружающими на основании сопереживания, взаимности и заботы о других. Заключительными компонентами первого фактора стали управление средой (0,675) и баланс аффекта (0,605). Очевидно, что способность оказывать влияние на происходящее, преобразовывая обстоятельства в соответствии с собственными стремлениями и уверенность в себе, являются значимыми для достижения психосоциального благополучия ВПЛ. Первый фактор является наиболее весомым в факторной модели психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц, о чем свидетельствует 42% дисперсионной нагрузки. Анализ компонентов первого фактора позволил обозначить его в качестве индивидуально-психологической составляющей модели психосоциального благополучия ВПЛ.

В состав *второго фактора* вошли компоненты «беспокойство о будущем» (0,837), «разочарование в жизни» (0,831), «усталость от жизни» (0,822) и «жизненная включенность» (0,668). Сочетание компонентов второго фактора позволяет проследить значительное влияние на уровень психосоциального благополучия ВПЛ ощущения нестабильности, тревоги, негативизма, ожидания потенциальной угрозы и ухудшения ситуации, астенических состояний пассивности и неоправданности ожиданий. Значительное позитивное воздействие на переживание психосоциального благополучия имеет умение наслаждаться текущим моментом жизни, ощущение радости и полноты жизни, личностная активность и желание перемен. Весомость второго фактора достигает 7% дисперсионной нагрузки. Комбинация компонентов позволяет определить его как фактор готовности/неготовности к переменам.

Третий фактор объединил в себе четыре составляющие: социальное принятие (0,723), социальная интеграция (0,647), социальная актуализация (0,552), человек как открытая система (0,428). Совокупность компонентов третьего фактора указывает на важность единства с референтной группой и наличия веры в наилучшие качества окружающих людей. Важными факторами психосоциального благополучия ВПЛ также считаются следование поступательным процессам в развитии общества, ориентация на деятельность институтов гражданского общества и демократические ценности, высокая способность к усвоению новой информации, целостность и реалистичность жизненных взглядов. Дисперсионная нагрузка третьего фактора модели находится на уровне 6%, сочетание составляющих фактора позволяет назвать его фактором социальной принадлежности в структуре модели психосоциального благополучия ВПЛ.

Четвертый фактор представлен сочетанием двух составляющих – уровня статуса и дохода (0,720) и уровня жизни личности (0,716). Компоненты фактора свидетельствуют о материально-финансовой составляющей (дисперсионная нагрузка 5%) и позволяют выделить экономический фактор психосоциального благополучия ВПЛ.

Выводы. Факторный анализ позволил определить структуру модели психосоциального благополучия ВПЛ. Первоочередную важность в этой структуре получил индивидуально-психологический фактор, указывающий на наибольшую важность для психосоциального благополучия ВПЛ имеет совокупность психологических особенностей личности, включающих в себя целеполагание, наличие жизненных смыслов, наличие положительных отношений с окружающими, самопринятие и оптимальный уровень самооценки. Вопреки распространенным взглядам, экономическая составляющая психосоциального благополучия ВПЛ находится только на четвертой позиции в иерархии важности. Полученные результаты могут стать основанием для пересмотра подходов к оказанию психосоциальной помощи ВПЛ, доказывая необходимость предоставления расширенного спектра услуг психологической помощи и поддержки.

Библиографические ссылки

1. Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // *Вопр. психол.* 2006. № 4. С.8-14.
2. Куликов Л.В. Психогигиена личности / *Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики.* СПб. : Питер, 2004. 464 с.
3. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия людей // *Мир психологии.* № 2. 2012. С. 143–148.
4. Официальный веб-портал Министерства социальной политики Украины // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msp.gov.ua/news/17259.html> Дата обращения: 18.06.2019
5. Отчет национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами, декабрь 2018. // [Электронный ресурс] URL: http://iom.org.ua/sites/default/files/nms_round_12_ukr_screen.pdf Дата обращения: 18.06.2019.
6. Голотенко А.А. Особенности психосоциального благополучия внутренне перемещенных лиц. // *Вестн. Киевского национального ун-та им. Т.Шевченко. Соц. работа.* 2018. № 1(3). 2018. С. 6–9.
7. Психічне здоров'я на перехідному етапі: результати оцінювання та рекомендації для інтеграції охорони психічного здоров'я в систему первинної медичної допомоги та громадські платформи в Україні «MHPSS Assessment (Оценка ПЗПСР)», 2018 г., проведена Международным медицинским корпусом (ММК). [Электронный ресурс]. URL: <https://is.gd/Yxxrmb>. Дата обращения: 18.06.2019.
8. Чуйко Е.В. Социальная реабилитация: подходы к содержательным характеристикам процесса / *Актуальные проблемы социологии, психологии и педагогики* // *Сборн. науч. трудов КНУ им. Т.Шевченко.* 2015. Т. 29, № 4. С. 152–158.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПОРТСМЕНОВ-ПАРАЛИМПИЙЦЕВ

Н. А. Шестиловская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
flower27@mail.ru

Аннотация. В статье проведен теоретический анализ психологических особенностей лиц с ограниченными возможностями здоровья, имеющих врожденные или приобретенные нарушения слуха, речи, зрения или опорно-двигательного аппарата, а также возможности адаптация и ресоциализация лиц, имеющими особенности в развитии и занимающихся спортом, основанные на данных практических исследований, включая психологические характеристики паралимпийцев.

Ключевые слова: *спорт; инвалиды; адаптивный спорт; лица с ограниченными возможностями; ресоциализация; паралимпийцы.*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PARALYMPIC ATHLETES

N. A. Shestilovskaya

Belarusian State University,

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article provides a theoretical analysis of the psychological characteristics of persons with disabilities with congenital or acquired hearing, speech, vision or musculoskeletal system, as well as the possibility of adaptation and resocialization of persons with special needs in development and sports, based on the data of practical research, including the psychological characteristics of Paralympians.

Keywords: *sports; disabled; adaptive sports; persons with disabilities; resocialization; Paralympians.*

Анализ научной литературы и эмпирические данные свидетельствуют о том, что психологические особенности спортсменов-паралимпийцев существенно отличаются от лиц с инвалидностью, имеющих такие же функциональные расстройства зрения, слуха или опорно-двигательного аппарата (ОДА), и даже от инвалидов, занимающихся спортом непрофессионально [1, с. 12]. В том числе данные различия имеют место как в процессе саморегуляции, так и в использовании копинг-стратегий. Вместе с тем есть исследования, которые показывают правомерность сравнения здоровых спортсменов с паралимпийцами. Также исследования доказывают, что у лиц, занимающихся профессиональным спортом, можно отметить высокую социальную адаптацию, более высокую уверенность в себе, повышение социального статуса, особенно у тех, кто завоевывает спортивные звания, в результате чего индивид выходит на другой, более высокий или престижный, социальный уровень. Однако в силу психологических особенностей адаптация спортсменов-паралимпийцев с нарушениями зрения, слуха или ОДА, различ-

ны, изначально исходя из психологических и социальных затруднений данной категории лиц. Так, у лиц с нарушениями речи исследователи отмечают коммуникативные нарушения, незрелость мотивационно-потребностной сферы, преобладание мотива избегания неудачи, пассивность, капризность, безынициативность, выборочное общение, неуверенность, замкнутость, избегание контакта, беспокойство, суетливость, отвлекаемость, многоречивость [2, с. 62]. Ощущая себя «другим», индивид не может поддерживать контакт общепринятыми способами, поэтому контактировать может только с тем, кто ведет себя терпеливо и вызывает доверие. В эмоциональном плане лицам со слуховыми нарушениями свойственна повышенная эмоциональная восприимчивость, эмоциональная отчужденность, тревожность, обидчивость, агрессивность, негативизм, завышенная самооценка. Дифференцированно осуществляется освоение двигательных навыков, при выполнении физических упражнений в детском возрасте наблюдается несогласованность движений рук и ног, нарушение ритма движений, быстрая утомляемость и неловкость действий с предметами. также отмечается недостаточная координация движений как в мелкой, так и крупной моторике [3, с. 5; 4, с. 45]. Структура деятельности имеет значительные нарушения, оказываются на низком уровне все виды контроля деятельности, при этом мотивационный компонент сформирован лучше, чем планирование действия и его оценка, часто действуют неорганизованно и непоследовательно [5; 6].

У лиц с нарушениями слуха глухота и даже незначительные нарушения слуха [7] изолируют человека от общества и препятствуют установлению социальных связей. При совершении движений замещение слухового контроля происходит с развитием тактильно-вибрационных ощущений и восприятия, сниженная критичность к полученным результатам деятельности, т. е. недостаточно развитая оценка. Имеет место дефицитарный тип развития личности у лиц с дефектами зрения и слуха [8]. Также исследователи отмечают у таких лиц пониженный фон настроения, астенические черты, а иногда и ипохондрические, тенденция к аутизации, уход в фантазии. Однако специфика личности скорее свидетельствует о необычности устройства личности, качественное своеобразие, в том числе заложенные в человеке компенсаторные способности [9; 10]. Вторичным симптомом у слепых и слабовидящих индивидов становится недостаток координации движений, что приводит к нарушению точности движений и малоинтенсивности, сложности с дифференциацией своего телесного «Я». Однако данные функциональные нарушения не означают автоматически полную невозможность достижения успеха в какой-либо деятельности. Напротив, лица, имеющие нарушения зрения, слуха или даже их комбинацию, могут достигать значительных успехов и высокого уровня личностной самореализации [11; 12]. У слепых индивидов из-за невозможности увидеть, возникает потребность в проговаривании, в результате чего строго и четко составляется план деятельности [12; 13].

Любая спортивная деятельность подразумевает осознанную психическую саморегуляцию, который в данном случае осуществляется формированием произвольности деятельности посредством такой формы обучения, как обучение планированию и контролю через продуктивные виды деятельности, каким и является

спортивная деятельность [9]. Таким образом, в отличие от обычного индивида, которому нужно развивать и совершенствовать только профессиональные спортивные навыки при нормальном уровне психофизического развития и физических способностей, адекватных возрасту и полу индивида, перед лицами с ограниченными возможностями стоит задача преодолеть сначала свою психофизическую несостоятельность, другими словами, первоначально достичь необходимого уровня физического развития просто для того, чтобы иметь возможность совершать движения, необходимые для определенного вида спорта, а затем совершенствовать их до уровня профессионального, более того, совершенствовать до такой высокой степени, чтобы они могли превысить профессиональные результаты других спортсменов и послужили залогом победы и завоевания медали. Выборка исследования представлена 99 спортсменами-паралимпийцами, из них 65 мужчин и 34 женщины, из которых 35 – с нарушением слуха и /или речи, 25 – с нарушением опорно-двигательного аппарата, 39 – с нарушением зрения, из них 6 паралимпийцев – спортсмены 1 разряда, 15 паралимпийцев – КМС, 47 паралимпийцев – МС, 25 паралимпийцев – МСМК, 6 паралимпийцев – заслуженные мастера спорта (ЗМС). Все респонденты на момент диагностики являются действующими спортсменами, участвующими в республиканских и международных соревнованиях.

В данном исследовании была проведена диагностика параметров саморегуляции паралимпийцев с использованием методики «Саморегуляция подготовки спортсмена» (Моросанова В. И., 1989) и изучение копинг-стратегий паралимпийцев с помощью методики COPE (в адаптации Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, Е. А. Рассказовой, 2010) [14; 15]. Саморегуляция структурируется отдельными параметрами, при этом более слабое развитие одних может компенсироваться более сильным развитием других, что в итоге дает достаточный уровень развития саморегуляции в целом. В результате проведенной диагностики параметров саморегуляции у паралимпийцев были сделаны следующие выводы.

Общий (суммарный) показатель уровня саморегуляции у большинства паралимпийцев находится на среднем уровне, только у 3% женщин и 2% мужчин суммарный показатель был выявлен на высоком уровне. Наибольшее развитие имеют такие параметры саморегуляции как «Планирование» ($5,84 \pm 1,30$), «Гибкость» ($5,29 \pm 1,30$), «Самостоятельность» ($5,25 \pm 1,28$).

Исходя из полученных данных по методике COPE, продуктивные копинг-стратегии, а именно «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание» и «Планирование» у респондентов получили высокие средние баллы ($13,79 \pm 2,02$; $13,52 \pm 3,01$; $13,76 \pm 2,29$ баллов соответственно), что свидетельствует об использовании верных способов преодоления стресса, однако по таким копинг-стратегиям, как «Принятие» и «Подавление конкурирующей деятельности», являющихся также продуктивными, недостаточное количество баллов ($11,47 \pm 2,74$; $12,21 \pm 2,76$ баллов соответственно), средний уровень, что может оказаться недостаточным в условиях проблемной ситуации и может не обеспечить адекватного совпадающего поведения.

Относительно продуктивные стратегии («Сдерживание совладания», «По-

иск социальной поддержки инструментального характера», «Поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам», «Концентрация на эмоциях и их активное выражение», «Обращение к религии», «Юмор») получили средние баллы (от 10,17 до 11,79 баллов), что также является благоприятным для респондентов. По шкалам, которые представляют непродуктивные копинг-стратегии, паралимпийцы продемонстрировали низкие баллы только по шкалам «Поведенческий уход от проблемы», «Использование «успокоительных» (7,43±2,19; 5,81±2,52 баллов соответственно), по шкалам «Мысленный уход от проблемы» и «Отрицание» средний уровень баллов (9,45±2,0; 9,03±2,51 баллов соответственно).

В целом можно сказать, что спортсмены-паралимпийцы хорошо справляются со стрессовыми ситуациями, но им стоит принимать существование реальных проблем, не игнорировать их, что позволит эффективнее и быстрее справляться со стрессом, нормализуя психическое состояние.

Библиографические ссылки

1. Жиленкова В.П. Адаптивный спорт для лиц с поражением опорно-двигательного аппарата : автореф. дис. ...канд. пед. наук : 13.00.04. СПб., 2002. 22 с.
2. Ковшиков В.А., Секачев В.А. Экспрессивная алалия. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. 96 с.
3. Покрина О.В. Коррекция психофизического состояния детей с нарушениями речи средствами физической культуры : автореф. дис. канд. пед. наук : 13.00.04. М., 2006. 24 с.
4. Дудьев В.П. Особенности произвольной двигательной деятельности детей с общим недоразвитием речи // Дефектология. 1995. № 4. С.43–50.
5. Фигередо Э. Психолого-педагогическая характеристика дошкольников с общим недоразвитием речи :— автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03. М., 1989. 17 с.
6. Логопатопсихология / Р.И.Лалаева, С.Н.Шаховская [ред.]. М. : Гуманитарный издательский центр Владос. 2011. 464 с.
7. Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб. : Лань, 2003. 654 с.
8. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей. М. : Изд-во Московского университета, 1985. 148 с.
9. Специальная психология / Е.С.Слепович, А.М.Поляков [ред.]. Минск : Вышэйшая школа, 2012. 511 с.
10. Богданова Т. Г. Психология лиц с нарушениями слуха (сурдопсихология) // Основы специальной психологии / Л. В.Кузнецова [ред.]. М. : Академия, 2002. С. 151–186.
11. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих. СПб. : Каро, 2006. 336 с.
12. Солнцева Л.И. Психология детей с нарушениями зрения (детская тифлопсихология). М. : Классик Стиль, 2006. 256 с.
13. Солнцева В.А., Белова Т.В. Психологические особенности лиц с нарушениями зрения (слабовидящих) // Справочник по организации и проведению профориентационной работы М. : Центр новых технологий, 2012. С. 92–94.
14. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М. : Наука, 1998. 304 с.
15. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики СОРЕ // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82–118.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТАНОВОК К СЕКСУ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ЛЮБВИ

С. М. Ширко, С. М. Александрович

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
svetlanashirko@icloud.com

Аннотация. Значимым механизмом неудовлетворенности супружескими отношениями выступает дисфункциональность формирования сексуальных установок, представлений о допустимых и недопустимых нормах сексуального поведения для себя и партнера, а также отношения к роли сексуальной сферы в решении личностных и межличностных проблем. В то же время важно принимать во внимание, что сексуальная сфера самовыражения личности обусловливается психофизиологическими, межличностными и социокультурными факторами. Поэтому актуальным является изучение сексуального самовыражения личности в контексте характерных ей стилей любви. Неудовлетворение потребности в любви в супружестве может препятствовать психосоциальной адаптации и нормальному развитию личности, позитивному самочувствию и гармоничным взаимоотношениям с другими. В статье анализируются результаты эмпирического исследования по установлению содержательных характеристик установок к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви. Выявлены различия в установках к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви.

Ключевые слова: *сексуальные отношения; установки к сексу; стили любви; сексуальность; супружеские отношения; удовлетворенность.*

INFORMATIVE CHARACTERISTICS OF ATTITUDES TOWARDS SEX IN MEN AND WOMEN WITH DIFFERENT STYLES OF LOVE

S. M. Shirko, S. M. Alexandrovich

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. A significant mechanism of dissatisfaction with marital relations is the dysfunctionality of the formation of sexual attitudes, ideas about acceptable and unacceptable norms of sexual behavior for yourself and your partner, as well as attitudes to the role of the sexual sphere in solving personal and interpersonal problems. At the same time, it is important to take into account that the sexual sphere of personal expression is conditioned by psychophysiological, interpersonal and socio-cultural factors. Therefore, it is important to study the sexual expression of the individual in the context of her characteristic styles of love. Dissatisfaction with the need for love in marriage can prevent psychosocial adaptation and normal development of the individual, positive well-being and harmonious relationships with others. The article analyzes the results of empirical research on the establishment of informative characteristics of attitudes towards sex in men and women with different styles of love. These differences in attitudes towards sex in men and women with different styles of love are revealed.

Keywords: *sexual relations; attitudes towards sex; styles of love; sexuality; mari-*

tal relations; satisfaction.

В существующих на сегодняшний день подходах как в медицинской, так и в психологической науке упускаются из виду исследования о связи сексуального благополучия супружеской пары не только с физическим аспектом отношений, но и с эмоциональным способом выражения любви. Тем самым сексуальное желание как определенный тип переживания не может не зависеть от характерного для данного человека типа любовных ориентаций, любовные отношения партнеров непосредственно связаны с сексуальным влечением, а без любви, безусловно, сексуальная мотивация является неполной. Вместе с тем неудовлетворение потребности в любви в супружестве может препятствовать психосоциальной адаптации и нормальному развитию личности, позитивному самочувствию и гармоничным взаимоотношениям с другими.

Исследования установок к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви отличаются недостаточной разработанностью. Целью проведенного исследования стало изучение половых различий установок к сексу при различных стилях любви. В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: опросник установок к сексу Г. Айзенка [1] и методика «Установки на любовь и секс» («Цвета любви») К. Хендрик и С. Хендрик в адаптации О.А. Екимчик [12]. В исследовании приняли участие 133 испытуемых: 53 мужчины и 80 женщин, находящиеся в браке (гражданском или официальном) не менее 3 лет, в возрасте от 22 до 53 лет. Период неразрывного совместного проживания был обусловлен необходимостью отбора респондентов с регулярными сексуальными отношениями, устоявшимся условно физиологическим ритмом половой жизни. Согласно возрастной периодизации развития сексуальности человека Г.С. Васильченко [3] были отобраны респонденты переходной и зрелой стадий сексуальности. При помощи анкетирования были исключены респонденты с наличием физиологических нарушений (острых или хронических) эндокринной и репродуктивной систем, а также расстройств психической сферы. Выборку составили условно здоровые мужчины и женщины в возрастном периоде активной сексуальности с постоянным половым партнером.

Проведенный корреляционный анализ позволил сделать следующие выводы. У мужчин была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между эротической любовью и реализованностью ($r = 0,437$; $p = 0,004$), что означает, что для мужчин, склонных к физическому обладанию, сексуальному удовлетворению и наслаждению внешностью партнерши, важен уровень реализованности своей сексуальной жизнью. У мужчин, которым присущ стиль любви «эрос», также отмечается значимость такой установки как «сексуальная удовлетворенность» ($r = 0,342$; $p = 0,012$). Кроме того, была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между страстной эротической любовью и сексуальной невротичностью ($r = -0,223$; $p = 0,049$), что позволяет предположить у мужчин с таким стилем любви склонность к более спокойным, уравновешенным, не вызывающим напряжения сексуальным отношениям. И наконец была определена обратная взаимосвязь между эротиче-

ской любовью у мужчин и сексуальной застенчивостью ($r = -0,248$; $p = 0,048$), означающая, что мужчинам с такой установкой на любовь не характерно нервничать в отношениях с противоположным полом, их не смущают разговоры о сексе, они не боятся сексуальных отношений. У женщин была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между эротической любовью и реализованностью ($r = 0,445$; $p = 0,000$), причем данный показатель оказался несколько выше, чем у мужчин. Также у них была установлена взаимосвязь между стилем любви «эрос» и такой установкой как «сексуальная удовлетворенность» ($r = 0,491$; $p = 0,000$), что более существенно превысило подобные показатели у мужчин. Кроме того, у женщин эротическая любовь соотносится с установкой на физический секс ($r = 0,412$; $p = 0,000$), что означает увлеченность такими женщинами физической стороной секса, восприятие себя как сильной сексуальной партнерши, установку на уверенность в своих возможностях. У женщин, которым присущ стиль любви «эрос», также отмечается значимость такой установки как «сексуальная возбудимость» ($r = 0,382$; $p = 0,000$), показывающая их высокую сексуальную чувствительность. При этом была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между страстной эротической любовью и отвращением к сексу ($r = -0,273$; $p = 0,014$), что позволяет предположить, что женщины с таким стилем любви более склонны естественно переживать удовольствие от близости и не испытывать отвращения к сексуальным проявлениям.

У мужчин была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между любовью-игрой и установкой на агрессивный секс ($r = 0,461$; $p = 0,001$), что означает, что для мужчин, склонных к нестабильным, поверхностным отношениям важно желание подавить и подчинить партнершу, а их внимание фиксируется на агрессивных импульсах в ее адрес. У мужчин, которым присущ стиль любви «людус», также отмечается значимость такой установки как «сексуальная невротичность» ($r = 0,233$; $p = 0,048$), демонстрирующая наличие конфликта между собственными влечениями и их внутренними значениями. Кроме того, была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между любовью-игрой и отвращением к сексу ($r = -0,230$; $p = 0,047$), что позволяет предположить у мужчин с таким стилем любви отсутствие отвращения как к своим собственным сексуальным проявлениям, так и к сексуальным проявлениям партнерши. И наконец была определена прямая взаимосвязь между любовью-игрой у мужчин и склонностью к обезличенному сексу ($r = 0,236$; $p = 0,048$), означающая, что мужчины с таким стилем любви склонны относиться к партнерше как к сексуальному объекту, а в сексе ищут лишь чувственного удовольствия, не пытаясь войти с ней в значимую личностную связь.

У женщин любовь-игра парадоксальным образом соотносится с установкой на целомудрие ($r = 0,225$; $p = 0,045$), что означает их склонность к сексуальной пассивности, к запрету на мысли о сексе, к попыткам воздерживаться от проявлений своей сексуальной страсти. Кроме того, была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между любовью-игрой и сексуальной удовлетворенностью ($r = -0,238$; $p = 0,033$), а также между людузом и реализованностью ($r = -0,200$; $p = 0,045$), что позволяет предположить, что женщи-

ны с таким стилем любви характеризуются наличием серьезного разочарования своей сексуальной жизнью и отсутствием общей удовлетворенности отношениями с партнером/партнерами. Обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь слабой силы между семейной любовью и реализованностью у женщин ($r = 0,194$; $p = 0,048$), что означает, что у женщин, склонных к доверию, верности, ответственности в отношениях с партнером, отмечается важность реализованности своей сексуальной жизнью, а секс они считают продолжением душевной близости, укрепляющим любовь и делающим ее еще более устойчивой.

Была определена прямая взаимосвязь между прагматичной любовью у мужчин и склонностью к обезличенному сексу ($r = 0,263$; $p = 0,048$), означающая, что такие мужчины со стилем «прагма» могут относиться к партнерше как к сексуальному объекту, способному доставить чувственное удовольствие, и не пытаются войти с ней в более глубокую личностную связь.

У мужчин любовь-одержимость соотносится с установкой на физический секс ($r = 0,239$; $p = 0,047$) - увлеченность такими мужчинами физической стороной секса, установку на уверенность в своих возможностях и восприятие себя как сильного сексуального партнера. У женщин любовь-одержимость соотносится с установкой на агрессивный секс ($r = 0,192$; $p = 0,048$), что означает наличие враждебности в сексуальной связи, желание подчинить партнера, возможное стремление к доминированию. Также у женщин, которым присущ стиль любви «мания», отмечается значимость такой установки как «сексуальная возбудимость» ($r = 0,197$; $p = 0,045$), показывающая их высокую сексуальную чувствительность. Кроме того, была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная взаимосвязь между любовью-одержимостью у женщин и напряженностью их сексуального либидо ($r = 0,221$; $p = 0,049$), что позволяет предположить наличие у них сильного сексуального влечения.

У мужчин обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между самоотверженной любовью и реализованностью ($r = 0,339$; $p = 0,013$), что означает, что для мужчин, склонных к страстным глубоким чувствам, постоянству и заботе о партнерше, важен уровень реализованности своей сексуальной жизнью. У женщин выявлена статистически значимая положительная корреляционная связь между самоотверженной любовью и сексуальной удовлетворенностью ($r = 0,257$; $p = 0,021$), что показывает, что в этом прочном виде любви женщины способны получать сексуальное удовольствие от глубокого знания своего партнера, заботясь о его благе, ничего не требуя взамен. У женщин была установлена взаимосвязь между стилем любви «агапе» и такой установкой как «реализованность» ($r = 0,358$; $p = 0,001$), что превысило показатели у мужчин.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы о том, что существуют различия в сексуальных установках мужчин и женщин в зависимости от стилей любви. И для мужчин, и для женщин с эротическим стилем любви важен уровень реализованности и удовлетворенности своей сексуальной жизнью. При этом такие мужчины склонны к более спокойным, уравновешенным и не вызывающим напряжения сексуальным отношениям, а также у них отсутствует сексуальная застенчивость. Женщины с установкой на

эротическую любовь склонны ориентироваться на физический секс и активное стремиться к реальному половому контакту, они обладают высокой сексуальной чувствительностью и не испытывают отвращения к сексуальным проявлениям. У мужчин со стилем любви «людус» отмечается склонность к обезличенному сексу, отсутствие отвращения к сексуальным проявлениям, сексуальная невротичность, а также наличие агрессивных импульсов и стремления подчинить, подавить партнершу. Женщины, которым присущ стиль «любовь-игра», характеризуются отсутствием реализованности и общей сексуальной удовлетворенности отношениями, склонностью к сексуальной пассивности и воздержанию от проявлений сексуальной страсти. Женщины со стилем любви «сторге» демонстрируют реализованность своей сексуальной жизни, в то время как мужчины с прагматичным стилем любви характеризуются склонностью к обезличенному сексу, относясь к партнерше как к сексуальному объекту. Любовь-одержимость у мужчин соотносится со стремлением к физическому сексу, а у женщин – к агрессивному. Кроме того, женщины со стилем любви «мания» демонстрируют высокую сексуальную чувствительность и сильное сексуальное влечение. Для мужчин и женщин с самоотверженным стилем любви важен уровень реализованности своей сексуальной жизни, а для женщин еще и уровень сексуальной удовлетворенности.

Библиографические ссылки

1. Айзенк Г., Вильсон Г. Как измерить личность. М. : Когито-Центр, 2000. 281 с.
2. Екимчик О. А. Любовь в отношениях мужчины и женщины: методы психологической диагностики. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 40 с.
3. Агарков С. Т., Кащенко Е. А. Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности. М. : Издательские решения, 2015. 298 с.

УДК 373/378.01/09:316.6

**СОТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБУЧЕНИИ:
ТРАНЗАКТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

А. В. Абанина

ВУЗ «Университет экономики и права «КРОК»

Лагерная ул., 30-32, 03113, Киев, Украина

hannaav@krok.edu.ua

Аннотация. В контексте гуманистической парадигмы высшего образования рассматривается феномен сотворчества. Анализируются особенности сотворческого взаимодействия преподавателя и студента. В качестве примера практического воплощения педагогики сотворчества предлагается образовательная транзактно-аналитическая модель. Анализируются основные принципы транзактного анализа в образовании: контрактный метод и открытые коммуникации. Рассматриваются основные характеристики гуманистического стиля обучения, в основу которого положен принцип сотворчества.

Ключевые слова: *сотворчество; обучение; транзактный анализ; контракт; гуманистический стиль образования.*

**CO-CREATING INTERACTION WITHIN THE LEARNING
PROCESS: TRANSACTIONAL ANALYSIS APPROACH**

A.V. Abanina

«KROK» University

Lagernaya str., 30-32, 03113, Kyiv, Ukraine

Anotation. The phenomenon of co-creation is adressed in terms of humanistic paradigm. The distinctive features of teacher-student interaction are analyzed. The educational TA model is proposed as an example of a practical application. Main principles of TA in education are analyzed including the method of open communications and the contractual one. Main qualities of humanistic learning approach based on co-creation principles are considered.

Keywords: *co-creation; learning; transactional analysis; contract; humanistic education.*

Актуальность исследования. Интенсивное развитие новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), их интеграция в современное образовательное пространство существенно изменяет отношения в системе «преподаватель-студент». Особенностью высшего образования становится создание совместного образовательного пространства в процессе сотворчества субъектов процесса обучения. Фокусируя внимание на феномене сотворчества, прежде всего следует исходить из положений гуманистической парадигмы университетского образо-

вания, согласно которой основной ценностью признается личность, самоценность человека с его активной жизненной познавательной позицией. В соответствии с таким подходом высшей школе следует создать условия для обеспечения возможностей самореализации личности, развития активной профессиональной позиции, становления профессиональной идентичности, творческого стиля деятельности. Современная гуманистическая направленность образования основывается на учете индивидуальных психологических особенностей, ценностно-смысловых ориентаций, профессиональных ожиданий и притязаний студентов, что способствует гармонизации процесса сотрудничества преподавателя и студента. Наличие таких составляющих в образовательном процессе обеспечивает эффективное взаимодействие субъектов обучающего процесса на уровне сотворчества.

Различные исследования феномена «сотворчества» представлены в работах Ш.А. Амонашвили, В.И. Андреева, Г.С. Батищева, М.Н. Берулава, В.А. Кан-Калик и Н.Д. Никандрова, С.В. Нилова, Т.А. Бусигины, Ю.В. Сенько и др. В целом, сотворчество определяется как многогранное понятие, которое может быть представлено как чувства, тип педагогики, стиль, модель обучения, рассматривается в контексте педагогики личности, творческого саморазвития личности, образовательного процесса в университете и т.п. В своем исследовании мы используем определение С. Ю. Степанова, который рассматривает сотворчество как систему педагогических ценностей, прикладных дидактик, методов и методических приемов, в основу которых лежат взаиморазвивающая, взаимопроникающая и взаимодополняющая совместная культуруобразующая деятельность и глубинное личностное общение педагога и ученика, которые периодически обмениваются социальными ролями [1]. Другими словами, сотворчество – совместная творческая деятельность, направленная на решение теоретических и практических задач, предполагающая взаимообусловленное развитие субъектов взаимодействия в интегрированном образовательном процессе. Удачным, на наш взгляд, примером практического воплощения педагогики сотворчества может быть образовательная транзактно-аналитическая модель [2]. Исходя из этого, мы определили *цель* нашего исследования: теоретически обосновать модель реализации сотворчества преподавателей и студентов в учебном процессе университета в контексте базовых концептуальных положений образовательного транзактного анализа.

Поддерживая теоретико-методологические позиции зарубежных исследователей и практиков транзактного анализа (G. Bantow, J. I. Clarke, J. Hay, R. Napper, T. Newton, S. Schachner, S. Temple), мы рассматриваем *образовательную транзактно-аналитическую модель* как направление образовательной гуманистической психологии – новой формы организации интенсивного образования – в процессе которой участники учатся прежде всего благодаря собственной активной деятельности, свободно выбирая собственный темп обучения, учебный материал, методы оценивания и контроля, способы организации образовательного пространства. Фокус внимания направлен на самостоятельное обучение и интенсивное групповое взаимодействие, получение динамических знаний, которые основываются на структурных изменениях и эффективном взаимодействии субъектов учебного процесса. Участники открыто обсуждают цели обучения и закрепляют их *учебным*

контрактом, разделяя ответственность за учебный процесс и его результаты [3].

Идея сотворчества субъектов образовательного процесса заложена в концепции «образовательного альянса» Т. Newton: учитель и ученик взаимодействуют с общим уважением к результату, который соглашается в контракте, стараются как можно эффективнее достичь цели обучения [4]. Именно преподаватель предлагает модель поведения, его роль транзактные аналитики приравнивают к родительской роли в освоении ребенком окружающего мира (по принципу взаимодействия из Эго-состояний «Родитель», «Взрослый» и «Ребенок»). Сотворческое взаимодействие характеризуется отказом преподавателя от авторитарной, силовой, властной позиции старшего, который лучше знает и претендует на безошибочность (в транзактном анализе такая жизненная позиция называется Я – ОК, Ты – не ОК). Вместо этого преподавателю следует демонстрировать готовность к совместному со студентами конструированию учебного пространства, в котором ученики не теряют своего собственного опыта, доверия к себе и преподавателю (жизненная позиция Я – ОК, Ты – ОК) [5]. В этом и состоит ключ к личностному росту ребенка через личностный рост взрослого [6].

Образовательная транзактно-аналитическая модель базируется на двух основных принципах: 1) контрактный метод – преподаватель и студенты несут взаимную ответственность за те изменения и результаты, которые они хотят достичь, для этого они составляют контракт, который определяет часть ответственности каждой стороны; 2) открытые коммуникации – участники учебного процесса должны владеть полной информацией относительно того, что происходит в их совместной деятельности.

Выделяют три уровня контрактирования: административный, профессиональный и психологический, которые прежде всего отличаются степенью осознанности участников этого процесса [7; 8]. Наименее осознанным оказывается психологический уровень, содержащий «подводные камни» коммуникативного взаимодействия, такие как: скрытые смыслы, манипулятивные коммуникации, механизмы психологической защиты, проявления «сценарного процесса», двойную мораль/стандарты, двойные отношения и т.п. Для того, чтобы сделать явными стратегии коммуникации в ходе составления контракта, необходимо придерживаться таких правил: позитивное формулирование проблемы, ожидаемых изменений и результатов; ориентация на решение проблемы; обсуждение, прояснение, осознание сопротивления – возможных способов самосаботажа достижения изменений и результатов. Практики транзактного анализа выделяют неприемлемые контракты: стоп-контракты, контракты с клиентами «не по своей воле», родительские, игровые, скрытые контракты, контракты на изменение других [7]. Основная проблема составления контрактов состоит в необходимости достижения четкого контракта, в котором остается место для гибкости и новых возможностей [9].

Таким образом, сотворческое взаимодействие в обучении – это прежде всего отношения, в которых две уникальные личности, преподаватель и студент, становятся неисчерпаемыми источниками взаимовлияния и развития друг друга. В этом контексте сотворчество понимается как совместное создание нового, при чем не только решение творческих учебных задач, но и обогащение внутреннего мира

участников обучающего процесса. Философские принципы транзактного анализа способствуют внедрению в образовательный процесс гуманистического стиля обучения, имеющего такие признаки: положительное отношение педагога к себе и другим, ориентация на внутренние, а не на внешние цели взаимодействия, конструирование образовательного процесса как диалога со студентами, использование контрактного метода для четкого определения ответственности каждого участника в обучающем процессе, открытые коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Степанов С. Поэзия сотворчества // Горизонты современного образования. 2012. № 7. С.1-6
2. Summers G., Tudor K. Cocreative Transactional Analysis // Transactional Analysis Journal. 2000. Vol.30, №1. P.23-40.
3. Schachner, S. Intercultural Learning and Teaching in Multicultural Classes. // Educational Transactional Analysis, An International Guide to theory and practice // G. Barrow, T. Newton (eds). London : New York. Routledge, 2015. 300 p.
4. Newton T. Identifying Educational Philosophy and Practice through Imago's in Transactional Analysis Training Groups // Transactional Analysis Journal. 2014. Vol.33, №4. P.321-331.
5. Технологии коммуникации в транзактном анализе: сб. статей / О. А. Голубкова [ред.]. СПб. : ОМ-Пресс, 2006. 16 с.
6. Бондарева В.В. Образовательный транзактный анализ как средство психолого-педагогической поддержки учителя: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. СПб., 2005. 228 с.
7. James M., Jongeward D. Born to Win: Transactional Analysis With Gestalt Experiments. Reading, Berkley: Addison-Wesley, 1978. 352 p.
8. Berne E. Games People Play. New York: Grove Press, 1964. 166 p.
9. Widdowson M. 100 key points & techniques. New York : Routledge, 2009. 340 p.

УДК 339

МАРКЕТИНГ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ

Л.И. Архипова

УО «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»
ул. П. Бровки, 6, 220013, Минск, Республика Беларусь
l.arkhipova@gmail.com

Аннотация. В статье изучаются вопросы, связанные с маркетингом социальных сетей, который рассматривается как инструмент и канал продвижения, обеспечивающий привлечение трафика на сайт компании посредством прямых целенаправленных коммуникаций.

Ключевые слова: *маркетинг социальных сетей (SMM); продвижение; социальные сети; CRM-системы для социальных сетей; вовлеченность.*

SOCIAL MEDIA MARKETING AS THE CHANNEL OF COMMUNICATION

L.I. Arkhipova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

P.Brovki str., 6, 220013, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. There are questions connected with Social Media Marketing are investigated in the article. Social Media Marketing is considered as the tool and the promotion channel for the traffic attraction on a site of the company by means of direct purposeful communications.

Keywords: *Social media marketing; promotion; social network; social CRM; engagement rate.*

SMM (Social Media Marketing) или маркетинг социальных сетей – это комплекс мероприятий по использованию социальных медиа в качестве каналов для продвижения компании или бренда, а также решения задач бизнеса, связанных с формированием имиджа и привлечением клиентов. SMM сформировал сегодня новую форму коммуникации между людьми, которая базируется на процессе создания сообщений и их декодировании получателями в электронной среде, где интерактивный обмен мнениями и опытом сокращает разрыв между отправителем и получателем. Социальная сеть является комфортной платформой, где формируется общественное мнение о бренде и компании, используя конкретные отклики на предлагаемый контент в режиме реального времени.

Одним из ключевых компонентов SMM является оптимизация социальных сетей Social Media Optimization (SMO) или маркетинговый инструмент привлечения посетителей социальных сетей на сайт. Оптимизация сайта под социальные медиа – это набор мер по интеграции сайта с социальными сетями. Наиболее важным инструментом SMO является контент, направленный на то, чтобы сайт чаще цитировали в социальных сетях, блогах и форумах, привлекая посетителей. Это означает, что основная задача SMO – написание контента, который будет интересен посетителям социальных медиа. SMO рекомендуется реализовывать двумя способами: через пассивное и активное продвижение SMM. *Пассивное продвижение* означает продвижение деятельности в социальных сетях путем обновления статусов, блогов, форумов, сообществ. *Активное продвижение* означает добавление ссылок, которые ведут от контента на веб-сайте к социальным сетям.

Для того чтобы привлекать и удерживать целевую аудиторию, решать проблемы и устранять неудовлетворенность, необходимо отслеживать и постоянно анализировать реакцию и отклики посетителей социальных площадок. Решающее значение для пользователя имеет получение актуализированной информации в режиме реального времени, что должно ускорять процесс принятия решения или совершения полезного действия. Принципы оптимизации SMO фокусируются также на улучшении имиджа компании в социальных сетях. Практически все известные сегодня социальные сети: Facebook, Twitter, ВКонтакте, LinkedIn, Instagram, YouTube, оптимизируются с учетом SMO.

По данным опроса, проведенного в Беларуси «Лабораторией Касперского», составлен список популярности социальных сетей. На первом месте также нахо-

дится социальная сеть ВКонтакте (используют 90% респондентов), далее по популярности идет Youtube (85%), Одноклассники (60%), Instagram (59%) и Facebook (55%) [1]. Аналогичное исследование SMM-рынка Беларуси проведено аналитиками компании ARTOX Media. В августе 2018 года было проанализировано 235 аккаунтов ведущих брендов и компаний Беларуси в социальных сетях. Цель исследования — оценка эффективности ведения сообществ в пяти социальных сетях: ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram и Twitter. Места распределились аналогичным образом. Аналитики ARTOX Media отмечают, что если раньше компании обеспечивали свое присутствие в максимальном количестве социальных сетей, то сегодня наблюдается тенденция фокусирования на социальных сетях, которые в наибольшей степени соответствуют портрету их идеального клиента и ожидаемому уровню вовлеченности [2].

Интерактивность социальных сетей дает возможность обеспечить эффективную коммуникацию в цепочке: клиент – компания (бренд)– клиент. Этот процесс должен осуществляться в непрерывном замкнутом цикле, но с открытым доступом для «третьего» участника, который благодаря инструментам SMO может повлиять на формирующуюся или уже сложившуюся коммуникацию, и таким образом позитивно или негативно повлиять на ее развитие. Конечно, ожидаемой является положительная реакция, если «помеха» в виде «третьего» лица не будет носить деструктивный характер (например, исходить от конкурента).

SMM обеспечивает компании получение прямых отзывов от потенциальных клиентов, делая компанию более открытой для коммуникаций. Интерактивность социальных сетей дает клиентам возможность задавать вопросы, получать конкретные ответы, что способствует формированию доверия к компании и бренду. Этот аспект SMM является неотъемлемой частью клиенто-ориентированного подхода в управлении отношениями с социальными клиентами (Social CRM) [3].

Современная парадигма Social CRM связана с интеграцией социальных сетей в CRM. Это бизнес-стратегия, которая обеспечивается и поддерживается технологическими платформами и инструментами для обеспечения взаимовыгодной коммуникации компании с клиентами. Сегодня на рынке существуют эффективные программные продукты группы Social CRM, специализированные под социальные сети, которые обеспечивают связь с сетями «в один клик». Встроенные инструменты работают со всеми популярными социальными сетями (площадками) и позволяют в режиме реального времени изучать активность пользователей. Системы CRM для социальных сетей позволяют выделить такие приоритетные направления, как: обеспечение процессов коммуникации с клиентами по переписке; интегрирование интересов в сети; получение достоверной информации в момент ее востребованности; распространение актуальной информации; формирование отчетов. Наиболее известными инструментами Social CRM являются представленные на рынке специализированные и адаптированные под социальные сети системы типа: e-CRM и social-CRM [4]. Чтобы привлечь внимание в социальных сетях к своей компании и бренду, требуются четко сформулированная стратегия и наличие навыков коммуникации. Команды или специалисты, реализующие SMM в компании, должны быть кросс-функциональными и многопрофильными,

способными обеспечить консалтинг, PR, медиа-планирование, проводить маркетинговые исследования и креативно мыслить.

Коммуникации в социальных сетях подразумевают наличие таких soft skills (гибкие навыки), как: умение общаться в соответствии со статусами и ролями собеседника; умение «считывать» ситуацию и адекватно на нее реагировать; умение грамотно начинать и завершать общение, подводить итоги взаимодействия, аргументировать и резюмировать; устанавливать контакт с собеседником; формировать доверие к себе, бренду и компании.

Оценивать эффективность деятельности команды, а также используемых инструментов, принято по набору специализированных метрик, наиболее обобщенной из которых является *вовлеченность* или Engagement Rate (ER). Вовлеченность – количественная характеристика, которая позволяет оценить качество контента с точки зрения получения обратной связи от пользователей. На практике выделяют несколько коэффициентов вовлеченности: ER в пересчете на день (daily engagement rate или ER day), ER в пересчете на пост (engagement rate или ER post) и ER в пересчете на охват (engagement rate by reach или ERR) [5].

ER – коэффициент вовлеченности пользователей, рассчитывается по формуле: $(\text{количество действий} / \text{число подписчиков}) * 100 \%$. Наряду с коэффициентами вовлеченности, популярными являются такие количественные метрики, как: 1) Love Rate – уровень привлекательности (показатель рассчитывается по формуле: $(\text{количество лайков} / \text{количество подписчиков}) * 100 \%$); 2) Talk Rate – показатель общительности (показатель рассчитывается по формуле: $(\text{число комментариев} / \text{число подписчиков}) * 100 \%$). Для получения достоверной информации по социальным медиа можно использовать специальные сервисы по автоматизации сбора аналитических данных (Popsters, Livedune или др.). Мониторинг и анализ качественных и количественных показателей сообществ позволяет составить комплексную оценку эффективности продвижения на базе SMM и разрабатывать коммуникационные мероприятия по привлечению и удержанию клиентов.

Библиографические ссылки

1. Официальный сайт белорусских исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2018/10/31/sostavlen-top-5-samyhpopulyarnyh-sotssetey-i-messendzherov-v-belarusi.html>. Дата доступа 6.06.2019.

2. Digital Review 2.0 за август 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://marketing.by/analitika/belaruskie-brendy-ukhodyat-iz-twitter-v-drugie-sotsseti-digital-review-2-0-za-avgust-2018/>. Дата доступа 6.06.2019.

3. CRM для соц.сетей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://amocrm.by/biznes-praktika/crm-dlya-sots-setej.html>. Дата доступа 6.06.2019.

4. Инструменты удержания и коммуникации с клиентами e-CRM, social-CRM [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.shopolog.ru/services/section/e-crm/>. Дата доступа 6.06.2019.

5. Engagement rate: как правильно считать коэффициент вовлеченности в социальных сетях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://popsters.ru/blog/post/55>. Дата доступа 6.06.2019.

УДК:101.8:316.3(043.3)

РОЛЬ СЕТЕВОЙ КОМУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ю.Л. Баньковская

УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»
пр. Независимости, 99, 220023, Минск, Республика Беларусь
ulia_bank@tut.by

Аннотация. Сетевизация всех сфер жизнедеятельности общества становится неотъемлемым фактором социального развития. В работе автор обращается к исследованию сетевой коммуникации, трансформирующей принципы и механизмы функционирования системы образования. Необходимо прояснение сущности сетевых структур в ракурсе происходящих изменений в современном обществе. В работе осуществляется концептуализация данного феномена, выявление особенностей взаимодействия субъектов. Сетевая коммуникация расширяет границы информационного взаимодействия, предоставляет возможность каждому человеку участвовать в диалоге по интересующей его проблеме, формировать аутентичные сообщества, что содействует развитию науки и образования. Одновременно в сети происходит изменение или нивелирование традиционных ценностей. Сетевая коммуникация способствует разработке новых ценностно-нормативных стандартов взаимодействия.

Ключевые слова: *сетевая коммуникация; образование; сетевые структуры; взаимодействие.*

THE ROLE OF NETWORK COMMUNICATIONS IN MODERN EDUCATION

Yu. L. Bankovskaya

Belarusian State Agrarian Technical University
Independence av., 99, 220023, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Networking of all society spheres becomes an integral factor of social development. The author refers to the study of network communication, transforming the principles and mechanisms of education system functioning. It is necessary to clarify the essence of network structures in the perspective of the changes in modern society. There is the conceptualization of this phenomenon, the identification of the features of the interaction of subjects in the work. Network communication expands the boundaries of information interaction, provides an opportunity for everyone to participate in the dialogue on the problem of interest, to form authentic communities, which contributes to the development of science and education. At the same time, the network is changing or leveling traditional values. Network communication contributes to the development of new value-normative standards of interaction.

Keywords: *network communication; education; network structures; interaction.*

Процессы компьютеризации и глобализации содействовали возникновению качественно нового типа общественного развития. Как их следствие происходят изменения в сфере производства материальных ценностей, транс-

формация сферы занятости и труда, интернационализация производства, усиление иммиграционных процессов. Развитие информационно-коммуникационных технологий способствует расширению пространства воздействия сетевых структур на жизнедеятельность людей.

Технологическим основанием для развития сетевого общества стало появление Интернета. «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [1, с.15]. Он предоставляет людям возможность быстрого доступа к информации и обмена ею. Преодолевая пространственные и временные границы, люди получают возможность коммуникационного взаимодействия с любыми социальными общностями. Происходит качественное преобразование коммуникативного взаимодействия. Глобальные интерактивные коммуникационные электронные системы детерминируют современную культуру. Информация становится определяющим ресурсом, создающим единое интерактивное пространство, меняющим традиционные формы коммуникации. Изменяются ценностные и организационные основания социального взаимодействия, его структурные и функциональные аспекты. В экономической сфере происходят преобразования в области производства, обмена и потребления материальных благ. Трансформация механизмов и способов передачи власти присуща политической сфере общества. Наиболее значимым признаком, характеризующим властные механизмы и социальные изменения, становится принадлежность актора к сети. Для социальной сферы присущи изменения в существовании субъекта. Следовательно, доминирование социальных сетей во всех сферах человеческой жизнедеятельности приводит к вытеснению ими традиционных форм взаимодействия.

Сетевая структура является многоуровневым образованием, основанным на поливариативном, многофункциональном, коммуникативном взаимодействии акторов. М. Кастельс трактовал понятие сетевая структура в качестве совокупности взаимосвязанных узлов, в рамках которых «конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [2, с. 470]. Взаимодействие базируется на знании коммуникационного кода, определяющего функции и значение каждого узла. Следовательно, значимость узла прямо пропорциональна его способности эффективно функционировать в соответствии с сетевыми целями. Принадлежность к сети предоставляет возможности для актора получить доступ к информации, которая становится наиболее значимым ресурсом современного общества.

Специфику сети задают объединение таких ее составляющих как позиции акторов, их взаимосвязь, взаимодействие на основании имеющихся ресурсов. Потоки капитала, информации, технологий, содействующие обмену ресурсами, отображающими сущность социальных процессов, происходящих в системе, целенаправленно программируют позиционное взаимодействие акторов. Ю.Хабермас полагал, что основным признаком сети является ее открытость, проявляющуюся в существовании многомерных взаимосвязей акторов

коммуникации. Она представляет собой открытое образование, в рамках которого возможен взаимообмен между всеми ее элементами, а также она направлена на формирование новых связей, обмен информацией с внешней средой [3].

Сетевое общество приводит к трансформации институтов политики, культуры, образования, экономики и сферы занятости. Знания и информация становятся основными ресурсами, влияющими на все сферы жизнедеятельности человека. Создание международного образовательного пространства, расширение сферы межкультурного взаимодействия актуализирует необходимость активизации информационной поддержки со стороны различных организаций. Следовательно, возникает необходимость рассмотрения специфики функционирования сетей в сфере образования.

Трансформация современного общества характеризуется модификацией и совершенствованием системы образования, ее реформированием. Современное образование является не только полиструктурным и многослойным феноменом, но и имеет сетевой характер. Следовательно, должна быть сформирована «новая педагогика, базирующаяся на интерактивности, персонализации и развитии независимых способностей к обучению и мышлению, и в то же самое время способствующая воспитанию характера и защите личности» [1, с. 218]. Взаимодействие элементов сетевых структур является неотъемлемой частью образовательного процесса, который основан на диалоге представителей научно-исследовательской и учебной деятельности. Данные структуры представляют собой «объединение физических и юридических лиц, функционирующих в структурах различной организационно-правовой формы, координирующих свою деятельность и совместно использующих финансовые, материально-технические, интеллектуальные и иные ресурсы для решения конкретных проблем развития сектора науки и инноваций в сфере высоких технологий на федеральном и региональном уровнях» [4, с. 12]. Таким образом, сетевое взаимодействие субъектов содействует инновационному развитию образовательного пространства, формированию его единства вследствие осуществления ими совместных проектов, программ и иных форм сотрудничества, созданию условий для осуществления академической мобильности преподавателей и студентов, обмену опытом между ними.

Степень открытости системы образования, ее готовность к сетевым преобразованиям, выработке новых социальных норм и ценностей, трансформация уже имеющихся, являются значимым фактором сетевизации общества. Сетевое взаимодействие способствует созданию дополнительных возможностей для решения общих задач посредством быстрой информационной доступности и постоянной обновляемости материалов совместной деятельности, ее междисциплинарного характера, стимулирования активности субъектов на творческий поиск. Оно содействует расширению кросскультурной коммуникации, лучшему пониманию и осознанию межкультурных ценностей. Сетевое взаимодействие обеспечивает равные возможности для научно-информационного обмена всем субъектам взаимодействия, направлено на по-

вышение качества образования, обмен опытом, разработками, инновационно-методическими ресурсами. Виртуальное сотрудничество формирует такие качества личности как медиаграмотность и гибкость мышления. Конструктивное взаимодействие сетевых структур должно основываться на наличии у обучаемых знаний о культурных ценностях, на формировании у них умения вести межкультурный диалог.

Эффективное взаимодействие сетевых структур основывается на наличии современного технического обеспечения, необходимого для осуществления совместных образовательных программ посредством информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих высокое качество обучения. Мультимедийные комплексы, IP - вещание, аудио- и видеоконференции повышают уровень квалификации преподавателей, развивают умение критически и творчески подходить к осуществлению профессиональной деятельности и составляют основание для развития дистанционных образовательных технологий. Их использование предоставляет учащимся возможность приобретать знания не только в рамках непосредственного прослушивания лекционного материала. Они создают практически безграничные возможности в осуществлении коллективной научной и образовательной деятельности. Интерактивный диалог лектора и слушателя позволяет дополнить имеющиеся пробелы в знаниях, прояснить не до конца понятый материал, выучить что-либо ранее неизвестное. Умение генерировать, накапливать, транслировать, хранить и практически использовать информацию становится неотъемлемыми качествами, необходимыми для подготовки современного специалиста.

Исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что сетевые структуры являются многофункциональным, универсальным феноменом, трансформирующим сферу взаимодействия людей. Объективными причинами их возникновения и распространения послужили процессы технологизации, информатизации, глобализации социального пространства. Сетевизация образования содействовала формированию новых технологий доступа к интеллектуальной собственности, способов коммуникативного взаимодействия. Кроме того, возникла необходимость формирования межкультурного диалога, содействующего креативному взаимодействию ученых.

Библиографические ссылки

1. Кастельс М. Галактика Интернет : размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328с.
2. Кастельс М. Власть коммуникаций. М. : ГУ-ВШЭ, 2017. 592с.
3. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы : На пути к либеральной евгенике? М. : Весь мир, 2002. 143 с.
4. Краснова Г.А., Сюлькова Н.В. Опыт базовой организации в области информационного обеспечения сетевого университета СНГ // Высшее образование в России. 2012. №1. С. 111-119.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ МОБИЛЬНОГО И EMAIL-ЭТИКЕТА В УЧЕБНО-ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.Р.Барабанова

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ул. Академическая, 7б, 65009, Одесса, Украина
proffice@ukr.net

Аннотация. В статье обсуждается проблема привития студентам вузов навыков нормативного общения в системе «студент-преподаватель» с использованием мобильных телефонов и электронных писем. Акцентируется необходимость для преподавателей задуматься о коммуникативной компетентности студента, которая должна включать, кроме способностей, профессиональных знаний, умений и навыков, определённый опыт, который невозможен без обучения необходимым, нормативным этикетным формам. Прежде всего, имеется в виду опыт учебно-деловой коммуникации, приобретаемый во время учёбы в вузе. Автор приводит примеры некорректной мобильной и Email-коммуникации в ситуациях учебно-деловой коммуникации и делает вывод о необходимости включения в программы дисциплин для первокурсников соответствующих тем лекционных и практических занятий.

Ключевые слова: *мобильная коммуникация; мобильный этикет; учебно-деловая коммуникация; Email-этикет.*

SOLUTION OF THE PROBLEMS OF MOBILE AND EMAIL- ETIQUETTE IN EDUCATIONAL BUSINESS COMMUNICATION

N.R. Barabanova

National University «Odessa Law Academy»
Academic st., 7b, 65009, Odessa, Ukraine

Annotation. The article discusses the problem of imparting to students of higher educational institutions the skills of normative communication in the «student-teacher» system using mobile phones and emails. It emphasizes the need for teachers to reflect on the student's communicative competence, which should include, besides abilities, professional knowledge and skills, a certain experience that is impossible without learning the necessary normative etiquette forms. First of all, this refers to the experience of educational and business communication acquired during studies at the university. The author cites examples of incorrect mobile and email communications in situations of educational and business communication and concludes that it is necessary to include relevant lecture and practical classes in the disciplines for first-year students.

Key words: *mobile communication; mobile etiquette; educational and business communication; Email-etiquette.*

Компетентностный подход к разработке образовательных вузовских программ в последние годы широко обсуждается учеными-методистами и преподавателями-практиками. Главный постулат такого подхода – подготовка специалистов к осуществлению социально-деловых коммуникаций в разных сферах жизнедеятельности.

тельности. Коммуникативную компетентность часто определяют как «владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, воспитанность, ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету и выражающихся в рамках данной профессии» [1].

Разрабатывая программы новых дисциплин, поэтапно вводимых в учебный процесс будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью, мы пришли к выводу о необходимости выделения большего количества часов на темы, касающиеся этики учебной коммуникации в вузе. Такой вывод обусловлен следующими проблемами: а) правила поведения в вузах отличаются от школьных, но многие преподаватели считают, что студенты автоматически должны переключиться на новые стандарты поведения; б) если на первом курсе студенту не привили норм устной и письменной коммуникации в системе «студент – преподаватель», в дальнейшем он считает, что всё нормально, а преподаватели обращают внимание только на факт выполнения/невыполнения заданий; в) разные преподаватели, даже обучающие искусству красноречия, по-разному реагируют на молодёжный сленг, ненормативные выражения в ситуациях учебного общения, безграмотность, порою просто «не замечая»; г) обучая письменному деловому этикету, преподаватели, в то же время, не делают замечаний по поводу формы и содержания Email-посланий в процессе электронной переписки по вопросам, связанным с учебной коммуникацией. Необходимо задуматься о том, что коммуникативная компетентность студента включает в себя, кроме способностей, знаний, умений и навыков, определённый опыт, который невозможен без формирования необходимых, нормативных стандартов общения. Вот почему преподавателям важно осуществлять социально-психологическое управление процессами общения во всех ситуациях учебной коммуникации [2].

Цель нашего нового образовательного проекта – корректировка программ некоторых дисциплин, изучаемых на первом курсе, с учётом их дополнения темами формирования и развития этических норм устного и письменного общения «студент – преподаватель». В дальнейшем, в профессиональной деятельности, эти нормы легко перейдут в ситуации «подчинённый – руководитель», «заказчик – исполнитель», «адресант – адресат деловой переписки» и т.д. В этом цель образования, то есть того, что, по словам Дж. Галифакса, «остаётся, когда мы уже забыли всё, чему нас учили».

При выведении модели целостной социокультурной компетентности студентов, необходимо помнить, что некоторые навыки развиваются только в процессе выполнения специальных практических заданий. Остановимся для примера только на двух темах.

1. Учебно-деловой разговор по мобильному телефону. Мобильная связь вошла в нашу жизнь столь стремительно, что общество пока не смогло выработать «мобильный этикет», тем более для конкретных сфер и ситуаций общения. В учебно-деловой сфере возникла необходимость создать определённый свод «мо-

бильных хороших манер», чтобы исключить некоторые негативные факторы, связанные с активным использованием студентами мобильных телефонов [3]. Логично было бы предположить, что этикет разговора по мобильному телефону использует нормы, разработанные для традиционных телефонных разговоров. Однако мы обязаны учитывать те цели и условия использования «мобильников», которые диктуют необходимость разработки дополнительных, а часто и новых правил. Необходимо на основании факторов целесообразности и гражданского этикета, принять свод правил практичного и в то же время этичного использования мобильной связи в учебное время. Однако, прививая эти правила, мы сталкиваемся с проблемами, требующими решения в конкретных ситуациях. Так, например: 1) правило 1 - во время занятий необходимо отключать мобильники (проблема: в современных телефонах на разных устройствах записаны и нужные для занятия сведения: вопросы, задания и т.д.; 2) правило 2 - звонить преподавателю на мобильный телефон можно только в определённое время (проблема: как обозначить этот временной промежуток (для всех) с учётом объективных и субъективных моментов?); 3) правило 3 - не звоните преподавателю, если он сам не дал Вам номер телефона и не разрешил им воспользоваться (проблема: если не работает электронная почта, как предупредить преподавателя о невозможности выслать вовремя текст задания?).

Разрабатывая лекционные и практические материалы по данной теме, мы учитываем необходимость анализа имеющихся теоретических материалов, обсуждения основных положений в группе, проведения деловых игр, обобщения предложений студентов и создания проекта фирменных стандартов мобильного этикета для данного вуза.

Е-mail-этикет в учебно-деловой коммуникации. Многочисленные Интернет-публикации повторяют (с небольшими уточнениями) основные правила электронной переписки. Практически все они связаны с ситуациями коммерческой, деловой, официальной переписки. Правила таковы: 1) чётко пишите тему; 2) представляйтесь; 3) обращайтесь на «вы»; 4) Соблюдайте правила грамматики и др. А вот примеры из писем студентов преподавателям: «От кого: zajchik@gmail (без указания фамилии); тема: (без темы); содержание: «*Вы просили написать о задании*». (Без обращения, без приветствия, без объяснения сути); подпись: (подписи нет)». Еще пример: «От кого: Буся-бабуся rudneva @ukr.net; тема: (без темы); содержание: «А я могу завтра, пожалуйста, не прийти?»; подпись: Маша». Список «шедевров» можно продолжить. Неумение обозначить тему письма, отсутствие корректного обращения (ошибки в написании имени или отчества), отсутствие этикетных фраз просьбы или вопроса, отсутствие стандартной заключительной фразы прощания, подписи, а иногда и просто отсутствие текста (просто прикреплено вложение, без объяснения). О стилистических оборотах – отдельный разговор. Выражения типа «касательно этого положения», «скинуть текст», «можно мы сделаем, пожалуйста, завтра» и т.д. даже не замечаются в общем потоке речи студентов.

Предлагаемые нами учебно-методические материалы предусматривают такую последовательность отработки навыков Е-mail-этикета: 1) преподаватель

предлагает всем студентам группы прислать ему (в оговоренное время) электронные письма на определённую тему, например, «просьба выслать текст для реферата»; 2) после проверки присланных писем преподаватель обобщает неточности и на занятии разбирает со студентами соответствующие правила; 3) студентам предлагается ещё раз написать письма с учётом всех необходимых формально-содержательных стандартов; 4) на практическом занятии студенты получают бланки с формулярами электронных писем, заполненными с ошибками. Отредактированные письма обсуждаются в группе. Многими учёными доказано, что комфортное социальное взаимодействие тесно связано с коммуникативно-речевой культурой личности, формирующейся в процессе накопления опыта человеческого общения. Это одна из характеристик коммуникативного потенциала, то есть характеристика возможностей человека, которые и определяют качество его общения, в том числе учебного, делового, профессионального.

В процессе развития устного и письменного коммуникативно-речевого потенциала студента необходимым звеном является формирование навыков учебно-делового этикета. Именно эту цель преследует создание нами проекта инвариантной программы по дисциплине «Профессиональная этика» для студентов первого курса вузов.

Библиографические ссылки

1. Межличностная коммуникация: теория и жизнь /О.И.Матяш [ред.]. Спб. : Речь, 2011. 560 с.
2. Барабанова Н.Р. Соціокомунікативний аспект професійної компетентності фахівця: аналіз, стратегії розвитку. Одеса: Фенікс, 2018. 316 с.
3. Русский язык и культура речи: ученик. СПб. : Златоуст, 2010. С.184 – 195.

УДК: 323.2 : 322

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНЕНИЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

С.И. Бойко*

ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»
Миусская площадь, 6, 125993, ГСП-3, Москва, Россия
bsi1952@yandex.ru

Аннотация. Представлен компаративный анализ коммуникаций и политики в сфере образования Беларуси и России в с учетом роста роли религии и религиозного мировоззрения. Показано, что в Беларуси идеология жизнедеятельности государства создает благоприятные условия для подготовки национально ориентированных специалистов. Религиозные институты оказывают существенное влияние на формирование отношений человека к национальному государственному управлению. При

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31297

этом творчески используются современные технологии коммуникаций и благожелательное отношение государства к участию представителей официально зарегистрированных религиозных организаций в процессах обучения и воспитания. Религиозные институты являются одним из главных факторов социализации, в коммуникациях с людьми апеллируют к культурным традициям, к духовной общности, уважению к ближнему, естественному стремлению человека к справедливости и благополучию. В России существует проблема формулирования объединяющей все социальные слои идеи социально-экономического развития государства и общества.

Ключевые слова: *религия; идеология; коммуникации; политика в образовании.*

RELIGIOUS ASPECTS OF COMMUNICATION IN THE POLITICS OF EDUCATION: A COMPARISON OF BELARUS AND RUSSIA

S. I. Boyko

Russian State University for the Humanities

Miuskaya sq., 6, 125993, GSP-3, Moscow, Russian Federation

Annotation. The comparative analysis of communications and policy in the sphere of education of Belarus and Russia in view of the growing role of religion and religious worldview is presented. It is shown that in Belarus the ideology of the state creates favorable conditions for the training of nationally oriented specialists. Religious institutions have a significant impact on the formation of human relations to national governance. At the same time, modern communication technologies and the benevolent attitude of the state to the participation of representatives of officially registered religious organizations in the processes of education and upbringing are creatively used. Religious institutions are one of the main factors of socialization, in communication with people they appeal to cultural traditions, to spiritual community, respect for the neighbor, the natural human desire for justice and well-being. In Russia there is a problem of formulation of the idea of social and economic development of the state and society uniting all social layers.

Keywords: *religion; ideology; communications; politics in education.*

Религия, религиозная философия как мировоззрение, в основе которого лежит вера в бога, остается значимой составляющей частью современной философской мысли. Во взаимоотношениях институтов государства с гражданским обществом, в частности, с религиозными институтами, как показала политическая практика XX века целесообразно не воинствующее противостояние, а благожелательное сотрудничество и социальные коммуникации, способные обеспечивать устойчивость государственного управления. Объективно цели демократического государства и религиозных институтов, действующих в легитимном политическом поле, совпадают – это благополучие и процветание граждан (соответственно, паствы или прихожан). На постсоветском пространстве, в частности, в Российской Федерации и Республике Беларусь постоянно возрастает роль религии в формировании самоидентификации граждан, и это невозможно не принимать во внимание в государственной политике в сфере образования. Известный белорусский мыслитель Е.М. Бабосов, отметив, что церковь по уровню доверия среди молодежи занимает одно из самых высоких мест (51,4% опрошенных) справедливо указывает: «Эти данные свидетельствуют, что на рубеже XX и XXI столетий церковь и ее ор-

ганизации становятся весьма существенным фактором социализации юношества» [1, с. 114-115]. Религия сохраняет и модифицирует осуществление регулятивных, коммуникативных, интегративных, воспитательных и компенсаторных функций в жизнедеятельности государства и общества. Государственная политика в сфере образования не может не учитывать роли религий, традиционных на территории государства, для достижения успехов в подготовке национально ориентированных профессиональных кадров высшей квалификации, способных гарантировать устойчивое социально-экономическое развитие. Религиозные организации, как и организации сферы образования, участвуют в воспитании, в политической ориентации граждан, в коммуникациях, в том числе политических, между структурами государства и общества. Так как коммуникации направлены на объединение людей в группы по определенным признакам (политическим, религиозным, культурным, научным и т.д.), то в отношении к государству как основному институту политической власти возникает вопрос идеологии. Причем идеологии государственной, как составляющей части идеологии политической. Идеология – одна из форм проявления и выражения сознания разных социальных групп, представляет собой идеи и взгляды, концепции, определяющие и оценивающие характер отношений как между людьми, так и к окружающему их миру, в том числе к институтам государства, когда и если речь идет об идеологии политической. Все политические идеологии из-за исторически возникавших условий и проблем их формирования обосновывают интересы определенных социальных групп. Политические идеологии показывают идеальный, мифологический образ будущего, некий политический проект, прогнозирование принципов и норм поведения, которые данная политическая идеология предлагает в качестве вероятной политической практики для процветания общества и государства.

После распада СССР в Российской Федерации возникло именно на идеологической почве (разные векторы государственного строительства) противостояние законодательной (представительной) и исполнительной (президент и правительство) ветвей государственной власти. Борьба закончилась конституционным кризисом и прекращением существования остатков советской модели государственного управления в октябре 1993 г. (разгон съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ). Была принята в декабре 1993 г. конституция России, в которой статьей 13 прямо запрещена государственная идеология. Ситуационно, в условиях начала трансформации политического режима и жесткого идеологического противоборства на постсоветском пространстве такая позиция отрицания устоев ушедшей государственной власти была объяснима. В то время, в начале трансформационных процессов в новом постсоветском государстве запрет на официальную идеологию считался естественным условием демократического развития. Была уничтожена система двухполярного политического мира и идеологического противоборства двух основных мировых политических систем, возглавляемых соответственно США и СССР. Публично утверждалось, что постепенно приходит справедливое сосуществование государств, закончилась холодная война, Россия успешно встраивается в общемировую систему равноправного политического, экономического, культурного и гуманитарного партнерства. Критическое мнение

отдельных политиков и политологов воспринималось в тех условиях как оппозиционное не по отношению к формам организации государственной власти, а к конкретному лицу – президенту России Б.Н. Ельцину, считалось постсоветским политическим синдромом, не имеющим перспективы.

Вместе с тем, достаточно быстро стало понятно, что отсутствует замысел, проект, цель существования России в новых политико-исторических обстоятельствах. Религия как система взглядов, базирующаяся на уверенности в существовании нематериального мира, на вере в Бога, помогает человеку находить и ответ на вопросы о будущем, о перспективах. На постсоветском пространстве роль религиозных воззрений объективно возросла во всех социальных сферах. Все законодательно разрешенные религии стали активно использовать современные коммуникации для влияния на население. Используются культурные традиции, духовная общность, уважение к ближнему, естественное стремление человека к справедливости и благополучию. Один из ведущих российских политологов М.Н. Грачев обосновал, что коммуникация – не просто процесс передачи информации речью, жестами, изображениями, символическими формами, зафиксированными на материальных носителях. Обосновал, что коммуникация – инструмент влияния на политические взгляды граждан, инструмент «формирования необходимых образов в сознании людей с использованием разного рода публичных церемоний, а позднее – и величественных архитектурных сооружений», на актуальность применения в политических коммуникациях тактики индокринации [2]. Данная регулятивная роль политических коммуникаций коррелирует с религиозными доктринами передачи информации об идеях и верованиях без включения критического восприятия получаемой человеком информации. Религиозные коммуникации в значительной степени детерминируют процессы в социуме, влияют на поведение людей и их жизнь в обществе, участвуют в постановке и разрешении проблем в сфере образования, среди молодежи. Противопоставление научного и религиозного мышления в процессах обучения представляется в современных условиях не совсем конструктивным. Возникает вопрос отделения церкви от государства, разделения их полномочий и взаимодействия по определенным легитимным правилам. Институциональные взаимодействия Русской православной церкви и государства в современной России исследовал российский политолог С.П. Донцев, сделавший вывод: «Для РПЦ взаимодействие с системой государственного образования является одним из ключевых каналов для трансляции определенного образа прошлого и собственного видения смысла и содержания общественно-политических феноменов и явлений (власть, государство, патриотизм и т.п.), которые интерпретируются на его основе» [3, с. 95].

В России проявились коммуникативные проблемы, связанные с самоидентификацией и идеологической ориентацией в воспитании будущих специалистов, в первую очередь кадров государственного управления. В отличие от системы образования в России, в Беларуси серьезную проблему амбивалентного отношения к национальному государству в целом удалось избежать. В Республике Беларусь сформулирована выраженная политическая составляющая в системе высшего образования, научная аргументация смысла жизнедеятельности постсоветской со-

временной Беларуси (идеология существования национального государства) с учетом взаимодействия власти, науки, образования и религии [4]. В конституции Беларуси сказано: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [5]. Между идеологией государства и идеологией политических партий существует принципиальная разница – благополучие социума или реализация идеи одной политической партии. Е.М. Бабосов абсолютно правомерно утверждает: «В стране такого масштаба и уровня развития, как Россия, где процессы переструктуризации общества и его переидентификации еще далеки от завершения, вызовы глобализации настоятельно требуют формирования и функционирования интегративной общенациональной идеологической системы» [6, с. 398]. Между тем, пока в России государство, в отличие от религиозных организаций, не сформулировала идеологию, способную объединить большинство граждан.

Элементами формирования устойчивых российских коммуникаций в образовании являются введение обучения по направлению «Теология», приглашение читать отдельные лекции, курсы и темы ученых-богословов, открытие негосударственных религиозных учебных заведений. В российском государственном управлении утвердилось мнение, что объединяющим фактором является патриотизм и политика памяти. Однако патриотом может быть и человек, оппозиционно и даже агрессивно настроенный к действующему национальному политическому режиму, патриотизм – составная часть любой политической идеологии.

В современных условиях реального сосуществования объективно различающихся, вследствие национальных культурных и исторических особенностей, но демократических политических режимов, в России с учетом этнических, федеративных, культурных реалий и опыта Республики Беларусь необходимо в социальных коммуникациях в сфере образования последовательно и взвешенно формировать эффективные структуры взаимодействия с официально зарегистрированными религиозными организациями. Религиозное мировоззрение является естественным компонентом гражданской самоидентификации в XXI веке.

Библиографические ссылки

1. Бабосов Е.М. Особенности религиозности белорусской молодежи на рубеже тысячелетий / Этнонациональное и религиозное самоопределение белорусов. // Е.М. Бабосов [науч. ред.]. Минск : ФУАинформ, 2002. 128 с.
2. Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение : монография. Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2011. 171 с.
3. Донцев С.П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // Политическая наука. 2018. № 3. С. 91-105.
4. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П.Г. Никитенко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т экономики. Минск : Беларус. навука, 2009. 621 с.
5. Конституция Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим досту-

па: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>. Дата доступа 13.06.2019

6. Бабосов Е.М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты. Минск : Амалфея, 2009. 488 с.

УДК 66.1(438)''17''

ПУБЛІЦЫСТЫКА Ё РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ПЕРЫЯД РОКАШУ 1606-1609 ГГ.: ДЫСКУРС-АНАЛІЗ

І.А. Бортнік

УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт»

вул. Блахіна 29, 211446, Наваполацк, Рэспубліка Беларусь

i.bortnik@pdu.by

Анотацыя. В данной статье проводится дискурс-анализ публицистических текстов, возникших в период рокоша 1606-1609 гг. в Речи Посполитой. Объектом исследования выступают текст противника рокоша П. Скарги «Otóż tobie rokosz» и ответ на него анонимного сторонника рокоша «Na pismo potwarzające ludzie cnotliwe pod tytułem «Otóż tobie rokosz», wydane na ohydę rycerstwa na rokoszu będącego, prawdziwa i krótka odpowiedź». В ходе исследования установлено, что данные тексты репрезентируют противоположные дискурсы. В обоих из них узловой точкой выступает концепт рокоша, являющийся переменным знаком, который принимает в одном случае негативное, в другом – позитивное значение. Противоположность дискурсов проистекает из использования различных артикуляционных практик, опирающихся на различные ценности, укорененные в политической культуре Речи Посполитой. В одном случае ими являются ценности общественного единства, общественной безопасности, государственного суверенитета, в другом – комплекс сословных шляхетских ценностей (Речь Посполитая как сообщество всей шляхты, права и вольности шляхты).

Ключевые слова: *дискурс-анализ; узловая точка; артикуляционные практики; рокош; общее благо; Речь Посполитая; права и вольности шляхты; тирания.*

PUBLICISM IN THE RZECZ POSPOLITA IN THE PERIOD OF ROKOSHA 1606-1609: DISCOURSE ANALYSIS

I.A. Bortnik

Polotsk State University

Blakhina str., 29, 211446, Navapolatsk, Republic of Belarus

Annotation. This article presents a discourse analysis of journalistic texts that arose during the period of rokosh 1606-1609 in the Rzecz Pospolita. The object of the research is the text of the opponent of the rokosh Peter Skarga «Otóż tobie rokosz» and the answer to it is an anonymous supporter of rokosh «Na pismo potwarzające ludzie cnotliwe pod tytułem «Otóż tobie rokosz», wydane na ohydę rycerstwa na rokoszu będącego, prawdziwa i krótka odpowiedź». The study found that these texts represent opposing discourses. In both of them, the nodal point is the concept of rokosh, which is a variable sign, which takes negative in one case, positive in another. The opposite of discourse stems from the use of

various articulation practices based on different values rooted in the political culture of Rzecz Pospolita. In one case, they are values of social unity, public security, state sovereignty, in the other - a complex of estate gentry values (Rzeczpospolita as a community of the nobility, the rights and liberties of the nobility).

Keywords: *discourse analysis; anchor point; articulation practices; rokosh; common good; republic; rights and liberties of the nobility; tyranny.*

У Еўропе ў перыяд ранняга Новага часу шырокае распаўсюджанне атрымала такая форма пісьмовай камунікацыі, як публіцыстычныя творы, прысвечаныя актуальным грамадска-палітычным пытанням (памфлеты, «лятучыя лісткі» і г.д.). У разглядаемых умовах яны да пэўнай ступені выконвалі функцыі сродкаў масавай камунікацыі. Дадзеныя творы ў найбольшай колькасці з'яўляліся падчас значных грамадска-палітычных падзей, звязаных з барацьбой розных сацыяльных сіл і групавак. Публіцыстычныя творы разглядаемага перыяду былі, як правіла, ананімнымі, распаўсюджваліся як у друкаванай, так і ў рукапіснай форме, былі разлічаныя на масавага чытача ў той ступені, у якой гэта дазвалялі магчымасці распаўсюджвання інфармацыі эпохі ранняга Новага часу. У дадзеным артыкуле аб'ектам даследавання выступаюць публіцыстычныя творы, якія з'явіліся ў інфармацыйна-палітычнай прасторы Рэчы Паспалітай падчас рокашу 1606-1609 гг. Рокаш прывёў да значнага абуджэння сацыяльна-палітычнай думкі ў Рэчы Паспалітай. За кароткі перыяд часу з'яўляецца вялікая колькасць твораў палітычнага зместу, пераважна ананімных прыхільнікаў і праціўнікаў рокашу. У гэтых творах выявіліся розныя тэарэтычныя і практычныя падыходы ў асяроддзі грамадскасці Рэчы Паспалітай у асэнсаванні актуальных праблем сацыяльнага жыцця.

Сярод мноства ўзгаданых публіцыстычных твораў для правядзення дадзенага даследавання выбраныя два палемічна супрацьпастаўленыя творы, якія паўсталі на раннім этапе рокашу: 1) *Otóż tobie rokosz* – твор антыракашовай скіраванасці. Паводле даследчыкаў, яго аўтарам з'яўляецца вядомы грамадска-палітычны і рэлігійны дзеяч канца XVI – пачатку XVII стст., каралеўскі прапагандыст-езуіт П. Скарга (твор напісаны, верагодна, у жніўні 1606 г. [1]; 2) *Na pismo potwarzające ludzie cnotliwe pod tytułem “Otóż tobie rokosz”, wydane na ohydę gycerstwa na rokoshu będącego, prawdziwa i krótka odpowiedź* – ананімны твор, які паўстаў у асяроддзі прыхільнікаў рокашу ў адказ на вышэйзгаданую працу аўтарства П. Скаргі прыблізна ў сярэдзіне верасня 1606 г. [2]. Абодва тэксты напісаныя на польскай мове, але ўключаюць у сябе шмат асобных выразаў і нават сказаў на лацінскай мове. Другі з пералічаных тэкстаў прыблізна ўдвая большы па свайму аб'ёму. Абодва тэксты надрукаваныя ў першым томе выдання *«Pisma polityczne z czasów rokoshu Zebrzydowskiego: 1606-1608»*.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца правядзенне дыскурс-аналіза ўзгаданых вышэй тэкстаў. У якасці метадалагічнай базы даследавання выступае тэорыя Э. Лакла і Ш. Муф [3]. Два творы, якія абраныя ў якасці аб'екта даследавання, рэпрэзентуюць два антаганістычныя дыскурсы. Зыходзячы са скіраванасці тэкстаў, вузлавым пунктам у іх выступае канцэпт рокашу. Разам з тым дадзены канцэпт з'яўляецца зменлівым знакам, паколькі абодва дыскурсы імкнуча

абгрунтаваць сваю інтэрпрэтацыю таго, што азначае рокаш, і адпаведным чынам ажыццяўляюць артыкуляцыйныя практыкі.

Дыскурс твору «Otóż tobie rokosz» інтэрпрэтуе рокаш як незаконны гвалтоўны бунт, скіраваны супраць Бога, грамадства і дзяржавы. Пабоднае значэнне рокашу раскрываецца праз наступныя артыкуляцыйныя практыкі: 1) рокаш – спроба рэалізацыі прыватных інтарэсаў кракаўскага ваяводы Мікалая Зэбджыдоўскага і іншых шляхціцаў, што супярэчыць агульным грамадскім інтарэсам [1, с. 35-36]; 2) рокаш – крыніца разбурэння грамадскага спакою і бяспекі [1, с. 36-37]; 3) рокаш – сродак замаху на правы і маёмасць каталіцкага касцёлу [1, с. 37]; 4) рокаш – магчымасць для «ератыкоў» (пад імі маюцца на ўвазе пратэстанты) з дапамогай «дрэнных католікаў» аслабіць пазіцыі каталіцкага касцёла [1, с. 37-38]; 5) рокаш – непасрэдны шлях да грамадзянскай вайны [1, с. 38]; 6) рокаш – сродак для грабязу прадстаўнікоў непрывілеяваных саслоўяў з боку ракашовай шляхты [1, с. 38]; 7) рокаш – крыніца распальвання розных чалавечых грахоў [1, с. 38-39]; 8) рокаш – прычына падзення абароназдольнасці дзяржавы [1, с. 39]; 10) рокаш – аснова для разбурэння дзяржавы як адзінага арганізма з адзінай уладай [1, с. 39].

Такім чынам, негатыўнае значэнне вузлавога пункту «рокаш» артыкулюецца з дапамогай пазітыўных значэнняў супрацьлеглых яму знакаў, такіх як «айчына», «агульнае дабро», «грамадскі спакой», «каралейская ўлада», «каталіцкі касцёл». Таксама артыкуляцыя адбываецца з дапамогай негатыўных значэнняў знакаў, звязаных з рокашам: «прыватны інтарэс», «неспакой у грамадстве», «ерась», «дрэнныя католікі», «грамадзянская вайна», «грахі». Як бачым, частка з гэтых знакаў мае дачыненне да грамадска-палітычнага, частка – да маральна-рэлігійнага дыскурсу.

У цэлым жа ў творы П. Скаргі можна заўважыць, што негатыўнае значэнне рокашу абапіраецца на каштоўнасцях забеспячэння пануючага становішча ў дзяржаве каталіцкага касцёлу і санкцыянаванага ёй сацыяльна-этычнага парадку, а таксама традыцыйных для палітычнага дыскурсу ранняга Новага часу каштоўнасцях, якія маюць вытокі яшчэ ў антычнай культуры, такіх як прыярытэт агульнага дабра над прыватным, неабходнасць забеспячэння грамадскай бяспекі, суверэннасць дзяржаўнай улады. У гэтым кантэксце асобна трэба звярнуць увагу на негатыўную артыкуляцыю канцэпту “тыранія” ў сувязі з тым, што афіцыйным лозунгам рокашу было прадухіленне ўстанаўлення ў Рэчы Паспалітай тыранічнага праўлення. Аднак, ізноў жа ў палітычным дыскурсе разглядаемай эпохі моцна ўкаранілася негатыўная інтэрпрэтацыя тыраніі як формы праўлення, заснаванай на свавольным праўленні правіцеля, які кіруецца выключна ўласнымі эгаістычнымі памкненнямі і не дбае пра грамадскі дабрабыт. П. Скарга абвінавачвае прыхільнікаў рокашу і асабліва М. Зэбджыдоўскага ў тым, што шляхам распальвання варожасці сярод шляхты яны садзейнічаюць устанаўленню тыраніі (у якасці аналогіі разглядаецца антычная гісторыя пра братаў Гракхаў) [1, с. 37].

У адказе з боку прыхільнікаў рокашу «Na pismo potwarzające (...)» канцэпт «рокаш» таксама выступае ў якасці вузлавога пункту. Аднак, тут ён мае цалкам

пазітыўнае значэнне, інтэрпрэтуецца як законны з'езд усёй шляхты Рэчы Паспалітай, на якім павінна адбыцца абмеркаванне найважнейшых дзяржаўна-палітычных пытанняў. Гэтае значэнне раскрываецца праз наступныя артыкуляцыйныя практыкі: 1) рокаш – сродак умацавання Рэчы Паспалітай [2, с. 42]; 2) рокаш – вынік рэалізацыі грамадскай волі, адлюстраванай у волі шматлікіх сенатараў і прадстаўнікоў шляхты [2, с. 43]; 3) - рокаш – сродак абароны шляхецкіх правоў і вольнасцяў [2, с. 44-45]; 4) рокаш – сродак барацьбы супраць злоўжыванняў з боку улады і прадухілення перспектывы ўстанаўлення абсалютнага праўлення (*absolutum dominium*) [2, с. 44-45]; 5) рокаш – сродак ліквідацыі “дрэнных радаў” караля, пад якімі маюцца на ўвазе найперш езуіты [2, с. 46]; 6) рокаш – сродак прававога забеспячэння рэгламентацыі маёмасных адносін паміж шляхтай і каталіцкім духавенствам [2, с. 46-47].

Вельмі вялікае месца ў тэксе нададзена крытыцы дзейнасці езуітаў у Рэчы Паспалітай, з чаго вынікае неабходнасць іх выгнання з дзяржавы [2, с. 47-51]. Па ўсім тэксе ідуць жорсткія інвектывы ў бок аўтара «*Otóż tobie rokosz*». Пры гэтым аўтар «*Na pismo potwarzające (...)*» не выступае як праціўнік каталіцкага касцёлу; ён супрацьпастаўляе «старых добрых» католікаў і «новых» католікаў, пад якімі маюцца на ўвазе езуіты. У папрок езуітам ставіцца тое, што яны кіруюцца не ідэаламі пашырэння і ўмацавання рэлігійнай веры, а карыслівымі інтарэсамі (захопліваюць шляхецкую маёмасць, маёмасць іншых касцельных арганізацый), а таксама інтарэсамі замежных дзяржаў, найперш Габсбургскай Іспаніі, якія імкнуцца паўсюдна насадзіць *absolutum dominium* [2, с. 47-50].

Такім чынам, пазітыўнае значэнне вузлавога пункту «рокаш» артыкулюецца з дапамогай пазітыўных значэнняў такіх знакаў, як «Рэч Паспалітая», «шляхецкі стан», «правы і вольнасці шляхты», «згода», «папраўленне правоў». Негатыўнае значэнне маюць такія знакі, як «тыранія» («*absolutum dominium*»), «небяспека вольнасцяў», «дрэнныя практыкі», «дрэнныя рады».

Як відаць, у працы «*Na pismo potwarzające (...)*» ключавыя знакі з пазітыўным значэннем, выкарыстаныя ў творы «*Otóż tobie rokosz*», не аспрэчваюцца, аднак артыкулююцца іншыя знакі, якія адсутнічаюць або амаль не прысутнічаюць у вышэйзгаданай працы П. Скаргі. Пазітыўнае значэнне рокашу абапіраецца перадусім на комплексе агульнапрынятых шляхецкіх каштоўнасцяў Рэчы Паспалітай, такіх як «вольнасць», «роўнасць», «братэрства», «згода». Паняцце вольнасці, як правіла, выступае ў выглядзе формулы «правы і вольнасці» або «правы, свабоды і вольнасці». Такім чынам, вольнасць атаясамлівалася з саслоўнымі правамі і прывілеямі шляхты. Польскі даследчык шляхецкай палітычнай культуры Э. Апаліньскі вылучае тры асноўныя віды шляхецкіх вольнасцяў: свабода слова, веравызнання і выплаты падаткаў [4, с. 80]. Характэрна, што калі П. Скарга выступае ў абарону прадстаўнікоў непрывілеяваных саслоўяў (мяшчан і сялян), якія церпяць ад пабораў падчас арганізацыі шляхецкіх з'ездаў, то аўтар «*Na pismo potwarzające (...)*» падкрэслівае выключнасць шляхецкага саслоўя. Ён спасылкаецца на Арыстоцеля, у творах якога знаходзіць узгадку пра тое, што сапраўдная дружба можа быць толькі паміж роўнымі, а не паміж панам і няволь-

нікам [3, с. 45]. Акрамя таго ў негатыўным сэнсе адзначаецца нешляхецкае паходжанне аўтара «Otóż tobie rokosz» [3, с. 41-42].

Асаблівую ролю мае неаднаразовая артыкуляцыя такога знака, як «Рэч Паспалітая». У шляхецкай палітычнай культуры Рэч Паспалітая разглядалася як дзяржава, як сукупнасць соймавых станаў (кароль, Сенат і Пасольская ізба) і як супольнасць усёй шляхты [4, с. 27-30]. Аўтар «Na pismo potwarzające (...)» адзначае шматлікія аргументы на карысць таго, што ў Рэчы Паспалітай пачатку XVII ст. мела месца парушэнне шляхецкіх правоў і вольнасцяў і, як вынік, інтэнцыя да *absolutum dominium*: парушэнне каралеўскай уладай фундаментальных правоў «пакта канвента», ігнараванне шляхецкіх патрабаванняў і петыцый на соймах, увядзенне падаткаў і прымяненне каралеўскіх універсалаў без згоды шляхты [3, с. 44]. Гэтыя аргументы мелі мэтай легітымізацыю рокашу. Таксама ў разглядаемым творы значнае месца прысвечана артыкуляцыі такіх знакаў як «агульнае дабро» і «прыватны інтарэс», якія, як ужо адзначалася, выступаюць важнымі момантамі ў дыскурсе, прадстаўленым у «Otóż tobie rokosz». Аўтар «Na pismo potwarzające (...)» шмат увагі надзяляе адмаўленню тэзісу П. Скаргі, згодна з якім рокаш стаў вынікам прыватных крыўдаў кракаўскага ваяводы М. Зэдзжыбоўскага. У супрацьвагу гэтаму паслядоўна сцвярджаецца, што рокаш абапіраецца на агульную волю шляхты ў абарону сваіх правоў і вольнасцяў [2, с. 41-43].

Падсумоўваючы, можна адзначыць, што супрацьлегласць дыскурсаў у прадстаўленых тэкстах абумоўлена тым, што пазітыўнае або негатыўнае значэнне ключавых пунктаў абапіраецца на прынцыпова розныя артыкуляцыйныя практыкі. Можна заўважыць, што, акрамя ключавога пункту («рокаш»), іншыя знакі, што артыкулююцца ў дыскурсах, не з'яўляюцца пераменнымі і не выклікаюць барацьбы. Адрозненне палягае ў тым, што ў кожным дыскурсе спецыяльна акцэнтуюцца адныя і ігнаруюцца іншыя знакі, дапасаваныя да каштоўнасцяў палітычнай культуры Рэчы Паспалітай разглядаемага перыяду. Антырокашавы тэкст П. Скаргі найперш артыкулюе знакі, звязаныя з каштоўнасцямі грамадскага адзінства, грамадскай бяспекі, суверэннасці дзяржаўнай улады, а таксама з каталіцкімі рэлігійна-маральнымі каштоўнасцямі. Тэкст у падтрымку рокашу «Na pismo potwarzające (...)» найперш артыкулюе знакі, звязаныя з комплексам шляхецкіх саслоўных каштоўнасцяў (Рэч Паспалітая як супольнасць усёй шляхты, правы і вольнасці шляхты і неабходнасць іх абароны).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Otóż tobie rokosz // Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego: 1606-1608: 3 t. Kraków: Akademia Umiejętności, 1918. T. 3: Proza. S. 35-40.
2. Na pismo potwarzające ludzie cnotliwe pod tytułem “Otóż tobie rokosz”, wydane na ohydę rycerstwa na rokoszu będącego, prawdziwa i krótka odpowiedź // Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego: 1606-1608: 3 t. Kraków: Akademia Umiejętności, 1918. T. 3: Proza. S. 40-51.
3. Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
4. Opaliński, E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587-1652. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. 347 s.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В. Н. Ватыль

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
ул. Доватора 3/1, 230012, Гродно, Республика Беларусь
v.vatyl@grsu.by, vatylvn@gmail.com

Аннотация. В статье посредством структурно-функционального подхода анализируется проблема идентичности в рамках современной цифровой коммуникации с позиции опыта политико-философского моделирования. Преломление актуального воздействия цифровизации на политическое поле производится через праксиологические и аксиологические грани данного феномена: его место и роль в политическом процессе, в изменениях в сфере политических смыслов и ценностей. Акцентируется внимание на трансформационном влиянии цифровизации на коммуникативные механизмы в политике, изменение значимости традиционных форм прямой и обратной связи. Выделяются и описываются категории горизонтальной коммуникации, сетевых сообществ, «виртуальной массы». Раскрываются потенциальные угрозы подрыва стабильности существующих национальных политических режимов через виртуальную перекодировку ценностно-смысловых пространств суверенных государств. Статью подытоживает вывод о необходимости соразмерности натуральных возможностей и способностей человека к применяемым цифровым технологиям.

Ключевые слова: *цифровизация; идентичность; информационное общество; интернет-технологии.*

IDENTITY IN DIGITAL COMMUNICATION: EXPERIENCE OF POLITICAL AND PHILOSOPHICAL MODELING

V.N. Vatyl

Yanka Kupala State University of Grodno
Dovator str., 3/1, 230012, Grodno, Republic of Belarus

Annotation. The article analyzes the problem of identity in the framework of modern digital communication from the perspective of political and philosophical modeling experience by means of a structural-functional approach. The refraction of the actual impact of digitalization on the political field is made through the praxiological and axiological aspects of this phenomenon: its place and role in the political process, in changes in the sphere of political meanings and values. Attention is focused on the transformational influence of digitalization on communication mechanisms in politics, changing the significance of traditional forms of direct and feedback. The categories of horizontal communication, network communities, “virtual mass” are identified and described. Potential threats to undermine the stability of existing national political regimes through the virtual recoding of value-meaning spaces of sovereign states are revealed. The article sums up the conclusion about the necessity of proportionality of natural abilities and abilities of a person to the applied digital technologies.

Keywords: *digitalization; identity; Information society; Internet technologies.*

Словооборот «цифровая коммуникация» означает не только объект для конференциального выступления, но, прежде всего, современный коммуникационный тренд, в котором цифровые технологии являются определяющими во взаимоотношениях властного социума и человека политического. Предметом доклада становится анализ «текущей» идентичности в цифровом политическом процессе, целью – определение места и роли политико-философских характеристик в пространстве «цифры» и политики. Политико-философское моделирование представляет собой дискурс системного рассмотрения информационно-коммуникативных аспектов мира современной политики, начиная с её онтологии и завершая футурологией. В «пределе» внимания оказываются две грани: праксиологическая и аксиологическая. Первая связана с пониманием функционала интернет-технологий в современном политическом процессе, вторая – тех изменений в сфере политических смыслов и ценностей, в конечном счете, политических идентичностях, обусловленных коммуникационным воздействием обозначенных технологий.

Интернет-технологии играют все возрастающую роль в обеспечении политических коммуникаций и оказывают заметное влияние на процессы широкомасштабного управления сознанием масс, позволяя акторам коммуникационного взаимодействия эффективно конструировать восприятие обществом политической реальности с последующим формированием новых моделей поведения и действий. Интернет на сегодня воплощает политическое коммуникационное пространство, кардинально отличное от традиционного. В последнем использование привычных техник и технологий массовой коммуникации значительно менее эффективно в отношении возможностей современного политического контроля и управления в реалиях инфосоциума. Актуальное политическое управление реализуется, в первую очередь, посредством применения коммуникационного инструментария, обеспечивающего трансляцию и формирование смысловых категорий и ценностных ориентиров в сознание масс. Такие коммуникационные инструменты обладают выраженной спецификой, отличной от классических коммуникационных инструментов. Данная специфика обусловлена экстерриальностью, высоким уровнем доверия к горизонтальным коммуникациям, мультимедийностью, наличием возможностей широкомасштабного использования симулякров, падением значения непосредственно контента сообщений, возрастанием значимости пользовательских оценок данного контента.

В рамках интернет-пространства генерируются новые методы и формы влияния на общественное сознание. Создаются горизонтальные коммуникации, основанные на моделях вовлечения сетевых субъектов в коммуникационное распределенное взаимодействие с последующим формированием выступающих в роли новых общественных институтов сетевых сообществ. Параллельно понятие массы в пространстве Интернета применительно к особенностям и возможностям коммуникативного воздействия на нее в рамках политического управления обретает новое значение за счет структурирования сетевых сообществ в вариативных форматах: «один ко многим», «многие ко многим», «многие к одному», появления эффекта «умной толпы», связанного с использованием высокотехнологичных multifunctional гаджетов. Также это связано с возникновением феномена

«виртуальной массы», выделяющегося наличием в сетевых сообществах большого числа виртуальных лидеров общественного мнения. Развитие посредством интернет-технологий массовой политической коммуникации непосредственно влияет на формирование новых моделей социального устройства. Вызываются социально-политические эффекты, ранее не существовавшие в традиционном публичном политическом пространстве, непосредственно связанные с мобилизационными возможностями социальных медиа в отношении представителей гражданского общества. Значительная роль отводится интерактивным взаимодействиям общества, возрастание структурированного давления на властные институты со стороны сетевых сообществ. Происходит десакрализация власти, радикализация настроений интернет-пользователей. Также осуществляется перенос на сетевые сообщества части функций традиционных социально-политических институтов.

Интернет-пространство имеет особенность: значительно больший манипуляционный и пропагандистский потенциал в сравнении с традиционным пространством политических коммуникаций. Технологии и интернет-ресурсы преобразуются из чистого и независимого инструментария демократизации современного общества в инструментарий формирования искаженной политической виртуальной реальности в глобальных масштабах. Манипуляционный потенциал интернет-ресурсов, наделенных интерактивностью и мультимедийностью, экстерриториальностью, дополнительно обуславливает необходимость актуализации и переоценки в процессе развития современного общества значения Интернета. Существующие в цифровом пространстве в настоящее время технологии медийной работы активно используются для разрушения традиционных символических и культурных пространств. Происходит создание и внедрение в массовое сознание новых общественно-политических символов и ценностей, а также формирование политических мифов и стереотипов, непосредственным образом влияющих на устойчивость политических режимов.

На сегодняшний день значительное место в информационно-коммуникационном воздействии в интернет-пространстве играют киберсимулякры – виртуальные псевдоличности, действующие в сетевом пространстве. Симулируя репрезентацию реальных интернет-пользователей, ими обеспечивается трансляция пропагандистского контента для осуществления манипуляционного воздействия на массовое сознание. Это обуславливает виртуализацию интернет-пространства и приводит к ощутимым деформациям в отображении политической реальности. Нынешние технологически развитые государства имеют более широкий инструментарий коммуникативных интернет-технологий политического управления. Они обеспечивают возможности реализации механизмов пропаганды и манипуляционного потенциала онлайн-пространства. Сюда же относится осуществление транстерриториального управления национальными секторами виртуального пространства других государств. Так актуализируется проблема информационной государственной безопасности и политической стабильности на принципиально новом уровне социально-политического развития большинства современных держав. Становится понятным, почему технологии интернет-коммуникации активно применяются в последние годы в ходе подготовки и про-

ведения «цветных революций», в значительной степени представляющих политические перевороты. Они осуществляются, в том числе, внешними субъектами, с активным применением интернет-ресурсов, каналов интернет-коммуникаций, подконтрольных интересам внешних акторов. Возникает виртуальная перекодировка ценностных и смысловых сегментов суверенных национальных государств, дестабилизация существующих политических режимов. За этим следует внедрение в массовое сознание протестных моделей поведения, мобилизация широких масс населения для участия в оппозиционных акциях, которые направлены на свержение существующих легальных институтов власти.

Стремительный темп и масштабность развития интернет-технологий, а также неудержимый рост уровня их включенности в социальные процессы порождает вопрос: до каких пределов политическая идентичность может быть трансформирована посредством технологий? Информационное пространство расширило до предела спектр комфорта, предоставляемого индивиду. Получая множество жизненных «бонусов», технологически обеспеченный человек значительно теряет свою «самость», приватность. Технологии превращаются в механизм тотального надзора и контроля. Границы идентичности размываются и взламываются. Угрозы деформации человеческой жизни обусловились незаметными, обыденными технологиями контроля и воздействия. Нарушение границ личности - не всегда итог деятельности государств. Скорее это - следствие непонимания специфики и возможностей информационных технологий, их роли в формировании форм и методов манипулирования человеком. Наблюдается феномен, имеющий важное значение для наблюдения динамики и структуры идентичности: взаимопроникновение двух контрольных систем. С одной стороны - технологии дают государству, обществу и человеку, новые формы изучения и контроля над миром. С другой - человек сам становится контролируемым посредством новых коммуникативных технологий и цифровых технических средств.

УДК 614.25:005.336.5

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВРАЧЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.В. Гапанович-Кайдалов

УО «Гомельский государственный медицинский университет»

ул. Ланге 5, 24600, Гомель, Республика Беларусь

nickolaygap@yandex.ru

Аннотация. Проблема профессиональной коммуникации врачей в информационном обществе рассматривается с точки зрения понимания медицинскими работниками необходимости владения специальными коммуникативными навыками. В ходе анализа факторов профессиональной коммуникации врачей сравнивались ответы групп респондентов, выделенных по половому признаку и врачебной специаль-

ности. Результаты исследования позволили оценить значимость таких факторов эффективности профессиональной коммуникации, как наличие коммуникативных навыков у врачей, пациентов и руководителей, а также особенностей организации труда медицинских работников. Проведённое исследование позволило сделать выводы о возможных путях повышения эффективности профессиональной коммуникации медицинских работников в условиях информационного общества.

Ключевые слова: информация; информационное общество; профессиональная деятельность врача; профессиональная коммуникация; коммуникативные навыки.

FACTORS OF DOCTORS' PROFESSIONAL COMMUNICATION IN THE INFORMATION SOCIETY

N.V. Gapanovich-Kaidalov

Gomel State Medical University

Lange str., 5, 246000, Gomel, Republic of Belarus

Annotation. The problem of professional communication of doctors in the information society is considered by looking at their understanding special communication skills necessity. The research results allow assessing the significance of the next factors of professional communication: the presence of communication skills among doctors, patients and managers, and the effectiveness of health care management. The answers of the different groups (men and women, different medical specialty doctors) were compared during the analyzing medical workers professional communication. The study made it possible to make conclusions about the possibilities for medical workers professional communication effectiveness improving in the information society.

Keywords: *information; information society; doctor's professional activity; professional communication; communication skills.*

Новый (информационный) этап общественного прогресса даёт принципиально новый по своим характеристикам фактор производства – информацию. Распространение и потребление информации не приводит к истощению этого ресурса и, как правило, не требует значительного роста затрат. Термин «информационное общество» был предложен в начале 60-х годов Ф. Машлупом и Т. Умесао и позднее оформлен в виде концепции информационного общества М. Порат, И. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц и др. Значительные технологические достижения в области информационных технологий в 70-е и 80-е годы способствовали дальнейшему распространению и развитию новой терминологии. Позднее исследователи переориентировались с обсуждения роли и значения самой информации на рассмотрение знаний, в результате в научный оборот были введены такие понятия, как «knowledge society», «knowledgeable society» и т.п. [1].

А.Д. Еляков выделяет следующие признаки информационного общества: включенность любого региона в глобальную информационную сеть; возможность получить бесплатно любую информацию по личному или общественно значимому вопросу; функционирование информационных технологий, позволяющих создавать, поддерживать и развивать гигантский комплекс информационных ресурсов, обеспечивающих развитие общества; формирование высокой информацион-

ной культуры; интенсивное накопление и концентрация теоретического знания; формирование новой интеллектуальной технологии, позволяющей осуществлять математическое моделирование, применять системный анализ, осуществлять управление в экономической и социальной сферах; генерация новой социальной группы – производителей знания и превращение ее в научно-техническую элиту; обучение на протяжении всей жизни, новые формы обучения посредством новых обучающих технологий с использованием электронных средств коммуникации и Интернета [2].

Для информационного общества характерны: увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества; возрастание числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте; нарастающая информатизация общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сети интернет, а также традиционных и электронных СМИ; создание глобального информационного пространства. Стратегической целью развития информационного общества в Республике Беларусь является обеспечение устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития страны, улучшение качества жизни граждан, создание широких возможностей для удовлетворения потребностей и свободного развития личности на основе широкомасштабного внедрения ИКТ.

Стремительное развитие информационной составляющей общества усиливает влияние на формирование личности, меняет характер деятельности человека. Это связано, прежде всего, с изменением роли и значимости информации в жизни человека. Распространяющиеся информационно-коммуникационные технологии открывают перспективы для интенсификации и расширения культурной коммуникации, взаимодействия, реализации сущностных сил человека. Но вместе с тем, порождает опасность манипулирования индивидуальным, групповым и массовым сознанием, трансформации социально-психологического климата, информационной зависимости и др.

Особое значение в информационном обществе приобретает процесс коммуникации. Во-первых, используются новые, цифровые носители информации и современные технологии передачи данных. Во-вторых, изменяется содержание и функции передаваемых сообщений. Если в классическом понимании коммуникация призвана обеспечивать связь между людьми, накопление и передачу социального опыта, трансляцию культуры и др., то коммуникация в информационном обществе становится всё более обезличенной, анонимной и формальной. Доступ к большим объёмам информации и возможности информационно-коммуникационных технологий способствуют существенному росту контактов между людьми, но трансформируют коммуникационный процесс.

Эффективность профессиональной деятельности для целого ряда профессий определяется качеством коммуникации. Прежде всего, это относится к так называемым «помогающим» профессиям – медицинские работники, психологи, педагоги и др. Сегодня врач должен быть готов эффективному терапевтическому взаимодействию в процессе регулярных межличностных контактов с пациентами

и их родственниками. Необходимость формирования навыков профессиональной коммуникации врача обусловлена особенностями самой врачебной деятельности: реализация в медицине социо-психосоматического подхода к болезни, предполагающего умение врача строить доверительное общение с пациентом, способствовать установлению и поддержанию психологического контакта; построение терапевтического альянса «врач–пациент», формирование субъектной позиции пациента в лечебном процессе; взаимодействие с акцентуированными пациентами (тревожными, ипохондрическими, агрессивными и др.), на психику которых оказывает влияние то или иное заболевание, меняющее отношение к жизни, работе, близким людям и самому себе (Б.Д. Карвасарский, Н.Д. Лакосина, В.П. Петленко).

Следовательно, врач должен уметь выбрать тактику общения, максимально адекватную личностным характеристикам больного человека, его поведение должно точно совпадать с психологическими особенностями каждого нового пациента [3]. К числу профессионально значимых качеств врача относят: коммуникабельность, контактность, обаяние, эмпатийность, сдержанность, уравновешенность, доброжелательность, приветливость, уважительность, внимательность, наблюдательность, порядочность, искренность, сдержанность, терпение, последовательность, гибкость [4].

Целью нашего исследования было выявить основные факторы, определяющие по мнению врачей эффективность профессиональной коммуникации. *Материалы и методы.* Выборку исследования составили слушатели курсов повышения квалификации учреждения образования «Гомельский государственный медицинский университет» (n=72). Для сбора эмпирических данных нами была разработана специальная анкета, отвечая на вопросы которой слушатели должны были оценить особенности профессиональной коммуникации врача на основе опыта своей профессиональной деятельности. Для анализа результатов исследования применялись статистические методы группировки и ранжирования эмпирических данных. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе мы оценивали, как часто медицинские работники наблюдают неэффективную профессиональную коммуникацию в своей деятельности и в какой мере они ощущают необходимость владеть специальными коммуникативными навыками. Кроме того, мы сравнивали ответы групп респондентов-врачей, выделенных по следующим признакам: пол, специальность и стаж работы. На втором этапе мы изучали, какие факторы, по мнению врачей, прежде всего, определяют эффективность профессиональной коммуникации. Респонденты должны были оценить по 10-бальной системе, в какой мере влияют на эффективность коммуникации медицинских работников такие факторы, как отсутствие навыков коммуникации у руководителей медицинских учреждений, врачей или пациентов, а также неблагоприятные условия труда.

Результаты. В результате исследования мы установили, что значительная часть опрошенных (87,5%) убеждены в необходимости для врача иметь специальные навыки профессиональной коммуникации. При сравнении средних оценок по 10-ти бальной шкале различных групп респондентов с помощью U-критерия Манна-Уитни было установлено, что мужчины-врачи (9,2; n=23) статистически значимо выше, чем женщины (8,6; n=49) оценивают необходимость врачу иметь

специальные коммуникативные навыки ($U=417,5$; $p<0,05$). Кроме того, нам было важно узнать, насколько участники опроса удовлетворены качеством профессиональной коммуникации в здравоохранении. Примерно треть респондентов (31,9%) ответили, в своей практике они часто наблюдают неэффективную коммуникацию, отсутствие взаимопонимания, конфликты между врачами и пациентами, а также между коллегами (среднее значение для всех респондентов составило 6,4). На втором этапе мы стремились выяснить, в какой мере на эффективность профессиональной медицинской коммуникации оказывают влияние неблагоприятные условия труда врача и отсутствие коммуникативных навыков у врачей, пациентов и руководителей. Ответы респондентов на вопрос «В какой мере влияют на эффективность коммуникации следующие факторы:...» распределились таким образом: отсутствие навыков коммуникации у пациента (среднее – 7,9; 66,7% оценок 8-10); отсутствие навыков коммуникации у врача (среднее – 7,6; 61,1% оценок 8-10); отсутствие навыков коммуникации у руководителей (среднее – 7,5; 61,1% оценок 8-10); неблагоприятные условия труда (среднее – 7,9; 63,9% оценок 8-10).

Сравнительный анализ ответов мужчин и женщин, показывает, что врачи-мужчины считают влияние выделенных факторов на качество профессиональной коммуникации более существенным. Они статистически значимо выше оценивают влияние на эффективность коммуникации именно коммуникативных навыков врача ($U=339,5$; $p<0,01$). Сравнительный анализ ответов врачей с различным стажем работы, показывает, что молодые врачи со стажем работы до 10 лет считают влияние выделенных факторов на качество профессиональной коммуникации более существенным. Статистически достоверные различия выявлены по фактору «неблагоприятные условия труда» ($U=363$; $p<0,01$). Сравнительный анализ ответов врачей различных специальностей показывает, что врачи-терапевты наибольшее значение придают фактору «отсутствие навыков коммуникации у пациента». Однако статистически значимых различий не выявлено.

Заключение. Таким образом, можно говорить об актуальности проблемы профессиональной коммуникации врача и наличия у него специальных навыков в современных условиях информационного общества. Причем, в большинстве случаев врачи говорят о проблеме, связанной с получением пациентами недостоверной медицинской информации в сети Интернет. При этом врачи-мужчины в большей степени связывают проявление неэффективной профессиональной коммуникации с условиями труда и отсутствием коммуникативных навыков у всех участников взаимодействия. Также более чувствительны к факторам, определяющим профессиональную коммуникацию молодые врачи со стажем до 10 лет, что, возможно, объясняется недостатком профессионального опыта. Врачи-терапевты, которые по роду своей деятельности чаще взаимодействуют с пациентами, прежде всего, озабочены отсутствием коммуникативных навыков у пациента. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости совершенствования программ подготовки специалистов и программ повышения квалификации путем включения в них специальных практикоориентированных курсов развития навыков профессиональной коммуникации с учетом специфики коммуникационного процесса в информационном обществе.

Библиографические ссылки

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. С. 10–13.
2. Еляков А.Д. Информационный тип социального неравенства // СОЦИС. 2003. № 10. С. 95–101.
3. Петрова Е.О., Ильмина Н.Ф. Критерии готовности студентов медицинского вуза к профессионально ориентированному иноязычному общению // Стандарты и мониторинг в образовании. 2016. № 3. С. 20–24.
4. Ледванова, Т.Ю., Коломейчук А.В. Формирование коммуникативной компетентности врача // Актуальные вопросы психотерапии и клинической психологии. Педагогика и образование. Режим доступа: <https://medconfer.com/node/5186>. Дата доступа: 11.06.19

УДК 316.4+334

ГЛОБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАНИЯ

Ю. Ю. Гафарова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
gafarova@tut.by

Аннотация. Необходимо констатировать внутреннюю противоречивость механизма распределения знания в процессе глобальной коммуникации, определенную одновременностью становления двух феноменов: современной установки на изначальную доступность знания каждому разумному субъекту и «монологической» современной модели научного знания. При этом на локальном уровне эпистемические структуры общества модерна формируют не только различия в распределении благ, но и неравенство в разделении когнитивного труда между познающими субъектами. Проблема неравенства в распределении знания имеет и глобальное измерение, поскольку процесс модернизации приводит к становлению специфической эпистемической структуры мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: *глобальная коммуникация; неравенство; распределённое (дистрибутивное) знание; эпистемические структуры; сетевое общество.*

GLOBAL COMMUNICATION: INEQUALITY IN KNOWLEDGE DISTRIBUTION

J.J. Gafarova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. It's necessary to state the internal inconsistency of the mechanism of distribution of knowledge in the process of global communication. This inconsistency was determined by the simultaneous formation of two phenomena: the modern prescription of

the primordial availability of knowledge to every rational subject and the «monologue» modern model of scientific knowledge. At the same time, at the local level, the epistemic structures of modern society form not only differences in the distribution of benefits, but also inequalities in the division of cognitive labor between knowing subjects. The problem of inequality in the distribution of knowledge has a global dimension, since the process of modernization leads to the formation of a specific epistemic structure of the world community as a whole.

Keywords: global communication; inequality; distributive knowledge; epistemic structures; network society.

Рассматривая глобальную коммуникацию как процесс нарастания трансфера ресурсов, знаний и идей в ситуации размывания центра и периферии, необходимо отметить, что современный мир представляет собой систему многомерных экономических и политических взаимозависимостей и взаимодействий. При этом следует принимать во внимание тот момент, что современные локусы не являются равноправными участниками процессов глобализации и медиатизации, находясь в очевидной ситуации экономической и культурной асимметрии.

Характеризуя *распределённое знание* (*distributive knowledge*) не как набор сведений, а как делящуюся активность по обмену знаниями, которыми обладает группа агентов и которые могут применяться при решении актуальных для них проблем, мы констатируем внутреннюю противоречивость механизма распределения знания в современных модернизированных социумах. Данная противоречивость определена одновременностью становления двух феноменов: современной установки на изначальную доступность знания каждому разумному субъекту и «монологической» современной модели научного знания.

Распределённое знание формируется путём пересечения информационных состояний и является совокупным (кумулятивным) знанием сообщества. Если первый агент обладает, к примеру, знанием об объекте, а второй – о последствиях динамики объекта, то их информационные состояния, взятые вместе, являются логическим следствием объединения информации, которой обладают оба агента. Таким образом, новая информация присутствует в системе в «распределённой» форме (то есть как информация, распределённая по различным информационным состояниям), и для её получения необходимы усилия по коммуникации. Исторические условия такой коммуникации различны.

В отличие от архаических и традиционных форм дистрибуции, изначально нацеленных на установление иерархии путём деятельности по обмену знаниями, модерн, согласно Юргену Хабермасу, ориентирован на формирование структуры субъективности, основанной на допущении своеобразия каждого индивида, признании за ним права на критику и права на автономию действия [1]. Картезианство, а вслед за ним и философия Просвещения, предполагают, что знание изначально доступно каждому разумному «совершеннолетнему» субъекту и является «не столько всеобщим, сколько распределённым, дистрибутивным». Субъект имеет возможность стать агентом знания, приумножать его и претендовать на «статус знающего» [2]. При этом на локальном уровне эпистемические структуры общества модерна формируют не только различия в распределении благ, но и

неравенство в разделении когнитивного труда между познающими субъектами. Веберовское «расколдовывание», рационализация общества, ведет к тому, что Хабермас называет «нарушением фонового консенсуса». Познающий субъект эксплицируется из нормативного контекста, что высвобождает потенциал рациональности и требует решения задачи самостоятельного применения норм. Чем более автономными от норм становятся акты интерпретации информации, тем более разветвленной становится институциональная система, что отражается Хабермасом в понятии «функциональной специализации». Формируются такие автономные сферы ценностей как наука, право, искусство, политика, публичная система образования, теряющие связи друг с другом, и отказывающиеся от единых норм [1; 3]. Более того, в рамках автономизации сферы научного поиска, ориентированного исключительно на такой символически генерализированный посредник обмена, как истина, это порождает проблему «невероятности успеха коммуникации» в разных системах взаимодействия [4]. Таким образом, получение и обмен знаниями как фундаментальный интерес, связанный с общественным благом и личной пользой субъекта, задаются эпистемической структурой общества модерна, а именно институтами, которые определяют реальные возможности по приобретению и распределению знаний [5].

Проблема неравенства в распределении знания имеет и глобальное измерение, поскольку процесс модернизации приводит к становлению специфической эпистемической структуры мирового сообщества в целом. Основатель направления постколониальных исследований в области науки и техники Сандра Хардинг указывает на то, что научная рациональность и техническая экспертиза не являются ценностно-нейтральными, научные сообщества не представляют собой «малых демократий», а технические исследования не автономны по отношению к обществу [6]. Западная наука и технологии оказали определяющее влияние на колониальные истории, а колониализм сыграл важную роль в развитии западной науки и технологии. По мнению Хардинг, нет необходимости гадать, кто находится в «выгодном», а кто в «невыгодном» положении в результате устоявшейся асимметрии систем знаний и технологической политики современного мира. Кроме того, призывая к «постколониальной чувствительности», Хардинг говорит о необходимости сделать «видимыми» сложные процессы ре-маппинга современного мира, определяемого текущей глобальной научной и технологической политикой.

Об этих же процессах говорит и известный специалист в области медиа Салли Уайат. Нарастание процесса неравенства в распространении знаний связано с асимметрией в использовании современных технологий нациями и регионами, вынужденными «догонять» тех, кто включился в этот процесс ранее, что приводит к новому «уничтожению пространства временем» [7, с. 70] и становлению нового неравенства в рамках «цифрового колониализма» [8]. Асимметрия в использовании технологий (само развитие которых возможно благодаря ресурсам Азии и Африки) сказывается в том, что визуальные соглашения человеко-компьютерного взаимодействия оказываются неуниверсальными, а системы, хорошо зарекомендовавшие себя в США, могут оказаться неэффективными в Юж-

ной Африке. Кроме того, символическая грамотность, принятая как должное, не оказывается таковой в менее компьютеризированных культурах [9].

В ситуации формирования экономики знаний и продолжающейся глобализации рынка как развития многомерной конкуренции, трансформации хозяйственных процессов и устаревания современных принципов и ориентиров структурирования и развития субъектов мирового и национальных хозяйств, нормативность и эффективность механизма формирования и функционирования распределения знания, сложившегося в классической парадигме, ставится под вопрос. В сетевом обществе, где на смену традиционным и современным общественным структурам приходят разнообразные динамические «множества», временные сообщества и конфигурации работников, ориентированные на мобильность и синтез различных видов знания и деятельности, проблема справедливости в распределении знаний становится чрезвычайно актуальной. Эта актуальность имеет два измерения.

С одной стороны, систематическая нехватка возможности приобретать знания и обмениваться информацией, являющаяся следствием классической организации эпистемической структуры общества, минимизирует как жизненные шансы конкретного субъекта, так и способность к инновационному развитию сообществ и регионов. Опираясь на программную работу 2003 г. Генри Чесбро «Открытые инновации. Новый императив креативности и получения прибыли» [10], обосновавшего экономические преимущества глобального сотрудничества бизнеса и науки, можно говорить о необходимости изучения и совершенствования механизма распределения знания между такими акторами глобальных кластеров как властные структуры, финансовые структуры, бизнес, исследовательские институты и образовательные системы [11].

С другой стороны – «общее знание» или «коллективное знание» как «знание пользователей для пользователей», которое формируется благодаря согласованным усилиям большого числа людей и может использоваться каждым субъектом, в эпоху глобализации и Интернета, требует продвижения как самообразования пользователя, так и взаимодействия спонтанно создающихся рабочих групп.

Таким образом, в сетевом обществе классическая модель формирования знания в силу ряда причин утрачивает свое центральное положение и на смену ей приходит модель знания, ориентированная на сетевое взаимодействие как акторов производства знания, так и акторов других социальных систем. Экспликация и анализ специфики неравенств в распределении знания в условиях глобальной коммуникации позволит определить концептуальный фрейм и задать методологию исследования проблемы. Следует поставить вопрос о теоретических основаниях исследований дистрибутивного знания, которые учитывали бы природу и характер асимметричных властных отношений западного мира и неевропейских регионов, специфику развития глобальных эпистемических структур.

Библиографические ссылки

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 382 с.

2. Малышкин Е. В. Дистрибутивность просвещенного состояния // Вестн. СПбГУ. 2013. Сер. 17. Вып. 2. С. 44–49.
3. Хабермас, Ю. Обоснованное воздержание: Существуют ли постметафизические ответы на вопрос о «правильной жизни»? // Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. С. 9–27.
4. Луман Н. Невероятность коммуникации / Проблемы теоретической социологии. Вып 3. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 9–37.
5. Garicano, L., Rossi-Hansberg E. Inequality and the Organization of Knowledge // AEA Papers and Proceedings. 2004. P. 197–202.
6. Harding, S. Beyond Theory: Two Undertheorized Perspectives on Science and Technology // The Postcolonial Science and Technology Studies Reader. Durham: Duke University Press Books, 2011. P. 1–38.
7. Wyatt, S. Non-users also Matter: The Construction of Users and Non-Users of the Internet // Now Users Matter: The Co-construction of Users and Technology. Cambridge : MIT Press, 2003. P. 67–79.
8. Jandrić P., A. Kuzmanić A. Digital Postcolonialism // IADIS International Journal. 2016. №13 (2). P. 34–51.
9. Irani, L., Vertesi J., Dourish P., Grinter R.E. Postcolonial Computing: A Lens on Design and Development // Conference on Human Factors in Computing Systems. Proceedings. 2010. P. 1311–1320.
10. Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М. : Поколение, 2007. 490 с.
11. Sölvell O. Construction of the Cluster Commons // The Oxford Handbook of Local Competitiveness. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 84–102.

УДК 316.77+316.334.4

ВНУТРЕННИЕ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРЕ PR – СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

О.Ю. Голуб, В.А. Покоев

ФГБОУВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»

ул. Астраханская, 83, 410012, Саратов, Российская Федерация
goloub@inbox.ru

Аннотация Эффективная система коммуникаций обеспечивает целенаправленное регулирование информационного воздействия на внутренние и внешние целевые аудитории, влияет на управляемость, гибкость, оперативность действий организации на рынке. Удовлетворенность сотрудников, их мотивированность, инициативность, состояние корпоративной культуры во многом зависят от того, как функционируют коммуникативные каналы организации. Основу механизма формирования успешной системы социальных взаимодействий организации с её общественностью составляют PR-технологии.

Ключевые слова: *внутренние коммуникации; корпоративная культура; PR-стратегия.*

INTERNAL COMMUNICATIONS IN THE STRUCTURE OF THE PR-ORGANIZATION'S STRATEGY

O.Y. Golub, V.A. Pokoev

Saratov State University

Astrakhanskaya str., 83, 410012, Saratov, Russian Federation

Annotation. An effective communication system provides targeted regulation of informational impact on internal and external target audiences, affects the manageability, flexibility, and efficiency of the organization's actions at the market. The satisfaction of employees, their motivation, initiative, and the state of corporate culture largely depend on the organization's communication channels. PR-technologies form the basis of the mechanism of formation of a successful system of social interactions of the organization with its public.

Keywords: *internal communications; corporate culture; PR strategy.*

Проблематика публикаций последних десятилетий не только свидетельствует об актуальности и общественной значимости изучения коммуникативной составляющей корпоративной культуры, но и показывает, что подобные исследования вышли на качественно иной теоретико-методологический уровень. Научная мысль проделала путь от практически полного игнорирования коммуникационных проблем к осознанию того, что основу успеха любой организации составляет эффективное управление как внешними, так и внутренними коммуникациями.

Методологическое обоснование исследований внутриорганизационных коммуникаций опирается на факт признания возросшей роли коммуникаций в обеспечении социально-экономической устойчивости, саморазвитии, упрочении имиджа и репутации, и в конечном счёте, существовании современных организационных форм и структур. В каждой организации информация перемещается в различных направлениях и преследует различные цели. Совокупность этих связей создает реальную коммуникативную структуру организации. Задача формальной организационной структуры заключается в том, чтобы придать коммуникационным потокам направление, обеспечивающее достижение социальных результатов принимаемых управленческих решений.

Особое значение в современных научных изысканиях в области коммуникативистики придаётся управленческому аспекту коммуникационного взаимодействия в организационных структурах как составной части единой PR-стратегии деятельности компаний и организаций. Организация эффективной системы внутренних коммуникаций всех направлений – вертикальных, горизонтальных, диагональных и др. – одна из основополагающих управленческих задач каждой организации. Благоприятная внутренняя среда в организации способствует установлению действенных ролевых взаимодействий, распределению ответственности, формированию ощущения общности.

В современных условиях система внутренних коммуникаций представляет собой комплекс информационных каналов, позволяющих предоставлять и передавать данные делового, интеллектуального и эмоционального характера внутри организации между сотрудниками. Соответственно, важно сделать их максимально понятными, четкими, направленными на формирование атмосферы доверия и со-

вершенствования социально-психологического климата в коллективе. По мнению Н.В. Болдыревой, взаимоотношения между сотрудниками различных уровней выражают непринужденное и заметное влияние на работу организации в целом, воздействуя и на мотивацию, и на системы ценностей, и позиции групп и отдельных работников. В этой связи она называет следующие признаки эффективных внутренних коммуникаций: информативность, ясность, своевременность, независимость и беспристрастность, лаконичность [1].

Одной из форм управления компанией и формирования системы внутренних коммуникаций является организация корпоративных связей с общественностью, призванных обеспечить, с одной стороны, развитие чувства сопричастности деятельности организации и внутренней удовлетворенности сотрудников, а с другой - стимулирующих производительность, мотивацию и качество выпускаемой продукции. Поэтому формирование и управление внутренней репутацией, имиджем, а в последнее время, и брендом компании становится одним из приоритетных форм коммуникации компании [2]

В течение последних лет многие крупные российские компании осуществляют активные меры, направленные на трансформацию политики управления человеческими ресурсами, что вызвано очевидными кризисными ситуациями на рынке. Именно поэтому, как полагают некоторые исследователи, логика выстраивания системы внутренних коммуникаций должна быть составной частью единой PR-стратегии и HR-стратегии, которые в свою очередь, являются ключевыми элементами целостной программы развития организации [3]. В нынешних условиях это приобретает особое значение как с точки зрения решения текущих проблем и задач, так и для обеспечения баланса между возможностями организации, требованиями внутренней политики и состоянием организационной среды.

Во многих крупных компаниях существуют официальные регламенты работы, корпоративные кодексы деловой этики, содержащие формулировку миссии компании и основные принципы её деятельности. Каждый сотрудник компании – важнейшее звено в системе коммуникативного взаимодействия организации и внешней среды. Когда сотрудники реально вовлечены в общественную деятельность компании или организации, они в состоянии нести ответственность за принятые ими решения при выполнении работы, мотивированы генерировать идеи в рамках общей PR-стратегии компании. Работник должен знать, как развивается и куда движется его организация, каковы ее истинные цели и планы. В случае, если работники не осведомлены о делах, имеющих для них важное значение, это существенно снижает уровень их лояльности организации, мотивацию и настрой на работу.

Ответственная организация стремится максимально эффективно использовать потенциал своих работников, создавая все условия для наиболее полной отдачи сотрудников на работе и для интенсивного развития их потенциала. Для того, чтобы люди были заинтересованы отдавать свои силы и знания на благо предприятия, необходима особая внутренняя атмосфера, общая идея компании, воплощённая в корпоративной культуре [4]. Механизмом, обеспечивающим формирование и поддержание должного уровня корпоративной культуры, является внут-

рикорпоративный PR. Создание системы внутреннего PR ориентировано на решение многих задач, в числе которых формирование у сотрудников позитивного видения организации, ее целей и задач, иерархии, правил и норм поведения, способов взаимодействия; активное продвижение ценностей организации; организация эффективной коммуникации с работающей обратной связью; содействие сплочению организации; подчеркивание значимости и незаменимости для организации каждого работника; профилактика и своевременное разрешение конфликтных ситуаций; содействие сотрудничеству, взаимопомощи, доверию и взаимопониманию между работниками; совершенствование коммуникативных и профессиональных навыков работников [5].

Однако, следует отметить, что лишь малая часть PR-специалистов входит в так называемую группу, «принимающую решения», т.е. группу, обладающую реальной властью. Часто возможности PR остаются нереализованными в полной мере. Подобные противоречия отнюдь не способствуют росту и развитию компании в агрессивной конкурентной среде. А главное – без предоставления необходимой полноты власти крайне непросто, а подчас невозможно, построить жизнеспособную систему внутренних коммуникаций в качестве составной части PR–стратегии организации. Поэтому важно сохранить последовательность избранной тактики и продолжать начатые мероприятия. Эффективная коммуникационная программа требует взвешенных и ответственных решений, она должна подчиняться маркетинговой стратегии, которая, в свою очередь, определяется корпоративной стратегией организации [6].

По мнению некоторых экспертов, наиболее актуальная задача современных компаний заключается в формировании нового, непрерывного процесса постановки задач, коучинга, аттестации и обратной связи, т.е. «управления не компанией, а командой». В этом направлении движется множество российских компаний, которые уже используют новые медиа в качестве инструмента внутренних коммуникаций. Так, HR-боты в мессенджерах и социальных сетях заменили корпоративные рассылки по электронной почте, а также облегчили задачу поиска информации; применение VR-технологий в обучении позволяет создать наиболее реалистичные модели ситуаций и избежать рисков во многих отраслях производства; геймификация позволяет быстрее адаптировать персонал, а использование игровой мотивации в игровых механизмах повышает уровень производительности.

Сегодня становится все более очевидным, что новые медиа представляют собой мощный канал воздействия, влиятельный механизм управления бизнес-процессами, грамотного выстраивания коммуникаций, управления рисками, формирования имиджа и репутации. Реализации этих задач способствуют главные преимущества новых медиа, такие, как высокая скорость распространения информации, доступность аудитории, обратная связь, сарафанное радио, формирование доверия, таргетинг.

Деятельность, направленная на выстраивание отношений с общественностью посредством новых медиа – сегодня сфера чрезвычайно актуальная и активно развивающаяся. Практика показывает, что эффективное управление информационными потоками, в том числе и внутриорганизационными, предполагает ис-

пользование наряду с традиционными тактиками положительного потенциала PR в Сети. Сегодня компании, применяющие технологии интернет-присутствия, обладают большими возможностями коррекции организационного имиджа и репутации и более устойчивым положением.

Библиографические ссылки

1. Болдырева Н.В. Роль и значение внутренних коммуникаций в условиях современного бизнеса // Вестник Евразийской науки, 2018 №1, <https://esj.today/PDF/53ECVN118.pdf>. Дата доступа: 1.06.2019
2. Тулубьев В.Б. Система корпоративных связей с общественностью и оценка внутренних корпоративных коммуникаций // Труды ин-та бизнес-коммуникаций. 2017. Т.2. С.55-60.
3. Стефанова Д., Василев В. Стратегии разработки системы внутренних коммуникаций публичных организаций: практические аспекты и теоретические дилеммы // Среднерусский вестн. общественных наук. Т.11. №2. 2016. С.85-89.
4. Комаров В.Ф., Дугельный А.П. Корпоративная культура: сущность и методы построения. Новосибирск, 2009. 213 с.
5. Пашенко У.Ю. Корпоративный PR как инструмент развития корпоративной культуры // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С.165-170.
6. Тюнюкова Е.В. Управление коммуникационным процессом организации // Вестн. Сибирского госуд-го ун-та путей сообщения. 2016. № 3. С.47-51

УДК 316.776.32

КАМУНІКАЦЫЯ КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА З МОЛАДДЗЮ

В.Я. Дзмітрыева, Я.В. Голуб

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

пр-т Незалежнасці, 4, 220030, Мінск, Рэспубліка Беларусь

Рэлігійная супольнасць «Рымска-каталіцкая парафія святога

Міхала Арханёла ў Івянцы»

вул. Пушкіна, 1, 222370, Івянец, Рэспубліка Беларусь

dmitriewa75@mail.ru, bratjaugen@gmail.com

Анатацыя. У артыкуле разглядаецца камунікацыя Каталіцкага Касцёла з моладдзю свету на працягу апошніх некалькіх гадоў праз тры важных для гэтага дыялогу падзеі: кантынуацыя традыцыі правядзення Сусветных Дзён Моладзі папам Францішкам (2016, 2019), Сінод Біскупаў на тэму моладзі і распазнання паклікання (2018), які дазволіў Касцёлу на найвышэйшым узроўні асэнсаваць патрэбы моладзі, дацаніць яе месца ў супольнасці Касцёла і абмеркаваць прадстаўленыя маладымі вернікамі хвалючыя іх тэмы, плодом чаго стала, напісаная папам Францішкам у 2019 годзе Апостальская Адгартацыя *Christus vivit!* – першы ў гісторыі афіцыйны дакумент Касцёла скіраваны да моладзі і ўздымаючы важныя для яе пытанні.

Ключавыя словы: камунікацыя; дыялог; Каталіцкі Касцёл; душпастырства; моладзь; фармацыя моладзі; Сусветныя Дні Моладзі; Сінод Біскупаў; Апостальская Адгартацыя.

COMMUNICATION OF THE CATHOLIC CHURCH WITH THE YOUTH

O.E. Dmitrieva, Y.V. Holub

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Religious community «Roman Catholic parish of St. Michael the Archangel
in Ivenets»

Pushkin str., 1, 222370, Ivenets, Republic of Belarus

Annotation. The article scrutinizes the communication of the Catholic Church with the youth of the world over the past few years through three important events for this dialogue: the continuity of the tradition of holding World Youth Days by Pope Francis (2016, 2019), the Synod of Bishops on the topic of youth and vocational recognition (2018), which allowed the Church at the highest level to comprehend the needs of young people, assess its place in the community of the Church and discuss the topics of concern to young believers, the fruit of which was the Apostolic Exhortation written in 2019 by Pope Francis on his address *Christus vivit!* - The first in the history of the official document of the Church aimed at young people and raising important questions for her.

Keywords: *Communication; dialogue; Catholic Church; shepherding; youth; youth formation; World Youth Days; Synod of Bishops; Apostolic Appeal.*

Разуменне асаблівасцей розных пакаленняў ключавое для камунікацыі паміж іх прадстаўнікамі, каб замест стэрэатыпнага мыслення заўважыць якасці і каштоўнасці адзін аднаго і пачаць канструктыўны дыялог. Прагненне зразумення маладога пакалення істотнае для Каталіцкага Касцёла, які лічыць моладзь сваёй надзеяй. Пошукі шляхоў узаемаразумення і супрацоўніцтва з сучаснай моладзю, якая неўзабаве станеца значнай часткай беларускай каталіцкай супольнасці, нейкім чынам нават прымушаюць даследваць кантэкст у якім яна існуе і вартасці, якімі кіруецца. Працэс душпастырскай камунікацыі з моладдзю, з прычыны розных фактараў не заўсёды аднародны і паспяховы, таксама патрабуе больш дэталёвага даследвання. Як Касцёл бачыць сучасных маладых людзей? Ці разумее іх праблемы? Што хоча сказаць ім і якія каналы камунікацыі ужывае, каб наладзіць дыялог? На гэтыя пытанні мы паспрабуем адказаць, разгледзеўшы тры важных для дыялогу Каталіцкага Касцёла з моладдзю падзеі: кантынтуацыю традыцыі правядзення Сусветных Дзён Моладзі, Сінод біскупаў на тэму моладзі і распазнання паклікання і апостальскую адгартцыю папы Францішка *Christus vivit!*

Сусветныя Дні Моладзі – ініцыятыва, распачатая Папам Рымскім Янам Паўлам II, які – яшчэ перад пачаткам свайго пантыфікату – вядомы быў сваёй вялікай зацікаўленасцю да душпастырства моладзі і здолеў у камунікацыі з ёй знаходзіць лёгкі і непасрэдны кантакт [7]. Духоўнае вымярэнне гэтай ініцыятывы, трываючай больш за тры дзесяцігоддзі – духоўнае ажыўленне маладой часткі Каталіцкага Касцёла. Яшчэ перад афіцыйным заснаваннем Сусветных Дзён Моладзі (СДМ) у 1984 і 1985 гг. у Рыме адбыліся міжнародныя спатканні моладзі. Першае было часткай святкавання Году Адкуплення, з удзелам каля 600 тысяч моладзі з усяго свету. Поспех гэтага спаткання і факт,

што ААН пастанавіла абвясціць 1985 г. Сусветным Годам Моладзі, натхніла Святога Айца на пастанову ўвесці штогадовае сусветнае спатканне моладзі ў якасці сталага элемента касцёльнага календарыюм [5]. Афіцыйнай датай устанаўлення СДМ прынята лічыць 20 снежня 1985 г.

Геаграфія СДМ апрача Рыму з цягам часу значна пашырылася. Арганізацыяй кожнага спаткання з ватыканскага боку займалася Папская Рада да спраў Свецкіх, якая 1.09.2016 г. увайшла ў склад утворанай гэтага дня Дыкастэрыі да спраў Свецкіх, Сям'і і Жыцця, а дакладней існуючай ад 1986 г. у яе межах Секцыі да спраў Моладзі. Калі СДМ мае міжнародны цэнтралізаваны характар па-за Рымам, галоўны цяжар яго арганізацыі спачывае на плячах лакальных Касцёлаў, пераважна камісіі да спраў моладзі ці іншага органу мясцовага епіскапату, што займаецца справамі маладога пакалення.

Кожнае спатканне мае акрэсленую тэматыку, якая раскрываецца ў пасланнях, кіраваных да моладзі праз Пантыфікаў падчас СДМ. Так, напрыклад, на XXXI СДМ ў Кракаве агульнай тэматыкай прамой папы Францішка было служэнне. Ён заклікаў моладзь *устаць з канапы* і пачаць дзейнічаць, прыносячы міласэрнасць у свет праз служэнне па прыкладзе Марыі [8]. Не амінуў Пантыфік і такія выжныя тэмы як тоеснасць і сучасныя тэхналогіі, якія раскрыў карыстаючыся паняткамі масавай культуры.

Падчас СДМ ў Панаме ў 2019 г. Папа Францішак першы раз у гісторыі скіраваў да моладзі афіцыйнае пасланне ў форме кароткага відэакліпу. Пантыфік у звароце да маладых, таксама і няверуючых, усведамляе, што гатоўнасць службы бліжнім гэта сіла, якая можа змяніць свет і запрашае да яе рэалізацыі, слухаючы тое, чаго ад іх прагне Бог [9].

Вялікая ўвага падчас спатканняў накіравана на валанцёрства моладзі.

Апрача будавання камунікацыі з іерархіяй Касцёла ў асобе Пантыфіка, пошуку новых шляхоў евангелізацыі, СДМ адыгрываюць таксама ролю пляцоўкі для міжнацыянальнай і міжкультурнай камунікацыі моладзі. У сацыяльна-культурнай прасторы фестываль фармуе неабходныя ўмовы для камунікацыі паміж прадстаўнікамі нацыянальных і этнічных грамадстваў і культур: адбываецца абмен творчым, сацыяльным і духоўным досведам, ствараюцца новыя прадукты сумеснай творчасці, новыя праекты, якія жывуць сваім жыццём і пасля фестывальных урачыстасцяў [2].

Шматфункцыйнасць і шматграннасць фестывалю як з'явы, абумоўліваюць яго ўніверсальнасць у плыні сучаснае культуры: фестываль, яднаючы ў сабе імманентныя рысы святкавання і сацыёкультурныя функцыі, абумоўленыя спецыфікай сучаснай эпохі, грае ролю масавай святочнай прасторы ў сучаснай культуры. Кожны ўдзельнік інтэграваны і дыферэнцыяваны з іншымі аб'ектамі фестывалю. Гэта характарыстыка фестывальнай дзейнасці акрэслівае базавыя механізмы сацыяльна-культурнага працэса, магчымасць збіраць і трансліраваць сацыяльны досвед [2].

СДМ для некалькіх пакаленняў сталі сімвалам, а нават сінонімам камунікацыі маладых людзей з усяго свету, часам нават фармальна не прыналежачых да каталіцкай канфесіі і хрысціянства, з Касцёлам у поўнай яго

іерархічнай зладжанасці, які не баіцца выходзіць да моладзі, гаварыць на яе мове, выкарыстоўваючы зразумелыя ёй патэрны, і фарматаваць евангелічны і тэалагічны змест у зразумелую і практычную штогадовую праграму паглыблення кожнага чалавека ў багацці хрысціянскай традыцыі і асабістае спатканне з Богам у сакрамэнтальным ключы. Аналізуючы гісторыю СДМ, тэмы і змест спатканняў, можам заўважыць, як харызма кожнага з трох пантыфікаў, што бралі ўдзел у гэтай ініцыятыве прыўносіла свае асаблівасці: Ян Павел II распачаў духоўнае ажыўленне моладзі, перакладаючы дух Ватыканскага сабору – *аднаўлення ўсяго ў Хрысце* – на іх рэчаіснасць. Будучы філосафам-фенаменалагам, дапамагае ставіць фундаментальныя пытанні пра чалавечую натуру і ролю Бога ў яе існаванні. Цыклічнасць СДМ, запачаткаваная ім, стварае сваеасаблівую педагагічную праграму маладых хрысціянаў, а святкаванне на дыяцэзіяльным узроўні падкрэсліла вартасць і ўплыў лакальных Касцёлаў і дацаніла ролю моладзі ў іх. Бэнэдыкт XVI, папа-тэолаг, працягваў кірунак свайго папярэдніка, узбагачаючы спатканні свежым паглядам на каталіцкую Традыцыю, якую спрабаваў перадаць новым пакаленням, абапіраючыся на Божае Слова. Францішак, папа, які шмат ўвагі ў сваім навучанні прысвячае практыцы хрысціянскага жыцця, кожнае спатканне прысвячае яго канкрэтнаму аспекту, асабліва акцэнтуючы на служэнні патрабуючым. Такім чынам, СДМ у якасці інструмента камунікацыі, цалкам прыдатны не толькі для перадачы інфармацыі (енвангелізацыя), але і ўздзеяння (катэхізацыя, выхаванне) на новыя пакаленні каталікоў.

Таксама тэме *Моладзь, вера і распазнанне паклікання* была прысвечана XV Звычайная генеральная асамблея *Сіноду Біскупаў* (Ватыкан, кастрычнік 2018 г.). Увага была скіравана на маладых людзей ва ўзросце 16-29 гадоў. У працы Сіноду Біскупаў прыняло ўдзел 267 каталіцкіх біскупаў і 49 аўдытараў, з якіх 36 чалавек – моладзь ва ўзросце 18-29 гадоў [3]. Па выніках Сіноду быў падрыхтаваны фінальны дакумент з прапановамі Святому Айцу Францішку. Асноваю для яго стаў прадстаўлены ў чэрвені *Instrumentum laboris* [6] – стартавы дакумент, распрацаваны на аснове адказаў моладзі на анкету Сіноду і выніковага дакумента Перадсінадальнай сустрэчы моладзі 19-24.03.2018 г., у якім сабралі тэмы, хвалючыя сучасную моладзь. Таксама ў фінальны дакумент ўвайшлі вынікі працы міжнароднага семінара па становішчы моладзі (09.2017 г.), і каментароў розных людзей і груп. Пад увагу былі ўзятыя таксама рэфлексіі, якія моладзь дасылала непасрэдна ў Сакратарыят Сіноду – як у форме анкет, так і ў вольным фармаце. Такім чынам, улічваючы ўплыў фінальнага дакумента перадсінадальнай сустрэчы моладзі і анлайн-карыстальнікаў, можна заявіць, што сама моладзь – аўтар шматлікіх заўваг гэтага дакументу.

Instrumentum laboris уяўляе сабой кнігу, якая падзелена на тры часткі. Першая частка прысвечана распазнанню паклікання і праблем сучаснай моладзі праз уменне прыслухоўвацца да іх саміх. Другая – інтэрпрэтацыі праз прызму веры ўсяго, з чым сутыкаюцца маладыя людзі. Трэцяя – выбару жыццёвага шляху, да якога кліча Святы Дух [3]. Распазнанне, інтэрпрэтацыя і выбар (*recognizing, interpreting, choosing*) – тры характарыстычныя крокі для духоўнага

распазнавання. Апіраючыся на гэтыя словы-ключы, аўтары працоўнага дакумента запрапанавалі наступны парадак рэфлексіі: у першай частцы – *recognizing* - аналізуецца рэчаіснасць у якой жыве моладзь і спосабы, якімі паслугоўваецца Касцёл, каб выйсці ёй насустрач. Рэфлексія другога раздэла – *interpreting* - паглыбляецца інтэрпрэтацыяй гэтай рэальнасці ў кантэксце веры. Трэцяя частка – *choosing* - практычныя рэкамендацыі, аналіз над інструментарыем і заданнямі, якія ў гэтай сферы стаяць перад Касцёлам сучаснасці.

Сінадальныя Айцы спатыкаліся падчас генеральных кангрэгацый, дзе слухалі выступы ўдзельнікаў, а таксама ў 14 малых моўных групх, дзе адбываліся дыскусіі. На аснове справаздач генеральных кангрэгацый рэдакцыйны камітэт напісаў заключны дакумент [4], што змяшчае канкрэтныя прапановы для Пантыфіка, якімі ён можа скарыстацца падчас пісання сінадальнай апостальскай адгартцыі.

Уступ заключнага сінадальнага дакумента спасылаецца на кантэкст, у якім жыве моладзь, называючы асноўныя загадненні і выклікі. Пастава *слухаць і разумець*, накіраваная на суадчуванне, дазваляе з пакораю і цяглічасцю весці сапраўдны дыялог з моладдзю, унікаючы пры гэтым *падрыхтаваных адказаў і шаблонных прадпісанняў*. Маладыя людзі хочуць быць выслуханымі, прынятымі і пакіраванымі, як сцвярджае дакумент. Хочуць таксама, каб іх голас лічыўся цікавым і карысным у грамадскім і касцёльным абшарах. Гэта параджае неабходнасць падрыхтоўкі свецкіх, якія будуць ў стане весці кіраўніцтва маладых людзей. Тым больш, у перспектыве глабалізацыі і секулярызму, моладзь імкнецца нанова адкрываць Бога і духоўнасць, а гэта павінна быць для Касцёла выклікам да вяртання ўласцівага значэння веры. Адказ Касцёла на патрэбы моладзі знаходзіцца таксама ў абшарах асветы. У свеце ўзаемных повязяў: сям'я, праца, тэхналогія, абарона жыцця, эміграцыя, біскупы ўпэўненыя ў неадлучнай ролі ўплыву школ, універсітэтаў, калегіяў, араторыяў і іншых пляцовак, дзе моладзь праводзіць шмат часу. Каталіцкія адукацыйныя інстытуцыі дазваляюць інтэгральнае выхаванне, прапануючы адначасова евангелічнае сведчанне. Яны асаблівым чынам пакліканыя, каб будаваць лучнасць паміж верай і праблемамі сучаснасці, рознымі антрапалагічнымі перспектывамі, навукова-тэхнічнымі выклікамі, грамадскімі зменамі і дзейнасцю на карысць справядлівасці. Важную ролю адыгрываюць таксама парафіі, зразумелыя ў якасці *тэрытарыяльнага Касцёла*. Гэта роля патрабуе нанова пераасэнсавання місійнага паклікання, якое часта мала дынамічнае і мала значнае, асабліва ў галіне катэхізацыі.

Дакумент закранае таксама тэму эміграцыі ў якасці *парадыгмы нашых часоў*, з'явы структуральнай, а не пераходнай *аварыйнай сітуацыі*, асабліва усведамляючы, што сярод эмігрантаў шмат моладзі, а нават самотных непаўналетніх, што ўцякаюць ад вайны, насілля, палітычнага і фізічнага пераследу і тд. Гаворка ідзе аб дапамозе, ахове, падтрымцы і інтэграцыі, а таксама падкрэсліваецца, што эмігранты – гэта шанец на ажыўленне грамадства і супольнасцяў да якіх яны прыбываюць. Біскупы звяртаюць увагу на патрэбу

большага ўдзелу ў дапамозе тым, хто хацеў бы застацца ў сябе на айчыне і на Касцёлы, што знаходзяцца ў небяспецы па прычыне прымусовых міграцый і пераследу, якія спатыкаюць іх верных.

Асобнае месца ў дакуменце заняў фрагмент, што гаворыць пра розныя формы надужыванняў: улады, эканамічных, сумлення і сэксуальных, якіх дапускаліся некаторыя біскупы, святары і кансэкраваныя асобы. Сінод заклікае да пераканаўчага выкарыстання сродкаў, што дапамогуць пазбегнуць усялякіх формаў надужывання, пачынаючы ад дабору і выхавання тых, каму будуць даручаныя адказныя і выхаваўчыя заданні.

Далей тэкст узгадвае пра сям'ю, як першую супольнасць веры, называючы яе *дамовым Касцёлам*. Падкрэслівае ролю старэйшага пакалення ў рэлігійным выхаванні і перадачы веры, і перасцерагае перад паслабленнем ролі бацькі і моладзевым стылем жыцця, які пераймаюць некаторыя дарослыя. Апрача сям'і вялікае значэнне для моладзі мае таксама сяброўства з аднагодкамі, якое дазваляе дзяліцца верай і падтрымліваць адзін аднаго сведчаннем.

Сінод засяроджваецца на праблемах, якія перажывае моладзь у розных сферах, напрыклад на тэме працы і звязаным з ёй беспрацоў'ем. Гаворка ідзе пра пераслед, што часта прыводзіць да смерці, беспрацоў'я, выключэння з грамадства з прычын рэлігійных, этнічных ці гаспадарчых. У перспектыве гэтай *культуры адкідання* Касцёл прызывае да навяртання і салідарнасці.

Напрыканцы першай часткі сінадальны дакумент прэзентуе мастацтва, музыку і спорт у якасці *душпастырскіх сродкаў* [4]. Падкрэслена, што маладое пакаленне хоча адыгрываць першапланавую ролю ў касцёльным жыцці, ахвяруючы ўласныя здольнасці, беручы на сябе адказнасць. Другая частка дакумента ўказвае на працэс камунікацыі Бога з касцёлам дзякуючы моладзі, якая з'яўляецца адным з *тэалагічных абшараў*, дзе Ён сам прысутны. Праз моладзь Касцёл можа аднавіцца, скінуць з сябе цяжар і маруднасць. Адсюль заклік Сіноду да мадэлі *маладога Езуса сярод моладзі* і да сведчання святых, сярод якіх шмат маладых прарокаў зменаў.

Іншым *беспамысловым кампасам* з'яўляецца для моладзі місія – дар з сябе, што вядзе да сапраўднага і трывалага шчасця. У якасці місіі Касцёла указваецца духоўнае кіраўніцтва і распазнаванне. У плюралістычным і поўным магчымасцяў свеце бацькі, настаўнікі і святары пакліканы да кіраўніцтва ў асягненні адказнасці, духоўнай і псіхічнай сталасці. У якасці інструмента для гэтай місіі Касцёл прапануе рэгулярнае духоўнае кіраўніцтва, якое дапамагае ў фармацыі сумлення і чыннага ўдзелу ў духоўных змаганнях.

Заклучны дакумент з'яўляецца толькі пэўным этапам з прычыны адменнасці моладзі з розных краін у іх канкрэтных патрэбах і кандыцыі. Лакальныя Касцёлы запрошаныя да працэсу распазнання ў іх кантэксце асаблівых душпастырскіх рашэнняў. Біскупы звяртаюць увагу, што *сінадальнасць* з'яўляецца пэўным стылем правядзення місіі, таму не можна выключыць моладзі з працэсаў вырашэння. Прапануецца таксама стварэнне *каталога моладзевага душпастырства ў ключы паклікання*, які дапамог бы адказным за выхаванне моладзі. Больш таго, гаворка ідзе таксама пра пэўныя выклікі, пазначаныя

моладдзю падчас Сіноду. Адным з іх з’яўляецца прысутнасць у лічбавым асяроддзі. Сеціва прапануе цэлую гаму маніпуляцыяў і насілля, таму Касцёл запрашаны прадстаўляць у віртуальным свеце каталіцкі пункт гледжання.

Дакумент падкрэслівае таксама патрэбу ушанавання і распазнання месца жанчын у грамадстве і супольнасці Касцёла. Тэкст выражае надзею на іх прысутнасць у касцёльных структурах на ўсіх узроўнях, таксама і ў выкананні адказных функцый. Далей сінадальныя айцы абмяркоўваюць тэмы цела, пачуццёвасці і сэксуальнасці. Дакумент прыпамінае сем’ям і Хрысціянскім супольнасцям патрэбу адкрыцця моладдзю, што іх сэксуальнасць – гэта дар. Прапануе маладым людзям антрапалагічны ўзор, дзе пачуццёвасць і пол надаюць адпаведную вартасць чысціні для ўзрастання асобы ў кожным стане жыцця. Сінод пацвярджае здэтэрмінаванае значэнне антрапалагічнай розніцы і ўзаемнасці паміж мужчынам і жанчынай і прымае за абмежавальнае акрэсленне тоеснасці асоб, зыходзячы толькі з іх сэксуальнай накіраванасці.

Напрыканцы дакумента сінадальныя айцы прыпамінаюць аб паўсюдным пакліканні да святасці, дзякуючы якому Касцёл можа аднавіць свой запал і апостальскую моц. 25 сакавіка 2019 года папа Францішак падпісаў паслясінадальную *Апостальскую адгартацыю Christus vivit — Жыве Хрыстус* [1], прысвечаную моладзі. На пачатку адгартацыі Пантыфік паўтарае свой заклік да моладзі заўсёды разам з Богам імкнуцца да будучыні невядомай, але якая дакладна прынясе дасягненні. Тэкст дакумента увабраў у сябе ўсё тое, пра што размаўлялі паміж сабою і са Святым Айцом удзельнікі перадсінадальнай сустрэчы моладзі, якая праходзіла ў Рыме ў сакавіку 2018 г.; тое, што абмяркоўвалі ў кастрычніку мінулага года сабраныя на Сінодзе біскупы і аўдытары; а таксама тое, чым жылі і чым дзяліліся юнакі і дзяўчаты з усяго свету падчас СДМ, якія праходзілі ў Панаме ў студзені гэтага года. Такім чынам, апостальская адгартацыя *Christus vivit*, напісаная ў форме ліста да моладзі, становіцца канкрэтным выразам слухання, дыялогу і супольнага шляху разам з моладдзю [1]. Адгартацыя складаецца з 9 раздзелаў і 299 параграфаў.

Вартасць самой формы апостальскай адгартацыі *Christus vivit* у якасці пасінадальнага дакумента камунікуе моладзі, што тэмы і справы, якія ў ёй уздымаюцца, а папярэдне, прайшоўшы мінімальныя змены ў працэсе Сіноду і рэдакцыі, былі агучаны самой моладдзю, што яе голас важны для Касцёла і фармалізм уступае месца супрацоўніцтву. Касцёл у візіі пантыфіка адкрыты на ўсю моладзь, не дзелячы яе паводле канфесійнай прыналежнасці, аднак для тых, хто шукае духоўнага жыцця, мае шэраг канкрэтных прапановаў. Сама форма адгартацыі ў постаці паслання, ліста, камунікуе паставу адкрытасці, зычлівасці і дыялогу. Сімвалізм жыцця ў якасці шляху, выражаны ў *Christus vivit*, падкрэслівае адно з найбольшых прагненняў маладых людзей – адкрыванне сябе і свету навокал, што прадстаўляе яго аўтараў у якасці камунікатара, які разумее код адрасатаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адгартацыя папы Францішка на тэму моладзі будзе апублікавана ў гадавіну адыходу да Пана св. Яна Паўла II/ catholic.by [Электронный ресурс]. – 2019. Режим

доступа: <https://catholic.by/3/news/vatican/9601-adgartatsyya-papy-frantsishka-na-temu-moladzi-budze-apublikavana-gadavinu-adykhodu-da-pana-sv-yana-pa-la-ii>. Дата доступа: 12.05.2019.

2. Тихомирова Г.Ю. Фестиваль как форма социально-культурной деятельности // Вестн. Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова. 2016. №1. С. 242 – 246.

3. Тры факты пра Сінод Біскупаў, які распачынаецца ў Ватыкане / VaticanNews [Электронный ресурс]. 2018. Режим доступа: <https://catholic.by/3/news/vatican/8659-try-fakty-pra-sinod-biskupa-yaki-raspachynaetsta-vatykane>. Дата доступа: 11.05.2019.

4. Final Document of the Synod of Bishops on Young People, Faith and Vocational Discernment / XV ORDINARY GENERAL ASSEMBLY OF THE SYNOD OF BISHOPS [Electronic resource]. General Secretariat of the Synod of Bishops, 2018. Mode of access: <http://www.synod2018.va/content/synod2018/en/fede-discernimento-vocazione/final-document-of-the-synod-of-bishops-on-young-people--faith-an.html>. Date of access: 12.05.2019.

5. Historia ŚDM [Electronic resource] Kraków, 2016. Mode of access: <http://archive.krakow2016.com/historia-sdm.html>. Date of access: 30.04.2019.

6. Instrumentum laboris Synodu nt. Młodzieży / Sekretariat Synodu. [Electronic resource]. Mode of access: <https://episkopat.pl/instrumentum-laboris-synodu-nt-mlodziezy/>. - Date of access: 11.05.2019.

7. Mokrzycki M. Najbardziej lubił wtorki. Opowieść o życiu codziennym Jana Pawła II. Kraków: Wydawnictwo M, 2008. 195 c.

8. Orędzie Papieża Franciszka na XXXII Światowy Dzień Młodzieży [Electronic resource]. Kraków, 2017. Mode of access: <http://archive.krakow2016.com/oredzie-papieza-franciszka-na-xxxii-swiatowy-dzien-mlodziezy-2017.html>. Date of access: 06.05.2019.

9. Papieskie orędzie na ŚDM po raz pierwszy w formie video / eKAI [Electronic resource]. Warszawa, 2018. Mode of access: <https://ekai.pl/papieskie-oredzie-na-sdm-po-raz-pierwszy-w-formie-video/>. Date of access: 10.05.2019.

УДК 378.14

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КРИТЕРИИ НОВИЗНЫ

И.И. Екадумова, Д.В. Шевеленко

Белорусский государственный университет

пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь

ekadumova@gmail.com, dahska_12@mail.ru

Аннотация. Цифровая трансформация учреждений высшего образования является способом их адаптации к быстро меняющимся информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Критерием новизны ИКТ в учреждении высшего образования, является то, как они преобразуют использование ранее внедренных технологий посредством изменения практик взаимодействия участников образовательного процесса.

Ключевые слова: *высшее образование; информационно-коммуникационные технологии; образовательный процесс; цифровая трансформация.*

NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE UNIVERSITY: CRITERIA OF NOVELTY

I.I.Ekadumova, D.V.Shevelenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The digital transformation of institutions of higher education is the way of their adaptation to rapidly changing information and communication technologies (ICT). The criterion of novelty of ICT used in the higher educational establishment is the way they transform the use of previously implemented technologies by the means of changes in the practices of interaction of the educational process' participants.

Key words: *higher education; information and communication technologies; educational process; digital transformation.*

Обучение с использованием новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало мейнстримом в современном высшем образовании. Прогресс в развитии ИКТ сделал технические средства обучения как никогда функционально богатыми, доступными и удобными в использовании. Новые ИКТ становятся невозможно игнорировать, поскольку их влияние не ограничивается технологическими вопросами, а затрагивает все стороны жизни людей. Как и другие сферы человеческой деятельности, высшее образование сегодня имеет дело с цифровой трансформацией – нововведениями, связанными с использованием цифровых технологий. Основываясь на результатах цифровизации (дигитализации) и информатизации, цифровая трансформация приносит изменения в способы организации рутинной и творческой деятельности людей, в их отношения между собой, в нормы поведения и организационные структуры. Не все новые ИКТ приживаются в образовании, что объяснимо в русле теории социотехнического альянса П. Флиши, согласно которой новые технические решения находят применение лишь тогда, когда происходит «слияние функций технического объекта и социального спроса на практики, которые данный объект позволяет удовлетворять» [1, с. 220]. ИКТ, используемые в учреждении высшего образования, должны отвечать запросам участников образовательного процесса или способствовать осуществлению тех социальных практик, которые существовали либо возникли в образовательной коммуникации в результате их внедрения.

Новизна современных ИКТ в образовательном процессе ВУЗа определяется тем, насколько они *позволяют перейти к качественно новым формам сбора, обработки, передачи и хранения информации* (сегодня таковыми являются облачные сервисы, приложения Веб 2.0, технологии виртуальной и дополненной реальности и т. п.). Поскольку для внедрения новых ИКТ важна их коммуникативная сторона, то *новые ИКТ* можно определить как *последние технические решения, позволяющие перейти к таким формам образовательной коммуникации, которые не были доступны или не реализовывались при более раннем качественном состоянии ИКТ*. Данное определение позволяет отделить такие ставшие обычными для образования ИКТ, как электронные учебники и мультимедийные презентации, от бо-

лее новых ИКТ, меняющих формат коммуникации, и содержащих в себе уникальный потенциал качественного усовершенствования образовательного процесса за счет новых практик взаимодействия участников образовательного процесса.

Новизна ИКТ в образовательном процессе проявляется на трех уровнях: техническом (аппаратном), технологическом и коммуникационном. *Технический уровень* представляют устройства для сбора, обработки, хранения и передачи информации. Сегодня это смартфоны, планшеты, ноутбуки, интерактивные доски и т.п.), эффективность которых зависит от их функционала и удобства в использовании. *Технологический уровень* – это приемы и методы использования устройств и программного обеспечения для сбора, обработки, хранения и передачи информации. К нему относятся технологии коммуникации (Wi-Fi, 3G/4G), сайты, а также приложения и сервисы, позволяющие организовывать обсуждение, создавать сообщества, проводить онлайн-трансляции, вебинары, совместно создавать и редактировать контент. *Коммуникационный уровень* состоит в новых формах коммуникации участников образовательного процесса, использующих ИКТ (главным образом, за счет перехода от модели коммуникации «один ко многим» к модели «многие ко многим»). Это различные формы коммуникации студентов между собой и с преподавателями через электронную почту, мессенджеры, социальные сети, личные блоги и т.д. Этот уровень имеет решающее значение с точки зрения жизнеспособности новых ИКТ, поскольку на нем определяется, в каких целях будет осуществляться разработка новых и адаптация старых устройств и технологий.

Учреждения высшего образования сегодня активно берут на вооружение различные формы социальной коммуникации, возникшие в сфере бизнеса, общественной деятельности и досуга. Перспективными в этом отношении представляются просьюмеризм, краудсорсинг, комьюнити-менеджмент и коллаборация. Все они в той или иной мере получили развитие благодаря принципам современной интернет-коммуникации, которые сформулировал в своей работе «Плеть Паутины» создатель Всемирной паутины Т. Бернерс-Ли: возможность создавать и редактировать веб-ресурсы не менее важна, чем возможность просто их читать или смотреть; компьютеры могут помогать людям работать сообща, то есть являются не просто техническими, но социальными инструментами; каждый узел и элемент Интернета должен функционировать как паутина, а не как вертикальная иерархия сверху вниз [2]. О том, как данные принципы адаптируются в высшем образовании Беларуси, можно судить по содержанию стратегии цифровой трансформации русского государственного университета (БГУ) на период до 2021 г.. Ведущее учреждение образования страны осуществляет цифровую трансформацию в направлении расширения использования дистанционного и смешанного обучения с упором на индивидуализацию образовательных траекторий обучающихся. Помимо развития технических средств, упрощающих наставничество и менторинг со стороны преподавателей, цифровая трансформация БГУ предусматривает использование телекоммуникаций для развития горизонтальных связей между студентами, расширение возможностей организации коллективной работы над проектами и демонстрации достижений [3]. В условиях, когда учреждениям высшего образо-

вания приходится развивать систему обучения в направлении модульности и кастомизации, учебный процесс становится все более зависящим от мотивации, запросов и активности обучающихся. Сопричастными к созданию и развитию электронного образовательного контента оказываются все участники образовательной коммуникации. Каждый обучающийся берет на себя, по меньшей мере, часть инициативы и ответственности в определении собственной траектории освоения учебной дисциплины, в верификации используемой в образовательном процессе информации, в пополнении массива электронного образовательного контента, а также в установлении его связей с источниками в интернете. Новые ИКТ, поддерживающие социальные практики, привнесенные в образование из бизнеса, общественной деятельности и досуга, требуют от учреждений высшего образования определенной институциональной гибкости, а от участников образовательного процесса – развития культуры участия, предполагающей определенный уровень заинтересованности, мотивации, доверия, готовности делиться результатами своей работы, склонности меритократическим принципам самоорганизации, умения налаживать эффективный неформальный контроль в рабочих группах. Критерии эффективности новых ИКТ в цифровой трансформации учреждения высшего образования определяются доступностью, качеством и ценой образования.

Библиографические ссылки

1. История и теория медиа: учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 423 с.
2. Друк В. Автор 2.0: новые вызовы и возможности. [Электронный ресурс] . 2009. № 100. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/dr57-pr.html>. Дата доступа: 15.06.2019.
3. Стратегию цифровой трансформации БГУ обсудили на Совете университета [Электронный ресурс] / Белорусский госуд. ун-т, 26 ноября 2018 г. Режим доступа: <https://www.bsu.by/main.aspx?guid=235131&detail=962533>. Дата доступа: 20.06.2019.

УДК 316.422.42

ВЕБ-САЙТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Н. А. Елсукова, Ли Синь

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
yelsukova@bsu.by, 38818676@gg.com

Аннотация. Туризм стал неотъемлемой частью жизни современного человека, на рынке за клиента конкурирует большое число туристических компаний, которые используют различные маркетинговые инструменты для налаживания коммуникации с потребителями. Появление и развитие интернета способствовало возникно-

вению новых и модификации традиционных инструментов маркетинговых коммуникаций, что дало компаниям возможность налаживания коммуникации со своими клиентами на новом уровне. На сегодняшний день, наиболее востребованным инструментом коммуникации в интернете является Веб-сайт туристической компании. Нами проведено сравнительное исследование коммуникативных возможностей сайтов белорусского туроператора «Центркурорт» и китайской туристической компании «Flying pig/Летающая свинья».

Ключевые слова: интернет; веб-сайт; туристические услуги; инструменты маркетинговых коммуникаций; продвижение туристических услуг.

WEB SITE AS A TOOL FOR THE PROMOTION OF TOURIST SERVICES

N.F. Yelsukova, Li Xin

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Tourism has become an integral part of the life of a modern person; a large number of travel companies compete for a client in the market, using various marketing tools to establish communication with consumers. The emergence and development of the Internet has contributed to the emergence of new and modified traditional tools of marketing communications, which gave companies the opportunity to establish communication with their customers at a new level. Today, the most popular communication tool on the Internet is the website of a travel company. We have conducted a comparative study of the communicative capabilities of the websites of the Belarusian tour operator “Centrurort” and the Chinese travel company “Flying pig”

Keywords: *the Internet; Web site; tourist services; marketing communications tools; promotion of travel services.*

Туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей мировой экономики. Практически каждая страна, каждая туристическая компания стремятся предложить свой туристический продукт на внутреннем и внешнем рынке, что приводит к высокой конкуренции и необходимости внедрения в работу различных видов маркетинговых коммуникаций. Формирование и реализация коммуникационной политики является наиболее важным элементом системы взаимодействия туристической компании и туристов. Актуальным направлением коммуникационной деятельности туристических компаний является использование, наряду с традиционными инструментами продвижения, современных интернет технологий, что позволяет выходить на новый уровень коммуникации с потребителями. К преимуществам продвижения продукции в сети Интернет следует отнести: низкую стоимость маркетинговых мероприятий по сравнению со стоимостью аналогичных мероприятий офлайн; широкий охват аудитории и поддержание связи с ней; мобильность маркетинговых мероприятий.

Одним из основных инструментов продвижения туристического продукта является Веб-сайт туристической компании. Мы в нашем исследовании попытались сравнить коммуникативные возможности Веб-сайта белорусского туроператора «Центркурорт» и китайской туристической компании «Flying pig/Летающая

свинья». Анализ сайтов выполнялся методом Case Study, методология которого заключается в изучении отдельных локальных случаев, произошедших в конкретном месте и имеющих конкретные социальные и временные границы. Целью исследования было определение основных коммуникативных характеристик сайтов белорусского туроператора «Центркурорт» и китайского туроператора «Летающая свинья». Задачи исследования формулировались как: 1) определить основные отличия визуального оформления сайтов: цветовой фон страниц, наличие логотипа турфирмы (описание логотипа), шрифты заголовков страницы, основные цвета сайта; 2) определить язык сообщений и возможность перевода на другие языки; 3) выявить структурные элементы главной страницы сайтов, наличие и содержание вложенных страниц; 4) оценить обновление информации, наличие актуальной и устаревшей информации на сайте; 5) оценить функциональные возможности сайта: поиск тура по заданным характеристикам, заказ тура онлайн, описание тура, возможность консультации по туру. Для проведения сравнительного анализа нами были разработаны категории анализа: язык сообщений, наличие фирменного стиля, основные структурные элементы главной страницы сайта, обновление информации, функциональные возможности сайта. Исследование сайтов проводилось в период с февраля по март 2019 г.

Сначала охарактеризуем сайт белорусского туроператора «Центркурорт». Для сообщений на сайте используется русский язык, перевода на другие языки не предусмотрено. В оформлении сайта присутствует фирменный стиль (логотип, шрифты заголовков, цветовая гамма). Имеется логотип в виде чемодана с крыльями, который символизирует легкий и мобильный отдых. В написании названия туроператора сочетаются синий и красный цвет, которые ассоциируются с чистым небом и чистой водой и, одновременно, с теплом и хорошей погодой. В оформлении сайта используется светлая цветовая гамма, основные цвета: серый, белый, оранжевый и синий. Сайт имеет четкую структуру, сочетающую статичные и динамичные элементы. На сайте есть возможность загрузки версии для слабовидящих. На сайте присутствует возможность обратной связи с туроператором, на экране появляется запрос «Чем мы можем помочь Вам?» и список вариантов коммуникации: через социальные сети, мессенджеры, телефон, текстовый запрос через сайт. Также высвечивается имя специалиста, к которому можно обратиться. Информация на сайте обновляется не часто, так на дату 6 февраля 2019 присутствует информация о турах на Новый год. Поиск тура производится по специальной форме, где можно внести следующие данные: откуда; куда; дата; кто едет. Однако, после заполнения формы, ничего не было найдено и представлена новая форма для выбора более детального описания тура. Более детальный запрос выдает результат российской системы поиска туров, так как цены указаны в российских рублях, хотя изначально указывалась валюта белорусский рубль. Заказать тур онлайн невозможно, можно только оставить заявку на тур.

Далее нами был проанализирован сайт китайской туристической компании «Flying pig/Летающая свинья». Язык сайта китайский, возможность перевода на другие языки отсутствует. В оформлении сайта присутствует фирменный стиль. Логотип в виде горящей свиньи может символизировать горячее путешествие. В

Древнем Китае свинья символизировала мужскую силу, а также изобилие и плодородие. На сайте используется яркая цветовая гамма, основные цвета и их оттенки: красный, оранжевый, белый и черный. Розовый (пятачок у свиньи) – символизирует любовь, романтические отношения и чистые чувства. Оранжевый – в Китае это символ изменений. Чёрный – символизирует элемент воды, используется для демонстрации силы и построении карьеры. Белый – символ металла, который символизирует чистоту, детей и партнёрство. Также как и сайт белорусского туроператора, китайский имеет четкую структуру, сочетающую статичные и динамичные элементы. На сайте присутствует возможность обратной связи с туроператором, входа в личный кабинет, просмотра корзины заказов. На сайте информация обновляется достаточно часто, туры и экскурсии актуальны, даты верные. Также на сайте присутствует сезонная информация – отдых на море, отпуск в Европе, зимний отдых. Имеются специальные разделы, посвященные скидкам, акциям, «горящим турам». Поиск тура производится по специальной форме, где нужно внести следующие данные: город вылета; куда; дата вылета; дата возвращения. По запросу предоставляется информация, которая по дизайну и способу преподнесения очень похожа на сайт Aliexpress, так как сайт расположен на платформе ТаоБао и Алибаба. В детальном описании тура слева присутствует картинка и видео, справа сверху название тура. Далее следуют преимущества тура. Затем идет интервал цен и специальные дополнительные скидки. На сайте видно использование современных технологий, которые позволяют оплачивать услуги и приобретать туристические продукты через интернет, что является сильным конкурентным преимуществом сайта туристической компании «Flying pig/Летающая свинья».

Подводя итог сравнительного анализа можно сделать следующие выводы: 1) белорусская и китайская туристические компании понимают важность коммуникации с потребителями посредством Веб-сайта; 2) компании большое внимание уделяют разработке и использованию фирменного стиля в оформлении своих сайтов; 3) сайт белорусского туроператора уступает сайту китайского по ряду параметров (на сайте белорусского туроператора зафиксирована устаревшая информация, на сайте китайского вся информация актуальна; запрос на подбор тура у белорусского оператора работает по усложненной схеме и предоставляет информацию российского поисковика, на китайском же сайте сразу по запросу предлагается исчерпывающая информация о туре; на белорусском сайте заказать тур онлайн невозможно, можно только оставить заявку на тур. На китайском сайте имеется возможность заказа и оплаты тура через интернет). Таким образом, проведенное исследование сайтов белорусского и китайского туроператоров позволило сделать вывод о том, что коммуникативные возможности китайского сайта выглядят более совершенными и более эффективными в продажах и продвижении. Белорусский туроператор «Центркурорт» должен больше внимания уделять развитию, обновлению и техническому совершенствованию своего Веб-сайта.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИНТЕРНЕТ-СМИ

Н.В. Ефимова, Чжан Яньцю

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
anchor5252@bk.ru

Аннотация. Анализируются особенности освещения белорусско–китайского взаимодействия в средствах массовой информации, а также роль интернет-СМИ в реализации информационной поддержки социально-экономического и культурного сотрудничества между двумя странами. На основе данных сравнительного контент-аналитического исследования, проведенного авторами данной работы, рассматриваются различные аспекты стратегии ведущих сетевых изданий Беларуси и Китая в области информирования о стране-партнере, их совместных проектах и о политике белорусско-китайского сотрудничества в целом. Сопоставление двух массивов информации по ряду параметров показало общее и особенное в содержании сообщений разных сетевых изданиях. Исследование позволило также сделать практически значимые выводы о характере информирования и интерпретации белорусско–китайского сотрудничества в Интернет-СМИ и определить направления повышения их деятельности.

Ключевые слова: белорусско-китайское сотрудничество; Интернет-СМИ; информационное сопровождение; массовая информация; контент-анализ

REPRESENTATION OF BELARUSIAN-CHINESE COOPERATION IN ONLINE MEDIA

N.V. Efimova, Zhang Yanqiu

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The main features of the coverage by the Internet-media cooperation between Belarus and China and the specific character of the participation of media in the information support of socio-economic and cultural interaction between two countries are analyzed. This study is based on the comparative content analysis research realized by the authors of this work. The scientific novelty of the research lies in the fact that the features of the coverage of the Belarusian-Chinese interaction in the media have been revealed. Comparison of two data sets, described the content of Belorussian and Chinese media shows differences and common features between them. The results of the work can be used in the activities of the media to increase their effectiveness in covering the Belarusian-Chinese cooperation.

Key words: Belarusian-Chinese cooperation; Internet-media; communication barriers; information support; mass information; content analysis.

В настоящее время, достигнут высокий уровень сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. Правительства Китая

и Беларуси, руководствуясь принципами дружбы и взаимного доверия, постоянно развивают двусторонние отношения в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной областях.

В качестве примера развития успешного сотрудничества между Китаем и Беларусью стоит отметить, что за двадцатилетний период дипломатических отношений объем взаимной торговли увеличился почти в 100 раз. Активная реализация общих средних и крупных проектов охватывает такие сферы, как создание гостиничных комплексов, дорожное строительство, связь, энергетика, химическая промышленность, сельское хозяйство, услуги и др. В настоящее время около 2000 китайских студентов обучаются в белорусских вузах и более 500 белорусских студентов - в китайских. Обе стороны попеременно организуют дни культуры, художественные выставки, концерты, недели кино и другие культурные мероприятия. Важным фактором укрепления и развития двустороннего сотрудничества являются средства массовой информации (СМИ) обеих стран. Именно благодаря их усилиям народы Китая и Беларуси, исторически и культурно различные, могут получать разнообразную и полную информацию друг о друге. В зависимости от характера информации, передаваемой по каналам средств массовой информации, они могут создавать атмосферу доверия между странами, содействовать народной дипломатии или, наоборот, стимулировать недоверие и враждебность.

С развитием новых информационных технологий влияние СМИ на формирование имиджа / образа страны в массовом сознании возросло во много раз. Проблеме репрезентации белорусско-китайских отношений было посвящено контент-аналитическое исследование ведущих СМИ двух стран. Объектом исследования стали интернет-версии газет «СБ. «Беларусь сегодня» и «Жэньминь Жибао» за 2018 г. Выборка для каждого источника информации включает все публикации по данному вопросу с января по декабрь 2018 г., что составило 114 сообщений на сайте «СБ. «Беларусь сегодня» и 122 сообщений на сайте «Жэньминь Жибао».

Результаты исследования показали, что тема белорусско-китайского сотрудничества с высокой интенсивностью освещается как белорусскими, так и китайскими источниками информации. Тема постоянно присутствует в повестке дня интернет-СМИ, причем в отдельные месяцы выделяются информационные «пики», когда интенсивность публикаций повышается примерно в два раза по сравнению со средними показателями, что объясняется количеством и важностью происходящих в общественной жизни событий, имеющих отношение к белорусско-китайскому взаимодействию. Информационным поводом для большинства публикаций является то или иное событие: подписание документов и соглашений, официальный визит, открытие совместного производства или гуманитарная акция. На сайте «СБ. Беларусь сегодня» такие материалы составляют 81% от всех публикаций, на сайте «Жэньминь Жибао» 76%. Значительный удельный вес (особенно на сайте «Жэньминь Жибао») занимают сообщения, посвященные достижениям и успехам в области двусторонних отношений. Как правило, материал подается в позитивном ключе: в большинстве публикаций преобладают положительные оценки, либо описание не сопровождается какими-либо оценочными суждениями, т.е. подается нейтрально. В публикациях на Интернет-сайтах белорусско-

китайское сотрудничество рассматривается прежде всего, как двусторонний процесс, происходящий на официальном уровне, уровне руководства двух стран. Такая интерпретация характерна как для Белорусского сайта (67% всех публикаций), так и для Китайского сайта (79%).

В публикациях на сайте «СБ.Беларусь сегодня» и на сайте «Жэньминь Жибао» значительное (но меньшее) внимание уделяется международному значению белорусско–китайского сотрудничества: этот аспект сотрудничества акцентируется в 27% материалов «СБ.Беларусь сегодня» и 21% материалов «Жэньминь Жибао». В белорусских интернет–СМИ есть примеры публикаций, где описано сотрудничество на уровне отдельных организаций, фирм (4% публикаций по теме) и на уровне межличностных контактов (2%). Таких материалов мало. Но это положительные примеры, т.к. они свидетельствуют о расширении и углублении контактов между Беларусью и Китаем. А материалы о «человеческих» дружеских отношениях дают ощущение не просто формальных связей, а глубоких эмоциональных привязанностей и симпатий.

Ведущими сферами сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики являются политика и экономика. В 2018 г. на сайте «СБ. Беларусь сегодня» политическому аспекту сотрудничества было посвящено 42% публикаций, экономическому аспекту – 21% публикаций. На сайте «Жэньминь Жибао» преобладали материалы об экономических связях двух стран (41% материалов) на втором месте были материалы о политическом сотрудничестве (36%). Вместе с тем, следует отметить, что политические и экономические аспекты сотрудничества тесно взаимосвязаны. Так или иначе, материал на экономическую тему включает политические оценки и наоборот: материал о политике содержит ссылки на экономические предпосылки и экономическую базу развития политических отношений. Сотрудничеству между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в социальной сфере посвящено меньше публикаций: на сайте «СБ.Беларусь сегодня» 12% материалов отражают данный аспект сотрудничества, на сайте «Жэньминь Жибао» такие материалы составляют 15%. Как правило, эти сообщения вызывают большой интерес и искренний отклик аудитории благодаря своей гуманитарной направленности. Сфера культуры описывается еще меньше. Эта сфера представлена в 15% сообщений на сайте «СБ. Беларусь сегодня» и в 8% сообщений на сайте «Жэньминь Жибао». При этом культурная тематика весьма разнообразна: посетители сайтов узнают о совместной работе белорусских и китайских философов, об обмене театральными коллективами, о переводах и издании белорусских и китайских писателей и о многом другом.

Важной характеристикой публикаций о белорусско–китайском сотрудничестве являются субъекты (персонажи, «герои»), действующие в описываемых ситуациях. Их анализ дает представление о различных источниках активности в политике, экономике, социальной сфере и культуре. Иными словами, они отвечают на вопрос: кто именно и что конкретно делает для развития и углубления сотрудничества двух стран. Субъектами активности в рамках белорусско–китайского сотрудничества чаще всего выступают руководители двух стран (Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин и Президент Республики Беларусь

Александр Лукашенко), государственные чиновники высокого ранга (министры, другие руководители министерств и ведомств, послы государств), руководители крупных предприятий и организаций. Специалисты, предприниматели, молодежь и другие группы общества фигурируют в публикациях в качестве активных субъектов значительно меньше.

Из анализа публикаций на белорусском и китайском информационных интернет-порталах мы можем сделать вывод, что белорусско-китайское сотрудничество в настоящее время развивается в основном усилиями государственных структур и благодаря политической воле руководства двух стран. Оно имеет богатый потенциал в самых различных областях, но пока находится на начальной стадии своего формирования и развития. Различные социальные группы, формальные и неформальные структуры и институты общества пока только начинают взаимодействовать и не вовлечены в двустороннее и многостороннее сотрудничество в полной мере.

УДК 378.1:394.9

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК СТРАТЕГИЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАРОДА И ЕГО КУЛЬТУРЫ

И.И. Калачева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
irakalachova@yandex.ru

Аннотация. На теоретическом уровне раскрыто понятие «бренд территорий, регионов и мест». На практическом уровне показаны примеры использования технологий брендинга территории в презентации и репрезентации культуры, городов, традиций.

Ключевые слова: *бренд территорий; регионов и мест; брендинг; имидж; самобытность; культура.*

TERRITORY BRANDING AS A STRATEGY OF ITS PEOPLE AND CULTURE PRESENTATION AND REPRESENTATION

I.I. Kalachova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Belarus

Summary. The notion of «territories', regions', places' brand» is explained on theoretical level; the examples of using the technologies to develop a country's brand to present and represent its culture, its cities, its traditions are shown on practical level.

Keywords: *territories', regions', places' brand''; branding; image; uniqueness; culture.*

Современные эксперты утверждают, что разработка брендинга территории – важнейшая стратегия развития отношений между странами в сфере экономики, инвестиций, туризма и др. С. Анхольд и К. Динни, отмечают, что раз-

работка брендинга территории значительно сложнее, чем разработка брендинга продукта. В частности, С. Анхольд указывает, что брендинг территорий «связан с самыми сложными философскими вопросами, какие только возникали у человека: с природой восприятия и реальности, с отношениями между объектами и представлениями о них, с феноменом «психологии толпы», с загадками национального самосознания, лидерства, культуры и социальных связей...» [1, с. 30]. Впервые понятие «брендинга мест» (англ. – «place branding») было использовано С. Анхольдом в 2002 г. Российские исследователи В.К. Малькова, В.А. Тишков. отмечают, что «бренд территорий, регионов и мест – это стратегия и технология позиционирования, презентации и репрезентации страны, народа, культуры. В процессе формирования брендов (образов, имиджей) территорий, регионов, городов специально выделяется и подчеркивается их уникальность» [2, с. 35].

Изначально «бренд» – это термин, используемый в потребительской среде для продвижения товаров на рынок; а брендинг или брендование – это название нового бизнес-направления по созданию бренда, марки, формированию имиджа или образа предметов и явлений. Цель создания брендов территорий – формирование позитивного и привлекательного образа региона для получения максимальной выгоды для его жителей. Бренд помогает территории или региону выделиться своей яркой индивидуальностью, а успешный и сильный бренд (торговая марка) может и должен способствовать популярности региона (страны), привлекать к нему внимание, показывать преимущества именно этого места среди множества других.

События, связанные с жизнью городов являются инструментом продвижения имиджа территорий, на которых они располагаются. Каждый год небольшой город Беларуси назначается местом, где будет проводиться праздник «Дожинки». Концепция праздника связана с традициями прославления хлеба-роба, человека-творца на своей земле, заключенная в крылатом выражении: «Хвала рукам, что пахнут хлебом!». Этой традиции более 10 лет, за это время такие города страны как Орша, Бобруйск, Волковыск, Лида, Горки преобразились, их облик неузнаваем.

Как отмечают специалисты, знание об отличительных особенностях конкретного места важно и для инвесторов, желающих получить выгоду от вложения средств в местный бизнес и местное производство. Это интересно для трудовых мигрантов и других переселенцев. Специалисты в области маркетинга замечают, что бренд должен быть ориентирован больше на внешних потребителей, на привлечение людей, ресурсов и заказов, которые необходимы для развития региона. Однако, бренд территории также ориентирован на местных жителей, способствуя формированию у них чувства единства, патриотизма, ответственности за свою малую родину. Город Кличев стал первым городом Могилевской области, который присоединился к проекту «Ахова птушак бацькаўшчыны». В рамках этого проекта, который охватывает все города республики молодые художники рисуют граффити птиц на домах. Изображения птиц уже украсили дома в Минске, Воложине, Малорите. Цель

акции – мобилизовать людей на сохранение уникального природного наследия малой родины, ее уникальной природы [3]. Экспертами отмечается, что города, а значит, территории жестко конкурируют за инвестиции. Роль городов состоит в том, что в них можно вкладывать деньги, и это будет способствовать созданию рабочих мест, расширению налогооблагаемой базы, поможет управлять бюджетами и кредитными рейтингами, финансировать образование, инфраструктуру и сферу услуг.

Вот примеры слоганов, в которых заключена главная идея развития города. В России: «Вторая (третья) столица России» (Санкт-Петербург, Казань), «культурная столица страны» (Санкт-Петербург); в Беларуси – «Вторая столица» (Могилев), «культурная столица» (Витебск). Несколько примеров других стран: «Халиско – мексиканская столица инноваций», «Республика Кыргызстан смотрит в будущее» и др.

В работах ученых и экспертов подчеркивается важность интенсивных «действий города» по привлечению экономических инвестиций. Для экономической конкурентноспособности города важны инновации, инвестиции, человеческий капитал и связность (реальные и виртуальные транспортные и коммуникативные сети), качество и уклад жизни, принятие решений на государственном уровне. Исследователи утверждают, что не менее важными являются так называемые инфраструктурные факторы: разнообразие, качество и доступность жилой зоны, парки и зеленые насаждения, безопасность и «пешеходность» [1].

Образ территории, региона, места может быть устойчиво положительным, слабо выраженным, противоречивым. В формировании образа территорий принимали и принимают участие разные люди и профессионалы и непрофессионалы. Приведем примеры использования некоторых технологий. Это использование символики (символический подход); мифов, легенд (мифотворческий подход); лексем (лексический подход).

В графическом бренде территории могут быть использованы изображения символов движения, ее развития – скачущие всадники, парящие орлы, барсы, олени и другие животные в прыжке. Их также изображают на гербах, флагах и эмблемах территорий и сообществ [2]. Также могут быть использованы лозунги, эмоционально поддерживающие развитие территории, например, лозунг Д.А. Медведева «Вперед, Россия!». В качестве примера можно привести лозунг, ставший объединяющим для участников 5 Форума регионов – «Мы разам – мы вместе», который также красноречиво свидетельствует о движении и развитии союзных дел в совместных планах и достижениях (2018 г., г. Могилев).

Использование мифов, легенд в создании и разработке брендов также широко применяется на практике. К примеру, многие города связаны с какой-то легендой, событием, историей, которые передаются на уровне слухов, домыслов, а затем интерпретируются новыми поколениями людей, живущих на этой территории. К примеру, существует несколько версий легенд о Минске. Мифы и легенды позволяют создать необычный образ территории, что является привлекательным для конкретного города, его истории. Лексемы относятся к

одной из традиционных технологий, направленных на формирование массовых представлений людей о конкретных регионах. Эту пиар-технологию условно называют лексической, т.е. создающей, а вернее выделяющей образы регионов с помощью лексем – слов. Авторы информации используют множество слов и выражений, подчеркивающих реальные или мнимые преувеличенные или приукрашенные особенности данной территории. К примеру: «Третий Рим» (Москва), «Столица Урала» (Новосибирск) и др. К лексической технологии относится также технология, которую можно условно назвать «навешивание ярлыков», «визитная карточка». Визитная карточка г. Бобруйска – памятник Бобру. Визитная карточка Комаровского рынка в Минске – это корова, чья скульптура украшает рыночную площадь, а одной из центральных улиц – городской почтальон на велосипеде и т.д.

Уникальность территории, ее экономическая направленность (промышленная или аграрная), лечебная специализация также могут быть привлекательными для разработки бренда. Невероятной популярностью у россиян пользуются белорусские курорты и санатории («Нарочанка», «Приозерный», «Сосны», «Боровое» и др). Массовые мероприятия также могут способствовать развитию региона, города. Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», «Вечера Большого театра в замке Радзивиллов» в Несвиже, Республиканский фестиваль национальных культур в Гродно – примеры «визитных карточек» городов и мест Беларуси, которые могут быть включены в концепцию разработки бренда конкретных территорий.

Эксперты отмечают, что бренд Беларуси необходим для того, чтобы стимулировать чувство гордости граждан Беларуси за свою страну; привлечь инвестиции; получить часть мировых туристических потоков; выйти на новые рынки сбыта. Бренд, по мнению исследователей, должен выделять Беларусь на фоне окружающих стран; соответствовать национальным и культурным ценностям, а также географическим особенностям страны; быть ярким, запоминающимся и, конечно же, позитивным [4].

С. Анхольд высказал мысль о том, что страны и нации могут быть приравнены к торговым маркам и брендам. Действительно, в массовом сознании в отношении отдельных стран укрепились слоганы, которые являются узнаваемыми «Страна восходящего солнца» (Япония), «Страна утренней свежести» (Республика Корея) и др. Как справедливо отмечает белорусский ученый И. И. Ганчерёнок перед брендом страны (нации) ставятся следующие задачи – положительно выделить страну из списка других, сформировать и закрепить определенные эмоциональные ассоциации или выработать нужные стереотипы восприятия этой страны у людей [5]. Автор обобщает многочисленные суждения о Беларуси и предлагает свои варианты слогана Республики Беларусь. «Беларусь – большая загадка Европы», «Беларусь – скрытый образ, огромный потенциал», «Беларусь – страна голубых озер», «Беларусь – страна чистоты и прохлады». Конечно, каждый из вариантов требует подробного изучения. Однако, в целом, все они заслуживают внимания в презентации страны. Очевидно, что для многих респондентов Беларусь представляется страной, имеющей огром-

ный потенциал в таких аспектах как сохранение историко-культурного наследия, военной славы и памяти, страной с высоким уровнем IT-технологий и инноваций. Что касается конкретных составляющих имиджа, то к ним, по мнению ряда экспертов, могут быть отнесены следующие: это Президент А.Г. Лукашенко как оплот независимости, стабильности и благосостояния; ряд государственных деятелей, таких как Витовт, Л. Сапега, П. Машеров; просветителей таких как К. Туровский, Е. Полоцкая, Ф. Скорина; писателей и поэтов таких как Я. Купала, Я. Колас, В. Быков.

Благоприятные условия для ведения бизнеса: социальная однородность общества, отсутствие этнических и религиозных конфликтов, выгодное геополитическое положение, развитая инфраструктура, высокий уровень образования являются важными компонентами имиджа Беларуси. А. Шумилин, председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, отвечая на вопрос читательницы «Аргументов и фактов» подчеркнул, что Беларусь – высокотехнологичная страна. Только за 2018 год в 149 стран мира была экспортирована наша продукция. В числе самых известных разработок – большегрузный самосвал «БЕЛАЗ» с грузоподъемностью 450 т, занесенный в книгу Гиннеса как самый большой автомобиль в мире; атомно-силовой микроскоп, позволяющий проводить измерения микромеханических свойств материалов и микроорганизмов на наноуровне; противоопухолевые средства по собственным уникальным формулам и др. Именно в Беларуси зародились известные компании как Viber, MSGRD, который куплен Facebook, танковый шутер «World of Tanks» – глобальная игра с более чем 120 млн. участников по всему миру [6].

Особое место в формировании представления о территории отводится ее историко-культурной характеристике [2, с.27-31]. Так, несомненно, важным является презентация широкому кругу людей, изучающих Беларусь, ее культура, язык, народное творчество : все это дает возможность представить Беларусь как самобытную и уникальную страну с богатыми традициями.

Библиографические ссылки

1. Динни К. Бренды территорий. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 325 с.
2. Культура и пространство : историко-культурные бренды и образы территорий, регионов, мест. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.
3. Соловьева Л. Искусство в перьях / Беларусь сегодня. 13 сентября 2018. С. 7.
5. Айзенштадт А.Л. Республика Беларусь в поисках национального бренда // Современная молодёжь и общество: сб. науч. ст. Вып. 4: Молодёжь в мире глобализации и межкультурной коммуникации/ И.И. Калачёва [ред.]. Минск : РИВШ, 2016. С.11-15.
6. Ганчеренок И.И. Имиджевое позиционирование современного государства // Научн. труды Акад. Управл. при Президенте Республики Беларусь : философские, экономические, юридические науки. Мн. : Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2016. Вып. 1. С. 38-39.
7. Петренко, И. И где же наши возможности? // Аргументы и факты. № 24, 2019. С. 114.

ПЕРСПЕКТИВА СОЛИДАРНОСТИ ДЛЯ УКРАИНЫ

Т.Г. Каменская

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

ул. Дворянская, 2, 65026, Одесса, Украина

nikadevichya@mail.ru

Аннотация. Солидарность, как важное для социального единства ответственное отношение каждого гражданина к обществу на своем месте, столетиями является одной из основных европейских ценностей. Для украинского общества актуальным являются процессы евроинтеграции, в связи с чем возникает вопрос и о готовности этого общества к политике солидарности. С помощью установок на солидарное поведение также можно было бы разрешить и проблему раскола в украинском обществе. Проведенные нами теоретический анализ и социологическое исследование показали, что, к сожалению, нет в настоящее время в украинском обществе ни активного использования семантического поля понятия солидарности, ни социального заказа на солидарность в обществе.

Ключевые слова: *евроинтеграция; социальная солидарность; социальное равенство; социальная несправедливость.*

PERSPECTIVES OF SOLIDARITY FOR UKRAINE

T.G. Kamenska

Odessa Mechnikov National University

Dvoryanskaya str., 2, 65026 Odessa, Ukraine

Annotation. Solidarity as an important for social unity responsible attitude of each citizen to society on their place has been one of the main European values for centuries. For the Ukrainian society the European integration processes are on the front burner that begs the question, if this society is really ready for the policy of solidarity. Orientation on solidarity could also help to solve the problem of split in the Ukrainian society. Theoretical analysis and sociological research that have been taken showed that, unfortunately, the Ukrainians presently neither use the semantic field of solidarity concept nor actually need social procurement on solidarity in their society.

Keywords: *European integration; social solidarity; social equality; social injustice.*

В современной Украине можно наблюдать, как длительно и болезненно происходят множественные кардинальные трансформации (как мягкие, бесконфликтные, так и жесткие, и порой насильственные) по переносу разделительной полосы между «Востоком» и «Западом» (в геополитическом и цивилизационном смыслах) на границу между Украиной и Россией. Практически в любой отрасли или сфере жизни украинского общества имеют место преобразования, осуществляемые в угоду евроинтеграции. При этом часто нарушаются права граждан, закрепленные в украинской Конституции: пенсионеров; горожан, живущих рядом с угнетающими их застройками; представителей малого и среднего бизнеса; сто-

ронников сотрудничества с Россией и др. А активные субъекты реформ (политики-еврооптимисты, олигархи и национал-патриоты), наоборот, поощряются тем, что строгие европейские чиновники пока не требуют от них ответа за коррупцию и правонарушения. В современном украинском обществе присутствует реальный внутренний раскол, как бы не хотелось это скрыть некоторым политикам. Это раскол на почве социальной несправедливости (между олигархами и обедневшим населением, между банкирами и бесправными клиентами банков). По территориальному признаку имеет место не просто раскол, но противостояние с военными действиями на территории Луганской и Донецкой областей. По языку – запрет для компактно проживающих нацменьшинств общаться на родных языках в сфере услуг, в медучреждениях и иных социальных службах; также по вероисповеданию, по толкованию исторических событий и связанных с ними топонимикой и символикой и т.п.

До настоящего времени недовольство далекого от власти большинства сдерживают правоохранительные органы и активисты крепкого телосложения (поступают угрозы самому президенту В. Зеленскому от депутата Верховной Рады Д. Яроша; захват мэрии г. Львова; глумление над памятником генералу Г. Жукову в г. Харькове и т.п.). На уровне официального общения сохраняется относительно молчаливая покорность, а в повседневном общении возникают различные практики неповиновения. Например, даже в Киеве после принятия первых законов постмайданной Верховной Радой было отмечено такое явление, как усилившийся «руссофон» – переход в общении на русский язык при любой возможности в знак протеста против запрета этого языка. Аналогичным образом поступал известный украинский журналист В. Пиховшек. В самом начале суверенного существования Украины он вел телепередачи на украинском языке в лучшем его звучании. Редко кто из журналистов и даже филологов-украинистов могли тогда изъясняться так бегло, без ошибок и без русизмов на украинском языке, как этот телеведущий. Но после 2014 года В. Пиховшек принципиально, где только позволяет закон, прибегает к общению на русском языке. И это не единственный пример.

В этой связи, безусловно, и для социальной науки, и для украинского общества, актуальным стало проведение научного анализа сложившейся ситуации и поиск взаимоприемлемых компромиссных вариантов внутреннего управления и решения проблемы раскола. В настоящем исследовании мы ставим целью исследовать один из активно обсуждаемых и изучаемых в европейской социогуманитарной науке феноменов – *социальную солидарность* – с тем, чтобы выявить возможности консолидации украинского общества. Работа будет основываться на сопоставлении исследовательских позиций о солидарности европейских (преимущественно немецких) ученых и нашими авторскими суждениями. Слово «солидарность» – европейского происхождения. Российские исследователи А.Б. Гофман и А.Ф. Филиппов десятилетие тому назад активно и многогранно исследовали это социальное явление, углубляясь в том числе и в историографию данного понятия. В частности, А.Б. Гофман более сосредоточился на франкоязычных исследованиях солидарности и отметил, что каталог Национальной библиотеки Франции на 30 июня 2008 г. содержал упоминание этого слова в 1763 изданиях, включая перио-

дические, в которых фигурировало слово «solidarité». В Германии, особенно последнее время, слово «Solidarität» встречается не реже, чем во Франции, английское «solidarity» в Великобритании – 1364 раза, а в Библиотеке конгресса США – 11938 [1].

Анализируя солидарность с дюркгеймовских работ и до настоящего времени, современные социологи приходят к выводам, что она и есть то *социальное* объединяющее начало нашего общежития, которое как системное свойство удерживает различных индивидов, группы и сообщества в единой социальной системе. «Солидарность можно рассматривать как чистую форму социальности, или, говоря более современным языком, как особого рода среду коммуникации» [2, с. 18], считает А.Ф. Филиппов.

Как исторически изменчив предмет социологической науки, так и солидарность проявляется в историографическом континууме различными своими оттенками. В тоталитарном обществе, кроме жесткого контроля, надзора и карательных санкций, существует и всеобщее одобряемая основа единения. Как правило, такой режим идеологически подкрепляется, с одной стороны, «солидарностью против» угрозы врагов, внешних агрессоров и внутренних предателей, а с другой стороны, и «солидарностью за» великих кормчих, фюреров, отцов наций и т. п.). Индивидуалистская, субъектцентрированная идеология также не может существовать без солидарности как «за ...», так и «против ...». Как правило, высвобождающиеся из-под социального принуждения индивиды не могут ощущать себя свободными без постоянного отстаивания права на эту свободу, о чем свидетельствуют известные слова Гёте из «Фауста»: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Поэтому в постмодернистском обществе солидарность не упраздняется, а становится скорее цикличной. Людям современного западного мира приходится периодически выходить из индивидуального уютного домика и объединяться для наведения порядка в большом доме, например, в экологии, энергетике, распределении социальных благ, в уважении прав инакомыслящих и т. п. Показательна судьба «солидарности» в немецком обществе. Социолог и социальный психолог Х. Буде (Heinz Bude) отмечает, что Германия в последнее столетие постоянно находилась в режиме необходимой для выживания солидарности. Как после Первой, так и после Второй мировых войн, чтобы выжить, им приходилось за счет единения приращивать свои силы. И эта жесткая необходимость произвольно делала немцев сплоченными, а в современных условиях и социальным, гражданским обществом. («Solidarisch sein heißt, füreinander verantwortlich zu sein» – «Быть солидарным означает быть ответственным друг за друга») [3, с. 83]. Далее воссоединение западной и восточной частей Германии снова актуализировало чувство солидарности, без которого невозможно было преодолеть массу разногласий. Следующий этап – создание Евросоюза, и политика солидарности побеждает не только в Восточной Германии, но и в других западных обществах. («Nicht nur in Ostdeutschland, sondern überall in den westlichen Gesellschaften gewinnt eine Politik der Solidarität ...» [3, с. 90]).

Сегодня проблема мигрантов выводит солидарность в Германии на новый уровень – найти в себе силы поддерживать и учить той же солидарности людей

совершенно иной культуры, национальности и религии. В этой высокой миссии не всем немцам удастся принять такую реальность и потому еще имеют место протестные выступления против беженцев с Востока, растет антисемитизм (который жители Германии все же называют «импортированным» в их страну). Если послевоенные усилия по консолидации были продиктованы витальными потребностями, то современные акты солидарности основываются на несколько иных принципах – на общегуманитарных состраданиях, на христианских идеях: «кому много дается, с того многое и спросится». Это послыл более обеспеченным и благополучным людям о том, что они призваны быть честными и справедливыми распорядителями благ и их задача – не присваивать все себе, а следить за нуждами более слабых. Слабых, может быть и в том смысле, что им нельзя доверить большой объем чего-то, ибо они не справятся с соблазном и могут легко растратить. Собиратели благ доказали свою выдержку против расточительства, но их ждет иной соблазн – заблуждение о своей сверхпродуктивности, о том, что все их богатство – исключительно их заслуга. В этом и есть своеобразное оправдание социального неравенства (как промыслительной бедности во имя спасения самих бедных) и осуждение более утонченного человеческого порока гордости и высокого самомнения, когда такие люди трансформируют неравенство из задуманной творцом воспитательной миссии в социальную несправедливость.

По этому поводу другой немецкий футуролог Г. Вельцер подчеркивает, что «взаимовыгодность является противоположностью солидарности» («Win-win ist das Gegenteil von Solidarität» [4, с. 142]). Добровольные волонтерские устремления и содействия в помощи, защите, пожертвовании являются энергетикой солидарности. Обретение себе безвозмездного блага должно получить продолжение в том, чтобы реципиент начал совершать аналогичные поступки помощи и благотворительности другим. Если долго оставаться в роли потребителя помощи (будучи, конечно же здоровым и трудоспособным) тогда у такого человека может развиться патология иждивенца, нахлебника, халявщика (по словам Х. Буде «Trittbrettfahrer» [3]).

Можно ли в современном украинском обществе рассчитывать на потенциал феномена солидарности? Мы начали с лексико-семантического анализа понятия «солидарность». Для нас (граждан Украины) это иностранное слово, известное в научном дискурсе в очень широком диапазоне: от взаимных интересов, норм, ценностей до альтруистической помощи, моральных обязанностей и ответственности за других, до круговой поруки в различных, даже криминальных социальных группах. Следует отметить, что в нашем славянском языковом пространстве некоторые иностранные слова находятся у людей в пассивном лексическом запасе, т.е. люди в повседневном общении понимают приблизительное их значение, но сами практически не используют в речи. К таким словам относится и солидарность. Методом неоконченных предложений мы провели исследование по установлению ассоциативного словесного текста в реагировании на слово «солидарность». Поскольку даже студенты первого курса не находили спонтанных ассоциаций с солидарностью, исследование проводилось среди преподавателей вуза и студентов-магистрантов. В результате, послесловие «Солидарность – это» сво-

дилось все же к взаимовыгодным поступкам, к взаимной поддержке, к договоренности, согласованности и т.п.. Второе предложение – «Слово «солидарность» употребляется мной ...» – продолжалось указанием на частоту употребления (часто, редко), что подтвердило неуверенное представление вообще об употреблении этого слова.

Согласно выбору респондентов, «Сейчас нашему обществу нужна солидарность прежде всего за» - отмечали: «за мир», «за сохранение государственности». И «против коррупции», «против равнодушия», «против разъединения граждан», «против беззакония». По результатам этих первых разведывательных исследований мы можем утверждать, что само слово «солидарность» не находится в активном употреблении даже среди людей, занятых преимущественно интеллектуальной деятельностью. А среди менее интеллектуальных слоев оно присутствует в пассивном словарном запасе. С сожалением можно говорить о смысловой отстраненности украинского общества от идей солидарности в том ее значении, которое доминирует сегодня в европейском социально-политическом дискурсе. Объяснить это можно из еще не такого далекого прошлого социалистического общежития. Удерживаемые в условиях социального равенства советские граждане при появившейся возможности активно устремились к либеральным и индивидуальным ценностям.

В настоящее время включается эффект возвращающегося маятника – большинство уже осознало и жаждет порядка, правого и социального нормирования жизни. Но, к сожалению, успешное в обретении благ меньшинство для того и боролось за евроинтеграцию, чтобы при неблагоприятных условиях легко можно было бы устраниваться от проблем своего народа и переехать в тихие, уютные страны. Поэтому полноценного социального заказа на солидарность в украинском обществе не сформировано. В этой связи может оказаться неудачным выбор экс-президентом П. Порошенко названия своей партии «Европейская солидарность». Ни на лексическом, ни на идеологическом уровнях слово «солидарность» не увязывается у нашего населения с позитивными или актуальными смыслами. Нет солидарности на повестке дня ни у олигархов с политиками, ни у населения. Более ресурсные избиратели тоже вслед за олигархами стремятся переселиться сами или хотя бы отправить детей в более благополучные уголки планеты.

Библиографические ссылки

1. А.Б. Гофман Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С.97-167.
2. Филиппов А. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. Том. 10. № 3. С. 4–20.
3. Bude H. Solidarität. Die Zukunft einer großen Idee. Carl Hanser Verlag GmbH. 2019, S. 122.
4. Welzer H. Alles könnte anders sein. Eine Gesellschaftsutopie für freie Menschen. S. Fischer Verlag. 2019, S. 320.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОДУКТА В СФЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

А.В. Кириллова, И.Ю. Тимоховцева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kirylava@gmail.com, iryna.tsimokhautsava@gmail.com

Аннотация. В тексте представлены методологическая схема выявления и анализа коммуникационных стратегий продвижения продукта в сфере изобразительного искусства, а также описание и анализ пяти коммуникационных стратегий белорусских художников по продвижению своего творчества на арт-рынке картин.

Ключевые слова: *коммуникационные стратегии продвижения продукта; изобразительное искусство; арт-рынок; белорусские художники.*

COMMUNICATION STRATEGIES OF PRODUCT PROMOTION IN THE SPHERE OF FINE ART

A.V. Kirylava, I.Y. Tsimokhautsava

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents a methodological scheme for identifying and analyzing communication strategies for promoting product in the field of fine arts as well as a description and analysis of five communication strategies of Belarusian artists to promote their work in the art-market of pictures.

Keywords: *communication strategies for promoting product; field of fine arts; art market; belarusian artists.*

Сфера изобразительного искусства способна стать активным участником товарно-денежных отношений при определенных условиях. Беларусь не является «ядром» мирового арт-рынка, но «периферийной» ее частью, которая способна участвовать в мировом обмене произведениями искусства, являясь производителем качественного арт-продукта. Тенденции глобализации стирают национальные границы с помощью цифровых технологий в арт-индустрии. Арт-рынок в Беларуси еще формируется. Нет четких правил взаимодействия субъектов рынка, в принципе, многих субъектов нет, которые могли бы быть по сравнению с развитым рынком. Арт-рынок сам себя обеспечивать еще, как правило, не способен и нуждается либо в государственных, либо в меценатских вливаниях. Присутствуют многие тормозящие факторы развития данного рынка. Маркетинг является инструментом управления взаимодействием субъектов арт-рынка, который выполняет важную функцию по связи между производителем, или посредником с покупателем произведения искусства или, при некоммерческом варианте, со зрителем, потребителем произведения искусства, и оказание воздействие на его сознание. Продвижение как элемент маркетинг-микса должно выполнять стратегическую

функцию, следовать логике достижения поставленных целей. От выбора коммуникационной стратегии будет зависеть конечный результат всего маркетинга.

Коммуникационные стратегии могут быть исследованы с точки зрения одной из вариаций стратегий по Г. Минцбергу: как план; как ловкий прием; как паттерн; как позиция; как перспектива. Коммуникационная стратегия может рассматриваться как основная линия поведения, проявленная в виде контакта субъектов, их непосредственного взаимодействия, что относится к общению, к передаче информации от человека к человеку, получению определенных эффектов от коммуникаций. Коммуникационная стратегия обусловлена интересами в достижении цели наиболее эффективным образом. Модель массовой коммуникации Гарольда Лассуэлла, при незначительной модификации, может служить в качестве оптимальной основы для создания модели анализа коммуникационных стратегий продвижения художников на белорусском арт-рынке картин.

В нашей исследовательской модели анализа коммуникационной стратегии художников были включены следующие параметры: цели художников, каналы коммуникации, целевые группы, обращение к посредникам, позиционирование, обратная связь. В рамках исследования методом полуструктурированного интервью было проведено 10 интервью с белорусскими художниками в возрасте 26 – 69 лет. Результаты эмпирического исследования показывают, что чаще всего художники не рассматривают продвижение себя и своего творчества как целенаправленный процесс. Все цели, которые они упоминают, касаются самого процесса творчества и результатов творчества, но не продвижения личности самого художника, личного бренда, продуктов творчества. Можно выделить следующие цели, которые ставят или хотели бы поставить художники: 1) достичь определенного уровня своего мастерства и получить признание от профессионалов искусства, зарабатывать на своем искусстве; 2) донести свое искусство всему миру; 3) поиск помощника, или артменеджера, или другое заинтересованное лицо, которое будет заниматься вопросами реализации его искусства, его произведения искусства продавались; 4) получать признание, одобрение, поддержку, понимание от публики.

Целевая аудитория формируется по итогу творчества, а не творчество создается под аудиторию. То есть коммуникационный компонент, отделенный от самого творческого их продукта не рассматривается как тот, который может сыграть значимую роль в донесении себя и своего творчества своей публики, или как возможность расширить свою аудиторию за счет того, что были приложены усилия донести информацию о своем творчестве на «языке» аудитории, которой творчество художника могло бы быть интересно. Соответственно, есть тенденция выбирать каналы без учета целевой аудитории и целей художников. Типичным является, что эффективность каналов не отслеживается художниками. Обязательным для себя художники считают выставочную деятельность. Но та выставочная деятельность, которая обычно реализуется, не собирает больших аудиторий и минимально влияет на сбыт произведений художника. Галереями, которые работают на сбыт продуктов художников, может воспользоваться далеко не каждый художник, и те, кого галеристы выбирают на реализацию, не обязательно будут продаваемы. Галереи в Беларуси обычно не вкладываются в продвижение художников и

не заняты их продвижением. Типичным является, что рекламные площадки художники не используют. Встречается реклама в интернете, если художник активно работает над своим продвижением через интернет. Технологии СМИ художники не рассматривают как канал продвижения и пренебрегают ими. Минимальная ориентация художников на использование экспертной оценки для своего продвижения, поскольку художники обычно не рассматривают экспертов в искусстве в качестве мягкой силы, чтобы продвинуться на арт-рынке. Художники обычно не видят в этом никакой для себя пользы, возможно потому, что на белорусском арт-рынке влияние подобных экспертов достаточно слабое. Министерство культуры, по мнению художников, не участвует в вопросах помощи художникам в продвижении изобразительного искусства, Министерство выполняет регулирующую функцию в отношении изобразительного искусства, в частности, осуществляет цензурный контроль выставляемых произведений и решает вопрос вывоза и ввоза произведений изобразительного искусства, решает вопрос закупок произведений художников для музейного фонда. Основная коммуникация осуществляется через неформальный канал коммуникации – слухи, поскольку арт-рынок и среда изобразительного искусства в Беларуси небольшая, что создает хорошие условия для использования данного канала коммуникации.

Художники не задумываются о формировании своей позиции для целевой аудитории. Определенная позиция носит случайный личный характер, формируется стихийно либо через определенные темы (темы культурноисторической памяти, православное христианство); либо через жанр и технику исполнения (декоративное театральное искусство, текстильное высокое искусство, графическая анималистика, традиционный художник станковой живописи); либо через идеи о себе или о мире (глубина образного выражения чувств, просто самовыражение творческой личности, выражение идеи гармонии человека в сочетании с образом танца, свободный художник). То есть позиции могут быть разными и формироваться через тематический ряд, через свою личную философию, через изобразительную технику или стиль, через интерпретацию своей деятельности и ее нужности для себя. Поскольку позиция не формируется художниками сознательно, они не могут использовать ее для того, чтобы ясно преподнести себя и свое творчество для своей публики и сформировать свое уникальное торговое предложение, свой личный бренд, реализовывать свое творчество.

На данном этапе развития белорусского арт-рынка мы выявили, что белорусскими художниками использование посредников не характерно, что роль арт-кураторов технична и не служит для продвижения, а также, что галереи как посредники малоэффективны. А из положительных аспектов будет такое явление как выставки-продажи, фестивали Белгазпромбанка, которые представляют наибольший интерес как проект, продвигающий изобразительное искусство и художников. Но тем не менее его недостаточно, чтобы только с помощью его продвинуть и реализовать художника. При этом мы отметим, что союзы творческих объединений (Белорусский союз художников, Белорусский союз дизайнеров) выполняют роль профессиональных контактов, но не решает вопросов продвижения. И в нашем исследовании не выявлено на белорусском арт-рынке такого субъекта

как арт-дилер, но выявлено присутствие коллекционеров. Обратная связь рассматривается художниками как разнообразные отзывы о творчестве. Художник корректирует свое продвижение в результате сведений от обратной связи, если художник изначально особенно сильно ориентирован на свою целевую аудиторию.

В результате анализа эмпирических данных мы выявили пять коммуникационных стратегий продвижения белорусскими художниками себя и своего творчества. По принадлежности к определенной возрастной группе, мы можем условно развести их на две группы: «традиционная школа», «новая школа». Представители первой группы в своем продвижении рассчитывают на внешнюю помощь (государства, поклонников, кураторов и т. д.) и считают, что их роль в этом процессе сводится к творчеству. Представители «новой школы» в своем продвижении рассчитывают на себя, поскольку понимают насколько высока конкуренция на арт-рынке, и ищут альтернативные традиционным способы продвижения себя и своего творчества.

Стратегии также различаются по содержательному наполнению каждого из шести элементов модели анализа коммуникационной стратегии (цель, целевые группы, каналы коммуникации, позиция, посредники, обратная связь), а также тем, насколько осознанно, целенаправленно и активно художник продвигает себя и свое творчество, а также уровнем осведомленности художника о понятии и процессе продвижения продукта. *Стратегия 1* характеризуется незнанием художника о теории и практике продвижения, нежеланием приобретать эти знания и что-то делать в направлении своего продвижения, художник пассивен в своем продвижении и перекладывает ответственность за свое продвижение на других. В *Стратегии 2* художник представляет себе результат продвижения, но не знает технологии продвижения, ждет помощи со стороны в этом вопросе, не имея достаточной склонности и мотивации заниматься продвижением себя и своего творчества самостоятельно. В *Стратегии 3* художник имеет фрагментарные представления о теории и практике продвижения, художник делает понятные и известные для него, интуитивные шаги в своем продвижении, но они не соотносятся с желаемым результатом. В *Стратегии 4* художник хорошо осведомлен о тех инструментах и технологиях продвижения, которые ему интересны, а также прикладывает последовательные усилия для практического применения своих знаний и получения желаемого результата. В данной стратегии особый акцент будет в ориентации на удовлетворение запросов целевой группы. В *Стратегии 5* художник подходит к реализации своего творчества как к бизнес-модели, хорошо разбирается в теории и практике продвижения, сознательно управляет своими действиями, чтобы достичь желаемого результата, художник активен и предприимчив в своем продвижении, умеет налаживать сотрудничество для достижения лучшего результата. Подобное исследование по изучению коммуникационных стратегий продвижения художников на белорусском арт-рынке картин было проведено впервые. Мы предполагаем, что полученные нами данные могут быть использованы в практике белорусского арт-рынка и преподавании дисциплин, связанных с маркетинговыми коммуникациями в сфере изобразительного искусства.

АБМЕЖАВАННІ КОЛЬКАСНАЙ МЕТАДАЛОГІЯ ДЛЯ ДАСЛЕДАВАННЯ КУЛЬТУРНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

А.Д. Крывалап

УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт»

вул. Блахіна, 29, 211440, Наваполацк, Рэспубліка Беларусь

a.krivolap@psu.by

Анатацыя: Артыкул прысвечаны разгляду магчымасцей колькаснай метадалогіі для даследавання культурнай ідэнтычнасці. Разглядаюцца паспяхова завершаныя даследаванні ў сферы культурнай ідэнтычнасці на беларускім эмпірычным матэрыяле (Л.Навуменка, А.Шэлест). Гэты тэкст не спрабуе вырашыць якая метадалогія лепшая, замест гэтага падкрэсліваюцца станоўчыя наступствы спалучэння метадаў, для дасягнення больш глыбокіх вынікаў. У выніковых справаздачах па выніках колькасных даследаванняў, былі знойдзены аргументы на карысць выкарыстання якаснай метадалогіі для больш глыбокага даследавання пытанняў культурнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: *якасная метадалогія; практыка; колькасная метадалогія; культурная ідэнтычнасць.*

LIMITATIONS OF QUANTITATIVE METHODOLOGIES FOR THE STUDY OF CULTURAL IDENTITY

A.D. Krivolap

Polatsk State University

Blakhina str., 29, 211440, Navapolatsk, Republic of Belarus

a.krivolap@psu.by

Annotation: The article considers the possibilities of quantitative methodologies for the study of cultural identity. In the article have presented successfully completed studies in the field of the cultural identity of the Belarusian empirical material (L.Navumenka, A.Shelest). This text is not trying to decide which methodology is better, but instead emphasizes the positive effects of a combination of methods to achieve more profound results. Arguments for using the qualitative methodology for an in-depth study of issues of cultural identity were found into the final reports on the results of quantitative researches.

Keywords: *quantitative methodologies; practice; cultural identity.*

У свой час П. Бурд'е пераканаўча патлумачыў, чаму не існуе грамадскай думкі «ў тым сэнсе, які ўтоена надаецца ёй тымі, хто займаецца апытаннямі або тымі, хто выкарыстоўвае іх вынікі, толькі гэта, удакладняю, грамадская думка не існуе» [1, с. 177]. Па аналогіі з гэтым, можа паспрабаваць паказаць абмежаванасць магчымасцей колькаснай метадалогіі вымярэння ідэнтычнасці ў грамадстве. Недастаткова наўпрост запытацца да каго вы сябе адносіце, таму што неабходна таксама зразумець, што гэта значыць для рэспандэнтаў і якім чынам іх штодзённыя практыкі сацыяльнай камунікацыі залежыць ад гэтага. Такім чынам мэта дадзенага тэксту – акрэсліць абмежаванні выкарыстання колькаснай метадалогіі для даследавання праблемы ідэнтычнасці.

Існуе цэлы шэраг даследаванняў праблемы ідэнтычнасці ў беларускім грамадстве, але звычайна гэта робіцца пераважна колькаснымі метадамі. У першую чаргу тут неабходна адзначыць разнастайныя маніторынгі грамадскай думкі Інстытута сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Так пад час гэтых даследаванняў рэспандэнтам было прапанавана выказаць свае стаўленне (пагадзіцца ці адмовіцца) да пэўных сцвярджэнняў з звязаных з атаясамліваннем сябе з той ці іншай супольнасцю, сацыяльнай роляю і інш. Пасля гэтага, атрыманыя вынікі ў адпаведнасці з аналітычнымі працэсамі колькаснай метадалогіі потым канвертавалася ў адсоткі для зручнасці параўнання і далейшай візуалізацыі. На падставе атрыманых дадзеных Л. Навуменка сфармулявала «праблему беларускай ідэнтычнасці, якая складаецца са станаўлення і захавання нацыянальнай ідэнтычнасці ва ўмовах сучасных глабалізацыйных працэсаў» [2, с. 173], а таксама прапанавала тэарэтычную схему для вывучэння беларускай ідэнтычнасці, якая прадугледжвае вымярэнні на індывідуальным і групавым узроўні. «Сутнасць беларускай ідэнтычнасці раскрываецца ў пачуццях прыналежнасці і адданасці людзей сваёй краіне Беларусі, дачынення да яе жыцця; еднасці з яе народам, яго культурай і гісторыяй. У якасці базавых кампанентаў беларускай ідэнтычнасці варта вылучыць такія яе складнікі, як тэрытарыяльную, грамадзянскую, этнічную і культурную субідэнтычнасці» [2, с. 179].

Пры гэтым праблема ідэнтычнасці разглядаецца з дапамогай опытыкі розных дысцыплін: псіхалогіі, сацыялогіі, культуралогіі і іншых. Кожная з якіх імкнецца патлумачыць працэс канструявання ідэнтычнасці ў адпаведнасці з уласным тэрміналагічным апаратам і тэарэтычнымі падыходамі. І калі для псіхааналітычнай традыцыі ідэнтыфікацыя можа разглядацца і як працэс і як яго вынік: «Станаўленне і развіццё ідэнтычнасці заключаецца ў сінтэзе ідэнтыфікацый, якія інтэгруюцца ў сістэму складнікаў кампанентаў цэльнай ідэнтычнасці» [3, с. 28]. Расце колькасць публікацый, якія прысвечаны не ідэнтычнасці ў шырокім сэнсе, а яе розным праявам, падзяляючы этнічную, нацыянальную і культурную ідэнтычнасці, што толькі падкрэслівае складанасць і шмат мернасць беларускай ідэнтычнасці. І ў той жа час, «спецыфіка беларускага кантэксту патрабуе выкарыстання ў даследаваннях найбольш адчувальных этнічных і культурных індыхатараў» [3, с. 45–46]. Фактычна, гэта можна інтэрпрэтаваць як падцверджанне абмежаваных магчымасцей колькаснай метадалогіі, якая па зразумелых працэдурных момантах проста фізічна не можна быць максімальна гнуткай і адчувальнай да даследуемых пытанняў. Выснова, што «сярод базавых складнікаў беларускай ідэнтычнасці найбольш актуалізаваны (па змяншэнню) тэрытарыяльная, этнічная і грамадзянская, менш астатніх – культурная» [3, с. 82], – зроблена на падставе колькасці адказаў на пытанне: ці згодны вы з выказваннем, што я прадстаўнік беларускай культуры? Зразумела, што гэта пытанне можа быць прачытана вельмі шырока. Бо што значыць быць прадстаўніком беларускай культуры, ці абавязкова для гэтага быць творцам культуры, ці дастаткова проста быць носьбітам і спажыўцом яе практык і традыцый? Адсутнасць падобных тлумачэнняў у колькасных апытаннях вядзе да таго, што «культурную субідэнтычнасць адрознівае ад іншых самая нізкая

распаўсюджанасць і самая высокая няўзгодненасць ацэнак» [3, с. 83]. Атрымоўваецца, што колькаснымі метадамі, магчыма зафіксаваць наяўнасць істотных адрозненняў у разуменні і інтэрпрэтацыі таго, што такое культурная ідэнтычнасць, а для таго, каб патлумачыць чаму так адбываецца ўзнікне патрэба ў якаснай метадалогіі. Л. Навуменка тлумачыць, што «гэта сведчыць пра мэтазгоднасць у далейшым пад час даследаванні беларускай ідэнтычнасці выкарыстоўваць спалучэнні гэтых двух падыходаў пры прэваліраванні «якаснага» з іх» [3, с. 158].

Яшчэ адным прыкладам выкарыстання колькаснай метадалогіі (анкетанае апытанне), можа быць даследаванне «Сацыяльная база праграм трансфармацыі ў Беларусі», мэтай якога было «даць змястоўнае і колькаснае апісанне беларускага грамадства па крытэрыю адносін да інавацый і маштабу самавызначэння» [4, с. 6]. У выніку атрымалася шмат цікавых і нечаканых высноў, якія патрабуюць дадатковых тлумачэнняў: «Яшчэ менш зразумелая сітуацыя са структурай ідэнтычнасці» [4, с. 92], якая мае некалькі парадоксаў і негатыўных фактараў, якія пагражаюць магчымым трансфармацыям, сярод якіх неабходна адзначыць рэнесанс савецкай ідэнтычнасці, адсутнасць публічнага абмеркавання наяўных праблем і непераадольныя перашкоды паміж грамадскімі актывістамі і шырокімі слямі насельніцтва. Атрымоўваецца, што 25,6% апытаных адказалі, што часта адчуваюць аднасць з савецкім народам, такой «фантомнай супольнасцю, рэальнае існаванне якой засталася ў мінулым. Самаідэнтыфікацыя сябе ў якасці беларуса, што б ні стаяла за гэтым словам ва ўяўленні рэспандэнтаў, знаходзіцца на першым месцы па распаўсюджанасці, больш за тое, практычна не мае негатыўнай самаідэнтыфікацыі» [4, с. 37]. Ёсць нечаканыя вынікі, якія вельмі праблематычны патлумачыць з дапамогай колькаснай метадалогіі.

Іншымі словамі, колькасная метадалогія дазваляе зафіксаваць змяненне ў разуменні культурнай ідэнтычнасці, паказаць наяўнасць тэндэнцыі, але далей яе выкарыстанне не прыносіць плённых вынікаў і таму неабходна ўключаць кампанент якаснай метадалогіі. Складанасць даследавання ідэнтычнасці можна параўнаць з цяжкасцямі вывучэння сістэмы каштоўнасцей: ёсць словы, а ёсць практыка, ёсць прыгожыя тлумачэнні, а ёсць не прыдатная да тлумачэння дзейнасць сэнс якой у ёй самой. З культурнай ідэнтычнасцю такія ж самыя складанасці, можна праводзіць шматлікія колькасныя апытанні, якія будуць выяўляць пэўныя наяўныя тэндэнцыі, але будуць пазбаўлены магчымасці іх патлумачыць.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Бурдье П. Общественное мнение не существует // Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С.159-177.
2. Науменко Л.И. Белорусская идентичность. Концептуализация понятия // Социологический альманах. № 1. 2010. С. 171–180.
3. Науменко Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. Минск : Беларуская навука, 2012. 205 с.
4. Шелест О. Социальная база программ трансформаций в Беларуси. Отчет по результатам исследования. Минск, 2017. 154 с.

РИСКОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ХИМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Т.В. Купчинова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kupchinova@yandex.ru

Аннотация. Химическая отрасль одна из самых опасных отраслей промышленности. В этой связи вопросы, связанные с риском, его восприятием общественностью, принятием/неприятием риска общественностью становятся актуальными. Статья посвящена проблеме рискованной коммуникации в химической отрасли. Отмечаются задачи рискованной коммуникации химической отрасли. Особое внимание уделяется информационному, институциональному и ценностному уровням рискованной коммуникации, а также используемым инструментам коммуникации.

Ключевые слова: *рискованная коммуникация; уровни обсуждения рисков в химической отрасли; инструменты коммуникации; тематические социальные сети.*

RISK COMMUNICATION IN THE CHEMICAL INDUSTRY

T.V. Kupchinova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The chemical industry is one of the most dangerous industries. In this regard, issues related to risk, its public perception, acceptance / rejection of risk by the public become relevant. The article is devoted to the risk communication in the chemical industry. The tasks of risk communication in the chemical industry are noted. Special attention is paid to the informational, institutional and value levels of risk communication, as well as used tools of communication.

Keywords: *risk communication; levels of risk discussion in the chemical industry; communication tools; thematic social networks.*

Рискованная коммуникация представляет собой процесс обмена информацией между людьми, группами, учреждениями по поводу характера и природы риска, реакций на сообщения о риске и возможности управления риском. Главной отличительной особенностью рискованной коммуникации является наличие диалога между лицами, принимающими решения и группами общественности. Вопрос о важности рискованной коммуникации в опасных отраслях промышленности поднимается исследователями, представителями общественных организаций, международными организациями, гражданскими активистами. Химическая отрасль не является исключением, поскольку риски от химических веществ могут повлиять на физическую, естественную природу человека. При этом негативные последствия можно наблюдать спустя длительный промежуток времени, а также в сочетании с другими факторами риска (образ жизни, качество продуктов питания, состояние экологии и др.). Исключения составляют чрезвычайные происшествия.

Информирование о рисках является необходимым и востребованным видом деятельности, который частично предопределен государственными требованиями и нормативными актами, спросом заинтересованных сторон и давлением со стороны общественности. Так, например, на законодательном уровне установлены нормативы предельно допустимых концентраций химических и иных веществ, микроорганизмов, допустимых выбросов и сбросов химических и иных веществ и др. Существуют различные источники потенциального ущерба для человека или окружающей среды, связанные с использованием химических веществ. Среди них можно выделить: эндокринные нарушения (псевдоэстрогены); пестициды и гербициды; стойкие органические загрязнители; генно-инженерные продукты; канцерогенные вещества и др. Рисковые коммуникации в химической отрасли должны быть направлены на решение следующих задач: объяснить понятие вероятности и стохастических (случайных) эффектов; объяснить разницу между риском и опасностью; обеспечить понимание синергетических эффектов; повысить доверие к учреждениям, которые предоставляют информацию о рисках (что крайне важно в ситуациях, когда личный опыт отсутствует, а люди зависят от предоставляемой информации) и др. Рисковые коммуникации могут быть рассмотрены на трех уровнях [1]: информационном; институциональном; ценностном.

Первый уровень включает в себя фактические данные о вероятностях риска и степени потенциального ущерба. Если проблема заключается в недостатке специальных знаний у общественности, то целью коммуникации будет являться повышение уровня ее осведомленности. Здесь могут быть использованы разные инструменты и каналы коммуникации. Люди по-разному реагируют на информацию о рисках и возможных последствиях. При этом в зависимости от условий они могут менять свои предпочтения. В этой связи важно не просто передать информацию, но и оценить, правильно ли она понята широкой общественностью. Повысить уровень осведомленности общественности о действии различных химических веществ и связанных с ними рисках, может научная журналистика, а также представители гражданской журналистики, которые являются экспертами в химической отрасли. Стоит отметить, что с развитием социальных медиа высока вероятность получения недостоверного контента, что приводит, например, к появлению различных мифов в отношении продуктов химии. *Институциональный уровень* – на нем основное внимание в дискуссиях уделяется распределению рисков и выгод, а также надежности институтов управления рисками. Ключевыми субъектами коммуникации выступают государство, предприятия химической отрасли, международные организации. Цель – формирование доверия к институциональным структурам, осуществляющим экспертизу рисков. Так, например, в Республике Беларусь в 2016 г. был принят Закон «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду», который регулирует отношения в области проведения государственной экологической экспертизы, стратегической экологической оценки и оценки воздействия на окружающую среду [2]. Также стоит указать такую

структуру как Департамент по надзору за безопасным ведением работ в промышленности Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (Госпромнадзор), который осуществляет специальные функции в области промышленной безопасности, безопасности перевозки опасных грузов [3]. *Ценностный уровень.* – на нем ни техническая экспертиза, ни институциональная компетентность и открытость не являются адекватными условиями для участия общественности. Принятие решений здесь требует консенсуса по вопросам, лежащим в основе дискуссии о рисках. Это подразумевает, что коммуникационные требования первого и второго уровня, то есть информация о риске или участие в двустороннем диалоге, недостаточны, чтобы найти решение, приемлемое для большинства сторон. Решение проблем, связанных с риском на данном уровне требует выстраивание диалога между производителями и потребителями риска, в качестве агентов которых могут выступать гражданские активисты. Площадкой такого диалога, могут быть тематические социальные сети. Так, например, созданы социальные сети экологической направленности (социальное сообщество Ecologin (www.ecologin.org), организация RSA Arts & Ecology Centre (<http://arts-ecology.ning.com/>), социальная сеть экологической направленности Эконтроль (Россия) и др.)

Получение доверия требует постоянного диалога между менеджерами по управлению рисками, заинтересованными сторонами и представителями общественности. Примером может служить добровольная инициатива химической промышленности всего мира – «Responsible Care» («Ответственный подход»). Программа предусматривает открытость информации компаний о своей деятельности и достижениях, помогает предприятиям осуществлять постоянное совершенствование своей деятельности по направлениям: охрана труда, защита окружающей среды и безопасность [4]. Выбор инструментов и подходов зависит от уровня обсуждений рисков, а также целей и задач, требующих решения. Если проблема находится на первом уровне, то есть информационные потребности сосредоточены вокруг технической информации, лучшими инструментами являются: брошюры; информационные видеоролики или интернет-презентации; популярные лекции; беседы. Создание информационных материалов требует обязательного предварительного тестирования (экспертизы). Эффективность этих инструментов зависит от способности целевой аудитории понимать информацию, а также от мотивации целевой группы тратить время и усилия на ее потребление. Если проблема находится на втором уровне, ранее перечисленных инструментов и подходов недостаточно. Институциональная эффективность и надежность требуют дополнительных средств коммуникации. Среди них можно выделить: инспекционные экскурсии по объектам; видео-обзоры; выступления руководителей организации; взаимодействие с общественными организациями экологической направленности; научные конференции и др. Если проблема находится на третьем уровне, то наиболее эффективны на наш взгляд, круглые столы, дебаты, форумы с представителями разных групп общественности. Идея, лежащая в основе рискованных коммуникаций третьего уровня – прийти к консенсусу интере-

сов общества и собственно химической отрасли. Таким образом, рискованные коммуникации в химической отрасли выполняют не только информационную, но и имиджевую функции. Они направлены на создание диалога между государством, производителями и потребителями риска.

Библиографические ссылки

1. Renn, Ortwin, Kastenholz, Hans Risk Communication for Chemical Product Risks. An OECD Background Paper. Bundesinstitut für gesundheitlichen Verbraucherschutz und Veterinärmedizin, Berlin 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mobil.bfr.bund.de/>. Дата доступа: 15.06.2019.

2. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kodeksy-by.com/>. Дата доступа: 15.06.2019.

3. Департамент по надзору за безопасным ведением работ в промышленности министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gospromnadzor.mchs.gov.by/>. Дата доступа: 15.06.2019.

4. Российский союз химиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruschemunion.ru/>. Дата доступа: 15.06.2019.

УДК 316.66; 316.776

ПОНЯТИЯ «РОЛИ» И «СТАТУСА» В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

А. В. Лозовский

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь
lozovski.1992@mail.ru

Аннотация. В работе на основании дискурсного анализа содержания русскоязычных и англоязычных коммуникативных интернет-площадок предлагаются определения понятий «роли» и «статуса» в контексте интернет-коммуникации. Рассматривается тенденция организаторов современных коммуникативных интернет-площадок к сокрытию информации об администраторах данных площадок, включая данные об их статусе.

Ключевые слова: *коммуникация посредством компьютеров; интернет-коммуникация; роль; статус; анонимность.*

THE CONCEPTS OF «ROLE» AND «STATUS» IN A CONTEXT OF INTERNET COMMUNICATION

A.V. Lazouski

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The following article proposes definitions of terms «role» and «status» which are based on the results of discourse analysis of content of Russian-language and

English-language Internet communication platforms. The tendency to hide the information about the members of administration team of the platform (including their status on the platform), which is widespread among the organizers of modern Internet communication platforms, is discussed.

Keywords: *computer-mediated communication; internet communication; role; status; anonymity.*

В 1934 г. социолог Дж. Мид ввел понятие «роли» в дискурс социологии и социальной психологии – впрочем, в своих работах автор не указывал его однозначного определения [1]. Как отмечает социолог Дж. Бейли, в начале XX в. понятие роли превратилось в «мета-конструкт» и вошло в тезаурусы таких научных отраслей как социология, психология, антропология и менеджмент, что в результате привело к многообразию интерпретаций термина «роль» и значительным противоречиям в его определениях, сформулированных различными авторами [2]. Аналогичная ситуация произошла с понятием «статуса», введенного Р. Линтоном в 1936 г., которое автор характеризовал одновременно в качестве абстрактной «позиции в конкретном паттерне» реципрокного социального поведения и «набора прав и обязанностей», предъявляемых обществом носителю данной позиции [3, с. 113–114]. В социологии и социальной психологии понятия статуса и роли тесно связаны между собой: в то время как статус обычно характеризуется исследователями в качестве определенной социальной позиции, занимаемой индивидом, роль зачастую описывается в качестве поведения, ожидаемого от носителя данной позиции окружающими его членами общества [4]. Несмотря на то, что в последнее десятилетие количество отечественных и зарубежных научных публикаций, посвященных изучению коммуникации посредством компьютеров, значительно возросло в сравнении с 1990-2000 гг., сейчас понятия «роли» и «статуса» не имеют устоявшегося определения в контексте изучения интернет-коммуникации.

Проведенный нами дискурс-анализ текстовых и аудиовизуальных материалов на русском и английском языке, опубликованных в открытом доступе в сети Интернет (в число которых вошли публикации пользователей в блогах платформ LiveJournal и WordPress, в микроблогах платформ Twitter и Tumblr, в видеоблогах платформы YouTube, в аккаунтах и группах социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook, на форумах новостных сайтов TUT.by, Onliner.by и «Эхо Москвы») позволил нам сформулировать рабочие определения понятий «роли» и «статуса» в контексте интернет-коммуникации, которые могут использоваться в процессе анализа ролевого поведения пользователей данного типа коммуникации. В этом контексте мы определяем понятие «статуса» в качестве социальной позиции пользователя в рамках коммуникативной площадки, связанной с его возможностями в плане технического и идейного влияния на данную площадку. Под «техническим влиянием» мы подразумеваем возможность пользователя производить манипуляции с контентом, представленном в рамках коммуникативной площадки. К примеру, рядовой пользователь форума может создавать, редактировать и удалять собственные сообщения, в то время как администратор этого форума способен производить те же операции как с собственными сообщениями, так и с сообщениями других пользователей. Администрация форума обладает значительно боль-

шими возможностями к манипуляции контентом форума, чем его рядовые пользователи, что в рамках данной коммуникативной площадки наделяет администраторов и модераторов социальной позицией, отличной от социальной позиции рядовых пользователей (характерно, что особая социальная позиция связана с набором особых социальных экспектаций, предъявляемых ее носителям со стороны рядовых участников форума). Под «идейным влиянием» мы подразумеваем авторитет пользователя в рамках представленной коммуникативной площадки, т. е. его способность своими действиями влиять на поведение аудитории данной площадки благодаря собственной популярности. Влияние действий авторитетного индивида на участников обсуждения может ограничиваться как рамками одной коммуникативной площадки (к примеру, высказывание «локальной знаменитости» в рамках некоего паблика социальной сети по поводу того или иного вопроса), так и распространяться на целый ряд площадок (например, высказывание медиа-знаменитости зачастую обладает высоким уровнем влияния на мнение и связанное с ним поведение аудитории множества коммуникативных площадок одновременно).

Проведенный анализ показал, что на площадках всех видов перечисленных выше коммуникативных платформ (блогах, микроблогах, видеоблогах, социальных сетях и форумах) можно обнаружить индивидов со статусами «рядового пользователя» и «популярного пользователя» (знаменитости). В случае с крупными форумами и крупными пабликами социальных сетей к данным двум типам статусов могут добавляться статусы «администратора» и «модератора» (помощника администратора). На форумах и пабликах, чья иерархия выстроена по классической для данных платформ «вертикальной» структуре («рядовой пользователь – модератор – администратор»), пользователей, входящих в состав администрации, легко определить по соответствующим отметкам, которые платформа присваивает их аккаунтам. Тем не менее, анализ показал, что с середины 2010-х гг. стало появляться все больше форумов и пабликов социальных сетей, придерживающихся неклассической «горизонтальной» структуры иерархии, в рамках которой администраторы не афишируют собственный статус, «смешиваясь» с аудиторией рядовых пользователей (и имея возможность анонимно совершать манипуляции с контентом площадки). В этом случае члены администрации паблика либо форума не представлены на коммуникативной площадке в качестве пользователей с «особыми» статусами и ролями – выявить аккаунты создателей-администраторов можно лишь в случае, если они сами пожелают объявить о своей позиции в одном из обсуждений в рамках площадки. Весьма характерно, что во многих случаях администраторы самих коммуникативных платформ – блогов (LiveJournal), микроблогов (twitter), видеоблогов (YouTube), социальных сетей («Вконтакте») и форумов («TUT.BY») – стремятся сохранять анонимность, не предоставляя рядовым пользователям никаких данных о своей личности. С «обезличенной» администрацией коммуникативной площадки обычно можно связаться посредством указанного в графе «контакты» e-mail адреса либо оставив сообщение в открытом официальном паблике администрации платформы (если таковой существует), однако в большинстве случаев администраторы и модераторы не создают частные официальные страницы в рамках коммуникативной площадки (та-

ким образом, установить их личность оказывается невозможно даже если предположить, что администраторы владеют аккаунтами в рамках данной площадки – на этих аккаунтах нет опознавательных знаков, отличающих рядового пользователя от администратора). В случае успешного контакта пользователя с обезличенной администрацией ответ обычно приходит также в обезличенном виде: к примеру, на вопросы пользователей социальной сети «ВКонтакте» отвечает анонимный «Агент поддержки» с определенным порядковым номером – в рамках коммуникативной площадки он обладает статусом «администратора», хотя и представлен на ней не в виде пользователя, но лишь в виде анонимной «части административного аппарата».

Основатель коммуникативной площадки может обладать собственным аккаунтом в ее рамках (Марк Цукерберг имеет аккаунт в Facebook, Павел Дуров имеет аккаунт в «ВКонтакте» и т.д.), однако в этом случае он обладает лишь статусом «популярного пользователя», поскольку считается, что вопросы по модерации контента коммуникативной площадки решают не лично создатели данных площадок, а работающая в рамках площадки группа анонимных «администраторов». Во многих случаях специфика взаимодействия рядового участника коммуникативной площадки с рядовым участником той же площадки будет отличаться от специфики его взаимодействия как с администрацией, так и со «знаменитым» в рамках данной площадки пользователем. К примеру, статус популярного видеоблогера на площадке YouTube (выражаемый в количестве упоминаний о нем в обсуждениях на сторонних по отношению к его странице в YouTube ресурсам) будет отличаться от статуса малоизвестного либо начинающего видеоблогера на той же площадке, что выражается как в уровне интенсивности взаимодействия между популярным видеоблогером и аудиторией его блога, так и в сфере социальных ожиданий аудитории, предъявляемых данному видеоблогеру (содержание этих ожиданий можно в той или иной степени выявить в случае совершения популярным видеоблогером неодобряемых аудиторией действий).

Завершая рассмотрение понятия «статуса», мы можем дать следующее определение понятию «роли» в контексте интернет-коммуникации: это ожидаемое участниками интернет-коммуникации поведение пользователя, обусловленное как его статусом в рамках коммуникативной площадки, так и содержательным аспектом его саморепрезентации (т.е. спецификой информации о самом себе, которую пользователь транслирует собеседникам в процессе коммуникации). К примеру, анализ показал, что если в рамках форума пользователь, являющийся модератором, имеет соответствующие опознавательные знаки (т.е. заявляет о себе как о «модераторе»), пользователи форума будут ожидать от него более «справедливого» и «сдержанного» поведения, чем от рядовых пользователей (если поведение модераторов и администраторов форума не удовлетворяет запросам пользователей, последние имеют тенденцию покидать данную коммуникативную площадку).

Стоит отметить, что потенциально один и тот же пользователь может обладать различными ролями в рамках различных коммуникативных площадок: к примеру, на одном форуме индивид может проявлять себя в качестве сторонника коммунистической идеологии, на другом – в качестве специалиста в области рок-

музыки, на третьем – в качестве интернет-тролля, провоцирующего других участников коммуникации на агрессивные дискуссии, на четвертом – в качестве представителя другого пола или возраста. Возможна ситуация, в рамках которой один и тот же индивид может создать несколько аккаунтов на одной коммуникативной площадке и под различными именами намеренно формировать в сознании аудитории различные образы «персонажей», роли которых могут прямо противоречить друг другу.

Поскольку в условиях интернет-коммуникации роль пользователя в рамках определенной коммуникативной площадки (форума, блога, социальной сети и т.д.) формируется в ходе его взаимодействия с другими участниками данной площадки, содержание этой роли будет основываться на характерном для пользователя поведении, которое стабильно (регулярно) демонстрируется им в рамках данной площадки. При этом не важно, стремится ли пользователь вести себя максимально естественно (т.е. так же, как он вел бы себя в реальной жизни – например, транслировать собеседникам информацию о себе, соответствующую действительности) или намеренно фабрикует собственную онлайн-идентичность (для того, чтобы произвести на собеседников определенное впечатление, которое фактически не соответствует действительности) – в обоих случаях его постоянно повторяющиеся действия приведут к закреплению за ним некой «роли» в рамках коммуникативной площадки, на основании которой пользователи будут ожидать от него определенного, повторяющегося поведения в тех или иных стереотипных ситуациях (к примеру, агрессивность либо вежливость в процессе общения с идейным противником в рамках форума).

Резюмируя, мы можем отметить, что хотя в рамках дискурс-анализа контента различных коммуникативных площадок сети Интернет нами были выделены статусы «рядового пользователя», «популярного пользователя», «модератора» и «администратора», ряд современных (открытых после 2015 г.) площадок новостного и развлекательного характера демонстрирует тенденцию ее организаторов (которые могут выступать в качестве ее администраторов) к сокрытию как собственной личности, так и собственного статуса в рамках площадки. Администрация коммуникативной площадки в этом случае представляется в виде единой обезличенной организации, каждое сообщение которой исходит от лица всех (либо неопределенного количества) ее членов.

Мы предполагаем, что данное обстоятельство связано как со стремлением организаторов площадки избежать определенных требований со стороны аудитории к поведению пользователей, обладающих статусом «администраторов» и «модераторов» площадки, так и с желанием организаторов избежать дискомфорта в результате избыточно интенсивной коммуникации с аудиторией площадки (каждый из участников которой в противном случае мог бы отправлять администраторам и модераторам неограниченное количество сообщений).

Библиографические ссылки

1. Mead G.H. Mind, Self, and Society: The Definitive Edition. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 536 p.
2. Bailey J.R., Yost J.H. Role Theory: Foundations, Extensions, and Applications //

Encyclopedia of Sociology. New York : Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 4. P. 2420–2425.

3. Linton R. The Study of Man, an Introduction. N.Y. : Appleton Century Company, 1936. 503 p.

4. Hindin M. J. Role Theory // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Malden, MA : Blackwell Pub., 2007. Vol. 8. P. 3959–3962.

УДК 81'42:792(476)(045)

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА БЕЛАРУСИ

Н.Н. Максименя

УО «Минский государственный лингвистический университет»

ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь

n.maximenya@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается термин «коммуникативное пространство» как категория современной лингвистики. Предпринимается попытка моделирования коммуникативного пространства в сфере театрального искусства на примере театра Беларуси.

Ключевые слова: коммуникативное пространство; театральный дискурс; коммуникативное сопровождение; анонсирование; театральный бренд.

COMMUNICATIVE SPACE OF THEATRICAL ART OF BELARUS

N.N. Maximenya

Minsk State Linguistic University

Zakharova str., 21, 220034, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The paper considers the term “communicative space as a category of modern linguistics. An attempt is made to model the communicative space in the field of theatrical art on the example of the Theater of Belarus.

Keywords: communicative space; theatre discourse; communicative support; announcing; theater brand.

Категория коммуникативного пространства исследуется в целом ряде наук - философии, социологии, психологии, культурологии и др. Хотя в лингвистике интерес к данному явлению возник сравнительно недавно, как показывают теоретические работы последних лет, лингвисты активно вводят термин *коммуникативное пространство* в научный обиход.

Для всех направлений исследования основополагающим является философское осмысление пространства, которое оценивается на основе понимания видов деятельности: разные виды деятельности человека формируют свои пространства [1]. Совокупность человеческой деятельности составляет жизненное пространство, или пространственную картину мира, в которой существует общество.

В современных гуманитарных науках «пространство» встречается в составе различных терминологических и понятийных словосочетаний: информационное, образовательное, культурное, театральное, художественное, мифологическое, межличностное, когнитивное, языковое и т.д. Понимание пространства в социологии основывается на теории коммуникации Н. Лумана и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Оно понимается как среда, в которой протекают социальные, культурные, духовные процессы. Большинство социологических исследований рассматривает коммуникативное пространство как форму социальной реальности. В социологии получил широкое распространение социокультурный подход, в рамках которого термин «коммуникативное пространство» заменяется понятием «социокультурное пространство» — специфическая пространственно-временная целостность, являющаяся «результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами» [2, с.14].

Без понятия «коммуникативное пространство» сейчас трудно обойтись как в коммуникативной лингвистике, так и в прагмалингвистике. Именно в теории коммуникации это явление начали трактовать широко, понимая его как территорию, среду, «в пределах которой происходит взаимодействие» [3]. В толковании известного лингвиста и литературоведа Б.М. Гаспарова *коммуникативное пространство* представляет собой особую мысленную сферу, «в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности» [4, с. 223]. Основными характеристиками коммуникативного пространства ученый считает его изменчивость, динамичность, дисконтинуальный (неравномерный) характер. Более того, коммуникативное пространство в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов «образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [4, с. 225]. Эта целостная коммуникативная среда, определяемая метафорой *коммуникативное пространство*, включает в себя жанровую характеристику конкретного вида деятельности, предметное содержание, общую интеллектуальную сферу, определяемую принадлежностью содержания, а также коммуникативную ситуацию. Ряд исследователей (Г.Г. Почепцов, В.В. Макаров и др.) придерживаются схожего мнения.

Существует и более узкое понимание коммуникативного пространства. Так, Г.Б. Крейдлин определяет его как проксимальное пространство (актуальное коммуникативное пространство) между участниками общения [5]. Т.А. Воронцова, исследовавшая коммуникативное (коммуникативно-прагматическое) пространство с лингвопрагматических позиций, определяет категорию коммуникативного пространства как «речевую ситуацию, включающую роли говорящего и слушающего, характеристики времени и места, правила согласования этих целей в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта другому и т.д.» [6, с. 13]. Сказанное справедливо по отношению к театральному дискурсу, поскольку участники данного вида коммуникации находятся в специфической коммуникативной среде, представленной в виде институционального образования «театр». Их деятельность регламентирована в соответствии с коммуникативными установками, свойственными для

вышеназванного социального института.

Вслед за Т.В. Поплавской мы понимаем коммуникативное пространство как языковой ареал, совокупность языковых кодов, социальную группу, сферу общения, вид деятельности, ситуацию. Оно воспринимается аудитивно, визуально, ментально и репрезентировано материальными и нематериальными объектами [7]. Такое понимание коммуникативного пространства близко его пониманию в социологии, т.е. это социокультурное пространство: оно функционирует в социуме с учетом культурных параметров. Коммуникативное пространство есть результат абстрагирования от некоторых сущностей, оно отображает фундаментальные и наиболее существенные отношения в реальном мире и познании, это открытая категория, имеющая регулярные способы выражения.

Театральный дискурс, понимаемый исследователями как социальное действие, воплощенное театральной труппой под руководством режиссера-постановщика перед зрительской аудиторией, обладает специфическим коммуникативным пространством, которое включает в себя такие значимые элементы, как адресант (автор), режиссер-постановщик, театральная труппа, адресат (зритель), а также пространство сцены, где осуществляется театральное действие, и зрительный зал. Мы полагаем, что коммуникативное пространство театрального искусства включает, помимо вышеперечисленных, следующие элементы. Рассмотрим их на примере театра Беларуси. Во-первых, это непосредственно театральные события (постановки, спектакли, премьеры, фестивали, театральные встречи и т.п.). По данным национального статистического комитета страна – лидер по числу театральных мероприятий. Театральная жизнь Беларуси насыщена яркими фестивальными событиями. Мастера сцены приезжают в Беларусь, чтобы представить на суд театральных деятелей и зрителей свои лучшие работы. С 1996 года в Бресте проводится Международный театральный фестиваль «Белая Вежа». Могилев стал площадкой для Международного молодежного театрального форума “М@art. контакт”. В Витебске в рамках Международного фестиваля искусств «Славянский базар» проходит любимая публике программа «Театральные встречи». Столица принимает Международный фестиваль театрального искусства «Панорама», Международный фестиваль студенческих театров «Театральны куфар», Международный форум театрального искусства «ТЕАРТ», Белорусский международный фестиваль театров кукол. Во-вторых, коммуникативное сопровождение театральных событий. Каждому периоду становления, развития, воплощения и сценического бытования спектакля соответствует свой этап коммуникативного сопровождения. Коммуникативное сопровождение спектакля — это ключевое звено и наиболее эффективное средство идентификации спектакля как самостоятельного художественного произведения на театральном рынке. Одной из целей коммуникативного сопровождения является утверждение образа спектакля в сознании потенциальных зрителей, более того — постоянное присутствие данного образа на театральном рынке. Генеральная стратегия коммуникативного сопровождения спектакля на всех этапах его сценической жизни обуславливается спецификой спектакля как произведения сценического искусства.

Частью коммуникативного сопровождения театральных событий является

анонсирование как особый род коммуникативной деятельности. Анонсирование как вид коммуникации распространяется на такие социальные сферы, как публицистическое пространство газет и журналов, радиопространство, телепространство и Интернет-пространство.

Посредством анонсирования возникает коммуникативное поле театрального события, включающее известные факты, связанные с историей создания пьесы, творческой биографией режиссера-постановщика, репертуарную политику театра, его художественную программу, возможный опыт предыдущих постановок пьесы в других театрах. Следующий этап коммуникативного сопровождения — репортажи с репетиций, интервью с актерами, режиссерами, драматургами и другими участниками. На этом этапе начинает реализовываться программа продвижения — масштабно используются рекламные и PR-тексты, сообщения о предстоящем выходе спектакля активно тиражируются в СМИ. Начинается широкое оповещение зрителей о дне премьеры с использованием разнообразных средств, форм и жанров. Важнейшим жанровым репрезентантом театрального дискурса является афиша. Театральная афиша встречается во многих сферах: в Интернет-пространстве, в городском пространстве, непосредственно в пространстве театра. По своей структуре театральная афиша является семиотически осложненным текстом, который состоит из двух неомогенных частей — вербальной и невербальной, она совмещает пространство изображения и слова. Афиши многих белорусских театров выдержаны в единой стилистике, что формирует имидж театра и делает его узнаваемым среди целевой аудитории. На третьем, самом активном этапе коммуникативного сопровождения, освещающем премьерные представления, а также мероприятия, к ним приуроченные, чрезвычайно важно установление обратной связи. Так ли зритель воспринял и понял спектакль, как он был задуман его создателями; совпадает ли, хотя бы в общих чертах, «образ-замысел» спектакля с его «образом-восприятием» в сознании зрителя; вполне ли адекватно присутствует спектакль как «образ-произведение» на театральном рынке? Получение обратной связи становится возможным, в первую очередь, благодаря Интернет технологиям (социальным сетям, форумам, блогам, электронной почте и пр.). Театральные рецензии тоже являются частью коммуникативного пространства театра. Обсуждение спектакля профессионалами, обмен мнениями, дискуссии проходят на виду у обычных зрителей в форме круглых столов, ток-шоу по радио и на телевидении. Важным элементом коммуникативного пространства театра является и театральный бренд, важная с точки зрения позиционирования и продвижения целостная смысловая система, где в единый комплекс включены образы театрального исторического наследия, современности и перспективы будущего. К элементам театрального бренда среди прочего можно отнести визуальные образы и смысловые интерпретации эмблемы театра, имидж театра, специализацию театра, его мифологию, маркетинг театра, а также театральную номинацию или театроним (имя собственное, обозначающее название театрального объекта, или объекта, относящегося каким-либо образом к театральной сфере). Театронимы Беларуси это, прежде всего, названия театров, коих в Беларуси на конец 2017 г. насчитывалось 29, каждый из которых осуществляет индивидуальную репертуарную политику.

Даже столь беглый анализ *коммуникативного пространства театрального искусства* указывает на его сложность и многообразие подходов, каждый из которых заслуживает отдельного исследования и изучения.

Библиографические ссылки

1. Бобрихин А.А. Концептуализация пространства в культуре (на примере традиционной культуры русского населения Урала): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Челябинск, ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2011. 226 с.
2. Естрина О.В., Дулина Н.В. Социокультурное пространство: определение понятий // Человек. Культура. Общество. Вып. 5. Волгоград, 2007. С. 13—15.
3. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iub.at.ua/_ld/0/61_._.pdf. Дата доступа: 6.05.2019.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.:Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
5. Крейдлин Г.Б. Невербальная семиотика и её соотношение с вербальной: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., РГГУ, 2000. 68 с.
6. Воронцова Т.А. . Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология, 2009. Вып. 1. С. 11—17.
7. Поплавская Т.В. Еще раз о коммуникативном пространстве // Коммуникативное пространство Беларуси: мат-лы Междунар. науч. конф., Минск, 24 нояб. 2016 г. Минск: МГЛУ, 2017. С. 3-5.

УДК: 159. 922.27:316.6

ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Т.Н. Малкова, И.В. Сингаевская

ВУЗ «Университет экономики и права «КРОК»

ул. Лагерная, 30-32, 03113, Киев, Украина

tetyanammm@krok.edu.ua, irinas@krok.edu.ua

Аннотация. В статье конкретизировано понятие «общение» в отличие от понятия «коммуникация». Понятие «коммуникация» охватывает всё многообразие социальных связей, понятие «общение» относится к непосредственным формам взаимодействия людей («face to face communication»). В статье рассмотрены экстралингвистические, паралингвистические и невербальные непаралингвистические компоненты общения на примере ситуации взаимодействия выступающего с аудиторией. На основе предложенной теоретической модели взаимодействия выступающего с аудиторией проанализированы структурные компоненты общения, раскрыто их функциональное значение. Сделан вывод о необходимости рассмотрения каждой конкретной ситуации общения в её целостности. Системный подход к анализу общения может быть реализован на основе теории фреймов, позволяющей описать специфику каждой конкретной ситуации общения.

Ключевые слова: *общение; коммуникация; значение; смысл; невербальные (непаралингвистические) средства общения; текст.*

PUBLIC SPEAKING: STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

T.N. Malkova, I.V.Synhaivska

«KROK» University

Lagernaya str., 30-32, 03113, Kyiv, Ukraine

Annotation. The article precises the notion of «interaction» as being different from «communication». Communication covers the whole diversity of social links, while interaction refers to face to face communication. The article studies extralinguistic, paralinguistic, and non-verbal non-paralinguistic components of interaction, with the situation of interface between a public speaker and the audience as an example. Based on the theoretical model of interface between a public speaker and the audience, as suggested by the authors, the structural components of interaction were analyzed and their functional meaning was disclosed. A conclusion was made about the need to study each particular interaction case as a whole. A systematic approach to analyzing interaction may be implemented based on the frames theory, which allows describing the peculiarities of each particular case.

Key words: *face to face communication; social interaction; denotation; meaning; nonverbal (non-paralinguistic) means of communication; text.*

На первый взгляд, категория общения – наиболее изученная в психологии (вспомним труды Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Г.С. Костюка, Б.Ф. Ломова, О.О. Леонтьева, О.О. Бодалева, Г.М. Андреевой). Общение как процесс непосредственного взаимодействия выступающего с аудиторией требует представления о его составляющих. Необходимо выделить его компоненты и отразить их в теоретической модели ситуации взаимодействия коммуникатора с аудиторией. В подготовке к выступлению выделяют две основные фазы: докоммуникативную (подготовку содержательной части выступления) и коммуникативную – фазу взаимодействия с аудиторией. В литературе по ораторскому искусству важное место занимают рекомендации, касающиеся подготовки содержания выступления. Детально рассматриваются разные стадии докоммуникативной фазы: выбор темы, особенности логико-композиционного построения выступления и т.д. [1; 2].

Наиболее важным компонентом публичного выступления считают речь, вернее, ее содержание. Восприятие содержания речи аудиторией происходит в определенных пространственно-временных и социально-политических условиях. Одна и та же тема по-разному воспринимается в условиях войны и в условиях мира. На отношение аудитории к общению с оратором влияют назначение, размеры и оформление помещения, в котором происходит встреча. Не случайно при проведении мероприятий обстановке уделяется значительное внимание. Часто предметы, находящиеся в помещениях, подбираются специально и имеют определенную символику, имеющую свои корни в историческом прошлом данного этноса. Эти особенности взаимодействия оратора с аудиторией являются экстралингвистическими невербальными характеристиками общения. К невербальным компонентам устного выступления относятся также технические (визуальные – «презентации», и аудиальные) и наглядные (макеты, муляжи, модели и т. п.) средства, использующиеся коммуникатором. В устном выступлении можно выделить следующие ком-

поненты: вербальные (текст выступления); паралингвистические; собственно невербальные.

Эффективность текстового сообщения зависит от выбранных лингвистических средств общения. Те из них, которые способствуют адекватному пониманию текста, называются лингвистически релевантными. Готовность к адекватному толкованию текстов и сообщений определяется тезаурусом, то есть общей системой значений, которой придерживаются все члены данного социального сообщества. Вместе с тем, в зависимости от социальных, политических, этнических, профессиональных, возрастных и индивидуально-психологических особенностей значение одних и тех же слов воспринимается разными людьми по-разному. Тезаурус отдельной личности или группы людей всегда содержит как общие, так и специфические элементы. Преобладание в тезаурусе специфических для данной социальной группы значений может привести к искажению смысла сообщения, его частичному пониманию. Профессиональная речь или жаргон специалистов одной области знаний может оказаться недоступным для представителей других специальностей. То же можно сказать о сленге.

Паралингвистические и собственно невербальные компоненты устной речи одинаковые по форме. К ним относятся кинесические («телесные»), проксемические (пространственные) и хронемические (временные) характеристики общения. Паралингвистические средства речевого общения неразрывно связаны с содержанием речи и влияют на понимание этого содержания. Логическое ударение, подчеркивание чего-нибудь в речи могут быть осуществлены кинесически (жестом, мимикой, движением головы, интонацией и пр.), проксемически (сокращением дистанции с партнерами по общению), хронемически (с помощью изменения темпа речи или паузы). Использование паралингвистических средств может усилить, ослабить и даже изменить смысл высказывания на противоположный [3; 4].

Собственно невербальные выразительные проявления (интонационные, мимические, жестикуляторные и др.) не связаны с содержанием речи. И.Н. Горелов считает необходимым рассматривать только такие невербальные компоненты знаков, которые или сознательно вводятся «трансмиссором» в коммуникацию, или сознательно воспринимаются реципиентом, или находятся в сфере сознания и «на выходе», и на «входе» [5]. Так, невербальные проявления часто не контролируются говорящим и не всегда воспринимаются аудиторией на сознательном уровне. Одни особенности оратора могут способствовать, а другие – препятствовать принятию излагаемой им информации (поэтому в устном выступлении выделяют информацию двух видов: основную, содержащую ценностные значения (представленные в основном вербально), и дополнительную, функция которой – приведение человека в состояние, благоприятное для принятия основной информации [6]).

Можно выделить такие функции непаралингвистических невербальных проявлений: 1) информативную – передача информации об индивидуально-личностных чертах оратора (интеллекте, уровне притязаний, самоотношении, характере, темпераменте), отношении к произносимому (степень убежденности, искренности, личной заинтересованности) и к аудитории (мера заинтересованности

в слушателях, уважение/неуважение к ним); 2) регулятивную – возможность управления общением с помощью средств невербального влияния (зрительного поведения, паузации, жестикюляции и пр.); 3) аффективную – возможность непосредственной передачи эмоционального состояния оратора слушателям. Также можно выделить эстетическую и этическую функции средств невербального влияния. Ситуация взаимодействия оратора с аудиторией – это ситуация целенаправленного влияния одного человека на группу людей. По характеру влияние может быть убеждающим или суггестивным. Убеждение строится на умении логично обосновывать свою точку зрения, внушение предполагает некритическое восприятие информации. В последнем случае решающую роль имеет личность коммуникатора, особенно такое его качество, как «харизматичность». Харизма – это власть, построенная на силе личностных качеств или способностей [7].

В самопрезентации выступающего значительную роль играет его внешний вид, под которым мы понимаем индивидуально-неповторимую совокупность физических («телесных») качеств человека и особенностей их оформления. Внешний вид оратора может отвечать или не отвечать ситуации общения. В определенных ситуациях внешний вид участников общения строго регламентируется (например, на дипломатических приемах). Внешний вид несет информацию о социальной принадлежности, общественном статусе человека, чертах его личности – например, ценностных ориентациях [8]. Умение оратора контролировать свое поведение во многом зависит от меры осознания значения отдельных составляющих ситуации общения и навыков произвольной регуляции своего поведения. Поэлементный анализ структуры и функций составных ситуации общения – один из возможных подходов к ее рассмотрению. Другой подход может базироваться на определении Т.М. Дридзе понятия «текст»: текст – система смысловых элементов, объединенных в единую замкнутую иерархичную коммуникативно-познавательную структуру замыслом (коммуникативным намерением), отвечающим конкретной цели субъектов общения [9].

Сложность, многоаспектность, многогранность общения усложняет его изучение средствами лишь одной науки. Психология общения должна опираться на разработки семиотики, семантики, лингвистики и других наук.

Библиографические ссылки

1. Ножин Е.А. Мастерство устного выступления: Учеб. пособие. М.: Политиздат, 1978. 254 с.
2. Сопер Поль Л. Основы искусства речи. М.-Л.: 1958. 471 с.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М. : КомКнига, 2010. 96 с.
4. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2011. 304 с.
5. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. : Наука, 1980. 104 с.
6. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 1998. 376 с.
7. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1998. 701 с.
8. Пекна Г. Б., Сингаївська І. В. Психологічні особливості сприйняття театрального мистецтва // Актуальні питання сучасної науки та практики: матеріали Науково-

практичної конференції (15 листопада 2018 року, м. Київ) К.: Університет «КРОК», 2018. С. 551–552.

9. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М. : Наука, 1984. 268 с.

УДК: 165.1, 004, 007. 51

ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

С.С. Мишук

УО «Международный государственный экологический институт
имени А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета»
ул. Долгобродская, 23 , 220070, Минск, Республика Беларусь
mishuk_siarhei@inbox.ru

Аннотация. В работе рассматривается процесс эволюции ноосферы как наиболее активной планетарной оболочки на современном этапе развития человеческой цивилизации. С этой точки зрения изучается система инфокоммуникационных технологий в качестве необходимого и закономерно возникающего компонента ноосферы. Она позиционируется как глобальная по масштабам система отражения, превращающая Землю в субъект космической эволюции. Возникновение и функционирование общепланетарной системы отражения с необходимостью приводит к существенным изменениям познавательной деятельности человека. Одним из важнейших изменения подобного типа выступает трансформация языкового мышления как основы собственно человеческого типа отражения объективной реальности.

Ключевые слова: *инфокоммуникационные технологии; глобальная система отражения; ноосфера; цивилизация; языковое мышление; познавательная деятельность.*

INFOCOMMUNICATION SPACE AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE LANGUAGE THINKING

S.S. Mishuk

International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University
Dolgobrodskaya str., 23, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The paper considers the process of evolution of the noosphere as the most active planetary shell at the present stage of development of human civilization. From this point of view, the system of information and communication technologies is studied as a necessary and naturally occurring component of the noosphere. It is positioned as a global-scale reflection system that turns the Earth into a subject of cosmic evolution. The emergence and functioning of the planetary system of reflection necessarily leads to significant changes in human cognitive activity. One of the most important changes of this type is the transformation of language thinking as the basis of the actual human type of reflection of objective reality.

Keywords: *infocommunication technologies; global reflection system; noosphere;*

civilization; language thinking; cognitive activity.

Интенсивное распространение компьютерных технологий, их включенность во все сферы жизни общества, привело к настолько сильным трансформациям во всех сферах общественной жизни, что в 80-е годы XX века был сделан вывод о возникновении «компьютеризированного, или информационного общества» как нового этапа в развитии человеческой цивилизации.

В настоящее время сделан более общий вывод о формировании глобальной системы инфокоммуникационных технологий как принципиально новом компоненте современной цивилизации. Появление данной системы явилось закономерным и необходимым этапом в развитии человеческого общества. С ее возникновением ноосфера как планетарная оболочка Земли приобрела логически заверченный вид. В известном смысле становление глобальной по масштабам системы получения (производства), обработки, хранения, передачи, распределения, обмена и потребления (использования) информации означает появление единой для всей планеты «системы психического отражения». В результате Земля, в определенном смысле, превращается из объекта космической эволюции в ее субъект.

Рассматривая под таким углом зрения сформировавшуюся в рамках человеческой цивилизации систему информационно-коммуникационных технологий, можно сделать вывод о появлении глобальной по масштабам системы отражения. В процессе ее функционирования и развития данное образование начинает все четче проявлять имманентно присущие ему закономерности. Поскольку данная система возникает в рамках человеческой цивилизации, в ней с необходимостью присутствуют фундаментальные закономерности познавательной деятельности человека, но реализация их обладает также и рядом специфических особенностей.

Одной из важнейших закономерностей подобного типа является, на наш взгляд, глубокое единство языка и мышления, которое традиционно трактуется как единый по своей сути феномен «языкового мышления». Формирование глобальной системы обмена информацией первоначально воспринималось как возникновение общецивилизационного инструмента, предоставляющего большинству людей колоссальные возможности непосредственного и быстрого доступа к духовным богатствам человечества. Однако реальные процессы демонстрируют существенно иную картину. Происходит, прежде всего, экспоненциальный рост объемов информации, безответственно направляемой в систему информационно-коммуникационных технологий. В результате всемирная сеть переполняется сведениями, которые в большей степени искажают объективную реальность, чем отражают ее. Пагубность данной тенденции стала настолько очевидной, что уже ставится задача перехода на новый формат интернета, когда направляемая в сеть информация будет поступать туда только после оценки экспертным сообществом. Однако вышеназванная проблема достаточно очевидна и, соответственно, поверхностна. Существенно большее значение имеют, на наш взгляд, процессы, приводящие к внешне малозаметным, но от этого более глубоким трансформациям сознания как отдельного человека, так и целых социальных групп. Одним из факторов, формирующих данную негативную тенденцию, является, очевидно, постоян-

ное упрощение и искажение языковых средств, используемых индивидами в виртуальной среде.

Изменение языкового мышления в целом как феномен общения в виртуальной среде приобретает, очевидно, массовый характер. Этот процесс превращается в закономерность уже в том смысле, что становится характерной чертой при общении подавляющего большинства участников, то есть превращается в эмпирически фиксируемую норму. Будучи сформированной, она в дальнейшем становится необходимым условием «вхождения в среду» для новых участников независимо от их собственных установок. Результатом данного процесса является формирование противоречий на базовых, фундаментальных уровнях сознания и языковой культуры личности. Личность формируется в нормальной культурно-языковой среде на самых ранних (и поэтому наиболее важных) этапах социализации. В этот период, на основе языкового мышления в том числе, закладываются базовые программы, определяющие в дальнейшем социальное поведение человека. Данные программы, даже если они и не осознаются в полной мере, всегда выражаются в конкретной языковой форме, соответствующей языку общения. Общение в виртуальной среде воспринимается субъектом как весьма важный компонент его жизнедеятельности. И в результате возникает глубинное противоречие между заложенными на ранних стадиях формирования личности нормами и идеалами, с одной стороны, и правилами текущего общения, с другой. Возникает определенное «раздвоение» личности человека, которое однозначно может приводить к негативным последствиям функционирования, как его индивидуального сознания, так и социального поведения. По сути, возникает ситуация, когда масса общающихся в виртуальной среде является в ней не теми людьми, которые уже сформировались. Это является очень мощным фактором, вызывающим глубокие и постоянно присутствующие стрессы, которые могут развиваться как в различные скрытые психические расстройства, так и в аномальное поведение. Стремление к максимально возможному количеству контактов, присутствующее у пользователей социальных сетей, очевидно, подталкивает к появлению своего специфического языка, когда исчезают требования элементарной грамотности при написании сообщений, слова заменяются сочетаниями отдельных букв и др. Создается видимость ускорения процессов общения, однако в действительности происходит обратное. Общение утрачивает глубину, становится более поверхностным. Однако негативные трансформации сознания присутствуют с необходимостью. Нарушается наработанная в течение предшествующего развития целостность сознания человека. Новые вербальные конструкты включаются в уже существующую структуру сознания как изначально противоречащие ей компоненты. В результате они вступают в противоречие с уже сложившимися у человека структурами восприятия реальности и мышления. Данные инородные компоненты подобны компьютерным вирусам. Только поражают они именно базисные уровни, которые закладывались в период самой ранней социализации личности и потом являются наиболее важными и, одновременно, трудноосознаваемыми. В результате нарушается формирующаяся годами целостность человеческого сознания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные инфокомму-

никационные технологии можно рассматривать как глобальную систему человеческого сознания. Внутренние закономерности развития виртуальной среды, ориентирующие на постоянное расширение количества контактов в ущерб их качеству приводят к нежелательному упрощению, примитивизации языковых средств, используемых в процессе общения.

УДК 378. 011.3:159.9

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Л.А. Онуфриева, О.Н. Чайковская

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко
ул. Огиенко, 61, 32300, Хмельницкая область, Украина
kpnu_lab_ps@ukr.net, chaikovska.oksana@ukr.net

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа особенностей коммуникативной компетентности будущих психологов. Коммуникативная компетентность в общении рассматривается как сложно организованное психологическое образование субъекта общения, система коммуникативных знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективность его коммуникативной деятельности. Определено, что коммуникативная компетентность психолога проявляется в приобретенных им теоретических знаниях и применяемых на практике навыках и умениях, его мотивации к осуществлению профессиональной деятельности. В статье определены структурные компоненты коммуникативной компетентности психолога, которые необходимы для осуществления эффективной деятельности. Проанализированы гностический, конативный и эмоциональный компоненты коммуникативной компетентности. Рассмотрена коммуникативная компетентность как профессионально значимое свойство специалиста, которая характеризуется комплексом лингвистических, коммуникативных и речевых знаний, умений и навыков, обеспечивающих возможность воспринимать, понимать и выражать свои мысли.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; психологи; специалисты; профессиональная подготовка; коммуникативные знания; коммуникативные умения; коммуникативные способности.

THE PECULIARITIES OF FUTURE PSYCHOLOGISTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE

L.A. Onufriieva, O.N. Chaikovskaia

Kamenets-Podolskyi National Ivan Ohienko University
Ohienko str., 61, 32300, Khmelnytskyi Region, Ukraine

Summary. The results of a theoretical analysis of the characteristics of future psychologists' communicative competence are presented in the article. Communicative competence in communication is considered as a complexly organized psychological education of the subject of communication, a system of communicative knowledge and skills that ensure the effectiveness of his communicative activities. It is determined that the communi-

cative competence of a psychologist is manifested in the theoretical knowledge acquired by him and the skills and abilities used in practice, his motivation to carry out his professional activities. The structural components of a psychologist's communicative competence, which are necessary for the implementation of effective activities, are defined in the article. The gnostic, conative and emotional components of communicative competence are analyzed. The communicative competence is considered as a professionally significant property of a specialist, which is characterized by a complex of linguistic, communicative and verbal knowledge, skills and abilities, providing the ability to perceive, understand and express one's thoughts.

Key words: *communicative competence; psychologists; specialists; professional training; communicative knowledge; communicative abilities; communicative skills.*

Постановка проблемы. Модернизация профессиональной подготовки будущих психологов предусматривает не только повышение теоретических знаний, но и совершенствование коммуникативных умений и навыков как важной составляющей профессиональной речи специалистов. Особое значение приобретает коммуникативная компетентность личности как способность, что способствует налаживанию контактов с другими людьми, осуществлению эффективной деятельности и является характеристикой, которая упрощает достижение определенной цели. Однако реализация задач профессионального совершенствования будущих психологов наталкивается на определённые трудности. В работах, посвящённых профессиональному становлению психолога, не разработаны теоретические принципы, отсутствует целостное представление о личности профессионала, о факторах, которые влияют на его ход.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика формирования коммуникативной компетентности будущих специалистов различного профиля нашла своё отражение в работах таких отечественных и зарубежных исследователей как Ю. Емельянов, В. Борисенко, Т. Гороховская, К. Климова, А. Коваленко, А. Ковтун, С. Максименко, Т. Хоменко, Н. Чепелева, С. Шевчук, Т. Яценко, Д. Хаймс и др. Многие современные исследователи рассматривают компетентность в общении как психосоциальное качество, которое появляется от осознания своей способности эффективно взаимодействовать с окружением (Д. Зиглер, Л. Хьелл). Другие исследователи связывают коммуникативную компетентность с умением давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, определять форму и направление коммуникации и адаптироваться в ней (Е. Руденский). Современные украинские исследователи Н. Гончарук и Л. Онуфриева утверждают, что формирование коммуникативных умений и навыков в условиях УВО обеспечивает вопросы профессиональной подготовки будущих специалистов на основе коммуникативной грамотности, компетентности, эффективного информационного обмена в условиях межличностного взаимодействия [1]. Особенно актуальной сегодня является проблема формирования коммуникативной компетентности у будущих специалистов. Анализ имеющихся публикаций подчёркивает, что исследований, посвящённых развитию компетентности у будущих специалистов, недостаточно. Недостаточно полно определены основные компоненты содержания коммуникативной компетентности, факторы, влияющие на ее развитие и

формирование у будущих психологов.

Цель статьи - теоретически изучить особенности коммуникативной компетентности у будущих психологов.

Изложение основного материала. Анализ дефиниций компетентности в общении позволил выявить различия в подходах разных авторов и одновременно засвидетельствовать определённое сходство по тем или иным признакам данного психологического феномена. В частности, одни авторы главным в коммуникативной компетентности считают эффективность общения (Ж. Глозман, В. Зинченко). Со своей стороны Л. Петровская считает, что гибкость в адекватной смене психологических позиций является существенным показателем компетентного, зрелого общения [4]. Опираясь на результаты исследований многих учёных, мы пришли к выводу, что компетентность в общении имеет (в широком смысле) следующие структурные составляющие: способность предвидеть ситуацию межличностного общения; способность чувствовать социально-психологическую атмосферу ситуации взаимодействия; способность осуществлять социально-психологическое управление процессами общения в ситуации межличностного взаимодействия; способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с людьми; владение определённой совокупностью знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективность общения [1; 3; 4; 6].

Мы принимаем определение, согласно которому компетентность в общении рассматривается как сложно организованное психологическое образование субъекта общения, система коммуникативных знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективность его коммуникативной деятельности. Л. Савенкова отмечает, что система коммуникативных умений включает: речевое (вербальное) общение; владение неречевыми (невербальными средствами общения), социальной перцепции; ориентирования в ситуации общения, создания творческого самочувствия; установление и поддержание обратной связи в общении; завоевания инициативы; построение и реализация плана общения [7].

Структура коммуникативной компетентности анализируется в трудах С. Петрушина [5]. В указанной структуре он выделяет следующие компоненты: когнитивные (ориентированность, психологические знания и перцептивные способности); исполнительские (умения, навыки) и эмоциональные (социальные установки, опыт, система представлений, отношение личности). Когнитивный компонент указанного вида компетентности включает углубленное самопознание, познание партнеров по общению и необходимые знания различных его сфер и форм. Поведенческий компонент коммуникативной компетентности, по мнению С. Петрушина, позволяет эффективно использовать разнообразные средства общения [5]. К наиболее важных составляющих эмоционального компонента коммуникативной компетентности С. Петрушин [5] включает опыт разнообразного общения, положительное самоотношение к партнеру по общению. А. Сидоренко [8], учитывая результаты научных исследований Ю. Емельянова и Л. Петровской [2; 4], отмечает, что коммуникативная компетентность включает несколько элементов, а именно: коммуникативные знания, коммуникативные способности и коммуникативные умения. Коммуникативные способности исследователь рассматривает в

двух аспектах: как природную одарённость человека в общении и как коммуникативную производительность. Отмечает, что есть люди естественно одарённые в области общения, и люди, для которых простые коммуникативные задачи составляют большую проблему. Она пришла к выводу, что люди отличаются друг от друга коммуникативной одарённостью так же, как они различаются своей лингвистической, музыкальной и другими видами одарённости. По мнению С. Максименко и М. Заброцкого [3], структура коммуникативной компетентности специалиста имеет три компонента: гностический, конативный и эмоциональный. Гностический компонент, как утверждают учёные, включает: систему знаний о сущности, структуре, функции и особенности общения и профессионального общения в частности; знания о стиле общения, фоновые знания, то есть общекультурную компетентность личности, не имея непосредственного отношения к профессиональному общению, позволяет уловить, понять скрытые намеки, ассоциации, то есть делает понимание другого человека более эмоциональным; творческое мышление которое обеспечивает творческий характер общения [3]. К конативному компоненту указанной компетентности, по мнению исследователей, входят общие и специфические коммуникативные умения, которые позволяют специалисту устанавливать контакт с собеседником, адекватно познавать его внутреннее состояние, управлять ситуацией взаимодействия с ним, применять конструктивное поведение в конфликтных ситуациях; культура речи; экспрессивные умения; перцептивно-рефлексивные умения, способствующие возможности проникновения во внутренний мир партнера [3]. Эмоциональный компонент указанного вида компетентности включает гуманистические установки в общении, готовность вступать в диалогическое общение с партнером; интерес к внутреннему миру собеседника, развитые эмпатия и рефлексия; высокий уровень идентификации с выполняемыми социальными и профессиональными ролями [3].

Считаем, что коммуникативную компетентность следует рассматривать как профессионально значимое свойство специалиста, которое характеризуется комплексом лингвистических, коммуникативных и речевых знаний, умений и навыков, обеспечивающих возможность воспринимать, понимать и выражать свои мысли. Сложившаяся коммуникативная компетентность является результатом обучения и формирования. Главным условием целенаправленного формирования коммуникативной компетентности будущих психологов выступает должным образом организованная образовательная деятельность. Формировать коммуникативную компетентность психологов означает осуществлять управление их образовательной деятельностью на этапе профессиональной подготовки. Можно утверждать, что коммуникативная компетентность будущих психологов заключается в формировании и актуализации таких черт личности как: активность, контактность, инициативность, умение выражать свое мнение, убеждать других, умение выражать свое эмоциональное настроение, умение быстро и легко найти выход из любой коммуникативной ситуации, умение реагировать как на справедливую, так и на несправедливую критику, умение оказать поддержку, ориентация на сотрудничество, ответственность, уважение, дружелюбие.

Выводы. Итак, коммуникативная компетентность является одним из важ-

нейших структурно-функциональных компонентов профессиональной компетентности психолога. Формирование навыков коммуникативной компетентности будущих психологов осуществляется в результате взаимосвязанной деятельности преподавателя и студента. Содержанием обучения выступает система знаний, умений, навыков, которые обусловлены спецификой профессиональной деятельности будущих специалистов.

Библиографические ссылки

1. Гончарук Н., Онуфрієва Л. Деякі психологічні особливості комунікативних навиків у студентської молоді в контексті соціометричного структурування // Психологічний часопис. 2019. С.20–37.
2. Емельянов Ю.Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. М. : Просвещение, 1995. 183 с.
3. Максименко С.Д., Заброцький М.М. Технологія спілкування. Київ : Главник, 2005. 112 с.
4. Петровская Л.А. Общение-компетентность-тренинг. М. : Смысл, 2007. 125 с.
5. Петрушин С.В. Психологический тренинг в многочисленной группе (методика развития копетентности в общении в группах от 40 до 100 человек. М. : Академический проект, 2000. 256 с.
6. Лук'янчук Н.В., Климова Н.А., Ковальова О.А., Савченко Ю.Ю. Розвиток соціально-комунікативної компетентності обдарованих учнів початкової школи Київ : Інститут обдарованої дитини, 2014. 132 с.
7. Савенкова Л.О. Тренінг як засіб формування психолого-педагогічної компетентності викладачів. // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер. Педагогіка. 2009. Вип. 25. С.90 –94.
8. Сидоренко О.В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб. : Питер, 2006. 207 с.

УДК 007

РАЗВИТИЕ СМИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

С. Рамилов, О.В. Терещенко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
oteresch@tut.by

Аннотация. Печатные средства массовой информации (СМИ) впервые появились в Туркменистане еще в период существования Российской империи. Тогда они выходили на русском языке и языке фарси, подчинялись общероссийским законам, и могли принадлежать как государственным, так и частным организациям, а также частным лицам. В советское время система СМИ в Туркменистане продолжала развиваться – появились сначала радио-, а затем и телевизионные каналы. Государственный комитет Туркменской ССР по печати в 1992 г. был преобразован в Комитет по печати при Туркменистана, получившего независимость. В настоящее время в Туркменистане также созданы и работают электронные СМИ (медиа), имеющие различных собственников.

Ключевые слова: *средства массовой информации (СМИ); печатные СМИ; радиоканалы; телевизионные каналы; электронные СМИ.*

DEVELOPMENT OF MEDIA IN TURKMENISTAN

S. Ramilov, O.V.Tereschenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. Print media first appeared in Turkmenistan in the time of the Russian Empire. Then they came out in Russian and Farsi, were subject to the all-Russian laws, and could belong to state or private organizations, as well as private individuals. In Soviet times, the media system of Turkmenistan continued to develop radio and then television channels. The State Committee of the Turkmen SSR on Press in 1992 was transformed into the Committee on Press of Turkmenistan, which gained independence. At present, electronic media with various owners are also created and operate in Turkmenistan.

Key words: *Mass media; press; radio; television; electronic media.*

Развитие средств массовой коммуникации (СМИ) в Туркменистане получило свое начало еще в Российской империи. В соответствии с ее законами печатные СМИ могли иметь как государственных, так и частных владельцев. Например, ежедневная торгово-промышленная, политико-общественная и литературная газета «Закаспийское обозрение» выходила в Асхабаде с 1895 по 1913 год, с приложениями на русском и персидском языках (издатель-редактор К. М. Фёдоров). В отличие от либерального «Асхабада» (издававшегося капитаном артиллерии в отставке З. Д. Джавровым и часто бывшего не в ладах с цензурой), «Закаспийское обозрение» считалась полуофициозной газетой, и в ней печатались все официальные приказы и казённые объявления, составлявшие самую доходную статью её бюджета.

Технологическая база радио- и телевизионных каналов распространения информации, а также подготовка журналистов активно развивались в советскую эпоху. В настоящее время Туркменистанские каналы распространения информации продолжают свое развитие и имеют достаточно сложную структуру. Рассмотрим основные составляющие и историю этой структуры.

Туркменская государственная издательская служба (ТГИС) (туркм. Türkmen Döwlet Neşirýat Gullugy (TDNG)) – орган государственного управления, обеспечивающий выпуск высококачественной печатной продукции и осуществляющий руководство издательской и полиграфической деятельностью в Туркменистане. Она имеет длительную историю.

10 августа 1992 г. Государственный комитет Туркменской ССР по печати преобразован в Комитет по печати при Кабинете министров Туркменистана, обретшего независимость. 11 августа 1992 г. постановлением Президента Туркменистана «в целях устранения ведомственной разобщенности, рационального использования финансовых, материально-технических ресурсов и производственного потенциала» на базе издательства Правительства Туркменистана и издательства Центрального совета Союза молодежи Туркменистана имени Махтумкули, обра-

зовано редакционно-издательское объединение «Метбугат» с подчинением его Комитету по печати при Кабинете министров Туркменистана. 22 декабря 1994 г. принято Положение об издательской деятельности в Туркменистане, определившее порядок лицензирования права занятия издательской деятельностью на период до принятия Закона Туркменистана «об издательской деятельности». 11 февраля 1997 г. Комитет по печати при Кабинете министров Туркменистана упразднен. Функции упраздненного Комитета переданы Государственному производственному объединению «Туркменметбугат», созданному на базе редакционно-издательского объединения «Метбугат», подчиненного упраздненному Комитету. Отдел по творческой работе упраздненного Комитета передан в состав центрального аппарата Министерства культуры Туркменистана. 10 марта 1999 г. Государственное производственное объединение «Туркменметбугат» ликвидировано, его функции возложены на Управление по печати при Кабинете министров Туркменистана. 16 января 2001 г. Управление по печати при Кабинете министров Туркменистана было упразднено, вместо него создана Туркменская государственная издательская служба. Одновременно упразднены издательства «Туркменистан», «Магарыф», «Туркменбланкиздат», их функции переданы Туркменской государственной издательской службе. Наконец, 8 ноября 2014 г. принят Закон Туркменистана «Об издательском деле».

Структура ТГИС. Центральный аппарат ТГИС состоит из 5 отделов: производственно-технический отдел; отдел по подготовке печатной продукции и координации деятельности полиграфических предприятий; отдел финансов, бухгалтерского учета, отчетности и ревизий; отдел материального обеспечения и капитального строительства; Хозяйственный отдел. В состав ТГИС входят Ашхабадский дом печати; 6 типографий в городах и районах (велятах); предприятие материально-технического обеспечения «Туркменснабпечать»; Государственная книжная палата Туркменистана; Хозрасчетное редакционное объединение.

Газеты и журналы. В процессе развития газет и журналов складывались начальные конструкционные их элементы, служащие каркасом формы любого издания и со временем получившие наименование постоянных компонентов. К ним относятся формат и объем как размерные основы его конструкции, заглавная (титульная) часть, текстовые колонки, заголовки, иллюстрации, колонтитулы, линейки, пробелы и др. Эти компоненты формы являются как способами представления содержания, так и средствами его организации в блоки публикаций, отдельные тематические полосы, разделы. Периодические издания представляют собрание разнообразных по форме и содержанию материалов. Организованное, размещенное в определенной последовательности, структурированное с помощью графических элементов содержание придает упорядоченность, известную целостность и законченность форме, помогает читателю быстро находить на привычных местах нужные ему материалы, облегчает процессы его подготовки и производства. В настоящее время 24 газеты и 20 журналов имеют общенациональный статус.

Радио туркменистана. Гостелерадио Туркменской ССР (1933 - 1992). В 1920-е гг. Народный комиссариат почт и телеграфов Туркменской ССР запустила радиостанцию «Туркменское радио», которая в 1933 году была выделена в Радио-

комитет Туркменской ССР, позднее переименованный в Гостелерадио Туркменской ССР. В конце 1950-х - начале 1960-х гг. была создана Ашхабадская студия Центрального телевидения, в Туркменской ССР начала вещание 1 программа ЦТ с ежедневным блоком республиканских передач, которые в 1980-х гг. были выведены на отдельный телеканал «Туркменское телевидение». В феврале 1991 г. Ашхабадская студия Центрального телевидения была реорганизована в Ашхабадскую студию Всесоюзной государственной телерадиокомпании, а 27 декабря 1991 г. в Ашхабадскую студию РГТРК «Останкино».

НГТРК Туркменистана (1992 - 2001). В 1992 г. Гостелерадио Туркменской ССР было реорганизовано Национальную государственную телерадиокомпанию Туркменистана (НГТРК Туркменистана), «Туркменское телевидение» было переименовано в «ТМТ 1», «Туркменское радио» в «TR 1», НГТРК Туркменистана также запустила свой второй канал – «ТМТ 2» и вторую радиостанцию TR2. Частота 1-й программы Центрального телевидения перешла «ТМТ 1», частота 2-й программы Центрального телевидения – «ТМТ 2», старая частота Туркменское телевидения – 1-му каналу «Останкино» (позднее – «ОРТ»), частоты 1-й программы Всесоюзного радио – «TR 1», частоты «Маяка» – «TR 2», частоты 3-й программы Всесоюзного радио – «Маяку», старые частоты Туркменского радио – «Радио 1». В 1998 году ретрансляция ОРТ в Туркменистане была прекращена, на его частоте НГТРК Туркменистана запустила телеканал «ТМТ3».

Гостелерадио Туркменистана (с 2001). В 2001 г. НГТРК Туркменистана была разделена на телекомпании «Алтын асыр», «Туркменистан», «Яшлык», «Мирас» и радиокompании «Ватан», «Чар тарапдан», «Мирас», под управлением созданного Государственного комитета Туркменистана по телевидению, радиовещанию и кинематографии (Гостелерадио Туркменистана). В 2004 году ретрансляция радиостанции «Маяк» в Туркмении была прекращена, а на его частоте Гостелерадио Туркменистана запустила радиостанцию «Miras». В настоящее время радио в Туркмении является государственным, вещает только на туркменском языке. Программы по существу мало чем отличаются от телевизионных. Рекламы на туркменском радио нет. Единственная радиостанция, которая освещает события, происходящие в России – Радио Свобода (туркм. Azadlik radiosy), вещает на туркменском языке.

Телевидение Туркменистана. История (1980 - 1998). К началу 1980-х гг. Гостелерадио СССР начало вещание в Туркменской ССР телеканалов I программа и II программа, Государственный комитет Туркменской ССР – телеканала Туркменская программа (он же Туркменское телевидение). В 1991-1992 гг. II программа была вытеснена телеканалом РТР (запущен созданной российскими властями годом ранее Всероссийской государственной телерадиокомпанией), а чуть позднее запущенный Гостелерадио Туркменской ССР реорганизован в Национальную государственную телерадиокомпанию Туркменистана (НГТРК Туркменистана) телеканалом ТМТ 2, Туркменская программа было переименовано в ТМТ 1, I программа была переименована в 1-й канал Останкино, Гостелерадио СССР в Российскую государственную телерадиокомпанию «Останкино» (в 1995–1996 гг. была фактически разделена на ОГРК «Маяк» и ОРТ). В 1998 году ретрансляция ОРТ

в Туркменистане была прекращена, на его частоте НГТРК Туркменистана запущен телеканал «ТМТ 3». В 2001 г. НГТРК Туркменистана была разделена на телекомпании «Алтын асыр», «Туркменистан», «Яшлык», «Мирас» и радиокompании «Ватан», «Чар тарапдан», «Мирас», под управлением созданного Государственного комитета Туркменистана по телевидению, радиовещанию и кинематографии.

В настоящее время в Туркменистане вещают 7 государственных эфирных телеканалов (6 из них – на территории всего государства и 1 – только в Ашхабаде). Все они вещают на туркменском языке (за исключением информационного телеканала Turkmenistan, который вещает на 7 языках мира). По содержанию и качеству программ они практически не отличаются друг от друга. Кроме новостных также присутствуют познавательные и развлекательные программы и кинофильмы туркменского производства, спортивные мероприятия с участием туркменских спортсменов. Рекламы на туркменском телевидении нет. Кабельное телевидение в стране запрещено. Популярно спутниковое телевидение из России и Турции.

Электронные СМИ в Туркменистане. Дом печати Государственной издательской службы Туркменистана запустил собственный сайт, на котором доступны для ознакомления электронные версии газет и журналов. Как отмечает издание *Infoabad*, «этот шаг полностью соответствует проводимой в Туркменистане политике цифровизации самых разных сфер жизни страны». На сайте можно видеть главные страницы номеров изданий. Чтобы ознакомиться с номером, надо нажать на кнопку скачивания файла в формате PDF. Ранее в интернете были доступны лишь сайт Госинформантства Туркменистана, принадлежащий тому же агентству портал «Золотой век» и около десятка проправительственных СМИ, не афиширующих свою принадлежность властям, но выстраивающих свое содержание строго в соответствии с официальной повесткой. Редакции независимых электронных изданий, как правило, проживают за рубежом. Таким образом, СМИ Туркменистана развиваются в тех же направлениях, что и во всем мире.

УДК 304.444

«ЛЮБИМЫЕ МЕСТА ГОРОДА»: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ И ДИСПОЗИТИВ МЕДИА

А. Я. Сарна

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
alsar.04@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются коммуникативные практики новых медиа, в которых осуществляются трансмедийные стратегии контент-маркетинга с целью формирования позитивного имиджа Минска. Инструментами данных стратегий выступают журналистские материалы, выстраиваемые в виде сторителлинга – персональных историй или рассказов о различных местах города, в которых проживали или которые посещали

главные герои данных материалов. Нарративные структуры и сюжеты служат здесь для объединения не только фактов из биографий персонажей, но и особых мест, которые наделяются значимостью, уникальностью, атмосферностью и пр. Совмещенные в единую совокупность медиадиспозитива власти, указатели данных мест предстают как маршрутизатор или путеводитель, претендующий на то, чтобы стать для пользователей персональным гидом, стимулируя их потребительские предпочтения и вкусы.

Ключевые слова: *трансмедийный сторителлинг; городские места; персональный путеводитель; медиадиспозитив власти.*

«FAVORITE PLACES OF THE CITY»: PERSONAL STORITELLING AND MEDIA DISPOSITION

A. J. Sarna

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article analyzes the communicative practices of new media, in which the transmedia content marketing strategies are carried out in order to form a positive image of Minsk. The tools of these strategies are journalistic materials built in the form of storytelling - personal stories or stories about various places in the city where the main characters of these materials lived or visited. Narrative structures and plots serve here to unite not only facts from character biographies, but also special places that are endowed with significance, uniqueness, atmosphericity, etc. Combined into a single set of media dispositive power, these placeholders appear as a router or guide, claiming to become a personal guide for users, stimulating their consumer preferences and tastes. **Annotation.** The article analyzes the communicative practices of new media, in which the transmedia content marketing strategies are carried out in order to form a positive image of Minsk. The tools of these strategies are journalistic materials built in the form of storytelling - personal stories or stories about various places in the city where the main characters of these materials lived or visited. Narrative structures and plots serve here to unite not only facts from character biographies, but also special places that are endowed with significance, uniqueness, atmosphericity, etc. Combined into a single set of media dispositive power, these placeholders appear as a router or guide, claiming to become a personal guide for users, stimulating their consumer preferences and tastes.

Keywords: *transmedia storytelling; urban places; personal guide; media dispositive power.*

Сегодня глобальная сеть интернет преимущественно рассматривается как информационная среда, многомерная медиатизированная структура или даже экосистема, создаваемая и изменяемая множественностью процессов конвергенции и дивергенции различных медиа, разнообразием их контента и форматов трансляции сообщений в отличие от традиционных СМИ. Такая гетерогенность и мультимедиаальность не позволяет достичь необходимой степени концентрации и фокусировки на подаче актуальной и проверенной информации, которая характерна для масс-медиа, что и позволяет им эффективно выполнять свои функции в обществе. Преимущество СМИ заключается в том, что в них работают профессиональные журналисты, умеющие удовлетворять потребность аудитории в качественной подаче достоверной информации и ее анализе. Медиатизация сети проявляется в расширении взаимодействия между традиционными и новыми медиа, что позво-

ляет включить объемы выпускаемой печатной продукции, программ радио и телевидения в потоки информации, распространяемой по сетевым каналам интернета.

Однако информация из СМИ претерпевает существенную трансформацию в сети, вызванной необходимостью ее оцифровки, смены жанровой принадлежности и форматов трансляции. Так, «живые» новости, передаваемые посредством интернета и мобильной телефонии, тяготеют к формату коротких кадров и историй (news flashes и short stories) и привлекают внимание аудитории за счет скорости подачи материала, оперативности его предоставления на онлайн-сервисах, утрачивая при этом аналитичность и подвергая риску достоверность в связи с нехваткой времени на проверку фактов. Поэтому исследователи медиа говорят о необходимости достижения такого состояния информационных систем СМИ и НМ, которая позволяла бы им достигать баланса при производстве «метаболизирующей информации» в процессе интернетизации масс-медиа и медиатизации интернета [1].

Одной из информационных стратегий, реализуемых в процессе поиска подобного баланса, становится трансмедийный сторителлинг. Он представляет собой процесс, в котором интегральные элементы журналистской информации в виде текстов разных форматов систематически распределяются по нескольким каналам доставки с целью создания единого и скоординированного пользовательского опыта. В идеале каждая среда делает свой уникальный вклад в разворачивание общей истории, используя несколько медиаплатформ с отдельным нарративом на каждой, что позволяет им взаимодействовать между собой для создания глобального нарратива, подчеркивая независимый и в то же время взаимосвязанный характер этих медиумов. Трансмедийный проект развивает повествование внутри нескольких медиаплатформ для того, чтобы иметь разные по степени взаимодействия и уровню требуемых усилий «точки входа» в историю, что активно вовлекает аудиторию в процесс навигации между медиумами большого нарратива. Например, рекламная кампания, связанная с мировой премьерой нового блокбастера, может затрагивать разные мультимедийные платформы в сети, предлагая для каждой из них особый формат трансляции сообщений.

Трансмедийный сторителлинг существует в эпоху новой «культуры участия» и напрямую связан с реакцией аудитории. В отличие от других кросс-платформенных стратегий новых медиа, где главной задачей аудитории является потребление контента, трансмедийный сторителлинг требует, чтобы пользователь также взаимодействовал с нарративом и даже участвовал в его создании/продолжении, ведь нарративные элементы пытаются вовлечь нас в процесс поиска дополнительной информации. Использование подобной стратегии вовлечения позволяет создавать гораздо больше продуктов и сервисов для онлайн-потребления, чем в других маркетинговых стратегиях, реализуемых на платформах новых медиа. Кроме того, если пользователь решает заняться поиском дополнительной информации через трансмедийные инструменты, он в определенной степени будет тратить больше времени на «освоение» продуктов.

Ведь при наличии многочисленных «точек входа» в историю каждая из них ввиду своей функциональной независимости представляет собой полноценный

продукт, который может требовать от пользователя абсолютно разные уровни инвестиций взаимодействия, что позволяет трансмедийным производителям охватывать значительные аудитории. Однако аддитивный характер маркетинговых кросс-платформенных стратегий новых медиа ограничивает пользователя в использовании лишь тех инструментов, которые предоставляет ему платформа, и опыт от данного взаимодействия не будет в полной мере удовлетворительным – хотя бы потому, что данный продукт направлен в большей мере на привлечение внимания к основному продукту, а не на усиление вовлечения и взаимодействия.

Кроме того, одновременное использование нескольких нарративных режимов может создавать проблематичный опыт взаимодействия для аудитории. Иначе говоря, переходные промежутки между платформами внутри трансмедийного мира затруднительно преодолевать в свете предыдущего опыта пользователя, которому не всегда комфортно изменять свои модели потребления медиаконтента. Из этого следует, что проявление отдельных характеристик трансмедийного сторителлинга может изменяться в зависимости от уровня активности/пассивности потребителя медиаконтента.

В настоящее время трансмедийный сторителлинг существует в эпоху «культурной конвергенции», которую Генри Дженкинс описывает как процесс коллективного смешения технологического, культурного, экономического и политического опыта в современной жизни человека. Трансмедийный сторителлинг Дженкинса подразумевает нарратив или нарративный мир, репрезентируемый через несколько уникальных, но взаимосвязанных медиаплатформ, которые считаются достаточно автономными и не требуют дублирования возможностей других медиумов. Так организован «поток контента на нескольких медиаплатформах, сотрудничество между несколькими медиа-индустриями и миграционное поведение медиа-аудиторий, которые пойдут куда угодно в поисках видов развлечений, которые они хотят... Конвергенция происходит в рамках одних и тех же устройств, в пределах тех же франшиз, внутри тех же компаний, в головах у потребителей и в пределах фэндомов. Конвергенция включает в себя как изменение способа создания медиа, так и изменение способа потребления медиа» [2, р. 2-3].

Описания конвергенции культуры как парадигмы для понимания современных взаимодействий между потребителями и производителями в сфере медиа представляют собой сильную стратегию будущего развития контента и средств его продвижения – стратегию, ориентированную на привлечение аудитории. Ведь, по утверждениям Дженкинса, повествовательный мир, построенный на нескольких платформах, имеет склонность к широкому вовлечению аудитории и, следовательно, к успеху в современной медиасреде. Эти идеи, чрезвычайно важные для развития современного контент-маркетинга, продолжает Д. Шультц, призвавший к еще большей координации медиасред, утверждает, что потребители собирают свой собственный смысл из множества взаимодействий с различными медиумами, синтезируя его в большее впечатление. Д. Шультц фокусируется на том, как маркетологи должны создавать синергию своих инструментов и поддерживать их взаимодействие в качестве медиумов, иначе будет проблематичным создавать настолько сильные сообщения, чтобы донести их до глобальной аудитории [3].

Продemonстрировать принципы работы сторителлинга в мультимедийных системах можно на примере материалов белорусских журналистов, которые посвящены созданию минского нарратива. Это персональные истории минчан, связанные с их личным опытом посещения каких-либо мест или проживания в том или ином районе города. Так, персональные маршруты, проникнутые духом эмоциональности и уникальности, представлены в формате сторителлинга как интервью с участниками проекта «Минские подъезды» в онлайн-журнале «СитиДог» [4]. Здесь отображены не только личные впечатления, но и неповторимые индивидуальные траектории движения респондентов по Минску, что в виде репортажа в СМИ предстает как своеобразный персональный гид – маршрут по отдельным домам и подъездам города, в силу разных причин близким и важным для рассказчика: как правило, он жил здесь раньше или проживает сейчас, т.е. место проживания становится/воспринимается/преподносится как факт биографии.

Диспозитив медиа выстраивает логику изложения рассказа как набор точек или позиций, позволяющих, с одной стороны, раскрыть своеобразие локации и «дух места» *Genius loci*, связав его с биографией главного героя, а с другой – выявить технологию репрезентации в СМИ, позволяющую сконструировать имидж города, используя влияние медиа-платформы в рамках определенной информационной политики. Именно она в виде четкой авторской позиции задает установку на восприятие аудиторией персонажа и его личной истории как культурного героя и представителя конкретного сегмента городского населения, обитателя затерянного для большинства уголка столицы или, наоборот – как представителя креативного класса, который способен задавать моду и тренды на культурное освоение города, его потребление и преобразование.

Еще один пример – материалы рубрики «*Личное мнение*» на TUT.by, которые представлены рассказами таких персонажей, как бизнесмен и бизнес-леди, многодетная мать и блогер-модель, художник и музыкант, популярный телеведущий и «звезда эстрады» и т.д. [5]. Медиаресурс предстает как интернет-агрегатор и онлайн-СМИ, которое в данном случае служит единым каталогом и маршрутизатором, предлагающим «диспозитив власти» (по М. Фуко) для выстраивания потребительских предпочтений в сети и в городской среде. «Локус» значим здесь как «топос», т.е. позиция, множество которых объединено в геопроекции городского ландшафта в виде виртуального и персонального гида по Минску. Это «точки приложения сил» для наращивания символического и финансового капитала, которые заказчики и журналисты настойчиво пытаются превратить в «особые места», наделить их притягательностью, значимостью, уникальностью и пр. Для этого они оформляются как геотеги – гиперссылки на сайты, блоги и интернет-ресурсы, где картографическая и топографическая реальность сливается с цифровой реальностью медиа, куда встраивается персональный образ места. Возникает своеобразная «дополненная реальность», где личные предпочтения авторов ненавязчиво преподносятся как нативная реклама маршрутов и заведений.

В такой ситуации сторителлинг, по мнению М. Маяцкого, превращается «в искусство жить счастливо, что в обществе спектакля равносильно умению представлять жизнь как успешную. Жизнь удалась, прежде всего если удастся придать

ей товарный вид. Индустрия создания новых потребностей – это прежде всего машина по производству историй. Стертую техническим воспроизводством ауру товара призвана заменить история его создания и история его создателей» [6, с. 178]. Подобная стратегия удачно вписывается в экономику внимания, эмоций, впечатлений и воображения, где медиа целенаправленно конструируют имидж «третьих мест» города как публичных пространств с уникальной атмосферой, неповторимой аурой, проникнутая которой могут все желающие. «Место» здесь предстает в различных бизнес-проектах как форма объединения активности и креативности потребителей с символическими ресурсами – капиталом отдельных локаций городской среды. Так формируется новейшая политэкономия эмоций и образов, когда мы переходим от «общества спектакля» – к «обществу мечты», от креативной экономики – к экономике внимания, эмоций и впечатлений.

Библиографические ссылки

1. Землянова Л.М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. М.: МедиаМир, 2012. 186 с.
2. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2016/03/15/1127638366/Henry_Jenkins_Convergence_culture_where_old_and_new_media_collide_202006.pdf. Дата доступа: 10 июня 2019.
3. Schultz D.E. Media synergy: The next frontier in a multimedia marketplace [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/palgrave.dddmp.4340550.pdf>. Дата доступа: 10 июня 2019.
4. Минские подъезды [Электронный ресурс] / CityDog. Режим доступа: <https://citydog.by/allposts/rubric/podjezdy/>. Дата доступа: 10 июня 2019.
5. Личное мнение [Электронный ресурс] / TUT.BY. Режим доступа: <https://blog.tam.by/category/mnenie/>. Дата доступа: 10 июня 2019.
6. Маяцкий М. Сторителлинг: от Шахерезады к племяннику Фрейда // Философско-литературный журнал «Логос». № 3 (105). 2015. С. 177-178.

УДК 316.772.5

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА ПЕТЕРБУРЖЦЕВ)

О. В. Сергеева

ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Университетская наб., 7/9, 199034, Санкт-Петербург, Россия

o.v.sergeeva@spbu.ru

Аннотация. Сегодня компьютерные игры функционируют как полноценные культурные индустрии, среди них есть эксклюзивные продукты (например, potgames) и массовые, есть пассивное приобщение (я просто играю), есть креативное (стриминг, хакинг), и, естественно, есть слабое вовлечение (играю от случая к случаю), есть сильное вовлечение (играю постоянно, увлекаюсь киберспортом). Социо-

лога эта ситуация провоцирует задаться традиционным стратификационным вопросом: как игровые практики «работают» в качестве критерия различения статусного и массового культурного потребления? Как относятся часто играющие люди к традиционным культурным практикам (чтение, концерты, театры, выставки)? На основании этих исследовательских вопросов были сформулированы гипотезы и проведено эмпирическое исследование взрослых жителей Санкт-Петербурга (ноябрь 2017, N=1000). Среди взрослых петербуржцев, участвовавших в исследовании, треть играет в компьютерные игры на каком-либо из устройств. Играющие петербуржцы разделяются на три группы, отличающиеся интенсивностью игровых практик и степенью вовлечения в традиционное культурное потребление. Автор обсуждает динамику культурного капитала часто играющих в перспективе идей о культурной всеядности Р. Петерсона.

Ключевые слова: *культурное потребление; эмпирическое исследование; Санкт-Петербург; компьютерные игры; культурная всеядность.*

COMPUTER GAMES AND CULTURAL CONSUMPTION (ST PETERSBURG SURVEY MATERIALS)

O. V. Sergeyeva

St. Petersburg University

Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St.Petersburg, Russia

Annotation. Today, computer games develop as full cultural industries, among them there are exclusive products (for example, notgames) and mass ones, there is passive communion (casual playing), there is creative (streaming, hacking), and, of course, there are little or active involvements. This situation provokes among sociologists a desire to ask a traditional stratification question: how do computer game practices "work" as a criterion for distinguishing select and mass cultural tastes; what are the attitudes of commonly playing people to traditional cultural practices (reading, cinema, concerts, theaters, museums)? Based on these questions, hypotheses were formulated, and empirical data was collected (telephone survey of the adult population of St. Petersburg (18+) on the RDD sample of mobile numbers, 2017, N = 1000). Among adults in St. Petersburg who participated in the survey, a third (300 respondents) play computer games on any of the devices. Citizens are divided into three groups, distinguished by the intensity of gaming practices and the degree of involvement in traditional cultural consumption. The author discusses the cultural taste of gamers in the perspective of R. Peterson's ideas about cultural omnivore.

Key words: *cultural consumption; empirical research; St. Petersburg; computer games; cultural omnivorous.*

Как уже не раз случалось с любыми новыми медиа, постепенно компьютерные игры, став чрезвычайно разнообразными, стимулировали развитие культурных индустрий, опыт приобщения к которым варьируется. Как среда цифрового искусства компьютерные игры генерируют эксклюзивный эстетический опыт; как площадки социальных взаимодействий способны поддерживать клубы по интересам, причем весьма статусным и т.д. Можно утверждать, что сегодня компьютерные игровые практики стратифицированы, и рассмотрение этого медийного опыта в его связи с традиционным культурным потреблением дает новые идеи социологам для понимания ранжирования куль-

турных вкусов у наших современников.

Тема культурного потребления и связанных с ним границ разрабатывается в настоящее время на российском материале петербургскими социологами М. Соколовым, М. Сафоновой, М. Илле [1]. Идеи этих авторов встроены в дискуссию о воспроизводстве статусных различий на основании вкусов людей в сфере искусства. Опорными для продолжающейся дискуссии являются соперничающие идеи П. Бурдьё о культурном капитале, который поддерживает избранность одних и заурядность других [2], и выводы Р. Петерсона о культурной всеядности, свойственной, напротив, «продвинутому» ценителям искусства [3]. И отечественные, и зарубежные авторы пишут о культурных границах в связи с литературными, музыкальными, художественными и кинопредпочтениями. Тема компьютерных игр как опыта, фокусируясь на котором можно наблюдать социально-групповую иерархию, однако, по большей части остается за пределами внимания социологов, хотя некоторые исследования в этом направлении все-таки начинают появляться.

Недавняя публикация М. Рафало[4], сотрудника Google, поднимает вопрос о классовых предубеждениях школьных учителей в США, по-разному оценивающих цифровые навыки – и в том числе, компьютерный игровой опыт – у детей из школ, отличающихся уровнем престижа. Проведя этнографическое исследование, М. Рафало установил, что в школе, где учатся представители латиноамериканских семей рабочего класса, учащиеся говорят, что их цифровая активность не имеет отношения к обучению; в школе с преобладанием детей из семей среднего класса, но азиатского происхождения, цифровая активность учеников воспринимается как угроза для их успешной учебы; и, наконец, в частной школе с преимущественно богатой белой молодежью цифровые навыки учеников считаются способствующими их успеху в школе. По наблюдениям М. Рафало, игровому компьютерному опыту как части цифровых компетенций оказывается поддержка и даются возможности для «продвинутого» развития только в элитных группах. Таким образом, вне пределов школы, социальное воспроизводство неравенства происходит из-за разных дисциплинарных подходов к цифровой активности детей, в частности, к игровой активности.

Компьютерные игры в ряду культурных привычек новаторски изучены экономистами К. Я. Боровецким и Х. Прието-Родригесом [5]. В качестве источника данных они использовали «Обзор культурных привычек и практик в Испании», интегрировавший результаты опроса, проведенного в период с 2010 по 2011 гг. Выборка – 14486 человек, респонденты представляли население Испании в возрасте старше 12 лет. База данных включала информацию об интенсивности чтения книг, просмотре телевидения, прослушивании музыки и о том, был ли человек вовлечен в проведение досуга на художественных курсах, в кружках и т.п. Респондентам задавался вопрос: играют ли они в компьютерные игры, и как часто. Почти 84% сказали, что они никогда не играют. Вероятность того, что респондент играет в компьютерные игры, уменьшается с возрастом и обусловлена полом: среди ответивших, что они играют

часто, больше мужчин. На вероятность игры положительно влияет также увлечение фотографией и видеосъемкой, и отрицательно – прослушивание музыки. Как фиксируют К. Я. Боровецки и Х. Прието-Родригес, частота игры уменьшается в группе мужчин и женщин с высоким уровнем образования (самая низкая вероятность характерна для людей с высшим образованием) и увеличивается с размером населенного пункта, где живет респондент. Фактор наличия дома книг и компакт-дисков показывает отрицательную связь с использованием компьютерных игр. В итоге авторы отмечают, что статистически значимые эффекты альтернативных культурных ценностей или участие в художественной деятельности обычно оказывают положительное влияние на потребление компьютерных игр. Исследование К. Я. Боровецкого и Х. Прието-Родригеса, выяснявших, замещают или дополняют другие культурные практики игровые увлечения, направляет взгляд социолога на художественный и досуговый потенциал компьютерных игр в ряду других творческих продуктов и связанной с ними активности.

Об исследовании в Санкт-Петербурге. В конце 2017-го года в Санкт-Петербурге был проведен социологический опрос, в основании которого лежала следующая гипотеза: в силу того, что сегодня компьютерные игры функционируют как полноценная культурная индустрия и среди них выделяются «элитарные» и массовые продукты; возможно пассивное приобщение (просто играю), а возможно и креативное (стриминг, хакинг), и, естественно, есть слабое (играю от случая к случаю) и сильное вовлечение (играю постоянно); то в этой ситуации игровые практики являются критерием различения культурного потребления горожан.

Гипотеза-следствие 1 на основании идей Р. Петерсона об омнивоорах, то есть культурно всеядных: агенты, демонстрирующие сильное вовлечение в традиционные культурные практики (часто посещают концерты, театры, выставки) и хороший вкус (знакомы с массовыми и не массовыми произведениями, с классикой и актуальным искусством), не игнорируют компьютерные игры и могут быть часто играющими, но без приверженности к практикам игровых «знатоков», интересующихся игровой критикой и киберспортом (например, человек может быть заядлым театралом и часто играть);

Гипотеза-следствие 2 на основании идей П. Бурдьё о том, что статусные практики культурного потребления проявляют себя в отношении всех культурных индустрий: агенты, демонстрирующие сильное вовлечение в традиционные культурные практики (часто посещают концерты, театры, выставки) и хороший вкус (знакомы с массовыми и не массовыми произведениями, с классикой и актуальным искусством), в компьютерных играх также переходят на уровень креативного приобщения (интересуются новинками индустрии, гейм-критикой, следят за киберспортивными событиями).

Опросный лист включал вопросы о чтении художественной литературы, просмотре кинофильмов, прослушивании музыки, увлечении театром, музейно-художественной активности и, наконец, увлечении компьютерными играми. Вопросы формулировались так, чтобы можно было классифицировать

«обычных потребителей» и «увлеченных знатоков». Для получения информации о диапазоне практик, отличающих «знатоков» игровой культуры от «обычных потребителей» в группе играющих респондентов, мы использовали четыре суждения, степень согласия с которыми свидетельствует, по нашему мнению, о такой дифференциации. Мы исходили из того, что «знатоками» можно назвать тех игроков, которые не только знакомы с разнообразными играми, не только в курсе игровых новинок, но также не чужд игровой критике (например, следит за электронными публикациями отечественной «Игромании» или зарубежных изданий, просматривает информацию на профильных сайтах и т.п.) и интересуется киберспортом. Конструкция всех вопросов, кроме социально-демографических, включала порядковые шкалы с равным количеством градаций. Полевые работы проводились в период с 29 октября по 10 ноября 2017 г.. В качестве метода исследования использовался телефонный опрос взрослого населения Санкт-Петербурга по RDD-выборке мобильных номеров (N=1000 человек). Выборка квотировалась по доле мужчин и женщин, а также по возрасту респондентов. Диапазоны мобильных телефонных номеров были взяты с сайта Россвязи, номера выборки генерировались из допустимых диапазонов с равным шагом и случайной начальной точкой.

Для проверки гипотезы (1) о культурной всеядности и гипотезы (2) о культурной избирательности играющих в компьютерные игры авторы исследования: 1) с помощью факторного анализа «сжали» пространство признаков, характеризующих интерес респондентов к традиционному культурному досугу (театр, музыка, кино, живопись, чтение) и к «продвинутой», не рутинной игровой культуре, связанной с просмотром новинок индустрии, чтением игровой критики, интересом к киберспорту; на основе полученных вторичных переменных проверили наличие связей между тем, как часто играет горожанин в компьютерные игры и его культурным потреблением в традиционных направлениях; 2) изучили, есть ли связь между полученной вторичной переменной «интерес к “продвинутой” игровой культуре» и традиционным культурным потреблением; 3) с помощью кластерного анализа классифицировали группы по их интересам в традиционном культурном потреблении (для кластеризации взяли пять переменных: «интерес к театру», «интерес к художественной культуре», «интерес к музыке», «интерес к чтению», «интерес к кино»), а затем рассмотрели игровой компьютерный опыт каждой группы.

Среди взрослых петербуржцев, участвовавших в исследовании, третья часть (300 респондентов) играет в компьютерные игры на каком-либо из устройств (телефоне, планшете, игровой консоли, стационарном компьютере), из них 251 человек играет чаще, чем раз в неделю. Средний возраст играющих – 37,7 лет (у мужчин – 37,2, у женщин – 38,2). Средний возраст по выборке – 44,8 лет. То есть средний игрок моложе, но не принципиально, а всего на 7 лет. Средний размер домохозяйства респондентов, играющих в компьютерные игры – 3 человека, при среднем душевом доходе 20 тыс. рублей в месяц. Важной характеристикой игрового досуга является его регулярность, по нашим данным почти половина играющих (45%) делает это ежедневно.

Чтобы выявить латентные переменные, характеризующие культурное потребление, мы выполнили факторный анализ. По результатам процедуры факторного анализа было получено 5 факторов, свидетельствующих об ориентациях и увлечениях в сфере традиционного досуга и один фактор, за которым стоит интерес к игровой культуре, но не рутинной, а «продвинутой», связанной с просмотром новинок индустрии, чтением игровой критики, интересом к киберспорту. Суммарная информативность факторов составила более 70%.

Полученные переменные «интерес к театру», «интерес к художественной культуре», «интерес к музыке», «интерес к чтению», «интерес к кино» мы использовали для проверки их ассоциации с частотой обращения к компьютерным играм в среде играющих петербуржцев. Поскольку мы получили производные количественные переменные, а вопрос о частоте обращения к компьютерным играм включал порядковую шкалу, то мы смогли рассчитать коэффициент корреляции Пирсона. Мы обнаружили только слабые связи, которые к тому же не являются статистически значимыми. Традиционное культурное потребление, таким образом, не проявляет себя как признак, зависящий от интенсивности игры за компьютером у взрослых петербуржцев.

Следующий шаг анализа данных – это расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена, который был использован нами для выявления связей между переменной «интерес к игровой культуре», полученной в результате факторного анализа, и другими пятью переменными, показывающими интерес к традиционным видам досуга. Во всех случаях коэффициент Спирмена приближался к 0, то есть ни прямой, ни обратной связи обнаружено не было. На этом основании был сделан вывод, что интерес к игровой культуре, выходящий за пределы обычной рутинной игры, не блокирует, но и не стимулирует интереса к театру, музыке, кино и другим видам культурных интересов, а может развиваться параллельно.

Наконец, на построенных факторах, относящихся к культурному потреблению, мы реализовали иерархический кластерный анализ, который помог обнаружить группы со сходными культурными интересами. Для кластеризации были взяты производные (вторичные) переменные - «интерес к театру», «интерес к художественной культуре», «интерес к музыке», «интерес к чтению», «интерес к кино», «интерес к игровой культуре на уровне знатока». Кластерный анализ позволил выделить в совокупности играющих респондентов три группы. По средним значениям можно сравнить выраженность интереса к видам культурного досуга.

Кластер 1 (137 человек) — самая представительная группа, в которой больше половины респондентов – мужчины; респонденты демонстрируют более высокий по сравнению с другими интерес к художественной культуре, по их самооценкам они скорее «увлеченные знатоки» в этой сфере, но их игровые ориентиры остаются на уровне «обычных потребителей»; играющих ежедневно здесь больше трети группы. Кластер 2 (112 человек) – вторая по размеру группа, где также большинство – мужчины; объединяет игроков уровня «обычных потребителей», показывающих вовлеченность во все остальные,

традиционные сферы культурного досуга; причем читательские, музыкальные и кинопрактики у этой группы приближаются к уровню знатоков, а играющих ежедневно в этой группе – почти половина. *Кластер 3 (47 человек)* – самая немногочисленная группа, представлена игроками уровня обычных потребителей, но и традиционный культурный досуг их не привлекает, они почти не посещают театры, музеи, мало читают, не увлекаются музыкой, исключение составляет лишь интерес к кино; в этом кластере чуть больше половины женщин (51%), ежедневно играющих – четверть группы. Представители всех трех кластеров не демонстрируют игровой культуры уровня «знатоков», однако ежедневно играющих больше всего во втором кластере (42%), в первом их – 38%, в третьем – 23%. В первом и третьем кластерах средний возраст 38 лет, во втором – 37 лет. Таким образом, наш подход к теме компьютерных игровых практик, поставленных в ряд с другими культурно-досуговыми интересами горожан, позволяет сделать вывод о расширяющейся тенденции культурной «всеядности». Среди взрослых играющих, причем играющих ежедневно, есть те (кластер 2), кто не перестает интересоваться книгами, кинематографом, музыкой, театром, кто ходит в музеи и на выставки. При этом мы видим, что уровень «знатоков игровой культуры» не характерен для тех, кто оценивает свои интересы к традиционному досугу на уровне высокой вовлеченности (что противоречит идеям о культурных вкусах П. Бурдьё). Естественно, полученные данные нуждаются в дальнейшей проверке.

В самом начале 2000-х гг. американский социолог П. Димаджио и его соавторы, анализируя социальные последствия распространения Интернета, прогнозировали поворот к культурной фрагментации, что могло бы воплотиться, по их мнению, в том числе, во «всеядности» [6, р. 326]. Когда многие информационные барьеры снимаются глобальной средой, появляется все больше потребителей с эклектичными вкусами в различных, сильно дифференцированных культурных сферах, направлениях, жанрах. В статье П. Димаджио отмечалось, что на тот момент социологи достоверно не знали, используется ли Интернет для развития существующих вкусов или для знакомства и погружения в области, до этого незнакомые. Исходя из сегодняшней ситуации и принимая во внимание результаты нашего исследования взрослых, играющих в компьютерные игры, мы полагаем, что Интернет способствует экстенсивному приращению нового в стремлениях и привычках личности.

Библиографические ссылки

1. Соколов М. М., Сафонова Т. А., Чернецкая Г. А. Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов // Мир России. 2017. 26(1). С. 152–179.
2. Bourdieu P. Cultural Reproduction and Social Reproduction // Power and Ideology in Education. New York: Oxford University Press, 1977. P. 487-511.
3. Peterson R.A. Understanding Audience Segmentation. From Elite and Mass to Omnivore and Univore // Poetics. 1992. Vol. 21, No 4. P. 243–258.
4. Rafalow M. H. Disciplining Play: Digital Youth Culture as Capital at School //

American Journal of Sociology. 2018. Vol. 123, No. 5. P. 1416–1452.

5. Borowiecki K. J., Prieto-Rodriguez J. Video games playing: A substitute for cultural consumptions? // Journal of Cultural Economics. 2015. Vol. 39, No. 3. P. 239-258.

6. DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W. R. Robinson J. P. Social Implications of the Internet // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 307-336.

УДК 740; 328; 308

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

И.А. Снежкова, Н.В. Шалыгина*

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
Ленинский пр., 32 А, 119991, Москва, Россия
snezhkova@mail.ru

Аннотация: В 2018-19 гг. в ряде университетов Москвы и в Белорусском государственном университете в Минске было проведено этнопсихологическое исследование на тему «Народ и власть в России и Белоруссии». Респондентам предлагалось провести рисуночный тест, который часто используют в политической психологии. В контексте политико-психологического исследования важно было проследить, как изображается респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией)? Какое место рядом с властью занимает народ (находится рядом, в центре, снизу, сбоку)? Какие предметы и символы сопровождают рисунки.

Ключевые слова: *народ и власть; этнопсихологический подход в изучении политологической темы; образ власти и народа в России и Белоруссии.*

ETHNO-PSYCHOLOGICAL RESEARCH: «AUTHORITIES AND MASSES IN RUSSIA AND IN BELARUS» IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN AND BELARUSIAN YOUTH

I.A. Snezhkova, N. V. Shalygina.

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Leninski. av., 32 A, 119991, Moscow, Republic of Russia.

Annotation: In 2018-2019 in a number of universities in Moscow and Minsk an ethno-psychological study was conducted on the theme «People and power in Russia and Belarus». The respondents were offered to pass a picture test, which is often used in political psychology. In the context of political-psychological research, it was important to trace how the respondents portrayed authorities (with sympathy, apathy, antipathy)? What place in relation to the authorities is occupied by the people (is it near, in the center, from below,

*Работа выполнена в рамках международного проекта РФФИ –БФФИ. (№ 18-59-00005 «Имидж и образ России и Белоруссии в XXI в. в восприятии российской и белорусской молодежи»)

from the side)? What subjects and symbols are used for the depiction of the authorities and masses?

Key words: *authorities and masses; ethno-psychological approach in the study of political science; the image authorities and masses in Russia and Belarus.*

Основным методом большого международного исследования был социологический опрос. Для более тонкого понимания предмета были подключены психологические методы, часто используемые в политической социологии и психологии. Они позволяют сделать более глубокий иррациональный анализ ситуации, основанный на изучении подсознательных характеристик опрашиваемых. Кроме того, респондент легче нарисует то, о чем он действительно думает, чем напишет при заполнении анкеты. Метод психологического рисунка взаимодействия народа и власти в определенной мере перекликается с известным рисуночным тестом «Моя семья», применяемым в изучении семейных отношений, когда участникам предлагается нарисовать образ семьи, а затем в зависимости от сюжета и расположения родителей и детей делается вывод о ситуации. Таким образом в нашем случае с помощью данной проективной методики можно получить визуальную информацию по интересующей проблеме. [1].

Исследование проводилось в Москве и Минске в 2018-2019 гг. среди молодежи ведущих университетов Москвы и в Белорусском государственном университете в Минске. Всего было опрошено 200 человек.

Изображение власти и народа в России и Белоруссии российской молодежью. В контексте политико-психологического исследования важно было проследить, как изображаются респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией), где находится народ (рядом, в центре, снизу сбоку), какие сюжеты и символы используются для изображения народа и власти. Исследование, проведенное в 2018 г. среди российских студентов показало наличие согласия между народом и властью, несмотря на этнополитические трудности текущего момента. В России часто власть изображалась в образе чиновников или животных – традиционного для страны медведя, а также льва, волка, но что характерно, рядом находились их детеныши (народ), которых животное защищало. На рисунках в образе президента и чиновников место власти находилось часто в центре, а вокруг располагался народ. Представитель власти, как правило, был большим по размеру, народ также имел крупный размер, что свидетельствовало об их равенстве. Для исследователя были неожиданны довольно сентиментальные образы власти – ее рисовали в образе солнца, цветка, сердца. Много было рисунков на заданную тему, изображающих безмятежную природу, гуляющих по городу или катающихся в парке на велосипедах людей, что свидетельствовало о спокойном взаимодействии народа и властных структур. Безусловно, присутствовали рисунки (15%) с отрицательным изображением власти. Имели место изображения полицейских, разгоняющих протестующих на митингах. Также встречались рисунки о несправедливом распределении доходов между чиновниками и народом. Например, изображение куриной ноги, мякоть которой достается властям, а косточка народу. Присутствовали на рисунках машины с деньгами, которые отправляются чиновникам, а зарабатывает их народ. Много было на заданную тему

компьютерных символов, например, власть и народ изображался в виде лайков и улыбающихся смайликов.

Исследование проведенное в 2019г. показало существенные изменения. После последних президентских выборов правительством и президентом был принят ряд непопулярных решений. Это прежде всего пенсионная реформа, срок выхода на пенсию увеличился для мужчин и женщин на пять лет, при этом пенсии существенно не повысились. Также произошло повышение НДС (налога на добавленную стоимость), в связи с чем выросли цены на коммунальные услуги и большинство продуктов. Кроме всего у людей накопилась усталость во внешне-политическом пространстве от продления санкций и военной риторики в адрес России странами Запада. В связи с этими причинами рисуночный тест приобрел иной вид. Основной лейтмотив рисунков – неравенство и рост бедности народа. В большинстве рисунков (70%) власть изображалась в виде чиновников с мешками денег, в то время как народ бедствует, иногда стоит на коленях, выпрашивая себе дополнительных благ. Многие рисунки отображали милитаристские сюжеты - танки, оружие. И только 30% по-прежнему имели спокойный мирный характер.

Изображение россиянами власти и народа Белоруссии на протяжении всего периода исследования носило позитивный характер. Как правило, власть изображалась в виде крупной человеческой фигуры, внешне похожей на А. Лукашенко на фоне, окружающего его народа. При этом власть заботилась о людях. Самый распространенный образ Белоруссии – совместный сбор урожая властями и народом. Часты были изображения фабрик и заводов, выпускающих продукцию. Также как и в более ранних российских сюжетах, много было изображений власти и народа на фоне безмятежных природных пейзажей, что является признаком позитивного взаимодействия между ними. Иногда власть выступала в виде кулака или полицейских, готовых навести порядок. Подчас с иронией изображалась покорность народа «Власть сказала «надо сделать», «народ взял под козырек». В целом, изображение народа и власти в Белоруссии сопровождалось положительными компьютерными символами – лайками и улыбающимися смайликами.

Изображение власти и народа в Белоруссии и России белорусской молодежью. Исследование, показало, что собственную власть и народ в большинстве случаев белорусские студенты изображают позитивно. Место власти часто в центре или рядом с народом. Власть рисовали большей по размеру чем народ, часто представитель власти был похож на А. Лукашенко или чиновника. Основной лейтмотив большинства рисунков – единство народа и власти. Среди рисунков встречаются руки, протянутые друг к другу, общая работа в поле, президент в окружении народа. Неоднократно образ власти изображают в виде государственных символов – герба и флага страны. Иногда присутствует советская символика. например – серп и молот. Фигуры, изображающие народ, были довольно крупные, что свидетельствовало о близкой дистанции между народом и властью. Народ спланивался вокруг президента работает вместе с ним. Встречались рисунки, изображающие власть в виде цветов или с букетом цветов. Иногда власть

приказывает, а народ покорно исполняет ее требования. Российский образ власти белорусские студенты часто связывают с личностью В. Путина. Например, известное изображение Путина с обнаженным торсом поместили на рисунке верхом на медведе. Встречались рисунки, на которых российские чиновники, считающие деньги и не желающие ими делиться. Много изображений символов России - двуглавого орла, российского флага, Кремля [2].

Результаты исследования показали, что, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку, касающуюся двух родственных славянских народов и сильное информационное давление со стороны коллективного Запада российская и белорусская молодежь демонстрирует дружеское восприятие народа и власти двух стран и смотрит с надеждой на взаимодействие России, и Белоруссии.

Библиографические ссылки

1. Снежкова И.А. Россия, Украина, Белоруссия, Евросоюз, США в представлениях российских студентов: на пути к поискам взаимопонимания // Вестник антропологии. 2017. №4. С. 87-98

2. Снежкова И.А., Калачева И.И., Шалыгина Н.В., Громов Д.В. Образ России и Белоруссии в представлениях молодежи двух стран // Власть. 2019. 1. С. 107-112

УДК 659.1

НОВАЯ ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

М. С. Терещенко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
tereschenkom@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются основные сложности, с которыми столкнулся рынок телевизионной рекламы в связи с развитием интернета. Перечислены факторы привлекательности интернета для аудитории в контексте медиапотребления такие как удобство времени и места использования, доступность разнообразного контента и другие.. Также проанализированы факторы привлекательности интернета для рекламодателей в сравнении с привлекательностью телевидения: охват молодых аудиторий, широкие возможности взаимодействие с потребителями, возможность таргетирования рекламы. Особое внимание уделено параметру «измеримости» интернет-аудитории и сложностям, которые в этой связи встали перед телеведущими. Рассмотрены основные направления развития современных телеметрических исследований, направленных на преодоление негативных эффектов конкуренции с интернетом в области рекламы.

Ключевые слова: медиарекламный рынок; медиаизмерение; телеметрия; аудитория; методы исследования телевизионной аудитории; кросс-платформенные исследования.

NEW DIGITAL REALITY OF TELEVISION ADVERTISING: CHALLENGES AND WAYS OF SOLVING

M. Tereschenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The main difficulties which the television advertising market faced in connection with the development of the Internet are observed in the article. The factors of Internet attractiveness for the audience in the context of media consumption, such as convenience of time and location of use, availability of diverse content and others are listed. The factors of attractiveness of the Internet for advertisers in comparison with the attractiveness of television are also analyzed: coverage of young audiences, wide opportunities for interaction with consumers, possibility of advertising targeting. Particular attention is paid to the parameter «measurability» of the Internet audience and the difficulties that in this regard stood in front of broadcasters. The main directions of development of modern telemetric research aimed at overcoming the negative effects of competition with the Internet in the field of advertising are considered.

Keywords: *media advertising market; media measurement; telemetry; audience, methods of television audience research; cross-platform researches.*

Начало XXI века было ознаменовано бурным развитием возможностей сети Интернет. Веб-технологии стали развиваться в геометрической прогрессии, вместе с ними росла и популярность сети. Через короткое время стало понятно, что интернет начал оказывать влияние буквально на все сферы жизни общества. Идеалистические ожидания героя известного фильма «Со временем, телевидение перевернет жизнь всего человечества. Ничего не будет: ни кино, ни театра, ни книг, ни газет – одно сплошное телевидение» стали казаться более чем выполнимыми, но только в отношении интернета. Лозунги «За интернетом будущее», стали звучать все более уверенно, постепенно сменяясь более детализированными утверждениями, что будущее за социальными сетями, контекстом, онлайн-продажами, инстаграмом и прочим. Эти настроения не обошли стороной и рекламный рынок. Объемы интернет-рекламы стремительно растут, а к успевшим стать «классическими» инструментам интернет-рекламы все время добавляются новые виды. Интернет-реклама и в целом интернет-маркетинг стали реальной угрозой для всех остальных традиционных каналов продвижения. Так, в США интернет-сегмент рекламного рынка в 2018 году сравнялся по объему со всеми остальными медиа вместе взятыми, в России этот сегмент в прошлом году догнал телевидение [1]. В Беларуси темп роста рынка интернет-рекламы один из самых высоких в Европе (+33% в 2017 году), однако еще не сравнялся с объемом телевизионного рынка [2].

Такой рост внимания рекламодателей к интернету обусловлен, с одной стороны, его популярностью у аудитории, особенно молодой, а, с другой - обширными техническими и коммуникационными возможностями сети. Рост популярности интернета у пользователей происходит на фоне снижения классического телезрителя. Это объясняется возможностями интернета с точки зрения разнообразия контента, а также удобством времени и места предоставления доступа. Особенно сильно эта тенденция видна в поведении молодых аудиторий. Происходит

так называемое «старение» телеаудитории, которое носит общемировой характер. Так в России средний возраст телезрителя за десять лет с 2008 до 2018 г. вырос на 5 лет с 44 до 49 лет [3]. Вместе с тем, хотя общее количество времени просмотра телевидения снижается, но интернет-аудитория не отказалась полностью от его использования. Например, по данным исследования белорусской интернет-аудитории GemiusAudience в октябре 2018 года только 13% пользователей не смотрели телевизор вообще [4]. Нельзя также говорить о том, что молодые аудитории не потребляют телевизионный контент вообще, скорее изменяется характер этого потребления: значительная часть молодой аудитории «досматривает» контент в интернете в прямом эфире или при помощи сервисов отложенного просмотра [3].

Если речь идет о технических и коммуникационных возможностях интернет-маркетинга, то здесь следует отметить, что интернет стал своеобразной коммуникационной средой для рекламодателей, где возможно не только традиционное продвижение, но и непосредственные продажи различных продуктов, а также активное прямое взаимодействие с потребителями, получение обратной связи, что создает особую платформу для построения узнаваемости и позиционирования продукта, а также работы над повышением лояльности и, как следствие, ростом продаж. Одной из важных в данном контексте особенностей интернета, дающей ему преимущество перед телевидением в глазах рекламодателей – это его измеримость. Используется два основных подхода к измерению поведения интернет-аудитории: сайто-центричный и пользователе-центричный. При первом подходе речь идет о счетчиках, которые позволяют в первую очередь анализировать посещаемость сайтов, а также параметры перфоманс-маркетинга. Такая статистика полезна в работе с сайтом, однако не позволяет рекламодателям понять такие важные в медиапланировании характеристики как совокупный охват несколько сайтов, пересечение аудиторий сайтов и т.п.. Второй подход по своей сути – это панельные измерения интернет-аудитории, в которых данные пользователя собираются с его отдельного разрешения. Такие исследования позволяют оценить объем и состав интернет-аудитории. Пользователе-центричный подход приближен к методам изучения аудитории других СМИ, в том числе телевидения, однако организация подобного исследования в интернете удобнее и дешевле, поскольку регистрация посещения сайтов происходит автоматически, что исключает ошибки, которые мог бы допустить респондент в случае использования опросного метода. Из этой технической возможности собирать метаданные о пользователях сети следует еще одна привлекательная особенность – возможность настройки целевых показов рекламы, что невозможно для других каналов коммуникации.

Все эти факторы приводят к тому, что рекламодатели начинают пересматривать свои бюджеты в пользу столь привлекательного канала коммуникации. Кажется бы, здесь можно предположить неминуемую «смерть телевидения». Однако последние исследования соседних рынков (в частности российского), показывают, что телесмотрение не умирает, а скорее трансформируется, а вещатели ищут возможности для преодоления технологических слабостей телевидения. Мы уже говорили о том, что лишь небольшая часть пользователей отказалась от просмотра

телевидения. Но стоит отметить, что речь идет о просмотре «классического» телевидения – эфирного, кабельного или спутникового. Вместе с тем возрастает доля так называемых нелинейных просмотров. На современном этапе к традиционным альтернативам домашнего и внедомашнего линейного просмотра телевидения у потребителей добавилась возможность выбирать в различном сочетании время (вещание или по запросу) и предпочитаемое устройство просмотра, а традиционные способы доставки ТВ-сигнала дополнились технологиями IPTV, OTT и интернет-ТВ. Таким образом, значительная часть аудитории остается за пределами обычного пиплметрического измерения аудитории. И тут, как в первой половине прошлого века развитие панельных методов исследования во многом стимулировали издатели печатных СМИ для того, чтобы выжить в конкурентной борьбе за рекламные бюджеты с радиостанциями, а затем и с телеканалами, так и сейчас телевизионные вещатели как никогда становятся заинтересованными в измерении всей своей фрагментированной аудитории. Эта необходимость, а также потребность рекламодателей в оптимизации затрат на охват аудитории, привели к новому витку развития этой группы исследовательских методов. Самым простым решением могла бы стать оценка дополнительной аудитории каналов за счет нелинейного просмотра. Однако структура жанровых предпочтений аудитории изменяется в зависимости от вида «экрана». По данным российского измерителя Mediascope среди тех, кто смотрит телевизионный контент на мобильных устройствах, 41% предпочитает смотреть реалити-шоу и лишь незначительная часть смотрит новости, социально-политические программы и документалистику, в то время, как аудитория, которая традиционно смотрит телевизор, гораздо чаще смотрит новости и социально-политические программы и почти не смотрит (сравнительно) реалити-шоу [5]. Становится очевидным, что оценивать дополнительную аудиторию лишь теоретически некорректно, требуются отдельные замеры с последующей консолидацией всех данных. Так начали разрабатываться новые подходы.

Одним из возможных подходов к решению проблемы является переход на портативные пиплметры – (PPM). Технология PPM предполагает, что респондент носит с собой специальное устройство, которое фиксирует и распознает аудиосигналы теле- и радиостанций и фиксирует время, в которое респондент находился в пределах слышимости включенного телевизора или радиоприемника. Весь телевизионный контент участвующих в исследовании каналов тегруется определенным образом, благодаря чему устройство распознает, какой канал включен у респондента. Однако этот способ дорог в исполнении и на момент 2018 года использовался для телеметрии лишь в трех странах (Канада, Исландия и Казахстан). Еще в ряде стран этот метод используется для радиометрии. Другим способом является установка на стационарные компьютеры и мобильные устройства респондентов специальной программы, которая при помощи счетчиков будет вести учет просмотров телепрограмм в интернете. Этот способ видится более доступным в применении, однако сам по себе он не может решить задачу совокупного рейтинга потребления телевизионного контента на разных экранах. Для решения проблемы разрабатываются гибридные кросс-платформенные технологии. Этот подход предполагает, что детальная оценка телесмотра в каждом отдельном фрагмен-

те происходит по репрезентативным панелям каждого сегмента, а затем эти данные агрегируются и взвешиваются при помощи специальных процедур. Такой метод требует больших интеллектуальных и финансовых затрат, готовности специалистов рынка работать с подобными сложными данными, однако в нескольких странах он уже используется или находится на стадии апробации [5].

Таким образом, мы видим, что для выживания телевизионные каналы должны пройти этап цифровизации и адаптации к новым моделям поведения аудитории. А новые методы оценки телевизионной аудитории позволяют оценивать всю аудиторию телевизионного контента, таким образом вещатели не будут терять доход от нелинейного потребления своего контента.

Библиографические ссылки

1. Омельницкий Б. Куда движется мировой рынок интернет-рекламы (Россия, Западная Европа, США)? // Мат-лы Междунар. бизнес-конференции «Деловой Интернет – 2018», г. Минск 2-3 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://di.by/2018Minsk/11484>. Дата доступа: 10.11.2018.

2. Иванова К. Рынок интернет-рекламы Беларуси: мы последние, но первые! // Мат-лы Междунар. бизнес-конференции «Деловой Интернет – 2018», г. Минск 2-3 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://di.by/2018Minsk/11483>. Дата доступа: 10.11.2018.

3. Полуэхтова И. А. Телевидение глазами телезрителей... и не только. / Мат-лы XXII конгресса Национальной ассоциации телевещателей, 31 окт. – 1 ноября 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.congress-nat.ru/data/documents/02-Poluehtova.pdf>. Дата доступа: 10.06.2019.

4. Дорошевич М. Телесмотрение белорусской интернет-аудитории в октябре 2018. // Information Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inforpolicy.biz/?p=11259>. Дата доступа: 10.06.2019.

5. Суанова И. Телеизмерения в условиях трансформации медиапотребления. / И. Суанова. // Материалы Российского интернет-форума РИФ+КИБ 2019, 17-19 апр. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/914/17.04.2019_Mediascope_ИринаСуанова_РИФ+КИБ2019.pdf. Дата доступа: 10.06.2019.

УДК 659.1

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СТРОИТЕЛЬНОМ БИЗНЕСЕ

Фэн Шаохуань, О.В. Терещенко

Белорусский государственный университет

пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
oteresch@tut.by

Аннотация. Строительный бизнес, как и любой другой, нуждается в продвижении своих товаров и услуг. Однако в сравнении со многими другими отраслями экономики, строительный бизнес имеет более сложную структуру. Другими словами, он располагает значительно большим разнообразием продавцов, товаров и поку-

пателей, чем во многих других экономических отраслях. В данной работе особенности рекламной деятельности рассмотрены на примере иностранного унитарного строительного предприятия «Пекин Юни-БелКонстракшн групп» (ИУП «Пекин Юни-БелКонстракшн групп») в Беларуси. Для него сделаны рекомендации расширить рекламную кампанию за счет эффективных СМИ и особенно создание сайта для размещения рекламы, увеличения количества продаж и привлечения новых целевых аудиторий, повышения уровня информированности потенциальных потребителей.

Ключевые слова: *строительный бизнес; реклама строительных товаров; реклама строительных услуг; интернет-реклама; наружная реклама на строительной площадке.*

FEATURES OF ADVERTISING IN THE CONSTRUCTION BUSINESS

Feng Shaohuan, O. Tereschenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract: The construction business needs to promote its products and services. But it has a rather complex structure including a wide range of sellers, products and buyers. In this paper, the features of advertising activities are considered on the example of the “Beijing Uni-BelConstruction Group”, foreign unitary construction enterprise in Belarus. Recommendations were made to expand the advertising campaign through effective media and especially thought creating a new website for advertising, increasing sales, attracting new target audiences, and raising the level of awareness of potential consumers.

Keywords: *construction business; advertising of building products; advertising construction services; Internet advertising; outdoor advertising on the construction site.*

Передовые технологии системы маркетинга и логистики в строительной индустрии развиваются медленнее в сравнении с другими секторами экономики, что вызвано сложностью и многообразием коммерческих связей между заказчиками, генподрядчиками, субподрядчиками, логистическими провайдерами, проектировщиками, инвесторами строительных проектов. Управление потокопроцессами осложняется и огромным количеством ассортиментных позиций строительных материалов и комплектующего оборудования.

Строительные услуги в настоящее время пользуются большим спросом. Как известно, спрос рождает предложение, поэтому новые строительные компании регулярно появляются на рынке. Примером такой компании в строительной отрасли Беларуси является иностранное унитарное строительное предприятие «Пекин Юни-БелКонстракшн групп» (ИУП «Пекин Юни-БелКонстракшн групп»). Следует отметить, что, несмотря на кажущееся понятным название отрасли, строительные компании часто занимаются различными видами деятельности. Например, только ремонт и внутренняя отделка, или только строительство зданий с использованием опалубки. Поэтому для любого нового бизнеса важно как можно быстрее найти клиентов и закрепиться в строительной отрасли, в том числе с помощью различных инструментов рекламы и связей с общественностью для достижения цели любой организации, занимающейся коммерческой деятель-

ностью, – увеличение прибыли. Строительные компании по-разному подходят к рекламе. В малом бизнесе рекламой обычно управляет один из специалистов, занимающихся сбытом, который может сотрудничать также с рекламным агентством. Крупные компании создают собственные рекламные отделы.

В процессе разработки программы рекламной деятельности отдел маркетинга должен принять пять важных решений: установление цели и задач рекламной деятельности; разработка бюджета рекламной компании; формирование и исполнение идеи рекламного обращения; выбор вариантов обращения с потребителями; выбор средств распространения информации; оценка рекламной программы, ее эффективности [1]. Реклама в строительстве, главным образом, имеет не потребительский акцент, а деловой. Другими словами, она предназначена для людей, играющих определенные социальные роли – промышленников и бизнесменов. Чтобы понять специфику данного вида рекламной деятельности, рассмотрим три ее основные составляющие: продавец, товар и покупатель.

В строительном бизнесе выделяются следующие группы *товаров*: 1) *строительные материалы* (широкий ассортимент продукции, используемой для строительства и отделки домов, помещений и различных конструкций – от кирпича до клея. Данные товары предназначены как для крупных организаций, занимающихся строительством, так и для конкретных людей, которые строят дом или ремонтируют квартиру); 2) *сырье и оборудование* (материалы и оборудование для крупномасштабного строительства, то есть инструменты и средства производства. Из-за своей специфики этот вид продукции предназначен исключительно для строительных компаний); 3) *предметы интерьера* (товары, предназначенные для обустройства жилых и офисных помещений и др. Этот тип продукта предназначен не только для жителей квартир и работников офисов; на него также ориентируются магазины – салоны мебели и сантехники, и фирмы-посредники. Данный вид рекламы широко распространен в основных средствах массовой информации, поскольку является наиболее потребительским); 4) *недвижимость* (это предложение по продаже домов и сооружений, часто связанные со строительными услугами или инвестициями в недвижимость. Данный тип продукта также ориентирован на конечного пользователя, но, кроме того, обладает рядом свойств, которые отличают его рекламу от рекламы предметов интерьера. Прежде всего, существует проблема доверия к продавцу, а также сильная инерция рынка жилья и тесные связи с юридическими и финансовыми институтами); 5) *ремонтно-строительные услуги* (этот тип нематериального продукта по своим рекламным свойствам практически идентичен предмету интерьера. Однако он предназначен исключительно для конечного пользователя услугами и не предназначен для посредников); 6) «Ноу-хау» (это предложение продукта отличается тем, что связано с внедрением на рынок качественно новой технологии или вида продукта. Реклама этого типа специфична, прежде всего, потому, что она связана с проблемой продвижения нового на рынке и вытеснения старого (каким бы он ни был), и поэтому требует использования социально-психологических механизмов) [3].

Параллельно с продвижением товара, необходимо также сообщать о его производителе или о том, кто напрямую предлагает товар потребителю. Зачастую

при равных качествах товара покупатель выбирает продавца, который может заинтересовать его дополнительно.

Продавцы товаров делятся на следующие категории: 1. продавцы услуг (это крупные и мелкие строительные и ремонтные компании. Данные организации ориентированы, в первую очередь, на конечного пользователя, они должны рекламировать свой сервис и себя, т. е. использовать имиджевую рекламу); 2. магазины, салоны, дилеры (эта категория рекламодателей ориентирована на розничную торговлю. Именно поэтому они, в первую очередь, должны рекламировать марку товара (производителя), а во вторую, но тоже обязательную – себя, то есть магазин); 3. производители (как правило, эта категория рекламодателей ориентируется на посредников и строительные компании. Их реклама чаще всего размещается в специализированных СМИ и носит деловой и коммерческий характер, не предназначенный для потребителя [3]).

Изучение свойств и потребностей потенциального *потребителя* товара является важной частью маркетинговой стратегии в строительном бизнесе, т. к. следует адаптировать продукцию к потребностям потребителя, а не заставлять его покупать то, что производится. Для этого необходимо четко знать, какие группы потребителей ориентированы на конкретный продукт, и каковы его связанные с этим потребности. В *строительном бизнесе* существуют следующие категории потребителей: 1) *конечные пользователи*, которые потребляют продукт напрямую (они могут быть покупателями строительных материалов для ремонта своих квартир или строительства домов; мебели и сантехники для дома и офисной мебели; а также строительных и ремонтных услуг. С точки зрения восприятия рекламы, выделяются группы заинтересованных и обычных конечных потребителей. Заинтересованный потребитель специально ищет товары, которые ему нужны для строительства или ремонта, сравнивает варианты сортировки и цены. В эту группу также входят ремесленники из частного сектора и небольшие строительные и ремонтные компании с регулярными закупками. Обычный потребитель специально не ищет товар, он интересуется ситуацией, потому что может быть заинтересован в информации в будущем, или с точки зрения приобретения «предметов роскоши»); 2) *магазины стройматериалов, салоны интерьера, дилеры* (это люди, занимающиеся покупкой товаров от имени своих компаний, чтобы перепродать их и выставить на рынок. В таком случае покупатель не является конечным потребителем, а играет роль профессионального продавца. Эта группа похожа на заинтересованную группу потребителей из предыдущей категории, но более осведомлена в сфере поиска, и ориентирована на специализированные СМИ. В основном она заинтересована в маркетинговой информации, характеризующей возможный экономический эффект от того или иного товара); 3) *строительные компании* (они представлены своими сотрудниками, занимающимися закупкой оборудования и сырья для использования в последующем производстве товаров: стройматериалов, предметов интерьера, недвижимости и т. д. Эти покупатели, совершая регулярные закупки, сосредоточены в основном на технической информации, связанной с полезностью продукта для производственных целей [4]).

Самым эффективным способом рекламы для строительной компании явля-

ется наружная реклама самой компании на строительной площадке. Она давно уже является традиционной как для элитных объектов, так и для типовых. Преимущества этого вида наружной рекламы для строительной компании состоят в том, что, с одной стороны, строительство строительной площадки обходится дешевле, чем размещение ее в стандартной наружной рекламе, а с другой стороны, в этом случае, реклама и строящийся объект сосуществуют в целом и неразделимы.

Большую роль в рекламе в сфере строительного бизнеса играют интернет-технологии. Существуют разные поисковые системы, но основная задача компании остается прежней: быть в числе первых представленных результатов. Несколькими годами раньше это были самые посещаемые и популярные сайты известных компаний [2]. Основные меры по усилению и совершенствованию рекламной деятельности строительной компании на современном этапе должны быть: определение строительных материалов, наиболее нуждающихся в рекламе; создание унифицированных, высокохудожественных и современных рекламных решений и графики; разработка брендов для этих продуктов, создание фирменного стиля компании, его использование в рекламных продуктах; организация выпуска для товаров исходных рекламных материалов; использование маркетинговых подходов для планирования производства рекламной продукции, особенно для продуктов, требующих высокого качества и интенсивной рекламы; дифференциация производства рекламной продукции с учетом важности и специфики продукции, календаря производства, поставленных задач на высоком художественно-графическом и полиграфическом уровне; оптимальное использование и стимулирование творческого потенциала специалистов по рекламе, повышение их квалификации на основе передового опыта за рубежом и дома [4]. Таким образом, продвижение строительного бизнеса посредством рекламы и связей с общественностью является неотъемлемой частью его деловой активности. Чаще всего реклама в строительном секторе несет не потребительский акцент, а деловой. Помимо рекламы продукта, необходимо рекламировать его производителя или продавца, который напрямую предлагает продукт потребителю. В строительном секторе выделяются конечный пользователь и потребитель сегмента B2B: строительные компании, магазины строительных материалов. Строительные компании чаще всего используют такие виды рекламы как наружная реклама и интернет-реклама.

Для продвижения продукции ИУП «Пекин Юни-БелКонстракшн групп» в магистерской диссертации были предложены следующие мероприятия: 1) проведение рекламной кампании с использованием телеканала «Наш дом», радио «Европа Плюс», рекламных щитов, листовок в транспорте; размещение информационно-аналитических отчетов о работе компании в местных изданиях и на портале www.nu-44.by; публикация в газетах интервью с руководством компании, показ на телевидении видеосюжетов о компании, создание пятиминутного представительского фильма о компании; 2) создание сайта для ИУП «Пекин Юни-БелКонстракшн групп», решающего задачи размещения рекламы о предприятии в интернете; увеличения количества продаж и привлечения новых целевых аудиторий; повышению уровня информированности потенциальных потребителей. Это поможет предприятию привлечь новых заказчиков и расширить круг потенциа-

ных клиентов, а также делает его деятельность более прибыльной.

Библиографические ссылки

1. Игнатъев В.М. Классификация рекламы в современном маркетинге // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика: сбор. трудов конф. М., 2017. С. 114-119.
2. Коготкова И.З. Совершенствование маркетинговой деятельности в строительной организации // Вестн. универ-та. 2016. № 11. С. 75-78.
3. Кравченко Ю.Ю. Особенности маркетинга в строительстве // Инновационные подходы в решении проблем современного общества: сбор. трудов конф. М., 2018. С. 70-72.
4. Седова С.А. Особенности, функции и информационные технологии управления маркетингом в строительной индустрии // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2017. № 4. С. 21-26.

УДК 339.138

ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ

О. М. Шерстнева

УО «Витебский государственный технологический университет»
Московский пр-т, 70, 210035, Витебск, Республика Беларусь
olga_sherstneva@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные направления интернет-маркетинга в настоящее время. Комплексный интернет-маркетинг применяет все возможные каналы рекламы и продвижения ресурсов в интернете для увеличения посещаемости сайта и роста продаж. В качестве направлений выделяется шесть основных категорий: поисковый маркетинг, продвижение в социальных сетях, директ или прямой маркетинг, связи с общественностью, видео маркетинг и веб аналитика. Данные категории анализируются с позиций, представляющих интерес компании. В результате анализа сделан вывод о необходимости использования интернет-маркетинга как инструмента для развития бизнеса. Потенциал интернет-маркетинга огромен, и возможности, которые открываются перед компаниями при его использовании, впечатляют.

Ключевые слова: *интернет-маркетинг; потребитель; коммуникации; каналы продвижения.*

INTERNET MARKETING AS A NEW DIRECTION OF COMMUNICATION

O. M. Sherstneva

Vitebsk State Technological University

Moskovsky av., 70, 210035, Vitebsk, Republic of Belarus

Annotation. This article discusses the main directions of Internet marketing at the present time. Integrated Internet marketing uses all possible channels of advertising and

promotion of resources on the Internet to increase site traffic and sales growth. Six main categories are distinguished as directions: search marketing, promotion in social networks, direct or direct marketing, public relations, video marketing and web Analytics. These categories are analyzed from positions of interest to the company. The analysis concluded that the use of Internet marketing as a tool for business development is necessary. The potential of Internet marketing is huge, and the opportunities that companies face when using it are impressive.

Keywords: *Internet marketing; consumer; communications; promotion channels.*

Практически все современные коммерческие компании имеют представительство в Интернете в виде полноценного ресурса, блога, страницы. Однако просто создав сетевой ресурс, и даже заполнив его информационным контентом, вы не обеспечите автоматическое увеличение продаж и рост популярности компании (сайта). Необходима более целенаправленная работа с сайтом, что предполагает его раскрутку, SEO-продвижение и увеличение конверсии. Этим и занимаются специалисты по онлайн-маркетингу. Интернет-маркетинг – это совокупность приемов в Интернете, направленных на привлечение внимания к товару или услуге, популяризацию этого товара (сайта) в сети и его эффективного продвижения с целью продажи. Современные словари определяют онлайн-маркетинг как практику использования всех аспектов и элементов традиционного маркетинга в сетевом пространстве. Основная задача мероприятий такого рода – получить максимальный эффект от потенциальных пользователей сайта и увеличить их поток.

Комплексный интернет-маркетинг применяет все возможные каналы рекламы и продвижение ресурсов в интернете для увеличения посещаемости сайта и роста продаж. Интернет-маркетинг в принципе состоит из 6 категорий: поисковый маркетинг; продвижение в социальных сетях; директ или прямой маркетинг; PR (public relations – связи с общественностью); видео маркетинг; веб аналитика. Все виды интернет-маркетинга имеют собственные цели, методы и принципы работы но, в итоге, все равно конечная цель – поднять бизнес на новый уровень, повысить прибыль бизнеса. В настоящее время все чаще основными направлениями коммуникации с потребителем в интернете становятся [1]:

1. контент-маркетинг. Контент остается ключевым элементом онлайн-маркетинга: это база, от качественной проработки которой зависит успех других направлений: SEO, SMM, рассылки и др.; компании сами решают, какому формату контента отдать предпочтение – основательным блогам, коротким постам в соцсетях, видеороликам, инфографикам или же миксу всего указанного. Это один из самых недорогих видов онлайн-продвижения с высоким процентом привлечения. Среди последних тенденций контент-маркетинга: впечатляющий рост потребления видеоконтента, в том числе живых трансляций; популярность Stories в соцсетях, в частности в Instagram; увеличение числа пользователей смартфонов. Просмотр коротких видеороликов для большинства людей – идеальный вариант заполнить вынужденные паузы в дороге или очереди. Причем 92 % мобильных пользователей делятся понравившимися роликами с друзьями. А это уже повод изучить основы производства и продвижения видеоконтента, освоить программы редактирования и корректировка изображения.

2. SMM (менеджмент социальных сетей). Когда качественный контент готов, нужно подумать о его продвижении в тех социальных сетях, где «живет» целевая аудитория компании. Количество рекламодателей увеличивается, стоимость объявлений повышается, а, следовательно, растут расходы на платную рекламу и привлекать клиентов становится труднее. Поэтому важно знать основные алгоритмы и то, как они влияют на позиции компании. Важное значение в SMM имеют: преимущества пользователей - просматривают ли они видео или пролистывают; заинтересованность пользователей - смотрят весь ролик или только начало. На основании этих критериев проводится персонализированный подбор видеоконтента в ленте каждого пользователя. Однако наиболее интересным для бизнес-целей остается Facebook Messenger: в него 1,3 млрд активных пользователей, которые ежемесячно генерируют более 2 млрд сообщений. Крупные же компании уже нашли возможность привлечения аудитории с помощью чат-ботов.

3. SEO (поисковая оптимизация). Ежедневно поисковые системы обрабатывают более 6,5 млрд запросов – это впечатляющее число. В 93 % случаях люди заходят в интернет, чтобы найти нужную информацию, и в 79 % случаев используют «Google». SEO – это целая наука: только «Google» имеет более 200 различных алгоритмов и факторов ранжирования, и, что важнее, они постоянно меняются. Но необязательно быть SEO-маркетологом, чтобы понимать суть поисковой оптимизации и быть в курсе важных изменений. Представителям малого бизнеса стоит задуматься о возможностях, которые дает растущая популярность локального поиска. Как минимум – внести данные компании на Google Map и в базы других виртуальных карт.

4. Аналитика. Без отслеживания ключевых метрик невозможно понять, что нужно исправить и как это сделать. Облегчить работу поможет новая версия «Search Console», запущенная Google. Среди полезного функционала: доступ к данным бизнес-аккаунта за 16 месяцев – теперь можно пересмотреть позиции в выдаче за этот период и сравнить их с текущими данными; отчет об эффективности, показывающий поисковый трафик, его источники, запросы пользователей; отчет об индексировании, дающий понимание, какие веб-страницы сайта были проиндексированы и что делать с теми, которые выдали ошибку.

5. Понимание психологии клиентов. Люди находятся под неусыпным вниманием брендов, ежеминутно пытаются навязать свои товары или услуги в – на улице, в транспорте, в телевизоре или гаджетах. Большая часть такой рекламы не только не помогает клиенту удовлетворить его потребности, но еще раздражает. Отсюда баннерная слепота и блокировка рекламных сообщений: каждый 5-й пользователь делает это [2].

Ошибка многих маркетологов в том, что они хотят отделаться малой долей – создать хороший контент «для всех и обо всем» и постить его на всех доступных площадках. Но появление новых каналов коммуникации говорит о том, что людям для общения и самовыражения мало одной соцсети или мессенджера. Понимание, кто клиент и чего он ожидает (и чего не хочет видеть в своей ленте «Facebook», «Instagram» и так далее) – необходимое условие успешного интернет-маркетинга. Лояльность клиентов завоевывается не низкими ценам, а общением,

построенным на искренности и взаимопонимании. Следовательно, необходимость использования интернет-маркетинга как инструмента для развития бизнеса становится понятной всем. Точнее, почти всем, поскольку, как показывает статистика, компании, которые закрываются, есть всегда. И если игнорировать тренды и новые веяния рынка, шансы попасть в эту выборку существенно повышаются. Потенциал интернет-маркетинга огромен, и возможности, которые открываются перед компаниями при его использовании, впечатляют.

Библиографические ссылки

1. Калиновская И.Н., Шерстнева О.М. Интеграция искусственного интеллекта в маркетинг// Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сб. науч. стат. Витебск : ВГТУ, 2018. С.79-82
2. Шерстнева О. М. Инновационные методы маркетинга: Мат-лы докл. 50-й междунар. науч.-технич. конф. преп. и студ. Витебск : ВГТУ, 2017. С. 217-220.

УДК 366.636

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ «НОВЫХ» МЕДИА В БЕЛАРУСИ

А.В.Шичко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
anchor5252@bk.ru

Аннотация: Дается характеристика современного состояния и перспектив дальнейшего развития СМИ, с учетом развития цифровых технологий и Интернет в Беларуси. Описывается специфика новых медиа и форматов их работы в социальных сетях и мессенджерах.

Ключевые слова: *СМИ; средства массовой информации; новые медиа; мультимедийность; конвергенция; интерактивность; дигитализация; гипертекстуальность; традиционные СМИ.*

THE PROSPECTS FOR FURTHER DEVELOPMENT «NEW» MEDIA IN BELARUS

A. Shichko

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article describes the current state and prospects of further development of the media, taking into account the development of digital technologies and the Internet in Belarus. The specificity of new media and formats of their work in social networks and messengers is described.

Keywords: *media; mass media; new media; multimedia; convergence; interactivity; digitalization; hypertextuality; traditional media.*

За последние годы информационное пространство кардинальным образом

изменилось. Ведущую роль стала играть сеть Интернет, которая выступает основным каналом для получения новостей и пространством для общения. Интернет не уничтожает традиционные СМИ, но заставляет их меняться, внедрять новые форматы, технологии. Под воздействием новых информационных технологий происходят значительные изменения в области массовых коммуникаций. Эти изменения коренным образом влияют на трансформацию современных масс-медиа. Основными характеристиками, лежащими в основе модификации современной системы СМИ, являются интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность, дигитализация и конвергенция. основополагающими признаками «новых» медиа являются обладание ими всеми вышеуказанными характеристиками и их принадлежность к цифровому медиaproстранству. При переходе традиционных СМИ в формат «новых» медиа одним из важнейших этапов является дигитализация (перевод содержания СМИ во всех его формах – текстовой, графической, звуковой – в цифровой формат, понятный современным компьютерам) и конвергенция («слияние» технологий и форматов СМИ). Как следствие, средства массовой информации становятся мультимедийными (одновременно сочетают в своих материалах текст, видео и звук), многоканальными (информация распространяется, кроме традиционных форм, через веб-сайты, сообщества в социальных сетях, мессенджеры, рассылки по электронной почте и др.), интерактивными (развивается "обратная" связь, горизонтальные связи, потребители новостей сами становятся их создателями и распространителями). При этом появляется такая возможность, как гипертекстуальность (система связи между отдельными документами с помощью встроенных в текст гиперссылок).

То есть «новые» медиа, которые приходят на смену традиционным СМИ – это мультимедийные, многоканальные, интерактивные интернет-ресурсы. И чем раньше отечественные масс-медиа смогут осуществить этот переход, тем эффективнее они встроятся в новую систему информационных отношений.

Беларусь обладает значительным информационным потенциалом, позволяющим эффективно задействовать возможности масс-медиа. Ежегодно увеличивается количество зарегистрированных СМИ. Появляются новые, в первую очередь, специализированные профессиональные издания. С декабря 2018 года в стране впервые официально регистрируются сетевые СМИ. На 1 июня 2019 г. в нашей стране зарегистрировано 1919 СМИ, из которых 644 государственных и 1275 негосударственных: 1622 печатных СМИ, из них 440 государственных и 1182 негосударственных; 9 информационных агентств (2 государственных и 7 негосударственных); 275 телерадиовещательных СМИ, из них 192 государственных и 83 негосударственных; 13 сетевых СМИ, из них 10 государственных и 3 негосударственных.

Традиционными СМИ проводится постоянная работа по усилению своего присутствия в сети Интернет. Так, *Согласно рейтингу Akavita.by*, количество посетителей интернет-портала БелТА составляет более 4 млн. просмотров в неделю, «СБ.Беларусь сегодня» – более 1,8 млн., «СТВ» – более 650 тысяч. Сайты ведущих республиканских государственных печатных СМИ и телерадиокомпаний Беларуси сегодня представляют собой полноценные мультимедийные Интернет-

порталы. Создаются мобильные приложения. Однако существенную конкуренцию отечественным традиционным медиа составляют социальные сети, которые являются оперативным источником получения информации и популярным среди белорусских граждан инструментом для общения онлайн. Важно сказать, что все больше интернет-пользователей получает новости через социальные сети – этими сервисами пользуются в мире более 2,7 млрд. человек. Это удобно, так как позволяет не просто узнать новости, но и сразу же обсудить их с друзьями, высказать свое отношение к ним. Поэтому для СМИ соцсети выступают также важнейшим каналом обратной связи с аудиторией: на смену письмам в редакцию и горячим линиям приходит онлайн-общение.

В этой связи белорусские СМИ учитывают изменения на информационном поле и активно продвигают свою продукцию в популярных социальных сетях Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, видеохостинге YouTube и других. Однако при этом проявляется основной недостаток традиционной журналистики – несоответствие форматов, медиаконтекстов, уровня интерактивности «новым» медиа.

Сравнением традиционные и «новые» медиа. Традиционная журналистика: 1) медиаконтекст производится для одной медиаплатформы, новости распространяются по ТВ, радио или в печати, журналисты получают навыки, исходя из приемов работы на ТВ, радио или в газетах/журналах; 2) постоянные устойчивые прибыльные модели; 3) имеет монополию на распространение новостей для массовой аудитории; 4) приоритетный доступ к новостным источникам; 5) журналисты как наемные служащие, ориентирующиеся на необходимых спикеров. «Новая» журналистика: 1) журналисты постоянно совершенствуют и применяют разнообразные медианавыки на основе конвергенции в организациях, которые используют смешанные медиаплатформы; 2) медиа вынуждены постоянно экспериментировать с традиционными экономическими фондами, переводя их в онлайн; 3) происходит соревнование блогеров, городских журналистов и других источников и онлайн-платформ; 4) постоянное обновление публичной обратной связи через страницы комментариев, социальные сети и другие медиа; 5) журналисты как самостоятельные единицы со своим интересами и определенной аудиторией.

Исходя из усиливающейся конкуренции на информационном рынке страны, традиционным СМИ, кроме профессионального владения всеми формами и методами работы "новых" медиа, необходимо проводить непрерывную работу по повышению профессионального уровня СМИ, наращиванию конкурентоспособного национального контента, распространению продукции СМИ по максимально возможному количеству каналов информации.

Библиографические ссылки

1. Базарова А.А. Гипертекстуальность как базовая характеристика интернет-СМИ // Актуальные вопросы филологических наук: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 151-152.

2. Сведения о средствах массовой информации на 1 июня 2019 года. Режим доступа: <http://mininform.gov.by/activities/statisticheskii/> Дата доступа 1.07.2019

3. Стинс О., ван Фухт Д. Новые медиа // Вестн. Волгоградского госуд. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. Вып.7. С. 98-106.

4. Чернавский А.С. «Новые медиа» и развитие журналистики цифровой эры // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. № 5. С. 18-24.

УДК 075.81

СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК ЭКОНОМИКИ, БИЗНЕСА, ПОЛИТИКИ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
yaskevich.ys@gmail.com

Аннотация. Выявляется методологическая роль и предназначение сетевой коммуникации в осмыслении коммуникативных практик сетевой экономики, бизнеса, политики. Показывается, что современные модели принятия решений все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль и диалог власти и представителей гражданского общества, их кооперативного сотрудничества

Ключевые слова: виртуализация культуры, экономики, политики; информационное общество; статус; роль сетевых структур в развитии экономики, бизнеса, управления на уровне государственного и регионального управления; динамика социокультурной и национальной самореализации.

NETWORK COMMUNICATION IN UNDERSTANDING MODERN PRACTICES OF ECONOMY, BUSINESS, POLICIES

Ya.S. Yaskevich

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. It reveals the methodological role and purpose of network communication in understanding the communicative practices of a network economy, business, and politics. It is shown that modern decision-making models should increasingly correlate with value-oriented management models — management of human capital development based on values, changes in the culture of organizations and companies, individualization of the governance structure with a focus on the role and dialogue of the government and representatives of civil society, their cooperative cooperation

Keywords: culture virtualization, economics, politics; information society, status; the role of network structures in the development of the economy, business, management at the level of state and regional management; dynamics of socio-cultural and national self-

realization.

Неразрывная связь принятия управленческих решений со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений обуславливает необходимость разработки эффективных механизмов принятия рациональных решений и управления этим процессом на уровнях мегариска (международного или глобального), макрориска (внутреннего, странового) и уровне микрориска (отдельных субъектов – политиков, экономистов, предпринимателей, фирм и т. п.) с учетом междисциплинарных и сетевых подходов и стратегий.

Управленческое решение содержит в себе в снятом виде формально зафиксированный проект какого-либо изменения в организации. Такое решение свидетельствует о факторе власти в организации, принимается по отношению к «другим» и «за других», в осуществлении управленческого решения принимают участие как субъект решения, так и другие члены организации, свидетельствуя об отношении руководства-подчинения. Управленческое решение предполагает наличие в нем плана, цели и средств по её достижению. Структура принятия управленческого решения включает в себя субъекта принятия решения, средства, цели и результат деятельности [1]. По мере возрастания статуса субъекта, принимающего решения, степень свободы его действий в отборе вариантов действий и социальной ответственности становится выше. В принятии решений выделяют несколько фаз: накопление исходных данных о проблемной ситуации в обществе; анализ исходных и всех дополнительных данных; принятие решения; реализация решения.

Политико-управленческое решение направлено на разрешение конфликтных политических ситуаций, является способом реализации интересов участников политических событий, это разработка нескольких вариантов действия для устранения возникшей политической проблемы, сопровождающаяся выбором оптимального из них и нацеленная на реализацию решения с максимальной степенью эффективности и продуктивности [2]. *Концептуализация принятия решений* основывается на знании ситуации и особенностей субъектов принятия решений; выработке механизмов принятия решения с обоснованием конкретных приемов, методов, техник и иных организационных процедур; предвидении возможных последствий в результате реализации принимаемого решения. *Рационализм* в принятии решений исходит из необходимости глубинного изучения проблемы и ориентации на достижение наилучшего способа её полного разрешения при наименьших затратах: «минимальные затраты – максимальный эффект». Метод рационализма предполагает ранжирование всех ценностей и приоритетов, имеющих значение для достижения цели; выработку нескольких возможных альтернативных путей реализации; выбор оптимального варианта. Используемый при этом метод *рационален*, поскольку основывается на бесстрастном и максимально объективном, логически обоснованном способе оценки информации, *универсален*, ибо требует учитывать все возможные варианты и ценности. В реальной практике такой метод не всегда можно использовать в силу сверхтребований по отношению к нему и противодействия со стороны общества (например, при радикальном его реформировании). *Инкрементализм* как метод поэтапных, последовательных приращений

и улучшений проблемной ситуации не затрагивает ее системных фундаментальных причин. Субъекты, принимающие управленческие решения, при этом отбирают наиболее приемлемые, а не максимально эффективные варианты, прагматично планируя конкретные шаги для достижения цели, что упрощает процесс принятия решений. *Смешано-сканирующий метод* сочетает в себе рациональный подход к одним элементам проблемы и поступательно-поэтапный, последовательный, к другим, позволяя менее болезненно адаптироваться к динамично меняющимся ситуациям.

Принятие управленческих решений выступает ядром государственной политики и основой государственного управления. Содержательная оценка государственной политики базируется на изучении процесса разработки и реализации управленческих решений. *Управленческое решение* представляет собой социальный акт, связанный с результатом выбора определенного варианта политического действия, осуществляемого центром принятия решений для достижения поставленных целей с учетом базовых ценностей и интересов основных социальных групп и субъектов власти [3]. Повышение эффективности государственного управления, расширение сферы открытости и прозрачности государственной политики обеспечивают процесс трансформации государственной политики в общественную (публичную) политику.

В теоретико-методологических исследованиях отмечается, что термин «публичная политика» предполагает *сочетание демократического правления и эффективного государства*. Использование понятия «публичная политика» и «публично-государственная политика» более точно выражает общественное содержание государственно-управленческих процессов, взаимодействие государства и общества. Публично-государственная политика представляет собой целеориентированную и управляемую, комплексную и организованную совместную деятельность индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей и интегративной роли институтов государственной власти на основе использования коллективных ресурсов общества. На взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества при использовании понятия «государственной (или общественной) политики» обращает внимание В. В. Лобанов, рассматривая её как совокупность целей, задач, приоритетов, принципов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной и муниципальной власти с привлечением институтов гражданского общества [1]. Процесс принятия управленческих решений, сочетающий в себе диалог государства и общества, государственных структур и гражданских инициатив олицетворяет содержание современной общественной политики, обеспечивая гуманистический вектор её дальнейшего развития и реализацию целей прогрессивной динамики социума.

Принятие решений в сфере государственного управления детерминировано масштабом управленческого воздействия и уровнем своего осуществления. Междисциплинарно-синергетический ракурс интерпретации общественной политики позволяет рассматривать процесс принятия политико-управленческих решений как саморазвивающуюся систему, ориентирует исследование на раскрытие це-

лостности данной системы и обеспечивающих её механизмов, на выявление типов связей системы принятия решений и сведения их в единую теоретическую картину, где равнозначно представлена совместная управленческая деятельность институтов государства и институтов гражданского общества, система официального законодательства, демократических структур и инициатив [3].

В современной науке формируется *качественно новая синергетическая социально-политическая картина мира*, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума. В такой картине мира доминируют понятия *становления, коэволюции, кооперативности* компонентов мировой политической системы, *нелинейность* и *открытость вариантов* будущего развития, *нестабильность* и *хрупкость* современного мира. Синергетическое мировидение дает вместе с тем и теоретическую основу для исторического оптимизма, ибо предполагает, что ход человеческой истории не предопределён и во многом задан нравственным выбором людей, зависит от ответственности субъекта власти, его способности заглядывать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их воплощения в сценарий истории и становясь одновременно его режиссером, автором и исполнителем [4].

Синергетическая эпистемология задает новые принципы в развитии социально-гуманитарных наук и поведении человека в XXI веке, ибо важно понять, что «линейное мышление может быть опасным в нелинейной сложной реальности... Мы должны помнить, в политике и истории монокаузальность может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму... Подход к изучению сложных систем порождает новые следствия в эпистемологии и этике. Он дает шанс предотвратить хаос в сложном нелинейном мире и использовать креативные возможности синергетических эффектов» [5, с. 27].

Современные модели принятия решений всё в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качеств, установок на *сотрудничество, понимание, согласие* и *высокий профессионализм*. Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (МБИ) к управлению по целям (МВО) и, наконец, к управлению на основе ценностей (MBV) [5]. В условиях радикально меняющегося рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента. Ряд авторов отмечает существование большого временного разрыва между появлением инновационных идей и их реализацией, принятием предложений инновации соответствующими

лицами, отвечающими за их воплощение в реальную жизнь. Необходимы так называемые «инновации в сотрудничестве» (collaborative innovation) как основанный на сотрудничестве подход к инновациям и решению проблем в социуме с учётом готовности работать, развивать и реализовывать идеи «в упряжке как внутри, так и вне конкретных организаций» с заинтересованным участием со стороны отдельных личностей, правительственных и неправительственных акторов в процессе подготовки и принятия решения на различных этапах цикла принятия решений [7; 9].

Современная философия управления как модель управления на основе ценностей, устойчивой системе убеждений о предпочтительных принципах поведения, требованиях организационной жизни и нравственных регулятивов позволяет эффективно, творчески и ответственно решать сложные вопросы, уметь приспосабливаться к неопределённости, работать на взаимном доверии и преданности делу компании. Вопрос заключается в том, «как сохранить человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую, а резкое ухудшение условий жизни создает сильнейший соблазн избавиться от моральных норм, сохраняющихся "по инерции"» [7, с. 17].

Модель управления на основе ценностей является своего рода вызовом современной экономике, предъявляя системе управления человеческим капиталом необходимость её переориентации на субъект-субъектные отношения в лице персонала компании, организационное развитие управления и принятия решений на основе изменения культуры компании, культуры контроля и культуры развития. Необходимы нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей, индивидуализации в структуре управления через акцентацию роли лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество, образующие социальный капитал, его эмоциональное воздействие. Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными. Эффективное управление персоналом становится ключевым показателем развития [9]. Такие принципы управления персоналом, как разумное использование ресурсов компании, эффективные коммуникационные планы, гибкая корпоративная культура, основанная на сотрудничестве, чёткая политика вознаграждений и отчётности, оказывают наибольшее влияние на акционерную стоимость, повышают корпоративную производительность, эффективность сотрудников компании и доход акционеров. Как показывают исследования международной компании WatsonWyatt Consulting, индекс человеческого капитала (HCI), используемый для оценки различных методов и принципов управления персоналом и принятия решений, подтверждает взаимосвязь между эффективностью сотрудников компании и высоким доходом акционеров [9].

Эффективные методы и принципы управления и развития персоналом, конкурентная стратегия по повышению качества работы, гибкость и инновационность в PR-политике, приносят большую рентабельность инвестиций, чем новые технологии и разработки (НИОКР). Такие приоритетные корпоративные ценности в де-

тельности сотрудников, как креативный подход при решении сложных вопросов, умение находить быстрые решения в условиях неопределенности, самостоятельность и ответственность, самоконтроль, преданность компании, взаимное доверие обеспечивают эффективное функционирование организации, её рост, конкурентоспособность, личностное развитие сотрудников, их мотивированность на успех, продвижение и благополучие, ибо «основа успеха – сотрудники».

В последнее время намечается тенденция привлечения к процессу принятия решений представителей гражданского общества, которые затем участвуют и в их реализации, тем самым расширяя пространство субъектов процесса принятия управленческих решений, преодолевая одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением. Только при участии широких слоев общества – учёных, политиков, экспертов, гражданских активистов возможна успешная модернизация общества и его управленческой культуры. Здесь важна и сетевая коммуникация власти и гражданского общества.

Преимущество сетевого подхода к организации функционирования общества выражается, прежде всего, в том, что государственное (общественное / публичное) управление в данной теории понимается как система кооперации государственных, общественных, частных и смешанных структур для обеспечения удовлетворения общественных интересов и решения общественных проблем. В рамках таких сетевых структур эффективность принимаемых решений обеспечивается возрастающей ролью экспертов-профессионалов не только как консультантов, но и как ведущих акторов процесса выработки государственной политики. В свою очередь согласованность такой политики основывается на доверии вовлечённых в данный процесс сторон.

При таком походе политические сети рассматриваются как *стратегические альянсы государственных и негосударственных субъектов (акторов)*, способные повысить эффективность государственного управления на фоне «провалов» традиционно иерархических и даже рыночных форм его организации, ибо это кооперативный интерес. Это отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый преследует только свои интересы. Дело в том, что политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности в сфере публичных потребностей и интересов. Во-первых, политические сети представляют собой такую *структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений*, которые имеют *некоторый общий интерес*. Во-вторых, политическая сеть складывается для *выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у её акторов ресурсами*. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но, независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети, последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость. В-третьих, важной характеристикой политической сети выступает общий интерес, а преследование каждым участником прежде всего своих собственных интересов. В-четвертых, с точки

зрения выработки политических решений участники сети *не выстраиваются в некоторую иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки зрения ее властной позиции*. Все участники сети *равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу*. Здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. В-пятых, сеть представляет из себя *договорную структуру*, состоящую из набора договоренностей, возникающих на *основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации*. В политических сетях действует особая *культура консенсуса*.

В целом политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, экономики, бизнеса, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому или экономическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы. Примером такого корпоративного сотрудничества государственных структур, представителей гражданского общества и общественной организации (в лице союза предпринимателей Республики Беларусь) может служить широко развернувшаяся в Беларуси дискуссия о развитии предпринимательской деятельности, возможностей государственной поддержки субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности в целях структурной перестройки экономики. В результате были приняты важные государственные документы, способствующие решению острых проблем в этой сфере и снятию социального напряжения по этим проблемам. 1. создать Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь. Установить, что данный Совет функционирует при Президенте Республики Беларусь;

Положением о Совете по развитию предпринимательства в Республике Беларусь предполагалось, что «Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь создан для выработки рекомендаций по развитию и комплексной государственной поддержке субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности в целях структурной перестройки экономики, формирования конкурентных отношений и координации деятельности общественных объединений предпринимателей. Совет в своей деятельности руководствуется Конституцией Республики Беларусь, решениями Президента Республики Беларусь, законами Республики Беларусь, иными актами законодательства, настоящим Положением и утвержденным им регламентом. Совет является консультативным органом, осуществляет свою деятельность на общественных началах, его решения носят рекомендательный характер. Персональный состав Совета утверждается Президентом. Был подготовлен план мероприятий правительства, который содержит четкие указания, как именно будут работать все механизмы ключевого документа по либерализации бизнеса. В его подготовке были задействованы все заинтересованные государственные органы, а также бизнес-ассоциации.

Важно отметить, что в подготовку данного декрета бизнес-сообщество было вовлечено достаточно широко. Во-первых, оно имело возможность напрямую представить свои предложения в сетевом пространстве, как только была создана рабочая группа, в которую вошли представители бизнеса и предпринимательских

объединений. Во-вторых, после подготовки первого варианта документа бизнес-сообществом были предложены дополнительные меры, которые рассматривались на уровне Национального центра законодательства и правовых исследований. Буквально каждый пункт обсуждался, был поиск компромиссов, некоторые пункты дополнялись или исключались, но диалог был действительно конструктивным, на что неоднократно указывали представители бизнес-сообщества в СМИ.

Сегодня особо выделяется необходимость стимулирования предпринимательской инициативы в малых городах и на селе. Для этого в нашей стране уже предприняты дополнительные меры, предусматривающие льготное налогообложение по упрощенной системе, порядок продажи неиспользуемых и неэффективно используемых объектов государственной собственности на аукционах с начальной ценой, равной одной базовой величине, а также механизм передачи таких объектов в безвозмездное пользование под конкретные инвестиционные проекты. Для развития малых городов уже заложена хорошая база, сегодня главное – снять все ненужные бюрократические процедуры и мобилизовать усилия. Принята и реализуется Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2020 годы. Ее главная цель – обеспечить рост благосостояния населения на основе рационального распределения производительных сил, повышения уровня развития, эффективности и конкурентоспособности экономики регионов. Сельские органы власти должны активно действовать предпринимателям, начавшим заниматься сельскохозяйственным бизнесом. Именно они должны быть заинтересованы в стимулировании малого предпринимательства, выступать организаторами практического его внедрения на местах. Вместе с тем анализ мероприятий, проводимых в последние годы государством в направлении поддержки и развития малого сельского предпринимательства, выявил ряд недостатков в реализации поставленных целей. Сегодня по-прежнему существуют определённые препятствия для эффективной и качественной реализации социально-экономического потенциала малого и среднего предпринимательства. В условиях острой нехватки финансовых ресурсов, для развития сельского бизнеса требуется детальная проработка инструментария финансово-кредитной поддержки малого и среднего сельского предпринимательства, с целью его адаптации к современным условиям. В сельской местности органы власти зачастую не имеют возможности для решения всех достаточно важных вопросов социально-экономического развития территорий. Связано это с огромной загруженностью текущими вопросами, негибкой структурой управления и не всегда достаточной профессиональной подготовкой руководящих кадров. В сельском хозяйстве страны существует много проблем, которые оказывают большое влияние на совершенствование предпринимательства. К ним можно отнести затруднение накопления первоначального капитала, недостаточную развитость каналов сбыта, нехватку оборудования и оборотных средств. Вместе с тем отмечается, что многие жители села не хотят заниматься сельским предпринимательством. Это объясняется сложностями со сбытом продукции; отсутствием инфраструктурных объектов, предприятий транспортировки и переработки, что снижает стимулы к овощеводству и зерноводству. Низкое качество продукции не способствует высокой ре-

ализации и, как следствие, предприниматели имеют небольшой доход. Малому сельскохозяйственному бизнесу сегодня практически нереально самостоятельно выйти в розничную сеть. Меры по развитию ярмарочной торговли и открытого доступа личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств на большие рынки явно недостаточны. Малому бизнесу по определению сложно заниматься производством и реализацией. Поэтому процветает ниша посредников-перекупщиков, обеспечивающих оптовую поставку продукции и гарантированный закуп у производителя. Следует отметить, что существуют и местные факторы, объединенные с национальными традициями сельских жителей и природными климатическими условиями. Сельская молодёжь отдаёт предпочтение торговому и финансовому бизнесу и по возможности стремится уехать работать в город.

Вместе с тем анализ показывает, что сельское предпринимательство позволяет решить многочисленные проблемы сельских территорий. В последние годы отмечается рост финансирования мероприятий, направленных на развитие сельских территорий в рамках различных республиканских и региональных целевых программ. Несмотря на имеющиеся в селе проблемы, в связи с которыми люди не хотят заниматься сельским предпринимательством, сельские территории нужно поддерживать и развивать. Стимулирование сельского предпринимательства позволит выйти на высокий уровень развития не только сельских территорий, но и страны в целом. Движение к этой цели зависит от решения множества самых разных проблем, стоящих перед аграрным сектором экономики нашей страны. В складывающихся сегодня экономических условиях можно выделить следующие основные цели развития сельских территорий: развитие сельского и экологического туризма, поддержка лесного и сельского хозяйства, промышленности и местных самобытных ремесел; сохранение и защита природного и культурного наследия.

Особую роль в организации малого бизнеса и управлении им на селе и в малых городах могут сыграть и сетевые структуры. В современном обществе организационные основы взаимодействия людей претерпевают ряд существенных изменений. Изменяется и оценка роли и значения организационной коммуникации. В этом плане местной власти необходимо подумать о путях привлечения наиболее активной части населения к решению этой проблемы.

Выделяя основные характеристики современной сетевой коммуникации, следует отметить следующее: коммуникация характеризуется производством, накоплением и передачей знания; в коммуникации имеет место обработка знания посредством научения; и отправитель, и получатель информации активно вовлечены в коммуникационный процесс; качество коммуникации непостоянно, так же, как изменчивы её модели в современной сетевой коммуникации. Эти моменты важно учитывать при создании специалистами коммуникационных сетевых структур со стороны местной власти. Сети способны действовать в новой среде более эффективно, чем другие виды организации, и воспроизводятся и институционализируются как основная форма социальных отношений. Ведущими в экономике информационно-компьютерного общества становятся отрасли, ориентированные на информацию; главным результатом социальной деятельности объявля-

ется производство и использование знаний, а основным фактором развития – информация и творчество. В сетевом обществе эффективность и конкурентоспособность зависят от способности производить, обрабатывать и эффективно применять «информацию, основанную на знании. Практическая осуществимость идеи двойной ответственности связывается с расширением сотрудничества государства с другими субъектами процесса принятия политико-административных решений и повышением роли общественных институтов и заинтересованных граждан.

Сотрудничество местной власти и сельского населения и населения малых городов возможно лишь в условиях доступности информации. Свобода творчества, свобода информационных потоков, свобода включения индивидов в эти потоки являются важнейшими предпосылками «хорошего управления». Поэтому эффективность традиционных административных методов и контроля со стороны правительства существенно снижается. На место мобилизации приходят стимулирование и регулирование. В этих условиях меняются критерии управляемости, потенциал которой определяется отнюдь не силой государства, а его способностью создавать и поддерживать сетевые структуры, в рамках которых оно совместно с частными групповыми интересами вырабатывает и реализует эффективную, согласованную и целенаправленную систему управления экономикой внутри и вне государственных границ. Таким образом, меняются не только формы, но и природа государственного управления.

Библиографические ссылки

1. Симонов К.В. Политический анализ: учебн. пособие. М. : Логос, 2002. 152 с.
2. Решетников С.В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск : Академия при Президенте РБ, 2003. 152 с.
3. Лобанов В.В. Государственное управление и общественная политика. СПб : Питер, 2004. 448 с.
4. Современная политическая наука: нравственные регулятивы / Я. С. Яскевич [ред.]. Минск : Право и экономика, 2012. 199 с.
5. Яскевич Я.С. Политический риск и психология власти. Минск : Право и экономика, 2011. 189 с.
6. Майнцер К. Размышления о Сложности. Сложная динамика теории, разума и человечества. М. : Наука, 1994. 464 с.
7. Сунгуров А.Ю. Инновации в социуме и политике. Аналитический обзор // Философские науки. 2013. № 3. С. 5–20.
8. Решетников С.В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск : Академия при Президенте РБ, 2003. 152 с.
9. Oliver J. Invest In People and Profitability and Productivity / Management Today. 1998. №8. P. 90–91.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Гигин В.Ф.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	3
<i>Мамедов А.К.</i> СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ	11
<i>Романов О.А.</i> ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ	16
<i>Янчук В.А.</i> ОНТОЛОГО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТА «КУЛЬТУРНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРДЕТЕРМИНИЗМ»	23

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОСОФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Аляксандраў У.Л.</i> МІСТЫЧНЫ СІМВАЛ: ПАМІЖ ВОБРАЗАМ І ПАНЯЦЦЕМ	28
<i>Беляева Е.В.</i> РОЛЬ СИСТЕМ МОРАЛИ В ДИНАМИКЕ СИСТЕМ ПРАВСТВЕННОСТИ	34
<i>Воробьева С.В.</i> КОГНИТИВНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ЛОГИКИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	39
<i>Гусейнова Н.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	44
<i>Донских С.В.</i> ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПРИКЛАДНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	48
<i>Дудчик А.Ю.</i> ТРАНСФЕР И КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИДЕЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ В БЕЛАРУСИ 1970-1980-х ГГ.	53
<i>Жук Е.И.</i> ЯЗЫК КАК «ТЕЛЕСНЫЙ ЖЕСТ» И «ИНТЕКСТУАЦИЯ ТЕЛА» (М. МЕРЛО-ПОНТИ, М. ДЕ СЕРТО)	58
<i>Костенич В.А.</i> БЫТОФИЛОСОФИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ ОПТИКИ	63
<i>Кулак Н.И.</i> КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Г.В. ПЛЕХАНОВЫМ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ М.А. БАКУНИНА	67
<i>Легчилин А.А.</i> ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ Л.П.КАРСАВИНА	71
<i>Лецинская И.И., Якубовска В.</i> ОБРАЗ ПРОСВЕЩЕНИЯ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ	76
<i>Москалюк В.М.</i> ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОЗИДАНИЯ МИРА КУЛЬТУРЫ: КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ	81
<i>Наливайко И.М.</i> ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	85
<i>Низова О.В., Гелій К.В.</i> СИМБИОЗ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА	89
<i>Поваляев С.А.</i> ФИЛОСОФИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА	93
<i>Пухова Н.В.</i> НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г. ГЕГЕЛЯ И Ф. ШЕЛЛИНГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	98
<i>Ровбо М.В.</i> КАНТОВСКОЕ ПОНЯТИЕ «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ» В ФИЛОСОФИИ НЕОКАНТИАНСТВА	102
<i>Румянцев Т.Г.</i> И.КАНТ О МЕСТЕ И НАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА	107

<i>Сайганова В.С.</i> ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	111
<i>Такас М.</i> ПОЛЕМИКА ВОКРУГ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1950–1960 гг.)	114
<i>Фатенков А.Н.</i> О СУЩЕСТВЕ ФИЛОСОФИИ: НЕ СЛУЖАНКА И НЕ ГОСПОЖА...	119
<i>Шубаро О.В.</i> ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	124
СЕКЦИЯ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	
<i>Анохина В. В.</i> ПАРАДОКС СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ	129
<i>Асабина Т.Ю.</i> УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	139
<i>Барковская А.В.</i> ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СТАТУС ОНТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ «СМЕРТИ МЕТАФИЗИКИ»	144
<i>Барсук И.А.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИР-СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЫ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ	151
<i>Бобр А.М.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	154
<i>Буракевич И.Э.</i> КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ	159
<i>Верещако А.И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ОНТОЛОГИИ ТЕХНИКИ	163
<i>Вишневский М.И.</i> СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИЯ	168
<i>Гелясина Е.В.</i> ЧЕЛОВЕК ТРАНСЦЕНДИРУЮЩИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПЕДАГОГИКЕ	172
<i>Голубев И.С.</i> ДИАЛЕКТИКА «ПУБЛИЧНОГО» И «ПРИВАТНОГО» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ	177
<i>Грехов А.В.</i> НАУЧНЫЕ ПОНЯТИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ.....	181
<i>Деделко Ю. В.</i> ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «КАПИТАЛ»	186
<i>Доброродний Д. Г.</i> ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	189
<i>Екадумов А.И.</i> ДЕВАЛЬВАЦИЯ НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ГОСПОДСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	193
<i>Зеленков А.И.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: В ПОИСКАХ ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ.....	197
<i>Калмыков В.Н.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕГО СИСТЕМНОСТИ	205
<i>Кисель Н.К.</i> ПОСТАКАДЕМИЧЕСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ	210
<i>Колядко И.Н.</i> М. ХАЙДЕГГЕР О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ «ВЫЧИСЛЯЮЩЕГО МЫШЛЕНИЯ»	214

<i>Курбачёва О.В.</i> СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ	219
<i>Мазилев В.А.</i> ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	224
<i>Мясников А. Г.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АНТИВИРУСЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ	230
<i>В.Т. Новиков</i> ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ: ПРЕЗУМПЦИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ	233
<i>Новикова О. В.</i> РАСИСТСКИЙ ДИСКУРС И КАТЕГОРИЯ РАСЫ: К ВОПРОСУ О ПЕРВИЧНОСТИ	240
<i>Радевич Е.В.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ДИВЕРГЕНТНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ	244
<i>Сащко Р.С.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ	247
<i>Севостьянова Н.Г.</i> ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	251
<i>Семьянов С.С.</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	256
<i>Сидоренко И. Н.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ОПЫТА СУЩЕСТВОВАНИЯ.....	259
<i>Хомич Е.В.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ	264
<i>Янчук Е.И.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ В ДЕЙСТВИИ: ФИЛОСОФИЯ И ХИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА	270

СЕКЦИЯ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА ЗАВТРА

<i>Андрос И.А., Бурова С.Н.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	275
<i>Антонова Н.Л.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ	279
<i>Бурак Т.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	283
<i>Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В.</i> ПАТРИОТИЗМ СЕГОДНЯ. ОТ АФФЕКТОВ ДЕМОКРАТИИ К ЭФФЕКТАМ КОМПЕТЕНТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ	288
<i>Данилов А.Н.</i> ВРЕМЯ РАЗВИТИЯ И САМОУТВЕРЖДЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ПРОФИЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	294
<i>Звёздкин Н.М.</i> ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНО- ЛОКАЛЬНОЙ ДИХОТОМИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА	299
<i>Кобяк О.В.</i> МОТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	302
<i>Курилович Н.В.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ...	306
<i>Лапина С.В.</i> РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	311
<i>Лапуцкий В.С.</i> ВЕБ-СКРАПИНГ КАК СПОСОБ СБОРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИИ О БОЛОНСКОМ ПРОЦЕССЕ)	314

<i>Лебедева Е.В.</i> ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И БУДУЩИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ	318
<i>Петренко-Лысак А.А., Чепак В.В.</i> СОЦИОЛОГИЯ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПОИСКИ, СМЕЛЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ	322
<i>Пинчук И.В., Фаблинова О.Н.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И КОМПЕТЕНЦИИ	325
<i>Посталовский А.В.</i> ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	329
<i>Похомова А.А.</i> МОЛОДЕЖНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	334
<i>Сиверцев Ю.Г.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПОСТСОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	338
<i>Титаренко Л.Г.</i> НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ	342
<i>Шкурова Е.В.</i> ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦЕННОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНФЕССИЙ БЕЛАРУСИ	348

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

<i>Авин А.И.</i> КОМПОНЕНТЫ НЕАДЕКВАТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОБЛЕМЕ ПРИ ЗАВИСИМОСТЯХ	353
<i>Агеенкова Е.К.</i> ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОРСКОЙ МЕТОДИКИ «ПЕРСОНАЛЬНАЯ СКАЗКА» В ПРОЦЕССЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	357
<i>Васьковская С.В.</i> ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ	362
<i>Доморацкий В. А., Березовская Н. А.</i> ГИПНОАНЕСТЕЗИЯ	368
<i>Климушко Е.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ	373
<i>Кунцевская А.В.</i> МЕТОДОЛОГИЯ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ	378
<i>Лученкова Е. С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЖИДАНИЯ КЛИЕНТА И ОБЩЕСТВА	382
<i>Маричева А.В.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	386

СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

<i>Ачинович Т.И.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЮТА	389
<i>Васильева Л. П., Караваева А.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	394
<i>Дворецкая В. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТИЖА СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПОВЫШЕНИЯ	398
<i>Запасник Н.И.</i> ПОДДЕРЖКА РОДИТЕЛЕЙ УЧАЩИХСЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	403

<i>Красовская Н.Н</i> ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	407
<i>Лукаевич Я., Рачковски А.</i> УРОВЕНЬ САМООЦЕНКИ И СПОСОБНОСТЬ СПРАВЛЯТЬСЯ СО СТРЕССОМ У БЕЗРАБОТНЫХ.....	412
<i>Макарова М.Н.</i> ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ	416
<i>Милькаманович В.К.</i> САНАТОРИЙ НА ДОМУ КАК ИННОВАЦИОННАЯ СТАЦИОНАРЗАМЕЩАЮЩАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	422
<i>Рубанов А.В.</i> ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКА)	424
<i>Семакова Е.В., Аверкина И.Л.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К АКТИВНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	427
<i>Стволыгин К.В.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ	431
<i>Тратинко Т.В.</i> ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	435
<i>Хаз-Гомес Ф.Э.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ В ИСПАНИИ: СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ (2008-2017)	439
<i>Хворостьянова Н.И.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ВЫЖИВШИХ В ХОЛОКОСТЕ: РАБОТА С ПАМЯТЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯМИ	443

СЕКЦИЯ 6. ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: КОММУНИКАЦИЯ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

<i>Айвазян Е.Б., Кудрина Т.П.</i> ВЛИЯНИЕ СЛЕПОТЫ НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА	448
<i>Андреева И.Н.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ У СТУДЕНТОВ	453
<i>Базыльчик С.В.</i> ДЕТСКИЙ ТЕСТ ВЕКслера: УСТАРЕВШИЕ НОРМАТИВНЫЕ ДАННЫЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДА ПСИХОМЕТРИИ	458
<i>Богучарова Е. И.</i> О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УКРАИНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	463
<i>Валитова И. Е.</i> КОМПЛАЕНТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ: О МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛОВ И РОДИТЕЛЕЙ	467
<i>Васюцінскі В.А.</i> ПСИХАЭМАЦЫЙНЫЯ ДАМІНАНТЫ СВЯДОМАСЦІ ЖЫХАРОЎ АСОБНЫХ РАЁНАЎ ДАНЕЦКАЙ І ЛУГАНСКОЙ АБЛАСЦЕЙ	472
<i>Власова Е.И.</i> СОЦИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ	477
<i>Гришина Н.В., Залеская М.А.</i> СВЯЗЬ ОПЫТА ПРОИЗОШЕДШИХ ИЗМЕНЕНИЙ С ИЗМЕНЕНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ЛИЧНОСТИ В БУДУЩЕМ	481
<i>Давидович А.А.</i> НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА У ДЕТЕЙ	484
<i>Егорова О.О.</i> РАЗВИТИЕ «Я-КОНЦЕПЦИИ» ПОДРОСТКА В СФЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА	488

<i>Клышев Н.Ю., Мельник У.И.</i> ОТНОШЕНИЕ К ФИЛЬМАМ УЖАСОВ У ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ...	490
<i>Коваленко А.Б., Леонова И.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ	495
<i>Колмаков А.А.</i> ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ГЕНЕЗЕ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ	500
<i>Кравцова М.В.</i> СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛЮДЯМ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	505
<i>Красильников И. А.</i> К ПРОБЛЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНО-КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ К. ЯСПЕРСА	508
<i>Ксенда О.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ	512
<i>Лахвич Ю.Ф., Лаптенко Е.Р.</i> ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ В ПОВТОРНОБРАЧНОЙ СЕМЬЕ	517
<i>Marusynets M., Marchuk L.</i> SOCIAL PECULIARITIES OF ASSERTIVE BEHAVIOR DEVELOPMENT IN ADOLESCENCE	521
<i>Милютин Е.Л.</i> ВЛИЯНИЕ ДЕТСКОГО ОПЫТА НА УРОВЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ ВЗРОСЛЫХ	526
<i>Мойсейчук М. И.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА В СИТУАЦИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА	529
<i>Музыченко Д.С.</i> ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК АДАПТАЦИЯ К СИТУАЦИИ	533
<i>Музыченко А.В., Мелешикевич С.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ	538
<i>Одиноква Г.Ю., Разенкова Ю.А.</i> К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ НАРУШЕНИЙ ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА С СИНДРОМОМ ДАУНА	543
<i>Пащенко С.Ю.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ	547
<i>Подкладова Т.Д.</i> СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ	553
<i>Пузыревич Н.Л.</i> ПЕРЕЖИВАНИЕ ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ У ПОДРОСТКОВ С РИСКОВАННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	558
<i>Серкина А.В.</i> СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЕТЬМИ С ТЯЖЕЛЫМИ МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ И ГЛУБОКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	563
<i>Синица Т.И.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО	567
<i>Слепович Е.С., Поляков А.М.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИКИ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В БЕЛОРУССКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	572
<i>Смирнова Ю.С.</i> АТРИБУЦИИ В СТРУКТУРЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ СТУДЕНТОВ	577
<i>Солодухо А.С., Фофанова Г. А.</i> ИНТЕРДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИЧНОСТИ	582

<i>Трофимов А.Ю.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ.....	587
<i>Трухан Е.А., Морозова Н.Н., Будько Т.О.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ С МЕХАНИЗМАМИ ЗАЩИТЫ У ПАЦИЕНТОВ С ДЕПРЕССИЕЙ	590
<i>Фабрикант М.С.</i> НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	596
<i>Фролова Ю.Г., Рудинская Д.В.</i> ДИАГНОСТИКА НАРУШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДИКИ «РАССКАЗ ПО СЮЖЕТНОЙ КАРТИНЕ»	600
<i>Фурманов И.А.</i> ЖАДНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ.....	604
<i>Червяковская О.М., Езин В.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ, КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС РФ, ВЫШЕДШИХ В ОТСТАВКУ ПО ВЫСЛУГЕ ЛЕТ.....	609
<i>Чуйко Е.В., Голотенко А.А.</i> МОДЕЛЬ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ВНУТРЕННЕПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В УКРАИНЕ.....	613
<i>Шестиловская Н.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПОРТСМЕНОВ- ПАРАЛИМПИЙЦЕВ	618
<i>Ширко С.М., Александрович С.М.</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТАНОВОК К СЕКСУ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ЛЮБВИ	622
СЕКЦИЯ 7. КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ, ЭКОНОМИКЕ, ОБРАЗОВАНИИ	
<i>Абанина А. В.</i> СОТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБУЧЕНИИ: ТРАНЗАКТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	627
<i>Архипова Л.И.</i> МАРКЕТИНГ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ	630
<i>Ю.Л.Баньковская</i> РОЛЬ СЕТЕВОЙ КОМУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	634
<i>Барабанова Н.Р.</i> РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ МОБИЛЬНОГО И EMAIL-ЭТИКЕТА В УЧЕБНО-ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	638
<i>Бойко С.И.</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНЕНИЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ.....	641
<i>Бортнік І.А.</i> ПУБЛІЦЫСТЫКА Ў РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ПЕРЫЯД РОКАШУ 1606-1609 ГГ.: ДЫСКУРС-АНАЛІЗ	646
<i>Ватыль В.Н.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	651
<i>Гапанович-Кайдалов Н.В.</i> ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВРАЧЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	654
<i>Гафарова Ю.Ю.</i> ГЛОБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАНИЯ.....	659
<i>Голуб О.Ю., Покоев В.А.</i> ВНУТРЕННИЕ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРЕ PR – СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ	663
<i>Дзмітрыева В.Я., Голуб Я.В.</i> КАМУНІКАЦЫЯ КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА З МОЛАДДЗЮ	667

<i>Екадумова И.И., Шевеленко Д.В.</i> НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КРИТЕРИИ НОВИЗНЫ.....	674
<i>Елсукова Н.А., Ли Синь</i> ВЕБ-САЙТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ	677
<i>Ефимова Н.В., Чжан Яньцзю</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИНТЕРНЕТ-СМИ.....	681
<i>Калачева И.И.</i> БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК СТРАТЕГИЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАРОДА И ЕГО КУЛЬТУРЫ	684
<i>Каменская Т.Г.</i> ПЕРСПЕКТИВА СОЛИДАРНОСТИ ДЛЯ УКРАИНЫ	689
<i>Кириллова А.В., Тимоховцева И.Ю.</i> КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОДУКТА В СФЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА.....	694
<i>Крывалан А.Д.</i> АБМЕЖАВАННІ КОЛЬКАСНАЙ МЕТАДАЛОГІЯ ДЛЯ ДАСЛЕДАВАННЯ КУЛЬТУРНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ.....	698
<i>Купчинова Т.В.</i> РИСКОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ХИМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ	701
<i>Лозовский А.В.</i> ПОНЯТИЯ «РОЛИ» И «СТАТУСА» В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	704
<i>Максименя Н.Н.</i> КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА БЕЛАРУСИ.....	709
<i>Малкова Т.Н., Сингаевская И.В.</i> ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	713
<i>Мишук С.С.</i> ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ	717
<i>Онуфриева Л.А., Чайковская О.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ	720
<i>Рамилов С., Терещенко О.В.</i> РАЗВИТИЕ СМИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ	724
<i>Сарна А.Я.</i> «ЛЮБИМЫЕ МЕСТА ГОРОДА»: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ И ДИСПОЗИТИВ МЕДИА.....	728
<i>Сергеева О. В.</i> КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА ПЕТЕРБУРЖЦЕВ)	733
<i>Снежкова И.А., Шалыгина Н.В.</i> ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	740
<i>Терещенко М. С.</i> НОВАЯ ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	743
<i>Фэн Шаохуань, Терещенко О.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СТРОИТЕЛЬНОМ БИЗНЕСЕ	747
<i>Шерстнева О. М.</i> ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ	752
<i>Шичко А.В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ «НОВЫХ» МЕДИА В БЕЛАРУСИ	755
<i>Яскевич Я.С.</i> СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК ЭКОНОМИКИ, БИЗНЕСА, ПОЛИТИКИ	758

Научное издание

**ФИЛОСОФИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Материалы
международной научной конференции
к 30-летию факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета**

Минск, 26–27 сентября 2019 г.

На русском и английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Г. А. Фофанова*
Компьютерная верстка *Г. А. Фофановой*

Подписано в печать 12.09.2019. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 45,11. Уч.-изд. л. 57,14. Тираж 100 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.